БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

16

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ 16

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2010

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ

16

XVII век

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
Н. В. ПОНЫРКО

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 95-06-18703

ISBN 978-5-02-026398-7 (Т. 16)
ISBN 5-02-028307-X

«СМЕХОВОЙ МИР» ДРЕВНЕЙ РУСИ

Разумеется, сущность смешного остается во все века одинаковой, однако преобладание тех или иных черт в «смеховой культуре» позволяет различать в смехе национальные черты и черты эпохи. Древнерусский смех относится по своему типу к смеху средневековому.

Для средневекового смеха характерна его направленность на наиболее чувствительные стороны человеческого бытия. Этот смех чаще всего обращен против самой личности смеющегося и против всего того, что считается святым, благочестивым, почетным.

Направленность средневекового смеха, в частности и против самого смеющегося, отметил и достаточно хорошо показал М. М. Бахтин в своей книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». Он пишет: «Отметим важную особенность народно-праздничного смеха: этот смех направлен и на самих смеющихся».[1] Среди произведений русской демократической сатиры, в которых авторы пишут о себе или о своей среде, назовем «Азбуку о голом и небогатом человеке», «Послание дворительное недругу», «Службу кабаку», «Калязинскую челобитную», «Стих о жизни патриарших певчих» и др. Во всех этих произведениях совершается осмеивание себя или по крайней мере своей среды.

Авторы средневековых и, в частности, дневнерусских произведений чаще всего смешат читателей непосредственно собой. Они представляют себя неудачниками, нагими или плохо одетыми, бедными, голодными, оголяются целиком или заголяют сокровенные места своего тела. Снижение своего образа, саморазоблачение типичны для средневекового и, в частности, древнерусского смеха. Авторы притворяются дураками, «валяют дурака», делают нелепости и

---

[1] Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 15 (далее ссылки в тексте: Бахтин).

прикидываются непонимающими. На самом же деле они чувствуют себя умными, дураками же они только изображают себя, чтобы быть свободными в смехе. Это их «авторский образ», необходимый им для их «смеховой работы», которая состоит в том, чтобы «дурить» и «воздурять» все существующее. «В песнях поносных воздуряем тя», — так пишет автор «Службы кабаку», обращаясь к последнему.

Смех, направленный на самих себя, чувствуется и в шуточном послании конца 1680-х годов стрельцов Никиты Гладкого[1] и Алексея Стрижова к Сильвестру Медведеву.

Ввиду того что «нелитературный» смех этот крайне редко встречается в документальных источниках, привожу это письмо полностью; Гладкий и Стрижов шутливо обращаются к Сильвестру Медведеву:

«Пречестный отче Селивестре! Желая тебе спасения и здравия, Алешка Стрижов, Никитка Гладков премного челом бьют. Вчерашния нощи Федора Леонтьевича проводили в часу 4-м, а от него пошли в 5-м, да у Андрея сидели, и от Андрея пошли за два часа до света, и стояли утренюю у Екатерины мученицы, близь церкви, и разошлись в домишки за полчаса до света. И в домишках своих мы спали долго, а ели мало. Пожалуй, государь, накорми нас, чем Бог тебе по тому положит: меня, Алешку, хотя крупенею, а желаю и от рыбки; а меня, Никитку, рыбкою ж по черкаски. Христа ради накорми, а не отказывай! Писал Никитка Гладков, челом бью.

Желая против сего писания, Алешка Стрижов челом бьет».

Гладкий и Стрижов «валяют дурака»: требуют себе изысканных яств под видом обычной милостыни.

В древнерусском смехе есть одно загадочное обстоятельство: непонятно, каким образом в Древней Руси могли в таких широких масштабах терпеться пародии на молитвы, псалмы, службы, на монастырские порядки и т. п. Считать всю эту обильную литературу просто антирелигиозной и антицерковной мне кажется не очень правильным. Люди Древней Руси в массе своей были, как известно, в достаточной степени религиозными, а речь идет именно о массовом явлении. К тому же большинство этих пародий создавалось в среде мелких клириков.

Аналогичное положение было и на Западе в средние века. Приведу некоторые цитаты из книги М. Бахтина о Рабле. Вот они: «Не только школяры и мелкие клирики, но и высокопоставленные церковники и ученые богословы разрешали себе веселые рекреации, то есть отдых от благоговейной серьезности, и

[1] Никита Гладкий был приговорен вместе с Сильвестром Медведевым к смертной казни за хулы на патриарха. Так, он, идя мимо палат патриарха, грозил: «Как де я к патриарху войду в палату и закричю, — он де у меня от страху и места не найдет». В другом случае Гладкий бахвалился, что «доберется» «до пестрой ризы». Впоследствии Гладкий был помилован. Текст письма см.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. I. СПб., 1884. Стлб. 553—554.

„монашеские шутки" («Joca monacorum»), как называлось одно из популярнейших произведений средневековья. В своих кельях они создавали пародийные и полупародийные ученые трактаты и другие смеховые произведения на латинском языке ⟨...⟩. В дальнейшем развитии смеховой латинской литературы создаются пародийные дублеты буквально на все моменты церковного культа и вероучения. Это так называемая „parodia sacra", то есть „священная пародия", одно из своеобразнейших и до сих пор недостаточно понятых явлений средневековой литературы. До нас дошли довольно многочисленные пародийные литургии («Литургия пьяниц», «Литургия игроков» и др.), пародии на евангельские чтения, на церковные гимны, на псалмы, дошли травести различных евангельских изречений и т. п. Создавались также пародийные завещания («Завещание свиньи», «Завещание осла»), пародийные эпитафии, пародийные постановления соборов и др. Литература эта почти необозрима. И вся она была освящена традицией и в какой-то мере терпелась Церковью. Часть ее создавалась и бытовала под эгидой „пасхального смеха" или „рождественского смеха", часть же (пародийные литургии и молитвы) была непосредственно связана с „праздником дураков" и, возможно, исполнялась во время этого праздника... Не менее богатой и еще более разнообразной была смеховая литература средних веков на народных языках. И здесь мы найдем явления, аналогичные „parodia sacra": пародийные молитвы, пародийные проповеди (так называемые «sermons joieux», то есть «веселые проповеди» во Франции), рождественские песни, пародийные житийные легенды и др. Но преобладают здесь светские пародии и травести, дающие смеховой аспект феодального строя и феодальной героики. Таковы пародийные эпосы средневековья: животные, шутовские, плутовские и дурацкие; элементы пародийного героического эпоса у кантасториев, появление смеховых дублеров эпических героев (комический Роланд) и др. Создаются пародийные рыцарские романы («Мул без узды», «Окассен и Николет»). Развиваются различные жанры смеховой риторики: всевозможные „прения" карнавального типа, диспуты, диалоги, комические „хвалебные слова" (или «прославления») и др. Карнавальный смех звучит в фабльо и в своеобразной смеховой лирике вагантов (бродячих школяров)» (Бахтин, с. 17—19).

Аналогичную картину представляет и русская демократическая сатира XVII века: «Служба кабаку» и «Праздник кабацких ярыжек», «Калязинская челобитная», «Сказание о бражнике». В них мы можем найти пародии на церковные песнопения и на молитвы, даже на такую священнейшую, как «Отче наш». И нет никаких указаний на то, что эти произведения запрещались. Напротив, некоторые снабжались предисловиями к «благочестивому читателю».

Дело, по-моему, в том, что древнерусские пародии вообще не являются пародиями в современном смысле. Это пародии особые — средневековые.

«Краткая литературная энциклопедия» (Т. 5. М., 1968) дает следующее определение пародии: «Жанр литературно-художественной имитации, подража-

ние стилю отдельного произведения автора, литературного направления, жанра с целью его осмеяния» (С. 604). Между тем такого рода пародирования с целью осмеяния произведения, жанра или автора древнерусская литература, по-видимому, вообще не знает. Автор статьи о пародии в «Краткой литературной энциклопедии» пишет далее: «Литературная пародия „передразнивает" не самое действительность (реальные события, лица и т. п.), а ее изображение в литературных произведениях» (Там же). В древнерусских же сатирических произведениях осмеивается не что-то другое, а создается смеховая ситуация внутри самого произведения. Смех направлен не на других, а на себя и на ситуацию, создающуюся внутри самого произведения. Пародируется не индивидуальный авторский стиль или присущее данному автору мировоззрение, не содержание произведений, а только самые жанры деловой, церковной или литературной письменности: челобитные, послания, судопроизводственные документы, росписи о приданом, путники, лечебники, те или иные церковные службы, молитвы и т. д. и т. п. Пародируется сложившаяся, твердо установленная, упорядоченная форма, обладающая собственными, только ей присущими признаками, — знаковой системой.

В качестве этих знаков берется то, что в историческом источниковедении называется формуляром документа, то есть формулы, в которых пишется документ, особенно начальные и заключительные, и расположение материала — порядок следования.

Изучая эти древнерусские пародии, можно составить довольно точное представление о том, что считалось обязательным в том или ином документе, что являлось признаком, знаком, по которому мог быть распознан тот или иной деловой жанр.

Впрочем, эти формулы-знаки в древнерусских пародиях служили вовсе не для того только, чтобы «узнавать» жанр, они были нужны для придания произведению еще одного значения, отсутствовавшего в пародируемом объекте, — значения смехового. Поэтому признаки-знаки были обильны. Автор не ограничивал их число, а стремился к тому, чтобы исчерпать признаки жанра: чем больше, тем лучше, то есть «тем смешнее». Как признаки жанра они давались избыточно, как сигналы к смеху они должны были по возможности плотнее насыщать текст, чтобы смех не прерывался.

Древнерусские пародии относятся к тому времени, когда индивидуальный стиль, за очень редкими исключениями, не осознавался как таковой.[1] Стиль осознавался только в его связи с определенным жанром литературы или определенной формой деловой письменности: был стиль агиографический и летописный, стиль торжественной проповеди или стиль хронографический и т. д.

---

[1] См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 203—209.

Приступая к написанию того или иного произведения, автор обязан был примениться к стилю того жанра, которым он хотел воспользоваться. Стиль был в древнерусской литературе признаком жанра, но не автора.

В некоторых случаях пародия могла воспроизводить формулы того или иного произведения (но не автора этого произведения): например, молитвы «Отче наш», того или иного псалма. Но такого рода пародии были редки. Пародируемых конкретных произведений было мало, так как они должны были быть хорошо знакомы читателям, чтобы их можно было легко узнавать в пародии.

Признаки жанра — те или иные повторяющиеся формулы, фразеологические сочетания, в деловой письменности — формуляр. Признаки пародируемого произведения — это не стилистические «ходы», а определенные, запомнившиеся «индивидуальные» формулы.

В целом пародировался не общий характер стиля в нашем смысле слова, а лишь запоминавшиеся выражения. Пародируются слова, выражения, обороты, ритмический рисунок и мелодия. Происходит как бы искажение текста. Для того чтобы понять пародию, нужно хорошо знать или текст пародируемого произведения, или «формуляр» жанра.

Пародируемый текст искажается. Это как бы «фальшивое» воспроизведение пародируемого памятника — воспроизведение с ошибками, подобно фальшивому пению. Характерно, что пародии на церковное богослужение действительно пелись или произносились нараспев, как пелся и произносился и сам пародируемый текст, но пелись и произносились нарочито фальшиво. В «Службе кабаку» пародировалась не только служба, но и самое исполнение службы; высмеивался не только текст, но и тот, кто служил, поэтому исполнение такой «службы» чаще всего должно было быть коллективным: священник, дьякон, дьячок, хор и пр.

В «Азбуке о голом и небогатом человеке» тоже был пародируемый персонаж — учащийся. «Азбука» написана как бы от лица заучивающего азбуку, думающего о своих неудачах. Персонажи эти как бы не понимали настоящего текста и, искажая его, «проговаривались» о своих нуждах, заботах и бедах. Персонажи — не объекты, а субъекты пародии. Не они пародируют, а они сами не понимают текст, оглупляют его и сами строят из себя дураков, неспособных учеников, думающих только о своей нужде.

Пародируются по преимуществу организованные формы письменности, деловой и литературной, организованные формы слова. При этом все знаки и признаки организованности становятся бессмысленными. Возникает «бессистемность неблагополучия».

Смысл древнерусских пародий заключается в том, чтобы разрушить значение и упорядоченность знаков, обессмыслить их, дать им неожиданное и неупорядоченное значение, создать неупорядоченный мир, мир без системы, мир нелепый, дурацкий, — и сделать это по всем статьям и с наибольшей полно-

той. Полнота разрушения знаковой системы, упорядоченного знаками мира, и полнота построения мира неупорядоченного, мира «антикультуры», во всех отношениях нелепого, — одна из целей пародии.

Авторы древнерусских пародий находятся во власти определенной схемы построения своего антимира — определенной его модели.

Что же это за антимир?

Для древнерусских пародий характерна следующая схема построения вселенной. Вселенная делится на мир настоящий, организованный, мир культуры — и мир не настоящий, не организованный, отрицательный, мир «антикультуры». В первом мире господствует благополучие и упорядоченность знаковой системы, во втором — нищета, голод, пьянство и полная спутанность всех значений. Люди во втором — босы, наги, либо одеты в берестяные шлемы и лыковую обувь-лапти, рогоженные одежды, увенчаны соломенными венцами, не имеют общественного устойчивого положения и вообще какой-либо устойчивости, «мятутся меж двор», кабак заменяет им церковь, тюремный двор — монастырь, пьянство — аскетические подвиги, и т. д. Все знаки означают нечто противоположное тому, что они значат в «нормальном мире».

Это мир кромешный — мир недействительный. Он подчеркнуто выдуманный. Поэтому в начале и конце произведения даются нелепые, запутывающие адреса, нелепое календарное указание. В «Росписи о приданом» так исчисляются предлагаемые богатства: «Да 8 дворов бобыльских, в них полтора человека с четвертью, — 3 человека деловых людей, 4 человека в бегах да 2 человека в бедах, один в тюрьме, а другой в воде». «И всево приданова почитают от Яузы до Москвы-реки шесть верст, а от места до места один перст». Перед нами небылица, небывальщина, но небылица, жизнь в которой неблагополучна, а люди существуют «в бегах» и в «бедах».

Автор шутовской челобитной говорит о себе: «Ис поля вышел, из леса выполз, из болота выбрел, а неведомо кто». Образ адресата, то есть того лица, к которому обращается автор, также нарочито нереален: «Жалоба нам, господам, на такова же человека, каков ты сам. Ни ниже, ни выше, в твой же образ нос, на рожу сполз. Глаза нависли, во лбу звезда, борода у нево в три волоса широка и окладиста, кавтан ...ной, пуговицы тверския, в три молота збиты». Время также нереально: «Дело у нас в месице саврасе, в серую субботу, в соловой четверк, в желтой пяток...».[1] «Месяца китовраса в нелепный день...», — так начинается «Служба кабаку». Создается нагромождение чепухи: «...руки держал за пазухою, а ногами правил, а головою в седле сидел».[2]

«Небылицы» эти «перевертывают», но даже не те произведения и не те жанры, у которых берут их форму (челобитные, судные дела, росписи о прида-

[1] Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 113.

[2] Там же

ном, путники и пр.), а самый мир, действительность и создают некую «не́быль», чепуху, изнаночный мир, или, как теперь принято говорить, «антимир». В этом «антимире» нарочито подчеркивается его нереальность, непредставимость, нелогичность.

Антимир, небылицы, изнаночный мир, который создают так называемые древнерусские «пародии», может иногда «вывертывать» и самые произведения. В демократической сатире «Лечебник, како лечить иноземцев» перевертывается лечебник — создается своего рода «антилечебник». «Перевертыши» эти очень близки к современным «пародиям», но с одним существенным отличием. Современные пародии в той или иной степени «дискредитируют» пародируемые произведения: делают их и их авторов смешными. В Лечебнике же, «како лечить иноземцев» этой дискредитации лечебников нет. Это просто другой лечебник: перевернутый, опрокинутый, вывороченный наизнанку, смешной сам по себе, обращающий смех на себя. В нем даются рецепты нереальных лечебных средств — нарочитая чепуха.

В «Лечебнике, како лечить иноземцев» предлагается материализовать, взвешивать на аптекарских весах не поддающиеся взвешиванию и употреблению отвлеченные понятия и давать их в виде лекарств больному: вежливое журавлиное ступанье, сладкослышные песни, денны́е светлости, самый тонкий блошиный скок, ладо́нное плескание, филинов смех, сухой крещенский мороз и пр. В реальные снадобья превращен мир звуков: «Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вешняго конаго топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников, жесткого колоколнаго звону 13 золотников». Далее в «Лечебнике» значатся: густой медвежий рык, крупное кошачье ворчанье, курочий высокий голос и пр.

Характерны с этой точки зрения самые названия древнерусских пародийных произведений: песни «поносные», песни «нелепые», кафизмы «пустошные»; изображаемое торжество именуется «нелепым», и т. д. Смех в данном случае направлен не на другое произведение, как в пародиях Нового времени, а на то самое, которое читает или слушает воспринимающий его. Это типичный для средневековья «смех над самим собой» — в том числе и над тем произведением, которое в данный момент читается. Смех имманентен самому произведению. Читатель смеется не над другим каким-то автором, не над другим произведением, а над тем, что он читает, и над его автором. Автор «валяет дурака», обращает смех на себя, а не на других. Поэтому-то «пустошная кафизма» не есть издевательство над какой-то другой кафизмой, а представляет собой антикафизму, замкнутую в себе, над собой смеющуюся, небылицу, чепуху.

Перед нами изнанка мира. Мир перевернутый, реально невозможный, абсурдный, дурацкий.

«Перевернутость» может подчеркиваться тем, что действие переносится в мир рыб («Повесть о Ерше Ершовиче») или мир домашних птиц («Повесть о

куре») и пр. Перенос человеческих отношений в «Повести о Ерше» в мир рыб настолько сам по себе действен как прием разрушения реальности, что другой «чепухи» в «Повести о Ерше» уже относительно мало; она не нужна.

В этом изнаночном, перевернутом мире человек изымается из всех стабильных форм его окружения, переносится в подчеркнуто нереальную среду.

Все вещи в небылице получают не свое, а какое-то чужое, нелепое назначение: «На малой вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведерышки». Действующим лицам, читателям, слушателям предлагается делать то, что они заведомо делать не могут: «Глухие потешно слушайте, нагие веселитеся, ремением секитеся, дурость к вам приближается».

Дурость, глупость — важный компонент древнерусского смеха. Смешащий, как я уже сказал, «валяет дурака», обращает смех на себя, играет в дурака.

Что такое древнерусский дурак? Это часто человек очень умный, но делающий то, что не положено, нарушающий обычай, приличие, принятое поведение, обнажающий себя и мир от всех церемониальных форм, показывающий свою наготу и наготу мира, — разоблачитель и разоблачающийся одновременно, нарушитель знаковой системы, человек, ошибочно ею пользующийся. Вот почему в древнерусском смехе такую большую роль играет нагота и обнажение.

Изобретательность в изображении и констатации наготы в произведениях демократической литературы поразительна. Кабацкие «антимолитвы» воспевают наготу, нагота изображается как освобождение от забот, от грехов, от суеты мира сего. Это своеобразная святость, идеал равенства, «райское житие». Вот некоторые отрывки из «Службы кабаку»: «глас пустошный подобен вседневному обнажению»; «в три дня очистился до нага»; «перстни, человече, на руке мешают, ногавицы тяжеле носить, портки и ты их на пиво меняеш»; «и тои (кабак) избавит тя до нага от всего платья»; «се бо нам цвет приносится наготы»; «кто ли пропився до нага, не помянет тебе, кабаче»; «нагие, веселитеся»; «наг объявляешеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол: когда сором, ты закройся перстом»; «слава тебе, Господи, было, да сплыло, не о чем думати, лише спи, не стои, одно лишь оборону от клопов держи, а то жити весело, да ести нечего»; «стих: пианица яко теля наготою и убожеством процвете».

Особую роль в этом обнажении играет нагота гузна, подчеркнутая еще тем, что голое гузно вымазано в саже или в кале, метет собой полати и пр.; «голым гузном сажу с полатеи мести во веки»; «с ярыжными спознался и на полатях голым гузном в саже повалялся».

Функция смеха — обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества. Обнажение уравнивает всех людей. «Братия голянская» равна между собой.

При этом дурость — это та же нагота по своей функции. Дурость — это обнажение ума от всех условностей, от всех форм, привычек. Поэтому-то гово-

рят и видят правду дураки. Они честны, правдивы, смелы. Они веселы, как веселы люди, ничего не имеющие. Они не понимают никаких условностей. Они правдолюбцы, почти святые, но только тоже «наизнанку».

Древнерусский смех — это смех «раздевающий», обнажающий правду, смех голого, ничем не дорожащего. Дурак — прежде всего человек, видящий и говорящий «голую» правду.

В древнерусском смехе большую роль играло выворачивание наизнанку одежды (вывороченные мехом наружу овчины), надетые задом наперед шапки. Особенную роль в смеховых переодеваниях имели рогожа, мочала, солома, береста, лыко. Это были как бы «ложные материалы» — антиматериалы, излюбленные ряжеными и скоморохами. Все это знаменовало собой изнаночный мир, которым жил древнерусский смех.

Характерно, что при разоблачении еретиков публично демонстрировалось, что еретики принадлежат к антимиру, к кромешному (адскому) миру, что они «ненастоящие». Новгородский архиепископ Геннадий в 1490 году приказал посадить еретиков на лошадей лицом к хвосту в вывороченном платье, в берестяных шлемах с мочальными хвостами, в венцах из сена и соломы, с надписями: «Се есть сатанино воинство». Это было своего рода раздевание еретиков — причисление их к изнаночному, бесовскому миру. Геннадий в этом случае ничего не изобретал,[1] — он «разоблачал» еретиков вполне «древнерусским» способом.

Изнаночный мир не теряет связи с настоящим миром. Наизнанку выворачиваются настоящие вещи, понятия, идеи, молитвы, церемонии, жанровые формы и т. д. Однако вот что важно: вывертыванию подвергаются самые «лучшие» объекты — мир богатства, сытости, благочестия, знатности.

Нагота — это прежде всего неодетость; голод противостоит сытости; одинокость — это покинутость друзьями; безродность — это отсутствие родителей; бродяжничество — отсутствие оседлости, отсутствие своего дома, родных; кабак противостоит церкви, кабацкое веселие — церковной службе. Позади осмеиваемого мира все время маячит нечто положительное, отсутствие которого и есть тот мир, в котором живет некий молодец — герой произведения. Позади изнаночного мира всегда находится некий идеал, пусть даже самый пустяшный — в виде чувства сытости и довольства.

---

[1] Я. С. Лурье пишет по этому поводу: «Была ли эта церемония заимствована Геннадием от его западных учителей, или она явилась плодом его собственной мстительной изобретательности, во всяком случае новгородский инквизитор сделал все от него зависящее, чтобы не уступить „шпанскому королю"» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 130). Я думаю, что в «церемонии» казни еретиков не было ни заимствования, ни личной изобретательности, а была в значительной мере традиция древнерусского изнаночного мира (ср. вполне русские, а не испанские «материалы» одежд: овчина, мочала, береста).

Антимир Древней Руси противостоит поэтому не обычной реальности, а некоей идеальной реальности, лучшим проявлениям этой реальности. Антимир противостоит святости — поэтому он богохулен, он противостоит богатству — поэтому он беден, противостоит церемониальности и этикету — поэтому он бесстыден, противостоит одетому и приличному — поэтому он раздет, наг, бос, неприличен; антигерой этого мира противостоит родовитому — поэтому он безроден, противостоит степенному — поэтому скачет, прыгает, поет веселые, отнюдь не степенные песни.

В «Азбуке о голом и небогатом человеке» негативность положения голого и небогатого все время подчеркивается в тексте: у других есть, а у небогатого человека нет; другие имеют, но взаймы не дают; хочется есть, но нéчего; поехал бы в гости, да не на чем, не принимают и не приглашают; «есть у людей всево много, денег и платья, толко мне не дают», «живу я на Москве (то есть в богатом месте. — *Д. Л.*), поесть мне нечево и купить не на што, а даром не дают»; «люди, вижу, что богато живут, а нам, голым, ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што денги берегут». Негативность мира голого подчеркивается тем, что в прошлом голый имел все, в чем нуждается сейчас, мог выполнять те желания, которые сейчас не может: «отец мой оставил мне имение свое, я и то всио пропил и промотал»; «целой был дом мой, да не велел Бог мне жить за скудостию моею»; «ерзнул бы за волком с сабаками, да не на чем, а бежать не смогу»; «ел бы я мясо, да лих в зубах вязнет, а притом же и негде взять»; «честь мне, молодцу, при отце сродницы воздавали, а все меня из ума выводили, а ныне мне насмешно сродницы и друзи насмеялись». Наконец, негативность подчеркивается вполне «скоморошьим» приемом — богатым покроем совершенно бедных по материалу одежд: «Феризы были у меня хорошия — рагоженныя, а завяски были долгия мачальныя, и те лихия люди за долг стащили, а меня совсем обнажили». Голый, неродовитый и бедный человек «Азбуки» не просто голый и бедный, а когда-то богатый, когда-то одетый в хорошие одежды, когда-то имевший почтенных родителей, когда-то имевший друзей, невесту.

Он принадлежал раньше к благополучному сословию, был сыт и при деньгах, имел жизненную «стабильность». Всего этого он лишен сейчас, и важна именно эта лишенность всего; герой не просто не имеет, а лишен: лишен благообразия, лишен денег, лишен пищи, лишен одежды, лишен жены и невесты, лишен родных и друзей и т. д. Герой скитается, не имеет дома, не имеет где голову приклонить.

Поэтому бедность, нагота, голод — это не постоянные явления, а временные. Это отсутствие богатства, одежды, сытости. Это изнаночный мир.

«Сказание о роскошном житии и веселии» демонстрирует общую нищету человеческого существования в формах и в знаковой системе богатой жизни. Нищета иронически представлена как богатство. «И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубов и садов и рощей избраных, езерь сладковод-

ных, рек многорыбных, земель доброплодных». Описание пиршественного стола с яствами в «Сказании» поразительно по изощренности и обилию угощения. Там же и озеро вина, из которого всякий может пить, болото пива, пруд меда. Все это голодная фантазия, буйная фантазия нищего, нуждающегося в еде, питье, одежде, отдыхе. За всей этой картиной богатства и сытости стоит нищета, нагота, голод. «Разоблачается» эта картина несбыточного богатства описанием невероятного, запутанного пути к богатой стране — пути, который похож на лабиринт и оканчивается ничем: «А кого перевезут Дунай, тот домой не думай». В путь надо брать с собой все приборы для еды и оружие, чтобы «пообмахнутися» от мух — столько там сладкой пищи, на которую так падки мухи и голодные. А пошлины на том пути: «з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всего обозу по людям».

Аналогичное напоминание о том, что где-то хорошо, где-то пьют, едят и веселятся, видно и в шутливых приписках на псковских рукописях, собранных А. А. Покровским в его известной работе «Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие»:[1] «через тын пьют, а нас не зовут»; «Бог дай съдоровие к сему богатию, что кун, то все в калите, что пърт, то все на себе, удавися убожие, смотря на мене». Но подобно тому как дьявол, по древнерусским представлениям, все время сохраняет свое родство с ангелами и изображается с крыльями, так и в этом антимире постоянно напоминается идеал. При этом антимир противопоставлен не просто обычному миру, а идеальному миру, как дьявол противостоит не человеку, а Богу и ангелам.

Несмотря на сохраняющиеся связи с «настоящим миром», в этом изнаночном мире очень важна полнота вывертывания. Перевертывается не одна какая-либо вещь, а все человеческие отношения, все предметы реального мира. Поэтому, строя картину изнаночного, кромешного или опричного мира, авторы обычно заботятся о ее возможно большей цельности и обобщенности. Смысл «Азбуки о голом и небогатом человеке» в том и состоит, что все в мире плохо: от начала и до конца, от «аза» и до «ижицы». «Азбука о голом» — «энциклопедия» изнаночного мира.

В последовательности описания новых московских порядков как перевернутого наизнанку мира — смысл и известной ярославской летописной шутки о «ярославских чудотворцах»: «В лето 971 (1463). Во граде Ярославли, при князи Александре Феодоровиче Ярославском, у святаго Спаса в монастыри во общине авися чюдотворець, князь Феодор Ростиславичь Смоленский, а з детми, со князем Константином и з Давидом, и почало от их гроба прощати множество людеи безчислено: сии бо чюдотворци явишася не на добро всем кня-

[1] Покровский А. А. Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ // Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде 1911 года. Т. II. М., 1916. С. 215—494.

зем Ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичу, а князь велики против их отчины подавал им волости и села; а из старины печаловался о них князю великому старому Алексий Полуектовичь, дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ним была. А после того в том же граде Ярославли явися новыи чюдотворець, Иоанн Огофоновичь Сущеи, созиратаи Ярославьскои земли: у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя ю, а кто сам добр, боарин или сын боярьскои, ин его самого записал; а иных его чюдес множество не мощно исписати ни исчести, понеже бо во плоти суще цьяшос».[1]

Изнаночный мир всегда плох. Это мир зла. Исходя из этого, мы можем понять и слова Святослава Киевского в «Слове о полку Игореве», которые до сих пор не были достаточно хорошо осмыслены в контексте: «Нъ се зло — княже ми непособие: наниче ся годины обратиша». Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» достаточно отчетливо документирует значение слова «наниче» — «наизнанку». Это слово совершенно ясно в своем значении, но недостаточно ясно было значение всего контекста «Слова» с этим «наниче». Поэтому составитель Словаря-справочника В. Л. Виноградова поставила это слово под рубрику «переносно». Между тем «наниче ся годины обратиша» можно перевести совершенно точно: «плохие времена наступили», ибо «наничный» мир, «наничные» годины всегда плохи. И в «Слове» «наничный» мир противостоит некоему идеальному, о нем вспоминается непосредственно перед тем: воины Ярослава побеждают с засапожниками одним своим кликом, одною своею славою, старый молодеет, сокол не дает своего гнезда в обиду. И вот весь этот мир «наниче» обратился.

Весьма возможно, что загадочное «инишное царство» в былине «Вавило и скоморохи» — это тоже вывернутый наизнанку, перевернутый мир — мир зла и нереальностей. Намеки на это есть в том, что во главе «инишного царства» стоит царь Собака, его сын Перегуд, его зять Пересвет, его дочь Перекраса. «Инищое царство» сгорает от игры скоморохов «с краю и до краю».[2]

Мир зла, как мы уже сказали, — это идеальный мир, но вывернутый наизнанку, и прежде всего вывернутое благочестие, все церковные добродетели.

Вывернутая наизнанку церковь — это кабак, своеобразный «антирай», где «все наоборот», где целовальники соответствуют ангелам, где райское

---

[1] Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910 С. 157—158. «Цьяшос» — написанное «перевертышным» письмом — дьявол.

[2] См. в «Толковом словаре» В. Даля: иниий — иной, в значении другой, не этот. Ср. и другое толкование: «„Инишое царство" обычно понимается исследователями как иноземное, чужое; или „инищое" толкуется как „нищее"» (Былины / Подгот. текста, вступ статья и коммент В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. Т. 2 М., 1958. С 471).

житье — без одежд, без забот и где всех чинов люди делают все шиворот-навыворот, где «мудрые философы мудрость свою на глупость пременяют», служилые люди «хребтом своим на печи служат», где люди «говорят быстро, плюют далече» и т. д.

«Служба кабаку» изображает кабак как церковь, в то время как «Калязинская челобитная» изображает церковь как кабак. Оба эти произведения отнюдь не антицерковны, в них нет издевательства над церковью как таковой. Во всяком случае его ничуть не больше, чем в Киево-Печерском патерике, где бесы могут появляться то в виде ангела, а то в виде самого Христа. С точки зрения этого «изнаночного мира», нет богохульства и в пародировании «Отче наш»: это не пародия, а антимолитва. Слово «пародия» в данном случае не подходит.

Отсюда понятно, почему такие богохульные с нашей современной точки зрения произведения, как «Служба кабаку» или «Калязинская челобитная», могли в XVII веке рекомендоваться благочестивому читателю и считаться «полезными». Однако автор предисловия к «Службе кабаку» в списке XVIII века писал, что «Служба кабаку» полезна только тем, кто не видит в ней кощунства. Если же кто относится к этому произведению как к кощунству, то читать его не следует: «Увеселительное аще и возмнит кто применити кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковый да не понуждается к читанию, но да оставит могущему и читати и ползоватися». Предисловие XVIII века ясно отмечает различие, появившееся в отношении к «смеховым произведениям» в XVIII веке.

*

Для древнерусского юмора очень характерно балагурство, служащее тому же обнажению, но «обнажению» слова, по преимуществу его обессмысливающему.

Балагурство — одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит «лингвистической» его стороне. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму. Балагур вскрывает нелепость в строении слов, дает неверную этимологию или неуместно подчеркивает этимологическое значение слова, связывает слова, внешне похожие по звучанию, и т. д.

В балагурстве значительную роль играет рифма. Рифма провоцирует сопоставление разных слов, «оглупляет» и «обнажает» слово. Рифма (особенно в раешном или «сказовом» стихе) создает комический эффект. Рифма «рубит» рассказ на однообразные куски, показывая тем самым нереальность изображаемого. Это все равно, как если бы человек ходил, постоянно пританцовывая. Даже в самых серьезных ситуациях его походка вызывала бы смех. «Сказовые»

(раешные)[1] стихи именно к этому комическому эффекту сводят свои повествования. Рифма объединяет разные значения внешним сходством, оглупляет явления, делает схожим несхожее, лишает явления индивидуальности, снимает серьезность рассказываемого, делает смешным даже голод, наготу, босоту. Рифма подчеркивает, что перед нами небылица, шутка. Монахи в «Калязинской челобитной» жалуются, что у них «репа да хрен, да черной чашник Ефрем». Ефрем — явно небылица, пустословие. Рифма подтверждает шутовской, несерьезный разговор произведения; «Калязинская челобитная» заканчивается: «А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мозгов да Антон Дроздов, Кирилл Мельник, да Роман Бердник, да Фома Веретенник». Фамилии эти выдуманы для рифмы, и рифма подчеркивает их явно выдуманный характер.

Пословицы и поговорки также часто представляют собой юмор, глум: «Аз пью квас, а коли вижу пиво, не пройду его мимо»; «Аркан не таракан: хош зубов нет, а шею ест»; «Алчен в кухарне, жажден в пивоварне, а наг, бос в мылне»; «Обыскал Влас по нраву квас»; «Плачот Ероха, не хлебав гороха»; «Тула зипуны здула, а Кошира в рагожи обшила»; «У Фили пили, да Филю же били»; «Федос любит принос».[2]

Функция синтаксического и смыслового параллелизма фраз в балагурстве «Повести о Фоме и Ереме» или балаганных дедов служит той же цели разрушения реальности. Я имею в виду построения типа следующих: «Ерему в шею, а Фому в толчки»; «У Еремы клеть, у Фомы изба»; «Ерема в лаптях, а Фома в поршнях». По существу, повесть подчеркивает только ничтожность, бедность, бессмысленность и глупость существования Фомы и Еремы, да и героев этих нет: их «парность», их братство, их сходство обезличивают и оглупляют того и другого. Мир, в котором живут Фома и Ерема, — мир разрушенный, «отсутствующий», и сами эти герои ненастоящие, это куклы, бессмысленно и механически вторящие друг другу.

Прием этот — не редкость и для других юмористических произведений. Ср. в «Росписи о приданом»: «жена не ела, а муж не обедал».

В древнерусском юморе один из излюбленных комических приемов — оксюморон и оксюморонные сочетания фраз.[3] На роль оксюморона в искусстве балаганных дедов, в «Повести о Фоме и Ереме» и в «Росписи о прида-

---

[1] «Сказовый стих» — термин, предложенный П. Г. Богатыревым. См.: Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 486.

[2] Симони Павел. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. С. 75, 76, 131, 133, 141, 145, 148.

[3] П. Г. Богатырев так определяет то и другое: «Оксюморон — стилистический прием, состоящий в соединении противоположных по значению слов в некое словосочетание 〈...〉. Оксюморонным сочетанием фраз мы называем соединение двух или нескольких предложений с противоположным значением» (Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. С. 453—454).

ном» обратил внимание П. Г. Богатырев. Но вот что особенно важно для нашей темы: берутся по преимуществу те сочетания противоположных значений, где друг другу противостоят богатство и бедность, одетость и нагота, сытость и голод, красота и уродство, счастье и несчастье, целое и разбитое и т. д. и т. п. Ср. в «Росписи о приданом»: «...хоромное строение, два столба в землю вбиты, а третьим покрыты»; «Кобыла не имеет ни одного копыта, да и та вся разбита».

Нереальность изнаночного мира подчеркивается метатезой.[1] Метатеза постоянна в «Лечебнике на иноземцев» и в «Росписи о приданом»: «Мышь бегуча да лягушка летуча», «Пара галанских кур с рогами да четыре пары гусей с руками»; «Холстинной гудок да для танцов две пары мозжевеловых порток».

*

Как глубоко в прошлое уходят характерные черты древнерусского смеха? Точно это установить нельзя, и не потому только, что образование средневековых национальных особенностей смеха связано с традициями, уходящими далеко в глубь доклассового общества, но и потому, что консолидация всяких особенностей в культуре — это процесс, совершающийся медленно. Однако мы все же имеем одно яркое свидетельство наличия всех основных особенностей древнерусского смеха уже в XII—XIII веках — это «Моление» и «Слово» Даниила Заточника.

Произведения эти, которые могут рассматриваться как одно, построены на тех же принципах смешного, что и сатирическая литература XVII века. Они имеют те же — ставшие затем традиционными для древнерусского смеха — темы и мотивы. Заточник смешит собой, своим жалким положением. Его главный предмет самонасмешек — нищета, неустроенность, изгнанность отовсюду, он «заточник» — иначе говоря, сосланный или закабаленный человек. Он в «перевернутом» положении: чего хочет, того нет, чего добивается — не получает, просит — не дают, стремится возбудить уважение к своему уму — тщетно. Его реальная нищета противостоит идеальному богатству князя; есть сердце, но оно — лицо без глаз; есть ум, но он, как ночной ворон на развалинах, нагота покрывает его, как Красное море фараона.

Мир князя и его двора — это настоящий мир. Мир Заточника во всем ему противоположен: «Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлеб ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевными аки стрелами пронзающе».

[1] По определению П. Г. Богатырева, метатеза — «стилистическая фигура, где перемещаются части близлежащих слов, например суффиксы, или целые слова в одной фразе или в рядом стоящих фразах» (Там же. С. 460).

Друзья так же неверны ему, как и в сатирических произведениях XVII века: «Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трапезы многоразличных брашен».

Так же точно житейские разочарования приводят Даниила к «веселому пессимизму»: «Тем же не ими другу веры, ни надейся на брата».

Приемы комического те же — балагурство с его «разоблачающими» рифмами, метатезами и оксюморонами: «Зане, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Бело озеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем седя плачь горкии; и кому ти есть Новъгород, а мне и углы опадали, зане не процвите часть моя». И это не простые каламбуры, а построение «антимира», в котором нет именно того, что есть в действительности.

Смеша собой, Даниил делает различные нелепые предположения о том, как мог бы он выйти из своего бедственного состояния. Среди этих шутовских предположений больше всего останавливается он на таком: жениться на злообразной жене. Смеяться над своей некрасивой женой — один из наиболее «верных» приемов средневекового шутовства.

«Дивней дива, иже кто жену поимаеть злообразну прибытка деля». «Или ми речеши: женися у богата тьстя чти великия ради; ту пий и яжь». В ответ на эти предположения Даниил описывает безобразную жену, приникшую к зеркалу, румянящуюся перед ним и злящуюся на свое безобразие. Он описывает ее нрав и свою семейную жизнь: «Ту лепше ми вол бур вести в дом свои, неже зла жена поняти: вол бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бьема бесится, а кротима высится (укрощаемая заносится. — *Д. Л.*), в богатстве гордость приемлеть, а в убожестве иных осужаеть».

Смех над своей женой — только предполагаемой или действительно существующей — был разновидностью наиболее распространенного в средние века смеха: смеха над самим собой, обычного для Древней Руси «валяния дурака», шутовства.

Смех над женой пережил и самую Древнюю Русь, став одним из любимых приемов шутовства у балаганных дедов XVIII и XIX веков. Балаганные деды описывали и свою свадьбу, и свою семейную жизнь, и нравы своей жены, и ее наружность, создавая комический персонаж, который, впрочем, не выводили напоказ публике, а только рисовали ее воображению.

Злая и злообразная жена — это свой мелкий и подручный домашний антимир, многим знакомый, а потому и очень действенный.

Д. С. Лихачев

ПОВЕСТЬ О ЖЕНИТЬБЕ ИВАНА ГРОЗНОГО НА МАРИИ ТЕМРЮКОВНЕ

В лѣто 7072-го (1564) повелѣниемь царя Ивана Васильевича ходил из Свияжска царь Шахалѣй Касимовъской* Волгою-рекою на стругахъ под Астракань,* на Кутумовской островъ,* съ силою многою. А в тѣ поры Астракань была дерновая[1], въверхъ 9 саженъ. А мурза[2] былъ в то время черкасовъ горских в Астракани Теврюгъ Юньгичь.* И много Шахалѣй, царь касимовской, ратовался со астраканцы — и ничево не починилъ, лишь московские силы и казанские много потерял.

И пишетъ мурзѣ черкаскому Шихалѣй:* «Теврюгъ Юнгичь! Покорися грозному и силному государю нашему царю Ивану Васильевичу. Онъ тебя, государь нашъ, не вѣдаешь чѣмь пожалуетъ. Азъ и царь, да ему, государю, покоренъ и слуга его волный». Мурза же глаголетъ Шихалѣю: «Царю Шихалѣй! Отпиши царю своему Ивану Васильевичу: аще единородную мою и прекрасную и любезную дщерь Марию Теврюговну* пойметъ за себя царицею, то с нею и до устья реки Волги, до моря, и вверхъ по Яику[3] и съ черкасы поклонюся ему, государю».

Сия слышавъ, царь Шихалѣй Касимовъской отряжаетъ посланника своего из Астракани въ царьствующий градъ Москву ко царю Ивану Василевичю, давъ ему грамоту, сице написанну: «Грозному и страшному, и силному, и великому государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу. Холопъ твой Шихалѣй, царь касимовской, падъ на землю, премного челом бьетъ твоему царьскому пресвѣтлому величеству. По твоему великому страшно приказу из Свияжска-города с великою московъскою силою и казанскою въ Златой Ордѣ на Кутумовъскомъ островѣ под градом Астраканью* елико с воинъствомъ мужествовавъ, и Астарахани не взялъ. А взять ея не мочно, потому что стоитъ на водѣ и крѣпче Казанского царствия. И того града Астарахани мурза черкасовъ горских Теврюгъ Юнгичь мнѣ, холопу твоему царю Шихалѣю, написалъ писмо за своею

[1] земляной крепостью; [2] татарский князь; [3] по Уралу.

рукою руским языком: буде-де царь Иванъ Васильевичь поимет за себя дщерь мою любезнѣйшую в царицу себѣ, аз-де Астраканью и до усть реки Волги, до моря Хвалынского[1] и по морю улусами[2] черкаскими, и вверхъ по рекѣ Яику, и с людми, которые во всей моей Золотой Ордѣ черкасы горские живут, поклонюся ему и грамоту дамъ на всю свою державу до вѣка. И тебѣ, великому государю Ивану Васильевичу, какъ Богъ известит в размышление твоемъ, мнѣ, холопу твоему, о въсѣмъ о*т*пиши. И царствуй вовѣки». Сию грамоту отписа царь Шихалѣй и посла скоро, повѣлѣвая въ 5 дней къ Москве пригнать, а с Москвы въ пять дней же. И той же царь Шихалѣй посла в Казань, повелѣ запасовъ и казны прислать скоро.

Приехав же скороходецъ въ Московское государьство пред царя Ивана Василиевича всея Росии в самый господьственный день Воскресения Господня, еже есть Великъ день Христовъ,* въ 3 час дни и обрѣте его, государя, стояща в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы, слушающа божественную литоргию на царскомъ своемь мѣсте. Кругъ же ево бояре и князи стояху, и дядюшка ево Никита Ивановичь Романовъ* близ его стоя. Преосвященный Филиппъ-митрополитъ* со властми служаще божественную литоргию. И причастися царь от руку его святого Тѣла и Крове Христа, Бога нашего, и паки ста на царьском своемъ местѣ. Борзоходецъ же прииде пред царя и паде о церковный помостъ, а грамоту от царя Шихалѣя выше главы своея держа. И паки, воставъ, поклонися второе и третие до земли и отдаетъ грамоту в руцѣ его.

Царь же приемъ грамоту и узрѣ печать Шихалѣя, царя касимовского, радостенъ бысть. И отслушав божественную службу, пойде въ полату свою. И взявъ ево дядюшка Никита Ивановичь Романовъ под руку ево, и прочии велможи во царские полаты с ним же идяху. И сядѣ онъ на своем царском престолѣ, роспечатав грамоту, и учал ея смотрить. И, посмотря, вѣлѣлъ грамоту писать царю Шихалѣю, имуще писание сицево: «Великии во царѣх и силный в силныхъ и страшный въ страшных всея великия Росии и Славенъския земли и Казанъския обдержатель, царь и великий князь Иванъ Васильевичь, самодержецъ Сѣверныя страны* вѣрному моему слугѣ Шихалѣю, царю касимовскому и казанскому, радоватися. Прияхъ писание твое и прочтох пред велможами моими и похвалихом тщание твое, еже к моему пресвѣтлому величеству, и неизмѣнную твою службу, еже о моей державѣ страждеши. Пишу к тебѣ скоростию: еже еси в грамотѣ своей ко мнѣ писалъ, буди по глаголу твоему; только образ[3] ея написавъ, пришли со устроением[4] лѣпоты[5] лица ея в златом одѣянии. И [6]видь удобь[6] *доб*роту[7] ея и очима свѣтлость. И не опишися во всей добротѣ ея и лѣпотѣ. И не подмѣнный образ: вмѣсто ея иной не напиши! И не поругайся моему царскому пресвѣтлому величеству, и не восприими нужныя[8] себѣ и горчайшия смерти!».

[1] Каспийского; [2] владениями; [3] портрет; [4] воссозданием, передачей; [5] красоты; [6—6] рассмотри без помех; [7] привлекательность; [8] мучительной.

Сия написавъ царь Иванъ Васильевичь и подпечатавъ перстнемъ своимъ любезнѣйшимь, на немже сам написан,* и даде сия борзоходцемь, повелѣ скоро ѣхать к Шихалѣю в Златую Орду, еже Астрахань именуется. Въскорѣ послании с писаниемь царевым прибѣгоша во Астракань и отдаша Шихалѣю. Царь же приемъ писание от царя Ивана Васильевича, роспечатавъ и прочетъ, радостенъ бысть. И пойде к мурзѣ Теврюгу Юнгичю и прочетъ пред нимъ вся, елика одписа к нему царь. Теврюгъ же радостен бысть и свѣтелъ, рече Шихалѣю: «На три дни дай сроку — образ написань будетъ любезнѣйшия моея дщери Марии,* не подобаетъ бо никомуже прежде царя на цареву дщерь и царицу зрѣти. А и образъ ея написань будетъ, никомуже не показан будетъ, развѣ тебе единого, царя Шихалѣя». И повелѣ царь Шихалѣй воинъству своему тверду и опасну, и оруженну быти.

Минувшимъ же триемъ днемъ, звание прииде царю Шихалѣю въ полаты Теврюговы. И пойде царь и с ним 100 человекъ от воинъства его храбрых людей. И прииде въ полату, идѣже образ написань Марии Теврюговны. Царь же, пад пред образом ея, сице рече: «Господине Теврюге! Аще сицевая доброта дщери твоея, а нашия великия государыни Марии Теврюговны, то государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичу любима будетъ, а нас онъ, государь, за сие великое дѣло жаловать станетъ, а сия дщерь твоя с нимъ, государемь, царствовать въ велицѣй славе станетъ». Теврюгъ же рече Шихалѣю: «Иди и зри на дщерь мою». Царь же рече: «Невозможно никому от слугъ царевых на царицу прежде царева видѣния зрѣти,* но увѣрения ради да увижду». И поведоша царя Шихалѣя в полату, идѣже она сѣдяше на престолѣ высоцѣ.

Царь же поклонися ей и возрѣ на нея, и удивися. И на мног час размышляя о лѣпотѣ лица ея и о добротѣ возраста ея. И рече: «Достойна сия красота государю нашему, царю Ивану Васильевичу, с нимь царствоватъ въ пресвѣтлом его величествѣ и государъствѣ». И паки Шихалѣй паде на землю и пойде ис полаты. И приемлетъ образ написанный и посылаетъ его къ царю Ивану Васильевичу в радости велицѣй. И даде борзоходцемъ, повелѣ скоро отвести.

Царевна же Мария Теврюговна за своею печатью посла с ними же, борзоходцы, ларецъ златъ, а в немъ ширинка[1] златотканная с камениемь драгимъ и жемчугомъ великим. Царь же Шихалѣй образ лица ея и лѣпоты в той же ларецъ положи и устрои его утвердо, и запечатавъ златым своимь гербомь, и вскоре повелѣ гнати къ царю къ Москве. И грамоту посла с тѣми же борзоходцы, сице написано: «Грозному и силному царю Ивану Васильевичу. Слуга твой Шихалѣй-царь рабское поклонение творитъ твоему пресвѣтлому царскому величеству до лица земнаго. По твоей государеве грамоте все повелѣние твое исполних и о чемь ты, великий государь, повелѣлъ еси, прислал к тебѣ, и вся наказанная тобою твердо снабдѣх[2] и испытахъ со опасениемь, и послах в руцѣ твои. Царствуй, государь, вовѣки и навѣки».

---

[1] платок; [2] сохранил.

Прибѣгоша же послании в царствующии град Москву от царя Шихалѣя и приидоша в полату пред царя Ивана Васильевича. И, падше, поклонишася ему и поставиша пред него златый ларецъ. Царь же роспечатавъ ларецъ и отверзе его и пойде с нимъ в ложницу[1] свою з дядею своимъ Никитой Ивановичемъ Романовым. И из емь образ писанный, его же Шихалѣй-царь приславъ из Златые Орды, царевны Марии Теврюговны. И удивися добротѣ ея и лѣпотѣ лица ея. И рече дяде своему Никите Ивановичу: «Видиши ли лѣпоту и доброту сию пресвѣтлую? Въ выборе у меня велможских дѣтей — благообразныхъ дѣв болши 100 было, а *ни* одна не судитъ[2] половиною сицевыя красоты и доброты, никоторая из нихъ не судитъ!»

Посемъ разогнувъ ширинку и видѣ в ней вѣщи зело мудры и дивны. И удивися зело сицевому премудрому дѣлу царь и, на многия часы розмышляя, в нѣдоумѣнии велицемъ бѣ камению драгому и жемчюгу крупному. И повелѣ изнести из сокровищь своих драгия своя вещи и камения многоцѣнныя и повелѣ с ними сложити — и не обрѣтеся не единъ противу присланных, еже царь Шихалѣй присла из Астракани.*

И посемъ царю Ивану Васильевичю в похотѣние приде, еже пояти за себе великую государыню Марию Теврюговну. И посла по митрополита Филиппа всея Росии, да приидетъ к нему в полату. Митрополитъ же Филиппъ скоро прииде к нему. И совѣтовавъ с нимъ царь много, и повѣда хотѣние свое, рече: «Благослови мя, честный отче». Митрополитъ же повелѣ по воли его быти и благослови его честным крестомъ маия въ 7 *де*нь въ 3 час дни.* Царь же митрополиту великии духовный праздникъ сотвори и угости, и дары великия даде, и съ честию его проводи в патриархию его.

И скоро повелѣ воеводамъ своимъ и княземь пред собою стати. И избра от нихъ 12 и воинъства 24 тысящи московских стрелцовъ,* и девиць благообразных 24, и жень велможскихъ 30, и княгинь, и вдовъ избра 50. Воеводам же даде одеяни*е* злато и девицамъ, и вдовамъ, и женам лѣтники[3] златыя, и всему воинству одѣяние цветное, и просто рѣщи — всѣхъ наряди в золоте. И посла ихъ к Шихалѣю, царю касимовскому, в Астракань в самый день аггела своего маия въ 8 день на память святаго апостола Иоанна Фе*о*лога.* И твердо имъ заповѣда, да в 6 недель от Москвы станутъ в Астракани. На Коломнѣ же струговъ взять повелѣ 120, уготованы бо быша повелѣниемъ царевымъ.

И тако пойде сила от Коломны Окою-рекою и день и нощь безпрестанно. И ехаша до Казани пять на десять дне*й*. И тамо с луками казанских татаръ взяша 2000 человекъ, оружия в С*в*ияжскѣ взяли двѣсти пушекъ, казны пороховые взяли шестьсотъ пуд. И тако пойде московская сила в Астрахань Волгою-рекою повелѣниемъ царя Ивана Васильевича. И ехаша 4 недели.

---

[1] спальню; [2] не сравнится; [3] верхняя женская летняя одежда.

И приехаша в Астрахань въ 5 часъ нощи — тако царю повѣлѣвшу. И не доехавъ до Астрахани 3 версты, вѣсть послаша къ царю Шихалѣю, яко «Сила идетъ московского царя, а с нею 12 воеводъ, силы же с ними 26 000 и женъ, и дѣвъ сто четыре, по царицу Марию Теврюговну». Царь же Шихалѣй радостенъ зѣло бѣ о таковѣмъ велицѣмъ дѣле и повелѣ из оружия стреляти на многъ часъ. Приехаш*а* же в Астрахань послани от царя Ивана Василевича июня в 30 день на память святых апостоловъ 12. Наутрия же въ 1 день июля воеводы с царемъ Шихалѣемъ, девицы, вдовы и жены, вси в златом одѣянии, *с* силою многою, болши 40 000, внидоша ва град Астарахань.

И по башням, и по воротамъ повелѣ царь Шихалѣй московской силѣ стати со всеоружествомъ своимъ, сами же поидоша въ полаты царевы. Исходит мурза Теврюг Юнгичь и спрашиваетъ о цареве здравии. Воеводы же повѣдаша, яко «Здравъ есть государь нашъ, грозны*й* и силный царь Иван Васильевичь, и царствуетъ в радости велицей». И принесоша ему порфиру от царя и вѣнецъ, и возложиша на главу ему, и поклонишася ему. Онъ же противу имъ поклонися, рече: «Многа лѣта государю царю Ивану Васильевичу и зъ градомъ симъ, и со всею Златою Ордою. И азъ после любезнѣйшия своея дщери Марии Теврюговны выду из града сего вонъ, за реку за Яикъ, и тамо себе жилище починю[1] до смерти своея, и улусъ починю на оной странѣ реки Яика».

Внидоша же послании въ полаты Теврюговы и узрѣша дщерь его, великую государыню Марию Теврюговну, седящу на престоле превознесенне злате, и сама златотканными одеждами оболчена, и от драгих камени свѣтится вся полата, от красоты ея. И, падше, поклонишася ей вси послании от царя Иоанна Васильевича и даша ей вѣнецъ и перъстень царевъ златъ. Она же, воставъ со престола своего и облобызавъ вѣнецъ и перстень, и паки сяде на престолѣ своемъ. Братъ же ея Мастрюкъ стоя подле ея на правой странѣ, мати же ея подле ея седяше, наиномъ престолѣ. И рекоша послании: «Госпоже царице! Время сотворити повелѣнное намъ». Она же повелѣ имь пребыти до заутрия и угостити любезно, и всѣхъ ихъ выслать ис полаты своея.

И призва к себѣ Шихалѣя, повелѣ ему устроити три корабля. И вся сокровища драгия в ковчегахъ[2] и ларцахъ, и сундукахъ повелѣ в нихъ ис полатъ своихъ износити. И наполниша два корабля златом и сребромъ, и камениемъ драгимъ, и ризами многоценными, и одеянии драгими, и завѣсами заморскими, третии же корабль — всякихъ питей заморскихъ и запасовъ, и рыбъ всякихъ, и икоръ, и хлѣба, и мяс, и просто рещи — всего на путное шествие настави. Воинству же московскому — всякому человеку на себя запасу повелѣ брати, елико сила может.

И призва к себѣ воевод московских, отдастъ имъ град весь Астракань и з жителми его. Отцу же своему рече: «Батюшко мой Теврюгъ Юнгичь! После

---

[1] учиню, устрою; [2] шкатулках.

меня и часу не живи во граде семъ, поедь аможе хочеши. Мене же, любезнѣйшую свою дщерь, прости». И охапися[1] с нимъ, и плакася на многъ часъ, таже с материю своею, послѣднее целование восприемъ, плака же ся. И поклонися имъ до земли. Посемь прислании от царя Ивана Васильевича девицы подхватиша ю на рукахъ своихъ и несоша во уготованный ей корабль, иже взятъ в Казани повелѣниемъ московского царя, въ немъже казанский царь на рекѣ Волге шествие и утѣшение, и веселие приимаше. Подобень орлову летанию чердакъ у корабля, весь стеклян вылит, верхъ же златомъ устроенъ.* И брата ея присного[2] Мастрюка с нею в корабли остави,* и лехкихъ людей[3] гребцовъ 12 человекъ в корабли ея устрои, и девицъ 15 лѣпых — пред нею стояти повелѣ, сам же Шихалѣй-царь с воинствомъ московскимь и воеводами по обѣ страны корабля пловяху, гребуще день и нощь. И тако пустишася от Астракани месяца июля въ 2 день.

Посла же из Астракани Шихалѣй к великому государю царю Ивану Васильевичу посланника своего, скороходца, зъ грамотою: «Великий и грозный над цари царь Иванъ Васильевичь, многолѣтъствуй в радости и царствуй вовѣки! Для твоея царския свѣтлости и утѣхи пустилися с царевною из Астракани июля въ 2 день во второмъ часу дни. И оставилъ я в Астракани шесть воеводъ, а с ними силы 500 000 стрелцовъ. А мурза и царь черкасовъ горскихъ Теврюгъ Юнгичь выступилъ съ черкасы, и 2000 с нимъ съ женами и дѣтьми поехали за реку Яикъ, к морю Хвалынъскому, а городомъ Астраканью поклониться тебѣ, великому государю царю Ивану Васильевичу, и дщерию своею, великою государынею царевною Марьею Теврюговною, и всею Золотою Ордою. И нынѣ мы, государь, твоим пресвѣтлымъ величествомъ идемъ Волгою-рекою по милости великаго Бога здравы, въ радости. А силы со мною, холопомъ твоим, дватцеть тысечь, а пушекъ с нами 66, а пороху сто пудъ, а лушниковъ, гораздыхъ стрелцовъ с луками ис Казани татарь, 2000 человекъ. И идутъ они по обе стороны реки Волги в великомъ управлении опасны».

Сия слышавъ, царь возрадовася зѣло, что Богъ без крови Астараханское царство под Московскую державу поручилъ и покорилъ. И абие совѣтъ творитъ самодержецъ со святителемъ Филиппомъ, митрополитом всея Росии, да повелитъ преосвященному митрополиту Гурию Казанскому и Свияжскому просвѣтити святымъ крещением царевну Марию Теврюговну.* Митрополит же повелѣ по воли его быти, рекъ: «Царю великодержавный! Воля Господня да будет и твоя! Якоже хощеши, твори».

И повелѣ царь скоро ѣхать велможе своему во град Казань, а с нимъ сто человекъ стрелцовъ, легких людей. Написа же и грамоту къ Гурию, первосвятителю казанъскому, имѣюще писание сицево: «От царя и великаго князя Ивана Васильевича, московского и новогородского, и казанского, и астраханъского, и

---

[1] обнялась; [2] родного; [3] легковооруженных, быстрых на подъем.

всеа великия Росии, и сѣверныя страны самодержца, во градъ Казань преосвященному Гурию, архиепископу казанскому, радоватися и молити за ны общаго нашего Владыку и Бога за спасение наше. Пишу я к твоей кротости и с совѣтом великаго архиерея преосвященного Филиппа, митрополита всеа России, да просвѣтиши святымъ крещениемъ, якоже лѣпо по правиломъ святыхъ апостоль и святыхъ отець, астараханъскую царевну, великую княгиню Марию, и с великою честию отпустиши ея ко мнѣ, давъ свое благословение. Лѣпоты же и доброты ея тѣлесныя да не даси в видѣние многимъ! Ты же, архиерею великий, и восприемникъ ей буди. Старѣйшую же от вдовъ, иже с нею, избери въ восприемницы ей, иже тебѣ Богъ извѣститъ. Купѣль же избери пространну или повели здѣлати въскоре древодѣлцемъ[1]. А крести ея за подсолнешником[2] со всѣмъ освященным соборомь. И всѣмъ воеводамъ казанским повели изыти на стрѣтение ей с великими похвалами, а даровъ, что в Казани оставлено от нашего величества в ларцахъ камокъ[3] и бархатов и отласовъ, и участковъ[4] золотыхъ в казнѣ моей царской, все ей въ дары отдайте. Царю же Шихалѣю повели твердо и опасно о ней имѣти попечение и до самого нашего великого царствующаго града Москвы. А на мѣсте, на брегу Волги-реки, вели построить началнымь града часовню въ 5 часовъ и украси ея чюдными иконами, и в ней крести любезнѣйшую мою царицу Марию. И ни единому от велможъ и князей доброты ея не покажи, толко ты, святителю Гурие, и восприемница будте! Въ корабль же и ис корабля вели изводить со страхомъ, чтобы порухи[5] и злохитрия никакова не было. А кто, невѣжа, неискуство какое починитъ, вели царю Шихалѣю смерти предать. Пожалуй, великий и честный архиерею Гурие, сотвори наше повелѣние и спасайся о Господѣ».

Приидоша же послании в Казань и архиепископу послание царево въдавше и благословение от него приемше. Онъ же вопроси ихъ о цареве здравии. И прочетъ писание и, якоже лѣпо, порадовася. И посла по началныхъ града. И приидоша. Прочетъ пред ними послание царево. Они же, слышавше, падоша на землю, отздравъствоваша царю и архиепископу. И во всемь по повелѣнию цареву исполняху.

Повелѣша древодѣлцемъ часовню строить, иконописцемъ же подписывать под шатромь на часовнѣ лѣта и день, и месяць, и повелѣние царево, и коего ради дѣла часовня состроена бысть — тако архиепископъ Гурии повелѣ сотворити во удивление преждебудущим родомь. Посемь иконами украси и подписа в ней стѣннымъ писмомъ. И тако состроиша часовню июля въ 20 день на память святаго пророка Илии. Во осмое лѣто царства государя царя и великого князя Ивана Васильевича, въ 4-е лѣто по взятии Казани и по усмирении татаръ, въ 20 лѣто возраста его состроена часовня óна,* в нейже крещена великая госуда-

---

[1] плотникам или столярам; [2] накидка, защищающая от солнца; [3] шелковых восточных тканей; [4] слитков; [5] ущерба.

рыни, царя Ивана Васильевича сожителница, царица Мария Теврюговна, астраханского черкаского царя Теврюга дщи.

Велможа, иже от царя прислань ко святителю Гурию с писаниемъ, повелѣ воеводам дати воинъства ему 1000 стрелцовь ѣхать на срѣтение великия государыни к Шихалѣю, царю касимовскому, с писаниемь от царя, имеющо послание сицево: «Превысочайшей моей и любезнейшей, и величайшей царице и государынѣ всея великия Росии Марии радоватися, а о путном великомъ, животу прискорбномъ пути горести не имѣти: въ веселии безмѣрномъ царьствия моего радоватися со мною имаши во славе велицѣй. А и азъ, великий во царѣх, о твоей пресвѣтлой добротѣ и лѣпотѣ возраста твоего въ велицѣй скорби и в тузѣ-печали есмь: не вѣмъ, како дождатися и насладитися доброты твоея. Того ради, любезнѣйшая моя, велико тщание и скорость велѣх творити о тебѣ. Еще же и писание послахъ о тебѣ в Казань первосвятителю Гурию, еже просвѣтити тебе святым крещениемъ и всяко промышление о тебе творити. Ты же во всемъ его, яко отца, послушай. У святаго же крещения ни единому от человекъ не вели стояти. Часовня же устроена на крещение твое, вели ея затворити. Святителя же Гурия ни в чемъ не срамляйся яко отца своего. От воевод же дары приими противъ величества своего, вели имъ со страхомъ предстоять. Неискусных и невѣжей вели царю Шихалѣю смерти предать. Сама же въ великую печаль не вдавайся, но радуйся паче, яко от царствия въ царствие идеши. И по томъ миръ ти, любезнѣйшая моя». Еще вписа царь Шихалѣю: «Блюди мужественно и снабди крѣпко, и опасение чини твердо. Аще твоимь небрежениемъ что неискусно учинится над любезнѣйшею моею, глава твоя отсѣчена да будет!»

Приемъ же велможа у казанских князей 1000 воиновъ, елико могии *скоро* во срѣтение царице поѣде и обрѣте ихъ на устье реки Камы. И приехавъ, велѣ пристати, не доѣзжая поприща единого, и пойде пѣшь и с воинствомь до царицына корабля, емуже недалече от брега гребущу. И пад пред ним, поклонися трижды велможа же въ златомъ одѣянии и отдаетъ послание Шихалѣю-царю. Онь же, приемь его, поклонися. И присташа ко брегу. Воинство же все на брегу кругъ сташа вооружени. И нача царь Шихалѣй прочитати писание от царя Ивана Васильевича, еже выше написано, единой царице. Она же, слышавши сие, возрадовашеся радостию великою, еже сподобитися ей святаго крещения.

И тако поѣхаша во град Казань. И, недоѣзжая три поприща, повелѣ воинству всему изо оружия всякого стреляти, яко и солнца в дыму не видѣти, и гласа не слышать. Воинства же съ царемъ Шихалѣемъ от Астракани шестьдесять тысячь. Князи же казанстии, слышавше царицыно пришествие, идоша противу ея во срѣтение въ златых одѣяниих, 12 князей, — тако бо повелено от самодержца держати градъ Казань. И паки падше пред кораблем и лежаху на многъ часъ. Царица же от великия радости испущаше слезы и радовашеся душею, видяще повелѣнием сожителника своего царя Ивана Васильевича честь ей воздаему противу достоинъства ея величества. И приехаша до часовни, и при-

сташа ко брегу. И устроиша исходы ис корабля, и город поставиша выбойчатой,* еже сама царица из Астракани с собою везе, и окружиша часовню в него, и никому не повелѣ в него входити, развѣ архиепископа Гурия.

Архиепископъ же по чину церковному нача глаголати молитвы оглашенныя* и благослови ея, и поклонися. Царица же святителю поклонися до земли и глаголетъ ему: «Сотвори мя, честный отче, христиану, яко желаетъ душа моя». Святитель же повѣда ей вся, елика *царь* сотвори в Казани. И како Казань взя, и вся ей о цари повѣда: и обычай его, и нравъ — вся ей сказа. Она же радовашеся о всемь, якоже святитель сказа. И посемь святитель Гурий повелѣ уготовати купѣль и воды налити ея. И нача дѣйствовати над водою, якоже повелѣваетъ молитвословъ. Царицу же повелѣ ввести въ часовню и открыти ея низу, и во единой ризе стояти, всѣхъ же предъстоящихъ ей извести ис часовни, токмо восприемницу ея остави. И *с*амъ святитель дѣйствоваше един — тако бо царю повелѣвшу. И просвѣти ея святымь крещениемь. И проводи ея в корабль ея.

Воеводы же принесоша дары, якоже повелѣ имь царь. И, приемши у нихъ, повелѣ имь [1]от питей своих покой дать великий[1]. Святителю же Гурию даде много злата и сребра на содѣлание честнымь сосудом, камокъ же и бархатов даде на священныя ризы. И, приемъ благословение от него, рече: «Отче великий архиерею Гурии! Моли за мя Бога, грѣшную». Святитель же отпусти с нею чюдотворныя образы, устроены златомъ и с камениемь свѣтлымь. И повелѣ вести ея к Москве, царю же Шихалѣю повелѣ твердо и опасно имѣти о ней попечение, якоже царь повелѣ.

Шихалѣй повелѣ воинъству остатися в Казанѣ 20 000, в Свияжъске 20 000 же, с собою же повелѣ итти до Касимова 20 000. И тако, Богу имъ поспѣшествующу, въскорѣ приидоша во царствующий град Москву месяца августа въ 15 день на праздникъ Пресвятыя Богородиц*ы*, честнаго ея Успения. Крещена бысть великая государыни в Казани Гуриемъ-архиепископом месяца июля въ 22 день на память святыя Марии Магдалыни въ 19 лѣто возраста своего.

Вѣстники же къ царю Ивану Васильевичу приидоша и повѣдаша ему пришествие великия царицы Марии. Онъ же радостень бысть зело и повелѣ всѣмъ бояромъ своимъ и княземъ, и воинъству своему изыти во срѣтение ея, и корѣту свою царскую извести и привести ея скоро.

Привезоша же послании без всякого медлѣния великую царицу и въведоша ю во свѣтлую полату. И держаху ея жены велможския под руцѣ ея. Царь же седя на престолѣ своемъ. Царица же повелѣ подсолнешникъ сняти с себе и поклонися пред образомъ всех Бога трижды, и паки паде пред царемь и поклонися ему дважды. Царь же зря на нея и во *и*зумлении велицѣмъ бѣ, дивяся красотѣ лица ея и добротѣ тѣла ея. И рече: «Блаженна сия красота, яко въ велицѣй радости веселитися имаши». Емъ ю за руку ея и посади на престолѣ своемъ подле

[1]—[1] угостить их (упоить их) на славу.

себя. И любезно облобызася. И всъмъ велможам повелѣ поклонитися ей. Они же падоша на землю пред нею. Посемь повелѣ царь нянькамъ своимь вести въ свѣтлицу ея и нарядити в порфиру и вѣнець, самь же нарядися во одеяние свѣтло и вѣнець возложи на главу свою.

И посла по митрополита Филиппа. И вскоре митрополит прииде. И рече ему царь: «Отче честный! Совокупи мене законнымъ бракомъ с любезнѣйшею моею».* И повелѣ извести пред митрополита. Изведоша же ея, она же поклонися ему. Митрополитъ же благослови ея честным крестомъ, рече царю Иоанну: «Радуйся, царю великодержавный и честный самодержче, яко обрѣлъ еси сожителницу себѣ подобну величеству твоему, обрѣлъ еси сокровище себѣ, полно камений драгиих и чюдныхъ! Величайся съ сею красотою во многолѣтном здравии вовѣки». И поклонися царю и царице до земли, и повелѣ итти царю съ царицею въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы честнаго ея Успения.

Митрополитъ же повелѣ всему собору облещися во священническии чинъ, самъ же во всю священную одежду облечеся. И нача священная по чину дѣйствовать, якоже правила повелѣваютъ: сотвори прежде обручание, потомъ вѣнчание и повелѣ начати священником божественную литоргию. И прияша царь и царица святое причащение от руку его. И по отпусте проводи ихъ митрополитъ с чюдотворными иконы въ царские его полаты и, молебная совершивъ, возвратися въ митрополию свою. Царь же многи дары митрополита одари и весь священный соборъ.

И нача съ царицею своею царь и великий князь Иван Васильевичь, с великою княгинею Мариею Теврюговною, царствовать любезно; сокровища же ея, ихже из Астракани привезе, повелѣ с великим утвержениемъ и снабдѣниемь пред себя поставить. И тако градъ Астракань покорена бысть симъ дѣломь, якоже о ней здѣ писано есть. Царя же Шихалѣя многими одаривъ дарми: даде ему град Казань въ снабдѣние его и въ веселие и Астраканью ему же повелѣ, Шихалѣю, владѣти и попечение о немъ творити.

И тако поживе царь Иванъ Васильевичь съ царицею своею Марьею год и месяць 6.* И окормлена бысть от измѣнниковъ отравою,* от столника Василья Хомутова* с товарыщи, ихже царь Иван Васильевичь злой смерти предаде: въ котлѣ свари.* А родъ ихъ весь перевѣшалъ, и з женами и дѣтми.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ИВАНЕ И СТАРЦЕ*

Царь Иванъ Васильевичъ пришелъ въ Сергиевъ монастырь къ бдѣнию* и слыша крылошанина[1] горазда пѣнию, а онъ самъ гораздъ былъ пѣнию.* И послалъ къ нему боярина своего вопросить: «Откуду, старецъ[2]?»* И пришелъ бояринъ, сотвори молитву (а старецъ говорил аминь): «Царь-де Иванъ Васильевичъ велѣлъ тебя спросить: „Откуды, старецъ?"». И старецъ отвѣщалъ: «Азъ-де отвсюды старецъ», — и на себя окомъ окинулъ. И пришел бояринъ, говоритъ: «Государь, я не смѣю говорить тебѣ. Старецъ говоритъ: „Я-де отвсюду чернецъ, и спереди и созади"». И въ другой поемъ[3] посылаетъ того же боярина спросить: «Гдѣ постриженъ?» И бояринъ спросилъ съ молитвою, по чину: «Гдѣ постриженъ?» И старецъ поднялъ шапочку* и указалъ, рекъ: «Въ то постриженъ», — на главу. И бояринъ сказалъ царю, и царь рекъ: «Впрямь-де онъ съ главы постриженъ».* И какъ почали *е*кс*а*псалмы[4] пѣть, и царь самъ пошелъ къ старцу и сотворилъ молитву, — и старецъ аминя не далъ. И царь прочь пошелъ. И царь опять пришелъ и сотворилъ молитву, — и старецъ аминя не дал, царь и прочь пошелъ.* И начали пѣть «Алилуия», и царь сотворилъ молитву, — и старецъ рекъ: «Аминь съ проволокою[5]». И царь молвилъ: «Что-де ты давеча не отвѣщалъ?» — «Здѣсь-де одного подобаетъ слушати».* И царь взошелъ на крылосъ[6], и старцы всѣ роздалися, а головщикъ[7] не поступился, — и царь сталъ подъ нимъ. И какъ приспѣло пѣть поилеилуй[8], и старецъ не почалъ пѣть, а царь пѣлъ. А старецъ говоритъ: «Только, су[9], умѣешь!» И царь сошелъ съ крылоса.

И какъ приходитъ «Прологъ» чести,* царь говоритъ архимандриту, чтобы положили исподнею доскою вверхъ, да обернуть главою внизъ, а низомъ вверхъ; а чести велѣлъ архимандритъ тому же старцу. И старецъ пошелъ чести

---

[1] церковного певца и чтеца; [2] здесь: монах; [3] раз; [4] шестопсалмие; [5] с задержкой, волокитой; [6] клирос, место на солее для певцов и чтецов; [7] старший на одном из клиросов; [8] полиелей, одно из песнопений утрени; [9] непереводимое вводное слово.

и отворилъ книгу и учалъ здорное[1] говорить. И, молвя слова два-три и «Богу нашему слава» да поотщедъ, молвилъ: «[2]Чтобъ-де чисто было въ глазахъ у тово[2], кто книгу положилъ». А положилъ книгу уставщикъ[3] по архимандричью велѣнию. И царь о томъ былъ свѣтелъ.

И после пѣния царь приказалъ архимандриту покоить[4] головщика пивомъ и медомъ, чтобы упился и проспалъ заутреню. И заутро праздникъ Ивана Богослова, и бысть бдѣние. [5]И как отдали часы дневные[5], и царь пошелъ подслушивать.* Въ кельѣ они[6] крылошены[7] играютъ, всѣ пьяны, масло колотятъ[7]. И тотъ головщикъ, [8]начаялъ и́[8], что тутъ играетъ. И царь, идучи, без архимадричья благословения приказалъ благовѣстить. И пришелъ до звону царь, а головщикъ стоитъ на крылосѣ чинно. И царь пришелъ, сотворилъ молитву и говоритъ: «Чернецъ, бѣсъ ли ты или человѣкъ? Топеря тя сказали пьяна, а ты на крылосѣ стоишь!» И старецъ рекъ: «Бѣсъ-де не можетъ отъ зла къ добру, а человѣкъ преложенъ естествомъ и самопроизволенъ: можетъ ся преложить отъ зла къ добру и отъ добра ко злу».*

И на другой день государь послѣ стола глядѣлъ сквозь оконницу, а тотъ головщикъ идетъ съ погреба самъ-другъ со старцемъ, а несутъ по кувшину пива. И какъ будутъ противъ окна, и учали драться. И, дрався, одинъ отъ другого побѣжалъ, и онъ за нимъ бросилъ всѣмъ кувшиномъ — и кувшинъ разбилъ, и пиво пролилъ. И царь былъ свѣтелъ. И тѣ старцы одинъ другому говорилъ: «О чемъ дралися?» И другой говоритъ: «Не свѣдаю, о чемъ». И паки одинъ возрѣвъ на церковь* и рекъ: «Пресвятая Троице, помилуй насъ»,* — все до конца.* И по семъ прощение полное получися,* и пошли.

И царь пошелъ из монастыря и приказалъ беречь его архимандриту. И старца призываетъ къ столу въ Александрову слободу:* а быть ему ни конемъ, ни пѣшу, ни въ платьѣ и ни нагу.* И тотъ старецъ пошелъ съ крылошаны. И какъ будутъ близь слободы и двора церковнаго,* велѣ ся оболочи всѣмъ старцемъ мережами[9], и другъ друга несли за кукорки[10], перемѣняясь.* И царь смотрѣл сверху. И дивился царь старцеву разуму. И велѣлъ за столомъ посадити и, покоя гораздо, дати всѣмъ имъ ложки долгия стебли[11], что неможно самому себѣ въ ротъ уноровить. И учали старцы ѣсть, другъ другу чрезъ столъ въ ротъ подавать.* И царю сказали, и царь дивился разуму его. И послѣ многаго кушанья велѣлъ царь спросить: «Сыты ли?» И они сказали: «Сыти-де». И велѣлъ государь принести къ нимъ пирогъ свой царский, — и они его весь съѣли. И царь приказалъ[12]:

---

[1] вздорное, пустое; [2—2] Пусть ослепнет тот; [3] церковнослужитель, в обязанности которого входит следить за соблюдением устава церковной службы; [4] ублажать; [5—5] И когда оповестили (колокольным звоном) о конце дневной половины суток; [6] здесь: те; [7—7] веселятся, все пьяны, ссорятся; или: играют в азартную игру, все пьяны, расплачиваются щелчками по голове; [8—8] подумал о нем (царь), [9] сетями; [10] на закукорках, на спине; [11] с длинными черенками; [12] здесь: промолвил.

«Какъ-де вы, старцы, лжете: сказавъ сыти, — и пирогъ весь съѣли?» И головщикъ говорилъ: «Какъ-де бываетъ хоромина полна людей, а царь идетъ и молвитъ: „Всѣмъ тѣсна, а царю пространная дорога". И такъ-де и пирогъ царский».*

И царь его призвалъ къ себѣ и говоритъ: «Чернецъ, приказа-де тя архимандриту. Чѣмъ жаловать?» И онъ приде: «Государь, немного старцу надобно, только вътрое[1]: тепло, мокро и мягко».* И бояре дивились, что говорить нелѣпо предъ царемъ. И государь говорилъ: «Впрямь-де онъ проситъ тепло — келья, и питья нескуднаго, и мягкаго хлѣба».* И приказалъ его архимандриту жаловать наипаче всѣхъ братий. И опять пошли крылошеня въ монастырь, а государь царь Иванъ Васильевичъ остался во Александровской слободѣ.

---

[1] трояко.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

***ПОСЛАНИЕ ТУРЬСКОГО ЦАРЯ* САЛТАНА К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ, ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦУ

В лѣта 7054-го (1546) году* избранному моему ратаю[1] и тѣлежному поганатаю[2], бѣлому[3] Ивану, великому боярину, яселничему[4] моему, руской области воздержателю[5], *рускому князю, якоже*** и сродником твоим *и* братома[6], — [7]инрога рог[7],* над цари царь,* над князи князь, вышняго Бога Саваофа произволением* страж гробу Господню* и печалник[8] у вышняго престола, великий воин, крепкий вооружник[9] мужеством своим и всѣм царемъ царь и совѣтник восточныя и сѣверския страны, избранный во царех царь, обнаженный меч неутолимы*й*, гнѣв возбуженный сердцем, разсудный[10] многим держав*ам* [11]неогра*дим*ый страхом предложенным[11], златоточец[12] изообилн*ый* всяким богатеством, смиренны*й* от вышняго присвоеннымъ милосердием, драгий бисер, свѣтлый [13]на главѣ венец[13] прозорливый, во всея свѣтлости б*лаг*ообразный наказатель царьских властелин[14], светилник горнего Иеросалима и учитель воинственнѣй силе, храбрый воин, исполненый всякой мудрости [15]совершенный возрастом[15], непреклонная гордыня[16], прекрасный лицем, [17]быстрое *во*зрѣние очное[17], вышний закон, ключарь небесный и [18]непокоренный землям[18], турский царь салтан кланяяся и, мню, радоватися[19], — пишу.

Послахом нынѣ к тебѣ [20]от своея силы[20] поклисаря[21], а с ними сотворих писание о выходные[22] моея казны* за 12 лѣтъ.* Занеже[23] отцу твоему Василью умершу, а тебѣ младу сущу после его оставлшуся, и яз до твоего возраста и недосовершенного твоего разума* [24]не нудил[24] своея оброчныя казны имати.

---

[1] пахарю; [2] кучеру; [3] русому, белесому; [4] конюху; [5] правителю; [6] соплеменникам; [7—7] могущество, власть, величие (подобных которым нет); [8] заступник, хранитель; [9] воитель; [10] третейский судья; [11—11] неумолимый изъявлением страха; [12] источник мудрости; [13—13] венценосец; [14] правителей; [15—15] во цвете лет и сил; [16] гордость; [17—17] быстрый пронизывающий взгляд; [18—18] неуступчивый (никаким) странам; [19] на радость (тебе); [20—20] своею властью; [21] послов; [22] оброчных выплатах, дани; [23] так как; [24—24] не понуждал, не требовал.

И яз нынѣ приказ свой послал к тебѣ, а велѣл есми [1]бес пождания[1] казну свою взяти исполнену[2] по прежним книгам отца твоего и по *мо*им поклисарским грамотамъ.

И ты б, воздержатель руския области, отечеству[3] своему последовал и спрашивал у прежних совѣтников отца своего, которым было мочно вѣдати,* какъ отецъ твой у нашей силы *и*зоброчен[4] был и как чтил поклисаров *моих*. И *како* совѣтники ти истинну изрекут, и ты б поклисаров моих отпущал честных[5], как им годе[6], не замедливая исполн*енных*. А будет совѣтники твои учнут тя развра*щ*ати[7], и ты б мнѣ изрядно[8] проповѣдал[9], [10]да и разум растворил[10] [11]от воздержания[11] создателя своего; да и поклисары от своея власти руския пришли *с* своими угодными речми и с покорением[12].

А поклисары б твои были превелика разума и смысла, хто б умѣл с моими паши говорити и смѣлъ, занеже они у меня превысочайш*а* и велми велика разума и смысла, и по моему наказу всея области моея и наши совѣтни*цы* и разтворенники[13] многим державам (в совершенней мудрости вышним Саваофом направляеми) великое сокровище в сердцы своем полагают, занеже словеса их страшна суть, — как*о* *по* моему величеству восхотят, тако и творят.

Вси области силы моея страшатца; [14]ка*мо* аз сам двигнуся, *ту* путь мой прав и покорен[14]. И имянуяся самовластен, не устыжуся никоторые иные державы, развее[15] вышняго Саваофа, потому что наше коли перед нимъ неисправление, в который грѣх впадем, ино[16] наидет на державу мою страх и неизреченный трепет, земля ся от него поколебает; а милость его коли к нам придет велика, и яз их тогда всѣх осеняю своим величеством.

А ис которых царствъ приходят ко мнѣ поклисары, и онѣ зрѣти на мой образ не могут: страх великъ обдержит и ужас, занеже лице мое бестудно[17]. И кто может исповѣдати[18] силы величества моего или видети великое [19]страхование мое[19], како аз обладаю всѣми державами?! А имѣю аз седалище[20] свое *в* велицей полате, [21]а очи мои закровенныи[21]. А коли придут ко мнѣ паши мои извещати о чем, и онѣ до меня не доходят за 20 мѣр, да понизят главы своя до земля. И яз в тѣ поры учиню очи свои откровенныи да учну с своими ближними витязи разсужати, кождо им по чему угодно, да и отказ[22] *от* меня улучат и походят в свою полату и тамъ иншим державам управление учинят по моему *на*казу. И приѣзжают в мою область из инших царствъ поклисары и самые градодержцы, и онѣ гласа моего слышати не могут, занеже державами, иншими царствами, владѣю*т*.

[1—1] без промедления, не отлагая; [2] сполна, полностью; [3] родителю, отцу; [4] обложен данью; [5] с честью, почетом; [6] подобает; [7] сбивать с толку; [8] особо; [9] оповестил; [10—10] да и образумился бы (?); [11—11] из-за сдержанности; [12] покорностью; [13] управители; [14—14] там, где пролег мой путь, воцаряются справедливость и послушание; [15] только; [16] то (*союз*); [17] дерзко, бесстрашно; [18] рассказать; [19—19] внушаемый мною страх; [20] престол, трон; [21—21] и нет доступа к очам моим, [22] ответ, решение.

Дани и оброки мнѣ со всѣх земель дают, всѣ повинуютця мнѣ и во всем послушание творят предо мною, а [1]роздрания комнѣ[1] и сетей на мою державу не чинят, занеже в моей области град нерушимый.* Всѣ области удивляютца *о* моей державе. Тако же и ты, руски правитель, аще[2] сего не сотвориши, дани и казны моей к нашей силе с моими поклисары не отпустишь и отцу своему послѣдовати не учнешь, какъ отецъ твой к нашей силе повинование творил и службу свою предо мною великую ставил? А будет тебѣ на смыслъ[3] сроку надобеть, и ты б извѣстно моей державе учинил, и аз бы тобя в том [4]не шкотил[4], занеже яз к покоренным милостив, аки вышний; а хто передо мною великое повинование творит и держит, ино его меч мой не сечет.

И ты, руский бѣлой воздержатель, избери себе едино: повинование предо мною или гордыню. Да ко мнѣ и поклисаров своих отпусти[5], яко же годе. Аще *же* повинование предо мною *не сотвориши*, а возложишь на ся гордыню *и* поклисаров моих не честных отпустишь *в мою область и моей с ними выходные казны не отпустишь*, и вѣдомо ти буди, послю на тя гнѣв свой с великою яростию, не велю утолити меча своего и [6]руце свои возложу на плеща твоя[6], а силу твою ве*лю* за твою к себѣ неправду злой смерти предати, а град твой под свою область покорити. А которые моление от тебя посылают к Вышнему, и яз тѣх велю когождо по своим державам розводити,* а в тѣ поры Вышний не услышит гласа *твоего* в тыем моление, положит тя в великое забвение и милости к тебѣ не покажет за твое ко мнѣ неповинование и за непокорение, потому что хощешь един сопротивникъ быти *мнѣ*. А всѣх областей цари, и князи, и градодержатели повинование ко мнѣ творят:* литовские короли,* и Святая святых горы,* и греки,* и волохи,* и еросалимляне,* и витязи,* и римцы,* и кафимцы,* и тургане (а преже было Вавилон и Асирия),* и вся восточныя и сѣверския страны, — тѣ всѣ великую службу ставят предо мною от сотворения миру. А ты, руский воздержатель, хощеши един со мною братися, а не возможеши противу меня стояти, потому что в силе [7]твоей стяжания нѣту[7], и храбрости, и [8]конского у*х*ищрения[8], и нѣсть достойно к моей силе.

А как будет время, и яз послю к тебѣ опасного[9] хранителя, чтобы тебѣ было вѣдомо страхование мое и грозная супостать[10] силы величества моего движения. А как придет на твое воздержание руское от моея силы плѣн, и ты учнешь в тѣ поры от меня ждати великие милости, и яз не пощажу никоторыми дѣлы, велю область твою рускую мечному посечению предати, занеже сердце мое неутолимо есть. И ты, князь, извѣсися[11] себѣ, како ти угодно, а грамотам моим поклисарскимъ ревну*й*[12]: всѣ ти вѣдомо чиню и милосердо ставлю.

[1—1] раздора со мной; [2] неужели; [3] размышление; [4—4] не карал; [5] отправь, пошли; [6—6] обрушу на твои плечи кары мои; [7—7] тебе тягаться нечем; [8—8] боевой сноровки конников; [9] надежного, бдительного; [10] враждебность, противление; [11] подумай, взвесь; [12] относись прилежно.

Сия поклисары отпущены от далняго силняго и грозного обладателя турского и тевризского царя салтана,* угодного землямъ.

Миръ *и здравие.*

ПОСЛАНИЕ ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ОБЛАСТИ

Божиею милостию и Пречистыя Божия Матери Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, Сына Божия, Вышняго Творца, создавшаго небо и землю Вседержителевы десницы

от благовѣрнаго и православнаго и великаго, и разумнаго и мудраго, и справедливаго и милосердаго правителя истиннаго, от Небеснаго Царя слуги, нареченнаго и перваго во царѣх царя, якоже есть вторый Манамах,* и силнаго и грознаго обдержащаго Московского царства,

и иных многих областей воздержатель руский царь и государь великого княжения Иван Васильевич, всея руския державы от Владимерского крещения, всея сибирския и сѣверския страны обладатель и повелитель, заступникъ и поборникъ истинныя православныя християнския вѣры, Вышняго Бога избранный пастух, над державами изрядными поставленый, проповѣдатель благочестия великий государь и разсудный, покоренным милостивый пощадитель,

от страшнаго великого сану, от грознаго и от крѣпкаго супротивника невѣрным, от твердыя ограды Божия хранителя, от укрепленнаго словом Божиим и совершенна Духом Святым, от ключа всея земли руския области, от щедраго государя по достоянию царьскому и по величеству власти и силы [1]отческаго правителства[1], от крѣпкаго и твердаго щита ратующим[2] воинством —

— в турский во Царь-град, к невѣрному и злообразному, самохвалному и недостойному царского венца и скипетра, заблуж*дь*шему и зашедшему в далняя ти*и* земля, от свѣта во тьму, от православия в неверие, самозванному царю и посаженному[3] не от Бога салтану.

Се же ти[4] мню и покланяние творю в царьском своем мѣсте, сидя на степеннем[5] мѣсте, и извѣсно[6] ти являю: прилдоша от твоего невѣрия к нашему православному державству, к великому царству, в поклисарствѣ твои неволныи повелители, и яз приказ свой учинил конюшему своему болярину, а велѣл с твоими невѣрными поклисары посолство правити яко же годѣ. И по моему царьскому приказу и по величеству силы моея области посолство с моим конюшим болярином было о выходной к тебѣ моей казнѣ и о оброцѣх.*

[1—1] правления отца и прародителей; [2] воинственным; [3] возведенному на трон; [4] *усилительная частица*; [5] подобающе высоком; [6] достоверно.

И яз возрѣх своим царьским видѣнием в Писание Господа нашего Исуса Христа и в уложение святых отец, да потому милостивно есмь к тебѣ, невѣрному, сотворил и к неволным твоим поклисарем: не велѣл есми посланников твоих смертнѣй казнѣ предати, а разсудил есми от Создателева вдохновения своим царьским смыслым, что ты тако сотворил от невѣрия, младоумием своим и с недоверщенным возрастом своим не смѣтився[1]. Да и потому, что ты неволный обдержатель и [2]посаженный градарь[2] и послушатель, *уподобися наемнику*: како ти цареградцы повелят, тако и творишь,* да и потому что ты от царския моея руские державы поудалѣл в заморския волнения[3] и ты не мниши себѣ супротивника, живешь во отчаянии[4] и посолские грамоты так пишешь. Аще ли бы еси был близ нашего царства, православнаго державства, и яз бы *по твоимъ посолскимъ грамотамъ к* твоему невѣрному державству повинование творил, дани и оброки посылал и поклисаров бы своих к тебѣ с казною отпущал.

В-первые[5] б послал к тебѣ малого слугу — воеводу своего: а дал бы *к* тебѣ отвести дань от своея царьския силы — острый меч и неунятую саблю, и ты б, невѣрный, от той дани оставил свое неверственое державство и скрылся бы в горы каменые. И яз бы еще послал к тебѣ атамана своего и стрелцов: а дал бы им от своея казны оброк тебѣ — пушки и скорострелные пищали, и ты б от того оброку и тамо не укрылся. Да еще бы к тебѣ послал послы своя: а велѣл бы им посолство правити — тебя бы жива перед собою поставити, а в державѣ бы твоей велѣл православие утвердити. А *к* превысочайшим твоим пашам — велѣл бы к ним милость учинити: *темничному заключению предати*. А в которых ты полатах поседание *с* своими витязи творишь, и яз бы тѣ полаты приказал разоренью предати, а тѣм бы камен*и*ем велѣл думцов твоих побить и витязей, которые от тебя посолские грамоты чинят, а тѣло их прихоронити — псом *на снѣдение дати* за их невѣрствие.

Да и возможно мнѣ так учинити, занеже Господь и Богъ мой Исусъ Христосъ, Сын Божия, всегда супротивныя и невѣрныя враги покоряет мнѣ вышним своим промыслом и под нозе мои подлагает вас, скверных. А тебѣ, невѣрному, невозможно на мое царство никоторое злое подвижение учинити, потому что не до воли твоей сягнути[6] на нас. И много в православнем царствѣ, в моей державе, святителей истинных — богомолцов, которые Вышнему Вседержителю молитвы воздают о моей державѣ и о православномъ християнстве.

И аще ты с неразумия своего и с недовершеннаго разума и движение учинишь, и ты со всѣм своим движением в морском волнении погрузишься, якож и Коз*а*т, воевода ваш. И аще будет сему не довѣришь, и ты возри в лѣтописец свой: коли[7] был православный царь Костентин Великий во Царѣградѣ, а послѣ ево царствовал сынъ его. И потом начат Царьград держати невѣрный сал-

[1] не сообразив, не смекнув; [2—2] возведенный на трон огородник; [3] неурядицы, смуты; [4] безрассудно (?); [5] сначала, во-первых; [6] подступиться, посягнуть; [7] некогда, когда-то.

тан, якоже и ты. И в *том во* Царѣграде лежало тѣло Иванна Златаустаго. И фрязове[1] *из Родоса,* приехав во Царьград, да* у салтана *у* невѣрного и у его думцов тѣло Иванна Златоустаго откупили жемчюгом, и златом, и бисером[2], да привезли во *Родос*-град. А рака его и нынѣ во Царѣграде. И салтан царьградский послал в погонь Коз*ата*, воеводу своего, кораблем и велѣл отняти тѣло Иванна Златаустаго — и Златаустъ их побѣдил и потопил их корабль в морѣ со всѣм воинством.* Тако же и нынѣ того же убойся, не попущает бо Вышний невѣрных на православие, а православию державы моея попущает на вас, невѣрных. Потому не могу бо терпѣти злокозненаго вашего служителства Дияволу, ***чтоб вы обратились ко истинному крещению и к вѣрѣ христианстей, занеже Христос невѣрных наказует овогда гладом, овогда нашествием войску на град, а овогда запалением огненым на град за ваше беззаконство. И вы кладете то в великое забвение и не обратитеся на истинный путь да*** моление творишь капищам идолскимъ.

Да и се ти вѣдомо буди изрядно о моей державе: хощу к твоему невѣрию конечный мир — обоюдный острый мечь. И хощу простерети руку свою царьскую и двигнути силою* своею на твое невѣрное и злонравное державство за непокорение твое ко мнѣ и за неистовое[3] поклисарство твое к нашему державству. Да и мн*ю* своим мечным посечением и великим движением поколебатись по *коренным*[4] твоим странам, *како мнѣ царской десницей Богъ даровалъ, и видѣти* неволных твоихъ жителей по улусомъ, *чтоб онѣ*, от тебя отторгнувшеися, под мою десницу преклонилися и во всем пред царскою моею десницею повиновение ставили, якоже и иные державы преклонены к моему царству. А твоему невѣрию о моей силѣ вѣдомо *учнет быти*, коли я гнѣв свой велю утолити и меча не велю удержати.

Сия посолская грамота совершена в Росийском царствѣ у православнаго державнаго царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Русии области солнечны*я*.

---

[1] латиняне (*здесь:* родосские рыцари, иоанниты); [2] драгоценными камнями; [3] безрассудное; [4] исконным, основным.

ПЕРЕПИСКА ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА С ЦЕСАРЕМ ЛЕОПОЛЬДОМ

СПИСОКЪ ТУРСКОГО САЛТАНА К ЦЕСАРЮ РИМСКОМУ З ГРАМОТЫ 1663-го г.

Махметъ, сынъ прехвалныя славы и надо всѣми повелитель, сынъ Божий,* монархъ турский, греческий, молдавский, волоский, македонский, царь арменской, антиохийской, царь Великого и Малого Египта,* царь всеа вселенныя, изряднѣйший меж всѣми сынми магометовыми, винословникъ[1] венгерский, государь земнаго Рая,* страж *и* хранитель гроба Бога твоего, государь всѣх государей мирскихъ от востока дажа[2] до запада, царь всѣх царей, государь [3]Древа жизни[3],* началникъ московский* и [4]земли обетованныя[4],* велий гонитель християнский, богъ древа цвѣта,* блюститель[5] Бога твоего распятого, предсѣдатель[6] всякия надежды, — повелеваемъ поздравити тя, Леополдуса-цесаря.

Аще хощеши и желаеши быти ми приятель, изрядно[7] же вѣждь: от того времени, отнележе[8] разорися мир, бывший между нами (безо всякой обиды, сотворенной тебѣ от нас дѣлом или войною), догадываемся, яко со инымъ нѣкимъ королем покусился еси внити в совѣтъ[9], да против моей силы ратоборствуеши[10]. И в том лутчего сотворил еси и смышленно ничего иного. Не ожидаеши токмо совершенныя погибели, коея воистинну волею ты поискал еси.

И се объявляю тебѣ, что я на погубление твое к тебѣ изыду, от востока и от западу зайду и покажу силы моя и крѣпость с великим твоим наказанием и прещением[11], яко да познаеши и узриши, сколко силы государства моего могутъ. А понеже надѣяшися на нѣкоторые свои городки[12], бутто сии крѣпкии, конечно[13] порадѣю[14] вконецъ разорити, и искоренити, и извергнути, будто никогда на свѣте не бывали.

---

[1] обвинитель; [2] и (*усилительная частица*), [3—3] источника исцеления и благоденствия; [4—4] Палестины; [5] страж, хранитель; [6] тот, кто находится на первом почетном месте; [7] особо; [8] когда; [9] соглашение; [10] станешь сражаться; [11] возмездием; [12] крепости; [13] несомненно; [14] позабочусь, постараюсь.

Сверхъ того объявляю вящшее[1] исполнение[2] *и* удоволствование[3], яко [4]Богу попущающу[4], вся твоя земля, городы и страны никогда имѣти не будут покоя, яко [5]устави мысль моя[5] погубити тя купно с людми твоими [6]без малыя времяне мешкоты[6], и немецкую землю всю разорити, расточити, ничего не оставляя в ней и в государстве твоем, токмо вѣчную память страха и пролитие крови, саблею моею сотворенное тамо. И то все збудется, чтоб то дѣло вездѣ было славно и разголошено повсюду *и* что*бы* вѣра наша болши от часу множилась и приращение прияла.

Да потом Бога твоего, х кресту пригвожденного, вѣчно гонити возмогу, его же сила и крѣпость никакоже возможет сотворити тебѣ помощь и от *моих* рукъ свободити и отгоняти впредь. Паче же священники твоя уставихом[7] псомъ на снедение предати и сосца женска урѣзывати совершенно.*

Добро б ты и мудро сотворил, аще бы вѣру свою оставилъ, и твои подданыи всии с тобою обратилися.

Сего доволно буди для познания тѣх, яже тебѣ написах и еже к любви твоей належитъ[8] и к соприятствованию[9] потребнаго нашего желателства[10], к тебѣ сотворенного и объявленного.

СПИСОКЪ З ГРАМОТ*Ы* ЦЕСАРЯ РИМСКОГО К ТУРСКОМУ САЛТАНУ

Магмете, сыне погибели, дѣдичю[11] вѣчного осуждения,* муже гнилы*й* Древа жизни, смрадный блядословче[12] Бога. Всякого полне зла писание твое неразумное приях аз, Леополдѣ , государь твой, король твой и цысарь твой, которое яко [13]прах вмених[13] и в разуме моем едва положих, видя тще[14] совершенно, ибо псу поволно есть лаяти, ихъже господа обыкоша в желѣзах водити.*

Пишешь, что я с нѣкоторым королем приял *совет* — воистинну с Небесным Царемъ, на негоже всю мою положив надежду в совершенную твою погибель.

Глупче[15], страж бутто гроба Христа, Бога моего, пишешся, [16]вменяя ся[16]. Обаче[17] да не хвалиши ся тѣм, рвяся[18]: вѣмы бо добре — [19]во псы тебѣ влагатися[19], да стрегутъ дворы царевы и двери государей, иже мечют имъ по частицы хлѣба к губам. Того ради и мы тебя имѣем, и пребываеши даже до нынешнего времени [20]в стражбѣ[20], — но занеже[21] гордостию напыщаешися* и царем и государем нашимъ нарицаешися?

---

[1] большее; [2] возмещение; [3] удовлетворение; [4—4] даст Бог; [5—5] задался мыслью своею, решил; [6—6] нимало не мешкая; [7] решили мы; [8] относится; [9] взаимному дружелюбию; [10] стремления; [11] внучатый наследник (*звательный падеж*); [12] пустослов, лжец, хулитель; [13—13] счел прахом; [14] тщетным, пустым; [15] глупец; [16—16] считая себя; [17] однако; [18] рьяно, со рвением; [19—19] псом тебе быть положено; [20—20] настороже, в настороженности; [21] *здесь:* зачем, к чему.

Таков отвѣтъ творим, яко в кратце времяни познаеши силу Христа Роспятого, егоже, яко безумен, не престаеши хулити. И наше благоволѣние узриши, яко все во искоренение имени твоего от лица земли будет. И то сотворю до конца вѣка: грады твоя и государства поимутца от насъ и пленятца, и престол твой будетъ празненъ[1], и в наше порабощение и под властию нашею будутъ вся.

Паче же уставихом богохулныя твоя капища[2] вконецъ разорити или вь яслища[3] обратити, а церкви наша воздвигнемъ.* И будет по всей вселѣнней радость и веселие всѣмъ, имя Христово исповѣдующим. Вамъ же горе и плачь [4]сѣмо и овамо[4] придет.* Лживи же твои жрецы сотворю дрова и камение сещи,* жены же твоя тяжки сотворю, да [5]ведутъ землю и воду[5]. От востока же и от запада погоню всѣми силами моими, а Магметъ твой и росулей* никоея помощи не дастъ, во вся дни преизрядно к тому сотворю.

Аще бы святымъ крещением омылся, ваши бы вси от слепоты поганския, еюже обдержими есте, свободилися да у нее [6]разрешение епитимиею[6] осуждении будете, — вѣчно да не осудитеся.*

Сихъ же доволно, от нихъже разсудити можешь наше сердце. Вѣждь, якоже ничто ино в мысли нашей имѣем тайного.

1663-го г.

Перевод с немецкого писма октября 1-го числа; переведено в нынешнемъ во 178-м году (*1669*) октября въ 24 день.

---

[1] упразднен, уничтожен; [2] *здесь уничижительно:* мечети; [3] стойла для скота; [4—4] сюда и туда, всюду; [5—5] ведут работы в садах, огородах и на поливе их; [6—6] освобождение от содеянных грехов церковным наказанием.

ПЕРЕПИСКА ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА С ЧИГИРИНСКИМИ КАЗАКАМИ

ПЕРЕВОД С ПОЛСКОГО ПИСМА, СПИСОК С ЛИСТА САЛТАНА ТУРСКОГО, ПИСАННОГО В ЧИГИРИНЪ К КАЗАКОМЪ ИЮЛЯ ВЪ 7 ДЕНЬ 1678-го

Салтанъ, сынъ салтана турского, цесарь турской и греческой, македонской, вавилонской, иерусалимъской, паша ассирийской и Великого и Малого Египта, король александрийской, арменской и всѣх на свѣте обитающихъ, князь над князи, внукъ Божий, храбрый воинъ, навѣтникъ[1] христианский, хранитель Разспятого Бога, господарь великий, дѣдич[2] на земли, надежда и утѣшение бусурманское, а христианомъ скорбь и падение, —

— повелѣваю вамъ, чтоб есте доброволно поддались намъ со всѣми людми.

САЛТАНУ ОТВѢТ ИЗ ЧИГИРИНА ОТ КАЗАКОВЪ НА ПИСМѢ ОТДАНЪ

Салтанъ, сынъ проклятого салтана турского, таварыщь сатанинъ, *бездны адовы салтан турской*, подножие греческое, македонской поворъ, вавилонской бронникъ[3], иерусалимской колесникъ, ассирийской винокур, Великого и Малого Египта свинопасъ, александрийской арчакъ[4], арменской песъ, татарской живущей на свѣте проклятой аспид[5], похититель Каменца Подолского и всѣх земных обитателей подданой [6]шпынь и скаредъ[6], всего свѣта привидѣние, турского уезду бусурман, равенъ[7] жмоту, клевретъ сатанинъ, всего сонмища адова внукъ, проклятого сатаны гонецъ, Распятого Бога врагъ и гонитель рабовъ его, надежда и утѣшение бусурманское, падение и скорбь ихъ же, —

— не поддадимся тебѣ, но биться с тобою будем.

---

[1] недруг; [2] наследник; [3] оружейник; [4] седло; [5] ядовитая змея; [6—6] шут и поганец; [7] раввин, духовный наставник (?).

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ СМОЛЕНСКА ИВАНОМ ГРОЗНЫМ

В лѣто 7063 (1555) году месяца июля в 29 денъ на память святого мученика Калинника царь и великий князь Иванъ Васильевич всеа России своими рускими воеводами взял Смоленьскь-град. А стоял под градом три годы, занеже крѣпок град древяной бысть и острог. Не домысляше, како — приступом или подкопы — взят. И бысть Смоленска-града из болшей пушки стрѣлили, и прииде пушечное ядро и сорва маковицу[1] от церкви Преображенья Спасова, и поставивъ маковицу зле[2] шатер царевь, да едва в шатрѣ царя маковицей не убило. Царь же разгнѣвася и заповѣда в той церкве не служить до скончания. И на утрии же другаго дни приѣхав посланник от тверскаго архиепископа Еуфимия, привезѣ замок и ключ и писание от архиепископа написано: «Благословляю тя, царю, и замыкай тем замком и отмыкай ключем Смоленскь-град». Царь же воспалився и ярости наполнися и повелѣ того посланника казнить и предать его смерти. А по архиепископа тверскаго скоро послал немилостива гонца и повелѣ его скована привести и злой смерти предати, занеже под градом три годы стоя и много крови пролье, рускаго воинства паде и казны истощив, а не можаху никакоже града взять. «А он, архиепископъ, мнѣ, царю, посмѣявся, велить град замыкать». И Божию помощию Смоленска-града в третий денъ людие посидѣльцы град отворили и здалися царю гладные ради великие нужы. И государевы воеводы во град ехав, град взяли. Царь же той вины тверскому архиепископу отдаша, славя Бога и Пречистую его Богоматерь.

---

[1] церковную главу; [2] возле.

БАСНИ ЭЗОПА В ПЕРЕВОДЕ Ф. К. ГОЗВИНСКОГО

ПРИТЧИ, ИЛИ БАСНОСЛОВИЕ, ЭЗОПА ФРИГИ

СТИХИ, ИЛИ ВИРШИ, НА ЭЗОПА

Баснослагатель Езопъ не украшенъ образом[1],
прочитая же сего, обрящеши ся с разумомъ:
плоть, его сосудецъ, аще[2] не зѣло честна[3],
но душа, в нем живущ*ия*, зѣло изящна.
Пи*ш*а притчами сими звѣрския нравы
и в нихъ изоображаетъ человѣческия справы[4]:
птицами и рыбами поставль основание
и надбаснымъ[5] творитъ нам истолкование.
Притча к притчам — сказание и глаголъ притчи,
и в притчах притчюслагатель глаголетъ вещи.
Глумление[6] сея притчи не в глумѣх[7],
но утѣшителное прочитание [8]в разумѣхъ[8],
нравоучителная к нам сей бесѣдуетъ
и в притчахъ полезная к житию даруетъ, —
яже[9] от еллинскаго[10] преведена суть мною,
прочитая, любимиче, утѣшайся со мною.*

[*Феодор Касьянов, сын Гозвинский*].

1. ОРЕЛЪ И ЛИСИЦА*

Орелъ с лисицею содружившеся, близ себе жити начаша и утвержение *нрава*[11] любве и дружбы* сотворше. Орелъ убо[12] на высоцѣ древе гнѣздо изви, лисица же в ближнихъ кустехъ чада породи.

---

[1] внешним обликом; [2] хотя (*союз*); [3] почтенна; [4] дела; [5] сентенцией басни; [6] развлекательность, занятность; [7] смехе; [8—8] в разумении сути; [9] которые; [10] греческого; [11] обычая; [12] *выделительно-сопоставительная частица.*

[1]На паству[1] же нѣкогда лисице изшедшей, орел же пищи и брашна* не имѣя,* слетѣв в кусты и лисицыны чада восхитив, вкупѣ[2] со своими младыми* птенцы пожре. Лисица же пришедши и содѣянное увидѣвши, не толико[3] *о* смерти своихъ чад скорбя*ше*, елико[4] отмстити орлу не можаше: земная бо[5] сущ*и* птицу летающу*ю* гонити[6] невозможе*т*. Тѣмже[7] и издалеча ставъ, еже[8] и немощнымъ есть удобно, сопротивника своего и врага, безчествуя,* проклинаше.

Не по мнозех же днехъ последи нѣцыи человѣцы козу на жертву *принесше*, богом жроша[9].* Слетѣвъ орел и часть нѣкую тоя жертвы со углиемъ горящим восхити и ко п*т*енцемъ своим в гнездо принесе. Вѣтру же люту дышущю сицеву, яко и пламени *во*згорѣвшуся. Орличища же, еще суще бескрылни, улетѣти не могуще,* спекшеся, на землю низпадоша. Лисица же, видѣвши,* притече и, радуяся,* пред лицем орлим всѣх снѣде[10].

ИСТОЛКОВАНИЕ ПРИТЧИ. Притча являетъ, яко *и*же[11] дружба разорившии, аще и обидимых убѣгнутъ отмщения, — неможения ради *обидимых*,* — но Божия отмщения праведного* не убѣгнутъ.

2. О СОЛОВЬѢ И О ЯСТРЕБѢ*

Соловей, на древе седя, по своему обычаю пояше. Ястреб же, видѣвъ и брашна иного не имѣя, налетѣвъ, изыма[12] и хотяше его снѣсти. Моли соловей ястреба, дабы его не снѣл, «ибо, — глаголаше, — мною, малою птицею, не наполниши своего ястребья чрева, но на болшая *птицы*, возвращься, устремил бы ся».*

Ястреб же не внимаше его словес, рече: «Но аз безумен *аще был бых*, сия сотворил: в рукахъ готовую пищу имѣя, оставль, не сущих же [13]гдѣ взысковати[13]».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко и от человѣкъ сии суть безумнии, иже [14]ради надежда многихъ безнадежных[14], аще о сихъ, яже в рукахъ имѣюще, понерадѣютъ[15].

3. О ЛИСИЦѢ И О КОЗЛѢ*

Лисица и козел жаждуще, *влѣзоша* в кладезь. И егда[16] напишася, козелъ смотряше и, неисходное[17] мѣсто видѣвъ, усумнѣся, откуду изыти.*

[1—1] промысел пищи; [2] совместно; [3] столько; [4] сколько; [5] ибо; [6] преследовать; [7] поэтому; [8] что; [9] совершили жертвоприношение; [10] съела; [11] кто; [12] схватил; [13—13] где-то разыскивать; [14—14] в надежде на неизвестное, ненадежное большее; [15] не заботятся; [16] когда; [17] безвыходное.

Лисица же рече: «Дерзай[1], козле, — потребное аз нѣчто обоима, себѣ *и тебѣ*, к свобождению умыслихъ: стани убо простъ[2], предние ноги к стенѣ приложиши и роги такоже наперед поклониши. Азъ же *потеку*[3], скочивъ* чрез твои плеча и роги, и, ис кладезя тако *искочив*, посем и тебе отсюду извлеку».

Козел же увѣрися словесем ея,* сие дѣло готово[4] сотвори. Она же тако ис кладезя по ево плечахъ искочивши и скакаше окрестъ устия[5] кладезнаго, веселящ*и*ся.

Козел же ю[6] обличаше, яко преступила есть обѣты и не сотвори по своему *за*вѣту.* Лисица же к нему рече: «Но аще[7] бы ты толико разуму имѣл, о козле, елико в своей брадѣ имѣеши власовъ, не первѣе[8] бы ты вшел еси в кладезь, прежде даже не разсмотривъ неисходное от него!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко тако и разумну мужу подобает прежде конецъ зрѣти вещей,* посем же тако к вещем приступати.

4. О ЛИСИЦѢ И О ЛЬВѢ

Лисица *нѣкогда*[9] не видѣвши лва, и по нѣкоему случаю срѣтеся со лвом, и убо первее[10], изначала* тако убояся, яко вмале[11] не умре. Посем же второе видѣвши, убояся убо, но не якоже первѣе. В третие же сего увидѣвши, тако с ним дерзну, яко и пришед бесѣдоваше.

ИСТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко нрав и присвоение[12]* и страшныя вещи удобная творитъ.

5. О КОТѢ И О АЛЕКТОРѢ[13]

Котъ поима алектора, со благосло*вн*ою[14] сего виною хотяше снѣсти. И обличаетъ его, глаголя, яко «тяжел еси человѣком, нощию вопия, возбраняя им сна насытитися». Алектору же отвѣщавшу, яко к человѣческой ползе сие творитъ, [15]еже бо[15] на обычная ихъ дѣла возбужаетъ.

Паки[16] кот иную вину наносит, яко «нечестивъ еси и нечистъ* естествомъ, матери и сестрам присовокупляешися». Ему же: «И се на ползу своим господиям и владыкамъ *творити*,* — глаголаше, — и ради сего многия яица родятца».

Кот отвещав рече: «Но аще ты многия благообразныя[17] собираеши отвѣты, аз же убо гладен сый, не жду», — и сего снеде.

---

[1] не падай духом; [2] прямо; [3] устремлюсь, пойду; [4] готовно; [5] устья, отверстия; [6] ее; [7] если; [8] прежде; [9] еще не, никогда (μήπω); [10] впервые; [11] чуть; [12] привычка; [13] петухе; [14] благовидною; [15—15] так как; [16] снова; [17] благопристойные.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко лукав*ое* естество, согрѣшити хотяще, аще со благословным не возможетъ образом, и яве[1] лукавнуетъ.

6. О ЛИСИЦѢ*

Лисица в сѣть впадши, и отсѣкшися у нея ошиби[2], — побѣже, срамное и безчестное* мняше себѣ быти житие. Помысли убо научити и иныхъ лисицъ, да сотворятъ сие, — яко да общею страстию[3] *при*крыетъ свой студ[4]. И тако всѣхъ собравъ, похваляетъ им ошиби отсецати, глаголя, яко не точию[5] [6]непотребный и непригожей[6] есть сей уд[7], но еще и лишняя тягота волочащаяся.*

Уразумѣвши же нѣкая от нихъ, *отвѣщавъ* рече к ней: «О ты! Но аще бы тебѣ сие не случилося,* не бы ты нам сие *со*творити *сов*ѣтовала».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко луквии человѣцы не ради благоразумия и благоизволения[8]* творятъ совѣты, — ради же своего полезнаго.

7. О ЛИСИЦѢ И О КУСТѢ

Лисица на тын вос*шедши по*ползнувшися[9], упасти хотяше, [10]приимаше на помощь имѣти куста[10]. И тамо падш*и*,* и нозѣ свои на кустовых тернияхъ острых* прободши, и болѣзнующи, к кусту рече: «Охъ мнѣ, прибѣгшей убо к тебѣ яко на помощника, — ты же в помощи мѣсто* злѣйшее мнѣ сотвори».

Рече же кустъ: «[11]Согрешила еси[11], о ты, мною хотящия восприяти[12] ся, — *а*зъ же всѣхъ восприявати сице обыкохъ».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко тако и от человѣкъ суетнии сии суть, елицы[13] к сицевым помощником притекаютъ, имже обидѣти есть паче свойственное.

8. О ЛИСИЦѢ И О КОРКОДИЛѢ

Лисица и коркодил-змей* о благород*ств*ии бесѣдоваше. Многая же коркодилъ горделивно о свѣтлости прародителей своихъ глаголаше, якоже и о *ихъ* богатырскихъ подвизехъ.* Лисица же отвеща*вши* рече: «О друже! Аще и

---

[1] открыто; [2] хвост; [3] несчастием; [4] позор; [5] только; [6—6] непристойный и некрасивый; [7] часть тела; [8] благорасположения; [9] поскользнувшись; [10—10] ухватилась, чтобы помочь себе, за куст; [11—11] ошиблась; [12] удержать; [13] которые.

не глаголати о своемъ благородствии будеши, от кожи бо явственъ еси, поне[1] *з* древних времен еси сего ради и обнаженъ».*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко лжущихъ мужей обличениемъ бывают вещи.

9. О АЛЕКТОРЕХ И ПЕЛЕПЕЛИЦѢ[2]

Алекторовъ нѣкто имѣя в дому, купи *и* пелепелицу и со алекторы вмѣсте пусти пастися. Имъ же бьющим ю и отгоняющим, пелепелица скорбяше зѣло, мняше, яко иного сый племене, сие от алекторовъ стражетъ.

И убо по *не*множѣх днехъ и оных увиде пелепелица между собою борющи*х*ся и бьющих*ся*, скорбь оставивъ, рече: «Но аз убо отныне не скорблю, зря ихъ и между собою бьющихся самѣхъ».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко премудрии человѣцы удобнѣ[3] претерпевают от чюжих брани, егда увидятъ и ихъ самѣх с своими ся бранящих.

10. О ЛИСИЦѢ И ХАРѢ[4]

Лисица, в домъ пришедша кощуника[5] нѣкоего скомороха* и вся *его* сосуды[6] презрѣвша[7], обрѣте и главу харину, художественѣ содѣянную, юже[8] и руками приемше, рече: «О сицевая[9] глав*а*! — точию мозгу и разуму не има*тъ*!»*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к мужемъ великоименитым[10] убо плотию, душею же безсловесныхъ[11].

11. О УГОЛНИКѢ И САПОЖНИКѢ

Уголникъ[12], в нѣкоем живый в дому, моляше и сапожника, да пришед с нимъ *вмѣсте* поживетъ. Сапожникъ же отвѣщавъ рече: «Но аз сего сотворити не могу, — бою *бо* ся, да некогда аз убелю, ты же паки, сам прахом уголным исполнивъ, учернишь».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко всякое неподобное себѣ — [13]не причастное[13].

---

[1] потому что; [2] перепелке; [3] легко; [4] уродливом страшилище; [5] шута, оскверняющего самое святое; [6] утварь; [7] пересмотрев; [8] которую; [9] экая; [10] величественным, импозантным; [11] неразумным, звероподобным; [12] угольщик; [13—13] несовместно.

12. О РЫБОЛОВѢХ И О КАМЕНИ

Рыболове влекуще невод. Тяжку же *ему* сущу, — радовахуся и плясаху,* многу ловитву, мня*ще*, быти. Егда же невод на брегъ извлекоша, тогда рыб убо обрѣтоша мало, камень же в сѣти великий обрѣтоша, — скорбѣти начаша не толико о малости рыб, елико о сем, еже [1]сопротивная восприяша[1].

Един же нѣкто от среды ихъ старѣйший рече: «Не скорбимъ, *о друзи*! Ибо радости всегда,* яко же обычай, бывати сестра скорбь. И вам такоже подобаетъ, прежде рад*ующим*ся, всячески же и поскорбѣти».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко не подобаетъ скорбѣти, аще что и не получим.

13. О САМОМНИТЕЛИ[2]

Муж нѣкто отшелецъ[3]. Посемъ же паки во свою пришед землю, между иными многими и различными бесѣдовании [4]сказуя: в различных *град*ѣхъ мужествовати, — и скакати, и храбровати[4].* И яко в Родийскомъ граде* *мѣсто* велико прескакаше, якова же никто же выше его можаше прескочити. «На сие же и свидѣтелей имѣти тамо бывшихъ», — глаголаше.

От предстоящих же нѣкто отвѣщав рече: «*О ты!* аще истинну се быти, глаголеши, ничто же требе есть свидѣтелей. Се тебѣ град Родийский, се и прескакание,* — скочи, и увидимъ!»*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко всякое надорожное[5]* дѣло, аще вещию и дѣлом не будетъ указано, всякое слово сицевое, кромѣ дѣла, ложно же и суетно.

14. О НЕПОДОБНЫХ[6] ОБѢТЕХ*

Муж нищий, болѣзнуя и злѣ лежа (понеже от врачей повержен[7] бысть), богом моля*ш*еся, яко, аще по-прежнему *паки* здрава его сотворятъ, сто волов обѣща имъ принести на жертву.

Жена же его вопроси, глаголя: «[8]И гдѣ тебѣ сия буд*у*тъ[8], егда уздравишися?» Он же рече: «[9]Остави убо[9] и даждь ми токмо востати от болѣзни. Боги же сего на мнѣ не воспросятъ».*

[1—1] получили противное (тому, что ожидали); [2] заносчивом хвастуне; [3] был в странствиях; [4—4] рассказывая, что в различных городах совершал мужественные поступки, прыгал и был храбр; [5] происходящее в странствиях (*в ориг.*: 'необыкновенное'); [6] нечестивых; [7] покинут; [8—8] и где тебе взять их будет; [9—9] отстань же.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко мнози суть, *иже* удобь многая обѣщевают, *яже* совершити дѣлом [1]не надѣятца[1].

15. О ЗЛОКОЗНЕННОМ

Муж злокозненный в Делфы* прииде ко Апполлону, искусити его хотя. И взем воробья в руку и сего ризою прикры, стоя близ олтаря, и вопроси бога,* глаголя: «Аполоне! Еже в рукахъ тебѣ приношу, [2]рцы ми[2], каково есть: живое ли или бездушное?[3]»* — хотя сице[4] сотворити: аще богъ речетъ* «бездушное» — жив*а* воробья показать; аще «живо» речетъ — абие[5] удав*ив*, мертва воробья принести.

Но убо бог, разумѣвъ его злохудо*жн*ое[6] умышление,* рече: «О сей! еже хощеши сотворити — сотвори, у тебе бо се лежитъ на произволение: или жива, еже имѣеши, или мертва покажеши».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко божественному оку* вся не сокровенна и не утаенна.

16. О РЫБОЛОВѢХ

Рыболовы на ловитву изшедше. И понеже мног*ое* время трудившеся, не уловиша ничтоже, зѣло скорбяху и разытися хотяху.

Абие же рыбица селдь,* от великих рыб гонима, в корабль ихъ скочи. Они же и сего вземше, с радостию разыдошася.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко множицею[7], яко художество[8] не подастъ, сие случай даруетъ.

17. О ЖАБАХ*

Жабы двѣ во езере пасяхуся. На веснѣ* же езеру изсохшу, они же, оставльше с*е*, искаху иного и обрѣтше глубокий кладезь.

Узрѣвъ, едина друго*й* глаголет: «О друже! Снидем в сей кладезь». Другая отвещав рече: «Аще убо и та, яже в нем, вода изсохнетъ, то како от него изыдем?»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко не подобаетъ неразмысленно и неразсудително* приступати к вещем.

[1—1] не предполагают; [2—2] скажи мне; [3] бездыханное; [4] так; [5] тотчас; [6] коварное; [7] часто; [8] умение.

18. О СТАРОМ МУЖИ *И О СМЕРТИ**

Старецъ нѣкто дров*а* сѣкий в горѣ и на раму[1] несый. И понеже многий путь идый, утрудися, сложи с себя на землю дрова и смерти приити призываше.

Смерти же абие представши и вину вопрос*и*: чесо ради *ю* призываетъ? Старецъ же, убоявся,* рече: дабы взяла сие бремя дров и на его раму возложила.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко всякъ человѣкъ любоживот*ен* сый: аще и тмами[2] бѣд впадый, мнится смерти призывати, но обаче[3] жити множае, нежели смерти, желаетъ.

19. О БАБѢ И О ВРАЧѢ

Баба нѣкая, болѣзнующи очима, призва нѣкоего врача, и на мздѣ согласившеся тако: аще убо исцелит ю, хотѣ *ему* мъзду дати; аще ли же *ни* — ничто же дати.

Восхотѣ убо и врачь тако врачевати. И на всякъ день приходя к *старѣйшей*[4] и очи ея мазаше мастию, *е*же никако же возрѣти в то время ей от помазования не могущ*и*. Он же, егда она не смотряше,* едино нѣчто из дому ея от сосудов украдый, отхождаше.

Баба же увидѣ свое имѣние и сосуды* на всякъ день умаляющаяся, яко напоследи, донелиже[5] уврачюется, и ничесому бѣ остати. Врачь же по согласию мъзды от нея прошаше,* глаголя, яко уже чисто зритъ, — и свидѣтелей приведе. Она же: «Паче[6], — рече, — нынѣ ничесо же зрю, ибо егда очима болѣхъ, много сосудовъ в храминѣ своей видѣхъ. Нынѣ же, егда ты вид*ѣти ми* глаголеши, ничто же о*т* сихъ вижу».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко лукавии человѣцы яже творят, случается имъ на самѣх же себ*е* обличения[7] наносити.

20. О ГОСПОДИНЕ И О СОБАКАХ

Муж нѣкто [8]от зимы[8] пришед в пре*д*градие[9] жити.* И первие убо овцы снѣде, посем же козы. [10]Зимѣ же обдержащ*ей*[10], и работныя волы, заклав, *ядя*ше.*

---

[1] плечах; [2] великое множество (раз); [3] однако; [4] старушке; [5] пока; [6] тем более; [7] позор, бесчестие; [8—8] из-за ненастья, непогоды; [9] загородную усадьбу; [10—10] когда же ненастье затянулось.

Пси же сие видѣвше, бесѣдова*ху* меж собою: «Побѣжимъ убо мы отсюду, аще убо и работных волов господинъ нашъ не пощадѣ, нас же како пощадитъ?»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко от сицевыхъ наипаче бѣгати и блюстися подобаетъ, иже своихъ не щадят.

21. О УГРЫЗЕНОМ ОТО ПСА

Угрызен нѣкто от пса, врачевания иский, ходяше. Срѣте *же* его нѣкто и, разумѣвъ, чесо ищетъ, рече ему: «О ты, аще исцелитися хощеши, прием хлѣба и, се *в* кровь вреда[1] омочивъ, угрызшему псу снѣсти подай».

Он же, возсмѣявся, рече: «Но аще сице сотворю, подобает ми от всѣхъ псов, иже во граде, угрызненну быти».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко лукавии человѣцы благодѣтелствуеми наипаче обидети благодѣтел*ству*ющих поощряются[2].

22. О ДВОЮ МЛАДЕНЦАХ И О ПОВАРѢ

[3]Два младенца[3] при поворе седяху. [4]И повору во своихъ дѣлехъ замышлившуся[4], един от нихъ часть нѣкую мяса украде, другому [5]в нѣдра[5] положи.

[6]Возвращшу же сь повару[6] и мяса ищущу и не обрѣтшу, [7]украдый кляся[7], глаголя: «не имѣти»; имѣ*яй*[8] *же* в недрех глаголаше: «не украде». Повар же, уразумѣвъ ихъ лукавъство, рече: «Но аще мнѣ утаисте, кленуще же ся богу не утаисте».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко аще человѣкомъ утаим кленущеся, Богу *же* не утаим.

23. О НЕДРУЗѢХЪ

Два нѣкая, между собою враждующе, на едином же кораблѣ пловяху: един убо при кормѣ седяще, другий же на носу.

Зимѣ же и вѣтру люту* бывшу, кораблю же уже хотящу погрузитися, и сей, иже на кормѣ седяше, правителя[9] вопроси, глаголя: «Кая убо прежде часть и страна карабля потопится?» Правитель же рекъ, яко нос первие погрузится.* Но убо то*й*, *и*же на корм*ѣ* сѣдый[10], рече: «Мнѣ убо есть не прискорбна смерть, аще узрю прежде недруга *м*оего умирающа».

---

[1] раны; [2] стремятся; [3—3] *здесь*: два юноши (*в греч.*: δύο νεανίσκοι, *ср. польск.* młodzieniec — 'юноша'); [4—4] и когда повар задумался о своих делах; [5—5] за пазуху; [6—6] когда же повар обернулся; [7—7] укравший клялся; [8] имеющий; [9] кормчего; [10] сидящий.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко мнози от человѣкъ ничесо же о своихъ врежениях не скорбят, аще токмо увидятъ преже себе своих недруговъ злостраждущих.

24. О ЖЕНѢ[1] И О КУРИЦѢ

Нѣкая жена-вдовица имѣ курицу, на всяк день яйца ей родящую. Помысли себѣ, яко аще болши курице ячмени предлагати, будет дважды днем родити. И сице сотвори. Курица же, отолстѣвши и тучна сущи,* ниже единого яйца днем родити возможе.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко любостяжания ради болши желающия и настоящая[2] погубляют.

25. О КОТѢ И О МЫШАХ

В дому нѣкоемъ многим сущим мышам. Кот же, сие уразумѣвъ, живяше здѣ* и всякую от нихъ, иже поимаше, снѣдаше. Мыши же на всякъ день себе растлеваемыхъ зряще, рекоша к себѣ: «[3]Не к тому[3] снидем низу, да не всячески погибнем, — ибо коту не *могущу* к нам здѣ приитти, мы от него спасемся».

Кот же увидѣ не сходящихъ к нему низу мышей, [4]разсудивъ помышлениемъ над ними умудряяся[4]. И дирою нѣкоею к ним возшед и, [5]отлучься от нихъ[5], претвори себе мертва быти.*

От мышей же нѣкая, *приникнувши*[6], узрѣ кота, яко же мертва, лежаща,* рече: «О ты, аще и прахом будеши и перст*ию*[7],* не приближуся к тебѣ!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко премудрии человѣцы, егда *нѣких мучителства искусят, не к тому* прелстятся от них лицемѣрствы.

26. О ЛИСИЦѢ И О ОБЕЗЬЯНЕ

В собрании нѣкогда безсловесных зверей посреди ихъ пляса обезьяна. И благоизволившим всѣм звѣремъ, царем ю поставиша. Лисица же *ей* позавидевши *и в нѣкоей пасти*[8] *мясо увидѣвши*, обезьяну взем, тамо приведе и сказующи ей, яко обрѣте сокровище и «сего мнѣ, лисице, не подобаетъ взимати,

---

[1] женщине; [2] то, что есть; [3—3] больше не; [4—4] задумав хитростью изловчиться над ними; [5—5] не обращая на них внимания; [6] выглянув; приникнув к щелке; [7] пылью; [8] западне.

сего ради поне *се* царю токмо единому* закон даетъ». И похваля*ше*[1] обезьяне, да пришед, увидитъ,* и яко царю подобаетъ сокровища собирати.

Обезьяна же не разсмотривши и, пришед сокровище видети,* поима*ся* пастию и о прелщении обличаше *лисицу*. Лисица *же рече*: «О обезьяно! Сицевое *ты* буйство и безумие* имѣя, безсловеснии звѣрии* царствовати восхотѣ!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, я*ко*, иже к дѣлам неразсмотрително приходяще, в злыя случаи впадают.

27. О СЕЛДИ И О ДЕЛФИНЕ-*РЫБѢ**

Селдь,* гоним от делфина, [2]велиею волною носим[2]. И егда изыматися хотя*ше*, случися зелным течениемъ, и [3]испаде на нѣкий остров[3]. Подобным и тацѣм же течениемъ и делфин к нему испаде. И селдь, обращься и, скорбна душею,* делфина видѣвше, рече: «Не к тому *ми* смерть прискорбна, зрящу ми виновного сего и вкупѣ со мною умирающаго».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко неудобнѣ случая человѣцы претерпѣвают, иже аще к сему повинных злод*ен*ствующих самѣхъ узрятъ.

28. О ВРАЧѢ И О БОЛЯЩЕМ

Врачь болнаго врачеваше. Болному же умершу, рече врачь ко *от*носящим его на погребение: «Сей человѣк, аще бы вина удерживался пити и требовал бы кристиловъ[4], не бы умер».

От престоящих же нѣкто отвещав, рече: «Изрядне[5], не подобает ти сихъ нынѣ, воспоминая, глаголати, егда чему *у*же нѣсть полза, — но тогда совѣтовати, егда сими требоватися[6] *в*озмоглъ бы».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко подобает другом во время скорби и нужды* помощь подаяти.

29. О БОБРѢ

Бобръ животно есть четвероножно*е*, множицею жъ вь езерахъ живетъ. Его же срамные уды, — глаголютъ, — врачем потребна быти.* Сей убо, егда от человѣкъ гоним бываетъ, вѣдый, чесо ради его гонятъ, отгрызый своя срамныя уды, повержетъ[7] пред гонящими — и тако свобождение[8] получаетъ.

---

[1] побуждала (*в ориг.*: προὐτρέπετο); [2—2] метался в огромных волнах; [3—3] был(а) выброшен(а) на сушу; [4] клистиров; [5] почтенный; [6] воспользоваться; [7] бросит; [8] избавление.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко сице человѣцы разумнии ради своего спасения имѣния не щадятъ.

30. О ПСѢ И О ПОВАРѢ

Пес скочивый в поварню, — повару же замедлившу, — сердце восхитив, побѣже. Повар же, обращся, яко видѣ его бѣгающа, рече: «О ты, разумѣй, яко, идѣже аще будеши, хранитися от тебе буду: не убо у мене сердце взял еси, но мнѣ сердце дал еси!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко многожды страсти человѣком наказания[1] бываютъ.

31. О ПСѢ И О ВОЛКѢ

Пес пред дворищемъ нѣким сп*аш*е. Волку же пришедшу и хотящ*у* его снѣсти, моляше волка, дабы его ныне не снедал: «Ныне бо, — рече, — худ и тонокъ есмь и сухъ.* Аще же мало пождеши, хотятъ мои господие творити бракъ[2], — и азъ, тогда мног*ая* яд*ый*, тучнѣйшие и тебѣ сладчайшии бра*ш*но буду». И волкъ, вѣровав его словесемъ, отыиде.

По днех же паки пришед, обрѣте пса верху дома спяща. И, стоя низу, пса призываше, дабы попомнил своя обѣты. И пес рече: «*Но*, о волче, аще по семъ времяни пред дворищем узриши мя спяща, уже [3]к тому[3] браков не жди».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко премудрии человѣцы, егда в чем бѣдствующе спасутся, по вся дни живота своего сего хранятся.

32. О ПСѢ И О АЛЕКТОРѢ*

Пес со алектором дружбу сотворше. Вечеру же сущу, и алектор, убо на древе спяще, возлетѣ. Пес же при корени себѣ берлогъ сотвори.

И алектор по обычаю нощию возгласи. Лисица же, услышавъ, к нему притече и, стоя низу, алектору снити з древа повелѣваетъ: «Пожелаше бо, — глаголя, — сице благаго-ти[4] гласа имѣющего животного *ц*ѣловат*и*[5]». Ему жъ рѣкш*у*, дабы преже лежащаго пса* пред коренем возбудила: «И егда ми сей путь отверзетъ, тогда и сниду».

Лисица же ищущи пса* возгласити, пес же, абие вскочивъ, расторже ю.

---

[1] уроком; [2] свадьбу; [3—3] больше; [4] *усилительно-выделительная частица*; [5] приветствовать.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко премудрии человѣцы врагов нашедшихъ к силнѣйшимъ посылати обыкоша.

33. О ЛВѢ И О ЖАБЕ*

Левъ нѣкогда услыша жабу зѣло вопиющу, возвратися ко гласу, разумѣя: нѣкое великое животно быти. Пождав *же* мало, яко виде ю, исходящу от езера, пришед л е в, наступив, удави ю.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко не подобает прежде видѣния слухом самѣм[1] смущатися.

34. О ЛЬВѢ, И О ОСЛѢ, *И О ЛИСИЦѢ*

Левъ, *и* осел, и лисица, сообщение д р у ж б ы сотворше, изыдоша на ловитву и многу ловитву собравше.

Повелѣ левъ *ослу* разделити им. Он же три части сотвори, р а з д е л и в ъ* равныя, и любити[2] им повелеваетъ. И лев разгнѣвася о р а з д е л е н и и,* осла снѣде.

Посем лисице раздѣляти повелѣ. Она же *на* едину часть и с т р а н у* вся извлече, себѣ же мало нѣчто остави. И левъ р а д о с т н о* к лисице рече: «Кто тя, о изрядная, сице разделяти научи?» Она же рече: «Ословъ случай[3] и з л о с т р а с т и е[4]».*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко [5]у ц е л о м у д р е н и *я и* наказания[5]* бывают человѣкомъ *иныхъ* злоденствия.

35. О ЛВѢ И О МЕДВѢДЕ

Левъ и медвѣдь, в к у п ѣ елен*ка* м а л о г о* обрѣтше, о немъ боряхуся. И не могуще победитися[6], от великия брани помрачевахуся[7], р а з ш е д ш е с я, и з д а л е ч а лежаща з р я *х у*.

Лисица же, окрестъ обшедши и упадши*х и х* видѣвши, еленка жъ посреди и х лежаща м а л а,* *посредѣ обоих* протекши, восхити и, бѣгающи, отоиде. Они же видѣвше *у*бо *ю*, не могуще *же* востати, рекоша: «Бѣдные мы, яко лисицы ради труждахомся!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко инѣм трудившимся, инии же приобрѣтаютъ *и к о р ы с т в у ю т ъ.**

---

[1] одним лишь; [2] выбирать то, что любо; [3] несчастная участь, несчастье; [4] страдание; [5—5] вразумлением и назиданием; [6] одному одолеть другого; [7] изнемогли до того, что в глазах потемнело.

36. О ВОРОЖЕѢ, СИИРѢЧЬ О ВОЛХВѢ

[1]Ворожбитъ, на торзѣ сѣдяй[1], бесѣдоваше. Пришед же абие нѣкто к нему, извещеваше ему, яко въ его храмине двери сокрушены всѣ и окна,* и вся, яже внутрь быша, изнесена.

Услышав же ворож*бит*,* вскочи *и стеня* скоро потече к своей храминѣ. Текуща ж его нѣкто увидѣ, рече: «О сей, иже чюжая вещи предвѣдати глаголаше, своя же не предвѣде!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ [2]ко иже[2] *убо* свой животъ *злѣ* строящии, а еже ему ничесоже потребно — увещевати[3] покушается.

37. О МУРАВЛѢ И О ГОЛУБИЦЕ*

Муравль возжада, сошед на источникъ, и изъвлечен бысть течениемъ струя,* и утопаше. Голубица же сие видѣв*ши*, сучецъ древа, или стебль, взем, чрез источникъ поверже: на нь же возлѣзе муравль, спасеся.

Ловец же нѣкто сѣть ис тростия сложи,* голубицу хотя уловити. Сие же муравль увиде, ловца в ногу угрызе. Ему же болѣзн*ова*вшу, с тростию убо и с сѣтию* поверже и голубицу изжене[4].

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко подобаетъ добротворящимъ благодать за благодать* воздаяти.

38. О КОЖАНѢ, И О РЕПЬЮ[5], И О ЧАЙКѢ

Кожан[6], репей и чайка дружбу сотворше, помыслиша купецкое житие жити изволиша. И убо кожан, или нетопырь, сребра взаимы вземъ, положи во общину. Ряпей же ризу с собою вземъ. Чайка же третия — мѣди. И отплыша торговати во стран*ы* далече.* Вѣтру же и зимѣ лютей сущ*и* и караблю бѣдствующу потопитися, разбившуся,* — вся погубиша, сами точию* ко брегу спасошася.

И сего ради от сего времяни *у*бо чайка всегда при мори по брегу и при езерахъ* притекаетъ, [7]егда гдѣ мѣдь море извержет[7]. Кожан, или нетопырь, должниковъ[8] бояся, во дни не является, нощию же *токмо** на паству исходитъ. Ряпей же, при ходящихъ стоя, ризу дабы гдѣ познал, прилипая, ищетъ.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко о чемъ тщимся, о сем [9]последи приходяще[9] *и* поучаемся.

[1—1] Прорицатель, сидя на торговой площади; [2—2] к тому, кто; [3] наставлять, поучать; [4] упустил (*в ориг.*: φυγεῖν); [5] репейнике; [6] летучая мышь (*обл.*); [7—7] не извержет ли море где меди; [8] заимодавцев; [9—9] впоследствии.

39. О БОЛЯЩЕМЪ И О ВРАЧѢ

Болящий нѣкто от врача вопрошен бысть: како пребысть? Болящий же рече, яко «зѣло [1]над подобающее потѣхъ[1]». Врач же рече: добро се быти.

Посем паки второе вопроси: како пребысть? Болящий же рече: дрожаниемъ многимъ содержимъ[2] и дряхлостию[3] мучимъ.* Врачь же: «И се добро быт*и*», — рече.

В третие же вопроси болящаго: како пребысть? — рече: [4]внутреннюю огневую[4]* впаде. Он же: «И сие паки добро, — рече, — быти».

Посем же от своихъ домашнихъ нѣкто *сего* вопроси: «Како ся имаши?» Болящий же рече: «От благихъ своихъ погибаю».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко наипаче си*х*ъ человѣкъ намъ ненавидети подобает, иже всегда ко благодати хотят нам глаголати.

40. О СѢКУЩЕМ ДРОВА *И О ЕРМИСѢ**

Сѣкий нѣкто дрова при рецѣ, и спаде ему сѣкира с топорища в рѣку.* Иский же и не обрѣте,* сѣде при брезѣ, плакася.

Ермис же богъ* испыта вину[5] плача и милосердова о человѣце сем, сошед в рѣку, и златую изнесе сѣкиру, и вопроси: аще сия сѣкира его есть, юже погуби? Ему же отвѣщавшу и рекшу, яко не та.

Абие* паки сошед и сребряную изнесе сѣкиру. [6]Ему же: «Ниже сию, — рекшу, — быти»[6].

Третицею сниде Ермис в рѣку и его секиру желѣзную* изнесе. Ему же глаголющю, яко «сия истинная погибшая моя есть!» Ермис же восприим любовнѣ его правду и всѣ три сѣкиры* дарова ему.

И пришед, сосѣдомъ своим всѣм бывшее проповѣда[7]. От них же паки* един также сотворити умысли. И пришед на реку, и свою сѣкиру вверже в реку, и плача седяше.

Яви же ся и ему Ермис и вину плача вопроси. Сошед, также златую сѣкиру изнесе и вопроси: аще сию погуби? Он же *с* радостию вскочи* и «истинно, — глаголющу, — сию сѣкиру быти!»

Возненавиде убо бог его безстудство и неправду* и не токмо сию даде, но ниже истинную свою восприяти.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко елико праведным Богъ пособствуетъ,* толико неправедным противится.

[1—1] сверх обычного потею; [2] охвачен; [3] слабостью; [4—4] огневицу, горячку; [5] причину; [6—6] Он же: «И не эта», — сказал; [7] рассказал.

41. О ОСЛѢ И ОГОРОДНИКѢ

Осел, дѣлая[1] у огородника, понеже убо мало ядяше, *много же* труждашеся, моли*ся* Зевесу,* дабы, от огородника отведъ[2], иному продал бы господину. Зевес же послушав его мол*итву* и повелѣ *его* горшечнику продати.

Паки труждашеся болши перваго и бѣднее ж*и*вяше,* брение[3], и горшки, и плинфы[4] нося; паки переменити господина моляшеся. И продан бысть усмарю, или кожевнику, — злѣйшему убо *от* первыхъ впаде господину. И зря, яже от него творимая, со воздыханием* и стенанием горкимъ* рече: «Охъ мнѣ, бѣдному! Лутче мне бысть у прежнихъ господей пребывая жити, нежели у сего немилостиваго:* сей убо, якоже вижу, и кожу мою напоследи[5]* изработаетъ[6]».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко тогда наипаче первыхъ господей слуги и раби* поминающе желаютъ, *егда* у послѣднихъ[7] господей *вос*примутъ искуство.

42. О ЛОВЦѢ И О ПТИЦЕ ДУДОКЪ*

Ловецъ птицам составляше сѣти. Дудокъ[8] же, сие издалеча видѣвъ, вопрошаше его: что убо сие созидаетъ?

[9]Ему же: «Град созидати», — сказавшу[9].

Посем же ловц*у* далече отшедшу и скрывшуся, дудокъ же словесем мужа увѣрися, пришед, влѣзе въ «созидание» и изымася[10].

Ловцу же абие притекшу, дудок же рече: «О ты, человѣче добрый!* аще сицевые грады созидати будеши, не многих обрящеши в них живущих».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко тогда наипаче грады и домы опустѣ*ва*ютъ,* егда началницы ихъ, владыки и царие, свирѣпѣюще мучителствуютъ.*

43. О ПУТЬШЕСТВЕННИЦѢ

Путьшественикъ многий прешед путь, моляшеся богу Ермису,* аще убо обрящетъ что, половину сего Ермису на жертву возложити обѣща.

И прешед мало,* обрѣте пиру[11], исполнену финиковъ и мигдалов[12]. И сию *с* радостию* descriptionземъ, финики и мигдалы снѣде, финиковы же кости и мигдал*ные* чешуя на нѣкоем возложи жертвеннице, глаголя: «Имаши, о Ерми-

---

[1] работая; [2] избавив; [3] глину; [4] кирпичи; [5] под конец; [6] переработает, выделает; [7] последующих; [8] удод (*польск.*); [9–9] Он же сказал: «Город строю»; [10] поймался; [11] дорожную суму; [12] миндаля.

се-боже,* по моей молитвѣ и обѣщанию,* ибо обрѣтеннаго и внѣшняя и внутренняя тебѣ приношу!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к мужу-сребролюбцу, иже и Бога* любостяжания ради обмановающа.*

44. О ДѢТИЩИ И О МАТЕРИ

Дѣтище во училищи *у соученика* своего книжицу* украде, принесе к своей матери. Ей же не биющ*и* его, н*о* и паче же похвали его и восприим от него любовне.

Проминувшим же лѣтом, нача и болшая красти.

На торгу же нѣкогда поиман и веден бысть на смерть. Матери же последующ*и* и плачющися, онъ губители[1] и судии* моляше, дабы мало постояли,* хотя нѣчто побесѣдовати к матери своей в ухо. Она же скоро ко устом чадовым приложи свое ухо, он же вмѣсто бесѣдования* матери своей зубами ухо угрызе.

Мати же и инии последующии ему* начаша *его* обличати, яко не токмо украде, но уже и на матерь беззаконнова[2]. Он же отвещав, рече: «Сия *у*бо моей погибели *бы*сть вин*ою*, ибо егда книжицу украдох, и побила бы меня, не бы на се устремился дѣло. И ныне ведом ес*мь* на смерть бесчестно».*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко, иже [3]в началѣ малых не мучими, на болшая злая[3] возрастаютъ.

45. О ПАСТЫРИ И МОРИ

Пастырь[4] по брегу моря *стадо* пасяше. Узрѣвъ тишину морскую и, пожелав, похотѣ* плыти [5]на куплю[5]. И продастъ овца, фиников ку*пи* и поиде.

Зимѣ же зелне сущи, и кораблю бѣдствующу погрузитися, вся своя бремена и мехи изверже в море, едва токмо самъ караблемъ празднымъ[6] избавися.

По днех же немногихъ [7]пришедшу нѣкоему к морю[7] (*море же утишися*)* и тишинѣ е*го* чюдящуся, — отвещав же, пастырь рече: «Фиников еще желаетъ, и сего ради являет ся тишиною».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко страсти человѣком бывают учением.

---

[1] палачей; [2] поступил вопреки закону, нечестиво; [3—3] в начале малого зла не будут наказаны, на большее зло; [4] пастух; [5—5] на торги, торговать; [6] порожним; [7—7] пришел некто к морю.

46. О ГРУШИ И О ЯБЛОНИ

Груша* и яблонь о красотѣ пряхуся[1]. Многим *же* бранямъ [2]посредѣ их[2] бывшим, кустъ кропивный* близ плота[3] сущий: «Престанем, — рече, — о друзи, нѣкогда[4] бранящесь?»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко честным мужемъ бранящимся, иные жъ, пришедше, иже ничесому же достойни и ничто же суще,* мнятся *нѣчто быти.*

47. О КРОТѢ

Кротъ животно есть слепое. Рече убо нѣкогда к матери: «Смоковницу вижу».

Посем абие рече: «Ливанова благоухания исполнихся».

Третицею жъ рече: «Мѣди и желѣзнаго оружия шум* слышу».

Матерь же к нему, отвещавши, рече: «О чадо, уже познахъ, яко не токмо видѣния и зрѣния* не имаши, но уже и слышания и обоняния лишился еси!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко нѣкие любопрителие[5], немощная вещи сказующе, и в менших вещахъ обличаются.

48. О ШЕРШНЯХ И ПЕЛЕПЕЛИЦАХ

Шершни и пелепелицы, жаждею содержими, [6]к дѣлателю земьному[6] приидоша, у него пити просиша, обѣщевающеся вмѣсто воды сию *благодать* благодатию воздати:* и убо пелепелицы копати винограда обѣщевахуся, шершни же, окрестъ обшедше, жалами угрызая, отгоняти от винограда татей.

Дѣлатель же земной рече: «Но убо *суть* у меня два вола, иже, ничто же обещеваеми, вся творят, еже хощу.* Лутчи убо есть онѣма[7] дати, нежели вама».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к мужемъ вредливымъ, ползовати убо обѣщевающихъ, вмѣсто же ползования* вредящихъ многая.

---

[1] препирались; [2—2] между ними; [3] плетня, ограды; [4] когда-нибудь; [5] любители вздорить; [6—6] к земледельцу; [7] им (*дат. пад. двойств. числа*).

49. О ПАВѢ И О ГАЛКѢ

Птицам хотящим сотворити себѣ царя, пав себе похваляше и достойна быти глаголаше ради красоты. Восхотѣвшим же сего всѣм, галка, обращся, рече: «Но убо тебѣ царствующу, орел же нас прогоняти начнет, — како нас от него отъимеши?»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко началником не ради токмо красоты, но крѣпости ради и премудрости *ради силныхъ и премудрыхъ* избирати подобаетъ.*

50. О КУКОЛКЕ, СИИРѢЧЬ О ЗОКЗУЛЕ, И О ЛИСИЦЕ

Единственная птица [1]куколка, или зокзулка[1] *дивия*[2], на нѣкоемъ древѣ стоя, зубы, или нос, поощряше[3].* Лисица же воспроси: коея ради вины, ничто же видѣвш*и* и ни единыя сущи нужды,* — чесо ради зубы поощряше?

Зокзулка, отвещав, рече: «Не без ума сие творю, ибо, егда беда и нужда* обдержевати[4] мя начнетъ, уже не к тому мнѣ удобное время, [5]во еже[5] поощряти зубов, но наипаче готовым сущим боротися».

ИСТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко подобаетъ ко всякой бедѣ и нужи* приуготовлятися.

51. О ПТИЦѢ ДУДОКЪ*

Дудокъ, в пасти поиман, слезя, глаголаше: «Ох мнѣ, бѣдно*й* и несчастной птице! Ниже злато *у кого* взях, ниже сребро, [6]ни ино что от честных[6], — зерно же пшеничное малое смерть мнѣ приуготова».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча ко иже ради корысти малыя великим впадаютъ бѣдамъ.

52. О ЕЛЕНЦѢ МАЛОМ

Еленецъ нѣкогда къ еленю рече: «Отче, ты и больши и скорѣйши от псовъ еси, и роги [7]*паче сего*[7] преизрядныя носиши на оборону. Чесоже ради убо *сице* сихъ боишися?»

[1—1] кукушка (*польск. и обл., но в греч. ориг.* 'кабан-одинец', 'вепрь'); [2] дикая; [3] острила, точила; [4] охватывать; [5—5] чтобы; [6—6] ни что-либо иное из ценностей; [7—7] сверх того.

Он же возсмѣявся, рече: «Истинну убо сия глаголеши, чадо. Едино же свѣмъ[1]: егда лаяние песие услышу — и абие в бѣгъство не вѣм како устремляюся».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко естества боязливаго *и страшливаго** никоими же похвалами не укрепиши.

53. О ЗАЙЦАХЪ И О ЖАБАХЪ*

Зайцы нѣкогда сошедш*е*ся, между собою свое оплакаваху житие, яко многаго страха житие ихъ исполнено, ибо от человѣкъ, и от псовъ и орлов, и от иных многихъ потребляются. «Лутче убо, — *ре*коша, — умр*ети* единицею[2], нежели чрез все свое житие, смущаяся[3], дрожати». И сие проповѣдавше и утвердивше повсюду слово, устремишась въ езеро, яко да, вскочивш*е*, в нем потопятца.

Седящимъ же окрестъ езера жабамъ. И егда услышаша жабы течен*ия* зайцовъ шум, абие вскочиша въ езеро. От зайцовъ же мудрѣйши нѣкто мнямся быти, рече: «Стойте, о друзи! Ничтоже злаго вы себѣ сотворити: се, яко же *зрите*, и от насъ иная суть животная боязневѣйша!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко злоденствующии[4] человѣцы инѣми, злѣйшая терпящи, утешаются.

54. О ОСЛѢ И КОНѢ

Осел коня блажаше[5], понеже нещадно[6] и прилѣжно бысть кормл*енъ*, осел же иногда ниже *соломы имѣя доволно. И сего ради многажды [7]себе отчаявая*[7].

Егда же наста время брани и рати,* и воин вооружен всѣде на конь, всячески скача — посемъ же и посредѣ супостат втече. И коня, уязв*леннаго* на брани, осел увиде лежаща, последи коня окаяваше[8].

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко не подобаетъ князем и богатым, ревнуя, завидети: [9]к сей ихъ зависти нужду и беду* поминающе[9], нищету и убожество* любити.

---

[1] знаю; [2] один раз; [3] страшась; [4] бедствующие, несчастные; [5] расхваливал, почитая счастливым; [6] щедро, обильно; [7–7] впадал в отчаяние; [8] оплакивал; [9–9] *в ориг.*: но, помня о зависти (питаемой) к ним и опасностях (их подстерегающих).

55. О СРЕБРОЛЮБЦѢ

Сребролюбецъ нѣкто все свое имѣние в сребрѣ собра, сотвори златую плиту и на нѣкоем мѣсте в земли погребе, спогребый[1] тамо и душу свою и ум, и на всякъ день, *приходя*, смотряше ю.

Нѣкто же от ево раб, увидевъ, помысли и, ископав, украде.

По сих же сей пришед и, испражненое[2] мѣсто обрѣтъ, нача плакатися и терзати власы. Его же нѣкто сѣтуема увиде и вину сѣтования вопроси. «Не сѣтуй, скорбя,* — рече, — о сей, [3]ниже бо, имѣя, злато имѣлъ еси[3]. Камень убо вмѣсто злата взем, положи и уразумѣй себѣ: злато быти. Сицевое бо ти, якоже и прежде сего,* исполнитъ требование[4], — яко же бо видехъ: [5]ниже тогда, егда злато *бѣ*, в тре*бовании* бысть стяжавшаго[5]».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко ничто же богатества стяжание,* аще не будетъ сего в требование.

56. О ГУСѢХЪ И О ЖАРАВЛЕХ

Гуси и жеравли на единомъ пасяхуся поли. Ловцемъ же показавшимся, и убо жеравли лехки суще, скоро отлетѣша; гуси же, тяжести ради плотския оставшеся, поимани быша.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко и в пленении градов *нестяжателные и* нищ*ие** удобнѣ убѣгают плѣнения; богатии же богатества ради* [6]работают в пленении[6].

57. О ЧЕРЕПАХЕ И О ОРЛѢ*

Черепаха орла моляше, дабы он летати* ю научилъ. Орлу же сказующу: далече сему быти от естества ея. Она же наипаче с молением прилежаше.

Взем убо ю орел нохтями и на высоту вознесе, посем пусти ю летати. Она же, на камение падши, сокрушися.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко мнози, [7]любопрения ради[7] мудрѣйшихъ преслушав*ше*, себ*е* самѣх вредиша.

58. О БЛОХѢ

Блоха нѣкогда, *в*скочивши на ногу мужу, сяде. Он же Ираклѣя[8]-богатыря* на помощь призываше. Ей же угрызши* *и* абие отбѣгши, со стенани-

---

[1] вместе погребя; [2] пустое; [3—3] ибо, имея, не золото имел ты; [4] употребление; [5—5] даже тогда, когда золото было, оно не использовалось владельцем; [6—6] оказываются рабами в неволе; [7—7] из любви спорить; [8] Геракла.

ем муж рече: «О Ираклѣю! аще на блоху не способил еси, како на болших сопротивниковъ пособиши?»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко не подобаетъ о малыхъ вещехъ Бога призывати, н*о* токмо в нужных.

59. О ЕЛЕН*И*ЦЕ

Елен*и*ца[1], единымъ окомъ ослѣплена, при брегу морскомъ пасяшеся. И убо здравым оком к земли зряше, ловцевъ блюдяшеся, ослѣпленое же око к морю имяше, откуду ничего же не *на*чая*ся*.

Приплывшим же нѣкимъ и сие смотряющимъ* и уразумѣвши*мъ*, застрѣлиша ю. Она же, умирающи,* восплакася и рече: «Отнелѣ[2] же бояхся, оттуду ничто же пострадах. Откуду же не *на*чаях*ся* зла получити, оттуду предана ес*мь* на смерть!»*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко многожды нам вредная мнящаяся бы*ти* — бываютъ полезная; полезная же — вредная.

60. О ЕЛЕНѢ И О ЛВѢ

Елень, ловцов бѣгающи, в пещеру вбѣже. Лву же тамо впаде и от него поимася. Умирающи же, глаголаше: «Охъ мнѣ, человѣков бѣгающи, звѣрю лютѣйшему в руце* впадохъ!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменует, яко мнозии человѣцы, от малых бѣд бѣгающии, в великия бѣды впадоша.

61. О ЕЛЕНЕ И О ВИНОГРАДЕ

Елень, бѣгающи от ловцовъ, под виноградомъ скрыся. Проминувшим же ловцом мало, елень совершенно уже проминути ихъ мняще, начатъ виноградное листвие ясти. Имъ же от трясения шумящим, — услышавше,* ловцы возвратишася к шуму,* мняще и познавше, яко нѣчто от зверей есть крыющеся, стрелами стреля*юще*, убиша еленя. Он же, умирая, сицевая глаголаше: «Праведно убо аз пострадах: не бы подобаше ми спасающую и покрывающ*у* мя от смерти* сию погубляти».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко обидящии благодѣтелей своихъ от Бога мучими бываютъ.

---

[1] самка оленя; [2] откуда.

62. О ОСЛѢ И ЛВѢ

Осел нѣкогда со алектором вмѣсте пасяхуся. Лву же нашедшу на осла, алектор возгласи. Лву же, — глаголють, — алекторова гласа боятися,* — убоявся, лев побѣже.* Осел же *мняше, яко его убояся лев и побѣже*,* текий[1] скоро, лва гоняше.*

И егда далече его отогна, идѣже не к тому бысть алекторов глас слышан, возвращься левъ, осла снѣде. Осел же, умирая, вопияше: «Бѣдный убо аз и безумный! [2]Не сый[2] воинских родителей, и почто на брань устремихся?!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко мнози человѣцы, несохранително и небрежно* на смиряющихся врагов лстивно[3] и неразсужденно* приступающе, от смирения* сих погибают.

63. О ОГОРОДНИКѢ И ПСѢ

Огородниковъ пес в кладезь впаде. Огородник же, хотя его оттуду извлещи, сниде и самъ в студенец[4]. Разумѣв же пес, яко еще глубочае сего хощет, сошед, погрузити, и обращься, огородника угрызаше. Он же, з жалостию возвращься, *рече:* «Праведно убо пострадахъ: что мнѣ треба есть и чесо ради* своего губителя* извлещи по*т*щахся?[5]»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к неправедным и неблаго*дарным*.

64. О СВИНИИ И О СУКѢ

Свиния и сука между собою браняхуся. И убо свиния кляся на Афродиту зубами расторгнути суку. И сука к ней, отвещавъ, рече:* «Добре нам на *А*фродиту кленешися: являеши ся убо, яко вящще от нея любима еси, — иже твоих нечистых плотей ⟨*вкушающая*⟩ ниже всячески *во* святилищ*е* приносити тя велитъ».*

И свиния рече: «Сего ради убо наипаче являет богъ,* примущи и любящая мя, ибо от убивающаго мя всегда, сопротивляяся,* отвращается. Ты же убо злѣ воняеши — и жива, *и* умерши!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко премудрии от риторей, яже от враговъ уничижения благообразно в похвалу преображают.

---

[1] устремившись, бросившись (вслед); [2—2] не будучи; не происходя от; [3] в самообольщении, самообольщаясь; [4] колодец; [5] старался.

65. О СВИНИИ И О СУКѢ

Свиния и сука [1]о благородствии пряхуся[1]. Рече же сука: благородна быти от всѣх пѣших[2] животных. Свиния же, обращся, [3]к симъ[3] рече: «Но егда сия глаголати будеши, разумѣй, яко сего ради и слепых своих щенят родиши!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко не в скорости вещи, но в совершении[4] разсужаются.

66. О ЗМИИ И О РАКѢ

Змий с ракомъ живуще и дружбу с собою сотворше. И убо ракъ простъ сый нравом, пременити моляся змию лукавство. Змей же никако же приимаше сего словес и упоминания[5].*

Сѣде же ракъ, стрегий. И узрѣ, змию спящу, и своею силою, елико имѣ, стиснувъ змию, удави *и* уби.* Ю же по смерти протягну,* ко з*м*ию рече: «Тако подобаше преже сего праву и просту быти, не бы сицевое осуждение восприял еси!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко иже къ другом с лестию[6] приходяще, сами наипаче вредятся.

67. О ПАСТЫРИ И ВОЛКѢ

Пастырь малого скимъна[7] волчия обрѣте и, взем, с собаками вкупѣ питаше. И егда возрасте, и волкъ прихождаше овцу восхитити,* с собаками и се*й* волка гоняше.

И псомъ иногда не имущимъ поимати волка и возвращающимся, — и оны*й* с нимъ послѣдоваше, донелѣже приобщится сво*исти*[8] ихъ ловитве. Посем возвращашеся. Аще же волкъ внѣшний не восхищаше овчате, сей, тайно поимав, вкупѣ со псы снедаше.

Пастырь же, познав и разумѣвъ творимое, на древе сего повѣсивъ, уби.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко лукавое естество блага нрава не питаетъ.

68. О ЛЬВѢ И О ВОЛКѢ

Левъ, состарѣвся и болезнуя, лежаше в пещере. Приидоша убо всѣ иные звѣри, посѣщающе царя, кромѣ лисицы, — сама[9] не прииде. И убо

---

[1] спорили, кто легче рожает; [2] сухопутных, земных; [3—3] в дополнение к сказанному; [4] в совершенстве; [5] уговоров (*польск.*); [6] коварством; [7] щенка; [8] сообразно натуре (*польск.*); [9] по своей воле.

волкъ, [1]восприемъ благовремение[1], обличаше предо лвом лисицу, *иже*[2] ни во что же полагаетъ всѣхъ ихъ царя владѣющаго и сего ради *ниже* на посѣщение прииде.

В то же время прииде и лисица и послѣднихъ волчиихъ послушаше глагол. *И убо* левъ на ню возъярися, она же времяни отвѣту моляше. «И кто, — рече лисица, — от пришедшихъ *то*лико тебѣ ползова, елико аз, повсюду обходящи и врачевства о тебѣ от врача ищущи и навыкохъ[3]?»

Левъ же абие врачевство изрещи повелѣ. Она же, отвещав, врачевьство изрече: «Аще *с* волка живаго кожу снемъ и сего кожею горячею обвиешися, тогда здрав будеши».

И волку же лежащу предо лвомъ, лисица же, смеющися, рече: «Тако *не подобаетъ* царя и владыку ко гнѣву и ярости* подвизати[4], но ко благоутробию[5]!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко иже[6] кто на кого [7]лесть сшиваетъ[7], самъ себѣ пагубу устраяваетъ, и ровъ изрый впадаетъ самъ вь яму, юже сотвори.*

69. О ЖЕНѢ И О МУЖЕ-ПИЯНИЦЕ

Жена нѣкая мужа-пияницу имѣ. Его же сию злую* страсть отменити хотящи, сицевое нѣкое дѣло, умудряяся,* смысли: похмелна[8] его от пьянства *узрѣвши и, якоже мертва* и нечюственна, на рамо вземши, на [9]окопище погребалное[9] принесши, с мертвецы* положи *и* отъиде.

И егда мняше его уже проспатися и прохмелитися,* пришедш*и* и потолче во врата окопищная. Онъ же рече: «Кто сей, иже во врата толкий?» Жена же, отвещав, рече: «Иже мертвым брашна приносящи, аз есмь пришедшая!» Он же рече: «Ни, не ясти мнѣ, но пити, о изрядне, наипаче принеси! Прискорбно *бо* ми есть брашно, но питием мя воспоминай!» Она же в перси ударивши ся: «Охъ мнѣ, бѣдной! — рече. — [10]Ниже бо. умудряющися, купих[10]: ты бо, о мужу, не токмо еже наказан еси, но еще и злѣйшее сотворился еси, не имѣя пременения страсти!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко не подобаетъ в злых вещехъ [11]*в*ременовав медлити[11], ибо иногда и не хотящу человѣку от пребывания в злобѣ* нрав налагается.

[1—1] улучив удобное время; [2] так как, ибо; [3] обрела навыки; [4] подстрекать, подталкивать; [5] милосердию; [6] если, [7—7] плетет интриги; [8] упившегося до беспамятства; [9—9] кладбищенский склеп; [10—10] ибо ничего, ухищряясь, не добилась; [11—11] пребывать длительное время.

70. О ЛЕБЕДѢ И ГУСѢ

Муж нѣкто богатый гуся вкупѣ и лебедя кормяше — [1]не к подобающему своему[1], но сего убо пѣния ради,* сего *же* трапезы ради. Егда же подобаше гусю пострадати, на не́ же кормяшеся, нощь убо бысть, и познавати время не попущаше другаго. Лебядь же вмѣсто гуся пойман бысть, — воспѣтъ пѣснь, смѣрти предисловие, и пѣниемъ убо возвещаетъ естество и скончания смерти* убѣгаетъ пѣниемъ.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ: множицею пѣние и мусика* смерти и скончания* пременение содѣваетъ.

71. О ЕФИОПЛ*ЯНИН*Ѣ

Ефиопленина нѣкто купи, сицевый его образ мняше быти [2]прежняго ради нерадѣния[2]. И пришедше с ним в дом, всячески глаголаше ему и всякими банями и умывалницами покушаше[3] его убѣлити. И убо образа его пременити не можаше, *болѣзновати же лютѣ приуготова.*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко пребываютъ естества сице, яко же изначала прийдоша.

72. О ЛАСТОВИЦѢ И О ВОРОНѢ

Ластовица с вороною о красотѣ пряхуся. Отвѣщавши же, ворона к ластовицѣ *рече*: «Но убо твоя красота в весненое время *процвѣтаетъ*, мое же тѣло и зиму претерпѣвает».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменует, яко крѣпость плоти лутчи есть благолѣпия[4].

73. О ПТИЦѢ ПОДКРОПИВНИЦѢ*

Подкропивница с нѣкоего окна вися*ше*. Нетопырь же пришед, вопрошаше вины: чесо ради во дни убо в молчании пребываетъ, нощию же поетъ?

Подкропивница же: не всуе творити се, — глаголаше: да нѣкогда во дни поюща поимана будет, — и сего ради сице у*цело*мудряется[5].

Нетопырь же, отвещавъ, рече: «Но убо не нынѣ тебѣ блюстися подобаетъ, егда сему никакова же *есть* полза, но подобаше ти блюстися* преже поимания».

[1—1] не ради одного и того же; [2—2] из-за нерадивости прежнего владельца (*в ориг.*: ἀμελείᾳ τοῦ πρότερον ἔχοντος); [3] покушался, пытался; [4] красоты; [5] благоразумно ведет себя.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко въ злых случаяхъ несмысленное покаяние: [1]по шкоде[1] мудрость неподобная[2].*

74. О ЖОЛВИ, СИИРѢЧЬ О СЛИМАКУ,* И О ОТРОЧИЩИ

Земледѣлатель отрочищь печаше слимаков на углию. Услышав же их лускающ*ихъ*[3] на огни и рече: «О злѣйшая[4] животная! Домом вашимъ жгущимся, сами же поете!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко всякое дѣло, не во свое *время* творимое, бываетъ со уничижением ненавидѣно.*

75. О ЖЕНѢ И О РАБЫНЯХЪ

Жена-вдовица люботрудивая сущи и рабыня имѣющи. И сихъ обыч*е*[5] нощию на дѣло возбужати, прежде даже не возгласятъ алекторы. Они же повсегда дѣлы и труды непрестаннами* мучими суще, помыслиша убити сущаго во дворѣ алектора, мня*щ*е*, яко сего ради гласа госпожа их нощию востаетъ* и ихъ возбужаетъ.

Егда же сие содѣлаша и алектора убиша,* случися има лютѣйшим впасти бѣдам, *и*бо госпожа *ихъ*, не вѣдущи и не слышащи* алекторова гласа, глубочайшею нощию и ранѣе* сихъ возбужати начатъ.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча *знаменуетъ*, яко многимъ человѣком [6]совѣтования ко злым виною бываютъ[6].

76. О ЖЕНѢ-ВОЛХВѢ

Жена волхвующи, гнѣвы и ярости* божия пременити обѣщевающася. И много лѣт проживе, сие творящи и корысть оттуду имѣющи.

Написавшим же нѣким нечестия ея, и поимаша ю, осудивше, ведоша на смерть. Видѣв же ю нѣкто ведому на смерть,* рече: «О сия, иже божия гнѣвы отвращевати обѣщевающая! Како же человѣческаго совѣта[7] пременити не возможе?»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко мнозии человѣцы, великая обѣщевающе, ниже малая сотворити могуще.

[1—1] по убытку, после ущерба (*польск.*); [2] бесполезна; [3] потрескивающих, щелкающих; [4] негодные; [5] имела обыкновение; [6—6] замыслы оказываются причиной злосчастий; [7] намерения.

77. О КОШКѢ И ПИЛѢ

Кошка* вшедши в дѣлателницу[1], или в кузницу, котелника[2] и тамо лежащую [3]пилу желѣзную[3] лизаше языкомъ, от нея же претирашеся язык ея, и крови мнозѣй от языка ея истекающей. Она же услаждашеся, мнящи, нѣчто желѣзу вредити, донелѣже и весь свой языкъ погуби.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча ко иже в любопрѣниихъ самѣм себѣ вредящим.

78. О ЗЕМЛЕДѢЛАТЕЛИ

Земледѣлатель нѣкто, копая землю, злато обрѣте и вездѣ, от нея благодѣтелствен сый, Землю венчаше.

Случай же, или Счастие,* представши к нему, рече: «О ты! что Земли моя дары возлагаеши, яже аз тебѣ даровахъ, обогатити тя хотящи? Ибо, егда время преложшеся проминетъ* и ко иным рукам сие твое злато преидет, вѣдай убо, яко не к тому на мене, Случая, плачися».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко подобает благодѣтеля познавати и ему благодарения воздаяти.

79. О ДВОЮ ПУТЬШЕСТВЕННИЦѢХ

Два нѣкие по единому пути шествующе, и единому от них сѣкиру обрѣтшу. Другий же, не обрѣтый, повелеваетъ обрѣтшему не глаголати «обрѣтох», но «обрѣтохом».*

Вмале же прешедшим имъ к сѣкиру погубившим, имѣяй к необрѣтшему спутьшественнику глаголаше: «Погубихом!» Он же рече: «Погубихъ» глаголи, а не «погубихомъ»,* ибо, егда сѣкиру обрѣте, «обрѣтох» глаголал еси, а не «обрѣтохом».

ИСТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко иже непричаствуемии во благоденьствияхъ, ниже в злых случаяхъ сицевые извѣстные[4] бываютъ друзи.

80. О ДВОЮ ЖАБАХ

Двѣ убо жабы с собою сосѣдствующи. Пасяху же ся едина убо в глубоцем и далечайшем от пути езере, другая же близ пути, мало имѣющи воды. И сия же в далечайшемъ* езерѣ другую призываше к себѣ преити, яко да и

---

[1] мастерскую; [2] медника, ремесленника по скобяным работам; [3—3] напильник ('пилу по железу'); [4] надежные, верные.

крѣпчайше мѣсто жития восприиметъ. Она же не послушаше, глаголя, яко крѣпчайшее *иматъ* мѣсто присвоение. И тако живяше,* донелѣже случися возу преити — и сокруши *ю*.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко и человѣцы, злым дѣлом вручающеся, лучше обыкоша погиб*ати*, нежели на лутъчее дѣло нрав пременити.

81. О ПАСЕЧНИКУ, СИИРѢЧЬ О ПЧЕЛНИКУ*

В пасеку, или во пчелни*ц*у*, нѣкто тать *вн*иде, — стяжателю[1] же сея пчелницы нѣгде отшедшу* и не сущу, — мед с воском* украде. Стяжавш*ий* же пришедъ и ульи праздны увидев, стоя, с печалию помышляя* в себѣ.

Пчелы же от паствы с поля* возвращшеся, нашедше на своего господина, жалами угрызаху его и злѣ ужалиша. Он же к нимъ рече: «О злѣйшая животная! — ибо крадущаго воски ваш*и* цѣла отпустисте, мене же, промышляющаго[2] и радѣющаго* вами, уязвисте!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко тако и нѣкие от человѣкъ ради неразумия от враговъ не сохраняющеся; друговъ, якоже врагов, отстоят[3] вредяще.

82. *О ПИФИКЕ, СИРѢЧЬ О ОБЕЗЬЯНЕ,* И О ДЕЛФИНЕ-РЫБЕ*

*Н*равъ бяше нѣкихъ плавателей морскихъ мелетийских[4] щенятъ *и* пификов в корабли имѣти, утешения ради корабленнаго обыкоша. Пловый же нѣкто, имѣ с собою *и* пифика. Сущимъ же имъ у урочища у Суния Аттическаго,* зимѣ и вѣтру зелну случися быти, и караблю разбившуся, и всѣм плавающим погрузившимся и утопающим, — погрузися, утопая, и пификъ.* Делфин же рыба, сего узрѣвши и человѣка сего мняще быти, пришедъ, восприятъ его и понесе его на остров[5].

И егда бысть с нимъ близ П*и*рейскаго мѣста и Афинейскаго пристанища,* вопрошаше делфин-рыба пифика: аще родом есть афинѣянин? Пифику же сказавшу, яко и родителей оттуду̀ пресвѣтлых есть.

Вопрошаше же паки пифика: Пирея знаетъ ли? Разумѣв же пификъ, яко о человѣце Пирѣе* се вопрошает, рече, яко наипаче друг ему есть и сожитель. И делфин, убо о сицевой его лжи негодовав, пифика, погружая в мори, потопи и уби.*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча *к мужемъ*, иже истинны о вещехъ не вѣдуще, мня*т*ся и иныхъ прелщати.

---

[1] владельцу; [2] заботящемуся; [3] отталкивают; [4] мальтийских (*порода собак*); [5] на сушу.

83. О МУХАХЪ*

В нѣкоемъ сокровище[1] соту медвяному пролиявшуся, налетѣвше, мухи ядяху. Волнувшим[2] *же* ихъ ногамъ, отлетѣти не можаху и, утопающе, глаголаху: «Бѣдные мы, яко малыя ради пищи погибаемъ!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко множемъ человѣкомъ многих злыхъ виною сластолюбие бываетъ.

84. О ЕРМИСѢ-БОГЕ* И О ИДОЛОТВОРЦѢ

Ермис, разумѣти хотя, в какой есть чести у человѣковъ, прииде ко идолотворцу[3], преобра*ж*ся в человѣческий образ. И узрѣвъ идола[4] Зевсава,* вопрошаше продающаго: на колице сей продатися можетъ? Идолотворец же рече: на грошъ.

Возсмеявся Ермисъ и на колице идол богини Иры[5]* — вопрошаше. Рече же идолотворецъ: «Поболе гроша».

Узрѣ и свой, Ермисов, *идолъ** и, понеже есть посланником, ползователен[6] человѣкомъ, мняше, яко в велицей чести и дражайши есть* в человѣцехъ, вопроси и о своемъ идоле.* Идолотворец же к нему, отвѣщав, рече: «Аще сихъ двою купиши, сего же в придачю тебѣ дам».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к мужу тщеславному, мнящему ся у себе нѣчто быти,* у иных же ни в *ка*кой чести сущему.

85. О ЕРМИСѢ* И О ТЕРЕСИЕ-ВОЛХВѢ*

Ермис, хотя Тересиево волшество искусити, аще праведно[7] есть, украде самъ из нивы своя волы.* Пришед к Тересию во град увѣщевати[8],* человѣку уподобився. И пришед, сказаше[9] Тересию о погибели волов. Он же взем с собою Ермиса, изыдоша оба на нѣкое мѣсто татя усмотрити.* И повелеваетъ Ермису сказати,* какову аще от птиц птицу увидитъ.

И Ермис узрѣв первее орла, от лѣвыя страны на десную страну прелетѣвшаго, и се сказа Тересию. Тересия же рече: «Не к сему сия быти».

*В*торое рече: «Ворону видехъ,* на нѣкоемъ древе седящую, иногда верху взирающия, иногда же к земли восклоняющись», — *и* волхву сказаше. И волхвъ отвеща*в* рече: «Но убо сия ворона кленется небом и землею, яко аще ты самъ восхощеши, своя восприимеши волы».*

ТОЛКОВАНИЕ. Сим словесем глаголетъ нѣкто к мужу-татю.

---

[1] кладовой; [2] увязшим; [3] скульптору; [4] скульптурное изображение, изваяние; [5] Геры, супруги Зевса; [6] полезен, приносит выгоду; [7] истинное, достоверное; [8] убедиться, удостовериться; [9] *здесь неопределенно-личн.*: сказали.

86. О ДВОЮ ПСАХЪ

Имѣя нѣкто два пса: единаго убо ловити научи, другаго — хранити двора. И егда убо ловчий пес уловитъ нѣчто, и домашний ему соприобщашеся ядению его. Вознегодовав же ловчий пес и оного домашняго возненавидяше, яко сей убо на всяк день труждается, оный же, ничтоже труждаяся, его трудами питаетца.

Отвещав же, домашний пес рече: «Не мене, но владыку[1] уничижая* обличай, иже мене не тружатися научи, но чюжая труды поядати».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко и младые ничесому же от юности* навыкше, не они хулими бывают, егда родителие ихъ тако без наказания оставиша.

87. О КОЗЛѢ И О ВОЛКѢ*

Козел, остався от стада, гонимъ бысть волком. Возвращься к волку, рече: «О волче! понеже познахъ, яко твое брашно буду, молю тя, яко да не кромѣ покаяния* и пѣния твоего умру: воструби убо ми, яко да возпляшу ти».

Волку же вострубившу и завывшу,* и козлу пляшущу, пси же, услышавше глас волчий,* волка гоняху. Волкъ же, обращся х козлу, глаголетъ: «Праведно мнѣ сия быша: подобаше бо мнѣ, повару сущу, трубнича трубления *не* воспоминати[2]».*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко иже убо к *ч*ему же обыкоша, последи же о семъ понерадѣютъ и инымъ деломъ, ни во что же имъ потребнымъ умѣти,* себ*е* искушающе, — злым случаемъ впадаютъ.

88. О РАКѢ И О ЛИСИЦѢ

Ракъ, из моря изшед, на нѣкоемъ мѣсте пасяшеся. Лисица же гладна сущи, яко увиде его, пришедши, взем. Он же, егда снѣсти его хотя*ше*, рече: «Но аз убо праведно пострадах: иже морский ракъ сый, земнымъ быти восхотѣх».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко и человѣцы, иже своя оставляюще строения[3], и ничтоже им подобающих вручаются, самовластно[4] злоденствуютъ.

---

[1] хозяина; [2] изображать, представлять (μιμεῖσθαι); [3] социальный статус; занятие; [4] по собственной вине (*в греч.* — εἰκότως — 'заслуженно').

89. О ТАТ*ЕХЪ*

Тати, вшедше в домъ нѣкий, ничто же обрѣтоша, точию алектора. И сего вземше, отъидоша. И егда хотяше от нихъ убиен быти, молися, дабы его отпустили, глаголя, яко потребен быти человѣком, нощию возбужая ихъ на дѣла.

Тати же рекоша: «Но сего ради наипаче убиемъ тя: онѣх *убо* возбужая, нам же красть не попущаеши».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко сия вещи наипаче лукавымъ суть сопротивныя, яже благимъ суть благопотребная[1].

90. О ВОРОНѢ И О *ВРАНѢ**

Ворона, позавидевши врану, начатъ человѣком волхвовати и о сем свидѣтелей поставляше, еже предглаголаше[2] будущее.*

Узрѣв же нѣких пришедших путьшественников, взыде на нѣкое древо и, ставши, зѣло возгласи. Им же ко гласу возвращ*ш*имся от пути, хотяще видети,* отвѣщав же нѣкто рече: «Отъидемъ, о друзи, — ворона есть, иже возгласи, волхвования же не имать».*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко тако и человѣцы, иже лутчимъ сопротивляющися[3], к равности не приходятъ, но смѣху и поношению* исполняются.

91. О ВОРОНѢ И О ПСѢ

Ворона, Афинѣ-богине* жертву приношающ*и*, и пса на обѣдование[4] призываше. Пес же к ней рече: «Что всуе жертвы расточаеши? — *ибо* богиня сице тя ненавидитъ,* яко и всегдашнихъ твоихъ волхвований [5]вѣрность испроверже[5]».

Ворона жъ ко псу рече: «И сего ради аз наипаче жертвы приносити буду, яко да ярость свою* пременит ко мнѣ».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко мнози, ради своея корысти, и недругом своим добро творити не ленятся.

92. О ВРАНѢ И О ЗМИИ

Вран, брашна не имѣяй, узрѣ на нѣкоемъ *солнечномъ* мѣсте змию спящу, — сего, налетѣвъ, восхити. Змию же возвращ*ш*уся и врана угрызе.

---

[1] благодатны, полезны; [2] прорицала, предсказывала; [3] состязаются, тягаются; [4] пиршество; [5—5] лишила доверия.

Умирающий вран глаголаше: «Бѣдный аз, иже сицевое обрѣтох брашно, от него же умираю!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к мужу, иже [1]сокровишнаго ради обрѣтения к ползе — и от сего послѣди *бѣд*ствующаго[1].

93. О ГАЛКѢ И ГОЛУБИЦЕ*ХЪ*

Галка в нѣкоемъ голубнику голуби виде добр*ѣ* питаемыя, убѣлившися, прииде, яко да и сия[2] *ихъ* пищи сопричастится. Голуби же, донелѣже молчаше галка, мняху ея голубя быти и не возбраняху ей пища.*

И понеже нѣкогда позабывшися галка и своѣмъ естественнымъ гласом посредѣ ихъ* возгласи, — и сицевое ея естество познавше и изгнаша от сред*ы* ихъ,* биюще. И лишена бысть тамошния ихъ пищи, возвратися паки к галкамъ. И сии галки ради убѣления не познавше и с собою жити не пусти*ша*: яко иже вдвоихъ[3] желающая ниже единого получи.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко подобает *и намъ* своими довлѣтися[4], помышляюще, яко любостяжание *и любоимѣние** ни к чему же ползователно, но и паче и настоящая погубляетъ.

94. О ГАЛКѢ

Галку нѣкто поимав и связав ю мутовозом[5] за ногу, своему даде отрочати. Она же, не могуще терпѣти *еже* со человѣки жития, по малѣх днех волное время обрѣтши, бѣгая, летяше к своему гнѣзду. И обвязавш*у*ся союзу[6] ея к вѣтвемъ древесовым, отлетѣти не могуще. И егда умираше, сама в себѣ рече: «Бѣдная аз, иже у человѣкъ не претерпѣвши работы[7], впадохъ[8], сама себѣ живота лишающи».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко суть нѣкие, иже, от мѣрных[9] бѣд хотяще себ*е* свободити, в болшая бѣды впадают.

95. О ЕРМИСЕ

Зевес Ермису повелѣ всѣм художником[10] зелие лжи, сотворив,* влити. И Ермис сотворив и мѣру сего постави, поелико* коемуждо[11] вливати

[1—1] из-за сокровищ, обретенных ради корысти, впоследствии в бедствующего; [2] она, галка; [3] вдвойне; [4] довольствоваться; [5] обрывком тесьмы или бечевки (*обл.*); [6] путам; [7] рабства, неволи; [8] попалась (*польск.*); [9] умеренных; [10] ремесленникам; [11] каждому.

имѣ. И оставльшуся послѣди сапожнику, много оста зелия лжи, — и приемъ Ермис и все сапожнику влия. И от сего времяни случися всѣмъ художникомъ лгати; паче же всѣхъ *множае** лжет сапожникъ.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча къ лжесловнымъ художникомъ.

96. О ЗЕВЕСЕ И О СРАМУ

Зевес созда человѣки,* и убо вся состави обычая* и нравы имъ вложи, единаго же точию студа вложити в них позабысть. Ради сего, поне не имѣ откуду срам ввести, повелѣ сраму сквозѣ народъ проити. И убо срам сопротив глаголаше недостойная от них претерпѣти, — и понеже Зевес зело ему повелеваше, рече срам: «Но аз убо на сицевых исповѣданияхъ[1] и уговорех* вниду, яко аще похоть блуда* не внидетъ. *Аще похоть блуда внидетъ*, то аз абие оттуду изыду».

И от сего случися всѣм блудником безстуднымъ быти.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко служащии похотемъ блуда безстудны бываютъ.

97. О ЗЕВЕСЕ И О ЖОЛВѢ*

Зевес, браки творя, всѣхъ животных призвав, учрежаше[2]. Едина точию черепаха, [3]лишена бысть[3] пирнаго учрежения.

Чюждаше же ся Зевес, и вины лишения вопрошаше ю: чесо ради *сия* на пир брачной не прииде? Она же отвещав рече: «Дом любимъ и мил,* домъ изряден[4]».

И вознегодовав Зевес о глаголе семъ, прокля ю* и дом, на себѣ держащи, носити повелѣ.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко мнози от человѣкъ желаютъ лутчи во убожествѣ у себе самѣх жити, нежели у иных многоцѣнно[5].

98. О ВОЛКѢ И О ОВЦѢ

Волкъ, от псовъ угрызен и злѣ стража[6], лежаше. Пищи же не имѣяй, и узрѣ овча[7] издалеча,* моли его, дабы ему от текущия реки пити принеслъ: «Аще бо ты, — рече, — мнѣ даси питие, аз брашно себѣ обрящу».

---

[1] условиях; [2] угощал; [3—3] *в ориг.*: упустила (пришла слишком поздно); [4] превосходен, всех лучше; [5] роскошного; [6] страдая; [7] ягненка.

Уразумѣв* же овча, отвѣщав, рече: «Но аз убо вѣм, яко* аще питие тебѣ подам, — и брашно себѣ *мене* сотвориши».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к мужу-злодѣю, лицемѣрствиемъ и лукавством уловляющему и прелщающему.*

99. О ЗАЙЦАХЪ И ОРЛАХЪ*

Зайцы, нѣкогда воюющеся со орлы, призываху и лисиц на помощь. Они же отвещавше: «Помогохом бы вам, аще бы не видехомъ, кто есте и с какими воююще боретеся».*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко иже с лутчими любопрящеся, своего спасения пренебрегаютъ.

100. О ПТИЦ*Е* АЛКИОН, ПРИ МОРИ ЖИВУЩ*ЕЙ**

Алкион[1] птица есть любопустынная, присно[2] при мори живущая. [3]Сию, — глаголютъ, — человѣческаго уловления блюдущуюся[3], при морских каменех гнѣзда своя сотворяетъ. И егда раждати хотящи, гнѣздо сотвори.

Отлетѣвши же ей на паству, случися морю от великаго вѣтрянняго дыхания волноватися, и потопи ея гнѣздо, и птенецъ ея растли. Она же, прилетѣвши и сотворенное познавши, рече: «Бѣдная убо аз, иже земли, якоже прелестницы, блюдохся, на море убѣжах, иже [4]болш*и* содѣяся мнѣ невернѣйшая[4]!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко нѣкие человѣки, иже враговъ хранящеся, случается имъ многажды лютѣйших врагов *другом впадати*.

101. О РЫБОЛОВѢ

Рыболов на нѣкоей рецѣ ловя*ше*. Распростер сѣти, течение реки содержа; на обоих концах сѣти камение привязавъ, в воду бияше,* яко да рыбы, бѣгающе несохранно, в сѣть впадутъ.

При сем же мѣсте нѣкто живый и сице творящаго виде, злословяше его, яко, возмущая рѣку, чистыя воды не дастъ напитися. И рыболов отвещав: «Но аще не сице мною сия река возмутится, тогда мнѣ случится умрети от глада».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко и судии*[5] градов наипаче обогащаются, егда отчину в браняхъ видятъ.

---

[1] зимородок; [2] всегда, постоянно; [3—3] и она, — говорят, — опасаясь человеческих сетей; [4—4] обошлось со мною еще коварнее; [5] правители.

102. О ЛОВЦѢ ПТИЧНОМ И О ЕХИДНЕ

Ловецъ птичей леп[1] и тростия взем, на ловитву изыде. Узрѣвши дрозда, на высоцѣ древе седяща, и трости вмѣсто[2] в долготу сложив, вверхъ к ней смотряше, хотя ю поимати.

И случися ногою на спящую ехидну[3] наступити. Она же разгнѣвася, сего угрызе. Он же с корбя* *глаголаше*: «Бѣдный убо аз, *инаго* уловити хотя, самъ уловихся от иного до смерти».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко иже иных прелщающеи, случается имъ множицею от иных сицевое страдание.

103. О МУРАВЛѢ

Муравль иже нынѣ, преже сего человѣкъ бысть, земледѣлству присно прилежа. И не удовляшеся своими труды и сосѣдния плоды и сѣмена* украдаше.

Богъ* же, разгнѣвався и негодовав* о его любостяжателстве, преврати его в сицевое животное, иже нынѣ* муравль нарицается. И сей свой убо образ премени, но обычая не премени, ибо и донынѣ, нивы обходя, чюжая труды собираетъ, себѣ сокровищуетъ.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко иже естеством лукавии, аще и образ пременятъ, но нрава не пременят.

104. О КОМАРѢ

Комар, пришед ко лву, рече: «Ниже боюся тя, ниже силнѣйши еси мене. Аще же ни, — искусимся,* кая ти есть сила и крѣпость?* Яко дереши нохтями и грызеши зубами? — сие и жена с мужем бранящися творитъ. Аз же зѣло есмь силнѣйши тебе. Аще же хощеши — изыдемь на брань!»

И вострубив, комар полетѣ, угрызая окрестъ *носа* его, безвласное львово лице грызый.* Лев же своими ноготми драше самого себе, донележе изнемогъ, лежаше.* Комар же, побѣдивъ лва, воструби и, побѣдную пѣснь воспѣтъ, полетѣ.

Паукъ *же* сѣть связа паучинную, в ню же, летя, комар впаде, и паукъ сего снѣде.* Снедаемый же комар плакаше: «Охъ, яко с великими воюяся, от малаго животного паука погибох!»

Притча к побѣдившимъ великихъ, от малыхъ же низложеннымъ.

---

[1] клей; [2] вместе; [3] гадюку, вообще ядовитую змею.

105. О ГАЧЕ,[1] *СИИРѢЧЬ О НЕТОПЫРѢ*, И О КОШКѢ

Нетопырь, на землю падши, котом* пойманъ бысть. И хотящи погубитись, прощения моляся. Кот же рече, яко не можетъ нетопыря отпустити, поне естеством всѣм птицам воюет и сопротивляется.* Нетопырь глаголаше, яко не птица, но мышь есть, — и тако отпустися.

Послѣди же, паки упадши, от иные поиман кошки и молися, да не снѣстъ ея.* Кошка же отвещав рече, яко всѣм враждуе*тъ* мышамъ. Нетопырь же рече, яко не мышъ, но нетопырь, — глаголаше, — быти, и паки отпустися. И тако случися ему дважды, пременяющи имя, свобождение *получити*.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко подобаетъ и намъ не во единомъ имени* всегда пребывати, помышляюще, яко временемь сообразующися многажды бѣд убѣгают.*Ь*

106. О ПУТЕШЕСТВЕННИЦѢХ

Путьшественницы, *при нѣкоемъ брегу морскомъ идуще*, приидоша на нѣкое мѣсто видѣти*. И тамо видѣвше волны,* издалече пловущая, — корабль быти великий мняху. *И ради сего пождаху*, якоже хотящим волнам* приустремитися[2].

И егда вѣтром несомы быша и волны* при*близк*ишася, не к тому корабль, но судно малое,* разумѣша, видѣти.

Принесеныя ж волны* блис ко брегу, увидѣвше, друг ко други рекоша: «Яко всуе мы, еже ничесому суще, ждахом!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменует, яко нѣкие человѣцы [3]ради недоумѣния* мняще[3] страшна быти, егда же [4]во искуство приидут[4], ничесому же обрящутся достойни.

107. О ОСЛѢ ДИВИЕМЪ

Оселъ дивий[5] осла увидѣ домашняго в нѣкоемъ хлѣву,* пришед, блажаше его [6]о благоимѣнии[6] плоти и пищном восприятии.

Последи же виде его бремены лютѣ* отягчена и возаря созади его седяща* и киями[7] его биюща, рече: «Но аз не к тому тебе блажу, зрю бо, яко не кромѣ великих злых благоденствие имаши!»

---

[1] летучей мыши (*польск.*); [2] устремиться ближе (к берегу); [3—3] из-за нашего неведения кажущиеся; [4—4] станут знакомы; [5] дикий; [6—6] о хорошем состоянии, упитанности; [7] палками.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко [1]не ревнива[1] суть и не желателная* корысть, бывающи з бѣдами и тяготами.

108. О ОСЛѢХЪ И О ЗЕВЕСЕ

Ослы нѣкогда, [2]во еже[2] тяшкими и частыми бремяны бѣдствуемии, послаша послы к Зевесу, [3]разрешения трудов[3] моля*щ*е. Он же им указати хотя, яко сие есть невозможно, рече: «Тогда *вы* свободитися от зл*о*страстия трудовъ, егда моча*щ*еся сотворите реку».

Ослы же, истинну сие мня*щ*е быти, от оного времяни даже и донынѣ, идѣже[4] аще мочение иных ословъ увидятъ, тутъ и сами ставше мочатся.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко всякому сотворенное* неисцѣлно есть.

109. О ОСЛѢ И ЛИСИЦЕ

Осел, одѣяся львовою кожею, прехождаше[5], иная животная устрашивая. И узрѣв лисицу, покусися и сию устрашити.

Лисице же случися преже сего слышати его ржуща, — ко ослу рече: «Но аз убо добрѣ свѣм, яко и аз убояхся б*ы* тя, аще бых тя преже сего не слыхала ржуща».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко нѣкие от [6]ненаказанных и буих[6], извнѣ мнящеся нѣкто быти, от своего же блядословия[7] обличаются.

110. О ОСЛѢ И ЖАБ*АХЪ*

Осел дрова несый и преходя нѣкое езеро, поползшеся, впаде вь езеро и, не могий востати, воздыхая стеняше. Сущие же вь езерѣ жабы, стенание его услыша*в*ше: «О сей! — рекоша, — и что сотворил бы еси, аще бы сицевое время здѣ пребывал, елико мы? Поне *на* малое время впадый, так воздыхая стенеши!»

ТОЛКОВАНИЕ. [8]Сицевымъ словом требуе*т* аще нѣкто[8], — к мужу нерадивому и ленивому,* в малых трудѣхъ себе отчаявающася, — сам многия[9] удобнѣе претерпѣвая.*

[1—1] не завидна; [2—2] затем что, [3—3] освобождения от трудов; [4] где; [5] переходя с места на место; [6—6] невежественных и глупых; [7] пустословия; [8—8] к таким словам требовалось бы прибегнуть тому, кто обращается; [9] многие тяготы.

111. О ОСЛѢ И ЛИСИЦЕ

Осел и лисица сообщение сотвориша друг ко другу и изыдоша на ловитву. Срѣте же ихъ левъ. Лисица же видевши неминущую* бѣду, пришедши ко лву, предати осла лву обѣщася, аще точию ей безбѣдное[1] обѣщевати будетъ. Лву же изрекшу отпущение ей, она же, приведши осла, в нѣкое [2]в пагубное мѣсто[2] впасти уготова. И левъ, видя его бѣгати не могуща, первѣе *лисицу поима, посемъ також и на осла* возвратися и устремися.*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча ⟨*являетъ*⟩, яко иже сообщников прелщающе и изменяюще,* случается и*мъ* многажды[3] и самѣм погибати.

112. О КУРИЦЕ И О ЛАСТОВИЦѢ

Курица змиины яица обрѣтши, прилѣжне загрѣвающ*и* ихъ, изсидѣ. Ластовица же сие видѣвши, рече: «О суетная!* что *сия* питаеши, иже возрастш*е*, тебе первие обидѣти начнутъ!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко [4]неподобающее и неползователное* есть[4] лукавство, аще и множайшими благодѣянми *о*богатиши.

113. О ВЕРБЛЮДѢ

Егда первѣе верблюд явися, человѣцы убояшася и от величества его, удаляющеся,* бѣгаша.

Егда же времени проминувшу, увидѣша его кротка быти, дерзнуша во еже к нему приити.

Вмале же познавше, яко сие животное ярости и желчи* не имат, в сицевое пренебрежение прииде, яко узды ему наложше, дѣтищем гоняти *предаша*.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко [5]страшная вещи обычай и нрав* благопренебрегателная творитъ[5].

114. О ОРЛѢ

[6]На камени[6] орел седя*ше*, зайца уловити иский. Его же нѣкто уби, стрѣлою пострел*ивъ*. И убо стрела внутрь его вниде, ушко же с периемь

---

[1] безопасность; [2—2] в западню; [3] зачастую; [4—4] не питает признательности и не воздает добром; [5—5] привычка к опасности порождает пренебрежение (этой опасностью); [6—6] на скале, утесе.

пред очима его стояше. Видѣв же его, орел рече: «[1]И се мнѣ иная[1] скорбь, еже от своего перея сам умираю!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко бѣдно есть, егда кто от своих бѣдствует.

115. О ЗМИИ

Змей, многими мужми попираемъ, молися Зевесу. Зевес же к нему рече: «Но аще бы перваго наступившаго угрыз, не бы вторый сие сотворити попытался».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко иже первѣе находящим сопротивляющеся — и инымъ страшны бываютъ.

116. О ГОЛУБИЦѢ

Голубица, жаждею содержима сущи, узрѣ на нѣкоем мѣсте чашу воды написанную, мняше, истинну ю быти. [2]Тѣмъже и[2] великим желаниемъ содержима,* *ринувся ко тщану близ доски сверху, — и** случися на ню упасти доскѣ и крылѣ ея преломшеся, низпаде на землю и от нѣкоего прилучившагося поим*ася*.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменует, яко человѣцы, ради зѣлнаго пожелания неразсмотрително вещем вручающеся, влагаютъ самѣхъ себ*е* в пагубу.

117. О ГОЛУБИЦѢ И О ВОРО́НѢ

Голубица, в нѣкоемъ голубьнику питаемая, о многочадии похваля*ше*ся. Ворона же услыша ю, рече: «Но, о сия! престани о сем чествующися: елико бо аще родиши многихъ, толико и мног*и*я печали собираеши!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко *и* от рабовъ сии несчасливыи суть, елицы в рабстве суще многая чада р*о*жд*а*ютъ.

118. О БОГАТОМ И О ДЩЕРЕХ

Богатый двѣ дщери имѣя, и единой умерши, сѣтовалницъ нанятъ.

[3]Второй же дщери глаголюще*й*[3]: «*Яко* бѣдные мы! — имьже[4] есть печаль, сѣтовати не умѣемъ; [5]симъ же не сущим[5] — сице зѣло биются!»

---

[1]—[1] еще мне и другая (двойная); [2]—[2] и так; [3]—[3] вторая же дочь говорит; [4] потому что; [5]—[5] у этих же нет (печали).

Мати же рече: «Не чюдися, чадо, иже сии сице сѣтуютъ: на срѣбрѣ сие творятъ».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко нѣкие человѣцы ради сребролюбия не ленятся чюжая случая носити.*

119. О ПАСТЫРИ

Пастырь гоняше в нѣкий лѣс овцы, распростре под дубом ризу своюи возшед на дуб, плоды желудные трясаше. Овцы же желуди ядуще, случися им и ризу снѣсти и сожвати.*

Пастырь же, сошед, *яко*[1] увидѣ бывшее: «О злѣйшая, — *рече,* — животная! Вы инѣм волну[2] на ризы даруете, мнѣ же, кормящему васъ и радѣющему вами,* ризу разстлисте!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко мнози человѣцы неразумия ради ни в чесом же ползующих — благодѣтелствуютъ, своим же — злая содѣваютъ.

120. О РЫБОЛОВѢ И О РЫБИЦЕ СМАРИДЕ[3]

Рыболовъ, сѣть ввергий в море, извлече смариду-рыбицу. Мала же сущи, молися у рыболова, дабы еѣ нынѣ не имал, но отпустил бы, поне мала есть. «Но егда, — рече, — возрасту и велика буду, поимати *мя* возможеши и на болшую ползу тебѣ буду».

Рыболов же отвещав рече: «Но аз безумен аще был бых, еже в руках сущую корысть, аще и мала есть, оставити, ожидаемаго, аще и велика *будет*, надѣятися».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко безсловесен сей будет, иже ради надежда болшия *сия*, яже в рукахъ малая сущи, оставляетъ.

121. О КОНѢ И О ОСЛѢ

Человѣкъ нѣкто имѣ коня и осла. Идущим же им в пути, рече осел коню: «Возми от моего бремени, аще хоще*ши* имѣти мя цѣла». Конь же не послуша. Осел же падый на пути от труда и скончася.

Господин же его, взем бремя, все на коня возложи, и самого осла кожу. Слезя, конь вопияше: «Ох мнѣ, безсчастному! И что мнѣ случися, бѣдному? — Не хотя убо малыя тяготы прияти, се нынѣ все бремя несу и кожу!»

---

[1] когда; [2] шерсть; [3] смарида — мелкая морская рыба.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко иже в малых трудѣх друг другу способствуют,* оба спасутся *в житии.*

122. О ЧЕЛОВѢЦѢ И О ДИВИИ МУЖѢ САТЫРѢ*

Человѣкъ нѣкто с сатырем дружбу и любовь* сотвори и бысть ядя с нимъ. Зимѣ же и мразу сущ*у* — человѣкъ, руцѣ *свои* согрѣвая,* принесе ко устомъ, дыша. Сатырь же вопроси: коея ради вины се творитъ? Рече человѣкъ: «Руцѣ мои согреваю от зимы».

По немнозѣ же времени брашно горящее принесоша, человѣкъ принесе ко устом, дыша, прохлажда*ше** брашно. Паки вопроси его сатырь: коея ради вины се творит? Рече: «Брашно прохлажда*ю*». Отвѣщав же сатырь рече: «Но азъ убо отнынѣ *от*казую тебѣ любовь и дружбу,* посему яко отъ единых *сихъ же* устъ горячее и студеное износиши».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко и нам подобаетъ сицевые любви и дружбы* отбѣгати, иже *суть* [1]сугуба*го* естества[1] и дв*о*едуш*ни*.

123. О ЛИСИЦѢ И О ДРЕВОСѢЧЦЕ

Лисица, от ловецъ бѣгающи и в пустыни[2] многий путь прешедши, обрѣте в ней мужа-древосѣчца, его же моли, дабы ю скрыл. Он же указа ей свой шалашъ, — вшедши, скрыся во углу.

Ловцем же пришедшимъ и вопросившим мужа, и сей гласом убо кляшеся:* ничто же видети, — рукою же своею мѣсто указоваше, идѣ же бысть лисица.* Они же, не разумѣвше,* отъидоша абие.

И яко узрѣ лисица ловцев проминувших и прошедшихъ,* изыде тайно от шелаша,* не возгласивши. Обличаше муж*ю*, яко спасеся его ради, благодарение же его [3]не исповѣдуетъ[3]. Лисица же, обращься, рече: «О ты! Но аз убо вѣдах бы, како твоя благодати проповѣдати, аще бы словесемъ твоим подобная дѣла руки и нрава имѣл еси».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча ко иже благая обѣщевающеся словесы, сопротивная же творящая дѣлы.

124. О ЧЕЛОВѢЦѢ, РАЗБИВШЕМ СВОЕГО ИДОЛА

Человѣкъ нѣкто имѣ древянаго бога, сиирѣчь болвана* или идола,* и молися ему, *дабы ему* благодѣтелствовал. И убо сие творяше и ничто же

[1—1] двойственной натуры; [2] в безлюдных местах, в глухом лесу; [3—3] не воздает, не выражает.

вяще, но во убожествѣ пребываше, — разгнѣвася и, взем идола за ноги, поверже и удари его о землю. И разбившися идоловой главѣ и разлѣпившейся,* злато потече многое от него. И убо собирая злато, человѣкъ вопияше: «[1]Кривой еси[1], якож*е* мню, и безуменъ: [2]почитающу убо мнѣ теб*е* — не ползовал еси мнѣ ничтоже[2]; биющ*у* же ми теб*е* — многими благими исполнил еси!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко [3]не ползуетъ[3] человѣкъ, чтый лукаваго человѣка; биющу же его — наипаче ползуется.

125. О ЧЕЛОВѢЦѢ И ПСѢ

Человѣкъ нѣкто готовляше вечерю, учреждати[4] хотя нѣкоего от друговъ своихъ и домашнихъ. Пес же его иного пса призываше, *глаголя:* «О друже! прииди, совечеряй со мною вмѣсте».

И пришед пес званый, радуяся стояше, зря готовление великаго пира и вечери,* вопия в сердцы своем: «Охъ, какова мнѣ радость нынѣ внезапу явися: накормлюся убо и досыт*а* навечеряюся, яко и заутра никако же не взалчю». Сия в себѣ псу помышляющу и глаголющу* и вкупѣ [5]покивая ошибию[5], посему поне *яко* на друга надѣяся. Повар же, *яко* узрѣ сего здѣ тако хвостом трясущаго, взем сего за выю,* изверже абие вон из окна. Он же упад, отъиде, зѣло вопия.

Нѣкто же от псов на пути сего срѣте, вопроси: «Како вечерял еси, о друже?» Он же отвѣщав рече: «От великаго пития на пиру упихся* досыта, ниже пути сего видѣхъ, откуду изыдох!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко не подобаетъ надѣятися, иже о*т* чюждих благо творити обѣщевающимся.

126. О РЫБОЛОВѢ И О СВИРѢЛЕХ*

Рыболовъ сый неискусен рыболовства, взем свирѣли и сѣти, изыде на море. И став на нѣкоемъ камени, вначале убо заигра во свирѣли, мня, яко к сладкогласию рыбы приидутъ послушати и внидутъ в сѣти.* И тако многое время пребысть играя,* не улови ничто же.

Посемъ* отложи свирѣли и, announces;

поима. И изложи я́ от сѣти и, яко узрѣ их скачющих на земли,* рече: «О злѣйшая животная! Егда *играх вамъ в свирѣли,* не плясасте; егда* же преста*х* играти, сие творите, скачюще!»*

[1—1] лжив ты; [2—2] когда оказывал я тебе почести, ты не делал добра мне нисколько; [3—3] не обретает пользы; [4] угощать; [5—5] помахивая хвостом.

ТОЛКОВАНИЕ. Притча ко иже при словесех и времени настоящее и подобающее* творящих.

127. О ВОЛОПАСЕ

Волопас, стадо быков пася, погуби телца. И обшед всю пустыню, искаше. И егда ничто же обрѣсти возможе, помолися Зевесу: аще телца вземшаго татя ему покажетъ, козла на жертву принести обѣщася.

И пришед в пустыню, обрѣте лва, снѣдающаго телца, — пристрашен убо пастырь бысть и зѣло убояся, вознесе руцѣ свои на небо, *рече:* «О владыко боже!* Обѣщ*ах* ти ся козла на жертву дати, аще татя обрящу. Нынѣ же быка тебѣ на жертву обѣщаю, аще от рукъ сего убѣгну!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к мужем бѣдствующим, иже, погубивше убо нѣчто, молятся обрѣсти; обрѣтше же — ищутъ и молятся* отбѣжати.

128. О ВРАНѢ БОЛЯЩЕМ

Вран, болѣзнуя, рече к матери: «Мати, помолися богу и не слези». Она же отвѣщавши рече: «И кто теб*е*, о чадо, от богов* помилуетъ? У коего *убо* мяса не украл еси?»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко иже кто многихъ врагов в житии имѣетъ, ни единого *же* друга *в нужде обрящетъ.*

129. О КОЗЛѢ И ВОЛКѢ

Козел* на нѣкоей храмине стоя и волка пришедшаго увиде, лаяше волка и безчествоваше. Возрѣв же на него,* волкъ рече: «О сей, не ты мене лаеши и безчествуеши,* но мѣсто, на нем же стоиши».*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко множицею мѣсто и время подаетъ дерзновение на сопротивныхъ.*

130. О КОНИКЕ, СИИРѢЧЬ О КУЗНЕЧИКѢ, И О МУРАВЛѢ*х*

Во время осени и зимы п*ш*еницам поспѣвшимъ, муравли зимою от трудов своих питахуся.* Коники же, гладом умирающе,* пищи у муравлей просиша. Муравли же рекоша к ним: «Чесо ради весною* не собирали есте пищи?» Они же рекоша: «Недосуг было, ибо, мусикийски играюще, пѣхом».*

Муравли же, возсмѣявшеся, рекоша: «Но аще в весненое время* пели есте, играюще, нынѣ же, зимою, согревающеся* пляшите».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко не подобаетъ никому же *с* небрежениемь во всякой вещи жити, да нѣкогда скорбию бѣдствовати будетъ.

131. О ЧЕРВИ И О ЛИСИЦѢ

В гнои крыющеся, червь на землю пришед, глаголаше всѣм животным: «Врачь есмь и *зелия* врачевския* свѣмъ. Подобен есмь врачевством* Пеону[1], божиему врачю!»

Лисица же, отвѣщавши, рече: «Како ты иных врачевствуя, самъ хромъ и безногъ* сый, себе не уврачюеши и не исцелиши?»*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, аще не *наружно* искусство, всяко слово праздно есть и суетно.* К сему подобно *слово:* врачю, исцелися самъ!*

132. О КУРИЦѢ ЗЛАТОРОДНОЙ

Курицу нѣкто имѣ, яица златыя родящую. И разумѣвъ, яко внутрь ея узол[2] злата обрящетъ,* закла ю, — и обрѣте подобная внутренняя, якоже и в прочих курицахъ: иже многое богатство надѣявыйся *обрѣсти и малаго оного лишен бысть.*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко подобаетъ настоящими довлѣтися, несытства же бѣгати.

133. О ЛВѢ И О ЛИСИЦѢ*

Левъ состарѣвся и не могий исходити на ловитву* собирати себѣ пищи, помысли в разумѣ сице сотворити себѣ: и пришед в нѣкую пещеру, [3]сотвори себе[3] болна и ляже. И приходящая животная на посещение, поимая, снѣдаше.

И многим животным сице погибшим, лисица, коварственную* хитрость лвову познавши, прииде к нему на посещение.* И ста извнѣ от пещеры далече,* вопроси лва о здравии:* како пребываетъ? Лев же рече: «*Злѣ*». И вины левъ у лисицы* вопроси: чесо ради лисица к нему в

---

[1] Пеан — врач богов Олимпа; [2] слиток; *в ориг.*: 'груду', 'кучу'; [3—3] притворился.

пещеру* не вниде? Лисица же рече: «Яко зрю убо слѣды многихъ к тебѣ в пещеру* входящихъ, не многихъ же от тебе из пещеры* исходящих».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко премудрии человѣцы от вредныхъ* и видимыхъ[1] бѣд отбегаютъ.

134. О БАБѢ И О ВОЛКѢ*

Волкъ, гладен сый, обхождаше, иский пищи. И пришед на нѣкое мѣсто, услыша дѣтище плачюще и бабу к нему глаголющую: «Отроча,* престани плакати! Аще же не престанеши, то часа сего отдам тя волку!» Мнѣв же волкъ, яко истинствуетъ баба, стояше, многое время ждый.

Его же *и* вечеръ постиже, слышитъ паки бабу утѣшающу и играющу* со отрочатемъ и глаголющую к нему: «Аще приидетъ сѣмо волкъ, убиемъ его, о чадо!» Сия услышав, волкъ побѣже, глаголя: «На сем подвории иная убо глаголютъ, иная же творятъ».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к симъ человѣкомъ, иже не имѣютъ дѣл словеси подобныхъ.

135. О МУЛѢ, *СИИРЕЧЬ О ОСЛИЧИНѢ СЫНЕ**

Мул, ячмени насыщся, отолстѣ,* скакаше, вопия и глаголя: «Отецъ мой есть конь скоротекущий, и аз уподобихся ему весь!» Егда же прииде *нужа* бѣгати, и течения преста, абие отца осла воспомяну.

ТОЛКОВАНИЕ Притча являетъ, яко аще время в славу кого приведетъ, своего прежняго случая да не забываетъ, — безвѣстно убо житие се.

136. О ЗМИИ И ЗЕМЛЕДѢЛАТЕЛИ

Змей пред враты землѣдѣлателя гнѣздо изви и угрызе дѣтище его. Печаль же бысть великая родителем его. И убо отецъ, с печалию взем сѣкиру, хотяше изшедшую змию убити, — удари в диру земледѣлатель и промину.*

Отшедши же змии, землѣдѣлатель, разумѣв, змию не к тому злопамятъствовати, приим хлѣб и соль, положи на дирѣ, идѣже змей живяше.* Змѣй же, тонко засипѣв, рече: «Отныне не будетъ нама вѣр*а и любовь*, донелѣже аз камень зрю,* ты же — гроб своего отрочате».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являетъ, яко никто же ненависти и скорби не забудетъ, донелиже возрит память, чимъ оскорблен бысть.

---

[1] предвидимых, предсказуемых.

137. О ТРУБНИКѢ

Трубникъ полки собирая, пойман бысть от сопротивникъ, вопияше: «Не убийте мя, о мужи, всуе, безвиннаго крови,* — ни единаго бо от вашихъ убихъ. Кромѣ сея мѣди[1] ничтоже иного имам!»

Они же к нему рекоша: «Сего ради наипаче умреши: поне сам ты не могий воевати, всѣх же ко брани возбуждаеши!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко вящше сии суть виновнии, иже злых и тяжких на*ча*лниковъ* возбужают на злотворение.

138. О ТРОСТИ И О МАСЛИЧИНѢ

О терпѣнии и о крѣпости трость и масличина бѣсѣдовах у.* Трость же уничижаема бысть от масличины, яко не силна есть и удобѣе колеблется всякими вѣтры. Трость же молча, ничтоже глаголаше.

И мало пождав, и вѣтръ воздыше велий, и трость убо колеблющися, наклоняшеся вѣтром и удобн*е* спасеся. Масличина же, сопротивляющися вѣтром, сломися нужею[2].

ТОЛКОВАНИЕ. Притча являет, яко, иже вовремя лутчим себе *не* сопротивляющ*е*ся, лучшии сих бывают, иже любопрятся сопротив болших.

139. О ВОЛКѢ И О ЖЕРАВЛѢ

Волку въ шее кость увязне, жеравлю мъзду дати обѣща, аще главу свою вложит и кость из шеи волчьи извлечет. И жеравль, на мздѣ* долгою своею шеею извле*кш*е кость от злѣ страждущаго волка,* мъзды прошаше. Волкъ же, возсмѣявся и зубами стиская, рече: «Довлѣет ти *и сия* мъзда едина, яко от волчьих устъ и зубовъ всеядних* изнеслъ еси главу свою цѣлу, ниже что пострадавш*у*».

ТОЛКОВАНИЕ. Притча къ мужемъ, иже от бѣд когда спасшеся, благодателем же сицевая воздаютъ злобою благодать.

140. О АЛЕКТОРѢХ

Два алектора о курицах браняхуся, и един другаго, бивъ, отогна,* и́ на мѣсте осѣненом[3], отшед, скрыся.* Побѣдивый же наверхъ возлѣтѣ и, на высокой стенѣ став, велегласно возгласи.

---

[1] медной трубы; [2] силою принуждения; [3] покрытом навесом.

Орел же налетѣв и абие сего восхити, а иже на мѣсте темнѣ скрывыйся, невозбранно от сего часа курицы топташе.*

ТОЛКОВАНИЕ. Притча знаменуетъ, яко Господь гордым противится, смиренным же даетъ благодать.

141. О ЖАБАХ*

Жабы двѣ, [1]иссохшу *езеру, в нем же живяху*[1], обходяще, искаху, гдѣ пребыти. И пришедше на источникъ глубокий, наклонившуся низу и видѣвше воду, едина совѣтоваше: «Да скочим абие долу». Другая же рече: «Аще и сие изсохнет, то како возможем оттуду изытти?»

ТОЛ*КОВАНИЕ*. Притча являет, яко кромѣ совѣту не подобает творити ничтоже.

142. О ВОЛКѢ И О АГНЦѢ*

Агнецъ, на высокомъ мѣсте стоя, волка низу ходящаго по пути смотряше и зверемъ злым нарицаше и сыроядцемъ. Волкъ же, обращься, рече к нему: «Не ты мене безчестиши, но *столпъ*[2], на нем же стоиши!»

ТОЛКОВАНИЕ. Притча к претерпѣвающим лаяния от недостойных человѣкъ [3]ради страха высочайшихъ[3].

143. О СТАРОМЪ И О СМЕРТИ*

Старый нѣкогда, дрова сѣкий *и сия* несый, многий путь идяше. И ради многаго труда на нѣкоем мѣсте низложи бремя, смерти призываше.

Смерти же пришедши *и* испытовающи вины, чесо ради ю призываетъ, — убоявся, старецъ рече: «И да возмеши и понесеши* бремя *мое*».

ТОЛ*КОВАНИЕ*. Притча являетъ, яко всякъ человѣкъ любожителен есть, аще *и злоденствует, аще* и нищь будет.

Конец притчей Эзоповых

[1—1] когда озеро, где они жили, высохло; [2] башня; [3—3] из страха перед более могущественными.

[144.] ПРИТЧА МУРАВЛЕЙ И КУЗНЕЧИКОВ,*
ПРЕТВОРЯЯ ЮНЫХ КО ТРУДОМ

[1]Веснѣ сущи возрасту[1], коники,[2] [3]мусикию собравше доброгласную[3], пояху. Муравли же тружатися в плодѣх начаша и собираху сѣмена и плоды, ими же имѣяху зимою питатися.

Зимѣ же пришедши старости, муравли в них же труждахуся, тѣм и питахуся. Сих же красота пѣния скончася убожеством.

Тако *убо* и юность не хотящ*и*я труждатися въ старости злостражет.

НАДПИСАНИЕ[4] АВТОНИЯ*-МУДРЕЦА

Баснь, или притча, от творцевъ изыде. Бываетъ же и у риторей [5]обща от похваления[5]. И убо притча, или баснь, слово есть ложное, изообразуя истинну. Нарицается же [6]«сиварикос»* и «киликс»,* и «киприос»,* — ко обрѣтшимъ *приложи* имена[6]. Наипаче же Езопския глаголются, поне*же* Езоп изряднее[7] всѣхъ написа притчи.

И бо баснь, или притча, есть «словесная», «нравоучителная» и «совокупителная».* «Словесная» убо сложена, в ней же аще что творитъ человѣкъ. «Нравоучителная» же, еже от бессловесных воспоминаемыя[8] нравы. «Со*во*купленая», еже от обоих — от бессловеснаго и словеснаго.

Похвал*е*ние[9] же и истолкование, о чем притча есть сложена, — «надбаснымъ»* нарече.

ИСТОРИЯ КНИГИ СЕЯ

Притчи, или баснословие, Езопа Фриги, философа греческаго и баснотворца, преведены быша з греческаго диалекта на словенский языкъ преводникомъ Феодоромъ Касьяновым, сыномъ Гозвинскимъ въ царьствующемъ градѣ Москвѣ *в лѣто* от создания миру 7116 (1607), октября въ 19 день.

[1—1] *В ориг.*: когда лето было в разгаре; [2] кузнечики; [3—3] составив слаженный (гармоничный) хор; [4] приписка; [5—5] обычная при наставлении; [6—6] «сибаритская», и «киликийская», и «кипрская», именуемые по месту обретения, происхождения; [7] лучше; [8] изображаемые; [9] наставление, поучение.

«ЗРЕЛИЩЕ ЖИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» — СБОРНИК БАСЕН В ПЕРЕВОДЕ А. А. ВИНИУСА

ЗРѢЛИЩЕ ЖИТИЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО* В НЕМ ЖЕ ИЗЪЯВЛЕНЫ СУТЬ ДИВНЫЯ БЕСѢДЫ ЖИВОТНЫХЪ СО ИСТИННЫМИ, КЪ ТОМУ ПРИЛИЧНЫМИ ПОВѢСТЬМИ ВЪ НАУЧЕНИЕ ВСЯКАГО ЧИНА И САНА ЧЕЛОВЕКОМЪ

НЫНѢ НОВОПРЕВЕДЕНО[1] С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ВСѢМЪ
В ОБЩЎЮ ПОЛЬЗУ ТРУДОЛЮБИЕМЬ *А. А. с. В.**
ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ВЕЛИКОМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ ВЪ ЛѢТО
ОТЪ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА СЛОВА 1674

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Аще[2] убо прежде сего времени притчи сия в тиснении типографии нашей изданы были,* обаче[3] не такимъ изряднымъ расположениемъ, якоже нынѣ, ибо к сему приложихъ совершеннѣйшаго ради разумения к кийждой[4] притчи от древнихъ лѣтописецъ согласующуюся предстоящей притчи повѣсть.*

Потреба же книги сея всякаго сана людемъ (наипаче же младымъ) велика, зане[5] о всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ человекомъ притчи сея учение подают, како мудро и опасно[6] жити. К тому же зѣло дивно размышляти, како Всемогущий Господь Богъ не точию[7] кийждому животну свое свойство и природу дарова, но в нѣкоторыя от них изрядныя обычаи и нравы насадилъ есть, которыя безсловесныя[8] не точию человекомъ в пищу, но и во многия потребы годствуютъ[9].

Еще же от сих научитися можемъ, яко, зря на безсловесныя, достоитъ[10] намъ житие свое и нравы злобныя исправляти. Ибо не многия ли видим свирѣпѣйшихъ львовъ и медвѣдевъ, иныя жъ нечистѣйшихъ свиней, овых[11] же неблагодарнѣйших псовъ, иных же гордѣйших павлинъ? Не подобаетъ ли таковымъ сихъ срамлятися[12]?

Не премѣняют ли таковии человѣцы свое подобообразие Божие в подобие сих безсловесныхъ?*

К таковымъ убо глаголетъ Иов:* «Вопроси четвероногъ[13] — и рекутъ ти. И птицы небесныя — и возвѣстятъ ти. Повѣждь земли — и скажетъ ти, и повѣдятъ рыбы морския. Кто не разумѣ, яко *ру*ка Господня сотвори сия?» Паки[14]

[1] впервые переведено; [2] хотя; [3] однако; [4] каждой, [5] ибо; [6] осмотрительно; [7] не только; [8] *т. е.* животные (*букв.*: 'неразумные'); [9] пригодны; [10] следует; [11] других; [12] стыдиться; [13] четвероногих, скотов; [14] также.

Соломонъ повелѣваетъ лѣнивому: да идетъ ко мравию и возревнуетъ[1] пути ея и отъ нея научится,* сия бо в лѣтѣ себѣ к зиме пищу уготовляетъ.

Тѣмже[2], аще[3] оныя безсловесныя кийждо по своему природному свойству Содѣтеля[4] своего возхваляютъ и красотою и действиемъ своимъ Творца своего являютъ неизглаголанную[5] премудрость, кольми[6] подобаетъ намъ, словеснымъ[7] сущимъ и надо всѣми сими поставленными и многократно красотою оных превосходящимъ, красоту, благовоние, сладкопѣние, сладковкушение сих безсловесных, ихже Богъ намъ покори, употребляя, о всемъ благотворца нашего о неизреченныхъ его благодеяниих веселящеся хвалити и благодарение возсылати?!

Сего ради во общую пользу, — наипаче младымъ отрокомъ, иже во дверь сего многомятежнаго въступаютъ жития, — сии притчи в научение и во употребление во всякии случаи составихъ и, якоже на зрѣлище, предложих; и да никтоже многимъ чтениемъ отягчитца, кийждой притчи кратчайшимъ толкованиемъ оныя изъяснихъ. Сих же прочитая, внемли, изряднѣйшия яко пчела избирай, да в сердцы твоемъ медъ премудрости собереши, иже во вся находимыя горести жития твоего растворити можеши,* и труды моя в пользу себѣ да употребиши.

1. О КОНѢ И ВОЗНИЦѢ*

Нѣкоему коню впряжену бывшу в тяжкий воз, *хотя минути блатину*[8], *въвалися в ню.* Возница же нача коня зѣло бити.

Конь же много трудився, воза своего не извлече и возницѣ своему рече: «Како ты немилостивъ сый! Видиши мя труждающа о извлечении воза твоего, ты же не престаеши бити мя!»

Он же, сие слышавъ, лютѣйше нача бити его.

Сия повѣсть являетъ, яко горе рабамъ, над нимиже мучитель господствуетъ, зане[9] люди своя в тяжкой работѣ понуждаетъ* и еще биетъ!

Сице сотвори Тиверий,* кесарь Римский, над единѣмъ от рабовъ своих, зане нѣкогда прилучившуся[10] сему в пути пред кесаремъ ѣхати, въ блатину увязе. Кесарь же, разгнѣвався, рече ему: «Изыди скоро отсюду! Аще ли не изыдеши, лютѣ бити тя повелю и в блатинѣ оставити». — О семъ пишетъ Светоний.*

---

[1] ревностно последует; [2] поэтому; [3] если; [4] Создателя; [5] невыразимую; [6] сколь; [7] разумным; [8] топь, [9] ибо; [10] пришлось

2. О ЛЬВѢ И О ЛИСИЦѢ*

Нѣкогда левъ от глада велика* сотвори себе[1] быти недужна и повелѣ с великимъ запрещениемъ[2],* да приидутъ в домъ его вси звѣри совѣта ради дѣл великих.* Звѣри же, боящеся заповѣдь его презрѣти[3], во дворъ его стѣкошася.

Лисица же, пришед близь двора львова, видѣ слѣдъ многих звѣрей во дворъ львовъ пришедшихъ, но ни единаго отъ изшедшихъ, рече к себѣ: «Воистинну сии безумни суть вси, яко собрашася тако ко лву. Мню, яко вси погибоша».

Левъ же оныхъ звѣрей всех разтерза и пищу себѣ надолго уготова.*

Тѣмъ являя, яко мудрый человѣкъ во время потребно[4] сѣти сильныхъ можетъ убѣгнути, в них же простые[5] люди себе предаютъ.

Тако сотвори Рудолфъ, цесарь Римский.* Зане егда вопрошенъ бысть от князь своих: чесо ради не прииде войною во Итталию,* якоже и протчии цесари и короли, предки его? — отвѣща, рече к нимъ: «Многих цесарей и королей стопы вижу, вшедших во Итталию, ни единаго же вижу с радостию возвращающася». И сказа имъ притчею, выше изображенною.* — Куспиниа*н*ъ.*

3. О ДРЕВЕСѢХ ДУБѢ И ВЯЗА*

Нача вязъ дуба, яко царя древесемъ, молити, дабы соизволилъ[6] ему всѣ древеса, окрестъ дуба стоящия, посѣщи, — да удобнѣйши дуб вѣтви своя изрядно разширитъ и красоту свою явно всѣмъ *окажетъ*. И видя дуб лукавство вязово, рече ему: «Да аще тако сотвориши и древеса окрестъ мене стоящия посѣчеши, како азъ, во время мразовъ великих и егда есень и зима хладными ветры мя учнетъ колѣбати и от крѣпких моих кореней опровергати[7], скрыюся? Вѣмъ[8] твое лукавство, его же ради извергаю[9] тя от дубравы моея».

Тѣмь являя, яко благое состояние князей и государей состоится во благоденьстви*и* подданных ихъ. И блаженъ убѣгая[10] языка льстива и бе*с*ѣды хвалу в лице глаголющихъ: их же намѣрение — точию *к*ако кого оглаголати[11] и богатых до основания опровергати.

Такий совѣтъ нѣкий Сосистратъ* подаде жителемъ града Сиракуса.* Ибо егда той, видя друзей Агафокловых* во градѣ и окрестъ града обстоящихъ и

[1] притворился; [2] грозным приказанием; [3] пренебречь; [4] когда потребуется; [5] простоватые, неразумные; [6] дал позволение; [7] ниспровергать; [8] знаю; [9] изгоняю; [10] избегающий; [11] зачаровать, обворожить.

град соблюдающих, даде гражаномъ совѣтъ: да погубятъ Агафокла и друзей его, — умысля в себѣ, егда сего воеводы и добрыя совѣты его лишатся, тогда удобнѣйши возможет град получити и обладати. — Полианъ.*

4. О ВАСИЛИСКЕ-ЗМИИ И О ГОРНОСТАИ*

Нѣкогда василиску* лежащу при пути и стрегущу ему, како видомъ* своимъ человѣка шествующа уязвитъ. Сие же видя, горностай обви себе травою рутовою* (вѣдая, яко сия трава пользует от яда василискова),* нача со змиею братися[1] и от себе ю прогна.

Тѣмъ научая, яко и безсилныя хитростью противо сильныхъ стояти могутъ и себе не точию обороняти, но и силу супостатъ своихъ сокрушати.

Сице сотвориша раби и поселяне в Скифии оставльшия. Понеже[2] егда господа их брань творяху со женами-амазонами[3] и во брани той пребыша седмь лѣтъ, тогда оныя рабы все имѣние господ своих себѣ похитиша и сами себе господами сотвориша и возвращающихся от брани господей своихъ изгнаху.*

И тако оные господие с рабы своими многую брань творяще, но выну[4] от рабов побѣждени бяху, дондеже[5] прииде единъ от господей оных и рече: «Не достоитъ намъ с рабами своими оружием братися, яко с сильнѣйшими неприятельми, но воевати их лозами и палицами[6], яко рабовъ и поселянъ».

И тако ихъ побѣдиша и грады своя восприяша. — Устинъ.*

5. О ОБЕЗЬЯНѢ (О ПИФИКѢ) И ЧАДѢХЪ ЕЯ*

Нѣкоторый пификъ[7] дву дѣтей имѣ и тѣх неравно воспита: единаго бо зѣло любляше, другаго же от себе отверже. И любимаго непрестанно изобилно питаше и о немъ веселяшеся, о друзѣмъ же не имѣ брежения[8] и того гладомъ моря. Сему же унывающу, другому же веселящуся, преломи себѣ ногу.*

Се же видя, матерь его зѣло оскорбѣ, обаче помощи никоей же подати возможе. И великимъ жалѣниемъ обдержима, непрестанно к себѣ прижимая, яко по малыхъ днехъ тому умрети.

Сею притчею являя, яко родителемъ не достоит чад своих воспитовати [9]в великомъ лакомъствѣ[9] и любви чрезмѣрной, ибо возрастше без наказания[10], бываютъ таковии во всяких злобахъ[11] превосходны.

---

[1] бороться; [2] поскольку; [3] амазонками, [4] всегда; [5] до тех пор пока (не); [6] дубинками; [7] обезьяна, [8] присмотра, заботы; [9—9] в потворстве удовольствиям; [10] наставления; [11] пороках.

Сице бысть Александру* и Антигону,* сыновомъ царя Гиркана,* зане Гирканъ Антигона зѣло любляше и того наслѣдника себѣ сотвори, Александра же ненавидя. И аще сей храбростию и разумомъ Антигона превзыде, обаче отца своего зѣло бояся.

Посемъ Антигону умершу, бысть наслѣдникъ отцу своему* Александръ *и* великие славы изящных[1] ради дѣлъ* достиже. — Пишет о сем Иосиф Флавий.*

6. О ЛЬВѢ И О КОНѢ*

Нѣкогда конь хождаше в поле. Прииде к нему алчный левъ, нача ему лукавно вѣщати: «Вижу тя, о друже мой, от *в*ремени[2] многа недугомъ одержима. Сего ради пришед, возвѣщаю ти: аще хощеши, то исцѣлю тя, зане во враче*в*ствѣ есмь зѣло искусенъ».

Конь же позна лвову хитрость, отвѣща, ему рече: «Добрѣ сотворилъ еси. Въправду позналъ еси, яко недугъ имамъ, ибо копыта мои задния зѣло ми болятъ. И молю, да усмотриши болѣзнь мою, и, аще исцѣлиши, благодарен явлюся тебѣ».

Лев же припаде, хотя болѣзнь усмотрити, и абие[3] от коня ногами ударениемъ во главу бысть умерщв*л*енъ.*

Сице бывает человѣку, хотящу искреньняго[4] своего лукавъствомъ погубити, и емуже аще кто ровъ ископает, самъ в него впадетъ.

Яко же левъ сей, тако и Клеопатра,* царица Египетская,* (аще и с велиимъ лукавством, но к погибели своей) прииде ко Антиоху.* Ибо егда Антиох во брани побѣди Александра,* тогда Клеопатра смерт*ною* ненавист*ь*ю возненавидѣ сего Антиоха.

Обаче се она скрывъ, приступи к нему, испущая лестныя глаголы. И во время великия его жажды принесе ему в сосудѣ питие, съ ядомъ смертнымъ растворенное. Онъ же сие уразумѣв, повелѣ ю от себе отгнати и потомъ убити. — Савеллий.*

7. О ЛИСИЦѢ И О ЖУРАВЛѢ*

Нѣкогда лисица позва друга своего журавля на пиръ и представи ему пищу на ровных блюдах жидкия, иже журавль долгимъ своимъ носомъ ясти не можаше. Лисица же всѣ яди[5] полиза, жаравль же гладенъ отъиде.

[1] замечательных; [2] возраста; [3] тотчас, внезапно; [4] ближнего; [5] кушания

Посих же жаравль позва лисицу и престави ей пищу въ стклянице[1] уготовану, и моли лисицу, да ястъ и насытится.* Она же токмо[2] видѣниемъ себе питаше, яди же достати не возможе. Журавль же доставаше и пояде все, рече лисице: «Чесо ради стклянцу токмо языком своимъ облизаеши, ядей же, положенных в ню, не вкушаеши?»*

Лисица же отвѣща: «Правда есть, яко кто инымъ творитъ *посмѣяние*, самъ в посмѣшище бываетъ».

Сице сотворися царю Иустиниану Второму* от неприятеля его Леонтия,* иже не точию сему царю отъя царство, но и носъ повелѣ урѣзати ему. Егда же Иустинианъ паки царство получи, отмсти не точию Леоньтию единому, но во всякое время, егда восхотѣ носъ усморкнути, воспомяну Леонтия и абие повелѣ единаго от рода его* убити. — Фулгозий.*

8. О ПАВѢ И О СОЛОВЬѢ*

Пава нѣкогда слыша соловья краснымъ и преизряднымъ[3] гласомъ поюща, зѣло подивися и рече: «О богиня Натура!* Како мя сице сотворила еси велика и златыми перии украшена, гласа же такова, якоже сия малая птица соловей, не имамъ?»

Натура же обличи павлиное неблагодарствие, яко не удовольствова красотою, *юже* паче иных птицъ стяжа, и яко оная же малая птица себе точию утѣшая красным пѣниемъ своимъ: «Сего ради буди доволна тѣмъ, еже тебѣ дано есть, и не желай, что дано иному».

Тѣмъ научая, яко кийждому человѣку подобаетъ довольну быти, имже Богъ его украсилъ, ибо не вси человѣцы вси дары имутъ, но овому[4] убо дадеся талантъ, иному же два, — и кийждому свое дарование дадеся.*

Сицевое свойство павлиное имѣ Каллионъ,* сынъ Калиопы,* иже не точию прекрасенъ лицемъ и тѣломъ, но и природы добрые, и того ради многими дары разумными украшенъ бѣ. Обаче вопроси богиню Калиопу:* како научитися красно пѣти? Она же рече ему: «Буди доволен красотою, имже украшен еси». — Адагий.*

9. О ВОЛКАХЪ И ОВНАХЪ*

Бѣ нѣкогда овнамъ с волки великая брань. Видяще же се, пси приидоша и помощь овнамъ сотвориша и волковъ разгнаша. Волцы же посих приидоша к

[1] стеклянный сосуд с узким горлом; [2] только, [3] красивым и искусным; [4] тот.

овцамъ, рекоша: «Аще хощете с нами быти мирны, то повелити псомъ от себе отъити».

Овны же сие сотвориша, и нападоша на нь волцы и растерзаху, потребиша[1] я́.*

Научает тѣмъ, яко не подобает словесемъ неприятельскимъ вѣрити и себе в силу[2] их своею неопасностию предати.

Тако сотвори царь Антипатръ* граду Афины, егоже вьну иска погубити. По многих убо бранех посла Антипатръ ко граждаиомъ афинскимъ, глаголя: «Аще хощети имѣти со мною миръ, то во свидѣтелство крепчайшаго вашего постоянства изгоните от себе десять мужей,* сущих ваших риторовъ, иже причинны суть вашему многому мятежу», — вѣдуще[3], яко тии въ совѣтах первыя и мудрѣйшия во градѣ бяху. Егда же афиняны сие сотвориша, лестию[4] прииде с воинствомъ своим во град и всѣхъ себѣ поработи. — Демостенъ.*

10. О ЛЬВѢ И МЫШИ*

Случися лву впасти в тенета, ловецъ ему поставленныя. И много трудився, не возможе от сих излѣсти, но вяще увязе в сѣти тыя и начася о помощи горко вопити. Сие же услышав, мышь с надеждею, яко получити имать воздаяние много,* прииде и сѣти оны прегрызе, — и тако лва избави.

Симъ научая, яко и малии подданнии могутъ [5]во время подобно[5], яко и великия, помощи государемъ своимъ сотворити.

Сице бысть Балдвину,* царю Иеросалимскому. Сей убо на брани егда взя жену Амурата,* воеводы срацинского, восхотѣ убити ю. Но паки[6] помысли, яко смертию ея себѣ ничтоже корысти сотворитъ, повелѣ ю отпустити.

Посемъ, егда той-жде Балдвинъ взят бысть от Амурата, молением* той его жены свобожден бысть. — Игнатий.*

11. О СОЛНЦѢ И ВѢТРѢ СѢВЕРНОМЪ*

Вѣтръ нѣкогда с солнцемъ имѣ великое прѣние[7], яко той солнца в силѣ превосходитъ. И купно совѣтъ[8] сотвориша, да кийждо силу свою на путьшествующимъ покажут. Видѣвшим же имъ человѣка два* шествующе путемъ, нача

[1] съели; [2] на произвол; [3] зная; [4] обманом; [5—5] когда это нужно; [6] еще раз; [7] спор; [8] уговор, согласие.

вѣтръ зѣлно с стужею велиею дмети[1] на ня, — они же крѣпко одеждею своею укрываху ся, дондеже вѣтръ преиде.

Посих солнце нача тихия и теплыя на них испущати лучи, — путницы же *от* теплоты ризы от себе отвергоша.

Сице яростию правящимъ реку, яко не толикую силу имут, яко тии, иже тихостию и разсуждениемъ управляютъ своя люди.

Сице бысть обоимъ царем-братомъ Титу* и Доменьтиану,* сыномъ кесаря Весп*ас*иана.* Единъ, убо первый, правяше люди своя во блазѣ[2], со всякою тихостию, и кийждому суд творяше праведный,* — и велию за се любовь от подданных стяжа, и богатства собра многия, и все, еже восхотѣ, от них получаше.

Доменти*а*нъ же мучителство велие и гонение людемъ своимъ творилъ и симъ умышлял имѣния их отъяти. Обаче мучениемъ и насилием не много сокровище себѣ собра. Посем же от своих убиенъ бысть.* — В «Житии кесарей».*

12. О СВЕРЧКѢ И О МРАВИИ*

Прииде в зиму сверчокъ ко мравию[3] и рече: «Се нынѣ наста время зимы, аз же не имамъ что ясти, зане в лѣтѣ питахся различными овощи, вас же веселих своими пѣсньми. Ныне же дадите мнѣ от жита вашего,* да гладомъ не погибну».

Они же рѣкоша к нему: «Чесо ради не уготовалъ еси себѣ к зимѣ жита, яко же и мы, но все лѣто во благоденьствии и лѣности, и пѣсне*хъ* дни своя изжил еси? Мы же выну труждаемся и нынѣ насыщаемся плодами трудовъ своих[4]. Ты же по многомъ веселии, яже получал еси, терпи!»

Тѣмъ поучая, яко подобаетъ намъ время свое не туне[5] изживати, но всегда себѣ и ближнимъ своим нѣчто потребное творити.* Зане, якоже древний нѣкий философъ рече, ничтоже быти на земли дражайше времени, ибо богатство изгибшее человѣкъ приобрѣсти можетъ, время же изшедшее никто же можетъ возвратити.

Сицевый сверчекъ бяше Ацилий,* иже во младости своей блудно все имѣние отца своего изжил. Посемъ прииде к Тиверию-кесарю, прося от него помощи. Той же отвѣща ему, рече: «Друже, почто толико спалъ еси? Пришествие твое долго ожидах!» — и повелѣ ему от себе отъити. — Целий.*

---

[1] дуть; [2] во благе; [3] муравьям (*собират.*); [1] едим; [5] впустую.

13. О ВОЛКѢ И ЖУРАВЛѢ*

Прииде волкъ к журавлю, прося от него помощи, дабы у него кость (от многаго его объядения* в горлѣ увязлую) извлекъ, обѣщався ему воздаяния многа. Журавль же ради корысти главу свою во уста волка вложивъ и кость из горла его извлече.

Егда же нача волка о воздаянии стужати[1], отвѣща ему, той рече: «О несмысленне! Како не памятуеши, егда глава твоя была в челюстех моих и аз тя непротиво[2] своего природнаго нрава пощадих? Сего ради буди доволенъ, яко главу твою не оттерзал!»*

Являя тѣмъ, яко неблагодарные человѣцы николиже не познаваютъ благодѣяния благодѣтелей своих, и вся имъ благотворимое точию в должность себѣ вмѣняютъ.

Сице бысть оному вельможи,* иже избави от смерти Василия, царя Греческаго.* Ибо егда сему на ловли бывшу и елень рогама своима хотяше царя умертвити и за поясъ его уцѣпи, прииде той вельможа* и поясъ царьский мечемъ своимъ прерѣза, и тако царя от смерти избави.

Посемъ царь не позна сего благодѣяния его, но повелѣ главу ему отсѣщи, глаголя, яко не достоит таковымъ рабом быти живымъ, иже дерзают извлекати на царя мечь.* — Зонор*а*.*

14. О ДРЕВѢ И ТРОСТИ*

Нѣко*е* древо стояше зѣло высоко и простираше вѣтвия своя даже до небесъ, зѣло возношашеся гордостию, глаголюще, яко не быти на земли подобну ему, ругающуся трости, яже от малаго вѣтра колеблема бываетъ.

Случи же ся быти вѣтру велику, и опроверже оное древо от корени его. Тростие же сие видѣвше, рѣкоша в себѣ: «О великое чюдо! Како сие высокое древо, *е*же вѣтвия своя зѣло высоко и широко распространяше, нынѣ паде и сокрушися, малое же тростие от сего невредими пребыша!»

Сице человѣцы в санах сущих великих падению подлежатъ, малии же выну стоятъ* и аще от крѣпких вѣтров колеблеми, обаче невредими бываютъ.

Такую гордость показа великий град Тиръ,* егда Великий Александръ,* яко крѣпкий вѣтръ, в землю Финическую вниде. Малии гради вси ему покоришася и от него невредими пребыша. Тиру же граду надѣющуся на силу свою и

---

[1] настойчиво требовать. [2] несоответственно, вопреки.

крѣпость, противляхуся Александру. Той же обступи град велиею силою, взя его и всѣхъ жителей в немъ изби* и домы их разори.

Тогда удобно[1] глаголаху малии гради: «О коль потребно силнѣйшему себе покорити!» — Иосиф Флавий.*

15. О ЛЖИВОМЪ ПАСТЫРИ[2]

Нѣкий пастырь, стрежаше стадо овецъ, нача горко вопити, яко волкъ прииде и похити едину овцу от стада его. Прибѣгоша же к нему инии пастырие, хотяще помощь ему сотворити, он же посмѣяся имъ. И тако нѣколико кратъ сотвори, ругающу ему точию прочимъ клевретомъ[3] своимъ.

Посих же прииде нѣкогда волкъ и овцу от стада его похити. Он же аще и много о помощи вопиаше, обаче никтоже к нему прииде, чающе, яко посмѣвается имъ,* яко и прежде.

Являя тѣмъ, яко аще кто, истинны отступя, кийждому во всяких глаголех лжетъ, и тому, аще потомъ и правду глаголетъ, вѣры не емлютъ, но глаголы его во лжу въмѣняютъ.

Сице бысть граду Ампилии в Пелопонезии.* Егда воини стрегущии нѣколико кратъ в нощи вопияху, яко супостаты приидоша, жители же, сие слышаша, вооружишася и абие к брани уготовляхуся, и[4] ничтоже обрѣтоша. Сему же нѣколико крат бывшу,* приидоша супостаты их, и аще стражи и вопиаху, обаче жители не яша им вѣры. И тако кромѣ[5] противления град взят бысть.

16. О СВИНИИ И О ВОЛКѢ*

Прииде к свинии волкъ и рече ей: «О мати моя! Зѣло оскорбихся[6]* видѣти тя в такой старости и толикими дѣтми отягченную.* Сего ради умилихся[7] о тебѣ:* даждь ми на соблюдение чада твоя, да воспитав[8] их, от всяких лютых звѣрей* тѣх соблюду».

Свиния же рече волку: «Господине мой! Вѣмъ добрѣ, кто еси *ты*, вѣмъ, яко ищеши точию детми моими себе насытити и наслѣдие их себѣ похитити!»*

Тѣмъ являя, яко подобает человѣку зѣло осмотряти, кому хощетъ чада своя при исходѣ души своея въ сохранение предати.

---

[1] с облегчением; [2] пастухе; [3] товарищам; [4] но; [5] без; [6] опечалился; [7] сжалился; [8] вскормлю.

Тако сотвори Турский царь Солиманъ.* Ибо егда Иоан*нъ*,* воевода Седмиградский* и король Венгерский, умре и остави младаго сына,* присла той Солиманъ к матери его, глаголя: «Предаждь ми въ соблюдение сына твоего, да возращу и сотворю его наслѣдника отцу его».

Но что с*ей* волкъ турский симъ своимъ желаниемъ желаше, и посих сотвори: довольно зла то*й* младий князь Седмиградский и матерь его обрѣли.* — Сурий.*

17. О ГОРДОМЪ ОСЛѢ*

Бысть нѣкоторый осел, иже от господина своего зѣло тучно воспитанъ бысть. И той господину своему вельми[1] хваляшеся о высокой своей породѣ и никого же подобна себѣ восхотѣ признати, и яко во всякихъ хитростѣх воинскихъ намалѣ[2] ученныхъ коней превосхождаше.

Егда же сей употребленъ бысть с протчими коньми, тогда своея ради природныя лѣности от всякихъ бысть посмѣян.*

Являя, яко аще кто себе и хвалитъ, обаче дѣла его являютъ, аще имать каковыя добродѣтели.

Такий оселъ был сынъ Фионовъ.* Той убо аще и зѣло бяше лѣнивъ и безуменъ, обаче вѣмѣняше[3] себе быти мудра и поспѣшна[4]. И сотвори з братом своимъ с Хлориемъ* (иже мудръ бѣ и смыслен) залогъ: кто от обоих в бѣге превзыдетъ. Егда же Хлорий брата своего зѣло превзыде, той поруганъ бысть. — *П*авзаний.*

18. О ВОЛКѢ ВО ОВЧЕЙ ОДЕЖДѢ*

Прииде нѣкогда волкъ ко овцѣ во одежди овчей и нача молити ю, да идет с нимъ к нѣкоему мѣсту, идѣже[5], — сказа, — обрѣте пажить[6] и воду зѣло изрядну.

Овца же вопроси его:* «Друже, повѣждь ми, кто еси ты?» Волк же рече: «Видиши, яко овца есмь, твоя сестра». Овца же рече ему: «Аще овца еси, не имам с тобою итти, зане не возможеши от волковъ оборонити мя. Аще бы ты волкъ былъ, тогда бы с тобою охотно пошла».

Тогда волкъ возрадовался, мняше, яко овца готова итьти с нимъ, отверже[7] свою одежду овчю и рече: «Виждь, нѣсмь овца, но волкъ!» Овца же, сие

---

[1] много; [2] несколько, даже; [3] считал; [4] проворным, [5] где; [6] пастбище; [7] отбросил.

видя, рече волку: «Иди от мене! Не имамъ с тобою итти, зане овцы с волки николи имутъ дружества, аще и овчею одеждею прикрываешися».

Симъ научает, яко подобаетъ кийждому себе остерегати, с кѣмъ хощетъ дружество творити.

Яко волкъ сей, сице сотвори Салладинъ, воевода Египетцкий,* иже облечеся во одежду овчю, хотя прельстити христианы в немецкой и во французской земли, дабы не посылали сущимъ христианомъ во Иерусалимъ помощи.* Тии же познаша его, рекоша: «Тогда имамы тебѣ вѣрити, егда будеши в сердцы твоемъ христианинъ, а не закона Махометска».* Он же видѣ, яко познано бысть лукавство его, от них отступи со срамомъ.* — Игнатий.*

19. О ПАСТУХѢ И ИДОЛѢ*

Убогий нѣкий пастухъ зѣло идолу нѣкоему кланяяся, моля его, да дастъ ему богатство, якоже и протчимъ человѣкомъ,* и от великия его нищеты избавитъ. И на мнозѣ молящуся ему, никакова отвѣта не получи.

Тогда разгнѣвася пастух, веземъ млатъ, удари идола и сокруши его, и обрѣте в нем великое (от нѣкоих положенное) сокровище. Сие же видѣ, рече: «О боже мой! Се разумѣхъ, яко не молениемъ мя услышалъ еси, но принуждениемъ мя помилова»[1].

Являя тѣмъ, яко аще кто кому сотворитъ по многом молении и принуждении кое-любо благодѣяние, таковаго благодарства и хвалы не сподобится, якоже таковый, иже скоро ближнему своему помощь творитъ.

Сице мнози народи сотвориша идоломь своимъ. Егда убо не возмогоша моления[2] своя от них получити, вь ярости своей сокрушиша я́. Егда же посем просимое от них получаху, мняху, яко бози ихъ к тому принуждени быша, и паки тѣмъ[3] идолы вяще первыхъ устрояху.

Тако бо сотвори Ксерксъ,* царь Перский. Егда море Гелеспонское сокруши мостъ его великий, на немже хотяше от Азии во Европию преити,* повелѣ море бити и желѣза[4] ножныя в него ввергнути, хотя тѣмъ Нептуна, мнимаго их бога морскаго,* во юзах[5] связати. Егда же посемъ море от колебания преста, вѣрова, яко убояся прещения[6] его. — Иродотъ.*

---

[1] облагодетельствовал; [2] вымаливаемое; [3] потому; [4] кандалы; [5] в оковах; [6] угрозы.

20. О ЛИСИЦЕ И КОТАХЪ*

Шествующу убо нѣкогда путемъ лисице с котами, нача лисица о хитрости своей и о разумѣ зѣло хвалитися, яко всѣхъ звѣрей сущихъ на земли превосходитъ и самых враговъ своих псовъ овогда[1] лукавствомъ, овогда же ласканиемъ избѣгаетъ,* котам посмѣвашеся, яко дѣло их точию мыши ловити.

И тако *еще ей* глаголющу, нападоша на нихъ псы. Коты же скочиша на древо и лисицѣ рекоша: «Спасися нынѣ мудростию своею!»*

Она же от псовъ растерзана бысть.

Тѣмъ являетъ, яко мнози себе над иными зѣло превозносятъ и щастиемъ своимъ хвалятся и прочимъ ругаются. Им же абие Щастие[2] время премѣняетъ и сверху кола[3] их опровергаетъ[4]. Того ради блаженъ, иже во благополучии своемъ гордостию не возношается.*

Зѣло притчи сей подобна повесть сия: бысть в Римѣ нѣкий звѣздочетецъ. Сему же с нѣкимъ воиномъ именем Папириемъ* на пути шествующе,* нача звѣздочетецъ Папир*ию* глаголати, яко никая хитрость[5] на земли нѣсть подобна звѣздочетию и яко тѣмъ возможно будущая вѣдати и вся злая избѣгати.

Папирий же рече: «Азъ есмь воинъ, не имамь иныя хитрости, кромѣ рукъ и оружия моего».

И тако имъ шествующимъ,* нападоша на них разбойницы.* Папирий же приимъ свое оружие, оборони себе и избѣже рукъ ихъ[6]. Звѣздословецъ же сего, хвалящася мудростию своею с хитростьми своими, погубиша. — Савеллий.*

21. О ЗМИИ*

Нѣкая змия нача желѣзную наковалню грысти, хотяше ту острыми своими зубами растерзати. Егда же змия зубы свои разби и ничтоже преуспѣ, рече: «О безумная! Что всуе труждаюся? Аще бы зубы моя были и желѣзныя или мѣдяны, никоеже зло сотворити возмогла бы!»

Научая притчею сею, яко вси, иже ищутъ дѣла, яже выше мѣры *ихъ*, таковыи въ посмѣяние инымъ бываютъ.

Яко сия змия туне угрызаше оную желѣзную наковалню, сице древнии мучители туне христианъ к поклонению идолъ принудити тщахуся, якоже сотвориша злочестивии кесари* Неронъ,* Троянъ,* Иулианъ,* Валерий,*

[1] иногда; [2] Фортуна; [3] колеса Фортуны; [4] сбрасывает; [5] наука, знание; [6] спасся.

Северий* и протчия. Ибо колико вяще они на христиан твориша гонение, толико христиане умножахуся, яко потомъ Северий принужденъ бысть рещи, яко убийствомъ толикихъ христианъ вящую сотвори себѣ бѣду, нежели христианомъ, и яко кровь христианская истинное бысть сѣмя их возращению. — В «Житии кесарей».*

22. О СТАРОМЪ И МЛАДОМ РАКѢ*

Младый ракъ с старымъ поплы чрез нѣкую рѣку и старому рече: «Не подобаетъ намъ плыти вспять,* якоже творятъ прочии от рода нашего, но попловем впередъ, яко и прочии звѣри и рыбы». Старый же рече младому: «Добрѣ глаголеши. Но покажи мнѣ собою образъ[1], како се сотвориши, да и аз, от тебе сие видя, тако сотворю».

Сие учитъ, яко хотящии иных учити, таковымъ подобаетъ прежде себе непорочных от всякаго зла сотворити и всякимъ добродѣтелемъ показати собою образъ.

Кесарь Гелиовалъ* от младости своей возращенъ бысть во всяких злотворенияхъ и беззаконии, и к тому наученъ бысть от матери своей,* — сего ради вельми злое препровождаше житие. Его же кесарь Северий* моли усердно, да престанетъ от такова зла и возвратится на путь добродѣтелей. И той отвѣща, рече: «Не могу возвратитися от таковаго пути, на нем же материю своею возведенъ бысть». — К*у*спиниан.*

23. О ВО́РОНѢ И ОВЦѢ*

Нѣкоторый наглый воронъ сяде на хребетъ беззлобныя овцы и нача ю немилосердно терзати. Овца же нача врана молити, дабы отступилъ от нея. Он же ни мало милосердова об ней, дондеже насытися плоти ея.

Тако силнии творятъ немощнымъ, и аще много вопиютъ и молятъ, ничто же преуспѣваютъ, дондеже таковии вранове немилосердии имѣниями[2] убогихъ насыщаются.

Якоже вранъ сей, сице сотвори мучитель[3] Лисимах* нѣкоему Феодору,* егоже зѣло мучаше и вся имѣния его отъя.* Он же вся сия претерпѣ мужествено и ничтоже отвѣщава.

---

[1] пример; [2] имуществом; [3] тиран, правитель

По сем мучитель возъярися, грозяще смертию животъ его скончати. Тогда рече Феодоръ, глаголя: «Сие много твориши, непротивляющуся тебѣ. Вѣмъ, яко не дерзнеши сие творити подобному себѣ». — Цицеронъ.*

24. О ЛИСѢ И О ПЧЕЛАХ*

Лисица нѣкогда хождаше окрестъ дома поселянина нѣкоего, да обрящетъ себѣ пищу,* и паде в яму и не возможе излѣсти. Нападоша на ню многие пчелы и начаху кровь ея пити.*

Прииде же иная лисица и рече к ней: «Почто пчелъ, тако тя томящих, не изгониши?» Она же отвѣща, рече ей: «Глаголеши, яко едина от безумных. Вѣси, егда сих, насыщенных, отгоню, то приидутъ гладныя и паче первыхъ имутъ томити мя».

Симъ являя, яко, по древнѣй притчи, всегда достоитъ намъ от дву бѣду легчайшую избирати, — и блаженъ, иже вящую бѣду убѣгаетъ.

Яко лисицѣ сей, тако бысть Цицерону. Ибо егда впаде в руцѣ Клодиевы* и протчих сопостатъ своих, тогда к Физону* и прочимъ другомъ своимъ писа, дабы пóмочь ему о избавлении сотворили.

Физон же отвѣща ему: «Не требуеши[1] нынѣ помощи нашея, зане аще врази твои увѣдят, яко хощемъ тя избавити, абие тя убиютъ, да нас свободятся»[2].* — Цицерон.*

25. О ЛИСѢ И ОРЛѢ*

Орелъ, видя гнѣздо нѣкоей лисицы, нача дѣтей ея стрещи. Егда же тии во отлучении матери своея изыдоша из гнѣзда своего, абие орелъ вземъ похити я́ и в гнѣздо свое принесе. Лисица же издалеча сие видѣ, восхотѣ избавити чада своя, но не возможе, — нача орла молити, да отпустит чада ея. Он же лисицѣ посмѣавашеся.

Лисица же видя, яко высокости ради гнѣзда орлина не возможет орлу ничтоже сотворити, веземъ огнь и зажже оное древо, на немже бѣ гнѣздо орлино. И тако дѣти орлины и гнѣздо его погуби.

Симъ являя, яко сущимъ в силѣ велицѣй не достоит малых и немощных уничижая презирати* и зло имъ творити.*

---

[1] не проси; [2] дабы от нас избавиться.

[1]И бо сице[1] сотвори перский воевода Арпагъ* мучителю царю Перскому Астиагу.* Сей егда уби сына воеводина и на утрии представи тѣло его отцу вь ядѣх устроеное, он же сие не позна и плоть сына своего яде. Егда же посемъ от царя сие увѣде, ничтоже рече, но посих мсти ему, зане жену и чада его уби, самого же из царства изгна.*

26. О ОСЛѢ, СКАЧУЩЕМЪ НА ЛОНО ГОСПОДИНА СВОЕГО*

Оселъ нѣкогда, — видя малаго пса всегда [2]на лонѣ[2] господина своего сѣдяща, и играюща с нимъ, и лутчим брашномъ питаема, — позавидя псу и рече в себѣ: «Аще и аз тако сотворю, то господинъ мой и мя такоже, якоже и пса сего, имать любити».

Егда же грубый оселъ на лона господина своего нача наскакивати, повелѣ господинъ его немилостивно бити и из храмины изгнати.*

Являя тѣмъ, яко кийждому достоитъ довольну быти чином, в немже есть званъ, и не подобаетъ выше мѣры[3] своея, кромѣ звания[4], из чина в чин прескакати.*

И бо, яко сей оселъ, тако сотвори Амплий.* Ему же предстоящу Августу-кесарю* и видѣ, яко кесарь вельми нѣкоихъ любяше различных их ради кощунъ и глаголъ смѣхотворных, восхотѣ такоже сотворити. Но испусти, яко оселъ, такия глаголы нелѣпыя, яко кесарь зѣло разгнѣвася на нь и повелѣ ис полаты изгнати его и немилостивно посемъ бити. — Светоний.*

27. О ВОЛКѢ И О ОВЕЧЬКѢ НЕВИННОЙ*

Нѣкогда волкъ от студенца[5] пияше воду. Прииде же ту и овечка, еже хотяше жажду свою утолити. Волкъ же, стоя со страны, рече овцѣ: «Кто еси ты, иже дерзаеши на студенецъ сей приходити и воду возмущати? Аще бы была еси и от великихъ воловъ, подобало бы тебѣ о семъ молити нас!»

Овца же нача невинность свою представляти, глаголя, яко вси звѣрие приходятъ сѣмо[6] и пиют. Но волкъ, не зря на невинность ея, немилостивно вземъ ю, уби и в снѣдь себѣ употреби.

Тѣмъ являя, яко аще кто ближнему своему хощетъ сотворити зло, скоро вину к погибели его можетъ обрѣсти.

[1—1] и точно так; [2—2] на груди (на руках, на коленях); [3] положенного по достоинству; [4] без приглашения или повеления сверху; [5] родник; [6] сюда.

Сице сотвори мучитель Нерон,* кесарь Римский. Ибо егда нѣкий именемъ Фрасий* воззрѣ печално на нь, видѣ толиких человѣкъ невинно от него страждущихъ,* абие повелѣ кесарь убити его, зане возмнѣ[1], яко с мыслию злою воззрѣ на него. — Светоний.*

28. О ТАТѢ И ПСѢ, СТРЕГУЩѢМЪ ДОМ*

Нѣкий человѣкъ имѣ в дому своем пса, егоже доволно питаше, да стрежетъ домъ его вѣрно.

Нѣкогда же прииде нощию в домъ его тать, на него же песъ оный нача зѣло метатися и лаяти. Тать же веземъ хлѣбъ, меташе псу, да умолчитъ. Но пес нача паче вопити, доньдеже господина своего от сна возбуди. Той же воста и татя от двора своего отгна.

Тѣмъ являя, яко кийждому рабу подобает господину своему вѣрно служити и имѣния его стрещи, якоже свое, и никакихъ ради даров не прелщатися.

Таковъ вѣренъ бяше нѣкоему *Мѣнению** рабъ его. Ибо егда приидоша в домъ сего врази его со оружиемъ, вопрошающе, гдѣ есть господинъ его (обѣщающ*е* рабу сему дати многа злата; аще же не повѣсть гдѣ скрыся, то имутъ его убити), — раб же сей не прельстися даров ради, ниже прещения убояся, но господина своего скрывъ, свободи. Сам же избрав лучшее умрети, неже господина своего видѣти убиения.

29. О ВОЛѢ И ПСѢ*

Нѣкогда прииде волъ от работы своея и восхотѣ насытитися своимъ, ему уготованнымъ, сѣном. На нем же обрѣте лежаща великаго пса, который никако восхотѣ вола к корму его припустити. Вол же печально рече псу: «Почто ми не даси сѣна моего, имъже питаюся? Вѣси[2], яко псы сѣно не ядятъ».

Пес же отвѣща ему: «Иди от мене! Сие бо сѣно аще мы не ямы, обаче постеля моя есть, на нейже покойно опочиваю».

Являя тѣмъ, яко мнози, якоже и песъ сей, обрѣтаются человѣцы, иже во изобилии своемъ* останки своя и крупицы, остающия от трапезы их, нищымъ и убогимъ не дают, но лутче пса*м* своимъ тѣх *в* снѣдь вергаютъ[3].*

---

[1] подумал; [2] знаешь; [3] бросают.

Таковъ бяше Птоломей,* царь Кипрьский.* Сей убо стяжаше великое число злата и сребра, требующим же николиже даяше. И не точию тѣмъ, но и себѣ ничтоже от собраннаго сокровища взимаше. И умысли, да не будетъ никто же наслѣдникъ такому великому сокровищу, — повелѣ все свое злато и сребро в корабль вложити и в морѣ утопити. И тако все свое богатство водам предаде.*

30. О ОТЯГЧЕН*Н*ОМЪ ОСЛѢ И КОНѢ*

Нѣкоему человѣку путемъ шествующу, имѣ осла и коня. Вся же отягченная и бремя возложи на осля.

Оселъ же от великия тягости изнеможе, и бремя свое носити не восхотѣ, и нача коня молити, да нѣчто от бремя его понесетъ и ему отраду сотворитъ. Конь же паче ругаяся ему. Осел же от многаго труда паде и умре.

Посемъ господинъ его веземъ коня и все бремя ослино на коня возложи. Коню же не хотящу — сему[1] люто биенъ бысть.

Являя тѣмъ, яко мнози радуются о бѣдах искренних своих и никако не умилосердятся над ними. Но Господь Богъ (бѣдствующихъ избавляя) многия бѣды на таковыхъ попускаетъ.*

Сице бысть *О*ктавии* и Сабинѣ,* сущимъ женамъ Нероновымъ. Ибо Неронъ *О*ктавию зѣло мучаше, Сабина же, юже Неронъ зѣло любляше, никакоже милосердова о ней. Сего ради Октавия не можаше сего вяще терпѣти, Нерона непрестанно моля, да умилосердится об ней. И той вяще оскорбѣ о ненавидѣнии Сабины, яко Октавию ненавиде, преста Окт*а*вию гонити* и зѣлнымъ гнѣвомъ возненавидѣ Сабину. — Св*е*тоний.*

31. О ПОПУГАИ И ЛИСИЦѢ*

Лисица нѣкогда видѣ попугая на дрѣве сѣдяща и сладкую ядь во устах имуща, приступи к нему и рече: «Счастие, счастие, о прекрасная птица, тебѣ желаю! Не точию паче всѣхъ птицъ на земли украшена еси, но паче всѣхъ животных разумомъ и гласомъ словеснымъ, подобно человѣком, одарована еси и пѣсньми таковыми, яже всякаго мусикийскаго согласия[2] превосходитъ. Сего ради молю, да воспой мнѣ пѣснь на утѣшение печали моея!»

Попугай же, слышавъ сию хвалу, возрадовася и восхотѣ пѣти, опусти ядь от устъ своих. Лисица же, посмѣяся попугаю, восхити ядь его, отбѣже.

[1] еще и; [2] гармоничного звучания.

Сице творятъ лукавыя лисицы, иже и мудрыхъ лестными своими глаголы обаваютъ[1] и многая имѣния из рукъ их лукавно умышляютъ[2], и посемъ о томъ хвалятся, сим же посмѣваются.*

Таковыя лисы быша предстоящия[3] тщеславному кесарю Антонию Каракаллу.* Ибо егда принесоша в сокровища его многое злато и сребро, тогда оныя ласкатели начаша кесарю льстити и милостивымъ его паче всѣх царей земных нарицати. Кесарю же тщеславие сие тако бысть угодно, яко многие дары имъ дати повелѣ. — Дионъ.*

32. О ОРЛѢ, ЖАБѢ И МЫШѢ*

Бысть мышамъ з жабами о блатах и поляхъ великая брань.* И минувшей брани, умиришася.

Обаче жабий начальникъ не можаше гнѣва своего утолити, — смысливъ лукавство, позва мышьяго начальника к себѣ на пиръ. Пришедшим же имъ к рекѣ, жаба посади мышъ на хребет свой, да превезетъ мышъ чрез воду. Достигшу же ей среди рѣки, опроверже мышъ в воду.

Сие же видя, орел восхити обоя и потреби я́.

Тѣмъ являя, яко убийцы николиже могутъ отбѣжати местия[4] своего, зане совѣсть ихъ* и злая дѣяния выну обличаютъ и, яко стѣнь[5], окрестъ въслѣдъ ихъ течетъ.

Сице збысться не точию Палеологомъ,* сущимъ в Констанътинополи, но и Лукану, царю Пелопонийскому,* и Мануилу Кантакузению* во Албании, ибо сии единъ другаго искаху погубити. Нападе на ня, яко крѣпкий орелъ, Махметъ,* султанъ Турецкий, и от обоих царства и люди восхити и себѣ покори. — Халкокондилий.*

33. О ВОЛѢ И ЖАБАХЪ*

Нѣкоему волу ходящу близ блатины,* снѣдающу траву, яже растяше окрестъ ея. Собрашася жабы и начаху вопити на вола, глаголюще: «Почто траву, на нейже мы веселимся, снѣдаеши и ногами своими попираеши?» И брань на него воздвигоша и, вѣдуще, яко волу ничтоже могутъ сотворити, от зѣлнаго гнѣва мнози разсѣдахуся[6].

---

[1] очаруют; [2] *здесь*: домогаются, заполучают; [3] приближенные; [4] возмездия, отмщения; [5] тень; [6] лопались

Вол же сему посмѣявся, яко вящую пакость себѣ, нежели ему, сотвориша.

Являя тѣмъ, яко не подобаетъ человѣку сущу безсилну брань воздвизати с крѣпльшим себе, ибо сосуд скуделен[1], сразившуся з желѣзнымъ, всегда сокрушается,* оному ничто же содѣявшу. Сего ради блаженъ, иже себе выну познаваетъ и выше мѣры ничто же всчинаетъ.

Тако бысть Силѣ,* ипату[2] царя Агриппы,* иже ради своего многаго собраннаго богатства, славы и разума подобна мняше быти себе самому царю. И тоя ради гордости от двора царева изгнанъ бысть. И посемъ ничтоже ему могущу сотворити, печалию многою одержимъ, злѣ животъ свой сконча.* — Флавий.*

34. О ЕЛЕНИ, СТОЯЩЕЙ ПРИ ИСТОЧНИЦѢ*

Нѣкогда стояше елень при источницѣ, видѣ подобие свое въ водѣ и помысли в себѣ, яко роги ея велию красоту ей подаютъ, стояще на главѣ ея яко вѣнца два; негодующу же на нозѣ свои, яко злообразни суть.

Сие же ей помышляюще, слыша гласъ ловца трубяща, абие воскочи, хотяше убѣжати, но в древесѣхъ меж вѣтьвиями рогами своими увязе. И тако от ловца ята бысть.

Тѣмъ являя, яко обычай человѣкомъ зло хвалити, благое же хулити. И пришедшимъ в зло, тогда отверзаются имъ очи разумныя, и познаваютъ, яко еже благо являшеся, то самая пагуба бываетъ.

Сице бысть Орифии,* дщери Ерифреевы,* еже нѣкогда сѣдяше при источницѣ, видѣ въ водѣ подобие свое и о красотѣ своей зѣло дивися и помышляше в себѣ, яко нигдѣ же подобно ей быти.

И абие притече, восхити ю Converted Converted Converted Converted Converted Converted Converted Converted Converted Converted Converted Converted Converted

35. О ЯСТРЕБѢ, СОКОЛѢ И ГОЛУБѢХЪ*

Начальствующу над голубми ястребу, многия от них уби, а иных поядe.

Голуби же избраша посемъ начальника* себѣ сокола, иже, вмѣсто еже оборонити я́, паче ястреба побиваше и снѣдаше ихъ.

[1] глиняный; [2] военачальнику; [3] Борей.

Являя тѣмъ, яко мнози раби избѣгоша от господей своих,* предашася инымъ, чающе лучьшаго жития. Но потом горше первых обрѣтают, ибо многие господие, егда приемлютъ новыя рабы,* великия с клятвою имъ обѣты творятъ, на них же посих великия и неудобьносимыя возлагаютъ бремена.

Яко ястреб сей, сице сотвори лукавый Птоломей* Симеону Маккавейску,* сущу начальнику Июдейску. Его же, купно и дву сыновъ* его, призва во царство свое и во град свой, любезнѣ приятъ и велию вечерю на ня сотвори. Но посемъ, упиющемся имъ, повелѣ убити я́. — I Маккавеи, 16.*

36. О КОНИ И ЕЛЕНИ*

Бысть елени с конемъ брань. Восхотѣ же конь еленю мстити сия, призва нѣкоего человѣка себѣ в помощь. Той же помощь ему сотворити обѣща, аще дастъ ему на себя положити бразду и седло. Конь же сему произволи и, возъярився ко отмщению, попусти оному всаднику сѣсти на себя з браздою и остроги, иже онаго еленя, копиемъ поразив, умертви.

Посемъ конь восхотѣ от человѣка того быти свобожден, но той рече коню: «Зане тя имамъ в силѣ своей, имаши паки пребыти под властию моею».* И тако конь нужнѣ животъ свой сконьча.

Являя тѣмъ, аще кто хощетъ иному зло сотворити и в помощь сильнѣйшаго паче себе призываетъ,* потомъ и себе увидитъ прельщенна, ибо той сочиняетъ себѣ зло, иже иному зло составляетъ и *в* своя поставленныя сѣти самъ въпадаетъ.*

С такимъ лукавствомъ Марий,* началникъ римский, римлян себе покори. Ибо егда тии от Силы* зѣло отягчени бяху, оному Марию о помощи просиша, иже от Африкии с великимъ воинствомъ в Рим прииде и римлянъ от Силы избави, но и себѣ я́ покори и вящее иго на ня возложи. — Плутархъ.*

37. О ЛВѢ И О ПРОТЧИХ СОБРАННЫХ ЗВѢРЕХЪ*

Нѣкогда повелѣ левъ всѣмъ зверемъ к будущей брани готовитися, и по сему велѣнию вси абие стекошася. Тогда приступи ко лву медвѣдь и рече: «Господине царю! Почто повелѣл еси быти ослу и зайцу, яко непотребнымъ: сему — неразумѣния, другому же — малодушия ради?»

Отвѣщав же, левъ рече: «И сия убо намъ потребны имут быти, зане оселъ, аще и несмысленъ, великаго ради своего рыкания неприятеля устрашитъ, заецъ же скораго бѣга — вѣсти будет переносити».

Симъ являя, яко во общую пользу и послѣднии угодны быти могутъ в службу противо силы своей.

Сице глаголаше Сципион Емелиан,* егда воздвиже брань с*о* нумантинезы,* яко Ка*й* Метеллий* во брани не им*а*ть быти потреб*ен,* и за совершенн*а* юрода того призна, — и рече: «Аще мати его *еще* родитъ сына, то, мню, не человѣка, но осля родит».

Обаче сей Кая во брани оной многую помощь сотвори. — Целий.*

38. О ЛОВИТЕЛ*И* ПТИЦЪ*

Нѣкоторый ловецъ постави сѣти своя и насыпа жита, да уловитъ птицы. И нападоша голуби и иныя птицы, хотяще от жита насытитися. Сие же ловецъ видѣ, восхотѣ сѣть стягнути, но абие наступи на змию, яже и уязви его язвою смертною.

Птицы же, сие видѣвше, возрадовашася и из сѣти на древо возлетѣша и оному ловцу посмѣяшася.

Тако и тѣмъ, иже ищут и тщатся иных предати и уловити, сами в первых уловлени и уязвлени бываютъ. Ибо злыя инымъ выну зло ищутъ творити, но на таковых послѣди сугубое зло обращается.

Таковыя ловители бяху сущия при дворѣ Навуходоносора-царя,* иже оклеветаша пророка господня Даниила,* егоже и в ров лвомъ ввергоша. Но минувшимъ нѣколиком днемъ, сей исхищенъ бысть, оклеветавшии же его ввержени быша и абие от лвовъ потребишася.* — Даниилъ, *6.**

39. О ПАВЛИНѢ И СОРОКѢ*

Нѣкогда собрашася вси птицы небесныя, совѣтующе, кого себѣ оберутъ[1] царя. И по многомъ обрании[2] купно вси согласно обраху прекраснаго павлина. Многоглаголивая же сорока не возможе умолчати, приступи на среду и рече прочимъ птицамъ: «Аще врагъ наступитъ на ны, како павлинъ имать обороняти насъ, зане кромѣ прекрасных перей своихъ ничтоже имать?»

---

[1] выберут; [2] избирании.

Тѣмъ являя, яко во избрании начальников* на красоту внѣшную не подобает смотрити, но на красоту душевную и добродѣтели.

Сице, егда во Аррагонитском царствѣ* умре король Мартиний* и вси вельможи* собрашася, советующе, како оберутъ иного короля, приступи к нимъ князь Урцеленсий,* рода преизящна и богат зѣло, — да его королемъ оберутъ. Но сии не восхотѣша* и избраша себѣ Фердинанда,* сына короля Кастилийскаго, иже королевство добрѣ многия лѣта управи.* — Валла.*

40. О ВОЛѢ И КОРОВѢ*

Бысть нѣкогда волъ, в велицѣй работѣ труждаяся во дни во оралѣ[1] непрестанно. В нощи же, отдыхая от тягости своея, опочиваше при яслѣхъ нѣкоея тучныя коровы, яже ругаяся оному волу и работѣ его.

Посемъ видѣ волъ, яко господинъ корову взя и уби ю. Того ради обрадовася вельми и житие свое похвали, яко николи же имать боятися убиения,* яко корова оная.

Тѣмъ являя, яко всякому человѣку достоитъ не на начало, но на кончину своего дѣла зрѣти.*

Яко сия корова во изобилии утучненна[2] и ко убиению ведена, вол же аще и в порабощении, обаче одержа[3] жизнь свою, тако и людемъ Израилевым в пустыни бысть. Ибо егда манною не насытишася, но восхотѣша мяс, яко и во Египтѣ,* — тогда имъ во множествѣ дано бысть. Но абие, еще мясу сущу во устѣхъ их, гнѣвомъ Божиимъ побиени быша. Протчиа же, довольствующе манною, невредны пребыша. — Числа, 2.*

41. О ОРЛѢ И ВО́РОНѢ*

Нѣкогда обрѣте орелъ на брезѣ моря раковину, юже всякими образы ища разбити, но никакоже возможе. И абие прииде к нему воронъ и рече: «Аще не возмеши сию *и не возлетиши* и не опустиши ю, не имаши ясти от нея».

Тогда орелъ, чая, яко воронъ правду глаголетъ, возлетѣ высоко *и* раковину опусти, яже разбися. Ворон же скочи и похити труды орлины и убѣжа.

Сице мнози ласкатели[4] и трапезныя друзи творятъ: аще что и приговаривают[5], то чинятъ к своей корысти. И тако убо друзи вмѣняют ся, донь-

---

[1] в ярме с сохою; [2] откормлена; [3] сохранил; [4] льстецы; [5] советуют, склоняют к чему-либо.

деже трапезѣ присѣдятъ.* Егда же сие престанетъ, тогда и дружество их исчезаетъ.

Сице бысть царю Онорию,* иже не точию хотяше правити царство Римское, но восхотѣ похитити богатьство и сокровища, предками его собранное. Недоумѣвающу же ему, како подобно[1] о семъ начнет, вопроси ипата своего Стилллика* (иже непрестанно тайно тщашеся, како власть оную от Онория-царя отчюждить). Той же глагола ему: да не дастъ воиномъ уроки[2] ихъ и не повелитъ готфомъ[3] обѣщанную дань даяти.

Сие же сотворившу ему, абие воины возмутишася, а готфы от него отступиша* и к Стилллику приложишася и Стилллика царя сотворити восхотѣша. — Бонфиний.*

42. О ВО́РОНѢ И ОВЦѢ*

Нѣкогда орелъ паряше по воздуху, ища, да нѣчто получитъ ко утолению глада своего. Видѣ пасуща овецъ, от них же едину восхити.

Сие же видѣ воронъ, помысли в себѣ: «Аще орел тако сотворил есть, то и аз едину овцу восхищу». И абие на едину овцу лучшую нападе, юже, яко орел, восхотѣ похитити, но не возможе.

Пастырь же, сие узрѣвъ, прибѣжа и врана ятъ и смерти предаде.

Являя тѣмъ, яко всякий человѣкъ сице погибель свою ищетъ, яко же вран сей, иже подъемлетъ дѣла не по силѣ своей и вяще бремя на себе полагаетъ, нежели носити можетъ.

Таковыя вранове бяху римляне Тереньтий Варо* и Павлъ Амилий,* симъ убо с воинствомъ своимъ бывше близъ Карфагенскаго воеводы Анибала.* И видѣвшу же имъ храбрый подвигъ Фабиевъ,* како в сражении множество воевъ анибаловыхъ поби,* мняху, яко тако сотворити им возможно. И абие с вои своими совокупишася и на Анибала нападоша. Но противление такое обрѣтоша, яко единъ убиенъ бысть, другий же побѣжа. — Плутархъ.*

43. О ОСЛѢ И ВЕПРѢ ДИВИИМЪ*

Нѣкогда вепрь дивий въстрѣте осла, на работу грядуща, и нача осла зѣло поношати и различными укоризны обличати, глаголюще, яко нѣсть на земли худѣйша осла, зане непрестанно человѣцы того в работу упо-

[1] подходящим образом; [2] уговорную плату; [3] готам.

требляютъ и всякие ометы[1] на немъ из градов внѣ вывозятъ. Себя же зѣло хваляше и в первых от всѣх дивиих звѣрей сказываше, и в славѣ велицѣй живуща, и яко плоть его во дворѣх вельможь обносится[2] в сладчайшихъ ядѣхъ.

Осел же, довольно слышавъ, вепрю рече: «Доволенъ есмь о житии своемъ, ибо аще и в трудѣхъ, обаче без печали живу. Ты же непрестанно в боязни пребываеши, зане всякъ ищетъ убити тя и сладкимъ мясомъ плоти твоея насытитися».

Тѣмъ являетъ, яко мужъ разсудный всякую досаду не токмо стерпѣти, но и добромъ воздати можетъ.*

Подобнѣ сотвори царь Греческий Феодосий Юнный.* Мнози его уничижиша* и о немъ многое поношение и зло рѣкоша, сей же николи о семъ гнѣвашеся. Егда же нѣкто от вельмож его вопроси, чесо ради таковымъ не мьститъ, рече: «Аще бы возмоглъ, и азъ бы и тѣх, иже к смерти осужденны — избавити, и по осуждении убиенныя — воскресити!» — Зонора.*

44. О БРАНИ ПТИЦЪ СО ЗВѢРМИ*

Нѣкогда убо бысть брань велия птицам небеснымъ с четвероножными, и во брани той кийждый брася в силѣ с подобнымъ себѣ.

Нетопырь же, чая, яко звѣри птицъ преодолѣютъ, предася на страну ихъ. Егда же увидѣ, яко звѣрие от птицъ прогнани быша, и, свое непостоянство помышляя[3], постыдися и в нощи отлучися от звѣрей и скрыся от птицъ, да не познаютъ его.

Сице бываетъ таковымъ, иже премѣняютъ вѣрность свою и двоедушно дѣла своя устрояютъ, — таковии убо от всѣх ненавидими бываютъ, зане надѣятися на таковых невозможно.*

Яко же нетопырь сей, сице сотвори нѣкий Г*и*еронъ.* Ибо егда вождь Афинийский Темистоклий* велию брань имяше с персы, посла к сему к Г*и*ерону, да приидетъ к нему с воинством своимъ и помощь ему на персовъ сотворитъ. Он же, зане персовъ бояся, не прииде и Темистоклию помощи не сотвори, но ста на единомъ мѣстѣ, зряше битву.

Егда же Темистоклий персовъ побѣди и с великою честию и побѣдными лики возвратися, прииде абие к нему той Г*и*еронъ, хотяше себе к нему со-

---

[1] мусор; [2] слывет; [3] обдумывая.

вокупити и такую же честь получити. Но Темистоклъ со гнѣвомъ и укоризною отгна его от себе, глаголя: «Зане непричастен мне был еси во брани, сего ради не подобает ти причастну быти и чести моей». — Алианъ.*

45. О ЖАБЕХ И КНЯЗѢ ИХЪ*

Нѣкогда жабы собрашеся и моляху прилѣжно бога своего* Юпитера, да дастъ имъ князя. Юпитер же услыша моление, по безсилию ихъ даде имъ такова началника — се есть колоду.

Сию же видяще, и яко живота[1] не имать и злыя их не наказуетъ и благимъ воздаяние не творитъ, но точию во блатинѣ валяется и от них попираемъ бывает, — паки молиша, да дастъ имъ иного князя, жива.

Тогда Юпитеръ посла к нимъ начальника журавля. И той аще и суд благъ между ими творяше, обаче многия от них снѣдаше.

Сия же притча на таковыя, иже не довлѣют князьми и начальники своими добрыми, имъ от Бога данными, но на таковыя возстав*а*ютъ и поб*ив*аютъ или от властелинства отставляютъ.* Таковымъ Богъ посихъ дает злѣйшия начальники, иже, правляще мучительно, вся погубляютъ.

Сице бяху древнии римляне недоволни кесаремъ Диоклитианомъ,* но восхотѣша иного. И посемъ избраша Максимиана* — и сей имъ неугоденъ бысть, сотвориша кесаря Константина Великаго.* Посемъ Галерия,* по Галерии же Валерия Севериа,* иже вси неугодны имъ бяху. Послѣди же сотвориша кесаря Максеньтия-мучителя.* Сей же, яко злый мучитель и песъ кровавый, многия от них уби, иныя же в заточение посла, имѣния их похити* и безчисленныя мучительствы сотвори. — Зри о сем в «Житии кесарей Римских».*

46. О ВОЛКѢ И КОЗѢ МЛАДОЙ*

Нѣкогда коза, изшед из двора своего, идяше искати себѣ пищи, повелѣваше дщери своей двери дома своего никако[2] же отверсти. Сие же слыша волкъ, — козѣ отшедшей[3], прииде к дверям и нача в двери бити, да отверзутся ему, глаголющ*е* козѣ, яко «мати твоя пришла».

Коза же рече: «Ни, не знаю, кто еси. Аще еси мати моя, то рцы ми слово, и аз познаю, мати ли моя еси ты».

---

[1] признаков жизни; [2] ни в коем случае; [3] когда коза удалилась.

Волкъ же, биюще, рече: «Слово оное, еже дах ти, забых». Рече коза: «И аз не вѣмъ, гдѣ ключи дверныя положила есми. Сего ради пожди, да обрящу я́».

Тѣмъ научая, яко подобаетъ намъ послѣдовати закономъ, древле от отецъ наших намъ данныя. К сему же и наказания добрая родителей своих не отметати.

Сице бысть жителемъ града Салапии Итталийской.* Ибо егда из сего града изыде Криспъ-начальникъ* в Римъ и запрѣти имъ, да не прельстятся от Анибала, супостата римскаго, сущу ему близ града онаго с воинствомъ многимъ.

Сие же Анибалъ увѣде, сотвори писание и с печатию Марцельлия* (начальника римскаго) и посла во град: в немже якобы повелѣ вои, присланныя в нощи, пустити. Но граждане сие лукавство Анибалово уразумѣвше, воев во град не пустиша и тако от погибели своея сохранишася.* — Плутархъ.*

47. О ДРЕВОСѢЧЬЦѢ*

Нѣкий поселянинъ иде путемъ и видѣ сѣкиру едину, обаче кромѣ топорища. Прииде в лѣсъ, моли всѣхъ древесъ, да соизволятъ ему точию едино топорище от лѣса своего изсѣщи. Они же не возбраниша ему о томъ.

Егда же сие сотвори и топоръ свой уготова, иде изсѣче овогда дуб, овогда вязъ, овогда сосну. И по мнозѣхъ днехъ и вся древеса ссѣче и всю дубраву искорени.

Научая тѣмъ, яко не достоитъ кийждому вѣры яти и оружия своя иному вручати, зане иже нынѣ другъ, заутра врагъ бываетъ* и твоимъ оружиемъ тя убиетъ.

Такий древосѣчецъ бѣ Фисистрат,* иже упроси жителей града Афины, да соизволятъ ему купити во градѣ их оружия. Сие же соизволившу ему купити оружие, — и велию брань на ня воздвиже и волности ихъ и град Афинъ в покорение себѣ приведе.*

48. О ПАВЛИНАХЪ И СОРОКѢ*

Нѣкая сорока, тщеславиемъ великимъ одержима, восхотѣ быти в соборищи преукрашенных павлинъ. И собра многое павлиное перие и тѣми ся украси, мняше себе павлиномъ во всемъ подобна быти. Посемъ прииде к павлинамъ и с ними равна быти восхотѣ.

Но тии, видяще сорокино лукавство, нападоша на ню и кийждый перие свое от нея отъя, и сороку биша и едва живу отпустиша.

Являя тѣмъ, яко достоитъ кийждому человѣку водитися с подобнымъ себѣ, и худославному велероднымъ себе имѣти не подобаетъ.*

Такое поругание приятъ в Римѣ Калистратъ.* Сей убо аще бѣ рода худославна, обаче восхотѣ быти меж рыцери* в первых и не точию нача с ними общатися, но рыцерския науки* употребляти.

И занеже в Римѣ обычай бяше, яко никогоже в соборище рыцерское* приимати, аще кто не имать на 10 000 златникъ* имѣния недвижимыхъ. И сего не точию бѣдна, но и худородна обрѣтоша, — бысть поруганъ и от соборища ихъ изгнанъ. — Мартиалий.*

49. О ЕЛЕНѢ И ВОЛАХЪ*

Нѣкий ловецъ со псами своими еленя зѣло гоняше, иже не обрѣте мѣста, гдѣ скрытися, прибѣже в нѣкое волостоялище и воловъ о помощи нача молити. Волы же стояще отвѣщаху елени:

«О бѣдная елень! Что притекла еси к таковымъ, иже тебѣ помощи и обороны подати не могутъ? Ты же, доньдеже приидетъ нощь, скрыйся иньдѣ в сѣне».

Се же глаголющу имъ, прииде господинъ волов и уби еленя.*

Тѣмъ научая, яко намъ о помощи подобаетъ просити сильнѣйшихъ, иже намъ помощь подати могутъ. Мудръ же той есть, иже напасти своя можетъ убѣгати.

Яко сего еленя ловецъ прогна, сице Иисусъ Навин* побѣди пять царей Аммирейскихъ,* иже хотяху убѣжати от него, скрышася в пещерѣ, идѣже обрѣтшихъ я́ уби. — Иисусъ Навинъ.*

50. О ЛИСѢ И ВИНОГРАДѢ*

Лиса нѣкогда восхотѣ от гроздия виннаго насытитися, иже высоко на древѣ висяху. И не могущу ей никакоже достати я́, нача гроздие оное зѣло хулити, яко зелены и кислы и никоимъ звѣремъ не потребны бяху.

Сице мнози, егда нѣчто получити желаютъ, но получити не возмогут, начинаютъ оныя дѣла хулити, дабы желание свое тѣмъ укротити.

Таковъ обычай имѣ нѣкоторый житель римский. Сей зѣло усердъствова, како получити ему дворъ Мартиалов.* Его же получити не возможе, нача дворъ оный (аще зѣло бяше строениемъ преизряднымъ украшенъ) хулити, яко никому же потребенъ бяше. — Мартиалий.*

51. О ПИФИКѢ И КОТѢ*

Нѣкогда пификъ видѣ при огни каштаны (плодъ некий древесный) лѣжащия, зѣло я́ возжелѣ ясти, വземъ кота за лапу и тою оныя каштаны из огня взимаше. Кот же зѣло вопияше, яко лапу его сожже (не бяше бо желѣзная), глаголаше: чего ради мучительство такое ему творитъ? Но обезьяна, ругающися коту, рече: «Что вопиеши? — аз бо не слышу».

Сице вельможи и властелие руками подданных своих* достизаютъ многие земли и грады от среды огня *лю*тыя брани.

Сице сотвориша два татя во время Рампсиния, царя Египетъскаго,* иже велие сокровище стяжа. Приидоша бо сия во храмину и восхотѣша сокровища его покрасти и, проломавъ стѣну, един посла клеврета своего въ скважню. Егда же сей нѣкими хитрыми петли уловленъ бысть, нача горко вопити, — другий же побѣже и клеврета своего остави. — Геродотъ.*

52. О МЛАДОМЪ КОНѢ И СТАРОМЪ *ОСЛѢ**

Нѣкий конь младый бысть в великой печали, зане вседневно точию телѣги господина своего принужденъ бяше тянути. И восхотѣ имѣти волю и ничтоже труждатися.*

Егда же по случаю всрѣте стараго осла, обремененна возом великимъ, рече в себѣ: «Нынѣ вижу, яко житие мое зѣло легчайши есть сего осла!»

Тѣмъ научая, яко мнози обрѣтаются неудовольни житиемъ, в немже живутъ, и непрестанно мыслятъ высокая[1], забывающе, яко многия подобныя имъ в тяжких бременахъ одержими пребываютъ.

Такое мнѣние имѣ Демоклий.* Ибо егда той видѣ Дионисия-мучителя* живуща во всякомъ изобилии богатства и силѣ, — позавидѣ ему и блаженна того быти мняше.

[1] о высокой участи.

Сие же Дионисий увѣде, призва сего Демоклия, и велию вечерю ему сотвори, и во одежды царъския того облече, и яди пресладчайшия ему представити повелѣ. Мечь же острый повелѣ повѣсити на тонкой верви над главою его, — и моли его, да ястъ и веселится.

Демоклий же, егда восхотѣ ясти, видѣ над собою висящь мечь острый, устрашися. Дионисий же рече ему: «Что устрашился еси скоро? Не ужасайся. Виждь, яко нынѣ изобразихъ тебѣ мое житие, зане выну в такомъ страховании пребываю». — Цицеронъ.*

53. О КОВАЧѢ[1] И О ПСѢ ЕГО*

Нѣкий ковачь препровождаше дни своя трудами тяжкими при огни и искрахъ, работая по вся дни, за которыя труды едва возможе пропитати себе. Той же имѣ пса, валяющася и спяща во весь день; точию егда господинъ его начинаше ясти, тогда прихождаше к нему, да его напитает.

Господинъ же его разгнѣвася, рече: «О лѣнивый псе! Почто просиши у мене ясти, николи же работаеши, но непрестанно спиши и валяешися и себе утучнѣваеши?»

Песъ же отвѣща к нему: «Господине мой! Азъ сему обыкъ: яко же ты во трудѣх, аз же в лѣности пребываемъ, обаче дни наша купно с тобою х коньчинѣ текутъ».

Сице мнози человѣцы обыкоша жити трудами и потомъ кровавымъ иныхъ человѣкъ. Таковыя самую плоть от костей ближнихъ своихъ потребляютъ и снѣдаютъ.

Сице бысть, егда Афины храбро Ксеркса, царя Перскаго,* побѣдиша и многое сокровище взяша. Обаче протчии ельлини,* иже точию в лѣности пребыша и ничтоже сотвориша, вящее богатьство от персовъ получиша.* — Иустиний.*

54. О ЛИСѢ БЕЗХВОСНѢЙ*

Нѣкогда яша лису, и отсѣкоша ей хвостъ, и отпустиша ю. Она же видѣ себе тако обругану, недоумѣвашеся, что о семъ клевретомъ своимъ речет. Пришед же послѣди к нимъ, рече: «Се разумѣла есмь, яко роду нашему непотребно имѣти хвосты, зане хвосты красоту нашу отъемлютъ. Того ради хвостъ свой отсѣщи повелѣла есмь, и тако сотворити и вамъ совѣщеваю».

[1] О кузнеце.

Они же, видѣвше лукавство ея, отвѣщаша ей: «Аще паки отрастетъ хвостъ твой, и тогда еще отсѣчеши, и мы такожде сотворимъ».

Тѣмъ являя, яко мнози, иже лишишася добраго своего имени, таковии ищутъ и клевретовъ своих в том же видѣти, ибо злымъ есть обычай — егда приключитца имъ зло, тогда и ближнему своему зло желаютъ.

Такий лисъ быше воевода Адальгерий,* иже за нѣкое преступление ятъ бысть и к Северию-кесарю* приведенъ, иже въ поругание власы главы его и браду острищи повелѣ и отпустити.

Егда же прииде во страну свою, рече всѣмъ людемъ рода своего, яко при дворѣ кесарскомъ обычай новый бысть — всѣмъ власы и браду остригати. И тако всѣх прельсти, ибо вси такожде сотвориша. — Марко Велсерий.*

55. О ЯСТРЕБѢ И ПРОЧИХ ПТИЦАХ*

Нѣкий ястреб восхотѣ торжествовати день рождения своего. Созва на пиршество различныя роды птицъ и уготова трапезу, всякими яди различными зѣло изобильно устроену, и моли ихъ, да ядятъ, и пиютъ, и веселятся. Сим же во всякомъ веселии бывшимъ, абие ястреб, заключивъ двери, нападе на ня и нача от перваго даже до послѣдняго побивати я́.

Тако подобает человѣку не всякому вѣрити, зане от скорые вѣры мнози прельстишася. И аще кто, корысти ради каковыя, предаются в руки неприятельския, чающе паки убѣжати я́, таковый поруганъ, посемъ посмѣянъ бываетъ.

Сице сотвориша различныя римския кесари,* яко же Неронъ, Калигула,* Клавдий* и прочия, иже созвавше гражданъ своих на пиршества велия, на них же послѣди внезапу, аки волцы или ястребы, нападоша* и побиша и имѣния их разграбиша. — В «Римских дѣяниях».*

56. О КОЗЛѢ, ОВЦѢ И ВОЛКѢ*

Нѣкогда козелъ с овцею крѣпкий сотвориша союз и в томъ обѣщеваху единъ другому яко во благополучии, ниже в напастѣх другъ друга оставити.

Посих срѣте их волкъ *и* той рече овце: «О безумная! Что твориши? Чего ради с смраднымъ симъ козломъ дружество сотворила еси? Прииде ко мнѣ и ходи со мною: аз тя имамъ оберѣгати от всѣх хотящихъ тебѣ зло сотворити».

Козелъ же волку рече: «О злый хищникъ! Иди от насъ! Вѣмъ, яко безъзлобну овцу хощеши прельстити и потомъ погубити!»

Тѣмъ являя, яко кийжъдый, иже со благимъ дружество имѣетъ, во всяхъ напастех на оборону и надежду имѣетъ. Ибо нѣсть ничтоже человѣку дражайши друга вѣрна *и* нелицемѣрна в день скорби и бѣды.

Таковое лукавство сотвори Антоний* *О*ктавию-ипату,* иже велий другъ Цицерону бяше.* Ибо егда сей Антоний различными образы тайно тьщася оного Октавия убити, *но* не возможе сие сотворити, прииде к нему лестным сердцемъ и нача ему любезнѣ глаголати, да прииметъ его въ дружество свое, зане зѣло желаше дружества таковаго славнаго и храбраго мужа.

Октави*й* же, лукавство его видѣ, рече к нему: «О Антонии! Вижду, яко дружества моего не требуеши. И увѣждь, яко и азъ тя друга имѣти не хощу, но имамъ друга вѣрна Цицерона, и той единъ ми довлѣетъ». — Пл*у*тархъ.*

57. О МРАВИИ И МУХѢ*

Бысть мухе со мравием великое прѣние. Муха житие свое зѣло хвалити нача, глаголющи, яко выну пребывати ей в полат*а*х царъских и насыщатися пищами сладчайшими, мравии же уничижаше, яко тии всегда, подобнѣ воламъ и ослам, в лѣтѣ в работѣ тяжкой пребываютъ.

Мравии же рѣкоша: «Аще мы в лѣтѣ труждаемся, обаче в зиму плодами трудовъ своихъ насыщаемся, вамъ же тогда от глада погибающимъ».

Посемъ прииде зима. Тогда велерѣчивая сия муха от глада погибе, мравии же питашеся уготованною себѣ пищею.*

Тѣмъ научая, яко кийждому человѣку подобаетъ, доньдеже не приидетъ зима старости его, уготовати себѣ пищу рукодѣлия: да препитаетъ себе, егда приидетъ старость, — зане лѣнивымъ николиже Господь Богъ благословение и преуспѣние подастъ.

Подобнѣ рече Максимиан-кесарь* Диоклитиану:* яко полезнѣе жити воединѣ, внѣ града на селѣ, кромѣ всякаго попечения[1], зане таковыя николиже имутъ опасения живота своего.

Диоклитиан же, сие слышав, остави престолъ свой и иде во едино убогое мѣсто и во убожествѣ живяше.*

---

[1] без каких-либо забот.

Прииде же нѣкогда к нему Максимианъ (иже посем царство приимъ) и похвали себе, яко живетъ во изобилии, Диоклитиану же насыщающу себе брашнами грубыми. Отвѣща же Диоклитианъ, яко онъ доволенъ симъ малымъ есть, обаче велицыи никогда извѣстны живота своего. — Куспи*ниан.**

58. О ОРЛѢ И СКОРЬПИИ*

Нѣкогда скорпия[1] уязви орла великаго. Той же зѣло возъярися, како бы скорпии отмстити, — восхити ю паки и нача давити ю. Скорпия же паки вяще уязви орла смертию, яко ему поврещися и умрети.

Тѣмъ являя, аще за нѣкое полученное зло кто хощетъ мстити, в-первых да зритъ, кому противлятися хощетъ. Аще той крѣпчайши его обрящется, то лучше ему претерпѣти, нежели себе мстити и, мстя оному, себе прежде да не погубитъ.

Сице сотвори Дионъ-царь* Птоломею, царю Египецкому.* Ибо егда Дионъ взя Птоломея и ища подобно времяни[2], како убиетъ его, тогда Птоломей, сие уразумѣвъ, сотвори ядъ смертенъ, даде Диону. Той же, егда не вѣде, приятъ зелие, начатъ умирати и Птоломею рече: «Аз тя восхотѣх убити. Нынѣ же вижу, яко аз от руки твоея умираю». — Плутархъ.*

59. О ПОВѢШЕННОМЪ ВОЛКЕ ВО ОВЧЕЙ ОДЕЖДИ*

Нѣкий волкъ умысли, како ему лучитца[3] овцы похитити. Облечеся во одежду овчю и смѣсися в стадо овецъ, и хождаше с ними. Нощию же во овчарнѣ овцамъ спящим, нападе на едину от них и подави и снѣде ю. И тако многия овцы ему избившу.

Послѣди же пастырь видѣ овецъ погибшихъ многихъ, волка же видѣ облеченна во одежду овчю, нападе, ятъ и уби его, и повѣси на древо.

Сице творятъ нѣцыи, иже незлобивых хотят уловити и многое время с ними дружатся во одеждахъ овчихъ. Егда же имъ не чающимъ, нападаютъ и разоряют я́.

Якоже сей волкъ, сице сотвори Дарий, царь Перский,* нѣкоему Саку, воеводѣ греческому.* Ибо той Дарий на первое его ополчение внезапу нападе и поби, и повелѣ воемъ своимъ облещися во одежды избиенныхъ грековъ.*

---

[1] скорпион; [2] искал удобного часа; [3] суметь, ухитриться.

Сему же бывшу, прииде на второе греческое ополчение.* Они же мняху, яко греки с побѣдою от персовъ возвратишася, любезнѣ прияша я́. Тии же нападоша на ня и всѣхъ избиша.

Сице и с третию частию сотвори.

Но посемъ сей Дарий, якоже волкъ, от отца своего Артаксеркса* убиенъ бысть.

60. О ВОЛКЕ И О ЕЖѢ*

Нѣкий гладный волкъ всрѣте ежа и недоумѣ, како насытитися имъ, зане отвсюду копиями вооруженъ и тѣмъ себе бороняше. Рече ежу: «Брате мой! Не страшися и не воставляй копия своя во ополчения на мя, зане возвѣщаю ти, яко вси звѣрие нынѣ мир имут меж себе».

Еж же отвѣща: «Вѣмъ, брате волче, яко вси звѣрие миръ имутъ в предѣлѣх своихъ. Но вѣм, яко мнози обрѣтаются от них хищницы и разбойницы. Их же ради выну во ополчении пребывати должен есмь, да никто же незапно похититъ мя».

Научая, яко подобает выну человѣку мудру враговъ своих опасатися и друзьямъ своимъ мнимым тайну свою не явити, ибо врагъ твой, неопасна тя обрѣт, похищаетъ, другъ твой, тайну твою увѣдавъ, уловляетъ.

И бо, якоже волкъ сей, тако сотвори П*о*мпий Великий.* Зане егда Цесарь Иулий* с велиею силою прииде в Римъ, тогда посла Помпий к Цесарю, глаголя: «Зѣло прискорбно ми есть видѣти при тебѣ толикое воинство, имже толикое иждивение твориши. Того ради совѣтую ти, да отпустиши я́, зане не имаши брани ни с кѣмъ».*

Но Июлий, вѣдая лукавство Помпиево, не отпусти от себе воевъ своихъ, зане аще бы сие сотворилъ, абие бы от Помпия убиенъ былъ. От него же посемъ самъ смерть получи.* — Пл*у*тархъ.*

61. О ЗМИИ И О ЕЖѢ*

Прииде нѣкогда еж к змии и моли ея прилѣжно, да соизволитъ ему дати малое мѣсто въ гнѣздо свое, доньдеже преидет зима. Змия же ежевое умилное моление видѣ, возжалѣся и пусти ежа въ гнѣздо свое.

Егда же ежъ въ гнѣзд*о* ея вниде, и́ избра себѣ лутчее мѣсто и иглами своими нача змие досаждати. Змия же рече ежу: «Что твориши, о неблагодарный?! Како ты скоро забылъ еси к себѣ милость мою!»

Еж же отвѣща: «О проклятая человѣковъ ненавистница!* Аще азъ тебѣ вред чиню, то изыди из сего мѣста и ищи себѣ индѣ покоя».

И тако змию из гнѣзда ея выгна.

Тѣмъ являя, яко мнози неблагодарнии человѣци благодѣяние, от иныхъ имъ бываемое, вскорѣ забывают. И не точию забываютъ, но за благое и зло воздают.

Сице сотвори в Грецыи воинъ нѣкий Филиппа, царя Македонска.* Ибо егда сего нѣкий гражданинъ приимъ в домъ свой и любезнѣ угости, той воинъ не точию того жителя из дому изгна, но оклеветанми своими на нь домъ и имѣния его себѣ от царя получи.* — Целий.*

62. О ХАМЕЛЕОНѢ-ЗВѢРИ*

Сей хамелеонъ свойство имѣетъ ничим же питатися, точию от вѣтра. Имѣет же обычай непрестанно во дни и в нощи вся мѣста преходити и х коему мѣсту какова цвѣта приближится, в такой цвѣтъ и претворяется. И тако той всякими цвѣты измѣняется.

Тѣмъ являетъ, яко многия человѣцы с какими-любо человѣки дружество творятъ и знаемость чинятъ, на то время такой и обычай приемлютъ.*

Таковъ бяше Алцибиад,* ибо той проклятымъ тьщеславиемъ, яко вѣтромъ, чрево свое насыщаше и тѣмъ вседневно питашеся. Того ради и обычай хамелеоновъ имяше, зане всякия нравы на себе приимаше. Ибо со афины[1] живяше по обычаемъ ихъ, яко *бо* былъ любезенъ и всякаго человѣколюбия исполненъ. С перъсы же лстивъ, гнѣвливъ и всякаго пиянства одержимъ. С трояны же предадеся во всякое плотоугодие. И повсему[2], чей хлѣб ядяше, того и хвалу простираше. Обаче зане лукавъ сый, точию благия нравы прияти не возможе. — Пробий.*

63. О БОРАНѢ И ВОЛѢ*

Сего борана родъ его [3]яко начальника себѣ и вожда обраша[3]. Той же, гордостию одержимъ, мня в силѣ не быти ему подобна нигдѣ. Хотящу же ему власть свою распространити и нныя области себѣ покорити,* надѣяся на свои крѣпкия роги, воздвиже брань с волами и вызва на битву единаго от воловъ.

---

[1] афинянами; [2] всюду; [3—3] избрал своим главою и предводителем.

И той абие прииде битися з бораномъ. *Егда же тии сразишася, боран* побѣжден же бысть и паде.

Сице подобаетъ кийждоиму властелину, хотящему брань всчинати, размышляти, аще можетъ сопротивитися неприятелю, с нимже хощетъ войну всчинати.*

Тако сотвори славный воевода Июда Маккавей.* Ибо той аще и многи враги силою Божиею побѣди, яко вси окрестъ живущии цари и велможи бояхуся его. Егда же сей, надѣяся на свою храбрость, с малымъ числомъ воевъ своихъ сразися с крѣпльшимъ себе, абие от неприятелей убиенъ бысть. — I книгъ Маккавей.*

64. О КУРИЦѢ И О КОРШУНАХЪ*

Нѣкая курица имѣя многия птенцы, их же хотяху похитити три коршуна и потребити я́. Курица же яко мати о чадѣх своих печашеся и на растерзание их не даде.

Тѣмъ являя, яко кийждому властелину подобаетъ подданныя своя защищати от всѣх нападающих на ня враговъ.*

Такое попечение имѣ о людех своих Темистоклъ,* воевода афинский. Ибо егда Ксерксъ,* царь Перский, различными образы тщашеся грековъ погубити, наипаче жадаше[1] пити кровь жителей афинских, и того ради многия лукавъства измышляше, — обаче Темистоклъ всѣ умыслы его ни во что претвори и никоему же злу на ня быти попусти. — Диодоръ.*

65. О ЗЕМЛЕДѢЛАТЕЛИ И О МЫШАХ*

Нѣкий земледѣлатель по вся лѣта велие пиршество творяше в день рождения своего. И тако во едино лѣто от тѣх созва многия свои клевреты и угощение велие имъ сотвори.

По многом же питии оный земледѣлатель зажже пред домомъ своимъ огнь велий, да удобнѣйше с протчими званными ликует. Егда же сей возгорѣ, прииде вѣтръ великий и домъ его запали. И абие вси друзи его званныя разбѣгошася.

---

[1] жаждал, желал.

Сие же ему зрящу, избѣже из дому его из огня мышъ малая, юже той восхити и во огнь верже, глаголя: «О окаянная! Во благоденьствии всегда со мною была еси, нынѣ же зло страдати со мною не хощеши!»

Являя тѣмъ, яко во благополучии кийждо многия други имать, пришедши же бѣдѣ, вси страждущаго оставляютъ и от дружества своего отчюждаются.

Сице Неронъ, кесарь Римский, сотвори. Ибо егда упившуся ему, яко вином, яростию, повелѣ домъ свой и град Римский зажещи и всѣх человѣкъ, хотящихъ огня избѣжати, повелѣ паки во огнь вмѣтати. — В «Житии Нероновѣ».*

66. О ЛОВЦѢ ПТИЦЪ*

Нѣкий ловецъ простре своя сѣти, и абие нападоша множество врабии, но о тѣх небрежаше[1], зане мали бяху.*

Посих иныя видѣ, вяще тѣх, обаче ожидаше, како в сѣть его великия птицы внидутъ. Врабие же насытившеся отъидоша, большия же не приидоша.*

Вечеру же бывшу, ловецъ той точию единаго воробья улови.

Тако бываетъ сребролюбцемъ, иже непрестанно помышляютъ, како стяжати имѣния мира сего, и никако же удовольствующе тѣмъ, еже имеютъ. Ибо иже гонит[2] за неизвѣстнымъ[3], многаго извѣстнаго лишается.

Сице сотвори нѣкий прокураторъ* в Константинѣ-градѣ. Ему же за труды его нѣкий человѣкъ даде воздаяние, яже той прияти не восхотѣ, зане являше ему мало быти. Егда же посем не обрѣте не точию великаго, ниже малѣйшаго дара, разгнѣвася на ся и повелѣ бити себе, да мудрѣйши будетъ, *ибо всякое даяние со благодарением приимати подобаетъ.** — Понтаний.*

67. О ЗЕМЛЕДѢЛАТЕЛИ И МУЖИ ДИВИЕМ*

Нѣкий земледѣлатель идяше путемъ, обрѣте мужа дивия[4], от хлада умирающа. Его же приятъ в домъ свой, да согрѣетъ его.

Той же дивий муж видѣ земледѣлателя в дубравѣ руцѣ свои дмяща[5] и тѣм я́ согрѣвающа. И паки, пришед в домъ его, видѣ, яко той же ядь тѣми же

---

[1] пренебрегал; [2] гонится, стремится; [3] ненадежным, неверным; [4] сатира; [5] обдувающего дыханием.

устнами ухлаждает, — отбѣже от дому его, глаголя: «Не хощу жити с человѣки, иже теплое и хладное из однихъ устъ испускаетъ».

Тѣмъ являя, яко подобаетъ таковых опасатися, иже имут во единой руцѣ огнь, в другой же воду.

Тако сотвори Мануилъ,* царь Греческий. Ибо егда кесарь Кондратъ* с своим воинствомъ идяше во страну Палестинскую, тогда зѣло любезен к нему явися и многое жито ему дати повелѣ. Но повелѣ с мукою известь смѣсити, от того же многия воини его недугсмъ одержими бяху, инии же и умроша. Се же Кондрат-цесарь увѣдя, яко Мануил ему въ словесѣх являшеся любовенъ, на дѣле же лукавъ, иде от него в путь свой. — Савеллий.*

68. О МЫШИ И О РАКОВИНѢ*

Нѣкая мышь не довлѣяше пищею, еюже обильно в дому своемъ питашеся, иде искати новыя пищи. Пришедшу же ей на брегъ моръский, видѣ раковину отверсту лежащу, в ней же бяше рыба[1]. Ю же ясти возжелѣ и главу свою в раковину вложи, яже абие затворися и мышь удави.

Тѣмъ являя, яко ковди[2], иже не удоволенъ пищами, имиже питается, и начнет искати сладчайшия, впадает во многия злыя страсти и неприязни[3] великия.

Таковъ бяше Диогенъ,* иже, не довольствуя пищею обычною, восхотѣ при брегу морскомъ новыя пищи искати и в ловитвѣ рыб утопе в мори. И тако злѣ живот свой в возжелѣнии скончa.* — Афинеусъ.*

69. О ОРЛѢ И РАКОВИНѢ*

Сие чрепокожное нѣкогда негодова о своем житии, яко выну *ва*ляшеся по земли, ничтоже видяще от красот земных.* И молися орлу, да вознесетъ ю на высоту и покажетъ красоту земли, и за сие велий даръ орлу обѣща.

Орел же веземъ, восхити ю на высокия. И посих, егда ничтоже обѣщанна дара получи, спусти с высот*ы* и разби и снѣде.*

Сице человѣкомъ худороднымъ бывает, не довольствующим санами средними,* но ищущим достоинства высокия, — на ня же возшедъ, абие впадаютъ в погибель конечную.

[1] *здесь*: моллюск, устрица; [2] *на полях*: всякий; [3] зло, беды.

Сице бысть Иустиниану Второму,* царю Греческому. Ибо егда той с престола своего изгнанъ бысть, тогда иде к царю Болгарскому,* да сотворитъ ему помощь, да паки государьство свое получитъ, обѣщавая ему великое воздаяние. Его же помощию желаемое получи и паки на престолъ свой возведенъ бысть.

Егда же царь Болгаръский нача воздаяния просити и ничтоже получити возможе, разгнѣвася зѣло и паки не точию престолъ его, но и все, яже имяше, от него отъя.* — *Куспинианъ.**

70. О КОКУШКѢ[1] И КОРШУНѢ*

Нѣкогда коршунъ, курячей разбойникъ, видѣ кокушку, на древѣ сѣдящу и точию червми питающуся (зане не имѣ сердца храбраго, еже кормити себя искати), посмѣяся ей. Она же иного ничего не востребова, единѣми точию червьми довольна бяше.

Посемъ разбойникъ той хитростию ловца уловленъ бысть и во образ[2] братиямъ его в кошницѣ[3] повѣшенъ бысть. Сие же видѣ, кокушка прилѣте к нему и рече: «Безумне! Аще бы доволен был еси пищею моею, то в сѣти сия не бы еси увязлъ».

Тѣмъ являя, иже ся малым доволенъ бываетъ и пищей сладчайшихъ не желает, многия сѣти видимыя и невидимыя избѣгаетъ. А иже себе предает во всякия плотиугодия, таковый во многия скорбныя случения[4] ся повергаетъ.

Сице посмѣяся царю Александру Македонскому Анаксархъ-философъ.* Ибо той житие провождаше нищетное и питашеся пищею малою и худою, Александръ же по вся дни живяше свѣтло и питаяся пищами сладчайшими и получаше себѣ вся по всему желанию сердца своего.

Посих впаде Александръ в нѣкий тяжкий недугъ. Тогда приступи к нему Анаксархъ-философ, рече: «О Александре! Се нынѣ зриши, яко аз худыми своими ядьми здравие стяжах. Ты же во всемъ сластопитании твоемъ в недуги тѣлесныя впалъ еси и предал еси себе, яко в темницу, на мучение врачем, иже в заключении имут держати тя, донелиже хощутъ». — Алианъ.*

71. О ЯСТРЕБѢ И СОЛОВЬѢ*

Нѣкий гладный ястреб нападе на соборище малых птицъ, от нихже улови малого соловья, иже горькимъ рыданиемъ нача вопити и молити* его, глаголя: «О господине мой, всѣх парящих птицъ царю! Пощади худость мою и отпус-

[1] кукушке; [2] в знак предостережения; [3] в плетеном коробе; [4] несчастья

ти мя, ибо аз во вся дни живота моего тя имамъ благодарити и сладкими своими пѣсньми тя веселити».

Ястреб же рече: «Ни, друже, не тако глаголеши:* чрево мое краснаго пѣния твоего не требует и мусикийскаго твоего гласа слышати не хощетъ, но требует плоть твою в насыщение глада моего».

Симъ являя, яко в нуждах великих человѣцы пощади не имутъ.* Сего ради подобает комуждо от многих потребныхъ нужнѣйшая избирати.

Сице бысть в Римѣ. Ибо егда в народѣ бѣ глад великий, и людие к правителемъ приидоша, хотяще убити я́, аще *жита* имъ не дадутъ. Они же повелѣша ритором своимъ к народу* изыти и к нимъ преизрядными глаголы ярость ихъ укротити.

Они же от него сие слышавше и видяще, яко кромѣ глаголъ ничтоже имъ принесе, паки вопияху. Той же риторъ, пришед ко властелемъ, рече: «Словами моими чрева их не насытих. Сего ради подобает имъ дати жита, аще ярость ихъ хощете утолити».

72. О ЗМИИ И О ЧЕЛОВѢЦѢ*

Нѣкий человѣкъ идяше путемъ и, видя змию на пути от хлада умирающу, умилосердися о ней: вземъ ю в домъ свой, и огнь разложи во храминѣ своей, согрѣ и паки ю оживи. Она же, яко от природы неблагодарна сущи, пришед в си*лу*, нача уязвляти благодѣтеля своего, иже, приимъ сѣкиру, уби ю.

Тѣмъ знаменуя, яко нѣть на земли злѣйше человѣка неблагодарна, иже, высоту чести достиг,* не точию благодѣтелемъ своимъ добро воздают, но за благо всякое зло содѣваютъ.

Таковъ бяше кесарь Арнулфий,* ибо той избави от изгнания и убиения Зундебалда, царя словенска,* и не точию врагов его прогна, но паки на престолъ его возведе.* Той же вмѣсто благодарения брань воздвиже на благодѣтеля своего и кесаря Арнулфа. Той же, ярости исполненъ, с воинством великимъ пришед на него, из царства Зундебалда паки изгна и всю землю его разори. — Липрандий.*

73. О ЧЕЛОВѢКЕ И ЛЬВѢ*

Нѣкий человѣкъ идяше путемъ со львомъ. И глаголющим же имъ между себе, приидоша к нѣкоему мѣсту, идѣже на камени изсѣчено[1] бѣ: человѣкъ побѣждающи лва. Лев же сему подивися и рече: «Яко возможно ли человѣку лва побѣдити, зане левъ вящшую силу паче человѣка имать?»

Человѣкъ же той наипаче человѣческую силу и храбрость похвали, яко в силѣ лва превосходитъ. Лев же разгнѣвався, скочи, нападе на шествующаго *с нимъ* человѣка и рече: «Друже, яви мнѣ нынѣ силу твою, да увѣмь, яко сильнѣйший человѣкъ есть льва!»

Тѣмъ являетъ, яко не подобает человѣку хвалитися пред силнѣйшимъ себе, ибо возносяй ся смирится, смиряяй же ся — вознесется.*

Сице, яко человѣку сему о силѣ своей хвалящуся, бысть Клиту, воеводѣ Александрову.* Ибо той, егда зѣло похвалися, яко во брани не точию многия враги руками своими поби, но и Александра из рукъ неприятельских исхити, яко бы выще Александра во храбрости себе быти вмѣняше, и тако гнѣвъ Александровъ на ся воздвиже, ибо той посих Клита руками своими уби. — Курци*й*,* книги 8.

74. О ЛЬВѢ И ОСЛѢ И ЛИСИЦѢ*

Нѣкогда иде левъ с ослом и лисицею на ловлю, и совѣт[2] сотвориша, аще что изловятъ, раздѣливъ, возмутъ кийждо часть едину.

Шедшим же имъ, уловиша елень. Оселъ же рече лву: «Раздѣлимъ корысть сию, и кийждо от нас да приимет равную часть». Лев же разгнѣвася на осла зѣло и скочи на нь, растерза его.

Лисица же, издалеча стоя, моля лва, да раздѣлитъ* [3]во второй[3] части. Лев же тако сотвори, лисице повелѣ взяти едину. Лисица же взя себѣ часть едину, меньшую. Лев же обратися к лисице, рече: «Гдѣ изучилася еси вѣжству сему?» Отвѣща, лисица рече: «От погибели ослины».

Тѣмъ научая, яко от чюждих напастей и страданий подобает намъ научатися и себе от таковых начинаний, имже[4] тѣ страждаху[5], опасати.

Сице сотвориша воевод*ы Ю*гурта,* Гием*псалъ** и Адерванъ.* Ибо егда Нумидийское царство взяша и раздѣлити восхотѣша, тогда Гием*пс*ал лучшую часть себѣ взя.

[1] высечено (*рельефное изображение*); [2] уговор; [3—3] на две; [4] которым (*местоим.*); [5] ревностно следовали.

Югурта же, иже вину лвино сердце имяше, о семъ зѣло возъярися и воздвиже брань на Гиемпсала и уби его и часть его себѣ взя. Адерван же, сие видѣ, Югурта устрашися и малою, худую себѣ часть удоволи. — Саллустий.*

75. О ЛЬВѢ И ЛИСИЦѢ*

Нѣкогда видѣ лисица лва издалеча грядуща, зѣло ужасеся, вострепета, скрыйся от него.

Посемъ паки внезапу срѣте его, обаче не тако от него устрашися, якоже прежде.

Егда же в третий раз лва видѣ и, яко никое же ей сотвори зло, не отбѣже от него, но с нимъ в путь идяше.

Тѣмъ являя, яко аще человѣкъ обыкнетъ во благомъ или во злѣ, — и той за обычай и зло без страха творитъ, ничтоже бояся.*

Такая лиса бяше Финий.* Ибо егда той от села прииде в Римъ ко царю, зѣло величества царьскаго устрашися. Посих же вседневнаго ради царьскаго предстояния преиде страх его, обаче той николи же довѣривай себе, зане вѣдяше: близость царская — яко близость огня.* — *Ливий.**

76. О ЛВѢ, О ВЕПРѢ И О ЯСТРЕБѢ*

Нѣкогда срѣте левъ вепря, и той злѣ нападе на нь, и нача люто битися с вепрем.

И тако борющимся имъ, прилетѣ ястреб, обрадовася зѣло, мня в себѣ, яко един от обоих имать быти убиен, егоже плотию насытитъ гладное свое чрево. И всяде на единѣмъ древѣ ту близ стоящу, ожидаше кончину брани их.

Они же, много борющеся, престаша и, миръ сотвориша, кийждо в путь свой отъиде, ястреба гладна оставиша.

Тѣмъ являя, яко не подобаетъ до времени радоватися о дѣлех непостоянных и не поимавъ не подобаетъ терзати, тѣмже[1] безумен сей, иже хвалится неполученными дѣлами.

Сице имаху брань велию меж себе Аристовулъ* и Гирканъ,* и многимъ лѣтомъ продолживше брани. Иродъ* зѣло о семъ радовашеся, мняше, яко единъ

---

[1] потому что.

от обоих напослѣди убиенъ будет, другаго же преодолѣв, купно земли их себѣ получитъ.

Но посих тии от брани мир сотвориша, оному же Ироду ничтоже оставльше.* — Савеллий.*

77. О ВОЛКѢ, ЛИСИЦѢ И ПАСТЫРѢ[1]*

Волкъ сотвори себѣ нѣкое жилище и многую пищу себѣ надолзѣ уготова и живяше во изобилии сытости, и никоеже попечение ему имущу.

Лисица же, на ловли бывъ, ничто же возможе яти.* Шед мимо жилища волкова и его видя в таковѣмъ изобилии живуща, прииде к нему и моли его, да нѣчто дастъ ей от богатыя его трапезы. Волкъ же от себе ю отгна.

Тогда лисица, завистию и гнѣвомъ исполнена, иде к пастырю и жилище волково ему сказа, иже шед, волка уби и жилище лисице даде. Обаче егда сие изобилие волково обрѣте, нападоша на ню псы и растерзаша ю.

Тако бывает человѣкомъ завистию одержимымъ. Ибо таковии, егда братию свою погубляютъ, сами посемъ в горшия напасти впадаютъ.

Сему подобно, егда Мусульманъ* (брат Баязита *I-го*,* салтана Турского) от Моисея,* брата своего, побѣже страха ради. На пути же от нѣких турковъ познанъ, ятъ бысть.

И чающе от салтана Моисея себѣ великаго воздаяния, приведоша и предаша его Моисею, — от него же абие убиенъ бысть. Предателей же вмѣсто воздаяния повелѣ з женами и с чады и с родом живых пожещи. — Халкокондилий, книги 4.*

78. О ЛИСИЦѢ, О ПСѢ И О ЗАЙЦѢ*

Нѣкогда лисица всрѣте вънезапу великаго пса, и той, хотя глад свой насытити, нападе на ню и нача давити ю. Она же рече ему: «Пожди мало и послушай словес моих. Се отвѣщаю ти, яко плоть моя тебѣ в снѣдь зѣло не здрава и не сладостна. Аще хощеши насладитися пищами сладчайшими, се бѣжит заецъ, — его же поставляют на трапезах славныхъ и на пиршествах великихъ».

Пес же лису остави и за зайцем погнася. Той же, страхомъ великимъ одержимъ, убѣже от зубъ песьих. Лисица же сие видѣвъ, такоже скрыся.

---

[1] пастухе.

Заецъ же посемъ лисицу увидѣ, рече ей: «О лукавая! Почто пса на мя навела еси?»* Лисица же рече зайцу: «Безумный!* Аз тя хвалила и плоть твою паче всѣх возносила!»

Сице творятъ нѣцыи, иже отягчаютъ ближния своя, да тѣмъ себѣ отраду точию сотворятъ. Ибо лукавый не скорбит о запалении дому брата своего, аще и не иматъ корысти, точию еже руки согрѣти.

Такое лукавство во многих людех обрѣтается. Ибо егда таковыя во своих злобах обрящутся, тогда от таковых грядущих бѣд лукавно избѣгаютъ и своя преступления на иных налагаютъ.*

79. О ВОЛѢ И МЫШѢ*

Нѣкогда вол, велиею гордостию одержимъ, [1]глагола себе[1]: царя быти над всѣми животными и яко лва и слона в силѣ ему превосходити. Се же ему глаголющу, изыде из норы малая мышь и угрызну вола в ногу. Той же, обидим от мыши, зѣло возъярися и хотя мстити мыши.

Мышь же скрыся паки во свое гнѣздо. И, изшед, паки вола угрызну. Вол же мыши мстити не возможе.

Тѣмъ научая, яко аще и великий который будетъ властелинъ, обаче малѣйший и худороднѣйший человѣкъ можетъ тому пакость сотворити.

Подоб*но* бысть в Римѣ во время славнаго воеводы Марка Антония.* Ибо егда нѣкий князь Паръфъский* тайно изыде из землицы своея, яже бяше в горах, и нѣкое разорение римляном сотвори, сей Марко зѣло возъярися и сего князя и всю землю его восхотѣ разорити. И иде на нь с великимъ воинствомъ, бяше бо 300 000 человѣкъ, но не можаше оному ничтоже сотворити. И тако оттуду тщетенъ возвратися. — Пл*у*тархъ.

80. О ПИФИКѢ И О ЛИСИЦѢ*

Нѣкогда пификъ безхвостой прииде к лисѣ и моли ю, да дастъ ему часть хвоста своего излишняго, зане онъ лишися своего, — сего ради вси ругахуся ему.

Лисица же рече пифику: «Ни, брате, — хвостъ мой мнѣ самой в потребу и излишества не имать, *и* части тебѣ дати не хощу».*

---

[1]—[1] называл себя, говорил о себе.

Являя тѣмъ, яко сребролюбивый аще и излишество великое во всемъ имать, обаче ближнему своему в нужнѣйшую потребу дати не хощетъ.

Такое моление сотвори Семирама,* царица Вавилонская,* царю *Н*ину.* Ибо егда видѣ украшение его, моляше царя, да дастъ ей часть того украшения и чести его. Нин же ей ничтоже даде и рече, яко довлѣет ей, яже имяше; царьское же украшение и слава единому царю носити подобаетъ. — Диодоръ.*

81. О ЛИСИЦѢ И ГЛАВѢ ИЗВАЯННОЙ*

Прииде лисица нѣкогда в домъ нѣкоего древо*ре*зца[1] и обрѣте ту[2] главу изваянну и зѣло хитру сотворену, и мняше, той быти человѣчей. Егда же сию обращаше на всѣ страны — ни гласа, ни глаголъ от главы не *у*слыша, рече: «Вижду, аще еси видомъ добра[3], обаче разумомъ и словесы обнаженна[4]».

Являя тѣмъ, яко мнози человѣцы внѣшнимъ образомъ и подобиемъ зѣло прекрасни. Аще же видимъ[5] разумъ и смыслъ, яже есть истинное украшение человѣку, тогда яко безсловесни[6] и ни к чесому потребни таковии обрѣтаемъ.

Сице сотвориша древнии христиане. Ибо егда в розных[7] народѣх видаху различ*ны*я идолы, имже тии покланяхуся, онии христиане тѣмъ обличаху, яко аще по видѣнию внѣшнему зѣло украшени, обаче одушевления не имутъ.

82. О ЕЛЕНИ, О ОВЦѢ И ВОЛКѢ*

Нѣкогда прииде елень со овцею пред волка и моли его, да дастъ ему на овцу судъ, зане ему винна бяше множество жита, еже в прежнее время взаим взя и отдати не восхотѣ.

Волкъ съ яростию великою на овцу разгнѣвася и повелѣ абие жито еленю отдати. Овца же сие сотворити обѣща.

Отшедши же ей от волка, посмѣяся овца еленю и рече: «Аз есмь пред тобою невинна. Аще же обѣщала есмь, то сотворила по нуждѣ, бояся немилостиваго судии».

Сице безвинныя принуждени бываютъ от немилостивых *судей* [8]невинно отдавати[8]: и нужнѣйшее свое таковый отдает, да како избавится бѣды.

---

[1] скульптора, резчика по дереву; [2] тут; [3] хороша; [4] не наделена, лишена; [5] если же посмотрим на; [6] неразумные (скоты); [7] различных; [8—8] отдавать нечто вопреки правоте, справедливости.

Сице Тациянъ Первой* оклевета нѣкоего клеврета своего Александру,* яко долженъ ему нѣколико мѣръ жита. Той же себе невинна быти сказа[1]. Тациян же великимъ прещением[2] принуди его исповѣдати[3], яко долженъ бяше толико мѣръ жита, иже посем отдати повелѣ.*

83. О КОЗѢ И МОЛОДОМЪ ВОЛКѢ*

Нѣкогда обрѣте коза на пути младого волка от глада погибающа. Обаче милосердова о немъ* и сосцами своими того питати нача.

Волкъ же, аще млекомъ козиим питашеся, во обычаи же волчьимъ возрасте. Коза же сие видѣвъ, убояся волка и рече ему: «Иди, чадо мое. Вѣмъ, аще тя аз и воспитала, обаче не имамъ от тебе воздаяния, кромѣ пагубы, получити, яко напослѣдок точию растерзана от тебе быти имамъ», — и отгна его от себе.*

Являя тѣмъ, яко добро творятъ таковии, иже врагомъ своимъ благодѣяния творятъ.* Обаче подобаетъ выну врага своего беречися, зане врагъ твой, аще восхощет погубити тя, не воспомянет к тому благодѣяния твоего.*

Сице сотвори неблагодарный лукавый кесарь Римский Антоний Каракалла.* Ибо сего воспита от младости его нѣкий Цилонъ* его же яко сына имяше и изряднымъ хитростемъ[4] того научити повелѣ. Егда же сей Антоний возрасте и до степени кесарьскаго престола достиже, не воспомяну к тому благодѣяния сего Цилона, но паче звѣрски сотвори и его убити повелѣ. — В «Житии кесарей».*

84. О КОТѢ И ПЕТЕЛѢ*

Нѣкогда котъ восхити алектора[5] и того крѣпко в пазнотках[6] своих держа и глагола ему: «О окаянне многоженецъ и любодѣй!* Се нынѣ прииде на тя за многие твои злости прияти тебѣ казнь, зане ты в нощи вопиеши и человѣкомъ опочивати не даеши».

Петел же, хотя оправдатися, глагола коту, яко не единъ сие творитъ, но яко же естество ему подаде, тако и пою, и творяше. Кот же не услыша оправдания его, но немилостивно разтерза его.

Сице убо аще кто на кого вину возложити восхощет и зло ему сотворити, — скоро к тому причину изобрѣсти можетъ, ибо нѣсть невинному оправдания пред мучительми, иже правды слышати не хотят.*

---

[1] сказал, что ничего не должен; [2] угрозами; [3] признать; [4] достойным наукам; [5] петуха; [6] когтях.

Сице убо сотвори [1]славный мучитель[1] Дионисий Сикулус* гражданомъ града Регио* в царствѣ Сицилийскомъ, ибо егда разгнѣвася на ня, яко никто же восхотѣ за него дати дщерь свою. Они же глаголаху, яко нѣсть обычай гражданомъ давати дщери своя цареви. Той же рече: «Обычай же есть се, яко не подобаетъ ничто же цареви возбранити». Сего ради обступи град ихъ, они же множествомъ сребра и злата миръ от него искупиша.

По прешествии же нѣколикихъ лѣт паки посла к нимъ просити жита. Они же глаголаху, яко не имутъ. Он же рече, «Аще *вы бѣдны* есте и не можете ми дати жита, то аз богатъ — паки брань с вами хощу сотворити». Сего ради град обступи и взя и жителей погуби. — Диодоръ, книги 14.*

85. О КОТѢ И О МЫШАХЪ*

Нѣкоему коту состарѣвшуся и от старости ловлениемъ мышей прокормити себе не возможе. Мыши же сие видѣвше, яко враг их состарѣся, зѣло радовахуся и в житницах пространно начаху ходити.

Котъ же сие видѣ, скрыся в закромѣ, егда же мыши прихождаху и кота не чаяху, кот же хитростию своею единаго по единому ловляше.

Сице скудость — во умышлении[2] зѣло есть претружше[3] изобильства,* ибо таковымъ образомъ мнози бѣдныя — смысломъ[4] богатѣют, богатии же, ничтоже мysляще, надѣющеся на свое богатъство, — обнищаваютъ.*

Такий лукавый котъ* бѣ Митридатъ,* царь Понтийский.* Ибо егда той умышляше, како убиетъ Дамата* (воеводу Артаксеркса, царя Перскаго,* иже восста на государя своего и велию силу при себѣ имѣ), — себе же обрѣте к сему дѣлу безсилна, — посла тайно ко Артаксерксу. И многия воины от него взя, являше себе, яко и онъ от Артаксеркса отложися и (со изволомъ[5] таким) многия грады Артаксерксовы взя.

Сие же Даматъ видѣ, зѣло возрадовася и восхотѣ с нимъ самъ о семъ глаголати. Митридатъ же его с радостию приятъ и совѣща с нимъ, да все воинство их совокупится и на Артаксеркса наступятъ. Дамат же не чаяше от Митридата лукавства, прииде без оружия своего к нему. Митридат же, сие видѣ,埋 вземъ свое оружие, под ризами сокровенное,* уби его. — Плутархъ.

[1—1] знаменитый тиран-правитель; [2] изобретательных помыслах; [3] усерднее; [4] с умом, хитрой изобретательностью; [5] с дозволением

86. О ПСѢ СТАРОМЪ И О ЛОВЦѢ*

Нѣкоего ловца пес зѣло состарѣвся. Обаче ловецъ взя его и обрѣте елень, посылаше пса, бия, да иметъ еленя, яко и прежде обычай ему бяше. Песъ же рече: «Чесо ради мя, господине, биеши, вѣдая, яко невозможно ми есть елень сию изловити, зане егда млад бѣх и в силѣ и егда у стола твоего питаем, тогда тебѣ работахъ. Нынѣ же за прежния своя службы ожидах от тебе воздаяния и во старости моей себѣ покоя. Ты же понуждаеши мя».

Являя тѣмь, яко аще кто время свое туне изживетъ во дворахъ великих и службы служит великия,* ожидая себѣ воздаяния, — таковии состарѣются, воздаяния же немногия получаютъ.

Тако сотвори римский вельможа Марко Катонъ.* Ибо той имяше многия рабы и дондеже служаху ему, работающе день и нощь, пищу и одежду даяше имъ изобилно,* — егда же состарѣвшимся имъ и не могущимъ работати, отгна их от себе и во гладѣ истаятися предаде. — Плутархъ.*

87. О ЗЕМЛЕДѢЛАТЕЛѢ И ПСАХ ЕГО*

Нѣкий земледѣлатель долгие ради зимы бысть в великой скудости и скоты своя нача избивати[1] в насыщение своего глада. Посемъ иного ничтоже имѣ, кромѣ орющих[2] волов, — и тѣ такожде уби и в пищу себѣ уготова.

Пси же его сие видяще, глаголаху к себѣ: «Аще господинъ нашъ воловъ не пощадѣ, иже работают ему, то како нас пощадит? Сего ради убѣжим, да и нас не погубитъ».

Тако мудръ есть той человѣкъ, иже от грядущия бѣды может избѣжати и тако дни своя продолжати.

Сице сотвориша воини града Петелиа.* Егда той обступленъ бяше и жители града того не имуще что ясти и от великаго глада говяжия кожи и древесныя коры ядяху, — и из града избѣжаша,* глаголюще, яко «посих имъ и насъ ясти».— Фронтиний,* книги 4.

---

[1] забивать; [2] пахотных, предназначенных для пахоты.

88. О ВЕЛЬБУДѢ, О ОСЛѢ, О ВОЛѢ И КАТЫРѢ[1]*

Нѣкогда сии собрашася* и повѣдаша другъ другу с великою жалостию, како непрестанно работають и тягость несносную[2] на ня полагаютъ. К сему же еще и лютое от человѣкъ подъемлют[3] биение.* Оселъ же возопи гласомъ великимъ: «Азъ не могу вяще работати, и аще господинъ мой мя начнет принуждати, то начну противитися и битися, дондеже оставитъ мя.* И отселѣ хощу жити в покое и благоденьствии».

Протьчии же клеврети его ругахуся ему, глаголюще: «Юроде! Почто бѣснуешися? Не вѣси ли, яко в работѣ человѣком вси сотворени есми? И аще не будемъ работати, учнут нас бити и к тому не кормити».*

Являя тѣмъ, яко мнози аще[4] ищутъ себѣ разными образы изобрѣсти волю, но не могутъ, зане кто сотворенъ оселъ или волъ, в томъ да пребудет.

Сице граждане римския* приидоша к сенаторемъ града того, глаголюще, яко «невозможно намъ тяготу порабощения своего носити, ибо принуждени есми, яко и волы, себѣ и вамъ работати. Вы же пребываете в покое.* Сего ради хощемъ такожде жити, яко и прочии».*

Обаче тии посемъ паки в работу, якоже и прежде, принудишася.* — Ливий.*

89. О ПИФИКАХЪ*

Сии* научени бяху от нѣкоего скомраха плясати и различныя смѣхотворения дѣяти. Скомрах же облачаше я́ во одежды и во пиршество вождаше я́.

Прииде же на вечерю нѣкую и нача играти на свою волынку. Пификом же пляшущимъ и скачющимъ во одеждах своих, прииде нѣкто от ту сѣдящихъ, разсыпа имъ орѣхи,* — и абие пифики, оставльше научение свое плясание, ко орѣхомъ предашася.

Тѣмъ научая, яко аще кий человѣкъ и зѣло будет изученъ[5], обаче вред[6] своея природы во словесѣх или в дѣлехъ скрыти не возможетъ. И всякаго человѣка аще не на словесѣх, обаче на дѣлѣ порода и обычай познается.

Якоже пификъ сей бысть кесарь Римский Антоний Каракалла. Ибо той воспитан бяше (яко же выше сего рекохомъ)* во всякомъ наказании и учении, яко быти ему [7]не точию[7] философу. Но от учения своего бяше сначала мило-

---

[1] муле; [2] непосильную, неподъемную; [3] терпят, выносят; [4] хотя; [5] выучен; [6] порочность; [7—7] едва не, почти что.

сердъ и кротокъ зѣло, от крови же имяше такое отвращение, яко аще видя кого на смерть ведена, горко рыдаше.

Посем, егда приимъ правление, все оныя своя науки попра и нача жити по природѣ своей, а не по наукамъ,* ибо не точию брата своего единороднаго,* но и многия римския сенаторы убити повелѣ и безчисленная злодѣйства содѣя. — Свидий.*

90. О ЛАСТОВИЦѢ И О ЧЕЛОВѢКѢ, ИЗГУБИВШЕМЪ ИМѢНИЕ СВОЕ*

Нѣкий человѣкъ изгуби неподобнымъ житиемъ все свое имѣние, и точию едину ризу на себѣ остави, мысляше, та едина довольна ему есть. Егда же узрѣ на воздухѣ прилѣтѣвшу ластовицу, рече себѣ: «Сия птица возвѣщаетъ лѣто. Сего ради довлѣет ми срачица[1], риза же ми не требуетъ». И шед, прода ризу и вина купи, и тѣмъ малое время себе наслаждаше.

Посемъ, егда с студена сѣвера начаша мразы носити и ластовицу умертвиша, видѣ пияница сию птицу, и рече: «О окаянная! Ты виновна еси погибели моей, яко нынѣ от великия стужи погибаю! Почто не дождала еси лѣта, толь рано к нам прилетѣла еси? — себе же и мене погубила еси!»

Тѣмъ научая, аще кто, не обмысляся, начнет кое дѣло и послѣдует скорымъ мыслем главы своея, — и той посем извѣстно[2] срящетъ[3] великую бѣду, ибо не зри тако своему дѣлу добраго начинания, но предзирай пред тѣмь безмятежнаго сконьчания.

Сице сотвори Албиадъ,* сынъ нѣкоего жителя римскаго, богата суща. Той Албиад не точию изгуби въ пианствѣ все имѣние отца своего, — и ризы своя, снемъ с себе, продаде и питие купи. Посемъ — да ничтоже остатися имѣетъ, — зажже домъ свой. Обаче посихъ въ великомъ гладѣ и нищетѣ живот свой скончa. — Плутархъ.*

91. О ЛОВЦѢ И О РЯБЦѢ[4]*

Нѣкий ловецъ ловяше птицы, и абие увязе в сѣти его рябецъ, егоже ятъ, нача давити. Рябецъ же горко вопия и о милосердии ловца моляше: да смерти не предастъ и паки отпустит, обѣщавая в сѣти его толико птицъ приманити, яко самъ восхощетъ.

---

[1] исподняя, нательная рубашка; [2] заведомо, непременно; [3] обретет; [4] рябчике.

Ловецъ же рече: «О лукавый рябче! Како, отшед от мене, мнѣ вѣренъ будеши, идѣже роду своему невѣренъ еси и предати в сѣти моя хощеши?» — и емъ, уби его.*

Сие являет, человѣкомъ, ищущимъ братию свою в сѣти уловити, — тако в тѣх сами уловлени бываютъ. Ибо аще кто брату своему яму ископаетъ, самъ в ню прежде впадаетъ.*

Подобнѣ, яко же ловецъ сей, сице сотвориша людие царя Антиоха.* Ибо егда воевода Трифон* от воинъ Антиоховых побѣжден бысть, иже вслѣд за ним гониша, тогда Трифонъ по пути злата много помета, яже воини Антиоховы подъемлюще, Трифону убѣжати время даша.

Егда же воевода повелѣ Трифона гнати и его яти, обѣщая имъ, яко на вящее злато обращут[1], отвѣщаху тии, глаголюще: «Не подобаетъ намъ, извѣстное видѣв, за неизвѣстным гнатися. Ибо Трифонъ, обращься, с воинствомъ своимъ на ны нападетъ, и побиетъ нас, и злато сие паки возметъ». — Фронътиний.*

92. О АЛЕКТОРѢХЪ И РЯБЦѢ*

Нѣкий человѣкъ в дубравѣ излови рябца и повелѣ ему ходити на дворѣ своемъ с курицами его и купно с ними питатися. И тако тому в великой обидѣ сущу и печали живущу,* видѣ алекторовъ и куръ непрестанно между себе брань творящих, утѣши себе и рече: «Аще сии единаго рода брань меж себе имѣютъ, не дивно, аще и мнѣ, чюжеземцу, обиды творятъ».

Сице идѣже жители меж себе в несогласии великом и развращении[2], тогда пришлец тѣмъ можетъ в гонении утѣху и отраду прияти.

Сице бысть Ромулю,* здателю Рима-града. Ибо той бяше обрѣтенъ у нѣкоей рѣки и от поселянъ воспитаемъ[3], живяше посредѣ их во многомъ гонении. Он же чая себе того рода быти.

Егда же видѣ меж има непрестанное несогласие и брань и увѣде, яко от рода есть преизящна[4], доблественѣ[5] вся претерпѣвъ, дондеже прииде время, в не же достиг сана царска и правитель бысть народа Римска. — Виргилий.*

---

[1] обратятся, устремятся; [2] раздорах; [3] выкормлен; [4] именитого, высокого; [5] мужественно.

93. О ЛОВЦѢ И ЖУРАВЛЯХЪ*

Нѣкий человѣкъ имяше на селѣ своемъ пшеницу ростущу, яже к жатвѣ достиже. Той же пшеницѣ гуси и прочия птицы различнии вред творяху. Человѣкъ же той разгнѣвався, постави многия сѣти, да уловитъ птицы, своя злотворцы.

В нощи же той* в первых незапно увязе журавль. Ловецъ же емъ[1], нача его умерщв*л*яти. Журавль же моли его, глаголя: «О друже благий! Почто хощеши убити мя, ничтоже тебѣ зла сотворша? Ибо не аз пшеницу твою снѣдахъ, но гуси и прочия птицы». Ловецъ же рече: «Не вѣмъ аз сего, ибо тя в сѣти своей обрѣтохъ».

Тѣмъ являя, яко хотящии зла избѣжати, таковымъ подобаетъ дружитися со благими, а не со злыми человѣки, ибо прилѣпляющемуся со злыми зло его и срящет[2].

Наипаче сего сотвори мучитель Неронъ, ибо той убиваше многия, на нихже малое мнѣние или досаждение имѣ. Увязе в сѣтех его и Оран*ий*,* братъ Сен*еки*-философа,* *учителя Неронова.* И той моли его, да не предастъ его смерти, зане не бяше повиненъ никоему же злу. Но ничтоже преуспѣ, зане абие убиенъ бысть. — Ксифи*ли*н*ий*.*

94. О ВОЛКѢ И ОВЦѢ*

Нѣкий гладный волкъ видѣ овцу на травѣ пасячую, наскочи на ню, хотяше ю яти. Овца же видѣ волка грядуща, убѣжа в село, в нѣкую пустую храмину, ищущи спасти животъ свой. Волкъ же, во храмину вшед, убояся, да от человѣкъ не будетъ убиенъ, — пр*е*иде[3] и скрыся до нощи.* Во храмине той и тако овца от волка спасеся.*

Тако и злии человѣцы не щадятъ крови праведных и не спятъ, дондеже погубятъ я́ гладом злобы своея. Их же злоба такова есть превосходна, яко забыти имать страх свой (в неже сами могутъ впадати), — точию себе утѣшая пагубою, иже погубити ищутъ.

Сице бысть во Иерусалимѣ нѣкоторымъ воемъ римскимъ кесаря Тита Весп*а*сианова.* Ибо *егда* кесарь той всѣмъ воинством своимъ на град наступи, тогда во градѣ томъ евреи и прочии, иже не возмогоша противитися, внидоша во храмъ Господень. За ними же вбѣгоша воини римския и абие, егда храмина запалися, мнози от воин тѣх погибоша. — Иосиф Флавий.*

---

[1] схватив; [2] встретит; [3] миновал.

95. О ЮПИТЕРѢ И О ЗМИИ*

Молниодержецъ Юпитер нѣкогда вечерю велию сотвори и созва протчия клевреты своя.* Звѣрие же сия слышавше, кождый принесе Юпитеру дары своя.

Прииде и змия и принесе во устѣх своих Юпитеру [1]цвѣт рожаный[1]. Юпитер же дара ея не приятъ, мняше во цвѣтѣ томъ благовонномъ ядъ смертен сокровенъ быти. Того ради ю от себе отгнати повелѣ.*

Сице, аще кто хощетъ Господу Богу служити, подобаетъ с чистымъ сердцемъ ему работати; тако, аще кто хощетъ дары у кого прияти, да хранится яда лукаваго в тѣх сокровениихъ.*

Сице бысть Александру-царю.* Ибо егда речеся[2], яко той хотяше пояти себѣ супруги, многия от стран различных великия дары принесоша ему.* Он же от нѣкоих дары не приятъ, их же от себе отгнати повелѣ. Зане видѣ, яко сердцемъ лукавымъ к нему приидоша, глаголя предстоящимъ ему: «В сих дарѣх яд смертный сокровенъ есть».* — *Афиней.**

96. О ЮПИТЕРѢ И О ПЧЕЛѢ*

Мать мѣдоточных пчелъ нѣкогда вземь медъ и принесе Юпитеру в даръ, моляше его, да дастъ ей силу в соблюдении сладчайшаго своего сокровища: да егоже[3] уязвитъ — смертию умретъ.

Юпитер же рече ей: «Даръ, еже принесла еси ко мнѣ, любезно приемлю. А еже ми дати тебѣ такую вредную[4] силу, на сие отвѣщаю: зане ищеши от злобы сердца своего иных губити, сие же да будетъ: да егоже от человѣкъ уязвиши, — смертию умреши».

Тѣмъ являя, иже молятъ Бога о отмщении врагов своих, не точию сего получаютъ, но злобу собираютъ на главу свою.

Тако восхотѣша мстити апостоли Господни. Ибо егда тии приидоша во град Самарийский* и тамо я́ не прияша, но много зла имъ сотвориша, — возвращшеся, молиша Господа, да повелит огню с небесе снити и таковыя жители погубити.

Господь же не точию сотвори воли их, но рече имъ: «Не вѣсте, коего духа есте вы». — Лука, глава 9.*

[1—1] цветок розы; [2] было возвещено; [3] тот кого; [4] причиняющую вред

97. О КОНѢ УКРАШЕННОМЪ И ВЕПРѢ*

Нѣкий конь учрежденъ[1] бяше на брань, видѣ вепря в калѣ и во всякомъ смрадѣ валяющася, ругася ему.* Вепрь же глагола коню: «О бѣднѣйший коню! Почто хощеши на войну изыти и самоволнѣ себе на смерть и всякия бѣды предати?»

Конь же рече вепрю: «О окаянный и смрадный вепре, иже вся дни своя в калѣ провождаеши и животъ свой ту скончаваеши! Аз же аще умираю, обаче со славою в полѣ, и храбростию неприятельския пробиваю полки, и с великою славою и побѣдою возвращаюся!»

Тѣмъ являя, яко мнози лѣнивии от всякия похвалы себе отчюждаютъ и хвалам[2] злословятъ достойных человѣкъ. И блаженъ, иже гроб свой от всякаго злословия можетъ соблюсти.

Якоже конь сей, тако отвѣща воевода афинский Фемистоклъ* Адиманту-ипату[3].* Ибо егда Дарий, Перский царь,* с великим воинством приближися земли гречестѣй и Адимантъ видѣ Фемистокла с велиею радостию себе на брань готовяше, подивися ему и рече: «Како ты с радостию на вольную смерть готовишися?» Он же отвѣща, рече ему: «Лучше ми с честию во брани живот свой скончати, нежели с поношениемъ и укоризною, якоже тебѣ, во градѣ жити». — Плутархъ.*

98. О КОНѢ И ОСЛѢ*

Ослу идущу на работу свою, срѣте коня, зѣло гордостию превознесенна и утверженна[4] со оружием на брань, нача ему глаголати бѣдное свое и раболѣпное[5] житие и рече: «Аще бы и аз тако питаемъ был и от работы свобожденъ, возмоглъ бы и азъ, якоже и ты, во храбрых подвигахъ быти».

Егда же видѣ посемъ коня во брани посредѣ оружия подвизающася и многими ранами уязвляема, возвратися, рече: «Не хощу нынѣ дѣло коня носити, но в прежнѣй своей работѣ довлѣетъ ми пребывати».

Тѣмъ являя, яко ниже честь, ниже богатство человѣка в мирѣ семъ творятъ блаженна, но блажен той, иже даннымь ему от Бога довольствуетъ.

Яко конь сей, таковъ гордъ бяше Дионисий-мучитель[6],* ибо той никогоже пощадѣ, но всѣх купно уничижаше и кождому страшна себе творяше.

---

[1] снаряжен; [2] славе, славным делам; [3] военачальнику; [4] предназначенного, снаряженного; [5] рабское; [6] властитель.

Егда же мучительства ради сей из града изгнанъ бысть, посихъ на торжищи и позорищи[1] питашеся играниемъ, идѣже от всѣх поруганъ и посмѣваем бысть. — Ал*иа*н.*

99. О ИНДИЙСКОМЪ ПЕТУХѢ И ПЕТЕЛѢ*

Нѣкий петелъ* видѣ на дворѣ своемь пришедша петела странна[2], от предѣл индийскихъ, гордостию непрестанно надымающася зѣло на нь,* нача негодовати и на брань его воззва. Пришедшу же, зѣло яростно начаша братися.

И тако много биющимся имъ, не можаше индийский пѣтел мира от другаго получити, но повсюду гонимъ бяше, дондеже вселися во ино мѣсто искати себѣ покоя.

Сице обрѣтаются мнози народи такимь безчеловѣчиемъ и грубостию одержими, иже не попущаютъ иностранну у себе водворятися и трудами своими питатися.

Тако сотвориша нечистивии гаваонити* левиту* и женѣ его, хотящимъ во градѣ их обнощевати. Ибо жену его яша и насильство ей сотвориша. Левиту едва отбѣжати могущу.* — Книги Судей, глава *19*.*

100. О ПОЛЕВОЙ И О ГРАДСКОЙ МЫШИ*

Нѣкая полевая мышь позва в домъ свой градскую мышь и нача ея угощевати плодами полевыми, обаче не такимъ изобилиемъ, яко же градская обыкла ясти. И отпусти ю.

Градская же, хотя долгъ свой воздати, позва к себѣ полевую во град, имяше бо жилище свое в нѣкоемъ погребѣ, идѣже всякимъ изобильством питашеся. И оную мышь богатою трапезою угости.

И абие внезапу вниде ключарь в погреб, нача за ними гонити. Градская же утече во свою нору; полевая же не вѣдяше гдѣ скрытися, бѣгая во всѣ страны, — ключарь же ю бия, — еле живу остави утекшу.*

Посемъ ему отшедшу, изыдоста обѣ мыши от язвинъ своих, полевая же градской рече: «Не хощу с тобою быти и трапезы твоей насыщатися, зане аще аз сладкихъ пищей и не имамъ, но обаче без печали хлѣбъ свой снѣдаю».

Сице человѣцы, иже в нищетѣ со удовольствомъ жив*у*тъ, всякаго покоя, т*и*шин*ы* и спасения сподобля*ю*тся. Живущии же въ пространьствѣ[3] и бо-

---

[1] театральной арене; [2] чюжестранного; [3] привольном довольстве.

гатьствѣ причастни суть не точию великому падению, но и многимъ бѣдамъ и тяжкимъ грѣхомъ.

Яко же сия полевая мышь (аще и доволно питашеся, но во градѣ лакомъствовати восхотѣ), сице сотвори лакомый *Апиций*-римлянинъ.* Ибо той аще всякое довольство имяше, обаче сладкихъ ради пищей с великимъ страхованием чрез море в Минтирскую страну* и во Александрию отплы. Егда же тамо по своему желанию ничтоже обрѣте, паки возвратися в Римъ. — Сен*е*ка.*

101. О СТАРОМЪ ЧЕЛОВѢЦѢ И О СМЕРТИ*

Нѣкий старецъ иде путемъ, нося на рамѣ своемъ тяжкое бремя, от него же зѣло утрудися. И сѣде при пути, зѣло стонати нача и горко рыдати, яко по вся дни живота своего* даже и до старости своея не возможе покоя себѣ получити. Сего ради возжелѣ лучше умрети, неже в такихъ трудах жити,* и возопи: «О смерте приятнѣйши! Услыши мое моление, прииди скоро изими мя, суща стара, от труда сего!»

Смерть же абие услыша глас его и со оружиемъ своимъ к нему притече, хотяше восхитити его. Старецъ же, видѣвъ ея, зѣло устрашися и рече: «Не сего ради молих тя, да восхитиши мя. Но да сотвориши ми милость — в сих тяжкихъ моих трудѣх споможеши мнѣ сие бремя нести».

Тѣмъ являя, яко аще по единой бѣдѣ приидет тяжчайшая — и мы о смерти вопиемъ; пришедши же ей, аще и в бѣдѣ, обаче еще жити просимъ.

Сице бысть Антистену-философу.* Егда той впаде в тяжкий недугъ и не могущу ему тяжкой болѣзни терпѣти, возжелѣ лучше умрети, нежели в болѣзни такой пребывати.

Сие же слышав, философ Диогенъ* абие притече к нему с ножемъ, яко бы хотя его заклати. Тогда Антистенъ возопи: «Пощади, пощади мя болѣзней ради моихъ!» — *Лаиртий*.*

102. О ЕЛЕНИ ПИЯНОЙ*

Нѣкоей елени обычай бяше выну во пиянствѣ пребывати. И в нѣкое время напившися ей, хотя дрѣво прескочити, преломи себѣ ногу.

Тѣмь научая всѣхъ гонящихъ[1] пиянства и поработивших себе Бахусу и Цереси,* яко, наполнившии себе пиянствомъ и объядениемь, какие плоды по-

[1] предающихся, придерживающихся.

семъ от таковыхъ наслѣдуемъ? Не всякое ли зло, и нечистоты и блудодѣяние, свары и убийства, и крамолы и злообразие? — ибо тогда преизряднѣйшее создание, егоже Богъ подобообразием своимъ украси, самовольнѣ претворяемся в подобие всякаго скота, зане вино, постигши злыми своими пары во главу, отгоняетъ человѣкомъ разумъ, память, смыслъ, слово, силу и срамъ. И бываютъ таковии пияницы ови подобни нечистымъ псомъ, овии дивиимъ медвѣдемъ, овии же смѣхотворнымъ пификом, инии же скверным свиниям и прочимъ подобнымъ симъ.* Сего ради подобаетъ кийждому, наипаче христианину, от сих отвращатися и воздержаниемъ себе хранити.*

Подобнѣ бѣ сей елени побѣдоносный карфагенский воевода Анибалъ. Ибо егда той достиже до страны Кампанейской,* и нача пити тоя страны сладкая вина, и многий вред от неприятелей пиянствомъ своимъ себѣ сотвори. И овогда[1] едва спасеся от неприятелей.

Егда же таковый вредъ узрѣ, преста и [2]к тому[2] не восхотѣ отнюдь вина вкушати. — Пл*у*тархъ.*

103. О ДВУ ПУТНИЦѢХ И О МЕДВѢДЮ*

Идущимъ нѣкогда двумъ человѣком и учинили меж собою завѣтъ друг друга николиже никаких ради бѣдъ и случаев смертных оставити. И *во* утверждение купно меж себе братство сотвориша.*

Глаголющим же имъ, притече медвѣдь и наскочи на ня. Един же от обою убѣже и на древо взлѣзе, другий же абие паде, аки бы мертвъ лежаше. Медвѣдь же пришед к нему, об*о*нявъ его и, мня яко мертва, отъиде.

Клеврет же его сниде з древа, вопроси его: «Что медведь глагола с тобою?» Он же исповѣда: «Глагола мнѣ: оставлю тя невредна, да вѣрнѣйша друга, паче оного человѣка, обрящеши».

Тѣмъ *являя*, яко всякий другъ при бѣдѣ познавается. Яко же злато и сребро огнем искушается, тако и другъ в напасти, ибо скорѣйши снѣжнаго разстаянья лестный[3] друг в бѣдѣ отступаетъ. И не точию, аще на тя бѣда, но аще той благоденствие и славу обрящетъ, и тогда тя знати не хощетъ и тя вопроситъ: «Кто еси ты?»*

Сего ради нѣсть ничто же дражайша на земли друга вѣрна, и благочестива и правдива.

*Та*ко сотвори иногда[4] ипатъ *А*лцибиадъ.* Ибо хотяше искусити други своя, сотвори нѣкое тѣло изваянное и повелѣ облещи во одѣжду и кровию окровавити и в нѣкое мѣсто дому своего положити.

---

[1] *здесь*: однажды; [2—2] больше; [3] притворный; [4] однажды.

Во утрии же созва други своя и рече имъ, плача: «Се аз согрѣших: убих человѣка невинна, его же тѣло лѣжит в дому моем. Сего ради молю вас, аще зло постигнет мя, не оставите мене». И показа имъ мнимое тѣло человѣческое.

Они же, страхомъ содержими, оставиша его вси, кромѣ нѣкоего Каллия.* Алцибиад же того единаго от всѣх истинна себѣ друга быти позна, прочих же лестных обрете.* — Полиний.*

104. О ВОЛКѢ СО СВОИМИ СВИДѢТЕЛИ НА ОВЦУ*

Нѣкогда волкъ оклевета пред *судиами* овцу, глаголя, зане яко должна бяше ему и николиже восхотѣ заемное возвратити. Овца же от судѣй испытася, та же великим кламство*м*[1]* глагола, яко николиже от волка взаимъ взя.

Волкъ же представи лжесвидѣтели: пса, ястреба, коршуна, — и судиямъ довольно сребро даде, иже невинную овцу осудиша волку, елико той рече, отдати.

Сице мнози человѣцы злѣ творятъ лжесвидѣтельми ближнимъ своимъ, принуждающе судей сребромь на изречение неправедное. Но горѣ таковымъ, тако творящимъ, идѣже праведнаго осуждаютъ, неправеднаго же оправдываютъ мзды ради, — ибо сами тяжкий суд от Господа Бога восприимутъ.*

Сице сотвори *Ю*гурта со Адерб*а*ломъ* в Римѣ. Ибо егда *А*дербалъ судей о отмщении на *Ю*гурту моли (яко брата его,* безвинна суща, уби и наслѣдие его похити), тогда *Ю*гурта судей сребромъ довольно одари, иже виннаго *Ю*гурта оправдиша. И не точию месть за убийство брата его сотвориша, но и имѣние братние от него отъяша. — Сал*ю*стий.*

105. О ОСЛѢ И О ТРЕХЪ ГОСПОДИЕХ ЕГО*

Осел работаше господину своему — нѣкоему вертоградарю. И той аще не тяжкое что, точию овощи на осла возлагаше и во градѣ продаяше. Осел же о сем зѣло оскорбѣ, ибо мняше, яко той работѣ всѣх тяжелше быти, — моли Юпитера, да избавитъ его от сего человѣка и дастъ ему иного господина.

Той же ему даде каменосѣчьца. И той тяжчайшая бремена на него возложи, — еще же моливщу ему, и от сего избавитися.

Посемъ оселъ данъ бысть кожевнику,* и той вящею тягостию паче прежнихъ того обремени.

---

[1] клятвами, божбою (?).

Осел же сие виде, нача в себѣ глаголати: «Како безуменъ бых и яко юрод ся сотворихъ! Почто перваго своего господина премѣних, у негоже имѣх житие благо? Нынѣ же от непостоянства своего зло мя постигло. Пребуду же у сего, да не злѣйше мнѣ будетъ!»*

Сице бываютъ нѣкотории человѣцы: аще и благо от Господа Бога получаютъ, тѣмъ не довлѣютъ себе, но ищутъ лучших. Посемъ обрѣтаютъ себѣ тяжчайшая и от единыя премѣны входят в другия, злѣйша себѣ творятъ. И потомъ, раскаявшеся, в недоумѣние и во отчаяние впадают, проклинающе свое непостоянство.*

Подобнѣ обрѣтается в житии мучителя Дионисия Юнаго.* Сего бо на пути срѣте нѣкая вдовица и рече ему: «Да во благополучении пребудеши на долгия лѣта!» Он же вопроси ю о винѣ глагол сих.* Она же повѣда ему:

«За лѣта многа живущи ми во области Дионисия Стараго. Его же ради злаго жития и мучительства оставих домъ мой, искахъ иного господина. И обрѣтох того злѣйши перваго.

Посих и сего оставих, шед искати иного, — обрѣтох третияго, злѣйша обоих первых.

Посемъ приидох во град сей, идѣже ты начальствуеши, чая тя первых лучша быти. Обаче вижу тя и всѣх злѣйша и мучителнѣйша первых. Того ради умыслих пребыти здѣ, да лютѣйша тя не постигну».

106. О КОЗЛѢ И О ЛИСИЦѢ*

Нѣкогда иде лисица с козломь искати чреву своему насыщения или нѣкое приятное напоение. Идущим же имъ, приидоша к нѣкоему погребу, идѣже лежаху многие сосуды с питием. Рече же лисица: «Идем и возвеселимся в погребѣ семъ и, напившеся, возвратимся».

И вшедше, внидоша в погреб, идѣже довольно насытившеся. И посемъ рече лисица козлу: «Время намъ возвратитися, да некако пси нас увидят и растерзають, или страж сего погреба увидит нас, — и поимаютъ и убиютъ. Сего ради стани у прага сего, и аз въспрянувъ на выю тебѣ и осмотрю: нѣт ли кого, иже *бы* нас моглъ уловити».

Козел же, не вѣдая лукавства лисицы, тако и сотвори. Абие лисица ис погреба по немъ воспрянувъ и козлову безумству посмѣяся,* а его в погребѣ без помощи остави.

Тѣмъ научая, аще кто ушеса своя предастъ ко глаголомъ лукавых человѣкъ, и той в неотъемныя бѣды себе въвергаютъ и животъ свой в немъ погубляютъ.

107. О МЕДВѢДЕ И О ПЧЕЛАХ*

Нѣкогда прииде медвѣдь ко ульямъ пчельнымъ, хотяше себе сладкимъ медомь насытити. Опровергшу же ему кошницу их, абие нападоша на него пчелы и нача*ша* уязвляти его, яко еле живу ему отбѣгнути.

Тѣмъ научая, яко хотящии похитити имѣния чюждая сами всегда в напасти себе ввергають и животъ свой бѣднѣ скончаваютъ.*

108. О ЖЕНѢ И О КУРИЦѢ*

Нѣкая убогая жена* имяше в дому своемъ курицу предивну, яже госпожѣ своей на кийждо день даяше златое яице. От сего же жена та зѣло обогатися, но тѣм не удоволи. Златолюбием велиимъ одержима, рече к себѣ: «Аще ми сия курица на кийждо день дает яйцо златое, вѣмъ, яко и тѣло ея от злата есть. Сего ради имам ю убити и наипаче обогащуся».

И віземъ нож, и закла ю. Но ничтоже обрѣте, кромѣ смраднаго тѣлеси ея.

Тѣмъ научая, яко нѣцыи человѣцы не довлѣютъ уроками[1] своими, и ищутъ высокая[2] и в тѣх своих мыслѣх великое иждивение[3] творятъ. Обаче посемъ лишившеся вся имѣния своя, ничтоже кромѣ тщетных труды обрѣтают.

Сице сотвори Дионисий-мучитель.* Ибо той николиже довляше себе данми подданных своих,* но выну тяжтяйшая бремена на ня возлагаше, дондеже погуби[4] купно подданныя, державство и богатство свое собранное и в нищетѣ послѣдней бѣднѣ скончa животъ свой. — Пл*у*тархъ.*

109. О ЛЬВѢ, О КОРОВѢ, О ОВЦѢ И КОЗ*Л*Ѣ*

Нѣкогда лев сотвори с коровою, овцею и с козломь крѣпкий соузъ, да купно идутъ на ловъ и, аще что уловятъ, на ровныя части* кийждо раздѣлитъ.

Идущим же имъ, уловиша елень. И приступи левъ, рече: «Первая часть есть моя, зане царь есмь всѣмъ звѣремъ. И вторая моя есть, зане в ловлении пред всѣми вами превосхожду. И третия часть мнѣ же достоит взяти за труды моя, сотворенная в ловитвѣ. О четвертой же части, аще кто хощетъ, да сотворимъ брань со мною, и от пазноктей моих да отъиметъ».

---

[1] доходами; [2] значительно большего; [3] затраты; [4] лишился, утратил.

Тѣмъ являя, яко кождому подобаетъ остерегатися союзы или заговоры[1] составляти с сильнѣйшим себе, зане силный уловление дѣлит по воли своей. Сие же и о марниях[2]* и рѣзоимателѣх[3] именуется, иже похищают лихвы[4] от ближних своих вяще жидовъ и кромѣ[5] залоговъ сугубых клевретамъ своим, в бѣдах сущимъ, ничтожъ взаимъ дати не хотятъ.

Такий злый губителный лихоимецъ бяше цесарь Римский Кай Калигула. Ибо той не точию всякими образы имѣния жителей римскихъ отъимаше, но и принуждаше кождаго от гражданъ и поселян, яже не имяху чада, писати духовныя и того наслѣдником имѣний своих творити. А иже чада имяше, и той принужденъ бѣ такуюжде часть имѣния своего ему дати, якоже и единому от чад своих.

Повелѣваше же имъ духовныя своя писати во время живота своего, здравымъ сущимъ, — да получит имѣния ихъ часть. Посих же отравою умерщвляше, глаголя, яко не подобаетъ человѣку тому со живыми пребывати, иже себе к смерти приготова и духовную написа. — В «Житии кесарей».*

110. О ГОРѢ, ХОТЯЩЕЙ РОДИТИ*

Бяше нѣкая гора зѣло высока, яко верху ея достизати паче высоты облакъ. И нача зѣло колебатися и трястися. Прочия же горы о семъ дивишася и рекоша: «Истинно хощетъ сия родити подобную себѣ гору».

Сие же слышавше, людие стѣкошася, да чюдо оное узрят.

Егда же прииде рождение ея, роди малую мышъ. Зрящии же зѣло посмѣяхуся горѣ оной и ругахуся, глаголюще: «Како гора сия великая по толиких болѣзнехъ *точию* роди малую мышъ?»

Сие же научаетъ, яко многия обрѣтаются людие, иже зѣло во словесѣхъ себе возвышаютъ: овии хвалятся премудростию, овии же богатъством, инии же мужествомъ и силою, инии же художествомъ. Обаче всякий человѣкъ в дѣлѣ познавается.

Сице сотвори Агесилай, царь Греческий.* Ибо той хотяше брань сотворити со окрестными его и славу велию повсюду разшири о себѣ, яко многия и безчисленныя рати собра.

Сие же слышавъ царь Тахусъ,* бояся, да некогда пришед, его разорит, прииде в Грецию ко Агесилаю. И не обрѣтшу ему ничтоже, развѣ малых людей, Агесилаю посмѣяся и рече к нему: «Се гора великая восхотѣ родити — и роди мышь».*

---

[1] сообщества, товарищества; [2] лихоимцах (?); [3] ростовщиках; [4] проценты прибыли; [5] без.

111. О ЗАЙЦАХЪ И О ЖАБАХЪ*

Бысть нѣкогда, преидоша на зайцов пси, и многия от них растерзани быша, прочия же отбѣгоша.

И прибѣгшим имъ к дубравѣ, вѣтръ крѣпокъ бысть, древеса начаху шумъ велий испущати. Они же паки бояхуся и во ину страну отбѣгоша.* И совѣтъ сотвориша: да купно стекшеся, во блатину себе ввергнутъ,* — глаголюще, яко «лучши есть намъ умрети, нежели жити в непрестанном гонении и боязни».

Хотящим же имъ во блатину коврещися,* сѣдоша на брегу жабы, устрашишася зайцевъ, помѣтахуся в воду. Заичий же вождь рече клевретомъ своимъ: «Не бойтеся! обрѣтохомъ звѣрей, иже насъ устрашишася. *Их же* мы во храбрости превосходимъ!»

Тѣмъ являя, яко страшливыя, егда обрящутъ кого себе боязливѣйша, тогда мнят — подобна в мужествѣ себе *не* быти, и таковымъ вс*лѣ*дъ текущимъ велие мужество себѣ являютъ. Егда же гонящие[1] обрящутся, паче тѣх возвращеся бѣгаютъ.

Паче сих зайцевъ страшливѣйший бяше кесарь Клавдий.* Ибо той егда ядяше, повѣле всѣмъ воемъ своимъ вооружати себе. И приступльшимъ к нему *с* яковым молениемъ или хотящим глаголати к нему, повелѣваше воину тѣх осматривати, аще не имутъ сокровенна оружия под ризами своими.

И егда нѣкто рече к нему, яко человѣкъ нѣкий хотяше убити его, и́ тако устрашися, яко восхотѣ оставити царьство. И достиже до такова мнѣния, яко затворися во храминѣ своей и никого, развѣ единаго от ближнихъ своих, к себѣ пускати повелѣ. — Савел*л*ий.*

112. О СЛОНѢ И О ЗМИИ*

Нѣкогда шествующу *слону* в пустыни,* нападе на нь [2]змий великий[2] и нача слона лютѣ терзати и ранами великими уязвляти. Слонъ же великия ради своея тяжести боронитися не возможе, паде и змия сотре. И тако оба скончашася.

Тѣмъ научая, яко мнози злии человѣцы нападают на клевреты своя и многое имъ зло творятъ. Тии же, аще погибель свою видятъ, соизволяютъ лучше умрети с неприятели своими, нежели въ гонении жити и своею смертию купно врагов своих погубляти.*

---

[1] *здесь*: убегающие, гонимые; [2—2] дракон.

Сице сотвори Сампсонъ* филистиномъ.* Ибо аще самъ сокрушися опровержениемъ храмины, обаче многи погуби, якоже о семъ пишетъ в «Книгах Судей Израилевыхъ» — глава 16.*

113. О ПЕТЕЛѢ, ОБРѢТШЕМЬ КАМЕНЬ ДРАГИЙ*

Нѣкий пѣтелъ, ища в земли пищу себѣ, обрѣте драгий адамантъ[1] и рече в себѣ: «Что сотворю с каменемъ симъ драгимъ, зане снѣсти его не могу? Довлѣет же ми обрѣтшая зерна, имиже насыщаюся».

Тѣмъ научая, яко преизлишняя украшения человѣком зѣло вредятъ, наипаче таким, иже себе украшаютъ, домашния же своя раби гладомъ и хладомъ морятъ.*

Подобнѣ, яко сей петелъ отверже драгий камень, сице отвергаютъ мнози несмысленнии всякое учение, имже могутъ добродѣтели стяжати и совершенна человѣка сотворити.

Яко петух сей, сице в *Перу* и *Японии* народи творятъ.* Ибо аще тии много злата, сребра и драгих каменей стяжаютъ, обаче ни во что же вмѣняютъ, глаголюще, яко «кромѣ злата и сребра живы быти можемъ, кромѣ же хлѣба животъ нашъ не может состоятися».

Кратесъ-философ,* велие богатство стяжавъ, вверже все в море и рече: «Лучше мнѣ, да злато от мене погибнетъ, нежели злато мя погубитъ!»

114. О ЛЬВѢ, И ПЕТЕЛѢ, И ОСЛѢ*

Нѣкогда левъ обрѣте петела и осла стояща. Петел гласом великимъ возгласи, и лев устрашися гласа петелева, нача бѣжати.

Оселъ же мняше, яко его устрашися, побѣже вослѣд его и льва гоняше. Лев же видѣ себе от осла гонима, обратися и осла растерза.

Тѣмъ научая, яко в гонении никому же досады творити не подобаетъ, зане возвращеся таковии обычай имѣютъ благотворящимъ и злотворящимъ велия воздаяния: благимъ — добрая, злым — злая, — творити.

Такии ослии бяху цымбри.* Ибо егда воевода римский Марий обрѣте мѣсто ополчению своему, но от лучей солнечных неудобно ему ту стояти, хо-

[1] бриллиант.

тяше преити на ино мѣсто, — сице же видѣ цымбрии, мняху, яко устрашися ихъ, нападоша на ня. Он же возвращься, велиею силою емъ я́ и побѣди. — Фронти*ний*.*

115. О ЧЕРЕПАХѢ И ЗАЙЦѢ*

Нѣкогда черепаха со зайцемъ велий залогъ сотвори, иже от нихъ перво во град достигнет. Заецъ же нача черепахе смѣятися, яко похвалися залогъ с нимъ сотворити, зане в шествии своемъ медлено ползаше.

Се же имъ сотворшу, черепаха во всю нощъ непрестанно идяше. Зайцу же медлящу: «Аще начну с полуночи бѣжати, то прежде черепахи во град достигну».

Черепаха же рано во град достиже, зайца же не обрѣте.

Тѣмъ являя, яко мнози дѣла своя с великимъ поспѣшениемъ, не обмыслясь, начинаютъ и прежде совершенства, во умѣ себѣ льстя, чают все получили. Сего ради подобает во всяких дѣлах прежде начинания добрѣ обмыслитися и потомъ я́ с тихостию начинати и [1]не славою[1] к совершению приводити.*

Подобнѣ творяша Ганибал,* воевода карфагенский, и Фабий Максимий,* вождь воинства римского.* Ибо Ганибалъ во вся начинания своя бяше скоръ и зѣло поспѣшен, Фабий же *тихъ* и ничтоже кромѣ долгаго совѣта не творяше. Ганибалъ, надѣяся на свою храбрость, многия *дѣла* скоро *и* несмыслено начинаше, Фабий же, аще что начинаше, мужествено намѣрения своя совершалъ. Сего ради Ганибал принужденъ бяше исповѣсти, яко Фабий долгими своими вымыслы[2] скорѣйше дѣла своя совершаше, нежели онъ скорымъ поспѣшением творилъ. — В «Житии Фабии».*

116. О ОСЛѢ, НОСЯЩЕМ ПИЩУ*

Нѣкий осел носяше в кошницѣ на хребтѣ своемъ сладкия пищи. Сам же, питаемь острымъ терниемъ и напоямь водою нечистою, николиже сподобися ясти пищей, носимых на хребтѣ своемъ.

Сице бываетъ в мирѣ: многия люди, *иже* тяжчайшия работы подъемлютъ, таковии вящий глад терпятъ, и рукодѣльный человѣкъ егда хлѣб свой во изобилии получити можетъ? А тунеядцы выну во изобилии пребываютъ.*

[1—1] не тщеславясь, не похваляясь; [2] размышлениями.

Того ради глаголется: идѣже в работѣ вящая тягота, ту глад, и оскорбление, и бѣдная нагота.

Не лучше сего осла бяше кесарь Валериянъ,* егоже ятъ во брани царь Перский Сапор.* И аще носяше имя цесарское,* обаче егда той перский царь хотяше сѣсти на коня своего, принужденъ бяше Валериянъ выю свою наклонити и быти ему вмѣсто подножия. Еще же питаше его пищею зѣло грубою[1]. И тако животъ свой с нуждою сконча. — Савеллий.*

Подобнѣ же и Темир-Аксакъ сотвори Баязиту, салтану Турскому.*

117. О БАБРѢ[2] И ЛОВЦѢ*

Нѣкий ловецъ поятъ от бабра чада его. Пришедшу же ему в гнездо свое, чад своих не обрѣте, погна вслѣд ловца. Его же достигъ, нача ловецъ метати по пути зеркала, — в него же бабръ лице свое пять крат видѣ, мняше, яко чада своя обрѣте. Егда же от ярости разби зерцало, меташе ловецъ другое, дондеже отбѣже.

Сице прельщаются мнози от диавола. Ибо той уловляетъ человѣческия души, метая имъ по пути мира сего богатства, чести, саны* и тѣмъ ослѣпляше очи их сердечныя, души же ихъ в вѣчныя погибели относитъ.

Тако сотвори Амазий, царь Египетский.* Ибо той похити от Камбиса, царя Перскаго,* дѣвицу прекрасну и убѣже. Камбисъ погна вослѣд его, и той остави на пути дѣвицу едину, подобную той. И тако от Камбиса убѣже.*

118. О КОЗѢ ГОРСКОЙ И ЛОВЦѢ*

Нѣкоему ловцу много по горам гонившу горскую козу, пригна ея на самый верхъ высокия горы, отнюду[3] же никакоже отбѣжати возможе. Сие же коза видѣ конечную бѣду свою, рече в себѣ: «Лучше мнѣ аще и умрети, однако же мстити могу врагу своему, да некако убиетъ мя и возрадуется погибели моей».*

И обращся, свержеся з горы на ловца, и тако себе и врага своего сокруши.

Тѣмъ являя, яко не подобаетъ неприятеля своего пригоняти в крайния бѣды, зане той, егда аще и свою погибель видитъ, потщится тя с собою погубити.

---

[1] *на полях*: худою; [2] барсе, тигре; [3] откуда.

Сице погибе славный воин К*ай* Луц*ий*.* Сей убо егда гоняше нѣкоего воина, римлянина суща, именем Плота,* иже всякими образы искаше отбѣжати рукъ его. Но видѣ, яко убѣжати не возможе, обращся, пад всею силою на супостата своего и того уби. — Валерий.*

119. О ЕДИНОРОГЕ И О МАЛОЙ ПТИЦѢ*

Нѣкий единорогъ* видѣ малую птицу на древѣ сѣдящу, приступи к ней и нача рог свой зѣло хвалити и паче всѣх животных превозношати, яко в сокровищах царских не имѣютъ дражайша рога его, — его же сила человѣка исцѣляет от всякаго яда смертнаго.

Птица же отвѣща ему, глаголя: «Вѣмь, яко истинну глаголеши. Обаче непрестанно во страсѣ и трепетѣ живеши. Аз же всегда в покое пребываю, и никто живота моего не хощет убити и не тщится. Ты же выну в пустыни и в мѣста безводная водворяешися, да некако от ловец уловленъ будеши».

Тѣмъ научая,* яко лучьше человѣку в мирѣ жити во удовольствѣ вседневнаго хлѣба, нежели в богатьствѣ и пространствѣ великомъ, зане богатый николи же изнадеженъ[1] живота своего.

Егда Кресъ богатый* пред всѣми себе зѣло превозношаше и хваляшеся о славѣ и множеств*е* богатства своего, рече ему философ Солонъ,* глаголя: «Аще аз не имамъ такова богатьства, якоже ты, обаче и страха такова не подлежю, якоже ты».

120. О РИНОЦѢРѢ И СЛОНАХЪ*

Нѣкий звѣрь риноцеръ[2] идяше путемъ, всрѣтишася ему слонъ. Он же воспять *не* возвратися и отбѣжати от него не восхотѣ,* но нача братися с ним и побѣжденъ бысть.

И вопроси его слонъ, глаголя: «Безумне, почто насъ издалеча усмотрив, не отбѣжал еси и живота своего не соблюл?»* Он же рече: «Аз на се родихся, яко подобает ми со враги моими брань сотворити. И лутше ми есть умрети, нежели от супостатовъ моих бѣгу ятися».

Тѣмъ являя, яко во бранѣх лучше есть с клевреты своими купно* битися и честно умрети, нежели срамно тѣх оставя,* бѣгу ся яти.

---

[1] известен, уверен; [2] носорог.

Яко же риноцеръ сей, сице сотвори римский воин *Ми*ций Скавола,* иже предаде себе посредѣ врагов своихъ и мужествено многия побѣди. Яту же ему бывшу, вопросиша его: чесо ради предадеся таковому страхованию? — отвѣща: «Зане римлянинъ есмь, их же свойство — всякие, наипачей страхи за свое отечество презирати, аще бы точию неприятелемъ своимъ сотворити могли какую напасть». — Ливий.*

121. О КОРАБЛѢ И КИТѢ*

Кораблю нѣкоему по морю плывшу, прииде к нему рыба китъ и нача его хвостомъ бити. Людие же зѣло устрашишася и начаша кита молити, да престанетъ корабль бити, — и ввергоша ему в море нѣкия праздныя сосуды. Он же нача ими играти, и корабль неврежденъ отъиде.

Тѣмъ научая, яко лучше человѣкомъ с малою вредою быти, нежели многаго лишитися.

Сице сотвори Римский цесарь *Никифоръ.** Ибо той егда наступи на него Перский царь* силою великою, не готову ему сущу, — и нача многия грады и области его себѣ покоряти. Цесарь же видѣ себе и людей своих в великомъ страховании, даде царю перскому тритцать сотъ тысящь златицъ[1], да отступитъ от него, и кромѣ сего на кийждое лѣто по *30 000* златицъ.* И тако спасе люди и землю *свою* от пагубы.

122. О ВОЛѢ И ЛИСИЦѢ*

Нѣкий волъ величества своего ради тѣла возгордѣся* и посла лисицу, да соберетъ всѣх звѣрей к нему, мняше бо никоего себѣ подобна быти.*

Пришедшим же всѣмъ зверемъ, приведе лисица и лва, иже пришед, разгнѣвася на вола и растерза его.

Тѣмъ являя, яко не подобаетъ человѣку гордостию воставати на государя своего, зане таковии вси погибают лишениемъ чести, имѣний и живота своего.

Сице сотвори Иулий Цесарь.* Ибо той, егда себе диктатора сотвори* и всю *власть* сенаторевъ римских* отъя, *и* все, еже восхотѣ, творяше,* яко не дерзаху тии кромѣ соизволения его никоего совѣта совѣщати.

---

[1] золотых монет, червонцев.

Во едино же время повелѣ единому рабу своему всѣх сенаторевъ позвати, еже и сотвори. Купно же повелѣ быти Цымбру* и Брутону,* мняше, яко тии едини могутъ Иулия убити и ему[1] часть благополучия своего надѣлити. Еже и сотворися, зане в видѣнии прочих сенаторов от сих триех Иулий в соборищи их убиенъ бысть. — Светоний.*

123. О КОТѢ ИНДИЙСКОМЪ*

Нѣкая жена, одержима недугомъ,* совѣтъ приятъ от врачев,* яко каломъ кота индийского исцѣление прииметъ. Она же пришед и моляше кота, да дастъ ей от кала своего. Той же никако восхотѣ.

Жена же та постави сѣти и кота оного улови. Его же уби, желаемое получи.*

Тѣмъ являя, яко иже ближнему своему кромѣ своего вреда можетъ сотворити помощь и не сотворитъ, сей посем всякия помощи лишается и в вящия бѣды впадаетъ.*

Сице бысть врачю Демоцидию.* Ибо егда той от Дария, царя Перскаго,* молимъ, да сочинитъ ему исцѣления врачевства и от болѣзни его избавитъ, той не восхотѣ, прошаше великих даровъ. Дарий же разгнѣвася, повелѣ врача сего немилостивно бити и во оковах связати, дондеже его здрава сотворит, — еже посемъ и бысть. — Свидий.*

124. О КУРИЦѢ И ЯСТРЕБѢ*

Нѣкогда ястреб великимъ недугом одержимъ бѣ и, видѣв курицу, моли ю, да милость сотворитъ и от болѣзни подастъ ему отраду[2]. Курица же рече ястребу: «Лутчи есть видѣти тя мертва, неже жива, зане егда умреши, птенцы моя без страха имутъ по городу ходити».

Тѣмъ являя, иже супостату своему помощь содѣваетъ, посемъ от него зло во благодарения мѣсто приимаетъ.

Сице кромѣ всякия помощи оставленъ бысть начальникъ Миробедъ,* иже великий бяше мучитель и человѣкогубитель и многия грады и веси разори и кесарю Тиверию многое зло сотвори.

---

[1] *т. е.* посыльному; [2] облегчение.

От нѣкоих же супостат побѣждену бывшу и многое воинство изгубившу тому, посла к Тиверию просити о помощи. Тиверий же рече: «Лучше тя вижу без силы, нежели в силѣ, и лучше мертва, неже жива, зане тогда извѣстенъ могу и безстрашенъ от тебе быти». — Вельсерий.*

125. О ВОЛѢ ДИВИЕМЪ*

Нѣкий волъ дивий прохождаше в зимѣ дубравы, ища во время великия стужи себѣ пищи. Нѣкий же человѣкъ сего вола видѣ, вопроси его, аще хощетъ ему служити? Вол же отвѣща, рече ему: «Аще ми даси одежды* и хощеши мя кормити, то и работати тебѣ имамъ».

Человѣкъ же той вонзе ему в ноздри кольцо и приведе его в домъ свой и работати ему повелѣ.

Тѣм же научая, яко *добро* есть человѣку воля, но не кождому, зане многи в волѣ прокормити себе не могутъ.* Тѣмже[1] лучше есть ради пищи и одѣжды иному работати, нежели в воли от гладу и хладу погибати.

Подобно есть еврейскимъ рабомъ, ибо тии работаху господемъ своимъ седмь лѣт, — таковии посемъ волю получаху.* Хотящи*м* же имъ паки служити господемъ своимъ, таковымъ ушеса пронзаху во свидѣтельство, яко предахуся таковии в работу даже до смерти господамъ своимъ. — Глава 15. 2-закон*.

126. О ПИФИКЕ И ПОПУГАИ*

Нѣкий попугай прѣние сотвори с пификомъ, глаголя, яко различными языки можаше глаголати. Пифик же похвалися, яко можетъ от человѣкъ научитися и всякое художество, подобнѣ человѣкомъ, творити. Сие же восхотѣ дѣломъ попуга*ю* явити, иде в мѣсто, человѣкомъ в водѣ мыющимся, ятъ бысть.*

Ему же попугай зѣло посмѣяся.

Тѣмъ являя, яко подобает человѣком от младости обучатися в таких учениях, иже бы в старости не точию могли препитати, но и в чести препроводити.*

Подобнѣ сему *Фалес* Милесский* другу своему похвали свое учение и яко многимъ языкомъ изученъ бяше. Другий похвалися, яко зѣло бяше обученъ

---

[1] поэтому.

яко подобает строити дѣла воинския, и яко потребнѣйше сие бѣ человѣкомъ, нежели много различныя языкъ учение его.

Егда же посем бысть глад крѣпокъ во странѣ той, Фалес выну от учения своего довольство имяше, другу же его гладом страждущу.

127. О КЕ*Н*ТАВРѢ И ЖЕНѢ*

Нѣкий *кен*тавръ видѣ жены, мыющихся в рекѣ,* нападе на ня и едину от них ятъ. Женѣ же той не могущу от него свободитися,* соизволи лучше живот свой скончати, нежели чистоты своея лишитися, — сама себе смерти предаде.

Тѣмъ научая, яко лучше есть человѣку умрети, нежели тѣло свое нечистотѣ предати.

Тако сотвори славная и чистая жена Камана,* яже во градѣ ята бысть и красоты ея ради ведена бысть х киру[1] Синор*акс*у.* И егда видѣ, яко сей хотяше с нею блуд сотворити, сама ядомъ лютымъ смерти предаде ся. — В*е*лсерий.*

128. О КОРКОДИЛѢ И МЫШЕ*

Насыщися некогда коркодил человѣческия плоти, и от ядения увязе ему много мяса в зубах.* Прииде же к нему мышь,* нача его молити, да соизволитъ ей в зубах его увязлое мясо очистити, да тѣмъ себе напитает, а его от болѣзни избавит.*

Коркодил же сему быти поизволи[2]. Она же в челюсти ему очистившу, вниде и во чрево его, егоже и прогрызе и коркодила умертви, аще[3] от него и благодѣяние приять.*

Тѣмъ научая, яко подобает кождому человѣку опасну[4] быти, кому добро творити и с кѣм дружество составляти.*

Сице сотвориша ипату Ала*х*ию.* Ибо той егда *взя* велики*й* градъ Тицыний* и в том градѣ пребываше выну, прииде же к нему, яко же мышь сия, нѣкоторый хитрый муж от начальникъ града того* и рече ему: «Господине мой, почто выну, якоже в темнице, во градѣ семъ пребываеши? Сего ради изыди и повеселися на поли и в дубравѣ и паки возвратися. Град же в соблюдение своимъ предай».

---

[1] властителю; [2] позволил; [3] хотя; [4] осмотрительным, осторожным.

Сие же сотворшу ему, той начальникъ воемъ Алахиевы побите повелѣ и град затвори, и самого внити возбрани. — Велсерий.*

129. О БАБРѢ И ЗАЙЦѢ*

Заецъ видѣ нѣкогда бабра идуща и яко той бабр хощетъ похитити его, поругася бабру. И надѣяся на свою быстрость, прескочи ограду, мняше, яко неудобно бабру постигнути его. Бабръ же разгнѣвася за поругание зайца, ят и растерза его.

Тѣмъ научая, яко с большим себе ругатися и тому посмѣяватися не подобает,* но выну поступа[1] супостата своего соглядати.

Ибо якоже заецъ сей, сице сотвори царь Конколитанъ* римляном, зане той многия пакости градом и весемъ[2] римскимъ сотвори. На него же послаша римляне храброго своего воеводу Емилия* с воинствомъ многимъ. Конколитанъ же царь не убояся, наругашеся римляном. И ста на едином мѣстѣ, ожидаше пришествия их, надѣяся на силу и величество крѣпости своея. Но обаче от римлян побѣжден и убиен бысть. — Велсерий.*

130. О СТРОФОКОМИЛѢ И СОЛОВЬЕ*

Строфокомил[3] к соловью пришед, нача себе хвалити, яко надо всѣми птицами первенство ему имѣти не точию величества ради тѣлесе своего, но яко перия его употребляютъ человѣци знаменитии на главах своих. Соловей же хваляся, яко изрядных ради своих пѣсней повсюду от всѣх любимъ бяше.

Тѣмъ являя, яко кождому человѣку Господь Богъ своя дарования даде и кождому животу свои даровашася, обаче вся человѣком в потребу.*

Пишут о кесарѣ Дометианѣ,* обычай сему бяше в позорища[4] своя призывати служащих ему. И тако прихождаху к нему художники с художествы своими прехитрыми: стихотворцы с стихами, ритори же с орациями; борцы же брахуся, глумлители такожде свое художество являху — и кийждой приношаше дарование свое. — Матфей Радеус.*

---

[1] возможные поступки, намерения; [2] поселениям, селам; [3] страус; [4] театральные арены.

131. О НѢКОЕЙ СОБАКѢ*

Нѣкоему псу имѣющу во устѣх мясо, иде чрез воду по мосту и видѣ подобие свое в водѣ, мняше, яко видит другаго пса, несуща часть мяса же. Хотяше и тую похитити, абие отверзшу ему устнѣ, паде мясо от устъ его в воду. И тако той и подобие его — обоя мяс лишишася.

Сице случается таковым, иже непрестанно ищут большая* имѣния, имѣюща довольная, гонятся *за преизлишним*,* — таковии овогда в руцѣх имущая лишаются, а иже ищут не обрѣтаютъ.

Тако бысть Крассу-римлянину.* Той бо имяше многое довольство злата и земли и всякия потребы. Восхотѣвшу же ему получити вящая сокровища. Слыша о богатствѣ парфянъ, иде во страны оныя. И ничтоже тамо обрѣте, но и своего имѣния лишися. — Пл*у*тархъ.*

132. О СОСТАРѢВШЕМСЯ ЛВѢ*

Нѣкий лев вельми состарѣся, яко не возможе на ловли исходити.* Прихождаху же к нему многия звѣри, их же нача молити,* да во старости ему помощь сотворят. Они же, помянуша, колико зла им сотвори и колико сродникъ их растерза, овии бияху, овии досаждаху ему и различное зло ему творяще, глаголюще: «Во младости своей злѣ жил еси, нынѣ злѣ погибнути подобает ти!»*

Тѣмъ научая, яко всякому человѣку подобает, дондеже млад, богат и славен есть, и в силѣ пребывает, и егда еще многия други своя имат, тогда себѣ и наслѣдником своим таковыя благи други и своя дѣяния да оставит, — да состарѣвся или нашедшу ему бѣдѣ, помощь и утѣшение обрящет.*

Сице сотвориша князи в Сиц*ил*ии.* Ибо мучительством и гонением велие досаждение подданным своимъ сотвориша и никое же милосердие показати восхотѣша. Егда же тии собрашася и тѣх мучителей изгнаша, тогда от всѣх оставляеми во г*л*адѣ во алчбѣ погибоша.* — Пл*у*тархъ.*

133. О ПТИЦѢ ФИНИКСѢ*

Повѣдают нѣции,* яко во Аравии обрѣтоша птицу, юже Финиксомъ нарицают и во всем мирѣ единой такой быти, сказуют.* И состарѣвшу той по многих лѣтѣх,* восходит на высокую гору, идѣже собирает хврастие и благовонныя

вещи, иже от лучей солнечных запаляютца. Тогда и Финиксъ огню предается и згарает.

Посем ис того пепела исходит малый червь, который паки до таковыя же птицы возрастает.

Тѣмъ научаетъ, яко кождому християнину подобаетъ тако же любви Божии огнемъ разжегши, оставити стараго человѣка з дѣянии его и в новаго облещися.

Яко же птица сия Финиксъ, собрав благовония, яже от солнца зазжены бывши, сама себе огню предает, из ея же пепела паки иная раждается, сице и Спаситель нашъ Господь Иисусъ Христосъ вольной страсти и смерти крестнѣй предадеся, на немже, яко во пламени, смерти вкуси и посихъ в третий день паки, безсмертенъ сый, от мертвыхъ воста. — От святых отецъ.

134. О ЖАРАВЛѢ И ЛЕБЕДѢ*

Нѣкогда журавль прииде к лебедю и обрѣте того во старости глубокой, обаче велиимъ гласомъ пѣсни воспѣвающа. Вопроси его о винѣ радости его. Лебедь же отвѣща: «Сего ради весело воспѣваю, зане вижу, яко смерть ми приближается. Аз же дни своя в печали изжихъ. Того ради веселие обрѣтаю великое во отходѣ сего многомятежнаго* и плачевнаго жития».

Тѣмъ являя, яко блаженъ человѣкъ, иже от сего жития во Господѣ умираетъ, зане от скорби времянной в радость вѣчную вступает.

Сице мнози от святыхъ* во время исхода души своея от тѣла радость великую и веселие являли, яко бы на нѣкую вечерю царскую званнымъ быти имъ, ибо, оставиша здѣ всякую печаль, скорби и тѣсноты, гонения, от смертнаго сего многонавѣтнаго и мрачнаго* живота в безсмертие отходят.

ИЗ «ВЕЛИКОГО ЗЕРЦАЛА»

О ДВУ КУГ*ЛЯРАХ*[1], КАКО ЕДИНЪ ПОКАЯСЯ И ДРУГАГО КОВАРНЫМЪ ОБРАЗОМЪ СПАСЕ

Повѣствуетъ святый Августинъ:* быша нѣцыи содружебни себѣ и совокуплени едино*н*равными лукавыми дѣлы два друга, влачащеся между человѣкъ и лукавно омрачающе и прелщающе многихъ. Един убо тѣхъ покаяся и от подруга своего отлучися и в нѣкоей ямѣ или в вертепѣ, юже обрѣте *в лѣсѣ* скрыся *и* много лѣт живя, творя жестокое покаяние и зѣло сотворися добродѣтеленъ. Подругъ же его удивляшеся отшествию его и не зная, [2]камо ся дѣ[2], всю ону землю обшедъ, подруга со тщаниемъ ища. Услышавше от нѣкихъ, яко человѣкъ нѣкий в таковомъ и таковомъ мѣстѣ во ономъ лѣсѣ крыется в пещере, нача мыслити глаголя: «Егда сей есть другъ мой?» Тече же немедленно, прииде же, провождаемъ нѣкиими до мѣста, и видѣ, яко той есть, возрадовася и нача его лстити[3] и прелщати, сказуя, яко в мире велие гобзование[4], человѣцы же простѣйшии во нравѣхъ. «Аще, — рече, — ты изыдеши, многое купно с тобою богатство обрящемъ». Обаче оный, водружен сый во страсѣ Божии, никакоже к нему удобь приложися. Той же непрестанно и неотходно словесы из вертепа того извлача, и онъ, воспомянув на прежнее свое куглярство, то есть обманство, паче же мню сие от духа Божия бысть, домыслився не точию своего прелщения избыти, но и подруга своего уловити, и, отдавъ свою мысль за вымысл[5], якобы сложися к воли его, рече: «Аще можеши, брате мой, камень от устия отвалити и мене изъяти, поиду на первой[6] нашъ обычай с тобою». Ямина же та отвсюду заграждена, точию едино мало оконце имѣя, и то великимъ каменемъ покрывашеся. Возрадовася куглярь, яко уже обрѣте злый свой прибытокъ, вступи наверхъ, камень от-

---

[1] обманщиках; [2] куда делся; [3] соблазнять; [4] изобилие, [5] намерение; [6] прежний.

вали и подруга извлече. Возрадовашеся другъ другу и лобызастася, поидоша поминающе, како прежде человѣкъ престаша прелщати и како бы нынѣ *придобыти* на первыя дни в потребу *и киими* образы, дондеже пребудемъ. *И абие* ста иже в яминѣ бѣ пустынникъ и рече подругу: «Азъ, брате, забыхъ мешецъ сребра в вертепѣ еще перваго добытия, возратимся *и возмемъ*». И подругъ лакомый с радостью рече: «Возвратимъся, любезный мой *друже*».* И пришедше и паки ко оной яминѣ, рече подругу пустынникъ: «Брате, азъ, многими лѣты в вертепѣ сѣдя, силы лишихся. Сниди ты и в головах ложа возми мешецъ с сребромъ и изнеси». Той же немедленно в вертепъ спустися. Пустынник же со тщаниемъ на устие камень привали и кугляр*а* подруга своего добрым лукавством прелукова[1], сниде же ко оконцу, рече: «Возлюбленный мой брате и товарыщу, имемъ надежду в щедротахъ Божиихъ, и якоже азъ поправихся, такожде и тебѣ хощу. Молю ти ся, сѣди толико же и плачи за грѣхи, имиже прогнѣвахомъ Господа Бога, коварственным образом оболщающе братию нашу человѣковъ, ихъже подобаше бѣ яко самѣх себе любити. Мы же диавола любихомъ и по воли его служихомъ. Прошу, сѣди и кайся о злыхъ своихъ». Кугляр же, уповая, яко лукавнует, паки чая изыти, прося его да испуститъ. Пустынник же болма[2] вертепъ заключи и возвѣсти ему грѣхи, и воспоминая суд и муки, и увѣщая духовными словесы, и усердно ему от сердца служа и Господа непременно о немъ моля, но иже твердо постави, еже его не испустити, [3]напоминая ему[3]. Он же отперва гнѣваяся и лая, и помалу молитвами брата умилися, и благодатию Божиею во благую волю обратися, и тако оба в пещерѣ преподобно поживше, скончашася.

КАКО БОЯТИСЯ СУДА БОЖИЯ, МИЛОСЕРДЫЙ НѢКИЙ ЦАРЬ НАУЧИ

Писано есть, яко единъ нѣкий царь никогдаже в животѣ своемъ веселъ бысть, ниже когда осклабися[4]. Князи же его молиша царя того брата, да извѣстится от брата, о чемъ смущается и скорбитъ и в непрестанной печали. Царь же егда о семъ от брата услыша и рече, яко во оный день извѣстится ему. Повелѣ же сотворити ровъ глубокий и повѣлѣ углия горящаго до половины насыпати и над тѣмъ рвомъ поставити престолъ ветхий и иструхлявый. Над престоломъ же повелѣ повѣсити на тончайшей нити мечь острый голый, пред ним же повелѣ поставити столъ со множеством различныхъ брашенъ и драгаго вина. Призва же брата и посади его на ономъ ветхомъ и трухлявом престолѣ над онымъ углиемъ и четырех мужей с голыми мечи окрестъ его постави: единаго противъ сердца, другаго созади и дву от обою странъ, и всѣм повелѣ мечи к брату кождому от себя приложити. По семъ повелѣ мусику привести и играти. И рече царь ко брату: «Яждь, пий, радуйся и веселися». И рече ко царю братъ

[1] перехитрил; [2] крепче; [3—3] увещевая его; [4] улыбался.

его: «Како имамъ веселитися, яко отвсюду обстоимъ[1] лютыми: аще позрю на долъ, тамо огнь, аще горѣ — оттуду мечь хощетъ главу мою отсѣщи, и ниже обратитися смѣю на престолѣ семъ, да не разрушится и азъ впаду во огнь. От всѣхъ же странъ мечи мя хощутъ пронзити. И ни о чем же ми нынѣ, точию яко вижду всеконечную погибель». Тогда рече царь брату: «Якоже ты, сия зря пристройная не к погибели твоей, но к наказанию[2], пити и ясти не хощеши, ниже веселитися можеши, тако и азъ имамъ всегда пред очима моима: аще позрю умомъ моимъ горѣ, вижду тамо Судию моего, иже мя имать судити, свѣдущу ему вся моя дѣяния, емуже отдати число дѣлъ и словесъ и мыслей, и за та лютый и ярый отвѣтъ прияти. Аще ли позрю долу, помышляю огнь адский и муку лютую и всих осужденныхъ, с ними же и аз буду осужденъ, аще и во единомъ грѣсѣ смертномъ отъиду. Аще позрю за ся, вижду грѣхи моя, ихже пред Богом сотворихъ. Аще позрю пред ся, размышляю смерть мою, к нейже на всякъ часъ приближаюся, не вѣмъ же ни часа, ниже мѣста, како и гдѣ ми будетъ конецъ. Аще позрю на шуе[3], присмотряю, иже во дни и в нощи демони-врази ищутъ души моей и запинаютъ[4] избавлению моему. Аще позрю на десно[5], вижду аггелы Божия, иже ми благия мысли и благую волю подаютъ, ихъже азъ не приемлю и не творю. И егда все сие еже о мнѣ помышляю, никакоже в мирѣ семъ прелестном и на подкрадующемъ престолѣ моемъ веселъ быти могу».

О СЛАВѢ НЕБЕСНѢЙ И РАДОСТИ ПРАВЕДНЫХ ВѢЧНѢЙ

Нѣкий инокъ, совершенный в добродѣтелехъ, вниде в размышление, хотя свѣдати о славѣ небеснѣй и како тысяща лѣтъ пред Господемъ яко день единъ. И о семъ непрестанно пекущуся и молящуся усердно. И нѣкогда стоящу ему в церкви и о семъ размышляющу, видит: и се влетѣ нѣкий малый и зѣло прекрасный птищъ[6] и таков бѣ, иже к поятию человѣческаго разума непостижный. Инок же зѣло птищу удивися и желаниемъ уязвися, хотя разсмотрити красотѣ того, приближаяся к нему, и птищъ отлѣтая. И той шествуя по немъ и изыде внѣ монастыра. И бѣ ту, показася ему, прекрасных цвѣтовъ поле и древие пречюдное. И птищъ возлѣтѣ на древо и нача чюдно и сладкопѣсненно пѣти, яко в забытие приити иноку: не вѣдая, колико стоя, токмо радуяся и веселяся, зря птища красоту и оного чюднаго и цвѣтовиднаго поля, мняше же, яко между литургиею и трапезовкушениемъ премедлѣния. И тако птищъ той, пѣвъ, в неявление претворися, инок же обрѣтеся у врат монастыра и хотя внити, не познаваше вратника, такоже и вратникъ не зная его и не дая воли внити в монастырь, нарицая его странна инока. Инок же просяся и извѣствуя, яко точию по святѣй литургии на мало время внѣ монастыра изыде. Вратник же рече ему: «Нынѣ не

[1] окружен; [2] поучению; [3] налево; [4] мешают, [5] направо, [6] птенчик.

видѣхъ тя, когда еси изшелъ, ниже знаю тя, кто еси». И тако много о семъ прящымся онемъ. И нача молити старецъ, да извѣстит о семъ наставнику отцу игумену, и той возвѣсти. И прииде игуменъ ко вратомъ, нача его вопрошати, кто есть и коего жителства и обители. Старец же нача глаголати: «Азъ, отче, в сий день по святѣй литургии изыдох и точию мало время внѣ монастыра пребыхъ и есмь монастира сего». Игумен же рече: «Азъ тя не точию здѣ, ниже таковаго во окрестных лаврах, ниже в отшелницах когда видѣхъ». И инок рече: «Да ты ли, отче, онъ сий отецъ нашъ?» — имя рекъ того, иже при немъ бѣ. И рече игуменъ: «Ни, чадо, сий, о немже глаголеши, прежде многих лѣтъ бѣ, и, якоже повѣствуютъ книги, триста лѣтъ уже мину по смерти его. Но мню, яко от Бога совосходитъ о тебѣ к ползѣ нашей. Повѣждь о себѣ, кто еси и кая ти вина прилучися?» И нача старецъ все о себѣ подробну повѣст*во*вати, како живый во обители и прииде в размышление о сладости праведных по смерти и о славѣ небеснѣй, и что есть тысяща лѣтъ яко день единъ пред Господемъ, и како прекрасный и сладкопѣснивый птищ на прекрасное поле изведе его и в каковѣй радости и сладости слушая пѣния его. «И мнитъ ми ся, — рече, — яко не вящше трех часовъ, отнелѣже изыдохъ из сего святаго монастыра». Игуменъ же, прозорливъ сый, разумѣ, что ему бысть, удивися зѣло величию Божию и возрадовася душею, рече: «Преблаженъ еси, господине отче, великия благодати удостоился еси от Бога, еже видѣти славу и веселие праведныхъ, иже триста лѣтъ за три часа не вмѣниша ти ся». И восприемъ его, введе в монастиръ и созва братию и повелѣ паки вся яже о себѣ сказати. Сия вси слышавши, в радости и умилении начаша многи слезы проливати и тоя славы доступати болшия труды приложиша. Старец же оный святый пребы точию три дни и преставися в совершенную и вѣчную радость, яже уготова Богъ любящымъ его.

О ЧЮДНОМЪ ВИКЕНТИИ И О ПОХОТѢНИИ НА НЕГО НѢКОЕЯ ЖЕНЫ

Сей славный Викентий не точию добродѣтелми свѣтлосияненъ, но и тѣлесною добротою преукрашенъ, но паче добродѣтелей его ради от всѣхъ зѣло почитаемъ и любимъ словеснаго ради и сладкаго наказания[1] его. Бѣ же в томъ градѣ, идѣже Викентий епископствоваше, жена нѣкая величествомъ и свѣтлостию рода, тако и красотою зѣло великолѣпна. Сия убо от диавола подущена, зѣло разгорѣся похотию блудною на онаго Викентия, ибо нималого покоя ниже в души, ниже в тѣлѣ имѣ, но присно жегома[2] похотию злою, на всякий день и на оное мѣсто ходя, идѣже Викентий уча или гдѣ бы слышати или видѣти лице его. Викентий же, аще и многократно видя ю к себѣ приходящу, но сицеваго о ней не

[1] поучения; [2] сжигаемая.

разумѣ, помышляя бо, яко благочестивымъ помысломъ, хотящи слово Божие слышати, приходитъ, или якоже обычно благочестивым женам рабовъ Божиих почитати природною добродѣтелию.

Но она день от дне огнемъ к нему любви палима, что сотворити недоумѣваяся и по многихъ днех в распалении умысли притворною болѣзнию улучити желание, и яко иначе явити свою страсть и похоть к нему не возможе, и тогда ляже на одрѣ, якобы великимъ недугомъ и лютою скорбию[1] одержима, ни ядый, ни пия, и многи сродники и приятели в печаль приведе, показуя себе, яко послѣдняя страждетъ. И по прихождении врачевъ, не могущыхъ помощи, начаша совѣтовати, да исповѣдается пред иереом, да не кромѣ церковных тайнъ отъидетъ. Она же, якобы вину прия умышлению, нача ко своим глаголати, да призовутъ разсуднаго и добродѣтелнаго, могущаго сомнѣния грѣховъ разсудити, а наипаче всѣхъ повѣлѣ умолити Викентия. Викентий же токмо моление услыша, со тщаниемъ прииде и в храмину к болящей вниде. И вси изыдоша вонъ. Викентий же нача вѣщати словеса духовная, к покаянию воставляющая. Она же много стыдомъ и страстию борима, обаче пресили стыда похоть, нача бо глаголати: «О, любезный мой жалѣтвенниче, не тѣломъ убо аз болю, но помышлениемъ снѣдаема о красотѣ твоей, и люблю тя зѣло. И аще ты не умилосердишися и не даси ми себе насытитися, то, яко видиши, умру. Уже бо лѣто премину, яко огнемъ любве к тебѣ палима, и не точию сие сердце мое сокрушило, но не в получении твоемъ сама ся хотѣ*х* убити. Хотѣх же многажды сказати сие тебѣ, но возбраняше ми честь твоего звания. И по многомъ помышлении удобно разсмотрихъ, еже скорбию желаемое получити. Молю тя, умилосердися надо мною, да наслаждуся твоея доброты, и ты такожде моея красоты, се якоже видиши, колико лѣпо сие тѣло мое, и всю себе тебѣ отдаю». И сия рекши, покрывало тонкое, имже приоблечена, развергши, всю себе обнажи, притягая к себѣ Викентия. Святый же Викентий устыдѣся и удивися таковому распалению и безсрамию и, лютѣ возгнушася, нача плевати и поношати и Божиим Страшнымъ Судомъ грозити и много наказавъ, произвѣсти о себѣ, яко всего себе отдаде Богови, всякаго же любления мирскаго возгнушася. И сия изрекъ, со тщаниемъ из храмины избѣже.

Жена же, яко не получи по хотѣнию своему, умысли ложъ на святаго сшити и хотѣ к своимъ возопити, якобы неудобствова ю силою. Но всевидящее око сего не допусти: точию хотѣ возопити, и иже в ней ту проклятую волю роди, нападе на ню и нача ю лютѣ мучити злою болезнию. Услышавши же пред храминою бывшии, вскочиша и узрѣша, яко диаволомъ мучима, премногихъ заклинателей призываху и врачевъ привождаху, но ничтоже успѣша. Но той же врагъ к нѣкоему заклинателю гласомъ в ней рече: «Из сего моего дому никакоже мя изженете[2], точию аще приидетъ человѣкъ, иже посредѣ огня быв и не опалися». О семъ предстоящимъ недоумѣвающимся и совопрошающимся. И паки демонъ

[1] немощью; [2] изгоните.

рече: «Или согласистеся по Викентия послати, той бо человѣкъ добрый и премудрый». Возвѣстиша же сия Викентию и молиша его, да преклонится к милосердию и помолится Богу за ню. Он же много отрицаяся прииде, и егда во храмину вниде, возопи диаволъ: «Се прииде, иже во огни бывъ и не опалися, и прихода его ради не могу здѣ пребыти!» И изыде, а тѣло ея наполы мертво остави. И по семъ та жена покаяся, Викентия же наипаче в великой чести и славѣ людие имѣша.

КАКО НЕ ТЕРПИТЪ ВРАГЪ, ИДѢЖЕ СОЮЗЪ ЛЮБВЕ

Иде путемъ нѣкая жена стара, наиде юношу сѣдяща прискорбна зѣло и держаща на лонѣ мѣхъ[1], сребра полный. И вопроси его баба она: «Чесо ради прискорбенъ сѣдиши и о чемъ печалуеши?» Онъ же рече: «Сотвори ми сей человѣкъ, — имя рек, — многа зла. Азъ же за се хощу ему воздати, но не могу. Домышляюся между симъ и женою его *вражду вложити, но как — не вѣмъ*, аще убо и диаволъ есмь, но в словесѣх не имамъ художества, не могу сего сотворити, чесого желаю. Вѣм же, честная жено, яко глаголи твои дѣтелни[2]. Вдаю ти сребро сие, дабы ты сотворила, якоже ми годѣ». Баба же присягу от диавола взя, еже сребро ему дати ей: «Азъ, — рече, — по воли твоей сотворю».

Тогда она баба нача входити в домъ человѣка того, признася убо и ввѣрися, а и до сего знаема бѣ ему, и помалу нача женѣ шептати, глаголя: «Муж, — рече, — твой взаемное обѣщание от тебе разруши: видѣх азъ, — рече, — нѣкую девицу, к мужю твоему пришедшу, прия нѣкую одежду за дѣло нечистоты». К мужу же шедши, рече, сказуя: «Егда азъ быхъ у службы Божии и стоях в тайнѣ мѣстѣ, жена же твоя совѣщався на осквернение ложа с нѣкоимъ клирикомъ и назнаменоваше мѣсто, гдѣ имъ сшедшися, дѣло скверное содѣлати».

Таковый злыя бабы злый [3]начатокъ свады[3], егоже всякой злобы художникъ, диаволъ, многими лукавыми способы совершити не возможе, сия *баба* в кратком времени сотвори, купивъ тайно сама нѣкую одежду и посла к дѣвицѣ. Сия жена узрѣвши, бабы уже словами надхнена[4], все зло о мужи разумѣла; и егда на вечери[5] в печали ясти не хотѣвшу, мужу впаде *в сердце*, иже о клирикѣ в сумнѣние, о немже ему баба сказа, нача помышляти, и оттолѣ паче велий подзоръ[6] над жену возимѣ. И тако имъ пребывающимъ, паки же баба она припаде к женѣ, якобы ю зѣло жалѣя и хотяще видѣти с мужемъ во благосовѣтии, рече: «Знаю таковаго человѣка, иже направит житие ваше. Азъ же хотѣх вамъ добра, спрошах его о сем, онъ же мнѣ сказа, дабы ты у мужа тако могла своима рукама

---

[1] мешок; [2] действенны; [3—3] начало ссоры; [4] наущенная; [5] за ужином; [6] подозрение.

бритвою тайно брады устрищи и тѣ власы в яди мужу да подаси, и оттолѣ будетъ блудницы в ненависти имѣти, а тебе паки зѣло любити начнетъ». И жена хотящи, якоже и прежде любовь с мужемъ имѣти, положи сие во умѣ своемъ и ожидая, егда ляжетъ на ложи, сие улучити. Баба же прииде к мужу, сказуя, яко жена его, согласившися с клирикомъ, хощет его тоя нощи ножемъ погубити, да имѣетъ себе в осторожности. Прииде же убо нощъ, жена его тайно бритву имѣющи с собою, ляже, муж же лестно[1] спя. Она же потиху хотѣ власов устрищи, муж же ухвати за руцѣ, нача вопити велиимъ гласомъ. И принесоша свѣтилник, стекоша же ся сосѣди и сродницы позвани, бысть же распря и ропотъ великий. Муж хотя жену пред судию вести, сродницы же и сосѣди не дающе сотворити сего, вѣдуще житие чистое их. И бысть брань и ропотъ велий. Видѣв же *сия*, диаволъ рече проклятой оной бабѣ : «Азъ убо демонъ по естеству и попечение сие имѣх много лѣтъ, како бы мужа сего со женою свадити, — тритцать бо лѣтъ сего исках и не улучих, ты же сию брань не во многи дни сотворити возможе. Воистинну имѣеши особный язык адский и достойна тамо прияти свою мзду». И восхитивъ ю з душею и тѣлом, занесе во адская мѣста. Сия же вся дадеся увѣдати нѣкоему священнику, добродѣтелну сущу, иже пришед научи мужа и жену в первую любовь прии*ти*.

О ГОРДОСТИ, ИЖЕ БОГАТИИ ПОДРУЧНЫХ СВОИХ НЕ ХОТЯЩЕ ИМЕНЕМЪ ЗВАТИ, НО ГЛАГОЛЮТЪ «ПОЙДИ, ЧОРТЪ, ДИАВОЛ, БѢС»

Бѣ муж жития добродѣтелнаго и звания именитаго именемъ Стефанъ. Той убо нѣкамо ѣздя, от пути возвратися и рабичищу своему во гнѣвѣ рече: «Пришед, чортъ, розуй мя!» И егда точию изрече, начашася сапоги сами о себѣ с великою прыткостью и силою сниматися, и не точию голенищамъ трещати, но и костем Стефановымъ трескотати. Он же велиимъ гласом нача вопити. И на гласъ его стекошася человѣцы и ясно всѣмъ извѣстися, яко егоже воспомянувъ и егоже призва, тойже скоростию и нечестию сапоги содра. Но и сам той Стефанъ уразумѣ о семъ, зѣло ужасеся, нача звати: «Отъиди, отъиди, злый слуга и послушниче! Не тебе убо, но купленого моего раба неправедно позва*х*». И тако отъиде демонъ, сапоги же обрѣтошася в непристойномъ мѣсте, идѣже человѣцы испражняются. От сего показуется, како враг [2]тщаливъ к работѣ тѣлесниковъ[2], вящше сим к неудобству смыслъ подая, да их подкрадуетъ.

---

[1] притворно; [2—2] зорко следит за делами суетных людей.

О ВВѢРИВШЕМСЯ ПРИИМАТИ НА СОХРАНЕНИЕ И ЗАПИРАЮЩЕМСЯ

Купецъ нѣкий имѣ от всѣхъ добрую славу, и еже что от кого поручено, вѣрно храняше. Обаче[1] онъ умышлениемъ у инѣхъ крадя, инымъ же запираяся в положенныхъ. И нѣкий сосѣдъ его, слышавъ о немъ хвалу такову, даде ему на сохранение много злата и по триехъ лѣтехъ нача свое просити. Купец же, яко не бысть свидѣтелей ни писания, запреся с клятвою, глаголя, яко не знаетъ его положения, ниже вѣдаетъ о семъ. Сия той слышав, отъиде, печалуя зѣло.

И егда ему тако идущу, срѣте его престарѣвшаяся жена, нача вопрошати вины печали его. Он же рече: «О, возлюбленная жено, аще ти извѣщу, что имамъ приобрѣсти?» Она же рече: «Повѣждь ми, чадо, молю тя, да негли и от мене добръ совѣтъ обрящеши». Тогда той все свое злоключение повѣда *ей*. Она же рече: «Имѣеши ли коего приятеля себѣ?» Онъ же рече: «И многих!» Тогда жена рече ему: «Иди и рцы единому от сихъ, да сотворитъ с тобою милость и да купитъ ларцовъ и крабицъ[2], чюднѣ устроенных, и да наполнитъ тѣхъ камения и иных непотребных вещей и да привезетъ ко оному лакомому купцу и речетъ, яко со драгимъ камениемъ и златыми суть. Вѣдая же о немъ, яко человѣкъ правдивый и вѣрный, и якоже иныхъ приемля и храня, тако и того пологъ[3] да сохранитъ, и якобы ему самому ити в далечайшую страну. И егда той приятель твой о семъ с купцем, привезши тыя ларцы, начнетъ глаголати, ты того же часа пришедъ да начнеши просити своего, еже ему в вѣрныя руки препода. Имѣю надежду, яко той лакомый, взглядомъ[4] вящшаго приобрѣтения и добытку, и стыда ради и обѣщания ко оному, дабы его не отгнати и аки бы вѣру содержати, вѣмъ, яко все твое тебѣ немедленно отдастъ».

Человѣкъ же той прия совѣтъ от жены тоя и сотвори, якоже ему повелѣ: умоли нѣкоего друга, иже купи ларцовъ и крабиц, прекрасно устроеныхъ и с непотребными вещъми и камения накладе великаго, принесе ко оному лакомому и егда нача глаголати, яко на ину страну ѣдетъ, да прииметъ у него, яко вѣрный хранитель, пологъ той, тойже, емуже запреся, прииде ту и нача о своемъ глаголати, и точию назначи о вещи, отвѣща купецъ: «Вѣм тя, друже, и помню положенное мнѣ онаго времени, и се все вѣрно ти соблюдох, возми убо свое». И шед, изъя от сокровищъ своихъ, отда ему все и той взя свое, с велиею радостию отъиде, хваля Бога. Злый же оный купецъ и лживый блюститель вмѣсто добрых и многоцѣнных на лакомую свою главу великое камение обрѣте. Приемый же свое совѣтом жены по смерти тоя повелѣ ю в помянникъ написати.

---

[1] однако; [2] коробок; [3] залог; [4] ради.

О ЕЖЕ КАКО НѢКОЕГО ЛАКОМАГО СЕРДЦЕ ОТДАСЯ В РУЦѢ ДИАВОЛУ

Нѣкий лакомец и чрезмѣрный любитель сребра егда множество сокровища собра, не хотѣ милостыни подати, ниже что Бога ради сотвори. И тако живъ, наглою смертию умре. Совѣтоваша же сродницы и друзи его, вложи бо ся имъ от Бога: повелѣша утробу его прорѣзати и сердце его осмотрити, и кое прилучение[1] напрасной его смерти. И егда разпороша, сердце его в немъ не обрѣтеся. Сия же видѣвши, зело удивишася. И по мале времени поидоша в клѣти его, идеже сокровища, да препишутъ имѣние его. И егда открыша лутший ларецъ, в немже сребро многое, и обрѣтоша сердце его ту. Диаволъ бо во образѣ великаго змия свився, на сердцы его сѣдя, и на многия части разторгася. Рече же к нимъ диаволъ, иже й зряху: «Се сердцу заплата от сребра и злата. Мнѣ бо друг вашъ прода его и мое есть, и волю мою творю в нем». Они же, се видѣвше, со страхомъ отбѣгоша.

О СМЕРТИ НѢКОЕГО БОГАТАГО

Старецъ нѣкий прииде во град продаяти рукодѣлия своего. Прилучися же ему сѣсти при вратѣхъ нѣкоего богача, тойже от жития своего отходит. Зритъ старецъ: и се кони ворони, и сѣдящии на нихъ черни суть и зѣло страшнии, имуще жезлы огненни в руках превелики. Пришедше же ко вратом храмины, ссѣдоша и спѣшно к болному идоша. Болный же, яко узрѣ сих, нача страшно звати: «Помози ми, Господи Боже мой!» И тии ему рекоша: «Нынѣ ли воспомянулъ еси Бога, иже во все житие свое никогда боялся его, оскорбляя сиротъ и подручныхъ? Забылъ еси его и не искалъ, егда день свѣтяся, нынѣ ли хощеши искати, егда уже солнце заиде? Не возимѣеши убо части ни надежди, ниже коея утѣхи, якоже от Господа Бога иным преподадеся». И тако вземши душю, занесоша во адъская мѣста.

О ПИАНИЦѢ, ИЖЕ ДУШЮ ПРОДА ДИАВОЛУ

Нѣкиимъ пианицам сѣдящымъ в корчмѣ, и во многихъ речениихъ, иже между собою глаголаху, и се рекоша: «И что будет и како душам, отшедшым отсюду?» Тогда единъ пианица рече: «Всуе о душахъ слово сие, попы [2]лукуют над нами[2], иже возвѣщают душамъ жити по семъ, хотяще *себе* к желанию имѣния симъ придобыти». Сие слышавше, прочии начаша смѣятися. И тако имъ сѣдя-

[1] причину; [2—2] обманывают нас.

щымъ и пиющымъ, и вниде в корчемницу нѣкий человѣкъ здравый образомъ, и силный, и великий и сѣде съ ними купно. Повелѣ же корчмиту поставити добраго вина и пити начаша обще. И нача вопрошати, о чесомъ совопрошахуся, и отвѣща оный пияный, емуж смѣяхуся, рече: «Глаголахом о душахъ, но аще бы кто мою душю хотѣлъ купити, не постоялъ бы продати, и елико бы за сию восприялъ, то отдалъ бы за всѣхъ васъ за вино корчмиту».

Сия слышавше, начашя смѣятися, послѣди же пришедый рече: «Азъ таковаго продавца ищу и купити хощу. Рцы, кую цѣну возмеши?» И пианица, перстомъ к щекѣ щолкнувъ, рече: «За толико!» Купецъ же изявъ изо чпага[1] сребра и положи вину цѣну, и пияху вси, никоего же попечения возимѣша и великими сосуды обношахуся. Егда же прииде вечер, рече пришедый послѣди и купивый душю у пияницы: «Часъ приспѣ, еже ми к себѣ поити, но донелѣже не разыдемся, судите: аще кто когда коня купит, оный же будет на уздѣ, и аще узда нѣсть того, иже его купитъ, вѣсте, яко и со уздою коня поемлет купивый». И отвѣщаша купно вси: «Тако есть!» Сия слыша, оный бѣдный, продавый душю, нача от страха яко листъ трепетати. Купецъ же, злый древний змий, восторже и восхити из среды всѣхъ и поднесе горѣ, видящымъ всѣмъ и душю и узду, то есть тѣло, отнесе в тартаръ в вѣчную нестерпимую муку, бѣ бо древний ратникъ — диаволъ во образѣ человѣчи. Кто бо купитъ душы? Точию той.

О ЕЖЕ КНЯЗЬ НѢКИЙ ДИВНОЕ ПОКАЯНИЕ СОТВОРИ И ВСЯ ДЕМОНСКИЯ ПРИЛОГИ[2] ПОБѢДИ

Бѣ нѣкий благонравный и святыхъ обычаев иерей, живый внѣ града, добродѣтели же его ради, и чюднаго жителства, и к чадомъ духовнымъ наказания и исправления отвсюду человѣцы притекаху, хотяще его пастыря себѣ имѣти. И нѣкогда во святый и великий постъ стичющимся к нему покаяния ради множество народа. Тогда узрѣвъ се, князь онаго града вопроси их, камо и чесо ради грядут толико народа собравшися. Извѣстиша ему, яко ко оному святому и чюдному иерею исповѣдати пред нимъ грѣхи своя. Князь же слышавъ сия, нача в себѣ помышляти, глаголя: «Яко мнѣ, паче всѣхъ согрѣшшу, удобѣе бы себѣ такова искати иереа и врачевства на грѣхи, понеже есмь грабитель, и губитель, и грѣшникъ пред Богомъ и ближними — братиею моею всѣми человѣки». И от сего помышления паки во ину мысль прииде, глаголя: «Можетъ ли мнѣ что, такову сущу грѣшну, покаяние помощи?» Обаче первая мысль его превзяся, поиде ко оному доброму отцу иерею грѣхы своя исповѣдати. Прииде же и припаде и исповѣдаяся, и рече ему той добродѣтелный отецъ: «Подобает ти, чадо, восприяти лекарство на струпы грѣхов твоих — епитимию. И что хощеши? Можеши ли,

[1] кармана; [2] козни.

яко церковь прия, пят на десять лѣт заповѣданное мною понести?» Онъ же рече: «Аще милость твоя разсмотрит о мнѣ, яко не могу». Иерей же рече: «Аще седмь лѣтъ?», и потомъ: «Аще три лѣта?, и по семъ: «Аще три месяца?» И князь рече: «Не могу, отче святый, обыкший в слабостяхъ моихъ ни сего понести». И рече отецъ: «Аще можеши покаятися чрез едину нощъ, единъ во храмѣ, иже пред градомъ, побдѣти в томъ за отпущение грѣховъ и пребыти в сокрушении сердечнѣмъ?» И князь едину нощь во храмѣ томъ пребыти восхотѣ. Священникъ же, наказавъ его и остави в церкви оной, отъиде. Князь же, егда вниде во церковь, нача в себѣ помышляти: «Лучше мнѣ покаятися нынѣ от сердца, нежели егда предвосходити начнет конечная немощь». И ста пред олтаремъ в сокрушении сердца, прося отпущения грѣховъ своих.

Егда же бысть вечеръ глубокий, видѣ нѣкто от святых демоновъ от всея страны тоя собрашася, и рече единъ всих старѣйший: «Лишихомся друга нашего великаго, аще пребудет в замѣренном покаянии, а вѣсте вси, яко нашъ бѣ. Да потщит же ся кто из васъ сие сотворити, да или разслабився или устрашится и оставя покаяние, избѣжит, и аще тако сотворим, то вящши наш будет». И паки рече: «Есть ли между нами таковый, иже бы его смышление изгнати возмоглъ?» И отвѣща единъ: «Аще повелиши, азъ его изжену[1]». И той рече: «Иди!» И демонъ премѣнися в призракъ сестры его, юже князь почитая и любя, и все повелѣнием и совѣтомъ ея творя, понеже бѣ зѣло добра и мудра. В таковѣй фантазии прииде же демонъ в чину и урядѣ княжском ко церкви, слышащу князю, и вниде в церковь, нача глаголати: «Брате любезный! Како сицевое безумие сотворилъ еси? Всяко бо и инѣмъ образом Бога милостива сотворити имаши. Здѣ же в таковом храмѣ и в пустѣ мѣсте, не имѣя слугъ, ни обороны, како смѣеши стояти? Вѣси же, елико ненавидящихъ тя имаши, пришедши бо, на части разсѣкутъ тя. Но изыди, молю тя, изыди! Аще ли же не послушаеши мене, то не имѣй мя отселѣ сестру себѣ». И отвѣща князь: «Даде ми ся за епитимию, еже пребдѣти во храмѣ семъ сию нощъ. Аще ли же не сотворю, то отпущения великихъ моихъ грѣховъ не приму. Отъиди, сестро, не стужай ми, никако убо отселѣ, аще и убитъ буду, не отъиду». И демонъ, много мечтався, возвратися посрамленъ и сказа сия вся старѣйшему, глаголя: «Твердѣйши камени человѣкъ оный сотворися, и вѣмъ, яко преодолѣти сему всѣми нашыми силами не возможемъ».

Слыша сия, иный уничижи подруга своего и рече: «Азъ поиду и того часа низложю его». И претворися во образъ жены его и на руку имѣя яко сына его и издалеча вопия, яко женамъ обычно. И прииде во церковь, распростерши власы, плачющи горко, глаголя: «Како ты един от всѣхъ, не имѣяй печали о насъ, мене и чадо оставя, здѣ скрыся? Приидоша бо ненавидящии нас, градъ твой взяша *и* богатство разграбиша, людей плѣниша, азъ же едва возмогла безобразно[2] с сыномъ утещи. Престани от начинания твоего и со оставшыми поже-

[1] изгоню; [2] без урону.

ни во слѣдъ враговъ твоих и в нечаянии ихъ тебе одолѣеши имъ и свое возвратиши. Аще ли же не изыдеши, то камо ся дѣнемъ? Но сама ся убию, а сына твоего пред тобою о *по*мостъ разшибу!» — и верже мнимаго сына о помостъ. Но князь никакоже умышлением врага склонися, но и мнимой женѣ, яко и сестрѣ отвѣща. И отъиде демонъ с горестию и со студомъ посрамленъ, возвѣщая умыслъ лукавый, но не полученъ. И старый рече: «Побѣждени убо есмы отселѣ, но дабы еще кто от насъ покусился одолѣти толикую крѣпость?» И рече нѣкий: «Азъ премудрѣе всѣхъ умыслихъ». И старый повелѣ.

Той же злохитрие свое нача творити: слышит князь — и се буря страшная воста, и громи и молнии убивателнии с небеси, и начася храмъ от бури колебатися, и от молнии храм весь возгорѣся, и сквозѣ стѣны прогорѣ, окрестъ же храма демони вси собрашася, вопиюще: «Идите, идите, помозите, помозите!» И в церковь текоша, глаголюще князю, яко бы человѣцы из града на отъятие притекоша: «Изыди, княже, господарю нашъ! Изыди, да не туне сожжен будеши и яко самоубийца осудишися!» И князь рече: «Никако убо отсюду, аще и сгорѣти имамъ, не изыду, за повелѣниемъ бо отца и пастыря моего. Аще бо и умру, надежду имамъ, яко от руку Господню благая приму». Сие слышавше, демони исчезоша посрамлени, князь же видѣ, яко ничто же бысть, удивися.

И паки начаша демони совѣтовати, дабы кто покусился от насъ еще и коему взяти на ся подобие попа, иного же яко понамаря и вшедъ в церковь и повелѣ понамарю во звонъ ударити, яко ко утрени. Самъ же мнимый попъ вожже свѣщи и яко узрѣ князя ярымъ окомъ, рече: «То како убо ты, проклятый, во святѣмъ храмѣ стоиши и кто тя сѣмо пусти, таковаго сквернителя и убийцу и грабителя? Но изыди скоро, аще ли же ослушаешися, то повелю тя силою изврещи, ибо не имамъ пѣти, дондеже здѣ будеши». Князь же никакоже не подвижеся, но паки укрѣпився, тако якоже и прежде отвѣща. Демонъ же и вси его друзи бѣсове со уничижениемъ и срамомъ злобы и лукавствия своего разбѣгошася.

И возсия заря, и просвѣтися день, и князь изыде из храма, очищенъ от всѣхъ грѣховъ своихъ. И видѣ (о немже и прежде помянуся) *некто* от великихъ отецъ, яко оный князь елико противяся диаволу, толико вѣнцевъ от вседержителныя руки Господни прия. Такоже и наставникъ его славу от Бога и просвѣщение восприя. Прииде же князь во град, обрѣте жену и вся в дому, якоже и вчера бысть, возда хвалу Богу.

Видите, коликую мзду и славу за истинное покаяние и за терпѣние толикихъ от диавола противностей прия. Коликая же ждетъ мука тѣхъ, иже нимало противятся диаволу, но худѣйшими от диавола искушеньями преступниками себе показуютъ.

О ЕЖЕ ПРЕД БОГОМЪ И ЧЕЛОВѢКИ НЕПОРОЧНЫМЪ ПОДОБАЕТ БЫТИ ЕПИСКОПОМЪ И ПОПОМЪ И КАКО ЗЛООБРАЗНО ПОЖИВЕ УДОНЪ ЕПИСКОПЪ И СТРАШНО ОСУЖДЕНЪ

Въ лѣто от воплощения Слова Божия 965-е при Оттонѣ третиемъ, цесарѣ римскомъ, во градѣ Магдебурскѣ в Саской земли* сотворися чюдо зѣло страшно и от вѣка не слыханно. Какоже содѣяся, краткими словесы изъявлю, да разумѣют чтущии, коль люто в санѣ быти высокомъ неприличное же сану творити, то есть противу воли Божии жити, зловонием же и жития соблазновъ подручныхъ посмражати[1].

Во ономъ прежде реченномъ градѣ бяше нѣкто единъ от учащихъся во училищи именем Удонъ, иже философскому учению прилѣжа, ко приятию же науки велми косенъ разумъ имѣ и нимало пошествия[2] во учениихъ можаше сотворити и сего ради часто биение от учителей претерпѣвая. Во едино же время по жестоком биении изшедъ Удонъ от училища, прииде къ церкви святаго Маврикиа, изряднѣ сотвореннѣй, и тамо с великимъ благоговѣниемъ падъ на землю, моляся Царицѣ Небеснѣй Богородицѣ, призывая же и святаго мученика Маврикиа, прося предстателства и заступления и благодати к поятию разума. И егда ему медлящу во оной церкви, мало воздрема. И се Царица Небесная Мати милосердая прииде и рече ему: «Услышана бысть молитва твоя. Видя скорбь твою, не точию разумѣния даръ даю тебѣ, но и по смерти нынѣшняго епископа церковь воина моего Маврикиа вѣрности твоей вручаю, юже аще добрѣ упасеши, велие мздовоздаяние получиши, аще ли злѣ, то душевною и тѣлесною смертию умреши». И сия рекши, невидима бысть.

Юноша же, воспрянувъ, прииде во училище, и егда ко глаголанию уста отверзе, нача в словопрѣниихъ всѣх превосходити и в маломъ времени совершенна себе яви. Недоумѣваху же ся вси слышавшии сие и дивляхуся, глаголюще: «Откуду сему таковое неначаемое умѣние? Не сей ли есть Удонъ, егоже вчера яко скота бияху, и се нынѣ явленнѣ философствует?»

По двою же лѣту архиерей магдебурский умре, тогда вси Удона на мѣсто его избраша. Удонъ же вземъ подтвержение, санъ и митру, нѣколико время добрѣ себе управляше и стадо премудрѣ пася. Но якоже любомудрый провѣща Соломонъ: [3]чести воздвижут бровь и отмѣняют кровь[3].* Сие на Удонѣ исполнися. Нача убо той словеса Божия Матере забывати и ко истинному избавлению не взирати, вда себе в слабость и в сладости тѣлесныя: и имѣния церковная нача изнуряти злѣ, и в послѣднее беззаконие вда себе — не точию бо женам мирскимъ, но и дѣвствовати обѣщавшымся скверное насилие творя. На останокъ же кромѣ всякия боязни на всякую злобу пустился, якоже житие его всѣмъ злоносно бяше и вси его гнушатися начаша. И тако многа лѣта воздухъ и

---

[1] смердеть; [2] успеха; [3—3] почести рождают гордыню и отменяют родство.

миръ весь злобами своими скверня. И во едину нощъ имѣя при себѣ нѣкую игумению, подобную себѣ, и скверное дѣло с нею содѣваху, слышитъ от выспрь[1] храмины своея гласъ, сими словесы ужасно гремящь: «Престани, Удоне, играти, уже бо игралъ еси доволно!» Слышав же той страшный гласъ в смѣхъ преврати, непщуя[2] быти призраку, и наутрии паки в мерзости погрузися, одебелѣ[3] бо в злыхъ, окаянный, и яко камень онаго страшного гласа запрещению нимало внятъ и ни во что же вмѣни. В третию же нощь, с тою же игумениею пребывая и гнусное дѣло совершая, и той же гласъ услыша с великим шумомъ гремящь: «Престани, бѣдный Удоне! Престани, уже бо доволно игралъ еси!» И глас той слыша, зѣло ужасенъ бывъ и в недоумѣнии, велми воздохнувъ, но никако от злаго своего нрава къ лучшему премѣнися, наказуем оным гласомъ милосердо и близ бывъ осуждения лишенный, къ покаянию усердно не поспѣши и безвѣстное ко утру отлагалъ. Дивная и истинная вещь повѣствуется, о нейже, аще бы и саскове[4] (у них же содѣяся сие) умолчали, камение бы возопило.

По триехъ убо месяцѣхъ пресвитеръ нѣкий тоя же церкви, именем Феодоритъ, пребывая в клиросѣ святаго Маврикиа, остася тамо внутрь церкви и якоже прежде, такоже и в ту нощь непрестанныя молитвы принося Господеви, да подастъ благостояние церкви и правдиваго архиереа и да изыметъ от нихъ злое, то есть прокаженную главу Удона от жизни сея премѣнит или на лучшая обратит покаянием. Слышите же прочее, сия бо умѣренная словеса, но велми страшно человѣкомъ всѣм и ужасно отмщение, паче же настоятелемъ церковнымъ, иже пред стадомъ Христовым идуще, злымъ же образомъ и прикладомъ жития всѣхъ скверняще и злымъ образы дающе, и в геену посылающе. Тогда той иерей видитъ: и се вѣтръ велий и незапный в церковь прииде и вся свѣщи погаси. Нападе же на него от сего страх велий и во изумлении бысть и весь оцѣпенѣ. И потомъ мало в себе пришедъ, видитъ: и се внидоша во храм два юношы со двѣма великими лампадама и пред олтарем со обою странъ сташа. По семъ внидоша другия два юношы, от нихъ же единъ коверъ пред олтарем благочинно распостла, другий же престоли златы два постави. Вси же тии юношы зѣло красни. По семъ вниде нѣкий изрядный воинъ, готовый мечь на отмщение имѣя, ста же посреди церкви и яко громъ возгремѣ, сице глаголя: «Вси святии, ихъ же здѣ тѣлеса, востаните и грядите, хощет быти судъ Божий лишенному!»

Сие же рекшу ему, и абие явися великое и пресвѣтлое множество обоея плоти мужеска и женска полу и овии мужие в воинстѣмъ одѣянии блещахуся, инии же въ санѣ епископства сияюще. И егда вси внидоша, кождо во своемъ чину и по мѣрѣ добродѣтелей по мѣстамъ изрядно сташа, по сихъ дванадесять мужей внидоша и посредѣ их вниде пресвѣтлѣе солнца, на главѣ имѣя вѣнецъ неизреченно преудобренъ, в руцѣ же скипетръ златый имѣя. И се Господь нашъ Иисусъ Христосъ и с ним и апостоли, егоже яко узрѣвше, вси с великимъ стра-

[1] сверху; [2] считая; [3] закоренел; [4] саксонцы.

хомъ и благоговѣниемъ поклонишася. И сѣде на престолѣ. Прииде же ту и Царица Небесная в пресияющей и неизреченнѣй славѣ, за нею же велие множество дѣвственныхъ лицъ возслѣдствующе Божией Матери и припадоша к земли, поклонишася. Господь же нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ ея и Богъ, любочествуя Матери своей, за руку воземъ, близ себе на другом престолѣ посади. К тому показася святый Маврикий с лики святыхъ, яко воевода славный с своим воинством, бяху же с нимъ 6666 и тии вси падше поклонишася и хвалу воздавше, начаша глаголати: «Творче нашъ и всѣхъ вѣковъ и судие праведнѣйший! Даждь судъ на неправдовавшаго!» И стояху вси благочинно, ожидающе отвѣта. К нимъ же Господь отвѣща: «Благословеннии мои, что хощете!» И паки рече: «Приведите сѣмо Удона епископа!» И абие нѣцыи от предстоящихъ идоша и лишеннаго Удона от боку игумении восхитивше бѣднѣ и пред Господа приведоша. На него же святый Маврикий возрѣвъ, рече ко Господу: «Господи Боже великий! Се-то есть Удонъ — не епископъ и не пастырь, но пожиратель, и волкъ, и хищникъ, и распудитель[1] стада твоего. Той есть, ему же Пречистая Мати твоя разумъ даровала, и церковь сию к славѣ твоей в наречение мнѣ и клевретовъ моихъ возгражденную[2] вручила, наказа его и предвозвѣстила, яко аще добрѣ упасет, живот вѣчный наслѣдит и Царство Небесное получитъ, аще ли же злѣ поживет, душевною и тѣлесною смертию осудится. И той окаянный не единою от зла возбужденный и оглашенный благоволением Матере твоея, но на лучшее преложитися не восхотѣ, и не точию самъ в похотехъ своихъ оплывая и скверняся, но и церковь сию и все, еже ему поручено бяше, ни во что обративъ и обѣщавшияся тебѣ непорочный животъ жити всегда и вездѣ студодѣяниемъ безсрамно насиловый, и воздух и землю оскверниивый, и человѣковъ всѣхъ прикладомъ злымъ погубивый. И что повелит правдосудие твое, суди ему по дѣломъ его».

Сия слышавъ, Господь, на святыя возрѣвъ, рече: «Что ся вамъ мнитъ?» И воинъ, паки пред всѣми имѣя готовый мечь, предваривъ, рече великим гласомъ: «Достоинъ вѣчныя смерти осуждения!» И по семъ яко бы совокупишася и вси бывшии ту при вещи сей совѣтующе между себе, каковою бы казнию имѣлъ осужденъ быти злодѣй той.

Тогда судия даде отвѣтъ: «Понеже кромѣ главы живъ и время изгуби и взором на себе многихъ обезглави, должную себѣ да восприиметъ вѣчную казнь. И первое повелѣваю главу отсѣщи!» И абие воинъ той великий повелѣ Удону трепещущу выю протягнути. Егда же онъ сотвори сие и воинъ ко усѣчению мечь уготова, возгласи нѣкто, глаголя: «О, Господи Боже, удержи руку твою, да причащение, еже недостойнѣ приимаше, от лишеннаго отъято будетъ». Тогда нѣкто, держай чашу святую, ста пред Удономъ. И той же воинъ пястию нача его по шии крѣпко бити, яко и костемъ троскотати. И за коимждо ударениемъ святое причащение от лишеннаго изблевано чрезъ уста его и в потиръ* впа-

---

[1] разогнавший; [2] построенную.

даше и тое пречистое приятие Тѣла и Крове Господа нашего сама Царица Небесная всечестно приемши, от неподобнаго отлучи, и омы, и с великимъ тщаниемъ на олтар, то есть на престолъ, положи и с лики дѣвъ отиде и паки при Господѣ сѣдѣ. Удона же восхитив, воинъ оный великий главу отсѣче и по семъ абие все оное множество невидимо бысть.

Иерей же оный вышереченный праведный сый мужъ, иже сие все видѣ не во снѣ, но отверстыма очима наявѣ, исполненъ бѣ страха и трепета, и огнь в паперти узрѣ, свѣщи возжегъ, о содѣянном недоумѣвашеся и стужителнѣ самъ в себѣ чюждашеся, обаче приимъ дерзновение и на мѣсто, идѣже судъ бѣ, приступи и узрѣ чашю святую со причастиемъ на престолѣ, главу же Удона епископа отсѣчену подалѣ трупа лежащу и помостъ кровию весь облиянъ. Сия видѣ, иерей оный вся двери церковныя замче и ни единому внити попусти. Егда же день бысть и солнце лучи разсыпа, много всякаго чина духовнаго сословия и мирскаго по провозвѣстию онаго иереа сошедшеся. Тогда двери отверзе и дѣло страшное Божия отмщениа и Удона въ крови своей облиана всѣмъ показа, и еже видѣ и слыша по чину исповѣда. И вси видѣвши и слышавши сие во страсѣ и трепетѣ воздаша хвалу правосудию Божию.

В томъ же дни единъ от поповъ и друговъ Удоновых именемъ Брунъ, от нѣкуды шествуя путемъ, повелѣ иже с нимъ ѣхавшимъ предварити ко граду, сам же, отягченъ сый сномъ нестерпимымъ, ссѣде с коня и под единымъ древомъ возляже, конец же узды крѣпко по руку обвяза и усну. И се видитъ великое сонмище злыхъ нечистых духов с трубами, с бубны, с палицами, с колиемъ, с мечи, с сѣкирами на оно мѣсто, идѣже онъ спитъ, прибывшихъ. И между ими показася князь и началнѣйший ихъ, взоромъ и возрастомъ страшнѣйщий паче всѣхъ, и сѣде на столцѣ[1]. И абие другий полкъ показася великий, кричаще, пляшуще и грохотаху. И нѣцыи от нихъ преди текуще и вопиюще: «Отступите! Се Удонъ, князь наш любимый, приближается!» И се человѣкоубийцы бѣсове окаянную Удонову душю огненным ужемъ[2] за шею объвязаша, в тѣлесномъ образѣ пред князя своего диавола приведоша. Онъ же воста противу его, глаголя: «Здравъ буди, помощниче наш и разширителю моего царства! Се готовъ себѣ и всѣмъ, иже приязнь к намъ имѣющым, должное воздати и отмстити». Лишеннику же оному молчащу. И диаволъ, якобы печалуя о немъ, рече къ своимъ: «Утрудился есть любезный наш другъ в дѣлѣхъ своихъ, угодных нам, а к тому до насъ идый, тем же изволяю да прохладится. Дайте ему ясти и пити». Удону же вострепетавшу, главу отвращающу и противящуся, лютии же слузи демони жабы и змии нуждею во уста ему влагаху и сѣрное питие, из него же велий пламень исходя, въ гортань ему вливаху. И по семъ диаволъ повелѣ, глаголя: «В баню началническую да отведенъ будетъ». Недалече бо бяше кладязь огненный прикрытый. *Егда же покрывало отъято бысть*, пламень пожирающий, даже до небесъ

---

[1] престоле; [2] веревкой.

исходя, изникну[1], иже не точию древеса, но и горы и камение яко тростие поядая, и воду, текущую при немъ, яко вино, воспали и изше. И во оный кладязь бѣдную душю Удонову вринуша и потомъ, яко разженое железо, извлекше всю огневидну, паки пред своего князя поставиша. Диаволъ же смѣяся, глаголя: «Еда не добру баню имѣл еси, княже?» Тогда окаянный Удонъ разумѣ себе быти до конца осуждена, нача глаголати: «Проклят ты, диаволе, и вси духове твои, и все поощрение твое, и вся сила твоя! Проклята земля, иже мя носила, прокляты родители, иже мя родиша!» Тогда демони начаша со княземъ своимъ плескати руками своими и глаголати: «Воистинну сей достоинъ пребывати с нами: зѣло бо гораздъ по-нашему пѣти. Пошлемъ его нынѣ в лучшее училище, осужденныхъ да видит и слышит, и познает, и совершенно да научится во вѣки вѣков». И егда тыя рѣчи скончаша, абие единомысленно на ненавистную ону окаянную душю купно нападоша и страшнымъ стремлениемъ и нестерпимым шумомъ в геенскую всеродную огненную матицу[2] ввергоша, и низриновениемъ его аки бы небо и земля и вся горы мира сего потрясошася.

Попъ же оный Брунъ, видя сие и слыша, в велицѣ страсѣ и трепетѣ бысть, трясыйся. Диаволъ же перстомъ того показа и рече: «Блюдите и сего, да не утечетъ, понеже сообщник бяше во грѣсѣхъ оному, да будетъ в казни и отмщении. Врините его в пропасть геенскую за началнѣйшимъ его». Изрекшу же ему сие, и абие демони хотяще его восхитити, онъ же якобы хотя бѣжати от них и тако трепетенъ от сна воспрянувъ неистовно. Конь же содрогнувъся, сюдѣ и сюдѣ скача, бѣднѣ онаго зѣло повлачи и из состава исторгнувъ рамена[3] его и едва укротися. Онъ же с великимъ трудомъ всѣдъ на нь, вниде во градъ. И егда слыша о смерти епископа своего, видѣние к видѣнию и страхъ ко страху и судъ к суду приложи, занеже чюдеса над чюдеса приложишася и все ключимое[4], еже видѣ и слыша, поряду[5] исповѣда, показуя рамена своя жестоцѣ сломлена и глубокую свою сѣдину на подпоръ правды.

Граждане же, сие все видѣвше и слышавше таковый страшный и грозный епископа своего судъ, зѣло ужасошася и трупъ онаго лишеннаго далече от града в ровъ вринуша, его же звѣри геенстии с плесканиемъ и играниемъ присѣдяще сюду и сюду терзающе, и зубы скрегчюще и рвуще. Народ же близъ живущий различнѣ престрашахуся. И тии между себе сотворше совѣтъ, проклятый оный трупъ извлекше сожжгоша, и пепелъ и прахъ его во *Албу* рѣку вметнуша. Дивная вещь! Вся рыбы, оставлше в рѣкѣ жилища своя, изыдоша в море, но молитвами и покаянием умоленъ бывъ Господь Богъ, по десяти лѣтех повелѣ паки возвратитися.

И того же страшнаго еже на Удонѣ бывшаго суда и чюдесъ и крови его излиание во усѣчении главы на помостѣ бѣлаго мрамора всѣмъ ясно показуется, таково в мраморъ впившися, и явствуется, яко нова и вчерашняго дня излияся. И на ономъ мѣсте посѣчения ковры распростерты суть. При поставлении же

---

[1] появился; [2] *здесь*: преисподнюю; [3] плечи; [4] происшедшее; [5] по порядку.

епископовъ, егда молитва «Тебе, Бога, хвалим» по чину чтется, тамо новый епископъ припадает, да страшное сие зря, соблюдалъ себе, дабы такоже не погибнути, бысть бо сие очесем всѣмъ видящым от Господа в наказание, да вострепещут суда и страшный сий отвѣт пред очима всегда имѣют началнѣйшии церкви неблагоговѣйнии и безстрашнии предстатели, плоть их да содрогнется и да дрожатъ от пресвѣтлаго величества Божия, Страшнаго Суда его и мести злым, злаго воздаяния. Нас же да избавит от сих всѣх, яко милостив и человѣколюбец Господь Богъ, ему же слава.

О НѢКОЕМЪ ЮНОШИ И О ПОКАЯНИИ ЕГО ЗѢЛО ПОЛЕЗНО

Воинъ нѣкий и юноша добродный, много грѣшив и злотворивъ, и нѣкогда умилися, прииде во страхъ Божий, и взыска иереа, покаяся, и в совершение таинственнаго покаяния епитимию с любовию и усердиемъ приимъ, но не може ю сохранити. Отецъ же его и пастырь даде ему ину заповѣдь. Онъ же и нималаго возложения епитимии не сохрани. Сие же видѣв, отецъ его духовный и пастырь рече ему: «Ничесого тако не исправимъ и осуждения не убѣжимъ, но повѣждь ми послѣднее: имаши ли что от худѣйшихъ сотворити и за грѣхи твоя правилнѣ сохранити?» Отвѣща ему воин и рече: «Есть, отче, в оградѣ моемъ яблонь едина, еяже овощъ толико горекъ, иже его никтоже можетъ вкусити. И аще ты ми соблаговолиши и повелиши, да будет се покаяние мое, еже не вкусити от него, дондеже в житии семъ пребуду». Иерей же оный растропный, вѣдая, яко идѣже заповѣдь и обѣщание, то тамо паче за налеглостию[1] плоти и диавола искушение соприсутствует, и рече ему: «Добрѣ, сыну! За вся грѣхи твоя даю ти епитимию, еже да никогда снѣси от древа онаго, видя плодъ его». Приемъ же сие, воинъ благодушенъ отиде, епитимию сию, се есть правило покаянию, ничтоже вмѣняя, понеже горести ради яблокъ оныхъ ниже в руку приемляше. Но она яблонь на таковѣм мѣстѣ стоя, яко елико внити в домъ и изыти, всегда на ню зрѣти, противу бо очесъ стояше. И тако ему исходящу и входящу и зрющу ю, и нѣкогда помяну заповѣдь, позрѣвъ на ню, и воспалися ко вкушению от плода тоя толико, яко со многимъ и зѣлным пренемоганиемъ терпяше, зѣло бо приневоляем бѣ. И той оного древа плодъ узрѣ, иже перваго человѣка древомъ прелсти и похотию порази и уби, толико приторженъ[2] и сокрушенъ, иже ко древу приступи, къ яблоку руку простре и еже точию сняти и ясти, и паки руку низу съведе, и паки похотию пребораемь руку возведе, и тако простирая и низводя, и в спорѣ томъ день цѣлый препроводивъ и в сопротивлении семъ подъ онымъ древомъ скончася, одолѣвъ покушению, довле отворивъ покаянию и во очищении сердца достоинъ обрѣтеся Небеснаго Царствия.

[1] под давлением; [2] принужден.

О ГЕНРИКѢ И О ЖЕНѢ ЕГО

Генрикъ, нѣкий добродный и богатый человѣкъ, имѣя жену добру и любезну. Единаго же дня сопривниде между ими речение о погрѣшении Еввы. Нача жена, якоже имъ обычай, злорѣчити ю и поносити, нарича ю оплазивою[1] и склонною к похотѣнию и всяко судя и понося, како не утерпѣ, еже не послушати прелести змиевы и не вкусити яблока, но хотѣнию своему лагодя[2], худаго ради яблока в толикия болѣзни и муки весь родъ человѣчь бѣднѣ вринула. Мужъ ея, слышавъ сия, рече ей: «Жено любезная, жестоко судиши, тѣмже егда бы и ты в таковомъ искушении обрѣлася, такоже бы сотворила». Она же, препираяся с мужемъ, глаголетъ: «Никакоже бы азъ сотворила сего!» Онъ же рече: «Жено любезная, хощу, да исполниши малое повелѣние мое и зѣло удобное и легкое, но ни ради любви ко мнѣ не можеши сего содержати». Она же рече: «И что твое повелѣние?» Мужъ же рече: «Повелѣваю: егда в баню мытися поидеши, отнюдъ да не вступиши босыма ногама во блатцѣ, еже на дворѣ нашемъ». Бѣ бо на дворѣ его калужа[3], в нейже вода зѣло скаредна, гнусна и смердяща, в нюже отвсюду стекахуся всего двора гнусости. Слыша сия, жена нача смѣятися, глаголя: «Великое дѣло, — рече, — заповѣдуеши! Азъ и мимо ити тоя воды никакоже могу!» Рече паки мужъ: «Жено, хощу, да будет между нами закладъ, и аще ты не приступиши мое слово, дамъ ти четыредесят гривенъ сребра, аще ли же преступиши, то дай ми ты толико же». И женѣ сие зѣло угодно явися. Не вѣдущи же ей потаеное, муж бо ея стражу при блатцѣ постави. Удивлению дѣло достойно, ибо от онаго дня, отнелѣ же залогъ среди себе назнаменаша, жена толико учтивая, разумная и стыдливая, егда когда чрезъ дворъ шествоваше, не возможе, дабы на оно гнусное и скаредное мѣсто — езерко смердящее — не позрѣти, и колико кратъ в баню ходя, толико на ону гнусную воду покушение и хотѣние внити в ню имѣла. И в нѣкий день бывши ей в бани, рече служебницѣ: «Сестро любезная, велие имам желание внити в сие блатцѣ и аще не вниду, то умру. Сохрани ми, — рече, — сие, еже вниду». И абие обозрѣвшися, дабы никтоже видѣлъ, вниде во ону смрадную лужу до колѣну и проходя по оной сѣмо и овамо и присѣдая, желание свое исполняла. Возвѣщено же о сем мужу от потаенно стрегущихъ, онъ же с веселием без закоснѣния в оконцѣ изниче и, узрѣвъ сие, рече: «Что твориши, госпоже? Еда добру баню днесь возимѣла еси?» Сие жена услышавъ, страхомъ великимъ и стыдомъ одержима, искочи от скаредныя воды. Егда же к мужу прииде, рече к ней: «Гдѣ есть, жено моя, благоговѣние твое, воздержание же и учтивость? Гдѣ послушание твое ко мнѣ? Гдѣ хвала твоя? Се имѣла еси малѣйшую над Еву заповѣдь и чимъ повабилася[4] еси? Ни краснымъ убо, ниже сладкимъ возжелала еси, но на скаредную и поганую лужу прелстилася, еяже прежде гнушалася. Како слабѣе Евы сопротивися и впаде в преступление. Соверши же, в

[1] любопытною; [2] потакая; [3] лужа; [4] польстилась

немже залогъ — отдаждь ми четыредесят гривенъ сребра». Жена, сия слышавъ, срамомъ велиимъ объята, нача зѣло плакати, не имѣя же чимъ залогъ платити, муж вся одежды ея красныя и вся ея вещи отъя, дондеже смиритъ себе и познаетъ склонность и поползновение к преступлению.

О КЕСАРѢ ГЕНРИКѢ И О ЖЕНѢ ЕГО И ЯКО НЕ ПОДОБАЕТ ЧИСТЫХ И НЕВИННЫХЪ ИСКУШАТИ

Повѣствует в книзѣ своей лѣтописания Гобелинусъ: Генрикъ четвертый, кесарь римский,* подущенъ от нѣкоего искусити и подъити жену свою; его же и посла да покусит и приведет кесареву в чюжеложство. Посланный же по случаю приединися словесы к кесаревѣ, нача ей о семъ глаголати. Она же нимало потерпѣвъ, отверже его со гнѣвомъ. Но сей множа налегая, усвоити кесареву желая. Кесарева, видѣв сие, рече ему: «Повелѣваю ти, егда кесаря в дому не будет, приити к себѣ». Человѣкъ же оный ближний возвѣсти о семъ кесарю, яко кесарева сложися на волю его. Кесарь же, увѣряя сие, умышленно сотворися, яко ѣдет во инъ градъ, и слышано бысть, яко поѣде, но не исходя из дому своего, возложи на ся онаго, емуже обѣщася кесарева, одежду, нощи же пришедшия, в ложницу кесаревы вниде. Кесарева же, твердая в вѣрѣ и в любви к мужу, не чая, яко кесарь, но онаго прелестника, уготови тоя нощи могущихъ мужей, и приоблече сихъ в женскую утварь потаенно и повелѣ имѣти по обуху. И егда кесарь к ней яко готовой вниде, она же не позна, чая по одежды слугу онаго, и повелѣ бити до смерти без всякие милости. И тако похватиша кесаря и начаша бити. Не стерпѣв же и возопи нелѣпым гласомъ, сказуя себе кесаря. Кесарева же по гласу позна, вскочи от мѣста своего и изя его от убийства и за таковые его нечестивые поступки зѣло злорѣчила и поносила. Онъ же таковая творити отречеся, а приведшему его на се повелѣ главу отсѣщи.

О ЖЕНѢ ДОБРОЧЕСТИВОЙ, СОХРАНШЕЙ ЧИСТОТУ И ЗАВѢТ КЪ *МУЖУ СВОЕМУ*

Убогий нѣкий человѣкъ, художеством тектонъ[1], имѣя жену чюдныя красоты, паче же краснѣйшю душевными добродѣтелми. На сию красоту нѣкий богатый в житии, душею же убогший, очесы своими любоплотными и безстудными воззрѣ и в нечистомъ своемъ сердцѣ сквернаго желания огнь распали. И много мысля, како улучити по воли склонности своей и не домысляся инако, точию прекупи бабу нѣкую и посла к ней да наглаголет ю к сожитию скверному от

[1] плотник.

своего ей мужа со оным. Баба же, наполненая коварства, злобы и лукавства, прииде в домъ цѣломудренныя оныя жены и поздравивъ, сѣде у пещи, унылыя гласы издая и охая, жалуяся на старость и слабость. Младая же вопроси, откуду и чего дѣля прииде. Баба же притворно рече: «Не вѣмъ, аще ты не сея дщи матери, иже ми бѣ другиня любезная, воистинну же и сродница», — извѣсти же и имя ея. Младая же отвѣща: «Не вѣмъ, — рече, — аще ты матери моей сродница, имя же ея то есть». Баба вскочи, объя ю, нача цѣловати и плакати, глаголя: «Воистинну и подобна еси во всемъ своей матери! Повѣждь же ми, коея чести мужа имаши?» Отвѣща младая: «Добраго человѣка мужа имѣю, художествомъ плотника». Баба же, слыша сие, велми воздохну. «Охъ, — рече, — како толикая и таковыя честныя матери дщи за таковым общим или простымъ человѣкомъ?» И ина многая лестная изрекши, отиде печалнымъ же образом. В третий день паки прииде и рече: «Воистинну печаль мя о тебѣ сокрушаетъ, и не вѣмъ, откуду безчестие сие улечити и толикую красоту обогатити. Да уже чему невозможно пособити, еже такова мужа имѣеши, но поне по красотѣ подобную утварь и одежду имѣла. Попечениемъ же сродства зѣло пекущися о тебѣ, проусмотрила, откуду сие тебѣ стяжати, ибо знаю человѣка богатаго и чести великия и высокия, по возвѣщению же моему пекущуся зѣло о убожествѣ твоемъ. Точию аще ты склонишися к воли его, будеши во всемъ имѣти доволство и паче удобное ко красотѣ своей». Сия слыша, всекрасная она рече: «Имамъ добраго мужа и люблю его над всяко богатство и славу, и любовь его ко мнѣ паче всѣхъ вещей любославныхъ. Реченная же от тебе ни слышати хощу. Иди же с нелѣпыми сими словесы из дому моего». Баба же, злобы полная, превратися во инъ образъ и нача ю похваляти за сия глаголы реченныя и паки приластися ко онѣй и ублаживъ ю многими словесы лестными, отиде. По триех же днех паки прииде и много ласкавъ; со онымъ слово положи извести ю из дому, еже бы ему нуждею[1] похватити. И рече ей: «Поидемъ, возлюбленная сестрица, ко оному храму, — имя рекши, — помолитися». Младая же она и прекрасная подлога не разумѣ, поиде. И бывшимъ имъ противъ дому богатого, восхитиша ю в домъ той нуждею. Она же, видѣвши себе в таковѣй тѣснотѣ, разумомъ благородныя души прелукави ону злую бабу и себе от чюжеложства спасе; склонися ко уху бабы, рече ей: «Вижу дѣло сие воистинну угодное мнѣ, но прилучи ми ся по обычаю женъ. Молю тя, любезная моя тетца, избави мя от сего, дондеже очищуся, вѣм же, яко скоро минется». Баба же сие слышавъ, сему увѣри, пошепта оному силнику, онъ же повелѣ ю отпустити, дондеже очистится.

Возвративши же ся в домъ, младая она от поругания и безчестия своего плакавъ, умысли бабѣ воздати за се сицевыми образы: ная[2] три юныя и младыя жены и даде имъ плети и метлы. И егда время бабѣ приити, постави ихъ въ тайнѣй храминѣ и замани бабу, повелѣ онымъ мучити сию без всякия *милости*,

[1] силой; [2] наняла

и сама с ними нещадно мучивъ, еле живу отпусти. Баба же, урвавшися нага, по всей улицѣ на руках и на ногахъ бѣжала и яко свиния верещала. И егда чесого ради от младыя бабѣ сие учинилося человѣцы увѣдѣвше, зѣло сию ублажаху, и тако добрыя оныя жены дѣтель по всему граду прославися и от сего добрыя славы и чести толико стяжа, еже никая в богатствѣ и славѣ возимѣла.

О ЕЖЕ КАКО ДИАВОЛЪ СЛОВЕСА СУЕТНАЯ В ЦЕРКВИ ГЛАГОЛЮЩЫХЪ И ПОМЫШЛЕНИЯ ПИСАШЕ

Пресвитеръ нѣкий, благочестивый и добродѣтелный, всенепорочную приятную Богу примирения о насъ жертву принося, видѣ диавола при олтари пишуща на великомъ паргаминѣ, сирѣчь на великой телчей коже. И егда все исписа, еже в руку имѣ, нача, якоже шевцемъ[1] обычно, зубами натягати. Презвитеръ оный, службу Божию святую совершивъ, прииде близ его и силою Господа Иисуса вопроси, что на таковѣмъ паргамине пишетъ? Отвѣща демонъ: «Писахъ, — рече, — здѣ во храмъ сей входящыхъ грѣхи, лжи полныя и праздныя слова, оглаголания, подсмѣяния, суждения суетныя и нечистыя мысли, нечестивое позрѣние, пестроты и всякое лщение женска украшения и вся грѣхи входящихъ во храм сей, иже днесь и по вся дни совершаютъ, и таковая зѣло Бога оскорбляютъ и раздражаютъ и гнѣв Божий и отмщение на ся привлекаютъ, а нас симъ велми увеселяютъ». Пресвитеръ в силѣ Божии и о имени его паргаминъ оный из руку его отъял и ис храма Божия изыти всѣмъ воспрети и присовокупи всѣхъ к себѣ, нача чести. Писание же оно ни единого мину, но всѣх явственно сумнѣние обличая, всѣхъ, еже кто чимъ согрѣши — помышлениемъ или словомъ, на очи меташе и како и что явствоваше. *Человѣцы слышавше сие*, зѣло убояшеся, а паче егда под запрещениемъ учителя взоръ демонский узрѣша. Вси припадоша *к* чюдному тому иерею, кающеся кождой грѣха своего и завѣщающе таковая не творити. И егда вси кождо о своем грѣсѣ покаяшася, все оно писание от паргамина истребися и неявленно сотворися, и демонъ посрамленъ исчезе.

[1] сапожникам.

О ИМЕНИ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА НѢКИЙ СЛУГА ГОСПОДИНА СВОЕГО ДИТЯ ОТ РУКЪ ДЕМОНСКИХЪ ОТЪЯ И О ЕЖЕ НИЖЕ ВО ГНѢВЕ, НИЖЕ В ПЕЧАЛИ, НИЖЕ ПРОСТО ДЕМОНА ИЛИ ЧЕРТА ИМЕНОВАТИ

Во градѣ Шленскѣ нѣкий от благородныхъ возва к себѣ на обѣдъ друзей и уготови обѣдъ изрядный и пребогатый. Во утрие *же*, егда посла звати я в год[1] обѣда и вся уже готова, *и* не вѣмъ каковымъ случаемъ, вси званнии отрекошася и ни единъ от нихъ прииде. Воспечалися звавый зѣло, [2]многое иждивение и изнурение подъя[2], и никтоже прииде. И в тузѣ[3] сый и горести, сицевая злыя словеса изрече: «Что имамъ сотворити, яко великие убытки подъяхъ и никтоже от человѣкъ прииде? Буди, да вси черти приидутъ и ядят и пиютъ приготованная сицевая».

Сие же оный изрекши, печаленъ поиде из дому своего. Случися же в сие время, яко еще во храмѣ Божии проповѣдь слова Божия не окончася. Увѣдавъ *же* сие, прииде во храм, да слышанием слова *Божия* гнѣвъ свой и печаль усмиритъ. И егда сему во церкви коснящу, и се многое множество в домъ его приидоша зловидни и черни, яко мурини на конѣхъ вороных, *и* послаша слугу возвати господина, глаголюще: «Зва насъ и се по желанию его приидохомъ». Слуга *же* позна, кия сия гости, во страсѣ и трепетѣ ко храму прибѣже и возвѣсти сие государю своему. Господинъ, егда услыша сие, от страха оцепенѣ, вѣдая же, яко от слова его сотворися сие, не вѣдая же, что сотворити, припаде ко священнику, проситъ от него совѣта и помощи. Священникъ, слышав сия, абие оконча проповѣдь, нача ему поносити и потязавъ[4] его о злобѣ его и о злословии, повелѣ, да вси сущии в дому его изыдут, да не приимутъ от злых духовъ тщеты и пакости. Он же, слыша сия, оного же слугу посла, повелѣ всѣмъ изыти; людем же всѣмъ страхомъ объятымъ, паче же женѣ его и прочимъ женамъ в поспѣшении изшествия *своего* забыша во храминѣ дитя господина того. И егда точию человѣцы из храмины изыдоша, демони они внидоша, и наполнися от нихъ вси храмины. Начаша же глумы творити, кричаще нелѣпыми гласы, яко пиянии смѣхи дѣюще. Во окна поглядающе мерзскими и страшными зраки во образѣ медвѣдя и прочихъ дивиихъ *и* многозрачныхъ видовъ, показующе купки, чаши и прочая, полны пития. Инии же на мисах яди драгия и многия. Видѣвъ *же* сие, господинъ онъ и оный священникъ и учитель и вси стекшиися сосѣди, страхом одержими, кую помощь дому сотворити, недоумѣвахуся. Во оный часъ воспомяне господинъ о дѣтищи и рече: «Гдѣ, братие, чадо мое?» И точию онъ изрече, демонъ показа ему его во окно и рече: «Се здѣ и наше есть». Отецъ дѣтища в жалости и печали по немъ обмертвѣ и, в себе пришедъ, нача горко плакати, припадая ко всѣмъ, како бы изяти е, и вси, что творити, не вѣдяху. Нѣкий же от слугъ его, спечалуя ему и

---

[1] в час; [2—2] сильно истратился и много потратил сил; [3] в тоске; [4] укорив

любимъ от него, к нему же припаде господинъ, охапи[1] его, проситъ совѣту от него, глаголетъ: «Что имамъ сотворити, яко погибе дитя мое?» Слуга зѣло возжалѣся о дѣтищи и о печали господина, рече: «Мой сицевый совѣтъ к тебѣ: аще ми повелиши, поручю азъ всего себе Господеви Богу моему и во имя его святое поиду и дитя из руку вражию изиму и тебѣ помощию его цѣло и здраво принесу». Тогда господинъ во премногихъ слезахъ слугѣ рече: «Господь Бог мой укрепи слово твое и буди с тобою. Помози ми, брате, благости его ради», — и припаде на выю его, зѣло плача. Слуга упованием и вѣрою вооружися и смѣлствомъ вперися[2], приимъ благословение от прежде помянутаго священника, поиде и прииде пред столовую горницу, паде на землю пред Господемъ Богомъ, всего себе вручи ему и помощь его призывая: «Помощникъ и заступникъ ты ми буди», — рече и во имя его отвори двери, узрѣ демоновъ многое множество, страшными и мерскими виды сѣдящихъ, стоящихъ, ходящихъ, плещущихъ, иных же яко пияныхъ валяющихся, не устрашися сихъ, со всяким безстрашиемъ вниде в горницу. Демони онии, дуси нечистии, вси вскочиша и единою гурбою ринушася к нему, вопиюще: «Га-га, га-га, почто к нам пришелъ еси?» Он же в страх ниспаде, бояся и оцепеневая, обаче помянувъ Бога, паки в силу прииде и рече демону, держащему дѣтище: «О имени великаго Бога и Господа нашего Иисуса Христа повелѣваю ти — отдаждь ми дѣтище се, егоже держиши». И демонъ рече: «К чему ти сие? И не дам ти, мое бо есть. Аще же хощеши, да ваше будетъ, рцы отцу дѣтища, да приидетъ и возметъ». И рече слуга демону: «Азъ творю урядием же стою, и им же по воли Божии еще аще доброе творю, все приятно есть благости его и взоромъ службы моея, помощию же и силою того и о имени его святѣм дитя сие емлю от тебе». И сия изрекъ, выхвати силою дитя из рукъ демона и, пригорнувъ е к себѣ, поиде от нихъ из оныя столовыя горницы. Они же не смѣюще ему прикоснутися, ниже что сотворити, точию скачюще окрестъ его, вопияху: «Гдѣ такой воръ, гдѣ такой? Остави, наше есть, убием тя, разторгнем тя!» Он же, ни *во* что же вмѣняя грозу ихъ и устрашение, изыде от нихъ здраво, прииде же ко господину, поднесе ему дитя его. Отецъ приимъ дитя свое, отсюду слугу не яко раба, но яко брата возлюбленна и паче брата отцемъ нарича и возымѣ его отселе клеврета своему имѣнию и единокровна себѣ учини его, завѣщая же к тому именъ демонских ни во умъ приимати, не точию камо именовати и присочетовати.[3] Священникъ же оный и слов*а* проповѣдникъ молитвами, и молениемъ, и именемъ Божиимъ, величиемъ не по многих днехъ из дому его изгна нечистыя духи, и освятив домъ благодатию Святаго Духа и кроплениемъ священныя воды, паки благослови господину в немъ жити.

---

[1] обнял; [2] укрепился; [3] вступать в союз.

ЛАКОМСТВО, СЛАВОЛЮБИЕ И ПРОНЫРСТВО В САМОЙ ХИТРОСТИ ЧАРОВАНИЯ УЛОВЛЕНО

В монастыри преподобнаго Венедикта нѣкий брат возжела быти игуменомъ. Вѣдая же, яко не можетъ сего достигнути при живѣмъ игумене, сице умысли. Нѣкий отрокъ юный живый в келлии игумена и по вся дни наказуемъ за суровость *его*, помалу и биемъ. К сему юноши придружися оный братъ и нѣкогда рече ему: «Аще хощеши, да будетъ тебѣ склоненъ игуменъ, возми у мене нѣкий порошек и потруси яди его, и егда вкуситъ, к тому тя озлобляти не будет, но весма возлюбитъ». Юноша со онымъ согласися, мня истину быти, благодарствуя брата. Приимше порошекъ, помысли в самѣмъ себе, глаголя: «Испытаю прежде, половину в яди посыплю, а другую впредь оставлю, и аще будетъ добръ ко мнѣ игуменъ, на семъ престану, аще ли же гнѣв на мя не усмирится, вдругорядь посыплю». И тако помышляя, потрясе отравнымъ порошком игуменския яди, понеже остави. Игуменъ прииде от церковнаго собрания и точию вкуси, абие умре. Тогда братъ оный мужеубийца поставленъ братии во отца и вожда, и радуяся изобрѣтший послѣднею злобою маловременное началство, не вѣдая же, яко отрокъ злобы лекарство не все изгуби. Повелѣ ему, яко и оный во своей келлии жити и сперва добръ ему являяся, напослѣдок же, яко егда уже гордостию надуся, нача его озлобляти. Отрок же рече в себѣ: «Добрѣ сотворихъ, иже половину порошка онаго сохранихъ». Не вѣдый же зла отрок онъ и мня, яко прежде бывый игумен умре по воле Божии, и от простоты сие помышляше и рече: «Сотворю по первому образу и сему игумену, некли милость его усвою себе». И веземъ порошек, посыпа яди и оного мужеубийцы, и вкусивъ, душу изверже и во вѣки осужденъ. Брату [1]ископа долъ и самъ окаянно не укоснѣ снити в онь[1].

О БОГАТОМ В НЕПРЕСТАННЫХ ПЕЧАЛЕХЪ СУЩЕМЪ И О УБОЗѢМЪ, ВОЛНЫМЪ СЕРДЦЕМЪ ГОСПОДЕВИ БОГУ ВЪ ВЕСЕЛИИ ПОЮЩЕМЪ

Богатый и зѣло изобилный нѣкий человѣкъ домъ имѣя великий, прилученъ же бѣ стѣною ко хлѣвинѣ убогаго нѣкоего работнаго человѣка. И богатый въ велицѣмъ дому сый в размышлениих всегдашнихъ приходовъ и придобытия, и многаго собрания, в попечении хранения повсечастную печаль имѣя и спати не возможе. Дивя же ся убогаго житию, како в хижицѣ своей и в толикомъ убогомъ жителствѣ непрестанно веселится и поетъ со женою и с чады, и егда лягут спати, со всякою сладостию почивают толико, яко едва жена его убудити возможет, да воставъ идет на работу.

[1]—[1] вырыл яму и сам попал в нее.

Позавидевъ сему богатый зѣло, нача помышляти, како бы убогаго веселящагося работника *печална* сотворити. И размышляя много, сице умысли. Воставъ в нощи, прииде молком[1] к хижинѣ убогаго и, отворивъ двери, повѣси в них мѣхъ денегъ и отиде. Убогий же на обыкшую работу рано воста и во дверѣх своих мѣх сребра охапи и позна, что есть, и урадовася незапному придобытию толикаго сребра, не восхотѣ и на обычную свою работу ити. Прииде же во многое размышление, бояся да не украдени будут, и нача печаловати, еже бы не погубити толикое обрѣтение, и нача с мѣста на мѣсто сребро оно преносити и тамо и инамо землю разгребати и полагати, и дабы жена его и от тоя инии да не увѣдѣли, и нигдѣже мѣсто обрѣте, ниже упокои мысли и мѣры постави, гдѣ тыя денги дѣти. И тако много мечтуяся и пренося, на остатокъ же прииде во свою хижицу и подложи сих под убогую свою соломеную постелю, и сотворися притворно, яко в велию болѣзнь впаде, ляже на ономъ сребрѣ, да размыслит, что имать с нимъ сотворити.

И тако по многи дни толико печалию и попечениемъ удержимь, лежа на сребрѣ, болѣзнены гласы издая, вмѣсто еже бы пѣти и веселитися. Сие видѣвъ, богатый онъ позна силу печали своея, зѣло сему удивляяся. Прииде же ко убогому во убогий домикъ его и вопроси жены его, гдѣ есть мужъ ея, она же сказа, яко болит. Онъ же отвѣща, глаголя: «Азъ виною мужа твоего скорби, но потщуся и исцѣлити его». Вниде же в хижицу и приступль ко оному, потиху рече и именемъ его нарицая, глаголющи: «Оныя нощи и сего часа принесохъ азъ мѣхъ сребра тайно и привѣсихъ во дверѣхъ храмины твоея и вѣм, яко взялъ еси их. Возврати ми я, аще ли же не возвратиши, *то* увѣщаю судию о полишнѣмъ[2] тя, да повелит обѣсити тя». Слыша сия, сиротский он работный человѣкъ убояся смерти, вѣдая силу словесъ богатыхъ, и возврати денги богатому, и егда сребра не возъимѣ, прииде к первому веселию, нача пѣти и сладко спати.

О ИОАННѢ КОНАКСѢ И О ДЩЕРЯХЪ ЕГО, КАКО И ЧТО ОСТАВИ ИМЪ НАСЛѢДИЕ ПО СЕБѢ

Нѣкий пребогатый человѣкъ имянемъ Иоанн, пореклу Конаксъ, живый благочестно, восплоди с сожителницею двѣ дщери. И егда в возрастъ приспѣша, присовокупи ихъ брачествомъ законнымъ добродѣтелнымъ человѣкомъ и сихъ своихъ зятей и дщерей зѣло любляше.

В таковѣй отеческой любви еже имѣ в стяжании и воздержании, злато и сребро и прочая, последи и веси, вся тѣмъ своим дщерямъ отда. В приятии сихъ велия возрасте во дщеряхъ и зятехъ его к нему любовь — зѣло почитаху, якоже подобаетъ, отца, всеугодно охотно творяху ему и тако творяху по воли его, ели-

[1] молча; [2] об уличении.

ко даяние его в памяти имяху. В нѣколико же лѣтъ позна той Иоаннъ от чадъ презорство[1] велие и неблагодарство к себѣ и нимало точно ко благодейству первому о себѣ. Сие видѣ, нача размы*ш*ляти, что о себѣ сотворити, и обрѣте добромыслиа совѣтъ, положи намѣрение сицевое: вѣдая нѣкоего купца великаго приятеля себѣ, иде к нему, моля его, испроси в заемъ десять тысящъ сребра точию на три дни. Человѣкъ *же* оный взаемною любовию даде ему по прошению его. Иоаннъ приимъ десять тысящь сребра, принесоша за нимъ потаенно, да не свѣдят дщери его. Заутра прилучися празнику быти велику. Иоаннъ приготова учрежения[2] ради зятей и дщерей обѣдъ изрядный, живяше бо во особых полатахъ, возва ихъ и ядоша и веселишася. И тако симъ веселящимъ*ся*, Иоаннъ изыде от них в другую полату, шкутулу новую, юже прежде изрядно и пребогато устроивъ с тремя крѣпкими и предивными замками, отвори, храмину же замче и сие сребро на столъ ис крабей тѣхъ, в нихже принесоша, высыпа, велий зыкъ[3] извергая. Сего *ради* сотвори се, дабы дщери его слышали. Дщери же, яко звукъ услышаша, ко дверемъ прибѣгоша и скважнею сребро оно все видѣша, и како положи во изрядную и крѣпкую шкатулу, и како тремя оными дивными замки замче и запечата. Иоаннъ же, сотворши сие, изыде. Дщери веселяхуся, на сердцы же великую возимѣша охоту и лакомство к сребру оному. Но не смѣша отца вопросити, по гощении разыдошася во своя жилища. Иоаннъ паки сребро оно, никому же свѣдущу, отда человѣку тому, у него же потребова. В третий по пиршествѣ день приидоша дщери ко отцу своему Иоанну, слово к слову присовокупляюще и се приложиша и вопрошаютъ, исповѣдаша како видѣша, к чесому таково толико дивная шкатула устроена, и еже звукъ слышаша, и сребро видѣша и кое число сихъ. Он же отвѣща *им* , яко двадесять и пять тысящъ фунтовъ сребра тамо сокровенно имѣетъ. «И хощу, — рече, — все сие сокровище мое по смерти моей вамъ, любезнымъ моимъ дщерямъ, оставити. Вы сие всё имѣйте, и напишу о семъ вамъ в завѣте мое*м*. Точию, — рече, — вы не призирайте мене в старости моей, но сотворите мнѣ честь и любовь показуйте, якоже твориша от первобрачныхъ дней. И азъ в васъ разсмотрю, и кая от васъ изряднее покажет ко мнѣ приязнь, та болши имать стяжание по смерти *моей*». Сие дщери от отца слышавше, зѣло обрадовашася о приятии толикаго имѣния, зѣлнымъ рачениемъ вымышляючи едина над другою, дивную отцу приязнь и честь показовала и ни малыя противныя вещи терпѣти до смерти его не допустиша, надежду имуще и чаяше о завѣте стяжания его имъ еже сребра оного. И тако о семъ веселящимъся им и отца превосходно почитающимъ, но день от дни в той радости смерть его скорѣе быти желающе. Егда же приближися кончина Иоанну, воззва к себѣ дщерей и зятей своихъ и принесе пред ня сицевый глаголъ: «Зятие, — рече, — и дщери любезнѣйшии, прежде неже умру, не помышляю инаго завѣта творити, сирѣчь духовная писати, но сий истиненъ есть, егоже написали. И есть завѣтъ той поло-

[1] высокомерие; [2] угощения; [3] звон.

женъ во ону изрядную и крѣпкую шкатулу ко оному сокровищу моему, видѣхъ бо любовь и приязнь вашу к себѣ, юже совершенно показасте, а не яко прежде, *иже егда остависте мя. И за сию вашу милость и любовь благодарю Бога и вас. И за се и азъ васъ возлюбих*, иже никому ничтоже от сродникъ моихъ дати сложихся, *н*о еже имамъ во оной шкатуле, все вамъ отдаю. Но и се вамъ извѣствую, яко кромѣ сего оного стяжания, еже в шкатуле, не имамъ, из обѣщаннаго вамъ уяти не хощу. Прошу же вашю любовь: дондеже живу ми сущу, при животѣ моемъ сотворите противу завѣта моего и до смерти моей ни от кого не понесете поречения. Пошлите во святыя мѣста, — имя рекъ, — такожде и пустынникомъ, кождому монастырю по пятидесятъ литръ, и тако сотворши, якоже приказуя разпославши, ключи оныя изрядныя шкатулы по смерти моей оного монастыря, — имя рекъ, — у отца игумен*а* и у братии возмите. При всяком же замкѣ печать моя во свидѣтелство цѣлости писания написаного сокровища, чимъ вамъ и како владѣти, тамо написано. К сему, — рече, — еще пошлите в болницы и странноприемницы, и сие все при мнѣ сотворите».

Дщери же его и мужеве ихъ в надѣянии оного великаго богатства двадесяти пяти тысящь, иже в шкатулѣ оной красной и крѣпкой, от своего имѣния все сие, еже повелѣ отецъ, сотвориша: в монастыри по пятидесятъ литр,* такожде и в пустыни, в нищепитателницы и странноприемницы разпослаша, и отца чтиша и покоиша даже до смерти. Прииде же время и часъ, и отецъ ихъ Иоаннъ преставися. И егда окончася честное провождение и погребение, послаша по приказу отца в намененный[1] монастырь, ключи красныя и крѣпкия оныя шкатулы взяша и распечаташа со всякимъ желаниемъ и охотою, тщателно надѣющеся великаго сокровища, отверзоша. И егда вскрыша, ничтоже в немъ, точию великую и страшную, зѣло тяжкую булаву обрѣтоша, на ней же на рукояти зѣло художественнѣ литеры или слова из*в*аяни, подписано же сице: «Азъ, Иоаннъ Конаксъ, симъ сокровищемъ затемъ и дщерямъ моимъ челомъ бью. Симъ утѣшайтеся, воспоминающи на первую вашу ко мнѣ любовь, егда мя ни во что же вмѣнисте и остависте. И завѣт мой в раздѣлении сего сокровища сицевъ: всякъ сею булавою долженъ битъ быти, который, себе презрѣвши, о другихъ печется». Сие богатство дщери и мужеве ихъ егда обрѣтоша и писание завѣта прочтоша, зѣло ужасошася, вмѣсто утѣхи печалию сердца ихъ облишася и в раскаяние приидоша о отеческомъ презорствѣ. Подписаное же, еже паче должно всякому о себѣ пещися, правду вмѣниша. Егда же на образъ даяния своего имѣния обозрѣшася, паки яко бы оболсти ихъ, *отцу своему злорѣчиша*.

[1] поименованный.

ЯКО НЕ ПРИСНО НАМЪ ВИНОВЕНЪ БѢСЪ БЫВАЕТ

Нѣкоего пустынника молитвою связан бысть бѣсъ, стрежаше рѣпы его, и нѣкогда прииде человѣкъ к старцу рѣпы красти и нача рѣпу рвати, яко возметъ ю себѣ. И бѣсъ его окликалъ, дабы не рвал рѣпы, и хотѣл сказати пустыннику. Он же мнѣвъ, яко привидѣние чюдится, а не истинное глаголание, и егда хотяше отъити, не можаше подняти, но сила от множества рѣпы исчезе. Шед бѣсъ, сказа пустыннику о немъ. Изшедъ пустынникъ, потяза[1] его о крадении рѣпы, он же прося прощения и рече: «Прости мя, отче, — рече, — прости, святче Божий: бѣсъ научилъ мя се творити». Абие воскрича бѣсъ: «О, неправедне, не трижды ли оглашах тя: не рви рѣпы, скажю старцу! Почто ты напрасно мя злословиши и клевещеши на невинного крадению твоему?» И паки человѣкъ той рече: «Прости мя, старче, Бога ради! От своея мысли смущенъ б*ых*». И абие простив, отпусти его с рѣпою, и яко неви*не*нъ намъ бѣсъ дѣломъ, но мыслию точию.

[1] укорил.

ФАЦЕЦИИ

ПОВѢСТИ СМѢХОТВОРНЫ, ЕСТЬ ЖЕ И ЗЛЫХ ОБЫКЛОСТЕЙ ОБЛИЧИТЕЛЬНЫ, ПРЕВЕДЕНЫ С ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА, ЖАРТОВ СОВОКУПНО ВСЕХ ТРАКТАТОВЪ

О АВГУСТЕ КЕСАРѢ И О ПОЕТЕ ВИРГИЛИИ

Авъгустъ кесарь* Виргилиуша поеты* и пракътыка* вопроси глаголя: «Повѣжь ми, Виргилий, кто есть отецъ мнѣ? Азъ убо вѣмъ, яко Октавий отецъ ми есть, инии же инаго повѣдаютъ быти». Отвѣща Виргилий и рече: «Вѣмъ, о кесарю, яко владѣтель еси велики и повелитель всего свѣта страшный, и еже аще хощеши твориши, но и в милости извѣстнѣйший, обаче ужасаюся рещи, ибо правда во очи колетъ. Боюся томлѣния и вѣчнаго злоключения, егда правду рещи ми пред тобою». Кесарь с клятвою завѣщася не озлобити его и приложи ухо слышати. Виръгилий же возсмѣяся и рече: «Великий кесарю, познаваю по тебѣ и предразумѣваю, яко сынъ хлѣбъниковъ еси». Изумѣся кесарь, помышляя в себѣ, како и каковымъ удобствомъ[1], и Виргилий рече: «Послушай, милостивый кесарю, откуду имѣю о тебѣ такое непъщевание[2]. Написахъ азъ премногия книги о славѣ твоего величества, ты же, будучи всего свѣта великимъ монархомъ, приказалъ еси мене токмо единымъ хлѣбомъ отправити[3], что или пекарь или сынъ пекарьский обыче творити». Сия слыша, благодушный кесарь вельми веселъ учинися и рече: «Отселе, Виргилиуше, возымѣеши дары и милость не яко от пекаря, но яко от великаго кесаря».

Ибо у премудрыхъ гнѣву не бываетъ,
аще кто и кощуньствомъ[4] правду открываетъ.

О ЛЮБОМУДРЕЦѢ ПРИ АВГУСТѢ И О ГОРДОМ ДВОРЯНИНЕ

При Августѣ кесарѣ прилучися быти любомудрецу нѣкоему, в неже время извѣдоша пред кесаря коня зѣло буява и жестока, высоку выю[5] носяща,

---

[1] образом; [2] мнение; [3] наградить; [4] шуткой; [5] шею.

скорообратна и быстрозрачна. Видѣв же той любомудрецъ ближняго человѣка пред кесаремъ, высокомыслива и горда суща, рече ему: «Человѣче, егда бы конь былъ еси, и цѣны бы тебѣ не было».

Дворянинъ гордый —
смердъ голодный.

О ИРОДѢ И О ЗЛОБѢ ПРОКЛЯТОЙ

Возвѣщено бысть кесарю Августу, яко Ирод царь вся дѣти в жидовской земли повѣлѣ погубити, с ними же и сына своего убити повелѣ. Рече к возвѣщающимъ Августъ: «Лучши было быти сыну вепрю у Ирода, неже человѣку», оглаголуя злонравие и жестоту мучителя и како человѣкъ наречеться егда суров и жестокъ, неукротимъ таковый звѣрь, а не человѣкъ.

О АВГУСТѢ КЕСАРѢ И О БЛИЖНЕМ ЕГО САНОВНИКЕ

Бѣ у кѣсаря ближний сановъникъ и никоегоже когда дара прия от кесаря. Прилучися кесарю изыти из града тѣшитися и ѣхати чрезъ нѣкую воду многу. Во оной водѣ ста конь под кесаремъ и нача во ону воду мочь свою пущати. Сановникъ онъ намени[1] быти добрый случей, рече: «Милостивый кесарю, конь твой сей подобиться твоему нраву». Вопроси его кесарь, како и коимъ подобиемъ. Он же рече: «Видиши, идѣже воды много, тамо прибавляя еще свою испущаетъ, тако и твое величество, идѣже дарова много, тѣмъ же и примножаеши, аз же таковыя милости от тебе не сподобляюся». Рече кесарь: «Истинну реклъ еси, но подобаетъ проусмотрити, от чесого сие: от моего ли на тя непризрѣния или от твоего нещастия. Но отселе искусимъся[2]». И егда приѣха кесарь в домъ свой, повѣлѣ сотворити дорогоцѣнныя два ковъчега и положити во единъ златыхъ слитъков, а в другий же подобно тому олова. Призва же сановника, постави пред нимъ оба ковчега и рече ему: «Даръствую ти единъ от сихъ, приими, егоже хощеши». Сановникъ он, разъмышляя, кий прияти, яко оба подобьни, взя ковчегъ со оловом, и кесарь абие повелѣ ковчегъ роскрыти и рече: «Видиши, брате, яко не от моего к тебѣ презрѣния, но от твоего нещастия добра лишение: вмѣсто убо злата приялъ еси блато». По увѣщании же дарова ему и другий ковчегъ со златомъ.

Бещастенъ кто и всеправедно служитъ,
В неполучении же блага непрестанно тужитъ.

---

[1] посчитал; [2] испытаем.

О ЮНОШИ ПОДОБНѢМЪ АВГУСТУ

Возвещено бысть кесарю Августу, яко обрѣтеся в Римѣ юноша, иже во всѣмъ ему подобенъ. Удивися Августъ, повелѣ пред ся призвати оного юношу. Егда же прииде и ста пред кесаремъ, много взирая на нь[1] кесарь и рече ему: «Повѣжд ми, юноша, коликожды мать твоя здѣ в Римѣ была?» Юноша уразумѣ, чесого ради сицѣ кесарь рече, отвѣща: «Никогда же, великий кесарю, но паче отецъ мой здѣ в Римѣ непрестанно пребывалъ». Слыша сие, Августъ в размышление впаде и раскаяся о глаголѣ своемъ.

Отсюду учися никомуже поносно глаголати,
Да не руку послѣди на уста будеши налагати.

О АВГУСТѢ И О КУПЦѢ РИМСКОМ И О ЛЮБОМУДРИИ АВГУСТА

Славный нѣкий римъский купецъ в великия долъги впаде и до толика обнища, яко точию едина колъдра[2] у него оста. И в толикой бѣдности скончачася оный купецъ. Увѣда о семъ Августъ кесарь, возжелѣ о немъ и понегодова на неизвестивших о немъ, колъдру же ону повелѣ купити и в сокровища своя положити. Вопросиша же ближнии его: что ему по ней? Отвеща: «Колъдра сия скрытую в себѣ силу имать, слышахъ убо азъ, яко оный купецъ в печалехъ своих отраду от тоя имѣ и без нея спати не могъ, и азъ сию купих в память сего. Ибо общий случей и будущее невидимо».

Воистину, тамо покой и сонъ не долъгъ,
Кто имать на себѣ великий долъгъ.

О КНЯЗѢ ФИЛОКСИМЕНЕ И О ЖЕНѢ, УБѢДИВШЕЙ ЕГО ДРОВА СѢЩИ

Филоксименъ, славны князь во Грецыи, возъимѣ обитель к приѣзду своему в дому у нѣкоего человѣка, приимъшаго благодать от него, и человѣк оный, тщася[3] всяко князя улюбочествовати и угостити, приказа женѣ, да устроитъ про князя обѣдъ изрядный, самъ поиде ко угождению потребная купити и тамо укоснѣ[4]. Князь, чая сего в дому быти и обѣдъ готовъ сущъ, ни единого слуги с собою поемъ поиде в жилище господина. Бѣ же сей князь скудоплотенъ[5] и неблагообразенъ. Видя же его госпожа дому и, иже прежде николиже видѣ, не уразумѣ, яко князь есть, помышляя, яко рабъ от него приидѣ извѣщение прияти, уже ли обѣдъ готовъ есть, рече князю: «Любезный хлопче, помози ми, да вскорѣ

---

[1] на него; [2] одеяло; [3] желая; [4] задержался; [5] худ.

про князя обѣдъ устроитъся». Князь Филоксименъ, яко мудры и не гордый, видя, яко жена не позна его, вопроси ю: «Что, — рече, — велиши творити?» И жена рече: «Усѣцы ми дровъ, понѣже оскудѣша, нашего же парабка в дому нѣсть». И князь, сѣкиру приимъ, нача дрова рубити. По малѣ времени звавый князя в домъ прииде, а князь с сѣкирою около дровъ шуръмуетъ[1]. Зѣло оскоръбися и прибѣже к нему, рече: «Бога ради, умилосердися, великочесный княже, что сие твориши?» Князь же восмѣяся рече: «Сего ради, брате, сия теръплю, занѣ лицемъ и возрастомъ[2] зловиденъ».

Твори, еже твоей чести пристоитъ,
Аще хощеши себе ея удостоить.

О АГЕСИЛАУСѢ, КНЯЗѢ ЛАКЕДЕМОНСКОМЪ, И [3]О ЛЮБЕЗНОСТИ ЧАДЪ[3]

Ягесилаусъ,* лакедемонъский царь, в зельной любъви чадъ имѣя, нѣкоего времени утѣшая чадъ, ѣздя на посошкѣ. Присмотрѣся сему высокой чести человѣкъ, и о семъ царю возвѣстиша. Царь же призва его, увѣщеваетъ его, да не повѣсть предъ людми бывшее, извѣствуя, яко не от мелины[4] ума сие сотвори, но побежденъ любовию к чадомъ своимъ.

Прекрасныи суть цвѣтки
Родителемъ своя дѣтки.

О КНЯЗѢ АЛЦЕБИАДЕ И О ЗЛОРЕЧЕНИИ НА НЕГО ОТ НАРОДА

Алцебиадесъ,* афинъский князь, слыша о себѣ от народа зельное поречение и гаждение[5], восъхотѣвъ сие избыти: купи великаго и краснаго пса премногою ценою, повѣлѣ же у пса того хвостъ отсѣщи и пусти по граду. Граждане, видѣвше, яко песъ княжеский есть и каковою ценою купленъ, едини глупости причитаху, инии же яко сребра имать много и ни во что же е вмѣняетъ. Сроднии и ближнии глаголаша ему, яко не добре сотвори, толикую на псѣ цѣну давъ, по граду влачитися пусти: образ даде паче злоречити себе. Он же восмѣявся, рече: «В лѣпоту сие сотворих, да о пъсѣ упражняютъся въ словѣсѣхъ и разсуждении афиняне, горькихъ и суетъныхъ оглаголаний на мя престанут».

Издавна вси оглаголавати зѣло мудри, своихъ же злыхъ в сѣбѣ не чюйни.

---

[1] сражается; [2] ростом; [3] о любви к детям; [4] скудости; [5] осуждение.

О КАРОЛѢ КЕСАРѢ И ОБЛИЧЕНИИ ПИАНИЦЫ

Каролусъ, перьвый от фрягъ[1] римъский кесарь,* родивыйся во градѣ Ганъдавѣ,* зѣло бѣ мудръ, двороченъ[2] же и милостивъ. Сей нѣкогда узрѣ пияна человѣка на пути нечювъствена лежаща, повелѣ двора своего человѣкомъ пияного взяти и отнести въ царския своя полаты, положити же на дрогоцѣньнемъ своемъ царскомъ ложе и приоблещи драгую срачицу, завѣща же ближнимъ своимъ людемъ, егда возбудитъся, готовымъ быти и толикое же служение и честь пияному оному, яко и сѣбѣ приносити: подати на него царское платейцо и прочая творити и звати царемъ и государемъ. И егда пьяный убудися, нача дивитися, гдѣ лежитъ, помышляя, и на каковѣмъ ложе, и въ каковѣй одежди. К сему услыша чинное хождение и кроткое речение, видитъ же и предъстоящих предъ собою благородных, красноодеждьныхъ, златопоясныхъ, ужасаетъся и недоумѣваетъся и мнитъ сие во снѣ видѣти, но иже на долгъ часъ сие видитъ, нача всѣю силою размышляти: снитъ ли или на явѣ? И паки непъщуетъ[3], яко нѣгдѣ дѣмони его занесли. В сицѣвомъ размышлении нача ограждатися крес*т*нымъ знамениемъ, хотя симъ от себе царскихъ ближних отогнати, чая ихъ демонов быти. И егда ограждение креста не помогло, не вѣдаетъ, что и творити. Юноши благороднии, приступльши к нему, кротко и благочинно вѣщаютъ: «Чесого, государю, престрашися? Или кая ти немощь приключися, никогда же толико опочивалъ еси? Уже бо время обѣда». Слыша пияный, яко толико благороднии юноши царем и государемъ его наричутъ, паче удивляетъся и, помышляя в сѣбѣ, глаголетъ: «Аз ли Ганусъ Шпилеръ, пивый у Фрелиха? Боже милостивый, во снѣ ли сие или на явѣ? Но вижу, яко не во снѣ и нѣсмь Ганусъ. Аще ли бы Ганусъ язъ, не бы ми толико изрядныя отроки предстояли и толикую честь воздавали?» С симъ размышлениемъ воста, его же благороднии подъ руцѣ подъяша и многоцѣнныя царския одежди возложиша. Отсюду Ганусъ пияной нача дурити, подобиемъ великихъ глаголати. А пуще всего бѣдному с похмелья есть захотѣлось, повѣлѣ скатеръть взяти. Ближнии сие кесарю Королусу оповѣдаша, како пияный подобиемъ великихъ государей повелеваетъ. О семъ кесарь зѣло свѣтелъ учинися и повелѣ от своего стола драгия яди носити и пияному предъставляти. Но Ганусъ волилъ бы паче трѣскать кислую с сельдми капусту или с солью ретьку и чимъ скорѣе опохмелиться. И по семъ кесарь повелѣ принести предъ него великий кубокъ вина. Ганус кубокъ, не дожидаяся подъносу, попросилъ и не *по-царски* весь на лобъ выворотилъ и еще не довольно сие, премногия драгия пития без остатку пия и уже мой кесарь нача дремати. Кесарь Королусъ, тщася да будетъ таковъ, яко вчера, повелѣ болъши подъносити. Ганусъ на царствѣ все охотно пилъ и за столомъ уснулъ. Кесарь Королусъ прииде зѣло симъ утѣшаяся, повелѣ дорогоцѣнныя одежди с пияного совлещи и облещи в

---

[1] франков; [2] остроумен; [3] полагает.

нихъже хождаше, отнесъши же, положити на мѣсто, отнюдуже взятъ есть. Ганусь, проспався, видя себе на улицѣ лежаща, паки нача дивитися, глаголя в сѣбѣ: «Боже милостивы, о како дивная дѣла снятся человѣку, ибо елика живетъ и не помышляетъ о сихъ. Азъ воистинну чаяхъ на явѣ в толикомъ прохладѣ и чести быти, ано[1] мнѣ все то во снѣ снилося».

Таков пияных разумъ и дѣло, и колико упиватися гнусно, доброхотный кесарь благоприятнымъ дѣломъ показа и виръшь таковый надъписа:

Человѣкъ пияны что ни чини*т*,
Во всѣхъ своихъ дѣлех уподобляетъся свинии.

О НЕСОГЛАСИИ В СОВѢТЕ И ВО ОБИРАНИИ[2] ЦАРЯ НЕЗГОДА[3]

Во обирании нѣкоего краля на г*о*сподаръство[4] великое несогласие видя нѣкий в сенатѣ, ибо дву кождо от своея страны обираху. Бѣ же речевитъ и разуменъ, точию скудость возраста[5] его дерзновение его возбраняше. Обаче ста посредѣ и нача просити слову и гласу воли. Видѣвше благороднии сѣнатори толикий возрастъ его, начаша вси смѣятися, глаголюще: «Слушайте Закхѣя, слушайте!»* Он же: «Что дивитеся, — рече, — возрасту моему? Аще бы видѣли жену мою, больши бы увеселилися, ибо точию до пояса мнѣ». И сему н*а*ипаче начаша смѣятися. Онъ же: «Аще убо и толики есмы, азъ и жена моя, мали, к тому еще между собою несогласни и в томъ нашемъ несогласии и разъвращении домъ и имѣние наше исчезаетъ, погибаетъ. Что же помыслити *о* между многихъ васъ несогласии? Воистину, аще во общий совѣтъ не приидемъ и единому не отдадимъ себе, се бо и всему государству погибель наведемъ». Сие мудрое совѣтование егда услышаша малыша, во общее совѣтование внидоша и единъственно единаго на кралевъство обраша.

На всякое добро великая пригода[6]
Между многими единственна згода[7].

О ДИМОСТЕНѢ И О СУДИАХЪ НЕРАДИВЫХЪ В СУДѢ

Димостенъ* премудры философъ, видѣвъ нѣкоего неправ*е*дно погибающа и от судей и сенаторей презираема, ибо ни во что же пологаху бѣду ближнего своего, принесе рѣчь к симъ такову: «Господие чеснѣйшии, молю еже послушати от мене к вамъ словесе, повѣдати бо хощу нѣчто новое, еже в сихъ днѣхъ учинися». Сенатори и судии прилѣжно приложиша к слышанию ухо, и рече Димо-

[1] однако; [2] выборе; [3] несогласие; [4] государство; [5] роста; [6] польза; [7] согласие.

стенъ: «Юноша нѣки здѣ во Афинѣхъ ная у нѣкоего человѣка осла, да нѣкия вещи своя превезетъ до Мегарии.* За ослом симъ поиде и господинъ, и бывшимъ имъ в пути, наиде на ня варъ[1] и зной от солнца. Хотяху же осла накоръмити, но мѣста не обрѣтоша, обаче сташа. Наявы осла сѣде от солъначънаго вару в тѣни, иже от осла. Господинъ же осла нача збивати[2] его, глаголя: „Ты точию отвести вещи наялъ еси осла моего и что тебѣ до тѣни, иже от осла?" Наявый же глаголетъ: „Наяхъ его у тебе всю в пути семъ потребу мою исполънити, и нѣсть ти в немъ воли". И не возъмогоша смиритися, еже бы купно во оной от осла сѣни сѣсти, да не опаляетъ ихъ варъ солънечны. И возъвращися, позва единъ другаго предъ судию, предълагающе предъ нимъ кийждо правду свою».

Сие изъглаголавъ, Димостенъ умолъче и нача дивитися, како суетной и умышленой[3] повести прилѣжно и тщательно послушают, о ближнихъ же избавлении нерадиво прилежатъ, и тако ему молъчащу. Судии, хотяще оконъчания слышати, рекоша: «Повѣждь намъ о сѣни разъсуждения конецъ». Димостенъ же восприимъ рече: «О сенатори и судии, паче подобаетъ вамъ сострадание и милость и избавление бѣдъствующимъ показывати, вы же усѣрднее и любезнее слушаете, еже никогда бѣ, прилежание же о искреннемъ[4], емуже х погибели идетъ, не хощете явити, правды же и милости показати. И что вящъши: человѣкъ ли или тѣнь и оселъ; здравие ли ближнего и животъ или суетны онѣхъ споръ?» Судии же зѣло о нечювствии своемъ [5]зазреша си[5] и бѣдъствующему прилѣжание показаша.

Всегдашняя бѣда и свада[6]
Многихъ бѣссовѣтная рада[7].

О СУДИАХЪ И О МЗДОПРИЕМСТВѢ

Предъ судиею нѣкоимъ прилѣжаша о нѣкое право двое чесныхъ людей время немало, и единъ уповая получити себѣ, яко правѣе ему бѣ, но дабы скорѣйшую отправу возъимѣти, дарова судии великий и дивный рыдванъ[8]. Соперъникъ, иже неправо хотѣ одержати, увѣдѣвъ сие, дарова судии великихъ и дивныхъ возъниковъ[9]. По семъ пред судиею препирающеся положениемъ закона. Судия присуди и подутверди даровавшему возники. Оный неправедно обиненый[10] узрѣ ѣдуща судию в рыдъванѣ своемъ на оных возъникахъ, рече: «Господине, како толико неправедно одеръжалъ еси мой сий рыдванъ?» И рече судия: «Не вѣмъ како, точию силнии возъники увезоша, поелику тянуша толико и упредиша».

---

[1] жар; [2] гнать; [3] выдуманной; [4] ближнем; [5—5] устыдилась; [6] ссора; [7] собрание; [8] колесницу; [9] коней; [10] обвиненный.

Общая приповѣсть[1]: кто больши мажетъ, того не скрыпитъ. Но, о судии,

помните на мары[2],
не судите за дары.

О ЛАКОМСТВѢ ПРЕДЕРЖАЩИХ И О ОТВѢТЕ МУДРОМЪ

Держатель многихъ градовъ увѣдевъ у подъначальствѣннаго воина дивнаго аръгамака и возъжела усвоити себѣ. Приѣха в домъ ко оному, глаголетъ ему: «Возълюбленный мною и вѣрный, приснися сея нощи, яко ты мя сею лошадью подарилъ еси. Прошу тя, да и на явѣ благополученъ буду, ибо ми сни являются [3]не прелестни[3]». Рече подданый: «Буди тебѣ, господине, по явлению съна твоего, како еси видѣлъ, тако и возъимѣй». И возва князя по рецѣ тамо текущей прохладитися, самъ сѣде на оный аръгамакъ, и егда быша на брезѣ, и видима бысть в водѣ тѣнь от оного аргамака, рече князю: «Се, еже ти во снѣ обѣщахъ и возъдарихъ, приими», — показуя ему на тѣнь в водѣ. Князь удивися оного разуму, не возложи о семъ на него вины ни порече, токмо глагола ему: «Добре сотворилъ еси и истину реклъ еси: идѣже сонъ, тамо и конь».

Но неудобъно нынешнего времени господей тѣнемъ отбывать, не точию аръгамака потеряешь, но и въ тюрьмѣ не мало время побываешь, не въсуе глаголютъ: не гнѣвай пана — потеряешь барана.

О СУДИАХЪ

Квинъциусъ римлянинъ, провинцыи нѣкоея судия, егда окончася правление его, предъ нѣкиими скоръбнымъ и унылымъ видомъ печалуя о недузѣ своемъ и возъвѣщая, иже всегда имѣетъ руцѣ озабши. Рече ему нѣкто: «Не дивися, имѣлъ еси тогда руцѣ горячи, егда былъ еси судиею», оглаголуя[4] ненасыщеный нравъ и к человѣкомъ обиду.

Никто же поречение возъимѣетъ,
Аще вѣрно начальству присутъствуетъ.

О СТРЯПЧИХЪ

Общежительны человѣкъ домовыя вещи [5]въ мѣхѣ несый[5] тѣсною нѣкоею улицею, в томъ же и роженъ[6] великий бяше. Случися оною улицею ити

[1] пословица; [2] о смерти; [3—3] не обманчивые; [4] намекая на; [5—5] в мешке нес; [6] кол.

нѣкоему честному человѣку. Несый мѣхъ вопия: «Поберегись, поберегись!» Он же, яко обыче гордымъ надъ смиренными возноситися, небреже о словесехъ, идя распыхався. Несы вещи во оной тѣснотѣ задѣ его онымъ рожномъ и раздра нѣкако одежи его. Он же повелѣ его бити и бивъ отвести предъ судию, ста и самъ пред судию, глаголя, да учинитъ наказание презоръливому[1] обезчестившему его рабищищу.

Прокураторъ[2] нѣкий прилучися во оно время, пошепта в ухо несшему вещи, глаголя: «Ни къ единому словеси предъ судиею не отвѣщавай, ниже что ино глаголи, аще хощеши правъ быти». Судия егда нача вопрошати: «Чесого ради и како сотворилъ еси, отвѣщай», он же молъча, и тако много время прейде, судии вопрошающу, оному же не отвещевающу. Прокураторъ, по намъ же слову стряпчей, научивый молъчати, рече: «Господине судие, что немаго вопрошаеши, видиши, яко нѣмъ есть и глухъ?» Честный он человѣк, егоже рожномъ задѣ, оскорбися о семъ и не размысля, рече: «То како нѣмъ?», и обративъся ко обезъчестившему его, порицая и лая его, рече: «Нынѣ нѣмъ творишися, а вчера како глаголалъ и вопил еси „Поберегись, поберегись"?» Сие слышавъ, судия обвини его, глаголя: «Самъ себе осудил еси: чесо ради, слыша вопиюща, не устранилъся еси?» И тако его отосла, а оного вольна пусти.

Дворянинъ оскоръбися о семъ
И прокураторей знати научися по семъ.
Идѣже кричатъ «вара!»[3],
Бѣжи прочь зарана.

[4]О ВЕНЕТѢ И О ВЛОХЕ[4]

В Венецыи по обыклости[5] сѣнаторъ нѣкий одда полату в наемъ нѣкоему вълоху. И егда прииде урочъное время наемъ[6] взяти, вълохъ упрашивая срока премани[7] два лѣта. В третие лѣто видя венетъ, господинъ полатъ, яко лукавънует вълохъ, проусмотря время и вземъши пристава от судии, прииде взяти наемъ свой. Наемъший же, увѣдавъ сие, повелѣ женѣ, егда поидут, прилѣжно зрѣти, самъ же приготови свѣщы и черное сукно. Жена возъвѣсти, яко уже идутъ, влохъ облече срачицу бѣлу и долъгу, якоже обычъно на мерътвыхъ возлагати, положися на земли, жена сукномъ прикры и постави два свѣщника зажегъши, сама сяде близъ его, плача. Вниде венетъ и видев сие вопроси: что сотворися? Жена плача глаголетъ, яко моровою язею[8] умре. Венетъ слыша сия, скоро из дому побеже, приказуя ей, да по триехъ днехъ изъ дому оного изыдетъ. Прииде же в домъ свой, цирограф[9], иже между онѣми о наймѣ бѣ, изъя изъ шкатулы и

[1] высокомерному; [2] судебный защитник; [3] «сторонись!»; [4—4] о венецианце и об итальянце; [5] по обыкновению; [6] плату; [7] протянул; [8] болезнью; [9] договор.

изодра, чая наемъшаго вправду умеръша. И прежде оныхъ нареченых трехъ дней, еже ис полатъ оныхъ женѣ влоха изыти, идущу венету и помышляющу, яко уже и погребоша вълоха, и абие срѣте его. Влохъ, видѣвъ его, зажмури око едино. Венетъ, мимо идя и видѣвъ его, глаголетъ в себѣ: «Како яко бы мой заимщикъ, но онъ не кривъ бѣ и быти умеръшему како возможно?» Но паки по семъ улучи его противу себе идуща и око зажмурити не успѣвшя, пойма его и глаголетъ: «Како ты, злый человѣче, обольстилъ мя еси, притворъно сотвори себе мерътва? Но иди и отдаждь по записи наемъ за полаты моя. Аще ли же не отдаси, предъ судию повлеку тя». Много же время стоя истязуя, последи напомяну, яко запись изодра, отпусти его.

Ни в чемъ же нерастропно не чини,
Ниже скорое окончание твори.

О НѢМЧИНЕ, НЕВѢДУЩЕМЪ ЯЗЫКА ВОЛОЖСКА[1]

Купецъ нѣкий немецъ посла во Влохи[2] во град Тревизъ* прикащика своего. Той егда в Тревизъ приѣде, восхотѣся ему ясти. Не умѣя же языка волоска, нача вопрошати, гдѣ немецкая гостинница, но никто же разумѣ, что глаголетъ, и допытатися не возможе. Идущу же ему, сретѣ· его немъчинъ. Прикащикъ урадовася и вопроси, гдѣ гостинница немецкая. Немчинъ оны указа ему оною улицею ити, и гдѣ, рече, обрящеши висяща оръла, писанна надъ враты, то есть немецкая гостинница. На оной же улицѣ живяше балъверъ[3] преди немецкого двора, у него же над враты черъный орълик, написанный над враты, висяще, якоже тамо и обычай. Прикащикъ оны, непщуя, яко той дворъ немецкий есть, вниде в домъ оный. Вопроси его балверь своимъ воложскимъ языкомъ, чесого требуетъ, ибо по-немецку не умѣ, и чая, яко прииди голити[4] брады. Немъчинъ же, по-влоску не умѣя, показа перстомъ в ротъ, яко ясти хощетъ. Балверь же, чая, яко зубъ у него болитъ, принесе стулъ и посади его и повелѣ деръжати. Приемъ же клещицы и иныя пристоящия вещи къ зубному изъятию. Немчинъ кричитъ и торъгаетъся, балъверь же мнитъ, яко от болѣзни се чинитъ, повелѣ крѣпчае держати и распя ему орудиемъ зубы, а иже вѣдати не могъ, кий болитъ, увидѣ на кореноватомъ зубу нѣкую черъньцу, положи на умѣ, яко той болитъ, выломилъ у него оный зубъ. Немчинъ с тоски верътится, балверя лаетъ, а балверь за работу взду взяти ожидаетъ.

Правда и истина велика: полъчеловѣка в чужей земли без языка.

---

[1] итальянского; [2] в Италию; [3] цирюльник; [4] обрить.

О СЦИПИОНѢ И О ЕННИИ

Сцыпионъ Африканъ* прииде ко Енниушу поэтѣ,* многое время у дверей дому прилѣжно клатя, хотя видѣти его. Но Енний книги нѣкия писа, повелѣ отрещи, яко нѣсть его в дому. Сцыпионъ, вѣдая, яко в дому есть, обаче отъиде. Случи же ся по належащей нужде Еннию видѣти Сцыпиона, прииде ко вратомъ его и поклатися. Сцыпионъ, увѣдавъ сие, ис храмины своея самъ изниче, рече ко Еньнию: «Что тако клатиши? Нѣсть в дому господина». Рече Еньний к нему: «Что, брате, отрицаешися, а самъ со мною глаголеши?» Глагола Сцыпионъ: «Что же и ты упорно чиниши? Нѣсть мя в домѣ. Аз убо и работницѣ твоей вчера повѣрихъ, яко нѣсть тя в дому, а ты и самому мнѣ вѣры не имеши».

Поелику и како кто с кѣмъ сам объходитъ,
Взаемно сей оному наградитъ.

О СТРАТОНИУСѢ

Стратониусъ лютнисъть изрядный, но и злодѣй бѣ великий и пакосъник совершенный. Сей прииде в Коринъфъ и премедли три дни. Идуще же ему по граду, жена престарѣвъшаяся стрете его и зря на нь[1] прилѣжно. Стратониусъ, сие видѣвъ, рече ей: «Мати, что толико на мя зриши прилѣжно?» И рече жена: «Сыне, удивляюся зѣло, зрящи на тя. Како тя мати твоя девятомѣсячное время во чревѣ носити могла, ибо градъ сей имѣ тя в себѣ точию три дни, зѣло огоръчися от тебе».

Иже в добродѣтели не поступенъ,
Всѣмъ является гнусенъ.

О АРИСТИПѢ И ДИОГЕНѢ

Аристиппъ философъ,* во дворѣ живый царя Алексанъдра, видя Диогена, худую нѣкую ядь себѣ устрояща, рече: «Диогене, егда бы ты умѣлъ служити цареви, не бы таковыя худыя яди вкушалъ». И Диогенъ отвеща: «Аристипъпе, егда бы и ты слаткихъ ядей ошаяние[2] имѣлъ и худыхъ употреблялъ, не бы тако ласкосердствовал предъ царями».

Емуже глава не *хора*[3]
И отповѣдь скора.

---

[1] на него; [2] воздержание; [3] больна.

О ДИОГЕНѢ И О ЮНОШИ

Диогенъ,* видя нѣкоего юношу добuniv. доброродна, иже все свое стяжание в сластолюбии и в пустошномъ з другми неразстропномъ соединении изъгуби, самъ последи точию едину капусту употреблялъ, рече: «Егда бы ты таковый обѣдъ почасту имѣлъ, воистинну бы богатъшую и сладъчайшую вечерю вкушалъ».

[1]Згаждайся с мешком[1], о губо!
Да не того на плещу и печаль понесеши сугубо.

О ЗАЗРѢВШЕМ[2] ПРИ ЯСТИИ ДИОГЕНУ

Диогенъ сѣдя посредѣ множества людей на торгу и ядя, единъ ему позазрѣ и рече: «Како яко песъ на торъгу, а не в дому яси?» Отвеща Диогенъ и рече: «Брате, тако, яко же ты, обыкоша пси збиратися и окрестъ тѣхъ стояти, иже ядятъ».

О ДИОГЕНЕ

Диогенъ вопрошенъ, в кое время подобаетъ обѣдати и вечеряти, отвеща: «Аще кто от богатыхъ, то егда восхощетъ, аще ли же убогъ, когъда имѣетъ».

Жити, яко вѣночъки вити — богатому,
Опако[3] же идетъ все злочасному и убо*го*му.

О ТАТѢ И О ПИЯНИЦѢ

Тать красти влезѣ в домъ нѣкоего пияницы, иже все еже имѣ стяжание без остатъку пропи. Обаче пияны оный услыша татя в дому ходяща и ищуща, что бы взяти, но ничесоже обретающа, изыде к нему и рече: «Брате, не вѣмъ, чесого здѣ в нощи ищеши, аз уже и в день обрести ничего не могу».

Пустъ весма той домъ бываетъ,
Кто всеохотно в пиянъствѣ пребывает.

О РАЗДРОБИВШЕМ[4] ПО ПИСАНИЮ КУРЕ[5]

К нѣкоему богату человѣку прииде монахъ, он же удержа его обѣдати с собою и посади его в перьвѣйшемъ месте, самъ при онем сѣде, подле себе посади

[1—1] *здесь*: по приходу держи расход; [2] об укорившем; [3] наоборот, [4] о разделившем; [5] петуха.

двѣ дщери своя. Противу мужа сѣде жена, при ней же два сына. И егда жаркия яди ставити начаша, поставиша и великое куре. Человѣкъ оный, угостивый инока, постави оно куря пред оного, повелѣвая обрѣзати е, мнихъ отрицаяся неумѣниемъ, онъ же с прошениемъ увещеваетъ, да обрѣжетъ и много препираяся. Рече мних: «Аз просто обрѣзати не вѣмъ како, точию по Писанию». Урадовася сему звавый, ибо аще и во всемъ искусенъ, но сего нигдѣже слыша, како по Писанию куре обрушити[1], и с прилежаниемъ на се мниха убѣждалъ. Мнихъ приимъ куре и первее главу отрѣза, положи ю предъ звавшимъ его. По семъ отъя шию и положи пред жену его, крылышка обрѣза и положи предъ обѣ дщери его, ноги обрѣза и положи по единой кождому сыну, всю же тушку без главы и крылъ, и ногъ положи мних в кошницу[2] себѣ, юже ношаше. Господинъ дому нача извещатися, от коего Писания такого обрушания навыче, и мних: «Аз, — рече, — от коего Писания навыкох, от сего ти и извѣщу. Ты, по святому Павлу апостолу, глава еси всему дому,* того ради главу тебѣ оного каплуна предложихъ. Сожительница твоя во единаго человѣка с тобою есть, яко писано „и будета оба плоть едина",* того ради оной шию предложихъ, ибо глава и шия заедино. Дщеремъ вашимъ по крылышку предложихъ, понеже многими и разъличными мысльми лѣтаютъ да како замужъ поидут, сынове же твои, яко подпора и основание и содержание твоего дому, яко и каплону ноги, того ради нозѣ симъ предъложихъ. Останокъ, кромѣ главы, и крылъ, и ногъ, себѣ употребихъ сего ради, ибо якоже оно куре безъ сих яко что дивное, и мнихъ между человѣки, яко [3]нѣкий дивъ в лѣпоту же и кромѣ своея воли[3], яко безъ крыл и ногъ. Сего ради молю тя, не зазри смирению моему и недоумѣнию, еже како по-вашему куре розбирати». Звавый, видя разумна мниха, велиею честию почьти его.

Аще кто не весма в разумѣ глупъ,
Не всякъ к нему и добротою скупъ.

О ДИМОСТЕНѢ

Димостенъ, любомудрецъ великий, идый во Афинъский градъ одышався и, преупокояя свою старость, сѣде и рече идущимъ по себѣ тако: «Аз в старости моей нынѣ творю, якоже и афиняне: аз не толико хожду, елико сѣжу, и сии премного пишутъ, мало же дѣломъ производятъ».

Сей точию слово губитъ,
Иже суетно себе хвалитъ.

---

[1] разделать; [2] в котомку; [3—3] как самая настоящая диковина, а без своей воли.

О ЧЮДНЕМЪ ИЗОГРАФѢ

Михаилъ по реклу Анъгелъ,* первый и изрядный зографъ[1] в Римѣ, во храмѣ святыхъ апостолъ Петра и Павла писа святую их икону.

И понеже художество его особно и дивно зѣло, множество духовныхъ съѣхашася зрѣти чюдное художество и свѣтлость образа. И бывшимъ имъ во храмѣ, ту бѣ и Михаилъ, зрящимъ же и дивящимъся, единъ от них пралатъ[2] рече к Михаилу: «Никто ж можетъ зазрѣти честному устроению, но паче достоинъ еси всякоя похвалы и ублажения, точию видится намъ, яко бы румяно святыхъ апостолъ написал еси образи, сии же не такови бѣша». Отвеща Михаилъ и рече: «Да вѣсть высокое ваше достоинъство, яко аз святых апостолъ образи написахъ не якови здѣ в житии и на земли быша, но якови суть нынѣ в свѣтлости сияния и награждения великих дѣлесъ их, ибо апостоли не тако, якоже вы своимъ волямъ служаще на земли жительствуете и румяность и полноту лицъ имѣете, но за повинутие[3] плоти духу тамо сияютъ».

Сие слышавше духовнии во стыдѣниемъ отидоша, ни о чесом же прочее потязующе.

Никтоже от лаикъ[4] духовънымъ дидаскалъ[5],
Но Михаилъ пролата добрѣ угласкалъ[6].

О БОЛѢЗНИВЕМ

Соседъ ближний разболѣся и близъ бывъ смерти. Жена его, желая да поне при смерти покаетъся, увеща его и призва попа. Попъ, пришедъ и послушавъ исповѣди, нача его учити: «Видиши, — рече, — яко близъ ти конъчина, покажи поне в малѣ времени плоды покаяния, сокруши свое серъдце, а паче не отчаивайся о милосердии Божии, умилися душею, принеси слезы и аще тако сотвориши, — рече, — то ангели поимутъ и понесутъ душу твою». Больный же рече: «Слава Богу, яко понесутъ, а не пѣшу итъти, ибо вѣмъ не малу дорогу, а ходить не могу».

Не в час бѣдный глумится,
Яко в таковый страшны путь готовится.

О ПОСѢЛЯНИНЕ, ВДАВШЕМЪ СЫНА УЧИТИСЯ ПО ЛАТИНЕ

Селянинъ нѣкий со множествомъ имѣния предаде сына во учение словеснаго наказания во едину от краковскихъ школ, но сынъ в празности пребы, не латинский глаголати желал, но идѣже рюмки гремятъ, тамо пребывалъ и из-

[1] живописец; [2] прелат; [3] подчинение; [4] мирских; [5] учитель; [6] приласкал.

нури[1] все, еже даде ему отец, возвратися ко отцу, еще хотя взяти у отца. Отецъ, аще и простакъ, но помысли: «Вда много, а еще проситъ. В толикой тщетѣ будетъ ли что лутъшее в сынѣ?», и хотѣ сына вопросити, како что по-латинѣ, но не вѣдаше. Прилучися же ему во оно время навозъ в стаи[2] копати, сыну стоящу на празѣ и дивящуся трудомъ его. Отецъ вопроси: «Сыне, како по-латинѣ вилы, како навоз, како телѣга?» Сынъ отвеща: «Отче, вилы по-латине видлатусъ, гной — гноятусъ, воз — возатусъ». Отецъ аще и невѣдокъ, обаче уразумѣлъ, яко сынъ за школою учился, удари его вилами в лоб и вда ему вилы в руки, глаголя: «Отселе учися вмѣсто школы в хлѣвѣ: возми видлатусъ в ренкатусъ[3] и клади гноятус на возатусъ и будет ти видлатусъ иператусъ»[4].

Не вскорѣ будетъ философъ,
Кто сердцемъ привязанъ у сохъ.

О ОБОЛЬСТИВШЕМЪ ПОПА

Прииде нѣки шпынъ[5] исповѣдатися предъ попа, бывша прежде богата и славна человѣка, и исповѣдався, с великимъ благовѣриемъ рече попу: «Честный отче, прежде малых дней обрѣтох великую часть злата, а яко мнѣ сие милостивый Богъ подаде, сего ради не хощу обратити сие на свой пожитокъ[6], но отдаю сие на славу Божию, ты же мнѣ дай, отче, что к моему иждивению, чемъ бы мнѣ до моего дому доити». Вопроси попъ: «Гдѣ оно злато?» Шпынь供 иземъ изо чпага[7] великую гомулю[8] злата величествомъ, яко яйце. Урадовася попъ, видя злата много, изъя из шкатулы четыре златых, вда ему, обѣщеваяся оно злато, еже взя у него, на устроение церковное истощити. Шпынь златыя приимъ, оттыде радуяся, яко облукави попа, а попъ, веселяся, иде ко златарю привѣсити *и* искусити. Златорь приимъ на руку видит, яко тяжко, вземъ осельцу[9], искуси и явися вмѣсто злата олово, свинцемъ смешено и позлащено. Попъ, видя сие, зѣло оскорбися и написа на стенѣ:

«Всякъ, егоже [10]лакомство иметъ[10],
Ногу свою на оно не размысля удобь двигнет».

О ПОВЕЛѢВШЕМЪ ДВОВИДНЫЯ ОЧКИ КУПИТИ

Нѣкий злых обычаевъ человѣкъ купеческому человѣку, хотящему ѣхати до Норенбергу, приказуя, глаголетъ: «Господине любезный и бълижний сосѣде, слышахъ, яко в Норенъбергу добрыя продаютъ окуляры[11]». Отвеща ку-

[1] растратил; [2] в конюшне; [3] в руки, [4] перо; [5] насмешник; [6] пользу; [7] из кармана; [8] кусок; [9] пробирный камень; [10—10] гложет корыстолюбие; [11] очки.

пецъ: «Есть тамо, брате, изящныя самыя виницѣйския[1] хрусталовыя, но за толикия немалу и цѣну дати». Рече шъпынь: «Ничтоже о семъ, аще много дати, точию таковыя купи ми, дабы видѣти добраго и злаго человѣка». Купецъ возсмѣяся, вѣдая его, кто есть, обещася ему таковыя очки купити. И егда бысть в Норенбергу, напомяну сие и купи двои очки, едини хрусталъны, а другия жъ простыя, и повелѣ пристроити, дабы видѣти самого себе. И егда возвратися в домъ свой, стрете его приказавый очки купити и вопроси, аще купилъ есть. Купецъ приведе его пред многи человѣки и изъя очки, даде ему добрыя, повелѣ сихъ на носъ возъложити и вопроси: «Кого видиши?» Он же позрѣ на пре*д*стоящих и на купившаго, рече: «Вижу добрых человѣковъ». И купецъ рече: «Се имаши очки, в них же добрых видиши». Даде же ему вторыя, и егда воздеже, вопроси: «Кого видиши?» Онъ же отвеща: «Вижу самого себе». И рече купецъ: «Имаши, брате, и сия, в нихъ же вора видиши».

Егда [2]получитъ на коса косъ[2],
Подасть единъ другому, яко мразу в нос.

О ИНДЕРЛЯНСКОМЪ[3] ТАТѢ

Во Инъдерълянии нѣкий злодѣлатель влачася между человѣки, ища проныръствомъ свое получити и многимъ лукавствомъ дѣл своих знаемъ бѣ в Кольне и во иных градѣхъ. Сей прииде в весь от Кольна отстоящу десять поприщъ,* вѣдая во оной веси краву добру и велику у нѣкоего коръчмита[4], всякими лукавыми обычаи мечътуяся о семъ и домыслися сицевымъ образомъ: прииде во ону весь и впросися на наслѣхъ[5] у оного коръчмита. Коръчмитъ преночевати пусти, вопрошая его: «Камо, — рече, — идеши?» Отвеща: «Иду на торъгъ до Колъна». Коръчмитъ рече: «Обнащуй и утре оба поидева, ибо и азъ тамо купити потребная хощу, но аз рано востану, дабы ми тамо приити на дъневнемъ разъсвѣте». Отвеща злодѣй: «Добре, тако и мене побуди, господине». Но не спящий злыхъ смышлений сосудъ, егда корчмитъ з домашними в первомъ и слаткомъ снѣ быша, воста, изыде и влѣзе в хлѣвину, идѣже крава стоя, сведе ю с коръчмитова двора и из веси изведе, и сведши со оного пути, еже к Кольну, привяза ю к древу и пришед паки ляже на мѣстѣ своемъ. По дву или трех часѣхъ возбудися корчмитъ, побуди же и гостя, и воста, якобы крѣпко спя, и облекшися, поидоша, глаголюще между собою се и ово. И егда уже близь бывшимъ, идѣже крава, рече ко господину укравый: «Поиди, господине мой, помалу, аз убо имамъ в сей весце[6], иже в странѣ от нас, долъжника, поити ми к нему и попросити, да дастъ ми что за долгъ, ибо ми на торъгъ ити не с чимъ». Каръчмарь рече: «Иди, аз же полехъ-

---

[1] венецианские; [2—2] найдет коса на косу; [3] о нидерландском; [4] корчмаря; [5] ночлег; [6] деревушке.

ку поиду и буду нажидати тя». Украдый корову поиде на ону страну, идѣже весь и корова у древа привязана, отвяза сию од древа, нача за господином ея гнати и догонивши его, нача жаловатися, каковыя хлопоты отнесе, спираяся з должникомъ своимъ, и едва, рече, худую корову сию взяхъ и то за великую цѣну, и да не туне[1] отиду, за великую нужду взях и сию. Рече к нему господинъ коровы: «От злаго долъжника и плевами[2] возми», — и паки глаголет: «Брате, не вѣмъ, за колико еси взялъ, а корова зѣло добра и попремногу уподобляетъся моей, и воистину аще бы вчера не замъкнух моей, рекъ бы, яко моя есть, но случается не точию скотъ скоту, но и человѣкъ человѣку подобитъся». И егда тако симъ глаголющим, уже близ быша Кольны града. Нача помышляти украдый: «Вси мя во градѣ и дѣла моя знаютъ и возглаголютъ, яко украдохъ корову». И умысливъ, рече ко господину коровы: «Господине мой, имѣю нужду во градѣ и кромѣ продаяния коровы сея, и аще за сея продажею укосню, многий себѣ убытокъ сотворю. Молю любовь твою и возъдамъ тебѣ за трудъ твой, сотвори милость, продай ми ю, и аще что вящши возъмеши четырехъ златыхъ за ню, симъ тебѣ челомъ бью. Сыщи же мя во оной гостинънице», — имя нарекъ. И тако утвердившеся межъду себе, разыдошася. Украдый корову еще лукавствомъ своего умыслу ходя по граду, улучая свое, а коръчемъникъ приведе корову свою на торъгъ продати на украдшаго ю, и егда сию купцы узрѣша, тщательно начаша торъговати и единъ нѣкий гражданинъ даде за ню пять златых. Приимъ же господинъ коровы цѣну, поиде в нарекованъную гостинъницу и тамо одда зълатые вору за свою корову, и той по обѣщанию своему даде ему златый и хотѣ скорѣе утѣщи; нача молити господиню[3], да дасть ему мису[4], на чемъ принести чимъ приятеля своего, господина коровы, любочествовати[5]. И егда ис храмины изыде к тому, его не узрѣша, коръчмитъ видѣ, яко подъругъ его не вскоре будетъ, поиде к дому своему. И егда уже близь бывъ, изыде дщи противу его, плача и изъвѣствуя, яко оноя нощи корову украдоша. Корьчмитъ бѣдный, объемъ главу свою, такожде нача плакати, глаголя: «Не человѣкъ, но самъ мя диавол прельсти, яко самъ азъ свою корову прода, а цѣну украдъшему ю отда».

Воистинну и демонъ тамо не учитъ,
Егда кто себе самъ в злых дѣлах цвичит[6].

О ДВУ ТАТѢХ И О ПРОТОПОПѢ

Приидоша во едину весь два татя и лукавнующе вездѣ присматривающе ко обрѣтению своему. И единъ у нѣкоего жителя веси тоя присмотрѣ орѣховъ воложъских грамаду, другий примѣти у инаго селянина овцы и бараны толъсты, и тако согласившеся, да кождо намѣрению своему послужат и купивши безъ

[1] попусту; [2] соломой; [3] хозяйку гостиницы; [4] поднос; [5] угостить; [6] обучает

сребра снидутся при костелѣ в косницы[1] — косница же притворъ, в немъже нищии сѣдяху и прошаху милостини во дни даже до вечера, в нощи же притворъ той пустъ бываше. Веси оныя плебанъ, то есть протопопъ того села, ногами болящe, подагру, сирѣчь камчюжную болѣзнь, велию имѣаше, не имѣяше же при себѣ кого, точию два юноши, иже ему служаху, и егда потребу возымѣетъ камо приити, на стулѣ его ношаху.

И егда нощь прииде, изыдоша татие на дѣло свое. И иже орѣхи примѣти, поелику в дому утишишася, наполни оныхъ великий мешокъ и прииде во ону косницу, еже есть притворъ, нача ждати подруга своего и тако тамо сѣдя, ожидая подруга, грызяше я. По случаю у оного попа во храминѣ огнь погасе, высѣщи же к чему не прилучися в дому, посла поп единаго от служебъникъ своих взяти въ костелѣ от ламъпады огня. Посланы, егда прииде близъ притвора, услыша лускъ орѣховъ, возмнѣ в притворе демона быти и глумящася, страхомъ великимъ объяся, прибеже к дому безъ огня и случай плебану повѣда. Плебанъ разъгнѣвася, укоряя его и страшлива нарича, посла втораго юношу и преди пришедъшаго паки с нимъ. И егда обоим близъ бывшимъ и услышаша лускъ, начаша жилы дрожати в колѣнехъ ихъ, и трепетни вспять побѣгоша, и попу сие повѣдаша, чесого дѣля в костелѣ огня не взяша. Попъ злыя слова метавъ на ня и без свѣта не возможе быти, повелѣ самого себе нести ко храму. Юноши они понесоша попа. Нощь же бѣ зѣло мрачна и безлунна. И егда близ быша притвора, тать оный сѣдяй тамо, чая, яко подругъ его борановъ несетъ, возопи: «Подожди, не надъсѣдайся, помогу ти». Юноши они, ужасомъ содеръжими, чаяху, яко демонъ хощетъ имъ нести помощи, поставиша попа, побѣгоша. Тать оный ис притвора излѣзъ, глаголетъ: «Толъсти ли?» Попъ, услыша сия, зѣло убояся и от великаго страха забы лютую свою и великую болѣзнь, вскочи с креселъ и яко бѣшеный к дому побеже. Тать, мня, яко клевретъ его лукавнуетъ, не хотя дати части в крадежи, бѣжа за попомъ и вопия: «Что бѣжиши? Моя половина!» Попъ в домъ едва живъ черезъ прагъ превалися и замкнувъся, глаголетъ: «Нѣсть ти, дияволе, ни единыя части во мнѣ». Тать виде, яко обольстися, отиде от дому, срѣте же и таварыща и повѣда ему пригоду[2] свою. Попъ отсюду от лютыя своея болѣзни исцѣлѣ и к тому даже до смеръти не чюяше ея, злый страхъ отъя недугъ от ногу его.

Тамо не бываетъ ха-ха,
Кто дойдетъ до великого страха.

---

[1] в покойницкой; [2] приключение.

О ДОКТОРѢ И О БЛАЗНѢ[1]

Честнаго жития человѣкъ, болѣзнию велиею одеръжимъ, призва доктора. Докторъ пришед позърѣ болѣзнь, между многими способы многих лекарствъ глагола ему: «Подобаетъ ти вѣтръ отвнутрь испущати, и аще вѣтра испущати не будеши, здравия не получиши». Болящий оный нача Господа Бога молити, да же симъ его потѣшитъ, но егда ни рецепты, ниже ино прилѣжание доктора поможе, на остатокъ человѣкъ онъ нача Господа Бога молити, да умилосердится и возметъ от него духъ его и не лишит Царства своего Небеснаго. Блазень, или дуракъ, живый у него, сѣдя при пещи, услыша господина моляща, рече: «Како ты, господине, толико глупъ еси, Богъ не хочетъ дати и пердѣния, а ты Царства Небесного просиши? Гдѣ ты свой разумъ дѣлъ?» Господинъ, егда услыша сие, вельми разсмѣяся и в томъ смѣсе зѣло громко вѣтръ испусти. Докъторъ, стоя пред нимъ, рече: «Ста златых стоит перъдень сий». Блазень, слыша о семъ похвалу, вдвое громчае того труснулъ и рече: «Докторе, оценилъ сей княжей пердень во сто златыхъ, за мой дай хоти десеть». Господинъ сему велми смѣяся и от того в томъ часѣ озъдравѣ.

Блазень аще и непристойно вещаетъ,
Но утѣхою вмѣсто доктора бываетъ.

О РЕЦѢПТОРѢ КОЛЛИМАХѢ

Коллимахъ именемъ рецепторъ кролевъский* в великомъ своемъ недузѣ велию печалию одеръжимъ, яко и доктори отступиша от него, ибо оныя маленколии[2], сиречь безпамятныя кручины, не возмогоша из главы его изяти, и лежа сей Коллимах, яко умеры. Слузи возъмнѣвше, яко уже господинъ жив быти не можетъ, ибо о семъ слышаша вѣщавших докторовъ, начаша износити вещи его, якоже елико кто усилитъ. Имяше же той Колимах малъпу[3], или пифика, на чепи[4]. Сия все сие видѣ, что слузи чиниша и ничтоже оставиша, кромѣ еже под господиномъ постеля. Подобяся слугамъ, малъпа прибеже ко одру Коллимаха, нача тянути постелю исъ-под оного и возглавие ис-под главы его. Видѣ сие песикъ, иже лѣжа на возглавии, нача щекати[5] на малпу. Сие видѣвъ, Колимах возсмѣяся, глаголя: «Боже милостивы, еще бо ми живу сущу, творитъ же ся, яко уже ми умеръшу». И от сего смѣху нача болѣзнь его лехъчати и не по мнозѣ весма изцелѣ.

Радости преизлишество в болѣзни заступает,
Печали же безмѣрие приятну скорбь раждает.

---

[1] шуте; [2] меланхолии; [3] обезьяну; [4] на цепи; [5] лаять.

О НЕВѢЖЛИВѢМ ГОСТѢ

К нѣкоему сѣнаторю приеха небогаты шляхътичь. Сѣнаторь прия това любезно, повелѣ ему ясти с собою и учрежение[1] сотвори ему велие. Шляхтичь, въ скудости своей не видая сицевых, отяготися ядми и упися. Сѣнаторь, видѣ его сицева, повелѣ его положити на нарочитѣмъ[2] ложи и приодѣти драгимъ одѣяломъ. И тако ему крѣпко уснувшу, нача во чревѣ его пургуровати[3] от оных сладких ядей и пития, и в глубокомъ своемъ сънѣ весь окаляся. И егда уже ко утру возбудися, и видѣвъ себе в толико гнусномъ россолѣ, недоумѣвается, что творити. Умысли же притворно, якобы разъболѣся, опрятно ожася на постели одѣяломъ, пригласи слуги, повелѣ известити о себѣ дому господину, яко смертно в болѣзни страждетъ. И егда господину известиша, со тщаниемъ прииде к нему, он же стоня великимъ гласомъ. Нача же его вопрошати господинъ, кое скоръби приключение и каковымъ образомъ. Онъ же мало возведся[4], ожимаяся одѣяломъ, рече к нему: «Господине мой великий, сия скорбь моя приключи ми ся от сонънаго престрашения, видѣхъ бо во снѣ, яко нѣкия велицы и страшни двѣ птицы от небеси слѣтѣша ко мнѣ и восхитивши мя от ложа сего, до небесъ поднесоша, и вознесши от самыя высоты до земли снизъпустиша. Сия вина и приключение моея скоръби». Сѣнаторь, слыша сия, возсмѣявшися, рече: «Страшенъ, брате, сонъ твой, и аще бы сие приключилося иному, то бы и *в* портки напысалъ». Гость же, шляхтичь он, яко услыша сие, рече, открывая одѣяло: «Государь мой, не покручинься, и аз от толикия страсти весь обосрахся». И тако умысломъ коварнымъ избѣжа стыда и гнѣва.

Невѣжливой гость
Всегда оставляет гнусу полну горсть.

О ДВОРЯНИНЕ И О ПРОТОПОПѢ

Шляхтичь нѣкий возва на учережение нѣкоего плебана. Плебанъ, подвышая себе, приеха со многими человѣки. Шляхтичь уповая, аще и многочеловѣчно приѣдѣ, но сего дня и паки отъѣдетъ. Плебанъ же три дни премедли у него и сотвори ему тщету велию. Стѣсъкнися[5] шляхтичь от гостя, изрещи же о семъ в лицѣ стыдяся, умысли сицевое: четъверътаго дни рано воста, нача при гостѣ обуватися и [6]остроги припну[6] и приготовися, яко есть обычай ѣхати, прощаяся з гостемъ. И вопроси его плебанъ: «Чесого ради и гдѣ ѣдеши, а имѣеши нас гостей в дому у себе?» Отвеща шляхтичь: «Господине, вижду, яко ты от мене ѣхати не

---

[1] угощение; [2] на самом лучшем; [3] слабить; [4] приподнялся; [5] затосковал; [6—6] нацепил шпоры.

хощеши, то аз самъ от тебе отъѣхати хощу». Плебанъ, возсмѣявся, немедленно из дому его поѣде.

Егда нѣчимъ гостя изъбыти,
По нужде самому из дому изыти.

О ДВОРЯНИНЕ И ОБМАНЬЩИКѢ

Нѣкий ошустъ, а по-нашему обманщикъ, вълачилъся по свѣту, хитростию словесъ и гаданьми многих обольщая, и сею хитростию много собра златых и прочего добра, и слава о нѣмъ пронесеся повъсюду, колико хитръ, а к тому дворонченъ[1]. Слыша о немъ нѣкий разумный дворянинъ, возжела видѣти его и слышати дѣла его и восхотѣ прелукавити его. Посла взыскати его слуги своя и не обрѣтоша. Не по мнозѣ времени внезапу самъ ко оному прииде, идѣже живяше. Урадовася дворянинъ, повелѣ его к себѣ возвати. Прииде шъпинь, многия куглярства[2] показа и дъворянина удиви. Егда же прииде время обѣда, дворянинъ, хотя ясти, глаголетъ ему да обѣдуетъ с нимъ. Он же уже яде, дворянина же хотя истомити, рече: «Како, господине, в сие время толико рано ясти, ибо еще и на небѣ Богъ и анъгели не ядоша? Аз же до оного часа ясти не буду, дондеже Богъ и ангели его начнутъ ясти». Дворянинъ, [3]згожая ему[3], остави ясти дотолѣ, дондеже шпынь повелитъ поставити ясти, самъ же нача домышлятися, како бы ему отдати[4] и набытое лукавъством отняти. Упросися же у кугляра на мало время и не велие что покуша[5]. И яко уже прииде к вечеру, возвести шпынь дворянину, яко уже Богъ на небѣ нача ясти и аггели его с нимъ. «Время, — рече, — и намъ ясти». Тогда дворянинъ повелѣ подавати и сѣдоша ясти. Первѣе же повелѣ дворянинъ принести нѣкую уху[6] и, вземъ скроецъ[7] хлѣба, искрошя во ону уху в мѣлъкия кусочьки, тогдажде и шпыню предложи скроецъ, по тому же повелѣ искрошити, и егда искроши, смѣшавъ, торѣлъкою накры и поднесе вина, а поднесъши, рече, подчивая: «Друже, яждь свое, еже крошилъ еси, моему же крошению и часткамъ не прикасайся и не вкушай сих». Кугляръ, видѣвъ сие, что творити, не вѣдаетъ, а уже и ясти желалъ, но кто познаетъ в семъ крошении свое, паче же смѣшаномъ? Много молчавъ, шпынь он отложи куглярство, глаголетъ: «Господине, невозможно сие, еже свое мнѣ крошение ясти, твоих же часток не прикасатися, понеже суть во едино смѣшени». И рече дворянинъ: «То како ты на небесѣхъ вѣдаеши, егда Богъ и ангели кушаютъ, а в ставцѣ[8] своих кусковъ сыскати не умѣеши?» И посѣкши его, лукавством притяжаное повелѣ отъяти.

---

[1] остроумен; [2] фокусы; [3—3] соглашаясь с ним; [4] оплатить; [5] слегка перекусил. [6] похлебку; [7] ломоть; [8] миске.

О АНТИОСѢ И ОНИБАЛѢ

Егда Антиохъ* хотѣ Римъ развоевати, собра превеликое воинъство во всебогатомъ и драгомъ устроении и весь его ратный строй от чистаго злата и сребра драгоцѣнно устроенъ. Вопроси же Антиохъ Аннибала:* «Како, — рече, — разумѣеши о дивнемъ строении ратных дѣлъ моих и довольно ли будетъ се собрание на римълянъ?» И Анънибалъ, глумяся, рече: «[1]Зѣло довлеетъ[1], а паче яко римъляне к сему вельми лакоми».

Не иже кто идетъ стройнѣ,
Но добраго сердъца храбрствуетъ на войнѣ.

О СЕМИУСѢ

Семиусъ прииде ко изографу Малъмсу, первѣйшему в Римѣ художествомъ, и вечеряя у него, видѣ чада его зловидна, глумяся над нимъ, рече: «Вижду растояние велие в художествѣ твоем, ибо иначе твориши образы[2] и инообразно пишеши чада своя, и писание образов вящъши есть». Рече ему Малъмсъ: «Не дивися, ибо в нощи дѣлаю детей, идѣже свѣта нѣсть, пишу же во дни, того ради дневное писание лучши».

Никто ничимъ не замажетъ
Природный лица скаретъ.

О КРАСЯЩЕЙСЯ БАБѢ

Диогенъ, видя бабу красящуся и [3]излишними себе облагающу[3], рече: «Старуха, аще к живымъ [4]прелстилася еси[4], аще же к мертвымъ, молю, поспѣши».

[5]О СУРОВѢМ ОТРОЧИЩЕ[5]

Диогенъ, видя отрока сурова играюща и мещуща[6] на многих, зная же его, от каковы родися матери, рече: «Отселе тако, дѣтя, не играй, егда како во отца улучиши[7]».

Той же, виде юношу красящася, рече: «Како, о юноше, естеству тя мужа творящу, самъ себе унѣвѣстилъ еси?»

[1—1] вполне достаточно; [2] картины; [3—3] чрезмерно себя украшающую; [4—4] собираешься обольщать; [5—5] о дерзком мальчике; [6] бросающего камни; [7] попадешь.

О ГОСПОДИНЕ И О НЕВОЛЬНИЦѢ

[1]В Неополиуме* завѣщание[1] и положение общее: от своеплеменных не поробощати, но купленных за сребро рабовъ держати. Единъ гишпанъ имѣ купленую неволницу и сия бѣ добролична. Принуди ю к неподобному смѣшению и восплоди от нея. Невольница, егда породи, нача господаря просити, дабы ю отпустилъ по преданию гишпанъских правъ, ибо таковое имутъ законоположение — всякую неволницу воли удостоити, аще з господиномъ плод возимѣетъ. Гишпанъ не хотѣ ю пустити, отрицатися нача, яко оно дитя не от него есть. Принесеся речь сия пред краля Алфонса,* и пред симъ жена противу положения свободы просила. Краль недоумѣваяся о семъ, како рассудити инако, яко господинъ дѣла сего отричетъся, повелѣ дѣтище продати. Отецъ, прислушався, ужасѣся, понеже дѣтя красно, а к тому дѣвочка, и вси со тщаниемъ хощутъ купити, препадеся любовию къ ней, принесе вину, извѣствуя, яко его есть. Кроль Алфонсъ жену свободою подчти, дѣтище отцу вручи, наказав его.

Повесть убо сия не смехотворна, но памяти достойна, понеже Алфонсъ Соломону судомъ симъ подража,* и удивително нелицеприемное суда его.

НА МАЛЫХЪ

Цицеронъ* имѣ брата малого зѣло возраста[2]. Видѣ же его подобиемъ такова до полу[3] его написан образ его зѣло изрядно, и показав некоему от друговъ своих, глаголет: «Зри, брате, како брата моего половина лучши всего его».

Той же узрѣ зятя своего, меч велий при бедрѣ имуща, самого же мала суща, рече: «Кто зятя моего к толикому мечю привяза?»

О ДРУЗѢХ О МАРКѢ И ШПИНЕЛѢТЕ

Во Влошахъ во градѣ Сѣньнѣ* нѣцы содружество дивное имяху и яко от единыя крове братия любляхуся. Единому имя Шпинелѣтъ, а другому Марко. Сии оба имяху жены, якоже возрастомъ, тако и красотою благозрачни, млади и любезни межъду собою. Шпинелѣтъ оный в домъ друга своего Марка часто приходя и сицевымъ частымъ приходомъ у жены его велию приязнь возимѣ, за оною приязнию лагодныя[4] слова, по семъ по воли хотѣния их любезное себѣ дѣяху и ради быша всегда между себе видѣтися. По прилучаю жена Марькова, увѣдѣвши, яко мужъ ея из дому поиде, неопасно возва Шпинелѣта, да приидеть к ней. Марко, мужъ ея, вмалѣ от дому отшедъ, сие услыша, сердцемъ уязвися, и

[1—1] В Неаполе закон; [2] очень маленького роста; [3] до пояса; [4] ласковые.

тайно возвратися, и в сокровеннѣ мѣсте скрыся. Видѣ согласие их и дѣло, како поидоша во храмину и что дѣлаша, впаде милый Марко в недоумѣние, что творити, не вѣдаше, но претерпѣ, дондеже окончася привѣтство обоих. Шпинелѣтъ оный по разглаголании со женою Марка поиде из дому его. Марко абие прибеже, идѣже дѣло их бѣ, заста жену на ложи еще и главу ея розъторъхану. Нача ю злорѣчити и поносити, глаголя: «О злая, всезлобная, недобрая жено, тако ли ти пристоит ложе мужа своего хранити?» Она не возможе дѣла своего отрещися, паде к ногам Марька, прося милости. Отвеща же ей Марко: «Отпущаю тебѣ сию твою смертную вину, точию сотвори, еже ти повелю. Заутро во оную же годину дня повели Шпинелѣту к себѣ быти, и егда приидет и в ложницѣ нашей с тобою будетъ, и аз вскорѣ прииду, ты же, яко бояся мене и понеже якобы не вѣси, гдѣ его скрыти, в сунъдукъ нашъ оны великий положи его и замъкни. Аще ли же сего не сотвориши, жива быти не можеши». Она же, бѣднѣнькая, страха ради смерти обѣщася сие сотворити, рано востав, посла к нему, егоже посылати обыче, повелѣ назнаменати время, в неже ему приити к ней. Вмалѣ пред симъ временемъ Марко со другомъ своим Шпинелѣтом сошедъшеся во храмѣ нѣкоем и много между собою словесъ простеръше, яко вѣрнии друзи. По сих речениих оный часъ нареченный надшедъ, нача Шпинелѣтъ рѣчь прекращати и рече Марку: «Зва мене приятель нѣки на обѣдъ и повелѣ ми приити в сию годину». Марько же рече ему: «Поглаголемъ, брате, ибо еще время обѣда не прииде, аз же нѣчто имамъ нужное рещи ти». Он же не хотѣ в словесѣхъ забавлятися ни по коему образу, но рече: «Остави ми, брате, ибо аз паки здѣ тя в семъ часѣ возвратився обрящу, понеже тамо не укосню, но, управяся со онымъ моимъ приятелемъ, скоро возвращуся и поглаголю с тобою». Сия слыша, Марко приобѣща его ту во храмѣ пождати. Шпинелѣтъ по обѣщанию поиде просто к женѣ Марковѣ, не вѣдая подлога о себѣ. Егда же внидоша в ложницу и поиде согласие, Марко абие прииде. Услыша сие, жена его рече Шпинелѣту: «Бога ради, любезный Шпинелѣте, не имамъ, гдѣ тя скрыти. Мужъ мой Марко прииде, влѣзи в сий сунъдукъ». И Шпинелѣтъ в сунъдукъ влѣзе и замчеся. Марко вниде, глаголетъ женѣ своей: «Мариера, уже ли обѣдъ готов есть?» И рече жена: «Потщуся[1], господине, приготовити вскорѣ». Рече паки Марько: «Возлюбленная жено, воззови к себѣ сѣмо Шпинелѣта друга моего жену, да купно с нами пообѣдаетъ, понеже мужъ ея сказа ми, яко в дому ясти не будетъ, ибо сам ми возвести, яко возва его нѣкий приятель на обѣдъ. Поиди по ню сама, рцы же, яко о семъ рещи мужъ ея ничегосого не будетъ, и понеже и аз [2]в тебѣ мужу ея, яко вѣрну приятелю, вѣрю[2]». Слыша сие, Шпинелѣтъ в сунъдукѣ не вѣдаетъ, чемъ гостью потчивать будутъ, такожде и жена Маркова, шедъшая по ню, размышляла, что то за обѣдъ будетъ. Шедши же возва прежде слышаными словесы, и приидоша обѣ. Стрете Марко друга своего Шпинелѣта жену, приведе в ложницу, привѣтова радост-

[1] постараюсь; [2—2] тебя мужу ее... доверяю.

ною душею и объемъ поцелова и женѣ помова изыти. Видѣ жена к чему идетъ, обаче вѣдая вину свою, воли мужа не प्रерече, изыде ис храмины, Марко же и двери замъче.

Жена Шпинелѣтова уразумѣ, что с нею творити ся хощет, нача Марку глаголати: «Бога ради повѣждь ми, чесого ради тако мя непристойно лобызаеши и, едину оставя, храмину заключаеши? Вижду бо, чесого ради возва мя, и се ли вѣрная любовь твоя к мужу моему? Молю тя Господемъ, удержися от начинания твоего, ибо аз на се не хощу, и женѣ твоей вина от сего злобѣ будетъ на мя». Марко же объемъ ю целуя, приведе ко оному сундуку, идѣже Шпинелѣтъ мужъ ея замченъ, рече ей: «Любезнѣйшая моя Анзуло, послушай и вѣждь о семъ, аз убо приятеля вѣрна и друга любовна мужа твоего имѣхъ и зѣло любих его и тако в немъ надѣяхся, яко и в приснороднемъ брате, но возвещяю ти и жалобу приношу. Вчера застах его с моею женою тако, якоже с тобою объществует, но за се не хощу от него иныя нагороды, точию се ему отдамъ, что мнѣ сотвори. И о семъ вѣдай точно, яко на се и призвах тя и на *се тщуся*, и жена моя о семъ вѣдаетъ, от иных же никтоже увѣсть. И сему не прекуй и глаголати престани». Сие слыша, Анъзула по многих разглаголаниих рече: «Аще сие сотвори мужъ мой женѣ твоей и хощеши отмстити сие злое его чрез толикую дружбу сотворенное на мнѣ, не отричюся. Точию обѣщай ми ся, да паки будеши жити со женою своею в мирѣ и аз со своимъ мужемъ, и да никтоже увѣсть сие о нас, ибо аз сего в тебѣ не чаях, да сие сотвориши, но вижу по женѣ твоей, яко тако есть». Марко объемъ Анзулу, любезно цѣлуя, обѣщевая за любовь дати даръ, егоже любезнѣ имать имѣти, и за сицевымъ обѣщаниемъ над мѣру всеохотно розговаривалъ с нею на оном сундукѣ, а Шпинелѣтъ бѣдной в сундукѣ слыша сие, едва жив лежитъ, гнѣваяся на Марка и на жену свою, но не изнесе словесе, понеже самъ себѣ сие приведе и въ бедѣ сы во оно время бѣ. По разглаголании нача Анзула глаголати о дарѣ обещаномъ. Марко, ложъницу отворивши, возва жену свою Мариеру, и вниде, смѣяся, Анзулѣ рече: «Госпоже Анзуло, возвратила ми еси хлѣбъ заемъный». Марко к женѣ рече: «Отверъзи ми сундукъ сей». Его же егда отомче, Марко Мариеру приимъ за руку, приведе и откры, а Шпинелѣтъ срама ради яко мертвъ лежит. Рече Марко Анзулѣ: «Се дар, егоже ти обѣщах, приими сие от мене приятно». Анъзула же, егда мужа узрѣ, срама тамо со обою страну несказанна бѣ. Излѣзши же исъ сунъдука, Шпинелѣтъ Марку рече: «Брате, прежде бѣхомъ между себе вѣрнии и добрии приятели, и никая же препона бѣ в насъ ни различия, кромѣ женъ, нынѣ же все купно сложихомъся и женами способихомъся, и всуе намъ о семъ имѣти злобу. Мое начинание, твое же навершение. Прошу тя к сему, отселе крывды моей к тебѣ на женѣ моей не отмщевай, и аз завѣщаюся Богомъ к тому ни на ложъницу твою возрѣти». Смирися на семъ Марко, и вси четверо за столъ сѣдоша, и пристроенъ обѣдъ ядоша, и подъвеселившися в домы разъидошася.

Обычно сему быти всегда: чимъ заемълютъ, симъ и возвращаютъ.

О ШПЫНѢ И О ДЕМОНѢ

Франтъ нѣкий, а по-нашему шпынь, ища получити свое, во время нѣкое нападе на подобнаго себѣ. Сей во весь животъ свой никогда же церкви зная, прииде глумяся нѣкогда в церковь, принесе свѣчьку, нача ходити тамо и онамо, не вѣдаетъ, гдѣ сию поставити. И тако ходящу ему, узрѣ в углу храма в мѣстѣ темнѣ написана демона, на яловичной коже нѣчто пишуща. Ста шпынь и рече: «Ахъ, милой, кто тя ту в таковом темном кутѣ[1] написа, ибо не видѣть и писать ти! И се аз ти поставлю свещу, пиши, бѣдной, пиши». И поставивъ пред демона свѣщу, оттыде. В пришедшую нощь, спавшу оному шпыню на ложи со женою и чады, видит во снѣ, яко в нѣкоемъ лѣсе ходитъ, и оный демонъ в томъ же лѣсе в срящу[2] прииде ему и глаголетъ: «Вчера ты добре ми сотворилъ еси: во оной великой темности писати мнѣ посвѣтилъ, свѣчьку поставилъ пред мя. Подобаетъ убо и мнѣ воздати тебѣ за твое ко мнѣ добро, а вѣмъ, яко человѣкъ ты небогатый. Иди за мною и покажу ти древнее сокровище, да обогатишися». Поиде шпынь за дьяволомъ. И приведе его к нѣкоему древу велику, под симъ разгребе мало земъли, показа ему великий котелъ денегъ и рече: «Се показах ти сокровище. Поиди в домъ, принеси рылецъ[3] и мотыгу, приведи же и жену и возимѣйте сие себѣ и чадамъ вашим». Отвеща шпынь: «Боюся, егда како на сие мѣсто не получу[4], внегда ми из дому приити». И рече демонъ: «Назнаменуй мѣсто и тако не оболстишися[5]». Шпынь рече: «Покину на семъ мѣсте шапъку мою». И рече демон: «Ни, егда како кто по случаю мимо идя возметъ ю или како о сокровищи помыслитъ? Но напысай на оном мѣсте и никтоже возметъ, ниже дознается». Шпыню возмнѣся, яко дѣлом глаголетъ (а уже в немъ скареду древний врагъ приготовилъ), мня во снѣ на ономъ месте призначити, нача из себе гнусу премного испущати и опакости всю постелю, и жену, и дети. Жена вскочи, вопияше: «Упысалъ, упысал!» А шпынь не опамятуетъся и отвещаетъ, яко кладъ намечаетъ.

Никтоже коли приобрѣтаетъ,
Иже з дияволомъ торгъ свой слагаетъ.

О СНИЦАРѢ[6]

Во Влошахъ есть имъпуденъцыя[7]: тамо истуканы человѣческимъ подобиемъ без всякого зазора[8] со всѣми члены яко живых устрояютъ. К мастеру сих, или сницѣрю, юноша нѣкий в домъ ходити привыче и со женою его возимѣ любовь, иже всегда в небытности мужа ко истуканомъ присматривались. Прилучися внезапу над чаяние муж сницарь в домъ прииде. Юноша видѣвъ, яко невоз-

[1] углу; [2] навстречу; [3] лопату; [4] не попаду; [5] не ошибешься; [6] о скульпторе; [7] бесстыдство; [8] стыда.

можно ему утещи, восхотѣ коварно сему подити: абие со тщаниемъ одежду с себе сверже и соедини себе онымъ истуканом, ста между онѣми, ихже премного во оной храминѣ. Сницерь точию во храмину вниде, узрѣ, яко единъ [1]плотянъ есть излишъший[1]. Жена его к нему пригорнуся, сладковѣщалными словесы мужа нача увѣщати, да немедлено ляжетъ спати, яко уже вечер глубокий. Рече к ней муж ея сницарь: «Жено любезная, сего часа лягу, точию даждь ми работѣ *моей* присмотритися, ибо ми днесь повелѣвый ихъ строити позазрѣ[2] и понегодова, похуляя единъ образ. Аз же не вѣмъ, како обрѣзахся и не разсмотрих».埋 埋埋埋Взем же свѣщчу, поиде *ко* истуканом и, возрѣвъ на первы, рече: «Сему образу [3]ни едино довлѣетъ[3] в х*у*дожестве поречение». Такожде вторый и третий похвали, дошедши же къ юноши, рече: «И сего образа счинение изрядно есть, не вѣмъ, в чесом охужденъ имать быти, точию придолговатъ есть въстыдливы членъ, но како удолжих, не вѣмъ, но взяти резецъ и обрѣзати пальца на два или на три, и никтоже похулитъ и сего». И абие поиде по дубовый резецъ. Образ, не дожидаяся поправления, хотѣ волю улучити, от истукановъ отделися и скочи в окошко, но от нещасливыя пригоды[4] ноги си надломи. Сницарь прибеже, нача д*у*бовымъ резцемъ отрезывать лишъшее истукана. Тѣмъ же резцемъ, яко исопом[5], и жену кропил.

Неудобно кромѣ своего иного любити — обоим злѣ платилъ.

О ЖЕНАХЪ ЗАКОНЪ АВРѢЛИАНА И О ИХЪ ХИТРОСТЯХЪ З ДОГАДЛИВЫМИ ДѢЛАМИ

Аврѣлианъ*

Женѣ стропътивой и гневливой кротко и растропно исходно муж да пребывает и огнепальную злобу собою да укр*ощ*ает, ибо ни единыя змии толико ядовитыя нѣсть на земли, якоже жена, гнѣвомъ подущеная. Да стрежетъ же убо и сего мужъ, еже в лагодныя льстивыя же и оплазивыя[6] бесѣды со женою себе не въдавати. Да не погубитъ стыда жены против себе, ибо аще жена единою любезнаго стыда прескочит границы, никогдаже к тому имѣти его будет в своемъ лицѣ. И да вѣдятъ вси, яко прежде лѣтъ наших в Римѣ бѣ закон ненарушеный: хотя умрети хощетъ жена, отнюдь да не пиетъ вина, и во оно время зѣлное мучение за вины в Римѣ государьствова, но якоже за чужеложъство, таковое же и за упитие женамъ бѣ кажнение и безславие.

[1—1] живая статуя, лишняя; [2] укорил; [3—3] не заслуживает никакого; [4] случая; [5] кропилом; [6] дерзкие.

СОКРАТ

Сократъ,* славный любомудрецъ, имѣ Ксанъфипу жену, учену же, но злоба и учение превозмогаетъ, ибо злоязычна сущи, всегда мужу злорѣчила и лаяла, и нѣкогда в злобѣ своей и помоями его облила. Сократъ же не огоръчися, но осклабився[1], рече: «Вѣдая вѣдяхъ, яко у жены моея по громѣ на мя дождь будетъ».

Удивитеся доброму схождению[2] дивнаго сего Сократа и поревнуйте такови быти к злымъ женищам. Но той стыда полития сего симъ убѣгалъ виръшикомъ:

Велие нѣчто таковый водитъ,
Терпя женѣ, егда дивы строитъ.

Сократъ он чюдный, таковую сварливую и гневливую жену разумомъ преходя, всегда ей яко великому вреду лагодя, прилагая пластыри разума. И нѣкогда поношаху его клеврети, чесого ради таковѣй злоязычнѣй терпит. Он же к нимъ: «Чесого ради, — рече, — вы в домѣхъ своих [3]кокошей гдоктание[3] терпите?» Отвѣтоваша: «Понеже яйца намъ приносятъ». И Сократ рече: «А моя Ксанфипа любезныя и красныя дѣтки мнѣ во утѣху ражъдаетъ».

Но, о Сократе, бѣдникъ той и в кую ни обратится страну,
Кто имѣетъ злую и язычную жену?

О ЗЛОЯЗЫЧНѢЙ И НЕПОКОРНѢЙ ЖЕНѢ

Нѣкий мужъ имѣ злоязычную и сварливую жену, иже никоторымъ образомъ угодити ей возмоглъ — ни дароношениемъ, [4]ни лагодным глашением[4] — но непрестанно ему, яко псу, лаяла. И онъ сию попремногу кажняше, но она больши лаяше. Видя муж, яко не возможе жену ниже дубовыми словесы от обычая отвести, приобрѣтъ негдѣ пищалку, и егда она ему злорѣчила, онъ приимъ пищалку, непрестанно пищал. Видя жена непрестанно мужа пищаща, нача от великого яду танъцовати пред ним и, изсторгнувъ из рукъ его пищалку, о земълю удари. Онъ же, яко ничего не видалъ, подъемъ ю, паки нача пищати. Жена, сие видѣвъ, из дому побеже. Заутро же пришедши, паки нача лаяти. Мужъ изъемъ изо чпага пищалку, паки нача пищати и толико долго пищал, яко жена от злаго яду укротися и нача мужа молити и просити, рекущи: «О, милый мужу, Бога ради, престани и не пищи в сию пищалъку, уже бо никако тебѣ лаяти буду».

Злобу како можеши, тако упрежай.

Печали полное житие всегда,
Идѣже сварлива и злоязычна жена.

---

[1] улыбнувшись; [2] снисхождению; [3] кудахтанье куриц; [4—4] ни кроткой речью.

О ПИКТАКѢ И О ЖЕНѢ ЕГО

Пиктакъ, или питонъ, к мирному житию византианъ приводя, творящих распри и раздоры между собою, — бѣ же сей зѣло дебел и велие брюхо имѣя, — возшедъ на высокое мѣсто, простер руку, нача учити. Византиане, яко узрѣша его толико дебела и брюхата, начаша смѣятися. Пиктак же о семъ не огорчися, но обрати их к слышанию учения сицевымъ образомъ, рече бо имъ: «Что ми, господие, смеетеся, яко многоплотенъ есмь? Но да увѣсте, яко имѣю жену толщи себе и егда между нами миръ и благостыня, тогда и на единой постели вмѣщаемъся, егда же раздоръ и свар, тогда и в дому моемъ пространнѣмъ мѣста не сыщу, но все оставя, ухожу».

О ГЛАГОЛЮЩЕЙ, ЯКО ЛУГ НЕ ПОКОШЕН, НО ПОСТРИЖЕН

Нѣкий мужъ имѣя упорну жену и досадливу. И по нѣкой пригодѣ идущимъ имъ по брегу реки, при нейже лугъ покошенъ, рече женѣ мужъ: «Зѣло гладко и чисто покошенъ лугъ сей». Жена же противу отвеща: «Не покошенъ, но постриженъ». И таковый упоръ к мужу имѣя непрестанно твердила: «Вотъ не покошенъ, вот-таки постриженъ». Мужъ гнѣвомъ порушися, рину ю со брега в воду, она же, утопая, уже вся занурися[1] и уже не могущи глаголати, простерши руку из воды, двема палцы образомъ ножницъ знакъ показовала, еще спорила, что лугъ постриженъ, а не покошенъ.

О ТЯЖЕЛОСТИ НРАВА ЖЕНСКОГО

Пустишася купцы по морю от Гданъска до Швецѵии. По прилучаю воста велие стремъление бури в мори, яко и кораблю волнами окрываему, и вси отчаяшася живота и начаша промышляти о спасении своемъ. И повелѣша облегчити корабль, вмѣтающе вещи своя, кипы и таи[2] в море. Един нѣкий, нѣ имѣя, что ввергнути, похвати жену свою и верже в море. [3]Корабленицы начаша поймы дѣяти на нь[3] о семъ, онъ же отвеща: «Аз убо ни в дому, ни в корабли тяжчайши сего не обрѣтох, того ради с вашими тяжесъми сию вергохъ».

О УПРЯМСТВѢ ЖЕНЫ

Нѣкоего мужа жена утопе. Онъ же многих ная з баграми, повелѣ искати сию противу воды. Человѣцы зрящии глаголютъ ему: «Что, — рече, — противу обычая твориши? Когда повелося кому противу воды плыти?» Онъ же рече:

---

[1] погрузилась; [2] тюки; [3—3] корабельщики начали пенять ему.

«Вѣмъ аз жены моей обычаи, яко жива бу*ду*чи не згодися со мною, и в пригодѣ сей о нѣй разумѣю, яко зѣло бѣ упряма, того ради мню противу воды ей плыти».

Егда жену получиши упряму и сварливу,
Не дастъ ти поспати, яко кашель во всю нощьную годину.

О ИСПОВѢДИ ЖЕНЫ

Жена нѣкая прииде пред нѣкоего Григория попа исповѣдатися. Мужъ преже зашед, съкрыся под лавку, гдѣ сѣдѣти попу. И егда нача жена каятися, между иными грѣхами изъвѣсти, яко от мужа своего согрѣшаетъ. Попъ по разрѣшении нача ю словесы казнити и поносити: «Како, — рече, — от злаго обычая не престанеши? И за се тяжчайшую епитимию достойна понести». Муж, искочивъ ис-под лавки, ко свещеннику рече: «Честный отче, не давай ей никоего правления, ни епитимии: вѣмъ, яко ни от чесогоже исправится, точию от дубины».

О ЖЕНѢ И О ГОСТЕ

Нѣкий мужъ нечающей женѣ в домъ прииде. Жена же без него гостя имѣетъ, которой ея издавна потчивал. Не имѣя же гдѣ скрыти его; стояла полбочки в ызбѣ, тамо его сокры, но ноги его не вмѣстишася и видѣны быша. Егда муж в ызбу вниде и вопроси, что сие, она же [1]некосным вымысломъ[1] сему забеже. «Милый мужу, — глаголетъ, — человѣкъ сей полбочки сию торъгуетъ и хощет купити и влѣзе в ню, даже высмотритъ, нѣтъ ли щелѣй. Продай ему ю, а намъ в ней мало пригоды. А ты, доброй человѣкъ, естьли уже высъмотрилъ, изълѣзи и торгуй у господина». Мужикъ излѣзе ис полубочъки, господинъ не точию с нимъ сторговал, но отнести пособил.

Дивенъ в скоромъ домышлении родъ женъский; того ради можеши молъвить смѣле, ижъ жена хитрое зелье.

О ВЫМЫСЛѢ ПОПАДЬИ

Нѣкий благоплеменитый и честный человѣк имѣя в селѣ своемъ попа и по нѣкоему оклеветанию разгнѣвася на него и повелѣ взяти на немъ великую пеню. Попъ милый бияше человъ, да отпустит ему. Он же: «Аще, — рече, — не

[1—1] проворной выдумкой.

хощеши пени дати, то изучи ми медвѣдя грамотѣ». Пришед убо попъ в домъ зѣло печаленъ, попадия вопроси о прилучии нашедшия печали. Он же извѣсти ей, како господинъ пеню возложи. «И даде ми во двоемъ на волю: либо пеню дати, или медвѣдя изучити грамотѣ, ижъ обое тяжко неудобъно, а паче грамотѣ звѣря учити». Слыша сие, поподия рече: «Господине мужу, паче удобѣе грамотѣ медвѣдя учити, нежели толикую пеню платити. Аз ти сие сотворю, не во много время медвѣдя грамотѣ научю». Попъ сему обрадовася, взем у господина медвѣдя, приведѣ его в домъ свой. Попадия прикормила прежде медвѣдя и приучила к себѣ, и приемъ книгу, прокладывала межъду листы хлѣбомъ и учила медвѣдя хлѣба искати, листы обращати и моркотати, и тако его за хлѣбомъ выучила книгу держати и листы превращати. Попъ, видѣвъ сие, хитърости жены удивися, приведѣ медвѣдя ко господину и, показуя учение, посади медвѣдя, даде книгу. Медвѣдь, яко обыче хлѣба искати, нача листы обращати и говорилъ по книге по своему языку: «Мру, мру!» Господинъ зѣло симъ увеселися и вину попу остави.

О ОБОЛСТИВШЕЙ ПОПА И МУЖА

Жена нѣкая, мужа имущи, подаде себе иному. Прилучися же мужу узрѣти, егда чюжий ону объя и поцелова, и от сего в сердъцы его вселися болѣзнь немала. Жена, хотя сию скорбь исцѣлити и отвести мужа от печали и гънѣву, нача поститися и, исправяся, поиде каятися пред нѣкоего священника и исповѣдаяся возвести, яко от мужа своего согрѣшаючи, прижила со чюжимъ сына. Свещенникъ, хотя, да покаяние будетъ таинъственно, повелѣ ей вмѣсто всякого исправъления сказати сие мужу и просити прощения о своемъ нечестии. Жена с радостию заповедь прия и довлѣтворение[1] таинству сицевым образомъ показа: нача квелити[2] своя дѣти, а мужу глаголати, како бы имъ боязнь дати и от плачю уняти, и сие изглаголавъ, поиде и испроси у нѣкоего машъкары, а по-нашему хари, с великою сѣдою бородою, и паки раздразня дѣти, егда начаша плакати, рече мужу: «Воздежи, мужу, харю на ся и постращай дѣтей, даже и впредь боятся». Мужъ послуша, харю воздеже на ся, она же приемъ на руки дѣтище, иже от чюжаго мужа, принесе близь мужа, стращая дѣтя, глаголя: «Иди прочь, дед-де, не дамъ тебѣ, не дамъ, не твое, дѣде, дитя, но инаго имать отца». И тако и дѣтя ухранила и покаяние довле[3] сотворила и таинственно показала.

Велией и дивной потреба науки,
Кто хощетъ познати всѣ женския штуки.

---

[1] исполнение; [2] стращать; [3] вполне.

О ПОМЯНОВЕНИИ МУЖА

Веси единыя житель, умирая, завеща женѣ продати вола по смерти своей и еже за нь возметъ, раздати во имя Божие за душу его. Жена видѣ кончину мужа, зѣло плакала и обѣщася сие сотворити. «И не точию, — рече, — сие сотвору, но и от своих утварей продамъ и дамъ о души твоей». И егда умре мужъ, погребши его, приведѣ быка продавати во град, взя же с собою и кота домоваго продати. Прииде же рещикъ, сиречь мясникъ, нача вола торговати и вопроси, что дати. И отвеща жена: «Дай ми за нь, господине, единъ грошъ». Удивися зѣло сему рещчик онъ, прилѣжно зря на ню, вопроси: «Продаешь ли, — рече, — или глумишися?» Она же паки рече: «Истинно оддамъ за единъ грошъ, точию без кота не продамъ его, понеже положих слово купъно сих обоих продати во едино время». И рещикъ вопроси: «Что же за кота дати?» Отвеща: «Четыре златых, менши же отнюдь не возму». Мясник размысли, аще котъ и дорогъ, но ради вола купити, и даде за вола грошъ, а за кота четыре златых. Жена, приимъши цѣну, приидѣ в весь, идѣже живяше, и еже вся за кота, положи на иждивение свое, а иже взя за вола грошъ, по завещанию мужа отдаде во имя Божие за душу его.

Не потребуетъ рады[1]
Жена до зрады[2].

О МЛАДЫХ И О СТАРОМ

Нѣкия младыя жены срѣтоша стара плешива, рекоша ему: «Хощеши ли имѣти власы на плеши? Мы тебѣ скажемъ лекарство на се». Он же рече: «Скажите». И жены отвѣщаша: «Помочай главу уриною жены и тако вскорѣ увидиши власы на плеши». Старикъ отда имъ жартъ[3], показа имъ стыдливый уд, глаголя: «Молодушки, сорок лѣтъ женъскою уриною полощу, а въласовъ не нарощу».

О ОБОЛСТИВШЕЙ ПРИДАНЫМЪ

Завѣщеваяся нѣки юноша о бърацѣ со юнотъкою[4], желая же пояти ю не красоты ради и разума, но аще имать точию нарочетое вѣно, се есть приданое. Дѣвка, хотя юношу получити в мужа себѣ, возвести ему, глаголя: «Ничесоже имать отец мой, точию стол дражае ста златых». Возлакомися юноша, помышляя: «Аще и единъ столъ, обаче многоцененъ, продамъ убо его, самъ же и на липовомъ ям». Уповая же на вѣно сие, поя ону дѣвку в жену и по браце вопроси ю:

---

[1] совета; [2] измены; [3] отшутился; [4] девушкой.

«Гдѣ, — рече, — приданый столъ, иже во сто златыхъ?» Она же, вскочивъ, сяде на прагъ, постави на лонѣ съ ядию миску, нача ясти и рече мужу: «Милый мужу, се оный столъ, о немъ же ти повѣдах. Или ста златых не стоит?» Заскреблося во главѣ у бѣдного мужа, и рад бы разженился, но невозможно. Того ради даю совѣтъ женитися хотящим, да памятуют на сей виръшикъ:

Не ищи много злота,
Но аще гдѣ великая цнота[1].

О ДВУ ДѢВИЦАХ И О БАЛВЕРѢ[2]

Приидоша двѣ нѣкия дѣвицы к балверю, молиша его, да пустит имъ крови. Балверь он къ первейшей рече: «Повѣжь ми, дѣвица, каковым ти пущалцем[3] пустить, дѣвическим ли или женскимъ? Ибо аще пущу ти дѣвическим, а ты уже в станѣ[4] женъскомъ, то рука твоя начнетъ пухнути и болѣти, и боюся, егда како без руки будеши. Сего ради молю тя, правду повѣжьд ми или по семъ вины на мя не полагай». Дѣвка бѣдная нача размышляти, боязя без руки быти, сказати же правду стыдится, но егда балъверь нача притужати, рече ему: «Пусти, милой, хотя и женскимъ, — демонъ тя на мя с таковым допросомъ наслал». Балъверь, разсмѣявъшися, затянулъ ей руку и пустилъ крови, по семъ другую вопрошати тѣмъ же образомъ нача, и та рече: «Возлюбленъный балъверю, затни[5] хотя онымъ же пущалцем, которым и сестрѣ пущалъ, признаваю бо ся, яко добро есть, понеже у сестры кровь чиста отворилась». Балъверь не попъ, но исповѣдью добръ, рече имъ: «Отселе и попу не кайтеся, понеже мнѣ всю тайну сказасте».

Многажъды сия неволя исказившимся придаетъ,
Иже самъ грѣхъ свой знати дает.

О БАБѢ, ОБМАНУВШЕЙ ДѢМОНА

Баба нѣкая, вдова, но не в горѣ жила, имѣя домъ и роли[6]. В лѣто же едино бысть умножение велие плодовъ земъных. И толико у тоя умножися, яко не возможе спрятати[7] наемники домовыми и хотѣ еще принаяти, но не возможе. О семъ вдова она впаде в велию печаль и тако ходя и сѣтуя. По случаю срѣте ю дияволъ и вопроси: «О чесомъ, жено, печалуеши?» Она же вопроси: «Ты кто еси?» Он же отвѣща: «Аз есмь дияволъ». И рече дияволу баба: «Воистинну, дия-

[1] добродетель; [2] цирюльнике; [3] ланцетом; [4] положении; [5] пусти; [6] пашни; [7] убрать урожай.

воле, в пользу мнѣ стретилъся еси, ибо имамъ на поли добра много и хощу то управити, да все сие будетъ в гумнѣ моемъ, но работниковъ принаяти не обрѣтохъ. Прошу тя, помози ты и все ми сие в гумно мое свози». Отвѣща демон и рече: «Аще весма предаси себе мнѣ, то ни единъ работникъ не будетъ ти потребенъ, единъ все сие исполню и иже что возхощеши, сотворю». Баба отвѣща: «Добрѣ, отдамся тебѣ, точию сотвори ми три вещи, ихже ти повѣлю. Первое: с поля безъ убытка пристрой хлѣб мой в гумно мое; второе: грамаду дровъ от лѣсу переноси и переруби. И сие сотвориши — прииди, и что третие творити, повѣмъ». Диявол слыша от бабы сие все исполни, имать бо кони вертки и секиру остру — дровъ в годъ[1] великую грамаду навозилъ и хлѣбъ в гумно весь свозилъ. Приидѣ к бабе вопросити, что третие повелитъ сотворити. Баба зѣло громко пернет и рече дияволу: «Поймай тотчас пердень мой и свей ужище[2], еще мнѣ с поля в ометъ[3] сѣно возити. Аще ли сего не сотвориши, то без вины есмь в чесом тебѣ обѣщася — се мое третье слово». Диявол, иже в той школѣ не бывал, гдѣ бы учили пердень ловити и ужища вити, думавъ много, отыде от бабы с стыдомъ.

Такова-то хитрость женъ, иже и самъ диаволъ оболженъ. Оттуду сия приповѣсть: долъга тому покута[4], кто когда бабу ошука[5].

Ни дѣмонъ сего разумѣетъ,
Что женъская плоть умѣетъ.

О ЖЕНАХЪ, ОБОЛСТИВШИХ МУЖЕЙ, И КАКО МУЖЪ ПРЕД ЖЕНОЮ КАЯСЯ

Гражданинъ нѣкий и богатый купеческий человѣкъ имѣ зѣло благоличну жену и во нравѣхъ благоприятну, помышляя же о ней все доброе и мня ю благовѣрну быти. Сия добрая жена прелстися на нѣкоего юношу купеческа же чину именемъ Фридриха. О семъ добромъ дѣле жены в мужни ушеса вѣсть прииде, но он сему вѣры не имяше, ибо егда вѣсти сия женѣ возвѣщаша, она же льщениемъ и хитростию, кроткими же взоры и обычаи сего убѣгаша. Прилучися же оному купцу званну быти на нѣкую бесѣду от ближнего сосѣда. Жена, уповая, яко укоснитъ[6] тамо и в глубокий вечеръ приидет, посла ко Фридриху, да без закоснѣния[7] к нѣй приидетъ, и пришедшу сему и розговаривавшу с нею по воли их. [8]Неначаянно и над надежю[8] муж в домъ прииде и заиде[9] Фридъриха и жену свою с нимъ, яко с собою. Фридрих гость, не ожидая потчивания, и гдѣ лѣсница забылъ, в окошко скочилъ. Купецъ милый, очима своима видя, еже люди возвещали, зѣло огорчися, ринуся на жену, приемъ за власы, повлачая, бияше ю, и паки совлекъши донага, жестоко мучаше и тако ю нагу привяза у каме-

[1] в меру; [2] веревку; [3] в скирду; [4] епитимья, [5] обманет; [6] задержится; [7] промедления; [8—8] нежданно и негаданно; [9] застал.

наго столпа в сѣнехъ, сам же, яко пиянъ, вниде в храмину и, дъвери не затворя, ляже спати.

В сосѣдъствѣ же оного купца двор бѣ дворянский, на семъ шляхетцкомъ дворѣ живяше нѣкий балъверь, а по-нашему лекарь. Сего балъвера жена велию любовь з женою купца имѣла и вѣдала тайну Фридриха. Той Фридрихъ прибеже к ней и повѣда ей, како его купецъ у жены своея заста. Молитъ и просит ю, да поидетъ в домъ купца и да увѣсть и возвеститъ ему, что с любительницею его творится. Балъверка, вѣдая от своего двора в домъ купецкий прелаз, по прошению Фридриха того часа поиде и егда прииде, вниде в сѣни и хотѣ ити во храмину, услыша купцева жена и рече шепътомъ: «Возлюбленая моя, не веси ли, что сотворися надо мною?» Балъверъка же рече: «Вѣмъ и пришла есмь посетити тебе, ибо прииде ко мнѣ Фридрих и извести все злоключение твое и посла мя посѣтити тебе». И рече купеческая жена: «Возлюбленная моя и вѣрная сестро, сотвори со мною милость твою: совлецыся ты от одежъды и учинися нага и вмѣсто мене привяжися к столпу и побуди мало время, дондеже аз ко Фридриху схожу и поглаголю. Аще ли же пробудится мужъ мой пияница, тогда ты непрестанно плачи и рыдай, на вопросы же его никакоже отвещай, и тако уразумѣетъ, яко аз есмь при столпѣ». Балвѣрка хотѣ угодие сотворити купеческой женѣ, совлецеся от одежды донага и привяза себе к столъпу оному тѣм же ужемъ, а она, обълекшися во одежду балъверки, на разговор ко Фъридриху поиде.

И егда ей тамо медлящей, мужъ ея купецкий человѣкъ обудися и нача вопити на ложи, чая ю у столпа: «О, жено, слатко ли спиши?» Балъверка, вмѣнившаяся в жену, точию яко услыша пробуждение, нача стонати, плакати и рыдати. Муж паки нача глаголати, на постели лежа: «Страдная[1] и злая жено, аще бы не дѣти, ихже с тобою прижих, от сего мя отвели, то дал бы тя смертней казни предати или паче своими руками убилъ бы тя, но въсяко, о, безумная жено, аще ми обѣщаешися к сему паки сего не творити, то тя отвежу, ибо ми безславия сего самому слышати мерско вменяеться. Глаголи, обѣщаеши ли ся исправитися и к тому таковая не творити?» Балъверка бѣдная, вмѣсто жены у столпа привязавшаяся, не смѣ проглаголати, да ю не познаетъ, ничтоже отвѣщеваше, точию притворно стонетъ, вздыхаетъ и якобы и плачетъ. Мужъ, мня жену быти, *а* на его словеса от упору не отвѣщаетъ, нача паки яритися, глаголя к ней: «Что, страдная, молчиши? Глаголи со мною, дондеже над тобою чесого не сотворю. Обѣщаеши ли ся о Бозѣ сего злаго дѣла не творити и кромѣ мене, даного тебѣ законом святым, не знати? Аще ли же не будеши глаголати и не обѣщаешися, о немъже глаголю, то, воставъ, или руцѣ твои отсеку, или нозѣ ил*и* уши, или нос обрѣжу». И тако ему много глаголавшу, балъверка не отвѣщеваше. Он же велми разяривъся, вскочи от ложа, иземъ ножъ, поиде ко оной балъверке, глаголя: «О, не хоцеши глаголати, злая и лукавая лисо? Аз научю тя паметовати,

[1] бесстыдная.

за что тебѣ се». И прибѣжав, обрѣза у балверки носъ до плоти, точию на малой кожице, яко на нити, обѣсися. И сие сотворив, лая и поношая паки ляже спати, ибо еще не изтрезвися, и усну.

В семъ часѣ госпожа от Фридриха прииде. Балъверка, иже притворно плакала, вправду голосомъ воетъ. Госпожа полехку истязует, что ей учинися. Балъверка, что сотворися, повѣда. Госпожа нача ю молити и просити, да никомуже повѣдает бывшее, и обѣща ей дати двадесять гривенъ сребра, глаголя и увещевая: «Имаши, — рече, — лекаря мужа, всяко тебѣ скоро прилечитъ нос». Балъверка на сребро разлакомися, умысли, како со отрезанымъ носомъ приити и мужа прелукавити, привив нос платом, поиде в домъ свой.

Госпожа ж паки х столпу привязася и по малѣ времени нача притворно без слез плакати, тосковати, рыдати, глаголя: «О, злый и злонравный мужу и мучителю, лютѣйший всякого злаго звѣря!» Сий вопль ея мужъ услыша, побудися и рече ей: «Или уже глаголеши? Аз ти глаголах, яко за твое молъчание злое ти послѣдуетъ и милому твоему такову тя устроитъ. Но сие еще ничтоже, будет ти сего болши, аще сего злаго дѣла не отстанеши». Сия слышавъ, жена рече мужу: «О, всезлобный звѣрю, злый мужу! Мало ли мнитъ ся ти, яко толико мене, невинную и несогрѣшившую, злѣ убилъ еси, иже еле живу остави, и яко всезлую злотворицу нагу к столпу привяза, дабы мя всякое [1]плѣжущее по земи[1] ѣло, и симъ, кровопивче, не удоволилъ ся еси, но и носъ ми отрѣза, хотя мя навѣки озлообразити и пороку и срамоты приклад учинити. Охъ, непаметъливый приязни мужу, во всемъ свѣте нѣсть суровѣйшаго над тя мучителя! Но не толика бы мя туга и печаль одержала, егда бы аз сему виновна была и сего кажнения достойна, но вѣсть Господь Богъ, яко напрасно сие возводиши на мя, злый мужу, ибо аще и застал еси его в своемъ дому и храминѣ, идѣже спиши, но свидѣтель Богъ, иже несть злое ничтоже между нама. Не ново се в мирѣ, иже люди с людми знаютъся, всяко же учтивость мою, доброту же, и вѣру, и завѣщание на брацѣ к тебѣ всеопасно соблюдохъ. Ты же, всезлый и забытный мужу, моглъ бы мя, коли тебѣ приснилося, и инако наказати, а не тако, якоже нынѣ устроилъ еси мя всѣмъ в позор и взгоръжение[2], но аз всегда буду злословити без носа на тя всѣмъ людем, яко без вины моея тако надо мною сотворил еси». И сие изрекъши, паки нача притворно хлипати, рыдати.

Муж милый, слышав сие, изумѣся и рече к ней: «Говорити было тебѣ, егда тя вопрошах, и сего бы тебѣ не было. Обѣщатися было тебѣ от злаго обычая отстати и исправитися и тако бы с придѣланным носом не ходила». Слыша сие, жена рече ему: «О, злый мужу, не потѣшит тя о семъ Господъ Богъ, дабы аз с придѣланнымъ и прилеченым носомъ ходила, не дастъ ти о бедѣ моей радоватися. Воистинну, Господь Богъ мой мнѣ за мою невинность, и безгрѣшие, и чистоту первое здравие и цѣлость носа дастъ, воистинну прошение мое

[1]—[1] ползающее по земле; [2] презрение.

услышитъ, иже до лекаря потребы не возымѣю, ибо можетъ Всемогущий Богъ показати правду мою и невинъность мою ко грѣху тако, якоже показа на оной чистой и безвинной Сосанѣ,* егда ю они зълии человѣцы осудиша чюжеложствомъ».

Муж, сие слыша, рече: «Добре глаголеши, извиняешися, и чюдесно се, аще тебѣ Господь Богъ самъ лекарь будетъ и прилечитъ ти носъ без всякого ткнота[1] и пластыря». В томъ часѣ жена плачевный и молебный гласъ к Богу поднесе и молебную орацыю сими словесы приложи: «О, Всесилный и Въсемощный Боже, призираяй на вся, а паче зриши чистая сердца! Призри на безгрѣшие мое! Вижду лютое и поносное мучение, отъими поношение мое: ни за беззаконие мое, ниже за грѣхъ терплю сие. Излий щедроты твоя на грѣшную жену, умилосердися, изцѣли ми отрѣзание носа, претвори мя в первую доброту, исправи обругание моего зрака и да видитъ сей злый мой мужъ и забитъливый толикую святую волю твою и благодать, и познаетъ, в чемъ престолъ твой и величество славы. Гнѣвитъ[2], отглаголуя мя и лъжа на мя, жену свою, скверня завѣт твой, еже во брачествѣ святемъ. Услыши мя, Боже, по милости твоей, якоже услышал еси отроки от пещи разпаленныя лютѣ.* Услыши, якоже услышал Даниила пророка, посредѣ ярых львовъ суща,* и изведе преславно оттуду. Изведи и мене от поношения моего и напрасныя бѣды моея, очисти мя от прилога безвиния моего!» И сие моление жена изрекши, умолче и, помолъчавъ, напрасно[3] великим гласомъ возопи: «Слава тебѣ, Всещедрый Боже, слава тебѣ, Милостиве, иже мене, грѣшную, услышати благоволилъ еси, да человѣкъ сей, безумный муж мой, узрит очесы своими безгрѣшие и невинность мою!» И рече к мужу: «О, злый и презоривый[4] мужу! Прииди и виждь человѣколюбную милость великого Бога ко мнѣ и чюдеси его дѣтель[5], еже надо мною, грѣшною, учини». Муж на постели лежа, улыскаяся[6], рече ей: «Егда тебѣ, жено, прилеченъ нос будетъ, тогда глаголи, яко приобрѣла его». Она же рече ему: «Прииди, злый мужу, и узриши славу Божию, прииде и узриши благодать изцѣления, иже на мнѣ показа Богъ за невинность мою». Муж милый паки рече: «Жено, аще же поиду и сего, еже глаголеши, не обрящу, то еще тебѣ ухо отрѣжу». Жена же надежно вопияше, приити на чюдо мужа понуждаше. «Прииди, — рече, — и зри дивное дѣло Божие, сотворшееся на мнѣ». Не вѣруя сему, муж, яко цѣлъ носъ у жены, подвижеся с постели, взя нож, помышляя, аще жена солга, отрѣзати ей ухо. И егда к ней прииде, осяза нос и потяну единою и другоицы, бояся оболщения: не прилѣпила ли чемъ? И егда видѣ все цѣлъ, удивися величия Божия чюдеси, паде к ногама жены, глаголя: «О, возлюбленная моя сожительница, святая жено! Согрѣших пред тобою, прошу тя, милосердия ради Божия, прости ми. Како аз, окаяный, толикое зъло сотворих тебѣ без вины, зѣло оскорбихъ тя и обругахъ? Вижу бо ясно, яко Богъ с невинными всегда есть». И с сими реченьми, плача о

[1] тампона; [2] гневается; [3] вдруг; [4] высокомерный; [5] силу; [6] усмехаясь.

ней горко, со всякимъ тщаниемъ от столпа отвяза ю, принесе же срачицу, и со оными же горкими слезами облече ю, и подъемъ на руцѣ свои, понесе и положи ю на постели. Самъ же, бѣдной, ляже близ оного ложа на голей земъли, покаяние творя, к женѣ глаголя: «Согрѣших, мати святая, согрѣших, Господа ради, прости ми». И тако много время к ней каяся. Видите, до чего сия жена мужа привела?

Другиня же ея и стаибъница[1], балъверова жена, с отрѣзаннымъ носомъ пришедши в домъ, много и всяко помышляла, како мужу показатися и что отвѣщати, но диаволъ орудию своему помогати готов есть. В нощи оной пришедши в домъ, обвивши лице рушникомъ, да не покропитъ постели кровию, ляже подле мужа своего балвера. По пригодѣ же счасливой вчерашняго дни зва балъвера оного нѣкий от благоплеменитых и повелѣ приити заутра порану. И егда нача ближати ко дню, балъверка возбуди мужа, глаголя: «Востани, вѣси, иже тя от оного вчера поздо пришедше звaху з бритвами и банками. Свѣтъ уже близъ есть, потщися поспѣшити, да не опоздѣеши и прогнѣвается на тя». Слыша сие, балъверь вскочи от сна, яко шалной, повелѣ ей тотъчасъ свѣщу возжещи, при чемъ орудие свое собрати. Но она прежде вездѣ в попелу и горнушках огнь погасила* и кресиво, сирѣчь влагалище огнива и прочих, ухранила и отвеща мужу, яко «огня нѣсть нигдѣже и кресиво не вѣмъ гдѣ». Муж балъвер за се возярися и повелѣ ей востати и принести потребная: влагалище з бритвами и прочая. Она же воста и поиде и принесе бритву едину, а влагалище не принесе. Он же браняше ей, глаголя: «Что тако твориши? Что ми въ единой бритвѣ? Иди и принеси влагалище с прочими». Она же паки шедши, едину же бритву другую к первой принесе. Мужъ ожесточеваяся и лая ю, глаголя: «Или глуха еси? Иди и принеси вся бритвы со влагалищем». Она же паки иде и принесе едину бритву. Балъверъ же зѣло разгнѣвася, вырва и броси в ню оною бритвою, и егда точию бритвою в ню верже, она же велми возопи: «Ох, ох, носъ отсѣкъ, носъ отсѣкъ!» Балъверь бѣдной ужасеся, мня, яко истино бритвою по носу улучилъ, побеже к сосѣду по огнь и дондеже не прииде, она платъ от носу отвяза и припекшуюся руду[2] носа отрѣзание повреди и свѣжую руду попусти. Прибеже балъвер без души, принесе огнь, узрѣ носъ у жены висящь на малой кожицѣ, возопи гласомъ великим: «Ах, моя милая жено, не чая в тебѣ улучити, тако бритвою бросих в тя, и не вѣмъ, како тако по носу пригодилось[3]. О, милая жено, како тако учинися? Но, о любезная, прости ми и потерпи Бога ради, аз его паки прилечю ти тако, яко и знака мало будетъ. И о семъ молю, не возвещай на мя сего своимъ сродником». И тако балвер к носу кнотъ[4] положи и не во многи дни приживи. Но егда онъ поиде ко звавшему его, балъверка иде ко оной, за нюже пострада, взя у нея из мужня дому дванадесеть фунтов сребра. Купецъ же оный жену свою во весь животъ свой вмѣняя святу

[1] сообщница; [2] кровь; [3] попало; [4] тампон.

быти по обманутом семъ преславном чюдеси, егда либо когда видѣ збывающаяся с любезным Фридрихомъ или что ино лукавое творящу, не верих очесемъ своимъ.

Собратель вещей сихъ пишетъ: «Боже, дай, да же бы всякий имѣлъ такову жену, дабы ей вѣрилъ во всѣм и дабы не злобно с нею обходилъ, но видя толикия их вымыслы, не во всемъ подобаетъ и добрым вѣрити, ниже в них крѣпкую надежду пологати. Слава великому Богу, иже аз Духомъ его Святымъ подвиженъ, инокомъ учинилъся и к тому уже паче сего, добрыя жены, о ваших хитростяхъ не буду писати, дабы ми горячим варомъ очесъ не выварили и до того не привели, еже с мискою ходити по торговищю. Приложу же вамъ виршик любомудраго Менанъдра, греческа философа:*

Блюди пяту от уядения змии,
Не мнѣе стрегися и от хитрости жены».

О ГОСПОДИНЕ ПЕТРѢ И О ПРЕКРАСНѢЙ КАССАНДРѢ И О СЛУГѢ НИКОЛАЕ

В знаменитомъ и славномъ градѣ Парижу сошедшися нѣцыи юноши внесоша между гаданей своих и глаголаней рѣчь о красотѣ и благоличии женъ и хваляху многи, а паче всѣхъ вложския[1] жены. Между сими нѣкий юноша рече: «Господие, истинну вамъ реку, яко еще вы не видѣсте нигдѣже, якоже аз видѣхъ во Флоренцыи Кассандру, жену Петра Димессера. Тая-то причюдныя лѣпоты, иже во всей влоской земли противу красоты ея не обрящется, а ихже хвалите, противу ея ничтоже суть: иже въ Ферарии — сия продолговатъ носъ имать, а иже в Бононии — бровми неспособна, и падевския[2] вся знаю, но ни едина х Коссандринѣ красотѣ приточна[3]. И кратко повѣмъ, егда бы Аппеллесъ* Венеру начертати хотѣлъ, ни откуду бы уподобления красоты снисъкати хотѣлъ, точию с Кассандры флоренъския».

Сию повесть слыша, нѣкий от онѣх шляхтичь зѣло возжела толикую лѣпоту видѣти и о таковѣй Кассандринѣ красотѣ собою известитися. Не по мнозѣ собрася и поеде во Флоренцыю, и егда тамо приѣха, обрѣте ю во храмѣ, и узрѣвъ, велми удивися лѣпотѣ красоты ея. Отпусти же слуги и кони и уприятова[4] себѣ нѣкоего человѣка, дабы господину Петру, мужу Кассандрину, о немъ оповѣдалъ и в слуги устроилъ. Человѣкъ той приведе его к Петру, и прия его Петръ с радостию, яко чюжеземца, в нихже паче обыкоша надѣятися. Нача его Петръ любити зѣло и устрои его коморничимъ[5] своимъ. И тако шляхтичю Николаю во всяком добрѣ живущу у Петра.

[1] итальянские; [2] падуанские; [3] не сравнима; [4] подружился; [5] домоправителем

Случися Петру из дому своего нѣкамо[1] отъхати. Госпожа Кассаньдра по обѣде не имѣ чимъ забавитися, рече ко слузѣ: «Николае, умѣеши ли шахматы играти?» Онъ же: «Умѣю, — рече, — но не добрѣ». Егда же начаша играти, Николай, въ четвертые ступивъши, даде мат господыни и, давши матъ, велми воздохну. Господыня Кассандра нача его вопрошати, чесого ради выигравши вздыхаетъ, ибо кто проиграетъ, тому подобаетъ вздыхати. Онъ же отвеща: «Ни о чемъ аз о иномъ вздыхаю, но есть моя особая нѣкая печаль». Кассандра, презрѣвши игру, нача его о семъ прилѣжно зѣло вопрошати, да извѣститъ ей, что есть вина воздыхания его. Онъ же, яко принужденъ, рече: «Да вѣси о семъ, милостивая господыня моя, яко есмь богатых родителей сынъ и шляхтичь». И, открывши кабатъ, а по-нашему колнерь[2], показа ей клейнотъ, или гербъ, свой и глаголетъ паки: «Приведе же в рабы мя сѣмо и еже вдатися в слуги мужу твоему сия нужда. Аз и братия моя, подобнии мнѣ юноши, бывше в Париже во учении и изшедши от училища, глаголахом между собою о красотѣ и лѣпотѣ влоских женъ и хваляхомъ, иже кто кую видѣ. Един же от насъ повѣда, иже еще от насъ толикия красавицы нигдѣже видѣ, якоже во Флоренцы ты, Кассандра, госпоже моя. Сия аз слышав, от самыя повести неусыпным тщаниемъ красоту твою видѣти возжелах и дондеже не видѣхъ тя, о красотѣ твоей помышляя, отведох от себе сонъ и всякой покой. И тоя ради вины от отечества моего сѣмо прибых и мужу твоему въдахся в рабы, да всегда вижу лѣпоту твою. И прошу милость твою: глава моя в руках твоих, не выдай мене въ словесѣхъ сихъ мужу твоему».

Сия словеса слуги впоишася во главу Кассандры госпожи. Отвѣща ему любезными словесы: «Вижу рачение твое и уразумѣхъ от словес твоих, яко оставя жительство твое и пришед здѣ, мене ради добровольно вчинился еси в слуги мужу моему. И за се вскорѣ познаеши любовь мою к себѣ. К чесомуже, — рече, — и отвлачити? Прииди ко мнѣ в нощь сию в ложницу. Мужъ мой по ону страну ложа будет спати, аз же по сю страну, и аще засну, полехку пришед, побуди мя и наглаголемъся с тобою».

Николай по совѣту Кассандры, егда Петръ, приѣхав, ляже спати, прииде в назначеный часъ и в самую полунощь и, надѣяся на Кассандру, возложи на перси ея руку. Она же ухвати его за руку, нача крѣпко держати и рече к мужу: «Спиши ли, господине?» Мужъ обудися и вопроси: «Что ти до мене в такое время? Дай, — рече, — поспати». Она же рече: «Аз хотѣла тебѣ от вечера скрытое нѣчто повѣдати, но ты скоро уснулъ еси. Не вѣмъ, — рече, — чесого ради, не розвѣдавъ и ни спытавъ, оного слугу Николая приялъ еси и во всемъ ему вѣриши? Онъ же зѣло зловѣренъ к тебѣ». Слуга, держимъ крѣпко за руку, бояся обличения на очи, всяко поощряяся уръватися и убѣжати, но не возможе. Мужъ Петръ рече к Косандрѣ: «Жено милая, дай ми спати, аз бо о слуге увѣрихся и познах, яко во всѣмъ ми вѣренъ и угоденъ, но нѣ вѣмъ, како тебѣ вло-

---

[1] куда-то; [2] воротник.

жися в мысль противное о немъ?» И Коссандра к мужу рече: «[1]Ничесогоже ради, ниже[1] не любя его повѣдаю ти, но скоро и самъ дѣла его увѣси». Слуга покушаетъся уторгнутися и воистинну оцепеневалъ, чая, яко объявитъ его. Но Кассандра добрымъ к нему умысломъ, а к мужу лукавымъ хитростно сие творила, паки нача к мужу глаголати: «Да вѣси, любезный мужу, — рече, — егда ты в дому твоемъ вчера не былъ, слуга той нача ми глаголати и даръ не вѣмъ откуду обѣщевая, да буду при воли его. Аз же не хотя его престрашити — да не украдши что, убѣжитъ, — не отреклася к воли его и, якобы совѣщася, повелѣхъ ему приитъти в сю нощь к себѣ до виридара и, чаю, пришелъ есть по словесемъ моимъ в виридар. (Виридар есть огородикъ, идѣже цвѣты сажены.) Сотвори же ты, милый мужу, сице: вмѣсто мене облекшися во одежду и увясло[2] мое и иди тамо. Возми же с собою ослопъ[3] и, аще пришел и ждетъ тамо, то не вскорѣ остращивая, но егда что услышиши, симъ ослопомъ накажи его до воли твоея и еле жива остави его, и к тому таковым слугъ не употребляй, но развѣдавъ, аще добръ есть, тогда приимай. Аще же еще в виридар слуга не пришел, то пожди его, милый мужу, всеконечно же по словесемъ моим в виридар будет».

Петръ, слыша сие от жены своея Кассандры, удивися зѣло и возимѣ на слугу негодование о семъ велие. Хотя же свѣдати истинну, нарядися по словеси жены въ пристрой ея и повяза главу свою женскимъ увяслом, поиде в огородикъ. В семъ часѣ слуги страх премѣнися в веселие, ибо Кассандра прия его в свой цвѣтник на ложе своем и по волѣ своей твориша довольство свое, посмѣваяся мужу, яко тако даде обольстити себе.

По разглаголании Кассандра со слугою посла его к мужу в огородецъ, повелѣ же взяти великую ослопину и, пришед, рещи вѣрным обычаемъ, яко самой оной, и гнати оною ослопиною к мужу до коморы. Слуга, радуяся счастию своему зѣло, сотвори по словесемъ госпожи Кассандры: вземъ великую ослопину, прииде в огородикъ. Петръ милой яко жена сѣдитъ, ожидая по глаголу жены, что от слуги будетъ. Слуга, подъшед, нача сими словесы глаголати: «О, безобъразная и злая, невѣрная к своему мужу жено и не хранящая своей чести! Пристойно ли тебѣ, оставя сущаго мужа, мене, раба, в волю датися? Аз, искушая тя, рекох, ты же и вправду прельстилася еси на слова и на обѣщание дара, егоже не имѣю, и тако, яко сущая нерядница[4], в огородик вышла еси ко мнѣ. И како моему господину, егоже аз великия любве и милости сподобихся, сию измѣну сотворю, еже быти с тобою и осквернити ложе его? Да что много глаголю? Ну-тко ты, обезьяна злая, бѣги к мужу!» И подъемъ ослопъ, окропилъ Петра по спинѣ, погна его до коморы, бия ослопомъ, глаголя паки: «Ну, обезьяна, к мужу! Ну, к мужу!» Петръ бѣдной всѣ свои припасы забыл и ослопъ из рукъ уронил, от огородца по двору и по лѣсницам елико бѣ силы бѣжалъ и в ложницу къ Кассандрѣ

[1—1] не ради чего-либо, ни; [2] головной платок; [3] дубинку; [4] потаскушка.

весма убитъ чють живъ прибежалъ, а слуга, пригнавъ его къ двѣремъ сѣней, возвратися на мѣсто, идѣже обыче пребывати.

Петръ, едва з душею собрався, нача женѣ Кассандрѣ вѣщати: «Милая жено, воистинну нынѣ познах правую работу и вѣру слуги сего к себѣ. Воистинну побоженъ и мнѣ доброхотенъ. По словесемъ убо твоимъ егда прииде во огородикъ ко мнѣ и, чая, яко сущая ты, толикими целомудренными словесы нача ми поносити, яко паче всякия казни явишася ми. К сему же и ослопом оскорбилъ мя зѣло, и отселѣ буду вѣрити ему, яко себѣ». Кассандра, уловивши мужа, зѣло радуетъся о служъбѣ слуги и рече мужу: «Отселе, милый мужу, и аз буду ему во всемъ вѣрити и любити его, понеже правда его явна о мнѣ учинилася тебѣ».

Сию повѣсть разполагаяй[1] пишетъ:

Скоро будетъ межу [2]свентых взенты[2],
Кто уразумѣет женъския выкренты[3].
Злѣй жены [4]никтъ не устреже[4],
Естьли бы ю посадилъ и на вѣръх веже[5].
Жена, огнь, море
Ходятъ в одной сворѣ.

О ЖЕНѢ, ОБОЛСТИВШЕЙ МУЖА, ЯКОБЫ ВВЕРЖЕСЯ В КЛАДЕЗЬ

Единъ нѣки посадникъ имѣ гладкую у себе жену, самъ же зѣло запойчивъ бѣ и в таковѣмъ своемъ пиянствѣ приведе жену до сего, иже возлюби нѣкоего юношу и симъ недостаток мужний к себѣ исполняла. Прежде непрестанно от пиянства мужа отводила, а егда юношу возлюбила, тогда нача мужу, точию в домъ приидетъ, глаголати, да идетъ гдѣ на бесѣду[6]. Мужъ и от своего нрава и женою подущаемъ, всегда в домъ пиянъ приходя, она добрая жена, мужа уложа, не точию к себѣ юношу пущала, но и сама к нему часто хождала. Нѣкоего времени мужу не велми пияну бывшу, нача его жена из дому выживати, он же помысли в себѣ, яко не тунѣ его жена из дому женетъ[7], и сие мысля, положи, еже из дому изыти и не пити, и приити в вечер глубокий, яко пияну, и сотвори тако. Прииде в вечер глубокий, творяся, яко зѣло пиянъ и в словѣ и во обычаи. Жена не яко прежде понося, но ласковыми словесы нача вѣщати: «Истомилъся, — рече, — сердце мое! Поиди опочивати». И тако разбрав мужа от одежды, положи на ложе, да опочиваетъ, и сама при немъ ляже не успокоения ради, но да увѣсть, егда крѣпко заснетъ. Муж, яко зѣло пианъ, скоро нача храпѣти. Она же воста, украсися, якоже ей довлѣетъ, и отверъзши комору, поиде к своему галанту[8]. И егда за ворота изыде, мужъ вскочи и замче и нача ю ожидати, егда при-

---

[1] повествующий; [2—2] причислен к святым; [3] увертки; [4—4] никто не устережет; [5] башни; [6] пир; [7] гонит; [8] любовнику.

детъ. И востину — по полунощи госпожа в домъ шествуетъ. Пришедши же ко вратомъ, видѣ сих утвержены, покусися отверсти и не возможе. Муж нача от окна вѣщати: «Злая жено и неподобная! Тако ли тебѣ должъствуетъ творити? Мужа, законом тебѣ спряженого[1], ложе сквернити? Явно сотворю злое дѣло твое всему свѣту и твоимъ родителем».

Слыша сие жена от мужа, нача его просити и молити: «Любезный, — рече, — мужу, никако нигдѣ не была, точию у сосѣдки премедлила. Отвори, любезный, мужу, отвори, ибо обѣщаюся отнюдь и к сосѣдке не ходити». Муж никакоже о словесѣх ея радя и конечно в дом пустити ю до свѣту не хотѣ. Слыша сия, жена инымъ фортелем пошла, нача ему грозити, лаяти и поносити, глаголя: «О злый и непамятъливый завѣщания[2] мужу! Како, самъ сый пияница, мнѣ хощеши толикую пакость сотворити — огласити же и посрамити? Но аз прежде неже скончаетъся твоя злоба на мя сама ся убию, неже таковую срамоту понесу. Виждь, безумный и пияный мужу, се в сий кладезь, иже у сосѣда при вратѣх, ввергну себе, и вси возглаголютъ, яко ты, пияница, потопил еси мене, и никто же увѣритъ, яко сама ся потопих, и ты своею главою пострраждеши за мя. И еще молю тя: пусти мя, аще ли же ни, то того часа ввергнуся». Муж, не вѣруя словесемъ ея, рече: «Аще, воруха, и утопишися, никакоже отверзу, дондеже твое злое дѣло всѣмъ явственно будетъ». Она же прииде ко кладезю и яко уже хотя ввергнутися, рече: «Господи, в руцѣ твои предаю духъ мой». И взем великий камень, лежащий при кладезѣ, верже его в кладезь, сама же притаися при вратѣхъ дому.

Муж, услыша въ воде великий шумъ (нощь же бѣ зѣло темна), возмнѣ, яко во отчаянии и печали жена его бросися в кладезь, ужалѣся и хотѣ ей помощь подати, изыде из дому и приидѣ ко кладезю. Она же во дворъ скочи и врата такожде замче, взыде же во храмину, возгласи: «О всезлобный мужу! Еще мало пил и по блядкамъ ходил, что яко ума отбывъ, около кладезя тонъцуешь?» Муж милый, услыша гласъ жены, прииде ко вратомъ дому и се заключенъ, рече женѣ: «Отверзи, аз воистину чаях, яко ты в кладезь ввергласяеси». Она же великимъ гласомъ нача вопити: «Не колоти, пияница и бълудниче, не пущу тя, дондеже увѣдятъ вси сосѣди, во ономъ ли часѣ в домъ подобаетъ приходити! Ни, злодѣю, не пущу тя, дондеже день будетъ, да увѣдятъ вси люди и мои сродницы злая дѣла твоя и в кий часъ от малпы[3] пришел еси». Слыша сие, муж зѣло огоръчися и нача ей глаголати: «Како ты, — рече, — воровка, свое злое дѣло ко мнѣ привязуеши?»

И егда имъ тако крамолящимся, услышаша сосѣди, кождый из своего окна поглядуя, комедию ону хотяще увѣдѣти. Добрая она жена, егда услыша глас сосѣдескъ, нача говорити и горко плакати, рекущи: «Милостивии мои сосѣди добрии! Зрите губителя моего, пияницу и блудника, в кий часъ и откуду идетъ и таков пиянъ, яко колотя во врата, обуди васъ. Аз, бѣдная, много ему тер-

[1] данного; [2] обета; [3] обезьяны, здесь: блудницы.

пѣла, воспоминая от злаго обычая престати, он же словесемъ моимъ не вня, и аз отселѣ терпѣти не могу и в домъ таковаго пияницы и чюжеложника не пущу, да поне от сицевыя срамоты воздержится, от своего злаго нрава».

Гражданинъ оный, добрый человѣкъ, и бълудомъ никакоже оскверънивыйся, точию запойчив бѣ зѣло, нача от своея страны поправляти себе, жену уничижая, низвѣствуя на ню злое дѣло ея, како многажды из дому ходя блудодѣяния ради. Она же, слышавши сие, рече: «Зрите, добрии сосѣди, како пияница сей и плутъ вымышляетъ и вас, добрых людей, подити и оманути хощетъ. И како и кто сему увѣрить? Аз в дому точию во единой срачицѣ. Зрите, господие, како пияный сей возбѣснѣ. Удобное ли дѣло мнѣ ввергнутися в кладезь? И чего ради? Дай, Боже, дабы с такимъ пиянъством и любодѣйствомъ самъ ввергся в кладезь сей».

Сосѣди, не вѣдающе, како между ими сотворися, точию се имъ извѣстно, яко гражданинъ той вельми охочь пити, начаша его поносити и винити, глаголющи: «Пригоже ли тебѣ в таковое время, егда уже люди вставаютъ, в дом приходити, а когда уже злый тя обычай пиянъства огосподствова, к чему толикое злое дѣло и непристойное на добрую свою жену возлагаеши?» И в сихъ речениих уже разсвѣте. Мужъ бѣдный, видя, яко неуспѣшно дѣло его, поджавъ, милой, хвостъ, поиде от двора своего на погостъ. Жена посла по вся сродники своя и повсюду сие разгласися. И егда сродницы приидоша, она же на мужа со многими слезами жалобу приносила. Они же, призвавши мужа, начаша ему лаяти и поносити и грозити. Он, бѣдный, противу сих не смѣ и устъ разверсти и все сие злое дѣло жены и лукавство на себѣ понесе. Аще ли же бы начал прекорѣчити, в великия бы его бѣды привели. Того ради о всемъ умолча.

Тако жены обыкши злое творити,
От всего себе умѣють очистити.

Не бездѣльно Увеналий глаголетъ:*

«Жена со всезлыми дѣлы братаеть,
Егда стыд из очесъ потеряетъ».
Орѣхъ, оселъ, жена единообразно живут,
Ибо злыя добраго не творят, егда их не биют.

В ПОПРАВЛЕНИЕ ЖЕНАМЪ И ВО ОТВЕДЕНИЕ УКОРИЗНЫ НА СИХЪ:

О женѣ благочестивой*

Убогий нѣкий человѣкъ, художествомъ тектон, а по-нашему плотникъ, имѣ жену младу, чюдныя доброты и благоличия и обычаевъ добрых сущу. На сию нѣкий богатый в житии, но добрыми дѣлы убогий, очесы безстудъными

возрѣ и в нечистомъ своемъ сердцы огнь желания гнусного разпали. И много о семъ мысля, прекупи нѣкую старую злую бабу и посла к ней, да коваръственымъ подлогомъ наглаголет ю к беззаконному житию от своего мужа со онымъ.

Баба она пренаятая прииде в домъ младыя оныя мужатицы[1], охапи[2] ю и поздрави, понеже прежде сию не знаяше и, сѣдъши при пещи, нача охати, позирая сѣмо и онамо, на старость и слабость свою жалуяся, и глаголетъ младѣй дому госпоже: «Возлюбленная, образ твой являетъ, не вѣмъ же, аще не ты (имя ея рекши) оныя матери дщи, иже ми бысть сродница и дѣтушекъ у мене крестила». Младая же: «Не вѣмъ, — рече, — аще ты сродница матери моей, имя же ми сие есть и дщи есмь оныя матере». Баба, вскочивъ от пещи, паки охапи ону, нача хлипати, хикати, без слез плачетъ зѣло и глаголетъ: «Воистинну та еси, ибо и подобна во всем свѣту моему, матушке своей. Аз же, бѣдная, долгое время онамо жих и не вѣдѣх о тебѣ. Повѣждь же ми, любезная, коего чину мужа имѣеши?» Младая отвѣща: «Имѣю мужа человѣка доброго, художествомъ плотника». Сие слыша, баба нача паки охати и горько вздыхати, глаголя: «Охъ мнѣ, колико добраго племени отца и матери и толиким благоличиемъ от Бога почтенная, в толикое уничижение и безславие прииде!» И многая иная к симъ приложивши, печалнымъ образомъ присвояяся[3] к ней, отиде.

Посем паки в третий день прииде и рече притворная тетъка ко младѣй племянънице: «Возлюбленная моя, в зельной есмь аз печали о тебѣ, но уже невозможно улечити уничижение твое, но мнѣ попечение о тебѣ не даетъ покоя, да понѣ по чести родителей твоихъ имѣла бы добрую одежду, [4]усерязи, манисто[4] и прочая, и проусмотрила есмь, откуду тебѣ сие получити, точию не презри совѣта моего. Есть здѣ человѣкъ добрый, стану[5] высокого, якоже и твои родители, и зналъ есть отца твоего, и дружество имѣяху. Той вчера къ моему возвещанию о тебѣ, егда аз нещастие твое повѣдала, зѣло сѣтуя о тебѣ, приказа ми возвестити тебѣ, дабы ты пришла к нему, и егда покажеши к нему любовь твою, возымѣеши от него в ризах и во всѣхъ потребах преизобилство велие. И что же, любезная, творити? Мню бо, аще противно твоему нраву и Богу, какоже в таковѣй младости и красотѣ при таковом муже бѣдствовати и всякую нужу терпѣти?»

Младая она и прекрасная жена, слыша сие, рече к ней: «Любезная госпоже тетца моя! Имамъ добраго мужа и лучшаго мене многими мѣрами и угоднѣйша ми паче премногаго добра и богатства любовь его. Извѣствую же ти, аще и сродники моя благородни быша и красно ходиша, но аз со грѣхомъ богатъства и украшения не желаю». Баба же, слыша сия, во ино коварство уклонися лестными словесы и вида изменениемъ, нача ю похволяти, глаголя: «О любезная моя! Воистинну дщи добрыя матери! Отселе азъ паче хощу любити тя, яко толико цѣломудрено вѣщаеши и Бога небеснаго боишися». Сия и иная баба вѣщавши

[1] замужней; [2] обняла; [3] напрашиваясь в родство; [4—4] сережки, монисто; [5] положения.

и не получивъ по умыслу своему, отъиде. Но по трехъ днех паки прииде, много лаская и злокозньствуя, откуду бы ону прельстити, но не усъпѣ ни в чесомъ же.

Паки умысливъ с похотъливцемъ, прииде, яко желая ей благодати от Бога, нача ю звати помолитися ко церкви нѣкоей, извѣствуя, яко тамо молящиися велию приобрѣтаютъ от Бога милость. Младая и цѣломудреная жена, не вѣдая смышления на ся и подлога, послушавъ бабу, поиде. И шедшим имъ, поведе ю оною улицею, идѣже желаяй ю живяше. И егда идущим противу дому оного, врата отвориша, похитиша ю и повлекоша. Бывши же ей в рукахъ силника того, недоумѣвается, что в тѣснотѣ оной чинити. Обаче разумом души благородия умысли сице: упроси малыя ослабы, призва бабу ону, пошепта во ухо, глаголя: «Любезная, вижду дѣло твое, воистину и мне улюбися образ и достоинъство человѣка сего, и вѣмъ, яко премного возъимѣю от него, но приключи ми ся обычное женамъ. Молю тя, любезная, избави мя от сея неволи в сей часъ, дондеже очищуся. Посемъ убо готова буду при всей воли оного». Баба увѣрися сими словесы, пошепта ко уху обиднику и повелѣ ю отпустити, донъдеже минетъ сие.

Возвратившися младая в домъ свой, плача зѣло обругания своего, и плакавъ, нача домышлятися, како бы бабѣ обиду и бесчестие свое мстити. Умысли же сице: ная три мощныя и младыя мужатицы и приготови, дондеже баба придетъ, во внутреней коморцѣ своей, припасе же и плетей и даде младымъ, бабѣ же прирече приити по трехъ днех, и егда минуша три дни, баба прииде. Она же прия ю радуяся и позва ю во внутренюю коморочъку, еже при ней украситися и купно ко оному поити. Баба точию въ каморочъку вниде, прияша ю оныя три наятыя жены младыя. Младая же и двери замъче. Совлекоша бабу до нага и начаша ю без милости мучити, и тако бивше, ижъ цѣлаго мѣста по тѣлу не обрѣтеся и еле живу ис храмины испустиша, тѣми же плѣтьми гостью провождаху. Баба з двора и по всей улицѣ на рукахъ и на ногахъ бѣжала и яко свиния верещала, кровь струями из бѣдной текла, хоти старая кожа, сказываютъ, крѣпка.

В сие время множество народа на улицѣ быша, егда воруху бабу тако добыша, и вси зрящи чюждахуся и зѣло смѣяхуся. И егда за что бабѣ тако учинися и цѣломудрие младыя объяснися, и яко завѣтъ святый и залогъ тайны и любовь к мужу тако храня, зѣло ю похвалиша и ублажиша, бабе же клятвены провод сотвориша и еще ран, мало глаголюще, наложиша. И тако добрыя жены изрядная дѣтель сия не точию по оному граду, но и по всему свѣту прославися. Отсюду добрую славу и от всѣх честь приобрѣла, неже егда бы и всего свѣта богатъство набыла, а паче вѣчная Божия благодати вѣрно надѣется за се стяжати.

Жены ни едино сокровище муж стяжет лучши благой и ниже что противно в добротах нагой. Чистодушную и благую егда получиши, радостно и беспечално житие поживеши.

О женѣ благоразумнѣй и о муже непотребнѣмъ

Человѣкъ нѣкий имѣ благочестивую жену, но ненасытною и окаяньною похотию соодолѣваемъ, скверня свое ложе, имѣ двѣ наложницы. Сей восхотѣ ѣхати во градъ Кольну, еже взяти оттуду нѣкия своя купленыя вещи. И пришедъ, вопрошая, что коей угодно, да привезетъ имъ. И первая: «Привези ми, — рече, — мѣхъ лисей». Вторая повелѣ привести добраго сукна портище[1]. И обѣщася имъ сотворити сие. О своей же законнѣй не радя и яко нехотя вопроси, что ей купити. Отвѣща ему добрая жена его: «Прошу тя, любезный мужу, егда приѣдеши в Кольну, извопрошай, гдѣ купятъ разумъ, и купивъ, привези ми». Мужъ и своей обѣщася: «Аще обрящу, — рече, — разумъ купити, купив, привезу ти».

И приѣхавъ во градъ Кольну, купи наложницамъ, якоже повелѣша, разума же купити нигдѣ не обрѣте. Но даяй премудрость и разум Богъ направи его о семъ вопрошати господина дому, идѣже онъ виташе[2], иже его вопроси, како живетъ з законьною женою и не имать ли любезности к чюжимъ, еже с ними ся сквернити. Он же исповѣда ему все, не утаивъ ничьтоже.

Сия слышавъ, благосовѣстны той мужъ: «Не скорьби, — глаголетъ, — азъ ты продамъ разумъ без цѣны. Совѣтую ти послушавъ мене, егда приѣдеши во свой градъ, сице сотвори: не приходя в домъ, ниже ко блудницамъ, купивъ куре, убей и того кровию помажи лице и главу и браду и иныя тѣла уди, воздежи же на ся одежду худую и раздранную и тако пришедъ к перьвой твоей блудницѣ и рцы, яко тя разбойницы разбиша, имѣние все отъяша, самаго тако убиша и ничтоже от имѣния твоего остася, но вся похитиша. Таковымъ обычаемъ и образомъ и ко вторѣй прииди. Посемъ и к сущей твоей женѣ, и в семъ обрящеши разумъ и не купя».

Человѣкъ онъ, приѣхавъ ис Кольны, сотвори по совѣту доброразумьнаго человѣка. Таковымъ образомъ прииде к перьвѣй блудницѣ своей, жалосно плача, извѣствуя, яко тако его разбойницы разбиша, самаго еле жива оставиша, имѣние безъ остатка отбиша и не имѣет ничтоже. Наложница его, сия слушавъ, нача ему злорѣчити и лаяти и изгна его от себе, глаголя: «Кая, — рече, — мнѣ в тебѣ нищемъ потреба?» Сия слышавъ, он нача приобрѣтати разум. Поиде же ко вторѣй и та сотвори ему подобно. Посемъ прииде к сущей своей женѣ тѣм же образомъ. Она же, видѣвъ сия и слышавъ, нача горько плакати, объя его, обмывая слезами, оплакуя горький и дому разорительны случай. В семъ онъ мужъ увѣде разумъ, видѣвъ сущия жены всеприятные слезы и жалость и любовь нелицемѣрну. Утѣшивъ ю от печали и повѣда истину и тако увѣда неверие и лесть блудницъ и приятъство добрыя своея жены, и от сего времени нача жити по завѣщанию брачныя тайны.

Благодать над благодать благочестива жена и воздержательной ея души никая мѣра достойна.

---

[1] отрез; [2] остановился.

РИМСКИЕ ДЕЯНИЯ

ИСТОРИЯ ИЗ РИМСКИХ ДЕЯНИЙ ПРЕВЕДЕНА НОВО[1] И СПИСАНА З ДРУКОВАНОЙ[2] С ПОЛСКОЙ КНИЖИЦЫ И ЯЗЫКА НА СЛОВЕНСКИЙ[3] ЯЗЫК*

ПРИКЛАД[4] О ХИТРОСТИ ДИЯВОЛЬСТѢЙ, ЯКО [5]СУДБЫ БОЖИЯ[5] НЕИСПЫТАНЫ[6] И СКРЫТЫ СУТЬ. ⟨ГЛАВА⟩ 1

Бѣ некий пустынник, живяше в пещере а[7] во дни и в нощи моляшеся Господу Богу. И пред тою пещерою некоторый пастырь пасоша овцы. И прилучися в некоторый день, что пастырь той уснул и в то время прииде некто тать[8] и покрадша у него овцы все. Тогда господинъ овецъ тѣхъ прииде и вопро*си*ша того пастыря о своих овцах, гдѣ ихъ погубиша. Пастырь же той повѣдаша ему, яко погубиша, а не вѣм, каким обычаемъ[9]. Слышавше же то, господинъ разгневася на него и убиша его. Видевше же то, пустынникъ помышляше в сер*д*цы своемь, глагола: «О, Боже милостив, той человѣкъ [10]дал вину[10] пастырю сему невинному и убиша его. А коли уже допущаеши таковый суд на неповинного, то и аз пойду ис пустыни сея и буду жить, как и протчие люди». И изшед ис пустыни.

Всемогущи*й* Господь Богъ, хотя ему [11]показати дивность судов судеб своих объявити[11], посла к нему анг*е*ла своего во образе человѣче. Тогда анг*е*лъ прилучися к нему на пути и рече ему: «Намилейший, до коих мѣстъ идеши?» Отповѣда ему пустынник: «До того града, которой есть пред нами». Рече ему ан*ге*лъ: «Азъ хощу тебѣ спутник быти, яко анг*е*лъ Божий есть. Приидох к тебѣ, да провожу тя тамо».

И тако поидоша до мѣста[12] и приидоша в дом некоего рыцаря. Рыцарь же той прияша их чесно и даша имъ ясти и пити. А тот рыцарь имѣл у себя единого сына, еще в пеленах, и вельми любляше его. Егда же было [13]по вечери[13], даде

---

[1] недавно, впервые; [2] печатной; [3] церковнославянский; [4] нравоучительный пример, поучительный рассказ, в рукоп. доб.: сии речь бытия; [5—5] Божьи суды, промысел Божий; [6] непостижимы; [7] в значении соединительного союза; [8] вор; [9] образом; [10—10] обвинил (польск. dał winę); [11—11] первонач. чтение: дивность судеб своих объявити; [12] до града (польск. do miasta); [13—13] время после вечерней трапезы.

имъ комору[1] ко опочиванию. Тогда ангелъ, в полночь вставше, удавил дитя оного господина. Видев то, пустынникъ мыслил самъ себѣ: «Естьли бы то был ангелъ Божий, не бы тако сотворил; тот добрый рыцарь даша ему вся потребная, а не имѣша у себя дѣтей, кромѣ того единого дитяти, а он удавил». А всяко[2] той пустынникъ мыслил самъ в себѣ, а не смел ему ничесо рещи. И рано вставше, ударивше челом, поидоша до иного места.

И внидоша в дом некоего мещанина, которой их также чесно принял, вдячне[3] и вся потребная даша имь. Той же мѣщанин имел у себя кубок злат, из негоже пил. Тогда ангелъ воста в полночь и украл он кубокъ. Видевше то, пустынник онъ мыслил в себѣ: «Воистинну то злой духъ имать быти. Сей мещанин все нам доброе учинил, а он у него кубок украл»; а всяко не смел ему сего рещи. И вставше рано, идоша в путь.

И пришедше до некоторой воды, через нюже мостъ бяше. И как взошли на мостъ, и ту встрѣтоша их некто убогий человѣкъ, емуже ангелъ реклъ: «Брате милый, укажи нам путь до оного града». И как той убогий, стоя на мосту, дорогу им указывалъ, тогда ангел, ухвативше его, врютилъ[4] его под мостъ и утопиша. Видевше то, пустынник мыслилъ в сердцы своемъ: «Нынѣ разумѣхъ, яко той есть злый духъ, [5]*а не добрый ангелъ*[5] Божий. И что ему учинил сей убогий человѣкъ и за что его утопил?» И от того времени начаша пустынникъ мыслити, какъ бы от него отлучитися, а всяко ему не смѣл ничесоже рещи.

Потом такоже в вечер пришли до мѣста в дом некоторого богатого злаго и просиша у него наслегу[6], и он ихъ избраниша и не восхотеша имъ наслегу дать. И рече ему ангел: «Просимь у тебя для Бога, да даси намъ во своемъ дому, где будет пригоже, переночевать». Рече же имь богатый: «Во то хлевъ имамь. Естьли хощете, и вы начюйте в немъ, а будет не восхощете в хлеве спати, и вы идите прочь. Иного места вам не дам». Они же шедше во оный хлѣв и спаша ту. А на утрее возва ангелъ господина дому и добыл[7] оный кубок, которой украл, рече ему: «Милый господарю, за то добродейство, которое учинилъ еси нам, даю тебѣ сей кубок».

Видев же то, пустынникъ мыслил в себѣ: «Нынѣ право[8] вемь, что то злый есть духъ, зане[9] у человѣка доброго укралъ кубок сей, а отдал его сему злому человѣку ни за что, которой нас и в домъ свой не хотел пустить». И рече пустынникъ ангелеви: «Не хочю дале сего ходити с тобою, вѣдай себѣ подлинно; [10]имей се добре[10]». Рече ему ангел: «Послушай мя, нѣчто ти повѣмь, и потом отлучися от мене».

И начат ему ангелъ повѣдати [11]приличьных оных учинъковъ[11] его, глаголя: «Как ты былъ в пустыни, оный господинъ овѣцъ оныхъ убиша неповинного

---

[1] комнату; [2] однако (польск. wszak); [3] милостиво, благосклонно (польск. wdzięcznie), перед полонизмом внесен его перевод — «чесно»; [4] бросил (польск. wrzucił). [5—5] в рукоп.: «недобрый, а не ангелъ»; [6] ночлегу; [7] достал; [8] воистину; [9] потому что; [10—10] будь здоров (польск. miej się dobrze); [11—11] искаженное польск przyczyny onych uczynków — причины тех поступков.

оного пастыря, понеже той пастырь некогда смерть было заслужил и всегда б*е*з грѣха не был, аж до того времени, до своей смерти. И того ради посла Господь Богъ на него таковую смерть, чтобы он для своего согрешения по смерти убѣжал муки вѣчныя, которого греха себя допустил и о том своемъ прегрешении никогда пок*а*яния не принес. А оный злодей, которой у него овцы покрал, за то будет потоплен. А господинъ тѣх овецъ, которой пастыря убил, [1]полепш*ил* своего живота чрез милосердия учинки[1], что учинил, [2]не довѣдавшися первое[2].

Потом аз убил сына у которого[3] оного рыцаря, которой нас принел чесно, сего ради: как то дитя у него не родилося, и тот рыцарь великою милостину творил, а как ему то дитя родилося, и онъ стал вельми скуп вельможею и паном, чтобы сына своего обогатил. И тогда бы они оба погибоша в муку вѣчную, и для того аз у оного рыцаря сына удавилъ, да на прежн*и*е добродѣт*е*ли возвратится.

Потом украл есми кубок у оного мещанина, которой нас чесно принял, сего ради: покаместъ у него того ку*б*ка не было, и онъ был во всемъ трезвъ человѣкъ, таков, что во всем граде трезвѣ*е* его не было, а как тотъ кубокъ здѣла*л*ъ, и он так того ку*б*ка любил, что на всяк день из него напивался допъяна. И как я у него тот кубок украл, и он паки начат быть трезвъ, как и прежде был.

Потом утопил есми оного убогаго для того, что тот убогий человѣкъ был добрый християнинъ, а как бы он отшелъ от того мосту *д*о 3 версты, с полмили,* — и он бы убил другов*а* греху смертному. И такъ бы они оба погибли, а нынѣ он от сего спасен есть.

Потомъ он кубок, которой украл есми у оного мещанина, отдал есми тому злому богатому, которой нам наслѣгу дать не хотел, для того: всякое доброе дѣло б*е*з заплаты не бывает: или тамо, на оном вѣце, или зде. И я за то его доброе дѣло дал ему кубок тотъ, хотя он нас и нечесно принял, чтобы он на оном вѣце заплаты не приял вѣчьно. Сего дѣля глаголю ти: поставь стража устом твоимъ, а против Господа Бога не глаголи, не шемрай[4], он бо вся испыт*у*ет, и судбы его вся скрыты, и тайны его неявимы».

Слышав же сия пустынник он, падше под ногами анг*е*ла и нача повѣдати своя прегрешения. И потом паки возвратился в пустыню и служил Господу Богу б*е*зпрестани. И от сего мира прейде в вечьную жизнь.

[1—1] улучшил свою жизнь делами милосердия (польск. polepszył swego żywota przez miłosierne uczynki); [2—2] не дознавшись сперва; [3] слово избыточно, в польск. нет; [4] не ропщи (в польск.: abyś... nie szemrał), перед полонизмом вставлен его перевод — «не глаголи»

ПРИКЛАД[1] О ГОРДОМ ЦЕСАРѢ ЕВИНЯНЕ* И О ЕГО НИСПАДЕНИИ, И КАК ГОСПОДЬ БОГЪ МНОГОЖДЫ ГОРДЫМ ПРОТИВИТЦА, А СМИРѢННЫХ ВОЗНОСИТЪ И ДАЕТЪ БЛАГОДАТЬ. ГЛАВА 2

Евинян, цесарь зѣло можный[2], в Риме царствовал. [3]И в некоторое время, на ложе леж*а*чи[3], през[4] великою можность свою поднелося сердце его въ великою гордость. И почал он мыслить са*мь* в себѣ, глаголя: «Нѣсть Бог и*ны*, сильнѣйший, можнейший, паче[5] мене». А как онъ такъ мыслил, уснул. И рано вставши, паном своимь и дворяномъ пов*е*лѣл, чтобы готовились все с нимъ ехать на ловлю[6]. Тогды дворяне его изготовяся, того же дни ехали с ним.

А как были на дороге, и тогда цесарь от солн*е*чного зною такъ разгоресь, [7]что умереть хотелъ, толко бы[7] не искупался в ст*у*деной воде въ з*е*мной. И тогда цесарь узре издалеча великою воду, *реклъ** своимъ рыцаремъ: «Остантесь ту мало, дондеже пойду покупаюся». И отъѣхалъ от нихъ и, пришедши до оной воды и раздѣвся, купался. И какъ тамъ, купаючись, мешкалъ, пришелъ нѣкоторый человѣкъ въ его образѣ, и въ походкѣ, и во всемъ подобный, облекся въ его одѣяние и, всѣдъ на его конь, ѣхалъ къ рыцаремъ. Видячи тогды дворяне образъ цесаревъ, мняще его быти цесаря, прияли его съ честию, а цесаря нага оставили. И по оном *лов*ѣ ѣхалъ онъ цесарь на палацъ[8] съ своими рыцарми.

Потомъ искупавшися Евинянъ цесарь и вышедши из воды, а ни платья а ни коня не обрѣте. И дивовался велми, что никого не видалъ, смутися[9], что будучи цесаремъ, а сталъ нагъ, и почалъ мыслить самъ в себѣ, рекущи: «Что имамъ[10] сотворити, что такъ нужнѣ[11] и ганебнѣ[12] от своихъ оставлен? Але[13] юже вѣмъ, *что* чинить. Есть оттуду недалеко единъ рыцарь, котораго я рыцаремъ учинилъ. Пойду до него и одѣяние и коня у него возму; и тако поѣду на палацъ мой и за ту легкость[14] и посмѣяние месть слушную[15] над ними учиню».

Тогды Евинянъ цесарь пошолъ нагъ до замку оного рыцаря и, пришедши, у вратъ стоя, колотился, чтобы ему отворили. И пыталъ его воротникъ, рекущи: «Кто ты еси и чего хощешь?» Отповѣдалъ Евинянъ, глаголя: «Отвори толко врата, а кто есмь азъ — оглядай». И отворивши врата, воротникъ узрѣлъ его нага, дивовался и реклъ ему: «Кто еси ты? — повѣждь ми». Отповѣдал Евинянъ, рекущи: «Азъ есмь Евинянъ цесарь, иди до твоего пана и рцы ему, чтобы мнѣ далъ одѣяние и коня, яко одѣяние и коня стратилъ[16], когда купался, а дворяне мои

---

[1] в рукоп. далее доб.: сии рѣчь притча; [2] могущественный (польск. możny); [3—3] в польск.: który, gdyż jednego czasu na łożu leżał — который, когда в некоторое время на ложе лежал; [4] через (польск. przez); [5] кроме; [6] на охоту; [7—7] в польск.: że się mu zdało, żeby miał umrzeć, jestliby — что ему казалось, что мог бы умереть, если бы; [8] во дворец (польск. na pałac); [9] огорчился, опечалился (польск. zasmucił się); [10] могу. [11] здесь: низко, подло (польск. nędznie); [12] позорно (польск. haniebnie); [13] но; [14] легкомыслие (польск. lekkość); [15] справедливую (польск. słuszną); [16] утратил (польск. stracił).

такъ отъѣхали от меня». Реклъ ему воротникъ: «Нужный[1] и скаредный[2] хлопе, что ты мовишь и лжешь? Цесарь Евинянъ давно проъѣхалъ со своими дворяны на палацъ, а панъ мой проводилъ его до замка, возвратился к дому своему и теперь обѣдаетъ. Але то, что еси смѣлъ назватися цесаремъ, повѣмъ пану моему».

И пришедъ воротникъ до пана, всѣ рѣчи Евиняновы повѣдалъ. Услышавши то, пан велѣлъ, чтобы его пред него поставить; и привели его. И какъ пришолъ, и узрѣвши его, рыцарь не позналъ его, что онъ цесарь былъ (але его онъ добрѣ зналъ), и вопросилъ его: «Кто еси ты и какъ имя твое?» Отповѣдалъ ему Евинянъ: «Азъ есмь Евинянъ, азъ тебе учинилъ рыцаремъ в то и в то время». И повѣдалъ имянно, какъ то учинилъ. Реклъ ему рыцарь: «Нужный хлопе, какою упорностию[3] смѣлъ еси назватися цесаремъ? Ибо цесарь, панъ мой, уже давно на палацу своемъ, а азъ, проводивъ его, возвратился. А коли уже ты смѣлъ назватися цесаремъ, безъ помсты[4] не будешъ». И велѣлъ его гораздо *бити* и потомъ за врата выпхнуть.

Тогды онъ, убитъ и выпхнутъ, велми ревно[5] плакалъ, глаголя: «О, Боже Всемогущий, что то есть, что мой рыцарь не позналъ мене, къ сему же еще и бити мя велѣлъ?» И почалъ мыслить самъ в себѣ, мовячи: «Есть недалеко отсюду нѣкоторый князь, панъ мой думный,* пойду до него и скажу ему всю причину мою, чтобы мнѣ далъ одѣяние и проводилъ бы меня на палацъ мой».

Тогды, пришедши до замку оного князя, заколотилъ, чтобы ему отворили. Услышавши колотанье, воротникъ отворилъ ворота и, узрѣвши человѣка нагаго, дивовался и пыталъ его, мовячи: «Кто еси ты и для чего пришелъ еси здѣ, будучи нагимъ?» Отповѣдалъ ему Евинян: «Азъ есми цесарь, а съ пригоды[6] стратил есми одѣяние и коня и сего ради пришелъ есми ко князю, чтобы мнѣ вспомоглъ въ той моей пригодѣ велицѣй».

Услышавши ту рѣчь, воротникъ дивовался тому и, вшедши на палацъ до пана, повѣдалъ ему ту рѣчь. И реклъ князь воротнику: «Введи его здѣ». А какъ его ввелъ, никто его не позналъ. Тогды князь нача его вопрошати: «Кто еси ты?» Отповѣдалъ Евинянъ: «Азъ есмь цесарь Евинянъ, которой тебя учинилъ великимъ паномъ и княземъ своимъ раднымъ[7]». Рече ему князь: «Шаленый[8] и нужный хлопе[9], вшаке[10] я недавно съ моимъ паномъ цесаремъ ѣздилъ и на палацъ паки возвратился. Але что еси честь цесарску предо мною смѣлъ еси на себя возложити, не будеши без наказания». И велѣлъ его всадить въ темницу и кусъ хлѣба и воды ему дать. Потомъ велѣлъ его из темницы вывести и велми бить и, убивши его, съ двора выпхнуть. И смиловался нѣкоторой слуга над нимъ, далъ ему платьишко, чѣмъ приодѣться.

---

[1] жалкий (польск. nędzny); [2] мерзкий (польск. szkaradny); [3] дерзостью (польск. upornością, лат. audacia); [4] без наказания (польск. krom pomsty); [5] горько (польск. rzewno); [6] по случаю, случайно (польск. z przygody); [7] польск. radnym, в ряде списков Римских Деяний (далее РД) внесен перевод полонизма: думным; [8] шальной, безумный (в Б.: szalony); [9] холоп; [10] ведь (польск. wszak); на полях глосса: «всяко».

Тогды Евинянъ, убитъ и выпхнутъ, началъ велми плакать, рекущи: «Бѣда мнѣ, нужному человѣку! Что имамъ сотворити, что сталъ есми всѣмъ въ посмѣхъ и въ поругание?» И мыслилъ самъ въ себѣ, глаголя: «Пойду еще на свой палацъ, или[1] мене познаютъ мои, паче же познаетъ мя моя цесарева чрез нѣкоторые знамена[2]».

Воставши тогды Евинянъ, в томъ худомъ платьишке шелъ на замокъ и, пришедши, колотилъ во врата, чтобы его пустили. И воротникъ, услышавши колотанье, отворилъ врата и, увидѣвши его, вопросилъ: «Кто еси ты?» Отповѣдалъ ему Евинянъ: «Дивлюся, что не знаеши мене, много лѣтъ служа мнѣ». Реклъ ему воротник: «Что ты глаголеши ложно, я служу цесареви, а не тебѣ». Реклъ ему: «Азъ есмь цесарь Евинянъ. А не вѣриши ли мнѣ, иди, прошу тя, до цесаревой и повѣждь ей знамена, которыя я тебѣ повѣм; а тыхъ жаденъ[3] иной не вѣдаетъ, развѣ она, и она тому вѣрить будетъ. И рцы ей, чтобы мнѣ с тобою прислала одѣяние, зане с пригоды все стратил есми». Реклъ ему воротникъ: «По всему знать, что ты шаленой. Цесарь и цесарева теперь сѣдятъ за столом, а ты называешися быти цесаремъ. Пойду я къ цесаревой и скажу ей твою рѣчь, але извѣстно вѣмъ, что битъ будешь доволно».

И слышав воротникъ знамена от Евиняна, пришол къ цесаревой, исповѣдалъ ей все, что слышалъ от него. Услышавши то, цесарева смутилась[4] и обратилася к пану своему, рекла: «Пане мой, слухай дивныхъ рѣчей. Знамена особливые, которые между нами были, человѣкъ нѣкоторой, пред враты стоя, [5]того то воротника прислалъ ко мнѣ[5], а называется цесаремъ быти и паномъ[6] моимъ и жадаетъ[7] платья от меня». И какъ то онъ цесарь услышалъ, велѣлъ воротнику, чтобы его привелъ пред лице всѣхъ.

Тогды, какъ гонебнѣ[8] Евинянъ на палацъ пред лицемъ всѣхъ былъ приведенъ, нѣкоторой песъ, егоже[9] зѣло любилъ и [*который*] у него всегды въ обѣдъ лежалъ, кинулся на него, хотѣлъ его укусить, и какъ бы слуги не оборонили его, уморил бы его; и [10]того дѣля[10] не укусилъ его. Да тамо же былъ соколъ, сѣдѣлъ на жерди, которой, увидѣвши его, метался на него и, урвавшися, вылетѣлъ вонъ из двора.

Видячи тогды онъ цесарь Евиняна пред собою стояща, реклъ ко всѣмъ, которые были на палацу: «Слухайте отповѣди того хлопа». И начатъ вопрошати его, глаголя: «Повѣждь ми, кто еси ты и чего дѣля пришелъ еси здѣ?» Отповѣдалъ ему Евинянъ: «Пане мой милый, отповѣдь моя да не будетъ въ диво, зане истина есть: азъ есмь Евинянъ». Цесарь вопросилъ всѣхъ сѣдящыхъ при столѣ и около стоящыхъ, глаголя имъ: «Повѣждьте, которой из дву насъ есть цесарь и

[1] может быть; [2] свидетельства, знаки (польск. znamiona); [3] никто (польск. żaden); [4] опечалилась (польск. zasmuciła się); [5—5] в польск.: przez tego wrotniego powiada — через того привратника поведал; [6] государем; [7] желает; [8] позорно (польск. haniebnie); [9] которого, в польск.: jęnż go przed tym — который его прежде; [10—10] потому.

панъ вашъ?» Отповѣдали ему панове: «Милостивый пане, чрез ту присягу, которую тебѣ учинили, исповѣдаемъ тебя быти цесаремъ и государемъ нашим, котораго мы от младыхъ лѣтъ нашых знаемъ. А сего хлопа, какъ мы и живы, не видали и не знаемъ. И сего дѣля вси единымъ гласомъ просимъ, чтобы тотъ хлопъ былъ скаранъ[1], чтобы иные, на него смотря, боялись и таковой дерзости не имѣли бы».

Тогды цесарь, обратившися къ цесаревой, реклъ ей: «Панна моя милая, [2]чрез вѣрность мою, которою мнѣ повинна[2], повѣждь ми, знаеши ли человѣка сего, которой назвался быть цесаремъ и государемъ твоимъ?» Отповѣдала цесарева: «Пане мой, а цо ж меня пытаешь? Или не болши тритцати лѣтъ живу съ тобою и дѣти имамы? Развѣ[3] дивлюся тому, что тотъ человѣкъ вѣсть[4] нашы тайны, которые меж нами были».

Потомъ реклъ цесарь Евинянови: «А коли уже такъ предо всѣми нами дерзнулъ еси назватися цесаремъ, сего дѣля повелѣваю, чтобы днесь, увязавши къ коневью хвосту, за конемъ волочити. И будетъ впредь смѣешь такъ цесаремъ назватися, тогды смерти гонебной не увидишь[5]». И возвавши слугъ, предалъ его имъ, чтобы учинили над нимъ по его велѣнию, къ сему же чтобы его доволно побили. Тогды слуги, взявши Евиняна, уволочили его и, убивши его, на полы мертва за градъ выкинули.

Потомъ Евинянъ почалъ велми плакать, разпочаянцъ[6] о цесарствѣ и нарекаянцъ[7]: «Несчасливый то былъ день, в который я народился, несчастенъ то былъ тотъ часъ, въ которой я зачался! Бѣда мнѣ, нужному человѣку, понеже до таковой нужды[8], гонбы[9] и жалости[10] пришелъ есми! Вси друзи мои отступили от меня, жена же моя и дѣти не позназа мя. О, чтобы я быхъ на свѣтъ сей не родился!» И коли онъ, такъ нарекаючи, плакалъ, тогды вспомнилъ, что тамъ еще недалеко жилъ пустынникъ, а его исповѣдникъ, и началъ помышляти въ себѣ, глаголя: «Пойду я еще къ тому пустыннику, или онъ мене познаетъ, зане многократъ исповѣдь мою слыхалъ».

И шелъ ко оному пустыннику и, пришедши, заколотилъ въ оконце каморы его. И услышавши пустынникъ колотанье, вопрошалъ, глаголя: «Кто есть?» Отповѣдалъ Евинянъ: «Отвори оконце, чтобы с тобою глаголалъ. Азъ есмь цесарь Евинянъ». Услышавши гласъ его, пустынникъ отворилъ оконце. А какъ его узрѣлъ, не позналъ его, але с прытости крѣпко оконце закрылъ, рекущи: «Отойди прочь, проклятый злый духъ, нѣси бо ты цесарь, але злой духъ во образѣ человѣчи». Услышавши то Евинянъ, от великия жалости палъ на землю и рвалъ власы на главѣ своей, глаголя: «О, Боже мой Всемогущий! Чесо ради на мене та-

---

[1] наказан (польск. skaran); [2—2] в польск.: przez wierność, którąś mi powinna — ради верности, которой мне обязана, в лат.: per fidem qua teneris — через веру, которой ты держишься; [3] только; [4] ведает; [5] в польск.: nie ujdziesz — не избежишь; [6] горюя (польск. rospaczając); [7] сетуя (польск. narzekając); [8] беды (польск. nędzy); [9] позора (польск. hańbie); [10] печали (польск. żałości).

ково великое уничижение и от всѣхъ поношение допустить изволилъ еси? Зане[1] к тому уже не вѣмъ, что сотворити имамъ». И рекши то, вспомнилъ: коли на ложи лежалъ, вознеслося было сердце его вспыхъ[2], глаголя, что «нѣсть Бога иного крѣпчайшаго, паче мене».

И вспомнивши то, абие[3] началъ паки[4] колотить въ оконце пустынника онаго, глаголя: «Мужу Божий! Прошу тя чрез любовь онаго, которой висѣлъ за насъ грѣшныхъ на крестѣ, послухай исповѣди моей, хотя не открываючи оконца». Реклъ ему пустынникъ: «Выслушаю, повѣдай». Тогды онъ съ плачемъ и сокрушением великимъ исповѣдался всѣхъ грѣховъ своихъ, паче же онаго грѣху, что вознеслъся былъ гордостию своею противъ Господа Бога, рекущи, что «нѣсть Бога иного, паче мене». И какъ Евинян исповѣдался и покаяние принесъ, пустынникъ, отворивши оконце, абие позналъ его и реклъ ему: «Свидѣтель ми есть Господь Богъ, что тебе не познахъ, а теперь уже познахъ тя. Имамъ ти одѣяние, але убого, а всяко[5] возми себѣ, которое полутче, и, оболкшися, иди на палацъ. Имамъ надежду, что уже вси познати тя имутъ».

Тогды Евинянъ цесарь облекшися въ его одѣяние и шелъ на замокъ. И стоячи у вратъ, колотился, чтобы ему отворили. Услышавши то, воротникъ отворилъ ворота и съ великою честию приялъ его. И реклъ Евинянъ воротнику: «Ужели знаеши мя?» Отповѣдалъ воротникъ: «Пане мой милый, какъ не знати мнѣ тебя, государя моего? Але дивлюся тому, что стоялъ есмь азъ весь день у воротъ сихъ и никуды не отходилъ, а не видѣлъ, какъ твоя милость вышелъ съ двора».

И как вшелъ Евинянъ въ замокъ, вси, которые видѣли его, кланялися ему. Але другой цесарь съ паньею былъ въ полацу. И вышедши нѣкоторой рыцарь съ полацу от цесаря и смотрил на него прилѣжно, а потом вшелъ на палацъ и реклъ до цесаря: «Милостивый пане, есть пред полацем нѣкоторой человѣкъ, емуже вси покланяются и честь ему воздаютъ, которой во всемъ подобенъ есть твоей милости, такъ что воистину не розознати, которой бы из васъ былъ цесаремъ».

Услышавши то, цесарь реклъ къ цесаревой: «Изыди и посмотри, знаеши ли человѣка того». И вышла цесарева пред полацъ и, видячи Евиняна, дивовалася велми. И паки на полацъ взошла къ цесарю и рекла: «Пане мой, за правду повѣдаю тебѣ, что не вѣм, которой из васъ есть цесаремъ государем моимъ». Реклъ къ ней цесарь: «А коли уже такъ есть, пойду я самъ и правду познаю».

Вышедши тогды цесарь из полацъ и увидѣвши Евиняна, поялъ его съ собою за руку и велѣлъ ему подле себя стать. И возвалъ всѣхъ рыцеровъ и пановъ, которые были съ цесаревою, вопросилъ ихъ, рекущи: «Чрез присягу, которую мнѣ чинили, повѣждьте, которой из дву насъ есть цесаремъ?» Отвѣщала прежде

---

[1] ибо (в польск.: bo); [2] искаженное польск. w pychę — в высокомерии; [3] тотчас, немедленно; [4] опять, снова; [5] однако

цесарева, глаголя: «Пане милый, мнѣ о томъ отвѣчати прежде подобаетъ. Але свидѣтель ми есть Господь Богъ, что воистину не вѣмъ, которой из васъ есть панъ мой». Тако же и вси рекоша.

Реклъ имъ цесарь: «Слухайте мене вси. Сей человѣкъ — тотъ есть цесарь и государь вашъ. Але что нѣ въ которое время вознеслся былъ въ гордость противъ Господа Бога, для котораго грѣха Богъ его скаралъ: отнялъ от него [1]знаемость человѣчю[1] столь долго, дондеже за тотъ грѣхъ покаяние Господу Богу принес. А я есмь аггелъ Божий, хранитель души его, иже соблюдахъ панство его, дондеже онъ въ покаянии пребывал. Але коли уже покаяние за грѣхи свои выполнилъ, сего ради отселѣ а бысте ему паки поддани были яко пану своему, а по томъ васъ Господу Богу предаю». И рекши то, невидим бысть от очию ихъ.

Тогды Евинянъ цесарь, будучи паки [2]привращенъ на столъ[2] ихъ, благодарилъ Господу Богу. И ходилъ во всѣхъ заповѣдехъ Господнихъ и попечение имѣлъ о добрыхъ дѣлехъ хвалебныхъ. И соверши послѣдний день свой въ покою.

[3]Выкладъ тоя же повѣсти обычайный[3]

Намилѣйшая братие, цесарь тотъ можетъ нарещися всякъ человѣкъ, сему свѣту подданный, который для богатествъ и для честей въ гордости возносится въ сердцы своемъ, яко бы другий Навуходоносоръ,* который не былъ послушный приказанью Божию. Таковыхъ рыцеровъ ужива[4] — то есть смысловъ; а ѣдетъ на ловы — сирѣчь на суеты свѣта сего.

Потомъ горячесть велик*ая*, сирѣчь[5] искушение диаволское, изоиметъ его, что не можетъ быть въ покою, естьли не будетъ охоложонъ въ водахъ сего свѣта, а то прохлажение есть обуморение[6] души. И такъ рыцери, то есть смыслы, оставятъ человѣка без стражи, покамѣстъ хочетъ мытися в водахъ сего свѣта. И таковый первѣе съсѣдаетъ съ коня, то есть блудитъ от вѣры, ибо на крещении обѣщался вѣрити въ Бога и гордости Диаволя отрекся. Але покамѣстъ купается въ водахъ сего свѣта, вѣру погубляетъ, а то есть съсѣдание с коня. Потомъ снимаетъ одѣяние съ себе, то есть добродѣтели отлагаетъ от себе, которыя принялъ на крещении, и тако [7]нагъ нужно[7] лежитъ въ суетахъ мирскихъ.

Потомъ другой человѣкъ, то есть пралатъ,* который имать соблюдати вѣры доброту, приемлетъ одежду его, ибо пралатови дана есть власть розвязовати[8] грѣшнаго человѣка, елижды грѣшный человѣкъ чистым сердцемъ обращается къ Богу.

[1—1] узнаваемость человеческого облика (польск. znajomość ludską); [2—2] возвращен на престол. [3—3] толкование... нравоучительное. назидательное (в польск.: wykład tego obyczajny. в лат.: moralisacio); [4] использует (Б. używa, С. wzywa — призывает); [5] то есть; [6] обморок, омертвение (польск. obumorzenie); [7—7] в польск.: nagi a nędzny — нагой и жалкий; [8] здесь: отпускать грехи (польск. rozwiązywać).

Евинянъ, то есть грѣшный человѣкъ, егда от воды сего свѣта выходить [1]през ласку Божию[1], тогды не обрѣтаетъ ризъ своихъ, то есть ни единыя добродѣтели, зане всѣ погубилъ во грѣсѣ, и [2]того будетъ жаловать[2]. Але паки чтобы досталось одѣяние, то есть добродѣтели, имать идти первѣе къ дому рыцаря. Тотъ рыцарь есть разумъ, которой тебе будет карать и бить, зане разумъ приводитъ[3], что согрѣшилъ еси противъ Бога. Тогды [4]имаши ся полѣпшить[4] и покутовать[5]. И того дѣля не можеши себе назвати цесаремъ, сирѣчь вѣрным християниномъ, яко дѣла християнския погубилъ еси грѣхомъ.

Потом имаши итти до замку княжему, то есть до власнаго[6] сумнѣния, которое противъ тебя тяжко шемруетъ[7], дондеже съ Господемъ Богомъ помиришся, и предаетъ тя въ темницу, то есть въ трудность и въ вонтпливость[8] великую, през[9] которую дорогу будешь милъ Господу Богу. Можешъ и раны прияти от него, сирѣчь сокрушение сердечное, през которую кровь, то есть грѣхъ, выпловетъ.

Потомъ имаши колотить до полацу сердца своего, то есть съ прилѣжаниемъ велми помышляти, како согрѣшилъ противъ Господа Бога. Потомъ воротникъ, то есть воля твоя, которая есть вольна, имать отворити двери сердца твоего и имать привести тя къ первой[10] невинности, которую приялъ еси на святомъ крещении. Песъ, который мечется, чтобы тебя укусилъ, то есть тѣло твое власное, имъже многажды человѣкъ убиваемь бываетъ, аще бы не Господь Богъ обoронилъ. Соколъ, которой, урвавшися съ жерди, прочь улетѣлъ — то есть крѣпость Божия — не будетъ пребывати с тобою, дондеже лежать будешь во грѣсѣхъ. Тогды а ни жена, а ни душа будетъ знать твоего спасения. Сего дѣля будешъ влаченъ, у хвоста конскаго привязанъ, — то есть за то, что еси сотворилъ. И колижды сотворилъ еси, имаши жалѣти и сокрушение имѣти.

А какъ тако сотворишь, пойдешь къ пустыннику, которой сѣдитъ въ каморѣ церкви святой, исповѣдаешися всѣхъ грѣховъ, ихъже сотворилъ еси противъ Господу Богу, а през закрытое оконце (то есть не для человѣчи хвалы, але ко твоему утѣшению), абие Бог и вси аггелы познаютъ тя.

Потомъ облечешися во одежду, то есть въ добрыя дѣла, и пойдешь до палацу сердца твоего. И всѣ рыцари, то есть смыслы, и жена твоя, то есть душа, познаютъ тя, зане будеши паки истиннымъ цесаремъ, то есть вѣрнымъ християниномъ, и будеши царствовати въ Царствѣ Небесномъ.

Конецъ повѣсти и толкованию ея о Евинянѣ.

[1—1] по милости Божией; [2—2] и будет о том сожалеть (польск. a tego ma żałować), [3] указывает (польск. przywodzi); [4—4] можешь улучшиться, исправиться (польск. masz się polepszyć); [5] покаяться (польск. pokutować); [6] своего, собственного (польск własnego); [7] ропщет (польск. szemrze), на полях глосса: восстает; [8] сомнение (польск wątpliwość); [9] через (польск. przez); [10] прежней.

ПРИКЛАДЪ О ДОСКОНАЛОСТИ[1]. ⟨ГЛАВА⟩ 3

Титусъ,* цесарь зѣло можный, въ Римѣ, славномъ градѣ, пановалъ, которой уставилъ былъ такову заповѣдь, чтобы день нарождения сына его первороднаго от всѣхъ былъ праздlivanъ. А [2]кто будетъ[2] дня нарождения сына его не будетъ святить[3], тотъ смертию умрет. И какъ та заповѣдь всѣмъ была объявлена, тогды цесарь Титусъ возвавши мистра[4] Виргилиуша* и реклъ ему: «Мистру Виргилиуше, выдал есми ту заповѣдь, але вѣмъ, что людие частокротъ будутъ преступать ю, аще не буду я имѣть какова довѣдыванья для таковыхъ преступцовъ. Сего дѣля по своей мудрости учини такову вещь, по которой бы я моглъ вѣдать таковыхъ преступниковъ». Реклъ Виргилиушъ: «Учиню, яко повелѣваешь».

Тогды Виргилиушъ поставилъ единъ столпъ[5] посредѣ града и учинилъ [6]чернокнижною наукою[6], что тотъ столпъ всѣ грѣхи тайные, которогождо[7] дня учиненые, цесареви повѣдалъ. И такъ по вѣдомству того столпа многи казнены бываху.

И былъ в том градѣ нѣкоторый коваль[8] именемъ Фока, которой въ тотъ заповѣдной день, какъ и въ иныя, всегда робилъ. И какъ онъ, лежащи въ нѣкоторое время, размышлялъ, что множество людей вѣдомствомъ столпа того погибаетъ, тогды вставши рано и шел къ тому столпу и реклъ ему: «Образе, чрез твое оскоржение[9] множество людей умираетъ. Оклеветаешь ли ты мене, обѣщаюсь Богу, что я твою главу сокрушу». И рекши то, шелъ домой и робилъ.

Тогды Титусъ цесарь по своему обычаю послал послы къ тому то образу, чтобы ся довѣдали от него, былъ ли кто, которой бы заповѣдь его преступилъ. И какъ послы пришли ко оному столпу и повѣдали ему волю цесарску, отповѣдалъ имъ образъ, рекущи: «Приятеле милые, поднесите очи свои и, увидѣвши, читайте, что то написано на моем челѣ». Тогды они, поднесши очи свои, увидѣли три рѣчи на челѣ его написаны: «Времена ся преминуютъ, людие [10]ся погоршаютъ[10], а кто будетъ нынѣ правду мовитъ, имать убитому голову наставить». И какъ то прочли, реклъ имъ столпъ: «Идите повѣдайте пану вашему, что есте видѣли и читали».

Шедши тогда послове, повѣдали все то пану своему. Услышавши то Титусъ, велѣлъ своимъ рыцаремъ, чтобы, оружие взявши, шли къ столпу. А естьли бы кто противъ воли его столпови нѣчто восхощетъ учинить, чтобы такова, связавши, къ нему привели. Потомъ рыцаре, пришедши къ столпу, рекли ему: «Цесарь приказалъ, чтобы ты повѣдалъ тѣхъ, которые противъ заповѣди его чинятъ

---

[1] о совершенстве, безупречности (польск. o doskonałości); [2—2] в польск.: ktożbykolwiek — если кто-либо; [3] чтить, праздновать (польск. święcić); [4] мастера (польск. mistrza), здесь — мага, чернокнижника; [5] столб, в лат. тексте — магическую статую; [6—6] обратившись к черной магии; [7] какого-либо; [8] кузнец; [9] обвинение (польск. oskarżenie); [10—10] ухудшаются (польск. pogarszają się).

и которые тебѣ грозятъ». Отповѣдалъ имъ образъ, глаголя: «Возмите Фокуса коваля, тотъ то есть, которой всегды заповѣдь преступаетъ и грозит мнѣ главу сбить». Тогды рыцаре явши Фокуса коваля и привели его пред цесаря.

Увидѣвъ же Титус Фокуса приведенаго, реклъ ему: «Что то слышу о тебѣ? Чему заповѣдь мою преступаешь, к тому же еще образу грозишь?» Отповѣдалъ Фокусъ: «Пане милый, я той заповѣди содержати[1] не могу, ибо на всякъ день *треба ми* имѣти осмь пѣнязей,* ихъже не могу инако добыть, кромѣ работы». Рече ему цесарь: «Чему осмь пѣнязей?» Отповѣдалъ Фокусъ: «На всякъ день чрез весь рокъ[2] повиненъ есмь возвращати два пѣнязя, ихъже измлада пожичалъ[3]. Дву же паки пожичамъ[4]. А два истрачю[5], а два накладамъ[6]». Реклъ ему Титусъ: «Повѣждь ми явно, чтобы я разумѣлъ». Реклъ Фокусъ: «Пане милый, изволи послушати мя. Два пѣнязя повиненъ есмь дати отцу моему, зане когды я былъ малымъ дитятемъ, отецъ мой на всякъ день два пѣнязя на меня накладалъ. А нынѣ уже мой отецъ въ убожествѣ[7], того дѣля ему на всякъ день оны два пѣнязя возвращаю. Другихъ же паки дву пѣнязей сыну своему пожичаю, которой ходит до школы, а прилучит ли ся мнѣ обнищати, чтобы мнѣ тогды тѣ два пѣнязя возвращалъ, какъ и я чиню отцу своему. Другия же паки два пѣнязя трачю на жену мою, которая есть мнѣ всегда противна[8], и хитра, и своеволна; и для тѣхъ грехъ вещей что ни даю ей, то все трачю. Але остаточные два пѣнязя полагаю себѣ самому на поживенье. А болши тѣх осми пѣнязей не могу имѣть развѣ[9] безпрестанной работы. И та есть причина моей [10]уставичной працы[10]. Сего ради, справедливый цесарю, [11]правое сказание о мнѣ дай[11]». Реклъ ему цесарь: «Милый Фокуше, добрѣ еси оправдалъ, иди и от сего времене работай вѣрнѣ».

Потомъ рыхло[12] цесарь умеръ, а Фока коваль для своей мудрости на цесарство от всѣхъ избранъ былъ, которой цесарство зѣло мудро правилъ. И въ старости скончалъ животъ свой в покою. Потомъ по его смерти вымалевали[13] его межъ прочыми цесари, над главою имѣюща осмь пѣнязей.

Выкладъ тоя же повѣсти

Намилѣйшая братия, цесарь тотъ есть Отецъ Небесный, который далъ такову заповѣдь, что кто бы згвалдилъ[14] день первороднаго сына его, той смертию да умретъ. День есть той неделя[15], от святой церкви уставлена. А и в Старом Законѣ, и въ Новомъ приказано есть о немъ тако: «помни день святый святости его».* Але много такихъ есть, которые наипаче согрѣшаютъ въ таковыя святыя

---

[1] выдержать (польск. zdzierżeć); [2] год; [3] брал взаймы (польск. pożyczał); [4] даю в долг (польск. pożyczam); [5] в польск.: tracę — теряю; [6] издерживаю, трачу на себя (польск. nakładam); [7] в бедности; [8] супротивна (польск. przeciwna); [9] без; [10—10] непрестанной работы (польск. ustawiczney pracy); [11—11] справедливое решение вынеси обо мне; [12] вскоре (польск. rychło); [13] нарисовали; [14] попрал, нарушил (польск zgwałcił); [15] воскресенье.

дни, нежели во иныя дни. Таковыя могутъ быти уподоблени нѣкоторой рыбѣ морской, которой долго такъ есть добро, дондеже въ мори есть, але любо[1] прилучится съ пригоды[2] скочить горѣ[3] въ дождь, и как дождь покропитъ ю, тогды она починаетъ умирать и неудобь[4] къ первому здравию приходитъ, аж до сыти не насытится паки воды морской. Також де же и людие: елико долго робятъ въ мори вѣка сего, толико [5]ся им добрѣ имѣет[5], але когды ся имъ подобаетъ въ праздник итти во святую церковь слухать слова Божия, тогды имъ бываетъ великая тяжкость, дондеже паки охолодятся работами мира.

Виргилиушъ, которой столпъ учинилъ, то есть Духъ Святый, который научаетъ казнодѣевъ[6], чтобы научили добродѣтелемъ и грѣхи бы объявляли, муку и хвалу, але [7]не стом сирѣчь[7] [8]можетъ казнодѣя[8], яко и столпъ мовилъ: «Времена ся преминуютъ», что уже явно видимъ, ибо въ первой[9] церкви [10]во всемъ станѣ[10] часы молитвы бывали лѣпше, нежели днесь, и того дѣля давала земля овущу множае, але ся днесь все преминуло для грѣховъ людскихъ, и о всемъ вшитке[11] ся измѣнили живелы[12] для[13] грѣховъ, что явно ся показало въ потопѣ мира.

Другое можетъ рещися: «Людие ся погоршают», яко то явнѣ видимъ, ибо въ древнихъ временѣхъ людие были ласковые, нежели днесь, и милостивые, милостыни болши давали, любовь совершену меж собою имѣли, — а та причина того, что весь миръ в злѣ лежитъ.

Третие может ся рещи: «Кто будетъ правду мовитъ, имать буянцему[14] главу наставить». Такожде ся и днесь дѣетъ, ибо аще учнет казнодѣя обличати о грѣсѣхъ пановъ великихъ або преложоныхъ[15], тогды ему будутъ грозить и лаять[16], яко же святый Павлъ о томъ въ первомъ къ Тимофею, въ четвертой главѣ проповѣдаетъ, глаголя: «Будетъ время, егда правой науки не приимутъ въ дому Исраилтескомъ».*

Фока есть всякой христианинъ доброй, которой вѣрнѣ, яко воинъ, Христу работаетъ. И сего ради всякъ вѣрный христианинъ повиненъ есть на всякъ день Отцу своему Небесному давати два пѣнязя, то есть милость и честь. Милость, ибо онъ насъ такъ умиловалъ, что для нашей милости единороднаго Сына своего послалъ с небеси и допустилъ ему умрети смертию поносною[17]. Честь должни есмы воздавати ему, ибо всё от него исходитъ, а без него ничтоже можемъ добро творити.

---

[1] вдруг; [2] по случаю (польск. z przygody); [3] вверх, [4] с трудом; [5—5] им бывает хорошо (в польск.: się dobrze widzi); [6] проповедников (в польск.: kaznodzieje); [7—7] искаженное польск. niestocie — к сожалению (в опубликованном ОЛДП списке — несто-терец); [8—8] в польск.: może *rzec* kaznodzieja — может *сказать* священник (в лат. тексте: *уже* может *сказать* священник); [9] в прежней, ранней; [10—10] среди всех ее членов (польск. stan — сословие; состав, коллектив); [11] все (польск. wszystkie), перед полонизмом вставлен его перевод — о всемъ; [12] стихии (польск. żywioły); [13] из-за; [14] искаженное польск. bijącemu — убитому; [15] высокопоставленных (польск. przełożonych); [16] ругать; [17] позорною.

Двy также пѣнязей пожичамы сынови, а о томъ сынѣ Исаиа повѣдаетъ, глаголя: «Отроча родилося намъ, то есть Сынъ Божий».* Тому два пѣнязя имамы давати на всяк день, что есть добрую волю[1] и доброй учинокъ[2], дондеже пребываемъ въ смертномъ семъ тѣлеси, а потомъ, егда будемъ мы убози и нази въ день судный, тогды онъ намъ тѣ пѣнязи возвратитъ въ животѣ вѣчнѣмъ, яко же рече святый Матфей в 16-ой главѣ: «Сторицею паче возмете и животъ вѣчный одержите».*

Другия два пѣнязя тратим на жены наша, иже есть тѣло наше нанужнѣйшее[3], иже всегды противится души; а два пѣнязя есть злая воля и злый учинокъ, которой бываетъ учиненъ от злой воли. Тѣ два пѣнязя погубляемъ, ибо для того здѣ или на оном свѣтѣ тяжко будемъ карани[4].

Але остатние два пѣнязя на насъ (аще есмы добрые християне) накладамы, а то есть егда любимъ Бога всѣмъ сердцемъ, и всею душею, и мыслию и егда также любимъ своего ближняго, яко сами себе. И аще будем тако толко осмь пѣнязей выдавати, тогды по семъ животѣ наслѣдуемъ животъ вѣчный.

ПРИКЛАДЪ О ПАМЯТИ СМЕРТНѢЙ, ЧТОБЫ ЧЕЛОВѢКЪ НЕ СОГРѢШАЛЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 4

Былъ нѣкоторой князь, которой велми охочь былъ ѣздить на ловъ. И с пригоды прилучися въ нѣкоторое время, какъ онъ ѣхалъ на ловъ, также нѣкто купецъ тою же дорогою за нимъ ѣхалъ. И увидѣлъ красоту князя и драгимъ одѣяниемъ оболчена, мыслилъ в сердцы своемъ, глаголя: «Господи Боже Всемогущий, сей человѣкъ многимъ должен есть тебѣ, се[5] яко благолѣпотенъ есть, и можный, и приемный[6]; слуги его вси также въ честномъ одѣянии». И мысливъ то, рекъ единому от слугъ его: «Приятелю милый, повѣждь ми, яковый то панъ вашъ?» Отповѣдалъ ему слуга, глаголя: «Есть великих земель панъ и велми можный[7]: въ злотѣ, и въ серебрѣ, и въ челяди можный». Реклъ ему купецъ: «Сей человѣкъ многимъ долженъ есть Господу Богу, зане красенъ есть и мудръ межъ всѣми, кого ни видалъ есмь». Услышавши то слуга, повѣдалъ вътайнѣ пану своему.

Тогды какъ былъ вечеръ, просилъ онъ панъ онаго купца, чтобы начевалъ у него. И купецъ не смѣлъ отговариватися, но ѣхалъ съ княземъ тѣмъ до града. А как въехалъ с нимъ на замокъ, увидѣлъ тамъ множество богатства его, велми ся дивилъ. А какъ была вечеря, посадилъ князь онаго купца подле своей паньи. Увидѣвъ же купецъ панью, такъже велми красну, здумѣлся[8] и почалъ мыслить въ сердцы своемъ, глаголя: «О, Боже, всему добру дателю, сей князь имать все-

[1] желание, намерение; [2] дело (польск. uczynek); [3] ничтожнейшее (польск. nanędzniejsze); [4] наказаны; [5] вот; [6] приятный, милый (польск. przyjemny); [7] здесь: богатый (польск. możny); [8] изумился (из польск. zdumiał się, в С.: zumiał się).

го, чего сердце его жадаетъ, имать жену пенкну[1], сыны и дѣвки, и челяди зѣло много».

А какъ такъ мыслилъ, принесены ѣствы, а пред панью и пред него добрѣ приправлены[2], во главѣ трупей, але пред иную челядь — на сребряныхъ мисахъ. Увидѣвши купецъ голову трупью пред собою, велми убояся и мыслилъ самъ въ себѣ, глаголя: «Бѣда мнѣ, [3]что я боюся[3], погублю главу свою на семъ мѣстѣ». Але панья, видячи гостя смутна, тишила[4] его.

А какъ былъ вечеръ, веден он купецъ на нѣкоторой полацъ на покой. А какъ вшолъ тамъ, увидѣлъ ложе велми красно[5] и опонами[6] обито. А во едином кутѣ[7] горѣли двѣ свѣчи великие, а въ другомъ висѣли тѣла за рамена[8] дву человѣкъ мертвыхъ. А какъ он купецъ положился спать, вышедши слуги от него, двери замкнули. Тогды онъ купецъ, возрѣвши, въ кутѣ увидѣлъ тѣла дву человѣкъ мертвыхъ, повѣшеныхъ за рамена, велми ужасеся, так что и уснуть не могъ. И вставши рано, мыслилъ въ себѣ, глаголя: «Бѣда мнѣ, боюся, что я такоже промежъ тѣхъ дву буду висѣть».

Тогды онъ князь, воставши, велѣлъ его позвати къ себѣ и реклъ ему: «Гостю добрый, како тебѣ здѣсь мнится?» Отповѣдал купецъ: «Всѣ мнѣ рѣчи[9] подобали[10], развѣ то, какъ мнѣ во оной главѣ трупей ѣствы ношены, — то мнѣ велми прикро[11] было, такъ что и ѣсть не могъ. А то такожде, какъ на ложи лежалъ, видѣлъ есми дву младенцовъ мертвыхъ, висящихъ во гмаху[12], въ которомъ я лежалъ, и такъ меня ужасъ взялъ, что не могъ уснути. Сего дѣля молюся ти, чтобы твоя милость поволилъ бы мнѣ ѣхать прочь».

Реклъ ему князь: «Приятелю милый, видѣлъ еси при столѣ жену мою велми красну а глава трупья с кормом пред нею, але того та причина есть: ибо тотъ, котораго та голова была, былъ нѣкоторой князь можной, которой, намовивши[13] мою жену, с нею сваляллся. А я какъ увидѣлъ ихъ вкупѣ случоныхъ, вынявши мечь, стялъ[14] есмь его главу. И того дѣля на знамя той памяти и срамоты полагаю пред нею на всякъ день главу ту, чтобы она помнила грѣхъ тотъ свой, которой сотворила. А сынъ онаго князя, котораго я стялъ, убилъ тѣх двухъ младенцевъ, висящихъ в гмаху, мнѣ природные. И того дѣля на всякъ день посѣщаю тѣлеса ихъ, чтобы былъ хотѣвши ко отмщению крове ихъ. А какъ вспомню чужеложство моей жены и смерть тѣхъ младенцевъ моихъ, то никогды не могу веселъ быть, хотя имѣю всего добра доволно. Того дѣля поѣдь прочь от меня въ покою и отселѣ не буди завидя живота всякаго человѣка, дондеже право[15] увѣси о немъ». Тогды купецъ, [16]подяковавши ему[16], челом ударя ему, отъѣхалъ.

---

[1] красивую (польск. piękną); [2] приготовлены (польск. przyprawione); [3—3] в польск.: boję się że — боюсь, что; [4] утешала, успокаивала; [5] красиво; [6] тканями; [7] углу; [8] за плечи; [9] в польск.: rzeczy — дела, т. е. происходившее; [10] нравились (польск. podobały się); [11] неприятно (польск. przykro); [12] польск. gmach — здание, помещение; [13] уговорив, соблазнив (польск. namówiwszy); [14] отсек (польск. ściąłem); [15] доподлинно, истинно; [16—16] поблагодарив его (польск. podziękowawszy mu), далее следует перевод полонизма: челом ударя ему.

Выкладъ обычайный

Братие возлюбленная, князь той есть всякъ человѣкъ-христианинъ, обогащенъ добротою, силою святаго крещения. И той имѣетъ красную челядь, то есть помыслы внѣшния и внутренния кромѣ[1] грѣха, которыя служатъ человѣку. А на ловъ ѣдетъ — то есть дѣла спасеныя чинить.

Купецъ есть добрый пралат или исповѣдникъ мудрый, который [2]повиненъ прилучится[2] къ таковому и домъ сердца его навестить и доброты добрыя тамъ щепить[3], яко же сотворилъ Иисусъ двѣма путникома, идущимъ до Еммауса, иже съ ними [4]въ домъ на господу[4] вшелъ.*

Жена же красная есть душа, по подобию и по образу Божию создана, которая имат быти посажена подле пралата, Святаго Писания чтобы научилась, того, что ко спасению потребно. Но многократ та душа чужеложствуетъ со Диаволомъ, егда грѣхи смертныя творитъ. И тогды имать взяти мечь языка и молитися набожнѣ Господу Богу, по святому Давиду, рекшему: «Языкъ ихъ — мечь остръ».* През тотъ мечь, и чрез сокрушение сердечное, и чрез устнама исповѣдь можеши побѣдити Диавола, то есть главу его стять и пред очима сердца твоего имаши всегда полагати, зане Господь Богъ дастъ тебѣ благодать побѣдити его и покаяние совершенно показати и милосердыя учинки.

Два младенца, в каморѣ висящие, которыхъ неприятель твой забилъ, суть любление Господа Бога и ближняго твоего, которые убиты были за грѣхъ перваго отца Адама. И для того ихъ имѣти будеши въ каморѣ сердца твоего, чтобы любилъ Господа Бога твоего от всего сердца твоего и всею мыслию твоею и ближняго своего, яко самъ себе, чтобы всегды пребывалъ въ боязни Божией, яко не вѣмы, аще достойни есмы благодати Божии или гнѣву его. Также в памяти должни имѣти, яко много Господь нашъ Иисусъ Христосъ для насъ пострада на крестѣ, чтобы мы — чрез размышление безпрестанное горцѣй муки его — достали бы есмы до Царства Небеснаго.

Конец повѣсти и выкладу ея.

[5]ПРИКЛАДЪ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ДУШИ И О РАНАХЪ, УЯЗВЛЯЮЩЫХЪ ДУШУ[5]. ⟨ГЛАВА⟩ 5

Король Титусъ* можный въ Римѣ королевствовалъ. И въ его королевствѣ былъ нѣкоторой рыцарь знаменитой и зѣло набоженъ, которой имѣлъ жену красну чужеложницу, которая от чужеложства не хотѣла николи пре-

[1] без; [2—2] обязан подойти; [3] насадить (польск. szczepić); [4—4] в польск.: w dom na gospodę — в дом на постоялом дворе; [5—5] в польск.: «Przykład o przestępie dusznym a o ranach duszę raniących».

стать. Видячи то, рыцарь смутился[1] велми и умыслилъ дозрѣти Святой земли. И рекъ женѣ своей: «Жено милая, пойду я до Святой земли, того дѣля прошу тя, чтобы ты добродѣтелно жила, по приказанию Божию».

Тогды, какъ онъ рыцарь заѣхалъ за море, жена его добыла себѣ чернокнижника нѣкотораго, въ его науцѣ добрѣ наученаго, и съ нимъ всегда смышляла. И придалось въ нѣкоторое время, какъ они обое на постели лежали, рекла ему рыцарева: «Какъ бы ты мнѣ могъ едину вещь учинить, тогды бы ты моглъ меня за жену себѣ понять». Отповѣдалъ ей чернокнижникъ: «Повѣждь ми, что хощешь, да учиню тебѣ все то». Рекла ему рыцарева: «Мужъ мой поѣхалъ до Святой земли, а велми не любитъ мя; чтобы ты могъ наукою своею его загубить, одержалъ бы то все, что я имѣю». Реклъ ей чернокнижникъ: «Учиню то все для тебе, развѣ[2] за мужа имѣй мя себѣ». Отповѣдала ему рыцарева: «Обѣщаюся тебѣ все то неложно исполнить». Тогды онъ чернокнижникъ учинилъ из воску образъ, егоже назвалъ именемъ того то рыцаря, и прилѣпилъ его на стѣнѣ пред очима своима.

А какъ тотъ рыцарь в то то время, въ Римѣ будучи, шолъ по улицѣ, и нѣкоторой мистръ[3], в той же науцѣ научоный, встрѣтился с нимъ и прилѣжно смотрилъ на него и реклъ ему: «Приятелю милый, имамъ ти нѣкоторую тайну повѣдати». Отповѣдалъ рыцарь ему мистру: «Повѣждь ми, что то есть?» Реклъ ему мистръ: «Ты днесь будеши сынъ смерти, аще не будешъ вспоможения имѣти от мене, яко жена твоя есть курва и уже на твою смерть направила». Услышавши то онъ рыцарь, что правду реклъ ему о женѣ, повѣривши оным словесемъ и реклъ ему: «Мистру милый, соблюди днесь здравие мое, а я тебѣ добрѣ заплачю». Отповѣдалъ мистръ: «Учинити то добрѣ *радъ*, учинишь ли ты, что я тебѣ велю». Реклъ рыцарь мистру: «Готовъ есмь все то учинить».

Тогды мистръ повелѣлъ уготовить лазню[4] и, вшедши до ней, велѣлъ рыцарю въ водѣ сидѣть. И давши ему въ руки чистое зерцало, реклъ ему: «Смотри въ то зерцало, увидишь в нем дивныя вещи». А какъ онъ смотрѣл, а мистръ тогды, подле его сидячи, книгу читалъ. И потомъ вопросилъ его, рекущи: «Что видиши тамо?» Отповѣдалъ рыцарь: «Вижу нѣкотораго чернокнижника въ дому моемъ, которой образъ восковой на подобенство мое въ дому моемъ прилѣпилъ къ стѣнѣ». Реклъ потомъ мистръ: «Что теперь видиши?» Отповѣдалъ рыцарь: «Уже теперь емлетъ лукъ и кладетъ на него острую стрѣлу а хочетъ во онъ образъ стрѣлить». Реклъ ему мистръ: «Милуешь ли животъ свой — какъ увидишь стрѣлу летящу, понури все тѣло свое въ воду, аже я тебѣ скажу». Услышавши то онъ рыцарь и увидѣлъ, какъ стрѣлу выпущалъ, все тѣло свое въ водѣ понурилъ.

Потомъ мистръ реклъ ему: «Поднеси главу твою и смотри въ зерцалѣ». А какъ онъ смотрилъ, вопросилъ его паки: «Что уже видиши въ зерцалѣ?» От-

[1] опечалился (польск. smucił się); [2] только; [3] мастер (польск. mistrz), здесь — маг, чародей; [4] баню.

повѣдалъ рыцарь: «Вижу образъ не простреленъ, ибо стрѣла в страну летѣла, а тотъ чернокнижникъ о томъ велми скорбитъ». Реклъ ему мистръ: «Смотри в зерцало, что потомъ творитъ». Отповѣдалъ рыцарь: «Приступилъ ближе ко образу и стрѣлу кладетъ на лукъ ко стрѣлянию». Реклъ ему мистръ: «Учини такоже, какъ и первое учинилъ, будет хочешь соблюсти здоровье свое». И узрѣвши рыцарь, что уже чернокнижник лукъ вытягаетъ, все тѣло свое понурилъ въ водѣ.

Потомъ реклъ ему мистръ: «Смотри паки, что еще творитъ». И онъ, смотрячи въ зерцало, отповѣдалъ: «Скорбитъ о томъ, что не тратилъ[1] въ тотъ образъ, а къ жене моей говоритъ: „Не пострѣлю ли въ третьие того образа, то животъ свой страчю[2]". Але уже приступилъ блиско, такъ ми ся мнитъ, что [3]не имать погрѣшить того образа[3]». Реклъ ему мистръ: «[4]Не брези о томъ[4], але какъ увидишь — лук будетъ вытягать, понури такоже все тѣло въ воду, аже я тебѣ повѣмъ». Тогды рыцарь, узрѣвши, что чернокнижникъ вытягаетъ, понурился паки въ воду.

Потомъ мистръ велѣл ему встать и реклъ ему: «Смотри еще въ зерцало». И какъ онъ почалъ смотрить, разсмѣялся. И пыталъ его мистръ: «Чему смѣешся?» Отповѣдалъ ему рыцарь: «Вижу въ зерцалѣ, что не прострѣлилъ образа, а стрѣла, обратившися, проразила перси[5] его, а жена моя копаетъ долъ[6] под постелею моею, гдѣ бы его погребла». Реклъ ему мистръ: «Востани и облецыся[7], яко от смерти избавленъ еси». Тогды рыцарь, повставши, [8]подяковалъ ему мистрови[8].

Потомъ рыцарь по пелгримованью возвратился ко своей женѣ. А какъ вшел въ домъ, жена его с веселием приняла. А рыцарь то дѣло таилъ многое время. Потомъ послалъ по родину[9] жены своей и реклъ имъ: «Приятеле мои милыи, причина то есть, для которой я по васъ послалъ: се есть дѣвка *ваша*[10], моя жена, которая въ чужеложство далася, къ тому же на мою смерть направила». Услышавши то жена его, клятвою отпиралася. Потомъ рыцарь, все то дѣло о черноксенжникѣ повѣдавши, рекъ имъ: «Не вѣрите ли сему, то идите и оглядайте мѣсто, гдѣ его погребла». И велъ ихъ в камору. Они же то свидѣтелствуючи, обрѣли тѣло онаго чернокнижника под постелею и поставили ю пред судиею. И судиа далъ на ню сказание, чтобы спалена была. И бысть тако.

Потомъ тот рыцарь поялъ себѣ панью красну и имѣлъ съ нею плодъ. Потом в покою скончалъ животъ свой.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братия, тотъ цесарь есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, рыцарь есть человѣкъ, жена есть тѣло, которое колижды чужеложствуетъ, толикожды въ грѣхъ смертный впадаетъ. А рыцарь, то есть человѣкъ, видячи то,

---

[1] искаженное польск. nie trafił — не попал; [2] потеряю (польск. stracę); [3—3] не сможет промахнуться мимо того образа; [4—4] не обращай внимания на то; [5] грудь; [6] яму; [7] оденься; [8—8] поблагодарил мастера (польск. podziękował mistrzowi); [9] за родней; [10] слово вставлено по польскому тексту.

имать итти до Святой земли, то есть до Царства Небеснаго, чрез добрыя дѣла. И встрѣчалъ его мистръ на пути, то есть мудрый исповѣдникъ, которой человѣка грѣшнаго имать научати.

Чернокнижникъ есть Диаволъ, которой человѣка держитъ похотми тѣлесными въ крѣпости[1] своей. Тотъ прилѣпляетъ образъ, то есть душу, гордостию и суетою, а приемлетъ лукъ и стрѣлу. Лукъ есть свѣтъ сей, егоже роги — [2]гордости живота[2] и похоть очная[3]; тотъ лукъ приимаетъ лакомый[4] человѣкъ. Стрѣла острая есть гордость, от неяже мнози погибаютъ, яко же прежде показало въ Сатанѣ и во Адамѣ. Сатана мовилъ: «Поставлю себѣ столецъ на полнощи[5] и буду равенъ Вышнему».* И та стрѣла паки в самого его проразила. Адамъ же восхотѣлъ, чего не подобало жадать[6], и для того умеръ.*

Образъ душевный добрѣ можетъ уподобитися воску, ибо яко же воскъ таетъ от огня, тако и грѣшнии людие от лица Божия. Чтобы насъ тогда Диаволъ не пострѣлилъ, имамы итти до лазни, сирѣчь къ исповѣди, в нейже измываемся от великия скверны грѣха. Але имамы зерцало чистое въ руцѣ, то есть Святое Писание и ино, которое бы могло в насъ создати добрые учинки[7], чрез которое можемъ соблюдатися тщеты и стрѣлъ диаволскихъ. И тако, какъ лукъ диаволский бываетъ вытяганъ противъ души твоей чрез нѣкоторое искушение, понури все тѣло свое в водѣ, то есть что коемуждо сотворилъ еси мыслию[8], — коханьемъ, волею, исповѣдью и[9] грѣхъ будетъ заглаженъ.

А какъ будешь очищенъ, а Диаволъ забитъ, то есть побѣжденъ, тогда облечешися въ твое одѣяние — въ добродѣтели, которыя приялъ еси на святом крещении, и, шедши до дому совѣсти своея, извлецы тѣло умершаго, то есть грѣхи, которыми тѣло твое от пути правды заблудило, и потом тѣло сожги огнемъ покаяния. А кости, то есть грѣхи застарѣлые, будутъ заглажены.

Потом можешь понять панну, то есть тѣло, очищенно от грѣха огнемъ Божия милости и благодати. И потом будеши имѣти плодъ, то есть добрыя дѣла, имиже можеши внити въ животъ вѣчный.

ПРИКЛАДЪ О МУДРОСТИ, ЧТОБЫ МЫ ВСЕ ДОБРЫМЪ РАЗМЫШЛЕНИЕМЪ ТВОРИЛИ. (ГЛАВА) 6

Цесарь Дометианъ* можный и зѣло мудрый, паче же велми справедливѣ[10] пановалъ, зане никому ничесогоже не пропущалъ; и тако вси людие его въ справедливости всегда умножахуся.

И прилучилось в нѣкоторое время, как онъ цесарь сидѣлъ за столомъ, пришедши на замокъ нѣкоторой купецъ и колотилъ во врата, дабы его пустили.

---

[1] во власти; [2—2] надменность, высокомерие (польск. pycha żywota); [3] очей; [4] алчный; [5] на севере; [6] желать; [7] дела (польск uczynki); [8] помышлением; [9] слово избыточно, в польск. нет; [10] в польск.: sprawiedliwy — справедливый.

Услышавши то воротникъ, отворилъ ворота, вопросилъ его: «Кто еси ты и чего хощешь?» Отповѣдалъ ему купецъ: «Я есмь купецъ а имѣю нѣкоторые вещи продать пожиточны[1] [2]облюбеницы цесарской[2]». Услышавши то, воротникъ пустилъ его.

Тогда онъ купецъ, пришедши къ цесарю, поздравилъ его: «Здравъ буди, Дометиане, цесарю непреможенный[3], азъ пришелъ къ твоей милости, нося нѣкоторые вещи продать». Реклъ ему Дометианъ: «Что за вещи имѣеши продати?» Отповѣдалъ купецъ ему: «Имѣю, наможнѣйший цесарю, продати три мудрости». Реклъ ему цесарь: «За что ми даси куюждо мудрость?» Отповѣдалъ купецъ: «Пане милый, дамы за тысящу золотыхъ». Реклъ ему Дометианъ: «А не будутъ ли мнѣ твои мудрости пожиточны, тогда я свои денги погублю». Отповѣдалъ купецъ: «Пане милый, не будутъ ли тѣ мудрости пожиточны, то возвращу паки денги твои». Реклъ цесарь: «Добрѣ мовишъ, повѣждь же теперь тѣ мудрости, которые хочешь продать». Тогда купецъ повѣдалъ ему: «Что твориши — мудро твори а смотри конца. 2-я мудрость: Гостинца[4] николи не оставляй для стежки. 3-я мудрость: Не начуй никогды въ той господѣ, гдѣ господарь есть старъ, а жена молода. Сия три вещи храни, и добро тебѣ будетъ».

Услышавши тѣ мудрости, цесарь далъ ему за куюждо мудрость по тысящи золотыхъ. И ту первую мудрость: «Что твориши — мудро твори, зри конца» велѣлъ ю писать во своихъ полацѣхъ[5] и на всѣхъ мѣстѣхъ, идѣже ходилъ, и на убрусѣхъ[6], которыми столъ прикрывалъ.

Потом же не въ долзѣ времени [7]для справедливости[7] бысть, что панове его государства смолвилися убить его. Але что того мочью[8] не могли учинить, наняли балвера[9] его: какъ будетъ голить[10] его, чтобы ему горло зарѣзалъ. И взявши тогда балверь от них пѣнязи, обѣщалъ имъ то учинить.

Тогда, какъ балверь почалъ цесаря голить, возрѣлъ на оно писмо, которое на ручнику[11] было написано, и, прочитавши то, мыслилъ самъ в себѣ: «Есмь я наятъ, чтобы сего человѣка забилъ; а учиню ли то, тогда мой конецъ не добръ будетъ, яко погибну гонебною[12] смертию; и тако что творю, имамъ смотрѣти конца, яко то повѣдаетъ». И абие почали ему руки дрожать такъ, что ему бритва из рукъ выпала. Увидѣвши то, цесарь реклъ ему: «Что бысть?» Отповѣдалъ балверь: «Пане милостивый, смилуйся надо мною, ибо наятъ есмь, чтобы тебя днесь убилъ; але какъ съ пригоды читалъ писмо на семъ ручнику, обачилъ абие,

---

[1] полезные (польск. pożyteczne); [2—2] в лат.: pro persona imperatoris (персоне императора), в С. ошибочно: *oblubienicy* cesarskiej — избраннице (любовнице), в Б : obecności (вар.: *osobie*) cesarskiej; [3] неодолимый, непобедимый (польск. nieprzemożony); [4] большой, проезжей дороги; [5] глосса на полях: чертозѣхъ; [6] в польск.: obrusiech — скатертях, при переводе на русский передано сходнозвучащим словом «убрусѣхъ» — полотенцах; [7—7] в польск.: dla *jego* sprawiedliwości — из-за его правосудия; [8] силой; [9] брадобрея, цирюльника (польск. balwierza); [10] брить (польск. golić); [11] на полотенце; [12] позорною (польск. haniebną).

что конецъ мой былъ бы злая смерть, и того для руцѣ мои задрожали». Услышавши то Дометианъ, мыслилъ самъ въ себѣ, глаголя: «Первая мудрость сохранила уже здравие мое; благословена та година[1] была, въ которую далъ заплату свою за ню». И реклъ балверу: «Отпущаю то теперь тебѣ, але отсюду буди вѣренъ».

Видячи то панове, что не могли его такъ убить, думали межъ собою, какъ бы его еще могли погубить, и рекоша: «Во грядущий день поѣдетъ въ маломъ числѣ до того то мѣста, а мы [2]заступимъ ему скрытѣ[2] на оной то стежцѣ, которою чрез лѣсъ поѣдет, и тамъ его забиемъ». И похвалили всѣ думу ту и изготовились тамъ на нь.

И какъ тогда Дометианъ цесарь ѣхалъ до онаго мѣста и приѣхалъ до оной стежки, и рекоша ему рыцари: «Пане, лучше есть тою стежкою ѣхать и ближе, нежели дорогою». И мыслил цесарь самъ въ себѣ, глаголя: «Вторая мудрость есть: „Не оставляй гостинца для стежки"; буду я искусить ту мудрость». И реклъ къ своимъ дворяномъ: «Не хочю я оставить гостинца для стежки; будетъ хотите — и вы поѣдьте стезею и все приготовте, дондеже я приѣду». Рыцарове же какъ поѣхали едини без цесаря стежками, тогда неприятели цесаревы, которые заступили были ему на стежкахъ, мнѣли, что король с ними есть, повставши всѣ, побили тѣхъ, которые туды ѣхали. Услышавши то Дометианъ, реклъ самъ въ себѣ: «То есть вторая мудрость соблюла здоровье мое».

Видячи то они панове, что и тою хитростию и лестию не могли его убить, совѣтовали меж собою, мыслячи, какъ бы его иною причиною загубить. И рекоша: «В тот то и тотъ день будетъ начевать въ дому господаря, у котораго панове ставятся, ибо не машъ слушнѣйшей[3] господы[4], лучше той. И мы наймемъ господаря съ господынею, чтобы, какъ цесарь уснетъ, насъ къ нему пустилъ, и убьемъ его тамъ». И сотворили по совѣщанию своему.

И какъ *т*огды приѣхалъ Дометианъ до онаго мѣста, сталъ воономъ гостиномъ дому и велѣлъ позвать пред себя господаря и госпожу. И какъ пришли пред него, видячи тогды цесарь, что господинъ добрѣ старъ, а жена добрѣ молода, яко бы въ осмнатцать лѣтъ, и мыслилъ цесарь самъ въ себѣ: «Третия мудрость есть: „Не начуй николи въ той господѣ, гдѣ господинъ есть старъ, а жена молода"». И реклъ ко своему коморнику[5]: «Иди рыхло[6] и приготовь мнѣ индѣ[7] постелю, а здѣ не буду я спать». Реклъ ему коморникъ: «Пане милый, уже здѣ все добрѣ изготовлено, и во всемъ мѣсте[8] нѣсть господы лутче той; того для лутче, чтобы ты здѣ опочивалъ». Реклъ ему цесарь: «Я тобѣ повѣдамъ, что хочю индѣ спать». Услышавши то коморникъ, абие[9] перенесъ ложе на другую госпо-

---

[1] час; [2—2] устроим ему засаду; [3] наилучшей (польск. słuszniejszej); [4] постоялого двора (польск. gospody); [5] приближенному государя, придворному (польск. komorniku); [6] быстро (польск. rychło); [7] в ином месте; [8] граде (польск. mieście) [9] немедленно, тотчас.

ду[1]. ...реклъ своимъ дворяномъ: «Вы, которые хотите остать здѣсь, остантесь и рано приходите ко мнѣ». И остались тутъ нѣколико дворянъ.

И как всѣ уснули, тогда онъ старой дворникъ съ женою своею, восставши, со измѣнники цесарскими побили спящыхъ дворянъ, а мнѣли быть меж ими цесаря. А на утрие рано обрѣл цесарь своихъ рыцарей побитыхъ и мыслил въ сердцы своемъ: «Аще бы я тутъ с ними спалъ, то бы и я такожде убитъ былъ, яко же и они. То уже третия мудрость соблюла здоровье мое». Видячи ту измену, Дометиан велѣл онаго старца съ женою загубить.

Потомъ пановалъ без всякой противности[2]. И покамѣстъ живъ былъ, много лѣтъ тѣ три мудрости соблюдалъ. И потомъ въ покою скончал животъ свой.

Выкладъ той повѣсти

Намилѣйшая братия, цесарь тотъ можетъ нарещися[3] кийждо добрый християнинъ, которой власть имѣетъ над плотию своею и над душею, [4]радитъ ихъ[4]. Воротникъ у воротъ есть воля волная, зане всякъ грѣхъ волный есть. Купецъ, которой пришелъ ко вратомъ, — Господь нашъ Иисусъ Христосъ, по писанию святаго Иоанна во Апокалипсиисѣ: «Таемнѣ азъ стою у дверей и колочю[5]; отверзетъ ли мнѣ кто — вниду къ нему и буду вечеряти с нимъ».*

Тотъ купецъ за душу твою продаетъ тебѣ три мудрости, а суть златые добродѣтели. Первая мудрость есть та: «Что хощеши творити, то твори преже для Бога во всѣхъ дѣлехъ, яко въ мирскихъ, тако и в духовных, а смотри конца»; по оной мудрости поминай [6]послѣдняя своя[6] и во вѣки не согрѣшиши. Вторая мудрость есть: «Не оставляй гостинца для стежки». Гостинецъ есть путь десяти заповѣдей Божиихъ, ихъже всегда держатися подобаетъ, даже до смерти, а николи не ходити стезею живота злаго, яко отступницы творят. Третия мудрость есть: «Не начуй никогда у стараго господина, которой имат жену младу». Старый господарь есть миръ сей, иже имат младу жену, то есть суеты, из нихже исходятъ всяческая суета суетствий. Того дѣля, аще кто будетъ в сем мирѣ начевати, тот будетъ боятись смерти. Всякъ бо не можетъ раб быти миру и Богу.*

Панове же, которые сложилися на цесаря, то суть диаволи, которые всегда хотятъ невидимо человѣка забить. И аще не возмогутъ собою, то соглашаются съ балверомъ, то есть съ плотию, которая есть яко балверь, ибо яко же балверь голитъ власы, такожде и плоть волею своею голитъ добродѣтели, которыя

---

[1] в рукоп. гаплографический пропуск текста, в польск. далее следует: Idąc tedy cesarz tajemnie czasu pokoju na iną gospodę... — идя тогда цесарь в тайный час в покой другои *господы*...; [2] здесь: превратностей (польск. przeciwności); [3] на полях глосса. быти реченный; [4—4] справляется с ними (польск. radzić ją); [5] на полях глосса: толку́. [6—6] конец своей жизни.

на святомъ крещении приимаетъ человѣкъ. Аще бы смотрилъ человѣкъ на свою кончину, сирѣчь на смерть, еюже имаши умрети или когда или гдѣ, тогда бы ся отдалилъ [1]учинковъ злыхъ[1]. Сего ради будемъ соблюдати тѣ добродѣтели и тако наслѣдимъ животъ вѣчный.

ПРИКЛАДЪ О ХИТРОСТИ ЖЕНСТѢЙ И ЗАСЛѢПЛЕНИИ[2] ПРЕЛСТИВШЫХСЯ. ⟨ГЛАВА⟩ 7

Дарий король* велми мудрый и можный въ нѣкоторомъ градѣ пановалъ, которой имѣлъ трехъ сыновъ, ихъже велми любилъ. А какъ уже [3]хотѣлъ умереть[3], отдалъ все наслѣдие свое сыну первородному. Второму сыну отдалъ все, что самъ нажилъ въ животѣ своемъ. Третиему сыну, юнѣйшему, далъ три честныя драгия дары: перстень златый, спонки[4] и сукно дорогое. Перстень тотъ такову силу имѣлъ, что кто его будетъ на палцу носить, имать благодать от всѣхъ, такъ, чего от кого ни пожадаетъ, то все будетъ при себѣ имѣти. Спонки же ту мочь имѣли, что кто ихъ на персѣхъ будетъ носить — что сердце его вжедаетъ, что ему подобно, то всего у него будетъ. А сукно ту мочь имѣло, что кто на немъ сядетъ и помыслитъ, гдѣ бы въ одномъ часу былъ, тамъ абие будетъ. Сия три честныя дары отдалъ сыну своему юнѣйшему, чтобы ѣхалъ на науку, и приказалъ, чтобы тѣхъ даровъ матка его стерегла и во время бы подобно отдала.

И потомъ король Дарий умре и съ великою честию от всѣхъ погребенъ. По нем же они два сына его начаша владѣти кождо своимъ жребиемъ, что которому дано от отца. Але третий сынъ, жадаючи перстня от матере, изготовился ѣхать на науку. И давши ему матка перстень, рекла: «Сыну милый, учись и стерегись от жен, чтобы перстня не стратилъ». Тогда Юнотасъ, сынъ молодший, взявши от матки перстень, ѣхалъ на науку и въ краткомъ времени доволно ся научилъ, а силою того перстня всего у себя много имѣлъ. И имѣлъ ласку от всѣхъ людей, такъ, что у кого ни пожадалъ, то все при немъ было.

И было нѣкоторого дня, онъ шелъ по улицы, встрѣтила его панья добрѣ красна, а онъ прелстился на ню, жадалъ еѣ, чтобы к нему приступила. Она же абие сотвори то, и онъ ю приял къ себѣ, силою того перстня всегда поживаючи[5]. Потомъ она панна его фриерка[6] дивовалась, что такъ прохладно жилъ, а ни денегъ при себѣ имѣл. И какъ в нѣкоторое время былъ онъ веселъ, начатъ вопрошати его, глаголя: «Мой любезнѣйший под всѣмъ солнцемъ, любишь ли ты меня — прошу тя, повѣждь ми, откуду такъ прохладно живешь и всего много имѣешь?» Отповѣдалъ ей Юнотасъ, не размысля о хитрости женской, глаголя: «Тотъ то перстень, которой видишь, есть таковой мочи: что у кого ни захочю

[1—1] дел дурных (в польск.: uczynku złego); [2] ослеплении; [3—3] был близок к смерти; [4] нагрудный медальон, панагия (польск. sponki), в лат.: ожерелье; [5] имея пропитание (польск. pożywając); [6] возлюбленная (польск. fryerka, fryjerka).

взять, то то́ все при мнѣ будетъ». Услышавши то, его фриерка рекла ему: «Ты всегда съ людми товарыщишь, того дѣля дай мнѣ тотъ перстень схоронить, чтобы его не стратилъ[1], а я его буду прилѣжно блюсти». Тогда Юнотасъ далъ ей перстень, и она, схоронивши его, не хотѣла ему отдать, выговариваючись тѣмъ, будто у ней украли его. А какъ Юнотасъ не имѣл, [2]откуду бы живъ былъ[2], ревно[3] плакалъ.

И потомъ вратился до дому королевой, матки своей, и сказалъ ей, что перстень стратилъ. Рекла ему матка: «Сыну милый, всяко[4] говорила тебѣ, чтобы ты стерегся жонокъ. Але даю тебѣ спонки, которые прилѣжно соблюдай; а какъ погубишь ихъ, тогда пожитокъ[5] вѣчный и честь свою стратишь[6]».

Взявши тогда Юнотасъ спонки от матки, ѣхалъ паки до онаго мѣста[7] на науку. А как тамъ приѣхал, довѣдалась того фриерка его, встрѣтила его во вратѣхъ и съ веселиемъ его прияла. Пребываючи тогда тамъ, Юнотасъ приялъ до себя свою фриерку по-прежнему. А тѣ спонки носилъ на персѣхъ и, что ни помыслилъ, то все при себѣ имѣлъ; и какъ прежде сего, тако и всегда роскошнѣ годовалъ[8].

Тогда видячи то, фриерка его дивовалась, что ни сребра, ни злата не имѣлъ и ничего у него видала, и мыслила сама въ себѣ: «Воистину другий кунштъ[9] принесъ». И выпытавала его велми мудро у него. Потомъ Юнотасъ показалъ ей спонки и мочь ихъ повѣда. Рекла ему фриерка: «Ты всегда тѣ спонки носишь, а так дорогия, ибо можешъ единаго часу что помыслить — и будетъ ти чрез весь годъ, чего похочешь. И чтобы тебѣ ихъ не стратить, отдай ихъ мнѣ на сохранение». Реклъ ей Юнотасъ: «Боюсь, или[10] такожде стратишь спонки, яко же стратила перстень, и тако буду велику нищету претерпѣвать[11]». Отповѣдала ему фриерка: «Намилѣйший мой, [12]половина моего здоровья[12], научилась есми тѣмъ искусомъ, что стратила есми перстень, а уже лѣпше буду умѣть соблюсти спонки, чтобы ихъ никто не укралъ». Повѣривши юноша, прелщенъ словесы женскими, далъ ей и спонки сохранить. Потомъ, какъ все истощилъ, жадалъ от ней спонек тѣхъ, але она, какъ и преже, повѣдала с присягою, что у ней ихъ украли. Услышавши то, Юнотасъ плакал велми, рекущи: «О, каковъ то я младенецъ, что по погублению перстня далъ есмь и спонки, жонкѣ повѣрил!».

Потомъ возвратился второе до матки и [13]свою рѣчь пригоды своей[13] повѣдалъ ей. Услышавши то матка его, велми жалѣла о томъ и рекла. «Сыну милый, почто еси вѣрилъ жонкѣ, се уже прелщенъ еси? И вси тебе будутъ имѣть за

[1] не потерял (польск. nie stracił); [2—2] на что бы жить; [3] горько (польск. rzewno); [4] ведь (польск. wszak); [5] пособие, пользу (польск. pożytek); [6] потеряешь; [7] города (польск. miasta); [8] жил в течение года; [9] здесь: безделицу, штучку, хитрость (польск. kunszt); [10] может быть; [11] на полях глосса: приимать; [12—12] польск «połowico zdrowia mego» — половина жизни моей, моя половина; [13—13] всю суть приключения своего (польск. wszytkę rzecz przygody swej).

шаленого[1]. Отселѣ буди мудръ, ибо уже не имамъ, что ти дать, толко одно сукно драгое, которое отецъ твой отдалъ тебѣ. А погубишь ли е́, то уже ко мнѣ потомъ и не ходи».

Тогда Юнотасъ, взявши от матки сукно, ѣхалъ паки на науку. А фриерка его, яко и прежде, с веселиемъ его прияла. Потомъ Юнотасъ, распростерши сукно на земли, реклъ къ своей фриеркѣ: «Наимилѣйшая моя, сие сукно отдал мнѣ отецъ мой за великой даръ». И сѣдши Юнотасъ с своею фриеркою на ономъ суктѣ, мыслилъ самъ в себѣ: «Чтобы мы были стали далеко, гдѣ ни единаго бы человѣка не было». И бысть тако, что абие объявился на краю свѣта в нѣкоторомъ долѣ[2], которой далеко былъ от людей. А как тамъ были, фриерка велми засмутилася[3], ибо Юнотасъ обѣщался ю тамо оставить звѣремъ на снѣдение, естьли бы ему перстня и спонекъ не возвратила. Але фриерка ему обѣщалась возвратить, толко бы мочно[4]. Тогды Юнотасъ паки ю потѣшилъ а на еѣ прошенье повѣдалъ ей мочь того сукна, глаголя: «То сукно есть таковой мочи, что кто на немъ коли сядетъ и помыслитъ, гдѣ бы хотѣлъ быть, то абие будетъ тамъ».

Потомъ Юнотасъ возлегъ тамъ на сукнѣ, а голову свою положилъ на лонѣ ея. И какъ почалъ спать, тогды она, вытягнувши из-под него часть того сукна, на которомъ лежал, и помыслила: «Чтобы я была на том мѣстѣ, гдѣ в заранье была». И как то помыслила, и абие была тамъ. А Юнотасъ остался тамъ, спячи, во оном долѣ, звѣремъ на снѣдение. А как ся пробудилъ, увидѣлъ, что фриерки и с сукномъ не бывало, почалъ велми плакать, рекущи: «О, невѣрна фриерка моя, прочто такову немилость надо мною показала, а ты взявши всѣ три честныя дары дорогия от мене, мене же здѣ оставила на пустыни!»

Потомъ воставши, шелъ, не вѣдая куды, и нашелъ нѣкоторую старую дорогу, которою пришелъ до нѣкоторой глубокой воды, чрез которую какъ шелъ, а та вода была такова ядовита, что мясо с ногъ его даже до костей объѣла. Видячи Юнотасъ такову воду ядовиту, взявши ея въ сосудъ, пошелъ далѣ. И как захотѣлъ ѣсть, узрѣлъ нѣкоторое древо съ овощиемъ, вкусилъ овощу его, и абие напалъ на него трудъ[5] великъ. И видячи то Юнотасъ, взялъ такоже и того овощу с собою. Потом пришелъ ко другой водѣ, чрез нюже какъ шелъ, наросло ему опять мясо от нея на ногах его. И видячи силу у той воды, взял ея такоже. И идучи дале, узрѣлъ такоже нѣкоторое древо со овощиемъ и — алченъ былъ — ѣлъ от плода его, и абие паки спалъ трудъ с него, которой напалъ былъ от вкушения перваго древа овоща. Онъ возрадовался тому, взял такоже и того древа плода.

Потом дале идучи, узрѣлъ нѣкоторой замок, шелъ къ нему. И срѣтоша его два мужа и вопросили его, глаголюще: «Кто еси ты и откуду, добрый мужу?» Отповѣдал имъ Юнотасъ: «Азъ есмь лекарь велми ученный». Рекоша ему они

---

[1] шального, безумного; [2] долине; [3] опечалилась (польск. smuciła się); [4] было возможно; [5] болезнь, в польск. trąd — проказа.

людие: «Король сего королевства пребываетъ на томъ замку трудоватый[1]. Аще ты уздравиши его, дастъ тебѣ много богатства». Реклъ имъ Юнотасъ: «Азъ его исъ той болѣзни исцѣлю, зане лекарство на ню достаточное вѣдаю и имамъ». Услышавши то, они привели его до короля. Тогда Юнотасъ принял короля ко исцѣлению, далъ ему втораго древа овощу, и спалъ весь труд съ него. И потомъ далъ ему вторые воды испить, и паки ему мясо наросло. Видячи то король, что оздравѣлъ, далъ ему великия дары.

Потом Юнотасъ, нѣ въ которое время гуляючи подле моря, узрѣлъ нѣкоторой корабль, на немже было знамя[2] того града, из негоже онъ былъ. И челомъ ударя королю, всѣлъ на онъ корабль и ѣхалъ со онѣми людми до своего града. И какъ тамъ приѣхалъ, розошлася слава по всему граду, что лекарь велми учоный приѣхал, але его никто не позналъ.

Потом же в томъ градѣ featured рознемоглась велми фриерка его, которая *его въ* дарѣхъ прелстила, и послала по Юнотаса лекаря. А какъ Юнотасъ тамъ пришелъ къ ней, от жаднаго[3] не былъ познанъ. Але он познал фриерку свою, реклъ ей: «Никоторое лекарство тебѣ не *по*можетъ, аже бы се и первое исповѣдала грѣховъ своихъ. И аще будетъ [1]кого в чемъ ушкодила[4], чтобы паки возвратила». Тогда фриерка исповѣдалася пред нимъ, *глаголя*, яко юноту нѣкоего прелстила въ перстню, въ спонкахъ, въ сукнѣ и какъ его оставила въ пустыни звѣремъ на снѣдение. Услышавши, Юнотасъ вопрошалъ ея, глаголя: «Панья милая, гдѣ суть тѣ три вещи?» Отповѣдала ему: «Есть въ коробочкѣ моей». И дала ему ключь коробейной. И Юнотасъ, взявши тѣ дары свои, далъ ей оного овощу ѣсть, от которого он самъ отрудоватѣлъ былъ, и оной воды напится, от которой мясо отпало. И абие усохнула и для великой внутренной болѣзни с плачемъ великимъ кричала. Але Юнотасъ, смиловавшися над нею, паки ю уздровил.*

Потомъ Юнотасъ со онѣми драгими дары возвратился къ дому своему, къ матери своей. И тымъ его приѣханьемъ возрадовался весь градъ, и было пированье по всему граду. И повѣдалъ маткѣ своей всѣ пригоды свои. И имѣла матка его радость велику, что его Богъ избавилъ от великихъ бѣдъ. Потом Юнотасъ, преживши много лѣт, скончa житие свое въ покою.

Выкладъ обычайный

Возлюбленная братия, тотъ король есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, королева есть матка святая церковь, три сынове есть людие на свѣтѣ. Перваго сына разумѣемъ богатыхъ и силныхъ свѣта сего, которымъ Богъ даетъ роскоши мирския. Втораго сына — мудрецы свѣта сего, которые чрез мудрость мирскую добывают всего много. Третияго сына имамы разумѣти добраго

[1] больной, в польск. trędowaty — прокаженный; [2] знак (польск. znamię), здесь — флаг; [3] ни от кого; [1—4] кому в чем принесла ущерб (польск. uszkodziła).

христианина, от Бога избраннаго, которому дал Богъ трои дары драгие: перстень вѣры, спонки надежды и сукно любве.

Сего ради кто будетъ имѣти благодать Божию — и любовь от человѣкъ примати, тако, что ни пожелает чего от кого, то все приимет. Яко же пишетъ святый Матфей[1]: «Аще имѣти будете вѣру, яко зерно горчично, и речете горѣ сей: „Преиди оттуду" — и прейдетъ».* Будетъ ли кто тако же носити въ сердцы своемъ спонки надежды, тогда что помыслишь имѣти, то все будет при тебѣ. Яко же пишетъ святый Лука[2]: «Просите — и возмете, ищите — и найдете».* И святый Павлъ к коринфяном пишетъ, глаголя: «Надеждою есте спасени».* Будетъ ли кто тако же имѣти сукно любве, то идѣже восхощетъ быти, абие тамо будетъ. Яко апостолъ к коринфяномъ глаголетъ: «Не ищет своихъ си[3]», но яже суть Христова.* И святый Иоаннъ глаголетъ: «Богъ любовь есть».*

Але и тѣ трои драгие дары погубляетъ человѣкъ на науцѣ сего свѣта чрез фриерку свою, то есть чрез плоть свою или чрез похоти плотския, ибо плоть противляется души. Фриерка взяла от юноты сукно, какъ онъ спалъ, такъ же и тѣло частократъ отдаляетъ ласку[4] от человѣка чрез смертный грѣхъ и оставляетъ его спяща въ грѣху без всякой ласки, спожения Божия, дондеже лежитъ во грѣсѣхъ. Юнотасъ, проснувшися, велми плакал. Такожде и ты, егда проснешися от грѣха и какъ обрящеши себе без ласки и добродѣтелей, слушне[5] имаши плакати. И что же имаши творити? Востани скоро чрезъ милосердия учинки[6], и тогда найдеши путь спасения. Потомъ иди дале, дондеже обрящеши воду, которая отдѣлила плоть от кости. Та вода есть скруха[7], которая тако имат горка быти, что имать отдѣлити плоть, то есть тѣлесныя похоти, от кости, то есть от грѣховъ, которыми еси образилъ[8] Господа Бога. И имаши взяти той воды в сердце твое. И дондеже пребываеши в сем смертномъ тѣлеси, имѣй сокрушение въ сердцы. Потомъ имаши дале итти и имаши ѣсть от плода древа. Тотъ овощь есть покаяние, имже вспомогаема бываетъ душа. И плоть многажды бываетъ черна и врасковата[9], яко трудоватаго. Того овощу имаши взяти и с собою нести.

И какъ дале пойдешь, приидешь до второй воды, чрез которую плоть паки направится[10]. Та вода есть исповѣдь, которая [11]направляетъ цноты страцоные[11]. И какъ дале пойдешь, будешь ѣсть овощь древа втораго и тако будешъ здравъ. Овощь тотъ есть плодъ покаяния: молитвы, посты и милостыня.

Тѣ воды, овощи имаши всегда с собою, ибо аще с пригоды[12] обрящеши нѣкотораго короля трудоватаго, чтобы его исцѣлилъ. Король тотъ есть че-

---

[1] на полях глосса: Матф. 21-я ⟨глава⟩; [2] на полях глосса: Лк. 11-я ⟨глава⟩; [3] себе; [4] милость; [5] по заслугам, заслуженно (польск. słusznie, в лат.: merita); [6] дела (польск. uczynki); [7] раскаяние, сожаление (польск. skrucha); [8] оскорбил (польск. obraził); [9] морщиниста (в польск.: ciało... bywa skażono — тело бывает испорчено); [10] исправится, освободится от недостатков (польск. naprawić się); [11—11] возвращает добродетели потерянные (польск. naprawia cnoty stracone); [12] по случаю (польск. z przygody).

ловѣкъ, грѣхомъ зараженый, который чрез овощь исповѣди и чрез воду сокрушения можетъ быти здравъ. Два мужи, которыя на дорогѣ срѣтоша его и ко уздравлению королю приведоша его, есть страхъ Господень и страхъ адский, для которыхъ страховъ человѣкъ воздержится от зла, а творитъ благо.

Корабль, которой Юнотаса везлъ до отчины его, то есть приказанье Божие, которое насъ ведетъ до веселия вѣчнаго. Але имамы первое оглядать фриерку, то есть тѣло, которое противится души. Обрящетъ é лежащо на ложю похотей тѣлесныхъ, дастъ ей овощу покуты[1] с водою сокрушения, а [2]чрез то двое[2] поднесется[3], чрез набоженство[4] приняты[5] рогость[6] покуты. И тако отдаси душу Господу Богу съ дары, то есть съ добрыми цнотами, и можешь прейти до отчины и хвалы Царства Небеснаго.

ПРИКЛАДЪ О НЕВДЯЧНОСТИ[7] ЧЕЛОВѢЧЕСТѢЙ [8]З ДОБРОДѢЙСТВЪ ПРИЯТНЫХЪ[8]. ⟨ГЛАВА⟩ 8

Король нѣкоторой имѣлъ урядника надо всѣмъ панствомъ своимъ, которой имѣлъ сердце такъ велми [9]поднесено и пышно[9], что всѣхъ людей утискалъ[10] и принужалъ, ибо по повелѣнию его все сотворяшеся тогда.

И там недалеко от палацу королевскаго былъ нѣкоторой прокопъ[11] великой, в которой лѣсные звѣри сходилися. И приказалъ онъ староста, чтобы в томъ прокопѣ долы[12] чинены и прикриты листвием, чтобы в нихъ звѣри впадали и были иманы. И прилучилось, коли *с потѣхи тот* староста чрез тотъ прокопъ сам въехалъ, вознеслося сердце его такъ, что помнѣл самъ в себѣ, яко нѣсть во всемъ государствѣ лучши его и болши. И какъ мыслилъ то, ѣдучи, впалъ въ единъ *долъ*, из негоже вытти не могъ. И того же дня в тотъ же долъ впалъ левъ, потом малпа[13], а потомъ ужъ. Староста, видячи обстоима себе тѣми звѣрми, велми убоялся и кричалъ, чтобы его кто извлекъ.

Услышалъ то нѣкоторой человѣкъ убогой, именемъ Гвидонъ, которой осломъ возилъ из лѣса дрова (тѣмъ все жилъ), и пришелъ над долъ. И узрѣвши его, староста просил его, великие ему дары обѣщеваючи, чтобы его вытянулъ. Отповѣдалъ ему Гвидонъ, глаголя: «Приятелю милый, азъ есмь человѣкъ убогий и ничѣмъ не живу, кромѣ того, что дрова собираю; а изгублю ли сей день, то не имам сего дни, чѣмъ жить». Але староста обѣщался ему великие дары дать, чтобы его скоро вытянулъ.

---

[1] покаяния (польск. pokuty); [2—2] с помощью того и другого; [3] поднимется (польск podniesie się); [4] набожность, молитвы; [5] приняв (польск. przyjąć); [6] суровость (польск. srogość); [7] неблагодарности (польск. niewdzięczności); [8—8] искаженное польск. z dobrodziejstw przyętych — за *принятые* благодеяния; [9—9] возгордившееся и надменное (польск. podniesione a pyszne); [10] притеснял (польск. uciskał); [11] лесное угодье, приспособленное под пашню (польск. przekop); [12] ямы; [13] обезьяна (польск. małpa).

Услышавши то Гвидонъ, шелъ во градъ по поврозъ[1] и, пришед паки, спустилъ по него повроз, чтобы его вытянулъ. И видячи то, левъ вскочилъ на поврозъ; и вытянул его. А какъ былъ вытянутъ, радуючись, мардалъ[2] хвостомъ, вдячность[3] указуя ему, и побѣжалъ в лѣсъ. Потом Гвидон второе пустилъ поврозъ, и всѣла на нь малпа, и вытянулъ також, и побѣжала въ лѣсъ. Потомъ Гвидонъ и въ третие спустилъ поврозъ, и ужъ оплетшися при поврозѣ, и онъ его также вытянулъ; и ужъ, также радуяся, въ лѣсъ побѣжалъ. Потомъ староста возрадовался въ долѣ, что уже былъ от тѣхъ звѣрей избавленъ, и реклъ Гвидонови: «Спусти, приятелю милый, еще поврозъ и вытяни мене». И вытянутъ былъ. А потомъ оба они коня вытянули. Тогда староста, всѣдши на конь, ѣхалъ до короля, а Гвидонъ шедъ до дому. А как жена узрѣла, что ничего не привезлъ, смутилась[4] велми. И онъ ей все розсказалъ, какъ что дѣялось и что будетъ за то взять добрую заплату. Услышавши то, жена его велми радовалась.

Потомъ на заутрее рано шелъ Гвидон на замокъ и послалъ воротника до старосты, чтобы ему сказалъ, что Гвидонъ къ нему пришелъ, которой его з долу вчера вытянулъ, и за то ждет заплаты посуленой. Услышавши то, староста заперся[5] первое и второе, рекуще: «Я о томъ ничего не вѣдаю а ни знаю его, ни видалъ его». Потом велѣлъ ему сказать, и будетъ не отшелъ прочь, вели его бить. А как Гвидонъ в третие пред старосту пришелъ, велѣлъ его староста гораздо бить, что на полы мертвъ былъ. Услышавши то жена его, пояла осла с собою и привезла мужа своего къ дому. И все, что имѣлъ статковъ[6], то все, в немочи будучи, изжилъ.

А какъ оздоровѣлъ, было нѣкотораго дня, какъ собиралъ дрова, увидѣлъ десять ословъ, обтяженныхъ[7] бремены[8], и за ними лва, идуща путемъ и пужающа ихъ ко Гвидонови. Узрѣвши Гвидонъ лва, позналъ его, что онъ тотъ левъ былъ, которого онъ из долу вытянулъ. И пришедши левъ къ нему, радовался ему, [9]вдячность добродѣйства его показуючи[9] и даючи знать, что за то добродѣйство. И Гвидонъ велъ ослы къ дому своему. И какъ Гвидонъ повелъ ослы къ дому своему, левъ за нимъ шелъ даже до дому. И какъ Гвидонъ вшелъ в домъ, левъ, пришедши ко Гвидонови, мардал хвостомъ, дякуючи[10] Гвидонови, и потомъ возвратися въ лѣсъ. Потомъ Гвидонъ велѣлъ в различныхъ костелах отповѣдать[11], [12]естьли бы кто ослы погубилъ[12]. И никтоже обрѣтеся, кто бы ся до оныхъ ословъ призналъ. Тогда Гвидонъ, отворивши скрыню[13] и бремена, которые они ослове принесли, обрѣлъ много богатства, съ которыхъ велми обогатѣлъ.

---

[1] за веревкой (польск. po powróz); [2] махал (польск. mardał); [3] благодарность (польск. wdzięczność); [4] опечалилась (польск. smuciła się); [5] отпирался (польск. zaprzał się); [6] статъкъ — имущество; [7] нагруженных (польск. obciążonych); [8] поклажей, грузом; [9—9] выказывая благодарность за его благодеяние; [10] благодаря; [11] объявить (в польск.: opowiedać); [12—12] не потерял ли кто ослов (польск. jeżlibo kto osły pogubił); [13] сундук.

Потом же втораго дни ѣхалъ Гвидонъ по дрова, забывши въ дому секиры, и не имѣлъ, чѣмъ бы дровъ нарубить. И увидѣлъ малпу на деревѣ, которую онъ из ямы вытянулъ, а она зубами[1] наламала сучья. Тогды Гвидонъ кромѣ трудовъ накладши дровъ на осла, возвратися къ дому.

Третияго дня шедши въ лѣсъ, сидѣлъ, стружучи топорище, узрѣлъ ужа, которого онъ из ямы вытянулъ, носящаго камень во устѣхъ, которой, пришедши къ нему, положилъ ему тотъ камень на лонѣ. Тотъ камень былъ трехъ видовъ: со единые страны былъ бѣлъ, а съ другие чернъ, а съ третей черленъ. Тогда Гвидонъ, взявши камень, показалъ его нѣкоторому человѣку мудрому, которой, какъ онъ камень увидѣлъ а мочь[2] его позналъ, хотѣлъ ему за него сто златыхъ дать. А Гвидонъ не захотѣлъ его продати, але мочью того каменя много добра добылъ, такъ что [3]на рыцарство потомъ былъ пасованъ[3].

Потомъ король, довѣдавшися у него о том каменю, призвалъ его къ себѣ, хотячи, чтобы онъ ему продалъ камень тотъ; или из его земли прочь отъѣдь. Реклъ ему Гвидонъ: «Наияснѣйший королю, яко[4] твоей милости тотъ камень продамъ, але сие тебѣ повѣмъ, яко не дашь ли мнѣ того, чего тотъ камень стоитъ, тогды он паки у мене будетъ». И далъ ему король триста златыхъ. А Гвидон, взявши денги, потомъ камень обрѣл дома въ ковчежцѣ[5] своемъ. Узрѣвши то, король дивился и вопрошал Гвидона, глаголя: «Повѣждь ми, гдѣ ты добылъ камень тотъ?» Гвидонъ же все королю розсказалъ: какъ его староста упал былъ въ яму со лвомъ, и съ малпою, и со змиемъ; и какъ онъ ихъ из ямы выволокъ; и какъ вмѣсто мзды[6] от того старосты былъ убитъ велми; и како паки от лва, и малпы, и от змиа былъ одаренъ.

Услышавши то король, разгнѣвался велми на онаго старосту и, призвавши его, рекъ: «Что сие слышу о тебѣ, чему еси неблагодаренъ добродѣйства Гвидонова? Он тебе смерти избавилъ, а ты за то велѣлъ еси убить. Злый человѣче, звѣри неразумные — левъ, и малпа, и ужъ — вдячность показуючи ему *за* добродѣйство его, а ты за то воздалъ еси ему злость». И староста не умѣл на то отповѣди учинить. Тогда король велѣлъ, чтобы его достойность[7] была дана Гвидонови, а его велѣлъ стратить[8]. И услышавши, панове похвалили его и прияли Гвидона на мѣсто оного старосты. Потом Гвидонъ скончался въ покою.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, король есть Богъ, которой все видитъ. Староста же, от короля вознесенъ, убогой есть человѣкъ, которой от себе ничего не иматъ. Яко же рече святый Иовъ: «Нагъ изыдохъ от чрева матере моея и нагъ

---

[1] в рукоп. пропуск, в др. рукоп. далее следует: орѣхи лускала. Малпа же видѣвъ Гвидона и...; [2] силу, возможность; [3—3] в рыцари потом был посвящен (в польск.: na rycerstwo był pasan, в Б.: pasowan); [4] здесь: хотя; [5] в ларце, в шкатулке; [6] вознаграждения, платы; [7] сан, должность; [8] казнить (польск. stracić).

паки ся возвращу».* А того убогаго Богъ поднесъ, когды его учинилъ паномъ въ раю, яко о томъ повѣдаетъ Давидъ: «Вся покорилъ еси под ноги его».*

Долъ, в которой впалъ, есть свѣтъ сей, которой полонъ есть доловъ, то есть упадковъ[1], ибо весь свѣтъ сей во злѣ лежитъ. На семъ свѣтѣ человѣкъ впадаетъ во многия долы. Потом же в тотъ долъ впалъ левъ, то есть Сынъ Божий, егда приятъ человѣчество насъ ради и пребывалъ на семъ свѣтѣ тридесять и три лѣта; тотъ есть левъ, о немъже глаголетъ святый Иоаннъ во Апокалипсисѣ: «Побѣдилъ левъ от колѣна Иудова».* Потомъ малпа, то есть совѣсть твоя, которая обычаемъ малпы держе то, что ей не мило, ибо всегды шемре[2] противу грѣха. Потомъ впалъ ужъ в долъ, то есть пралатъ или исповѣстникъ, которой съ грѣшнымъ человѣкомъ имать вступити в долъ, то есть имать жалѣти от грѣха.

Потомъ, яко Гвидонъ вытянулъ поврозом[3] муки своей вытянулъ насъ з долу нужди, з мочи диаволской. Але нужный[4] человѣкъ, [5]не брегучи того[5], неблагодаренъ есть ласки Божии, многажды грѣшитъ противъ приказанию Божию. А что Гвидонъ былъ битъ, тако же и человѣкъ: егда смертнѣ согрѣшаетъ — Бога второе[6] распинаетъ.

Но левъ, сирѣчь Богъ, далъ Гвидонови, сирѣчь Христу по человѣчеству, десять ословъ обремененныхъ, то есть десятеро приказанье, старое и новое, под его властию къ пожитку[7] человѣку. И какъ будетъ то приказанье исполнять, приидетъ къ вѣчному богатству.

Малпа дрова лупала, то есть совѣсть твоя принужаетъ тя, чтобы то чинилъ, чѣмъ бы моглъ прикрыть тѣло и душу твою въ судный день и для бы чего моглъ наслѣдить животъ вѣчный. И кто будетъ творилъ против совѣсти своея, тот пойдетъ на вѣчное потопление.

Ужъ далъ Гвидонови камень трехъ лицъ, то есть пралатъ или исповѣдникъ научением Святаго Писания можетъ держати камень, сирѣчь Христа Иисуса. Тотъ камень былъ чернъ, червленъ и бѣлъ; такоже и Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ красенъ[8] паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, такожде былъ чернъ страсти ради, червленъ пролития ради крове на крестѣ. Сего ради кто будетъ носить тотъ камень, тотъ будет имѣть всяку доволность кромѣ великаго недостатку. И не имать[9] того камени продать от себе, аще бы не дано за него таковой заплаты, якова есть Христосъ; а чего Христосъ есть — то есть чрез сокрушение, чрез исповѣдь и чрез [10]досыть учиненье[10]. Але невдячные[11] будутъ висить на шибеницы[12] адстѣй, а избранные и вдячные наслѣдятъ животъ вѣчный.

---

[1] падений (польск. upadow, в Б.: upadków); [2] ропщет, восстает (польск. szemrze); [3] в рукоп. гаплографический пропуск, в польск. далее следует: onego ricerza z dołu, takież Syn Boży powrozem... — оного рыцаря из ямы, так же Сын Божий поврозом...; [4] жалкий, ничтожный; [5—5] пренебрегая этим; [6] вторично; [7] к пользе; [8] прекрасен; [9] не может; [10—10] оправдание, искупление вины (в польск.: dosyć uczynienie, в лат.: satisfactionem); [11] неблагодарные (польск. niewdzięczni); [12] на виселице (польск. na szubienicy).

ПРИКЛАДЪ, ЯКО НЕ ИМАМЫ ВѢРИТИ ЖЕНАМЪ, НИЖЕ ТАЙНЫ ИМЪ ОБЪЯВЛЯТИ. ⟨ГЛАВА⟩ 9

Былъ нѣкоторой рыцарь у нѣкоего короля, которой нѣкоторою причиною короля разгнѣвилъ и послалъ до короля рыцарей молити о себѣ. И едва ему ласку[1] упросили. И приказалъ король быти ему къ себѣ тымъ обычаемъ[2], чтобы до двора королевскаго пришелъ ѣздно и пѣшо, да чтобы с собою привелъ вѣрнаго приятеля, такоже и кротофилника[3], и невѣрнаго неприятеля. И отшедши, то повѣдали рыцареви.

Услышавши то рыцарь, велми [4]ся смутилъ[4], какъ бы то имѣлъ сотворить. И прилучися во время то, что приялъ къ себѣ нѣкоего пелгрима на нaслѣгъ. И рекъ тайно к женѣ своей: «Вѣмъ, что пелгримове имѣютъ с собою денги, и будетъ хочешь таить, тогды я убью того пелгрима, а денги его поберемъ». Она же то таити обѣщася. И какъ тогды вси поуснули, вставши тотъ рыцарь пред свитаньемъ, пробудилъ онаго пелгрима и велѣлъ ему в путь итти. И убилъ телца, и изрубилъ въ штуки, и вложилъ в воръ[5]. Потомъ пробудилъ свою жену, указалъ ей воръ, глаголя, яко толко голову, руцѣ и ноги вложилъ в сей воръ, а тѣло его схоронилъ втайнѣ, але тот воръ в том то кутѣ[6] погребенъ. И погребши тотъ воръ, показалъ ей нѣколико своихъ денегъ, бутто у того ихъ пелгрима взялъ.

А как былъ *час*, чтобы сталъ пред королемъ, тогды, взявши съ собою на правую страну пса и дитя на руку, а жену на лѣвую страну, шелъ на замокъ. А как приближился до замку пана своего, вложилъ правую ногу на пса своего, яко бы ѣхалъ, а другою ногою шелъ пѣшъ. И такъ шелъ: ѣздно и пѣшо. А как пришелъ пред короля, узрѣвши его король, со всѣми около стоячими дивовался.

И рекъ ему король: «Гдѣ есть твой приятель вѣрный?» Тогды рыцарь, вынявши мечь, тялъ[7] пса своего, которой, скачучи для болѣзни, утѣкал. Потомъ его призвалъ, и песъ паки пришедъ къ нему. И рекъ рыцарь: «То есть мой вѣрный приятель». Реклъ ему король: «Правду говоришь, але гдѣ есть твой кротофильникъ?» Отвѣщалъ рыцарь: «Ото[8] есть сынъ мой милый[9], которой пред мною кротофилитъ и великое мнѣ потѣшение чинит».

Реклъ ему паки король: «Гдѣ есть твой неприятель великой?» Тогды рыцарь [10]далъ погубокъ[10] женѣ своей по губамъ, глаголя: «Чому так шкародо[11] смотришь на короля, пана моего?» Рекла ему жена: «Проклятый мужеубойца, про что мя бьешь? Вчера бо ты въ дому своемъ сотворилъ еси мужеубийство, ибо для малыхъ пѣнязей убилъ еси пелгрима». Тогды рыцарь далъ ей в другие

[1] милость; [2] способом, образом; [3] потешника, забавника (польск. krotofilnika). [4—4] опечалился (się zasmucil); [5] в большой мешок, куль (польск. w wór); [6] в углу, здесь на отдаленной части земельного участка; [7] ранил (польск. zaciął); [8] вот; [9] в польск. mały — малый; [10—10] ударил по губам (польск. dał pogębek); [11] непристойно (польск. szkarado).

поличекъ[1], рекущи ей: «Проклятая жена, чему ганбишь[2] сына своего?» Але она, разгнѣвавшися, нача вопити, глаголющи: «Идите, укажу вамъ воръ, в которой вложилъ голову, руцѣ и ноги убитаго пелгрима, а тѣло его погребъ втайнѣ».

Тогды король велѣлъ слугамъ, чтобы, съ нею шедши, то свидѣтелствовали. И выкопавши слуги воръ на том мѣстѣ, которое имъ она указала, и обрѣтоша телцовое мясо и недоумѣяхуся. И пришедши, повѣдаша королю. Услышавши то король и увидѣвъ мудрость его, велми его во всем том похвалилъ. Потомъ былъ велми любимь королемъ и умеръ въ покою.

Выкладъ того обычайный

Братие намилѣйшии, рыцарь тот, которой своего пана ласку стратилъ, есть то грѣшный человѣкъ, которой, чтобы обдержалъ ласку пана своего, посылаетъ орудовника[3] къ Богу, возлюбленных къ Богу человѣкъ, яко бы кровнеи приятели.

А какъ тогды [4]пану своему досыть учинилъ[4], имать приитти ѣздно и пѣшо. Пѣшо — то есть [5]честные рѣчи[5] и сладости[6] взгардин[7], а ѣздно — то есть [8]жадостию тѣла[8] небесные вещи размышляти. Але такоже и пса за приятеля вѣрного на правицы[9] имать съ собою привесть, то есть аггела добраго или каплана[10] (которой имать хранити душу его), егоже колижды многократнѣ грѣхами своими ображаетъ[11], а всяко паки вѣрно обращается[12], которой его тайны предо всѣми будетъ таить. А кротофилника на руцѣ носитъ — то есть совѣсть, которая ему добро совѣтуетъ. А жену на лѣвой сторонѣ — то есть кревность[13] тѣла или Диавола — за неприятеля, которой его тайны объявляетъ пред всѣми аггелы и святыми въ часъ смерти его къ его потоплению.

Тогды воистину будетъ похваленъ рыцарь мудрый, которой под хитростию убиетъ Диавола и погребетъ, то есть тѣло власнѣ[14] во своей коморѣ, плачучи и сокрушение имѣючи за всѣ грѣхи сердечные, не чинячи мужеубийства, то есть вѣру имѣючи въ постѣхъ, и въ молитвахъ, и въ прочыхъ добрыхъ дѣлѣхъ мудрѣ и крѣпцѣ. Сего ради обрящеши благодать у Бога своего, которую погубилъ былъ еси.

Конецъ выкладу повѣсти сея.

---

[1] пощечину (польск. policzek); [2] позоришь (польск. hańbisz); [3] молитвенника, заступника (польск. orędownika), [4—4] перед господином своим искупил вину (в польск.: panu swemu dosyć uczynił, в лат.: domino suo satisfaciat); [5—5] преходящие, временные дела (польск. czesne rzeczy); [6] в польск.: roskoszy — наслаждения; [7] в польск. wzgardzając — презирая, пренебрегая; [8—8] в польск.: z żądością serdeczną — с сердечным желанием; [9] по правую сторону (польск. na prawicy); [10] священника (польск kapłana); [11] оскорбляет (польск. obraża); [12] в польск.: wraca — возвращается; [13] горячность (польск. krewkość); [14] собственное (польск. własnie).

ДРУГИЙ ПРИКЛАДЪ, ЯКО НЕ ПОДОБАЕТЪ ЖЕНАМЪ ВЪ ТАЙНЫХЪ ДѢЛАХЪ ВѢРИТИ. (ГЛАВА) 10

Макробиушъ славнѣйший, дѣяниемъ списатель,* пишетъ, что въ Римѣ в нѣкоторое время, какъ была [1]рада таемна[1], вшелъ такоже тамъ един юноша, егоже звали именем Папириусъ, со отцемъ своимъ, съ сенаторомъ римским. А заказание было въ радѣ [2]под страценьемъ головы[2], чтобы та рада ни от кого от сенаторовъ не была бы никому повѣдана.

А какъ юноша с той рады до дому пришолъ, почала его матка пытать, глаголя: «Сыну милый, что то есть таково, что сенатори заказали повѣдать под казнию?» Отвѣчалъ ей сынъ: «Неподобно тебѣ вѣдати того, но сие вѣждь, что заказано не повѣдать того никому». Услышавши то матка, почала приводить[3] юношу уже прошением, неже грозбою[4] и битиемъ, абы ту тайну повѣдалъ ей. Потомъ онъ юноша на упорность матки своей, чтобы ея утѣшить, а тайны бы той не объявить, реклъ ей: «Та есть рада таемная: которая бы рѣчь[5] из тѣхъ дву лутча была: или единому мужу пояти множество женъ, или единой женѣ множество мужей».

Услышавши то матка, шедши, абие иным женамъ римскимъ повѣдала. И тако едина по единой розсказуючи, что всѣ жены одного дня увѣдали. Во другий же день всѣ жены, собравшися великою громадою, без всякаго мешкания пришли къ сенаторомъ, просячи, что лутче бы было, чтобы единой женѣ дано по два мужа, нежели двѣ жены единому мужу.

Услышавши то сенатори, убоялися и почали дивитися безстудию женскому, и откуду пошелъ тотъ дивъ, и отчево таково нестыжливо ихъ прошение бысть. Видячи то он Папириусъ юноша, повѣдалъ сенатором ту рѣчь всю, ейже онъ причиною былъ. Услышавши то сенатори, похвалили его въ томъ и уставили, чтобы всегды Папириусъ юноша при сенаторѣхъ въ радѣ былъ. Потомъ сенатори отказали женамъ въ ихъ челобитье. Они же ни с чѣмъ возвратишася каяждо къ дому своему.

Толкование обычайное той повѣсти

Намилѣйшая братие, чрез того юношу имамы разумѣти всякаго человѣка чистаго жития[6], которой со отцемъ, сирѣчь съ добрымъ преложоным[7], входитъ въ раду мудрую, то есть богобоязнивыхъ человѣкъ, идѣже бывает бесѣда о спасении и о духовной мудрости, которая не всякому оповѣдуется, и, овсемъ[8],

---

[1—1] совет тайный; [2—2] под угрозой смерти, лишения головы (польск. pod straceniem głowy); [3] склонять (польск. przywodzić); [4] угрозами; [5] вещь, дело (польск. rzecz); [6] на полях глосса: живота; [7] польск. z przełożonym — с высокопоставленным лицом, здесь — членом рады; [8] напротив (польск. owszem).

много иныхъ рѣчей, [1]которых ничтоже имать повѣдано быти[1]. Матка — то есть свѣтъ сей, которой совѣтуетъ человѣку оставити благогодѣинство и тайну повѣдать. И аще не можетъ прелстити человѣка, тогды грозами[2], сирѣчь смутки[3] и убожествомъ[4], хощетъ его принудить.

Сотвори же тогды тако, яко Папириусъ юноша учинилъ: оставь сей свѣтъ чрез доброволное убожество и указуй, иже двѣ жены, сирѣчь различные грѣхи тѣлесные, имутъ быти подданы под разумъ, а разумъ не имать быти подданъ под роскошы[5]. То есть человѣкъ чистый можетъ пребывать межъ мудрыми и дѣла добрые имѣть и межъ святыми людми пребывать и животъ вѣчный наслѣдить.

ПРИКЛАДЪ О НЕПРАВДѢ И О ЛАКОМСТВѢ[6] И О ОБЛИЧЕНИИ ТАКОВЫХЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 11

Максимианусъ,* король можный, которой[7] королевствовалъ, [8]въ которомъ государствѣ[8] были два рыцере: един былъ праведенъ и богобоязнивъ, а другий былъ лакомъ и богатъ, которой всегды хотѣлъ наипаче подобитися[9] свѣту сему, а нежели Богу. Тотъ же справедливой рыцарь имѣлъ землю, граничну и смежну со землею онаго рыцаря лакомаго, котораго землю тот лакомый съ великимъ пожаданьемъ жадалъ себѣ имѣть и многажды приходилъ до онаго справедливаго рыцаря, даючи ему много злата и сребра, чтобы ему ту землю продалъ; але онъ никоторыми обычаи не хотѣлъ ее продать. И тако всегды тотъ рыцарь лакомый печаленъ отходилъ от него и мыслилъ, как бы его прелстить.

И бысть, что тотъ справедливой рыцарь умеръ. Услышавши то онъ лакомой рыцарь, написалъ листъ именемъ того умершаго онаго рыцаря, что бутто се онъ, живъ будучи, продалъ ему землю ту, которой онъ жадалъ, за множество пѣнязей. И принялъ [10]три послухи[10], чтобы ему послушествовали, и, взявши листъ, шелъ с нимъ до онаго умершаго. И нашелъ печать его въ коморѣ, идѣже онъ умершей лежал, и велѣлъ всѣмъ вытти, окромѣ своихъ послуховъ. Потомъ пред онѣми послухи вложивъ печать на болший перстъ умершаго и взявши руку умершаго съ тою печатью и запечаталъ листъ свой, рекущи послухомъ: «Се есте вы свидѣтели [11]той рѣчи[11], что мнѣ землю свою продалъ и на свидѣтелство тою печатью тотъ листъ самъ запечаталъ». Рекоша ему послухи: «Будемъ тебѣ послушествовати». И тако онъ рыцарь овладѣлъ тою землею, яко своею.

[1–1] в польск.: którę nie mają być powiadany — которые не могут быть поведаны; [2] угрозами; [3] печалями (польск. smutki); [4] бедностью; [5] наслаждения; [6] об алчности (польск. o łakomstwie); [7] слово избыточно, в польск. нет; [8–8] в польск.: w którego państwie — в государстве которого; [9] нравиться (в польск.: podobać się); [10–10] трех свидетелей; [11–11] того дела (польск. tej rzeczy).

Потомъ сынъ онаго рыцаря умершаго, наслѣдникъ той землѣ, пыталъ его: «Чему еси тою землею овладѣлъ?» Отповѣдалъ ему рыцарь: «Отецъ твой продал мнѣ». И рекъ ему наслѣдникъ: «Приходилъ еси многажды ко отцу моему для той земли и пѣнязи давал еси за ню, але вѣмъ, что отецъ мой никакими мѣрами не хотѣлъ ее тебѣ продать».

Потомъ оба пришли съ тою рѣчью пред короля судитися. И рыцарь лакомой подпиралъ[1] свою рѣчь и показалъ листъ, запечатанъ печатью умершаго рыцаря, которой отпѣвалъ[2] оно купление. Потом же и онѣ послухи привелъ, которые так же послушествовали. Реклъ ему наслѣдникъ: «Знаю, что та есть печать отца моего, але то вѣмъ, что тебѣ земли не продавывалъ. А каким обычаемъ ты ту печать досталъ, того не вѣдаю. Того дѣля желаю, чтобы послухи достаточнѣ были выслушаны».

Тогды судиа коегождо послуха по одинкамъ развелъ, такоже и онаго рыцаря. И велѣлъ старшаго послуха позвать преже пред себя и вопросилъ его: «Аще умѣеши „Патер", сирѣчь „Отче нашъ"?» И онъ ему отвѣщал: «Умѣю». И велѣлъ ему пред собою говорить от начала даже до конца. А он послух гораздо умѣлъ «Патер». И велѣлъ его паки отвести на особное мѣсто.

Потомъ велѣлъ привесть другаго послуха и реклъ ему: «Приятелю милый, былъ здѣ пред тобою товарыщь твой, которой мнѣ повѣдалъ такову истину, какъ „Патер", а ты не повѣдаешь ли мнѣ правды, которой вопрошу тя, тогды велю тебя повѣсить». Тогды тотъ послухъ мыслил самъ в себѣ, глаголя: «Воистину то уже мой товарыщь повѣдалъ все, какъ рыцарь тотъ печаталъ тотъ листъ; а не повѣдаю ли я истины, тогды велитъ мя обвѣсить». И сказал все: какъ тотъ рыцарь взявши палецъ с печатью онаго умершаго и запечаталъ листъ свой. Услышавши то судиа, велѣлъ ему вытти на особное мѣсто.

Потомъ велѣлъ привести третьего и реклъ ему: «Послухъ первый сказалъ мнѣ правду, какъ „Патер", и вторый такоже, а ты, милый приятелю, не повѣдаешь ли правды, повелю тебя обѣсить». Тогды онъ мыслилъ, глаголя: «За правду уже товарыщи мои всю тайну рыцареву повѣдали, то и я скажу всю истину». И повѣдалъ все подробну. Судиа же велѣлъ и того отвесть на особное мѣсто.

Потомъ велѣлъ возвать рыцаря и, возрѣвши на нь ярымъ окомъ, реклъ ему: «Проклятый человѣче, лакомство твое тебя заслѣпило, повѣждь ми, как рыцарь умерший продалъ тебѣ землю, которою завладѣлъ еси». А онъ, не вѣдаючи послушества свидѣтелей, повѣдалъ, что бутто правдою одержалъ землю ту. Реклъ ему король: «Злый человѣче, се повѣдали послухи на тя, что ты по смерти его взявши палецъ его с печатью и запечаталъ еси листъ свой». Услышавши то, рыцарь палъ на землю, прося милости. Реклъ ему король: «Милость, которую заслужилъ еси, приимешь». И велѣлъ тѣхъ послуховъ привязати к ко-

[1] подтверждал; [2] подтверждал (польск. opiewał).

невымъ хвостам и волочь даже до шибалицы[1] и повѣсить, такоже и онаго рыцаря.

Видячи то, панове онаго королевства хвалили мудрость королевску, что онъ такъ мудро правды довѣдалъ. Тогды король ону землю, неправдою овладѣну от рыцаря, возвратилъ сынови умершаго рыцаря. А онъ, подяковавши королю, посѣтилъ паки свое наслѣдие и жилъ въ покою.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, през сия два рыцари разумѣется Диаволъ и первый нашъ отецъ;* сынъ его — то есть весь родъ человѣчь, которой от него пошелъ; наслѣдие есть Рай, которой далъ ему Богъ. Видячи то рыцарь лакомой, то есть Диаволъ, приступил къ нему, приводячи[2] его, чтобы онъ Рай оставилъ преступлениемъ заповѣди. И тотъ, дондеже не преступилъ, былъ въ Раю а держалъ наслѣдие, то есть Рай. А какъ умеръ, [3]преступивъ (которое учинилъ преступление приказанию Божию)[3], — погубилъ[4] Рай; и весь родъ человѣческий по нем.

Але преже былъ листъ написанъ, когды Ева призволила, вкусила от древа вѣдения противъ приказанию Божию. А тотъ листъ тогды былъ запечатанъ, когды Адамъ (которой былъ главою разуму и емуже особливѣ дано приказание) вкусилъ и наипаче прилѣпился къ женѣ, а не къ Богу. [5]И какъ печать выража своего воображения во Адамѣ[5] и учинилъ его владыкою сего свѣта, по Давиду пророку, иже рече: «Вся покорилъ еси под ноги его».* Сие воображение[6] далъ человѣкъ Диаволу, какъ ему былъ послушный, и то великимъ палцемъ по смерти, ибо болшой палецъ закрѣпляетъ руку всю; а кто погубитъ великий перстъ, погубитъ и *крѣпость* тоя руки. Чрез великий палецъ имамы разумѣти разумъ, которой Господь Богъ далъ человѣку, чтобы избиралъ доброе, а от злобы остерегался. Сего дѣля дондеже человѣкъ разсуждаетъ разумомъ и разум в немъ господствуетъ, толико долго можетъ владѣти и иными. А кто не имать разума, тогды таковый не имать доброты и крѣпости духа.

Адамъ, первый отецъ, имѣлъ разсуждение, от Бога влияно, на всякое *со*здание, такъ что ему всяко сотворение во всемъ было послушно. А всяко[7] же потомъ вѣдѣниемъ разума прилѣпился Диаволу, когды ему Диаволъ реклъ: «Аще снѣсте от того древа, не смертию умрете, але будете яко бози, вѣдуще добро и

[1] виселицы (в польск.: szubienice); [2] подстрекая; [3—3] в польск.: przez grzech, który uczynił przeciw przykazaniu bożemu — через грех, который совершил вопреки приказанию Божию; [4] потерял (в польск.: stracił); [5—5] в рукоп. гаплографический пропуск, в польск.: A jako pieczęć wyraża swe wyobrażenie na wosku, takież Bóg wyraził swe wyobrażenie w Adamie — и как печать проявляет свое изображение на воске, так же Бог проявил свое изображение во Адаме; [6] изображение, образ (польск. wyobrażenie); [7] однако.

зло».* Увидѣвши Диаволъ, что прелстилъ его и яко погубилъ онъ наслѣдие свое небесное, восхотѣ сына, сирѣчь весь родъ человѣческий, потребити[1]. Але человѣк, аще хощетъ быти мудръ, имать прийти ко Царю Небесному, яко же патриарси и пророцы учинили, которые вопияли къ Богу о исцѣлении и о помощи, глаголюще: «Господи Боже, Царю Крѣпкий, иже далъ еси намъ приказанье, которое есть упование и спасение наше, прииди спасти насъ».*

Але Диаволъ приводитъ с собою три послухи: гордость, похоть тѣлесную, похоть очную, противъ которыхъ подобаетъ намъ быти мудрымъ. И перваго послуха имамы вопросити, умѣетъ ли «Патер», то есть учинилъ ли бы вѣчно[2], [3]для чего[3] бы гордость[4] свѣтила[5] против ему, — тогды [6]ся имать упокорить[6] во всякомъ словѣ *и* учинку[7] так правдивѣ, яко есть «Патер», и тако Царя Небеснаго ублага[8] прикладомъ[9] Христовымъ, иже послушливъ былъ Отцу даже до смерти.

А боится человѣкъ другаго послуха, то есть похоти очима *и*[10] свѣта, въ нейже пребываетъ, — имать сказати правду, яко вторый свидѣтель сотворилъ, то есть имать ся исповѣдать и тако тщеты может убѣжати.

Убоится человѣкъ третияго послуха, похоти тѣлесной, — тогды подобаетъ доволно сотворити Господу Богу воздержаниемъ плоти през[11] правдивѣ[12] [13]досыть учинение[13], яко учинилъ третий послух, которой все розсказалъ. Сего ради со двѣма товарыщи имѣлъ повѣшенъ быти на висѣлицѣ, о нейже писано въ книгѣ Иовли: «Вѣселицу изволила душа моя»,* то есть шибалицу покаяния. А будем ли тако творити, тогды наслѣдуемъ животъ вѣчный.

ПРИКЛАДЪ О СТАЛОСТИ[14] ВЪ ДОБРЫХЪ УЧИНКАХЪ[15] ВѢРНЫМЪ[16] КЪ ПОЛЗѢ. ⟨ГЛАВА⟩ 12

Былъ нѣкоторой король силенъ велми въ земли аглинской, а въ его честномъ королевствѣ были два рыцари: единому имя было Гвидонъ, а другому Тирусъ. Гвидонъ бывалъ на великихъ войнахъ и на всякой войнѣ побѣду имѣлъ. И любилъ едину панну честную и красную, а всяко[17] же ея не моглъ себѣ поняти за жену, аж[18] великия войны подъялъ для ея любви. Потомъ по нѣкоторой войнѣ славной поялъ ю в жену себѣ съ великою честию.

---

[1] истребить, уничтожить; [2] в польск.: nieco — кое-что; [3—3] из-за чего; [4] в польск.: pycha — гордыня, спесь, высокомерие; [5] польск. świeczyła; вероятно, искаженное świadczyła — свидетельствовала; [6—6] может покориться; [7] деле (польск. uczynku); [8] умолит (польск. ubłaga); [9] по примеру; [10] доб. по польск. тексту; [11] через (польск. przez); [12] истинное, подлинное (польск. prawdziwe, лат. veram); [13—13] оправдание, искупление вины (в С.: docyć uczynienie, в Б.: docyćuczynienie, в лат.: satisfactionem); [14] о постоянстве (польск. o stałości); [15] делах (польск. uczynkach). [16] т. е. православным; [17] однако; [18] даже (польск. aż).

И бысть въ третьюю нощь, яко [1]въ курный крикъ[1] восталъ съ постели своея и смотрилъ въ небо. И увидѣлъ межъ звѣздъ Господа Иисуса Христа, глаголюща къ нему: «Гвидоне, Гвидоне, многажды бо еси воевалъ для милости единой жены, время есть, чтобы еси тако же воевалъ крѣпцѣ противъ моихъ неприятелей». И рекши то, невидимь бысть. Услышавши то Гвидонъ, мыслилъ самъ въ себѣ: «Что есть се?» Потомъ поразумѣлъ, что то воля Божия была, чтобы шелъ до Святой земли и [2]взялъ помсту[2] съ невѣрныхъ.

И реклъ своей женѣ: «Жено намилѣйшая, вѣждь, что я имамъ ѣхать до Святой земли; а мню, что еси понесла от меня, того дѣля останися въ дому, дондеже прииду азъ». Услышавши то жена его, яко бы без разуму стала съ постели своея и взяла деку[3] и положила ю под главу и рекла: «Пане мой милый, всегды азъ тебе любила и для твоей любви ожидала тѣхъ дней, чтобы за тебя была выдана по такихъ великихъ войнахъ, которые учинилъ еси, чрез которые слава твоя слыла по всѣхъ странахъ. А я паче тое утѣхи не имѣю, развѣ видѣти желаю; а ты, какъ азъ понесла, хочешь от меня отъѣхать. И [4]дондеже то *будетъ*[4], тою декою сама ся убию». Тогды рыцарь, вставши, взялъ у ней деку из руки и реклъ ей: «Намилѣйшая моя, вѣждь, что обѣщался есми Господу Богу посѣтити Святую землю, а нынѣ время подобно есть тотъ обѣтъ исполнити, нежели въ старости. Сего ради мало пребуди, зане азъ паки вскорѣ возвращуся». Тогды она, утѣшившися от словѣсъ его, дала ему перстень свой, рекущи: «Возми тотъ перстень от мене и, елижды возриши на нь в томъ пелгримованью, вспоминай мя. А я здѣ до твоего приѣзду буду тебе ожидати».

Тогды рыцарь простился с нею и взялъ с собою Тира рыцаря, поѣхалъ до Святой земли. А какъ Гвидонъ отъѣхал, тогды она жена его многажды плакала для отъѣханья пана своего и не можаше утѣшитися. Потомъ, какъ пришло время родити ей, родила сына, котораго с великимъ прилѣжаниемъ выховала.

Тогды Гвидонъ и Тирусъ прошли много королевствъ. А въ то время было королевство Дунское* разорено от поганых. И реклъ Гвидонъ Тирови: «Намилѣйший друже, иди ты до того королевства и вспоможемъ королю всею силою противъ поганыхъ, яко онъ христианинъ есть. А я пойду до Святой земли и буду воевать против враговъ Христовыхъ и, одержавши там побѣду, возвращуся къ тебѣ паки. И тако вкупѣ возвратимся паки с веселием до Англии». Реклъ ему Тирусъ: «Что тебѣ любо, то и мнѣ, такъже пойду я до того королевства. А ты, егда ся паки возвратишь, до мене приѣдь. И тако вкупѣ до отечества нашего возвратимся». Реклъ ему Гвидонъ: «Обѣщаюсь тебѣ в томъ». И какъ ся имѣли розставати, поцѣловались, велми плачучи, и розъѣхались.

[1—1] во время утреннего пения петухов, на рассвете; [2—2] отомстил (польск. wziął pomstę); [3] кинжал (польск. dekę), [4—4] как только это случится, ср. польск.: pirwej niż się to stanie; в рукоп. ошибочно, дондеже то *не* будет

Тогды Гвидонъ ѣхалъ до Святой земли, а Тирусъ до Дунской земли. Гвидонъ тамъ воевалъ славно противъ срацыновъ и поганыхъ и на кождой войнѣ побѣду одержалъ, и слава его проходила по всѣхъ земляхъ. Такожде же и Тирусъ воевалъ и на всякой войнѣ побѣду одержалъ и всѣхъ поганыхъ из Дунскаго королевства выгналъ. Видячи то, король любил Тира паче всѣхъ, и вси его людие любили. Потомъ король велми обогатилъ Тира.

Былъ же там нѣкоторой валечникъ[1] именемъ Плебеусъ, которой позавидѣлъ Тирови, что так скоро къ великой чести и богатству пришолъ, и оскаржилъ[2] его королю, что бутто се онъ хочетъ короля съ королевства согнать. Услышавши то, король повѣрилъ словесемъ его (яко Тирусъ былъ мощен и силенъ) и отнялъ король у Тира всю честь[3] и богатство, такъ что Тирусъ пришолъ къ великому убожеству и нужи, такъ что едва имѣлъ чѣмъ жить. Тогды Тирусъ, будучи в томъ убожествѣ великом от всѣхъ былъ[4] отпущенъ[5], начат смущатися и плакати, глаголя: «О, Боже Вседержителю, чему еси ту нужу на мене допустилъ? О, Фортуно непостоянная,* прочто мя остави?»

Потомъ въ нѣкоторое время от великия печали прогуливался велми смутенъ. Встрѣтилъ его Гвидонъ, другъ его, въ нищетскомъ образѣ. И увидѣл его Тирусъ и не позналъ его. А Гвидонъ позналъ его, але ему не повѣдалъ, кто есть онъ, и реклъ ему: «Здравъ буди, приятелю милый, и откуду еси ты?» Отповѣдалъ ему Тирусъ: «Изъ далекой земли есмь, але пришелъ есмь до сего королевства и пребывалъ есмь здѣ много лѣтъ. А имѣл есмь единаго друга, именемъ Гвидона, которой пошолъ до Святой земли, и не вѣмъ, живъ ли есть или ни». Реклъ ему Гвидонъ: «Для любви друга твоего остави ми опочинуть на лонѣ твоемъ, да быхъ маленко соснулъ, велми бо утрудихся от путишествия». И оставилъ ему Тирусъ.

И какъ Гвидонъ спалъ на его лонѣ, видѣлъ Тирусъ уста его отверсты [6]и узрѣлъ[6], ано[7] из нихъ выбѣжала бѣлая ластка[8] и вбѣжала на гору близъ ихъ; и тамо нѣколикъ часецъ была и, возвратившися, паки вбѣжала въ его уста. Егда же бысть то, по томъ Гвидонъ пробудился и реклъ: «Друже милый, дивен ми теперь сонъ видѣлся. Видѣх бо, кабы из мене бѣлая ластовица избѣжала и на сию гору вбѣжала и паки во уста моя вбѣжала». Реклъ ему Тирусъ: «Яко же ты чрез сон видѣл еси, а я таяжде на явѣ видѣхъ сие, еже тако бысть. Але что та ластовица на той горѣ чинила, того не вѣмъ». Реклъ ему Гвидонъ: «Пойдемъ на гору, ибо тамо нѣчто обрящемъ себѣ на ползу».

И взыдоша на гору и обрѣтоша змиа здохла, а брюхо его полно злата съ мечемъ, приправленымъ[9] добрѣ; а на томъ мечи было написано сие: «Сим мечемъ рыцарь Гвидонъ побѣдитъ недруга Тирова». Обрѣтши тогды Гвидон того

---

[1] воин, рыцарь (польск. walecznik); [2] оговорил (польск. oskarżył); [3] достоинство. сан; [4] слово избыточно, в польск. нет; [5] покинут (в польск. opuszczony); [6—6] в лат. нет, добавление польск. переводчика, которое внесло синтаксическую несогласованность; [7] сопоставительный союз «а»; [8] ласка; [9] отделанным, украшенным (польск. wyprawionym).

смока[1], велми ся веселилъ и реклъ Тирови: «Друже милый, сие все сокровище даю тебѣ, развѣ мечь сей возму себѣ». Реклъ ему Тирусъ: «Пане, не заслужилъ есмь толико тебѣ, чесо бы ради далъ мнѣ таковый даръ». Реклъ ему Гвидонъ: «Поднеси очи свои и узриши мя, яко азъ есмь Гвидон, другъ твой».

Услышавши то Тирусъ, смотрилъ на него прилѣжно и познал его. И съ радостию великою палъ взнакъ[2] на землю и плакалъ, глаголя: «Уже [3]не брегу, чтобы умерлъ[3], коли тебе обрѣлъ[4]». Реклъ ему Гвидон: «Востани скоро, ибо имаши уже веселитися съ моего пришествия, нежели плакать, а я буду битись за тебя съ твоимъ недругомъ, потомъ оба поѣдемъ до Англии. А паче же всего блюди, да не повѣси того никомуже, кто есмь азъ». И востав, Тирусъ объялъ шею его и цѣловав ея.

Потомъ Тирусъ шелъ до своего дому со онымъ златомъ, а Гвидон шелъ на палацъ королевской и колотилъ у дверей, да пустятъ его. Услышавши то, воротникъ вопросилъ его, глаголя: «Кто еси ты?» Отповѣдалъ Гвидонъ: «Азъ есмь пелгримъ, которой недавно пришолъ со Святой земли». Услышавши то, воротникъ абие впусти его и привелъ его пред короля. А в то время сидѣлъ тамъ подле короля тотъ то окрутникъ[5], которой отъялъ честь и богатство от Тируса.

И начатъ король вопрошати Гвидона, глаголя: «Гостю милый, мирно ли на Святой земли?» Отповѣдал Гвидонъ: «Королю милый, нынѣ на Святой земли миръ есть и великий покой, и множество людей во христианскую вѣру обращаются». Реклъ ему король: «Видалъ ли еси тамъ того рыцаря из аглинской земли именемъ Гвидона, которой тамо велико богатырство имѣетъ?» Реклъ Гвидонъ: «Многажды видал есмь его и ѣдалъ с нимъ». Реклъ ему король: «Бывала ли там такова розмова о королѣх христианскихъ?» Отповѣдалъ Гвидонъ: «Пане можный, бывала и о твоей милости, что срацыни и иные поганцы одержали королевство твое много лѣтъ, а през[6] Тируса, [7]шляхты и добраго рыцаря[7], были побѣждены и из земли выгнаны. Его же твоя милость отлучилъ от себе, и от чести, и от имѣния, а то през неправедное оклеветание нѣкоторого рыцаря именемъ Плебеуша. Сие также слышитъ во Святой земли».

Услышавши то, Плебеушъ реклъ ему: «Лживый пелгриме, [8]какие ты мачества повѣдаешь[8]! Хощеши ли его оборонити, чтобы я против тебе воевалъ и твою ложь, а его измѣну на тебѣ указалъ? Ибо Тирусъ короля нашего хотѣлъ съ королевства изгнати». Услышавши то, Гвидон реклъ королю: «Пане милый, коли уже тотъ то называетъ меня лживым пелгримомъ, а Тируса рыцаря зрайцой[9], поволь, твоя милость, чтобы съ нимъ о ту правду въ шранкахъ[10] бился, да тамъ покажу свою ложь на моемъ тѣлѣ». Реклъ ему король: «Буди по воли

[1] на полях глосса: змиа; [2] навзничь; [3—3] не беспокоюсь о том, не умер ли; [4] на полях глосса: узрѣлъ; [5] злодей (польск. okrutnik); [6] через, благодаря (польск przez); [7—7] в польск.: szlachetnego i walecznego rycerza — благородного и храброго рыцаря; [8—8] какую ложь ты говоришь (польск. matactwo — ложь, обман); [9] изменником (польск. zdrajcą); [10] на ристалище (польск. w szrankach).

твоей, и хочю, чтобы ты от тое мысли не престалъ». Реклъ Гвидонъ пану: «Вели мнѣ дать збрую[1]». Реклъ ему король: «Что тебѣ потребно, то все тебѣ дадутъ».

Тогды король уставилъ день битвѣ межъ ими. И боящися король, чтобы Гвидонъ в то время каким [2]заводомъ лстивымъ[2] не былъ убитъ, призвалъ дщерь свою и реклъ ей: «Дщи милая, какъ любишь животъ свой, тако соблюди сего пелгрима». Тогды королевна взяла пелгрима до своихъ хоромъ ко своей челяди.

Потомъ, какъ пришло время битвы, тогды Плебеушъ, убравшися рано въ збрую, сталъ у воротъ и почалъ кричать: «Гдѣ есть тотъ лживой пелгримъ, чему долго мешкаетъ?» Услышавши то, Гвидонъ убрался[3]. И выѣхали оба на палацъ[4], по два краты ударили въ себе такъ тяжко, что Плебеушъ одва не умеръ, кабы ся не напилъ. Але вжадався, реклъ: «Остави ми, пелгриме, чтобы я воды напился». И реклъ ему Гвидонъ: «Обѣщаеши ли ся мнѣ ты такову же ласку[5] учинить, какъ мнѣ будетъ потреба, то и я тебѣ оставлю». Реклъ Плебеушъ: «Обѣщаюсь вѣрнѣ тебѣ въ томъ». И шедши, пилъ до сытости.

Потом съ великою мочью рутился[6] на Гвидона, и тако оба тяжко ся били. Потомъ Гвидонъ вжадался и реклъ Плебеушови: «Друже, ту доброту, которую я тебѣ показалъ, уже ми тако же отдай, яко велми жаден[7] есмь». Але онъ реклъ ему: «Обѣщаю ти ся, что не будеши пить, [8]развѣ въ мочной руцѣ[8]». Услышавши то, Гвидонъ боронился, елико могъ, и, приближився къ водѣ, вскочилъ въ воду и напился, елико хотѣлъ. Потомъ вышедши из воды, рутился на Плебеуша, яко левъ, а Плебеушъ начатъ утѣкать. Видячи то, король велѣлъ ихъ розвесть, а въ ту ночь въ покою быть, и чтобы на утро готовы были къ битвѣ.

Тогды Гвидонъ шелъ паки на палацу къ королевнѣ. А королевна весела была съ его крѣпости и раны его завязала. А какъ было по вечери, положился Гвидонъ спати и от великихъ трудовъ почалъ крѣпко[9] спати. А въ то время, имѣя Плебеушъ седмь сыновъ своихъ силныхъ, призвавши ихъ, реклъ имъ: «Сынове милые, повѣдаю вамъ, естьли не будет забит тотъ то пелгримъ сее ночи, то на утро азъ имамъ убитъ быти от него, ибо силнѣе того человѣка никогда не видалъ». Рекли ему сынове: «Отче, сее же ночи будетъ он забит».

И какъ было въ полунощие и всѣ спали, взошли на палацъ оной кролевны, которой палацъ созданъ былъ надъ морем, такъ что вода морская под него плыла. И совѣтовали меж собою, рекущи: «Забьемъ ли его на постели, тогды сами смерти не уйдемъ, але и съ постелею его ввержемъ въ море, тогды людие рекутъ, что для боязни утеклъ». И взявши Гвидона спяща, ввергоша его въ море: а спалъ.

---

[1] доспехи (польск. zbroję); [2—2] хитростью коварной; [3] снарядился; [4] искаженное польск. na plac — на площадь, здесь: на ристалище; [5] милость; [6] бросился (польск rzucił się); [7] жаждущий (воды); [8—8] только из моцной руки (польск.: jedno w mocney ręce); [9] на полях глосса: твердо.

И прилучилось, что въ ту нощь нѣкоторой рыбникъ на мори былъ. И услышавши плюсканье, увидѣлъ постелю на розсвѣтанье месяца и дивился, кричалъ великимъ голосомъ, глаголя: «Повѣждь ми, кто еси ты, да помогу ти, дондеже не утонулъ еси». Услышавши Гвидон то кричание, очутился[1] и узрѣл звѣзды на небѣ, дивился, гдѣ бы он есть; а какъ обачилъ[2], что в водѣ есть, кричалъ к рыбнику, глаголя: «О, приятелю милый, приплови ко мнѣ и дай живот утопающему и помози утрудившемуся, ибо вчера есмь бился на поли, а какъ здѣ пришелъ, того не вѣмъ». Тогды рыбникъ абие приплылъ к нему и взялъ его въ лотку свою и велъ его въ свой домъ и положилъ его на постели.

Потомъ пришли сынове Плебеушовы ко отцу своему, повѣдаючи ему, что «уже къ тому не бойся». Услышавши то Плебеушъ, велми возрадовался и, рано вставши, убрался въ збрую, шелъ на палацъ королевской и кричалъ на Гвидона, рекучи: «Изыди, пелгриме, [3]да возму помсту на тебѣ[3]!». Услышавши то, король велѣлъ дочери своей, чтобы ему повѣдала, чтобы ся готовилъ къ битвѣ. А она, шедши до его гмаху[4], не обрѣла его и почала велми плакать, рекущи: «О, несчастие, печали полно, взятъ есть мой милой пелгримъ!» И шедши, абие повѣдала отцу своему, яко не обрѣла его. Услышавши же се, король велми [5]ся засмутилъ[5]. А как уже ни постели обрѣли, дивовались. И нѣкоторые глаголаху, что утеклъ, а иные говорили, что убитъ есть. Але Плебеушъ, у воротъ стоячи, безпрестани кричалъ: «Изыди, пелгриме, къ битвѣ, ибо днесь главу твою имам привести къ королю!»

А какъ на палацу королевскомъ было пытанье о Гвидонѣ, гдѣ бы ся подѣвалъ, пришедши онъ рыбникъ до короля, реклъ: «Пане милый, не ужасайся, ибо азъ сей ночи ловилъ есмь рыбы и обрѣлъ есми пелгрима, вкинута въ море, егоже взялъ есмь в домъ свой». Услышавши то король, возрадовался велми и послалъ до него, чтобы ся готовилъ къ бою. Тогды Плебеушъ, какъ услышал то, что пелгримъ не умеръ, велми убоялся и почалъ королю бити челом о перемирье. Але король а не единой годинке[6] не далъ ему.

И выѣхавши тогды оба на поле, ударили въ себе двократы, але въ третие утялъ[7] Гвидонъ плечо Плебеушови, потомъ и главу его и принесъ ю къ королю. И видячи то, король велми возрадовался, яко Гвидонъ побѣду одержалъ. А какъ король услышалъ, что сынове Плебеушовы вкинули были его въ море, велѣлъ ихъ повѣсить.

Потомъ Гвидонъ [8]взялъ отпущение от короля[8]. И король далъ ему великия дары, и чтобы с нимъ пребывалъ, але онъ не хотѣлъ произволить. Тогды король далъ ему много злата и сребра. Гвидонъ же, взявши от короля злато, далъ

[1] очнулся (польск. ocucił się); [2] увидел (польск. obaczył); [3—3] да отомщу тебе (польск. abych z ciebie pomstę wziął); [4] польск. gmach — здание, т. е. до покоев, где спал Гвидон; [5—5] опечалился (польск. zasmucił się); [6] часочка (в польск : godzinу — часа); [7] отсек (польск. uciął); [8—8] получил у короля позволения уехать.

все то злато Тирусови, другу своему, и паки возвратилъ его къ первой королевской милости[1] и достойности. Потомъ челомъ ударилъ Гвидонъ королю, а король вопросилъ имени его, глаголя: «Рыцарю милый, повѣждь ми, како есть имя твое?» Отповѣдалъ Гвидонъ: «Азъ есмь Гвидонъ, о немже часто слыхалъ еси». Услышавши то король, объялъ шею его и обѣщалъ ему великую часть королевства дать, чтобы с нимъ пребывалъ. Але онъ не хотѣлъ произволить. И поцѣловавъ короля, отшелъ от него.

Потомъ Гвидонъ, простився съ Тирусомъ другомъ, шелъ до Англии. И пришолъ до своего замку и обрѣлъ тамо много убогихъ, сѣдящыхъ пред враты, и сѣлъ с ними[2] [3]во особѣ пелгримской[3]. А княгини, жена его, на всякъ день онымъ убогимъ давала милостыню, глаголя: «Просите Бога за пана моего Гвидона, чтобы веселие имѣла от него преже, нежели умреть, и чтобы ся во здравии возвратилъ ко мнѣ, яко давно уже поѣхалъ до Святой земли».

И прилучилось того же дни, какъ шла межъ убогыми, шелъ с нею и сынъ ея во драгомъ одѣянии, которому было седмь лѣтъ. А какъ услышалъ, что матка вспомянула Гвидона, пана своего, реклъ ей: «Намилѣйшая матко, тотъ ли то есть отецъ мой, егоже такъ часто пред убогими вспоминаешь?» Рекла ему матка: «Такъ есть, милый сыну, который въ третию нощь, егда тебе понесла, пошелъ от мене до Святыя земли, потомъ уже не видала его».

И какъ панья рядомъ межъ убогыми ходила, пришла ко Гвидону, мужу своему, и дала ему милостыню, яко же и прочымъ, але что ее мужъ — не познала. А Гвидонъ тогды наклонив главу свою, да не познаетъ его. А какъ панья шла ко онымъ убогым, а сынъ ее шелъ за нею, Гвидонъ, поднесши очи свои и видячи сына своего, которого николи не видалъ еще, не могъ ся удержати, але объявши, цѣловавъ его, глаголя: «О, намилѣйший сыну, Боже дай тобѣ ласку свою, да будеши ему милъ». Видячи то панья, что его Гвидонъ цѣловалъ, призвала его къ себѣ, чтобы тамъ не стоялъ.

Потомъ Гвидонъ шелъ къ женѣ своей, просилъ у ней мѣстечка в еѣ дворѣ, чтобы тамъ всегды пребывалъ. Видячи панья Гвидона пелгрима, мужа своего, не познала его, а для Бога и мужа своего дала ему збудовать[4] коморку. И тамо в ней многое время пребывалъ.

Потомъ, какъ уже приближился къ смерти, призвал нѣкоторого слугу и далъ ему перстень тот, поминокъ жены своей, глаголя: «Приятелю милый, иди рыхло[5] до паньи и дай ей перстень. А жадаетъ ли мене видѣти, да пришла бы без мешкания». И шедши посолъ къ панье, далъ ей перстень. А какъ панья оглядѣла перстень и познала его, закричала великим гласомъ, глаголя: «Той есть перстень пана моего!» И скоро бѣжала до оной коморки. Але первѣе, нежели пришла, Гвидонъ умерлъ. А какъ его увидѣла умерша, пала на тѣло его и закричала

[1] глосса на полях: ласкѣ; [2] на полях глосса: меж ими; [3—3] в образе пилигрима; [4] построить (польск. zbudować); [5] быстро (польск. rychło).

великим голосомъ, рекучи: «Бѣда мнѣ, уже надежда моя погибла!» И почала велми плакать, глаголя: «Куды уже милостыни мои, которые на всякъ день давала! Видѣла есми пана моего, приимающа милостыню от рукъ моихъ, а не знала его! Видѣлъ еси сына твоего пред очима твоима, обнялъ еси его и цѣловалъ еси его, а не объявился еси ни мнѣ, ни ему! Что еси то сотворилъ, о, Гвидоне, уже къ тому тебе не имам видѣти!»

Тогды съ великою честию погребоша тѣло его. А панья его была въ великой печали през многое время. Потомъ соверши [1]послѣдний животъ свой[1] въ покою.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, през того рыцаря можемъ разумѣти Бога Всемогущаго, которой чинилъ великие валки[2]: первое — въ небѣ, егда диаволовъ сверже, яко писано есть: «Бысть брань велика на небеси»,* потом на земли многажды, егда фараона съ его съ млалы[3] потопилъ въ мори;* а то все для любви дѣвичей, то есть души.

Потомъ взялъ с собою Тируса, то есть человѣка, чтобы невѣрныя поганцы, то есть грѣхи, выгналъ з королевства, то есть из тѣла, чтобы умножалъ добродѣтели. Потом Тируса, то есть Моисеа, уставилъ[4], чтобы вывелъ люди его къ пути правды.*

Потомъ Гвидонъ пришолъ со Святой земли, то есть Сынъ Божий сниде съ небесъ. А Тируса туляющагося[5], то есть весь родъ человѣческий, на пути погибели обрѣлъ, ибо которые преже пришествия его были, вси сходили во адъ. Спалъ на лонѣ нашемъ, егда наше человѣчество приялъ з живота дѣвицы Марии.

Ластка, которая вышла и на гору вбѣгла, есть то Иоаннъ и друзии пророцы, иже о его пророчествовали пришествии, которые взошли на гору, то есть на свѣтъ, проповѣдаючи слово Божие, яко же писано есть о святом Иоаннѣ: «Се азъ посылаю аггела моего, иже уготовитъ путь твой пред тобою».* Потомъ паки пришелъ ко Христу, егда рече: «Се Агнецъ Божий».*

Потом Христосъ змиа обрѣлъ издыхла, то есть Законъ Старый и скрытый [6]през образованье[6], а в немъ лежалъ скарбъ[7], то есть десять приказаниихъ Божиихъ, ихъже далъ человѣку съ мечемъ крѣпости. Тѣмъ мечемъ забитъ бысть окрутник Плебеуш, то есть Диаволъ, которой Тируса, то есть человѣка, отдалилъ от богатествъ и от чести, егда отца перваго привелъ ко преступлению.

[1—1] последние дни своей жизни; [2] войны (польск. walki); [3] вероятно, искаженное «силами» (так в др. списках); на полях глосса: колесницами, в польск.: zastępem — отрядами; [4] поставил, избрал (польск. ustawił); [5] скитающегося (польск. tułającego); [6—6] через образ, форму (польск. przez figury); [7] клад (польск. skarb).

Потомъ воевалъ крѣпцѣ на поли сего свѣта. А през единую девицу Марию облеченъ въ збрую человѣчества и вверженъ былъ въ море сего мѣста[1], идѣже рыбникъ, то есть Духъ Святый, на нь сниде и всегды с нимъ былъ. Потомъ наконецъ побѣдилъ Плебеуша, то есть Диавола, а побѣду королю, то есть Отцу Небесному, пожреся[2]. И тако до своей земли, то есть до небеси, взыде. А далъ нам перстень вѣры своея, еюже можем доити до вѣчной отчины.

Гвидонъ, как во отечество пришелъ, былъ незнаемь; такъ же и Сынъ Божий: когда воплотися въ небѣ, его родителие, то есть аггелове, яковъ былъ и о всемъ не вѣдѣли. Потомъ имамы Отца нашего цѣловать, то есть молитися ему, ибо онъ есть Отецъ нашъ. Сего ради мы наслѣдовати имамы Отцу нашему Иисусу Христу дѣлы добрыми и потомъ дойдемъ до живота вѣчнаго. Аминь.

ПРИКЛАДЪ О ВѢРНОСТИ И О ЛЮБВИ, И О ТОМ, ЧТО ПРАВДА ИЗБАВЛЯЕТЪ ОТ СМЕРТИ. ⟨ГЛАВА⟩ 13

Былъ единъ цесарь можный, а въ его государствѣ были два рыцари, един пребывалъ во Египтѣ, а другой въ Балдаху,* межи которыми послы бывали от единаго до другаго; и что дѣялося въ земли египетской, рыцарь египетский чрез послы слалъ до рыцаря въ Балдаху, и тако же и онъ до него. И такъ они межи собою любилися, не видаючись другъ с другомъ.

Тогды в нѣкоторое время, какъ рыцарь з Балдаху лежалъ на ложи своемъ, мыслилъ самъ въ себѣ, рекучи: «Тотъ то рыцарь из Египта показуетъ ми великую приязнь, а никогды его очима своима не видалъ. Поѣду я до него и оглядаю его». И наялъ[3] себѣ корабль и приѣхалъ до Египту. Услышавши то онъ его приятель, вышелъ противъ ему и с великимъ веселиемъ приялъ его въ домъ свой.

А тотъ рыцарь имѣлъ панью велми красну, которую какъ узрѣлъ рыцарь Балдашской, полюбилъ ю велми и [4]для великой милости[4] рознемогся. Видячи то, рыцарь господарь вопрошалъ его, рекучи: «Приятелю милый[5], повѣждь ми, что ти сотворися?» Реклъ ему рыцарь: «Есть едина панья въ дому семъ, которой жадаетъ сердце мое. А не буду ли я имѣти ея, умру».

Услышавши рыцарь, показалъ ему всѣ паньи, которые были въ дому его, окромѣ оной паньи. А какъ ихъ рыцарь немочной оглядалъ, реклъ ему: «[6]О тѣхъ ничтоже не брегу[6], потому что есть иная, которой здѣ не вижу, которую любитъ душа моя». Потомъ показалъ ему и ту панью, юже какъ увидѣлъ, реклъ ему: «Друже намилѣйший, та стоитъ — смерть и животъ мой сия». И реклъ ему ры-

---

[1] в польск.: świata — света; [2] пожертвовал (польск. ofiarował); [3] нанял; [4—4] от великой любви (польск. dla wielkej miłości); [5] на полях глосса: намилейший; [6—6] все те мне безразличны.

царь египетской: «Скажу тебѣ об ней, что от младыхъ лѣтъ соблюдахъ ю въ дому моемъ для того, да будетъ мнѣ жена. И взял есмь съ нею много богатства. А всяко[1] же, зане люблю тя, да не умреши, даю тебѣ ю въ жену со всѣмъ тѣмъ богатствомъ, которое я взялъ». Услышавши то онъ рыцарь, велми возрадовался и взялъ ю жену себѣ и съ великимъ богатствомъ. Потом паки ѣхалъ до Балдаху во свое отечество со женою.

И бысть не по мнозѣ времени, что тотъ рыцарь Египетской пришелъ къ великой нищетѣ, такъ что ни дому, а ни жадной[2] вещи своей не имѣлъ. И почал мыслить самъ въ себѣ, глаголя: «Жадного такова друга не имамъ, к кому имам притещи, развѣ до товарыща и налѣпшаго приятеля моего, котораго я учинилъ богатымъ. А онъ мене обозритъ[3] въ моей нищетѣ». И всѣдши въ корабль, ѣхалъ до Балдаху.

И приѣхалъ по захождении солнца до того града, въ немже живяше другъ его богатый, и мыслилъ сам въ себѣ, глаголя: «Теперь ночь есть, вниду ли въ домъ друга моего, не познаетъ мя, зане въ худомъ платьишке есмь и не имѣю съ собою жадного слушки (иногда бо множество рабов имѣлъ и всего добраго дѣла[4]); изволю обначевати здѣ, а утрѣ пойду до него». [5]И возрѣлъ на цминтарь нѣкоторой церкви[5], и увидѣл двери отворены въ церкви, и вшелъ тамъ, да бы мало уснулъ.

И какъ былъ тамъ и хотѣлъ уснуть, прилучися, что два человѣка на улицы побилися и одинъ другаго убилъ. Тогды мужеубийца убѣжалъ на тотъ цминтарь и, вбѣжавши въ костелъ, другими дверми выбѣжалъ. И бысть по граду взыскание, гдѣ бы мужеубийцу обрѣсти, которой того человѣка убилъ. И пришедши на цминтарь, вопрошаху того рыцаря, глаголюще: «По всему знать, что ты убилъ еси человѣка сего». Отповѣдалъ рыцарь: «Азъ есмь убилъ человѣка того». Они же яли[6] его и соблюдаху его чрез нощь ту въ темницѣ. И порану[7] привели его пред судию. Судия же предал его на смерть, чтобы повѣшенъ былъ.

И какъ вели его, и тутъ межу народа шелъ его товарыщь, которой приѣзжалъ къ нему во Египетъ. И познавши его, мыслилъ самъ в себѣ, рекучи: «То есть мой другъ и приятель египтянинъ, которой далъ мнѣ жену съ великимъ богатствомъ, и уже его ведутъ на смерть. А я како имам живъ быти?» И закричалъ голосомъ великимъ къ ведущымъ его, глаголя: «Не погубите сего человѣка неповиннаго, егоже ведете на смерть! Азъ есмь убивый человѣка того, а не онъ». Услышавши то они, и ухватили и его и обѣихъ ведоша на смерть.

А какъ уже блиско были шибалицы[8], видячи то онъ мужеубийца, мыслил самъ в себѣ, глаголя: «Азъ есмь повинен, а оставлю ли симъ невинным умрети, тогды Господь Бог месть надо мною сотворитъ. Сего ради лутче есть, чтобы я

---

[1] однако (польск. wszak); [2] ни одной; [3] призрит, даст приют и пропитание; [4] слово избыточно, в польск.: wszystkiego dobrzego — всего доброго; [5—5] и глянул на кладбище некоей церкви, так же в польск., в лат.: тут рыцарь глянул в сторону кладбища; [6] схватили; [7] утром; [8] виселицы (в польск. szubienice).

ту временную муку претерпѣлъ, а нежели терпѣти имѣлъ вѣчную муку во адѣ». И закричалъ такоже великимъ гласомъ, рекучи: «О, братие милая, прошу васъ, не загубите сихъ неповинныхъ! Ибо ни единъ от нихъ повиненъ есть ни дѣломъ, ни словомъ и никакимъ умысломъ сему убитому, але азъ есмь сему: убивый моима рукама человѣка сего. Мене убейте, а сихъ неповинныхъ волно пустите». Услышавши то они, такоже и его ухватили и дивишася и всѣхъ трехъ паки приведоша къ судии.

И узрѣвши то, судиа дивился и вопросилъ ихъ, глаголя: «Чего дѣля возвратистеся?» И они ему все то, что сотворилося, повѣдали. И реклъ судиа первому рыцарю: «Мужю добрый, для чего еси сказалъ на себя, что ты убилъ человѣка сего?» Отвѣщалъ ему рыцарь убогий: «Судие милый, азъ в земли моей египетской во всемъ былъ богатъ велми, потом пришел къ великой нищетѣ, такъ что ни дому а [1]ни жадной рѣчи[1] имѣлъ; и [2]для стыду[2] пришелъ есми въ землю сию, чтобы одержалъ нѣкоторое вспоможение. И того ради рекохъ, что азъ убилъ человѣка того, ибо изволихъ умрети, нежели живъ быти, и прошу тя, чтобы еси велѣлъ меня забить».

Потомъ вопросилъ другаго рыцаря, глаголя: «Приятелю милый, чему еси реклъ, что ты убилъ человѣка сего?» Отвѣщалъ ему рыцарь: «Судие милый, рыцарь тотъ то далъ мнѣ жену во Египтѣ съ великимъ богатствомъ, от негоже во всемъ стал богатъ. И какъ увидѣлъ товарыща моего и друга милого, которой меня привелъ къ такому богатству, ведома на смерть, закричалъ есми великимъ гласомъ, глаголя: „Не погубите человѣка невиннаго, азъ виновенъ есмь смерти, а не онъ", зане радъ умереть за его ко мнѣ любовь».

Потомъ вопросилъ судиа мужеубийцу: «Чего дѣля реклъ еси, что ты убил еси человѣка того?» Отвѣщалъ ему мужеубийца: «Милостивый судиа, азъ правду сказалъ, видячи то, что они неповинны имѣли бысть страцены[3], ибо тяжкий бы мнѣ былъ грѣхъ, да оставлю имъ, неповиннымъ, умрети. И того дѣля завопилъ есми, правду повѣдая, и готовъ есмь муку претерпѣть, а нежели тѣхъ невинныхъ погубить, а мнѣ мучену быть во адѣ». Реклъ ему судиа: «Про то, что еси правду сказалъ, а невинных избавилъ еси, чиню тя волна от смерти, иди в покою». И слышавши вси судъ судии, велми похвалили его, что такъ милостиво [4]далъ сказание[4], для того, что он и виноват, а правду сказал.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, той цесарь есть Богъ Отецъ Небесный. Два рыцаря суть Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Адам. Первой рыцарь есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, во Египтѣ пребывалъ по оному писанию:

[1—1] ни одной вещи (польск. ani żadnej rzeczy); [2—2] от стыда; [3] казнены (польск. stracenі); [4—4] вынес решение.

«От Египта возвахъ сына моего».* Адамъ, первый отецъ нашъ, [1]на роли дамасценстѣй[1] сотворенъ есть.* Между сими великая розность. И послы слали меж собою, егда Богъ Отецъ къ Сыну и Духу Святому реклъ: «Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобию».*

Потомъ рыцарь з Балдаху, то есть Адамъ, принесенъ до Раю, въ домъ Господа нашего Иисуса Христа. Въ томъ дому увидѣл едину панну красну, то есть душу, которую жадалъ, которую ему далъ съ великими сокровищи; и сотворилъ его княземъ сего свѣта со своею женою.

Потомъ рыцарь, то есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, сталъ зѣло убогий, по оному писанию святаго Матфеа: «Лиси ямы имутъ, птицы воздушныя[2] — гнѣзда, а Сынъ Человѣческий не имать, гдѣ главы подклонити».* Пришелъ на тот свѣтъ, на которомъ валчило[3] тѣло и душа. Христосъ вшелъ до костела, то есть во чрево благословенныя дѣвицы Марии. Единъ другаго забилъ — то есть тѣло душу. Бысть кричание на небеси и на земли для забития души, егда Адамъ согрѣшилъ. А веле[4] ихъ ищутъ его* — то есть жидове съ дрекольми и со оружиемъ. Але онъ, яко рыцарь, отвѣщалъ за грѣхъ чужий: «Оставите ихъ, азъ есмь, пустите сихъ».* И абие самъ себе *въ* жертву принеслъ за родъ человѣческий на крестѣ. През втораго рыцаря, которой для товарыща дался на смерть, можемъ разумѣти апостоли, иже имени ради Христова и для правды померли. А третияго, иже реклъ: «Азъ есмь виновенъ», можемъ разумѣть грѣшнаго человѣка, которой сущую правду на исповѣдании глаголетъ: «Аз есмь согрѣшилъ то и то», которой зло учинилъ. Сего ради аще будем тако творити без сумнѣния, Судиа праведный въ День Судный *удалит* гнѣвъ свой от насъ. И тако наслѣдуемъ животъ вѣчный. Аминь.

ПРИКЛАДЪ О ВЕЛИКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ БОЖИЕЙ И ЯКО СУДБЫ[5] ЕГО СКРЫТЫ СУТЬ. ⟨ГЛАВА⟩ 14

Былъ нѣкоторой рыцарь лютой, которой [6]чрез великое время[6] имѣлъ у себя нѣкоторого слугу вѣрного, во всемъ осторожного. И прилучись въ нѣкоторой день, как онъ ѣхалъ съ тѣмъ слугою на ярманку, и, ѣдучи чрез лѣсы, посредѣ его погубилъ[7] тридесять гривенъ сребра. А какъ ихъ не могъ обрѣсти, вопросилъ своего слуги: «Не нашелъ ли ихъ ты еси?» Слуга же абие отперся и съ клятвою реклъ, что «о нихъ не вѣмъ ничего», зане правду сказалъ ему. И какъ ихъ рыцарь не сыскалъ, абие утялъ[8] ногу своему слугѣ и оставилъ его там въ лѣсу, а самъ ѣхалъ до дому.

[1—1] на земле Дамаска (польск.: na roli damasceńskiej, лат : in agro Damasceno); [2] небесные; [3] сражалось (польск. walczyło); [4] много; [5] суды, воля, провидение (Божие); [6—6] долгое время, [7] потерял; [8] отсек (польск. ucął).

И был недалече от дороги оттуду нѣкоторой пустынникъ, которой, какъ услышал плачь и кричание оного слуги, бѣжал къ нему и выслухалъ его исповѣди. Тогды, какъ узналъ, что онъ невиненъ былъ, неслъ его въ свой домъ на рамѣхъ своихъ и служилъ ему съ милосердиемъ.

Потомъ онъ пустынник вшелъ на мѣсто, идѣже обычай имѣл молитися, и началъ [1]Господу Богу пригонять[1], яко нѣсть праведенъ судиа, что тому справедливому а невинному человѣку допустилъ стратить ногу свою. Егда же молился и плакалъ, яко бы съ Господемъ Богомъ уругаючи о лживой судъ, и пришелъ къ нему аггелъ и реклъ ему: «Читалъ ли еси оно писмо: „Богъ есть праведенъ судиа, крѣпокъ и долготерпѣливъ"?»* Отвѣщалъ ему пустынникъ, глаголя: «Часто читалъ есми сие и вѣрил есмь всѣмъ сердцемъ, яко тако имать быти сие, але днесь уже соблудихъ[2], ибо или[3] тотъ человѣкъ, которой ногу стратилъ, лестию и неправо исповѣдался мнѣ и тако мене въ неправомъ исповѣдании здрадилъ[4]».

Реклъ ему аггелъ: «Не глаголи злѣ противъ Господу Богу, ибо вси путие его истинна и судбы его праведны. Вспомни такоже, читалъ еси и сие писмо: „Судбы Божия — бездна многа".* Вѣждь, яко тотъ человѣкъ стратилъ ногу за старой грѣхъ, ибо тою ногою в нѣкоторое время сопхнулъ человѣка добраго съ возу, за которой грѣхъ никогды вѣрнѣ не каялся. Рыцарь же, паки[5] панъ его, хотѣлъ накупить товару для болшого богатства къ погибели души своей. И сего ради праведнымъ судомъ Божиимъ стратилъ оны пѣнязи. А нѣкоторой человѣкъ убогой вѣрной[6] со женою своею и дѣтми своими всегды Богу молился, чтобы его призрѣлъ [7]въ его потребныхъ[7], — тотъ обрѣлъ тѣ пѣнязи и далъ ихъ своему духовнику шабровать[8]. Онъ же вездѣ [9]пыталъ правдивѣ[9] и не могъ того обрѣсти, чь*и* то пѣнязи были. Сего ради тому убогому часть далъ, а другую убогим для Бога роздалъ. И сего дѣля положи хранение устомъ своимъ и не уругай Господа Бога, яко же нынѣ сотворилъ еси, ибо Судиа праведенъ есть, крѣпокъ, долготерпѣливъ».

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, рыцарь тот можетъ быти всякъ добрый преложоный[10], которой имать облещися во оружие Божие, чтобы былъ мощенъ стати противъ кознемъ диавольскимъ. Слуга вѣрный есть послушный и подданный пралатови[11] во всемъ. Пралатъ тотъ иматъ[12] скарбъ, то есть душу, стрещи[13], юже

[1—1] Господа Бога упрекать; [2] согрешил, отступил от Бога (польск. zbłądził); [3] возможно; [4] обманул (польск. zdradził); [5] слово вставлено ошибочно, в польск. нет; [6] православный; [7—7] в его нужде; [8] из польск. szabrować — мародерствовать; искаженное польск. szafować (так в С.) — распоряжаться; в Б.: zachować — спрятать; [9—9] расспрашивал честно; [10] польск. przełożony — высокопоставленное лицо (здесь — церкви), прелат (лат. praelatus — предпочтенный, поставленный над кем-либо); [11] прелату; [12] может; [13] стеречь.

тратит[1] многажды своимъ небрежениемъ; дондеже живъ есть, имать искати спасения души. А не будетъ ли мочь найти, то имать утять правую ногу своего подданнаго, сирѣчь имать карать непослушнаго, имать его отсѣщи от церкве, дондеже познается самъ.

Потом слуга, какъ стратитъ ногу, почнетъ кричать; такоже и грѣшный человѣкъ през исповѣдь имат вопить, яко же глаголетъ пророкъ: «Возопий и не престай и яко трубу вознеси гласъ свой».* На которое вопление пустынник, то есть мудрый исповѣдникъ, имать его нести [2]на раму свою[2], научая его и наказуя, покаяния уставляя и водя до церкве през милосердия учинки. И имат молитися за него Господу Богу, не браня ему, чтобы его Господь Богъ, обративши[3], стреглъ[4] — которой нѣкогды ногою, то есть похотию злою, ударилъ и образилъ[5] матку свою, то есть святую церковь, когды таковой человѣкъ преступал Божие приказанье.

Аггелъ, которой научалъ пустынника, то есть чистая совѣсть и необлудная[6] всякаго пралата *и*[7] исповѣдник*а*, которой ю вяжет и ведетъ, чтобы скоро выходили на кричание грѣшнаго и вели его до дому Божия. Убогой же, которой пѣнязи нашолъ, есть то Христосъ (которой всегды душу сохраняетъ, чтобы не упали до ада, а[8] грѣшный человѣкъ покаяниемъ востанетъ и душу чисту себѣ возметъ), ибо без него никакова добра дѣла не можемъ сотворити.

И сего ради ты, грѣшный человѣче, положи хранение устомъ своимъ, чтобы николи не шемралъ[9] противъ Господа Бога, ибо онъ есть праведный судиа; тѣмже не шемрай противъ ему, глаголя: «Почто мя сотворилъ, а потомъ оставилъ мя еси пасти?»

Или тотъ рыцарь можетъ реченъ быти первой нашъ отецъ Адамъ, емуже далъ Господь Богъ неизреченная благая, зане поставил его владыку всѣмъ сотворенным[10]. Слуга вѣрный есть разумъ, которой владѣл в немъ толико долго, елико онъ въ чистотѣ пребывалъ. Сокровище же есть Рай (которой ему и наслѣдником его поручилъ Богъ), которой [11]имѣлъ в моцы[11]. Але Адамъ, хотячи паче того быть (егда восхотѣлъ, чтобы былъ другимъ Богомъ), абие сокровище погубилъ, которое имѣлъ. И тогды правую ногу слузѣ утялъ, ибо прелстился Евою, то есть през мысльность[12], а не през разумъ взгардилъ[13] приказание Божие. Але масла милости просилъ, кричачи въ падоле[14] сего свѣта, егда потомъ работою своею хлѣба и поживенья[15] набывалъ. Егоже нужу видячи, Сынъ Божий сниде съ небесе и искупи его своею честною кровию и ввелъ его въ домъ Бо-

---

[1] теряет (польск. traci); [2—2] на плече своем; [3] обратив (в христианскую веру); [4] стерег (польск. stregł); [5] обидел (польск. obraził); [6] нелицемерная (польск. nie obludne); [7] вставлено по польскому тексту; [8] в польск.: aż — до тех пор, как; [9] не роптал (польск. nie szemrał); [10] глосса на полях: всему сотворению; [11—11] имел в своей власти (польск. miał w mocy); [12] помыслы, желания (в польск.: smyślność, в лат.: sensualitas — чувственность); [13] презрел, пренебрег (польск. wzgardził); [14] в юдоли, в долине (польск. w padole); [15] пропитанья (польск. pozywienia).

жий, какъ Ада побѣдилъ. И онъ грѣхи наша носилъ на тѣлѣ своемъ, егда для насъ, нужныхъ и грѣшныхъ, умерлъ. Убогой, которой нашолъ скарбъ, есть Христосъ, иже [1]одержалъ Рай[1] не *себе* дѣля, але для всѣхъ любящыхъ его. Пустынник молился Богу, такоже Христосъ во время страсти своея по человѣчеству началъ боятися, егда рече: «Аще возможно есть, да мимо идетъ от мене чаша сия».* И егда молился Богу за весь родъ человѣчь, и къ нему пришелъ аггелъ Божий и укрѣпилъ его.

ПРИКЛАДЪ [2]О ПОЖИТКУ И ОПАТРНОСТИ[2] ВО ВСѢХЪ ВЕЩЕХЪ[3]. ⟨ГЛАВА⟩ 15

Король нѣкоторой былъ велми силенъ, которой имѣлъ единаго сына, егоже велми любилъ. Тотъ король велѣлъ учинить едино яблоко велми дорого из золота. И какъ то яблоко было здѣлано, рознемогся король велми на смерть. И призвалъ сына своего и реклъ ему: «Намилѣйший сыну, не буду ли я вылечится из сея болѣзни, приказую тебѣ [4]под послушествомъ и доброречением[4] моимъ, чтобы еси по моей смерти шол по королевствомъ и замкомъ, взявши с собою сие яблоко златое, и кого наипаче всѣхъ обрящеши шаленого[5], тому от мене дай сие яблоко». Услышавши сынъ волю отцовску, обѣщался то вѣрне выполнить. Тогды, обратився к стѣнѣ, умерлъ; сынъ же его погребъ съ великою честию.

Потомъ по погребении абие взял то яблоко златое и шелъ по различныхъ королевствахъ и замкахъ. И много безумныхъ дураковъ видялъ и всяко[6] же ни единому того яблока не отдалъ. Потомъ пришелъ в нѣкоторое королевство и вшелъ во градъ наивышший того королевства и увидѣлъ короля, по граду идуща коштовнѣ[7] и с великою славою. И началъ вопрошать от нѣкоторыхъ мещанъ обычаю того королевства. А они ему отвѣщали, рекучи: «Обычай сего государства таковъ есть, что у нас король болши единаго году не сѣдитъ на королевствѣ, развѣ[8] единъ годъ; а какъ годъ минетъ, отнимают у него честь и богатство и изгоняютъ его из земли; и тамъ злою смертию умрет».

Услышавши то, он сынъ королевской мыслилъ въ себѣ, глаголя: «Уже обрѣтохъ, егоже давно искахъ». И приступивши къ королю, поздравствовалъ его, глаголя: «Здравъ буди, велеможный королю! Король, отецъ мой, коли умиралъ, тогды сие яблоко при тестаментѣ[9] велѣлъ отдать тебѣ». Тогды онъ король, взявши яблоко, реклъ ему: «Приятелю милый, како можетъ быти сие? Ибо король, отецъ твой, мене николи не видалъ и не зналъ, ниже я твоему отцу коли

[1—1] унаследовал, получил рай (польск. odzierżał raj); [2—2] в польск.: o pożytku opatrzności — о пользе предусмотрительности; [3] польск. rzeczach — здесь: делах; [4—4] под послушанием и благословением (польск. pod posłuszeństwem i dobrorzeczeństwem, в лат.: sub benedictione mea); [5] шального, безумного; [6] однако (польск. wszak); [7] в великолепии (польск. kosztownie); [8] только; [9] в завещании (польск. przy testamencie); на полях глосса: завещал.

добро сотворихъ; и за что онъ далъ мнѣ таковый даръ?» Реклъ ему королевичь: «Пане, король, отецъ мой, н*е* мнѣ и тобѣ, яко[1] иному, то яблоко отдалъ, которой мнѣ под своимъ доброреченствомъ[2] приказалъ, чтобы я то яблоко на*и*шеленшему далъ, егоже бы обрѣлъ. И азъ прошол много королевствъ и замковъ, а не обрѣлъ есмь шалнѣе тебя. Сего ради по завѣщанию отца моего далъ есмь твоей милости яблоко сие».

Реклъ ему король: «Повѣждь ми, почто мя так называешь шалнымъ глупымъ[3]?» Отповѣдалъ королевичь: «Про то, что обычай есть сего королевства: королю единъ годъ толко королевствовать, а потомъ отнимаютъ ему честь и богатство и изгоняютъ его прочь из земли, идѣже потомъ бѣднѣ погибаетъ. Правду глаголю тебѣ, что во всемъ свѣтѣ не имамъ шалнѣе, яко же ты, что такъ немногое время имаши королевствовать, а потомъ такъ нужно[4] живота докончаешь». Тогды реклъ ему король: «Овсемъ[5], правда то есть. И сего дѣля, покамѣстъ еще имамъ власть въ королевствѣ, пошлю великия сокровища преже мене [6]въ заточение, во изгнание[6]. И какъ буду изгнанъ, тогды имамъ готово поживение, дондеже буду живъ». И сотворилъ такъ.

Потомъ, какъ преминулъ рокъ[7], взяли у него все королевство и изгнали его вонъ. Тогды онъ король, будучи во изгнании, поживалъ высланаго добра чрез многия лѣта. Потомъ в покою скончалъ животъ свой.

Выкладъ обычайный

Братие возлюбленная, тотъ король есть Господь Богъ, которой отдалъ яблоко буимъ. Яблокомъ круглым разумѣемъ сей свѣтъ, которой Богъ даетъ шалнымъ, которые наипаче любятъ сей свѣтъ, и что на свѣтѣ есть, держатся того паче Бога. Король, которой единъ токмо годъ королюетъ, можетъ речен быти всяк человѣкъ, которой, на семъ свѣтѣ будучи, хотя бы 100 лѣтъ живъ былъ, а всяко[8] то есть яко единъ часъ противъ вѣчному животу. Обаче[9] же не престанетъ бѣдный человѣкъ во дни и в нощи працовать[10], которой по смерти будетъ данъ на вызгнание, сирѣчь до ада. И аще умрет во грѣсѣ смертномъ, то обрящетъ много зла.

Сего ради сотворимъ, яко же онъ король учинилъ: дондеже власть имамы на семъ свѣтѣ, пошлемъ пред собою добрыя дѣла, милостыню многу, а при ней молитвы набожные, чтобы мы по житии семъ пришли до раю, идѣже обрящемъ наши дѣла со мздовоздаяниемъ, ихъже сотворихомъ на свѣтѣ семъ. И тако будем царьствовати во славѣ вѣчнѣй.

---

[1] как и; [2] благословением; [3] внесенный в текст перевод полонизма «шаленый»; [4] в нужде, в бедности; [5] да, действительно (в Б.: owszem, в С.: owszejki); [6—6] в польск. na wygnanie — в изгнание, в ссылку; [7] год; [8] однако (польск. wszak); [9] однако; [10] работать (польск. pracować).

ПРИКЛАДЪ, ЧТО ВСЯКОЙ ПАСТЫРЬ ИМАТ ИМѢТИ ПОПЕЧЕНИЕ О СВОИХЪ ОВЦАХЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 16

Злодѣй нѣкоторой вшелъ былъ въ домъ нѣкоторого богатаго. Въ нощи же взлѣзъ на дахъ[1], смотрилъ дирою, естьли бы которой челядникъ оного богатаго еще не спитъ. Обачивши[2] то, господинъ дому того рекъ тихо къ женѣ своей: «Вопрошай мене въслухъ, какъ я нажилъ богатства много, которое имѣю, и не престай мене вопрошати, дондеже скажу тебѣ».

Тогды жена его начатъ вопрошати вслух, глаголя: «Пане милый, повѣждь ми, как ты нажилъ толико богатства, а никогды ты не купчешь[3]?» Отповѣдалъ ей господарь: «Глупая жено, что мене вопрошаеши о семъ?» А она наипаче не престала его вопрошати. Тогды мужъ, яко бы принужденъ ея прошением, реклъ ей: «Прошу тя, да не повѣдай того никому, что я тебѣ буду повѣдать». Она же рекла ему: «Пане мой, никакими мѣрами о томъ никому не повѣмъ». Потомъ реклъ ей мужъ: «Былъ есмь азъ тать[4]». И рекла ему жена: «Дивлюся тому, что когды еси747 кралъ, какъ тебя не поимали?» Отповѣдалъ ей мужъ, рекучи: «Мастеръ мой научилъ меня нѣкоторого слова, которое есми седмькраты глаголалъ, преже даже не взлѣзу под дахи людския. И рекши то слово, спущался есми въ домъ по стѣни[5] мѣсячной[6] кромѣ уразу[7]». Рекла ему жена: «Повѣждь ми то слово, котораго силою то творилъ еси кромѣ уразу». Реклъ ей: «Тебѣ повѣмъ, але прошу тя, да не повѣси того никому иному, чтобы такъ потомъ нашего брата не покрали». Рекла жена: «Воистину никому не повѣмъ того». Тогды мужъ реклъ ей: «Здрадливый[8], здрадливый, здрадливый». А тать, то услышавши, радовался.

Тогды, какъ жена уснула, а господарь такоже почалъ храпѣть, яко бы спалъ, вырекши так седмькраты оно слово и ялся за стѣнь месяца руками и ногами, впалъ окномъ въ домъ и учинилъ великъ звукъ, сломивши себѣ ногу и рамо[9]. И лежалъ наполы[10] мертвъ на земли. И услышавши то, господарь, яко бы не вѣдалъ, что упалъ, воставши, вопросилъ его, глаголя: «Чему еси здѣ спустился?» Отповѣдалъ ему тать: «Слова здрадливые прелстили мя». Тогды господарь велѣлъ его яти[11] и на утрѣе рано велѣлъ его яко злодѣя погубити.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, злодѣй тот есть Диаволъ, которой злыми помыслы на дахъ восходитъ сердца твоего и диру чинитъ чрез злое прирожение[12]. Мужъ со женою есть преложоный[13], пошлюбенъ[14] церкви святой, емуже Диаволъ всею

[1] на крышу (польск. na dach); [2] увидевши; [3] не торгуешь (в польск.: nie kupcził); [4] вор; [5] по тени; [6] месяца; [7] без травмы, не разбившись; [8] лукавый, обманный (польск. zdradliwy); [9] плечо; [10] наполовину; [11] схватить, лишить свободы; [12] природу, натуру (польск. przyrodzenie); [13] высокопоставленное лицо (здесь — церкви, прелат) (польск. przełożony); [14] в польск.: poślubiony — посвященный.

силою хочетъ през его грѣхъ добро покрасть, то есть цноты[1], которые на святомъ крещении взялъ. Але добрый преложоный, пошлюбеный святой церкви, имат всегды бдѣти, чтобы не допущалъ татю душевному диръ чинить въ дому, по словеси Христову: бдите, ибо не вѣсте, *въ* который часъ тать приидетъ.* И паки[2]: [3]вражда его межи собою и меж женою, то есть церковью, ему опатрить[3], как бы Диаволу имѣлъ противитися, чтобы отпалъ от его тѣла, [4]жаднымъ обычаемъ[4] бы ему не зашкодилъ[5].

Или чрез того татя может ся разумѣти Люциферъ ясный, которой хотѣлъ быти равенъ Богу и привлачил[6] себѣ хвалу и достойность Божию, по оному писму Исаии пророка: «Взыду на небо и тамо тако же поставлю престолъ свой на полунощи и буду равенъ Вышнему».* Потомъ ступилъ чрез стѣнь, то есть чрез свою пенкность[7], и упалъ до пекла и поломалъ голени,* то есть свою красоту и пенкность, которую ему Богъ дал былъ, и повѣшенъ есть на шибалицы[8] адстѣй.

ПРИКЛАДЪ О СТРАШНОМЪ ПОСЛѢДНѢМ СУДѢ ВСѢМЪ ГРЪШНЫМЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 17

Былъ нѣкоторой король велеможный, которой уставилъ былъ въ своемъ королевствѣ такову уставу: что кто бы вскорѣ имѣлъ умереть, чтобы рано пред восходомъ солнца пред его домомъ вострубити; и таковый абие облачится въ черное одѣяние и зайдетъ на судъ.

Тогды король учинилъ великой пиръ и всѣхъ пановъ и рыцаревъ своего королевства на пиръ созвалъ; и приидоша вси. И на томъ пиру было доволно гудцовъ и писковъ[9] сладкихъ, которые великое веселие чинили пирующым своею милою гудбою и трублениемъ. А всяко[10] же король не указывалъ[11] никакого веселия пирующымъ а ни знамения, але [12]смутно обличие[12] имѣлъ и воздыхалъ. Видячи то, пиряне дивовалися, а не смѣли вопросити его причины смутку его, але рекли брату королевскому, чтобы довѣдался причины печали его. И приступивши братъ къ королю, реклъ ему: «Велеможный королю, вси пирующии дивятся таковому смутку[13] твоему, а ради бы, чтобы причину ту вѣдали». Реклъ ему король: «Иди до дому своего, а утрѣ услышиши отвѣты». И бысть тако. Тогды король велѣлъ трубачемъ, чтобы на утро шли къ дому брата его и трубили и привели бы его по уложенью.

---

[1] добродетели (польск. cnoty); [2] еще; [3—3] в польск.: złości jego między sobą a między żoną, to jest kościołem, ma opatrzyć... — вражда его между ним и женою, то есть церковью, может его наставить...; [4—4] никоим образом; [5] не повредил (польск. nie zaszkodził); [6] присвоил (в польск.: chciał... przywłaszczyć — хотел присвоить); [7] красоту (польск. piękność); [8] виселице (польск. szubienicy); [9] музыкантов, играющих на свирелях, дудках и т. п. (польск. piszczków); [10] однако (польск. wszak); [11] выказывал; [12—12] печальный вид; [13] печали (польск. smutku).

Тогды трубачи на утро шли и такъ учинили. Услышавши то брат королевской раннее трубление пред домом своимъ, велми убоялся и, воставъ, облекся во одѣяние черное и пришел до короля. Потомъ король велѣлъ выкопать глубокой долъ, а над ямою тою поставить столецъ на четырехъ ногахъ велми утлыхъ. И велѣлъ совлещи одѣяние съ брата своего и посадить его на ономъ столцу. А какъ былъ посаженъ на столецъ, велѣлъ увязать мечь острый над главою его на тонкой нити. Потомъ велѣлъ стати четырем слугамъ съ четырми мечми: единому пред нимъ, а другому за нимъ, а двѣма со сторонъ. И какъ такъ стали, реклъ имъ король: «Приказую вамъ [1]под страценьемъ главы[1], чтобы, яко скоро велю вамъ, тогды койждо мечь свой въ него вонзите». И велѣлъ пред нимъ пискать, бубнать и розные потѣхи чинить и ѣствы различные предъ него ставить[2].

И реклъ ему: «Брате мой милый, чего ради такъ велми печаленъ еси? Се имаши пред собою сладкие брашна[3], се и веселие велико — чесо дѣля не веселишися?» Отвѣщалъ ему братъ: «Како могу быти веселъ, коли уже на знамя слышалъ есми днесь пред домомъ моимъ трубление? А теперь сѣжу на утломъ велми столцу, а двигну ли ся самъ небережно — сломится столецъ въ яму, а я упасти имамъ въ долъ, из негоже не востану. А поднесу ли главу мою — тогды острой мечь пресечет главу мою. Слуги четыре около мене стоятъ съ нагими мечи, иже готови суть пробости[4] мя [5]на мнѣйшее слово твое[5]. А хотя бы я был государем всего свѣта, не могъ бы быть веселъ».

И реклъ ему король: «Уже ты на вчерашнее вопрошение твое отповѣдалъ, чего для и я такъ же вчера веселъ не былъ. Азъ бо, яко же и ты, посаженъ есми на столцѣ велми утлом, ибо во плоти, крови, *с* четырми ногами велми тонкими, то есть сложенъ от четырехъ составъ;* подо мною есть долъ адский, надо мною есть мечь острый, то есть смерть, которая никому спуститъ и — когды не чаю — приидетъ, развѣ того не вѣмъ, како, и гдѣ, и когда. За мною есть другий мечь, готовъ къ моему посѣчению, то есть грѣхи мои, которых сотворилъ есми на свѣтѣ сем, которые мене оскарежаютъ[6] пред величествомъ Божиимъ. Мечь съ правой страны — есть Диаволъ, которой окружаетъ, яко левъ, ища, кого бы поглотилъ, иже всегда готовъ есть душу мою взяти во адъ. Мечь съ лѣвой страны — черви суть, которые тѣло мое по смерти имут ясти. Тѣмже, возлюбленный мой брате, егда вся сия воспомяну, тогды весел быть никакоже могу. Аще ты днесь мене убоялся, человѣка смертнаго, [7]далеко наипаче[7] имамъ азъ боятися творца моего, избавителя, Господа нашего Иисуса Христа. Тѣмже, милый брате, уже иди а не вопрошай к тому таковыхъ причинъ от мене».

[1—1] под угрозой смерти, лишения головы (польск. pod straceniem głowy); [2] на полях глосса: носить; [3] яства; [4] пронзить; [5—5] по первому слову твоему; [6] обвиняют (польск. oskarżają); [7—7] гораздо больше (в польск.: daleko więcej).

Тогды онъ восталъ и королю, брату своему, ударилъ челомъ. «Обѣщаюся, — рече, — житие свое полѣпшить[1]». И вси, которые тутъ были, услышавши сий отвѣтъ, велми похвалиша его.

Сей повѣсти выкладу нѣтъ.

ПРИКЛАДЪ О ДВОЮ ЛЕКАРЕХЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 18

Были въ нѣкоторомъ градѣ два лекари, свидѣтелствованы въ науцѣ дохтурской, которые всякаго уздоровляли от болѣзни приходящаго к ним, тако яко[2] не вѣдали людие, которой бы из нихъ гораздѣе былъ.

И в нѣкое время было межъ ими спирание[3], которой бы из нихъ гораздѣе былъ. Реклъ единъ другому: «Приятелю милый, да не будетъ межъ нами пря[4] о томъ, что которой лѣпше от насъ, але едину рѣчь[5] сотворимъ. А которой бы из нас того не можетъ сотворить, тот да будетъ рабъ другому». Реклъ ему другий: «Повѣждь ми, что есть то, еже имамы творити?» Реклъ ему первой: «Азъ очи твои выму из головы без болѣзни и положу ихъ на столъ, а паки будешь ихъ жадать, вложу ихъ паки во главу твою кромѣ болѣзни. А учинишь ли ты такъ же, то будемъ межъ собою равны и един другаго будемъ почитать, яко брата своего. А не можетъ ли которой из насъ того сотворити, тотъ да будетъ другому рабъ». Реклъ другой лекарь: «И мнѣ то любо».

Тогды онъ лекарь, которой то выдалъ, взялъ свои снасти[6], помазалъ единою мастию коштовною[7] и внутрь и извну очей другаго онаго лекаря и [8]оною примвою[8] вынялъ оба глаза его и положилъ ихъ на столѣ. И реклъ ему: «Друже, что видиши?» А он ему реклъ: «Что имамъ видѣти, коли уже очей не имамъ во главѣ? И яко же ми еси обѣщалъ, вправь мнѣ очи мои». И онъ ему реклъ: «Радъ есми абие сотворити то». И взялъ ону масть и помазалъ очи извнутрь и извну и вложилъ паки очи на мѣсто свое. И рекъ ему: «Какъ тебѣ ся видитъ мастерство мое?» Отвѣщалъ ему: «Добрѣ, ибо какъ вынималъ еси очи мои, не слышахъ никакия болѣзни». Реклъ ему лекарь: «Сотвори мнѣ и ты тако же». Реклъ ему другий: «Сотворю».

И взявши свои приправы и масти, помазалъ извнутрь и извну, яко же и он творил. Потомъ вынялъ очи его и положилъ ихъ на столѣ. И реклъ ему: «Како ся тебѣ мнитъ?» Отповѣдалъ первой: «Видит ми ся, что погубилъ есми очи свои, а всяко[9] не чюлъ есми никакие болести. Але радъ есми, да паки вправиши очи мои». И какъ он лекарь направлялъ свои приправы, чтобы паки очи вправилъ

---

[1] улучшить (польск. polepszyć); [2] что; [3] спор (польск. spieranie); [4] спор; [5] вещь, дело (польск. rzecz); [6] приспособления, инструменты; [7] дорогóю (польск. kosztowną); [8—8] в польск.: oną przyprawą — теми приспособлениями, инструментами; [9] однако (польск. wszak).

ему, было тамъ окно отворено. И влетѣлъ въ окно крукъ[1] и ухватилъ едино око со стола и излетѣлъ вонъ.

Узрѣвши то лекарь, засмутился[2] велми и реклъ самъ въ себѣ: «Не возвращу ли очей товарыщу моему, то воистину буду рабъ». И обозрѣвся, увидѣлъ козу и выняль у ней око и вставилъ его оному лекарю вмѣсто глаза его. И реклъ ему: «Приятелю, какъ тебѣ ся мнитъ мое мастерство?» Отповѣдал ему товарыщь, рекучи: «Какъ еси вынималъ и как еси паки вставливалъ очи мои, не чулъ есми болѣзни никакие, толко что едино око мое [3]не по-прежнему[3] [4]радо смотрит на дерево[4]». Реклъ ему лекарь: «Когды уже и азъ довелъ есми мастерство свое, яко же и ты, к тому уже будемъ межъ собою равны, и не буди меж нами раздоръ». И тако потомъ жили въ мирѣ.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, сия два лекаря можемъ разумѣти Новый и Старый Законъ, которые оба исцѣляху ко спасению души. И было замешанье[5] и пря[6] меж христианы и жиды, которой бы Законъ лѣпше былъ. На свидѣтелство тому един другому очи вынималъ, то есть въ Законѣ Новомъ много вещей есть, ихъже взялъ Богъ из Стараго Закона, яко же Спасъ рече: «Не приидохъ разорити Законъ, но исполнити».* А хощетъ ли кто Бога видѣти, да имать таковый итти къ Новому Закону и креститися.

Крукъ прилетѣлъ и ухватил едино око жидовское, чтобы не могли истины знать. А въ то мѣсто положилъ око козье, то есть нѣкоторые облудности[7] и прожности[8], по нихже вѣруютъ, что имутъ Бога видѣти, але пойдутъ въ темности вѣчныя.

ПРИКЛАДЪ, ЧТОБЫ МЫ БЛЮЛИСЯ ОТ ЛЕСТИ ДИАВОЛСКИЯ, ЧТОБЫ НАСЪ НЕ ПРЕЛСТИЛ. ⟨ГЛАВА⟩ 19

Шли нѣкогда три товарыща путемъ. И прилучися имъ в нѣкоторое время, что не имѣли что поѣсть, развѣ единъ маленкой хлѣбецъ обрѣли купить, а ѣсть имъ захотѣлося велми. И глаголали меж собою такъ: «Аще мы сей хлѣбецъ раздѣлимъ на три части, то койждо насъ своею долею не будетъ сытъ, того дѣля подумаем, что намъ с тѣмъ хлѣбомъ чинить». Реклъ имъ из нихъ единъ: «Положимся здѣ на дорозѣ и поспимъ. И кому из насъ налѣпшей[9] и дивной сонъ видит-

[1] ворон; [2] опечалился; [3—3] внесено ошибочно, в польск. нет; [4—4] с удовольствием смотрит на дерево (в С.: na drzewo rado patrzy, в Б. слово «rado» опущено), в переводе с лат.: все норовит смотреть на верхушки деревьев; [5] замешательство, волнение. [6] раздор, распря; [7] заблуждения, обманы (польск. obłudności); [8] тщетности, тщеславие (польск. próżności); [9] наилучший (польск. nalepszy).

ся, тотъ весь хлѣбъ да съѣстъ». Рекли ему друзии товарыщи: «Призволяемъ тому быти». И почали спать.

Тогды онъ, которой ту раду выдал, воставши, когды они спали, весь хлѣбъ съѣлъ, такъ что ни малой дробинки не оставилъ товарыщом. Потомъ пробудилъ оны свои товарыщи, глаголя: «Востаните скоро, уже часъ есть, чтобы койждо свой сонъ исповѣдалъ».

Реклъ первый товарыщ: «Милые, дивенъ ми сей сонъ былъ. Видѣлъ едину дробинку[1] злату, спущену съ небесе, по нейже аггели схождаху съ небесе и восхождаху. И сошедши, взяли душу мою из тѣла. А какъ былъ тамъ, видѣлъ есмь Святую Троицу: Отца, и Сына, и Духа Святаго. И такову радость имѣла душа моя, которой ниже око видѣ когда, ниже ухо слышало,* какову азъ тамъ радость имѣлъ. То есть мой сонъ».

Потом реклъ другий: «Азъ видѣлъ, что диаволи душу мою исторгнули осеками[2] из моего тѣла и взяли ю во адъ, и зло бысть мнѣ тамъ. И рекли мнѣ: „Доколѣ будетъ Богъ на небѣ, толико долго будешь на том мѣстѣ"».

Потом реклъ третей: «Слышите мой сонъ. Видѣлъ есми, что нѣкоторой аггелъ пришелъ ко мнѣ и реклъ ми: „Приятелю, хощеши ли видѣти, идѣже суть товарыщи твои?" И азъ отвѣщал ему: „Радъ, хочю видѣти, ибо имамы межу собою единъ хлѣбъ дѣлить, а знать, что уже съ хлѣбомъ ушли". И онъ мнѣ реклъ: „Есть тотъ хлѣбъ подле васъ, але иди по мнѣ". И велъ мя до улицы небесной. И вложихъ толко главу свою въ небо, яко же повелѣ ми, и видѣхъ, что ты еси въ небѣ былъ, яко же повѣдалъ еси, и сидѣл еси на златомъ столцы, а имѣлъ еси пред собою множества брашна[3] приправнова[4] и вина доволно. И реклъ ми аггелъ: „Се товарыщь твой имат здѣ множество брашна честнаго и веселия. И здѣ будет пребывати во вѣки, ибо кто единою внидет въ небо, уже во вѣки из него не выдет". Потомъ рече ми: „Иди еще со мною, и покажу тебѣ, идѣже другой товарыщь твой". Егда же идохъ за ним, велъ мя до вратъ ада, и тамо паки видѣхъ тебе въ мукахъ тяжкых, яко же ты и самъ повѣдалъ еси. И рекохъ къ тебѣ: „Товарыщю милый, жаль мнѣ тебя, что еси въ таковыхъ муках пребываеши". И ты мнѣ отвѣщал, что „дондеже Господь Богъ въ небѣ будетъ царствовати, толико долго имамъ здѣ пребывать, ибо сие заслужилъ есми. Востани скоро и съѣжь весь хлѣбъ, ибо отселѣ ни мене, а ни товорыща моего узришь". Егда же услышахъ сие, воставши, снѣдохъ хлѣбъ, яко же велѣлъ ми еси».

Выкладъ того обычайный

Намилѣйшая братия, сихъ трехъ товарыщей можемъ разумѣти троякой родъ человѣческий: перваго — срацыны[5] и жиды, другаго — богатыхъ и силных

---

[1] лестницу (польск. drabinę); [2] баграми (польск. osękami); [3] яств; [4] приправленного, сдобренного приправами (польск. karmi przyprawionych); [5] сарацины.

свѣта сего, третияго можемъ[1] совершен*н*ие, которые въ боязни Божии живутъ. Круглымъ же хлѣбом разумѣем Царство Небесное, которое имат быти раздѣлено на три роды человѣческия по дѣломъ ихъ: единымъ болше, а другимъ менше.

Первый родъ человѣческий, срацыны и жиды, спятъ во грѣхахъ своихъ, а вѣруютъ, что имут быти въ небѣ; такожде и срацыни обѣщаниемъ Махметовымъ,* егоже законъ и вѣру держатъ, имъже обѣщалъ въ небѣ царствовати. Жидове также вѣруютъ чрез Законъ Моисеовъ спасение наслѣдить;* та ихъ вѣра и надежда есть яко сонъ.

Вторый товарыщь есть, емуже видѣлося то, что во адѣ былъ, суть богатые и силные свѣта сего, которые без вонтпения[2] през казнодѣи[3] и исповѣдники вѣдятъ[4], что во грѣсѣхъ кромѣ[5] совершеннаго сокрушения умирающыи во адъ низходятъ, идѣже во вѣки мучитися имутъ, обаче же они [6]не брегутъ того[6], грѣхи ко грѣхомъ прилагающе. Сего ради о богатых такъ написано: «Гдѣ суть силные свѣта сего, которые со псы и со птицы игрывали? Помроша и во адъ снидоша».* Третий товарыщь есть доброй христианинъ, которой не въ грѣсѣхъ а ни въ злой вѣрѣ спит, але въ добрыхъ учинкахъ[7] [8]чуетъ совѣтомъ[8] аггела, то есть Духа Святаго, и тако [9]животъ свой водитъ[9], что будетъ имѣть хлѣбъ, то есть Царьство Небесное, въ немже онъ и всякъ вѣрный христианинъ, Бога и ближняго любя, и будетъ пребывати во вѣки вѣковъ без конца. Аминь.

ПРИКЛАДЪ, ЧТО ПРАВДЫ [10]ДЛЯ ИЗГОНЕНИЯ[10] НАШЕГО [11]НЕ ИМАМЫ ТАИТИ[11]. ⟨ГЛАВА⟩ 20

Былъ нѣкоторой король именемъ Асмодусъ,* которой уставилъ, что которой злодѣй (аще ятъ[12] будетъ и поставленъ пред судиею) повѣдалъ бы три правды такъ правдивы, чтобы противъ имъ не могло быти никоторое противление, — яко[13] бы кождой былъ наветший[14] злодѣй, чтобы таковый животъ свой съ своим наслѣдиемъ одержалъ[15].

И прилучилось, что нѣкоторой рыцарь согрѣшилъ противъ королю и, збѣжавши, укрывался въ нѣкоторой ямѣ, из которой выходя, много зла творилъ, ибо всѣхъ мимоходящыхъ тамо убивалъ. Услышавши то король, велѣлъ то мѣсто обступить и изымати того рыцаря и привести пред судию.

И какъ былъ приведенъ, реклъ ему судиа: «Вѣси ли заповѣдь королевскую?» Отвѣщалъ рыцарь: «Вѣм, ибо хочю быть свобоженъ; имамъ три правды

---

[1] т. е. можем разумети; [2] без сомнения (польск. bez wątpienia); [3] через проповедников (польск. przez kaznodzieje); [4] знают; [5] без, [6—6] не обращают внимания на то. [7] делах (польск. uczynkach); [8—8] в польск.: czuje przez radę, в лат.: viligat per consilium — бодрствует по совету; [9—9] жизнь свою проводит; [10—10] из-за преследования, притеснения (ср. в польск.: dla prześladowania); [11—11] не можем таить; [12] схвачен. [13] хотя; [14] самый отъявленный (польск. nawiętszy); [15] получил (польск. odzierżał).

повѣдать». Реклъ ему судиа: «Исполни уставъ, или умрешь». Реклъ рыцарь: «Пане, вели молчати».

И какъ было молчание, реклъ онъ рыцарь: «Первую правду повѣдаю вамъ, что во вся дни живота моего былъ есми золъ». Услышавши то судиа, реклъ около стоящымъ: «Есть ли то правда, что онъ повѣдалъ?» Рекли вси: «Аще бы не былъ онъ злодѣй, то не приведенъ бы былъ здѣ». Потомъ реклъ судиа: «Повѣдай вторую правду». Реклъ ему рыцарь: «Вторая правда есть та: есть ми велми мерзско, что есмь за тотъ свой обычай здѣ приведен». Реклъ ему судиа: «И мы тому вѣрим. Повѣдай третию правду». Реклъ паки рыцарь: «То есть третия правда: аще свобоженъ буду от сея бѣды, тогды своею волею въ тотъ обычай прежней никако не возвращуся». Тогды реклъ ему судиа: «Мудро еси паки оправдался, иди въ покою».

Выкладъ того обычайный

Намилѣйшая братие, тотъ король есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, которой далъ тотъ уставъ,[1] что которой злодѣй, то есть грѣшной человѣкъ, през ласку[2] Божию будетъ ятъ и веденъ пред судию, то есть пред мудраго исповѣдника, имать повѣдать три правды, чтобы диаволи противъ имъ не могли дать отвѣту, — и таковый одержитъ наслѣдие Царства Небеснаго. Первая правда есть та: «Азъ есмь злый человѣкъ: в том грѣху, въ томъ и в томъ грѣху по вся дни живота своего пребывалъ». И тако койждо грѣхъ имать повѣдать, и то будетъ исповѣдь. Вторая правда есть та: «Мерзско ми есть, что злымъ своимъ обычаемъ многажды Бога прогнѣвахъ», — и то есть сокрушение сердца. Третия правда: «Естьли прощенъ буду от тѣх грѣховъ, потомъ своею волею въ грѣх не буду впасти». И тако вѣчный животъ наслѣдитъ.

ПРИКЛАДЪ, ЧТОБЫ МЫ ЧИСТОТУ И ВѢРУ БРАКА СОБЛЮДАЛИ. 〈ГЛАВА〉 21

Галлусъ, король велми мудрый и можный,* королевствовалъ во *своей* земли, которой хотѣлъ нѣкоторой теремъ пресвѣтлой и прекрасной создать. И былъ въ то время въ государствѣ его нѣкоторой тесля[3] велми мастероват, егоже наялъ король, чтобы ему тотъ теремъ збудовалъ[4]. И былъ также въ его королевствѣ нѣкоторой рыцарь, которой имѣлъ [5]дѣвку красну[5]. И видячи мудрость того тесли, мыслилъ самъ въ себѣ: «Дамъ я тому тесли дѣвку мою, ибо онъ своимъ мастерствомъ и ремесломъ может съ нею въ полности[6] быть». И призвавши

[1] указ; [2] милость; [3] на полях глосса: плотник; [4] на полях глосса: создал (из польск. zbudował, в С.: budował); [5—5] дочь красивую; [6] в достатке.

его къ себѣ, реклъ ему: «Приятелю милый, проси у мене, егоже хощеши; хощеши ли и дщери моей, то дам ю тебѣ». Реклъ ему тесля: «Велми я тому радъ». Тогды тотъ тесля поялъ ту панну.

Потом же мать тоя дѣвицы призвала своего зятя и рекла ему: «Милый сыну, поялъ еси мое дитя, сего дѣля дарую тебѣ сию кошулю[1], которая имѣетъ ту мочь, что покамѣстъ ты будеши живъ, не треба ея прати[2], ниже издерется, ни измѣнится, доколѣ съ моею дщерию будешь вѣрно пребывати. А преступитъ ли кто из вас и смажется чужеложствомъ, тогды та кошуля абие ту мочь погубит». Услышавши то тесля, велми тому дару радъ былъ. И взявши кошулю, реклъ ей: «Матко милая, коли уже то есть такой великой даръ, то никоторой от насъ браку не будетъ сломать, потому что та кошуля объявитъ намъ».

Потомъ тот тесля призванъ былъ къ королю, чтобы ему теремъ создалъ. И взялъ ту кошулю с собою, а жену оставилъ дома. И былъ у короля великое время, покамѣстъ чертогъ создалъ. А как там робилъ, вси тому дивилися, что та кошуля всегды бѣла была у него и не порудилася[3] и николи бывала прана. Реклъ король тому тесле: «Мастере, повѣждь ми, как то можетъ, что той кошули николи не перешь[4], а всегды она бѣла есть, какъ есть нова?» Отповѣдалъ ему тесля: «Пане милый, вѣждь, дондеже азъ со своею женою пребывати буду въ вѣрной милости[5], потамѣстъ тое кошули не треба прать. Аще ли будетъ меж нами бракъ нарушенъ, тогды она пранья потребуетъ, какъ и прочие платья».

Услышавши то, нѣкоторой рыцарь мыслилъ самъ въ себѣ: «Подвигнуся я, чтобы то могъ учинить, чтобы тебѣ ту кошулю прать». И потом шелъ до дому того тесли без его вѣдома, чтобы ся съ его женою смыслилъ. Она же его любовно прияла. Тогды тотъ рыцарь просилъ ей, чтобы с нимъ свою волю учинила. Отповѣдала теслина: «Такова вещь требуетъ особнаго мѣста, того дѣля иди со мною до каморы[6]». И введши его въ камору, сама паки изыде. И замкнувши его там, рекла ему: «Пожди мене тутъ, а я, какъ время придетъ, приду къ тебѣ и тебе выпущу». Потомъ та панья на кождой день подавала ему толко хлѣба и воды. А рыцарь ей велми просилъ, чтобы его испустила, она же никакоже восхотѣ того.

Тогды потомъ вскорѣ пришли къ ней два рыцаря одинъ за другимъ с двора королевскаго, чтобы ю къ своей воли намовили[7]. А того они не провѣдали, а она такоже и тѣхъ въ каморѣ замкнула и давала им хлѣба и воды. И были они тамъ многое время, такъ что было об нихъ у короля пытанье, что гдѣ они подѣвалися.

Потомъ, какъ тотъ тесля совершилъ тотъ терем королю и, взявши у короля за дѣло мзду, пришелъ къ своему дому, а жена его съ великою радостию

[1] рубашку (польск. koszulę); [2] стирать (польск. prać); [3] не загрязнилась; [4] не стираешь (польск. nie piorę); [5] любви (польск. miłości); [6] до комнаты, каморки; [7] склонили, уговорили (польск. namówili).

прияла и почала его вопрошати о здоровье, что какъ онъ пребывалъ. Отвѣщалъ ей мужъ: «Добрѣ». Тогды оглядѣла ону кошулю и, увидѣвши ю непремѣнившуся, рекла: «Благословенъ буди Господь Богъ, что меж нами есть вѣрная милость».

Реклъ ей мужъ: «Жено намилѣйшая, как я созидалъ чертогъ кролеви, приходили ко мнѣ три рыцари и вопрошали мене о кошулѣ той, что она всегды без прания бѣла была и чего ради она николи не рудилася. И я имъ о той кошулѣ правду сказалъ. А потомъ гдѣ они дѣлися — не вѣмъ, и былъ вопросъ об нихъ у короля». Рекла ему жена: «Пане милый, оны три рыцари, о которыхъ было пытанье, пришли они ко мнѣ и много мнѣ кое-чего давали[1], чтобы я къ ихъ воли призволила. А я никакими мѣрами не восхотѣла того сотворить, але, возвавши ихъ до каморы, замкнула ихъ тамъ. И от того времени, какъ они пришли ко мнѣ, и по сямѣстъ толко хлѣба и воды имъ давала».

Услышавши то онъ тесля, радовался вѣрѣ[2] жены своей. Тогды он тесля тѣхъ рыцаревъ от смерти высвободилъ. И потомъ онъ тесля пребывалъ съ женою своею въ вѣрѣ и въ великой любви аж до конца живота своего.

Выкладъ того обычайный

Намилѣйшая братия, король тотъ есть Отецъ Небесный, которой имѣлъ [3]теремъ, или чертогъ[3], созидать, сирѣчь сердце человѣчее добродѣтелми наполняти, в которомъ сердцы Богъ вселится и пребываетъ по оному писанию: «Веселие мое съ сыны человѣческими».* Рыцарь же тотъ, которой имать красную дѣвку — то есть Христосъ, которой имать душу яко дѣвицу. Жена есть мать тоя дѣвицы, святая церковь. Плотникъ, или тесля, есть добрый христианинъ, которой ту дѣвицу взялъ себѣ в жену с кошулею. Кошуля есть вѣра наша, ибо апостолъ рече: «Без вѣры невозможно есть угодити Богу».* Сего ради дондеже человѣкъ пребываетъ въ святости, по тѣх мѣстъ вѣра не будетъ сломана.

Тогда имать поднесть[4] теремъ, сирѣчь сердце чисто, чрез добрыя дѣла. Рыцари — суть гордость, похоть очей и похоть тѣлесная. Тѣхъ трехъ рыцарей имать замкнуть въ коморѣ покаяния — и тако одержитъ[5] милость[6] Божию.

ПРИКЛАДЪ ХВАЛЕБНОЙ, ЯКО МИЛОСЕРДИЕМЪ ИМАМЫ ЖЕРТВУ ПРИНОСИТИ ГОСПОДУ БОГУ. ⟨ГЛАВА⟩ 22

Король нѣкоторой Данайской* имѣлъ совершенную любовь ко тремъ королемъ, которые чрезъ дивное видѣние звѣзды от востокъ солнца приѣхали до Иерусалима и Христу, новорожденному младенцу, дары своя принесоша.*

---

[1] на полях глосса: обѣщали дать; [2] верности; [3]—[3] в польск. pałac — дворец; [4] возвести; [5] получит (польск. odzierżyt); [6] любовь (польск. miłość).

И ѣхалъ тотъ король съ великимъ достаткомъ[1] до Колна* града, идѣже их тѣлеса лежатъ, и тамо приѣхавъ, принесъ жертву имъ къ чести и хвалѣ Господу Богу: три вѣнца златые, прекрасно учинены. К тому же еще нахвалебнѣйшее знамение любви своей показалъ къ нимъ: болши шести тысящь гривенъ убогимъ роздалъ съ великаго милосердия своего и прикладъ[2] вѣры всѣмъ людем тамъ оставилъ.

Потом же въ нѣкоторой день, какъ онъ ѣхалъ до своей земли, виделъ во снѣ три короли къ себѣ приходящыхъ въ велицѣй славѣ, въ тѣхъ корунахъ, которыми онъ жертвовалъ. И слышал от нихъ от коегождо по единому къ себѣ глаголющыхъ. Первой старшей реклъ ему: «Приятелю милый, счастливо еси здѣ пришелъ, тако же счастливо и до дому своего доѣдешь». Другий реклъ: «Много еси далъ, але болши возмеши». Третий реклъ: «Любителю Божий, показалъ еси нахвалебнѣйшее знамение вѣры своей, сего ради по тридесяти и по трехъ лѣтехъ будеши съ нами въ небѣ царствовати».

Потом первший король далъ ему слоекъ[3], полон золота, глаголя: «Возми сокровище мудрости, которымъ подданныхъ тебѣ людей будеши судити въ правду, зане честь царева судъ любитъ». Вторый далъ слоекъ смирны, глаголя: «Приими смирну покаяния, которою вся похоти плотския побѣдиши». Третий такъже далъ ему слоекъ съ фимиамомъ[4], глаголя: «Возми кадило благоговѣния и благости, которыми будеши вспомогати нужныхъ[5], зане яко роса покропляетъ траву[6], толико сладка ласковость[7] королевска, даже на небеса возноситъ».

И какъ король дивился такому великому видѣнию и пробудился — и обрѣлъ тѣ слойки наявѣ подле себя. Тогды король онъ даръ съ радостию приялъ и, приѣхавши до своей земли, то, что во снѣ видѣл, со благоговѣинствомъ дѣлом исполнилъ. Потомъ, какъ прошли тридесять и три лѣта, совершилъ[8] животъ свой и пришелъ до живота вѣчнаго.

Выкладъ того обычайный

Братия намилѣйшая, тотъ король всякъ койждо вѣрный христианинъ, которой повиненъ жертвовать три вѣнца тремъ царемъ: сирѣчь Богу Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Отцу должни воздати вѣнецъ хвалы, яко крѣпокъ есть, иже мощенъ есть и богатити, и убожити. Тотъ вѣнецъ обѣщался еси ему дати, егда обѣщался еси на крещении, какъ[9] отрицался еси Диавола и гордости его. Вторый вѣнецъ — мудрости и надежди — повиненъ еси дати Сыну, зане Сынъ есть мудрость, иже за насъ претерпѣ. Сего ради должни есмы в немъ надежду имѣти паче иныхъ для многихъ причинъ. Первая, что тако возлюбилъ насъ, что

---

[1] богатством; [2] пример; [3] стеклянную банку (польск. słojek); [4] глосса на полях: ливаномъ, ладаномъ; [5] нуждающихся; [6] на полях глосса: зелень; в Б.: zioła — зелень, в С.: złota — золотая; [7] милость (польск. łaska); [8] на поляхъ глосса: скончалъ; [9] когда.

сошелъ съ небесе и человѣчество наше на себе приялъ и побѣду за насъ над Диаволомъ одержалъ. Третий вѣнецъ — любве — имамы жертвовать Духу Святому, зане онъ есть любы Отча и Сыновня. А тацѣй жертвы от васъ Богъ жадаетъ, яко же писано въ Матфеи, глава 9-я: «Милости хощу, а не жертвы».*

И аще будемъ сия три чистымъ сердцемъ и благостию совершенною всегды приносити, тогды то приимемъ от Отца, и Сына, и Духа Святаго: от Отца — сокровище добродѣтели, которым можемъ душу и тѣло стрещи противъ Диавола, и мира, и похотей плотскихъ; от Сына — слоекъ смирны, слоекъ разумѣй, чистое сердце от грѣховъ, смирну покаяния, зане онъ преже животъ покуты[1] на крестѣ показалъ и просящим у него всегды ласку[2] даетъ; от Духа Святаго — кадило набоженства (зане онъ самъ свою крѣпость и ласку даетъ, еюже бываемъ мы набожны и благодати исполнены, зане Богъ ласка[3] есть), имже грѣхи наша, которые мы сотворихомъ предъ Господемъ Богомъ, можемъ ихъ загладить.

ПРИКЛАДЪ, ЯКО ЕДИНИИ ПРАВЕДНИИ ВНИДУТЪ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ.* ⟨ГЛАВА⟩ 23

Нѣкоторой король былъ мудрый и велми богатъ, которой имѣлъ жену велми красну, которая, забывши вѣры[4] своей, [5]яже въ брацѣ[5], та[6] имѣла трехъ сыновъ от чужеложства, которые непослушны были всегды королю и въ каждой рѣчи[7] [8]ему не подобны[8]. Потом же зачала сына от сѣмени короля и его воспитала.

И бысть, егда король исполнивши дни живота своего и умеръ, тогды по его смерти оны четыре сынове начаша споръ имѣти о королевствѣ. И потомъ уложили межу собою, чтобы шли до нѣкоторого рыцаря стараго умершаго короля, секратора особного, и коегождо из нихъ онъ да изберетъ на королевство, и тотъ да будетъ король.

Тогды пришли они къ тому рыцарю, далися ему въ волю въ его разсуждение о королевствѣ. Услышавши то, рыцарь реклъ имъ: «Слышите мой совѣтъ. Учините такъ: вымите тѣло короля мертваго из гроба и стрелите кождо васъ из лука в мертвое тѣло. И которой глубочайше и ближе сердца вонзет стрѣлу свою, тотъ буди королемъ». И прияша они той совѣтъ.

Тогда повелѣша вынять отца из гроба и велѣли его привязать ко древу. И стрѣливши первый, ранил правую руку королевску. Другий же паки стрѣливши, угодивъ ему во уста. Але третий стрѣлилъ в его сердце, и той мнѣлъ, что будетъ на королевствѣ посаженъ онъ. Потомъ четвертый братъ, молодший, при-

[1] покаяния; [2] милость (польск. łaskę); [3] на полях глосса: любы; [4] о верности; [5—5] которая в браке (в польск. нет), [6] слово избыточно, в польск. нет, [7] деле (польск. rzeczy); [8—8] на него не похожи.

ступивши къ тѣлу отца своего, начал плакати жалостнымъ гласом, рекучи: «О, мой милый отче, плачю того, что такъ твое тѣло от твоихъ сыновъ изранено. О, Боже, не дай того, чтобы я такъ же билъ тѣло милого отца моего, еще же и мертвое».

Услышавши то, панове и вси людие познали, что тот былъ правый сынъ и наслѣдникъ, и абие вси избрали его себѣ королемъ. А тѣхъ трехъ отдаливши от чести и богатства и выгнали из королевства.

Выкладъ обычайный

Братия намилѣйшая, сего короля мудрого и богатаго можем разумѣти Царя царемъ и Господа господемъ, которой себѣ сотворение роду человѣческаго, яко бы невѣсту намилѣйшую, [1]особливым привилеемъ милости прилучилъ[1], которая потомъ чужеложила съ *боги иными*, забывши вѣры своей и милости, яко чужеложница, и породила три сыны, то есть поганцы, жиды и невѣрные.

Первой сынъ из тѣхъ руку королевскую изранилъ, егда [2]науку Христову, иже сѣдитъ одесную Бога Отца, взгардилъ[2], задаваючи различные раны слугамъ его, от Бога посланным. Другий сынъ его мнимый Царя над цари правдиваго въ уста стрѣлилъ — егда жидове рекли: «Идемъ и убиемъ его въ языкъ»,* то есть какъ его напаяли желчию со оцтом[3].* Третий сынъ злостливый, иже изранилъ сердце короля, — то есть егда невѣрные вѣрнымъ стрѣляютъ стрѣлы злой науки, которые сердце и душу пробиваютъ, яко же Давидъ рече: «Изостриша языки своя, яко змиин».* Четвертой сынъ, которой жалуетъ и не хочетъ стрѣляти, — то есть доброй християнинъ, которой боится, чтобы не прогнѣвати Бога не токмо своими грѣхами, но и от чужихъ, и не хочетъ гнѣвити Бога грѣхами. А образилъ[4] ли бы нѣкогда, тогды готовъ есть за то покаяние чинить. Таковый въ День Судный будетъ вознесенъ вѣчнѣ в Царство Небесное.

ПРИКЛАДЪ, ЯКО СУЕТНО ЕСТЬ ВЕСЕЛИЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ ВО ВСѢХЪ ВЕЩЕХЪ МИРСКИХЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 24

Веспесианусъ* можный королевствовалъ, которой имѣлъ дщерь, красну дѣвку именемъ Аглаиду. И та всѣхъ иныхъ своею красотою превосходила и того ради всѣм мила была. И прилучися в нѣкоторой день, когды та Аглаида, дочь его, предъ нимъ скакала[5], смотрячи король на ню велми прилѣжно, реклъ: «Паче всѣхъ прекраснѣйшая дщи моя, для великой красоты твоей пременяю тебѣ имя твое, буди отселѣ имя твое панья Утехи на знамя того, чтобы всѣ, которые приходятъ смутны[6], отходили бы съ веселиемъ».

[1—1] особой привилегией милости одарил; [2—2] заповедью Христовой... пренебрег; [3] уксусом (польск. octem); [4] оскорбил (польск. obraził); [5] танцевала; [6] печальны.

И имѣлъ тотъ король при своемъ чертозѣ нѣкоторой огород или садъ, в котором часто прохлажался и тѣшился.

Веселился король велми о красотѣ дщери своея и сего дѣля не хотѣлъ ея от себе никому замужъ дати, але велѣлъ по всей земли своей выкликать, такъ рекучи: «Король Веспесианъ такъ даетъ знать, что кто хощетъ дочь мою имѣть, тотъ бы первое[1] въ моемъ саду три дни или четыре прохлажался[2]. И потомъ будетъ хочетъ дочь мою имѣть и вратится из вертограда[3], тому ю дамъ». Тогды много княжатъ, услышавши то повѣдание королевское, приѣзжали къ королю и входили во онъ вертоградъ, але потомъ тии не были виданы; и которые тамо входили, жаденъ[4] из нихъ назадъ оттуду не возвращался, потому что былъ в том саду левъ таимнѣ[5] и всякого забивалъ.

Тогды нѣкоторой рыцарь в далнихъ странахъ, услышавши то повѣдание Веспесианово, пришолъ до короля и реклъ ему: «Здравъ буди, Веспесиане, королю можный, услышавши твое оповѣдание и того дѣля пришелъ есми, хотя присвоитися твоему роду». Отповѣдалъ ему король: «Вниди въ сей виноградъ, и будетъ изыдешь паки из него, тогды можешь взяти дщерь мою». Реклъ ему рыцарь: «Пане милый, вниду, радъ тому, але первое, доколѣ тамо пойду, прошу твоей милости, поволь ми поздровить[6] дщери своей и с нею се розмовить[7]». Реклъ ему король: «Розмовляй».

Тогды рыцарь, приступивши къ панье, поздровилъ ей, потомъ реклъ ей: «Намилѣйшая прекрасная королевна, коли уже имя твое есть панья Утѣхи, которое тебѣ для того дано, что всѣ, которые приходятъ к тебѣ смутни, чтобы паки съ веселиемъ отходили, того дѣля азъ пришелъ есми велми смутный къ тебѣ, чтобы твоя милость дала мнѣ раду[8] и вспоможение, да могу возвратитися в радости. Зане вѣдаю, что приходили многие преже меня к королю и входили въ тотъ вертоградъ, але потомъ не суть къ тому виданы были. Имать ли то и надо мною быть? Да не будетъ мнѣ то несчастие стать, ибо сердце мое жадаетъ тебе имѣти в жену себѣ».

Отповѣдала ему королевна, рекучи: «Смутокъ[9] твой в радость да обратится. А я тебѣ правду повѣмъ: в томъ вертоградѣ есть левъ яростивъ, которой тамъ межи древъ туляется[10] и всѣхъ входящыхъ в онь поражаетъ; и всѣ, которые тамъ для меня входили, от него поражени суть. И ты какъ будешь тамо итти, уберися въ полную збрую[11] добрѣ. И как войдешь въ вертоградъ и левъ рутится[12] на тебе, и ты с нимъ мужественнѣ бейся, а какъ устанешь, тогды отступи от него. И онъ ухватитъ тебе за рамо или за ногу и будет тебе тискать зубами. И тако ему *на* зубы [13]нальнутъ гумми от твоей збруи[13], и такъ невозможетъ тебе повредити. И ты как увидишь то, вынявши твой мечь, отъими ему главу.

---

[1] прежде; [2] прохаживался, прогуливался (польск. przechadzał się); [3] сада; [4] ни один (польск. żaden); [5] тайно; [6] поприветствовать; [7] поговорить; [8] совет (польск. radę); [9] печаль (польск. smutek); [10] скрывается; [11] доспехи (польск. zbroję); [12] бросится (польск. rzuci); [13—13] польск. palną gumi z twej zbroję — нальнет, налипнет резина от твоих доспехов.

Але еще и другая трудность в томъ виноградѣ[1] есть, ибо едино толко в него шествие, але путей много, такъ что внидетъ ли кто разъ, а едва будетъ мочь изыти. И о томъ даю ти ту раду: возми с собою клубокъ нитей и, какъ придешь до дверей вертограда, привяжи нить у форты[2] и, идучи, протягай ю, дондеже внидеши посредѣ вертограда; а милуешь ли животъ свой — не погуби конца нити той, ибо по ней паки выдешь».

Тогды онъ рыцарь то все учинилъ, яко ему панья казала, и, убравшися въ збрую, в вертоградъ вшелъ. Тогды онъ левъ, какъ его узрѣлъ, всею крѣпостию рутился[3] на него. А рыцарь боронился мужественнѣ и, какъ утрудился, отступил от него. И левъ, ухвативши его за рамена[4], стискалъ зубами, и тако на его зубы много гуммы налнуло. И как то рыцарь увидѣлъ, выявши мечь, стялъ[5] главу его и, забивши его, возрадовался. Але нить, по которой имѣлъ выйти назад, погубилъ; и тако былъ там три дни, ищучи нити блудилъ. Потомъ, нашедши нить, вышелъ по ней из вертограда и пришелъ къ королю. И дщерь его, панью Утѣхи, с великою радостию и честию взялъ себѣ въ жену.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братия, тот король есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ, дочь, прекрасная панья Утѣхи, — то есть кралевство небесное. Тотъ имать внити въ огородъ сего свѣта и тамъ имать быти нѣкоторое время, сколь долго изволитъ Господь Богъ, яко же святый Давидъ рече: «Измѣрены положилъ еси дни моя»;* и премудрый Соломонъ в Екилисиастѣ в третей главѣ: «Едина есть человѣческая смерть и скотска».* Але на свѣтѣ такъ много есть путей, что человѣкъ не вѣсть конца своего, в которое время и какъ имать умрети.

Левъ есть Диаволъ, которой кружитъ, ища, кого поглотити; и тотъ без числа побивалъ многихъ. Хощемъ ли наслѣдити[6] Царство Небесное, то имамы облещися въ збрую, сирѣчь в добрыя дѣла. А збруя наша имать быти помазана гумми; гумми можемъ разумѣти милостыню, ибо яко гумми совокупляетъ двѣ вещи во едино, такъ и милостыня совокупляет душу съ Богомъ. А пророкъ глаголетъ: «Яко вода погашаетъ огнь, тако и милостыня грѣхи».*

Потомъ имамы взяти клубокъ нитей — тот клубок есть крещение. Сего ради прежде животъ нашъ имамы весть от крещения и потомъ иные святости творити в семъ свѣтѣ. Але левъ, сирѣчь Диаволъ, готовъ есть противъ тебе валчить[7]. Сего ради и ты да мужественнѣ стоишь противъ его и главу его, сирѣчь козни, имать стять[8] чрез добрыя дѣла.

Но многажды прилучается, что егда человѣкъ побѣдитъ Диавола, яко нѣкоторыя во святыя посты творятъ, — а по праздницѣ Пасхи паки возвращают-

[1] саде; [2] у калитки, у ворот (польск. u forty); [3] ринулся, бросился (польск. rzucił się); [4] за плечи; [5] отсек (польск. ściął); [6] унаследовать; [7] сражаться (польск. walczyć). [8] отсечь (польск. ściąć).

ся въ грѣхи и так клубокъ теряютъ нитей. Сего дѣля такъ подобаетъ творити, яко тот рыцарь: погубилъ ли еси грѣхомъ добродѣтель и крѣпость святости, тогды имаши велми жаловать[1] и искать чрез три дни, сирѣчь сокрушениемъ, исповѣданиемъ и [2]досыть чиненьемъ[2]. И тако можеши налѣсти[3] то, что еси погубилъ. И как найдешь, приидешь без печали къ концу — смерти и потомъ одержишь панью Утѣхи, то есть Царьство Небесное.

ПРИКЛАДЪ, ЧТОБЫ МЫ СТАЛОСТЬ[4] ИМѢЛИ ВЪ ДОБРЫХЪ ДѢЛАХЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 25

Имѣлъ нѣкоторой король красну дѣвку, которую велми любилъ. И та по смерти королевской держала все королевство, зане едина ся остала. Услышавши нѣкоторой князь лютой и пришедши къ ней, наговаривалъ[5] ю, чтобы [6]къ его воли призволила[6]. А какъ она не хотѣла, тогды онъ гвалтовнѣ[7] учинил с нею волю свою. И королевна [8]того учинку[8] велми силно плакала. К тому же онъ лютой князь изгналъ ю из ея наслѣдия.

Тогды, изгнана, многажды о томъ плакала и в великомъ убожествѣ и нужи была, что всегды сидѣла при пути, просящи милостыни от мимоходящихъ. И въ нѣкоторый день такъ, плачучи, сидѣла при пути. Тогды нѣкоторой рыцарь, мимо идучи, узрѣлъ ю и, [9]уязвен бысть ея любовию[9], реклъ ей приятелно: «Милая, кто еси ты?» Отповѣдала ему, рекучи: «Я есть королевна, иже одержала[10] королевство по смерти отца моего. Але нѣкоторой окрутникъ[11] згвалтилъ[12] мя и изгналъ мя». Реклъ ей рыцарь: «Хочешь ли быть моею женою?» Рекла ему королевна: «Хочю, рада, пане милый». Рекъ ей рыцарь: «Обѣщайся мнѣ, что ни за кого не пойдешь развѣ[13] мене, а я противъ твоего окрутника буду воевать. А умру ли на той битвѣ а достану твое наслѣдие, ни о чемъ тебя не прошу, развѣ то, чтобы ты мою збрую[14] кровавую хранила на знамя моей любви. А кто бы приѣхалъ къ тебѣ и хочетъ взять тебе въ жену, тогды входи до коморы, идѣже имать моя збруя висѣти, и смотри на ню прилѣжно и вспоминай, что я для твоей любви погубилъ есми животъ свой». Отповѣдала ему королевна: «Все то обѣщаюсь вѣрно хранити, але того не дай Боже, что тебѣ в той битвѣ умрѣти».

Тогды онъ рыцарь, изготовяся, воевалъ противъ того окрутника, а князь той такоже противился ему со всѣми своими. А как межъ собою воевалися, тогды рыцарь неприятели свои премогалъ и, пробивши нагло[15] полки, пришелъ къ

[1] сожалеть; [2—2] искуплением, оправданием (в польск.: przez... dosyć uczynienie); [3] обрести (польск. naleść); [4] постоянство (польск. stałość); [5] уговаривал; [6—6] его желание исполнила; [7] насильственно (польск. gwałtownie); [8—8] о том деле, из-за того поступка; [9—9] был ранен любовью к ней, полюбил ее; [10] получила; [11] злодей (польск. okrutnik); [12] обесчестил (в Б.: zgwałcił); [13] кроме; [14] доспехи (польск. zbroję); [15] скоро (польск. nagło).

тому окрутнику и стял[1] главу его. И побѣду одержавши, возвратилъ паки наслѣдие оной кролевны. Але в томъ воеванью тот рыцарь смертно былъ раненъ и въ третий день умерлъ.

Видячи то панья, чрез многи дни плакала велми и для того в великой жалости была. А збрую его кровавую в ковнатѣ особливѣ повѣсила и часто в ту ковнату ходила и, на ню возрѣвши, всегды велми плакала.

Потом приѣзжали къ ней великие князи, [2]жадаючи ей въ шлюбу[2], але она преже, нежели кому отвѣчала, до оной ковнаты входила и, смотрячи на ону збрую, мовила: «О, пане мой милый, ты умерлъ еси для моеей любви и привратилъ[3] еси мнѣ наслѣдие. Сего ради Боже не дай того, чтобы я по тебѣ хотѣла иного имѣти». И вышедши из той ковнаты, отповѣдала коемуждо, глаголя: «Аз мужа имѣти не хочю, зане обѣщалася есми Господу Богу никогды замужъ не выходить». Услышавши то, княжата паки прочь отъѣзжали. И тако кролевна въ чистотѣ докончала дни свои.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братия, тот король есть Отецъ Небесный, дѣвка красная — то есть душа, сотворена по образу Божию. И той дано Царство Небесное райское, [4]але завистию княжею, сирѣчь диавольскою, погубила ей[4]: была згвалчена[5], какъ ѣла яблоко. Потомъ сидѣла на улицы, то есть на семъ свѣтѣ, в велицѣй нужи, яко писано есть: «В потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ свой».* Та дѣвка от мимоходящыхъ просила милостыни, то есть [6]четырми живелы[6] ласки[7] Божии ожидала.

Рыцарь, которой ѣхалъ мимо ю — то есть Сынъ Божий, которой выѣхалъ в сей свѣтъ на коню человѣчества и над человѣческимъ родомъ милость имѣлъ. Тому же ты, человѣче, обѣщался еси на крещении ни единаго мужа имѣти паче[8] его. И сего ради онъ [9]убрался в збрую человѣчества[9] и воевалъ за тебе со Диаволомъ и одержалъ побѣду, всяко[10] же раны смертныя для тебе приялъ и привратилъ[11] намъ наше достояние[12].

Сего ради ты, человѣче, учини тако же, яко же та королевна: учини оружие[13] кровавое въ ковнатѣ сердца своего, сирѣчь всегды имѣй в памяти страсть Христову, которую тебе дѣля претерпѣлъ. И придутъ ли какие искусы на тя от Диавола, от мира, от плоти — приходи къ муцѣ Христовѣ и вспомни, что онъ для

---

[1] отсек (польск. ściął); [2—2] желая взять ее в жены (польск. żadając jej w ślub); [3] возвратил; [4—4] в польск.: Ale przez poduszczenie książęce, to jest dyabelskie, straciła ję — но по подстрекательству княжескому, то есть дьявольскому, потеряла его; [5] обесчещена (польск. zgwałcona); [6—6] четырьмя стихиями (составами), т. е. всем существом; [7] милости (польск. łaski); [8] кроме; [9—9] облачился в доспехи (т. е. образ) человечества; [10] однако (польск. wszak); [11] возвратил; [12] в польск.: dziedzictwo — наследство, наследие, т. е. рай; [13] в польск.: zbroję — доспехи.

твоей любви приялъ смерть на крестѣ, и тако вси искушения побѣждай. И велию ползу съ размышления муцѣ Христовѣ, Господа нашего, приимеши и будеши имѣти животъ вѣчный.

ПРИКЛАДЪ, ЧТО ПРАВДУ ПОДОБАЕТЪ ИСПОВѢДАТИ[1] ДАЖЕ ДО СМЕРТИ. ⟨ГЛАВА⟩ 26

Король Гордианусъ* моцный и справедливый королевствовалъ. А въ его королевствѣ былъ нѣкоторой рыцарь велми добръ и честенъ, которой имѣлъ красну жену, и та всегда чужеложила при мужи своемъ. И прилучилось в нѣкоторое время, что мужъ ея ѣхалъ до Святой земли на пелгримованье. Тогды она абие[2] по его отъѣздѣ послала себѣ по своего милостника. И та панья имѣла едину дѣвку, которая [3]разумѣла счепетанье птичее[3] и с того вороженья панье своей давала.

А какъ любовникъ, до паньи пришедши, с нею спалъ, а были тамъ [4]три куры[4] во дворѣ. И началъ единъ из нихъ в полнощь на панью кричать велми. Тогды панья, какъ то услышала, пытала дѣвки, мовячи: «Повѣждь ми, дѣвко милая, что тотъ куръ выкликаетъ?» Отповѣдала ей дѣвка: «Тот куръ щебечетъ, что ты чинишь кривду[5] пану своему». Рекла ей панья: «Да забьютъ того кура». И абие забитъ былъ.

Потом другий куръ кликнулъ, и панья паки пытала дѣвки, что другий куръ выкликал. Рекла ей дѣвка: «Тот куръ щебечет: „Товарыщь мой умеръ для правды, а я такоже готовъ умереть"». Рекла ей паки панья: «И тот да будетъ убитъ». И абие убитъ бысть.

Потомъ по хвили[6] крикнулъ третей куръ, и услышавши то, панья пытала паки дѣвки, что тотъ куръ выкликаетъ. Отповѣдала ей дѣвка: «Тотъ куръ то щебечетъ, рекучи: „Слыши, виждь а молчи, будетъ хочешь живъ быть в покою"». Рекла ей панья: «Того кура не забивай ми, але его ховай ми».

Выкладъ того обычайный

Братия намилѣйшии, тотъ король есть Отецъ Небесный; рыцарь есть Христосъ; жена его есть душа, которую *поял*[7] чрез крестъ; рыцарь, которой ю сводитъ[8] чрез рады[9] сего свѣта, — есть то Диаволъ. Сего ради елижды согрѣшаемъ, чужеложимъ — отступаемъ от Христа. Дѣвка та — твоя совѣсть

---

[1] говорить, сообщать; [2] тотчас; [3—3] понимала язык птиц и ворожила (гадала) по пению птиц; [4—4] три петуха; [5] обман, измену; [6] спустя малое время (польск. chwila — момент, миг, минута); [7] вставлено по польскому тексту (польск. pojał); [8] соблазняет (zwodzi); [9] из польск.: zrady — советы, в С. и Б.: z(d)rady — измены.

есть, которая шемретъ[1] противъ грѣху и безпрестани возставляетъ человѣка къ добру.

Первой куръ не согрѣшилъ [2]за *истину*[2] — Христосъ есть, которой напервѣе[3] каралъ грѣхи. Видячи то, жидове забили его, а мы его такожде убиваемъ, дондеже во грѣсѣхъ пребываем. Вторымъ куромъ можем разумѣти святыя мученики, и таковыхъ было святое *м*учение: повѣдали — и для правды и для имени Христова побиты суть. Третияго кура, которой реклъ: «Слышь, виждь а молчи», — можетъ быть разумѣть[4] казнодѣя[5], емуже подобаетъ всегды правду глаголати, але уже днесь правды не смѣютъ глаголати, чтобы сами покой имѣли. Мы же, Господа Бога любящии, глаголемъ правду койждо со ближним своимъ. И тако приидемъ ко Христу, иже самъ правда есть.

ПРИКЛАДЪ ПРИВОДЯЩИЙ[6], ЧТОБЫ МЫ БЫЛИ СМИРЕННАГО И СОКРУШЕННАГО СЕРДЦА. ⟨ГЛАВА⟩ 27

Былъ нѣкоторой велможной король, которой имѣлъ дѣвку едину красну и мудрую, которую был отецъ хотѣлъ замужъ дать. Але она объщалася Господу Богу ни с ким же брачитися, аж бы тѣ вещи учинилъ: первая — чтобы повѣдалъ истинно, на сколко стоп[7] суть четыре живелы[8] и в долготу, также и в ширину; вторая рѣчь — чтобы премѣнилъ вѣтръ от запада на востокъ солнца; третия вещь — чтобы огнь носилъ на голомъ тѣлѣ, а не ожегся. Услышавши король тѣ рѣчи, велѣлъ по всему королевству своему выкликать, глаголя: «Кто тѣ три вещи учинит, тому дочь королевскую дадутъ». Тогды много панятъ до короля приходили, але того из нихъ никоторой не могъ учинить.

И былъ единъ рыцарь въ далекихъ странахъ, которой, как услышалъ о той шлюбе[9] той панны, пришелъ на палацъ королевской и привелъ с собою единаго слугу и коня шаленого[10]. И стоячи пред королемъ, реклъ: «Королю велеможный, пришел есми ко твоему двору, жадаючи ся приближитись къ твоему роду. И готовъ есмь учинити то, что от твоей милости выкликано». Реклъ ему король: «Радъ я то видѣти».

Тогды тотъ рыцарь призвалъ слугу своего и реклъ ему: «Возляжи на земли». И какъ тотъ слуга легъ, тогды тотъ рыцарь измѣрил оного слугу стопами от главы даже до ногу и реклъ королю: «Се, королю, в чстырехъ живелахъ едва что есть болши седми стопъ». Реклъ ему король: «Которое прировнание имат тотъ слуга къ четыремъ живелам?» Отповѣдалъ ему рыцарь: «Пане милый, всякъ че-

---

[1] восстает (польск. szemrze); [2—2] против истины; [3] первым, прежде всех; [4] в польск. rozumian — понят; [5] проповедник (польск. kaznodzieja); [6] наставляющий, указывающий (польск. przywodzący); [7] стопа как мера длины; [8] стихии, элементы (польск. żywioły); [9] о браке (польск. o ślubie); [10] буйного, шального.

ловѣкъ и всяк звѣрь составленъ есть от четырех живел,* и тако есми в своем слузѣ измѣрял четыре живелы».

Реклъ ему король: «Достаточно еси и мудро вывелъ, чини вторую вещь, премени вѣтръ». Тогды рыцарь велѣлъ абие привести коня буяго и далъ ему лекарство пить; и бысть конь здрав. И учинивши то, поставилъ того коня главою на востокъ солнца. Узрѣвши то, король рекъ ему: «Какое подобие тотъ конь имать къ вѣтру?» Отповѣдалъ рыцарь: «Или не вѣсть твоя мудрость, что животъ всякаго звѣря ничтоже ино есть, но точию вѣтръ? И елико долго конь терпѣлъ ту немочь, толико долго былъ на полунощии,[1] але мочью того лекарства сталъ здравъ; того дѣля поставилъ есми его главою на востокъ солнца, чтобы был готовъ носить бремена[2]».

Реклъ ему король: «Право еси учинилъ, и еще третию вещь учини». Реклъ ему рыцарь: «Пане, готовъ есми то учинити и пред всѣми». И взялъ горячего углия и положилъ на свое лоно, а не ожглось его тѣло. Тогды реклъ ему король: «Все еси достаточно и добрѣ доказал, але повѣждь ми то, чему тя тот огнь не спалилъ?» Отповѣдал рыцарь: «Не бысть то моею мочью, але мочью единаго камена, которой всегды камень с собою ношу, ибо кто тотъ камень будетъ носить с собою на чистомъ мѣстѣ, никогды не будетъ ображенъ[3] от огня». И показалъ тотъ камень пред всѣми. Реклъ ему король: «Достаточно еси и мудро выдалъ тѣ вещи». Потомъ далъ ему король дочь свою.

Сей повѣсти толкования нѣтъ.

ПРИКЛАДЪ ПРИВОДЯЧИЙ[4], ЧТОБЫ МЫ НЕБЛАГОДАРСТВА НЕ ЧИНИЛИ. ⟨ГЛАВА⟩ 28

Нѣкоторой король можной имѣл единаго сына, егоже неизреченно велми любилъ. А какъ тотъ сын пришелъ къ лѣтомъ своимъ, безпрестани короля, отца своего, наговаривалъ[5], чтобы ему королевство здалъ, [6]приводячи ему то[6], что король был немощенъ, а онъ былъ мощенъ. И реклъ ему король: «Сыну милый, чтобы[7] я былъ в томъ без печали[8], [9]чтобы еси мене почиталъ и *добрѣ ховал*[9] явилъ бы тебѣ ласковость отцовскую и здалъ бы тебѣ королевство». И реклъ сынъ: «Отче милый, присягну я пред паны и рыцарьми панства твоего, что никотораго лишения не будеши терпѣть, але тебе буду имѣть в болшой чести, паче себе». Тогды отецъ, повѣривши словесемъ его, здалъ ему королевство, а себѣ ничего не оставилъ.

---

[1] на севере (польск. na północy); [2] поклажи; [3] поврежден (польск. obrażon); [4] наставляющий, указывающий (польск. przywodzący); [5] уговаривал; [6—6] ссылаясь на то; [7] если бы; [8] в польск.: bezpieczny — уверен, спокоен; [9—9] в польск.: że byś mię czcił i dobrze chował — что будешь меня почитать и хорошо содержать.

И какъ уже сынъ былъ корунованъ, поднелося сердце его в великую гордость, а [1]всяко же чрез нѣкоторое время[1] имѣлъ отца своего въ почестности, але потомъ [2]ни брашна хотѣл ему дать[2]. Тогды отецъ начатъ его поносити пред мудрецы[3], которые всегды его любили, карали короля, что такъ недобрѣ имѣетъ отца. Услышавши то, король разгнѣвался и затворилъ отца своего на нѣкоторомъ замку, идѣже никтоже могъ приити къ нему. И тамъ онъ терпѣлъ гладъ и великую нужду.

И прилучилось въ нѣкоторое время, что на ономъ замку тот король обначевался. И пришелъ къ нему отецъ его и реклъ ему: «Сыну милый, смилуйся над отцомъ своимъ старымъ, ибо на семъ мѣстѣ терплю гладъ и всякую нужу и есмь в великом стонании[4], а трунокъ[5] вина еще бы мя понасилилъ[6]». Реклъ ему король: «Не вѣм, есть ли вино на семъ замку?» Отповѣдалъ ему отецъ: «Право, милый сыну, есть пять к*у*фъ[7] вина, але староста не смѣетъ без твоего вѣдома ихъ пребирати и мнѣ трунку дати, а сего ради, милый сыну, вели мнѣ из первой куфы дать». И реклъ король: «Того тебѣ не учиню, зане крѣпко есть а неподобно есть старым людемъ». И реклъ ему отецъ: «Дай же ми хотя из другой куфы». Реклъ король: «А того ти не учиню, ибо то про себя блюду и для дѣтей, которые со мною суть». Реклъ паки отецъ: «Дай же ми из третей куфы». Отповѣдалъ ему сынъ: «Вино крѣпкое есть». Реклъ ему отецъ: «Дай же ми из четвертой куфы». Отповѣдалъ ему сынъ: «И того ти не учиню, потому что добрѣ старо есть и квасно и не годится твоему прироженению[8]». Тогды реклъ отецъ: «Сыну милый, дай же ми але из пятой куфы». Отповѣдалъ ему паки сынъ: «Не годится то тебѣ, потому что дрождяно велми, и чтобы панове не молвили того, что я тебе, отца своего, дрождями опоилъ».

Услышавши то отецъ, отшолъ велми печаленъ от него. И писалъ абие листы до всѣхъ пановъ, что его сынъ не добрѣ имѣетъ, просячи для Бога, чтобы его избавили от такие нужи. Услышавши то, панове смиловалися вси над нимъ и абие яша[9] сына кроля. И отца, какъ и преже, кролемъ учинили, але сына его в темницу всадили, которой тамъ от великия нужи умерлъ.

Выкладъ того обычайный

Намилѣйшая братия, тотъ король есть Иисусъ Христосъ. Сынъ его есть всякъ християнинъ, егоже велми любитъ, дондеже пребываетъ, в чистотѣ живя, и тому далъ все, еже имать человѣкъ. А онъ самъ былъ убогъ[10], яко же свидѣтел-

[1—1] однако же некоторое время; [2—2] даже еды не хотел ему дать; [3] в русском переводе гаплографический пропуск, в польск. далее следует: onego królestwa, ze syn jego nie dzierżał słowa swego. Tedy oni mędrcy ... — того королевства, что сын его не сдержал слова своего. Тогда те мудрецы...; [4] стенании (в польск. mdłości — изнеможении). [5] глоток (польск. trunek); [6] укрепил; [7] бочек (польск kuf); [8] природе, т. е. высокому происхождению; [9] схватили, лишили свободы; [10] беден.

ствует Писание: «Лисы ямы имут, птицы — гнѣзда, а Сынъ Человѣческий не имать, гдѣ бы свою главу приклонилъ».* Але всегды Христосъ терпитъ гладъ и жажду в своихъ удѣхъ[1], то есть въ убогихъ, яко же писано есть: «Елико сотвористе единому от меншихъ сихъ, мнѣ сотвористе».*

А когда от насъ жадаетъ Богъ трунку вина из первой куфы (то есть младенчество наше), того от насъ Богъ хощетъ, да служим ему от юности нашей. Але дитя не добрѣ отвѣщаетъ, глаголя: «Млад есмь, не могу еще пребывати в службѣ Божии».

Потомъ Богъ хощетъ от насъ, чтобы ему дали из второй куфы. Отвѣчаетъ сынъ, глаголя: «Не могу азъ младости моей Господу Богу отдать в службу, чтобы мнѣ сей свѣтъ не насмѣялъ, глаголя: „Сей юнакъ не хощетъ имѣти сообщения съ людми". И тако я буду [2]уживать моей младости[2], ядый, и пия, и служа свѣту сему».

Потомъ Богъ жадаетъ от насъ из третей куфы. Отповѣдаетъ злой сынъ, глаголя: «Вино крѣпкое есть», сирѣчь: «Уже есмь я в моей крѣпости. Имамъ ли я покаяние чинить острое, то убавить имамъ мочи моей. Изволяю итти на валку[3], на колбу[4] и буду творити то, что служить сему свѣту, а [5]по моцы покутовать[5]».

Видячи Богъ, что не можетъ имѣти из трехъ куфъ, и жадаетъ из четвертой куфы трунку вина. Отповѣдалъ злый сынъ: «Вино велми старо есть и кисло», сирѣчь: «Уже есми старъ, не могу имѣти покуты[6] острой, ибо прироженье[7] мое уже есть слабо».

Потомъ жадаетъ из пятой куфы единого трунку. Отповѣдалъ злой сынъ: «Дрожди суть», сирѣчь: «Велми уже старъ есмь, и устало мое здравье; егда моглъ добрѣ чинить, не чинилъ есми, а нынѣ уже не могу».

И таковый многажды впадаетъ въ роспачь[8] и умираетъ нужно[9]. Сего ради противъ таковыхъ будет велика скарга[10] въ День Судный, и Господь Богъ со всѣми святыми дастъ отвѣтъ на таковыхъ, глаголя: «Идите от мене, проклятии, во огнь вѣчный, которой уготованъ Диаволу и аггеломъ его».

ПРИКЛАДЪ, ЧТО ЛАКОМСТВО МНОГИХЪ ОСЛѢПЛЯЕТЪ, ЧТО ПРАВДЫ НЕ УЗНАЛИ. ⟨ГЛАВА⟩ 29

Король нѣкоторой в славномъ градѣ Римѣ королевствовалъ, которой уставилъ былъ такову уставу[11]: чтобы всякой слѣпой на всякой годъ от римскаго короля сто пѣнязей брал.

---

[1] членах; [2—2] пользоваться своей молодостью (польск. będę używał mej młodości); [3] на войну; [4] польск. kolba — битва, поединок на копьях, турнир; [5—5] по возможности каяться (польск. po mocy pokutować); [6] покаяния (польск. pokuty); [7] природа, тело; [8] в отчаяние (польск. w rozpacz); [9] в убожестве, нищете (польск. nędznie); [10] обвинение, обличение (польск. skarga); [11] указ.

И прилучись в нѣкоторое время, что двадесять и три товарыща пришли во градъ и внидоша в нѣкую господу[1] и тамъ пребывали, ядуще и пиюще. Потомъ учинили почетъ[2] и платили дворнику[3], и онъ имъ реклъ: «Еще не достаетъ ста пѣнязей. Правду вам реку: не выпущу ни одного, дондеже и послѣдний пѣнязь возму». Услышавши то, они рекли меж собою: «Что имамы чинити? Се не имамы, чѣмъ заплатити».

Тогды реклъ им единъ: «Дамъ я вамъ нѣкоторую раду[4]. Дана есть устава от короля, что которой слѣпой есть, тот возметъ сто пѣнязей из казны его. И сего ради учинимъ мы меж собою жребий; на котораго падетъ жребия — тому и выймемъ очи, и тотъ да идетъ до короля и возметъ сто пѣнязей и насъ да выкупитъ». Тогды они рекли: «Жеребьюемъ». И учинили меж собою жребия, и палъ жеребей на онаго, которой ту раду выдалъ. И абие очи ему выняли и вели его до королевскаго двора. И пришедши ко вратомъ, колотили во врата, чтобы имъ отворили.

Услышавши то, воротникъ отворилъ ворота. И пыталъ ихъ воротникъ: «Чего хощете?» Отповѣдалъ ему единъ, глаголя: «Привели есмь сего слѣпца до короля, которой [5]жадаетъ добродѣйства уставы его[5]». Реклъ имъ воротникъ: «Иду и повѣдаю старостѣ». И шедъ, повѣдалъ ему о томъ слѣпцѣ, чтобы ему добродѣйство учинилъ по уставлению королевскому.

Услышавши то, староста реклъ: «Пойду я до него и осмотрю его». И какъ онаго слѣпца увидѣлъ, смотрилъ на нь прилѣжно и, познавши его, реклъ ему: «Приятелю милый, чего жадаешь?» Отвѣщалъ ему слѣпецъ: «Пане милый, жадаю ста пѣнязей по уставу королевскому». И реклъ ему староста: «Всяко[6] я видѣлъ есмь тебя вчера в корчмѣ, что ты оба глаза имѣлъ еси. Але я вижу, что ты ту уставу разумѣешь[7], ибо та устава уставлена есть, что которой слѣпъ от немочи или с иной какой пригоды[8], в нейже не можетъ исцѣлѣти, таковый добродѣйство короля возметъ. Але ты еси доброволно себѣ очи далъ выять, пьючи въ господѣ, и ты отъинуду[9] себѣ ищи вспоможения, а здѣ ни единаго пѣнязя не возмешь». Тогды онъ слѣпый, услышавъ то, отшол прочь с великимъ срамомъ и с увѣчьемъ.

Выкладъ того обычайный

Намилѣйшая братия, такова устава есть Божия: что которой невѣдѣниемъ или с кревкости[10] согрѣшитъ или искушениемъ диаволскимъ и аще будетъ имѣти сокрушение, исповѣдание, — тогды Богъ ему грѣхи отпуститъ по оному писанию: «В которой часъ грѣшный воздохнетъ, буду ему милостивъ».* Всякъ

---

[1] постоялый двор с корчмой (польск. gospoda); [2] подсчет; [3] хозяину постоялого двора; [4] совет (польск. radę); [5—5] жаждет благодетельства по указу его; [6] однако; [7] в польск.: źle rozumiesz — плохо понимаешь; [8] случайности; [9] из иного места, в ином месте; [10] в горячности, в порыве (польск. z krewkości).

грѣшный человѣкъ слѣпъ есть. А согрѣшитъ ли кто [1]с правой злости, кромѣ причины[1] и впадетъ в роспачь[2], тогды едва или и никогды ему тот грѣхъ будетъ оставленъ. А корчмарь есть Диаволъ, которой таковыхъ и всѣхъ, иже такъ умираютъ, приемлетъ в корчму ада на вѣчное мучение.

ПРИКЛАДЪ, ЧТО ВСЯКЪ ГРѢХЪ БЕЗ РОЗПАЧИ[3] БЫВАЕТЪ ОТПУЩЕНЪ. ⟨ГЛАВА⟩ 30

[4]Рыцарь нѣкоторой[4] именем Иулианъ, которой в нѣкоторое время выѣхалъ былъ на ловъ и дался гнати за нѣкоторымъ [5]красным еленемъ[5] и гонилъ его велми далеко. Тогды онъ елень, обратившися, реклъ такъ к тому рыцарю: «Ты мене гонишь, которой отца твоего и матку твою забьешь».

Услышавши то, онъ рыцарь велми убоялся, да не како дѣлом исполнится, еже рече елень. Тогда онъ рыцарь, оставя все, отшелъ тайно до земли далной и тамъ присталъ у нѣкоего князя. Тогда тотъ князь, видячи Иулиана удалого и на бою сердца велми смѣлого, учинилъ его рыцарем. И нѣкоторую каштелянку* вдову далъ ему в жену и далъ ему за вѣно[6] градъ единъ.

Тогды родители Иулиановы ходили по различнымъ странамъ велми смутны, ищучи прилѣжно сына своего. Потомъ пришли они на замокъ, идѣже Иулианъ пребывалъ, але его въ то время дома не было. И увидѣвъ ихъ, жена Иулианова пытала ихъ: «Откуду есте вы?» И они повѣдали ей то, что ся имъ прилучило. Тогда панья та разумѣла, что они родители суть мужа ея (ибо то от мужа своего многажды слыхала), прияла их честно и для[7] любви мужа своего положила ихъ на своемъ ложи, а сама индѣ[8] легла. А какъ было рано[9], тогда она панья каштелянка шла до костела.

А в то время Иулианъ, мужъ ея, приѣхалъ и, вшедши в ложницу, хотѣлъ жену свою возбудить. И обрѣлъ дву человѣкъ, вкупѣ лежащихъ, и помнѣлъ себѣ, что чужеложникъ нѣкоторой с его женою спитъ, вынявши мечь, убилъ обѣихъ. И вышедши из дому своего и увидѣлъ жену свою, идущу из костела, началъ дивитися, глаголя ей: «Кто то есть, и какие люди на нашемъ ложи спали?» Отповѣдала панья, глаголя: «Родители суть твои, которые тебе велми долго искали, и я ихъ того дѣля на нашей постели положила».

Услышавши то Иулианъ и изумѣлся и почалъ велми плакать, глаголя: «Бѣда мнѣ, нужному[10], что моихъ милыхъ родителей убилъ есми! Се бо

[1—1] из чистой злости, без причины (в польск.: z prawej złości krom przyczyny); [2] в отчаяние (польск. w rozpacz); [3] без отчаяния (польск. bez rospaczy), на полях глосса: невѣдѣниемъ, ср. заглавие в лат.: О том, что всякий грех, как бы тяжек он ни был, должен быть отпущен, если совершен без злого умысла; [4—4] в польск.: *Byl* niektori rzycerz; [5—5] красивым оленем; [6] в качестве приданого; [7] ради; [8] в другом месте; [9] утро; [10] бедному, жалкому.

исполнилося слово елене, егоже велми остерегался есми, а нынѣ е́ дѣломъ совершихъ. Отселѣ, наимилшая жено моя, ты [1]добрѣ ся имѣй[1], азъ бо не хощу в покою быти, дондеже увѣмъ, прииметъ ли Богъ покаяние мое». Рекла ему панья: «Боже того не дай, чтобы тебѣ оставити мя и без мене куды итти. Але была есми причастна веселия твоего, такожде хощу быти причастна и в скорби твоей».

И потомъ вкупѣ поидоша и создали великой шпиталь[2] подле нѣкоторой великой рѣки, идѣже много человѣкъ утопаху, яко да каются в томъ. И превозилъ тѣхъ, которые хотѣли переходити рѣку ту, и убогихъ спутниковъ къ себѣ въ господу[3] приимали. Потомъ во мнозѣхъ временѣхъ, какъ Иулианъ от труда возлегъ, истомився, а морозъ былъ великъ, услышалъ гласъ велми жалостивъ, в полночь кричачи ко Иулиану, чтобы его чрез рѣку перевезлъ. Услышавши то, Иулианъ воставъ и обрѣлъ человѣка, правѣ[4] уже умирающаго от зимы[5]. И принесъ его в домъ свой и истопилъ храмину, согрѣваше его, але онъ не моглъ ся согрѣть. И боячися того, чтобы тот человѣкъ для зимна времени не умерлъ, и положилъ его на ложи своемъ и приодѣлъ.

Потом [6]по малой хвили[6] онъ немочной, которой видѣлся трудоватымъ[7], показался велми свѣтелъ и пошелъ къ небеси. И вступая въ небо, реклъ так Иулианови: «Иулиане, Господь Богъ послалъ мене до тебе повѣдати, что уже приялъ твое покаяние. А не по мнозѣ времени обое умрете и приидете въ вѣчную хвалу». Потомъ онъ немощный невидимь бысть.

Иулианъ со своею женою не по мнозѣ времени исполненъ добрыхъ дѣлъ умерлъ и приятъ вѣчный животъ.

Выкладъ того обычайный

Намилѣйшая братия, тотъ рыцарь можетъ быти реченъ всякой доброй христианинъ или преложоной[8], которой можетъ [9]братися крѣпцѣ[9] со Диаволомъ, съ миромъ и с плотию. И имать пристати[10] к лову, [11]достизая душа къ Господу Богу[11]. Имать же гнати еленя, сирѣчь вослѣдовати Христа, яко же рече Давидъ: «Яко жадаетъ елень на источники водныя, сице жадаетъ душа моя къ тебѣ, Боже».* И какъ будетъ христианинъ или преложоной Христа наслѣдовать[12], тогды имат свои родители забить, сирѣчь оставит для[13] любви Божии, яко же писано есть: «Аще кто оставитъ отца или матерь мене ради, стократъ прииметъ и животъ вѣчный одержитъ».*

[1—1] будь здорова — формула прощания (польск. miej się dodrze); [2] больницу (польск szpital), в лат.: убежище для путников; на полях глосса: странноприимницу; [3] здесь странноприимный дом; [4] почти (польск. prawie); [5] от холода; [6—6] спустя малое время; [7] больным; [8] высокопоставленное лицо, прелат (польск. przełożony); [9—9] сражаться мужественно; [10] присоединиться; [11—11] в польск.: nabywając dusz Panu Bogu — добывая душ Господу Богу; [12] подражать (польск. naśladować); [13] ради.

И яко тотъ рыцарь шел до земли далней, тако же и всяк преложоный имать итти до далней земли, сирѣчь далеко итти от мира и от всѣхъ мирских вещей, въ чистотѣ и святости живучи, и служить князю, еже есть Христу, и с нимъ воевати противъ Диавола, и мира, и плоти. И какъ Господь обачитъ[1], что его рыцарь побѣду такъ одержитъ, тогды дадутъ ему каштелянку въ жену, сирѣчь благодать свою, которая будетъ стрещи[2] замка сердца его, чтобы паче всѣхъ моглъ быти мил велми Господу Богу.

Але многажды видимъ, что родителие плотстии, сирѣчь суеты сего свѣта, [3]наслѣдуючи таковаго[3], воставляютъ[4] его къ злому; и бываютъ положени на ложи сердца твоего, чтобы тя свидѣтелствовали[5]. Але ты да имаши крѣпцѣ противитися имъ и да забиеши ихъ мечемъ покаяния, яко же то сказася о Авесаломѣ, которой воевался со отцемъ своимъ и бѣгалъ пред нимъ, повѣсился на дубѣ за власы, а Иоавъ проболъ треми копии сердце его.* Тотъ Иоавъ есть похоть, власы — плотския жадости[6], рана глубокая есть тѣло смертное. И Иоавъ — сирѣчь Диаволъ, которой всякому человѣку, дондеже живъ есть, вонзает три копия: сирѣчь мысли, дѣла, звычай, а при смерти такожде трое утиснение[7] приводитъ[8]: гнѣвъ Божий, егоже, согрѣшая, навелъ еси, [9]немине спасение[9], егоже погубилъ еси, адскую муку, юже заслужил еси. Сиа родители да убиеши оружиемъ покаяния и пото́мъ да идеши до рѣки Святаго Писания и тамо имаши создати домъ спасения, еже есть молитися и милостыню давати. И тако потомъ обрящеши на ложи сердца твоего *Бога*[10], с нимже приидеши до вѣчныя хвалы.

ПРИКЛАДЪ, ЧТОБЫ МЫ ПАМЯТОВАЛИ ДОБРОДѢЙСТВА, НАМЪ УЧИНЕНЫЯ. ⟨ГЛАВА⟩ 31

Былъ нѣкоторой славной рыцарь, которой охочь былъ на ловъ ѣздить. И в нѣкоторой день выѣхалъ на ловъ, и тамо ему забѣжалъ[11] левъ, припадая и показуя ему ногу свою. Тогды онъ рыцарь ссѣдши с коня и вынялъ ему тернъ[12] из ноги его и мастию приложилъ. И тако левъ былъ здравъ. Потом же король былъ на ловѣ в том же лѣсѣ и уловилъ оного лва и ховалъ его многия лѣта.

Потомъ онъ рыцарь согрѣшилъ пред королемъ тѣмъ. Тогды король, разгнѣвавшися, велѣлъ его поимать и [13]далъ на него сказание[13], чтобы былъ данъ лву тому на снѣдение. И велѣлъ, чтобы тому лву ничего не давали ѣсть, чтобы онъ того рыцаря, немилостивно разторгши, пожерлъ. Тогда тотъ рыцарь, какъ

[1] увидит; [2] стеречь; [3—3] подражая таковому (т. е. свету) [4] побуждают; [5] в польск.: doświadczyli — испытали; [6] желания (польск. żądości); [7] притеснение (польск. uciśnienye); [8] доставляет, осуществляет (польск. przywodzi); [9—9] в польск.: niemienie zbawienia — отсутствие спасения; [10] внесено по польскому тексту; [11] заступил дорогу; [12] терновый шип, колючку; [13—13] вынес о нем решение.

будетъ пущенъ до лва, велми убоялся, ждучи годины[1], какъ будет розорванъ от лва. Левъ же, хотя и гладенъ, смотрилъ прилѣжно на него и, какъ его позналъ, началъ, около его ходя, радоватися. И былъ тамъ без яди седмь дней.

Услышавши то, король дивился тому и велѣл того рыцаря вытянуть из рова[2], вопросивши: «Повѣждь ми, для чего тебя левъ не моглъ повредить?» Отповѣдалъ ему рыцарь: «Ѣздилъ есми в нѣкоторое время на ловъ и по прилучаю стрѣтилъ есми сего лва хрома. И азъ ссѣдши с коня, вынялъ есми ему тернъ из ноги его и рану ему уздоровилъ. И мню, что для того не повредилъ мене левъ, помнячи добродѣйство мое». Рекъ ему король: «Коли уже тебе левъ не повредилъ, и азъ тебѣ оставляю грѣхъ твой, а отнынѣ буди добръ». Тогды онъ, челомъ ударя королю, [3]полѣпшилъ живота[3] и жилъ хвалебнѣ.

Выкладъ того обычайный

Намилѣйшая братия, тот рыцарь, которой на ловъ ѣздилъ, человѣкъ есть мирской, которой всегды тружается, чтобы добыть досытку[4] временного. Левъ храмляй есть родъ человѣческий, которой храмлетъ[5] грѣхомъ перваго отца нашего Адама преже того, дондеже тернъ [6]есть сирѣчь[6] грѣхъ первородный, крещениемъ святымъ былъ вынятъ и мастию добрыхъ дѣлъ былъ уздоровленъ.

А еже рыцарь преступилъ пред королемъ, сирѣчь пред Господемъ Богомъ Вседержителемъ, — елижды согрѣшаетъ, толижды ту благодать погубляетъ, которую принялъ на святомъ крещении. А еже левъ, сирѣчь родъ человѣческий, поиманъ бываетъ ([7]елижды обвязуется къ Божию приказанию[7]), — и бываетъ вкинутъ в долъ покуты[8]. А будетъ ли грѣшный человѣкъ вкинутъ в тотъ долъ покуты, тогды можетъ имѣти тяжкость[9] плоти и мзду[10] вѣчну духовную.

ПРИКЛАДЪ НАПОЛНЯЮЩИЙ[11], ЧТОБЫ МЫ ОБѢТЫ ИНЫМЪ ВЫПОЛНЯЛИ. ⟨ГЛАВА⟩ 32

Былъ нѣкоторой король, а в его королевствѣ были два лотры[12], которые присягою связалися меж собою, чтобы единъ другаго не оставилъ в потребѣ, але чтобы един за другаго умерлъ.

Тогда тѣ два лотрове много зла чинили, крадучи, розбиваючи. И прилучилось въ нѣкое время, что единъ былъ без другаго, и такъ его на злодѣйствѣ поимали и всадили в темницу. Услышавши то, товарыщь его, другий лотръ, при-

[1] часа; [2] на полях глосса: долу; [3—3] улучшил жизнь; [4] достатка; [5] в польск.: kulał — хромал; [6—6] в польск.: to jest; [7—7] польск. ilekroć się obwięzuje ku Bozemu przykazaniu — всякий раз, когда обязуется (жить) по заповедям Божьим; [8] покаяния (польск. pokuty); [9] страдания; [10] воздаяние; [11] польск. napominający — напоминающий); [12] польск. łotry, на полях глосса: разбойники.

шелъ къ нему и реклъ: «Товарыщю милый, прошу тя, повѣждь ми, чего чаеши над собою?» Отповѣдалъ ему ятой: «Такъ ми ся видитъ, что быть мнѣ казнену, потому что на воровствѣ пойманъ есмь. Але прошу тя велми, чтобы ты побилъ челомъ о томъ судии, чтобы я шолъ в домъ свой, зане имамъ жену, и дѣти, и челядь, да раздѣлю имъ мой нажитокъ. И какъ то учиню, возвращуся паки и тебе из темницы выпущу». И реклъ ему товарыщь его: «Учинити то радъ».

И шедши къ судии, реклъ ему: «Пане судие, другъ мой поиманъ и сѣдит в темницѣ. И яко мню, что быть ему казнену, прошу твоей милости, чтобы ты выслушалъ прошение мое: чтобы онъ преже смерти своей был выпущенъ къ дому своему, чтобы жену, и дѣти, и челядь росправил[1]. И чтобы еси об немъ известен былъ, сяду я за него в темницѣ». Реклъ ему судиа: «В предгрядущий[2] день осужденъ будетъ на смерть, и не приидетъ ли в сей день — что къ тому отвѣщаеши?» Отповѣдалъ товарыщь его: «Пане, все то, что велиши, хочю[3] терпѣти, а не приидетъ ли паки[4], тогда за него на смерть пойду». Реклъ ему судиа: «Прошение твое выслушалъ[5] тымъ обычаемъ[6]: чтобы еси сидѣлъ за него в темницѣ, дондеже возвратится». И велѣлъ его судиа посадить в темницу, а оного доброволно[7] выпустить.

Тогды онъ шедши в домъ свой, росправилъ жену и челядь и премешкал[8] тамъ аж до третияго дня, в которой день вси злодѣи приведени были пред судию, а меж тѣми и тотъ, которой дал ся доброволно всадить в темницу для друга своего. И реклъ ему судиа: «Гдѣ есть другъ твой, иже хотѣлъ возвратитися и тебе выбавить[9]?» Отповѣдалъ ему другъ: «Пане, имам надѣю, что слова своего не пременитъ». Тогды судиа долго ждавъ, чтобы пришелъ; але какъ не пришелъ, [10]далъ сказание[10], чтобы на шибалицу[11] веденъ былъ.

И как уже къ шибалицѣ пришли, реклъ ему судиа: «Приятелю милый, сам себе вини, а не мене, что теразъ[12] умреши. Повѣдалъ еси, что друг твой имать приити и тебе выбавити, и онъ не бывалъ». Реклъ ему онъ: «Пане, коли уже имамъ умрети, прошу тя, чтобы ми велѣлъ закричати трижды». Реклъ ему судиа: «Кричи». Тогды онъ кричалъ великимъ гласомъ первое, и второе, и третие, поглядываючи на всѣ стороны. И узрѣлъ издалека человѣка, прытко бѣгуща, и реклъ судии: «Продолжи[13] еще смерть мою, се бо вижу человѣка, прытко бѣжащаго, а видитъ ми ся, что товарыщь мой есть, которой мене днесь выбавитъ». Услышавши то судиа, что уже приближается, велѣлъ подождати. И пришелъ товарыщь его и реклъ: «Пане судиа, се азъ есмь, которой мое добро раздѣлилъ есми, за которого мой другъ былъ во страсѣ[14] смертном. Пусти его волно, ибо азъ готовъ есмь умрети для моихъ грѣховъ».

---

[1] рассудил, распорядился о них; [2] будущий, предстоящий; [3] готов; [4] обратно; [5] в значении «рассудил»; [6] образом; [7] свободно, беспрепятственно; [8] промешкал, задержался; [9] избавить, освободить; [10—10] приказал; [11] к виселице (польск. ku szubienicy); [12] сейчас (польск. teraz); [13] отложи; [14] в страхе.

Тогды судиа дивился тому и реклъ ему: «Товарыщю милый, повѣждь ми причину, про что есте такъ вѣрни меж собою?» Отповѣдалъ ему злодѣй: «Пане, еще от младыхъ лѣтъ обѣщалися есмы единъ другому вѣрнымъ быть, и та есть причина, для которой онъ нынѣ въ темницѣ за мя сидѣлъ, [1]яко да росправлю свои рѣчи[1]». Реклъ ему судиа: «Коли уже вы такъ вѣрни, отпущаю тебе от смерти сея. И отселѣ живите у мене и приимайте поживанье[2] от мене». Рекли ему товарыщи тѣ: «Пане, всю вѣрность тебѣ шлюбуемъ[3]». И приялъ ихъ судиа в ласку. И вси похвалиша судию, иже учинилъ имъ таково милосердие.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братия, тот король есть Отецъ Небесный, два лотрове суть душа и тѣло, которые быша в товариществѣ чрез грѣхъ. На крещении вкупѣ обѣщалися такожде единъ другому не оставляти въ потребахъ[4], егда ся отрекали Сатаны и всѣхъ дѣлъ его; и потомъ быша в товариществѣ во всѣхъ дѣлѣхъ. Але единъ чрез другаго есть пойманъ и связанъ: егда человѣкъ согрѣшитъ, тогды душа под мочью[5] диаволскою, а другий товарыщ, сирѣчь тѣло, частокротъ въ роскошахъ пребываетъ.

Але доброй христианинъ Богу милъ, егда разумѣетъ, что душа лежитъ во грѣсѣхъ и овсемъ[6] въ темницѣ диаволстѣй, имать датися за ню в темницу, сирѣчь на покаяние святое, [7]аж бы[7] душа шла до жены, сирѣчь до совѣсти, чтобы ся розрядила с нею о дѣтках и о челяди, сирѣчь о Божиемъ приказанию и о грѣхахъ, яко много и яко велми во грѣсѣхъ пребывалъ, и за койждо бы грѣхъ чтобы [8]досыть учинилъ Господу Богу[8]. И то имать быти молитвою, милостынею, постом.

Потомъ тѣло имать кричати трижды: первое кричание есть горкое сокрушение, второе — полная исповѣдь, третие — [9]полное досыть учиненье[9]. И абие[10] приидет душа на то кричание, которая разсужала домъ совѣсти, къ тебѣ [11]в постати слушнѣй[11]. И потомъ душа и тѣло одержатъ животъ вѣчный.

ПРИКЛАДЪ, ЧТОБЫ МЫ ЛАКОМСТВА[12] ОСТЕРЕГАЛИСЯ НЕМИЛОСТИВАГО. ⟨ГЛАВА⟩ 33

Коваль[13] нѣкоторой былъ велми богатъ, над моремъ жилъ в нѣкоторомъ мѣстѣ[14], велми лакомъ и золъ. И тутъ собралъ множество пѣнязей и всыпавши

[1—1] чтобы я распорядился о своих вещах; [2] пропитание (польск. pożywienie); [3] обещаем (ślubujemy); [4] в нужде; [5] властью; [6] в польск.: owszem — соответственно, следовательно; [7—7] чтобы, дабы; [8—8] искупил вину перед Господом Богом. [9—9] полное оправдание, искупление (в польск.: zupełne dosyć uczynienie, в лат.: plena satisfactio); [10] тотчас; [11—11] в истинном, надлежащем виде (в польск.: w postaci słusznej, в лат.: in forma debita); [12] алчности; [13] кузнец; [14] городе (польск. mieście).

ихъ в великой клоцъ[1] и замазалъ их. И положилъ тотъ клоцъ у окна, чтобы всѣ его видѣли и никто бы не мнѣлъ о немъ, что въ немъ пѣнязи.

И было в нѣкоторое время, какъ всѣ уснули, а море излиялось велми, аж и в тотъ домъ, такъ, яко и тотъ клоцъ началъ плавати съ денгами. И выплылъ на море и приплыл чрез десять миль до нѣкоторого мѣста, в немже бяше нѣкоторой человѣкъ, у негоже была великая господа[2] всѣмъ нищымъ. И всталъ тогды тотъ человѣкъ рано и увидѣлъ онъ клоцъ, пловущь по морю, и извлекъ его на брегъ, мнящи про клоцъ, что ничтоже ино есть, развѣ древо, от нѣкоего въ море вкинуто. А тот человѣкъ до нищыхъ и до мимоходящыхъ велми милостивъ. И прилучилось въ нѣкий день, что начевали въ его дому пелгримове, и было зимно[3]. Тогды онъ господарь щеплялъ онъ клоцъ и, какъ четырежды в него ударилъ, услышалъ звукъ. И розщепивъ тотъ клоцъ, обрѣлъ множество в немъ денегъ. И возрадовался велми и схоронил денги тѣ, хотячи ихъ возвратити, аще обрящется погубивый ихъ.

А потомъ тотъ коваль ходилъ от града до града, ищучи денегъ своихъ. И пришелъ и до онаго мѣста, въ домъ онаго господаря, которой обрѣлъ клоцъ его. И какъ тотъ коваль вспоминалъ о погибели того клоца, услышавши то онъ господарь, поразумѣлъ, что его денги есть, и мыслилъ самъ в себѣ, глаголя: «Аще[4] воля Божия, возвратити ему его денги къ нему». И повелѣлъ онъ господарь учинити три крѣпли[5]. И в первую крѣпль велѣлъ накласть земли, а во вторую — костей мертвыхъ, а в третию — пѣнязи, которые обрѣлъ с тѣмъ клоцомъ. И какъ тѣ крѣпли учинены были, рекъ онъ господарь оному ковалю: «Хощеши ли избрати себѣ едину от трехъ сихъ крѣплей? И которую изберешь, [6]имѣй в той досыть[6]». Тогды онъ коваль воздвигъ единого по другомъ и избралъ себѣ крѣпль, которой былъ потяжелѣ другихъ, наполненъ земли. И положилъ руку на другом крѣплю, которой наполненъ былъ костей мертвечиихъ, и реклъ господареви: «Се и вторый крѣпель себѣ избрахъ, а ты третий крѣпель себѣ имѣй».

Узрѣвши то, господарь мыслилъ в сердцы своемъ: «Уже явно вижу, что не есть воля Божия, да возвращу ему денги его». И абие возвавши убогихъ, недостаточных, слѣпыхъ, хромыхъ и скулявыхъ[7] и пред очима того коваля разломилъ онъ крѣпель и реклъ: «Се, бѣдный человѣче, денги твои, которые далъ былъ въ руцѣ твои. Але ты изволил избрати крѣплю, полну земли и костей мертвечиихъ. И право, не есть воля Божия, чтобы ты свои пѣнязи имѣлъ». Тогды онъ господарь пред очима его тѣ пѣнязи роздал убогимъ, а коваль с великимъ срамомъ отшелъ.

Сему толкования нѣтъ.*

---

[1] здесь: выдолбленное из обрубка бревна вместилище (польск. kłoc); [2] странноприимный дом; [3] холодно; [4] в польск.: Już doświadczę, jestli — уже испытаю, есть ли; [5] крепель, крепль — род сосуда (в польск.: trzy kreple); [6—6] довольствуйся ей; [7] из польск. kulawych — хромых, перед полонизмом вставлен его перевод.

ПРИКЛАДНЫЙ ЖИВОТЪ СВЯТАГО ЕВСТАФИА И О НАВРАЩЕНИИ[1] БЛУДЯЩАГО[2].* ГЛАВА 34

Троянусъ,* король зацный[3] и велеможный[4], въ Римѣ градѣ королевствовалъ. И былъ въ его королевствѣ нѣкоторой рыцар крѣпкой и велми валечной[5], именем Плакидус, наивышний гетманъ королевский.* Тотъ былъ велми уставичный[6] в милосердныхъ дѣлахъ, але идолопоклонникъ былъ. И имѣлъ жену, тоя же вѣры и милосерду, и с тою имѣлъ два сына, которых велѣлъ выховать[7] [8]по обычаю своей шляхетности[8]. Але что былъ онъ милосердъ, и для того заслужилъ [9]святыню и путь правды[9].

И въ нѣкоторой день, какъ ѣхалъ он на ловъ[10], обрѣлъ стадо еленей, меж которыми обрѣлъ единаго, прекраснѣйша иныхъ, которой, отшедши из нихъ, в далнюю пустыню[11] бѣжалъ. А какъ рыцере его гонили оны елени, тогды Плакидусъ гетманъ с великимъ хотѣнием, хотящи самъ поимать онаго предобрѣйшаго еленя, гналъ за ним велми прудко[12]. Але елень взбѣжал на нѣкоторую высокую скалу, а Плакида, приближаючись к нему, мыслилъ, какъ бы его могъ ять[13]. И какъ онъ смотрилъ прилѣжно на онаго еленя, увидѣлъ межъ рогами его образъ святаго креста, свѣтяся яко солнце, и образъ Господа нашего Иисуса Христа, которой устами оного еленя (яко же нѣкогда елень[14] Валаама*) реклъ: «О, Плакидо, прочто мя гониши? Азъ есмь Христосъ, егоже ты чтеши, а не знаеши, которой [15]для милости твоей[15] явихся тебѣ звѣремъ симъ. Милостыни твоя взыдоша пред мене, и сего ради явихся тебѣ симъ еленемъ, егоже уловити хотѣлъ еси; азъ же изволихъ, да тебе самого уловлю». Але иные повѣдаютъ, что знамя страсти Христовы, что было меж роговъ онаго еленя, глаголало тѣ словеса.

Услышавши то, Плакидусъ ужаснулся велми и бысть яко мертвъ и спаде с коня. Потомъ по часѣ покрѣпившися, всталъ и реклъ: «Господи, повѣждь ми, кто еси ты, — и вѣрую в тя». Реклъ ему Христосъ: «Плакидо, азъ есмь Христосъ, иже сотворилъ небо и землю, и учинилъ свѣтъ, и раздѣлилъ свѣтъ от темности; которой уставилъ дни, времена и лѣта; которой сотворилъ человѣка от земли; которой для спасения человѣческаго плоть восприялъ, и распятъ былъ, и погребенъ, и третияго дня из мертвыхъ востаулъ».* Услышавши то, Плакидусъ второе палъ на землю и рекъ: «Господи, вѣрую, яко ты еси, сотворивый всяческая и [16]обращаяй от заблуждения[16]. Что ми повелѣваеши творити?» Реклъ ему

---

[1] обращении (в веру) (польск. nawróceniu); [2] заблуждающегося; [3] высокородный, знатный (польск. zacny); [4] могущественный; [5] мужественный, доблестный (польск. waleczny); [6] постоянный (польск. ustawiczny); [7] воспитать; [8—8] в польск.: wedle obyczaju swego i szlachetności — по обычаю своему и дворянства; [9—9] в польск.: oświeczon być na drogę prawdy — быть просвещенным на пути правды; [10] на охоту; [11] пустое, безлюдное место; [12] быстро, прытко (польск. prędko); [13] поймать, [14] в польск. — ослица; на полях глосса: оселъ; [15—15] в польск.: dla miłości twej — за любовь твою; [16—16] в польск.: który nawracasz błądzące — который обращаешь (в веру) заблуждающихся.

Господь: «Иди во градъ до епископа и крестися». Реклъ ему Плакидусъ: «Повелѣваеши ли, Господи, повѣдати сие женѣ и сыномъ моимъ, яко да и они вѣруютъ в тя?» Реклъ ему Господь: «Повѣждь имъ, да и они очистятся. А ты утро паки прииди здѣ, и явлюся тебѣ и повѣмъ ти, что имать впредь быти».

Тогда Плакидусъ пришедши в домъ и то все повѣдалъ женѣ своей. Рекла ему жена: «Господи, и азъ прошлой ночи видѣла есми глаголюща ко мнѣ: «Утро ты, и мужъ твой, и сынове твои ко мнѣ приидете». Нынѣ же познах, что то онъ есть Христосъ». И пошли нощию къ епископу римскому, которой ихъ съ великою радостию окрестилъ. И назвалъ Плакиду Евстафиушемъ, а жену — Феозбитою, а сыны — единаго Феозбитомъ, а другаго Агапитомъ.

И какъ было рано[1], тогды Евстафиусъ, яко же обычай имѣл, ѣхалъ на ловъ. И какъ былъ близко онаго мѣста, отбѣжалъ от другихъ рыцаревъ, яко бы за нѣкоторымъ еленемъ. И абие на ономъ мѣстѣ узрѣлъ образъ перваго видѣния и, падши на землю, реклъ: «Прошу тя, милый пане, да объявиши рабу твоему, что хощетъ быти». Реклъ ему Господь: «Блаженъ еси ты, Евстафие, яко приялъ еси воду и даръ ласки моей.* Уже бо побѣдилъ еси Диавола. Нынѣ же да явится вѣра твоя, ибо Диаволъ для того, что его оставилъ еси, разгнѣвался на тя и разными обычаи убирается[2] противъ тебе. Сего ради имаши много претерпѣти, да возмеши вѣнецъ побѣды, имаши уничиженъ быти от высокой суеты свѣта сего, а потомъ духовнымъ богатствомъ будеши вознесенъ. Але ты не устань а ни смотри на первую славу, ибо искушениемъ тѣмъ будеши, яко же вторый Иовъ.* И егда смиришися, тогда прииду къ тебѣ и привращу тя паки къ первой хвалѣ. Сего ради повѣждь ми, нынѣ ли хощеши искушение терпѣти или на концу живота своего?» Евстафиусъ же реклъ ему: «Господи, коли уже то имать быти, да изволиши теперь попустити искушение на мя, развѣ[3] подаждь помощь претерпѣти». Реклъ ему Господь: «Будите мужествени, благодать моя будетъ соблюдати душъ вашихъ». Потом невидимь бысть от очию его Господь, а Евстафиусъ, возвратився в домъ свой, повѣдалъ то женѣ своей.

Потом по нѣкоторыхъ дняхъ пришолъ моръ на слуги его и служебницы его, и помроша вси. Потомъ вскорѣ поздыхали ему кони и весь скот его. Потомъ же нѣкоторые злодѣи, видячи то несчастие его, приидоша нощию въ домъ его и все, что ни было: злато, и сребро, и иныя вещи — побрали все. Тогды Евстафиусъ, воставши нощию, со женою и сыны избѣгоша из дому своего и Господу Богу за то благодарение воздаша; и [4]для сраму[4] пошелъ до Египту. И тако вся благая[5] его ни во что же обратишася от драпѣжества[6] злых человѣкъ. Потомъ король и вси сенатори жалѣли велми таковаго мощнаго и валечнаго гетмана, что не вѣдали, гдѣ ся онъ дѣлъ.

---

[1] утро; [2] снаряжается (польск. ubiera się); [3] только; [4—4] от стыда; [5] богатство; [6] от грабительства (польск. przez drapieżstwo), на полях глосса: шарпание.

Егда же Евстафиусъ со женою своею пришелъ къ морю, всѣдши в корабль, везяшеся до иного королевства. И увидѣвъ панъ того корабля жену Евстафиеву велми красну и пожадалъ ей. И какъ превезошася, тогды онъ превозникъ хотѣл заплаты от нихъ; але *когда*[1] не имѣлъ, чим заплатити, велѣлъ жену его взяти въ заплаты мѣсто, хотячи ю имѣть. Услышавши то, Евстафий никакимъ обычаемъ[2] не хотѣлъ къ тому произволить. И какъ онъ противенъ[3] былъ кораблeнику, тогды кораблeникъ онъ кивнулъ своимъ перевозникомъ, чтобы его в море вкинули, да возметъ себѣ жену его. Увидѣвши то, Евстафиусъ оставилъ тамъ жену свою, велми жалѣя об ней, и, вземши оба сыны своя с собою, шелъ, велми плачучи, глаголя: «О, Боже Всемогущий, почто на мя иные пляги[4] не допустилъ? Бѣда мнѣ и вамъ, сыночкове милые, ибо матка ваша дана иному мужу».

И какъ онъ пришелъ до нѣкоторой рѣки, и для глубины тоя рѣки не смѣлъ пренести обѣихъ дѣтей своихъ, але положивши едино на брезѣ, преносилъ другое чрез рѣку. И пренесши, посадилъ é на берегу и шелъ по другое. И какъ былъ посреди рѣки, тогды прибѣжалъ волкъ и похватилъ оно дитя, которое пренесено было, и побѣжалъ с нимъ в лѣсъ. Видячи то Евстафиусъ, не имѣя никоторой надежди о немъ, потщался[5] по другое. Але нежели[6] дошелъ, пришедши левъ, взялъ и другое дитя его и бѣжалъ с нимъ прочь. Видячи то Евстафиусъ, будучи самъ посреди рѣки, почалъ плакать, глаголя: «Боже, уже все еси от меня взялъ, не остави мене». И были тамо пастырие, пасуще стада, и узрѣвши, что левъ несетъ дитя, бѣжали за нимъ со псы. И было то строениемъ Божиимъ, что левъ то дитя повергъ, ничтоже вредивъ. И другое дитя орачи[7] увидѣвши, волкомъ несемо, кричали за нимъ и [8]из его щок é выбавили[8]. А тѣ пастыри и орачи из единой веси были и ховали тѣхъ дѣтокъ у себе.

Тогды Евстафиусъ, не вѣдая ничтоже о дѣтяхъ своихъ, идучи дорогою, велми плакалъ, глаголя: «О, сколь много я преже сего имѣлъ челяди своей, а нынѣ уже самъ един остался, ниже дѣтей своих моглъ соблюсти. Памятуй, Господи Милостивый, что повѣдалъ еси мнѣ, яко буду искушение терпѣти, яко же Иовъ. И здѣ бысть ми паче Иова: он бо аще и вся погуби, а всяко же имѣлъ гной[9], на которомъ сидѣлъ, азъ же и того не имамъ; онъ имѣлъ други, которые его разговаривали[10], а мнѣ и звѣри не прияютъ и дѣтушекъ моихъ пожроша; онъ имѣлъ жену свою, а от мене и жена взята. Дай, милый Господи, терпливость и отхоложение от печали моей и положи хранение устомъ моимъ, чтобы не отступило сердце мое къ ближнему». И то рекши, Евстафиусъ шелъ до нѣкоторой веси и тамо пятьнадесять лѣт паслъ овцы, а сынове его во другой веси пребывали, не вѣдаючи единъ о другомъ, что они братия суть. А какъ панъ того ко-

---

[1] слово вставлено по польскому тексту; [2] образом; [3] супротивен; [4] испытания, удары судьбы (польск. plagi); [5] поспешил; [6] из польск. niżli — прежде чем, в С : pirwej niżli; [7] пахари; [8—8] польск.: z jego paszczek je wybawili — из его пасти его освободили; [9] навозная куча, свалочное место для отходов; [10] утешали разговорами.

рабля взялъ жену Евстафиеву, и не позналъ ея тѣлеснѣ, але потомъ вскорѣ умерлъ.

Потомъ же цесарь и людие римстии, какъ были нагабани[1] от неприятелей, и вспомнивши Плакиду рыцаря, какъ онъ крѣпко и мужественно стоялъ, печални были об немъ съ его [2]наглаго премѣнения[2]. И послалъ цесарь свои послы по различнымъ странамъ свѣта сего, обѣщевая имъ, что, кто его найдетъ, тотъ великой даръ от цесаря возметъ. Тогды нѣкоторые рыцаре, которые служивали Плакидѣ, приѣхали и до той веси, в которой Плакидусъ пребывалъ. И какъ Плакидусъ шелъ с поля и, узрѣвши, позналъ ихъ и, вздыхаючи, почалъ вспоминать первую достойность и честь свою, в которой преже былъ, — и мыслилъ в сердцы своемъ: «Боже Всемогущий, яко же далъ ми еси видѣти тѣхъ, которые со мною бывали, тако же дай мнѣ, милый Господи, да быхъ жену мою нѣкогда видѣти моглъ; а о сыночках моих вѣмъ, что звѣрие пожроша ихъ». И абие гласъ бысть ему, глаголющь: «Евстафие, имѣй благу надежду, ибо паки вскорѣ приидеши къ первой чести твоей и богатству и жену и сыновъ твоихъ обрящеши».

И встрѣтивши Евстафиусъ оны рыцари, поздравствовалъ имъ. А они его не познали и почали его вопрашивати, глаголюще: «Приятелю милый, не вѣси ли о единомъ пелгримѣ, именем Плакидѣ, со женою и со двѣма сыны?» Отповѣдалъ имъ Плакидусъ[3]: «Не вѣде». И просилъ ихъ, чтобы вступили до господы; и внидоша. А Евстафиусъ служилъ имъ и, поминаючи первый санъ свой, не могъ удержатися от плача; и вышедши на дворъ, умылъ лице свое и, вшедъ, паки служилъ имъ. Тогды они прилѣжно смотрѣли на него и глаголали меж собою, яко «велми подобенъ есть человѣкъ сей оному, егоже ищемъ». Реклъ ему другий: «Заправду велми подобенъ есть, але осмотримъ, имать ли язву[4] на главѣ, которая ему прилучилась на бою, тогды тотъ есть». И увидѣвши ону язву у него на главѣ, абие[5] познали его и возрадовалися велми. И вопрошаху его о женѣ и о дѣтяхъ. Отповѣдалъ им Евстафиусъ: «Дѣти мои помроша, а жена моя ята[6] есть». Услышавши сосѣди то познание и величество Евстафиево от оныхъ пословъ, снидошася вси и дивилися тому. Тогды они послове повѣдали ему приказание цесарское и облекоша его в честное одѣяние и взявше его с собою, поѣхали въ Римъ въ пятьнадесять дней.

А какъ уже Евстафиуш былъ близко града, услышавши то, цесарь выѣхалъ противу ему и приялъ его съ великою честию и радостию. Тогды Евстафиусъ повѣдалъ пред всѣми вся прилучившаяся ему и взятъ былъ паки на гетманство, яко же и преже. Тогды Евстафиус собралъ воинство противъ неприятелей; и видѣвъ, яко еще мало войско, того дѣля велѣлъ юнаковъ[7] достойныхъ приправлять[8] из градовъ и из весей. А какъ из той веси, в которой его сынове воспи-

---

[1] подвергнуты нападениям (польск. nagabani); [2—2] неожиданного исчезновения (польск. nagłego przemienienia); [3] на полях глосса: Евстафиусъ; [4] рану, здесь — след от раны; [5] тотчас; [6] захвачена; [7] юношей; [8] доставлять, направлять.

тани были, дву выправить[1] прилучилось, *то* всѣ они сосѣди выправили оны два сыны Евстафиевы яко достойнѣйших паче иныхъ. Тогды Евстафиусъ, видячи два юноки [2]удатны и обычайны[2] паче иныхъ, полюбилъ ихъ велми. А какъ уже имѣлъ воевать, поставилъ сыны свои на спицы[3] меж славнѣйшыхъ рыцаревъ. И воевалъ счастливѣ и побѣду над неприятельми одержалъ.

Потом, подбивши всѣхъ неприятелей, велѣлъ Евстафиусъ на нѣкоторомъ мѣстѣ опочивать[4] своему воинству три дни. И прилучилось с пригоды[5], что жена его была в той же господѣ[6], в которой сынове его были, не вѣдаючи о матцѣ своей. И как оны два сынове сидѣли подле себе и о своей младости вкупѣ повѣдали, тогды матка ихъ за ними сидѣла и все, что они повѣдали, внятно слышала. И повѣдалъ старѣйший юнѣйшему, глаголя: «Я какъ былъ дитятемъ, ничего иного не помню, развѣ то, что мой намильший отецъ былъ гетманомъ, а матка моя была велми красна, а имѣли двухъ сыновъ: мене и другаго, юнѣйшаго. А какъ родителие наши от лихихъ людей в ночи драпѣжества[7] взяли[8], такъ что все ихъ добро побрали, тогды они, взявши насъ, двухъ сыновъ, вышли из дому для[9] великаго упадку[10] своего и, пришедши до моря, всѣли в корабль, яко да пловутъ на ину землю. И какъ преплыли и изыдохомъ из корабля, тогды матка оставлена была на мори, не вѣмъ, для чего, але отецъ, взявши насъ двухъ, шелъ, плача. А какъ пришелъ к нѣкоторой рѣкѣ, тогды, оставивши мене на берегу, брелъ чрез рѣку, пренося брата моего. А какъ паки возвратился, чтобы мене такожде перенесть, тогды волкъ, прибѣжавши, взялъ брата моего. А нежели ко мнѣ пришелъ, тогды левъ выбѣжавши из лѣсу и похватилъ мене, але пастырие исторгоша мене из щокъ его. И воспитанъ есми во оной веси, яко же о семъ добрѣ вѣмъ». Услышавши то, братъ юнѣйший почалъ говорити, плачучи, глаголя: «Свидѣтель ми есть Господь Богъ, якоже[11] слышу, что братъ мой еси, ибо тии, которые воспитали мя, повѣдали мнѣ, что из челюстей волка исхитиша». И объяшася, начаша цѣловатися меж собою, плачучи.

Услышавши то, матка ихъ размышляла долго, что то сынове ея есть. Тогда во другий день пришла ко Евстафию гетману и почала его просити, глаголя: «Пане милый, прошу твоей милости, вели мене взяти с собою до отчины моей, ибо есмь из Римской земли и здѣ давно уже пребываю в чужей земли, пелгримуючи». И изговоривъ то, увидѣла на немъ знамение[12] и познала его, что онъ мужъ ея есть, и не могла удержатися, але падши у ногъ его, просила его, глаголя: «Прошу тя, пане милый, да повѣдаешь ли мнѣ первое[13] житие свое, ибо я мню, что ты еси Плакида гетманъ, которой другим именемъ нареченъ Евстафиусъ, котораго Спасъ обратилъ, которой много скорбий терпѣлъ, его же жена азъ

---

[1] снарядить, отправить (польск. wyprawić); [2—2] ловкие и учтивые (в польск.: udatne y obyczajne); [3] в головную часть войска, чело (польск. na spicy); [4] отдыхать; [5] случайно (польск. z przygody); [6] постоялом дворе; [7] грабежа, на полях глосса: шарпания; [8] в польск.: cirpieli — терпели; [9] из-за; [10] оскудения; [11] в польск. jako — что; [12] знак; [13] прежнее.

есмь, которая на мори оставлена была и есмь сохранена от всякия скверны, которой имѣлъ дву сыновъ, Агапита и Елзбета[1]». Услышавши то Евстафиусъ и смотрячи на нь прилѣжно и позналъ ю. И для великие радости почалъ велми плакать. И обнявши и цѣлововавъ ю, хвалилъ Господа Бога, который утѣшаетъ в скорбехъ и в смуткахъ[2].

Тогды рекла ему жена его: «Гдѣ суть сынове наши?» Отвѣща ей Евстафиусъ: «Звѣри лѣсные поядоша ихъ». И повѣдалъ ей поряду, какъ ихъ погубилъ[3]. Але она рекла: «Благодаримъ Господа Бога, яко имамъ надежду, что какъ Господь Богъ далъ намъ, что мы вкупѣ обрѣтохомся, дастъ такоже, что и сыны своя познаемъ». Реклъ ей Евстафиус: «Рѣхъ ти, яко звѣрие пожроша ихъ». Але она рекла: «Вчера, сидячи во огородѣ[4], слышала есмь дву юношей, такъ о себѣ повѣдающихъ, и мню, что то суть сынове наши. Вопроси ихъ, да повѣдятъ ти». Тогда Евстафиусъ призвалъ ихъ к себѣ, вопросилъ ихъ: «Откуду есте вы?» Они же ему все повѣдали. Потомъ Евстафиусъ, услышавши все ихъ повѣдание, позналъ, что то суть сынове его; и обнимаючись с ними, такоже и съ материю ихъ, от радости великой плакали. И для того ихъ познания и побѣды было великое веселие во всемъ воинствѣ его.

И какъ паки до Риму возвратишася, Троянъ кесарь уже умеръ, тогды на мѣсто его взятъ бысть инъ, именемъ Адриан.* И той для побѣды Евстафиевы и для обрѣтения жены и сыновъ его приялъ ихъ с великою честию и учинилъ великой пиръ. Другаго же паки дни шелъ Адриан цесарь [5]до костела болванского[5], яко да принесетъ жертву богомъ для бывшия побѣды. И видѣ цесарь, яко Евстафиусъ ни для побѣды, также ни для радости обрѣтения своихъ не хотѣлъ жертвовать, напоминалъ ему, да жертвуетъ. Реклъ ему Евстафиусъ: «Азъ похвалю Христа, Господа моего, и ему единому служю и жертву приношу». Тогды цесарь разгнѣвался, повелѣлъ его со женою и съ сыны на нѣкоем мѣстѣ поставити и велѣлъ лва люта пустити на нихъ. Тогды левъ, прибѣжавши къ нимъ, наклонилъ главу пред ними, яко бы се покланяяся имъ, и потомъ покорнѣ от нихъ отшелъ. Видячи то, кесарь повелѣлъ [6]разжещи мѣдяной волъ[6] и велѣлъ ихъ живыхъ в него вметати. Тогды Евстафиусъ с своими сыны, молящеся, предалися Господу Богу, вступили во онъ волъ и от сего свѣта преидоша в вѣчный животъ. По триехъ же днехъ обрѣтоша ихъ ничимъже вредимы от огня, такъ что ни единъ власъ погибе от главъ ихъ. Потомъ христиане взяша тѣлеса ихъ и погребоша ихъ съ великою честию. И на том мѣстѣ послѣди созданъ бысть костелъ.

Пострадаша святии от Адриана кесаря лѣта Господня 120-го.

---

[1] на полях глосса: Неописта; [2] в печалях; [3] потерял; [4] в саду; [5—5] до божницы языческой; [6—6] разжечь огонь в медном быке.

ПРИКЛАДЪ О ВАЖНОСТИ ВѢРНОСТИ, ИЛИ О БРАЦѢ. ⟨ГЛАВА⟩ 35

Король нѣкоторой королевствовал, въ егоже государствѣ пойманъ былъ нѣкоторой юноша от разбойникъ. И будучи онъ за приставомъ[1], писалъ ко отцу своему, моля его, чтобы его выкупилъ. Але отецъ не хотѣлъ его выкупить, и какъ[2] такъ юноша долгое время былъ там в вязенью[3]. А тотъ, которой его у себя за приставомъ држалъ, имѣлъ у себя чудную дщерь, которая вдячна[4] всѣмъ была. Та тогды дѣвица пребывала у отца до двунадесяти лѣтъ, которая часто онаго юношу навѣщала. Але онъ такъ [5]засмущенъ былъ[5], что никакою утѣхою не могъ утѣшитися, але без престани воздыхал и плакал.

И прилучилось в нѣкоторой день, какъ та панья пришла по своему обычаю навѣстити онаго юношу, молвилъ ей тотъ юнакъ: «О, милая панья, молюся тебѣ о томъ, чтобы ты меня от сей неволи избавила». Она же къ нему рекла: «Како же мнѣ то учинить, коли отецъ твой не хочетъ тебя выкупить? А якъ[6] далеко я (понеже не от нашея крови еси, ни от родства), — имѣла быхъ то тебѣ учинить или о томъ мыслити, чтобы тебе из неволи свободити, то великую неприязнь[7] отцу своему учиню, и тогды отецъ мой погубитъ[8] откупъ твой, которой за тебе будетъ ему данъ. А [9]всяко же[9] будетъ обѣщаешися исполнити мнѣ едину вещь, то я тебя избавлю затымъ». Реклъ онъ юнакъ: «Жадай[10] от мене, милая панья, чего хочешь, то я для тебя учиню с радостию». А она ему рекла: «Ничего иного не жадаю за то свобожение, толко чтобы еси ты понял[11] себѣ меня в жену во время подобно». Реклъ до ней: «То я тебѣ вѣрнѣ шлюбую[12]». Тогды она панна без повелѣния отча того юношу абие выпустила из того вязенья и сама с нимъ утекла до его отечества.

И какъ тотъ юнакъ пришелъ къ своему отцу, отецъ же, видѣвъ сына своего свободна, возрадовался и реклъ: «Сыну мой милый, велми азъ веселюся о свобожении твоемъ. А что есть сия панна, которая с тобою пришла? Яви ми об ней». Реклъ ему сынъ: «Сия панна есть королевна, а я пойму ю себѣ за жену». Реклъ къ нему отецъ: «Не хочю азъ того, что тебѣ пояти ю, да не погубиши весь родъ нашъ». Але сынъ к нему рекъ: «И что то говоришь, милый отче, наипаче[13] я сей паннѣ повиненъ[14], нежели тебѣ, зане какъ я пойманъ былъ от неприятелей и в вязенью держанъ, писалъ я к тебѣ, чтобы ты меня выкупилъ, и ты меня не выкупилъ, а она не толко что меня из темницы избавила, але и от смерти, и сего дѣля хочю пояти ю себѣ в жену». Реклъ ему отецъ: «Сыну, раду[15] тебѣ даю, чтобы ты ее не поимывалъ, потому что она своего власнаго[16] отца здрадила[17], когды

---

[1] под стражей; [2] слово доб. ошибочно, в польск. нет; [3] в плену, [4] мила (польск wdzięczna); [5—5] опечален был (польск. zasmucony był); [6] так как; [7] зло; [8] потеряет, не получит; [9—9] однако же (польск. wszakosz); [10] желай; [11] взял; [12] обещаю (польск. ślubuję); [13] гораздо больше; [14] обязан; [15] совет (польск. radą); [16] собственного (польск. własnego); [17] обманула (польск. zdradziła).

без его воли высвободила ис темницы, и того дѣля ея отецъ немалу шкоду[1] терпитъ, и сего дѣля не подобаетъ тебѣ вѣрити ей, ниже поняти ю себѣ. Другая причина къ тому сия есть: что она тебя избавила — и то она учинила для похоти тѣла, иже бы тебя за мужа имѣть себѣ могла. А коли уже похоть причиною была твоего свобожения, и то мнѣ ся видитъ: лутчи, чтобы тебѣ не поняти ю.

Панна же та, услышавши причины тѣ противъ себе, на то отповѣдь учинила такову: «Мниши ты, что я отца своего здрадила. Вѣдай о семъ, яко тотъ бываетъ здрадзонъ, которой в чемъ терпитъ недостатки великия. Але отецъ мой толико есть богатъ, что чужаго вспоможения не требует. А какъ я увидѣла сего юношу такъ велми скорбна и худа в темницѣ, и избавила его от той бѣды. А хотя бы отецъ мой и взялъ за него выкупъ, то для того откупу не былъ бы тѣм богатѣе, ниже тѣмъ убогъ будетъ. И то я добрѣ учинила, что его избавила; а отцу моему в томъ кривды не учинила. А противъ другой причины тебѣ отповѣдаю: что ты мниши, что я для похоти тѣлеснѣй учинила. И то явно узнаешь, что того причина та не была, ибо похоть тѣлесная приходитъ или от чудности и красоты лица, или богатства ради. или чести ради болшия[2], а твой сынъ того ничего не имѣлъ, потому что красота его в темницѣ зашкаредѣла[3], [4]такоже ни богатства что имѣлъ у себе — и самъ за себе не имѣлъ что откупу дати[4], такоже ничѣмъ былъ мощенъ — крѣпость[5] его умягчена была *во* оковахъ. Едина то любовь учинила, что азъ его свободила».

Тогды отецъ услышавши сия, не противился воли сыновни, а сынъ с великимъ веселиемъ поялъ ту панью. И в покою совершили дни свои.

Выкладъ обычайный

Намилѣйшая братие, тот сынъ, котораго яли разбойники, есть родъ человѣческий, которой, [6]ятъ есть[6] грѣхомъ (сирѣчь преступлениемъ заповѣди) перваго отца нашего Адама, в темницы и крѣпости диаволи держимь былъ. Отецъ, которой его не хотѣл выкупить, то есть миръ сей, иже не хотѣлъ человѣку, въ темницы ада держимому, помощи[7], [8]але его наипаче хотѣлъ тамъ одержима быти[8]. Панна, которая его посѣтила в темницѣ — то есть божество Христовой души совокуплено, иже милость показало и любовь роду человѣческому, егда [9]по Господни Страсти[9] сниде во адъ и человѣка бѣднаго от власти Диаволя избави.

---

[1] убыток (польск. szkodę); [2] в польск. далее следует: albo też przez moc — или также ради силы; [3] в польск.: jest zeskaradzona — обезображена; [4—4] в польск.: nie był też bogaty, bo sam nie miał, czymby się odkupił — не был также богат, ибо сам не имел, чем бы откупиться; [5] сила; [6—6] в польск.: jęty — ятый, захваченный; [7] помочь; [8—8] в польск.: ale go więcey trzymał; [9—9] в польск.: po męce swej — после муки своей.

Отецъ Небесный не требуетъ нашихъ богатествъ, ибо онъ паче всѣхъ богат есть и зѣло благъ. Сего ради Христосъ милостию своею сниде к намъ с небесъ, егда воплотися, и всяко[1] же ничего не жадаетъ[2] от насъ, толко чтобы человѣку былъ пошлюбенъ[3] и совокуплен, по оному писму Иосиа[4] пророка, въ 30-ой главѣ: «Пошлюбитъ ю себѣ въ *вѣрѣ*».* А [5]всяко же[5] отецъ нашъ, сирѣчь свѣтъ сей, емуже много послушныхъ есть, противъ тому возбраняетъ, глаголя: «Не можемъ Богу служити и Мамонѣ»,* по святому Матфею евангелисту, въ 6-ой главѣ. Иже кто оставитъ отца или матерь, братию, жену, дѣти и домы или села имени ради Христова, сторицею прииметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ.* К нему же приити сподоби насъ, Боже, въ Троицѣ единый благословенный.

ИСТОРИЯ О АПОЛЛОНѢ, КОРОЛИ ТИРСКОМЪ, И О ТАРСѢ КОРОЛЕВНѢ. ПРИКЛАДЪ, ЧТО ПЕЧАЛЬ ПРЕМѢНЯЕТСЯ ВЪ РАДОСТЬ.* ⟨ГЛАВА⟩ 36

Антиохъ,* король велми силный, в земли греческой кралевствовалъ. В той земли того имяни много королей было, але сего Антиоха писание наипаче похваляетъ мудрости ради его и великихъ дѣлъ. И назвали его Великим Антиохомъ. И былъ онъ лица краснаго, возрасту[6] высокаго, смыслу мудраго, гласу ясного, сердца смѣлаго, наипаче[7] же къ воинскимъ дѣламъ охочь былъ. Той какъ выѣхалъ на войну из своей земли, не возвратился до седми лѣтъ до дому, различныхъ земель добываючи. И какъ себѣ великия страны вселенныя покорилъ под свою державу[8], возвратился до своей земли и создал градъ твердъ и богатъ, егоже от своего имени прозвалъ Антиохиа.* И в томъ онъ градѣ с своею кралевою и со всѣмъ дворомъ своимъ пребывал. А та его кралева была от Бога нарожена высоцѣ[9]: красы чудной и бесѣдою сладка, паче же всего житиемъ чистымъ и вѣрнымъ сердцемъ. Та имѣла дочь от своего короля такову красну, что въ поднебесной всей паче ея красоты не обрѣташеся[10].

И стало такъ, какъ королева умерла, оставила королю великую жалость[11] въ сердцы. Тогды король начатъ [12]со дщерию своею дары дарить[12], [13]бо на ней ницъ не было замешкало прироженье[13], развѣ что ю Богъ смертно[14] учинилъ. Потомъ по жалости той и плачю король утѣшился и разслалъ послы по

[1] однако (польск. wszak); [2] не желает, не ждет; [3] здесь: обручен (польск. poślubion); [4] в польск. Ozeasza, в лат. Осее — Осии; [5—5] однако же (польск. wszakoż); [6] росту (польск. wzrostu); [7] более всего; [8] власть; [9] весьма, в высшей степени (польск. wysoce); [10] не имелось, не отыскивалось; [11] печаль; [12—12] в первонач чешск. редакции дочь одарена дарами от Бога: «.. a dceru jemu ostavi, všemi dary buohem obdařenu», в поздней чешск. ред. *отец* одаривает дарами дочь: «tehdy Král pocal welikými Dary Dceru dařiti», в польск. отец дарит дары с дочерью: «Tedy krol jął się z córką swą dary darzyć», что точно передает русск. перевод; [13—13] ибо в ней ничего не было земного (польск. bo na niej nic nie było zamieszkało przyrodzenie); [14] смертной.

всѣхъ дворѣхъ княжецкихъ, чтобы ему сыскали панну, которая бы была первой кралевой подобна. Послове же много искали и, не обрѣтше, возвратилися паки[1], повѣдаючи королю, что первой кралевѣ ни единыя подобны не видали. Потомъ посылалъ другие послы, и третие, и ни тѣ такоже подобны первой не обрѣли. И от того наипаче обновилася королю память смерти кралевѣ, и началъ велми тоснути[2].

И от тоя тоски впала въ сердце его красота дочери его, и почалъ дочь свою любити. Але любовь не могла тайнѣ быть, такъ король любовь къ дочери своей оказывалъ не толко словы, але и [3]безчисленными скутки[3]. Кролевна то узнавши, рекла ему: «Разуму много имѣеши в себѣ, о королю, помяни, яко отецъ еси мнѣ, и то всегды во умѣ своемъ имѣй, яко азъ дитя твое». Отповѣдалъ ей краль: «Забылъ есми все то, и что ты дщерь моя еси. Але есть мнѣ на мысли, что ты жена еси моя». Рекла ему дочь: «Азъ слову в честности своей кралевскою дщерию, а не женою, ниже хощу быти ею. И лучше мнѣ тамъ быти, идѣже мене кралевою не будутъ звати». И то рекши, встала от отца с плачемъ великимъ. Услышавши то, король засмутился[4] велми и сторожи поставилъ, чтобы никуды не утекла.

И по нѣколицѣхъ днехъ пришед паки к ней и почалъ ея утѣшать, глаголющи: «[5]Всяко то ты добрѣ вѣдай[5], что азъ без жены быть не могу, а кромѣ тебе иной не хочю». Рече ему дочь: «Реку ти, яко побѣдитель еси ты, но нѣси таковъ, аще не одолѣеши злыя мысли своея. Но лучше ти есть побѣдителемъ быти умыслу своего, нежели разоряти или доставати иныя страны и грады или побѣждати силныя короли. Одолѣй, королю, нелѣпую свою мысль, н*е* дай о себѣ, такоже и о мнѣ такой повѣсти злой обноситися». Отвѣщалъ ей король: «Вначалѣ будет о томъ рѣчь, але когды ся мало позастарѣетъ, тогды людие умолкнут; и се хочю тебѣ доказать».

И вышедши от ней, повелѣлъ много поставовъ[6] золотыхъ принесть и той же ночи велѣлъ [7]ими весь градъ и улицы разпространить[7]. И какъ на утрее рано людие такие поставы драгие по земли посланы увидѣли, не смѣлъ ихъ никто топтать. Але другаго дня начали по нихъ ходить, а въ третий день почали по нихъ и с возы ѣздить. Потомъ король пришелъ къ дочери своей и реклъ ей: «Всего свѣта краснѣйшая, видиши ли то, что людие новому чему дивятся и о томъ много глаголютъ, а какъ се позастарѣетъ, потом того и въ уста не возмутъ». Она же ему отвѣщала: «Отче, вѣмъ то, что новина, какъ свѣдаютъ людие, то на время умолкнутъ, але по сту лѣтѣх, какъ ю кто вспомнитъ, тогды паки обновится. Сего ради вѣдай, отче, что лутче мнѣ умрети, нежели *бы* такой учинокъ[8] учинила». А то рекши, встала от отца.

---

[1] обратно; [2] тосковать, тужить (в Б.: tęsknić, в С.: tużyć); [3] в польск : niezliczonemi skutkami (бесчисленными действиями), из чешск. neslyczními (вар.: nestydatými) skutky — непристойными поступками; [4] опечалился (польск. zasmucił się); [5—5] в польск.: wszak to dobrze wiesz — ведь ты то хорошо знаешь; [6] дорогих тканей; [7—7] их по всему граду и улицам расстелить; [8] поступок, дело (польск. uczynek).

Потомъ в нѣкоторой день шла та королевна от костела въ ризахъ [1]коштовныхъ со златомъ приправленыхъ[1]. Солнечныя лучи, о*т*ражаючись от злата, ударили ей въ лице, и процвѣте лице ея такъ, что подобна была видѣнию аггелскому, а не человѣческу. То увидѣвши, отецъ дивился и от великой радости палъ взнакъ[2] на земли. И тайно пришелъ къ дочери своей и обрѣлъ ю едину в комнатѣ и учинилъ с нею упорнѣ[3] волю свою. Тогда королевна почала [4]того учинку[4] велми плакать и закричала гласомъ великимъ. А какъ ея маршалокъ* къ комнатѣ прибѣжалъ, увидѣвши то ея мамка[5], замкнула комнату и начала ея вопрошати, что се сотворилося. А она ей повѣдала все, что ей от отца учинилось. Але она уговаривала ея и заповѣдала ей тотъ учинокъ таити. Але король ту злость, которую почалъ, [6]горѣе доконалъ[6] а от того зла не престалъ.

Тогды кролеве далнии, услышавши о красотѣ дщери Антиоха короля, хотѣли ея койждо за своя сыны шлюбить[7]. Але Антиохъ (хотячи всегды под отцовскою особою с своею дщерию [8]воли своей уживать[8])[9] и не хотѣлъ ея от себе никому дать, но велѣлъ по земляхъ и украинахъ[10] выкликать, такъ глаголя: «Король грецкий Антиохъ такъ знать даю: дщери моей никому не дамъ; развѣ кто загадку мою отгадаетъ — тому свою дочь дамъ. А кто загадки не отгадаетъ — тотъ [11]горло свое стратитъ[11]». И для той уставы многие убоялися, и многие, надѣявшися на счастие свое, просили ея, ибо кролевна таковой красоты была, какъ ея кто увидитъ, тотъ горла своего не пощадитъ. А кто[12] койждо[13] от короля загадку приялъ и не отгадалъ ей, тотъ горло стратилъ. А аще бы кто отгадалъ, тому король такъ говорилъ: «Загадки еси не отгадалъ, и того дѣля даю тебѣ сию нощь на размышление и животъ здравъ, размышляй себѣ, какъ лутче». А как на другой день премѣнитъ отгадъ и инако учнетъ отгадывать, а не по-прежнему, тому повелѣвалъ главу стять[14] и на вратѣхъ повѣсить казалъ, идѣже была та его устава написана, чтобы всякъ пан, которой жадалъ дочери его, тот бы, устрашася того, на то не дерзалъ.

И какъ уже много княжатъ и королевичевъ постинано[15] было, тогды Аполлонъ, король тирский,* услышавши о той королевнѣ и о неизреченнѣй ея красотѣ, такоже и о мудрости отца ея и о его наглости и свирѣпствѣ, помыслилъ самъ въ себѣ: «Кто того не вѣдаетъ, иже [16]кто не важитъ, тотъ не преважитъ[16]. Иду я и узрю, что знаю». Былъ тотъ король Аполлонъ человѣкъ великой мудрости и своимъ дворствомъ велми честенъ и [17]житием юнокъ зѣло удатенъ[17]. И что

[1—1] дорогих, золотом украшенных (в польск.: ze złotem kosztownie przyprawionych); [2] навзничь; [3] упорно, настойчиво; [4—4] из-за случившегося, из-за того дела; [5] кормилица; [6—6] еще злее (горше) совершал (в польск.: gorzej dokonał, в чешск: wijc konál); [7] сосватать (польск. ślubić); [8—8] властью своей пользоваться (польск. wolej swej używać); [9] текста, заключенного в скобки, в чешск. нет; [10] странам (польск krajnach); [11—11] горло (т. е. жизнь) свое потеряет (польск. gardło straci), [12] слово излишне; [13] каждый, кто; [14] отсечь (польск. ściąć); [15] обезглавлено, казнено; [16—16] кто не отваживается, тот не побеждает (в С.: kto nie waży, ten nie przeważy, в Б.: kto nie waży, ten nie ma); [17—17] в жизни удалец очень ловкий.

он умыслилъ, далъ [1]своей рады[1] вѣдать. И рады его почали ему отговаривать, але онъ ихъ не послушалъ.

И брался до Антиохии пред Антиоха короля, реклъ: «Здравъ буди, Антиоше, королю и цесарю неодолѣемый, азъ приѣхалъ к твоему двору, жадая приближитися роду твоему». Отповѣдалъ ему Антиохъ: «Вѣдаеши ли право[2] двора моего?» Отповѣдалъ Антиохови Аполлонъ: «Вѣмъ и прочитахъ é на вратѣхъ, и сего ради приѣхалъ къ тебѣ, да услышу мудрость твою». Реклъ ему Антиохъ: «Мое право твою шею отъиметъ. А ты сынъ еси отца великаго, сего дѣля тебѣ совѣтъ даю: индѣ[3] поищи себѣ приятеля». Отповѣдалъ Аполлонъ: «Тебѣ то вѣдомо чиню, яко дочери твоей хочю». Рече Антиохъ: «Слыши, Аполлоне, слово мое: да изыдеши мало[4] пред сѣни, а я помыслю о гадцѣ, а ты такоже размысли себѣ, хочешь ли мою гадку отгадать, и паки возвратися ко мнѣ слышати. А естьли тебѣ мила шея твоя, поѣдь до Тира за моимъ отпущеньемъ». Тогды вышед пред сѣни, и абие почали ему всѣ совѣтовать, чтобы онъ ѣхалъ прочь. А онъ имъ то отповѣдалъ: «Азъ гадки для приѣхалъ, а до загадки прочь не ѣду. А будетъ ли [5]бѣгу треба[5], тогды и послѣ загадки прочь поѣду». И шелъ пред короля.

Антиохъ ему рече: «Хощеши слышати гадки?» Аполлонъ реклъ: «Радъ есми слышати всяко». Тогды Антиохъ реклъ: «Гадку сию тебѣ повѣдамъ: свое тѣло ѣмъ и свою кровь пью, есмь зять свой, моей жены животъ мой, отца дочери жадаю, моей жены мужа не видать». Услышавши Аполлонъ гадку, реклъ королю: «Азъ мнѣхъ нѣчто новое от тебе днесь слышати, а сия гадка мнѣ явна есть и малой ваги[6] есть. Сего ради дай мнѣ знать: тайно ли ю повелѣваеши выложить или явно?» Антиохъ реклъ: «Выложи ю явно». Тогды Аполлонъ выклалъ гадку, рекучи: «Свое тѣло ѣжъ и свою кровь пьешь — то есть свою дщерь держишь. Она бо есть тѣло твое и кровь твоя. А что зять еси свой — то есть мужемъ еси дочери своей. А что отца видѣти жадаетъ — то есть хотя и долго будеши жадати, не узришь, ибо яко же дщери своей мужемъ еси, тако же и право отцовское к ней погубилъ еси. А что своей жены мужа не видаешь — то есть своей дочери мужемъ быти не можешь». И какъ ему Аполлонъ такъ гадку ту выложилъ, запалился[7] Антиохъ яростию великою и реклъ: «Аполлоне, гадки моей не отгадалъ еси, а шею свою погубилъ еси». Отповѣдалъ ему Аполлонъ: «Королю Антиоше, всякъ то на твоемъ лицѣ познаетъ, что я твою гадку прямо[8] выложил[9]. И аще еси король правдивый и имѣешь в земли своей таково право, то я шеи своей не стратил». И реклъ король Антиохъ: «Сынь еси отца великаго, и того ради даю тебѣ сию нощь, чтобы еси размыслилъ, будетъ хочешь на утрѣе смерти избыть».

Тогда Аполлонъ вышедъ от короля и почалъ самъ себѣ тако глаголати: «Гадку я выложилъ, а жена мнѣ дана не будетъ. Чего же мнѣ ждати? Ничего

[1—1] своим советникам; [2] указ, закон; [3] в другом месте; [4] ненадолго; [5—5] потребность в беге; [6] значения, важности (польск. wagi); [7] вспыхнул (польск. zapaliwszy się); [8] верно; [9] истолковал (польск.: wyłożył).

иного, развѣ смерти наглой[1]». И рече к себѣ: «Бѣжи прочь, Аполлоне». И тогды в сумракъ добыл себѣ корабль тайной и, оставивши кони въ господѣ[2], всѣлъ въ корабли и дался на бѣгъ. А на завтрѣе Антиохови сказали, что Аполлонъ побѣжалъ, и реклъ Антиохъ: «Аполлонъ убѣжати моглъ, но от насъ утечь не может». И учинилъ вырокъ[3] таковъ, рекучи: «Кто мнѣ Аполлона живого дастъ, дамъ ему 500 фунтовъ злата, а кто бы мнѣ главу его далъ, тот сто фунтовъ злата возметъ от мене». И тако слышачи, ѣхали мнози искать Аполлона, не толко неприятеле, але и приятеле, хотяще его убити а великия дары от короля Антиоха взяти.

Тогды Аполлонъ, пришедши до Тира и подумавъ со своими, реклъ: «Не дам азъ для себе земли своей погубить. Вамъ ничтоже Антиохъ сотворит, мене единаго искати будетъ; и какъ меж вами не найдетъ, вамъ ничтоже учинитъ». И тако повелѣлъ Аполлонъ полной корабль пшеницы насыпать и, немало злата и сребра и ризъ дорогихъ взявши и въ корабль всѣдши, начал утѣкать. И какъ Аполлонъ отплылъ нѣколико, тогды Антиохов любовникъ[4] именемъ Табарта приѣхалъ до Тира, ищущи Аполлона. И какъ его тамъ не обрѣлъ, смутился[5] велми и началъ пытати[6] мещанъ[7], гдѣ есть онъ, повѣдаючи о себѣ, что онъ другъ ему есть. А то говорилъ ложно и здрадливо[8], принесъ бо съ собою онъ лютой[9] ядъ, хотячи его отравить.

Тогды Аполлонъ приѣхалъ до града, нарицаемаго Тарсъ,* и началъ в томъ градѣ пребывать. И былъ гладъ великъ в той украинѣ. В то бо время корецъ[10] пшеницы по осми золотыхъ* купили. Отворивши Аполлонъ корабль свой, велѣлъ всему граду итти по пшеницу. И повелѣл за корецъ давати по осми мѣдяных пѣнязей.* И тѣмъ онъ всю украину ту оживилъ. И чтобы его купцомъ не назвали, всѣ пѣнязи назадъ имъ возвратилъ и велѣлъ тѣмъ градъ окрѣпить. Тогды мещане тарсийстии, милость Аполлонову к себѣ увидѣвше, ему на честь и на вѣчную память образъ его посредѣ града поставили.*

И въ нѣкоторое время Апсллонъ ходилъ по брегу моря. Елавикъ, из его земли шляхтичь, ѣдучи по морю, увидѣлъ его и реклъ ему: «Здравъ буди, Аполлоне королю, вѣдаеши ли вырокъ Антиоховъ о себѣ? А будетъ не вѣси, азъ ти повѣмъ». Отповѣдалъ Аполлонъ: «Повѣждь, друже». И реклъ ему: «Король Антиохъ такое розсказание[11] учинилъ и шлюбил[12], рекучи: «Кто бы мнѣ Аполлона живого далъ, дамъ ему 500 фунтовъ злата, а естьли кто мнѣ Аполлонову главу принесетъ, дамъ ему сто фунтовъ злата». Сего ради повѣдаю ти, королю, что и во градѣ имѣеши люди, которые хотятъ тебя окормить[13]. И сего для отъѣдь отсюду». Аполлонъ же за ту рѣчь [14]ему подяковалъ[14] и велѣлъ ему дать 500 фунтовъ

---

[1] скорой (польск. nagłej); [2] на постоялом дворе; [3] указ (польск. wyrok); [4] приближенный, фаворит; [5] опечалился (польск. smucił się); [6] расспрашивать; [7] горожан; [8] ложно, лукаво (польск. zdradliwo); [9] сильнодействующий; [10] мерный ковш; [11] указание; [12] пообещал (польск. ślubił); [13] отравить; [14—14] его поблагодарил (польск. jemu podziękował).

злата, тако глаголя: «[1]Межи клейноты[1] ничего так драгаго нѣсть, яко [2]ужиточное выстереганье[2]. А коли еси мене остерегъ, имѣй себѣ то от мене, что было имѣти от Антиоха, когда бы мене ему связанаго далъ». Елавикъ того дару не хотѣлъ у него взять и реклъ: «Тебѣ то есть нынѣ наипаче[3] потребно, ховай ты то себѣ». Отповѣдал Аполлонъ: «Съ болшею честию да будет тотъ даръ у тебе, нежели у мене».

Тогда потомъ Аполлонъ велѣлъ корабль приправить[4], хотячи плыть до Пентаполя.* И всяде в него и дался вѣтромъ. И какъ уже десять дней по морю плавалъ, [5]повѣтрее имъ премѣнилося противъ полуденному вѣтру[5]. И вставъ с полуночи[6] вѣтръ и взбурилъ волны, и тако розыгралося море. Отъялъ тогды вѣтръ корабля вѣтреникъ[7], и волны взяли корабль на себе и начаша имъ, яко пилою[8], метати, едина волна до другой подаваючи его, дондеже[9] нѣкоторая наиболшая волна, припадши, подняла корабль на себе и розорвала его такъ, что ни едина доска со другою не осталась; сребро же и злато летѣло на дно, ризы и иные драгие приправы[10] по морю поплыли, а людие утопоша. Але Аполлонъ, ухвативши доску, началъ держатися ей и плыл на ней цѣлые три дни и три нощи.

Въ четвертый же день увидѣлъ нѣкотораго рыбника, а онъ ловилъ рыбы, и почалъ къ нему вопити, глаголя: «О, человѣче, приближися ко мнѣ и дай животъ утопающему и помози утрудившемуся[11]». И абие рыбникъ приближился къ нему и взялъ его въ лодию свою и ввелъ его в домъ свой и, накормивши его, велѣлъ ему наспатися. И какъ онъ выспался, реклъ ему рыбникъ: «Вѣси ли то, что по морскому уставу работникъ еси мнѣ, зане от смерти тя избавихъ? Але богове того не дайте, чтобы я хотѣл кому зло учинить, кто не виненъ предо мною. Але то повѣдаю тебѣ: се плахта[12] лежитъ, опахнися ею и иди на игру и смотри счастья. И аще себе не можеши полѣпшить[13], возвратися паки ко мнѣ, а я свое убожество[14] хочю съ тобою на полы[15] раздѣлить. А естьли ты нѣкогда приидешь къ счастию *и*[16] будеши ли добръ, вспомнивши мое добродѣйство, — добром заплати*шь*[17]».

Тогды Аполлонъ в той единой плахтѣ своему господарю покорнѣ челомъ ударивши, шолъ на игру. А в то время король той земли Цылибской* именемъ Алтистратесъ пилою[18] со своими паняты игралъ, а Аполлонъ, стоячи, почалъ той игры дивитися. Тогды король пилу упустилъ, Аполлонъ же, видѣвъ то, скочи радиво[19] къ пилѣ и, в руцѣ взявши пилу, подавъ велми прудко[20] королю. Король

[1]—[1] среди драгоценностей (польск. między klejnoty); [2]—[2] полезное предостережение (польск. użyteczne wystrzeżenie); [3] гораздо больше; [4] снарядить; [5]—[5] ветер переменился по сравнению с (веявшим) южным ветром; [6] с севера; [7] парус; [8] мячом (польск. piłą); [9] до тех пор как; [10] припасы (в польск.: przyprawy — одежды, припасы и т. п., в чешск.: zboži — товары); [11] изнемогающему; [12] здесь: полотнище, большой кусок посконного холста (польск. płachta); [13] улучшить, поправить свое положение; [14] бедность; [15] пополам; [16] вставлено по польск. тексту; [17] в рукоп. — заплатить; испр. по польск. тексту; [18] мячом (польск. piłę); [19] проворно, [20] быстро, проворно (польск. prędko).

же, веземъ от плахетника[1], почалъ себѣ мыслить, каковъ есть тотъ юнокъ[2]: «А хотя и въ плахтѣ ходитъ, а нѣсть то простякъ». И учинивши король игры конецъ, начал вопрошати, кто и каковъ есть тотъ юнокъ. А какъ не умѣл об немъ ни единъ розсказать, вопрошали того рыбника. И онъ имъ повѣдалъ, что обрѣлъ его на мори утопающаго, «але кто онъ есть и откуду, не вѣмъ». И сказали словеса рыбника онаго королю. И король реклъ: «Кто ни есть и откуду ни есть, и за ту службу, которую нам днесь учинилъ, дайте ему сукно[3] и введите его въ чертогъ нашъ, да вечеряетъ[4]». И абие бысть такъ, яко же король повелѣлъ.

А тотъ король не едалъ николи, развѣ[5] съ единою дщерию своею, которая была велми красна и утѣшна. Та по обычаю тамошнихъ временъ умѣла густь[6] и плясать, яко и иные княжны, ибо в тѣ времена срамъ былъ той княжнѣ, которая бы того не умѣла; и то рѣдко чинили, развѣ пред своими отцы, а никакъ без отца. И сталося, что княжна именемъ Люцына, приправившися[7], пришла пред отца и пред его гости и почала играть и плясать, и то такъ слично[8] и такъ слушно[9], что всѣ оставили королевское брашно[10], дивовалися ея красоты, и гудбы, и плясанию; развѣ един Аполлонъ, тамъ будучи, [11]того ничего не брегъ[11] и ни на ея гудбу, ни на плясание не хотѣлъ смотрѣть. Тогды сидячи нѣкто подле Аполлона, реклъ ему: «Что тебѣ ся видитъ та гудба и плясание?» Але Аполлонъ главою потрясъ[12]. Узрѣвши то, королевна засмутилась[13] велми и, запомнѣвши[14] все веселие, сѣла печална. Тогды реклъ король дочери своей: «Дочь моя милая, проси от мене чего хощешь, и то тебѣ будетъ дано». Она же указа на Аполлона и рекла королю: «Дондеже сего жива вижу, весела быть не могу. А хочешь ли мене еще веселу видѣть — свое слово, которое обѣщался еси мнѣ, исполни: вели ему главу стять[15]». Король же вопросилъ ея: «Чимъ онъ пред тобою виноват?» Она же рекла ему: «Или то не есть его вина, что гудбу и плясание мое всѣ похвалиша, а онъ на то головою потрясъ?» К тому слову король, яко мудрый, своей дочери реклъ: «Дочь моя милая, *не* вѣмы, чего дѣля то онъ учинилъ, что главою потрясъ». Тогды король велѣлъ ему встать и вопросилъ его: «Для чего на такову королевну главою потрясъ еси?» К тому Аполлонъ реклъ: «Королю великий, азъ на королевну главою не кивалъ есмь (зане она честна есть, и шляхетна[16], и славна), але на гудбу и плясание, ибо здѣ ничего новаго не видѣл есмь, а я то все лутче умѣю, нежели та честная королевна, ибо азъ того лутче ученъ есми». К тому его слову реклъ король къ дочери своей: «Дочь милая, не дивися тому, ибо всякъ того не жадаетъ, что у себя в дому имѣетъ.

[1] одетого в плахту, бедняка (польск. płachetnika); [2] удалец (польск. junak); [3] одежду. платье (польск. suknią); [4] присутствует на вечерней трапезе, ужинает; [5] только; [6] играть на гуслях; [7] приготовившись, принарядившись; [8] прекрасно, совершенно (польск. ślicznie); [9] искусно (польск. słusznie); [10] яства; [11—11] ни на что из того не обращал внимания; [12] покачал; [13] опечалилась (польск. zasmuciła się); [14] забыв (польск. zapomniawszy); [15] отсечь (польск. ściąć); [16] благородна, знатна.

Сего ради [1]не имѣй ему за зло[1], авось укажетъ то, что умѣетъ лутче, нежели ты». И взялъ Аполлонъ гусли, началъ играть велми вдячно[2] и плясать выборно[3], такъ, что всѣ крикнули, рекучи: «Вдячно гудетъ и лутче пляшетъ, нежели королевна».

А какъ видѣла королевна плясанье его, и впало ей въ сердце, и почала его велми любить и кланятися пред отцемъ своимъ, начала его просить, чтобы изволилъ его[4] дать ей за мистра[5], егоже въ наглости[6] своей главы просила. И рекла, просячи: «Такъ вдячной гудбы и такъ требныхъ[7] плясовъ[8] никогды не видала есми». Королю же та рѣчь была велми мила. И велѣл Аполлона приписать к своему двору и теремъ особливой ему дать. Тогды Аполлонъ королевну приялъ и почалъ ея учить с прилѣжаниемъ, с великою казнию[9], тако что Аполлонъ в тым цѣломъ року не узналъ[10], чтобы королевна на него мило возрѣла, а ни онъ на ню также мило не возрѣлъ. И любилъ король Алтистратес велми Аполлона для его мудрости великия, вѣдячи то, что былъ королемъ тирскимъ. Але паче того дочь королевская мистра своего неизреченно любила.

Потомъ княжата можные жадали себѣ королевну за жену взяти, зане была дѣвица добрѣ красна, и высока возрастомъ[11], к сему же еще и мудра велми. Але король не хотѣлъ ея ни единому дать, лечь[12] кого бы она сама себѣ полюбила. И было в нѣкоторое время, что приѣхали двое княжатъ знаменитыхъ коштовнѣ[13] и съ великою челядью, и койждо из нихъ о королевнѣ просилъ. В то время написалъ король листъ къ дочери своей такъ: «Дочь милая, двое княжатъ приѣхали, и койждо проситъ тебе за жену себѣ, а я тебѣ обѣщался, что тебе не дамъ никому, развѣ тому, кого ты сама излюбишь себѣ. И тако не скоро всяка панья пред каждымъ мужемъ речетъ, что «того хощу», и сего ради, чтобы менши тебѣ стыда было, напиши мнѣ имя того, за которымъ хощешь быть, а не точию из тѣхъ дву княжатъ, которые приѣхали, але избери себѣ кого хощешь изо всего свѣта, убогаго или богатаго. Ибо на свѣтѣ не маш такъ богатаго, с кѣмъ бы мы не ровны были в богатствѣ, ниже такъ убогаго, котораго бы мы не обогатили».

Узрѣвши тотъ листъ, королевна, [14]заплонавшися срамомъ[14], почала меж собою такъ говорить: «Отцу правду отписать — то срамъ есть, а не отписать — велика тщета. А всяко[15] же легчае есть срамъ малъ, нежели велика тщета[16]». И выявши свою табличку,* почала писать преже «А». И видячи то, ея матка почала тому дивитися, [17]что она дерзнула писати[17] «А», ано[18] не было и единаго

[1—1] не сердись на него; [2] приятно, мило (польск. wdzięcznie); [3] превосходно (польск. wybornie); [4] в польск.: tego (tego..., którego); [5] за учителя (польск. za mistrza); [6] в поспешности (польск. w nagłośći); [7] искаженное польск. trefnych — удачных, искусных; [8] танцев; [9] наставлением (польск. kaźnią, в чешск.: s poctiwostij); [10] в польск. так же, в чешск.: neznamenal — не замечал; [11] ростом; [12] но, а (польск. lecz); [13] в великолепии (польск. kosztownie); [14—14] зардевшись от смущения (польск. zaplonawszy się od wstydu); [15] однако; [16] потеря; [17—17] в польск.: proczby pisala — почему писала; [18] а.

слова от техъ двухъ княжатъ имя, которое бы ся от «А» починало. А какъ написала «А», почала писать «п». Разгнѣвавшися, матка рекла ей: «Злая дочко и безстыдная, чего дѣля хощеши род свой понизить? Княжатъ великих и знаменитыхъ утопляеши, а убогаго утопленика морскаго себѣ избираеши». На то слово ея дочь отвѣчала: «Матко, не тебѣ то дано выбирать, але мнѣ, того дѣля я сама себѣ изволихъ того, коли уже мнѣ есть милъ. Потому что любовь не на богатствѣ лежитъ, але [1]на шляхетности и вѣрѣ[1]». И рекши то, встала от матере *и на*писала листъ таковъ, яко «хощу Аполлона, а не дашь ли мене тому, вѣждь, яко погубиши дщерь свою». И какъ король тотъ листъ прочиталъ, абие гостемъ отказалъ и скоро учинилъ свадбу Аполлону и Люцыне, дщери своей, с великою почестностию.

И какъ Аполлонъ с королевною близъ уже году жилъ, были меж собою в великой любви. Тогды въ нѣкоторой день, появши ю с собою, прохаживался с нею у моря. А въ тѣ поры приплылъ корабль, на котором было знамя тирское. И какъ то увидѣлъ Аполлонъ, реклъ королевнѣ: «Сей корабль из моей земли есть. Подождем, что намъ из его, яковые вѣсти скажутъ». Тогды нѣкто из корабля позналъ Аполлона и реклъ ему: «Здравъ буди, кролю Аполлоне, и веселися, монархо великий, ибо король Антиохъ *у*битъ[2] есть и со своею дщерию, а всѣ княжата тебе цесаремъ выбрали и ждутъ тебе весело со Антиоховыми клейноты[3]. И вышедъ из корабля, справилъ посолство и далъ ему от княжат листъ.

Тогды, какъ Аполлонъ королю Цылибскому, тестю своему, тѣ вѣсти сказалъ, реклъ король: «Для двухъ причинъ тѣ мнѣ вѣсти любы: первая — твоя честь есть ми велми люба, такоже и то мнѣ мило, что уже вѣмъ, яко свою дочь королю великому далъ. Але то мнѣ есть не мило, что мнѣ тебя при себѣ не имѣть и такова милого человѣка стратить[4]. А всяко[5] будет можеши свою мысль перемочь, буди со мною, а я днесь своего королевства тебѣ ся поступаю». И реклъ Аполлон: «Королю милый, [6]с той ласки тебѣ дякую[6], але изволи то вѣдать, что в своей земли и во околнихъ оставихъ други и недруги, а [7]не прилѣжало бы то на мене[7], чтобы ся имъ не объявилъ и кождому по его службѣ не отплатилъ».

Тогды велѣлъ корабль приправляти и, шедши къ своей королевнѣ, реклъ до ней: «Кралевно милая, знай добрѣ перстень сей, ибо азъ имамъ ѣхать до своей земли и тамо в цесарство ся облечь. И тамо без великихъ боевъ не имам быть. Того дѣля въ ту валку[8] лутче тебѣ у матери быть, а не индѣ гдѣ. И какъ время тому будет, тогды я по тебе съ честию пришлю; а не вѣрь иному ничему, развѣ сему перстню, какъ къ тебѣ его пришлю». И какъ ту рѣчь королевна услышала,

[1—1] благородстве и верности; [2] первоначальное *забитъ* испр. переписчиком на *убитъ*; [3] драгоценностями (польск. klejnoty) [4] потерять (польск. stracić); [5] однако; [6—6] за ту милость благодарю тебя (польск. z tej laski tobie dziękuję); [7—7] в польск.: niesluszałoby mi — не подобало бы мне; [8] войну (польск. walkę).

обумерши[1], пала на землю. И по хвили[2] укрѣпившися и рекла: «О, невѣрие безвѣрное и безчастное! О, немилость великая! Хощеши бо мене оставити! Азъ убо для тебе всѣмъ отказала и лучше той утѣхи не имѣла, еже тебе видѣти, ибо я тебя полюбила себѣ и с тобою хочю всегды быть. Будешь ли ты гдѣ потѣшенъ, тамо и я с тобою утѣшуся. А будешь ли гдѣ въ несчастии, то несчастие мнѣ легчае будетъ с тобою терпѣть, очима видѣти, нежели ушима слышати, ибо [3]посолство многажды причиняется, нежели ся ставаетъ[3]». Отповѣдалъ ей Аполлонъ: «Видиши ли то, что еси бременна, и к непогодѣ морской ты не привыкла еси, а море милостиво быти не можетъ; того дѣля тебя боюся взяти». К тому же королевна рекла: «Кабы в тебѣ была вѣра къ моей немощи, то имѣлъ бы еси и издалека ко мнѣ приѣхать. А уже то время приближается, а ты хочешь от мене ѣхать. Не станется такъ, але гдѣ ты будешь, тамо и азъ буду». Реклъ Аполлонъ: «Коли уже инако то быти не можетъ, [4]взявши отпущение[4], всядемъ на море». И тако Аполлонъ и королевна, взявши отпущение и прощение[5], всѣли въ корабль и пустилися по морю.

И какъ тогды отвезлися от брегу, ѣхали до Тиру. И какъ уже два месяца были на мори, тогды королевнѣ смрадъ морской и буря прешкарежила[6], а время приближилося родити. И тако с великими болестями [7]ложе в ней завратило[7], и того дѣля не могла долго дитяти породити. Потомъ же, какъ в тыхъ болестяхъ злыхъ породила дщерь, и была яко мертва. И всѣ, которые смотрѣли на ню, мнѣли, что уже умерла. И тогда былъ крикъ и плачъ великъ в корабли, а Аполлонъ паче всѣхъ жалость имѣлъ, ибо въ сердцы его болесть велика была.

И в то времяársталъ великой вѣтръ на мори. А превозницы[8], разумѣючи, что уже королевна умерла и для того вѣтръ великой учинился на мори, почали Аполлона просить, чтобы дал животъ живымъ, глаголюще: «Королю, не ввержешь ли из корабля умершаго, всѣ погибнемъ, ибо море не престаетъ играть, дондеже из себе не вывержет мертвеца». К тому Аполлонъ с великимъ плачемъ реклъ имъ: «Ей[9], милые товарыщи, подождите мало, ибо тѣло не есть проста человѣка, але была дочь короля великаго».

И тако видячи Аполлонъ, что инако быти не можетъ, велѣлъ лодку, которая всегды в корабли была, приправить[10] и ея тѣло въ дорогие ризы, которые с собою имѣлъ, всѣ на ню велѣлъ облещи; и велѣлъ ю вложити въ лодку ту, а под главу подложити двѣ тысящи золотыхъ, и в листъ написати тѣ слова: «Ты, которой то тѣло найдешь, вѣдай, что королевна есть и дочь короля великаго, об нейже много слезъ излияся и велика печаль есть. А имать двѣ тысящи золотыхъ под

---

[1] без чувств; [2] вскоре; [3—3] в польск.: posłowie więcey częstokroć przyczyniają, niż się stawa — послы гораздо больше присочиняют, нежели случается; [4—4] позволение уехать; [5] благословение (польск. pożegnanie); [6] препятствовала, мешала (ср польск.: przekazały); [7—7] плод в чреве перевернулся; [8] корабельщики; [9] польск. ej — междом. «эх», «эй», в чешск. — междом. «о»: «O, milij lidé»; [10] приготовить, устроить.

главою. И кто найдетъ, едину тысящу возми себѣ, а другую тысящу на ея погребение обрати, да будетъ честно погребена, яко же подобаетъ королевнамъ. А естьли кто, нашед, такъ не учинитъ — богове, дайте то, чтобы того всегды нужа[1] и псота[2] потыкала[3], и чтобы ничего у себя не имѣлъ и никогда веселъ не был». И вложилъ ей тотъ листъ в руку и велѣлъ лодку [4]твердо заправить[4]. И плакалъ велми над нею и велѣлъ лодку по морю с великою жалостию пустить.

Тогды волны ту лодку похвативши, в третий день у нѣкотораго града, егоже[5] зовутъ Ефесъ,* на брегу ю поставили. И сталося с пригоды[6], что единъ лекарь, именемъ Церимонъ, в то время прохаживался у моря и, увидѣвши лодку, велѣлъ ю къ себѣ привесть и отспунтовать[7]. И какъ ю отспунтовано, узрѣлъ мистръ[8] панью в цвѣтныхъ[9] ризахъ лежащу и велѣлъ ю до своего дому несть. А какъ правѣ[10] лодку перекладалъ[11], обрѣлъ листъ в руцѣ и прочиталъ его. И какъ позналъ, что имѣетъ злато под главою, реклъ: «[12]Принимаю то на свое здоровье[12], что не точию едину тысящу, яко же въ семъ листу стоятъ писано, чтобы на погребение дать, але и обѣ тысящи хощу ей на погребение отдать». И тако мистръ тотъ, что было на погребение потребно, добылъ.

И пришелъ ученикъ его именем Силимон. И услышавши, что в дому дѣется, и оглядавши тѣло то, рекъ: «Такова мертвеца азъ николи не видалъ: лице не премѣнилося, барвы[13] не стратило, очи не опали[14], носъ не обострился, скора[15] не очерствѣла[16]. Сия панья жива есть, развѣ ю немощь по немочи смертвѣла». И оглядавши всѣ жилы[17], реклъ: «О, приятеле сея жены, аще бысте мене при себѣ имѣли, то бы сего тѣла в море не вручили». И набрал зелия и корение, которое онъ зналъ, велѣл лѣсу[18] на четыре колы положить и тѣло наверхъ взложить. И учинилъ огонь под лѣсомъ[19] с того корения, дондеже оно тѣло добрѣ разогрѣлося. И потомъ все тѣло помазалъ елеемъ, потом мастию драгою. И какъ позналъ на жилах, что прирожение[20] мочь приимаетъ, учинилъ ей чихавку. Потомъ чьхнула такъ, что та ляса, на которой лежала, потряслася. А она приняла духа и, отворивши очи одва[21], нѣмо[22] промолвила, рекучи: «Кто есть при мнѣ, смотри, чтобы еси не прикоснулся мнѣ, ибо королевна есмь короля великаго». И приявши лекарство, которое посиляетъ, была не во мнозѣ времени велми красна и здорова.

---

[1] нужда; [2] урон (польск. psota); [3] встречала (польск. potykała); [4—4] плотно закрыть, в лат.: просмолить; [5] на полях глосса: которой; [6] случайно (польск. z przygody); [7] в польск.: odszpuntować — раскупорить, раскрыть; [8] мастер; [9] красивых; [10] почти (польск. prawie); [11] искаженное польск. przeglądał — осмотрел; [12—12] клянусь своим здоровьем (польск. biorę to na swe zdrowie); [13] краски, цвет (лица); [14] не ввалились (польск. nie opadły); [15] кожа (польск. skora); [16] в польск.: nie stwardła — не затвердела; [17] вены, кровеносные сосуды (польск. żyły); [18] большое решето, грохот (польск. lasę, чешск. lesu); [19] под ле́сой; [20] природа, тело (польск. przyrodzenie); [21] едва; [22] нечленораздельно.

Не диви же ся сему никтоже и не мни, чтобы то такъ не было праведно, ибо писмо свидѣтелствуетъ, что старые,[1] паче же жидове, имѣли тотъ обычай, что своихъ милыхъ приятелей умерших тѣла ховали до трехъ дней: или[2] душа в тѣлѣ утаилась от великия немочи и обуморено[3] тѣло стало, яко же то мистрове повѣдаютъ, что прилучается бывати такъ.

Тогды Силемонъ, появши мистра своего до комнаты, в которой королевна лежала, и реклъ ему: «Смотри, мистру, которой велѣлъ ей гробъ готовить, се видиши ю живу». Мистръ, увидѣвши панью красну, реклъ: «Радъ вижу смыслъ твой и веселъ есмь о учении твоемъ. Не мни, добрый учениче мой, что даромъ погубилъ еси трудъ свой, которой имѣлъ еси, о сей панье трудяся, ниже накладъ[4] стратил[5] еси, которой на ея лекарство истощил еси, ибо сия панья имать велико богатство от злата. Потомъ мистръ отважилъ[6] то злато и далъ едину тысящу Силемонови, а другую тысящу схоронилъ той королевой. И по маломъ времяни вылечилася из той немочи та королевна и была такъ красна, что ея чудности дивовался всякъ, увидѣвъ ю. И взялъ ю мистръ Церимонъ себѣ за дочь и помышлялъ ея выдать замужъ. Она же, то узнавши, рекла ему: «Отче мой, рачь[7] вѣдати, что я есмь жена короля великаго и вѣм истинно, что онъ для меня есть в великой жалости. И сего ради хощу его в чистотѣ ожидати, дондеже увѣм о немъ или онъ увѣсть о мнѣ». И такъ ей тотъ мистръ допомоглъ, что ю княжною[8] учинилъ той богинѣ, нарицаемой Веста,* ибо кто той богинѣ прислуживалъ, да живетъ въ чистотѣ. А в тѣ времена панны и паньи такоже за княжну имѣли ю. И тако тамъ Люцына служила.

А какъ уже Аполлон жену такъ жалостливо стратил, обѣщался, что девять лѣтъ из корабля не вытить, развѣ ко своей дщери. И в тыхъ лѣтѣхъ ни брады не голить, ниже мытися обѣщался.* Потомъ велѣлъ корабленикам приправить паки ко граду Тарсу. И приплывши там, стал у господаря своего Странквилеа, которой имѣл жену именемъ Дионисию, которым Аполлонъ предалъ дщерь свою и с ея мамкою[9] Лигориею. И далъ с нею много злата и клейнотовъ[10] и велѣлъ ю прозвати Тарсиею по имени града того Тарса, въ которомъ ю ховати[11] умыслилъ. И реклъ Аполлонъ къ господарю и къ господынѣ: «Приятеле милыи, вамъ паче вѣрю, неже кому иному на свѣтѣ, поручаю вам сие дитя, на которомъ лежитъ моя послѣдняя утѣха. А прошу, попомните мою милость, которую я вамъ учинилъ и сему граду». И какъ шлюбилъ[12] дитя вѣрно ховать, тогды Аполлонъ, вшедши в корабль, почал по морю жалостливо ѣздить.

Потомъ Тарсиа выросла из лѣтъ дѣтиныхъ и почала со иными паньями до школы ходить и начала велми прилѣжно учитися. И прилучилося в нѣкото-

[1] древние (народы); [2] может быть; [3] обмершим; [4] издержки, расходы; [5] потерял (польск. stracił); [6] взвесил (в С.: przeważył, в Б.: odważył); [7] изволь (польск. racz); [8] в С.: ksienią — настоятельницей женского монастыря (в лат.: жрицей), в Б. ошибочно: księżną — княгиней; [9] кормилицей; [10] драгоценностей (польск. klejnotów); [11] воспитать; [12] договорился (польск. ślubował).

рой день, какъ Тарсиа из школы пришла, узрѣла оное: ано ея мамка, Лигория именемъ, рознемоглася на смерть. То видячи, Тарсиа почала над нею горко плакать. Тогды Лигориа начала ея вопрошати, глаголя: «Вѣси ли, чья еси дочь?» Къ тому Тарсиа, яко домнѣваючися[1], рекла: «Странквилона, и Дионисиа есть матка моя». Рекла ей мамка: «Ты не вѣси, але я тебѣ повѣмъ: отецъ твой есть Аполлонъ, король Тирский, а матка твоя есть Люцыня, дочь короля Цылибскаго. И та породивши тя и вручена бысть в море, а отецъ твой, Аполлон, далъ тебя здѣ ховать: през жалость, которую имать по матцѣ твоей, и уже нѣкоторое время блудитъ по морю». И потом Лигориа умерла. Тогды Тарсиа долго жаловала мамы своей и взяла за обычай, что какъ рыхло[2] из школы пришла, никогды не ѣла, дондеже преже на мамкинъ гроб шла и тамъ поплакала мамки своей; и взглядаючи на море, плакала своей милой матки, которая была на море вручена, и отца своего, которой по морю въ жалости блудитъ.

И было въ нѣкоторое время, что Дионисиа шла из божницы, а ея дочь Филомациа пред нею в драгомъ одѣянии, а Тарсиа за ними, яко то ихъ дѣвка[3]. И какъ то видѣли дворяне[4], почали о томъ говорити: «Та, которая за ними идетъ, [5]откуду есть[5], шляхетнѣйша[6] есть, але та, которая пред ними идетъ, не есть той чести годна. Услышавши то, Дионисиа засмутилася[7] велми и, пришедши до дому, ударила собою о землю и плакала того поношения, которое слышала о своей дочери. И почала абие умышлять, какъ бы могла Тарсию [8]с свѣта згладить[8], чтобы для ей ея дочь впередъ такой срамоты не терпѣла.

И имѣла она единаго раба[9] в своей веси, именемъ Феофила, егоже владаремъ[10] учинила, и послала по него и рекла: «Феофиле, слышу о тебѣ много злаго, что мое добро крадешь, а се еси ядъ купилъ, которым бы меня и господаря моего хотѣлъ окормить[11], и чтобы тебѣ, дочь мою появши, в наше имѣние войти. И то такъ не будетъ, але то, что еси мыслилъ о мнѣ, то я над тобою учиню». И почалъ Феофилъ присягать, что о томъ никогда не помышлялъ. Але панья его Дионисиа рекла ему: «[12]Сия рѣчь едина яко что[12]: или убей Тарсию, или я тебя велю убить». Услышавши ту рѣчь, Феофилъ реклъ: «Коли уже инако быти не можетъ, лутче ми, да быхъ азъ живъ сталъ, а ону убилъ». Тогды Дионисиа, отвѣщавши, рекла: «Имѣет Тарсиа тотъ обычай, что преже она ни пьетъ, ни ѣстъ, дондеже ходитъ меж гробовъ[13] плакати своей мамки, а ты ея тамъ дождався, убей ю. И какъ ю згладишь с свѣта, будешь свобоженъ от работы моей».

Тогды Феофилъ, свѣдавши часъ, коли имѣла до гробу Тарсиа итти, шелъ преже и почалъ меж гробы укрыватися. И какъ Тарсиа пришла, узрѣвши ю Фео-

[1] недоумевая; [2] скоро (польск. rychło); [3] здесь: прислуга; [4] в польск.: dworscy ludzie — дворовые люди; [5—5] в польск.: odkąd kolwiek jest, в чешск.: odkud kolwěk gest — откуда ни есть; [6] благороднейшая; [7] опечалилась (польск. zaśmuciła się); [8—8] сжить со света (польск. z świata zgładzić); [9] в польск.: służebnika — слугу; [10] управляющим; [11] в польск.: otruć — отравить; [12—12] в польск.: Toć rzecz jedna jako sto, в чешск.: tott rzěcz gedna jako dwie (вар.: wol sobě ted z dwého gedno — выбирай себе одно из двух); [13] могил.

филъ, убоялся велми и реклъ самъ в себѣ с плачемъ такъ: «О, работа безчастна и велика, [1]въ какой есмь тщеты от тебе сталъ![1] О, тоска моя великая! Какъ мнѣ забить панну такову красну и велми шляхетну и пролить кровь неповинную? Але понеже то инако быть не можетъ, имать быти такъ, что убию ея». И выступил абие до ней, и взялъ мечь свой, и поималъ ю за косу и ударилъ ю абие о землю.

Тогды Тарсиа почала Феофила покорнѣ вопрошать: «Что то есть и что хощеши со мною творити?» На то ей Феофилъ отповѣдалъ, глаголя: «Ужо твоя шея взвоетъ, что я тебѣ мышлю и что учиню ти». И взялъ мечь свой и хотѣлъ ей главу стять. Тогды Тарсиа промолвила к нему, глаголя: «О, милый Феофиле, повѣждь ми, чѣмъ я сию смерть выслужила? Азъ бо николи противъ тебе ничего зла не учинила, але во всемъ с радостию служила. Прочто хочешь руцѣ смазать[2] кровию княженецкою и невинною? [3]Николи без мести не будешь[3]». К тому онъ ей реклъ: «Ты мнѣ никоего зла не сотворила еси, але отецъ твой, король Аполлон, далъ много злата господарови, и того для велѣла тебя господыня твоя убить, чтобы то злато себѣ имѣла». Рекла Тарсиа къ нему: «Понеже инако быть не можетъ, прошу тя, остави мнѣ, дондеже поплачю и пожалѣю смерти матки моей, такоже и мамки». И онъ мовилъ: «Плачь, а то вѣдай: что творю, того не радъ творити».

И почала Тарсиа велми плакать. И какъ плакала, сталося с пригоды[4], что в тотъ часъ морстии разбойницы приплыли к тому мѣсту и стали у брега, ждучи своего времени, але Феофилъ не вѣдалъ того. Тогды они узрѣли мужа, с голымъ[5] мечемъ стояща над красною дѣвицею, выскочивши и крикнули на нь. И такъ Феофилъ убѣжалъ и повѣдалъ своей панье, что уже Тарсию убилъ. А тѣ разбойницы, взявши тое дѣвицу, привезли ю до нѣкотораго града, емуже имя Мелхина,* и межу иными куплеными посадили ю на продажу. И пришелъ [6]курвей господарь[6] и купилъ ю за пятьдесятъ золотыхъ и ввелъ ю в свой домъ къ инымъ дѣвицамъ-полонянкамъ.

Тогды, какъ Тарсиа свѣдала, для чего она была куплена и от кого[7], почала велми плакать, глаголя: «О, богове, какъ ядовитой такой судъ на мене, бѣдную королевну, выдали! О, несчастие немилостивое, каковъ лукъ свой на мене вытянуло и каково ядовито свое копье на погибшую дѣвицу наострило! О, богове, въ чемъ пред вами согрѣшила, что такову нужу[8] на меня, бѣдную королевну, допустили приитти? А ни во мнѣ гордости, а ни похоти злой, а никоторой крови пролития, развѣ въ сердцы набожество[9], в ночи слезы, а за обычай книги в рукахъ. Чесо ради, милые богове, то препущенье[10] ядовитое на мене при-

[1—1] в каком убытке от тебя оказался (в польск.: jakoś jest szkodliwie zrobion, jenż w ten stan jest dan — как же ущербно создан, который в такое положение попал); [2] осквернить; [3—3] в польск.: ...wiedząc to dobrze, ze krew książęcą a niewinna nigdy bez pomsty nie jest — ...зная хорошо то, что кровь княжеская и невинная никогда без мести не бывает; [4] случайно (польск. z przygody); [5] с обнаженным; [6—6] сводник; [7] кем; [8] беду; [9] набожность, молитвы; [10] здесь: попущение, ниспосланное бедствие (польск. przepuszczenie).

шло? Хощете ли, богове, да сама ся убию[1], чему есте мене въ море не утопили, чему есте мене съ моею маткою не загубили? О, Феофиле, каковъ ми лютъ показался еси, коли мене хотѣлъ убить, але былъ бы еси мнѣ далеко милостивѣе, да бы еси тогды мою главу стялъ».

И увидѣвши своего пана, бѣжала къ нему и, падши у ногъ его, почала его с великимъ плачемъ просить, чтобы изволилъ королевну честну, а не безчестну оставить, «ибо королевна есмь, не допущай того, чтобы такъ мерзскимъ скуткомъ[2] была смазана[3]». К тому курвей господарь реклъ: «Чему плачешь? Или не вѣси, что тому в руки пришла, которой ни стыду, ни милости в себѣ не имѣет? Але иди и сяди, прибравшися, ибо тобою хочю сребра достать, сколко за тебя далъ, к тому еще и болши хощу взять». И велѣлъ безчестну рѣчь по граду кликати, которой есть срамно в сию книжку писати, але можетъ всякъ то знать, какое то выкликанье было.

И было такъ, что князь града того, именемъ Анатагоръ,* пришелъ ко оному курвю в домъ и, появши Тарсию за руку, ввелъ ю в комнату. Тогды Тарсиа, узрѣвши, что была едина с нимъ въ ковнатѣ, падши до ногъ его, рекла к нему с великимъ плачемъ: «О, можный княже, кровию шляхетною[4] одолѣй своей прироженой шляхетности умыслъ шкародой[5] и не буди ганцой[6] крови королевнѣ, чтобы твои дѣти богове соблюли от таковой злой пригоды[7], в которой есмь азъ теперь. Азъ есмь дочь короля тирскаго, емуже имя Аполлон. Тотъ, хотячи жаловать смерти матки моей, далъ меня ховать въ Тарсъ с великимъ сокровищемъ. Але тотъ, кому была дана къ выхованью азъ, велѣлъ меня убить. И от того, которому велено мене убить, разбойницы морстии отняли мене, и тако мручи, не умерла. А тии же паки[8] продали меня тому то злому человѣку. Ты же паки[9], аще еси шляхта, помози мнѣ мою честь соблюсти и моего дѣвичества для учтивости[10] всѣхъ шляхетныхъ княжатъ и для всѣхъ пановъ и паннъ, которымъ честь мила есть». Услышавши то, князь Анатагоръ утѣшилъ ю, глаголя: «Честная королевна, [11]имѣй се добрѣ[11] и имѣй с того честь и хвалу, что в такъ небезпечнымъ[12] станѣ[13], в которомъ еси ты днесь, а чистоту любиши. А какъ твое жаданье позналъ есми, яко да помогу ти, чтобы свою чистоту соблюла. Се же возми фунтъ пѣнязей и дай своему пану, яко бы твоя заплата была, а я далей с ним розмовлю». И тако та честная дѣвица, вышедши из комнаты, фунтъ пѣнязей безчестному своему пану дала. И вышедши тотъ князь, почалъ ей комнату на месяцъ наймовать: далъ ему сто фунтовъ пѣнязей за то, чтобы Тарсы ни единъ му-

---

[1] на полях глосса: погублю; [2] делом (польск. skutkiem); [3] запачкана, осквернена (в Б.: zmazana, в С.: sparzniona); [4] благородною; [5] гнусный (польск. szkaradny); [6] гонителем, надругателем (польск. gańcą); [7] случая (польск. przygody); [8] в свою очередь; [9] в таком случае; [10] в польск.: prze cześć — ради чести; [11—11] будь здорова (польск. miej się dobrze); [12] небезопасном (польск. niebezpiecznym); [13] положении (в С.: stanu, в Б.: stanie).

щина не увидѣлъ в месяцъ тотъ, кромѣ его. И онъ курвей господарь, взявши пѣнязи, шлюбовалъ[1] то.

И в то время, какъ сие дѣялося въ Мелхинѣ, и король Аполлонъ плавал по морю девять лѣтъ, жалѣя своей жены. И приплылъ до града Тарса, хотячи своею дочерью Тарсиею утѣшиться. И довѣдался господарь Странгвилей со своею женою Дионисиею о приѣздѣ Аполлоновомъ, облеклися въ печалныя ризы и изыдоша обое противу ему. И какъ къ нему приближились, реклъ Странгвилей: «Витай[2], королю великий, к намъ, къ своимъ вѣрнымъ рабомъ[3]. Радъ быхъ твоей милости [4]новину лѣпшую[4] повѣдать, нежели сию: Тарсиа, дочь твоя, на которой вся наша надежда была, умерла. А яко насъ видитъ твоя милость, от ея смерти до днешняго дне презъ жалость не брегохомъ[5] на себе лѣпшую одежду возложити». Услышавши сию рѣчь, король Аполлон вздохнулъ велми жалостливо и [6]учинилъ шлюбъ[6], что за девять лѣтъ не хотѣлъ с моря из корабля изыти, дондеже[7] добрую новину услышитъ. А кто будетъ смѣть рещи ему, что «изыди из корабля», тому велитъ без милости ногу сокрушити. И отъѣхалъ с великою печалию от берега.

Тогды припалъ[8] въ ночи вѣтръ и запудилъ[9] ихъ далеко. А какъ было наутрѣе, познали, что близъ града, реченаго Мелхина (гдѣ продана была Тарсиа, дщерь его)[10]. И реклъ Аполлонъ челяди своей: «Братия милыи, прибейтеся к берегу, ибо днесь велми славенъ и хвалебной день, да бысте нѣкое утѣшение прияли, яко же и иныя благоговѣйныя люди». И какъ приплыли ко брегу, обрѣли там много кораблей, такоже и лодьи, яко имяху тотъ обычай всѣ околичные люди, что до того града, преже именованаго, сходилися и тотъ день весело чтили. Тогды Аполлонъ велѣлъ своему влодарю, чтобы учинилъ челяди веселой пиръ и дастъ всякому, кто чего хощетъ. И реклъ: «Хотя я, панъ ихъ, въ печали есмь, але челядь да не будетъ смутна в сей день». И начаша веселитися. Но Аполлонъ в смутку[11] сѣдѣлъ на днѣ корабля.

Тогды Анатагоръ, князь града того, прохлажаючися[12], оглядалъ лодьи гостиные[13] и увидѣлъ единъ корабль, лѣпший и стройнѣйший, нежели другие; шелъ к нему и увидѣлъ людей дворовыхъ, почалъ веселъ с ними быть и началъ вопрошати ихъ, кто ихъ панъ есть. И повѣдали ему, что для жалости лежитъ на днѣ корабля и плачетъ. И он имъ реклъ: «Возми которой от васъ два золотыхъ и иди къ нему, прося его милости, чтобы изволилъ выити ко мнѣ». Тогды единъ слуга Аполлоновъ реклъ: «Княже шляхетный, вопрошу твоей милости: естьли буду мочь имѣти в сей земли другую ногу за два золотыхъ купить, такову, какову имамъ, то радъ бы шелъ, а естьли не могу добыть, прошу твоей милости, что-

---

[1] обещал (в С.: ślubił, в Б.: ślubował); [2] здравствуй, приветствуем тебя (польск. witaj); [3] в польск.: sługam; [4—4] новость лучшую; [5] не хотим, не думаем; [6—6] дал обет (польск. uczynił ślub); [7] до тех пор как; [8] нагрянул; [9] загнал (польск. zapędził); [10] текста, заключенного в скобки, в польском нет, [11] в печали (польск. w smutku); [12] прогуливаясь; [13] купеческие.

бы мене от того посолства избавилъ, ибо такову заповѣдь намъ уставилъ: кто ему речетъ, что „изыди из корабля", тому нога утята будет». Ему же князь рече: «Вамъ ту заповѣдь онъ уставилъ, а не мнѣ». И шелъ самъ к нему.

И сталъ пред нимъ, реклъ: «Здравъ буди, гостю шляхетный, Богъ горний да сотворитъ тя весела». Подяковалъ ему Аполлонъ, глаголя: «Здравъ буди ты, честный человѣче, и иже всѣмъ владѣетъ, той твою честь да умножитъ». И увидѣвши Анатагоръ, что Аполлонъ человѣкъ честной, шляхетной, мудрой и что в жалости велицѣй блудилъ, реклъ ему: «[1]Не имѣй мнѣ за зло[1], честный мужу, что се мало пред тобою смѣю похвалитися. Азъ есмь князь сея земли, а видалъ, такоже и слыхал много пригодъ[2] злыхъ и меж ими многажды самъ бывалъ, что от злыхъ пригодъ приидохъ[3] к великому веселию. И азъ по тебѣ знаю, что ты человѣкъ еси мудрый и видѣлъ еси самъ того досыть[4]. А сего для видишь теперь самъ нужу свою и смутокъ, возри же на будущее веселие, дастъ Богъ, что самъ в немъ рыхло[5] будешь». К тому Аполлонъ отповѣдалъ: «[6]Дякую твоей милости[6], княже шляхетный, с великаго твоего потѣшения, але всяко ты самъ то добрѣ вѣси, что кто кому его нужу вспоминаетъ печалну человѣку, тотъ всегды печаль обновляетъ. И того для прошу твоей милости, чтобы рачилъ[7] ты от мене отойти, а мене не утѣшати, яко не хочю никотораго утѣшения для нынѣшния скорби моей». Услышавши то, Анатагор, [8]добро говоря ему[8], отшолъ от него в великой печали, яко тужил велми о тацѣмъ мудромъ человѣцѣ. И почалъ мыслить, что бы могъ об немъ учинить. И домыслившися, послалъ по Тарсию. И как къ нему пришла, рекъ ей: «Есть здѣ единъ человѣкъ мудрой, честной, шляхетной въ томъ то корабли, и въ печали онъ великой, для которой онъ самъ себе погубить хочетъ. Прошу тебе, выведи его своею мудростию из того корабля, а я тебе от твоего курвя господаря на другой месяцъ искуплю.

Тогды Тарсиа, поклонившися ему, шла до того корабля и, пришедши, рекла ему со стыдомъ и срамежливыми[9] усты: «Здравъ буди, пане шляхетный, твоя печаль далече да будетъ от тебе. Зришися мнѣ человѣкъ честной и мудрой, отрини жалость[10] от себе; яко то мистрове[11] повѣдаютъ и то писаниемъ затвердили, что в сердце мудраго человѣка ничто печално не внидетъ, яко мудрый человѣкъ всяку пригоду знаетъ и [12]мысль неподвижиму[12] иматъ». Отповѣдалъ ей Аполлонъ: «Вижу тебе стыдливу и честну дѣвку, але елико еси мудра по твоимъ лѣтомъ, буду с тобою говорить, а ты не будеши моей рѣчи разумѣть. И того для даю тебѣ сто золотых, и ты, взявши ихъ, иди прочь от мене». Тарсиа же с великимъ стыдомъ взяла тѣ пѣнязи и пришла ко князю. Князь же, увидѣвши Тарсию,

---

[1—1] не ставь мне в вину (польск. nie miej mi za złe); [2] случаев (польск. przygód); [3] в польск.: pszyszło ich wiele — пришли многие из них; [4] достаточно (польск. dosyć); в рукоп.: добыть; [5] скоро (польск. rychło); [6—6] благодарю тебя; [7] изволил (польск raczył); [8—8] пожелав ему добра; [9] стыдливыми, застенчивыми; [10] печаль (польск żałość); [11] на полях глосса: философии; [12—12] твердое убеждение (в польск · myśl ustawiczną)

изыде противу ей и реклъ ей: «Тарсие, что еси мужа того не вывела из корабля?» Отповѣдала Тарсиа: «Далъ мнѣ сия пѣнязи а велѣлъ мнѣ прочь отъити». Анатагоръ ей реклъ: «Или то злато лутче любишь, а не то, яко хочю тебя за месяцъ свободною учинить?» Услышавши то, Тарсиа с великимъ стыдом опустила злато на землю и рекла: «Не хочю того, пане мой, але шлюб[1] твой мнѣ далеко милѣйший». Рекъ ей Анатогоръ: «Учинишь ли то, что тотъ человѣкъ выдетъ из корабля, шлюбую тебя выкупить от твоего господаря».

Тогды Тарсиа, пришедши паки пред Аполлона, рекла ему: «Возвратилася есмь, пане шляхетный, нося пред тебе злато и мудрость, да едино из двоего учиниши: или злато возми, или послушай нѣкоторой мудрости от мене, чтобы Твоя Милость меня приучила[2]». Реклъ ей Аполлонъ: «О, лиско[3] хитрая, всяко[4] то вѣм, что меня къ тому хочешь принудить, чтобы я с тобою говорил. И ты того для злато свое ховай себѣ, а что мыслишь, говори».

Тогды Тарсиа задала ему гадку, глаголя: «Что есть то: есть нѣкоторой домъ хвалебной, всему миру потребной, а тотъ домъ всегда гучитъ[5], а государь в немъ молчитъ, с государемъ ходитъ а животъ[6] ему родитъ. И тамъ мужъ без коня приѣхал[7], государя кратою[8] обведетъ и, обведши, вывлечетъ, а дом кратою утечетъ». Отповѣдалъ Аполлонъ: «Домъ есть рѣка, которая гучит, государь есть рыба, которая молчит. И тамо рыбникъ в лодьи приѣдет, рыбу сѣтью обведетъ, обведши, вывлечетъ, а вода скрозь сѣть утечетъ».

Рекла паки Тарсиа: «Что то есть: кора[9] лѣсу краснаго, возрасту[10] сама великаго, невидимые слуги водятъ ю, около ей всегды ходятъ; многими дорогами ходитъ, а слѣду не родитъ». Отповѣдалъ Аполлонъ: кора лѣсу краснаго есть лодья из дереву великаго, слуги невидимые суть вѣтры, которые водятъ ю а при ней всегды ходят. Та много путей ходитъ, а [11]всяко же[11] слѣду не родитъ».

Рекла же паки Тарсиа ему: «Что же сие есть: есть домъ, в ризахъ не убогий, гости и государь в нем нагии. И тамо вещь в руцѣ держатъ, а встыду[12] не имѣютъ. Огонь и воду в немъ продаютъ, а у нихъ то даромъ даютъ». Отповѣдал ей Аполлонъ: «Домъ есть лазня[13], въ ризахъ не убогии, а в нем гости и государь бываетъ нагий. Вещь есть вѣникъ, которой держатъ, а встыду в томъ не имѣютъ. Тамъ огонь и воду продают, а [14]у нихъ[14] то даромъ даютъ».

Выложивши Аполлонъ тѣ гадки, реклъ ей: «Три гадки отповѣдал тебѣ, иди же здорово прочь от мене». Отповѣдала ему Тарсиа: «Вѣмъ, что злата хочешь от мене, то ти дамъ и пойду от тебе». Реклъ ей Аполлонъ: «Мудро говоришь, стыдяся, и то указуетъ тебе быть дѣвку встыдливу, але и дивлюся тебѣ,

---

[1] обещание (польск. ślub); [2] из польск. przyuczyć — обучить чему-л.; приучить к чему-л.; [3] на полях глосса: лисица; [4] ведь (польск. wszak); [5] звучит (в Б.: huczy, в С.: gluczy); [6] жизнь; [7] в польск.: przyjedzie — приедет; [8] сетью (польск. kratą); [9] искаженное польск. córa — дочь; [10] росту (польск. wzrostu); [11—11] однако же (польск. wszakże); [12] стыда (в С.: stydu, в Б.: wstydu); [13] баня; [14—14] в польск.: w inych — в иных (домах).

чему во всѣмъ не блюдеши стыда и со мною во всемъ безстыдно говоришь». Она же рекла ему: «Потреба мя къ сему принужаетъ, ибо есмь продана курвю господарю. И аще выведу тебе из корабля, Анатагоръ князь шлюбилъ мя от него свободить». Реклъ ей Аполлон: «Мною не будешь свободна, яко для дѣвки своей клятвы не преступлю».

Отповѣдала Тарсиа: «Вѣмъ, что людие шляхетные суть всегды милостивы, и сего ради о твоей милости не хочю роспачить[1]. А не хочешь ли своего злата взять, то изволи ми отповѣдати на сию гадку: «Четыре брата заровно[2] бѣгают, а ногъ у себя не имѣютъ, отца тяжкаго носятъ, ѣсть, пить не просятъ, намазани мастию молчатъ, не намазани кричатъ». Отповѣдалъ ей Аполлон: «Нѣкогда съ дѣтми играючи, сего научилася еси и то мнѣ вспомянула. Четыре брата есть кола четыре, которые бѣгаютъ, а ног у себя не имѣютъ. Отца — возъ тяжкой — на себѣ носятъ, ѣсть и пить никогды не просятъ, намазани мастию молчатъ, а не намазани велми кричатъ».

Рекла Тарсиа: «Мило тому гадки загадывать, кто умѣетъ ихъ отгадать. Которое есть створение[3]: а въ немъ [4]за четверть ваги не машъ[4], а есть всегды тисаве[5], а имат трзева[6] дираве[7], никогды ничего не ѣстъ, але радо[8] яйца пиетъ, въ брюхѣ яйца чистит, а панна é на то пуститъ[9]». Отповѣдалъ ей Аполлонъ: «По сию мудрость ты до Рима ходила еси. Створение то есть губа[10], в ней за четверть ваги не машъ, и та есть тисава, а никогды не ѣстъ, але диравыми трзевы яйца пиетъ а в себѣ яйца чиститъ, а панна é на то пуститъ, когды тѣми яйцы свойце[11] перетъ[12]».

Рекла потом Тарсиа: «Что сие еще есть: есть малый патралникъ[13], который малый пахоликъ[14] есть, обличия дивнаго не имать живаго; кто на нь возритъ, тотъ его обличие узритъ». Отповѣдалъ ей Аполлонъ: «Патрилникъ есть зерцало, то не имать обличья живаго, а ты какъ на него возришь, обличие свое в немъ узришь».

Потомъ Аполлон, выложивши ей тѣ гадки, рекъ: «Послушай мене, дѣвко честная, азъ тебе до сего времени чтилъ, почти же ты и сама себе, отойди от мене». Рекла Тарсиа: «О, королю милостивый, еще не хощешь сотворити для мене, але сотвори то для моего нужнаго сиротства и для моей несчастной нужды, изыди из корабля, ибо твоим изшествиемъ мнѣ, смиренной королевнѣ, будетъ честь захована». И то рекши, приступила къ нему ближе, яко *бы хотѣла* его обнять, але Аполлонъ за то разгнѣвался и отпхнулъ ю от себе, и пала на зем-

---

[1] отчаиваться (польск. rozpaczyć); [2] равно (польск. zarówno); [3] живое существо, тварь (польск. stworzenie); [4—4] и четверти веса нет; [5] красно-рыжая (польск. cisawe, чешск. churawé); [6] польск. trzewia — внутренности, утробу; [7] дырявые; [8] с удовольствием (польск. rado); [9] использует, употребит (польск. puści); [10] губка морская; [11] польск. swojce — (?); [12] стирает, моет (польск. pierze); [13] существительное от глагола «patrzyć» — смотреть (польск. patrzalnik); [14] слуга (польск. pacholik).

ли. И в тотъ часъ излиялося ей кровь из носа и из устъ, она же, увидѣвши кровь, обумерла. И помалѣ окрѣпившися, почала своей нужи плакать, глаголя: «О, безчастие безбожное, такъ мене крѣпко одержало! Ибо мать моя Люцыня, родивши мя, сама ввержена есть в море, а отецъ мой, король Аполлонъ, оставивши мене въ Тарсѣ у Странгвилеа, мужа злаго, и Дионисии, лютой жены его, самъ блудитъ по морю от великия печали, или[1] уже и умеръ или утонулъ — не вѣмъ. Послѣдняя же моя утѣха, Лигориа, мамка моя, отошла от сего свѣта. И тако мене Дионисиа велѣла убить, але разбойницы морстии отвели мене и сему злому курвю господарю нешляшетному продана есмь на болшую мою бѣду». Тогды Аполлонъ, не могучи дале того удержатися, воставши, мило обнялъ ю и закричал, яко левъ, гласомъ великимъ, глаголя : «Идите, мои милыи приятеле, веселитеся со мною, ибо дочь мою погибшую обрѣлъ есми!»

Услышавши то, Анатагоръ возрадовался и шелъ с нимъ во градъ, и челядь его. И было для того во всемъ градѣ веселие велие. Потомъ князь велъ короля в лазню[2] и велѣлъ ему оголити[3] браду. Потомъ же Анатагор поддался ему со всею землею своею яко крѣпкому цесарю и началъ просити его, чтобы ему далъ свою дочь в жену. Аполлонъ же для великой его любви, которую имѣлъ къ нему, далъ ему ю. Але курвей господарь, видячи себе окламанаго[4], уже [5]далъ покой[5]. И были пированья великия и всякаго веселия роскошнаго полны.

По веселии же томъ поялъ Аполлонъ король зятя своего со всѣмъ войскомъ его и со дщерию своею ѣхалъ до Тира. И ѣдучи тамъ, сталъ в Тарсѣ градѣ, идѣже была оставлена дочь его Тарсиа ко хранению. И сѣлъ там самъ на судѣ и призвалъ того Феофила и вопрошалъ от него, какъ Странгвилей и Дионисиа умышляли о дщери его. И такъ имъ велѣлъ самѣмъ учинить: велѣлъ ихъ стинать[6].

И оттуду приплыл ко Ефесу граду и шелъ первое къ божницѣ. Граждане же то видѣвше, что цесарь привелъ свою дщерь Тарсию а хощетъ преже ити къ божницѣ, просили Люцыни, которую за святицу имѣли, чтобы прияла от цесаря жертву. Тогды цесарь Аполлонъ, ведучи дщерь свою за руку, вшелъ в божницу. Иабие[7] познала его Люцына, своего пана короля Аполлона, але домышляючися, яко жена его была, почала мыслить сама в себѣ, глаголя: «Или[8] сия молодухна есть ему жена, всяко[9] же азъ ему не объявлюся». И жертвовал Аполлонъ златой вѣнецъ, что обрѣлъ дщерь свою. Дочь же его Тарсиа такоже принесла на жертву златую коруну, яко обрѣла отца своего милого.

И видячи цесарь свою жену так стоящу (ано от злата, которое на ней было, и от короны, которая на главѣ ея была, процвѣте лице ея), почалъ пред нею глаголать и богомъ и богинямъ благодарение приносить: «Дякованье[10] творю вамъ, богомъ и богинямъ, яко утѣшили есте мене и сие мое дитя ко мнѣ при-

---

[1] может быть; [2] баню; [3] сбрить; [4] обманутого (польск. okłamanego); [5—5] оставил в покое (польск. dał pokój); [6] казнить, обезглавить (польск. ścinać); [7] тотчас; [8] если; [9] в любом случае, в польск.: niekaki — ни в коем случае; [10] благодарение.

вратили[1] есте. Егда бо азъ еще младым королемъ почалъ быть, и абие[2] вскорѣ въ смутокъ[3] впалъ есми, просячи от Антиоха дщери его, и неправымъ судомъ его погубилъ былъ главу свою, и ушолъ есми от него, и плавалъ по морю, и терпѣлъ потопъ, а всяко же, утопаючи, вами, богове милостивыи, былъ избавлен и утѣшен. Ибо егда приплылъ до Цылибской земли, тогды нѣкоторая славная дѣвка, именемъ Люцына, дочь короля Алтистрата оной земли, смиловавшися надо мною, прияла мене къ себѣ. Але потом наипаче безчастие мнѣ припало, что стратилъ есми ю на мори, и для ей никогды же веселъ был». И сия словеса глаголалъ с великимъ плачемъ.

И какъ то услышала Люцына, не могла к тому удержатися от слезъ, але съ плачемъ рекла: «Королю Аполлоне, азъ есмь Люцына, дочь короля Алтистрата, и ты еси мене съ плачемъ пустилъ по морю». И какъ то услышалъ Аполлонъ, великими радостями объятъ былъ и палъ взнакъ[4] на землю. И помалѣ[5] отрезвившись[6], почалъ вопрошати: «Во снѣ ли се мнѣ дѣется или наявѣ?» Люцына же ему мило отвѣчала: «Во снѣ есмы оба были до сей хвили[7], ты без мене, а азъ без тебе; але уже пробудихомся, коли уже обрѣтохомъ другъ друга». И такъ шли во градъ до господы[8]. И тѣмъ их познаниемъ весь градъ веселъ был, и были пированния по всему граду с различными потѣхами.

Потом же оттуду с великою радостию ѣхали до отчины своей. И какъ приѣхали къ Тиру граду своему, вышолъ [9]весь градъ (людие Тирскии)[9] противу ему: панны особно, а паньи особно же, а мужие такоже своимъ чиномъ. И было то ихъ приѣхание такъ дивно през плачь старыхъ, такоже и младыхъ. Але Аполлонъ для великаго веселия не вѣдалъ, что бы имѣлъ чинить, и ко всѣмъ [10]ласковъ быть оказался[10]. Тогды мещане дары великия ему, яко государю своему, подали, [11]вдячность его приѣздомъ[11] показуючи. К тому же еще и добытокъ[12] великой ему дали, говорячи, что его есть. И вопрошалъ их король: «Почему тотъ добытокъ мой есть?» Они отвѣщали, яко «пѣнязи, которые [13]на тебе приналежали[13], собрали есмы без тебе и сие тебѣ возвращаемъ».

Потом же увѣдавше изъ Антиохии граждане пришествие Аполлоново, не восхотѣли никому града отворити, але писали ко всѣмъ княземъ, которые [14]к Тиру прилѣжали[14], о пришествии Аполлоновѣ. Тогды всѣ княжата приѣхали до Тиру и проводиша его во Антиохию. И без всякаго спору цесаремъ его учинили и клейноты Антиоховы и много добытковъ ему дали. В тотъ часъ Аполлонъ велѣлъ возвать Елавика, которой его соблюлъ от Антиоха, и далъ ему великое имѣние.

---

[1] возвратили (польск. przywróciłi); [2] внезапно; [3] в печаль (польск. w smutek); [4] навзничь; [5] вскоре; [6] придя в чувство; [7] минуты; [8] постоялого двора; [9—9] в польск.: wszytko miasto Tyrskie — весь город Тирский; [10—10] в польск.: sie łaskawym okazował — милостивым оказывался; [11—11] благодарность за его приезд (польск wdzięczność z przyjachania jego); [12] здесь: денежные сбережения; [13—13] тебе были предназначены; [14—14] соседствовали с Тиром.

Потомъ оттуду ѣхалъ со своею королевою, и королевною, и с зятем до Цырена града,* гдѣ пребывалъ Алтистратесъ, кроль Цылибский, тесть его, и тамо с великою радостию и веселиемъ нѣкоторое время пребывалъ. И далъ тесть его Люцыне, дочери своей, полъкоролевства своего, а Тарсѣ, внучкѣ своей, полъ же. И тамо будучи, Аполлонъ велѣлъ призвать онаго рыбника, которой на мори избавилъ его от потопа и помогъ ему утопающему, и далъ ему такоже великое имѣние.

А потомъ Аполлонъ, цесарь грецкий, возвратился во Антиохию и родил сына, которому назвалъ имя Алтистратесъ, и тому оставил свое королевство. И состарѣлся в дѣлѣхъ добрыхъ и похвальныхъ и скончася въ послѣдний день въ покою чистомъ.

Конецъ истории о Аполлонѣ.

Сие было до воплощения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, егда идоли почитаеми были у языкъ[1].

ПРИКЛАД, ЯКО ПРОЗРЕНИЮ[2] БОЖИЮ НИКТОЖЕ ПРОТИВИТСЯ МОЖЕТ.* ГЛАВА 37

Цесарь Кондратъ* велми можный в некотором славном граде господствовал. Въ его же государстве был некоторой рыцарь, именем Леополдус, которой, бояся гнѣва цесарского, со женою своею убѣжал в лѣс и тамь в буде[3] пребывал, живучи неколико днѣй.

И бысть в нѣкоторое время, как цесарь Кондратъ ехал на ловль[4] тѣм лѣсом и там во оной буде начевал, тогда она господыня Леополдова, которая была близ к рождению, и ему, сколько могла, служила. И бысть, что та жена той же ночи родила сына. И тогда цесарь услышал глас во сне, глаголющъ: «Возми, возми, возми!» Тогда цесарь убудился и устрашился велми, так что продрожал, и реклъ самъ в себѣ: «Что глас сей — „возми, возми, возми" — знамѣнует?» И мыслил, что бы имел взять, и абие паки уснул. Тогда второе услышал глас, глаголющъ: «Вороти, вороти, вороти!» Тогда кесарь обудился и смутился[5] вельми и мыслил самъ в себѣ, глаголя: «Что сей есть первой глас, глаголющъ „возми, возми, возми", — а взять нечего? А теперь паки слышах глас, глаголющъ „возврати, возврати, возврати", — что имамь возвратить, коли *ничегоже взяль*?» И паки нача кесарь спать и услышавше в третии глас, глаголющъ ему: «Утекай, утекай, утекай, ибо сие первородное будетъ зять тебѣ».

Услышавше то, кесарь разгневался и, рано воставше, призвал дву секлетаревъ своих *и реклъ** имъ: «Идите, возмите то дитя от матки силно[6] и

---

[1] у язычников; [2] провидению (польск. przezrzeniu); [3] в легкой постройке, здесь — в хижине; [4] на охоту; [5] огорчился, взволновался (польск. zasmucił się); [6] силой, насильно.

[1]наполы претините его[1], а сердце его принесите мнѣ». Тогда они шедше и взяли силно оно дитя от лона матерня. И видячи дитя красно, смиловалися над нимъ и повѣсили его на нѣкоемъ древѣ, чтобы его звѣри не съѣли. И забивши заяца, сердце заечье кесарю принесли. И прилучися, что нѣкоторой псарь того же дня ѣхалъ тамо и услышалъ дитя то плачуще; приѣхалъ к нему и взялъ é тайно. А иже не имѣлъ он сына, принеслъ é женѣ своей и велѣлъ его воспитовати, глаголючи, что будто его и жены его сынъ былъ, и назвалъ его Генрикомъ.

А какъ то дитя уже выросло, было велми красно, вымовно[2], мудро и всякому мило. Увидѣвши то дитя кесарь таково красно, таково мудро, жадал его у отца его, чтобы ему далъ оно дитя во дворъ его. И далъ é отецъ кесарю. Потомъ кесарь, видячи то дитя всякому мило и от всѣхъ похваляемо, почалъ мыслить в себѣ, чтобы по немъ не было то дитя на королевствѣ его, и не тотъ ли то есть, котораго онъ велѣлъ забить? Тогды кесарь, [3]хотячи быть извѣстенъ[3], послалъ къ женѣ своей листъ, рукою своею написалъ такъ: «Естьли тебѣ животъ твой милъ есть, [4]яко рыхло[4] от того юнока возмешь и прочтешь тотъ листъ, тотъ час его вели погубити».

Тогды онъ юноша, взявши тотъ листъ, ѣхал с нимъ до цесаревой. И какъ приѣхалъ до нѣкотораго костела, и повѣсилъ тайстрикъ[5] с листы, легъ при ономъ костелѣ и уснулъ. Тогды нѣкоторой капланъ[6] приступилъ къ нему, хотячи довѣдатися, что бы во ономъ тайстрику было, и увидѣл онъ листъ. А какъ его прочиталъ, убоялся для онаго грѣху, что на оном листу было приказано того то юношу забить. Тогды он каплан выскребъ то писмо велми смыслено, и гдѣ было написано, чтобы «того юношу забила», тут онъ написалъ, чтобы «того юношу на нашей дочери женила». И вложилъ паки тот листъ на мѣсто свое. И какъ он юнакъ принеслъ тотъ листъ до цесаревой, и какъ увидѣла, что былъ запечатанъ печатью кесаревою, и познала руку его, и созвала княжатъ и пановъ, абие[7] веселие[8] оному юноши и своей дщери с великою честию учинила. Та свадба была во Аквисгранѣ.*

Потомъ какъ кесарю Кондрату повѣдано, что дочери его веселие славное было учинено, велми тому дивился. И какъ се от оныхъ секретаровъ двоихъ, и от ксенжеца[9], и от каплана правды *д*овѣдалъ, узналъ, что прозрѣнию Божию ничто можетъ противитися. Потомъ кесарь послалъ по онаго юношу и подтвердилъ его быть зятемъ своимъ. И потом уставилъ, чтобы по немъ и на цесарство его посаженъ былъ и всѣмъ государствовалъ.

Докончание книги сея. Богу слава.

Написася Алексеемъ Коробовскимъ в лѣто 7199, иулиа в 15-й день.

[1—1] пополам рассеките его (польск. przetnicie ję na poły); [2] красноречиво; [3—3] хотя быть уверенным, т. е. чтобы убедиться; [4—4] как скоро, когда (польск. jako rychło); [5] сумка (в С.: tajstrzyk, в Б.: torbeczkę), на полях глосса: сумочки; [6] священник (польск kapłan); [7] тотчас; [8] свадьбу; [9] в польск.: książęcia — герцога или князя, имеется в виду опальный рыцарь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[1]ПРИКЛАДНЫЙ ЖИВОТЪ[1] СВЯТАГО АЛЕКСѢЯ, ЧТОБЫ СМЫСЛОСТИ[2] СЕГО СВѢТА ВОЗНЕНАВИДЕЛИ*

В Римѣ градѣ славномъ был нѣкоторый сенатырь честенъ, емуже имя было Еуфимиянъ. И тот былъ велми богатъ и при цесарском дворѣ добрѣ славен, такожде и честен. Етот же Еуфимиянъ был человѣкъ справедливой и в приказании Божии прилѣжно ходилъ и велми милостив, который на всякъ день поставлялъ три столы убогим, которымъ самъ служил. Сам же всѣгда [3]о девятой годинѣ[3] с людми благовѣрными приимал брашно[4] [5]в ласцѣ и милости[5] Божии. Имѣл же и жену именем Аглаиду, и та была единой воли съ нимъ. А были безплодны, просили Господа Бога, чтобы имъ изволил дати плод. И зачат Аглаида и потомъ роди сына. И назвали имя ему Алексѣй, егоже воспитовали и учили боязни Божии, мыслячи его в чистотѣ блюсти.

А как уже имѣл лѣта младости, дали его на науку. А как уже былъ научен, к лѣтом годнымъ пришел, дана ему была панна двору цесарского в жену. И как ихъ положили, тогда Алексѣй почал научать свою облюбеницу[6] боязни Божии и намолвял[7] ю хранити чистоту и дѣвство блюсти. И дал ей перстень злат, глаголя: «Возми перстень *сей и блюди его, а Господь Богъ да будет* меж нами». И востахъ, пожегнался[8] с нею. И взя нѣколико пѣнязей и шел нощию до моря тай и влѣзши в корабль, везяшеся до Ладиокиския земли.* Потом оттуду пришел до града Едеса, идѣже былъ образ Господа нашего Иисуса Христа, нечеловѣческими руками сотворенный,* и там пришедши, все, что имѣл, роздалъ убогимъ. И оболок на себя одѣяние грубое, сидѣл пред костеломъ дѣвицы Марии межю другими убогими, приимая милостыню толко ко своему поживенью, и что имѣл на збыть[9], всѣ то иным убогимъ роздавалъ.

Тогда Еуфимиянъ, отецъ его, жалѣя отшествия сына своего, послал слуги своя во вся страны, чтобы его прилѣжно искали. И как нѣкоторыя от нихъ приѣхали до града Едеса, и, не знаючи его, давали ему милостыню, меж инѣми убогими сѣдящему. Але их Алексѣй знал добре и, взявши милостыню от нихъ, благодарил Господа Бога, глаголя: «Благодарю тя, милостивый Господи, яко *по* благодати своей сподобил мя еси взяти милостыню от слугъ моихъ». Потомъ возвратишася слуги до дому, повѣдали Еуфимиянови, пану ихъ, яко не могохом, глаголюще, нигдѣ обрѣсти его. Матка же его от того дня, в он же Алексѣй, сынъ

[1—1] достойное подражания житие; [2] замыслы, намерения, в др. рукоп. «сласти», в польск.: rozkoszy — наслаждения; [3—3] в девятом часу; [4] пищу; [5—5] в польск.: w bojazni; [6] возлюбленную, жену (польск. oblubienicę); [7] в др. рукоп.: намовлял, в польск.: namawiał — уговаривал, убеждал; [8] попрощался (польск. pozegnał się); [9] польск. na zbyt — слишком, чрезмерно.

ея, отшелъ, в велицей жалости для его была и плакала, глаголющи: «В сем плачю буду пребывать, дондеже увѣмъ о сынѣ моем». Жена же его глаголаше свекрови своей: «Буду и аз с тобою пребывати, и в той печали яко синогорлица[1] буду, дондеже услышю нѣчто о мужи моем».

По том, как Алексѣй при ономъ костелѣ седмьнадесять лѣтъ, Господу Богу служаше, пребывал, тогда в нѣкоторое время обратися образъ Пречистыя Богородицы Госпожи Марии, который там был в костелѣ, реклъ сторожю: «Введи здѣ человѣка Божия, который достоин есть Царства Небеснаго, и Духъ Святый опочивает над нимъ, ибо молитва его восходит на небеса, яко кадило пред лице Божие». И как то сторож услышал, и не вѣдяше, о котором тот образ реклъ. Реклъ же паки образ: «Той есть, иже сѣдит пред костелом, тот есть». Тогда сторож со тщаниемъ шел и ввел его до костела. А как ту славу людие о немъ услышали, вси начали его хвалити. Але Алексѣй, не хотя хвалы сего свѣта, отъиде оттуду. И всѣде в корабль и хотѣл ѣхати до Тарсу* Сиклинскаго. И смотрениемъ Божиимъ приплыл корабль до пристанища Римского. Обачивши то, Алексѣй мыслилъ самъ в себѣ, глаголя: «Буду пребывати в дому отца моего незнаемъ».

И како, в Римѣ будучи, узрѣл Еуфимиана, отца своего, исходяща из двора своего с великою челядию его, встрѣтил его и начал к нему кричати, глаголя: «Слуго Божий, изволи мене, пелгрима, прияти в домъ свой и вели питати мене крупицами от стола твоего,* чтобы Господь Богъ изволил смиловатися над пелгримомъ, сыном твоимъ». Услышавши то Еуфимиянъ, для милости сына своего велѣлъ его прияти в домъ свой и далъ ему мѣсто особно, да пребывает ту. И давал ему брашно по вся дни от стола своего и дал ему раба, да служит ему. Алексѣй же всегда пребываше на молитвѣ и тѣло свое удручал постомъ. Слуги же домовыя, насмѣхаючися ему, многажды плескали на него болотом[2], [3]всяко же[3] он то покорнѣ тѣрпѣлъ.

И как тогда Алексѣй пребывал семнатцать лѣт в дому отца своего, и, обачивши, что приближается конецъ живота его, просил, да дадут ему бумаги и чернил. И как ему дали, тогда абие[4] написалъ житие свое. И бысть глас с небесе в неделю[5] по литоргии, глаголющъ: «Приидите ко мнѣ, вси труждающиися и обременении, а я вас упокою».* А в тот час Алексѣй, слуга Божий, успѣ о Господѣ. Услышавши же гласъ той, вси людие падоша на лицах своих. Потом второе бысть глас, глаголющъ: «Ищите ми мужа Божия, который да молитса за мир[6]». И искали и не нашли. Тогда паки бысть гласъ, глаголющъ: «Ищите в дому Еуфимиановомъ». Тогда они шедши в домъ Еуфимиянов и пытали его: «Кто есть святой муж в дому твоемъ, и гдѣ есть он?» Отповѣдал имъ Еуфимианъ: «Я о том не

[1] название птицы, в польск.: garlicza — горлица; [2] грязью (польск. błotem); [3—3] однако же (wszakóż); [4] тотчас; [5] в воскресенье; [6] в др. рукоп. в соотв. с польск.: «за Рим».

вѣмъ». Тогда княжата Аркадиусъ и Онорнинус* с Папежем Инокентиусом пришли в дом Еуфимия новь и искали, вопрошаючи Еуфимиана о святомъ муже, але он о нем не вѣдал.

Тогда раб, который Алексѣю служил, пришедши ко Еуфимиану, реклъ: «Пане, *смотри, патръ*[1], чтобы тот святой, которого ищут, не был нашъ пелгримъ, который былъ человѣкъ святаго живота и великой покоры и терпливости. Услышавши то Еуфимианъ и шел к нему, обрѣте его умерша. И видѣ лицѣ его ясно, яко лицѣ аггела. И хотѣлъ взять листъ из руку его, але не моглъ. Тогда, вышедши, сказал то княжятомъ и Папежеви. И они, пришедши ко Алексѣю, рекли ему: «Хотя есми грѣшни, але имѣемъ [2]мочь строения *посполитого*[2]. Сего ради пусти намъ тот листъ, да видимъ, что есть написано на немъ». Потом самъ Папеж приступил и взял листъ он из руку его, *а он абие испустил его*. И повелѣл [3]*Папа чёсти*[3] листъ он пред всѣмъ множествомъ людей.

И как Еуфимианъ услышалъ, что был Алексѣй, сынъ его, ужаснулся велми и от великия жалости пал взнак[4] на землю. Потомъ окрѣпившися и падши на тѣло его, почал велми плакать и кричать, глаголющи: «О, Боже Всемогущий, почто еси на мене таковую великую жалость допустилъ? О, Алексѣю, сыне мой намилѣйший, почто еси мене, отца своего, так велми засмутил[5] и болѣзни и воздыхания чрез многие лѣта дал есми мнѣ? Бѣда мнѣ, человѣку бѣдному, ибо вижю стража старости моей уже умерша. Коего уже аз имам утѣшения ждати?»

Услышавши то, матка такоже шла к нему с великою жалостию, поднося очи свои в небо. И какъ для множества народа не могла прийти к нему, закричала великим гласом, глаголя: «Оставите мнѣ, да бых узрѣла сына своего, утѣху души моей!» И пришедши к тѣлу его, падши на нь, плакала велми, глаголя: «О, Алексѣю, сыну мой намилѣйший, свѣте очей моихъ, почто еси так к нам немилостивъ былъ? Видѣл еси отца своего и мене, матерь твою, для тебѣ в печали будущих, а не объявился намъ. Слуги твои поругалися тебѣ, а ты терпѣлъ еси!» И целуячи яко бы аггелское обличие его, не престала плакати, глаголя: «Плачите со мною вси, которыя здѣ есте, ибо седмнатцать лѣтъ имѣла его в дому своемъ пребывающаго, [6]во особнѣй хлѣвинѣ[6], а не знала его, что он мой милый сынъ был. Слуги же его поругалися ему. Бѣда мнѣ, и кто же мнѣ дастъ студницу[7] слѣзам моимъ, да бых во дни и в нощи плакала болѣзни души моей?»

Была же тамо и жена Алексѣева, которая такожде велми плакала, глаголя: «О, Алексѣю, облюбениче[8] мой, прочто еси мене, горлицу печали, оставил еси и не объявился еси мнѣ? Прочто еси мене, не объявяся, вдовою оставил еси? Плачите со мною вси людие, ибо уже удалилася от мене вся надежа весе-

---

[1] смотри (польск. patrz), перед полонизмом вставлен его перевод; [2—2] силу власти народной (польск. mocz rządu pospolitego); [3—3] в рукоп. «паче чести его», испр. по др. рукоп. в соотв. с польск. текстом; [4] навзничь; [5] опечалил (польск. zasmucił); [6—6] в особом доме, в польск. нет; [7] источник, родник (польск. studnicę); [8] возлюбленный, муж.

лия и половина души моей уже умерла. Сего ради иного утѣшения не имам видѣти, едино, *чтобы* [1]моего облюбеника наслѣдовала»[1].

Услышавши то, вси людие плакали велми. Потом Папеж со княжаты, вложивши тѣло Алексѣя на мары[2], и несли е́ посреде града. Тогда, как людие увидѣли, что обрѣтоша святаго мужа, которого весь град искалъ, вышли всѣ против тѣлу святаго Алексѣя. И койждо[3] был болен какимъ недугом и притинулся[4] тѣла его, абие был здрав. Слѣпии [5]*бра*ли взрок[5], опутании от диаволства брали избавление, и вси немощнии, какою болѣзнию были заражени и притине*ли*ся тѣлу его, здравы были. Видяще тѣ дивы, княжата и Папеж несли сами тѣло святаго Алексѣя до гроба. А как не могли пройти для множества людей, сего ради велѣли метати злато и сребро, чтобы людие металися к злату и сребру и дали бы тѣло доправадити[6] до гроба. А людие, оставивши пѣнязи, тѣснилися вси к тѣлу святаго Алексѣя. И тако с великимъ трудомъ доправили тѣло его до костела Святаго Внифантия.* И тамо были чрез седмь дней, хваляще Бога. Потом дали[7] ему учинити гроб коштовный, златомъ, сребромъ и драгимъ камением украшен, и в нем положили тѣло его с великою почестию.

А умер святый Алексѣй року Господня 329-го.

ПРИКЛАДЪ О ДИВНОМЪ ПРОМЫСЛѢ БОЖИИ И О ПОЧИТАНИИ СВЯТАГО ГРИГОРИЯ*

Король единъ именемъ Паркус Мудрый* кралевалъ, которой имѣл единаго сына и дщерь едину, *юже* он велми любилъ. Егда же он состарѣлся и рознѣмоглся велми и позналъ, яко не быти ему живу, призвалъ к себѣ всѣх панов своих, рыцаре*й* и княжатъ и реклъ имъ: «Вѣдайте, милые панове, что уже живъ не имам быти. И ни единого попечения в мысли своей не имамъ, развѣ о томъ, что не *в*ыдал есмь дщери своей замуж. И я тебѣ, сыну моему, приказываю (яко ты еси сынъ мой и наслѣдник мой) под моим доброречениемъ[8], чтобы ты ю замуж выдал, как по королевскому звычаю подобно, и чтобы еси сестру свою в чести имѣлъ». И рекши то слово, умер. И была велика жалость во всемъ граде о умертвии его.

Потомъ сынъ его правил королевство свое зѣло мудро. И имѣл сестру свою в великой чести и так ю любил, что николи без нея за столъ не сѣдал. При ней же близко и в одной комнатѣ спалъ. И сталося в нѣкоторое время, загорѣлся великою мыслию к сестрѣ своей, такъ что животъ свой погубилъ бы, если бы с нею воли своей не учинилъ. И встал в нѣкоторую ночь с ложа своего и шол к сестрѣ своей и обрѣте ю спящу и пробудил ю. Она же, проснувся, вопросила:

[1—1] за моим мужем последовала (польск. mego oblubieńicza naśladowała); [2] носилки для покойников (польск. mary); [3] относит. местоим. «каждый, кто»; [4] прикоснулся (в польск.: dotknął się); [5—5] становились зрячими (польск. brali wzrok); [6] поднести (польск. doprowadzić); [7] поручили; [8] благословлением.

«Кто есть и почто ко мнѣ наедине в ночи пришелъ еси?» Отповѣдал ей: «Аз есмь братъ твой, вѣси, яко жены н*е* имѣю, а тебѣ велми люблю. И для того не буди противна воли моей, естли хощешъ во здравии вид*е*ти живот мой». Она же ему рекла: «Воспомни, яко ты еси братъ мой, а аз сестра твоя есмь. Помни же и заповѣдь отца своего, что под страценьемъ[1] благословения велѣл тебѣ, чтобы ты в подчивости имѣлъ мене, боясь Бога, которой того не любит и за то карает». Але онъ на тѣ слова ея упомин*анья* ни мало не брегъ[2], свою волю учинилъ. Тогда королевна та начала того учинку[3] плакатися и не хотяще утѣшитися. Але онъ король, братъ ея, утѣшил ю, а от початой мысли не престалъ.

Потомъ, егда было с полъроку[4], довѣдавшися онъ король, что его сестра беременна есть, смутился[5] велми и плакал, глаголя: «Несчастный тот был день, в который аз родился, не вѣмъ, что сотворю». Рекла ему сестра: «Брате мой милый, послушай рады[6] моей, яко не мы первые, что впали в такую пригоду[7]. Есть недалеко единъ рыцарь, старый человѣкъ, добрѣ уменъ, которого и отецъ нашъ думы во всемъ слушалъ. Вели возвати его пред себе, и тот нам порадитъ[8], что имамы сотворити». Призвал же король оного рыцаря, повѣдал ему с жалостию[9] великою вся приключшаяся ему. Але онъ рыцарь реклъ ему: «Слухай, королю, совѣта моего, естли хощеши, чтобы то дѣло тайно было. Возми всѣ панны и княжата королевства своего и пред всѣми прѣдай *ми* королевство и сестру свою, а самъ готовись ѣхати до Святой земли. *А я*, взявши сестру твою до себѣ с моею женою, всѣ пригоды ея покрыемъ». Услышавши король раду ту, похвали ю, рекъ: «Учиню то все, еже совѣтуеши». Тогда абие[10] воззвавши всѣх пановъ своихъ, реклъ имъ: «Видите[11], мои милые панове, что аз иду до Святой земли, а про то же, что сына не имамъ, оставляю вамъ вмѣсто себѣ сестру мою дотуду, донде же возвращуся, а тебѣ, рыцарю, особно оставляю к сохранению сестру свою». И простился со всѣми, ѣхалъ до Святой земли.

Тогда он рыцарь королевну взял на свой замок и сказалъ женѣ своей прилучшееся ей, заказав велми, чтобы то тайно было, «естьли хощешь от короля дары взяти, а здоровье мое и свое соблюсти». Она же рекла ему с клятвою: «Буду то вѣрно таити всегда».

Потомъ королевна, пребываючи в особной коморе[12] со женою рыцаревою, какъ время пришло рождению, родила сына. Видѣ же той рыцарь, хотѣлъ призвать каплана[13], чтобы крестилъ дитя то, але[14] королевна рекла: «Не хочю я, чтобы то дитя было крещено». И велѣла рыцареви принесть судно, яко бы лодью, и, повивши дитя то, в ладию вложиша. А под голов*у* положить велѣла пятьдесятъ фунтовъ злата и под ноги сто фунтовъ сребра и тако листъ написат*ь*:*

---

[1] лишением (польск. stracenim); [2] не обращал внимания; [3] поступка (польск uczynku); [4] с полгода; [5] опечалился (польск. zasmucił się); [6] совета (польск. rady); [7] случай (польск. przygoda); [8] посоветует; [9] печалью; [10] тотчас, немедленно; [11] в польск.: wiedzcie — знайте; [12] комнате; [13] священника (польск. kapłana); [14] но (польск. ale).

«Ты, кто то дитя приимешь, вѣдая буди, что есть от брата и от сестры нарожено и нѣсть крещено, а имат пятьдесят фунтов злата под главою а сто фунтов сребра под ногами. И ты, кто то дитя найдешъ, окрести его, а злато возми себѣ, а сребро ему соблюди на науку». И вложивши тот листъ до него, плачючи, повѣлела рыцереви, да пустит оно дитя по морю, да пловет, идеже Господь Богъ изволитъ. Тогда рыцарь взявши то дитя с лодиею и пустил е́ по морю. И яко долго лотку видѣлъ пловущу, стоял у моря, плачючи. И потом возвратилъся к своему замку.

А когда уже блиско был, встрѣтил его королевской посланик, которой ѣхал со Святой земли. И реклъ ему рыцарь: [1]*«Приятелю, откуду грядеши?» Отповѣдал ему, глаголя: «ѣду со Святой земли». И реклъ ему рыцарь:*[1] «Что оттуду несешъ, какие новины?» Отповѣдал ему посолъ: «Король, пан мой, умер, а тѣло его привезено до единого замку его». Услышавши то, рыцарь барзо плакал. И жена его, гды услышала о смерти королевской, и [2]барзо се смутила[2]. И реклъ рыцарь своей женѣ: «Не плачемо, чтобы королевна не обачила[3]».

Потомъ вшел рыцарь со своею женою до королевны. Она, узрѣвши ихъ смутных[4], рекла: «Приятели мои, прочто есте так смутны?» Отповѣдалъ ей: «Пани милая, не есть мы смутны, але овсѣм[5], веселы есмы, что еси выбавлена[6] с великого упадку[7], в которомъ еси была». Але она рекла: «Не есть то такъ, а про то же повѣждь ми, хотя бы что зло прилучшееся». Тогда рыцарь повѣдал ей, глаголя: «Посланник единъ со Святой земли теперь приѣхав, которой повѣдал новизну о короле, пане нашемъ, о братѣ твоемъ». И она повелѣла того слугу возвать.

А какъ пришол, вопрошала его, что о короле, братѣ ея, повѣдалъ. Отповѣдал ей, глаголя: «Брат твой, а пан мой, умер, а тѣло его со Святой земли везут до его замку, чтобы подле отца погребенъ был». Услышавши то королевна, от жалости великой пала на землю. А потомъ, отрезвившись, начала, рекучи, плакать: «Несчастный тот день был, в которой ся я почала, несчастный, в которой ся я родила, уже бо погубила единую надежду мою, половину души моей, брата моего единого».

Тогда он рыцарь начат ю утѣшать, рекущи: «Виждь, королевна милая, что [8]през жалость[8] свою тому не поможешь, але сама себе жалостию погубишь, а королевъство без наслѣдника замѣшано[9] оставишь. Сего деля в печали той знай мѣру, и поедем тамо, гдѣ тѣло его привезено, и учиним ему погрѣбение честно. А ты всему королевству панна будешь». Тогда королевна, успокоившися мало от печали, ѣхала к погребению брата своего, а ѣхавши, погребение его на ономъ замку честно учинила.

[1—1] в рукоп. нет, доб. по др. рукоп.; [2—2] сильно опечалилась (польск. barzo się smuciła); [3] не заметила (польск. nie obaczyła); [4] печальных (польск. smutne); [5] наоборот (польск. owszem); [6] избавлена; [7] падения (польск. upadu); [8—8] через печаль, печалью; [9] в замешательстве, хаосе (польск. zamieszane).

Потом, как уже дни плача преминули, нѣкоторый князь *бургундинский** послал послы почеснѣ[1] до королевны, желая [2]с нею слюбить[2], которымъ она абие[3] отказала, рекущи, что «до своей смерти мужа имѣти н*е* хочю». Услышавше послове отповѣдь ея, возвратишася а повѣдали то князю своему. Услышавши то, князь разгнѣвался барзо[4] и, собравши люди велики, ѣхал в землю ея моцно[5], палил и стиналъ[6] люди и много зла чинилъ и побѣду на каждой вальцѣ[7] одержал. Тогда королевна от страху великого утекла до единого крѣпкого мѣста[8], в немже былъ замокъ моцный[9], и тамо чрез немало время пребывала.

Але то суденко, которое было пущено з дитятем по морю, плыло чрез многия королевства. И приплыло под нѣкоторой кляшторъ[10] в день пятка[11]. И было по случаю, что в тот час опатъ[12] того кляштора у моря ходилъ и узрѣлъ то суденко, велѣл его рыбникомъ, которыя рыбу ловили, на брегъ вынести и отворить. А какъ отворили суденко, узрѣли дитя, в дорогие ризы повито[13]. А как на него смотрили, возрѣвши дитя на опата, розсмеялося. Видячи то, опат дивовался, глаголя: «О, Боже Всемогущий, что есть се, яко обрѣтохомъ дѣтище се?» И взявши его, обрѣте таблички написаны при немъ. А как обачил[14], что имѣло злато под главою своею, а сребро под ногами, познал, что высокого порожденния[15] есть. И взявши злато и сребро, окрестилъ его. А дал ему имя свое, Григорий. И дал его на соблюдение единому рыбникови, как на табличках было написано. А как то дитя росло, каждому мило было. Егда же было ему седмь лѣтъ, взял его опатъ на науку. И будучи в наукѣ, велми скоро училося, такъ что в кратцѣ времени всѣх учащихся превзыде. И сего ради вси мнихи[16] любили его.

И прилучилося в нѣкоторое время, как то дитя играло с сынми оного рыбника пилою[17], мняше бо дитя, что тот рыбникъ отецъ его есть. И сталося с пригоды, что ударил пилою сына рыбникова, *а он* почал плакать и лаять[18] пред материю на Грегора. Услышавши, матка вышла и почала его карать[19], глаголя: «Почто ты, Григору, биеш сына моего, лѣпшего паче себе? Мы бо не вѣмы, кто еси ты или откуду». Реклъ ей Григоръ: «Матка намилѣйшая, или я не твой сынъ, что такъ меня караешъ?» Отповѣдала ему, ркучи: «Нѣсть ты сынъ мой, и не вѣм, откуду еси ты. Але то вѣмъ, что в нѣкоторый день нашли тебя в суденке пловуще по морю и опатъ дал мнѣ тебя выховать[20]».

Услышавши то, Григорий ревно[21] плакалъ. И шедши до опата, реклъ: «Честный опате, мн*е*х бо ся аз быти сыном оного рыбника, а не естемъ. А коли

---

[1] с дарами (польск. poczesne); [2—2] взять ее замуж; [3] тотчас; [4] сильно (польск. barzo, bardzo); [5] в мощи, в силе (польск. mocnie); [6] казнил (польск. ścinął); [7] битве (польск. walce); [8] города (польск. miasta); [9] крепкий (польск. mocny); [10] монастырь (польск. klasztor); [11] пятницы; [12] польск. opat — аббат, настоятель монастыря; [13] запеленуто; [14] увидел; [15] происхождения; [16] монахи; [17] в мяч (польск. piłę); [18] ругаться; [19] корить, укорять; [20] воспитать; [21] сильно, горько (польск. rzewno).

уже я отца не вѣмъ, а ни матки, того дѣля прошу тя: дай мнѣ на службу. Болши того здѣ пребывати не хощу». Реклъ ему опатъ: «Сыну милый, не мысл*и* ты того, занѣ вси мнихи любят тя велми и по моей смерти учинят тя опатомъ». Отповѣдал ему Григорий: «Опатства я здѣ чекать[1] не буду, але пойду родителей моих шукать». Услышавши то, опатъ вшол до своего скарбу[2] и, взявши таблички, которые при немъ обрѣлъ, дал ему ихъ. Как их он прочитал, узнавши, что от брата и от сестры народился, *реклъ*: «О, Боже, каковы то я родители имам, а гды[3] же то так есть, то уже пойду до Святой земли и буду каятися за грѣхи родителей моихъ. И тамо живот свой скончаю». Слышав же то, опат он дозволих ему. И вси мнихи и людие жаловали отшествия его. Тогда Григорий, зьеднавши[4] себѣ жегларей[5] и челом ударивъ всѣмъ и простился со всѣми, всяде в корабль и, предавшися вѣтромъ, пловяше до Святой земли.

А как уже три дни от брегу отплыша, востало имъ повѣтрие противно и припудило[6] их до того града, в котором была его матка. Корабленицы же не знаяху, которой то град бяше или королевство было. Тогда Григорий, вшедши во град, въстрѣтился с нѣкоторым мещаниномъ, просилъ его, чтобы ему указал, [7]гдѣ постоять[7]. Але он мещанинъ взял его в свой домъ со всѣми, которыя с нимъ были.

А как сидѣли за столомъ, вопросилъ его Григорий, господара своего, какъ той град зовутъ и кто есть панъ той земли. Отповѣдалъ ему господарь, рекущи: «Гостю мылый, имѣли мы нѣкоего мужа знаменитого королемъ, и он умер в земли Святой, не оставшися жадного[8] дитяти, толко оставил едину сестру свою. И ту нѣкоторый князь хотѣл себѣ [9]слюбить за *малженку*[9], але она до смерти мужа имѣти не хощетъ. Затѣмъ князь, разгнѣвавшися, своею мочью побрал себѣ всю землю ея, окромѣ сего града твердаго». Реклъ к нему Григорий: «Я есмь рыцарь с мечемъ удатный[10], ты утре иди на замокъ и повѣждь старосте о мнѣ, рекущи: аще мнѣ хотят [11]заплату слушнѣ[11] дать, буду я правды ради той панны весь годъ воевать». Отповѣдал господарь: «Вѣм, милый рыцарю, что с твоего приѣханья барз*о*[12] ся радую, а утрѣ пойду на замок и ту рѣчь старостѣ повѣмъ».

И шел рано до старосты и повѣдал ему ту рѣчь. Услышавши то, староста возрадовался и, возвавши до себѣ рыцаря Григория, перед королевну его привелъ, которая для той хвалы, о немъ повѣдано*й*, прилѣжно на него смотрила, не вѣдаючи, что он сынъ ея есть, занеже мнѣла, что онъ давно утонул. И приявши его, заплату великую ему дать обѣщала.

---

[1] ждать (польск. czekać); [2] казны, ризницы (польск. skarbu); [3] когда; [4] наняв (польск. zjednawszy); [5] ср. польск. żeglarz — мореход; в С.: morzany, моряков, в Б: ujednawszy sobie okręt; [6] загнало, пригнало (польск. przypędziło); [7—7] в польск dobrą gospodę ukazał — хороший постоялый двор указал; [8] ни единого; [9—9] взять в жены (польск. slubić za małżonkę); [10] ловкий, искусный (польск udatny); [11—11] вознаграждение достойное (польск. zapłatu słuszną); [12] сильно (польск bardzo).

Тогда рыцарь Григорий смѣло пошол на войну противъ оному князю, который [1]с великими людми там лежалъ[1], и почал воевать, полки пробиваючи, даже до намету[2] княжому приѣхалъ и, к нему пригнавши[3], главу ему стялъ[4] и побѣду одержалъ. Потом рыцарь Григорий хвалебне всегда множился во славѣ велицей [5]для уставочного *звидетелства*[5], так что пред тымъ, нежели год прошел, все королевство привратил[6] оной королевнѣ. А привративши, пришол к старостѣ заплаты по договору жадая, хотѣ ѣхать до иного королевства. Реклъ ему староста: «Нахвалѣбнейший рыцарю, множае ты заслужил, нежели что мы тебе обѣщали. Сего дѣля я с королевною о заплатѣ помовлю».

И пришедши до королевны, почал ей радить[7], чтобы она [8]оному рыцарю слюбила[8], глаголюще ей: «Вѣси, королевна честная, что мы много зла чрез немалое время без государя от неприятеля терпѣли, и сего дѣля глаголю ти, чтобы в предбудущия лѣта земля в покои была захована[9], [10]добрѣ бы имѣлася[10], чтобы ты его, хвалебного рыцаря Григория мужественного, за мужа себѣ прияла, которой королевство паки к тебѣ привратилъ. Всякъ[11] богатства досыть[12] принесетъ, коли королевство в покои будет». Слышавши то, королевна, хотя пред тым всегда мужа имѣть не хотѣла, а [13]на тѣ слова[13] взяла себѣ дни размышления. Тогда он пришел день отповѣди предо всѣми, отвѣщала, так мовянцъ: «Коли уже Григорий рыцарь хвалебный так мужественнѣ для насъ валчилъ[14] и королевство наше выбавилъ из рукъ неприятелских, и того дѣля сего себѣ за мужа примаю». Услышавше то, панове é вси возрадовашася. И уставивши день веселия[15], с великимъ веселиемъ и приизволениемъ всего государства сына с матерью его, не вѣдая, совокупили, которые с собою в великой ласке[16] были.

Пребываючи тогда Григорий со своею маткою, взял себѣ за обычай, что никогда не ѣлъ, аже первое[17] таблички от матки, о немъ написаные, оглядал, которые во особной комнатѣ ховал, а оглядавши, выходячи, всегда плакал. И то едина [18]дѣвка панья[18] видѣла. И было в нѣкоторое время, какъ король поѣхалъ на ловъ, тогда она дѣвка, приступивши до королевой, рекла ей: «Панья моя ласковая, или ты чѣмъ розгнѣвала пана моего?» Отповѣдала ей, рекущи: «Верь, что во всѣмъ свѣте дву не машь, которые бы такъ [19]барзо миловали в малженствѣ[19], яко я с моимъ паном. Але чего дѣля о томъ пытаешъ, повѣждь ми». Отповѣдала дѣвка: «Видѣла я нѣкоторого часу, панъ нашъ на всякой день, какъ стол прикры-

---

[1—1] в польск.: z wielkim ludem tam leżało — с большим войском там стоял; [2] до шатра, до палатки (польск. do namiotu); [3] примчавшись (польск. przygnawszy); [4] отсек (польск. ściął); [5—5] по причине непрерывных побед (польск. dla ustawieznego zwycięstwa); [6] возвратил (польск. przywrócił); [7] советовать (польск. radzić); [8—8] за того рыцаря вышла замуж (польск. onemu rycerzowi się ślubiła); [9] сохранена; [10—10] было бы хорошо (в польск.: dobre by się stało); [11] ведь (польск. wszak); [12] достаточно (польск. docyć); [13—13] под влиянием тех слов; [14] воевал, сражался; [15] свадьбы; [16] любви (польск. łasce); [17] прежде, вначале; [18—18] служанка паньи; [19—19] сильно любили в браке (польск : barzo miłowali w małżeństwye).

вано[1], входит единъ в комнату веселъ, а какъ из нея выходит, всегда плачетъ, и потомъ обѣдовал. Але для чего так чинитъ, не вѣмъ.

Панья, то услышавши, пошла сама до оной комнаты, вѣзде посмотривши, приде къ диры, в которой тѣ таблички хоронил, нашла и прочитала ихъ. И познала, что от нея было. И почала так то мыслить сама в себѣ, рекущи: «Никак бы тот человѣкъ не досталъ тых табличекъ, аще не бы был сынъ мой». И почала велми плакать великимъ гласомъ, глаголя: «Бѣда мнѣ, что я на сей свѣтъ родилася, лучше бы было, чтобы я с материю вкупѣ умерла». Услышавши то, ея рыцари прибѣгли к ней до комнаты, обрѣтоша ю на земли лежащю, а она от великия жалости обумерши упала. И долго над нею стояли, а она ничтоже рече. Потом, отрезвившися, рекла: «Естли милуете здравье мое, взыщите мнѣ пана моего». Тогда рыцари, всѣдши на кони, ѣхали до короля и рекли ему: «Король ласковый, панья твоя зѣло неможетъ и того дѣля просит, чтобы ты до ней приѣхалъ». Услышавши то, король абие оставив ловъ, приѣхалъ на замок и вшел до комноты, в нейже панья лежала.

И какъ его королевна узрѣла, рекла: «Пану милый, вели всѣмъ изыти, чтобы толко ты единъ со мною остался, чтобы никто не слышал того, что я тебѣ буду говорить». И как всѣмъ вѣлѣно изыти, вопросила его панья: «Пане мой намилѣйший, повѣждь ми, какова еси роду? Отповѣдал ей, что «то дивно вопрошение, веждь, яко есть з далекой земли». Рекла ему панья: «Не повѣдаешь ли мнѣ правды, жива не буду». Реклъ ей король: «Повѣдаю тебѣ, что былъ есми убогий, ничего не имѣлъ, развѣ збрую свою, которою все сие королевство избавилъ из рукъ неприятелских». Рекла ему: «Але прошу тя, повѣждь ми, с которой земли и кто суть родителие твои. Не повѣдаешъ ли мнѣ правды, клену ти ся, что буду до смерти ничтоже ѣсть». Отповѣдал ей, ркучи: «Вѣдый истинну, что [2]нѣкоторого кляштору опатъ[2], которой при мори лежитъ, тотъ меня вскормилъ и сказал мнѣ, что обрѣлъ меня в нѣкоторомъ суденке в колыбѣльцѣ, и от того времени даже по се число, какъ я пришол в сию страну, ховал мя».

Услышавши то, панья его показала ему таблички, ркучи: «А знаешь ли тѣ таблички?» [3]*Узревши король таблички*[3], омертвелъ и пал взнакъ на землю. А она рекла ему: «О, намилѣйший пане, ты еси сынъ мой единый, ты еси муж и також пане мой, ты еси сынъ брата моего и сынъ мой. О, намилѣйший сыну, аз вложила тя в то суденко и с тѣми табличками, егда тя родих. Бѣда мнѣ, что есмь тя родила, аже[4] так много зла учинила: познала есми брата своего, а се нынѣ тебе, сына, от него нароженого из мене. О, чтобы я была запекла в животѣ маткѣ своей!» И бьючи главою о стѣну, говорила: [5]«*Пане Боже, что еси на мя*[5] допустити рачилъ[6]: *то* сынъ мой, а то есть и муж мой и сынъ брата моего». Рече

---

[1] накрыт (польск. przykrowano); [2—2] в польск.: opat niektorego klasztoru — аббат некоторого монастыря; [3—3] доб. по др. рукописи; [4] если; [5—5] в рукоп.: «Пане, что еси на мя Боже...», испр. по польск. тексту; [6] изволил (польск. raczył).

же король Григорий: «Никогда же надѣяхся прийти в таковый упадокъ, а теперь в нем есть». И плакал велми, глаголя: «О, Боже, почто сие допустити на мя изволилъ еси? Се бо мать моя, а есть ми жена и приятелка». Видячи то матка такову жалость сыновню, рекла ему: «Намилѣйший сыну, уже буду за то каятися, пелгримовать вѣсь вѣкъ живота своего, а ты королевство буди править». Реклъ ей сынъ: «Не так, але ты, матка, в королевствѣ пребываючи, буди мене ожидать, а я каятися буду, пелгримовать, дондеже Господь Богъ отпустит намъ наша грѣхи».

Тогда восставши в ночи, оболкся в нищетския ризы и, простився с маткою, пошол босыми ногами до иного королевства. И пришелъ в вечер до нѣкоторого града в домъ нѣкоторого рыбитвы[1] и просил у него господы[2]. Рыбникъ же, видячи особу не пелигримску, реклъ ему: «[3]Знать то добре[3], что есть ты не истинной пелгримъ». Отповѣдал ему Григорий: «А почему[4] я не истинной пелгримъ, але всегда для Бога господы прошу». Слышачи то жена рыбникова, смиловалася над ним и почала просить мужа своего, чтобы его принял в дом свой. И приявши его рыбникъ в домъ свой, вопросил имени его. Отповѣдал ему: «Григорий». И дал ему хлѣба, рыбы и воды, абы елъ, и повѣлѣлъ ему за двերми спать, глаголя: «Пелгриме, аще ш ли ты *хощешь* [5]*ся* освѣнтить[5], то иди на особливое месце». И отповѣдал ему Григорий: «Милыи господарю, зѣло бы рад учинить, але не вѣмъ таковаго мѣста». Реклъ ему рыбникъ: «Утро пойдешь со мною, и я тебя довезу на особливое мѣсто». Реклъ ему Григорий: «Велми я тому рад. Боже, дай то».

Тогды рано обудилъ рыбникъ пелгрима, он же, поспѣшивъши, забыл оные таблички за дверми. И всѣдши с нимъ в лодию, вез его на море. И как уже шестнатцать миль были от брегу, приплыли до нѣкоторой скалы. Отворивши двери рыбникъ до замку, который на ней былъ пустый, ввел там Григория пелгрима и, вышедши, замкнул его тамъ, ввергл ключи в море, возвратился.

Потомъ, как Григорий пелгримъ уже лѣтъ семнатцать, во оной скале пребываючи, каялся, в то время прилучилося, что Папа в Римѣ умер. И был гласъ с небеси при выбиранью Папеже, глаголющъ: «Ищите мужа Божия именемъ Григория, того возмите на папежство». Услышавше тот глас тии, которыя Папежа выбирали, удивлялючися, велми радовахуся и послали послы по различнымъ странамъ, чтобы обрѣли таковаго мужа. Тогда они послове, ищучи Григория, начевали в дому оного рыбника. И вечеряючи[6], молвили рыбникови, глаголющее: «Приятелю милый, уже бо мы нынѣ много странъ проидохомъ, ищущи святаго мужа именемъ Григория, его же ради избра*ния* на папожство, а не можем его обрѣсти».

---

[1] рыбака (польск. rybitwa); [2] гостиницы, постоялого двора, здесь: просился на постой. [3—3] понимаю то хорошо (польск.: znać to dobrze); [4] неверный перевод с лат. на польск., в лат. придаточное уступительное: «хотя я и не...»; [5—5] в польск.: oświecić się — освятиться, жить беспорочной жизнью; [6] ужиная.

Услышавши то, рыбникъ въспомнилъ на своего пелгрима и реклъ имъ: «Начевалъ у меня нѣкоторый пелгрим именем Григорий, которого я на море довез до нѣкоторой скалы и тамъ его замкнулъ, але уже давно умер». И прилучилося, что тот же рыбникъ того же дни ловилъ рыбы. И как справывал[1] едину рыбу, обрѣл в ней ключи, которыя были кинуты в море, как его въ скалу замкнул. И закричалъ, глаголя: «Оглядайте ключи, которыя в море вкинулъ, какъ его в скалу замкнул! Воистинну не даромъ есть путь вашь, что приѣхали есте здѣ».

Слышавше же то послове и узрѣвши ключи, велми возрадовалися. Тогда, восставши рано, наяли рыбника, чтобы их довезъ до оной скалы. А как тамъ приѣхали, увидѣли слугу Божия, рекли до него: «О, Григорий, слуго Божий, изыди к намъ к хвалѣ Бога Вседержителя, зане то есть воля Божия, чтобы ты был Папежем». Отповѣдал имъ Григорий: «Яко воля Господня есть, так и будет». И извѣдоша его из оной скалы и повѣзоша его с веселиемъ на папежство. А как уже близко Рима были, начаша во всемъ граде звоны звонить. Услышавше то граждяне, благословляху Бога, глаголюще: «Благословенъ Господь Богъ Всемогущий, яко избра себѣ мужа, который будетъ пасти людие его». И изыдоша вси противу ему и прияша его с великою честию, Папежемъ поставиша его.

Будучи же тогда блаженный Григорий Папежемъ, был благоговѣинъ и праведенъ, ходячи в заповѣдех Господних без порока, так что слава добродѣтели и святости его во всѣмъ свѣте рославлены[2] были. И сего ради множество людей от всѣх странъ прихождаху, жадаючи его рады[3] и воспоможения. Услышавши то матка его, что такой святъ человѣкъ есть Папежемъ, мыслила сама в себѣ, глаголя: «До кого иного по раду пойду, развѣ до сего святаго человѣка, да исповѣм ему вся дѣла своя». А что ея сынъ и муж был, о томъ не вѣдала.

Тогда, приѣхавши до Рима, исповѣдалася пред сыномъ своимъ. Але до исповѣди един другаго не зналъ. Але Григорий Папа, как выслушал исповѣдь матки своей, позналъ ю, реклъ: «Матко намилѣйшая, жено и приятелко моя милая, аз есмь сынъ и муж твой, о немже исповѣдалася. Хвалим Бога, иже для покаяния грѣхи наша оставил намъ». Услышавши то матка, пред ногами его пала и радостнымъ плачемъ велми плакала. Тогда Папа Григорий, воздвигши ю от земли, приялъ с великою честию в домъ свой. Потом создалъ ей монастырь и там поставил ю игумениею. Она же в велице смирении и трезвении со инокинями живучи, приклад имъ сама собою даючи, Господу Богу служила.

Потомъ по нѣколицехъ лѣтехъ Папа Григорий и матка его совершиша живот свои в покои.

---

[1] из польск. sprawiał — потрошил; [2] из польск. rosławiona — прославлены; [3] совета (польск. rady).

Тое же повѣсти выклад обычайный

Намилѣйшии, тот король есть Господь нашь Иисусъ Христосъ, который сестру, то есть душу, поручил брату, сирѣчь человѣку, зане вси вѣрни*и* — братия суть его, а душа есть сестра и дѣвица Божия. Но душа случается с тѣлом, и тако тѣло власнѣ[1] есть сестра. Тѣл*о* тогда имать душу во чтивости, егда против *ей* ничего не творит, еже противно Богу было. А повинно ю с приказанья Божиего замуж выдать чрез милосердые учинки — то двое, тѣло и душа, вкупѣ се милуютъ, так что в одной коморе спят, сирѣчь в сердце, толико долго, дондеже в заповѣдех Божиих пребываютъ. И с одной мисы ядят, сирѣчь единомыслие приемлютъ и гордости диаволстѣй отрѣкаются. Але, нестойте[2], братъ, *то* есть человѣкъ, гвалтил[3] сестру, то есть душу, грѣхами и завистию, так что вступает во время и родитъ сына. Чрез которого сына можем разумѣти весь род человѣческий, который от перваго отца походитъ, зане Адам был сынъ первородный Бога Всемогущаго, емуже королевство дано было сего свѣта, по оному писму Давида пророка: «Вся поддал еси под ноги его: волы и овцы, еще же и скоты[4] полстия[5]».* Но тот то сынъ имѣл по заповѣди сестру, сирѣчь душу, имѣти в чести, но, диаволомъ прельщен, згвалтил, как яблоко заказанное урвалъ.* Тогда сынъ, то есть человѣческий род, от него пошел, а всяко[6] с призволениемъ[7] рыцаря, сирѣчь Духа Святаго, вруцон есть на море, сирѣчь в нужу мира сего, и плывъ многое время. Потомъ отецъ умер был, и оставлена была пан*н*а сестра, то есть душа. Сего ради князь, то есть Диавол, огарнул[8] ю, дондеже Сынъ Божий пришелъ, Богъ и человѣкъ, и выбавилъ[9] не токмо матку, але и все королевство, то есть весь род человѣческий, чрез страсть[10] свою, занеже противъ князя, то есть Диавола, валчил[11] и побѣдил его и землю погубленную, то есть Рай, привратилъ[12] намъ.

Потом матку свою, *то* святую церковь християнскую, поял, чрез которую были таблички написаны, то есть десять Божиих заповѣдей, которые Моисей от Бога взял.* На тѣ таблички подобает всегда смотрити и в своем сердце ихъ имѣти, писание читати и то разумѣти. И потом имамы се вопрошати, кто нас из суденка вынеслъ, ибо опат — то есть Богъ, который чрез Сына своего единороднаго всегда нас привлачит[13] благодатию своею из нужи и грѣха и предает нас к выхованью рыбникови, то[14] есть всякъ пралатъ, который имат выховати грѣшнаго человѣка в добрых учинках[15] и его к бою для[16] Христа дати, чтобы моглъ межи мнихи быти, сирѣчь межи святыми мужи пребывать и святу быть.

---

[1] собственное (польск. właśnie); [2] искаженное польск. niestocie — к сожалению; [3] обесчестил (польск. gwałcił); [4] в рукоп. пропуск, в польск. далее: nad to y zwierzeła — также и зверей; [5] из польск. polne — полевых, диких; [6] однако; [7] с произволения; [8] захватил (польск. ogarnął); [9] избавил (польск. wybawił); [10] страдания, муку; [11] воевал, сражался (польск. walczył); [12] возвратил (польск. przywrócił); [13] возвращает, в С.: ciągnie — вытягивает; [14] в польск. jenz — который; [15] делах (польск. uczynkach); [16] ради.

Потомъ чтобы моглъ плыть в лодии — то есть в заповѣдех Божиих ходити и мужественне воевати и потомъ к великому богатству приити. Богатство суть добродѣтели, имиже душа бывает обогащена, которая прията бывает в домъ нѣкоторого мещанина, сирѣчь пралата. И пралат ведет ю до старосты, то есть до споведника, имже приведется на путь спасения того дѣля, что воюетъ за панью, то есть за душу. Але се всегды часто вращается и ѣздит на лов, то есть суеты всего свѣта. А панья, то есть душа, разнемоглася, как возрѣла на таблички писаные, — то есть всѣ мысли имут пана с поля привѣсть, то есть человѣка отвѣсть от временных[1] речей[2]. И тако, как уже человѣкъ увидит душу, а она упала, тогда же имат на землю пасти, то есть предатися на всяко смирение, и дѣяние гордое, то есть грѣхи, очисти*ти*.

И тако пелгримовали, то есть пребывали в добрых делѣх, дондеже придет в домъ рыбника, то есть добраго пралата, егоже совѣтомъ в скалу покаяния имаши быти замкненъ, дондеже послы, то есть церковныи мужи, как покаянию время исполнится, приведутся до Рима, сирѣчь до собора християнскаго, в немже имамы мы пребывати. И тогда звоны будутъ звонить, то есть милосердые учинки будут приятны Господу Богу. А мещане, то есть аггели, будут веселитися обращения ради грѣшнаго, яко написалъ Лука святый въ 15-ой главѣ: «Веселие есть аггеломъ Божиимъ о единомъ грѣшнице кающемся, нежели о девятидесяти праведных, не требующих покаяния».* Потомъ введши панью, то есть душу, до монастыря, сирѣчь до Царства Небеснаго, в которое привѣди насъ, Иисусе Христе, благословенный во вѣки. Аминь.

---

[1] мирских, суетных; [2] вещей (польск. rzeczy).

ПОВЕСТЬ О ФОМЕ И ЕРЕМЕ

СКАЗАНИЕ О ДВУ БРАТАХЪ, О ФОМЕ ДА О ЕРЕМѢ

В некоемъ было месте жили были два брата Фома да Ерема, за единъ человѣкъ, лицемъ они единаки, а приметами разны:

Ерема былъ кривъ, а Фома з бѣлмомъ,
Ерема былъ плешивъ, а Фома шелудивъ.

После отца ихъ было за ними помесье, незнамо в коемъ уѣзде:

У Еремы деревня, у Фомы селцо,

деревня пуста, а селцо без людей. Свой у них былъ покой и просторѣн —

у Еремы клеть, у Фомы изба.

Клеть пуста, а в ызбе никово. Ерема с Фомою торговыя люди, стали они за товаромъ сидеть:

Ерема за реткой, Фома за капустой.

Славно они живутъ, слатко пьютъ и едятъ, не попердываютъ. Захотелось имъ, двумъ братомъ, позавтрикати, вышли они на базаръ погулять.

Ерема селъ в лавку, Фома на прилавок.

Долго они сидятъ ничего не едятъ, *люди* ядятъ, а они, аки оглядни, глядятъ, зевають да вздыхают, да усы потирают. И вставши они другъ другу челомъ, а не ведома о чомъ.

На Ереме зипунъ, на Фоме кафтанъ,
На Ереме шапка, на Фоме калпакъ,
Ерема в лаптяхъ, Фома в поршнях[1],
у Еремы мошна, у Фомы калита[2].

Захотелось имъ, двумъ братомъ, к обѣдне итти:

Ерема вшелъ в церковь, Фома в олтарь,
Ерема крестится, Фома кланеется,

---

[1] поршни — род обуви; [2] сумка, торба.

Ерема стал на крылосъ, Фома на другой,
Ерема запел, а Фома завопилъ.

И вышелъ к нимъ лихой понамарь, стал у них на молебенъ просить:

Ерема в мошну, Фома в калиту,
у Еремы в мошнѣ пусто, у Фомы ничего.

И тотъ понамарь осердился на нихъ:

Ерему в шею, Фому в толчки,
Ерема в двери, Фома в окно,
Ерема ушелъ, а Фома убѣжалъ.

Отбѣгши они да оглянутся и сами они другъ другу говорятъ: «Чево намъ боятся, заодно мы бежимъ».

у Еремы были гусли, у Фомы органъ.

Разгладя они усы да на пиръ пошли. Стали они пивцо попивать:

Ерема наливает и Фомѣ подаетъ,

сколько пьютъ, а болше на землю льютъ, чужаго добра не бѣрегутъ.

Ерема играетъ, а Фома напеваетъ,
на Ерему да на Фому осердилися в пиру.
Ерему дубиной, Фому рычагомъ,
Ерему бьютъ в плеш, а Фому в е...
Ерема кричитъ, а Фома вѣрещитъ:

«Государи соседи, не выдайте».

Ерема ушелъ, Фома убѣжалъ,
Ерема в овин, а Фома под овин.

Захотелось имъ двум братом, за охотою походить:

Ерема с сетми, а Фома с теняты.
Ерема за зайцы, Фома за лисицы,
Ерема кричитъ, а Фома болши зычитъ,
Ерема хватаетъ, Фома перенимаетъ,

сами они другъ другу говорятъ: «Брате Фома, много ли поимал?» Фома говоритъ: «Чево поимать, коли нетъ ничево».

Ерема сталъ, а Фома усталъ,
Ерема не видал, а Фома не усмотрилъ.

И видили ихъ лихия мужики. Ерема с Фомою испугалися их —

Ерема ушелъ в рошъ, а Фома в ячмень,
Ерема припалъ, а Фома пригорнулъ,
Ерему сыскали, Фому нашли,
Ерему кнутом, Фому батогом,
Ерему бьютъ по спине, а Фому по бокамъ,

Ерема ушелъ, а Фома убежалъ.

Встречу имъ трои сани бѣгутъ:

Ерема заделъ, а Фома зацепил,
Ерему бьютъ по ушамъ, Фому по глазамъ.
Ерема ушелъ к реке, а Фома на реку.

Захотелось имъ, двум братомъ, уточокъ побить, взяли они себѣ по палочке:

Ерема броском, а Фома шибком,
Ерема не попалъ, а Фома не ушипъ.

Сами они другъ другу говорятъ: «Брате Фома, не добре тереби». Фома говоритъ: «Чего теребить, коли нетъ ничево». Захотелось имъ, двумъ братомъ, рыбки половить:

Ерема селъ в лотку, Фома въ ботникъ.

Лотка утла, а ботникъ бѣзо дна:

Ерема поплылъ, а Фома не отстал.

И какъ будутъ они среди быстрыя рѣки, наехали на них лихия бурлаки:

Ерему толкнули, Фому выбросили,
Ерема упалъ в воду, Фома на дно —

оба упрямы, со дна не бывали. И какъ будутъ имъ третины,* выплыли они на крутой бережокъ, сходились ихъ смотрить многия люди:

Ерема былъ кривъ, а Фома з бельмом,
Ерема былъ плешивъ, а Фома шелудив,

брюхаты, пузаты, велми бородаты, лицем оба ровны, нѣкто ихъ б... сын один добывалъ.

СЛУЖБА КАБАКУ

Месяца Китовраса в нелѣпный день, иже в неподобных кабака шальнаго, нареченнаго во иноческом чину Курехи[1], и иже с ним три страдавших, три еже высокоумных по плоти хупавых[2] Гомзина[3], Омельяса[4] и Алафии[5], буявых губителей остьянских[6].*

На Малей вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведришка пивишка, таже стихиры в меньшей заклад в перстни, и в ногавицы[7], и в рукавици, и в штаны, и в портки.

Глас пустошной подобен вседневному обнажению.

Запѣвъ: **Да уповает пропойца на корчмѣ испити лохом, а иное — и своему достанетца!**

В три дни очистился еси до нага, якоже есть написано: пьяницы Царьствия Божия не наследят. Без воды и на сушѣ тонет; был со всем, а стал ни с чѣм. Перстни, человѣче, на рукѣ мешают, ногавицы тяжело носить. Портки на пиво меняешь; пьешь з басы[8], а проспишься с позоры, воротишь в густую, всякому велишь пити, а на завтрѣи и самому будет просити, проспишься — хватишься.

Стих. **И той избавит тя до нага от всего платья, пропил на кабакѣ с увѣчьем.**

Три дни испил еси, безо всего *имения стал еси*, доспѣ мя еси похмельныя болѣзни и похмелья. На три дни купил еси: рукодѣлие заложил еси, и около кабака часто ходити извыкл еси, и гледѣти прилѣжно ис чужих рук извыкл еси. Гледѣние лихое пуще прошенья бывает!

Стих: Хвалят пропойцу, как у него в руках видят!

Бубенная стукота созывает пьющих на шальное дуровство, велит нам нищеты ярем восприяти, глаголет винопийцам: «Приидѣте, возвеселимся, вма-

---

[1] Куреха — корчемное вино; [2] ловких, шустрых; [3] т. е. Дурости; [4] т. е. Шалости, [5] т. е. Дармовщинки; [6] т. е. устьянский (см. коммент.); [7] чулки, сапоги-чулки, гамаши; [8] с залихватством, с похвальбой.

ле сотворим с плечь возношение платью нашему, на винѣ пропивание, се бо нам свѣт приноси*тся* наготы, а гладу время приближается».

Стих: **Яко утвердися, на кабакѣ пьючи, голым гузном сажу с полатей мести во вѣки.**

Кто ли, пропився до нага, не помянет тебя, Кабачѣ непотребне? Како ли кто не воздохнет: во многия времена собираемо богатство, а во един час все погибе? Каеты много, а воротить нельзѣ. Кто ли про тебя не молвит: «Кабачѣ непотребне!», — да лишитца не мотчи?

Слава и нынѣ сипавая[1] с позоры.

Приидѣте, вси искуснии человѣци и благонарочитии в разумѣ, почюдимся таковаго питию наук*е*. Исперва неволею нудими бывают от родителей своих или от другов своих ближних, сегодни и позавтрѣе от болѣзни похмельныя нудят неволею пити, а мало-помалу и сами гораздни *станем пити* и людей станем учити, а как научимся пива пити — и не мотчи ся и лишити. В прежние времена, как мы не умѣли пива пити, всяк зовет и на дом ходят, *а* мы не ходим, и в том гнѣв живет от другов своих. А нынѣ, где и не зовут, и мы идем своим напрасьньством. Хошь и оговорят, и мы терпим, глухой клобук на себя наложим. Се довлѣет нам, братие, отбегати, яко ото льва, снедающа человѣка. Тому почюдимся: в малѣ часѣ, како исчезе мудрость, иступи же нагота, и безумием наполнихся. Видящим — на смѣх, а себѣ с пропою — на великую срамоту. Тѣмже злословим тя, Кабаче непотребне, бѣсованию наставниче.

На стиховне стихиры, подобен: Дом пустѣет.

Дом потѣшен, голодом изнавѣшан, робята пищать, ѣсти хотят, а мы, право, божимся, что и сами не ѣтчи ложимся.

Стих: Многи скорби с похмелья живучи бывают.

Полати кабацкие, приимѣте пропойцу! Нагие, веселитеся, се бо вам подражатель явися, голоду терпитель!

Стих: **Пьяница, яко теля наго, процвѣте убожеством.**

Днесь пьян бывает и богат вельми, а как проспитца — перекусить нечево, с сорому чужую сторону спознавает.

Слава и нынѣ. Отецкому сыну суровому[2]. Отецкой сын суровой роспотѣшился, с ярыжными спознался и на полатях в саже повалялся, взявши кошел, — и под окны пошел.

И протчее всеобычное пьем по добыткам: во што вѣрят. Таже нагота или босота **и отпуст по обычаю ж, и многое падение бывает и ронянию шапкам.**

На вели*цей* вечерни позвоним во все платье, пред обѣдом изопьем ковша по три вина, таже глаголем пустошную кафизму, что прибрело. Таже на ризы пропивание понесем ис погреба больши*е* вѣдра вина.

---

[1] сиплая; [2] буйному, дерзкому.

Таже стихиры: На все платье вина до нага, вседневно скорби воздыханием.

Глас шестопятой, подобен: Не радуйся пити на людѣх, да своего не по*те*ряешь.

Запѣв: **Изведи из непотребнаго пьянства душу мою.**

Приидѣте всяк град и страна, торжествуем мерских чмутотворец память мрачно, свѣтлоков[1] запечных возвеселим голодом, воспоем торговыми казни, иже от своего неразумия страждущих, непослушливых, отцем и матерем непокоривых укорим! Не Бога ради мраз и глад и наготу терпящих битьем и похвалами воспоем, глаголюще: «**Радуйтеся, яко мзда ваша многа на полатех в саже**!»

Стих: Вземлюще заклад, что мнѣ пропити?

Приидѣте, безумнии, и воспойте пѣсни нелепые пропойцам, яко из добрыя воли избраша себе убыток. Приидѣте, пропойцы, срадуйтеся! С печи бросайтеся *голодом, воскликнете убожеством, процветите, яко [2]собачьи губы[2], кои в скаредных местех растут!*

Стих: Глухие, потешно слушайте! Нагие, веселитеся, ремением секитеся, дурость к вам приближается! Безрукие, взыграйте в гусли! Буявые, воскликните бражником песни безумия! Безногие, возскочите, нелепаго сего торжества [3]злы диадиму[3] украсите праздник сей!

Запев: Яко желает всяк человѣк с похмелья оправитися.

Дурные и бесныя, стецытеся[4], самохотныя[5] вам дары предгрядут; носящее своя и крапивныя венцы терпения своего. С конца бо горят, а з другова — говорят. Безголовыя и слепыя, последуйте ми на печь в Пропасную[6] улицу и видите, каково се приятие в земли пропойцы, [7]отлучение своего живота[7]! Взяша бо себе корень тоски, цвет охания, ветви срамоты. З голодом звонят, с босотою припевают, глядят из запечья, что живые* родители, что жуки ис калу выползли, пищат, что щенята, просят денешки на чарку, а иной на хлѣб подает. Бѣлые руки — что ожоги[8], рожи — что котелные дна, зубы светлѣют, глазы пиликают, горлы рыкают, аки псы грызут.* Как дал тот боголюбец денешку, а иной глаголет: «Меня пожаловал!». Кто тѣх жития не похулит, яко вмѣсто добра злые дни себѣ возлюбиша, кражею и ложью и татьбою[9] величают и своея жизни нерадящих.

Стих: От всего блага пьянства ради лишихся.

Приидѣте, вси искуснии и благонарочитии в разумѣ, отбежим таковаго рва самохотнаго. Впадающ*их* в него и влекущих нас, другов, в сие, отревайтеся, яко не добрѣ нам, смышлюющим, и влекущим нас в ров погибели. Невинно бо есть *нам вино*, но проклято есть пьянство с неудержанием.* Создан бо есть

[1] сверчков; [2—2] несъедобные грибы; [3—3] худым венцем; [4] соберитесь; [5] самовольное, добровольное; [6] ведущую в пропасть; [7—7] расставание с жизнью; [8] головешки; [9] разбоем.

хмель умному на честь, а безумному — на погибель. Яко Бог прославится в разумном человѣце, — свѣт бо ему разум, имже ся озаряет, разсуждением таковых *зол* отлучается, — тѣх достойно ублажаем.

Стих. Егда зазвоним во всѣ животы, слава всякому человѣку по дѣлом его.

Егда славнии человецы, в животѣх искуснии, в разумѣ за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда, егда во многия дни се творимо, питьем омрачаху свой сущий разум, в нощь неразумия претворяху, до нага пропивахуся.

Егда же просыпахуся — срамотою уязвляхуся.

Егда же от даема пития с похмелья на первый свой чин возвращаху, на свой живот пагубно оболгахуся, яко ни единоя ризы в дому оставити. Пространныя пропасти возлюби, на вѣтр живот[1] свой розвѣяша.

Запѣ*въ*. Потащи, понеси, наливай, подноси!

Егда же напившеся, тогда же веселием, дуростию и шумом наполняшеся, рытье во все горло во отлучение своего живота.

Егда же просыпашеся, тогда болѣзнию озаряшеся и частым оханьем согубяшеся.

Егда же в мѣру трезваго разума достигаше, тогда печалию болѣзнено уязвляшеся, яко много пропито, невѣдомо что: «Конец житию моему будет: не вѣм, откуду и как почати жити». И обѣты и каеты на себя и клятву налагаше, яко *в среду** не пити.

Егда же долго не пиваше, тогда же похотию, яко стрелою, уязвляшеся, как бы мошно испити в славу Божию.

Егда же чрез клятву дерзаше, на питие простирашеся и испиваше и *на* пугвицы изливаше, и сѣмо и овамо, яко болван, бездушен *валяхуся*,* самъ себѣ душегубец и убийца являшеся, и в горшая напасти впадаше горчае перваго, и тайная наша вся си являше в позор человѣком.

Чего и не творим — ино добрые люди втрое прибавят. Всякъ ся ублюет, толко не всяк на собя скажет. Под лесом видят, а под носом не слышат. Безмѣстно[2] житие возлюбихом, по глаголющему: «Злато ваше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша»,* а пьяницы же и пропойцы злату ржавчину протираху и своему житию вѣятели являхуся. Наг объявляшеся: не задевает, ни тлѣет самородная рубашка, и пуп — голъ! Когда сором — ты закройся перстом! Слава тебѣ, Господи, было да сплыло! — не о чем думати, лише[3] спи, не стой, одно лише — оборону от клопов держи, а то жити весело, а ѣсти нечево. Руки к сердцу прижавше, да кыш — на печь, лутче черта в углу не стукаешь. Того ради вси от бездилия вопием ти: «Веселися, радуйся, уляпался! И двожду наймуйся!». Денешку добудь, алтынецъ съѣжь, а половиною — прикуп твори, а иногда — и не ѣтчи спи!

И нынѣ: Таков голос.

---

[1] пажитое (имущество); [2] позорное; [3] лишь, только лишь.

Одиннадцать семь — и платье с плечь, стремка не стала, одиннатцать солгала, в бороду скочила, радость сказала:* «Радуйся, уляпался! Не один вас у матки, много вас, чмутотворцов[1], да не в одном мѣсте, оголи гузном скачут, бѣлые руки в ротѣ грѣеют. Родила вас мама, да не приняла вас яма. В лѣте не потѣете, а в зимѣ не зябете,* лише[2] за щеками *руки греете*, живете, что грязь *мѣсите*. Увы нам, куды нам: гдѣ ни поживем — вездѣ загрѣзим, гдѣ ни станем — тут воняем, людей от себя розгоняем. За дурость ума нашего и сущии родители нас отлучишася и глаголют, яко не родивше нас. Житием своим процвели есте, яко голики[3], чѣм баню метут, — тако и вами, пропойцы, что чортом, диру затыкают! Тѣм достойно злословим и ублажаем вас.

Святыя славы кабацкия.

Несвятыя славы на кабак залѣсть *желают*, но недобрые поминаем отцем и матерно наказание, да мы их не слушаем, таково нам се и збываетца. Поймают сына въ воровствѣ — и отцу не пособить, — и бьют по хребту. А сторонные люди глаголют: «Достойно и праведно вора смиряти!». И всяк, *смотря* на того, ся кажет. Сыне, добро слышати отца! Жизнь твоя пробавитца, тѣмже тя мир весь хвалит.

Таже выход ис погреба с пивом. Прокимен и ермес на печи глаголет: «Пьяница, пропився, в раздранныя ризы облечется».*

Стих: Ибо, что найдешь или украдешь, то понеси на кабак!

Стих: Хошь и любое платно, да пропити! Нет мотчи ся удержати!

Таже паремьи. От мирскаго жития чтение. Пьяниц безвоздержанных и непослушливых душа в руках бесовских, — и прикоснется им мука. Непщевани[4] быша во очию мудрых и мрети без покаяния, и еже от пития сокрушение костем и отпадения от плоти его, ибо пред лицем человѣческим непостыдни суть. Аще и наготу приимут — упование их на пьянство с напрасньством[5]. Аще и биени от вина, докуки не отлагают — яко бѣсъ искуси их и обрѣте их, неблагодарных, яко смолу на них приготових и яко всеплодну жертву огненному родству подавъ. И во время воровства их наги по торгу бьени будут, и, яко река ото очию их слезы потекут, — прейдет *суд* своему неудержанию. И обладаеми хмелем, и вкоренитца в них пьянство, и в нищетѣ пребудут онем, яко благодать — на полатях и Запечная улица — на гольянских[6], и попечение — в костарне их[7].

**От мирскаго жития чтение.

Пьяницы на *ка*бакѣ живут и попечение имут о приѣзжих людех, сего ради приношение их Христа ради приимут от рук их: денешку и двѣ денешки. И яко Хмель десницу положит приѣзжему пропитися, *и разопьется* и ведром пива гольянских наидет, и приимет оружие пьянства и ревностию драки, и наложит шлем дурости, и приимет щит наготы, поострить кулаки на драку, вооружит лице на побои, пойдут стрѣлы ис полинницъ, яко от пружна[8] лука, и камень-

[1] от «чмутный» — смущающий, беспокойный, «мутящий»; [2] здесь: едва (не); [3] веники; [4] опасные(?); [5] без удержу; [6] голодранцев; [7] там, где играют в кости. [8] от упругого.

ем бывает бьем пьяница. Вознегодует и на них целовальник, и ярыжные[1] напрасливы з батоги[2] проводят: яко вихорь, развиют пьяных и очистят их до нага, да на них же утре бесчестие правят, и отпустят их во свою землю безо всего! Слышите, благочестия млады, и внушите, приѣзжие гости! А дасться вам сия напасть за глупость, и сила ваша — в немощь претворяется.**

**От мирскаго жития чтение.

Правдивый человѣк, аще пьет и по корчмам водится, — в позор будет. Старость его не честна, ни многолѣтна, и в *силе* воровство его лишит, седины же его срам ему приносят, старость б*о* жития его с позоры. Изволив житие скверно, благоуго*ден* пьяницам быв, живый посредѣ трезвых преставлен бысть шальством, восхищен бысть ярыжными на воровство, да злоба покрыет разум его и лесть пьянства превратит душу его. Р*а*чение[3] бо злое губит добрая, и желание похоти прелагает его в ров погибели. Скончавшуся ему от воровства, никто по немъ не потужит, исполнит лѣта своя в питии, и угодна бысть бѣсу душа его. Сего ради подщався[4] от среды лукавствия, гдѣ бы что выманити да пропити, у всякого человѣка просити пива и вина и отнимати насильством. Людие же, видѣвше, у кого имаеть, бити*е* ему сотвориша, а иные человѣцы в Бога его пустиша и не положиша в кручину сего, яко бити его неко*му* и сняти с него нечего.**

Таже: **Сподоби, Господи, вечер сей без побоев до пьяна напитися нам. Лягу спати, благ еси нам, Хмелю, ищущим и пьющим и пьяни обрѣтошася. Тобою хвально и прославлено имя твое во вѣки нами. Буди, Хмелю, сила твоя на нас, якоже уповахом, пьюще, на тя.**

Ни литии стихиры: Во отлучение достальных крох прибыток чюжаго имѣния.

Глас иный, 18, подобен: О, болѣзненое шествие.

Вооружился на пьющих крѣпко, яко гороховое полохало[5], по образу — яко человѣкъ, по разуму же — яко нетопырь: в день не летает, а в ноче летает. Тако и ты, пропойца, в день за печью лежишь, свернувся, яко пес, голодом мрешь, а в ноче, яко глуп подвижник, у пьяных мошни холостишь. А за труд свой почесть — прутье терпишь, но дурнаго обычая не отлучаешься, на преднее свое дуровство простираешься. Яко ворона, по полатям летаешь, тако и ты на полатях смышляешь, как бы кого облупити. Сего ради почесть прием трудов своих, кропивным вѣнцем увязе главу свою, кручиною изнаполнил еси сердце свое, дектем помазал еси лице свое, процвел еси, яко крапива: кто ея ни возьмет — тот руки ожжет! Тако с тобою, с пропойцем: хто ни подружитца, тот охнет. Житием своим всѣх удивил еси, свѣтяся, яко запечная звезда, или, яко бисер, в нелѣпемъ мѣсте являяся, кои свиньи берут. Разумом своим во глубину пропасти понырнул еси и от трудов *сниде* во три ады.

Посреди напасти скочил еси, *в тюрму вселился еси и тамо сущую мзду[6] трудов своих прием: ожерелье[7] в три молоты стегано и перстень[8] бур*мит*-

[1] прислуга, работники; [2] палками, плетьми; [3] усердие; [4] усердствуя; [5] чучело; [6] вознаграждение; [7] здесь: шейные кандалы; [8] здесь: наручники.

ской[1] на обѣ руки, и нозѣ свои во кладе[2] утверди,* — и тамо не мятежно и не смутно житие имѣя, поминай чтущих дурость твою и славословие к миру о милостыни принеси, чтоб тебѣ было чѣм чрево свое наполнити. Тѣм вас, непослушливых, в пѣснех поносных уляпаем.

Слава* хватливому по щокам. Глас останошной: **В терпѣнии своем стяжал еси мзду свою, почесть трудов своих приемля, скорби́, соломянным вѣнцем главу свою увязе, лице свое для ковша дав на поушники пьяным, главу свою попелом изнаполнил, лице свое сажею удручив, постнически жизнь свою скончав.** Люди — в ротъ, а ты — глот. Послушлив быв пьяницам — инѣем наредят. А ты, что бѣс, скочил: иному на полати на имя ковш подали, а ты с полатей и скочил, бросился! Мало головы не сломил, прискоча, что идол! Хватился за ковш — ковша не выпил, а поушник выхватил! Спасибо сказал: «Аз виноват, *у* блядина сына вырвал!». А ты, пропойца, не в*о*преки глаголешь: Бог тебѣ платит на добром слове.

Блажен еси, яко никакова́ тебѣ скорбь не может от пития разлучити: ни побои, ни поушники, ни глад, ни срам, ни родивших тя жюрьбы. Непостыдно лице имѣя, что бѣс пред заутренею льстишь. Тако и ты, пропоица, для ковша душу свою топишь: пьющему потакаешь, льстишь, вѣжлив ся творишь пред ним, огонь у ярыжных из рук рвешь, его осужаешь: «Не гораздо свѣтишь!». Руку со огнем вверхъ протягаешь, на мѣсто *пропойцу садишь*, место пропойцыно дмешь[3], чтоб ему сѣсть, седалища не изгрязнити. Избу метешь, как и всегда, добрый послушник; а как его опьешь, так ты, что бѣс, на старые полати скокнешь, а самъ молвишь: «Коли, брате, денег нѣт ничево, а в старые заклады не вѣрят, поди к нам на полати и приставай к нашему стаду, садися с нами на печь голым гузном сажи мести. Поедѣм с полатей, оголи гузном на печь! Привыкай к побоям, поститися научись! Заглядывай из запечья с нами, что живой родитель: жив провонял, глаза пиликают, зубы светлѣют.* С радѣнием бажи*тѣ*[4], что вам Бог пошлет иного *питуха*[5], стряпаете около ево, что черт у слуды[6]. Стояния много, а воздаяния мало. Тѣм вас побоями почитаем и напрасньс*тв*о[7] ваше похуляем[8], терпѣнию вашему дивимся, не Бога ради страждущих, но з дурносопы[9] непослушливыми. Хульными глаголы воспѣваем вас, страждущих от своей совести.

И нынѣ. Глас той же: Отецкому сыну суровому.

Отецкой сын распотѣшился, с ярыжными спознался, сажу и руду на полатех претерпѣл еси. Взявши кошел — да под окны пошел, Христа помянул — а собак подразнил.

Таже на стиховне стихиры, глас подобен: Дом пустеет.

Радуйся, Кабаче непотребный,* несытая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная нищета, чужая сторона от тебе неволею

---

[1] жемчужный; [2] колоде; [3] обметаешь; [4] просите; [5] питух — пьяница, охотник до спиртного; [6] у болота; [7] буйство, прожигание жизни; [8] ругаем; [9] дураками

познавается. Для *тебе* ради, Кабаче непотребне, люди меня ненавидят, взаймы мнѣ не дадут. С похмелья еси великая стонота, очам еси отемнение, уму омрачение, рукам трясание. Старость есть человеком недобрая, не христианскою смертию мнози человѣци от тебе умирают.

Стих: Ибо что найдешь или украдешь, — то понеси на кабакъ!

Радуйся, Корчмо несытая! Людем обнажение велие в мале часѣ, а на опослѣ — печали умножение! Во всю землю слава идет про тебя неблагодарная, мнишескому чину поругание велие. Кто к тебѣ ни прийдет, тот даром не отойдет! Всякому человѣку еси не постыден Чистоха[1]. Хто с тобою ни знаетца, тот от тебя охнет, а на опослѣ — много и слез бываетъ.

Стих: Яко на корчмѣ всякое воровство бывает.

Радуйся, Кабаче веселый, бѣсованию наставниче, яко мнози тобою хвалятся и хвастают, по мале же и нищетою болят.* Проповѣдают чюдеса твоя великая: «Днесь есьми был пьян, не помню, какъ с кабака свели, в мошнѣ было денег алтын десять, то все вычистили и сказываютъ, что со многими бранился, а с иными дрался, того я не помню всего. А ин проповѣдует: «Яз тебя пьяние был и весь переблевался, и в калу перевалялся, дошед до проходу, тут и спал. Пробудился, шед в полночь на реку, умылся, кому ни сказать, тому и зблевать». Ин же чюдеса и того дурнѣе вопиет: «Яз вас всѣх пьяние был, пришед домой, жену свою перебил, детей своих розгонял, сýды[2] всѣ притоптал, не ис чего стало пити, ни ѣсти, и купити нечем».

Стих: Хвалят всякого человека, как у него в руках видят.

Радуйся, Кабаче — веселый с плачем! Людский губителю, приѣзжим гостем досада великая! Хто на тебѣ побывает, тот всего повидает! Учителю молодым и старым и безумным! Жалованье ярыгам городским и деревенским даешь — по всему хрепту плети, и крепко шиты! Да кафтаны даешь — часто стежь, вѣковая память. Иным даешь ожерелья нашего в три молоты сажено! Комуждо — различные дары даешь. А иному даешь зарукавья[3] желѣзные, а крылошан и старцов жалуешь темною темницею и кормишь их с похмелья сушьем[4] з гряд или их даришь [5]осетриною вязовою[5] по всему хрепту.* Раздирай платье, не стой! Потчивай по-манастырски, не робѣй! Хлеб, господине, по силам, а волога[6] — по плечам! А на прихлебку — не диви[7], плетей не лучилось, тѣм ти, господине, по спине челом бьем, не часто тое вологи кушают, а во вѣки отрыгается.

Слава и нынѣ недобрая непослушливым.

Глас высокопятой: Кто доволен дурости твоя исчести и труды кабацкия понести?

**Кто бо слыша безмѣрное твое воровство, и терпѣнию и наготѣ не удивит ли ся, иже слыша от людей корчмы беретчися? Како убо не усумнѣвся

[1] т. е. разоритель; [2] посуда; [3] здесь: цепи, кандалы, [4] хворостиною(?), [5—5] т. е. плетью; [6] похлебка, здесь в перен. значении наказания: битье по плечам; [7] не удивляйся, не обессудь.

ни мало в трезвенѣ разумѣ, егда видя нагих пред собою ходящих? Да ми с пропою — такову же ми быти и по запечью с ярыжными валятися и нагому пред всѣми людьми ходити и насмѣяну быти. Оле дурости кабацкие и воровства, человеческая разумы омрачающи! О, бездѣлие, брате, кто с пропою не научился лгати? Или бражника воромъ назовут крѣпким, не Бога ради, но наготы ради. Не токмо покинулся воровати, но и сущих с ним научая красти и розбивати, глаголюще: «Пождем до вечера да мужика ограбим и упование меду на ведро возложим, и иново рукового[1] нѣчто Бог выдаст, и грабим и узрим всего пред собою много, пива и меду, а почести — нечего».**

По сем: **Нынѣ отпущаеши с печи мене, раба своего, еще на кабак по вино и по мед и по пиво, по глаголу вашему с миром, яко видѣста очи мои тамо много пьющих и пьяных. Спасайте их и не опивайте их, светло тамо открыти окна и двери приходящим людям.**

**Свяже, Хмель, свяже крѣпче, свяже пьяных и всѣх пьющих, помилуй нас, голянских. Трижды. **

Слава отцу и матере их и сыну, что родили такова сына. Охоч до пьяна пити вчера и нынѣ с нами и во вѣки. Аминь.

Хмель обовладѣ имъ гораздо, помилуй нас, гольянских, хотящих пити. Трижды.

Слава и нынѣ. Таже: **Отче наш, иже еси седишь нынѣ дома, да славитца имя твое нами, да прииде нынѣ и ты к нам, да будет воля твоя яко на дому, тако и на кабакѣ. На печѣ хлѣб наш будет: дай же тебя, Господи, и сего дни, и оставите должники долги наша, якоже и мы оставляем животы своя на кабакѣ, и не ведите нас на правеж (нечего нам дати), но избавите нас от тюрьмы.**

Таже тропарь кабаку. Глас 11: Иже манием содержа и глупостию и безумием без мѣры привлачая множество народа на безумное торжество, созывая множество искусных в разумѣ, во тьму прелагая, в нейже множество, принырая во глубин*ы* пьянства, износят безумныя класы[2], рубахам и порткам и верхним одежам пременение, и пиву, и меду истощание, и с похмелья оханью. Наставниче, Кабаче неподобне; очистил до нага чтущих тя!

И отпустъ на полати спати. На утрени с похмелья став, седален по 1-й чарке, на 2 алтына пива по 2-й чаркѣ, на 4 алтына меду запити.

**По сем полиелеосъ: Понеси и цѣлым ведром.

Припѣв: Ушат вам, певцам, пивца! Хвалите имя пропойцыно, аллилуия. Хвалите, ярыжные, его! И стоящеи пред ним, трубите ему во всю пору и на подворье ему пиво и мед носите! Хвалите его выше мѣры, пойте ему, яко дурному шалну, — и вся неподобная ему в очи лѣзет. Исповѣдайтися ему ласткою[3] и привѣткою, ярыжные и гольянские, яко в вѣк обычай пьяных. Вѣдаете: не потакати — ино с ним и не пити.

---

[1] начальника; [2] колосья, плоды; [3] ласкою.

Припев тоже: Исповѣдайтеся ему привѣткою и ласткою выше мѣры.**

Ложь ся не выводит, а правдою жити на кабакѣ пьющему — ни ковша не видати! Яко на кого пьяной розкручинитца, вы его и пьяные прощайтеся, только охота с ним и лохом пити. Подавайся по рукам — ино легче волосам! Только собою нечем купити, а на людех пити — ино и побои терпѣти. Говорят, без денег — воду пити. Яко хто на корчмѣ бытен пьет, всяк его хвалит в тѣ поры, кое у него видят и пьют, а жити про собя на кабакѣ и не пити, яко в вѣк скупому лают и хотят вси с одного ограбити, яко вѣкъ около корчмы воры держатца. А хто без ума на кабакѣ пропився, деретца, яко в вѣк и на дурака тюрьма уготована. Хто по мѣре изопьет в славу Божию, яко в вѣк доброму добрая и слава.* А которой без ума живет, а впредь не промышляет, как ему жити, яко в вѣк живет с позоры. Мы про людей говорим, а про нас люди не молчат же, яко в вѣк: каково кликну в лес — тако и откликнется. Хто пьян, то всяк сказывается богат вельми, а как проспится, ино перекусить нечево, а в мошнѣ — ни пула, яко в вѣк пьяному не ими вѣры. Хто людей добрых слушает и во всяких мѣрах сам пребывал, яко благ сам все знает, таковый милостивый искусный во всѣх будет.

Таже величание кабаку. **Величаем тя, кабаче веселый, и чтем собину[1] свою, ты бо лупиши с нас и велишь нам по миру скитатися.**

По сем псалом избранной. Терпя потерпѣх, на кабакѣ живучи, и протчее.

По сем молитва пред каноном. Остолоп глаголет: **Спаси, *Боже*, с пропою люди своя и благослови дом достойныя воры своя,** молитвами закладу и собины нашея честнаго и славнаго пропою нашего, иже во клятых костарей кабацких, иже ненадобных ростовщиков богомерских, иже в неподобных воров великих, Кокорку[2] и Мариловца[3]. *Сына* поем, иже безумию их подражатель, Михаила Труса и Илейку Черняго и всѣх головных воров, молящихся бити их кнутьем и в тюрьму сажати их. «Не надобно щадити!», — рцем имъ вси.

По семъ канун, творение: Хто без ума и без памяти пьет, не крестиянски скончаетца.

Седален, глас 18, подобен: О, болѣзношенъ.

Иже на кабакѣ пропився, во своем помышлении глаголаше: егда аз без ума пропився до нага и не видѣ выкупующаго, ни другов ко мнѣ бывающих, но молю ти ся: «Кабачѣ, дай же ми с похмелья оправитися!»

Кондак кобаку, глас 10: **Избранному кабаку безумныя пѣсни принесем, вкупѣ пьюще, а на утрѣ день весь оханьем провожающе, но яко имѣя к на*готѣ дерзновение, житию поруха, голоду величание, о всѣх нас*, пьющих, кабацкая пазуха[4], веселися! А целовальники[5] неправым богатством возбоготѣша.

---

[1] собственность, пожитки; [2] диал. Зажимала (ростовщик); [3] диал. Душегуб; [4] здесь: «дыра», притон; [5] таможенник, сборщик податей, продавец спиртного.

С веселием ждет вас дно адово, а ярыжные на кривѣ[1] божбою[2] своею души свои ломайте, вам бо невозбранно адовы врата отворяются и во аде большое мѣсто готовится. Да вси, Кабаче неблагодарне, зовем тебѣ: «Бѣсованию настав-ниче!».**

Икос: Кто ли пропився до нага, не воспомянет тебя, Кабаче неподобне? Како ли хто не воздохнет: во многие дни собираемо богатство, а во един час все погибе? Каяты много, а воротить нельзѣ. Пил еси, — после будет тебѣ о сермяге[3] воздыхати. Три дни испил еси, с похмелья *в* оханья на три дня залѣзл еси, рукодѣлия заложил еси, около кабака часто ходити изволил еси, глядѣти часто ис чюжих рук извыкл еси. Глядѣние лихое пуще прошения бывает.

Бубенная стукота созывает пьющих на шальное воровство, велит нам нищеты ярем восприяти и глаголет винопийцам: «Приидѣте, возвеселимся вмале, а опосле заплачем, сотворим возношение платью нашему всякому, на винѣ пропивание. Тому почюдимся, как вмале был разумен, а в мегновении ока стал безо всего. Крѣпок безумен видящим на смѣх, а себѣ — на великую срамоту с поношением. Кто ли про тебя молвит, Кабаче непотребне, да лишитися не мотчи тя. Тѣм же злословим тя, Кабаче неблагодарне, бѣсованию наставниче.

Свѣтилен, глас пустошный: «Яко злодѣем пристанище, Кабаче, к тебѣ притекающим явил, сошедшеся на подворье, сотворим пестом возношение, ступам воздвизание, овсяной соломѣ извождение, наготы, босоты и гладу — изнавѣшано шесты. Радуйся с пропивающими, а просыпаяся — плачися, своимъ неистовством мучися, житие скончевая за собаки мѣсто.

На Хвалите стихиры, глас пустошный, подобен: Терпяще нужу.

Терпяще томления гладная, крѣпко радующеся надѣемых, коего дни сыту быти, друг ко другу глаголюще ярыжные кабацкие: «Егда убо пьяной из мошны денег выймет, и дурнаго обычая не оставляем. Яро з голоду терпѣние: не добро с молотцы пропивати, но добро у мужиков у пьяных напиватися. Не убоимся, о, голенския! Мало поворуем да с кнутьем по торгу увяземся и оттуде и — в тюрму».

Мечюще одеяние свое, ходяще беспрестани на корчму, друг ко другу глаголаху с похмелья попы и дьяконы, склад чиняху и на мед посылаху, на ведро, глаголюще: «Пропьем однорядку[4] темнозеленую да повеселимся, не пощадим кафтана зеленаго, [5]сорокоустными деньгами[5] окупимся». Сице попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца с зубов одрать: «Черными серьмягами оболчемся и у мужиков во братчинах изопьем, и от попадей жюрьбы[6] убежим, и опять по-старому жити почнем!». Видяще наготу кабацкую, текуще, яко слепи, к убытку великому, друг ко другу служивые люди глаголаху: «Немножку меду возьмем для уныния, посидим, никако с*

---

[1] неправде; [2] клятвою именем Бога; [3] сермяга — одежда из грубого сукна; [4] однобортный кафтан; [5—5] деньгами за сорокодневное поминание; [6] брани.

себя ничево не заложим». И как хмель силу возьмет — пропита будет и однорядка! Поживем на кабаке, не спустим и кафтану своему: не пощадит пияница платья своего. Хощет до нага пропитися з басы, пред собою стояти ярыжными повелевая, да скоморохами *вострубит, без всего живота станет, да с похмелья кручиною увяжется и от добрых отлучится и без всего имения станет.*

Ины стихиры пустошные: Самозван еси, человѣче, приди на кабак, видя на суши тонущих без воды, а ты хочешь сух выти, мечты творишь во уме: «Немножко посижю для уныния». Ажно в долгое время пройдет, веселие твое в печаль обращается, болезнь умножается, стонота и оханье с похмелья.

На хвалу на кабак потекл еси, малоумне человече, и той тя прославит до нага напитися и во временней сей жизни скитатися по миру, с мешком под окошками просити и собак кнутом дразнити, темже дерзновение и пропасть стяжал еси.

Изучился красти, по миру ходя, малоумне рабе, и непослушливы делателю бесования, ты наготу кабацкую понесл еси, ты живот свой пропил еси и пришедшим по тебе не завидел еси, темже и на полати гузном сажю уготовал терти, выйди за печь в Пробойную улицу, чтобы тя з голоду не уморили.

Иже прежде зовема и в древняя наша лета — корчмо, ныне же тайно глаголем и умильно взываем: «Радуйся, Кабаче, отемнение Вычеготскому Усолию». И ныне не токмо тя Усолие почитает, но и в дальных языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на Вычеге,* и на Виледе,* и на Лале,* и в протчих волостях сердечное воздыхание и в перси биение.*

Кто твоя чудеса изочтет, кому ли тя потребна нареку? Беснующему ли тя уподоблю, но беснующий неволею страждет, ты же самовольно скакати и плясати повелеваеши. Да того ради зовем ти: «Радуйся, Кабаче, ярыгам и дьячком и прочим христианам самовольное бесование, злосмердение и злоневерие, маломожное житие, многое воздыхание, Кабаче веселы, мучися своим неистовством.

Слава и ныне пустая, глас шестопятой: Егда придет от кабака на подворье к жене своей, мирная глаголаху: «Сего дни видевши подворницы[1] *его непрестанно кленяху, ови же укоряху его, глаголющее, яко ясти нечего, а пьешь!». Гневно жена его злословяще, вопиющи: «Сего дни з детьми не ела! О, Владыко, чего для долго не завернешь ему шею на сторону, о чем*[2] *долго не бросишь на землю?», — но убо з горем тако глаголется, яко не мощи терпети: всегда муж той пьян приходит, — Дом наш разорился, с ним бы разошлася, а дети бы чюжюю сторону спознаша».*

---

[1] те, кто живут во дворе (приживалы, работники, слуги); [2] почему.

**На стиховне стихиры, глас пулной[1], подобен: Что тя наречем?

Что тя ныне, Кабаче, нареку? Дурна или безумна? Разбойника ли тя нареку? — но манием о землю бросаешь. Купца ли тя нареку? — ибо не даром даеши многое твое бесование и больше истощание. Кабаче мой, моли о пиющих на тебе з голянскими своими.**

Стих: Многия скорби с похмелья бывают.

Како тя ныне, Кабаче, призовем: умна или безумна? Всякие беды от тебя приходят, но мы от тебя откупаемся и заклады емлем, иные переменяем к тебе, безчестия не хочем. Кабаче, моли з голянскими своими!

Стих: **Пьяница, яко теля, наготою и убожеством процвете.**

Кто тя наречем, Кабачѣ? Река ли еси быстрая, но понеже бе на тебе время нощное, и быстрины твоего течения престанут, целовальники учнут. Корчмо, несытая утробо, моли з голянскими своими о недостатках наших!

Слава недобрая пианицам. Глас пулной: Вооружився крепко на пиющих, Кабаче недостойны, веселы, яко неки зверь при горах, — такожде и ты, Кабаче погибельны, по вся дни привлачая к себе на веселие и на пропитие платья и денег, всяким неправдам крепкий воевода, — наипаче воеводы! Занеже и самого воеводу обидишь, понеже ты молча уловляеши человеки, якоже и всего им лишитися имения. Иже долго время привлачаеши к себе на веселие, долго быти повелеваеши у себе, премудрая суета, голое сиротство, з басы говоришь не то: «Понеси, размахни, почерпни, наливай, потащи, закладывай, выкупай!» — а после отходяще и воздыхающе.

О, великое чудо, кто на тя бездельное не пронесет! Но мы про тебе говорим и злобою кленем тя, а не тешим. Темже же присно с воздыханием.

И нынѣ, глас остаточной: Что ти принесем, веселая Корчмо? Кажды человѣк различныя дары тебе приносит со усердием сердца своего: поп и дьякон — скуфьи и шапки, однорятки и служебники; чернцы — манатьи, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейныя; дьячки — книги, и переводы, и чернилы, и всякое платье, и бумажники[2] пропивают, а мудрые философы — мудрость свою на глупость пременяют. Служилые люди — хребтом своим на печи служат. Князе и боляре и воеводы за меду место величаются. Пушкари и салдаты тоску на себя купили, пухнут, на печи лежа. Сабельники саблю себе на шею готовят. Лекари и обманщики напастья на тебе величают. Тати и разбойницы веселятся, а холопии спасаются, кости[3] нося в приполѣ, говорят быстро, плюют далече, зъ басы на погибель бросаютца, басливые батоги на тебѣ освящаются. Жонки блуд и скаредство приносят, мужни жены, добрые, срамоту себѣ улучают; зерньщики[4] и костари[5] и такальщики[6] [7]усовую болесть[7] себѣ получают, ставаютъ — охают, ложася — стонут. Ростовщики во-

[1] от пул, пуло — мелкая медная монеты; т. е. «глас дешевый, копеечный»; [2] род переплета типа папки; [3] игральные кости; [4] от зернь — особый род игры в кости; [5] игроки в кости; [6] наперсточники (?); [7—7] дрожь;

рогушу[1] себѣ выростили: тружает их сухотою[2] по вся часы. Скупщики всякие стоноту на тебе купили. Купцы, десятники[3] и довотчики[4] кнутом ся вѣнчают. Пономари[5] — туды ж, что люди, в стадо бредут, воскъ и свечи приносят. Что [6]быльные же люди[6]? Туды же — пьют. И всякий человѣк, рукодѣльны, и простый, и искусний, всякими дуростьми тебе, веселая Корчмо, величают. Мы же вси, любящеи тя, и отцов и матери оставихомся, чужую сторону с позоры познавахом. Всякий тя человѣк проклинает, только тебя не лишается. Повары всякия мудрости свои на винную чарку предают, лесники — куницы и соболи и вѣкши[7] на печѣ оцѣнивают лежа: тот соболь — ведра другого суден[8]. Кузнецы топоры и ножи, и наковальна, молоты и клещи и мѣхи и косы себѣ на шею готовят. Хмелю, проломил еси нас, всякому вѣжству з басы научил еси нас, веселие нашему вѣку и сухоту, славим тя болѣзнено во вѣки.

Притча: Нападает помышление на чтущих соборов, в сердцы же совѣтующих пребывает свѣт чреву и скорбящу — смирится сердце. Ботѣющу[9] тѣлу — свѣрѣпеют помышления.

Житие и позоры, и горькое терпѣние, и о любящих многое питие без мѣры. Благословите мя плутати.

Сии убо родишася от многих стран различных от неподобну родителю и безумну и з горестию хлѣбом воспитани быша. Друзии же от добру и богату родителю быша рождени, воспитаны же нескорбно и безпечально. Егда же достигоша юношескаго возраста и не изволиша по отеческому наказанию жити, но изволиша по своей воли ходити, родителие же здержавше их, и не возмогоша, и предаша воли их. Они же приложишася ко онѣм наказным[10] и начаша ходити на вечери и на вино многое. Родителие же их не возмогоша здержати никакими наказаньми и предаша воли их. Они же быша буяви и храбри, не быша же не древодѣльцы, ни земледѣльцы. Взяша же нѣкую *часть* имѣния ото отец своих и приидоша на корчмицу, разточиша же имѣние свое не Бога ради. После же — обнищаша и взалкаша, телеса же своя наготою одѣяша, срамныя уды объявиша, не срамляху бо ся лица человеча, не пекущеся о житейских, но чрево имуще несытно, пьянства желая всегда упиватися и, яко болван, валятися и досаждати человѣком нелыпыми глаголы, приемлюще побои и ударения и сокрушения костем, в нюже нужу терпѣша глад и наготу и скорбь всяку. Не имѣяху ни подстилания мягкаго, ни одѣяния тепла, ни под главою зголовья, но, яко пси свернувся, искаху себѣ запечна места. Телеса же их обагрени быша сажею, дым же и жар терпяху, вся та не Бога ради, но — для своего бѣшения.

Аще бы такия бѣды Бога ради терпѣли, воистину бы были новые мученики, ихже бы достойно память их хвалити. Нынѣ же кто не подивится безумию

---

[1] лихорадка; [2] жаждой; [3] указчики, надсмотрщики; [4] доносчики; [5] мелкий церковнослужитель; [6—6] мастеровые, деловые, хозяйственные; [7] белок; [8] стоит, [9] жиреющему; [10] наставникам.

их? Без ума бо сами себя исказиша. Не довлѣет бо им милостыни даяти, но вмѣсто даяния — сами восхищаху, вмѣсто коленнаго поклонения — плескания предлежит, вмѣсто же молитвы к Богу — сатанинския пѣсни совершаху, вмѣсто бдѣния нощнаго — въсенощно спяху и инѣх опиваху, друзии же обыгрываху. Вмѣсто поста — безмѣрное питие и пьянство, вмѣсто фимиянного обоняния — смрадяху бо телеса их, от афенъдров[1] их исхожаху лютый безмерный смрад. Вмѣсто понахиды[2] родитель своих всегда поминающе матерным словом. От юных возраста достигше до средовѣчия, никакоже первых обычаевъ отлучишася, но на горшая прострошася и заблудишася, *от истины впадоша в ров погибели. **В нощи убо не усыпаху и не почиваху, но, обидяще чюжие дома, призирающее, да бы нечто украсти. Аще же что украдут, то все в несытую свою вливающее утробу. Аще ли стерегущии изымают, то многия раны возлагают на тело их, последи же и узами железными свяжут, и уранят, и в темницу отдадут. Егда же ко злой смерти влекоми будут, тогда воспомянут родители своя и наказание их, и ничтоже им поможет, не достигли бо суть добра возраста, ни красныя зрения, ни седин процветения.***

---

[1] задних проходов; [2] заупокойной службы.

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

СПИСОК С ЧЕЛОБИТНЫЕ, КАКОВА ПОДАНА ВО 185-м (1677) ГОДУ КАЛЯЗИНА МАНАСТЫРЯ* ОТ КРЫЛОШАН НА АРХИМАНДРИТА ГАВРИИЛА* ВЪ ЕГО НЕИСПРАВНОМ ЖИТИИ СЛОВО В СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННОМУ СИМЕОНУ, АРХИЕПИСКОПУ ТВЕРСКОМУ И КАШИНСКОМУ

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомолцы твои, Колязина монастыря крылошаня[1], черной дьяконъ Дамаско с товарыщами.

Жалоба, государь, нам, богомольцом твоим, того же Колязина монастыря на архимандрита Гавриила. Живет онъ архимарит не гораздо, забылъ страх Божий и иноческое обещание и досаждает нам, богомольцом твоим. Научил онъ архимарит понамарей плутовъ в колокола не во время звонить и в доски колотить; и онѣ, плуты понамари, ис колоколъ мѣди много вызвонили и желѣзные языки перебили, и три доски исколотили, шесть колотовъ розбили, в день и ночью нам, богомолцом твоим, покою нѣт.

Да онъ же архимандрит приказал старцу *Уару* в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братью будить, велит часто к церкве ходить. А мы, богомолцы твои, в то время кругъ ведра с пивом без портокъ в кельях сидим, около ведра ходя, правило говорим,* не успѣть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то что к церкве часто ходить и в книги говорить. А какъ он архимарит старца к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем ис келей вонъ выбегаем.

Да он же архимарит монастырскую казну не бережет, ладану да свѣчь много прижогъ. А монастырские слуги, тѣша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И онъ архимарит во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запылил и кадило закоптил, и нам, богомолцом твоим, от того очи выело, горло засадило.

Да он же архимандрит приказал в воротах с шелепом[2] стоять кривому старцу Фалелею, нас, богомолцевъ твоих, за ворота не пустити, и в слободу схо-

---

[1] клирошане; [2] с кнутом.

дить не велит, и скотья двора присмотрить, чтоб телят в хлѣвъ загнать и кур в подполье посаж*ать*, благословение коровнице подать.

Да он же, архимандрит приѣхавъ въ Колязинъ, почал монастырской чинъ разорять, пьяных старых всѣхъ разганял, и чють он, архимарит монастырь не запустошил: нѣкому впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на досталные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И́ про то, государь, разорение извѣстно стало на Москвѣ началным людям, — и скоро по всѣм монастырем и кружалом[1] смотръ учинили, и после смотру лучших бражниковъ сыскали — старого подьячево Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу,* и в Колязинъ монастырь для образца их наскоро послали, и началныя люди им приказали, чтобы они дѣлом не плошилися, а лучшия бы кавтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научали и нашу бы братью, крылошан, с любовию в монастырь к себѣ приимали, и единую мысль смышляли: какъ бы казнѣ прибыль учинить, а себѣ в мошну не копить и рубашки бъ с себя пропить, потому что лехче будет ходить. А если бы нам, богомолцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подавали, и мы *б* колокола отвязали да в Кашин на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же архиманрит проторно[2] живет, в праздникъ и в буден нашу братью куетъ. Да он же об насъ батоги приламал и шелепы прирвал, и тѣм казнѣ поруху учинил, а себѣ он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, годѣ весна была красна, пѣнка росла толста. И мы, богомолцы твои, радѣвъ дому святому, меж собою присовѣтовали, что и*с* тое пенки свить веревки долги да толсты, чѣм ис погребов ночью бочки с пивом волочить да по крылоским кѣльям возить, а у кѣлей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали бъ нам пива пить, а к церкве б нам не ходить. А какъ мы пиво допьем, такъ и к церкве скоро пойдем. И он, архимандрит догадался, нашего челобитья убоялся, приказал пѣнку в веревки свивать да вчетверо згибать, да на короткие палки навязать, а велѣл их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, богомольцов твоихъ, тежело опущать, а самъ, стоя, конархает[3]. И намъ, богомольцамъ твоимъ, лежа, и кричать не поспѣть, потому что за плечми телу нужно[4], а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его, архимаритовы, налоги поневолѣ в церковь ходим и по книгам чтем и поемъ. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обѣдню не едчи *поем*, и от тое мы изморы скоро помрем.

Да он же архимарит Великой постъ вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано, за три

---

[1] питейным домам, кабакам; [2] убыточно; [3] читает каноны или возглашает молитвословные стихи за богослужением; [4] тяжко.

часа до дни, в чесноковикъ[1] звонить, за старыми остатки «часы»* говорить, а «блаженна»* ведрѣ над вчерашним пивом, на шесть ковшовъ, «слава и ныне», до свету на печь спать.

Да он же архимарит нам, богомолцам твоим, изгоню чинит: когда ясти прикажет, а на столъ поставят рѣпу пареную да ретку вяленую, кисель з братом[2] да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают да на стол поставляют. А нам, богомольцом твоим, и такъ не сладко: рѣтка да хрѣнъ, да чашникъ старецъ Ефрем. По нашему слову ходил, лучши бы было: для постных же дней вязига да икра, бѣлая рыбица, телное да двѣ паровые, тиошка б во штях да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои блины, однѣ бы с маслом, а другия с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да [3]пиво б поддѣлное[3] мартовское, да переварной бы мед. И у него, архимарита, на то и смыслу нѣт: у насъ знающих людей, не спросится, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлѣб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет. И мы, богомолцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мыши с хлѣба опухли, а мы з голоду мрем. И мы, богомолцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили, и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у насъ в Колязинѣ подолѣ побыть и с нами, крылошаны, в совѣте пожить, и себѣ болшую честь получить, и ты б почаще пива варил да святую братию почаще поил, порѣже бы в церковь ходил, а насъ бы не томил. И он архимарит родом ростовецъ, а нравом поморецъ, умом колмогорецъ, на хлѣбе на соль каргополецъ, насъ, богомолцевъ твоих, ни в чем не слушает, а самъ не смыслит, мало с нами пьет да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метиолъными комлями да ременными плетями, и та нам у него была честь добра, во всю спину ровна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомолцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивново ведра засидимся и на утро встать не можем, гдѣ клобукъ с мантиею, не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой пѣсни поспѣем, а иные к росходному началу. И он архимарит монашескому житию не навычен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вмѣняет, за то нас, не смысля, крѣпко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору* осталося старыхъ лѣт запасовъ по подлавесью в хлѣбне — стулья[4] да чепи, в мукосейне — по спицам шелепы, да плети, да сита частыя, в караулнѣ, под лавки — снопы батогов, в кузнице по грядкам — кандалы да замки. У насъ, богомолцовъ твоих, от слез очи мутятся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится.

И мы, богомолцы твои, тому дивимся, что он, архимарит по се время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братью бить гораздъ. Не

[1] в частокол; [2] т. е. с обратом (?), сывороткой, оставшейся от молока после сбивания масла; [3—3] пиво, приправленное пряностями; [4] здесь: деревянные чурбаки, к которым прикреплялись цепи кандалов.

лучше ли ему плыть от нас: а на его мѣсто у нас много будет охочих великого смыслу. И на пустѣ жить не станем, и в анбарѣ простору прибавим: рожь да ячмень в солоды обростим да пива наваримъ, брашки насидим. А чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарежать[1] колокола отвязать, и велим в Кашин провозжать да на вино промѣнять; а такъ они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всѣх нарядили.

А как мы архимандрита избудем и добраго добудем, которой гораздъ лежа вино да пиво пить, а к церкве бы порѣже ходил и нас бы, богомолцовъ твоих, почаще на погреб посылал, учнем радѣть, а ему, архимариту, добра хотеть, а монастырю прибыль чинить, вино в чарки наливать да старое пиво допивать, а молодое затирать[2], а иное станем на дрожжи наливать, да тогда и к церкви пойдем, когда вино да пиво допьем. В колокола не будем звонить, а на погребъ и без звону в полночь готовы ходить; ладану да свѣчь не будем жечь, пиво да вино и с лучиною пьемъ; уголью истери[3] не будет, ризы да книги вынесем в сушило[4], церковь замкнем, а печать в *лупки*[5] обогнем, понамарей вышлем в слободу жить, а прикажем им почаще ходить да вино нам подносить, да велим им звонить с неде*ли* на неделю в годъ по одножды.

Милостивый великий господинъ преосвященный Симион, архиепископъ Тверский и Кашинский, пожалуй нас, богомолцовъ своих; вели, государь, архимандрита счесть в колоколах да в чепях вѣсом, что он ис колокол много мѣди иззвонил ис чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомолцевъ твоихъ, а в уголье мѣрою, колоты[6] да доски числом, и в той утерной[7] казнѣ отчотъ дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему, архимариту, безчестье немалое, а платить нам нечѣм: крылоские люди живут небогато, а нажитку у себя имѣют толко лошка да плошка. А буде ему, архимандриту, впредь мы надобны не будем, и мы, богомолцы твои, ударим об уголъ плошку да покладем в мѣшокъ лошки, да возмем в руки посошки, пойдем из монастыря по дорожке в ыной монастырь, гдѣ вино да пиво найдем, тут и жить начьнем, пиво да вино допьем, и въ иной монастырь пойдем и поживем по разсмотрению с похмелья да с тоски и да с третьей брани и великия кручины; в Калязин монастырь зайдем погулять в житницах и в погребах и во всѣх монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по-прежнему в Колязинѣ монастыре жить неотходно начнемъ.

Смилуйся, пожалуй!

---

[1] снаряжать; [2] заводить; [3] траты, потери; [4] сарай; [5] в лубяную обвертку; [6] колотых дров; [7] утерянной.

ПОСЛАНИЕ ДВОРЯНИНА К ДВОРЯНИНУ

Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скуднаго моего жительства присносущу писателю, государю моему имярек и отцу имярекъ, жаданный[1] видѣти очес твоих свѣтло[2] на собя, якоже преже бѣ не сытый зримаго и многоприятнаго милосердия твоего Фуников Иванец, якоже прежней рабецъ, греха же моего ради яко странный старец.

Вожделѣн до сладости малаго сего писанейца до твоего величества и благородия, не простирает бо ся сицево писанейцо за оскудѣние разума моего и за злу фортону[3] сердца моего. Точию рѣх ти: буди, государь, храним десницею Вышнаго Параклита.[4]

А по милости, государь, своей, аще изволишь о нашем убожествѣ слышати, и я, милостию Творца и Зижителя[5] всяческих, апрѣля по 23 день, по-видимому, в живых, а бѣдно убо и скорбно дни пребываю, а милосердия твоего, государя своего, всегда не забываю. А мнѣ, государь, тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки,
да вкинули в тюрьму, и лавка, государь, была уска,
и взяла меня великая тоска,
а послана рогожа, и спать не погоже.
Седел 19 недель, а вон ис тюрьмы глядѣлъ.
А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахѣ,
за старые шашни хотѣли скинуть з башни.
А на пытках пытают, а правды не знаютъ,
правду-де скажи, а ничего не солжи.
А яз имъ божился и с ног свалился и на бок ложилъся:
«Не много у меня ржи, нѣт во мнѣ лжи,
истинно глаголю, воистинну не лжу».

---

[1] желающий; [2] свет; [3] фортуну (судьбу); [4] Утешителя; [5] Создателя.

И они того не знают, больше того пытаютъ.
И учинили надо мною путем, мазали кожу двожды кнутом.
Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил,
баня дурна да и мовник[1] глуп,
высоко взмахнулъ, тяжело хлыснул,
от слез добрѣ великъ и по ся мѣста болит.
Прикажи, государь, чѣмъ лечить,
а мнѣ, государь, наипаче за тебя Бога молить,
что Богъ тебя крепит, дай, Господи, и впредь такъ твори*ть*.
Да видѣх, государь твое, государя моего имярек, рукописание, прослезихся,
и крѣпости разума твоего удивихся,
а милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся,
и Богу моему за тобя, государя моего, помолихся.
Да от сна вставая и спать ложась, ей-ей всегда то же сотворяю.
А тѣм, государь, твое жалованье платить,
что за тебя Бога молить, да и всяк то говорит: добро-де онъ так творитъ.
Да писал бы, государь, немало,
да за великой смуток[2] разума не стало.
Приклоних бо главу свою до земля, рѣ*х* ти: здравствуй, государь мой, о Христѣ. Аминь.

Да немало, государь, лѣтъ,
а разума нѣт, и не переписать своих бѣд.
Розванъ, что баранъ, разорен до конца, а сѣд, что овца.
Не оставили ни волосца животца, и деревню сожгли до кола.
Рожь ратные пожали, а сами збежали.
А нынѣ воистинну живем в погребище и кладем огнище,
а на ногах воистинну остались однѣ голенища, и обились голенища.
Зритель, государь, сердцам Богъ: не оставили шерстинки,
ни лошадки, ни коровки, а в земли не сѣяно ни горстки.
Всего у меня было живота корова, и та не здорова.
Видит Богъ — сломило рогъ.
Да Богъ сердца вѣсть — нечего ѣсть.
Велѣл Богъ пожить и не о чем тужить.
А я тебѣ, государю моему, преступя страх,
из глубины возвах,* имя Господне призвах,
много челом бью.

А о скорбѣх постигших нас не вѣм, что изрещи. Зрѣние нас устрашает, но мню, и стихия нам зболѣзнует. Не единех бо нас постигоша злая, но и всю страну нашу. Земля, юже видѣл еси благу и населенну, узриши ея опустѣну и

[1] мыльщик; [2] печаль.

напоену кровми святых: пролияша бо ся крови подобно дождеви, и вмѣсто пшеница возрастоша нам терния.* Узриши церковь Божию сѣтующу и дряхлующу и яко вдову совлечену, красота бо ея отъята бысть иноплеменными, паче же нашими воставшими на нас, Богу тако извольшу. И узриши грады разорены и пожжены, вдовы и старии сѣтующа и гладом таеми[1], середняя[2] же и невѣсты возхищени и обоимани руками чюжих, и младенцы раздробляемы, и самый той царствующий град, яко шипок[3] красен зимою, противными нашими померзаем. Превосходит бо плач нашъ паче Вифлеомскаго плача, тамо бо токмо едини младенцы убиваеми бываху* и се число прииде, здѣ же старии и совершении умом и боголѣпныи образом и юнnии лѣты и образом и всяк возрастъ не пощадѣн бысть. Превосходит же воистинну и Херсонскаго Устиниянова убиения:* тамо бо токмо един град страдаше, здѣ же не мала часть вселенныя в запустѣние положись.

Не прогнѣвайся, что не всѣ беды и разорения пишу, не бо умъ мой постигнути или писанию предати возможетъ, да и тебѣ скорбь на скорбь не наложу. Твоя же и моя вся взята быша без останка.

---

[1] истощены; [2] средних лет; [3] роза.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

В МОРИ ПЕРЕД БОЛШИМИ РЫБАМИ СКАЗАНИЕ О ЕРШЕ О ЕРШОВЕ СЫНЕ, О ЩЕТИНЕ О ЯБЕДНИКЕ, О ВОРЕ О РАЗБОЙНИКЕ, О ЛИХОМЪ ЧЕЛОВѢКЕ, КАКЪ С НИМЪ ТЯГАЛИСЯ РЫБЫ ЛЕЩЪ ДА ГОЛОВЛЬ, КРЕСТЬЯНЯ РОСТОВСКОГО УЕЗДУ

Лѣта 7105 (1596) декабря въ день было въ болшомъ озере Ростовъскомъ сьждялися судии всехъ городовъ, имена судиямъ: Бѣлуга Ярославская, Семга Переславская, бояринъ и воевода Осетръ Хвалынскаго моря, окольничей былъ Сомъ, больших [1]Волскихъ предел[1], судные мужики Судокъ да Щука-трепетуха.

Челом били Ростовскаго озера жильцы, Лещь да Головль, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: «Бьютъ челом и плачютъца сироты Божии и ваши крестиянишька, Ростовскаго озера жильцы, Лещь да Головль. Жалоба, господа, намъ на Ерша на Ершева сына, на щетинника на ябедника, на вора на разбойника, на ябѣдника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на вострые щетины, а худово недоброво человѣка. Какъ, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотъчину навѣк намъ после отцевъ своих, а тотъ Ершь-щетина, ябедник, лихой человѣк, пришел из вотъчины своей, из Волги из Ветлужскаго помѣстья из Кузьмодемянскаго стану, Которостью-рекою к намъ в Ростовское озеро зъ женою своею и з детишками своими, приволокся в зимную пору на ивовых санишках и загрязнилъся и зачернилъся, что он кормилъся по волостямъ по дальнимъ и былъ он в Черной реке, что пала она в Оку-реку, противъ Дудина монастыря. И какъ пришелъ в Ростовское озеро, и впросился у насъ начевать на одну ночь, а назвался он крестиянином. И какъ он одну ночь переначевалъ, и он вопрошался у насъ во Врево в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему повѣрили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишкомъ[2] и з детишками. А поживъ, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке. И тотъ воришько Ершь обжился в наших вотчинахъ в Ростовскомъ озере, да подале нас жилъ и з детьми росплодилъся, да и дочь свою выдалъ за Вандышева сына*, и росплодился с племянем сво-

[1]—[1] Волжских краев; [2] с женой.

имъ, а насъ, крестиян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вон выбили, и озером завъладѣли насильствомъ зъ жени́шкомъ своим и зъ детишьками, а нас хощет поморить голодною смертию. Смилуйтеся, господа, дайте нам на него судъ и управу».

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на судѣ. И суд пошелъ, и на судѣ спрашивали Ерша: «Ершь-щетина, отвечай, бил ли ты тех людей, и озеромъ и вотчиною их завладѣлъ?»

И ответчикъ Ершь перед судиями говорилъ: «Господа мои судии, им яз отвечаю, а на нихъ яз буду искать безчестия своего, и назвали мѣня худымъ человѣкомъ, а яз ихъ не бивалъ и не грабливалъ, и не знаю, ни вѣдаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не ихъ, из старины дѣдушьку моему, ростовскому жильцу. А родом есъми аз истаринший[1] человѣкъ, детишька боярские, мелъких бояр по прозванию Вандышевы, переславцы. А те люди, Лещь да Головль, были у отца моего в холопяхъ. Да после[2], господа, яз батюшка своего, не хотя греха себѣ по батюшкове душе, отпустил их на волю и з жени́шками и з детишьками, а на воле имъ жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А какъ, господа, то озеро позасохло в прежние лета, и стало в томъ озере хлебная скудость и голод великъ, и тотъ Лещь да Головъль сами сволокълися на Волгу-реку и по затонамъ розлилися. А нынъ меня, бѣдъново, отнють продаютъ напрасно. И коли[3] оне жили в Ростовскомъ озере, и оне мнѣ никогда и свѣту не дали, ходят поверхъ воды. А я, господа, Божиею милостию и отцовымъ благословѣниемъ и материною молитвою не чмутъ[4], ни вор, ни тать и не разбойникъ, а полишнаго[5] у мѣня никакова не вынимывали, живу я [6]своею силою и правдою отеческою[6], а следом[7] ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивалъ. Человѣкъ я доброй, знают мѣня на Москве князи и бояря и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многихъ людяхъ и городѣхъ, и ядятъ меня в ухе с перцемъ, и с шавфраномъ, и с уксусомъ, и во всяких узорочияхъ[8], а поставляютъ меня перед собою чес*т*но на блюдахъ, и многие люди с похмеля мною оправливаютца».

И судии спрашивали Леща с товарищи: «Что, Ерша еще уличаите ли чем?» И Лещь говорилъ: «Уличаем Божиею правдою да крес*т*ным целованиемъ* и вами, праведными судиями». — «Да сверхъ крес*т*ново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие даные или крѣпосьти какие-нибуть?» И Лещь сказал: «Пути, де, у насъ и даные утерялися, а сверхъ тово и всемъ ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево, и

---

[1] родовитый; [2] здесь: по смерти; [3] когда; [4] проходимец; [5] краденых вещей; [6—6] за свой счет и по отеческим законам; [7] с уликами; [8] здесь: в изысканных яствах.

какъ он, Ершь, темъ озеромъ завладелъ сильно[1]. И всемъ то вѣдамо, что тотъ Ершь лихой человѣкъ и ябедникъ, и вотчиною нашею въладѣет своимъ насильством».

И Лещь с товарищемъ слалися: «Сшлемся, господа, из виноватыхъ,* на доброво человѣка, а живет он в Новогородскомъ уезде, в реке Волге, а зовут его рыба Ло́дуга,* да на другово доброво человѣка, а живет он под Новым-городомъ в рекѣ, зовут его Сигомъ. Шлемъся, господа наши, что то Ростовское озеро из старины наше, а не Ершево».

И судии спрошали Ерша-щетинника: «Ершь-щетинникъ, шьлесьса ли ты на Лещеву общую правду?» И Ершь им говорил: «Господа праведные судии, Лещь с товарищи своими люди прожиточные[2], а я человекъ небогатой, а изъездъ[3] у меня вашимъ посылочнымъ людямъ и пожитку нетъ, по ково посылка починить[4]. А те люди в дальнемъ разстоянии, шьлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге. И онѣ хлебъ и соль с теми людми водят меж собою».

И Лещь с товарищемъ: «Шлемъся, господа, из виноватых на доброво человѣка, а живет онъ въ Переславскомъ озере, а зовутъ его Сельдь рыба». И Ершь такъ говорилъ: «Господа мои судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди во племяни[5], промежь собою ссужаютъца[6], и они по Леще покроютъ».

И судии спрашивали Ерша: «Ершь-щетина, скажи намъ, почему тебѣ те люди недруги,* а живешь ты от нихъ подалеку?» И Ершь говорилъ къ: «Дружбы у насъ и недружбы с Сигомъ и с Лодугою и с Сельдию не бывало, а слатся на них не смѣю, потому что путь дальней, а езду платить нечем,* а се Лещь он с ними во племяни».

И судии спрашивали и приговорили Окуню приставу* сьездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их перед судиями. И пристав Окунь поехалъ по правду и взялъ с собою понятыхъ Мня. И Мень ему отказал: «Что ты, братецъ, меня хощешь взять, а я тебѣ не пригожуся в понятые — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се у меня губы толъсты, перед добрыми людми говорить не умею». И приставъ Окунь отпустил Мня на волю да взялъ в понятые Язя да Сабълю да мелково Молю[7] с пригоршни и поставил правду перед судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: «Скажите, что вѣдаете промеж Леща да Ерша, чье из старины то Ростовское озеро было?» И правду сказали третие: «То, де, озеро из старины Лещево да Головлево». И их оправили[8]. «Господа, — люди добрые, а крестияня они Божии, а кормятся своею силою,

[1] насильно; [2] зажиточные; [3] деньги за доставку свидетелей; [4] учинить; [5] в родстве; [6] ссужают друг другу; [7] или снетков, или только что выведшейся рыбешки, мальков; [8] признали правыми.

а тот Ершь-щетина лихой человѣкъ, покълепщик бедо[1], обманщикъ, воришько, воришко-ябѣдъникъ, а живетъ по рекамъ и по озерамъ на дне, а свету мало к нему бываетъ, он таковъ, что змия̀ ис-под куста глядитъ. И тот Ершь, выходя из реки на устье, да обманываетъ[2] большую рыбу в неводы, а самъ и вывернетца он, аки бѣсъ. А гдѣ он впроситца начевать, и онъ хочетъ и хозяина-то выжить. И какъ-то бѣда[3] розплодилъся, и он хочетъ и вотчинника-то посесть[4], да многихъ людей ябедничествомъ своимъ изпродалъ и по дворамъ пустилъ, а иных людей пересморкалъ[5]; а Ростовское озеро Лещево, а не Ершево».

И судии спрашивали у Ерша: «Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовъское озеро пути и даные и какие крепости[6]?» И Ершь такъ говорилъ: «Господа, скажу я вамъ, были у мѣня пути и даные и всякие крепости на то Ростовъское озеро. И грѣхъ ради моихъ в прошьлых, господа мои, годѣхъ то Ростовское озеро горело с-Ыльина дни да до Семеня дни Летоначатьца,* а гатить[7] было в тое поры нечемъ, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у мѣня и даные згорели».

И судии спрошали: «Скажитѣ вы про тово Ерша, назвалъся он добрым человекомъ, да знаютъ де ево князья и бояря, и дворяня и дети боярские, и дьяки и подьячие, и гости и служивые люди и земские старосты, что он доброй человѣкъ, родомъ сынъ боярской Вандышевых, переславцы». — «А мы, господа сто́роны, про нево скажемъ вправду. Знаютъ Ерша на Москвѣ бражники и голыши и всякие люди, которымъ не сойдетца купить добърые рыбы, и онъ купитъ ершевъ, на полденги[8] возметь, мъного естъ, а боле того хлеба розплюетъ, а досталь[9] собакамъ за окно вымечютъ или на кровлю[10] выкинутъ. А из старины словутъ Вандышевы, переславцы, а промыслу у них никакова нѣтъ, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских[11] холопей. Да, чаю, знаетъ ево и воевода Осетръ Хвалынского[12] моря да Сомъ з болшимъ усомъ, что он, Ершь, вѣковой[13] обманщикъ и обайщик[14] и ведомой воришко».

И судии спрашивали Осетра: «Осетръ, скажи нам про тово Ерша, что ты про нѣво ведаешь?» И Осетъръ, стоячи, молвил: «Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правъду. Знаютъ Ерша на Москве князи и бояря и всяких чиновъ люди. Толко он — прямой воръ, а меня он обманулъ, а хотѣлъ вам и давно сказать, да, право, за соромъ[15] не смелъ сказать, а нынѣ прилучилося сказать. И еще я вам скажу, какъ Ершь меня обманулъ, когда было яз пошелъ из вотчины своей <...>. *Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тотъ Ершъ встретилъ меня на устье, недопустил до озера да назвал меня братомъ. И яз на-*

[1] бедовый; [2] заманивает; [3] весьма, очень; [4] вытеснить; [5] оплевал, оклеветал; [6] владельческие документы; [7] заваливать воду, топь или болото хворостом, соломой и землей; [8] на полушку, на четверть копейки; [9] остаток; [10] здесь: на крышку чугуна, где варилась рыба; [11] новопоселенных, пришлых; [12] Каспийского; [13] всегдашний, вековечный; [14] оговорщик, клеветник; [15] со стыда.

чаялся[1] *ево добрым человѣкомъ да назвал ево противу братом. И онъ меня спросил: «Брате Осетръ, далеча ль ты идешъ?» И яз ему спроста сказал, что иду в Ростовское озеро жировать. И Ершъ рече: «У меня перешиб*[2]*, брате мой милый Осетръ, и жаль мнѣ тобя, не погинь ты напрасно*[3]*, а ныне ты мнѣ стал не в чюжихъ. Коли яз пошолъ из вотчины своей, из Волги-реки, Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвоя тобя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера*[4]*, а глава моя была что пивной котелъ, а очи что пивные чаши, а нос мой был карабля заморского, вдоль меня было семъ саженъ, а поперек три сажени, а хвостъ мой был что лодейной парус. И яз бока свои о берег отер и носъ переломал, а ныне ты, брате, видишъ и самъ, каковъ яз сталъ: и менши* тобя, и дородства моего ничего нет». И яз ему, вору, поверил и от него, блядина сына, назатъ воротилъся, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморилъ и племя свое розпустилъ, а сам одва чють живъ пришелъ, в Нижнее под Новгородъ не дошелъ, в рѣке и зимовалъ».

И Сом-воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и усъ роздувъ, почалъ говорить: «Право, он прямой человѣкъ, вѣдомой вор, мнѣ он не одно зло учинилъ — брата моево, болшево Сома, затащилъ в неводъ, а самъ, аки бѣсъ, в ячейку и вывернулъся. А когда братъ мой, болшей Сомъ, въверхъ по Волъге-рекѣ шел, и тотъ Ершь-щетина, ябедникъ и бездушникъ, встретилъ ево, брата моево, и почалъ с нимъ говорить. А в тое время брата моего неводомъ обкидали ⟨...⟩ и з детьми, а тотъ Ершь сталъ говорить: „Далече ли ты, дядюшка Сомъ, видишь?" И братъ мой спроста молвилъ: „Я, де, вижу Волгу с вершины[5] и до устия". А тот Ершь насмѣяся: „Далече ты, дядюшка Сомъ, видишь, а я недалеко вижю, толко вижу, что у тебя за хвостомъ". А в те поры брата моево и з детми рыболовы поволокли на берегъ, а он, воръ Ершь-щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бѣсъ, а брата моево на берегъ выволокли да обухами и з детьми прибили, а Ершь скачетъ да пъляшетъ, а говоритъ: „Едакъ, дѣ, нашево Объросима околачиваютъ". Ершь — ведомой воръ».

И судии в правду спрашивали и приговорили Лещу с товарищемъ правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша-щетину головою.

Беда от бедъ, а Ершь не ушелъ от Леща, и повернулъса к Лещу хвостомъ, а самъ почалъ говорить: «Коли вамъ меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищемъ, проглоти с хвоста».

И Лещь, видя Ершево лукавство, подумалъ Ерша з головы проглотить, ино костоватъ добре, а с хвоста уставилъ щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовскимъ озеромъ по-прежнему стали владеть, а Ершу жить у нихъ во крестиянехъ. Взяли оне, Лещь с товарищемъ, на Ерша правую грамоту, чтобы от нево впредь беды

---

[1] надеялся, полагал; [2] перелом, прострел; [3] зазря; [4] плавника; [5] с истока.

не было какой, а за воровство Ершево велели по всемъ бродомъ рыбнымъ и по омутомъ рыбънымъ бить ево кнутомъ нещадно.

А суд судили: бояринъ и воевода Осетръ Хвалынскаго моря, да Сомъ з болшим усомъ, да Щука-трепетуха, да тут же в судѣ судили рыба Нелма да Лосось, да приставъ былъ Окунь, да Язев братъ, а палачь билъ Ерша кнутомъ за ево вину — рыба Кострошь.* Да судные избы был сторожь Мень Чернышевъ да другой Терской, а понятых были староста Сазанъ Ильменской да Ракъ Болотовъ, да целовальник переписывалъ животы и статки[1] — пять или шесть Подузовъ[2] Красноперыхъ, да Сорокъ[3] з десеть, да с пригоршни мѣлково Молю, да над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали въ Розряде[4], имена целовальникомъ — Треска Жеребцовъ, Коневъ братъ. И грамоту правую на Ерша дали.

И судной списокъ писалъ вину Ершеву подьячей, а печаталъ грамоту дьякъ Ракъ Глазуновъ, печаталъ левою клешнею, а печать подписалъ Стерлеть с носомъ, а подьячей у записки в печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремной сторожь — Жукъ Дудинъ.

---

[1] имущество (движимое и недвижимое); [2] рыб из породы сазаньих; [3] сорог; [4] в Разрядном приказе.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

СУДЪ ШЕМЯКИНЪ

В нѣкоихъ мѣстехъ живяше два брата, земледѣлцы, единъ богатъ, други убогъ. Богатый же ссужая много лѣтъ убогова и не може [1]исполнити скудости[1] его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чемъ ему себѣ дровъ привѣсти. Братъ же ему не хотяше дати ⟨...⟩ лошеди и глагола ему: «Много ти[2], брате, ссужалъ, а наполнити не могъ». И егда даде ему лошадь, он же, веземь, нача у него хомута просити. И оскорбися[3] на него братъ, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нѣтъ, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвостъ лошади, поѣде в лесъ и привезе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутомъ. Лошедь же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возомъ и оторва у себя хвостъ.

И убоги приведе к брату своему лошадь бѣз хвоста. И виде братъ его, что у лошеди ево хвоста нѣтъ, нача брата своего поносити, что лошадь, у него выпрося, испортил, и, не взявъ лошади, поиде на него бить челомъ во град к Шемяке судии.

Братъ же убоги, видя, что братъ ево пошелъ на него бити челомъ, поиде и онъ за братом своимъ, вѣдая то, что будетъ на него из города посылка[4], а не ити, ино будетъ ѣздъ приставом платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый приидѣ начевать к попу того села, понеже ему знаемъ. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибѣль сказывать своей лошади, чего ради в город идетъ. И потомъ нача попъ с богатымъ ужинать, убогова же не позовут к себѣ ясти. Убогий же нача с полатей смотрѣти, что попъ з братомъ его ѣстъ, и урвася[5] с полатей на зыпку[6] и удави попова сына до

[1—1] избавить от нужды; [2] тебе; [3] рассердился; [4] приедут за ним посыльные; [5] сорвался; [6] зыбку, колыбель.

смерти. Попъ такъже поѣде з братомъ в город бити челомъ на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, идѣже[1] живяше судия. Убогий же за ними жь идѣ. Поидоша через мостъ в город. Града же того некто житель везе рвомъ в баню отца своего мыти. Бѣдный же веды себѣ, что погибѣль ему будетъ от брата и от попа, и умысли себѣ смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, привѣдоша пред судию. Онъ же мысляше, какъ бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себѣ не обрѣте, измысли[2], взя камень и, завертев в платъ и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же братъ его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челомъ судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глагола убогому: «Отвѣщай!» Убогий же, нѣ вѣды, что глаголати, вынял из шапки тотъ заверчены камень, показа судии и поклонися. Судия жъ начаялся[3], что ему от дѣла[4] убоги посулилъ, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвостъ, и ты у него лошади своей не замай до тѣхъ мѣсть[5], у лошеди выростетъ хвостъ. А какъ выростет хвостъ, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другий суд быти. Попъ ста искати[6] смерти сына своего, что у него сына удави. Он же такъ же выняв из шапки той же заверчены платъ и показа судие. Судиа же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли де у тебя ушипъ сына, и ты де атдай ему свою жену попадью до тѣх мѣстъ, покамѣстъ у пападьи твоей он добудетъ ребенка тебѣ. В то время возми у него пападью и с ребенкомъ».

И потомъ нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушибъ у сына отца. Убогий же, вынявъ заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулитъ, глаголя ему, у кого убитъ отецъ: «Взыди ты на мостъ, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися[7] самъ на него, такожде убий его, якоже он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со отвѣтчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как, де, у ней хвостъ выростетъ, в ту, де, тебѣ пору и лошадь твою отдамъ». Братъ же богаты даде ему за свою лошадь пять рублевъ, чтобъ ему и бѣз хвоста отдалъ. Он же взя у брата своего пять рублевъ и лошадь его отда.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтобъ ему у нѣе ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робѣнком. Попъ же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взялъ. Он же взя у него десять рублевъ.

---

[1] где; [2] сообразил, придумал; [3] надеялся; [4] за решение дела; [5] до тех пор, пока; [6] предъявил иск; [7] прыгни, сверзись.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостомъ, ты же взыди на мостъ и на меня тако жъ бросися, яко жъ и аз на отца твоего». Онъ же размышляя себѣ: «Броситися мнѣ — и ево де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с нимъ миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не вѣле.

И со всех троихъ себѣ взя. Судиа шь высла человѣка ко отвѣтчику и вѣле у него показанние три узлы взять. Человѣкъ же судиинъ нача у него показанныя три узла просить: «Дай, де, то, что ты из шапки судие казалъ в узлахъ, велелъ у тебя то взяти». Он же, вынявъ из шапки завязаны камень, и показа. И человѣкъ ему нача говорить: «Что, де, ты кажешъ камень?» Отвѣтчикъ же рече: «То судии и казал». Человек ⟨...⟩ *нача его вопрошати: «Что то за камень кажешь?» Онъ же рече: «Я, де, того ради сей камень судье казал ⟨...⟩ кабы онъ не по мне судил, и я тем каменем хотел его ушипъти». И пришедъ человекъ и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судил: акъ бы я не по немъ судил, а онъ бы меня ушип».*

Потом убоги отыде в домъ свой, радуяся и хваля Бога. Аминь.

АЗБУКА О ГОЛОМ И НЕБОГАТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

А. Азъ есми нагъ, нагъ и босъ, голоденъ и холоден, сьести нечаво.

Б. Богъ душю мою ведаеть, что нету у меня ни полушки* за душею.

В. Вѣдаить весь миръ, что взять мнѣ негде и купить не на што.

Г. Говорилъ мне доброй человекъ на Москвѣ, посулилъ мне взаймы денегь, и я к нему наутрея пришолъ, и он мне отказалъ. А толька мне онъ насмеялся, и я ему тоть смехь заплачю[1]: нашто было и сулить, коли чево нетъ?

Д. Добро бы онъ, человекъ, слово свое попомънилъ, и денегь мне дал; и я к нему пришолъ, и онъ мне отказалъ.

Е. *Есть* в людех всего много, да намъ не дадуть, а сами *умруть*.

Ж. Живу я, доброй молодец, весь день *не едъши*, а покушать мнѣ нечево.

S. Зеваетца мнѣ по брюху с великих недоедковъ; ходечи, губы помертвели, а поесть мне нечаво.

З. Земля моя пуста, вся травою заросла; пахать не на чимъ и сеить нечаво, а взять негде.

И. И [2]живот мой истощалъ, по чюжимъ сторонамъ волочасъ[2], а бѣдность меня, голенькова, изнела[3].

К. Какъ мнѣ, бедному и бѣзпле́мянному[4], промышлять и где мне подетися от *лихихь* людей, от недобрыхь?

Л. Люди богатыя пьють и едять, а голеньких не съсужають, а сами тово не распозънають, что и богатыя умирають.

М. Мыслию своею всево бы у себя много видель, и платья цвѣтного и денегь, а взять мне негде, солгать, украсть не хочитца.

Н. Нашто животъ мой позорѐн[5]? Лучи [6]*странна* животи[6] смерть прияти, нижели у́родомъ[7] ходити.

О. О горѣ мнѣ! Богатыя люди пьють и едят, а того не ведають, что сами умруть, а голенькимъ не дадуть.

П. Покоя себѣ, своей бѣдности, не обретаю, лапти розбиваю, а [8]добра не *налезу*[8].

---

[1] отплачу; [2—2] имение мое истощилось, пока я в чужой стороне скитался; [3] извела; [4] безродному; [5] разорен; [6—6] бездомного житья; [7] юродивым; [8—8] богатства не добуду.

Р. Разум *меня* не осяжеть[1], животъ мой не обрящеть своей бѣдности, все на меня востали, хотять меня, молодца, въдрукъ погрузить[2], а Богь не выдасть — и свинья не сьесть!

С. Своей горькой не ведаю, какъ жить и какъ мнѣ промышлять.

Т. [3]Твердъ животъ мой[3], а сердце с кручины пропало и не осягнеть.

У. Учинилася мнѣ бѣда великая, в бѣдности хожю, весь день не едши, а поесть мнѣ нихто не дасть.

Ѹ. Увы мне, бѣдному, увы, бѣзпле́мянному! Где мне отъ *лихихь* людей детца и голову приклонить?

Ф. Ферези* были у меня добры, да лихия люди за долъгь сняли.

Х. Хоронился от должниковъ, да не ухоронилъся: приставовъ* посылають, на правеж* ставять; по ногамъ ставять, а възять мне негде и отъкупитца нечимъ.

Ω. Отецъ мой и мати моя оставили мне *имение* были свое, да лихие люди всемъ завладели. Охь, моя бѣда!

Ц. Цел былъ домъ мой, да не велел Богь жити и владети.

Ч. Чюжево не хотелось, своево не лучилось. Какъ, какъ мне, бедному, промышлять?

Ш. Шел бы в городъ, да удрал[4] бы суконца хорошенкова на однорядку,* да денегь нетъ, а в долгь нихто не верять; какъ мне быть?

Щ. Щеголялъ бы и ходил бы чистенько и хорошенько, да не в чемъ. Лихо мнѣ!

Ъ. Ерзнул[5] бы по лавке в старой аднорядкѣ.

Ы. Ерычитца[6] по *брюху* с великих недоетковъ; елъ бы мяса, да в зубахь вязнеть.

Ь. Ехать было в гости, да нихто не зовет.

Ю. Ючится[7] по брюху с великих недоетковъ, играть не хочетца; вечеръ не ужиналъ, утросъ не завтрикалъ, северне не обѣдалъ.

Ю. Юрил[8] бы и играл бы, да Бога боюся, а се грѣха; страхь и людей соромъ.

Ѧ. Я коли бы былъ богат, тогда бы и людей *зналъ*, а в злы днех — и людей не позналъ.

Ω. Омыслил бы хорошенько, да нарядился, да не во что мне.

Ξ. К сѣй бѣдности не *умеють* люди пристать, а с нею опознатца.

Ѱ. Псы на милова не лают, постылова кусають и з двора сволокуть.

Ѳ. Фома-попъ глупъ, тотъ грѣха не знает, а людямъ не роскажеть; на томъ ему — «Спаси Богь!»; и спасеть Богь.

---

[1] коснется; [2] погубить; [3—3] жестко мне живется; или (в перенос. смысле). Горька жизнь моя; [4] переносное значение: раздобыл; [5] от глагола: ерзать; [6] бурчит; [7] урчит; [8] суетился.

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛЬНОЕ НЕДРУГУ

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛЬНОЕ[1] НЕДРУГУ

Господину имя рек имя рекъ челом бьет.
И еще тебѣ, господине, добро доспѣю[2],
Ѣхати к тебѣ не смѣю.
Живешь ты, господине, вкупѣ[3],
а толчешь в ступе,
и то завернется у тобя в пупѣ,
потому что ты [4]добрѣ опальчив[4] вкруте.
И яз твоего величества не боюсь
и впредь тебѣ пригожусь.
Да велѣль ты, господине, взяти *взаем* ржи,
и ты, господине, не учини в нем лжи,
чтобы, господине, мнѣ очи твои радостно *видати*,
а тебѣ пожаловать: та моя рожь отдати.
Добро тебѣ надо мною подворити[5],
и в такой старости з голода не уморити,
и тебѣ, господину моему, недостатакъ своих,
что проел, — животишек[6] — не забыти.
И я на тебя к Богу плачюся,
что проел я останошною[7] свою клячю.
И ты, господине, на благочестие уклонися,
а нам смилуйся, поплатися!
Милость покажи,
моей бедности конец укажи.
А докуду твоего платежу ждати?

---

[1] доверительное (услужливое?) или хозяйственное (от слова «двор» — именье, поместье); [2] приготовлю; [3] вместе; [4—4] сильно вспыльчив; [5] господствовать, распоряжаться; [6] имущества; [7] последнюю.

И я а том не тужу
и сам себѣ не разсужу.
А тебя не вѣдаю, как положити[1] и чем тебя одѣти:
шубою тебя одѣти —
и тебѣ опрѣти,
а портным[2] одѣти —
и ты здрожышь,
у нас убежишъ,
и людей насмешишь,
а себя надсадишь.
А челом бы тебѣ ударил гостинца, да нечим,
потому что много к тебѣ послати не смѣю,
и ты все обреешъ[3],
чести не знаешь.
А мало послати к тебѣ не смѣю,
боюсь тебя: *с* сердца *ушибешь*
и гостинец не приимешь.
И ты нам дай сроку ненадолго,
и мы, как здумаем,
и тебѣ, что ни буди, пошлем.
Да пожалуй к нам в гости ни ногою,
а мы тебя не ждемь,
и ворота запираем,
а хлѣбъ да соль у нас про тобя на воротах гвоздием прибита.
И писать было к тебѣ немало,
да разуму не стало.
И ты пожалуй,
на нас не пеняй.

---

[1] принять; [2] одеждой из холста; [3] оберешь дочиста.

СКАЗАНИЕ О РОСКОШНОМ ЖИТИИ И ВЕСЕЛИИ

СКАЗАНИЕ О РАССКОШНОМЪ ЖИТИЕ И ВЕСЕЛЬЕ

Нѣ в коемъ государьствѣ добры и честны дворянинъ вновь пожалованъ поместицомъ малым.

И то ево помѣстье межъ рѣкъ и моря, подле горъ и поля, межъ дубровъ и садовъ и рощей избраных[1], езеръ[2] сладководных, рѣкъ многорыбныхъ, земель доброплодныхъ. Тамъ по полямъ пажити видѣти* скотопитательных пшеницъ и житъ[3] различныхъ; изобилны по лугам травы зеляпящия, и разноцъвѣтущи цвѣтовъ сличных[4], прекрасныхъ и благовонъныхъ несказанно. По лесам древесъ — кедровъ, кипарисовъ, поль[5] лимоновъ, орѣховъ, виноградовъ, яблонь и грушъ и вишень и всякаго плодного масличия[6] — зѣло много; и толико премного и плодовито, что яко само древесие человеческому нраву самохотне[7] служат, преклоняя своя вершины и развевая своя ветви, пресладкия своя плоды обьявляя.

В садѣхъ же и дубровах птицъ преисполнено и украшено пернатых, и краснопѣснивых сириновъ* и попугаевъ, и струфокамиловъ[8], и иных птахъ, служащихъ на снедь человѣческому роду. Сами на голос кличющему человѣку прилѣтаютъ, на дворъ и в домы, и в окна и в двери приходятъ. И кому какая птица годна, тот, ту себѣ избравъ, возмет, а остаточных прочь отгоняетъ.

А по морю пристанищъ корабелныхъ и портовъ [9]утѣшных и утиших[9] добрых бес числа много там. Насадовъ и кораблей, шкун и катаргъ, бус и лодей, сътруговъ и лотокъ, паюсковъ и коюковъ и карбусовъ* неисчетныя тмы и тысящи, со всякими драгоценными заморскими товары, беспрестанно приходят: з бархаты и отласы, со златоглавы и оксамиты, с олтабасы и с каберцами, и с камками.* И отходятъ и торгуютъ бес пошлинъ.

---

[1] выборных, отборных, наилучших; [2] озер; [3] злаков; [4] красивых; [5] возделанных полей; [6] масличных деревьев, олив. [7] по собственной охоте; [8] страусов; [9—9] удобных и укромных закрытых от ветров.

А по краям и бѣрегам морским драгоценных каменей — акинфовъ, алмазовъ, яхонтовъ,* изумрудовъ драгоценных, бисеру и жемчугу — добрѣ много. А по дну морскому песковъ руд златых и сребреных, мѣдных и оловяныхъ, мосяровых[1] и желѣзныхъ, и всяких кружцовъ[2] несказанно много.

А по рекам там рыбы — белуговъ, осетровъ и семги, и бѣлых рыбицъ и севрюх, стерледи, селди, лещи и щуки, окуни и караси, и иных рыб — много. И толико достаточно, яко сами под дворы великими стадами подходятъ, и тамощния господари, из домовъ не исходя, но из дверей и из оконъ крюками и удами, снастями и баграми ловятъ.

А по домам коней стоялых[3] — аргамаковъ, бахматовъ,* иноходцовъ, — куръ и овецъ, и лисицъ и куницъ, буйволовъ и еленей, лосей и соболей, бобровъ, зайцовъ и песцовъ, и иных, одѣвающихъ плоть человѣчью во время ветровъ, бесчисленно много.

А за таким [4]великим проходом[4] там зимы не бываетъ, снеговъ не знаютъ, дождя и росы не видаютъ, и что́ зима — отнюдь не слыхаютъ. И таких зверей и шубы людем не потребны.

Да там же есть едина горка не добрѣ велика, а около ея будетъ 90 миль полских. А около тоя горки испоставлено преукрашенных столовъ множество, со скатертми и с убрусами и с ручниками,* и на них блюды и мисы златыя и сребреныя, хрусталныя и стекляныя, с различными討 ествы с мясными и с рыбными, с посными и скоромными, ставцы* и сковороды и сковородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясныя чясти и кисель, рыбныя звены[5] и ухи, гуси жареныя и журавли, лебеди и чяпли и индейския куры, курята и утята, кокоши[6] и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и цыплята, хлебы ситныя и пирошки, и сосуды с различными напои[7]. Пива стоятъ великия чяны, меду сороковыя бочки, вина [8]стоновыя дѣлвы, ренскова и раманеи, балсамовъ и тентиновъ[8], и иных заморскихъ дрогоценных питей множесътво много. А браги, и бузы,* и квасу столь множество, что и глядеть не хочетца.

А кто любо охотникъ и пьянъ напьется, ино ему спать доволно нихто не помешаетъ: там усланы постели многия, перины мяхкия, пуховики, изголовья, подушки и одѣяла. А похмелным людям также готово похмелных ядей соленых, капусты великия чяны, огурцовъ и рыжиковъ, груздей и ретки, чесноку и луку, и всякия похъмелныя ествы.

Да там же есть озерко не добре велико, исполнено вина двоинова[9]. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вѣдрукъ по двѣ чаши. Да тут же блиско пруд меду. И тут всякъ пришед, хотя ковшем или сътавцомъ, припадкою[10] или

---

[1] латунных; [2] металлических руд, металлов; [3] береженых, кóрмленных. [4—4] в такой дальней дали, на таком большом расстоянии; [5] ломти, нарезанные во всю толщину рыбы; [6] здесь: петухи; [7] напитками; [8—8] бочки виноградного вина, и сладкой настойки на виноградном вине, водок, перегнанных на травах, и наливок; [9] двойной перегонки; [10] припав лицом.

горьстью. Богъ в помощъ, напивайся. Да бликско же тово цѣлое болото пива. И тут всякъ пришед, пей, пей, да и на голову лей, коня своего мой и сам купайся, а нихто не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно. Всякъ там пей и ешъ в свою волю, и спи доволно, и [1]прохлаждайся любовно[1].

А около горъ и по полям, по путем и по дорогам перцу валяется, что сорю, а корицы, инбирю, что дубовова коренья. А онис и гвоздика, шаврань и кардамон, и изюмныя и винныя ягоды, и виноград на все стороны лопатами мечютъ, дороги прочищаютъ, чтоб ходить куды глаже. А нихто тово не подбираетъ, потому что всего там много. А жены там ни прядутъ, ни ткутъ, ни платья моютъ, ни кроятъ, ни шьютъ, потому что всякова платья готоваго много: сорочекъ и портъ[2] мужеских и женских шесты навешены полны, а верхнева платья цветнова коробьи и сундуки накладены до кровель. А перстней златыхъ и среб-реныхъ, зарукавей[3], цепочекъ и манистовъ без ларцовъ валяетца много, любое выбирай да надѣвай, а нихто не оговоритъ, ни попретит ни в чемъ.

И кромѣ там радости и веселья, пѣсенъ и тонцованья и всяких игръ и плясания никакия печяли не бывает, и тамошная музыка за сто миль слышать. Аще[4] кому про тамошней покой и веселье сказывать начнешь, никако нихто тому вѣры не поймет, покаместъ сам увидит и услышит.

А кто изволит для таких тамошнихъ утѣхъ и прохладов, радостей и веселья ехать, и он повез бы с собою чяны с чянички и с чянцы, бочки и бочюрочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюда и блюдички, торелки и торелочки, лошки и ложечки, рюмки и рюмочки, чяшки, ножички, ножи и вилочки, ослопы[5] и дубины, палъки, жерди и колы, дреколие, роженье[6], оглобли и каменья, броски[7] и уломки[8], сабли и мечи и хорзы[9], луки, сайдаки[10] и стрелы, бердыши, пищали и пистолѣты, самопалы[11], винътовки и метлы, — было бы чем, едучи, от мухъ пообмахнутися.

А прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы и на Мазавшу, оттуда на Ригу и Ливлянды, оттуда на Киевъ и на Пололескъ, оттуда на Стекол-ню и на Корелу, оттуда къ Юрьеву и ко Брести, оттуда к Быхову и в Черниговъ, в Переяславль и в Черкаской, в Чигарин и Кафимской.

А ково перевезут Дунай, тотъ домой не думай. А там берут пошълины неболшия: за мыты[12] и за мосты и за перевозы — з дуги по лошади, с шапки по человѣку и со всево обозу по людям.

А тамъ хто побываетъ, тотъ таких раскошей вѣкъ свой не забываетъ. Конецъ.

[1–1] отдыхай, веселись полюбовно, мирно, без опаски; [2] одежд; [3] наручней, браслетов; [4] если; [5] палицы (окованные дубины); [6] рогатины; [7] пригодные для метания голыши; [8] острые осколки камня; [9] здесь: булавы, дубинки с утолщенным комлем; [10] налучники, чехлы для луков; [11] фитильные ружья (без кремней); [12] сбор за проезд, провоз товара.

СКАЗАНИЕ О ПОПЕ САВЕ

СКАЗАНИЕ О ПОПЕ САВЕ И О ВЕЛИКОЙ ЕГО СЛАВЕ

Послушайте, миряне и все православныя християне,
што ныня зделалася, великое чудо учинилася
над долгим попом, над премым дураком,
от Козмы и Домияна из-за реки,* а в приходе у нево богатые мужики.
А зовутъ ево, попа, Савою, да не мелак онъ славою.
Аще[1] живет и за рекою, а в церкву не нагою.
Люди въста*юще* — молятся, а онъ по приказам* волочитца,
Ищетъ, с кемъ бы ему потегатца и впред бы ему с ним не видатца.
Да он же по площеди рыщетъ, ставлеников ищетъ*
и много с ними говорит, за реку к себѣ монит:
у меня-де за рекою стойте, а в церкви хотя и не пойте.
Я-де суть поп Сава, да немалая про меня и слава.
Азъ вашу братью в попы ставлю, что и рубашки на вас не оставлю,
Сам я, Савушка, хотя и наг пойду, а вас шта бубновъ[2] поведу.
Людми онъ добрыми хвалитца, а сам от них пятитца,
как бы обмануть и за Москву-реку стянуть.
[3]По техъ мѣстъ[3] онъ ставлеников держит, как они денги все издержут,
а иных домой отпускает и [4]рукописание на них взимает[4],
чтоб имъ опять к Москве приполсти, а попу Саве винца привести.
А хотя ему хто и меду привезет, то с радостию возмет
и испить любит, и как все выпьет, а сам на них рыкнет:
даром-де у меня не гуляйте, подите капусту поливайте.
А когда онъ изволит спать, а ставлеником прикажет баню топить.
И как над ними наругался, только сам в беду попался.
Когда жена ему гаварила и о всемъ ему предвозвестила:

---

[1] хоть; [2] голышей, все промотавших людей; [3—3] до тех пор; [4—4] берет с них расписку.

Лихо-де имъ от тебя нынѣ потерпеть, а после-де и сам от них станеш п...
Сколка тебѣ, Савушка, не жить, а галавою своею наложить.
Добро бы тебѣ от церкви не отбыть и смертны час не забыть
Глас Божий — глас народа. Где твоя, Савушка, порода,
хотя тебе непригожо, тут твоя и рожа.
Сколка ты не плутал, а нынѣ на цепь попалъ.
Добро бы тебѣ не воровать и добрых людей варами не называть.
Ставлеников посылаетъ обедни служить, а сам на постели лежит.
Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит,
кто друга съедает, тот всегда сам пропадает,
а кто за ябедою ганяетца, тот скоро от нея погибаетца.
А кто за крамою[1] ходит и как ему не вспитатца[2], толка у варот ево никто ни стучитца,
а кто к нему ни ходит, и онъ к нему сам выходит
и там проститца[3] и паки в дом возвратитца.
А ты бы сам, Савушка, шол да простился[4], с кем вчера побронился.

ОТВЕТ ПОПА САВЫ Х ПОПАДЬЕ

Поистинне ты, поподья, не смыслеш и дела не знаеш.
И рад бы шол да простился, да со многими людми разбронился.
Как мнѣ не гулять, а от цепи не отлинять.
Да прости ты, поподья, слово твое збылося, уже и приставы приволоклися,
и, яко пса, обыдоша мя нынѣ, только не сыскать было имъ меня и вовѣки.

СОН ПОПА САВЫ

Мнѣ начесь спалось да много видилось:
пришли ко мне два анъела и говорят: много-де у тебя, поп, в мошне денегъ,
мы-де ихъ вынем, сочтем и в обтеку снесемъ.
Али ж я спал дома на перине, проснулся, ан ушъ в патриаршей хлѣбне, на рогозине,*
и хожу по хлѣбне, покличу, анъ с шелепом[5] ко мнѣ встречу.
И кабы я ево не умалил, и он бы меня шелепом прибилъ.
О сам поп Сава дивился, как он на цепи очутился,
денегъ у него в мошне было немало, хватился, ан нет, ни пула[6] не стало.

[1] за куском хлеба; [2] прокормиться; [3] здесь: даст прощение; [4] здесь: попросил прощения; [5] кнутом [6] пуло — мелкая монета.

А мню, те два анъела вытресли и, положа, из обтеки назатъ не вынесли.
Горе мнѣ, дураку, и великому б... сыну,
что Сава на цепь папал и вовѣки пропал.

ЕГО Ж. БЕЗУМНАГО ПОПА, СМЕШНОЙ ИКОС*

Радуйся, шелной Сава, дурной поп Саво,
Радуйся, в хлебне сидя, ставленически сидне!
Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла!
Радуйся, глупы папенцо, *непостриженое гуменце*[1].
Радуйся, породны русак, по делом воистинну дурак.
Радуйся, потриарша хлѣбня, видя тебя, такова сидня!
Радуйся, Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея!
Радуйся, вшивая глава, дурной поп Сава,
Радуйся, град Тула, что сидитъ Сава у великава стула[2].
Радуйся, дурны нос, на лес глядя рос.
Радуйся, долги поп и ако боярски халоп.
Радуйся, з добрыми людми поброняся, а в хлѣбне сидя веселяся.
Радуйся, пив вотку, а нынѣ и воды в честь.
Радуйся, хлебню посетив и цепь просветив!
Радуйся и веселися, а дамов не торопися.
Радуйся, попа Савы спина, что хощетъ быти шелепина.
Радуйся, Сава глупой, и всей глупости твоей слава,
и везде про тебя дурная слава.
А на што тебе, Савушка, кондак,* б... ты сын и так.
Конец хождению Саве болшой славе.

---

[1] кружок на темени священнослужителей, символизирующий терновый венец, выстригавшийся при их посвящении; [2] имеется в виду чурбак, к которому приковывались кандалы узника.

СКАЗАНИЕ О КУРЕ И ЛИСИЦЕ

СКАЗАНИЕ О КУРЕ И О ЛИСИЦЕ

Стоит древо высоко и прекрасно, а на том же древе сидит куръ велегласны, громкогласны, громко воспевает, Христа прославляет, а християнъ от сна возбужаетъ. И под то древо, к тому седящему на древе к велегласному х куру, пришла к нему ласковая лисица и стала ему гаварить лестными своими славами, глядя на то высокое древо.

И рече куру лисица: «Чадо мое милое, громкогласны куръ! Вознеслъся еси ти на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, глас твой на небеси, а косы твоя до земли. А коли запоешь, аки в трубу златокованную затрубиш. Сниди ко мнѣ, к преподобной женѣ лисице, и азъ тя прииму на покаяние с радостию, и приемлеши от меня прощение грехов своих в семъ вѣце и будущемъ».

Отвеща куръ лисице: «Госпожа моя, преподобная мати лисица, сахарныя уста! Тяшки суть грехи мои! Здѣ умру, а к тебѣ, госпожа моя лисица, не иду, понѣже язык твой лстив, уста твоя полны суть неправды».

Отвеща лисица х куру: «Чадо мое милое, доброгласное куря! Чему тебя Богъ посетил? Глас твой страшен, всех людей устрашаетъ, и вси люди гласа твоего боятца, от сна своего воставают. Послушай, куря, моего учения, своея матере лисицы. Помнишь ли ты, чадо, как во святых книгах пишет: «Не долго спите и не долго лежите, вставайте рано, молитеся Богу, да не внидете в напасть». Также и в притчахъ глаголет: «Много лежатѣ, добра не добыть, горя не избытѣ, чести и славы не нажитѣ, красных риз не наситѣ, медовыя чаши не питѣ, сладкого куса не есть, умному не бытѣ, в дому господину не слытѣ, власти не видатѣ, князям милу не бытѣ». А твой глас страшен, всех людей устрашает. А не хощеш ты от меня праведнаго покаяния прияти, и ходиш ты по земли, аки свиния в кале валяешися, во гресехъ своих. Сниди ко мнѣ на покаяние, и я дам тебе праведное покаяние. И аще народ услышат глас твой, не могутъ изглаголати доброты и смирения твоего. А ты, мое милое чадо куря, хощеш во гресехъ своих тяшких умрети без покаяния. Сам ты, чадо милое, чтеш притчу о мытаре и фарисеи:* пришед з гордостию на покаяние, и спасения не получить, но и паче погрешить.

Тако и ты осужден будешы, чадо мое милое, в муку вечную и во тму кромѣшною. Сниди ко мне на покаяние, и да спасешися и прощен будеши во всех гресехъ своих и внидеши в Царство Небесное».

И сама лисица прослезися горко о гресехъ куровых, и рече к нему лисица: «Горе тебѣ, окоянны куря, ходишь ты на земле без покаяния, а не ведаеш, в кой час смерть приидет». Рече же х куру лисица: «Чадо мое милое куря, душеполезная моя словеса слышавъ, давно бы ты сошел ко мнѣ на покаяние».

Куръ же, на древе сидя, прослезися горко, слышав же душеполезная словеса от преподобныя жены лисицы, поминаючи грехи свои окоянныя. И почел спущатца к лисице на землю, з древа на древо, с сучка на сучок, с кустика на кустик, с пенка на пенек. И скочил кур и сел у лисицы на голове.

И взяла ево лисица в кохти и згнела его крепко, и завопил кур великим гласом. И рече кур лисице: «О, мати моя лисица, то ли мне от тебя праведное покаяние?»

Лисица же скрежеташе зубы и, гледя на него немилостивым оком, аки диавол немилостивы на христиан, поминает грехи куровы и яряся ему.

Рече кур лисице: «Что суть грехи мои? То ли мнѣ от тебя праведное покаяние?»

Отвеща лисица х куру с великим гневом и яростию: «Куря, злодѣй и чародей! Как ты Бога не боишися, закон преступаеш? Помниш ли ты святыя книги и как в правилах святых отецъ пишет: одна жена понять[1] по закону, а другую понять для детей, а третью понять чрез[2] закон прелюбодеяния *ради*. А ты, лихой человѣкъ, злодей и чародей, законопреступник, держеш ты у себя много жон, по дватцети и по тритцати и болши. Как твои не великия суть грехи? Да за твои грехи предам тя злой смерти».

И рече кур лисице: «Послушай, госпожа моя мати лисица! Помниш ли ты, как в Бытияхъ[3] пишет: земля стала и нача полнитися. Сице плодитися и роститися и умножите землю, о сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитеся велми, то будите наследницы Царствия Небеснаго». И хощет от нея кур праведнаго покаяния.

И отвеща лисица куру с великим гнѣвом: «Злодѣе куря, и яко ты Бога не боишися, а людей добрых не стыдишися, закон преступаеши, а брата своего ненавидиши и гдѣ с ним не сойдесся, тутъ ты с ним болна бъешися за которою обиду? А толка и обиды, беззаконники вы, промѣжу себя за свои ревнивыя жены и наложницы многия, ради для прелюбодеяния. И потому я тебя осудила: за твои великия грехи повинен ты еси смерти. Да помнишь ли ты, лихой человѣкъ, кали я была галадна, изнили[4] меня злыя дни, нечиво мнѣ было ясти, и аз ела чеснок да ретку, и тем я себе сарамоты даставила. И пришла я х крестьянину на дворъ, гдѣ у нево сидят куры. И ты, лихой человѣкъ, закричал на сонныхъ людей, ботта

[1] взять; [2] преступая; [3] *т. е.* Книге Бытия; [4] одолели.

тебя взбесила или варагуша[1] подымала. И гуси тогда загогатали, и свиньи там завижжали, а мужики закричали, а детки их услышали и за мною погналися, з жердьем и с ружьемъ, и с со колием, и с собаками, с вопом и з свистом, бутъта я у них хатѣла отца удавить, а мать утапить. А за што? За единаго куря хатели меня пагубить. И мало мнѣ топѣря тебя, лихова человѣка, за то съесть. А власной[2] ты, как бесъ, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в роду, ни в племени, и ни в какой ты нужи не бывал, не знаеш ты и не разумеешь. И бутта у них куръ не стало, что ты завопилъ и закричал мужикам. И мнѣ ты [3]саромоты доспѣлъ[3] и плахою женою поставил[4]. Вся от тебя мне пакость, от лихова человѣка. Сам ты не велик, толка перьем дасаждаешь. А у меня же никто же тебя ис кохтей моих не может избавить — ни князь, ни боярин, ни иной кой от велмож. И повинен ты еси смерти».

Отвеща кур лисице: «Помниш ли ты, госпожа моя лисица, притчу: „По каторай рекѣ плыть, по той и славу творить. А у котораго господина жить, тому и служить и волю ево творить". И во святом евангелисте пишет: „Не может раб двема господиномъ работать".* Також и я, госпожа моя лисица, у крестьянина жил, хлѣбъ елъ и пшеницу я у них клевал, как жа добра им не хотеть? Тому и Богъ не поможет, кто хлеба и соли не помнет. Хлѣбъ-соль великое дело, без него человѣкъ не может жить ни единаго часу. А нынѣ твой есмь раб до смерти и добра хотети».

И рече куру лисица: «А ты меня, смер*д*[5], смердиною зовеш а детей моих соромотиш, за то тебѣ быть снедену от меня. Слышала я притчу: „Одному господину служить, а другому не грубить". А ты б меня тогда не оскорбил, а мужикам не дружил, а сам ты от меня топерь от смерти не избудеш».

И рече куръ лисице: «Госпожа моя лисица, не одолей злобу злобою, одолей злобу благостынею. Царь же Давыд написа: „Блажени милостиви, яко ти помилована будутъ* от Бога". А я, госпожа моя лисица, ведаю и сам то, что азъ недостоин птицам небесным и зверемъ земным ясти, не одно время в полунощи зовуще, Бога прославляюще. Помнишь ли ты, госпожа моя лисица, при распяти*и* Господни рече Господь Петру: „Петръ, трижди ты от меня отвержися". Петр же рече: „Господи, ниже не отвергуся от тебя николиже"».*

И рече куру лисица: «Ты на то надѣешися, что грамоте гараздъ и отвещати умѣеш. И темъ тебѣ не отговоритца. Повинен ты еси смерти. И тако мнѣ тебя есть не для твоего храбраго перья, для твоих неправедных и небылых словес лживых».

И рече куръ лисице: «[6]На чем[6] ты еси, госпожа моя мати лисица, слово молвила, [7]тем бы ты и оправила ся еси[7]».

---

[1] лихорадка; [2] самовольный; [3—3] осрамил; [4] выставил; [5] мужик; [6—6] о чем; [7—7] то бы ты и применила к себе.

Рече же кур лисице: «Госпожа моя лисица, человѣкъ ты еси не ратной и ратнаго оружия у себя не имееши. Прелстила ты еси меня лестными своими словами и лживыми. Поручил[1] тебе меня Богъ в кохти за мои великия грехи и за мое безаконие и безумство. Пощади, госпожа моя лисица, не отжени[2] класу неозрелова и не пролей крови неповинныя напрасна».

Лисица же удивися курову премудрому ответу, и она ш згнела ево крепко, хотела куру живот[3] скончать.

Завопил же куръ великим гласом и рече: «Дай мнѣ, госпожа моя лисица, единое слово прамолвить. Звал меня, госпожа моя лисица, крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил* велми сам митрополит, а петь бы мне у него на омбонѣ[4] дышкантомъ тонко и высоким гласом. И ты, госпожа моя лисица, отпусти меня, и азъ стану давать тебе оброку з году и в год, чем ты изволишь пожелаешь брать. Что мнѣ даст митрополит, то я стану тебе давать. А буде ежели ты, госпожа моя лисица, похощешъ пожелаешь сама во власти итить, и мнѣ можно упросить у митрополита, поставлю и я тебя в чин в просвирнической. И тебѣ будет добро кануны молить, госпожа моя, сладкия, а просвиры мяхкия, а приходу очень много. Да я же тебе оброку стану платить сверхъ того по пятидесяти рублей на год».

И рече куру лисица: «Подумала бы я на такую власть поити, и ты меня обмановашь. А когда я была галадна и когда я была недобычна, и тогда я приходила х крестьянину на двор, гдѣ у нево сидят куры, и тогда б я тебя, лихова злова человѣка, погубила б. А когда будешь у митрополита в подьяках, а я буду в просвирницах, и ты, лихой человѣкъ, огласишь меня митрополиту небылними словами, а я тогда от тебя, злаго человѣка, и от небылных твоихъ неправедных словес и до конца погибну. И мнѣ гаваришь, как бы тебе от смерти своей избыть».

И рекла куру лисица: «Не сули ты мнѣ журавля в небе, токмо дай синицу в руки. Не сули мнѣ в год, сули в ротъ. А ты у меня и сам в руках, не дарого мнѣ твое красное перья и твои лестныя слава. А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать, чтоб мнѣ с тебя здравой быть».

И тако скончa живот куру.

---

[1] вручил; [2] не отторгни; [3] жизнь; [4] амвоне.

ПОВЕСТЬ О БРАЖНИКЕ

СЛОВО О БРАЖНИКЕ, КАКО ВНИДЕ[1] В РАЙ

Бысть нѣки бражникъ, и зѣло много вина пилъ во вся дни живота своего, а всяким ковшемъ Господа Бога пърославлялъ и чясто в нощи Богу молился. И повелѣ Господь взять бражникову душу, посла аггела своево, и взятъ аггелъ бражьникову душу, и постави ю[2] у вратъ святаго рая Божия, а сам аньелъ и прочь пошелъ.

Бражникъ же начя у вратъ рая толкатися[3], и приде ко вратом верховны апостолъ Петръ, и вопроси: «Кто есть толкущися у вратъ рая?» Он же рече: «Азъ есмь грѣшны человѣкъ бражьникъ, хощу с вами в раю пребыти». Петръ рече: «Бражником здѣ не входимо!» И рече бражникъ: «Кто ты еси тамо? Глас твой слышу, а имени тъвоего не вѣдаю». Он же рече: «Азъ есть Петръ апостолъ». Слышавъ сия бражникъ, рече: «А ты помниши ли, Петръ, егда Христа взяли на роспятие, и ты тогда трижды отрекся еси от Христа?* А я, бражьникъ, никогда не отрекся от Христа. [4]О чемъ[4] ты в раю живеши?» Петр же отъиде прочь посрамленъ.

Бражникъ же начя еще у вратъ рая толкатися. И приде ко вратом Павелъ апостолъ и рече: «Кто есть у вратъ рая толкаетца?» — «Азъ есть бражникъ, хощу с вами в раю пребывати». Отвеща Павел: «Бражником здѣ не входимо!» Бражникъ рече: «Кто еси ты, господине? Глас твой слышу, а имени твоего [5]не вѣмъ[5]». — «Азъ есть Павелъ апостолъ». Бражникъ рече: «Ты еси Павелъ! Помниш ли, егда ты первомученика архидиякона Стефана камениемъ побилъ?* Азъ, бражникъ, никово не убилъ!» И Павелъ апостолъ отъиде прочь.

Бражникъ же еще начя у вратъ толкатися. И приде ко вратом рая царь Давыдъ: «Кто есть у въратъ толкаетца?» — «Азъ есть бражникъ, хощу с вами в раю пребыти». Царь Давыд рече: «Бражникомъ здѣ не входимо!» И рече бражникъ: «Господине, глас твой слышу, а в очи тебя не вижу, имени твоего не вѣмъ». — «Азъ есть царь Давыдь». И рече бражьникъ: «Помниши ли ты, царь Давыд, егда слугу своего Урию послал на службу и велѣ ево убити, а жену ево

---

[1] вошел, попал; [2] ее; [3] стучаться; [4—4] почему; [5—5] не знаю.

взял к себѣ на постелю?* И ты в раю живеши, а меня в рай не пущаеши!» И царь Давыдь отъиде прочь посрамленъ.

Бражникъ начя у врат рая толкатися. И приде ко вратомъ царь Соломонъ: «Кто есть толкаетца у вратъ рая?» — «Азъ есть бражникъ, хощу с вами в раю быти». Рече царь: «Бражником здѣ не входимо!» Бражникъ рече: «Кто еси ты? Глас твой сълышу, а имени твоего не вѣм». — «Аз есть царь Соломонъ». Отвещавъ бражникъ: «Ты еси Соломонъ! Егда ты был во адѣ, и тебя хотѣлъ Господь Богъ оставити во адѣ, и ты возопилъ: „Господи Боже мой, да вознесетца рука твоя, не забуди убогихъ своихъ до конца".* А се еще жены послушалъ, идоломъ поклонился, оставя Бога жива, и четыредесятъ лѣтъ работал[1] еси имъ!* А я, бражникъ, никому не поклонился, кромѣ Господа Бога своего. О чемъ ты в рай вшелъ?» И царь Соломонъ отъиде прочь посрамленъ.

Бражьникъ же начя у вратъ рая толкатися. И приде ко вратом святитель Никола: «Кто есть толкущися у вратъ рая?» — «Азъ есть бражникъ, хощу с вами в раю во Царствие внити». Рече Никола: «Бражьником здѣ не входимо в рай! Имъ есть мука вѣчная и [2]тартар неисповѣдимъ[2]!» Бражникъ рече: «Зане[3] глас твой слышу, а имени твоего не знаю, кто еси ты?» Рече *Никола*: «Азъ есть Николай». Слышавъ сия бражникъ, рече: «Ты еси Николай! Помниш ли: егда святи отцы были на Вселенском Соборѣ и обличяли еретиковъ, и ты тогда дерзнулъ рукою на Ария безумнаго?* Святителемъ не подобаетъ рукою дерзку быти. В Законѣ пишетъ: не убий, а ты убил[4] рукою Ария треклятаго!»* Николай, сия слышавъ, отъиде прочь.

Бражникъ же еще начя у вратъ рая толкатися. И приде ко вратом Иоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, и рече: «Кто у вратъ рая толкаетца?» — «Азъ есть бражникъ, хощу с вами в раю быти». Отвещавъ Иоаннъ Богословъ: «Бражником есть не наслѣдимо Царство Небесное, но уготованна им мука вѣчная, что бражъником отнюд не входимо в рай!» Рече ему бражникъ: «Кто есть тамо? Зане глас твой слышу, а имени твоего не зънаю». — «Азъ есть Иоаннъ Богословъ». Рече бражникъ: «А вы с Лукою написали во Еваньели: другъ друга любяй.* А Богъ всѣх любитъ, а вы пришелца ненавидите, а вы меня ненавидите. Иоаннѣ Богословѣ! Либо руки своея отпишис, либо слова отоприс!» Иоаннъ Богословъ рече: «Ты еси нашъ человѣкъ, бражникъ! Вниди к нам в рай». И отверзе[5] ему врата.

Бражник же вниде в рай и сѣлъ в лутчемъ мѣсьте. Святи отцы почяли глаголати: «Почто ты, бражникъ, вниде в рай и еще сѣлъ в лутчемъ мѣсте? Мы к сему мѣсту нимало приступити съмели». Отвеща имъ бражьникъ: «Святи отцы! Не умѣете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!»

И рекоша[6] вси святи отцы: «Буди благословенъ ты, бражникъ, тѣм мѣстом во вѣки вѣковъ». Аминь.

---

[1] служил, поклонялся; [2—2] ад неизреченный, непостижимый; [3] ибо; [4] здесь: ударил; [5] отворил; [6] сказали.

СКАЗАНИЕ О КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ

СКАЗАНИЕ О КРЕСТЪЯНСКОМЪ СЫНѢ

Бысть *некий* крестьянской сынъ у отца своего и матери, и отдан бысть родителми своими грамоте учитися, а не ленитися. Почал ево мастеръ болно *бить*, подымаючи на козелъ,* за ево великое непослушание и за ленисТво. И онъ, крестьянской сынъ, [1]в то ся далъ[1], а учения не возприял себѣ и учал себѣ размышлять: «Стати мнѣ лутче *у* богатых мужиковъ красть: ночью покраду, а в день продамъ, и да будет у меня денешка скорая и горячая, и почну себе товарищавъ прибирати[2], таких же воровъ, каковъ я самъ».

И прибралъ. И пошли ночью к некоему крестьянину, и пришли ко вратамъ, и ударили во врата — ино у него ворота заперты. А самъ онъ, тать, крестьянской сынъ, рече: «Отверзитеся, хляби небѣсныя, а намъ — врата кресьянская!» И взошелъ кресъянской сынъ с товарищи своими, а самъ рече: «Взыде Иисусъ на гору Фаворскую со ученики своими,* а я — на дворъ *кресьянский* с товарищи своими».

И пришелъ ко клети* и почал приниматся[3] у кресьянские клети за угол, а самъ рече: «Прикоснулся Фома за ребро Христово,* а я у кресьянские клети за уголъ». Влесъ на кресьянскую клеть, а самъ рече: «Взыде Исусъ на гору Елеонскую помолитися,* а я — на клеть крестьянскую».

И почал тать у клети кровлю ломать, а самъ рече: «Простираяи небо, яко кожу,* а я кресьянскую простираю кровлю». И почал тать в клеть спускатся по веревке, а самъ рече: «Сниде царь Соломонъ во адъ,* и сниде Иона во чрево китово,* а я — в клеть кресьянскую». И пошелъ по клети, а самъ рече: «Обыду олтарь твой, Господи!» И увиделъ на гвозди кнутъ тать, а самъ рече: «Господи, страха твоего не убоюся, а грехъ и злыя дела безпрестанно». И воръ *нашелъ* под кроватью ларецъ с казною да коробью с платьемъ, и онъ вытащил к *себѣ*; и выбралъ из них, и что в них было, и то вычистил. И онъ, крестьянинъ, ему отдал ла-

---

[1—1] согласился учиться; [2] собирать; [3] хвататься; здесь: карабкаться.

рецъ, и онъ взялъ, а самъ рече: «Твоя от Твоих к Тебѣ *приносяще* о всехъ и за вся».* И не оставил у него ничего.

Нашелъ у крестьянские жены убрусъ* и учалъ опоясываться, а самъ рече: «Препоясыватся Исусъ лентием,* а я крестьянские жены убрусомъ». Нашелъ у крестьянские жены сапоги красные и почал в них обуваться, а сам рече: «Рабъ Божий *Иван* в седалия[1],* а я обуваюся в новые сапоги крестьянские».

И нашелъ в клети коровай хлеба и учал ясти. И нашелъ на блюде калачь да рыбу и учал ясти, а самъ рече: «Тело Христово приимите, источника безсмертнаго вкусите».* И нашелъ в оловенике* пиво и учал пити, а самъ рече: «Чашу спасения прииму, имя Господне призову. Алилуия!»* И увиделъ на крестьянине новую шубу, *и он снял* да на себя *оболокал*, а самъ рече: «Одеяся светомъ, яко ризою,* а я одеваюся крестьянскою новою шубою».

И та кресьянская жена послышала, и мужа своего розбудила, а сама рече мужу своему: «Встань, мужъ, тать у насъ ходитъ в клети!» И муж рече жене своей: «Не тать ходитъ, но анггелъ Господень, а говоритъ онъ все божественые словеса». И жена рече мужу своему: «Кабы был он аггелъ Господень, и онъ бы с насъ шубы не снималъ да на себя не надевалъ».

И кресьянин послушалъ жены своей, с кровати сошелъ и под кровать наклонился, и взял березавой ослоп* и ударилъ татя в лопъ. И он, тать, рече: «Окропиши мя исопомъ* и очищуся, и паче снега убелюся».* И кресьянин ево убоялся, и к жене на постелю повалился, учал жену свою бранить: «Злодей ты и окаяница! Греха ты меня доставила: анггела убилъ, Христу согрубилъ! Да впреть ты молчи себѣ и никому не сказывай!»

И видит кресьяниново *малоумие*, и нашелъ тать под кроватью тасъ с водою, и онъ взял ис-под кровати и учелъ руки умывати, а самъ рече: «Умыю руце мои, обыду олтарь Твой, Господи!»

И тать клеть отворил и возгласил товарищамъ своим: «Обременении, покою васъ!* А что я зделал, собралъ, и вы пособите мнѣ вынести вонъ!» И те ево товарищи внидоша в клеть, и что было у кресьянина живота[2], то все взяша и выдоша, и двери за собою затвориша. А сам рече: «Чист есми домъ мой и непороченъ, окроме праведнаго». И не оставил ему ничево. Аминь.

---

[1] в сандалии; [2] имущества.

ЛЕЧЕБНИК НА ИНОЗЕМЦЕВ

ЛЕЧЕБНИК ВЫДАН ОТ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ, КАКЪ ЛЕЧИТЬ ИНОЗЕМЦОВЪ И ИХЪ ЗЕМЕЛЬ ЛЮДЕЙ; ЗѢЛО ПРИСТОЙНЫЯ ЛЕКАРСТВА ОТ РАЗЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ И ДРАЖАЙШИХЪ

1. Когда у кого заболитъ сердце и отяготѣетъ утроба, и тому пристойныя статьи:

Взять мостового бѣлаго стуку 16 золотников,* мѣлкаго вешнаго топу 13 золотников, свѣтлаго телѣжнаго скрипу 16 золотников, а принимать то все по 3 дни не ѣтчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть 3 дни на морозе нагому, покрывшись от солнечнаго жаркаго луча неводным мережным[1] крылом в однорядь. А выпотѣв, велѣть себя вытерть самым сухим дубовым четвертным платом, покамѣстъ от того плата все тѣло будетъ красно и от сердца болѣзнь и от утробы тѣснота отидетъ и будетъ здрав.

Крѣпителныя ахинѣйския статьи, имже пристоитъ:

2. Егда у кого будетъ понос, взять дѣвичья молока 3 капли, густово медвѣжья рыку 16 золотников, толстого орловаго летанья 4 аршина, крупнаго кошечья ворчанья 6 золотников, курячья высокого гласу пол фунта, водяной струи, [2]смѣтив по цыфирю на выкладку[2], ухватить без воды и раздѣлить, яко доброй шелкъ без охлопья[3], длинникомъ[4] на пол десятины, мимоходом по писцовой книге.*

Крѣпителныя порошки:

3. Взять воловово рыку 5 золотниковъ, чистаго, самого ненасного свиново визгу 16 золотников, самыхъ тучныхъ курячьихъ титекъ иногоди[5] пол 3[6] золотника, вешнаго вѣтру пол четверика в таможенную мѣру, от басовой скрипицы голосу 36 золотниковъ, вѣжливаго жаравлинаго ступанья 19 золотников, денныя свѣтлости [7]пол 2[7] золотника, нощныя темности 5 золотников; яйцо вшить в япанчю и истолочь намѣлко, и выбить ентарного масла от жерновнаго камени 5 золотниковъ.

---

[1] сетчатым; [2—2] отмерив точно по счету; [3] оческов; [4] длиной; [5] одновременно; [6] два с половиной; [7—7] полтора.

Того ж лекарства животъ и сердце крѣпитъ:

4. Взять женскаго плясания и сердечнаго прижимания и ладоннаго плескания по 6 золотников, самого тонкаго блохина скоку 17 золотниковъ, и смѣшать вмѣсто и вложить в ледяную в сушеную иготь[1] и перетолочь намѣлко желѣзным пестомъ, и принимать 3 дни не ѣтчи, на тще сердце, в четвертый день поутру рано, после вечерень, по 3 конопляные чаши, принимать вровень, не переливая, а послѣ того принимать самой лехкой прием.

Крѣпителныя статьи:

5. Сухой толченой воды 6 золотников, да взять ис той же обтеки горносталья яйца желтокъ, смѣшать з гусиным бродом болшой руки.

Им же от запора:

6. Филинова смѣху 4 комка, сухово крещенского морозу 4 золотника и смѣшать все вмѣсто в соломяном копченом пивѣ, на одно утро после полденъ, в одиннатцатом часу ночи, а потом 3 дни не ѣтчи, в четвертый день ввечеру, на зорѣ до свѣту, покушавъ во здравие от трехъ калачей, что промеж рожекъ, потомъ взять москворецкой воды на оловянномъ или на сребряномъ блюде, укрошить в два ножа и выпить.

Послѣдущая лечба:

7. Есть и быть доволна, чего у кого не приволно, сколь душа прииметъ, кому не умереть — немедлено живота избавитъ.

8. А буде от животной болѣзни, дается ему зелья, от котораго на утро в землю.

9. А буде которой иноземецъ заскорбитъ рукою, провертѣть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать болная рука, и будетъ здравъ без обѣихъ рукъ.

10. А буде болятъ ноги, взять ис под саней полоз, варить в соломяном сусле *трои сутки и тем немецкие ноги парить* и приговаривать слова: «Какъ таскались санныя полозье, так же бы таскались немецкия ноги».

---

[1] ступку.

РОСПИСЬ О ПРИДАНОМ

Вначале 8 дворов крестьянских
промеж Лебедяни, на Старой Резани, не доезжая Казани,
где пьяных вязали,
меж неба и зе́мли, поверх лесу и воды.
Да 8 дворов бобыльских,
в них полтора человека с четвертью,
3 человека деловых людей, 4 человека в бегах да 2 человека в бедах,
один в тюрьме, а другой в воде.
Да в тех же дворех стоить горница о трех углах
над жилым подклетом ⟨...⟩
третий московский двор загородной
на Воронцовском поле, позади Тверской дороги.
Во оном дворе хоромнаго строения:
два столба вбиты в землю, третьим покрыто ⟨...⟩
Да с тех же дворов сходитца на всякой год насыпного хлеба
8 анбаров без задних стен;
в одном анбаре 10 окороков капусты, 8 полтей[1] тараканьих
да 8 стягов[2] комарьих, 4 пуда каменнаго масла.
Да в тех же дворех сделано:
конюшня, в ней 4 журавля стоялых,
один конь гнед, а шерсти на нем нет,
передом сечет, а задом волочет
да 2 кошки дойных,
8 ульев неделаных пчел, а кто меду изопьет ⟨...⟩
2 ворона гончих, 8 сафьянов турецких.

---

[1] полть — полтушки мяса; [2] стяг — мясная туша.

2 пустоши поверх лесу и воды.
Да с тех же дворов
сходится на всякий год всякаго запасу по 40 шестов собачьих хвостов,
да по 40 кадушек соленых лягушек,
киса[1] штей да заход[2] сухарей,
да дубовой чекмень рубцов, да маленькая поточка[3] молочка,
да овин киселя.
А как хозяин станет есть, так не за чем сесть,
жена в стол, а муж под стол,
жена не ела, а муж не обедал.

ДА О ПРИДАНОМ ПЛАТЬЕ

шуба соболья, а другая сомовья,
крыто сосновою корою, кора снимана в межень[4],
в Филиппов пост, подымя хвост.
Три опашня[5] сукна мимозеленаго, драно по три напасти локоть.
Да однорядка[6] не тем цветом, калита[7] вязовых лык,
драно на Брынском лесу* в шестом часу.
Крашенинные[8] сапоги, ежевая шапка ⟨...⟩
400 зерен зеленаго жемчугу
да ожерелье пристяжное в три молота стегано, серпуховскаго дела.
7 кокошников шитые заяузским золотом...
8 перстней железных золоченые укладом,
каменья в них лалы[9], на Неглинной бралы.
Телогрея мимокамчатая[10], круживо берестеное.
300 искр из Москвы-реки браны ⟨...⟩
И всего приданаго будет на 300 пусто, на 500 ни кола.

А у записи сидели: с*ват* Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да по*п* Тимошка, да сторож Филимошка.

А запись писали в серую суботу, в рябой четверок, в соловую пятницу.

Тому честь и слава, а попу каравай сала да обратина пива. Прочитальщику чарка вина, а слушальщикам бадья меду да 100 рублев в мошну. А которые добрые люди, сидя при беседе и вышеписанной росписи не слушали, тем всем по головне ⟨...⟩

---

[1] мошна; [2] отхожее место; [3] струйка; [4] в разгар лета; [5] долгополых кафтана; [6] однобортный кафтан; [7] сумка, торба; [8] из крашеного холста; [9] рубины, яхонты; [10] камка — шелковая ткань с тиснением.

СКАЗАНИЕ О МОЛОДЦЕ И ДЕВИЦЕ

СКАЗАНИЕ О МОЛОТЦЕ И О ДЕВИЦЕ

Бысть нѣкий юноша, сын боярской, княжей племянник, велика роду, дивен удалець, дѣяше бѣседи з гордою, щепливою[1], с великою з девицею.

Сице рече младый отрок к прекрасной: «Душечка еси ты прекрасная девица! Ходил есми по многим городам, служил есми царю в Орде, королю в Литве, не нашел таковы прекрасныя девицы как ты прекрасная девица; и ты меня [2]присвой и примолвь[2], хощю тебя [3]поставити во многих людех[3], сопротив тебя служити как верный слуга против своего господина.

Сице рече прекрасная девица ко младому отроку: «А се познаю, дворянинъ, деревеньская щоголина! Чево ты у нас хочеш или чем хочеш весел быти? С соколы у меня не ѣздятъ, не держю я у себя, девица, гутцов[4], ни на зверя ловьцов, ни борьцов, как вас матерных гнѣтцов[5]».

Сице рече младый оттрокъ к прекрасной девице: «Душечка еси ты прекрасная девица! Есть у тебя красное золото аравитское, вделал бы я свою жемчюжину в твое чистое серебро, всадил бы я свое булатное копье в твое прямое товолжаное ратовище, утешил бы свое сердце твоими мыслями».

Сице рече прекрасная девица ко младому оттроку: «А се познаю, дворянинъ, рогозинная[6] свита, гребенинныя[7] порты, мочалной гасник[8], капусныя пристуги[9], сыромятныя сапоги, лубяное седло, берестяныя тебенки[10], тростяная шапка! Жил ес*и* ты не в любви, и все друзи твои аки малоумна урода бѣгали».

Сице рече младый оттрок к прекрасной девице: «Душечка еси ты прекрасная девица! Пелепелишныя твои кости, бумажное твое тѣло, сахарныя твои уста, мудрая мысль, слаткая твоя рѣчь, тихая твоя беседа, ясна сокола очи, чер-

---

[1] щеголеватой, нарядной; [2—2] приголубь и приласкай; [3—3] сделать госпожой над слугами и холопами; [4] музыкантов; [5] возможно, от *гнетень* — тяжелый, гнетущий человек (Даль); [6] рогожная, мочальная; [7] из оческов; [8] кушак, пояс; [9] пристуг — ремень для пристегивания чего-л.; [10] кожаные лопасти по бокам седла.

на соболя брови, сера ястреба зрение, борза команя[1] губы, бела горнастая скакание, павиное твое поседание[2]! Умольвиши вѣтры в поле, удержиши ясна сокола на полете. Как не может бел крѣчат от горазьна мастера отлетети, тако и яз не могу отъехать от твое неизреченныя красоты, видячи твою неизреченную красоту. Се бо ми, госпоже, глаголеши, аки ласка жубреши, аки соловей *щеколчеши* во своей зеленой дуброве. Уже время тобѣ милосердие свое показать и рад я гладкую твою рѣчь слышати. Когда начинаешь глаголати своими умильными словами, тогда аки сахарными ествами насыщюся!»

Сице рече прекрасная девица ко младому отроку: «Неколотыя твои волосы, дубнастыя твои голени, подугольной сверчекъ, осетровой хребет, тетеревиные брови, ежеховой[3] кожух, трясовою[4] опушен, сухотою остеган, тощаное твое лице, вражъя калита[5], не ты ли вчера передо псы кисель мешал, да и персты облизалъ! Овин ли тебя добывал, мекиньница[6] ли тебя родила? Урод, бѣзьгосподарной человек, лутче бы ты себе искал ласкова господина!»

Сице рече младый отрок к прекрасной девице: «Душечка еси ты прекрасная девица! Не безгосподарный есми человекъ, — есть государь московьский и всеа Роси. А яз хощю тебе быти государь, и ты мнѣ будеши госпожа и моему животу».

Сице рече прекрасная девица ко младому отроку: «*Кошачье* видѣние, упиревая рожа, сычевые глаза, медвежья голова, щучьи зубы, севрюжей нос, волчей рот, немилой вьзгляд, строев сын, свиной пастух. Жил бы ты дома, плел бы ты лапти. Жаба, мышь, лихая образина, вонючая твоя душа, нечистой дух, огнемъ ли тебя палить, носа ли тебе скусить, голова ли тебѣ отсечь, за тын ли тебя бросить, лише тем тебя избыть. Чорт ли тебя нанес, хотя утопись, хотя удавись! Жил бы ты как жолна[7] в дупле, как мышь под кровлею, как червь под корою, как жук в 〈...〉».

Сице рече младый отрок к прекрасной девице: «Душечка еси моя прекрасная девица! Есть у тебя чистой луг, а в нем свѣжая вода; конь бы мой в твоем лузе лѣто летовал, а яз бы на твоих крутых бедрах опочин дерьжал».

Сице рече прекрасная девица ко младому отроку: «Отколя ся на меня напасть нашла? Глупых не орють, не сеют, сами ся родят от глупых отцов, от безумъных матерей».

Тогда же унывает сердце дворяниново, сам покоряеться как виноватой правому, как должной[8] богатому. Сам говорить ту рѣчь: «Здѣся жить *не мощно*, а в люди ехать не по что — не в волю познати чюжа сторона!»

Сице рече прекрасная девица ко младому оттроку: «Лѣшей, бѣс, дикой зверь! Далече ли идешь, или куды нарежаешся, *кому надобен опричь меня? А вѣдаешь ты и самъ: холопа мнѣ не купить, а без холопа мнѣ не жить, а без*

---

[1] коня; [2] походка; [3] ежовый; [4] лихорадкой; [5] мешок; [6] сарай для мякины; [7] дятел; [8] должник.

друга не быть, а без милова не жить, а нищего кормить. И ты живи у нас, да не буди глуп, пьян, как будеш глуп, пьян — ложись да спи, по улицам не рыщи, собак не дразни, по утру вставай, а у меня, госпожи своей, побывай, а мнѣ, госпоже своей, челом побивай».

Сице рече младый отрок к прекрасной девице: «Утешила еси ты меня своими послѣдними словесы. Послѣдняя твоя словеса аки тихая туча на обильное жито, аки медвяная роса на красныя цвѣты. И ты, госпоже, всякого цвѣту краше и по платию всякого платия. Хорошеясь[1] седиши, госпоже, во своем высоком тереме, далече видиши, аки драх[2] камень светиши, покоиши, госпожа, аки утренняя зоря замычется. Высота твоя уподобится аки первых жен: *Настасьи* Даниловы, жены *Ловчева*,* смирение твое великое, аки Евдокеи Семеновы, жены Карамышева,* любовь твоя великая, аки Раксаны царицы* царя Александра Макидоньскаго».

Девица же премолчала, ничево стала отвечать против млада оттрока, и пребилася аки серая утица пред ясным соколом, аки каленая стрела пред тугим луком. Видит молодец поветерье[3] свое, емлет красную девицу за бѣлыя руки, шутя валит на краватку былицею, над девицею шутит, как драх каменъ праальмаживает, а безчестие свое заглаживает.

Добрымъ людемъ на послушанъе.

---

[1] красуясь; [2] драгоценный; [3] удачу, благополучие.

ПРИТЧА О СТАРОМ МУЖЕ

ПРИТЧА О СТАРОМЪ МУЖЕ

Бысть старый мужъ, велми старъ, и сватался ко прекрасной девице. Брадою сѣдъ, а тѣлом млад, костью храбръ, плотию встанлив, умом свершенъ.

И рече старый мужъ ко девице: «Пойди за меня, девица: носитъ тебѣ у меня есть что, слугъ и рабынь много, и коней и партищъ[1] дорогоцѣнных много, есть тебѣ у меня в чемъ ходити, пити, и ясти, и веселитися».

И рече девица ко старому своему мужу: «О, безумный и несмысленный старый старикъ, матерой материк! Коли меня, прекрасную девицу, поимешъ за себя, храбрость твоя укротитца, и образъ твой померкнетъ, и седины твои пожелтеютъ, тѣло твое почернеет, и кости твои иссохнут, и уды твои ослабѣють, и плоть твоя обленитца, и не угоденъ будеши младости моей и всему моему животу не утеха будеши. Умъ твой от тебя отидетъ, и учнѣшъ ходити, аки лихая понурая свинья, на добро и на любовъ нѣ помыслишъ, и уды твои ослабѣютъ, и плодскому моему естеству не утеха будеши; тогда азъ, девица, отъ распаления, впаду в преступление со младымъ отрокомъ, с молотцомъ хорошимъ, а не с тобою, старымъ мужемъ, с вонючею душею, с понурою свиньею».

И рече старый муж ко девицѣ: «На что, девица, словеса сия сложила, аки древа листиемъ украсила, аки цвѣт по земли расцветила? А в дому моемъ над рабы государенюю будеши, и станеш, моя миленкая, на многоценных коврах сидѣть, пити, и ясти, и веселитися со мною неизреченна многоразличные ествы. Не дам тебѣ, миленкая, у печи от огня рукам твоим упечися и ногамъ твоимъ о камень разбитися. Сядешъ, моя миленкая, в каменной полатѣ, и начну тебя, миленкая, согревати в теплой бане по вся дни, украшу тебя, миленкая, аки цвѣтъ в чистомъ поле, и аки паву, птицу прекрасную, аки Волгу реку при дубраве, и упокою тя во всемъ наряде, И сотворю тебе пир великий и на пиру велю всякую потеху играти гуселникомъ и трубникомъ и пляску, и начнут тебя тешить, и нач-

[1] одеяний, платьев.

неш, моя миленкая, всемъ моемъ имениемъ владѣти. Не дамъ тебѣ, миленкая, оскорбѣти твоему по вся дни животу твоему».

И рече девица ко старому своему мужу: «О, бѣзумный и несмысленны стары старикь, матерой материкь! Хощеш со мною любовь сотворити, а так не спешиш[1] о будущем вѣцѣ и о смерти, как душа своя спасти, хощеш угодити женѣ, а нѣ Богу. Пора тебѣ раздать имение свое нищим, а самъ постригися в почесный[2] монастырь, рабъ и рабынь отпусти на волю, и онѣ за тебя Богу молятъ».

И рече старый муж ко девице: «Как ты, девица, поидешъ за меня, и аз твоего отца и матерь одарю многоцѣнными дары и честь воздамъ великую».

И рече девица ко старому мужю: «О, безумный и несмысленный старой старик, матерой материк! Аще ли одолееши отца моево и матерь мою многоценными дарами, и отецъ мой и мати моя выдадут меня за тебя по неволи, и яз стану ходить не по твоему докладу, и слова твоего не послушаю и повеления твоего не сотворю. Аще велиши здѣлати кисло, аз здѣлаю пресно, а мякова тебѣ у меня хлеба не видать, всегда тебѣ сухая крома глодать, з закаломъ, зубамъ твоимъ пагуба, скорыньямъ[3] твоимъ пагоба жъ и кончина, а тѣлу сухота, а самому тебѣ, старому смерду, изчезновение, а младому отроку моему, молотцу хорошему и советнику, мяхкия крупичетые колачики и здобъныя пироги, и различныя овощи[4], да сахаръ на блюде, да вино в купце[5], в золотомъ венце, да сверхъ тово ему мяхкая хорошая лебединая перина, да чижевое зголовье[6], да соболиное одѣяло, а тебѣ у меня, старому смерду, спать на полу или на кутнике[7] на голых досках с собаками, а в головы тебѣ из-под жерновъ дресваной камень. Да пожалую тебя, велю тебѣ дать соломеную рогожу, да пей болотную воду, да ежь сухой хлѣбъ, да квашенные поскрепки, а в мѣсто тебѣ *мяса*, старому смерду, мостолыга старые коровы и та недоварена, а младу отроку, молотцу хорошему, моему советнику, калачи крупичетые, да сахар на блюде, да вино в купце, в золотом венце, а я передъ миленкимъ стою с трепетомъ и з боязнию, чтобы меня миленкой любилъ, и жаловал, и дрочил[8] почесту, а нянки и мамки учнут милова на руках носити, а тебѣ, старому смерду, побѣрещной роже, неколотой потылице, жаравной шее, лещевымъ скорыньямъ, сомовѣ губѣ, щучьимъ зубамъ, понырой свинье, раковымъ глазамъ, подхилому гузну, опухлымъ пятамъ, синему брюху, рогозиннымъ рукавицамъ, посконная борода, желтая сѣдина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржовая кожа в воде варена, чертова болота, свиной пастух, сидел бы ты на печи, чтобы у тебя, смерда, в шее скрыпело, а в роте храпело, а в носе сапѣло, а в гузнѣ шипѣло, жил бы ты, что жукъ в ⟨...⟩, что желна в дуплѣ, что червь за корою, что сверчекъ за опечью, костям бы твоимъ ломота, зубамъ щепота».

---

[1] не думаешь; [2] честной, достойной; [3] челюстям; [4] фрукты; [5] кубке; [6] подушка; [7] на нарах; [8] ласкал.

И рече старой мужъ ко девице: «Коли ты, девица, за мною будеши и ти не такова будешь».

И стал старой муж свататца ко девице и все имѣние свое на сватовстве отдал, а прекрасной девицы за себя не сасватал. И как девица старому мужу говорила, так над ним и сотворила.

И вы, старые мужи, сами себѣ разсудите, младых женъ не понимайте: младая жена лишная сухота. От людей стар бѣгаетъ, в пиру не сидитъ, к людемъ не пристанет, а от воротъ не отстанет, в ызбу не лезетъ, а хотя и влезетъ и онъ не сядет, вверхъ глядит, голову закинулъ, языкъ закусил, кропчетца[1], что лихая сабака из-под лавки, а укусить не смеет, чтобъ самое не зашибли, не говорит, дметца[2]. Самъ себѣ досадил старой мужъ: три годы бѣгалъ да удавился.

А красная девица вышла замуж за молотца хорошева, с молодымъ прощаючись, а старова проклинаючи. И как девица старому говорила, так над нимъ и сотворила.

Младому девица честь и слава, а старому мужу коровай сала. А хто слушалъ, тому сто рублевъ, а хто не слушалъ, тому ожегь в гузно, четцу калачик мяхкой.

Сей скаске конец.

---

[1] ворчит; [2] пыжится.

СКАЗКА О НЕКОЕМ МОЛОДЦЕ, КОНЕ И САБЛЕ

В древних было лѣтех, а в далных странах.

Коли, де, себѣ отликой[1] молодецъ смолода былъ белъ-кудрявъ, конь у нево былъ бур-косматъ, на ухо лыс[2], задняя нога по окорокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла. И всего того хорошае было у добра коня 12 приметъ: ротъ какъ пасть, язык какъ рукавъ, грива колѣсомъ, уши колпакомъ, окорока висли памяти вышли, оленьи мышки, заечьи почки, хвостъ какъ кутас[3], круглые копыты, что полные морские раковины, а очи у добра коня, что великие питьи чаши на лоб вышли. Весь молодецкий *конь* в примѣтах, что лютой зверь.

И коли, де, себѣ отликой дородный молодѣцъ оседлаетъ своего добра коня и вскинѣтъ на нѣго свое седло черкаское и подстѣгаетъ двѣнатцать подпругъ бѣлого шелку шемахинского, у всякие подпруги пряшки красного золота аравитцкого, и положит на добра коня свою узду тесмяную, и остегнѣтъ на себя свой полный садакъ.* А в нѣмъ 300 стрелъ: пол 100 кибирей, 70 аргичевъ, 80 ташлыковъ, 30 сверѣгъ,* [4]оприченно надобныхъ[4] стрел. А всякая стрела — морская трость: натрое колото и начетверо строгоно, и наливано в нихъ красного золота аравитцкого.

И опояшелъ на сѣбя свою молодетцкую вострую саблю тулушманку: поширe драницы[5], а немногимъ поуже тесницы[6], за конѣмъ с саженъ, а перед конемъ с локоть. Аковоно она в красномъ дорогѣ заморскомъ булатѣ, огницко востроe, сабля дорога камѣни самоцветного, а у ноженъ оконца красного золота аравитцкого.

И свѣдали про тое его молодѣцкую вострую саблю во многихъ далныхъ ордах многие царевичи и с королевичи. И учали из далныхъ ордъ своих к добру молотцу послы посылати, чтобы сь его молодецкие вострые сабли сняти обра-

---

[1] отличный, прекрасный; [2] с белым пятном; [3] украшение в виде кисти; [4—4] кроме обычных; [5] длинной узкой доски, дранки; [6] широкой доски.

зецъ. Великие ради хитрости и мудрости обрасца не сняли и проч по своимъ далнимъ ордамъ розъехалися.

И учал себѣ отликой молодецъ своею вострою саблею похвалятися: «Не потому, де, моя молодецкая вострая сабля *дорога*, что она кована в заморскомъ красне дорогѣ булате, потому, де, моя молодецкая вострая сабля дорога, что еѣ ковали 70 мастеровъ с семидесяти городовъ, а всякой мастеръ ималъ от своего хитрого мастерства по семи сотъ рублевъ. Еще, де, моя молодецкая вострая сабля не потому дорога — потому, де, моя молодецкая вострая сабля дорога, что здѣлана она хитростию и мудростию: натоще в ней же каталися 2 дорогие зерна бурминские от майдана и до долу. Еще, де, моя молодецкая вострая сабля не потому дорога, потому, де, моя молодецкая вострая сабля дорога, что ково аз тою саблею ни тиновал, тотъ от единого разу живъ не ѣзживал».

И коли, де, себѣ отликой дородной молодецъ сядетъ на своего добра коня, и выедет в чистое полѣ, и заиграетъ.

ПОСЛАНИЕ СЫНА, «ОТ НАГОТЫ ГНЕВНАГО», К ОТЦУ

Присному[1] моему пречестному отцу,
приведшему душу мою ко общему Творцу,
государю моему,
паче же и благоприятелю моему,
спастися и радоватися.
Бьет челом сынъ твой, Богом даной,
а дурак давной.
Смилуйся, государь!
Для *ипостаснаго* Троическаго Божества,
и для Христова от Девы рожества,
и для своея праведныя души
глаголы моя внуши[2].
Где моя грубость —
покажи свою милость.
Пожалуй меня, беднаго,
и от наготы гневнаго:
одень мою спинку,
вели дати свитку.
Воистинно, государь, хожу голъ,
что бурой волъ.
Свитченко у меня одно,
и то не бывало с плѣчь давно.
И я, государь, храню свой обет
и за то хощу быти одѣтъ.

---

[1] родному; [2] выслушай

Смилуйся, государь!
Прикажи въскоре
размыть мое горе,
и угаси рыдание слезное,
да въ Царствии Небеснем обрящеши пристанище полезное.
Ведая бо, государь, толикую твою мощъ,
надеюся не отъити от тобя тощъ[1].
Здрав буди,
толко меня не забуди.

[1] без подарков.

ПОСЛАНИЕ К ЗВАВШИМ

ПОСЛАНИЕ К ЗВАВШИМ, А САМИМ СЕБЯ И ДОМА НЕ СКАЗАВШИМ

Пожаловал ты, государь,
вчера нас к себѣ примолвилъ,
а з домашними своими ся не смолвилъ.
Мы к тебѣ пришли
да тебя дома не нашли.
Ноги загрязнили,
а реченнаго тобою не получили.
Кругъ слободу обошли
да и по домом ся розошли.
Гостей ты к себѣ звалъ,
а самъ себя и дома не сказалъ.
Двор твой едва нашли,
а на двор [1]не за великимъ не[1] пошли,
потому что ворота затворены
да сверхъ тово великимъ древом завалены.
Спаси Бог тебѣ и на том,
что у ворот твоих постояли
да на избные окна посмотрѣли.
С чѣм к двору твоему пришли —
с тѣм и по домом ся розошли.
Пришли, боло[2], и званы,
да благо домой пошли не драны!
А после и сами ся дивили,
что благо-здорово сходили.

[1—1] Т. е.: едва не, чуть-чуть не (иронически); [2] вводная частица, здесь с уступительным значением: хотя.

Молим, государь, Бога,
чтобы тебѣ воздал за нашу проторь толика же блага:
елика ты воздал намъ,
толико бы Богъ воздалъ вамъ.
Намъ, было, хотѣлося испить не для пьянъства,
да у тебя к нам не стало духовного братъства.
Тѣм бы мы тебя не испроторили,
чтобы по чарке вина выпили.
Когда тебѣ показался убытокъ,
а Богъ бы тебѣ воздал со съторицею прибыток.
Мы к тебѣ не назывались,
еще, было, и *отбивалися*.
И ты нам велми притужалъ,
а как мы пришли, и ты ся и дома не сказал,
лише труд сотворилъ нашимъ ногамъ,
наипаче же и сапогамъ.
Только[1] бы мы то вѣдали,
и мы бы лутчи дома обѣдали,
а к тебѣ не ходили,
и у ворот твоихъ не стояли.
Впервые, было, у тебя сошлося,
да и того не збылося.
[2]Хороши твои хва́сты,
столь бы у тебя были хлѣбы ква́сны[2].
Былъ ты нам добродѣйца,
а вчера намъ стал пуще всякого лиходѣйца.
Невѣдомо, как тебя похвалить
или [3]к чему тебя применить[3]
А за твою добродѣтель —
буди ты многолѣтенъ.
А за твое лгание —
подай намъ Богъ молчание.
Хотѣли, было, говорить,
да жаль тово, чтобы тебя не осоромотить.
И впредь намъ твоего жалованье не забыть,
а тебѣ бы сорому своего не избыть.

---

[1] если; [2—2] хороши твои хвастанья, пусть бы у тебя были такие хлебы пышные; [3—3] с чем тебя сравнить.

О ДИАКОНОВЕ ПОМИНКЕ И О КУТИИ

О ДИАКОНОВѢ ПОМИНКЕ И О КУТИИ.* ВЫПИСКА ИЗ КРЫЛАСКИХЪ КНИГЪ

Батко[1], де, пакал[2],
а диакон плакал.
А крылошанин* пѣлъ
и кутию [3]мало не[3] съел.
Тихонко сляпалъ
и далеконко спрятал.
А пономарь, де, взял
и подале спихал.
Доколѣ из ризъ розболокались,
а виноватые и розбѣжались.
Пришли, гдѣ пѣли, поминать,
ажно нечего и повидать.
Розмахая руки, вон пошли,
никого не нашли.
Зѣло подивились,
домой сшед, хоронились.
Домашнимъ наказали,
чтобы ихъ и дома не сказали.

---

[1] священник; [2] служил (от часто употребляемого в тексте церковной службы старославянского слова «паки» — «еще»); [3—3] чуть не.

ПОСЛАНИЕ О ХМЕЛЕ

ПОСЛАНИЕ К НѢКОЕМУ ИНОКУ О ХМЕЛЮ

Пречестныя и великиа обители живоначальнаго и безначальнаго пресущественаго триипостаснаго единосущнаго и нераздѣлнаго трисолънечнаго Божества Пресвятыя Живоначалныя Троица* боголюбивому о Христѣ духовному брату Моисею иноку — первый во грѣшницѣх, послѣдний въ человецѣхъ, худѣйший во иноцѣх, многогрѣшный имярек с поклонною и измождалою[1] главою, радоватися.

Писал ты ко мнѣ, недостойному, с Вологодцкие страны на Усть-Шексну писати тебѣ о *пиянственом* питии и о хмельном буйстве, и о егове злохитрьстве, и о человечестѣй погибели от Хмелю, и о пьянственой безвѣстной смерти, и молил мя еси убѣдити ся на се. И азъ, поминаючи к себѣ прежную твою духовную любовь и многая твоя благохотѣния и добродѣйства, пишу ти от недомыслия моего и малоумия, елико Богъ вразумит мя и твоя святыя молитвы помогут мнѣ, и елика мало смыслю от моего безумия и забвенна ума, понеже во Афинѣх есмь не бывал, и с философы не живал, и мудрости никакие ся не научил, и с риторы не бесѣдовал, и книгам горазда не навыклъ и слагателному разуму от них не наказанъ, но сице тако за любовь, спроста восписую ти, возлюбленне, сице о сем по ряду во всем. Возлюбленному моему о Христѣ брату кир[2] Моисею многосогрѣшивый и непотрѣбный Матфей много челом *бью* и писанейцом бесѣдую в разстоянии жития сице.

Притча. Бѣ нѣкий человекъ невоздержно пьянственое пияше питие и повсегда упиваяся, не имый же воздержания, ниже престатия, и сего ради лишися церкви Божии и ума своего здраваго гонзнулъ[3], от человѣкъ разумных и воздержных ошаяся[4] и от сего во ярость блудную впадѣ, благодать же Божия отступи от него. И предася в разумъ неискусенъ творити неподобная, и пребываше день и нощ пияньству и блуду несытно прилежа, и имѣние свое все злѣ

---

[1] изнуренною; [2] господину; [3] лишился; [4] удалился.

расточи[1], и домовное радѣние остави, и пустоте предаде, жену же и дѣти онищети и по миру скитатися сотвори. Пребысть же в таковѣ скверном житии яко до шти[2] лѣт, день имущи, яко нощ, ослепления ради от Хмелю душевных очес, а нощ имущи, яко тму глубоку, омраченнаго ради жития.

По сих же в нѣкое время истрезвися и в чювство пришед, Богу наставляющу его на спасение, пьянство убо воздержанием отгнал, блуд же постом отрази, молитвою же и слезами душевное здравие и спасение получил, и в себе пришед, укрѣпися. Похитив Хмеля, связа ему руцѣ и нозе крѣпкими ужи[3] и начат его вопрошати подробну, сице: «Буйственый Хмелю, повѣждь ми свою мудрость, и силу, и ухищрения вся, повѣждь ми и не утаи ничтоже, да избудеши из руку моею невредим. Понеже много времяни власть имѣл еси надо мною, ныне же аз область[4] имам над твоею буйною главою».

Повесть. Хмель же начат глаголати ему вся подробну: «Азъ убо Хмель, владѣю упивающимися мене и мудрую ими, якоже хощу, сице.

Егда убо человѣкъ восхощет причаститися мнѣ, испиет чашку малу едину, и та ему будет во здравие,* а другую — на веселие, а третию — во отраду, а четвертую испиет, и та ему будет во пиянство; чашку же разумѣй душник* мѣренъ. Тогда и аз начну мѣсто себе строити в нем. Егда же пятую и шестую — тогда обрящу в нем покой[5] добръ и начну владѣти всеми составы его, и сотворю во главѣ его и во утробѣ многую теплоту. Утроба же его и сердце начнет желати многаго пития. И доволство его отоиму, и вложу его во пиянство безмѣрное, и сотворю его смѣла и буйна, горда и величава, суемудрена и тщеславна, многорѣчива и самохвальна, и учиню его глаголати, яже не имѣя и чему не научися, яже не видѣ и яже не слыша; и сотворю его прекословити, и бранитися, и битися до крови и до смерти. Елико бо пиет, толико силы мнѣ подает, и умножившуся мнѣ во главѣ и во утробѣ его, тогда одолѣю душевней и телесней силѣ его, и начнет шататися яко древцо, ветром колѣблемо, и падати, и валятися, яко [6]клада, пореваема[6] мною, и разбиватися о древо и о камень. Наутрии же сотворю ему болѣзнь и скорбь, уныние и мрак, печаль и воздыхание, дондеже паки причастится мне. Аще убо человѣкъ подержится мене прилѣжно, и аз сотворю его ко церкви Божии никогда же ходити и ни слѣда ея держатися. Егда же и приидет во церковь, мене же имущи во главѣ и во утробѣ своей, то болший грѣх токмо получит.

Царь убо, аще прилежно [7]доволится мене[7] неотложно, то царьства своего лишитися имат; князя же учиню раба и чюжаго трапезе предстоятеля устрою; богатаго же сотворю убога и по миру скитатися, яко единаго от нищих, учиню; премудраго же доспѣю немудра и малаго разума лишу его, и устрою, яко единого от безумных, глаголати нелѣпая и творити неподобная.

---

[1] растратил; [2] шести; [3] веревками; [4] власть; [5] жилище; [6—6] бревно (колода) толкаемое; [7—7] пьет меня вволю.

Аз есмь Хмель! Аще познает мене силный муж крѣпостию, и азъ сотворю его немощна и недужна, и врагом не супротивна и побѣждена. Азъ преподобнаго устрою быти неподобна, а праведнаго учиню грѣхопадна, и вся добрыя погублю дѣла его. Воздержнаго постника учиню невоздержна пьяницу, смиреннаго содѣлаю горда, кроткаго сотворю суроватца[1], безоимѣнна[2] устрою быти сребролюбца и грабителя, и паки правдиваго учиню лжива, целомудренаго чистотолюбца доспѣю блудолюбца. И всячески держайся мене и с любовию невоздержно пия, — пьяницу и блудника учиню, разбойника же немилостива и татя сотворю, запрѣтеля[3] и *похищника* чюжому имѣнию содѣлаю. Любяй мене пити без воздержания, с прилѣжным желанием, — и азъ сотворю его не боголюбца, но хмелелюбца, не постолюбца, но покоелюбца, не братолюбца, но блудолюбца, не книголюбца, но блядословца.

Егда убо человѣкъ напиетца мене, тогда всячески возлюбит мя, и аз прилежно прилеплюся ему, душу его наслажу, тѣло его на блуд готово учиню, сердце его обвеселю и лукавым помыслом жилище сотворю, умъ его развращу и непотребен учиню, лице же его румяно и безстудно воображу, очи его отовращу, яко диковы покажу, и яже свѣт в них — яко коло[4] вертѣтися устрою многия ради мокроты, обладавшей мозга его, и смущения ради ума и *темени* колебанием. Руцѣ его изготовлю на разбой, и лихоимство, и грабление, нозе его — на татбу и на всякъ лукавый путь.

И егда человѣкъ много времяни пиет и упивается мене, тогда и пищи лишу его, и сотворю себѣ единъ во главѣ и во утробѣ его жилище пространное, и начну владѣти человеком тѣмъ, якоже хощу. И сотворю его Богу не угодна и груба, а человѣком — непотребна и скаредна[5].

Егда же человѣкъ будет на проспании, тогда учиню ему в мозгу и во очех великое *лупление*[6], и начну ему творити мечты[7] многия, в скорби и печали вложу его, напасти и бѣды на память начну ему приносити многия, яко и в недоумѣние ввести ми его. Призову же и моего поспѣшника, иже над пьянством бѣса,* да той помогает мнѣ мечты творити ему. И нѣкогда в толице мечтании сведем его на мѣсто невѣдомо; ового обѣсим[8] за выю его ужем, иного же со брегу долу в воду низвержем его, ового же опровержем в дебрь[9] и во стремнину глубокую, иного же о железо, и о древо, и о камень поразим[10], овому же самому апсимом[11] запитися учиню, в нем же и сила моя велика дѣйствует; иных же во пиянстве учиню содѣвати блудъ. И егда вижу силу мою, зѣло обладающу человеческою утробою и сердцемъ, и изгорающу ей от влажнаго огня виннаго пития, тогда скоро подвигнуся на погибель человеческую и смерти горкой предам его, и злѣ скончает живот свой, и тамо во тмѣ кромѣшной

---

[1] жестоким; [2] бескорыстного; [3] обманщиком; [4] колесо; [5] отвратительным; [6] «лупать глазами», т. е. бессмысленно таращить; [7] наваждения; [8] повесим; [9] овраг; [10] разобьем; [11] так в рукописи, смысл не ясен.

изтрезвитися учиню ему, и со блудники и с пьяницами имат безконечно мучитися».

Держай же Хмеля муж рече ему: «Да како может человѣкъ от себе избыти тебе?» Хмель же рече ему: «Егда человѣкъ от шатости довольно выспится, аще ли же сну не может приобщится, и он мало да причастится мнѣ и тако проходит ся, и посем за духовный подвиг емлется, и молитвою и постом вытрезвится, и ко церкви хожением исправится, и к тому не начнет касатися мнѣ, и аз оставляю ся его, и тако мене отженет от себя, и здравие получит. Сие же тебѣ, боголюбче, и не хотя исповѣдах о семъ, доселе вся моя козновoption[1], и злохитрьства, и [2]блазненая дѣйства[2]».

И бысть, егда Хмель мужу оному исповѣда по ряду вся, и абие разрѣши его от узъ, глаголя: «Иди ко своему поспѣшнику, иже над пьянством бѣсу, во тму кромѣшную и тамо вкупѣ с ним мучишися во вѣки и с любящими тя пити без воздержания! Аз убо всячески одолѣх тебе, понеже не иму тя пити во вѣки!»

Сие же повѣдание слышав, брате, отнюдь лишися пьянственаго пития, душегубително бо есть и ходатайствено вѣчной муцѣ. Не запрещено нам пити хмельного пития, но во славу Божию, не во отяготѣние, но в мѣру, не во смущение ума, но в целомудрие, не в болѣзнь, но в здравие, — обаче же мы, человецы, невоздержни суще.

Тебе же, брате и господине, аще и лучится испити немощи ради стомаха[3],* и ты — душникъ един мал, да утолиши жажду, а другой — да обвеселиши сердце, а третей — на воли ти, на довольство утробѣ, и то помалу, с великим воздержанием и крѣпостию. По сем ими ся за молчание и покой, а гарѣлного вина* — кратирцы[4] двѣ, и вящее — три. А боле сего — отнюдь никакоже, возлюбленне, да без смущения пребудеши и спасения не лишишися. Гарѣлное вино, аще не боле трех испиеши, то сотворит утробе алкание и сырищну[5] на ядение многаго брашна. Аще ли много его испиеши, начнет утробу твою палити и сердце жещи, и от сего бывает множицею безвестная смерть, а по смерти — во адовых жилищах вѣчная мука. Бывает же и на проспании от похмелья сего множицею смерть, якоже и отец мой от похмелья безвѣстную вкусил смерть и окаянную кончину подъят. Но лѣпо есть помалу истрезвлятися и хмельное вогнездѣние от себе изженути, якоже и Хмелево повѣдание преж яви. Но воистинну блаженъ есть, иже хмельному питию весма не касается, поминающи речение Иванна Златоустаго, како блажит[6] пиющих воду, глаголя: «О блаженна еси, вода, не мутящая умом, и блажени суть людие, пиющеи тебе!» Василию же Великому* явилась святая Богородица, глаголя ему: «Василие, аще хощеши мене заступницу и

[1] искушения; [2—2] соблазны; [3] желудка; [4] чарочки; [5] желудку аппетит; [6] хвалит.

молебницу имѣти себе и во всем помощницу, не пей вина и всякого пьянственаго пития, зело бо ненавижу сего».

Что сего, любимиче мой, страшнѣе и болѣзненее, како святая Богородица, надежда наша и заступница, ненавидит пьяного и не молится о немъ, и ни в чем не помогает ему? Аще бо пьяный начнет молитися, токмо боле Бога прогнѣвает, молитва бо его неприятна и начинание его непотребно, понеже Духъ Святый зело ненавидит пьяного и ангель-хранитель далече от него отбѣгает, ако ото пса смердяща.

Великий апостолъ Павел глаголя: «Не упивайтеся вином, в нем же нѣсть спасения».*

Хмель сотворит пьяного душу смрадну, а тело грехопадно, а ум мерзокъ и непотребенъ; а проспався, душею явится скареден и тлѣненъ, а главою боленъ, а телесными удесы дробенъ[1], а сердцем тосклив и скорбенъ, а умом уныл и печаленъ.

О брате мой господине, лишимся богомерзскаго пьянства, понеже убо пьянство сотворит языка многорѣчива и открыет сокровенныя тайны, пьянство ражает блуд, прелюбодѣйство, гордость, превозношение, непокорство, кичение, прекословие, расколы, укорение, досады, брань, а во брани — бой, а в бою — смерть, а по смерти — мука вѣчная. И всяко злодейство от пьянства ражается. И сего ради, возлюбленне мой присносоюзный[2] брате, молю твою по Бозе святыню: бѣжи от пьянства, яко от лютаго змия! Аще бо коснешися ему, — ядъ имат смертоносен и жало вселютое, уязвити имат душу и тѣло неисцѣлною язвою.

Удалися сего, молю ти ся! Возлюби воздержание и чистоту: ея же имущи, узриши Бога. Аще бо *мирской* человекъ упиется, то гнусно видѣти и безобразно; колми паче мы, иноци, отвергшиися мира и всякого его безчинья, егда упиемся, безчинны и позорны явимся, и от мирских людей поносны и укорны!

Да сие вѣдуще, боголюбивый брате, потщися от Хмелю удалитися, яко от лютаго от врага укрытися, и от всякого *пьянственого* пития лишитися, яко от огня отбѣгнути. Иноческое бо питие — трезвеный квас, небуяющъ[3], и живобыстрая вода, не смущающая ума. Егда же, господине, отгониши пьянственаго змия трезвением и побѣдиши его воздержанием, тогда славити и благодарити Господа много имаши, и за мене молитву Вышнему воздаси прилѣжную.

А еже ти пишу сие сице, и сим во всем всяко сам себе осужаю, паче же и горши сего содѣваю. О горе мнѣ, прелюбодѣю! Но сие тебе писанейцо написах пользы ради и спасения душа твоея, за духовную любовь твою и благодѣяние. Но молюсь, припадая, святыни твоей, преклоняя колѣни душевныя и телесныя, милости прошу и мира со благословением, да не позазриши грубости моей и простиши мя и дерзости словес сих моего малоумия! Невѣжа бо есмь словом и дѣломъ и разумом неискусен. Егда же молишися, помяни мя пред Богом во свя-

---

[1] не крепок; [2] всегда мне дружелюбный; [3] не вызывающий буйства.

тых своих и богоприятных молитвах, да твоею молитвою милость и спасение получю. А милость Божия присно[1] буди над тобою, а твоя духовная любовь нерушимо да будет надо мною.

Ты же, честнѣший отче и великий господине, дражайший брате, боголюбивая душа, буди спасен и Божиею благодатию огражен, и вышняго того Всемогущаго Бога десницею покровенъ, и силою честнаго и животворящаго креста непобѣдимъ от всѣх видимых и невидимых твоих супостат. Да здѣ богоугодно житие поживеши, а тамо Царству Небесному достоин да будеши самим тѣмъ Христом, Спасителем нашим, емуже превышнее и великолѣпое Небесное Царство, и самодержание, и всея твари обладание, благоволение и *благочестие*, пѣние и хвала, и всяка слава, честь и поклоняние со безначалным и непостижимым и безсмертным невидимым Богомъ и Господемъ Саваофом, со пресвятым его Отцемъ, и с нераздѣлным и сопрестолным, со единосущным вседѣтелным и благотворителным, и благодателным, со пресвятым и благим, и животворящим его Духомъ нынѣ, и всегда, и в неисчетныя некончаемыя вѣки вѣкомъ.

Тебе же, возлюбленне, спасеное здравие и миръ о Христѣ. Аминь.

[1] вечно, всегда.

СТИХ О ЖИЗНИ ПАТРИАРШИХ ПЕВЧИХ

ИНАЯ ПСАЛЬМА*

Монастыря подворье — о чемъ *непокорье?**
Монастырь бо невеликъ, да звонъ добрѣ великъ.
Чернцы бы и умны, но да нравы дурны.
На чепъ сажаютъ,* да долго не спушаютъ.
А се хлѣбня темна, и сажа добрѣ черна,
и всѣхъ мораетъ, а свѣта не имѣет.
Поглядѣлъ бы немношко, да се одно окошко.
Нужно[1] сѣдѣти, ей-ей, некуды глядѣти.
И добро бы мѣсто, да марает тѣсто.
Аще и вѣра не велика, только чепь велика.
Взором[2] и не свѣтла, но довѣсомъ тяжела.
Мошно бы двумъ сѣдѣть, ей, не хочется и глядеть.
Побыть бы мошно, да на сердцы тошно.
И жить есть гдѣ, да сереть нѣгдѣ.
Аще и есть гдѣ, да сѣсти нельзѣ:
стул будеть увалять и ноги обѣ переморать.
Есть ли стул обтирать, то и ноги обтирать.
Аще в хлѣбню тако внити, то всѣхь разгонити,
срама не избыти, а людей насмѣшити.
«Горе вамъ, бедныя воспѣваки!» — тако вамъ говорят поляки.
Якъ же кто поет на глас,* тот носит отласъ.
Патриаршим воспѣвакам, якъ дура́камъ,
велят имъ пѣть гладко, а поять и кормят их гадко.*
Слышати пѣние любятъ, а доброе все сами лупят.
[3]В чин малых побрали[3], а под старость их всех попрали[4].
Пока есть глас, то и ходит по нас,
якъ же стал глас нехорошъ, то и поди куды хошъ.
Пѣлъ бы [5]дондеже есть[5], да нечево стало есть.

---

[1] тягостно; [2] на вид; [3—3] молодых взяли на службу; [4] прогнали; [5—5] пока мог.

В церкви что макови цвѣти, а дома нечево и вздѣти.
⟨...⟩ а вспѣваки же за вся глядят.
Люди все в дорага́х[1], а вспѣвака в дуроках.
Честь умъ рождаетъ, а убожество и старой растяряетъ.
Сердцу веселящуся и лицу цвѣтущуся,
аще кто богат, тотъ вездѣ рогатъ[2].
Есть бы кому не денги и всякъ будет в полденги.
Напреди речь иная: возвратимся да вспѣвакам умилимся.
Будет к началу не спѣлъ, ино к стулу поспѣл.
Проспися, да протрезвися, да под плеть ложися,
или просѣдися да прослезися, а дамой не торопися.
К ночи врата запираютъ, а днем с чепи не спушаютъ.
Испил бы винца да запил бы пивца,
чепъ бы скинул и под лавку кинулъ,
ушел бы домов да живот незамогъ.
Перелез бы чърезъ забор, ино скажут: «Тотъ вор!»
Аще ли в чепъ сажати, да надобно и разсуждати,
что не за все бы на чепъ сажати.
Когда смѣемся, тогда люди видятъ.
Не разумѣеть богатый убогому, такъ же и сытый — голодному,
а здравый — больнымъ, *только* беднымъ однымъ.
Забвение на всѣхъ хвалится, а скупый умреть — звалится.
Легъ, было, спати да не умел встати.
Скупый денги бережетъ, а по смерти всякъ его кленет.
Живучи, много собиралъ, а умерши конечно[3] пропал.
Скупыя спят не судки[4], ано духъ вон, что из дудки.
Аще кто милует убога, тот любит Бога.
Есть ли не милуетъ убога, воистину сей не любит Бога.
Чюжые кровлю кроютъ, а свои голосом воютъ.
На что драгие вещи любить, когда не умѣемъ их хранить?
Нынешнее настоящее время гонит носящих бремя.
Овому[5] честь Бог даруетъ, [6]овии же искупаютъ[6],
овии трудишася, овии в труд их внидоша.*
Овии скачютъ, овии же плачютъ.
Инии веселяшеся, инии же всегда слезящеся.
Почто *писать* много, что от бѣдных не любят нико́го?
Лучше того любять, с кого деньги лупят.
Что с убогова взяти? Прикажи его сковати.

[1] в дорогих одеждах; [2] переносное значение: силен; [3] окончательно; [4] не осуждаемы; [5] одному; [6—6] другие же покупают.

ЖИТИЕ ВАРЛААМА КЕРЕТСКОГО

ПОВѢСТЬ О ПРЕПОДОБНѢМЪ ВАРЛААМѢ КѢРЕЦКОМ. ВКРАТЦѢ ИЗЛОЖЕНО

Прѣподобный отецъ Варлаамъ в лѣта бѣ царя и великаго князя Иоанна Васильевича* всея России самодержца. Рождение и воспитание имѣ в Кѣрецкой волости, на море окиянѣ. Научен же бысть книгам и Божиимъ судомъ поставленъ бысть презвитером[1] в Колскомъ градѣ в церкви Николы чюдотворца, и тамо пребываше, добрѣ подвизаяся на невидимаго врага[2] козни, и люди закону Божию яко истинный пастырь поучаше, и бысть ходатай Богу и человеком.

Видѣвъ убо его диаволъ всяческими добродѣтелми украшена, свою же окаянную и немощную силу, яко паучину раздираему от него, простре сѣть во уловление праведнаго, якоже древле *на* Адама, вложив бо его во убийство супружницы его. Онъ же по сотворении грѣха разумѣвъ, яко завидѣвъ ему врагъ, плакався велми и недостойна себе судивъ еже священная действовати, но паче изволилъ страдати за грѣхъ, — еже с мертвым тѣломъ по морской пучинѣ с мѣста на мѣсто плавати, дондеже[3] оно мертвое тѣло тлѣнию предастся. И бѣ видѣти праведнаго труды: единаго по морю в карбасѣ ездяща с мертвым телом, от Колы около Святаго Носа даже и до Керети. И не якоже протчии человецы ожидаху паруснаго плавания, но он плаваше [4]против зѣлнаго обуревания[4] и весла из рукъ своих не выпущаше, но труждашеся велми и псалмы Давидовы пояше, то бо ему пища бяше. И во дни убо труждаяся по морю, в нощи же без сна пребываше, моля Бога со слезами о отпущении грѣха. И понеже доволно время потрудився, [5]хотя извѣщение прияти[5]. Доиде прежереченнаго мѣста — Святаго Носа. Ту бѣ, глаголютъ, прежде того непроходну мѣсту тому быти ради множествъ червей морских, иже творяху многи пакости над лодиями мореходцемъ. Еще бо и онъ без вреда пребываше от них, но восхотѣ и протчимъ человеком путь без вреда сотворити. Ставъ на молитву и руцѣ воздѣвъ на небо, услышанъ

---

[1] священником; [2] т. е. дьявола; [3] до тех пор, пока не; [4—4] против сильного волнения, ветра; [5—5] захотел получить извещение (от Бога о прощении греха).

бысть. И абие[1] черви без вѣсти сотворишася, и путь мореходцемъ около Святаго Носа сотворил *чист* даже и до нынѣ.

И понеже преподобный извѣщение приемъ от Бога, вскорѣ оставляетъ миръ и бывает инокъ, и в пустыню вселився и, Божиею помощию бѣсовския полки побѣдивъ, с миром ко Господу отиде в Чюпской губѣ. Оттолѣ же пренесено бысть святое тѣло его в Кереть и погребено близъ церкви святаго великомученика Георгия с восточной странѣ за олтаремъ.

По нѣкоем же времени восхотѣ Богъ явити труды своего угодника преподобнаго Варлаама. Нѣкоему убо купцу именемъ Евфимию, каргополцу, пловущу по морю в лодии и от зѣлнаго обуревания потопающи лодия его, и всѣмъ ненадежно[2] плачющимъ погибели своея. Тогда представъ имъ святый и от потопления избавилъ, и себе повѣдалъ, кто бѣ явивыйся. Евфимий же и сущии с нимъ, видѣвше преславную помощь от преподобнаго ко всѣмъ, и приеха в Кереть, и повѣда всѣмъ, яко молитвами преподобнаго Варлаама Керецкаго избавил Богъ от потопления морскаго, и повелѣ от имѣния своего поставити сѣнь над гробомъ святаго и свѣщу пред святителевымъ образомъ вжигати. И отиде в путь свой радуяся, благодаря Бога и угодника его, преподобнаго отца нашего Варлаама Керецкаго.

ПОВѢДАНИЕ ОТ ЧЮДЕСЪ ПРЕПОДОБНАГО ВАРЛААМА КЕРЕЦКАГО ЧЮДОТВОРЦА

В лѣта 7172 (1664) году, июня въ 1 день повѣда намъ нѣкий мужъ именемъ Петръ Васильевъ, порекломъ[3] Буторин.

Юну ми сущу, [4]в первое на десят лѣто[4] возраста моего, упражняющежеся со отцемъ в рыбных ловитвахъ в Соностровах. Видѣние таковое во снѣ видѣ, яко пловущу намъ со отцемъ моимъ в карбасѣ, противъ Шарапова наволока[5], напрасно[6] возъярися море волнами, и наполнися судно наше воды, и азъ быхъ яко во иступлении. И паки видех ину волну, идущу и хотящу покрыти судно наше. И озрѣхся и видѣхъ в судни нашемъ старца сѣда брадою, защищающе насъ от волны тоя. И абие внезапу обрѣтеся судно наше [7]во отишии за коргою[7]. И егда избави насъ от потопления, и рече намъ: «Потонути было бы вамъ, аще не бы азъ, Варлаамъ ис Керети», и повелѣ ми повѣдати людемъ. Аз же возбнувъ и начатъ повѣдати отцу моему бывьшеѣ видѣние. Он же, яко младенцу мнѣ, и не внимаше себѣ во умъ.

[1] тотчас; [2] безнадежно, от отчаяния; [3] по прозвищу; [4—4] в одиннадцать лет; [5] коса, мыс; [6] внезапно, вдруг; [7—7] в затишье (в тихом месте), за скалистым островом, за грядой камней в море.

Наутрие же узрѣхом лодию, в море идущу, и егда близъ насъ бывшей, инъ сусѣдъ прииде к нам з другие тони[1] и повѣда: «Наша де, керецкая, прошла лодья, но азъ не смѣяше ехати к ней, понеже зыби на море много».

Отецъ же мой внезапу начат глаголати: «Поедемъ мы в волость хлѣба ради». И поехаша, и вѣтру сущу велику. И егда бывшим намъ у Шарапова наволока, напрасно пришед волна и наполни карбасъ нашъ воды. Нам же в недоумѣнии велицемъ бывшим и ужасшися. И паки видѣхомъ вторую волну, лютѣе той ярящуся и покрыти насъ хотящу. Нам же до конца отчаявшимся живота своего. И абие внезапу судно наше, никимже направляемо, обрѣтеся за коргою у брега. Мы же возрадовахомся велми и выливше воду из карбаса и доидохом в волость. По пяти же днех яви ми ся паки той же старецъ во снѣ в трапезе, поношая мя мнѣ и ужасая[2], и хотяше мя бити дубцы и глаголаше: «Что ты мною бывшеѣ вамъ не повѣда всѣмъ человеком дѣяния моего?» И повелѣ повѣдати людемъ.

Ино чюдо. Той же мужъ повѣда намъ. Бысть нѣкто от велможъ царевых правя в Колскомъ острогѣ воеводскую власть при благовѣрномъ царѣ Михаилѣ Феодоровиче всея России *после* Литовския войны.* Ему же имя Гурий Иванов,* сынъ Волынцовъ. Бысть же ему черная болѣзнь. И недоумѣющуся, како бы ему болѣзни тоя избыти. И явися ему святый Варлаамъ в той болѣзни, во образе иноческом, глаголя: «Не скорби, человече, избавит тя Богъ от тоя болѣзни». Той же мужъ начатъ глаголати ему: «Кто еси ты, господине мой, и откуду?» Он же отвѣща ему: «Азъ есмь Варлаамъ ис Кереги». Той же велможа возбнувъ от болѣзни своея, яко от сна, и начат повѣдати еже видѣ и вопрошати, кто есть той Варлаамъ. И повѣдаша ему во градѣ живущии: «Той в древняя лѣта таков мужъ священствовав в Колском острогѣ и послѣ жилъ в Кѣрети иноком, тамо и преставися». Той же велможа посла на взыскание, кто есть тоя веси живущии в том градѣ. И обрѣте пришелца, керецкие волости жилца Василия именемъ, пореклом Мухина, и вопрошая его о святѣмъ Варлаамѣ, како и гдѣ положено честное тѣло его. Он же Василий повѣда ему подробну вся, яже о святѣмъ, и яко в небрежении ему на мѣстѣ, на немже положен, тамо и почиваетъ. Той же предреченный велможа Гурий начат с тѣмъ Василиемъ совѣщати, дабы сотворити сѣнь над гробомъ святаго Варлаама и крестъ поставити. И дастъ ему сребро на устроение. Василий же той вземъ сребро и прииде в Кереть, и по повелѣнию онаго воеводы содѣла гробницу над гробомъ святаго. Велможа же той избавленъ бысть от духа нечистаго молитвами преподобнаго Варлаама.

Ино чюдо преподобнаго бывшаго. Нѣцыи мужии, купцы града Каргополя, имя единому Иаковъ, пореклом Посновъ, другому же имя Евфимий Болнищевъ, повѣдаша, сице рече. Идущим намъ на лодии весною от Онежскаго

[1] место ловли рыбы; [2] пугая.

устья в куплю. И егда пробѣжавшимъ Соловецкой островъ и бывшим [1]на болшемъ море[1], и наехаша ледове много, и обыдоша лодью нашу оттовсюду лду, яко ни протиснутися могущим намъ сквозе ниха. И ледовомъ идущим на лодью и погубити насъ хотящимъ, и много нам трудившимся и ничтоже намъ успѣвшим, всѣмъ живота своего отчаявшимся. Преждереченному же оному мужу Евфимию стоящу в кормѣ и опершуся о палубы, от великия печали воздремавшу. Абие явися ему на лодии старецъ, вопрошая бо: «Далече ли путь вашъ, братие?» Он же глагола: «Идемъ в Поморие торговати, и нынѣ ледомъ насъ затерло и вси погибнути хощемъ». Старцу же рекшу: «Не скорби, брате, но поедите вы в Кереть, и Богъ дастъ вамъ пусть чистъ». Сам же иде на носъ и начат лды роспихивати.

Евфимию же возбнувшуся и не видѣ никогоже, токмо дружину свою сущую с ними на лодьи. И нача имъ повѣдати, еже видѣ во снѣ. И внезапу бысть яко дорога сквозѣ *льда*. Они же возрадовашася. [2]И начаша *присно ятися пути*[2], и абие повѣявшу вѣтру поносному[3] и выехаша на море ничемже вредими. И приидоша в Кереть и повѣдаша имъ в слухъ живущим ту явление святаго Варлаама, како их Богъ избавил от тоя погибели молитвами его. И того ради чудесе мужъ той Евфимий содѣла над гробомъ преподобнаго часовню, оттолѣ вѣру держа ко святому велию.

Чюдо ино преподобнаго. Той же мужъ повѣда намъ. Двиненину[4] нѣкоему, именемъ Никифору, со своими клевреты[5] идущу с мурманского рыбнаго промыслу. И егда бывшу ему против Святаго Носа, начат труждати ихъ вѣтренная буря, и древо[6] сломило парусное у них, и парусъ унесло в море, волны же вливахуся на лодью. И снесло у них с лодье все волнами, и отнесло их на лодье в морскую пучину, и уже имъ всѣмъ отчаявшимся живота своего, и занесло ихъ в плавании их в пучину морскую.

И многим днемъ минувшим, явися тому Никифору во снѣ *преподобный отец Варлаамъ* и начатъ ему глаголати: «Что вы впадосте во отчаяние и не промышляете о себѣ? Парусъ вашъ под лодьею, а древо и с ногами[7] тут же под лодьею, и вы того древа не ставьте. Промышляйте, [8]не плошитеся[8], — Богъ васъ вынесетъ!»

Никифору же тому в недоумѣнии бывшу о видѣнии, начатъ повѣдати дружинѣ, глаголаху: «Гдѣ, братие, парусъ?» — «Мы не видѣхомъ». И начаша напрасно [9]сѣмо и овамо[9] искати, и абие обрѣтоша парусь *подъ лодьею* и едва изволекоша на лодью, тамо же весла и стир[10]. Они же, много трудившеся, изнемогоша и сонъ объятъ их. Паки[11] явися имъ той же мужъ, глаголя: «Промышляйте,

---

[1—1] в открытом море; [2—2] и снова пустились в путь, [3] попутному; [4] жителю Двины; [5] подручными; [6] мачту; [7] с вантами; [8] не отчаивайтесь; [9—9] здесь и там; [10] руль; [11] снова.

призывайте еще Бога на помощь, и вынесетъ Господь Бог». Никифору же оному вопрощающу его: «Кто ты, господине мой, сице в промышлении нашемъ твориши и о насъ печешися?» Той же отвѣща: «Азъ есмь из Керети Варлаамъ». Никифору же оному не вѣдящу его, и начат вопрошати у дружинѣ своей. Онемъ такожде не вѣдущимъ имъ всѣмъ его.

Начаша обычная на лодье уготовляти и промышляти о путнемъ шествии своемъ. И видѣша яко дорогу расплывающуся пред ними *лед* той. И абие вѣтру возвѣявшу поносному имъ, в третий день достигоша до Двинскаго устия.

Во второе лѣто по явлении том прииде мужъ той Никифоръ в Кѣреть, вопрошая: «Кто есть и гдѣ таков мужъ, нарицаемый Варлаамъ?», — чая бо еще жива его суща. Живущии ту повѣдаша ему, яко «той святый во успении явися, избавилъ тя Богъ молитвами его от потопления». И показаша ему гробъ святаго. Той же Никифор принесе свѣщи многи и положиша на гробъ его, моля преподобнаго о избавлении своемъ.

ЖИТИЕ АРТЕМИЯ ВЕРКОЛЬСКОГО

ЖИТИЕ СВЯТАГО И ПРАВЕДНАГО БОГОМУДРАГО ОТРОКА, НОВОЯВЛЕННАГО АРТЕМИЯ ВЕРКОЛСКАГО ЧУДОТВОРЦА. СПИСАНО ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МАКАРИЯ МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО

Иже [1]прежде всѣхъ сый и всякая за всѣх[1], подобаетъ истинному человеку вѣдати, — Богь Отецъ безначаленъ и неисписан[2], вся уединяя и содержая, ни рожденъ, ни созданъ, безконеченъ, и безсмертенъ, превѣченъ, Творецъ небу и земли, видимым же всѣмъ и невидимым. Сынъ же Единородный, Слово Божие, Исусъ Христосъ, от Отца прежде вѣкъ, свѣт от свѣта, Богъ истиненъ от Бога истинна, прежде всѣх вѣкъ, безначаленъ и безлѣтен[3], насъ ради и нашего ради спасения сошедшаго с небес, и воплотися от Духа Святаго, от Отца исходящаго присно въ Деву Марию. Родися без сѣмени и на земли со человеки поживе, волею страсть прият, и смерть вкусивъ, и во гробѣ положися, и в третий день воскресе. И рукописание грѣх наших растерзавъ, и на небеса вознесеся. И сѣде одесную Бога Отца. Духъ же Святый, Утѣшителю Благий и Животворящий, иже от Отца исходяй и на Сыне почиваяй. Единъ Богь во трех составѣх нераздѣленъ: Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, во свѣте пребываяй неприступнѣм. Едино Божество, и едина сила, и едино существо — Троице Святая, поклоняемая и славимая.

Иже сотворивый небо и землю, и море, и свѣт, солнце и луну, и звѣзды, и [4]древа полская[4], и [5]траву сѣнную[5], и всяку душу живу: звѣрие, и скоти, и птицы небесныя, и рыбы морския, и гады пресмыкающиися по земли. И всяку тварь видимую и невидимую от небытия в бытие приведе.* Якоже Давыдъ глаголет: «Словесемъ Господнимъ небеса утвердишася, и духомъ устъ его вся сила их».* И сотвори аггелы и архаггелы, херувими и серафими, и вся воя небесная. И паки той же Давыдъ глаголет: «Творяй аггелы своя духи, и слуги своя огнь палящь».* И постави же десятому чину воеводу Сатанаила. Сей же своею гордостию превознесеся и рече во умѣ своемъ: «Взыду на небо, и поставлю престолъ свой на

[1—1] тот, кто был прежде всех и един за всех, [2] неописан, неизречен; [3] без лет, без возраста; [4—4] дубравы равнинные; [5—5] траву, дающую семя.

облацѣх, и буду подобенъ Вышнему». И того ради сверженъ бысть с небесъ и со всѣми вои чина его и нареченъ Сатана. И бысть тмѣ началникъ и со отступными его бѣсы.* Исайя бо рече: «Како спаде деньница заутра восиявающия, и видѣ Господь Сатану, спавша с небесъ яко молнию».*

И сотвори Господь человека по образу своему и по подобию, и жену ему сотвори, и в Рай введе. И заповѣдь дастъ имъ от древа не ясти, [1]еже разумѣти добро и лукаво[1]. И ненавидяй добра роду человечю завистливый диявол прелсти их, еже преступити данную имъ заповѣдь. Того ради изгна их Господь из Рая, и сотвори имъ ризы кожаны, заповѣда, рек: «Тружаяся, [2]дѣлая землю в потѣ лица твоего и яси от нея[2]».* Адам же изыде из Рая, и начат труд творити — землю дѣлати, по словеси Господню, и питатися от нея, и славити Бога.

Тѣмже[3] и мы, братие, не будем сопротивны[4] и равны Богу, по словеси Господню труды своя полагаем, якоже апостол Павел глаголет: «Подобает убо дѣлателю преже от плода вкусити».* И паки рече: «Иже не дѣлает, да не ястъ».* Добро есть и полезно, еже славити Бога без престани и покланятися в Троицы славимому Господу нашему Исусу Христу, еже показа намъ свѣтилника сего, праведнаго и непорочнаго чюдотворца Артемия. Воистину убо богоблаженнаго сего достойно прославити и пѣти усердно, образу его молитися, творящаго многа и преславная чюдеса и исцѣления болнымъ, и разслабленным, и слѣпым, и хромымъ, и всякими недуги различными здравие подающаго [5]неотложно и неизмѣнно[5] благодатию Божиею, и помощию, и молитвами, и молением Пречистыя его Матере, и угодника его святаго, великаго святителя и чюдотворца Николы, и святаго праведнаго, и новоявленнаго, и страстотерпца Христова богоблаженнаго Артемия. Но остану много глаголати, да не в забвение[6] внидем, но проповѣдаем его житие и подвизание къ Богу, еже бысть страдание его.

В лѣто 7040-го (1532) лѣта от создания миру в Двинскомъ уѣзде по реку, глаголемую Пинегу, от Кевролы вверхъ, в веси, нарицаемой Веркола, родися сей богомудрый праведный Артемий от християну благочестиву родителю — отца его именем Козмы, рекомаго Малаго, и матери Полинарии. И воспитанъ бысть родителема своима. Бѣ же отроча[7] пяти лѣт, и начат лишатися дѣтскаго обычая, и возненавидѣв игры дѣтския, возлюби Бога. И начат трудъ творити, [8]земное дѣло[8], и питатися от нея по Господню словеси, еже глагола ко Адаму: «В потѣ лица своего яси от плоду земнаго». Уподобися труды своими древним праотцемъ Адаму, и Ною, и Аврааму, и Исааку, и прочим по глаголющему Павлу апостолу: «Подобает убо прежде дѣлателю от плода вкусити, а иже не дѣлает, да не ястъ». Сей праведный Артемий работая отцу своему и послушая его во всемъ неотложно, якоже Соломонъ рече в Притчах: «Сыне, послушай

[1—1] от которого познается добро и зло; [2—2] работай на земле в поте лица твоего, и питайся ее плодами; [3] также, потому; [4] непокорны; [5—5] безотлагательно и постоянно; [6] беспамятство; [7] дитя; [8—8] работать на земле.

отца своего и не отрини наказания матере своея», «Сынъ премудръ веселит отца»,* и «Память праведнаго с похвалами бывает».* И самъ Господь рече: «Почитай отца своего и матерь свою и люби ближняго своего, яко самъ себе».* И паки рече: «Возлюбиши Господа Бога своего от всего сердца своего, и от всего помышления своего, и от всея душа своея, и от всея крѣпости своея».* Праведный же отрокъ почитая отца своего и матерь свою, и любя Господа Бога, и моления творя многа, и милости от него прося.

Егда же достиже двою на десяти лѣт[1], и бѣ же на поле, [2]тружаяся землю орания, еже боронити[2], и моляся Господу Богу. В то же время воста вѣтръ велий Божиимъ изволением, и дыханию вѣтреному многу бывшу. Якоже Давыдъ глаголет: «Яко той рече, и быша; той повелѣ, и создашася»,* «Хвалите Господа от земля, змиеве и вся бездны: огнь, град, снѣгъ, голоть, духъ бурен, творящая слово его».* И бысть облакъ теменъ с небеси аки нощь, изо облака же дождю многу, и громъ велий, и молния неизреченная страшна. Якоже Давыдъ глаголет во Псаломстѣй книги: «Собираяй яко мѣх воды морския, полагаяй во сокровищих бездны. Да убоит же ся Господа вся земля, от негоже подвижатся вси живущеи по вселеннѣй».* «Темна вода во облацѣх воздушных. От облистания пред нимъ облацы проидоша, град и углие огнено. И возгремѣ с небесе Господь, и Вышний дастъ глас свой. Пусти стрелы и разгна я̀, и молния умножи, и смути их. И явишася источницы воднии, и открышася основания вселенныя от запрещения твоего, Господи, от дохновения духа гнѣва твоего».* Бывшу же многу гласу громному. И абие[3] над праведным Артемием зелнѣйша[4] и крѣпчайша, [5]с прещением велиим[5] громъ возшумѣ. Блаженный же ужасеся, и от того великаго ужаса и грому испусти духъ, и предасть душу свою в руцѣ Господеви. Якоже самъ рече Господь: «Бѣжите от гнѣва Господня».* И паки рече: «Аще гнѣв Божий, или молния и громъ поразит человека, и азъ сам сужду рабу моему».

Положено же бысть тѣло сего богоблаженнаго Артемия на пусте мѣсте в лѣсе, еже нарицается Сосония, верхъ земли не погребено, одаль церкви.* Господь же рече: «Прославляющаго мя прославлю именем моим».* «Не может град укрытися верху горы стоя».*

Бысть же нѣкто клирикъ, еже есть диякъ церкви Святаго Николы,* именем Агафоник. В лѣто 7085-го (1577) той Агафоникъ ходя по тому мѣсту лѣсом, идѣже лежит тѣло святаго праведнаго Артемия. И возсия свѣт от мѣста того — Господь Богъ прославляет святыхъ своих. Прииде же той Агафоникъ и обрѣте тѣло святаго цѣло, ничимь не врежено. И повѣда християном [6]веси тоя живущим[6], что мощи блаженнаго обрѣтошася цѣлы плотию. Християне же неразумием взяша просто тѣло святаго Артемия, и привезоша к церкви, и положиша его тѣло в паперти святаго Николы. Господь же Богь Милосердый, не хотяй зла со-

[1] двенадцати лет; [2—2] обрабатывал землю, боронил; [3] тотчас, внезапно; [4] очень сильно; [5—5] с великим ужасом; [6—6] живущим в той деревне.

зданию своему, роду человечю, от диявола мучиму, хотяй угодника своего святаго богоблаженнаго, и богомудраго, и праведнаго Артемия прославити во страны тоя Кеврольския, и показует намъ такова свѣтилника, творящаго дивная и преславная чюдеса.

В то же лѣто бысть попущением Божиимъ, грѣх ради наших, християном належа[1] велика и тяжка болѣзнь в людех, ту живущих, еже речется трясавицею болѣти.* И от тое великие болѣзни мнози к смерти приближающеся, иные же и смертию скончашася, жены и дѣти. Владыка Господь наказует насъ скорбьми и болѣзньми многими, дабы обратилися и покаялися от грѣх своих. Мы же, не престая, согрѣшаем и Бога прогнѣвляем своими злыми дѣлы. В то же время бѣ человекъ тоя веси именем Калинникъ. И лучися[2] сыну его быть в томъ недуги, трясавицею болѣти зѣло. Человекъ же той моляшеся Господу Богу, и Пречистой его Богоматери, и святому чюдотворцу Николѣ, чтобы отроча его Господь избавил от тоя болѣзни. И шед к мощем святаго Артемия, и приложися ко гробу его, и вземъ покрова, еже есть береста, со гроба святаго Артемия. И прииде в домъ свой и положи сыну своему на персѣх его на гойтянъ,* и бысть здравъ сынъ его от того часа. Возрадовася человекъ той радостию великою о сыну своемъ, благодарение воздаст Господу Богу и угоднику его святому Артемию и повѣда всѣмъ християном чюдо бывшее. Християне же с радостию притекоша к церкви святаго Николы и начаша молебная пѣния совершати и память творити богоблаженному Артемию. И умилосердися Господь о рабѣх своих, молитвами святаго Николы чюдотворца и святаго праведнаго Артемия преста болѣзнь в людех от того часа. Чюдеса же святаго богомудраго Артемия начат умножатися, исцѣления многа бывати больнымъ: слѣпымъ зрѣние, хромымъ хожение, глухимъ слышание и всякими недуги одержимыми здравия многа.

Кто убо сего страстотерпца не похвалит, творящаго таковая чюдеса! Лепо убо подобает по достоянию похвалити, но [3]недоумѣю твоему достоинству[3]. Тѣмже убо съ Давыдом речемъ: «В память вѣчную будет праведникъ»,* и в память вѣчную память твоя. Честна пред Господемъ смерть преподобнаго сего.* «Возвеселится праведникъ о Господѣ и уповает на нь».* Якоже премудрый Соломон речет: «Память праведнаго с похвалами бывает, и благословение Господне на главѣ его».* «Праведникъ, аще постигнет скончатися, в покои будет».* «Похваляему праведнику радость людем»,* безсмертие бо есть память его, яко от Господа познавается и от человекъ, и угодна Господеви душа его. Еже память праведнаго нас радостны и веселы творит, егоже поминаемъ днесь, [4]не яко, да нашими похвалами лучше сподобится, но яко, да, воспоминаем, мы по возможному подобни будем[4]. Вси праведнии единаго естества быша. Не в той же ли воз-

---

[1] наступила, пришла; [2] случилось; [3—3] не смогу постичь твоей славы, твоего достоинства; [4—4] не потому, что нашими похвалами больше прославится, но потому, что, воспоминая <его>, мы, насколько возможно, <ему> подобны будем.

духъ зряху, не ту же ли землю населяху! Но по величеством желания к Божии любве себе издаша, вся возмогоша, чюдеса творяху. Зримъ убо сего добраго подвижника, творящаго велия чюдеса. О богомудре Артемие! Не забуди ны, но молися Христу Богу о насъ грѣшных, яко да твоими молитвами благодать Божия осѣнит душа наша, и просвѣтит насъ свѣтом разума истины, и наставит на правый путь, вводяще в Царьство Небесное, безконечное и блаженное!

Молитва. Владыко человеколюбче, Царю Небесный, Господи Исусе Христе Боже нашъ! Насъ ради и нашего ради спасения на земли явися и со человеки поживе. Молим тя, Господи Вседержителю, Долготерпеливе и Многомилостиве, подаждь намъ славити тя бодрено во вся дни живота нашего до послѣдняго часа. Ели хощеши и можеши, велико ти есть, и неизреченно твое милосердие. Како молчит языкъ, таковое намъ радости и веселия духовнаго исполни насъ! Како убо возможем, или кими[1] пѣсньми возвеличити твое милосердие, или кими усты воспоемъ благодать твою неизреченную, еже показа намъ такова праведника днесь! О Владыко Господи Исусе Христе Боже нашъ! Услыши насъ грѣшных, молящихся тебѣ, и помилуй, и даруй намъ сего праведнаго угодника твоего Артемия славити, и на помощь призывати, и образу его святому поклонятися, и ко гробу припадати с вѣрою молящимся подающему неизреченная чюдеса и исцѣления многа! О предивный в чюдесѣх, святый и праведный Артемие! Молися Христу Богу о насъ грѣшных и помилуй вся приходящая к тебѣ с вѣрою, и молящаяся тебѣ, и поклоняющаяся образу твоему, и призывающая тя во скорбѣх на помощь! И буди имъ помощникъ и исцѣлитель скоръ и даруй имъ здравие неоскудно и помощь неослабну, молящимся тебѣ! И буди заступникъ сиротамъ и вдовицам, и всѣмъ подаждь, яже ко спасению прошение, и сохрани, и соблюди от всѣх золъ, и болѣзней, и навѣт вражиих, ты бо предстоя Престолу Владычню! Молися неотложно о насъ, грѣшных, Христу Богу нашему, яко тому подобаетъ всяка слава, честь, и поклоняние, и велелѣпие, Отцу, и Сыну, и Святому Духу нынѣ, и присно, и во вѣки вековъ!

ЧЮДЕСА СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО АРТЕМИЯ ЧЮДОТВОРЦА

Добро есть намъ и полезно дѣла Божия проповѣдати и преславно творящая чюдеса святымъ и праведным симъ угодником Христовымъ новым чюдотворцем Артемием, иже просия в чюдесѣх своих. Якоже Давыдъ глаголет: «Дивенъ Богъ во святыхъ своих, Богъ Израилевъ, творяй чюдеса, Богъ, прославляем во свѣтлостѣх святыхъ своих».* Воистину убо сей чюдотворецъ неложная чюдеса творитъ и исцѣления многа с вѣрою к нему приходящим, иже бо повѣствуем дивная его чюдеса.

---

[1] какими.

Чюдо первое. В лѣто 7092-го (1584) бысть чюдо дивно и преславно. Бѣ нѣкто человекъ именем Павел. Бѣ же ему: обратися лице его назадь, еже и очи ему затворишася, и не видя ничтоже. Человекъ той пребысть тако, моляще-ся Богу и святому чюдотворцу Николѣ и воспоминая святаго Артемия. Скорый же на помощь святый Артемий дарует ему здравие. И бысть в той часъ: отврати-ся лице его, и отворишася очи его, и бысть здравъ, яко николиже скорбя. Возра-довася человекъ той и прослави Господа Бога, и Пречистую его Богоматерь, и святаго чюдотворца Николу, и святаго праведнаго Артемия. И повѣда человекъ той християном чюдо бывшее. Християнѣ же похвалиша Бога и угодника его святаго Артемия, сотворшаго таковое чюдо. И сотвориша придѣлъ о себѣ близ церкви святаго Николы и, приступльше с вѣрою, взяша мощи его, и внесоша во предѣлъ, и положиша в новый гробъ, и прославиша Бога.

Чюдо 2. Ино чюдо хощу вам повѣдати, братие. В то же время, егда пре-несоша мощи святаго Артемия во предѣлъ, прииде жена нѣкая, принесе своего младенца, рукою разслаблена[1] И молебная сотвори Господу Богу и святому Ни-колѣ, и приложи отроча ко гробу святаго Артемия, и бысть отроча здраво рукою. Жена же прослави Бога и святаго Артемия.

Чюдо 3. В то же время бѣ нѣкая жена именем Ирина. Едино же у нея око велми болно бысть. И молебная соверши Господу Богу и святому Николѣ, и приложися ко гробу праведнаго Артемия. И бысть око ея здраво, яко николиже болѣ. И прослави та жена Бога и угодника его святаго Артемия и отъиде в дом свой, радуяся.

Чюдо 4. В та же времена бѣ нѣкто человекъ именем Андрей. Бысть очима боленъ велми. И помолися Господу Богу и святому Артемию, и абие здрав бысть очима человекъ той. Прослави Бога и угодника его святаго Ар-темия.

Чюдо 5. Потребно есть ни сего забвению предати глубинѣ[2], но на свѣщникъ сердецъ наших воставляти.* Бысть жена нѣкая именем Мария утроб-ною болѣзнию болна велми четыре на десят[3] лет. И умираше часа на два и на три, и по вся времена тою болѣзнию одержаше. И слышав чюдеса, бывающая святымъ Артемием. И начат молитися Господу Богу, и святому Николѣ, и угод-нику Христову святому Артемию: «О святый чюдотворче Христовъ Артемие! Избави мя от болѣзни сея и даруй ми здравие!» Святый же Артемий избавляет жену ту от болѣзни тоя, бысть здрава жена молитвами святаго. Жена же просла-ви Бога и святаго Артемия.

Чюдо 6. Ино чюдо хощу вамъ повѣдати, якоже Писание рече: «Тайны царевы добро есть хранити, а дѣла Божия проповѣдати преславно есть».* Чело-векъ нѣкий именем Аврамъ одержимъ *зубною* болѣзнию лѣт десять. Жена же его именем Евдокия бѣ одержима злою болѣзнию, еже речется трясавицею.

[1] у которого болела рука; [2] глубокому; [3] четырнадцать.

И слышавши о чюдесѣх святаго Артемия. И моляшеся человекъ той и жена его святому Артемию, чтобы молитвами его Господь избавил от болѣзней их. И быша здрави молитвами святыхъ и прославиша Бога и святыхъ его, святаго Николу и Артемия.

Чюдо 7. Но и сие повѣдано будет. Нѣкто человекъ именем Роман разслабленъ лядвиями[1]. И помолися святому Артемию, и бысть здравъ молитвами святаго. Человекъ же той благодаря Бога и святаго Артемия.

Чюдо 8. Ниже убо и сие умолчано будет. Человекъ нѣкий бысть именем Нифонтъ, бѣ отягченъ утробною болѣзнию лѣт пять. И слышав святаго чюдеса, и помолися с вѣрою святому Артемию, и святаго молитвами здравие получи. Он же воздавъ хвалу Богу и святому Артемию.

Чюдо 9. Иже и сие да не покрыется молчанием чюдо святаго. Бѣ человекъ именем Иванъ, кровоточивъ бѣ гортанию осми на десять[2] лѣт. Уже ему близ смерти сущу. И помолися Господу Богу и святому Артемию с вѣрою велиею, и здравъ бысть человекъ той от болѣзни, славя Бога и угодника его Артемия.

Чюдо 10. Бѣ убо нѣкая жена именем Мария, имѣя у себя отроча, болѣзнию одержима нѣкоею: ничего не ядя, ни млека вкушая два месяца. И помолися жена та с вѣрою святому Артемию о отрочате своемъ, и молитвами святаго Артемия избави Господь отроча от болѣзни тоя. Жена же благодарение воздавъ Богу и святому Артемию.

Чюдо 11. Человекъ нѣкий именем Ермолай одержим нечистым духом. И помолися Господу Богу, и святому Николѣ, и угоднику его праведному Артемию. И бысть здравъ от нечистаго духа молитвами святых. И славя Бога и святыхъ его человекъ той, радуяся.

Чюдо 12. Инъ человекъ именем Сергий бѣ одержимъ недугом — зеленою болѣзнию,* бысть аки трава зеленъ и не можаше ясти хлѣба. И слышав велия чюдеса, творимая святымъ Артемием, и притече ко святому, и молися с вѣрою. И здрав бысть человекъ той молитвами святаго Артемия, хвалу воздавъ Богу, и отъиде в домъ свой, радуяся.

Чюдо 13. Иже и сие нѣсть праведно умолчати бывшее чюдо, сотворшееся святымъ и праведным Артемием. Бысть убо черноризецъ с Вятки, из града Хлынова именем Трифонъ, строитель монастыря святаго чюдотворца Николы Можайскаго,* рукою разслаблен. И лучися ему быти у святаго Николы в Верколѣ. И слышав чюдеса святаго Артемия и приложися ко гробу блаженнаго Артемия. И бысть рука его здрава, яко николиже болѣ. Он же, благодарения пѣния воздав Богу и угоднику его, святому Артемию, отъиде, радуяся.

Чюдо 14. Человекъ же бѣ нѣкий именем Артемий. Ему же бѣ случися бѣснующуся от лукаваго духа, не бысть ума у него годищное время. И приведо-

[1] ногами; [2] восемнадцать.

ша его ко гробу святаго, и приложися к мощемъ святаго Артемия, и бысть здравъ в цѣлоумии, и, благодаря Бога и святаго Артемия, отъиде, радуяся.

Чюдо 15. Инъ же человекъ нѣкто именем Климентъ бѣ одержим трясавицею годищное время. И помолися Господу Богу и святому Артемию с вѣрою велиею, и призывая на помошь святаго Артемия начастѣ[1]. И молением здравие получи от святаго Артемия.

Чюдо 16. Иное чюдо святаго бѣ тому же подобно. Нѣкто человекъ, емуже имя Евдокимъ, бывшу ему трясавицею страждущу лѣто и месяцъ шесть. И повѣдаше ему о чюдесѣх святаго Артемия. Он же начат молитися святому Артемию и на помощь призывати. И здрав бысть от болѣзни тоя Божиею благодатию и молитвами святаго, дивнаго в чюдесѣх Артемия.

Чюдо 17. Не возноситеся, ни гордитеся, братие, но разумѣйте, како убо Господь прославляет святыхъ своих. Фарисеово убо слово Бога прогнѣва, а мытарево стонание Бога умилостиви.* Разбойникъ убо словом погибе, а другий словом в рай вселися.* Рече Господь: «Возносяйся смирится, а смиряяй же себе вознесется»,* якоже сие чюдо повѣствуем.

Бысть нѣкий человекъ именем Иванъ, безумием же своимъ посмѣяся чюдесемъ святаго Артемия, мнѣвъ[2], яко неистинна есть. И абие слѣпъ бывъ, не видя ничтоже. И возопив горцѣ: «О святый праведный угодниче Христовъ, дивный в чюдесѣх Артемие! Согрѣших убо пред тобою, яко глаголах на тя неподобно слово. Не даждь ми погибнути, нынѣ убо разумѣх, яко не мечтанием и не ложная чюдеса твориши!» И много ему молящуся о том, якоже Соломон рече: «Иже хранит уста своя и языкъ, соблюдет от печали душу свою».* Скорый же на помощь святый Артемий, услыша моление его, дарует ему здравие. И прозрев человекъ той очима своима, и бысть здрав, славя Бога и святаго Артемия, творящаго неложная чюдеса.

Чюдо 18. Бѣ нѣкая жена именем Ирина болна ногою два лѣта. И молящеся много Богу, и призывая святого Артемия на исцѣление. Тѣмже молением исцѣление получи, благодарив Бога и святаго праведнаго Артемия.

Чюдо 19. «Духовная убо духовным подобает прилагати»,* — Писание рече. Святых чюдеса проповѣдати подобает. Чюдеса же святаго Артемия умножахуся. Бѣ же убо священницы, единому имя Иванъ, другому же Фома. Повелѣша на дцкахъ старыя гробницы прежней писати образы святаго праведнаго чюдотворца Артемия. И остася святаго гробницы стружекъ. Свяшенник же Иванъ собравъ тѣ стружки святаго гробницы, и в сохранение положи. И взимающи убо с вѣрою стружки, якоже персть[3], и от того исцѣление получаху.

Бысть убо человекъ именем Панкратъ, преѣхав с Пинеги на Великий Устюгь в лѣто 7109-*го* (1601) и привезъ с собою образ святаго Артемия гробницы. Егда и от того образа многа исцѣления быша. Бѣ убо нѣкия двѣ жены, еди-

[1] часто; [2] думая; [3] также и прах, землю.

ной имя Анна, другия же Улита: одержими бѣ трясавицею пять лѣт. Той же священникъ Иванъ веземъ стружекъ гробницы святаго и положи женамъ ко кресту на гойтяны, и в томъ часѣ здравы быша месяца апреля въ 11 день. И благодаряще Бога и святаго Артемия.

Чюдо 20. Всегда же бываше обычным человеколюбием Божиимъ, молитвъ ради праведнаго Артемия различная исцѣления бывают недужным, овогда от гроба святаго, иногда же от образа его, овогда же стружек святаго гробницы емлюще, иногда тайно, иногда явѣ, иногда же покрова, еже речется береста, з гробницы святаго взимающе, исцѣление получаху.

В лѣто 7109-*го* (1601) месяца апреля въ 20 день бысть чюдо святаго Артемия. Бѣ нѣкий человекъ, живяше во градѣ Великаго Устюга, сынъ боярской именем Иванъ Захарьин сынъ. Бѣ одержимъ трясавицею. И вземши у нѣкоего человека береста святаго гробницы, и ношаше у себя на гойтяне. И от тое болѣзни здрав бысть молитвами святаго Артемия и воздавъ хвалу Богу и святому Артемию.

Чюдо 21. Ниже убо и сие посѣщение, бывающее святымъ, неудобно молчанию предати, но проповѣдаем преславное чюдо. В лѣто 7113-*го* (1604) декабря въ 6 день, на память святаго Николы чюдотворца, прииде в Верколу нѣкто человекъ именем Ларионъ Артемиевъ сынъ. Рожением вологжанин, житие имѣя на Колмогорах, рекомое Глинки. Повѣда священником и всѣмъ християном: «Бывшу убо ми в недузѣ, очима боленъ, и бѣ не видя ничтоже от Покрова Святѣй Богородицы до недели Цвѣтоносныя, еже речется Вербная.* Бѣ же убо не вниде брашно во уста моя дней девять. И от тое великие болѣзни хотѣх удавитися и смерти себе предати, но не даша мнѣ людие, вожаше мя, за руку держа. И явися ми святый праведный Артемий в видѣнии, аз же в той час прозрѣх очима и видѣх святаго Артемия: ризы на немъ бѣлы, в лѣвой руцѣ имея посошекъ невеликъ, а в правой держа крестъ.* И огради мя крестомъ и рече ми: „Человече, что стражеши, но востани, исцѣляет тя Христосъ мною, рабомь своимъ Артемием. И поиди в Верколу, приложися ко гробу моему и исповѣждь священнику и християном". И вземъ руку мою, и крещаше мя рукою моею, и невидим бысть. Азъ же воспрянувъ и здравъ бысть, яко николиже болѣ. И от многия радости слезы испущая и благодарение воздая Богу и святому Артемию, дивному в чюдесѣх, и приидохъ доздѣ». Людие же слышавше и прославиша Бога и святаго Артемия о бывшем чюдеси.

Чюдо 22. В то же время, на память святаго Николы, человекъ нѣкто именем Иевъ Иванов сынъ, пинеженинъ из веси, рекомыя Лѣтопалы, повѣда намъ: «Бывшу мнѣ в недузѣ разслабленъ месяцъ пять, не могий двигнутися. И нача молитися святому Артемию. И явися ми святый в видѣнии, рече ми: „Иди ко гробу моему, помолися, и исцѣлееши" Аз же возбнувъ[1], в той часъ здравъ бысть и, хвалу воздавъ Богу и святому Артемию, прииде доздѣ днесь».

---

[1] пробудился.

Чюдо 23. Месяца декабря в 16 день повѣда намъ человекъ нѣкто именем Иванъ Яковлев, рекомый Дежневъ, тоя же веси Верколские. Бѣ дщи его именем Анна, бысть не видѣ очима ничтоже два лѣта, бѣлмо бѣ на очесѣх ея. И помолися святому Артемию, и приложися ко гробу его, и бысть здрава очима. И отъиде в домъ свой, радуяся и хваля Бога и святаго Артемия.

Чюдо 24. В то же лѣто месяца генваря въ 23 день нѣкий человекъ именем Харитонъ Семенов, кевролецъ, исповѣда. Бысть на мори на Новой земли, рекомое на Вайгаче.* И одержимъ бысть болѣзнию, завратися рука его ко плечю и бысть такъ все лѣто, не могий двигнути. «И явися ми святый Артемий во снѣ и рече ми: „Иди в Верколу, и помолися у гроба моего, и сотвори канонъ, и молебная пой, и исцелѣеши". Аз же пришел, и сотвори по глаголу святаго, и приложился ко гробу его, и здравъ бысть рукою моею молитвами святаго Артемия».

Чюдо 25. В та же времена бысть нѣкая жена именем Акилина, Еремѣя Ушакова жена. Бѣ в недузѣ, не владѣя ничемъ в разслаблении. И помолися святому Артемию с вѣрою, и явися ей святый Артемий и дарова ей здравие. Она же, радуяся, хваля Бога и святаго праведнаго Артемия.

Чюдо 26. Во времена же та бысть нѣкий человекъ именем Алексѣй Павлов сынъ, рекомый Шестаков, кевролецъ. Лежа в недузѣ в щипотѣ* четыре недели. Имея у себя сына именем Антония, от нечистаго духа лежа без ума и без памяти месецъ шесть. И врачевъ призываше и ничтоже успѣша.* И воспомянуша чюдеса святаго Артемия, и начат молитися с вѣрою, и обѣты положивше молебная пѣти. И быша здравы, благодарение воздая Богу и угоднику его святому Артемию.

Чюдо 27. Бѣ убо нѣкая жена именем Фотиния дщи Назарова, а жена Сергия рекомаго с Выи, очима не видя ничтоже. И с вѣрою помолися святому Артемию и бысть здрава очима. И радости исполнися, хвалу воздавъ праведному Артемию.

Чюдо 28. Ина жена именем Марина с Ваймуши, жена Елисѣя, рекомаго Матфеева, немогии[1] утробною болѣзнию два лѣта. И помолися с вѣрою Господу Богу и святому Артемию, и бысть здрава от того часа от болѣзни тоя, благодаря Бога и святаго Артемия.

Чюдо 29. Иное чюдо хощу повѣдати. В лѣто 7114-го (1606) бѣ человекъ Аверкий, рекомый Мамантов, живяше на Выи. Бысть же у него правая нога разслаблена, и не можаше ей двигнути. И помолися с вѣрою святому Артемию, и от того часа здравъ бысть ногою. И славя Бога и святаго Артемия с радостию.

Чюдо 30. И сие убо проповѣдано будет чюдо святаго. Бысть убо того же лѣта человекъ нѣкто именем Вавила Васильев, живяше в Шардонемы. Болен бе, очима не видя. И обет положи ко святому. И пришед, приложися ко гробу святаго, и отъиде восвояси, радуяся, здрав бысть.

---

[1] болела, изнемогала.

Чюдо 31. И сие убо не покрыется молчанием чюдо святаго. В лѣто 7115-*го* (1607) нѣкий человекъ двинянинъ Еуфимий, глаголемый Игнатьев, имѣя же у собя сына именем Исайю. Сему же беснующуся от нечистаго духа. И явися племнику[1] его во снѣ святый Артемий и рече: «Ведита его въ Верколу ко гробу святаго Артемия». И возбнувъ от сна, и вземше, ведоша его в Верколу. И пѣвше молебная, и приложиша ко гробу святаго Артемия. И отъиде от него бѣсъ, и бысть здрав человекъ той. И отъиде восвояси, радуяся и благодаря Бога и святаго Артемия.

Чюдо 32. В та же времена жена нѣкая именем Евдокия Малахиева дщи, вдова с Вѣегоры, не владѣя бѣ ногама своима, от злых человекъ испорчена. А иная жена именем Дария, Федотова дщи, а Филипова жена, бѣ в недузѣ утробною болѣзнию одержима. И иная жена именем Екатерина, Михайлова дщи, Савельева жена, с Выи, в великой болѣзни не владѣя собою. И они помолишася святому Артемию с вѣрою, и быша здравы от болѣзней сихъ, и славяще Бога и святаго Артемия.

Чюдо 33. В то же лѣто бысть нѣкто человекъ именем Макария Гаврилов, живый в Нижной Шетогорки, лежаше болѣзнию одержимъ. И помолися святымъ чюдотворцем Николѣ и Артемию, и здравъ бысть человекъ той молитвами святых Николы и Артемия. Прииде в Верколу и молебная отпѣвъ, отъиде, радуяся.

Чюдо 34. Во время же то бѣ жена именем Татияна, вдова с Выи, бысть болна велми хребтомъ и ногама, не можаше ходити. И помолися святому Артемию с вѣрою и молением от святаго исцѣление получи. Она же благодарения пѣния воздав святому Артемию и отъиде, радуяся.

Чюдо 35. Бысть человекъ в та же лѣта именем Герасим Игнатиев с Перемского. Прииде в Верколу, повѣда: «Бывшу мнѣ на мори, и небрежением шеймою* руку вредилъ, и не можаше рукою своею ни двигнути на много время. И помолися с вѣрою святому Артемию и здравъ бысть рукою». Мы же слышавше сие чюдо и писанию предаше.

Чюдо 36. Бысть нѣкто человекъ Макария именем, рекомый Молчанов, и бѣ у него дщи, не видя очима своима. И моляшеся святому Артемию и тѣмъ молением от святаго исцѣление получи. И пришел, приложися ко гробу святаго, и бысть здрава очми, и отъиде, радуяся и славя Бога и святаго Артемия.

Чюдо 37. Ино чюдо повѣдано будет, бысть в то же время. Бѣ нѣкая жена именем Еуфимия, Верколской волости, одержима утробною болѣзнию. Ины жены именем Пелагия, а другая именем Марфа Еуфимиева дщи одержимы болѣзнию холодною еже дрожание.* И помолишася тѣ жены святому Артемию с вѣрою и здравие получиша от святаго. И жены же благодарение воздаше Богу и святому Артемию.

---

[1] родственнику.

Чюдо 38. Бысть убо нѣкий человекъ Калинникъ да Матрона Ивановы дѣти, рекомые Захаровы. У Калинника же бѣ болѣзнь утробная, а у дѣвицы болеша очи. А ина жена именем Улита очми же болна велми от бури. И моляшеся святымъ чюдотворцем Николѣ и Артемию Верколским и многим молением здравие получиша от святыхъ.

Чюдо 39. Бѣ нѣкая жена именем Дария, не можаше чад родити. И обѣт положи ко святому Артемию молитися, и от святаго исцѣление получаше.

Чюдо 40. В лѣто 7116-*го* (1608). Бысть нѣкая жена именем Анна Харлампиева дщи, рекомаго Ширяева, житие имѣяше в Черевковѣ, мужа, Соловья рекомаго. Бысть же она в недузѣ, не бысть у ней ума и памяти два лѣта. И обѣт положше святымъ Николѣ и Артемию в Верколу молебенъ пѣти. Бысть здрава во умѣ молитвами святых и хвалу воздавъ Богу и святымъ его.

Чюдо 41. Многа убо чюдеса бываема и исцѣления преславна святымъ и праведным Артемием. Их же множества ради нѣсть лзѣ вмѣстити, и в забвении ума невозможно есть по ряду писати. Мы же от многа нѣчто мало возвѣстимъ.

Бысть убо человецы, от многих странъ приходяще ко гробу святаго Артемия, одержимы очною болѣзнию и исцѣление получаху. Нѣкий человекъ именем Иванъ Евстафиев с Вашки, глаголемо с Кривого, очима боленъ девять лѣт. Другий человекъ именем Максимъ с Выи очми боленъ два лѣта. Инъ отрокъ именем Василий Лукоянов ис Кевролы не видѣ очима шесть лѣт. Инъ человекъ именем Максимъ Матфеевъ с Пукшенги бѣ очима боленъ шесть недель. Инъ человекъ именем Тимофей Семенов с Мезени очима боленъ месецъ. И жена нѣкая именем Феврония Сидорова, вдова, болѣзнию очною одержима три лѣта. Ина жена именемъ Ирина Кирилова дщи, мужа именем Семена Ситкова, с Мезени очима болна пять недель. И девица нѣкая именем Евдокия дщи Яковлева ис Кушкопалы в болѣзни очной не видѣ осмь дней. Ина девица Мария дщи Иванова ис Чаколы очною болѣзнию одержима лѣто и месяцъ шесть.

Сия же вси мужи, и жены, и дѣвицы моляшеся святому Артемию чюдотворцу, и обѣты своя полагаше ко святому молебная пѣти и ко гробу его молитися, и исцѣлеваше очною болѣзнию, здравы бываху. Слепии прозрѣние приимаху и славя Христа Бога и угодника его святаго Артемия, творящаго таковая чюдеса, приходя ко гробу его, обѣты своя исполняюще.

Чюдо 42. Бѣ нѣкто человекъ именем Алимпей Дмитриев, верхотоемецъ, и рукодѣлие сребряное имѣя. И случися ему в болѣзнь пасти, ногама своима не можаше ходити шесть недель. И помолися с вѣрою святому Артемию. И бысть здрав человекъ той, благодаря Бога и святаго Артемия.

Чюдо 43. Дѣвица нѣкая бѣ именем Домникия дщи Иосифова с Малой Пинешки болна зѣло, рукою своею не владѣя четыре лѣта. И моляшеся Господу Богу и святому Артемию на много время. И молением здравие получи от святаго Артемия чюдотворца.

Чюдо 44. Человекъ нѣкий именем Иосифъ, рекомый Максимов, с Выи болѣзнию утробною одержимъ три лѣта. И помолися с вѣрою святому Артемию чюдотворцу Веркольскому, и бысть здравъ от болѣзни тоя, и хваля Бога и святаго Артемия.

Чюдо 45. Инъ человекъ бысть именем Емельянъ Гуриев з Двины, нѣкоей веси, рекомое Ступино, лежаше, болѣзнию одержимъ велми. И помолися святому Артемию и востав здравъ человекъ той, хожаше, радуяся и славя Бога и святаго Артемия.

Чюдо 46. В лѣто 7118-*го* (1609) месяца декабря въ 6 день, на память иже во святых отца нашего Николы Миръ Ликийских чюдотворца, собрашася народи мнози, и приимше с вѣрою и молением мощи святаго праведнаго Артемия, пренесоша от предѣла во церковь святаго Николы, и положиша честно во церкви.

В то же время человекъ нѣкий именем Иванъ, рекомый Ростегай, тое же Верколские веси очима боленъ, не видя ничтоже два лѣта и шесть месецъ. И прииде во церковь, помолися святому чюдотворцу Николѣ и приложися ко гробу с вѣрою праведнаго Артемия. И абие прозрѣ и бысть здравъ человекъ той, отъиде, радуяся и славя Бога и святых чюдотворцев Николу и Артемия.

Чюдо 47. Божия убо благодѣяния воспоминати достойно намъ, творимая святымъ и праведным Артемием. Егда же напасти и болѣзни на насъ бывают, мы же убо тогда Бога молим, и призываем святых его на помощь, и обѣты воскладаем на ся. Егда же исцѣление и помошь получимъ, тогда же забываем и обѣты, и моления своя исполняти, и паки в тяжкия напасти впадаем. Якоже повѣствуем сие бывшее чюдо, сотворшеся святымъ и праведным Артемием, той бо язык нашъ влечет к похвалению.

Бысть человекъ нѣкто именем Патрикей Игнатьев Устюжскаго уѣзда, веси, рекомыя Кивокурския. Бѣ же одержимъ велми болѣзнию из дѣтска, грыжею. И слышав человекъ той чюдеса святаго Артемия. В лѣто 7110-*го* (1602) человекъ той помолися с вѣрою святому Артемию и обѣт положи итти ко святому и приложитися ко гробу его. И услыша святый моление его и здравие ему дарова. Человекъ же той пребыв много время и в забытие положи обѣт свой, еже обѣща ко святому. И во 118-*м* (1610) лѣте о Рождествѣ Иоанна Предтечи* нападе на человека того та же болѣзнь грыжа велми тяжко болии перваго. Человекъ же той начат молитися ко святому Артемию и воспоминати обѣты своя, еже обѣща ко святому: «О святче Божий, помози ми, избави мя от болѣзни сея, уже бо ти нынѣ не солжу, еже обѣща к тебѣ, исполню обѣт свой». Услышав же святый Артемий моление его и избави его от болѣзни тоя. И бысть здравъ человекъ той и мало по малу живяше, во благоденствии пребывая. И паки забывъ обѣт свой, еже обѣща ко святому Артемию, и пребывъ много время без печали. Бысть же убо во 121-*м* (1612) лѣте о Покрове Святѣй Богородицы, нападе на очи человека того темень, и не видеѣв ничтоже пред собою человекъ той. И воспомянувъ обѣт

свой, еже обѣща ко святому Артемию, со слезами и возопи горцѣ: «О святче Божий, великий Артемий! Согрѣших пред тобою азъ окаянный, прости мя, отдай же ми грѣх, еже обѣщася к тебѣ и не исправих обѣта своего лѣности ради, нынѣ же за то стражду. Избави мя, святче Божий, от напасти сия и даждь ми прозрѣние очию моею, уже бо никакоже не солжу, еже обѣщах». Скорый же на помощь святый Артемие услышах моление и слезы человека того и дарова ему исцѣление. И бысть здравъ человекъ той. И с радостию прииде в Верколу ко святому Артемию месяца марта в 20 день, и молебная совершив, и облобызав честно гробъ святаго с вѣрою и со слезами многими, и исповѣда сие преславное чюдо и свое неверствие. И отъиде в домъ свой, радуяся и благодаря Бога и святаго угодника его чюдотворца Артемия.

Чюдо 48. В лѣто 7125-*го* (1617) нѣкто бысть человекъ, емуже имя Сава, сынъ бе Карпов, Кевролского стану веси, рекомыя Лохоцкие, ногою боля велми три лѣта и не можаше владѣти ею. И помолися с вѣрою святому Артемию и здрав бысть, хваля Бога и святаго Артемия.

Чюдо 49. Иныя человецы быша одержими очною болѣзнию. Человекъ бѣ именем Сергий, рекомый Щербининъ, из Лавелы очима не видя полтретья лѣта[1]. Инъ человекъ именем Иванъ Евстафиев с Вашки очми боляше девять лѣт. Инъ человекъ именем Исакие Григорьевъ с Выи, бѣ же ему боляше очи два лѣта. Инъ человекъ именем Емельянъ Гуриев з Двины, со Ступина, очима болен бѣ месяцъ. И жена нѣкая именем Феврония дщи Гаврилова с Пукшенги не видя очима ничтоже шесть лѣт. И сии молящеся с вѣрою святому Артемию, приходяще ко гробу святаго и исцѣление и прозрѣние получаху, отхожаху благодарение воздая Богу и святому Артемию с радостию.

Чюдо 50. Бысть нѣкто человекъ именем Иосифъ, рекомый Шипунов, с Подвинья, з Борку. Бѣ же у него болѣзнь на руцѣ, и не можаше ею двигнути. И помолися святому Артемию, и абие здравъ бысть, и славя Бога и святаго Артемия чюдотворца.

Чюдо 51. Нѣкто человекъ, емуже имя Емельянъ, с Суры, веси, рекомые Явзорские, прииде в Верколу и повѣда: «Бывшу ми в разслаблении, лежа седмь месяцъ, и помолися святому Артемию с вѣрою, и бысть здрав». Прииде сѣмо[2], и отпѣвъ молебенъ, и отъиде, радуяся, восвояси.

Чюдо 52. Инъ человекъ бысть нѣкто именем Филимонъ, рекомый Худяков, рожение имѣя в Ракулѣ на Двинѣ, а живяше в Кевролѣ. И бѣ у него недугъ, на лицѣ язвы опухше с кровию, и неможаше велми. И моляся с вѣрою святому Артемию. Святыи же избави его от болѣзни тоя, и бысть лице его, якоже и преже. И хвалу воздавъ Богу и святому Артемию.

Чюдо 53. В лѣто 7120-*го* (1612) бѣ нѣкая жена именем Александра, мужа имѣя Матфея, рекомаго Фролова, тоеже веси Веркольския. Лучися ей

[1] два с половиной года; [2] сюда.

быти от диявола лукаваго мучимой, и не бѣ у нее ума, хотя удти на лѣс. И блюдяше я велми. Она же начат много глаголати неподобная. И вязаше ю, и приведоша ея во церковь святаго Николы, и пѣвше молебная. И приведоша ю ко гробу святаго Артемия, и приложиша к мощемъ святаго. И отбѣжа от нея лукавый врагъ диявол, и бысть здрава жена и благодарение воздая Богу и угоднику его святому Артемию, творящему таковая дивная чюдеса.

НОВЫЕ ЧЮДЕСА СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО АРТЕМИЯ ВЕРКОЛСКАГО ЧЮДОТВОРЦА

Но и сие убо проповѣдано будет чюдо святаго Артемия. В лѣто 7143-го (1635) марта въ 23 день по Указу великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Русии ѣхал в Кевролу и на Мезень нѣкий воевода именем Афонасий, зовомый Пашков,* и бывъ онъ в Верколской волости и поѣхал. А у святаго праведнаго Артемия чюдотворца, у раки мощей его не был и молебного благодарѣния не пѣль. И егда онъ приѣхал в Кевролу, и не по мнозѣ времени нападе на сына его, отрока именем Еремѣя, велика и тяжка болѣзнь, еже речется трясавица. И духовному отцу священнику исповѣдался, и потом не бысть у него гласа ни послушания[1], уже ему близ смерти бывшу. И воспомянув онъ Афонасий то, что проъехал святаго чюдотворца Артемия, и у мощей раки его не был, и молебнаго пѣния не сотворил. И обѣщался ему, святому праведному Артемию, ѣхать помолитися. И повѣдает сыну своему Еремѣю по обѣщанию к чюдотворцу Артемию путь свой. Сынъ же его Еремий абие восталъ о себѣ и, держася за оконцо, учал отца своего Афонасия спрашивати, коим путемъ к чюдотворцу Артемию ѣхати. Отецъ же его в радости дивяся, видя таково преславное чюдо, что сыну его внезапу облегчало, от такова великаго труда и болѣзни о себѣ восталъ и спрашивает у него пути к чюдотворцу Артемию. Онъ же Афонасий величия Божия проповѣдаше и святаго праведнаго чюдотворца Артемия призывая со слезами на помощь. И потом повелѣвает сына своего Еремѣя нести к судну. Сынъ же его бысть весел и устнама своима осклаблятися. Отецъ же его Афонасий сугубо обѣщатися нача, видя сына своего весела и склабящася и яко никогдаже его такова в той скорби и в тяжцѣй болѣзни видѣ.

И месяца майя поиде Афанасей и с сыном своимъ к святому чюдотворцу Артемию. И егда они будут в веси Верколѣ, в церкви святаго Николы чюдотворца, гдѣ лежат чюдотворныя мощи святаго Артемия, и послѣ утренняго славословия сотвориша молебное пѣние. И егда на молебнѣ нача священник чести Евангелие, и той сынъ его Еремѣй учал быть безгласенъ, яко мертвъ. И по молебном пѣнии приложиша его к святому Евангелию и святаго чюдотворца Артемия, ко

[1] он ничего не мог говорить и не слышал.

образу его и к покрову раки мощей его. И взяша береста от раки его, в котором бересте обретены мощи чюдотворца Артемия, и даша сыну его, и повелѣша ему у себе носити на гойтяне. И совершено здравъ бысть сынъ его от тоя болѣзни молитвами святаго Артемия, и благодарение воздая Господу Богу и угоднику его святому чюдотворцу Артемию. И поиде в путь свой по цареву велѣнию в Кевролу, радуяся, и с нимъ вкупѣ сынъ его, яко николиже болѣ.

Видѣв же Афонасий безчисленое Божие человеколюбие, и милость, и преславная чюдеса, бывающая от мощей святаго праведнаго и богоблаженнаго чюдотворца Артемия, к симже наипаче и с сыном своимъ вѣру з доброжеланием показаше. И приложиша к прежнему своему обѣщанию, в той Верколские веси создаша церковь Божию прекрасну во имя святаго великомученика Артемия и обѣщанию святому праведному Артемию Верколскому чюдотворцу на томъ мѣсте, идѣже обретены быша честныя и чюдотворныя его мощи, и окрестъ церкви ограду и врата учиниша, еже есть и донынѣ.

О ПОГОРѢНИИ МИРСКИХЪ ХРАМОВЪ

В лѣто 7147-*го* (1639) месяца июня въ 24 день бысть попущением Божиимъ, грѣх ради наших, в Верколской волости згорѣша два храма. Единъ храмъ святаго великомученика и страстотерпца Христова Георгия,* а другий храмъ святаго Николы чюдотворца. И мощи святаго праведнаго Артемия Верколскаго чюдотворца поплѣли[1]. Священникъ же тоя Верколския веси именем Лаврентей и християне скорбяще зѣло, и сѣтующе, и плачюще о нашествии внезапу таковаго ужаснаго труса. Над мощми же святаго праведнаго Артемия чюдотворца сотвориша часовню и новою ракою и покровом покрывают. И сия убо тако.

Чюдо 1. И того же месяца июня въ 30 день человекъ нѣкий именем Харитонъ Иванов сынъ, кевролецъ, повѣда намъ сице. Бысть онъ одержимъ утробною болѣзнию нѣколико время, и уже к смерти ему приближающуся. Прииде же ему во умъ, и начат молитися святому праведному Артемию Верколскому чюдотворцу. И тѣмъ молением от святаго получи облегчение. И пришед в Верколу, и отпѣвъ молебная, и приложися ко гробу блаженнаго Артемия, и бысть совершенно здравъ от тоя болѣзни. И отъиде восвояси, радуяся и славя Бога и его угодника святаго Артемия.

Чюдо 2. Месяца августа въ 25 день нѣкто человекъ именем Семенъ, зовомый Молчанов, с Малой Пинешки прииде в Верколу, повѣда. Бысть онъ в недузѣ, не имѣя у себе ума цѣла месяцъ пять. И обѣт положи ко святымъ чюдотворцем Николѣ и Артемию в Верколу молебенъ пѣть. И бысть здравъ во умѣ молитвами святых, и хвалу воздавъ Богу и святымъ его.

---

[1] обгорели.

Чюдо 3. Той же прежереченный человекъ Семенъ с товарыщи своими в то же время, егда пловяху они от Верколы в Кевролу по рекѣ Пинеги в дву лотках с рожью. И в нощное время внезапу нанесло их на езъ,* и абие начаша утопати. Они же помолишася с вѣрою Господу Богу и святому чюдотворцу Артемию и молитвами святаго в той часъ избавишася от потопления того. Мы же слышавше сие чюдо и писанию предавше.

Чюдо 4. В лѣто 7148-го (1639) месяца октября въ 5 день повѣда намъ человекъ нѣкто именем Козма Иванов сынъ с Малой Пинежки. Бѣ одержимъ трясавицею месяцъ шесть, и помолися Господу Богу и святому Артемию с вѣрою велиею, и молением здравие получи от святаго Артемия чюдотворца.

Чюдо 5. Бысть нѣкая жена именем Мария, бѣ в недузѣ одержима чревною болѣзнию месяца три. И помолися с вѣрою святому Артемию чюдотворцу Верколскому. И абие здрава бысть от тоя болѣзни и благодаря Бога и святаго праведнаго Артемия.

Чюдо 6. Месяца ноября въ 16 день человекъ нѣкий именем Киръ Иосифов сынъ повѣда. Бысть онъ огневою болѣзнию одержим велми. И помолися с вѣрою Господу Богу и святому Артемию чюдотворцу. И молитвами святаго от тоя болѣзни здравъ бысть и хваля Бога и святаго Артемия.

Чюдо 7. Инъ человекъ именем Семенъ, прозванием же Козаринов с Карповы Горы прииде же в Верколу месяца декабря въ 10 день, повѣда сице. Во 147-м (1639) году послѣ Ильина дни* осенью идущим имъ со иными людми, с подруги своими из Монгазѣи* на суднѣ морем. Бысть же в мори от бури вѣтреныя велие волнение. Они же о напраснѣй бѣдѣ ужасшеся отчаянно. Много же тружающимся имъ на мори, и другъ со другом прощалися, яко уже и погрязнути хотящим. Прииде же имъ во умъ, и начаша молитися Господу Богу и святаго праведнаго Артемия Верколскаго чюдотворца со слезами на помощь призывати. И обѣщашася молебная совершити и милостыню подати по силѣ своей. И Божиим изволением, молитвъ ради святаго Артемия, в той час преста в мори буря. И лютыя тоя бѣды и от потопныя смерти избавишася, и море преидоша здраво. И благодарение воздающе Всемилостивому Господу Богу и его угоднику святому чюдотворцу Артемию.

Чюдо 8. Человекъ же бѣ некий именем Иванъ, веси, нарицаемые Сурские, повѣда намъ. Грѣх ради его огнемъ ожеглъ руку свою болно. И помолися Господу Богу и угоднику его святому Артемию. И абие от тоя болѣзни здравъ бысть, благодаривъ Бога и святаго Артемия.

Чюдо 9. Инъ человекъ бѣ именем Андрей Федосѣев сьнъ с Кучкаса. Бѣ одержимъ огневою болѣзнию многое время. И помолися с вѣрою святому чюдотворцу Артемию. Святый же Артемий избавляет человека того от болѣзни тоя. Человекъ же той благодарение воздавъ Богу и святому Артемию.

Чюдо 10. В то же время жена нѣкая именем Евдокия Пинежского волока, веси, нарицаемые Валдокурские. Бысть же она болна велми утробною бо-

лѣзнию лѣта три. И врачев призываше, и никоеяже пользы обрѣтши, но паче в горшее пришедши. И уже ей близ смерти сущи, и воспомянуша ей чюдеса святаго Артемия Верколскаго чюдотворца. Она же начат молитися с вѣрою святому Артемию и обѣт положи молебная совершити. И повелѣ своимъ ея довести себе тамо. Егда же приведоша ея в Верколу, и молебная совершивше, и приложиша ко гробу блаженнаго Артемия. И в той часъ та жена здрава бысть от тоя болѣзни Божиею благодатию и молитвами святаго, дивнаго в чюдесѣх, Артемия.

Чюдо 11. В та же времена человекъ нѣкий именем Ларионъ Иванов сынъ, кевролецъ, бысть одержимъ в великой болѣзни, не владѣя собою многое время. И жена нѣкая именем Анастасия ис Кевролы, у неяже болѣша уши. А иная жена именем Парасковия из Шардонемы бѣ в недузѣ, не владѣя ничемъ, в разслаблении лежа многое время. И сии моляшеся с вѣрою святому Артемию и быша здравы от болѣзней своих. И приходят ко гробу его, обѣты своя исполняюще, и благодарение воздая Христу Богу и святому Артемию, отхожаше с радостию.

Чюдо 12. Того же лѣта генваря въ 22 день приѣзжалъ в Верколу нѣкоего воеводы именем Стефана, зовомаго Чирикова,* человекъ его именем Никита Чадуевъ, а с нимъ нѣкая девица именем Парасковия, Азова города полонянка новокрещеная. Бысть же она болна велми черною болѣзнию* нѣкое время. И повелѣ молебная совершити, и моляшеся та девица святому Артемию с вѣрою. И приложися ко гробу его, и ту абие здрава бысть от тоя болѣзни, и отъиде, радуяся и благодаря Бога и святаго Артемия чюдотворца.

Чюдо 13. В то же время бѣ нѣкая жена именем Мамелфа дщи Кондратьева немогии утробною болѣзнию многое время. И помолися с вѣрою Господу Богу и святому Артемию. И бысть жена та здрава от того часа от болѣзни тоя, благодаря Бога и святаго Артемия.

Чюдо 14. Месяца марта въ 2 день повѣда намъ человекъ нѣкто именем Архипъ, рекомый Хрыпунов, кевролецъ. Бѣ дщи его именем Ксения, младенецъ пяти лѣт, бысть болна велми, не видѣ очима ничтоже неколико время. И ко врачем ходяше и ничтоже успѣша. Прииде же в Верколу той человекъ, и помолися с вѣрою святому Артемию о своемъ младенце, и молебная совершивъ, и приложися ко гробу святаго. И бысть дщи его здрава очима от того часа. И отъиде в дом свой, радуяся и славя Бога и святаго Артемия.

Чюдо 15. Инъ человекъ нѣкто именем Карпъ, Сурские веси, прилучи же ся ему болѣзнь велика зѣло, яко внутренним его терзатися лютѣ, и бѣ тѣло его отягче. Бывшу же ему в томъ недузѣ многое время и ожидающу смерти. Мати же его моляшеся с вѣрою святому Артемию Верколскому чюдотворцу и обѣт положи ко святому молебная сотворити. И в той часъ проглагола сынъ ея, аки от сна воспрянувъ, облегчися болѣзнь его, и бысть здравъ, яко николиже болѣ. Прииде же в Верколу человекъ той, и молебная совершив, славя Христа Бога и угодника его святаго Артемия, и отъиде восвояси, радуяся.

Чюдо 16. В та же времена бѣ нѣкая жена именем Анна, Кирилова жена, ис Чаколы, имѣя у себе младенца, болѣзнию огневою велми одержима, яко уже младенцу скончатися хотящу. И помолися жена та с вѣрою святому Артемию о своемъ младенце. Святый же Артемий избавляет младенца от тоя болѣзни. Жена же благодарение воздав Богу и святому Артемию.

Чюдо 17. Ина жена именем Евдокия дщи Якимова с Ваймуши, бысть же она в недузѣ, опухло бяше лице ея, и не видѣ очми ничтоже, и не владѣя собою. И начат молитися Господу Богу и святому Артемию чюдотворцу. Егда же прииде в Верколу, и по совершении молебнаго пѣния приложися ко гробу святаго праведнаго Артемия. И бысть та жена здрава от болѣзни своея, славя Бога и святаго Артемия, и отъиде восвояси, радуяся.

Чюдо 18. Человекъ бѣ нѣкий именем Дионисий ис Чаколы, у негоже болѣша очи, и не видѣ ничтоже недель десять. И слышав велия чюдеса, творимая святымъ Артемиемъ, и притече ко святому, и помолися с вѣрою. И здравъ бысть человекъ той молитвами святаго Артемия и благодарение воздая Богу и угоднику его святому Артемию, творящему таковая дивная и преславная чюдеса.

ПРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТАГО ПРАВЕДНАГО АРТЕМИЯ ВЕРКОЛСКАГО ЧЮДОТВОРЦА ИС ЧАСОВНИ В НОВОПОСТРОЕНУЮ ЦЕРКОВЬ, ИДѢЖЕ УЧИНЕНЪ МОНАСТЫРЬ

Лѣта седмь тысящь сто пятьдесятъ шестаго (1648) месяца марта въ 3 день въ государевѣ царевѣ и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русии грамотѣ из Болшаго дворца за приписию дьяка Давыда Дерябина* писано в Кевролу к воеводѣ Григорью Михайловичю Аничкову.* А велѣно в Верколской волости святаго праведнаго чюдотворца Артемия мощи собрати в раку и положити по-прежнему. А ис часовни пренести въ церковь святаго великомученика Артемия, гдѣ монастырь построенъ. И во 157-м (1648) году месяца ноября в 17 день той же воевода Григорий поѣзжает ис Кевролы в Верколу и повелѣвает с собою ѣхати церковным служителем, священником патриарши десятины, поповскому старостѣ Никольскому священнику Якиму, да Кевролского стану Воскресенскому священнику Марку, и диякону Доментияну, да Карпогорские волости Воскресенскому священнику Дмитрию. И приѣхали в Верколскую волость и тое же волости черной священникъ Иона да бѣлой священникъ Софоний. Священницы же въ церкви Божий сорнѣ молебное пѣние сотворяют славимому в Троицы Господу Богу нашему Исусу Христу, и Пречистѣй его Богоматери, и святителю Христову великому чюдотворцу Николѣ, и святому великомученику Артемию, и святому праведному Артемию, новому чюдотворцу, вкупѣ же и освящение водѣ сотворяют. И по совершении молебного пѣния приходят священницы в часовню

и ту у честныя раки святаго чюдотворца Артемия доволно молитвуют. И открывают раку, и священною водою окропляют, и честныя и чюдотворныя его мощи со благоговѣинством собирают, и полагают в новую раку, и покровом покрывают. И приимше раку с вѣрою, и молением, и с пѣсньми духовными и пренесоша ис часовни в церковь святаго великомученика Артемия в новую ограду, гдѣ монастырь построенъ. И положиша честно в церкви одесную страну в десятое лѣто по згорѣнии оные церкви. И тако кождо разыдошася в домы своя, славяще и благодаряще Христа Бога и угодника его святаго праведнаго Артемия Верколскаго чюдотворца.

Чюдо 19. Многа убо чюдеса бываше и исцѣления преславна святымъ и праведным Артемием и по пренесении мощей, ихже множества ради нѣсть лзѣ писати и в забытии ума невозможно вмѣстити. Мы же от многа нѣчто мало возвѣстимъ. Бысть убо нѣкогда приѣхал з Двины из Сетренского монастыря* в Верколу старецъ Игнатей, а сказалъ: лежалъ, де, онъ в монастырѣ в тяжкой болѣзни четыре недели, и языка у него не было, говорити не моглъ. И прииде к нему в видѣнии святый праведный чюдотворецъ Артемий и рукою своею погладил его лежащаго по головѣ. И у него, де, в то время языкъ объявился, и нача глаголати онъ старецъ. И призвал отца духовнаго, и исповѣдался, и вскорѣ бывъ здрав. И приѣхав доздѣ помолитися святому праведному Артемию Верколскому чюдотворцу. И отпѣвъ молебная, поѣхав в Сетренской монастырь, хваля Бога и святаго чюдотворца Артемия.

Чюдо 20. Человекъ нѣкий именем Афонасий с Вятки, из града Хлынова, прииде в Верколу и повѣда. Бывшу ему в Мунгазѣи нужды ради нѣкия. И одержимь бысть болѣзнию велми тяжко два лѣта, и в то же время и очима не видѣ ничтоже. И повѣдаша ему людие о чюдесѣх святаго Артемия. И человекъ той начат молитися святому Артемию со слезами, и обѣт положи молебная совершити и приложитися ко гробу его. И в той часъ человекъ здравъ бысть от тоя болѣзни и очима прозрѣ. И по своему обѣщанию молебная совершивъ, и к рацѣ мощей святаго приложися с вѣрою и со слезами многими, и отъиде восвояси, радуяся и славя Бога и святаго Артемия.

Чюдо 21. О явлении святаго. Ниже убо и сие праведно умолчати, и явление святаго бес писания быти, понеже убо, слышавше неложныя глаголы от истинных свидѣтелей, достойно писанию предати. Бысть убо в томъ Верколском монастырѣ священноинокъ именем Иона, иже бысть первый священник и житель в монастырѣ томъ, повѣдаше сице, глаголя. Егда бысть построенъ Верколский монастырь и церковь, и приказано строителем быть именем Иродиону, иже по пострижении бысть Рафаил.* И ту пребыша они вкупѣ немалое время едини. И возненавидѣша их Верколские веси жителие, и начаша их из монастыря высылати, и от церкви отказывати. Тогда мощи святаго Артемия быша у мирской церкви послѣ пожару в часовнѣ. И онѣ, прежде помянутые строитель и священникъ, быша в велицей скорби, и в сѣтовании дни своя провождаше, видя к

себѣ множество свѣрепых людей, на изгнание устремишася, и со слезами Богу моляшеся, и на помощь призываше чюдотворца Артемия. И во 155-м (1647) году нѣкогда случися имъ уснути в нощь в тонцѣ снѣ, онъ священникъ в кѣлии, а строитель пред кѣлиею в чюланце. И абие в нощи слышит онъ священникъ пред кельею дву человеков глаголющих. И очютися, и бысть, яко вьявѣ слыша. И помысли во умѣ своем одному по гласу бысть строителю, а другому гласу тонку сущу, аки младенческу. И положи во умѣ своемь бысть сыну своему[1], пришедшу из Верколские веси, Герасиму именем, тогда ему не в возрастѣ бывшу. А что они глаголют, того ему знать невозможно. И о том на многъ часъ бывшу ему в размышлении. Многажды сий глас слышаше и помышляше, како и чего дѣля[2] сынъ его в ноще прииде к строителю, а к нему в кѣлию не вниде. И егда приспѣ утро, и онѣ воставше, и строитель вниде в келию. И нача онъ священникъ вопрошати его, глаголя: «Чесо ради сынъ мой в нощи сей к тебѣ приходил, и что с нимъ глаголали, и како в кѣлию не вниде?» Он же молчаше, и бысть слезенъ, и едва во слезах проглагола: «Сына, де, твоего не видѣх и ничего с ним не глаголах». Но той священникъ паки нача вопрошати неотложно с потвержением. И абие повѣда ему бывшее видѣние свое, глаголя сицѣ: «Бысть нѣкто от чесных людей со многими людми, приѣхав к намъ в монастырь, и в то время бывшу ми в часовнѣ у чюдотворныя раки святаго Артемия. И нѣкия люди начаша с чюдотворныя раки покровы сымати, и мнѣ того не хотѣвшу, и покровов сымать не велѣлъ. И в то время внезапу предста святый праведный Артемий, и близ мене сѣде, и глагола ми: „Сии покровы сымают того ради, на столы слать вмѣсто скатертей, и о семъ не крамолися". И сие от него слышах, и с нимъ аки во снѣ глаголах. И абие очютися, и вскорѣ от сна востав, и походив, и паки ко сну вдашеся, понеже тягостно ми бысть. И абие второе явися ми святый, аки явѣ седя близ мене и глагола ми о том же милостиво. Аз же к нему отвѣщеваше. И почити ему ту хотѣвшу со мною до утра. И паки очютився, и бысть, ако явѣ. И о семъ велми ужасшуся и от того ужаса и радости весь слезенъ бых. И от сна востав и пребывъ до утра тако, якоже ми видиши». И священникъ такоже повѣдаше ему, еже слыша речение их, и о семъ видении бывшу имъ в великом размышлении.

Людие же зѣло на изгнание устрѣмишася и неподобная глаголяще. Нам же к нимъ никако смѣющим отвѣщати и вопреки глаголати, но паки во слезах пребывающе, понеже приказано бысть ту словом бывшаго в Кевроле воеводою Афонасья Пашкова, а указу никакова намъ не дано. И о семъ Богу моляшеся, и милости ожидающе, и сие видѣние во умѣ и на сердце своемъ держаще. И пребыша в том монастырѣ едини полгодищное время. И по семъ прииде с Москвы кевролецъ Семенъ, зовомый Роднинъ, и принесе к намь писание от Афонасья Пашкова о возвѣщении государского жалованья, что будет прислано

[1] и подумал он, что это его сын; [2] как и для чего

в монастырь.* И о томь повѣда, что есть послана государева грамота в Кевролу к воеводе, велѣно чюдотворныя мощи праведнаго Артемия собрать в раку по-прежнему и пренести ис часовни в церковь, идѣже построен монастырь. И о семъ зѣло возрадовашеся и по тое вѣдомости пренесение мощей учинишася вскорѣ. А по пренесении во второе лѣто прислано государева жалованья к чюдотворцу Артемию с крестовым дьяком Игнатьем Яковлевым и з десятию человеки опазчики[1]: Божия милосердия иконы на окладе, и книги, и колокола, и ризы, и сосуды служебные сребряные и иная церковная утварь. И о семъ паки велми возрадовашеся и воспоминавше явление и речение святаго, иже повѣдано бысть.

И начаша людие из окресных странъ и ближние жители приходити к чюдотворцу по-прежнему и по своему обѣщанию молебствовати многое множество, всякими недуги одержимыя. И молитвами святаго изцѣление получаху и вси здрави бываше. И сие видяще преждепомянутыи свирѣпии людие, и сами обратишася, и начаша к чюдотворцу приходити, якоже и прочий людие, и на изгнание нас не устремляхуся, но быша кротцы. А инии людие начаша приходити, и тружатися, и вклады чюдотворцу в казну дающе, и единожители учинишася. И с того времяни монастырь святаго праведнаго Артемия Верколского чюдотворца именовася и молитвами его распространяшеся.

Чюдо 22. В лѣта 7201-го (1692) в декабре месяце прииде в Верколу в монастырь святаго праведнаго Артемия кевролецъ из веси Шардонемы, юноша именем Евсей Семенов, зовомый Теплухинъ. И повѣда намъ сие. Бывшу ему в Пустоозерском остроге, и лучися быти ему в зимное время за Губой* на промыслу с товарыщем. И поиде онъ через Губу въ Пустоозерской острогъ для хлѣбных запасов. И в то время нападе туманъ, и с прямого пути совратисе и нача блудити, ходя по Губы в туманѣ. И в велицѣй печали блудиша три дни, и свѣту мало видя, и нача изнемогати зѣло, и падая, и лежа, и с великим трудомъ воставая, шествие творя безпамятно. И отчаявся живота своего, и чая себе от глада и мраза умрети. И прииде ему во умъ чюдеса святаго праведнаго Артемия, бываемая в людех. И нача со слезами молитися Богу, и на помощь призываше чюдотворца Артемия, дабы не погинуть ему безвѣстно. И обѣщание положи быти у чюдотворца в Верколѣ и молебенъ пѣти. И в то время внезапу тумана не бысть, и свѣт возсия, и земля обьявися, яко облакъ. И мѣсто позна, пойде к людем, радуяся, и не можаше ити, падаше. И увидѣша людие Волока Пѣнежского,* и доведоша его к себѣ, видяще зѣло изнемогша. И по времени начаша вопрошати его. Он же повѣдаше имъ все по ряду сие преславное чюдо, и вси прославиша Бога и святаго Артемия, избавльшаго от напрасныя смерти. И той человекъ обѣщание свое исполнив: молебная пѣвъ, и к мощемъ приложися, и отъиде в домъ, радуяся.

[1] сопровождающими.

Чюдо 23. Того же году в генваре месяцѣ приѣхав в Верколу с Колмогор Приказной полаты подьячей Федор Семенов сынъ, зовомый Блезнинъ. И повѣда намъ чюдо бывшее. Егда бысть онъ посланъ с Колмогор в Колу на хлѣбных лодьяхъ морем с товарыщи, и случися имъ от бури страх велий. И уже видѣша себѣ кончину, и срачицы свои премениша, и живота своего отчаяшася. И в тое скорби начаша Богу молитися все усерднѣ со слезами, и на помощь призываше святаго праведнаго Арьтемия, и молебны обѣщались служить в Верколѣ, и на свѣчи собрали. И в той часъ от потопления свободишася, и внезапу сташе в тихом пристанищи, и быша в велицѣй радости, якоже неначаемая получиша. И буря утолися. И не по мнозе времени далъ Богъ вѣтръ пособный, и бес трудовъ преплывше морскую пучину в цѣлосте. И быша в Колѣ, и о семъ преславном чюдеси прославиша Бога и угодника его святаго Артемия. И той Феодор обѣщание исполнив: молебная совершивъ, и отъиде восвояси.

О ПОГОРЕНИИ ЦЕРКВИ В ОГРАДЫ

В лѣто 7203-го (1695) месяца апреля въ 8 день, на третей недели по Пасцѣ, в понедѣлникъ, с полудни паки прииде гнѣв Божий, грѣх ради наших, велма же убо наказующу насъ Богу за премногия грѣхи наша, яже бываема по вся дни от насъ. Бысть убо в той день во церквѣ служилъ молебны иеромонах Германъ* с Максимом Поясницыным, а пономарь былъ Насонъ Ставровъ. И по отпѣтии молебнов вскорѣ некакъ загореся в церкви от свѣщи или инымъ каким небрежением. И узрѣвшу в церкви уже пламени велику и окнами вонъ дышуще. И прибѣгше людие мнозии, и нудящеся всячески внити во церковь, и не возмогоша зѣльнаго ради огненнаго возгорѣния. И не могоша вынести Божия милосердия иконъ, и чюдотворныя раки, и иные церковные утвари. И что было прислано государева жалованья, *то* совсѣмъ згорѣша. И о семъ чернцы того монастыря, и бѣлцы, и веси тоя Верколския жители вси стекошася, видяще такое внезапное и ужасное великое пожарное разорение. И быша в велицѣй скорби, и сѣтующе, и плачюще вси, взираюше на церковное здание, и помышляюще, колико было много и премного за молитвъ святаго и праведнаго Артемия прислано государева жалованья церковные утвари, и то все кромѣ колоколов згорѣло. И тщашеся со усердием о другие церкви и прочего здания монастырского, дабы Господь сохранилъ. И вскорѣ та церковь обвалися и згорѣша вся, а иное здание молитвами святаго Богъ сохранил.

И видяще, в пожаре на церковном мѣсте, идѣже была чюдотворная рака, насыпалось земли с потолока великою кучею паче прочих мѣстъ. И о семь возвѣстиша преосвященному Афонасию архиепископу Холмогорскому и Важескому,* и по ево архиерейскому указу велѣно Кevролские Воскресеньские церкви десяцкому священнику Петру ѣхать в тот Верколской монастырь, и купно со

иеромонахи того монастыря ту сверху падшую землю велено розгресть до преждебывшей персти, которая была в ракѣ купно с мощми чюдотворца Артемия собрана по первом пожаре. И ту искать останков ево чюдотворцовых мощей или костей, и что сыщетца ево останков и персти, и то велено полагать на чистую доску, и пренести в другую церковь. И по молебнѣм славословии и водоосвящении покласть въ ящикъ, выкрашен краски, и поставить на столѣ, на южной сторонѣ, до ево архиерейского указу.

Июня въ 7 день по тому вышеписанному указу священник Петръ з дияконом и с ними вкупѣ кевролской воевода князь Семенъ зовомый Солнцов Засѣкин во многонародствѣ приѣхав в тот Верколской монастырь и учиниша всенощное бдѣние и литоргию. И внидоша с образы на то пожарное мѣсто, и розгребше сверху падшую землю. И волею Божиею останков чюдотворца Артемия, мощей ево, костей собрано многочисленное множество, и покладено со благоговѣнием против архиерейского указу чинно, и о том к нему преосвященному архиепископу писано. И по его благословению велѣно строить церковь нову во имя святаго великомученика Артемия. И помощию Всещедраго Бога и молитвами святаго праведнаго Артемия та церковь построена холодная и святыми иконами украшена. И останки чюдотворца Артемия, мощей его, ис теплой церкви пренесены в ракѣ священническими руками с подобающею честию в ту новопостроенную холодную церковь во всенародном великом собрании июля въ 14 день, в вечер, ко всенощному бдѣнию на освящение тоя церкви, и поставлена та чюдотворная рака по преждебывшему, на южной странѣ, во углу, подле южную олтарную дверь. И паки начаша людие мнозии приходити изо окресных весей и из далних странъ по своему обѣщанию к чюдотворцу Артемию и молебная совершающе, иже бывшия в недузѣх, и исцѣления получиша, ихже поряду множества ради невозможно исписати, яже видим и слышим всеусердное их моление к Богу со слезами, и припадающе к чюдотворной раки.

Чюдо 24. В то же время прииде в Верколу Сурские веси человекъ именем Зотикъ, зовомый Заборских, в самое пренесение мощей с пожару в теплую церковь. Служивъ молебен, и к мощем чюдотворца Артемия приложился, и повѣдал намъ. Бывъ онъ в походе к морю и доплыл до Кулогоры. И ту нападе на очи его темень, и ничтоже видя, и от товарыщев отсталъ. И в тое скорби и во слезах пребывъ три дни. И прииде во умъ ему чюдеса святаго Артемия, и нача человекъ той Бога молити со слезами, и на помощь призывати святаго Артемия, и обѣщание положи с того пути возвратитце, и в Верьколѣ чюдотворцу служить молебенъ. И в той часъ дарова Богь ему прозрѣние, и свѣт увидѣ, и бысть радъ. И прииде в Верколу, обѣщание свое исполни. Мы же слышавши сие, и вси вкупѣ прославиша Бога и угодника его святаго Артемия. Человекъ же той отъиде в дом свой, радуяся.

Чюдо 25. Июля въ 6 день бысть убо чюдо дивно и преславно, иже сотворшеся святымъ и праведным Артемием. Нѣкий человекъ именем Мартынъ

Емельянов, зовомый Ступин Покшенские веси прииде в Верколу з женою своею именем Наталия. Бѣ бо одержима очною болѣзнию многое время и не видѣ ничтоже. И приведе ея ради пострижения, уже в скорби тоя зѣлныя сама обѣщалася. И по вечеру от бѣлого священника Георгия повелѣ она себе вести в часовню, и пришед, нача молитися Господу Богу со слезами, и на помощь призываше святаго Артемия. И взявъ персти, помаза по вѣждома[1] своима, и пеленою потре очи свои, и повелѣ себе вести к Пинеги рѣки, и мывся водою с перстию. И в то время дарова Богъ молитвами святаго Артемия очима зрѣние, и увидѣ свѣт, и паки повелѣ себе вести к священнику. Никомуже повѣда, пребывъ до утра в радости. А заутра воставши, поиде с человекомъ в монастырь к чюдотворцу, и прииде, паки помолися с вѣрою о прозрѣнии своемъ. И по молении том поиде из монастыря сама, никимже водима. И прииде к священнику в домъ, и повѣда сие дивное и преславное чюдо, иже сотворшеся святымъ Артемием, и свое прозрѣние мужу своему, и всѣмъ объяви. И вси вкупѣ прославиша Бога и угодника его чюдотворца Артемия и поидоша в дом свой, радуяся.

Чюдо 26. В то же время бысть жена нѣкая именем Дария Марьегорския веси, прозванием Чюркиных, повѣда сице. Бѣ у них сынъ Борисъ осми лѣт да дщи Татияна, бысть в велице недузѣ и не могии ногами ходити и руками двигнути многое время. И о семь бывшу в велицѣй скорби, и видя их ту скорбь, и бысть в печали велицѣй. Богу моляшеся о здравии дѣтей своих, и обетъ положиша ити имъ в Верколу пѣшим и чюдотворцу Артемию служить молебен. И вскоре дарова Богъ молитвами святаго здравие, и начаша ходити. И приидоша в Верколу, обѣщание свое исполниша, и прославиша Бога и угодника его Артемия, и поидоша восвояси, радуяся.

Чюдо 27. В лѣта 7204-го (1696) февраля въ 14 день приѣхав в Верколу в монастырь кевролецъ, Киглохоцкой веси житель, Софронъ Никифоров, зовомый Вѣтреников, з женою своею и с сыном своим, малчиком. И повѣда дивное и преславное чюдо, яже сотворшеся нынѣ святымъ, и праведным, и богомудрым Артемием. Бывшу убо сыну его именем *Иван* в малых лѣтех, и сверсники своими игры дѣюще[2]. И не сказався, поидоша кататися з горы, рекомыя гледеня[3], и начаша прямо на ту гору попадати. И велми круто учинишася от снѣга перевал великой. И внезапу той снѣгъ зинуся[4] и под гору покатися, и сего дѣтища тѣмъ снѣгом засыпало, и не бысть ни гласа и ни послушания. И товарыщи ево, сверстницы, бывше в великом страсѣ, и побѣги в дом к отцу его, и повѣдаше ему со слезами. Он же, услышав сие, быв слезенъ и побѣже тамо с нимиже вскорѣ. А состояние до мѣста того близ полупоприща.* И прибѣгши, начаша искати, и видѣ ту велию громаду снѣгу окатившуся, начаша розгребати. И братия ево вскорѣ ту же приспѣвши, и трудившимся многое время, и ничтоже успѣша. И помышляю-

[1] ресницам; [2] играл со своими сверстниками; [3] ледяной; [4] сдвинулся, сорвался с места.

ще в себѣ, что бысть у него обѣщанно с симъ дѣтищем бысть в Верколѣ у чюдотворца Артемия, и в том замедлившу ему. И паки нача со слезами Бога молити и святаго Артемия на помощь призывати, дабы сыскать сына своего. И начаша по снѣгу ходити и шестами искати. И увѣдев под шестомъ, и розгребше, видѣвше мертва. И в то время приложи к слезамъ слезы и к воплю вопль. И положи обѣщание паки к чюдотворцу быть безо всякие мешкоты и молебная исправить, аще будет живъ сынъ его. И Божиею милостию и молитвами святаго Артемия в той часъ дѣтищь нача дрожати, и по дрожании возрѣ. И увидѣша онѣ, яко живъ есть, и зѣло возрадовашеся о преславном и неначаемом чюдеси, понеже бо вси видѣша его мертва, и внезапу оживе. И прославиша Бога и угодника его праведнаго Артемия. Тойже человекъ обѣщание свое исправи вскорѣ. Мы же слышавше сие и писанию предаша.

Чюдо 28. Иже и сие нѣсть умолчати. Бысть убо Кеврольские Воскресенские церкви священника Петра Игнатьева, жена его, именем Феврония одержима очною болѣзнию два месяца и не видѣ очима ничтоже. И много врачевания искаше, а ползы не обрѣте, но паче в горшее пришедши. И от тое зѣлныя скорби уже чая лишитися очнаго зрѣния. И бысть убо нѣкогда донесено к ней из Верколы бересца, иже сыскано по пожарѣ во срубце, идѣже обретены были исперва чюдотворца Артемия мощи. Она же вземши того бересца с вѣрою, и в самую нощь положи на уголие, и дымъ испусти, и сама надклонися. И помолися святому Артемию со усердием и со слезами, и успе[1]. И поутру восташе, и бысть у нея правое око здраво, потом же и лѣвое, и возрѣвше ясно. И от того здрава бысть, яко николиже болѣ. И возрадовашеся радостию великою и благодарение воздаша Господу Богу и угоднику его святому Артемию. Бывъ в Верколе, и молебная совершивъ, и намъ сие повѣда, и отъиде в дом свой, радуяся.

Чюдо 29. В та же времена приидоша в Верколу с Выи именем Стефанъ, рекомый Синаевых, з женою своею и с сыномъ и повѣда намъ чюдо святаго Артемия. Бысть убо онъ ногою боленъ 15 недель, и не могий ея двигнути, и скорчися. И от тое великие скорби молитвами святаго чюдотворца Артемия вскорѣ здрав бысть ногою. А жена его именем Наталия, а сынъ Евтихей, бысть они очми болны четыре седмицы и свѣту не видѣша. И той же Стефанъ, видѣв к себѣ милость, и получивъ исцѣление, такожде имъ чюдотворцу молитися повелѣ с вѣрою. Они же начаша молитися со слезами и обѣщание положиша быти к чюдотворцу в Верколу и молебная совершити. И в той часъ свѣт увидѣша, и здравы быша у них очи по-прежнему. И о семь зѣло возрадовашеся, и хвалу воздаше Господу Богу и угоднику его святому и праведному Артемию Верколскому чюдотворцу, и обѣщание свое исполниша вскорѣ.

---

[1] уснула.

Чюдо 30. Инъ человекъ тое же веси Выйские именем Андрей Осипов бысть одержимъ недугом огневым лютѣ зѣло, четыре седмицы не могий двигнутися и ничтоже вкушающе. И в тое скорби молися с вѣрою Господу Богу о здравии своемъ и святому праведному Артемию обѣщание положи быти в Верколѣ и молебная совершити. И тѣм молением здравие получи въскорѣ, и прииде в Верколу, и обѣщание свое исправи, и прослави Бога и святаго чюдотворца Артемия. И намъ чюдо сие повѣда и паки поиде восвояси, радуяся.

Чюдо 31. Двѣсти осмаго (1700) году марта въ 14 день приѣхавъ в Верколу в монастырь чюдотворца Артемия Выйской волости, веси, зовомые Хорнемы, крестьянин Илья Синаев, повѣда чюдо бывшее святаго Артемия чюдотворца. В прошлом въ 207-м (1699) году бысть очная болѣзнь у сына ево, младенца, зовомого Маркияна, и пребысть в тое скорби недель дватцать и болши. И бысть во слезах без утѣшения, види сию скорбь велию, и свѣта Божия не видя. И бысть у него бѣльмо на обѣхъ очесѣхъ, и уже отчаялись ево зрѣния вконецъ. И о семъ начаша Бога молити о здравии сего младенца и о зрѣнии очесъ его, со слезами на помощь призывая святаго и праведнаго Артемия Верколскаго чюдотворца, и обѣщались служить молебенъ. И по семъ начаша людие приносить былие[1] на исцѣление очесъ, и от сего получиша не исцѣление, но горшую скорбь и рыдание. И по семъ положиша обѣщание Богу, и ко святому Артемию чюдотворцу паки обещались ѣхать в Верколу и служить молебенъ. И все усердно милости о здравии просили, а былие всякое отложили, чтобы впредь от того исцѣления не искать. И скорый на помошь святый праведный Артемий! В томъ часѣ внезапу бысть чюдо преславное на видѣние многим людем: сий младенецъ очми прозрѣ и от скорби бысть здравъ вскоре. И приѣхавъ в монастырь, сие обѣщание свое исправив, молебная пѣвъ, и у раки чюдотворцовы бывъ, и приложився. И намъ сие чюдо повѣда, и о семъ вкупѣ вси прославиша Бога и святаго чюдотворца Артемия, и писанию предаша.

Чюдо 32. Но и сие убо не удобно молчанию предати, но проповѣдаем преславное чюдо святаго и праведнаго Артемия. Бысть убо лѣта Господня 1700-го декабря в 6 день в Верколском монастырѣ с Усть-Онѣги реки, Кресного монастыря вотчины, Авонгуцкой волости священникъ Василей Васильев. Повѣда на себѣ бывшую очную скорбь полтора лѣта, и в тое скорби искалъ многих врачевъ, а помощи себѣ от того не обрѣте. И нѣкогда ему вознеистовяся на сердце, и зблсвалъ, и послѣ того уснул. И во снѣ ему случися велия и нестерпимая скорбь в зубы и в губы, глаголемая жаба. И не бысть покоя десять дней, и хлѣба не вкусилъ, и изо устъ его начаше изходити смрад велий, и начаша людие гнушатися. И в тое великой скорби во снѣ явися ему человекъ, аки явѣ, и велѣлъ молитися святому и праведному Артемию Верколскому чюдотворцу. И по тому видѣнию начаша Богу молитися и на помощь призывая праведнаго Артемия о

[1] снадобья.

облегчении тоя неутишимыя скорби. И обѣщание положи быть в Верколѣ и у раки его служить молебенъ. И в том часѣ бысть здравъ, от тое великие скорби свободися молитвами святаго чюдотворца Артемия. И видѣвше вси домашнии ево скорое исцѣление, и вси вкупѣ прославиша Бога и чюдотворца Артемия. Мы же сие слышавше и повелѣша ему сие писанию предати. Он же написа со усердием и радостными слезами, видѣ преждебывшие чюдеса святаго. И книгу чюдотворца Артемия — службу и житие и чюдеса — купивъ и обѣщание свое исполнивъ. И отъиде восвояси с радостию, славя Бога и святаго чюдотворца Артемия.

ПОВЕСТЬ О НАЧАЛЕ КРАСНОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ПИНЕГЕ

СКАЗАНИЕ О ИКОНѢ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ, ИЖЕ ВЪ ДВИНСКОМЪ УѢЗДѢ, НА РѢЦѢ ПѢНЕГѢ, В ЧЕРНОЙ ГОРѢ, И О НАЧАЛЕ МОНАСТЫРЯ ТОГО

Благослови, отче.

Божия нѣкия тайны, великаго его человеколюбия *не*мало пред нашимъ родомъ знамения явлена быша. Свѣтлѣйша же и образнѣйша явишася в наша лѣта, ихже мнози самовидцы быша вси, елико насъ обрѣтшиися в сей приморьстей странѣ. Сих же повести не лѣпо есть молчанию предати, неправедно бо есть Божихъ тайн в забвении глубоцѣ покрывати.* Зане елико могу, толикоже нѣкако о божественныхъ явлении покушуся глаголати. Присно бо иже насъ ради и нашего ради спасения съшедый съ небесъ Сынъ Божий и Богъ, воплотивыйся от Пречистыя Девы Марии, и пострадавый насъ ради, и воскресе в третий день, и вознесеся на небеса, и сѣде одесную Бога и Отца. Мати же его, Пресвятая Приснодева Мария, яже великому божественному его воплощению послужити сподобися, сущи воистинну Богородицы бывши, и именуема, и славима, яко воистинну сущи Бога нашего Мати. Еще же ей на земли пребывание творящи с сущими всегда святыми ученики и апостолы своего ея Сына и Бога. Единъ же от тѣх, присно поминаемый апостолъ, евангелистъ Лука, емуже похвала во Благовѣстии Христовѣ, всяку премудрость и наказание извыкъ, еже живописати. И написа на дсцѣ начертаниемъ шаровным[1] образъ самыя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, и [2]изрядное видѣние тоя уподобив опасно[2], и приноситъ к первообразному тоя, Госпоже Царицѣ. Она бо очи свои возложивши на ту и своего пророчества воспомянувши, егоже изгласи, Бога зачинающи: «Се отнынѣ блажат мя вси роди!»* Возрадовав же ся и глаголетъ к тому благоговѣйнѣ и со властию: «Благодать моя с тобою».* И бысть слово и дѣло, вскорѣ иконѣ спребываяй вѣчно чюдеса, и знамения, и тмы чюдотворения пречестно содѣющи иконѣ Божия Матере, и образъ, и гласъ, и всякъ умъ

---

[1] красками; [2—2] искусное изображение тщательно сделал ей подобным.

превосходящия благодать во вся роды и роды. Такоже и в божественнѣмъ представлении своемъ на небеса к Сыну своему и Богу нашему обѣщася назирати мир свой милостию своею.

И тако, якоже обѣщася, милуетъ, заступающи, всѣх православных, исповѣдающих ея сущую Богородицу, и во всякомъ мѣсте призывающих святое имя ея, всѣх моления исполняющи. Присно же паче в сей Росийстѣй стране новых людей своих милостивно назираетъ, различныя милости своея на них богатно изливающи и всяко мѣсто своею милостию посѣщающи. И сего ради от всѣх присно славима на всякомъ мѣсте, и не обрящетъ никтоже никоего мѣста: ни града, ни веси, ни монастыря, ни в простѣ живущихъ людей, в нихже нѣсть Богородичны церкви. По всей бо земли, идѣже Божия слава проповѣдана бысть, ту и рождшая его хвалима есть и славима. Паче же всѣх мѣсть сия великая Росийская страна имѣеть изряднѣе[1], еже толицѣми церквами Богородичными освящатися честнѣ, и божественнѣ, и вѣрнѣ славити святое имя ея, и тоя выну[2] имѣти спасение, и стѣну, и забрало. Сия же силою своею озаряет и просвѣщаетъ, тѣмже и вси отнюд святители же, и царь, и того повинницы, сановитии же, и безсановитии, и простымъ житиемъ живущии о всякой вещи радостнѣ по различных чюдотворныхъ мѣстѣхъ к Богу и к Богородицы приригщутъ, о всякой печалной вещи молящеся, и тягость печали отлагают. Оставлю убо число неисчитаемое от нея бывающих чюдесъ и цѣлебъ от различных недугъ, да не ослабѣю недовѣдениемъ на вящая повѣсти.

О МѢСТѢ ЧЕРНЫЯ ГОРЫ

Есть же убо о семъ страна нѣкая великия Росии, Двинская нарицаема, прилѣжащая краемъ Великаго моря окияна, по немуже и корабли приходят от Западных странъ в Росию, идѣже великая рѣка Двина вмещается в нем. Есть же и предѣлъ тоя же Двинския области, рѣка, нарицаемая Пѣнега, впаде в ту же великую рѣку Двину. Имат же и сия рѣка многия веси по себѣ, продолжающися яко на пятьсотъ поприщъ.* Есть же убо, прилежащи краемъ к рѣцѣ той, гора нѣкая велика и превысока зѣло, Черная наричема, иже продолжающися до того же Великаго моря окияна на сѣверную страну. Имать же величество свое яко триста поприщъ и болши. Исходят же из нея и рѣки многи. Высотою же превысока зѣло, имѣющи на себѣ великия лѣсы, и езера, и блата, и дивиихъ[3] звѣрей множество. Восход же имущи на ню от рѣки Пѣнеги, единою стезею взыти на ню, яко поприще едино и полъ, идѣже нынѣ манастырь стоитъ благодатию Христовою. С высоты же ея видѣти, яко с воздуха, окрестъ ея стоящия веси. Сия же Черная, рѣку же нынѣ Свѣтлая, гора присѣщениемъ Божия Матери от сотворе-

[1] более всего; [2] всегда; [3] диких.

ния мира пуста стояше и небрегома никимже. И никтоже от человекъ живяше на ней, отнелиже и крещена бысть Росийская земля. Егда же восхотѣ Богъ прославити сию, якоже древле Синайскую явлением угоднику своему Моисею,* также и нынѣ явлениемъ честнаго образа Матери Своея, свято и преславно показа мѣсто святое сие. Бысть же сице в лѣто от создания мира 7111 (1603) во царство царя и великаго князя Бориса Феодоровича всея Росии,* егда изволи Пресвятая Богородица прославити мѣсто святое сие.

Бѣ нѣкто игуменъ именемъ Варламъ, служитель церкви Воскресения Христова, иже в Кевролѣ,* на тойже Пѣнеге рѣцѣ. Имяше же игуменъ Варламъ у себе икону — образ Пречистыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, иже Владимирская нарицается. И велию вѣру имяше к святѣй иконѣ той. Пришедшу же ему уже во глубоку старость, помышляше предати по сѣбѣ святую икону ту единому нѣкоему от христолюбивых мужъ. Изыскав же и обрѣте нѣкоего мужа именемъ Харитона, прозваниемъ же Иванна, мнѣвъ его благочестива суща страннаго[1] *ради* жития его. Тойже Иванъ, аще и житиемъ благочестивъ являшеся, дѣлы же простъ нѣкако. Се же помышляющу игумену тому о семь, и яко уже и предати хотяше честную икону ту мужу тому. Бысть же во единъ от дний тѣхъ, пришедшу игумену тому от утрени в келию свою, и абие в сонъ сведенъ бысть. И видит, яко отверзошася двери кѣлии его, и гласъ бысть яко жены нѣкия, глаголющъ к нему умилно: «О старче, что помышляеши отдати икону Пречистыя Богородицы мужу неискусну сушу. Но отдай ю вдовому попу Мирону, хощетъ бо Богъ сею прославити мѣсто Черныя горы». По скончании же гласа того абие игуменъ онъ возбнувъ от сна того, и не яко во снѣ, но яко явленно повелѣнная ему дѣла вѣдый, исполняя, якоже рече: «Держащим бо ся чистымъ свѣтолитиемъ душамъ сонными вящая боговидѣнми глаголетъ, яко своимъ уже бывшимъ, тѣмъ бесѣдуетъ, и радующимся преподобнымъ во славѣ его». И вскорѣ хотя исправити, размышляше же в себѣ: «Не вѣдый, кто есть иерей Миронъ, не вѣдый, и гдѣ есть».

Сице же тому помышляющу. Абие[2], яко Богомъ посланъ, прииде иерей той Миронъ, церковных ради святитилскихъ оброковъ даяти. Бѣ бо той иерей Миронъ служитель церкви великаго чюдотворца Николы веси Юролы,* иже близъ тоя великия Черныя горы яко за два поприща. Слышав же игуменъ Варламъ о пришествии его, и со тщаниемъ воста, призва его к себѣ. Нача же его вопрошати о мѣсте горы тоя. Онъ же повѣда ему: «Есть, — рече, — господине, близъ нашея веси сия великая гора, мѣсто же то пусто и не живомо человеки. Угодно же, яко азъ мню, ко иноческому пребыванию. Помышляю же, яко не оставитъ Богъ мѣста того». Абие же игуменъ со словомъ того повѣдаетъ ему видѣние свое. И тако вкупѣ прослависта Бога, глаголюще: «Воля Господня да будетъ!» И воставше, идоста во церковъ, идѣже стояше святая икона та. Облече же ся

[1] страннического; [2] тотчас, внезапно

игуменъ Варлам во освященная одежа, и тако молебная совершаютъ. По скончании же молебнаго пѣния со многими слезами много помолившеся, таже приемлетъ игуменъ Варламъ честную икону ту и предастъ ю в руцѣ иерею Мирону с подписаниемъ своею рукою позади иконы, написа сице. А писано: «Божиею милостию и молитвами Пречистыя Богородицы, ея явлениемъ, Воскресенской игуменъ Варламъ Кеврольския десятины благословил вдоваго попа Мирона образ Пречистыя Богородицы сея иконы и по ея явлению велѣлъ строити пустыню, монастырь в Черной горѣ, гдѣ она произволила». Приимъ же онъ безцѣнный той бисеръ,* честную богородичную икону, и полагаеть ю в ковчежецъ, и отъиде восвояси. И пришедъ, постави ю в веси, идѣже самъ живяше, во церкви чюдотворца Николы. На предпомянутую же ону великую гору приити не возможно тогда зимнаго ради времени, понеже мѣсту тому тогда пусту сущу, и снѣгу велику, и нѣсть мощно взыти тамо нужды ради и пустоты мѣста того.

Чюдо первое. В то же время, в неже иерей Миронъ от Кевролы прииде со иконою Пресвятыя Богородицы, бяше нѣкая *девица* именемъ Марфа, живяше в веси, нарицаемая Цымола. Бѣ же боляше зѣло очима, яко отнюдъ лишатися видения свѣта сего. Бысть же ей в то время видѣние нѣкое Божие во снѣ, якобы прииде иерей Миронъ прежепомянутый от Кевролы и принесе с собою былие[1], цѣлящее очи. Повѣдаетъ же девица видение то вдовицѣ нѣкоей именемъ Акилинѣ и молитъ ея, да идетъ ко иерею Мирону и проситъ у него былия того. Прииде же жена та ко иерею Мирону и повѣдаетъ ему вся реченная от нея. *Слышав же он реченная от нея* и разумѣ, быти былию оному иконѣ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии. И глагола женѣ той: «О жено, воистинну убо есть у мене былие, цѣлящее не токмо тѣлесныя очи, но и душевныя. Приведи убо дѣвицу сѣмо[2]». Она же шедши и приведе дѣвицу ту к нему. Иерей же воставъ, и иде с ними во церковь пред чюдесный той образъ Богоматере, и молебная совершивъ. Девица же та припаде со многими слезами пред честною иконою Богоматере и абие исцѣление получи вскорѣ, яко николиже болѣвше. Отъиде в домъ свой, радуяся и славя Бога, яко всѣмъ дивитися скорому исцѣлению ея и славити Бога о преславномъ том чюдеси. Се первое чюдо бысть от иконы Пречистыя Богородицы.

По малех же днех паки является икона Пресвятыя Богородицы дѣвице той, глаголя: «Иди и рцы иерею Мирону, да сотворитъ повелѣнное ему и отнесетъ икону мою на повелѣнное ему мѣсто во ону Черную гору, не изволих бо в чюжемъ дому пребыти, хощу бо, да и тамо устроит ми ся домъ, и прославится имя мое ту». Она же шедше, возвѣсти видѣние то иерею тому Мирону. Иерей же, яко услыша глаголемая от нея, абие подъемлет святую ту и Богородичну икону честно, со многимъ благоговѣниемъ и страхомъ, и несе ю на превысокую ту гору, на великий холмъ, иже верху горы тоя, идѣже та изволила. И тамо во-

[1] снадобье; [2] сюда.

дружаетъ честный крестъ на освящение мѣста того и на прогнание невидимыхъ врагъ. Ту же поставляетъ и честную ту Богородичну икону, оградивъ ю дщицами. И совершивъ молебная пред нею, и отъиде восвояси. Нача же потомъ часто приходити тамо молитвы ради, овоже и земледѣльства ради, начатъ убо разчищати мѣсто то на селитву себѣ. Пришедшу же зимнему времени, и снѣгомъ великимъ падшимъ, и нестроения ради воздушнаго не возможе ходити тамо, понеже снѣгове велицы, и не бяше мощи доити тамо нужди ради зимныя. Святая же та Богородична икона стояше тамо на пустѣ мѣсте, никимже брегома.

В та же лѣта Богу попустившу за наша грѣхи, излия бо ся тогда фиялъ гнѣва *ярости* Господня на Рускую землю.* Воста бо тогда в Велицѣй Росии нѣкто злый царь, и неблагочестивъ, и законопреступникъ, и отметникъ Христовы православныя вѣры, подобенъ Улияну злочестивому,* и законопреступнику, иже во грецѣхъ бывшему, нечестивому царю, именемъ Гриша, прозваниемъ же и чиномъ рострига, иже сверже с себе великий аггельский образ, и попра чинъ чернеческий, и лжею сприплете себе имя благовѣрнаго царевича Димитрия Ивановича, бывшаго сына царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Росии. Той же окаянный рострига велие гонение на християны и на благочестивых воздвиже. И повсюду правовѣрнии изгоними бываху, инии же и мучения вѣнцы увязошася. Мнози же от скорби тоя по странамъ великия Росии скитающеся, страха ради мучителева.

Единъ же нѣкто от таковых, инокъ благоискусенъ именемъ Иона, и той такоже в то время отъиде от царствующаго града Москвы, належащаго ради нестроения того. И уклонився, иде в предѣлы приморския, и прииде на прежереченную рѣку Пѣнегу, в предѣлы Кеврольския страны, в весь, Чаколу наричему. Случися ему витати[1] у нѣкоего христолюбива мужа именемъ Евфимия, от путнаго шествия утрудившуся старцу тому, возлегъ мало почити. И абие видитъ во снѣ, яко в нѣкоемъ мѣсте обрѣтшу ему икону — образ Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, иже Владимирская наричется. И якобы взя его, и обви плашаницею, и вложи в нѣдра своя. И абие возбнувъ от сна, и бысть во ужасѣ о видении томъ. И воставъ, изыде от веси тоя и прииде во ину страну, в весь тояже страны, иже прозывается Валтева гора, и обита ту у нѣкоего христолюбива мужа. Нача же инокъ той Иона у человѣка того о пустынных мѣстех страны тоя вопрошати, якоже есть обычай черньцемъ. Той же человекъ именемъ Никифоръ повѣдаетъ ему, яко: «Есть, — рече, — отче, во странѣ сей, в предѣлех Двинския области, на сей же рѣцѣ Пѣнеге, растояние имущи от мѣста сего яко 30 поприщъ, гора превелика и высока зѣло, Черная наричема. Имать же на себе лѣсы великия и многи зѣло, и езера же, и блата имѣющи многи. Приходят же на ню жителие странъ тѣхъ, ловы дѣющи дивиихъ звѣрей».

---

[1] остановиться на ночлег.

По бесѣде же той прежепомянутый той старецъ Иона отъиде оттуду и прииде паки во ину весь тояже страны, Пильегоры именуемы, и вита ту. И по обычной молитвѣ возлег почити. И абие видитъ во снѣ жену нѣкую благоговѣйну, пришедшу к нему и глаголющу: «Азъ есмь Парасковия нарицаюся.* Ты же убо старче не трудися всуе, скитаяся, но воставъ, иди в Черную гору, о нейже ти повѣда Никифоръ онъ, на той бо горѣ иерей нѣкто именемъ Миронъ хощет создати храмъ во имя Пресвятыя Богородицы». И видѣ, якобы подаде ему хлѣбъ единъ. Возбнувъ же от сна и страхомъ многимъ обьятъ бысть о видѣнии том. И воставъ, преиде оттуду в предѣлы Двинския страны, в весь, нарицаемую Вонгу. Вопроси же жителей мѣста того о горѣ той. Они же повѣдаша ему и, гору указующи, сказаша ему, яко десять поприщъ до нея, и яко и крестъ уже поставленъ есть на ней.

Оттуду же прииде в преждепомянутую весь Юролу, идѣже живяше иерей Миронъ, и прииде в церковь, сущую ту, и слушавъ божественнаго пѣния. И по отпѣтии сѣдшу ему в притворѣ церковнѣмъ. Прииде же к нему иерей Миронъ и глагола ему: «Откуду, отче, грядеши?» Онъ же отвѣщавъ, рече к нему: «Вѣси, отче, каковы бѣды постигоша насъ, грѣх ради нашихъ, от злаго царя законопреступника на правовѣрныя. Повсюду бо изгоними есми, скитающеся по странамъ имене ради Божия». Потом же сказуетъ ему старецъ о явлениих, бывшихъ ему на пути. И тако оба вкупѣ похвалиста Бога. По малѣ же времени прииде к нимъ прежереченный игуменъ Варламъ, у негоже бысть преже святая та Богородична икона, патриаршеских оброковъ имати. Они же повѣдаша ему о чюдеси от иконы Святыя Богородицы и о видѣнии все поряду. Он же похваливъ Бога и рече: «Благословен Богъ, глаголю бо вамъ, яко не имать Богородица оставити святаго места сего». Се же имъ бесѣдующимъ к себѣ.

В то же время человѣкъ нѣкто благочестивъ именемъ Евфимий слышавъ бесѣду ихъ. Нача же и той повѣдати имъ, глаголя, яко: «Азъ, отцы, не пред много лѣтъ сихъ во святую и великую 40-цу в четвертокъ Великаго канона* идущу ми ко утреннему славословию из веси моея, нарицаемая Малетино. И возрѣхъ[1] на правую страну Пѣнеги реки к Черной горѣ. И видѣхъ на ономъ высокомъ холмѣ, иже верху горы тоя, столпъ огненъ стоящъ от земли и до небеси. От столпа же того, яко пожаръ страшенъ свѣтящъ. Мнѣ же зѣло ужаснувшуся о необычномъ видѣнии томъ. Приидохъ ко утреннему славословию и не дерзнухъ никомуже повѣдати того и до сего дни. Нынѣ же слышавъ беседу вашу о святомъ мѣсте томъ, и се повѣдаю вамъ».

Инъ же нѣкто мужъ именемъ Григорий, и той такоже глаголя: «Азъ убо, отцы честнии и святии, пред маломъ сего времени стоящу ми на молитвѣ в дому моемъ. И прииде же сонъ на очи мои, и возлегъ на одрѣ моемъ почити и видѣх во снѣ, яко обрѣтшу ми ся во оной Черной горѣ. И видѣх на томъ же превысокомъ

[1] посмотрел.

холмѣ стоящу икону, образ Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго ея Умиления, иже Владимирьская наричется. Пред нею же множество свѣщь свѣтящеся, и священницы стояху во священных одеждахъ, молебная совершающе, и множество народа окрестъ предстояще. Абие же возбнух от сна и никомуже не повѣдахъ до сего дни».

Человекъ же нѣкий Иванъ именемъ, прозваниемъ Носков, и той такоже повѣдаше, глаголя: «Видѣх, — рече, — в видѣнии нощнѣмъ сию великую гору, неизреченнымъ свѣтомъ облистаему, свѣтящуся чисту зѣло. Верху же ея на высокомъ ономъ холмѣ видѣх благовѣрнаго царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии,* ходяща по мѣсту и указующа на не. И возбнувъ же от сна, и страхомъ обьятъ бывъ, размышляя о видѣнии томъ».

Сице же имъ бесѣдующимъ к себѣ, начаша приходити к нимъ и инии жителие мѣсть тѣхъ, повѣдающе имъ, яко: «Ходящимъ по пустыни той и ловы дѣющимъ дивиихъ звѣрей, не во едино время, но и по многи дни слышахомъ звонъ великъ на горѣ той». Повѣдаху же имъ и малии отроцы, глаголющи, яко: «Пасущимъ нам, — рече, — овцы в горѣ той, иногдаже хождахомъ на собрание плодовъ земных, такоже слышахомъ звонъ, яко к пѣнию церковному. Идохом же до мѣста, и не обрѣтохомъ ничтоже». И инии же повѣдаху, яко: «Из далнихъ весей слышахомъ звонъ той». Они же слышавше сия, дивишася и прославиша Бога. По бесѣде же той прежереченный игуменъ Варламъ увѣща иерея Мирона иночествовати, и постриже его, и нарече имя ему Макарий. Тако совѣтъ положивше между себе, и посылаютъ старца того Макарию к Москвѣ бити челомъ царю и великому князю Василию Ивановичю всеа Росии* о началѣ мѣста того, дабы воздвигнути храмъ на горѣ той. И тако Макарий пути емлется[1], Иона же оста ту.

Егда же преиде зима, и прииде вешнее время, иде же старецъ Иона на мѣсто то, идѣже крестъ поставленъ и икона Пресвятыя Богородицы. Узрѣв же старецъ честную икону ту и абие помолися на многъ часъ. Таже призва нѣкихъ боголюбивых мужъ, и нача разчищати мѣсто то, и лѣсы чистити, идѣже церкви быти, и приготовляти на церковное строение лѣсъ. И кущу* водрузи близ честнаго креста, таже и кѣлию поставиша на упокоение себе, нача же и землю воздѣлывати. Пребывающу же старцу Ионѣ на мѣсте томъ с прочими тружающимися ту. И во единъ от дний сѣдяшу ему со единымъ человекомъ от тружающихся ту, именемъ Василиемъ, и размышляющим имъ, како начати основание церковное. И внезапу звонъ бысть посреди чищеннаго мѣста, яко во единъ колоколъ, потом же в два, и во многи. Изшедшимъ же имъ ис кѣлии на мѣсто то и не обрѣтоша ничтоже. Вопросиша же и прочихъ труждающихся на мѣсте томъ о слышании необычнаго звона того. Они же рѣша, яко: «Ничтоже слышахомъ». Мы же дивихомся о чюдеси томъ.

---

[1] в путь отправляется.

И в нѣколицѣ времени идоша в началную весь мѣста того, иже прозыванием зовется Волокъ Пѣнежской,* и призываетъ иерея мѣста того священноинока Митрофана. Тойже шедъ с прочими священники, яже о немъ, вземше честныя кресты, и с чюдными иконами идоша на мѣсто то. И тако совершаютъ чинъ основанию церкви, именовавше ю во имя Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, честныя ея Похвалы. И тако разыдошася, хваляще Бога.

По основании же церковнѣмъ печаль бысть старцу Ионѣ, яко не сущу у нихъ мастеру на создание церковное. Бысть же чюдо преславно, подобно древлебывшему во градѣ Киевѣ, якоже и Патерикъ Печерский повѣдаетъ, егда Пресвятая Владычица наша Богородица и Приснодевая Мария наятъ хитрѣйших[1] мастеровъ во Царѣградѣ и злато давши имъ на создание церкви своея Печерския.* Такоже и здѣ содѣя подобно тому, сицѣ.

Чюдо 2. Человекъ нѣкто именемъ Ияковъ живяше в Корельстѣй земли. Приключися ему болѣзнь велика зѣло, яко внутреннимъ его терзатися лютѣ, горлу же и всему тѣлу его обтекшу лютѣ, яко уже и скончатися хотяше. Бывшу же ему в недузѣ томъ немало время и ожидающи смерти. Абие же является ему жена свѣтлообразна, имущи в руцѣ своей губу морскую, и тою отираше ему гортань, и глагола ему: «Иди в предѣлы Двинския области, в Черную гору, и тамо бо есть образ Пречистыя Богородицы, и тамо совершенное исцѣление обрящеши». И абие возбнув от видѣния того, обрѣте гортань свою здраву, и прослави Бога, и пути касается. И прииде на мѣсто Черныя горы к Пречестному образу Пречистыя Богородицы, и тако совершенное здравие получи. Бе же той Ияковъ ремествомъ древодѣль и искусенъ здати святыхъ церквей. Таже нача дѣлати церковь ту Пресвятыя Богородицы, и того лѣта создаша даже и до верха церковнаго. Потом же прииде с Москвы старецъ Макарий с повелѣниемъ от царя и великаго князя Василия Ивановича всеа Росии, яко да созиждется храмъ, и устроится манастырь на мѣсте томъ благодатию Христовою.* Призимѣв же ту Макарий и паки поиде в Великий Новъградъ, ко иже тогда правящему престолъ Премудрости Божияго слова преосвященному Исидору, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому,* церковныхъ ради потребъ, и антимиса* на освящение церкви, и о благословении священноиночества себе. И повѣдаетъ же святителю о мѣсте горы и о чюдесѣхъ, бывающихъ от иконы Пресвятыя Богородицы. Митрополитъ же Исидоръ, яко услыша сия от старца, подивися и прослави Бога и Пречистую Богородицу. Таже совершаетъ инока того Макария во священноиночество и поставляетъ его игуменомъ, глаголя, яко: «Не возможно в таковѣмъ святѣмъ мѣсте быти без игумена. Еще же слышахъ от нѣкихъ, яко нѣсть у васъ на Пѣнеги близъ иного монастыря». Таже и посохъ давъ ему, и настолную грамоту, яко да общее братство умножи о Христѣ устроится ту. И ины церков-

---

[1] самых искусных.

ныя вещи даде ему, и антимисъ, и прочая потребы церковныя, и отпусти его с миром.

Прииде же Макарий игуменъ от Великаго Новаграда в осенное время. Старецъ же Иона с прочими уже совершиша церковь без него. Игуменъ же Макария совѣщася з братнею, и тако совершивше священство, и собравше окрестъ ту сущихъ весей со святыми иконами и честными кресты. И тако соборнѣ освящаютъ храмъ той во имя Пресвятыя Богородицы честныя ея Похвалы в лѣто от создания мира 7116 (1608) в славу Богу и Пречистѣй его Богоматере. Прежепомянутый же онъ древодѣль Ияковъ, емуже явися Святая Богородица в Корельстѣй земли, по совершении тоя церкви приятъ иноческий образъ, пострижеся в томже монастырѣ, и нареченъ бысть Иоакимъ, и бысть инокъ искусенъ. Такоже и прежереченнии они христолюбивии мужи, иже видѣния повѣдавшеи на святѣмъ мѣсте томъ, мнози постригошася от нихъ в монастыри томъ и быша искусни иноцы. И тако собрася братство о Господѣ.

От иконы же Пресвятыя Богородицы начаша бывати многая и неисчетная чюдеса и исцѣления с вѣрою приходящимъ, ихже поряду и списати не мощно есть множества ради. От нихъже мало нѣчто повѣмъ любви вашей.

Ч ю д о т р ѣ т и е. Нѣкая жена именемъ Ирина от веси, нарицаемыя Цымола, бысть же ей явление нѣкое божественно. Прииде убо она ко иерею церкви чюдотворца Николы Волока Пѣнежскаго именемъ Григорию, повѣда ему, яко да идетъ с честными кресты, и со святыми иконами, и с народомъ в монастырь Пречистыя Богородицы к чюдотворному ея образу и молебная совершитъ. Иерей же Григорий не внятъ словесемъ ея, и нивочтоже вмѣнивъ о глаголѣхъ ея, и не восхотѣ ити. В то же время абие внезапу сотворися воздухъ неблаготворенъ, и бысть мразъ на все плодие, и позябе все сѣянное на нивахъ. Того же иерея Григория Божия нѣкая сила верже о помостъ церковный[1], и бысть яко мертвъ. И по малѣ едва нѣкако в чювство прииде. И веземъ честныя кресты, и со множеством народа идоста в монастырь Пресвятыя Богородицы, и тамо молебная совершивше, и отъидоша в домы своя. И абие в той часъ милостивый Господь нашъ Исусъ Христосъ молениемъ Пречистыя Матере своея Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии паки дарова теплоту солнечную, и дождь благопотребенъ, и воздухъ благотворенъ ко умножению плодовъ земных. Вси же людие видѣвше чюдо сие и прославиша Бога и Пречистую Богородицу. Доздѣже о сем.

Ч ю д о 4. Ино чюдо повѣдаю вамъ. Человекъ нѣкто именемъ Михаилъ, прозваниемъ Ворга, живый во единой от окрестныхъ ту сущихъ весей, иже Сояла наричется, близъ тоя великия горы. Нача же Михаилъ той поносити глаголы хулныя на мѣсто сие святое и на мнозѣ не преста от обычая того. Бысть же сице. Случися ему нѣкоея ради крамолы яту быти от епарха страны тоя, и всажену

[1] стукнула об пол церковный.

быти в темницу, и мученъ бысть крѣпко, потом же и на смерть осудиша его. Прииде же ему во умъ, и воспомяну грѣх свой о поношении святаго мѣста сего, воздохнувъ из глубины сердца своего, моляся Богородицы и глаголя: «О Пресвятая Госпоже моя, Владычице Богородице! Прости мя грешнаго о поношении моемъ на мѣсто святое твое, отсѣлѣ уже никакоже не дерзну рещи ничтоже, токмо избави мя от напасти сея и от горкия смерти. Имамъ же и приношение приносити в домъ твой до дне смерти своея». И тако милостию Пречистыя Богородицы избавленъ бысть от осуждения того и горкия смерти тоя. Нача же и приношение приносити по обѣщанию своему на всяко лѣто по мѣре жита. Се же нам самъ повѣда.

Чюдо 5-е. Ниже се молчанию предати достойно есть. Бысть убо в Двинской области, иже Колмогоры наричются, в началномъ мѣсте тоя Двинския области воевода именемъ Иван Милюковъ,* присланъ с Москвы от царя и великаго князя Василия Ивановича всеа Росии правления ради страны тоя. Егда же, грѣх ради наших, бысть тогда великое нестроение в царьствующемъ градѣ Москвѣ и, яко овцы не имуще пастыря, вездѣ бо бяше велие смятение, от началствующих даже и до послѣднихъ, вездѣ бо и повсюду мятежи велики бяху и междоусобие. Такоже и в сей Двинстей области на началствующих крамолы воздвигоша тогда, на епарха и на архиграфоса.* И всадиша ихъ в темницу, и стражи к нимъ приставиша. По малѣ же архиграфоса того именемъ Илию Уварова осудивше на смерть и в воду утопиша.* Такоже и епарха того Ивана Милюкова хотяху осудити на смерть, глаголюще, яко: «Неправедно судиши». И ина зла многа износяще нань, яко уже и скончати хотяху, яже о немъ. Вельми же ужасеся онъ о сем, невѣдый что сотворити, не имѣя бо ни от кого помощи себѣ, понеже бо вси уклонишася вкупѣ, и непотребни быша, и не бысть творящаго благо ему. Сице же ему ожидающю смерти, и прииде к нему отецъ его духовный, иерей именемъ Феодоръ, имѣя вѣру въ монастырь Пресвятыя Богородицы, в Черную гору. Повѣдаетъ же воеводѣ тому о чюдесѣхъ, бывающих от честныя иконы Пресвятыя Богородицы, иже тамо. Глагола ему: «Аще начнеши вѣру имѣти к Пресвятѣй Богородицы в Черную гору, вѣде, яко избавити тя имать Богъ от напасти сея». Онъ же с радостию обѣщася неотложно вѣру имѣти ко святому мѣсту тому. И абие на утрий день многомятежный онъ народъ в тихость преложися милостию и молитвами Пречистыя Богородицы; иже прежде яко львы рыкающе, нынѣ же кротцы яко овцы приидоша, моляще его, глаголюще, яко да идетъ по обычаю своему в судилище и да управляетъ ихъ, якоже и преже. Видѣв же воевода онъ скорое премѣнение народа и Пречистыя Богородицы быстрое заступление, абие прослави Бога и Пречистую Богородицу и многия слезы от радости испущаше о избавлении своемъ. Таже вопрошает, аще есть кто от инокъ честныя обители тоя ту. Обрѣте же ся на Колмогорахъ прежереченный старецъ Иона. Онъ же призвавъ его к себѣ и повѣда ему милость и заступление Пречистыя Богородицы, бывшую к нему. И посылаетъ со старцемъ тѣмъ потребная мо-

настырю тому книги, и воскъ, и паволоки же, и сребро на строение церьковное. Обѣща же ся и до смерти своея имѣти вѣру монастырю Пресвятыя Богородицы въ Черную гору.

ПОВЕСТЬ О ПРИШЕСТВИИ ОБРАЗА ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ И ОТЧАСТИ ЧЮДЕСЪ И ИСПОВѢДАНИЕ, ИЖЕ ГРУЗИНСКАЯ НАРИЦАЕТСЯ, В ТОЙ ЖЕ ОБИТЕЛИ В ЧЕРНОЙ ГОРѢ

Прочести благослови, отче.

Обычай убо человеческому естеству, не точию простымъ, но и свѣтлостию рода почтеннымъ и над дѣлы царьскими учиненымъ, не токмо самѣх царствующихъ почитати, но и образы тѣхъ подобия честно имѣти, не яко вещию от прочихъ разно суще, но яко подобиемъ тѣхъ почтени суть. Колми же паче достоитъ множае зѣло не точию почитати, но и поклонятися божественнымъ *вещем, еще и не одушевлени суть, иже божественным* именем и вообраЖениемъ почтени суть. Покланяем же ся не вещи и зданию тѣхъ, но почитаемъ, иже своимъ вообраЖениемъ освятивших сия, и о обрѣтении тѣхъ весело торжествуемъ. Тако бо и божественный Давыдъ святыни киотъ, возвращаемъ от плѣнения, видѣв, радостию скакаше, играя.* Кольми же паче иже намъ, образомъ збытие видящимъ, подобаетъ веселитися духовнѣ о божественнѣмъ семъ праздницѣ Богоматере, о пришествии честнаго ея образа в гору святую сию.* «Прииде бо днесь, — по реченному, — гора Божия в гору чювственную». «Прииде гора Божия, гора усыренная Духомъ Святымъ», о нейже Давыдъ изрече.* Прииде гора, от неяже камень отсѣчеся без руку и соблазны вся потреби. Прииде гора, юже древле Аввакумъ провозглашаше, глаголя: «Богъ от юга приидетъ, и святый из горы присѣнныя часты».* Прииде в гору, о нейже Исайя прорече, глаголя: «Будутъ в послѣдняя дни явѣ гора Господня и домъ Божий верху ея».* Днесь бо збыстся пророчество блаженнаго Давыда, глаголющее: «Велий Господь и хваленъ зѣло во градѣ Бога нашего, в горѣ святѣй его, благокореннымъ радованиемъ всея земли».* Сия бо воистинну здѣ радость всея земли, прославися бо сия, якоже Синайская. Тамо бо, егда глаголаше Богъ с Моисеом, куряшеся огнемъ и мракомъ.* Нынѣ же сия посѣщениемъ Божия Матере паче свѣтится и украшается мѣсто святое и Богомъ просвященное. Днесь бо видимъ домъ Божия Матере верху ея и, духовнѣ веселящеся, поклоняемся в горѣ сей святѣй иконѣ ея, исцеления приемлюще душамъ и тѣлесемъ. Аще бо и прообразование тоя видѣвъ Моисей, купину во пламени горящу огнемъ и неопаляему,* и толикия святости сподобленъ

бысть, яко и мѣсто, на немже таковая быша, свято показася. «Изуй бо, — рече, — сапогъ ногу твоею, мѣсто бо, на немже ты стоиши, свято есть».* Колико паче нынѣ, не по прообразованию, но самый образъ Богоматере, иже от далнихъ странъ изволениемъ ея доиде, воистину сугубыя благодати сподобися и освятися мѣсто сие. Прекратимъ же слово о семъ, возвратимся на предлежащее намъ слово.

ПРИШЕСТВИЕ ОБРАЗА БОГОМАТЕРЕ

Есть же убо о семъ страна убо нѣкая, прилѣжащая к предѣломъ Перския земли, иже Иверская и Грузинская нарицается, иже от древних лѣтъ, испервa по воплощении Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и во спасеннѣй страсти его в лѣто 343 (835), при велицѣмъ цари Констянтинѣ благочестивомъ, прияша святое крещение, якоже и писание повѣдаетъ сице: Во дни тыя жѣна нѣкая, благоговѣйна грекини, плѣнена бывши во Иверскую землю ту и пребываше тамо в постѣ и молитвѣ. Исцѣли же молитвою отроча болное и потомъ царицу царя земли той, болну же сущу, положи на убозей своей постели и молитвою здраву же сотвори. И сего ради царица моляше царя, да церковь плѣннице оной сотворитъ. Царю же, не покаряющуся о семъ, слѣпотою обьятъ бысть. И потомъ научи его послати ко благочестивому царю Констянтину Великому, яко да пошлетъ к нимъ иерея. Слышав же сия Великий Констянтинъ, яко желаютъ, и послав к нимъ иерея благоговѣйна. Он же абие пришедъ и крести всю землю ту.* И оттоле даже и доднесъ держаху истинную православную вѣру християнскую и предания святыхъ апостолъ и святых отецъ. Мнози же убо суть в той странѣ святыя Божия церкви, и честнии монастыри, и многия святыни быша. И царие правовѣрнии предержаще страну ту[1], якоже и о Динарѣ, царицѣ бывшей страны тоя, повѣсть повѣдаетъ, како побѣди Перскаго царя помощию и заступлениемъ Богоматери.* Бысть же, егда прогнѣваша Бога и святыя заповѣди не сохраниша, и предастъ ихъ Богъ в руцѣ Перскаго царя, не в конечную погибель, но в наказание на нѣколико время. И паки смирившеся пред Богомъ и восприимаху благочестивое свое отечество, еже и донынѣ держаще, славяще в Троицы единаго Бога.

Бысть же в лѣто 7130-е (1622) Богу попустившу за грѣхи людей. И прииде на Иверскую землю, иже тогда предначальствуяй в Персѣхъ, злочестивый царь Аббасъ шахъ. И поплѣни страну ту, и грады ихъ приятъ, и святыя Божия церкви оскверни, и честныя монастыри разори, и святыя иконы попра, и множество благочестивыхъ огню и мечю предани быша. И всю землю ту пусту положи. Сей же злочестивый царь Аббасъ шахъ, аще и злочестивъ бяше, но нѣколико благоразуменъ бысть. Изыскуя святыни, сущия в земли той, и увѣдѣвъ от

---

[1] управляли страной той.

нѣких, яко есть в земли той, и увѣдѣвъ про многоцѣлебную Ризу великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, юже обрѣте у иже ту сущаго митрополита. Иже по возвращении от побѣды своея посла ю иже тогда царствуюшему в Велицѣй Росии ко благочестивому царю государю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Росии самодержцу и ко отцу его великому господину и государю Филарету Никитичю, патриарху Московскому и всеа Росии вмѣсто великаго дара на похвалу царству ихъ, Велицей Росии, иже о ней повѣсть во своемъ ея словѣ пространно скажетъ.* Мы же на предлежащую намъ повѣсть возвратимся.

В то убо время, егда персяне поплѣниша Грузинскую землю, и многи честныя иконы взяша, и отнесоша во страну свою, не ради благочестия, но яко да препродаютъ тѣхъ, понеже мнози рустии купцы в Персидѣ бяху, куплю дѣюще. Вѣдяху бо ихъ персяне, яко благочестиви суть и честно держатъ поклонение святыхъ иконъ. И сего ради принесоша иконы тѣ во страну свою [1]в корысти мѣсто[1], яко да искупятъ у нихъ рустии они купцы. Бѣ же нѣкто единъ от прилучившихся ту купцевъ именемъ Стефанъ, нарицаемый Лазаревъ, приставникъ[2] имѣнию нѣкоего гостя от града Ярославля, иже на Волзѣ, Георгия, прозванием Лыткина. К тому же Стефану в то время в Персидѣ персинъ нѣкий принесе икону — образъ Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, честного ея Одигитрия, иже есть Радостная заступница. Бѣ же икона та обложена сребромъ и златомъ. Глаголя ему, яко да искупитъ от него святую икону ту. Видѣв же благочестивый той мужъ Стефанъ честную икону ту и абие помысли, не просту быти дѣлу тому, но яко Богомъ послану к нему сущу, опачеже и за се, да послетъ ю к господину своему Георьгию, вѣдяше бо его мужа благочестива суща. И тако искупи честную икону ту в Персидѣ. Тогда бысть Божие нѣкое явление во снѣ господину его Георгию во градѣ Ярославлѣ, глаголя, яко: «Приставникъ имѣния твоего Стефанъ, сый в Персидѣ, купи тебе безцѣнный бисеръ. Егда же принесетъ к тебѣ, ты же пошли его в Двинскую область, в Черную гору». Возбнув же благочестивый той мужъ Георьгий от сна того и размышляше в себѣ, что есть бесъцѣнный онъ бисеръ. По времени же повѣдаетъ видѣние свое первосвятителю киръ Филарету, патриарху Московскому и всея Росии. Первосвятитель же удивлься о семъ и рече ему: «Аще что Господь восхощетъ, то и сотворитъ».* По времени же нѣкоемъ прииде ис Персиды прежепомянутый приставникъ имѣния его Стефанъ и принесе к нему чюдную ту икону Пречистыя Богоматере, еяже бѣ искупилъ в Персидѣ. Он же абие со многою радостию и со слезами сию приемлетъ, воспоминаетъ виденное ему, яко се есть воистинну бесцѣнный онъ бисеръ, икона Богоматери.

По времени же нѣкоемъ, не яко во снѣ, но яко явѣ повелѣнное ему исполняя, пути емлется, еже донести ту честную икону Богоматере до мѣста, пове-

---

[1]—[1] ради выгоды; [2] надсмотрщик, управляющий.

лѣннаго ему. И тако приходитъ до мѣста, в монастырь тоя превеликия Черныя горы, и приноситъ ту честную икону Пресвятыя Богородицы Одигитрие, иже Грузинская нарицатися обыче по имени страны тоя, отнюдуже прииде. И тако поставляет ея во церкви той честныя ея Похвалы и празднъство сотворяетъ. Во время же утренняго славословия и чюдо створися от честныя тоя иконы Богородичны.

Бѣ бо в той же обители инокъ нѣкто, именемъ Питиримъ. Бяше же слѣпъ очима, и глухъ ушима, и никакоже видяще свѣта сего. Во время же того утренняго пѣния изыде той инокъ Питирим в сѣни пред келию свою помолитися. И егда молящуся ему, внезапу свѣт великъ осия его. Старецъ же ужасеся о великомъ свѣте томъ, понеже от многъ лѣтъ не видѣ свѣта сего, и возложи на себе крестное знамение, и сотворив молитву, глаголя: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго». И возведъ очи свои на великую гору, и видитъ на ней, яко луч*ъ* солнечный свѣтозаренъ сияющъ, свѣтящся паче илектра.* Потом же нача очима видѣти и ушима слышати. Збысться бо на немъ пророческое слово, глаголющее: «Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши *глухих* услышатъ».* По утреннем же славословии прииде на соборъ, повѣдая бывшее на нем исцѣление, славя Бога и Пречистую его Матерь. Видѣв же чюдо сие благочестивый мужъ той Георьгий и паче нача вѣру имѣти ко святому монастырю тому, иже послѣди и церковь прекрасну воздвигнути повелѣ в славу Богоматери, и украсивъ ю, якоже лѣпо бѣ, и обѣ чюдотворныя Богородицины иконы в ней постави, и якоже нѣкий виноградъ прекрасенъ, книгородных древесъ пажитми свѣтло насади, предавъ убо ту многоразличныя и премудрыя книги числомъ яко 147 книгъ.

Принесена же бысть та честная Богородичная икона Одигитрия в лѣто от сотворения мира 7137-го (1629) августа в 22 день при благовѣрномъ государѣ царѣ и великом князѣ Михаилѣ Феодоровиче всеа Росии самодержцѣ,* и при сынѣ благовѣрном царевиче князѣ Алексеѣ Михайловиче* всеа Росии, и при великомъ господинѣ и государѣ святѣйшем киръ Филаретѣ патриархѣ Московскомъ и всеа Росии,* и при Киприянѣ митрополитѣ Новгородскомъ и Великолуцкомъ,* и при Макарии игуменѣ святого мѣста сего Черногорского монастыря* в славу и хвалу Христу Богу нашему и Причистѣй его Богоматере во вѣки вѣком. Аминъ.

Чюдо 2 от иконы Пресвятыя Богородицы Одигитрия. Бяше нѣкая жена именемъ Неонила от веси, нарицаемыя Явзоры. Случися сий в раслаблении слежати нѣколико время. Слышавъши же о чюдесѣхъ, бывающих от иконы Пресвятыя Богородицы, и прииде ей во умъ, еже постигнути тамо. И тако повелѣваетъ своимъ ея довести себе тамо. Принесена же бысть пред чюдотворную ту икону *и, молебная совершив*, ту абие здравие получи. Отъиде в домъ свой, славя Бога и Пречистую Богородицу.

Чюдо 3. Ина жена именемъ Феодотия от веси, Трифановы горы именуемо. Бысть же ей болѣти очима нестерпимою тою болѣзнию. Прииде же во оби-

тель Пресвятыя Богородицы, и молебная совершивъ пред честнымъ образомъ ея, и исцѣление получи. Отъиде, славя Бога и Пречистую Богородицу.

Чюдо 4. Человекъ нѣкто именемъ Феодоръ от Колмогорскаго посада, бывшу же ему в разслаблении годищное время и никакоже могущу [1]двигнутися со одра своего[1]. Слышивши же о чюдесѣхъ, бывающихъ от иконы Пресвятыя Богородицы, и повелѣ своимъ ему довести себе тамо. Егда же принесоша его и молебная совершивше, и ту абие здравъ бысть. Отъиде в домъ свой, славя Бога.

Чюдо 5. Жена нѣкая от того же Колмогорскаго посаду страждущи зубною болѣзнию яко годищъное время и полъ. «И много издавши имѣния врачемъ, и никоея же ползы обрѣтши, но паче в горшая пришедши».* И слышавши же о чюдесѣхъ, бывающих от иконы Пресвятыя Богородицы, и иде тамо, и молебная совершивъ, в той часъ здравие получи, отъиде, радуяся.

Чюдо 6. Ниже се молчанию предати потребно. Человекъ нѣкто именемъ Полиектъ от великия рѣки *Двины*, веси, нарицаемая Ровдина Гора, мучимъ быше от нечистаго духа. Родители же его приведоша его в монастырь Пресвятыя Богородицы и пѣвше молебная. И бысть ему в той часъ облегчение от болѣзни тоя, и потом совершенное исцѣление получи милостию Пречистыя Богородицы, отъиде в дом свой, славя Бога.

Чюдо 7. «Тайну убо цареву хранити добро есть, дѣла же Божия таити не полезно есть».* Человек убо нѣкто именемъ Кондра*т*ъ рождение имѣя от предѣлъ Мезенския страны, от веси Сундоры, с Вашки. Бысть же ему мучиму быти от духовъ нечистыхъ, и в дому не живяше, но по пустынямъ и по улицамъ мучимъ от бѣсовъ. В нѣкоеже время изыде от нихъ безвѣстно в вешнее время, и не вѣдущимъ о немъ родителемъ его. И десять недель ходя по пустыни, ни ядый, ни пия, якоже повѣдаша родители его, Бога свидѣтеля поставляюще о чрезъестественном неядении его. По днехъ же тѣхъ узрѣ отецъ его близъ рѣки, ползающа по земли, и позна, и не возмнѣвъ его человека суща, но привидѣние бѣсовское, яко уже и четыредесятницу сотвориша о немъ.* Отложив же страх и прииде к нему. Сынъ же *позна*, яко отецъ его есть, и нача молити отца своего, чтобы его не оставилъ, яко уже на послѣднемъ издыхании сущу ему, токмо едва духъ его в немъ. Взем же его отецъ его, и приведе в домъ свой, и сказа матери его и всѣмъ домашнимъ, чтобы не ужасалися его. И начаша помалу кормити его, и бысть ему облегчение от болѣзни тоя. И начатъ повѣдати, яко от множества бѣсов влачимъ бяше, и явися ему икона Святыя Богородицы Грузинъския и путь показа ему, глаголя: «Идя ко отцу своему и прииди в Красную гору помолитися, и исцѣлѣеши». И потомъ не видѣхъ бѣсовъ. Пришедъ же в монастырь Пресвятыя Богородицы, и повелѣ молебная совершити, и многи слезы пролия, лежа на земли на долгъ часъ. И тако совершенное исцѣление получи, славя Бога.

---

[1]—[1] встать с постели своей.

Чюдо 8. Инъ человекъ именемъ Ияков с Кулойского посаду не видя очима нѣколико время. И прииде ко Святѣй Богородицы, и молебная совершивъ, и здравие получи. Отъиде в домъ свой, славя Бога, радуяся.

Чюдо 9. Человекъ нѣкий именемъ Филимонъ бѣ немощенъ очима. Прилучи же ся ему итти мимо Черную гору. Прииде же ему во умъ итти в монастырь Пресвятыя Богородицы и помолитися тамо. Прииде же, и молебная совершивъ, и исцѣление получивъ, и отъиде, славя Бога.

Чюдо 10. Жена нѣкая именемъ Зиновия веси Чаколы. Приключися ей болѣзнь очная. И прииде в домъ Пречистыя Богородицы, и молебная совершивъ, и свѣту сподоблена бысть, и отъиде, славя Бога.

Чюдо 11. Нѣкий человекъ именемъ Павелъ от тоя же веси боляше очима. Видѣв же исцѣление, бывшее на женѣ Зиновии. Прииде же и той в монастырь ко Пресвятѣй Богородицы, и молебная совершивъ у честныя иконы ея, и здравие получи, отъиде в домъ свой, славя Бога и Пречистую Богоматерь.

Чюдо 12. Человекъ нѣкий именемъ Тимофей от веси, нарицаемыя Немнюги. И бывшу ему в Кевролѣ, и прииде болѣзнь на очи его, и пребысть болѣзнуя яко седмицѣ шесть. И прииде же ис Кевролы в монастырь ко Пречистѣй Богородицы, и молебная совершивъ, и здравие получи, отъиде в домъ свой, славя Бога и Пречистую Богоматерь.

Чюдо 13. Инъ человекъ именем Иванъ от страны Мезенския с Килцы. Прилучися убо тому нѣгдѣ на езерѣ рыбы ловити, и абие нача утопати. Бяше бо с нимъ и других пять человекъ. Много же тружающуся ему во езерѣ томъ, яко уже и погрязнути хотяше. Прииде же ему во умъ, и нача молитися Пречистѣй Богородицы, иже в Красной горѣ образу Грузинския. И обѣщася молебная совершити и милостыню подати по силѣ своей. И в той часъ избавися от потопления того. По времени же прииде в монастырь к Пресвятѣй Богородицы, и с подруги своими, и молебная совершивше. Сие же сами сказаша, славяще Бога.

Чюдо 14. Человекъ нѣкий именемъ Павелъ от моря окияна съ Зимной странѣ, от веси Мудьюги прииде же в монастырь ко Пресвятѣй Богородицы, повѣдая, яко: «Болѣвшу ми, — рече, — годищное время». И явися ему во снѣ икона Святыя Богородицы и со Превѣчнымъ Младенцем Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ и глагола ему: «Учил ли ся еси псалмомъ?» Аз же рече к ней: «Мало, Госпоже, учихся, токмо вечерню начах до псалма „Гласомъ моимъ ко Господу возвах"».* И глагола ему: «И ты начни говорити, азъ тя научу».И абие воспрянувъ от сна, и в томъ часѣ облегчися болѣзнь моя, и бысть здравъ. И пришел в монастырь ко Пресвятѣй Богородицы, славяще и хваляще Бога и Пречистую Богоматерь.

Чюдо 15. В лѣто 7152-е (1643) месяца декабря в 5 день бысть чудо преславно и удивлению достойно. Прииде убо в монастырь Пречистыя Богородицы и жена нѣкая именемъ Домника от Мезенских предѣлъ, нарицаемыя Дорогия Горы, веси Монастыршина. С нею же прииде отрокъ нѣкий именемъ Тимофей,

повѣдающи сице, яко: «Пред сими денми, — рече, — обѣщахомся итти в монастырь ко Пресвятѣй Богородицы в Красную гору помолитися чюдотворному образу ея. И уже к путному шествию начахомъ готовитися, и прежереченному же отроку Тимофею готовящуся, дѣлающу ему одѣяние на руце свои зимнаго ради времени. В день же недѣлный[1] творящу ему то. Абие прииде яко вихоръ на очи его, и паде ницъ от болѣзни тоя. Лежащу ему два дни. ни ядый, ни пия, ни видящу ему ничтоже, понеже лице все опухло бяше. Родители же его многих врачевъ приводяще к нему, яко до трижды, и никоеяже ползы обрѣтши от них. В третию же нощь едва нѣкако в сонъ тонокъ сведенъ бысть от зѣлныя болѣзни тоя. И явися ему отрокъ в белѣ ризѣ юннымъ возрастомъ и рече ему, что: „Ты хотѣ итти в Красную гору помолитися ко Пресвятѣй Богородицы". Онъ же рече к нему: „Како ми итти, Господь убо у мене зрѣние отъятъ". Той же рече: „Аще во утрии неотложно поидеши ко Пресвятѣй Богородицы, и совершенное здравие обрящеши. Возми убо сребряницу и шедъ, купи свѣщу, и донеси ю тамо, и постави пред чюдотворною Богородичною иконою, и тако исцѣлѣеши заутра". Азъ же вопросих его: „Ты кто еси? И что ти есть имя?" Онъ же рече ми: „Имене моего невозможно ти есть вѣдети ради человеческаго лукавствия". И паки глагола ему: „Еще послушаеши мене и сотвориши обѣщанное тобою, паки мя узриши". И абие возбнувъ от сна, и видѣхъ свѣтъ, и страхомъ обият бысть. И уразумѣхъ, яко здравъ бысть, и повѣда матери своей. И тако приидохъ во обитель Пресвятѣй Богородицы, и се повѣдаю вам». Мы же слышахомъ сия от отрока того, и прославихомъ Бога и Пречистую Богородицу о бывшемъ от нея чюдеси.

Ибо яко от источника текутъ рѣки, и умножается вода, тако и от вѣры приходитъ дар, и умножается всяка добродѣтель. Ничтоже больши честныя вѣры, ни твердѣйши большаго упования. Вѣруяй бо право и уноваяй несумѣнно, таковый дерзновение имать к Богу и вся обрѣтаетъ: елика проситъ, то невозбранно от Господа приемлетъ. Якоже и болящий сей вѣрою получи желаемое здравие, о немже намъ нынѣ *повесть* предлежитъ.

Чюдо 16. Бысть убо нѣкто человекь именемъ Иванъ Андрѣевъ сынь, жилище имый близъ самого дышущаго моря великаго окияна, от веси, нарицаемыя Мудьюги. Случися ему болѣзнь велика и нестерпима зѣло, яко всѣмъ внутреннимъ терзатися от тоя болѣзни великия. И всѣмъ тѣломъ оцѣпенѣлъ бяше, яко ничтоже ему слышати от своего тѣлеснаго естества. Сицевою же нестерпимою болѣзнию страждущу яко десять седмиц. Прииде же ему во умъ, еже помолитися образу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, иже Иверская нарицается, в Черногорскомъ монастыри. И абие во умѣ своемъ несумнѣнною вѣрою начатъ молитися на одрѣ в дому своемъ. И тако молящуся ему. Оле несумнѣнныя вѣры сила! Яко в таковомъ дальнемъ разстоянии в малѣ часѣ услышанъ бысть. И абие внезапу лежа на одрѣ своемъ, слышитъ, якобы

[1] в воскресенье.

нѣкая рука отторже от сердца его лютую ту болѣзнь с великимъ троскотаниемъ. И бысть здравъ, яко николиже болѣвъ. И разумѣвъ скорое свое исцѣление и прослави Бога и Пречистую Богородицу. И прииде в монастырь той, и падъ пред чюдотворнымъ образомъ Пречистыя Богородицы, повѣдая всѣмъ скорое свое исцѣление. Совершив же молебная и отъиде в домъ свой, славя Бога.

Чюдо 17. Якоже бо небо украшено звѣздами, и земля различными благовонными цвѣты, тако и церковь, яко другое разумное небо, украшается различными Богоматерними чюдесы, имѣюще в себѣ светлость нелестныхъ звѣздъ — преславных и неисчетных Богоматернихъ различныхъ чюдесъ, якоже доброплодная земля на кииждо годъ износящи добровонная и различная цвѣты, неисчетная Богоматерни чюдеса, от нихже едино нынѣ повѣмъ, бывшее в настоящее лѣто сие от бытия мира 7157-е (1649) месяца февраля въ 12 день.

Бысть убо нѣкий человекъ именемъ Июда Петровъ сынъ тоя же Двинския страны, от веси, нарицаемыя Щипичинка. Бысть же ему от младенства, якоже самъ повѣда, обдержиму быти болѣзнию безвестно нападающаго нечистаго духа. Тою болѣзнию устрашая всѣхъ сущихъ в дому его, страшенъ являяся и развращеннѣ оцѣимый пременяя видъ свой. Сам же отнюд великия тоя немощи не помняше. Егда же бо от нея на время свобождашеся, тогда свои ему повѣдаху. Онъ же зѣло о семъ скорбяше. Пребывающу же ему в таковѣй болѣзни той 15 летъ, вельми же скорбяху сродницы его *о нем, зряще* его такою лютою болѣзнию одержима суща. Имѣя же и приснаго си брата. Слышаху же о чюдесѣх, бывающих от иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, яже Иверьская нарицается, в Черногорскомъ монастырѣ. Помыслиша послати его тамо потрудитися с прочими тружающимися в монастыри томъ, да негли милостию Пречистыя Богородицы исцѣление получитъ. И еже помыслиша, то и сотвориша, и послаша его тамо. Братъ же его присный обрѣте на Холмогорах старца обители тоя, именемъ Макария, пребывающа ту монастырьских ради потребъ. И повѣда ему о семъ, и моля его о немъ. Такожe по силѣ и от имѣния своего подаде милостыню в монастырь той. Егда же прииде бѣсноватый в той манастырь Пресвятыя Богородицы, тогда недуг той паче начат належати ему. Пребывшу же ему ту три недели, тружаяся с прочими работники монастырьскими на братию с послушаниемъ. Видѣвше клеврети его таковое его послушание, жаляще о немъ. Нѣцыи же от них имуще злый обычай, и наузы волшебныя* навязываху ему, да негли симъ отгонят от него бѣса, но обаче погрѣшиша, не можетъ бо *по* Господню словеси: «Како можетъ сатана сатану изгонити».* Таже начатъ легчае быти ему от болѣзни тоя. Они же чаяху, яко от нихъ наузовъ легчае ему бываеть от недуга. Посемъ же явися ему во снѣ икона Пресвятыя Богородицы, Иверская наричема, и гласъ от иконы к нему глаголя: «Июдо, не спи, но молися, да свободишися от недуга твоего». Онъ же возбнувъ, и никомуже видѣния не повѣда, но молит строителя и братию, да поволятъ ему от службы ко церковному пѣнию и ко образу Пречистыя Богородицы ходити не-

возбранно во дни и в нощи. Паки же в другую нощъ видѣ во снѣ мучащаго его нечистаго бѣса во образѣ дѣвицы, аки понужающаго с собою на скверное смѣшение, и паки же в перьвую нощъ явлейся ему человек, тойже возбнувъ его, повѣлѣвая ему молитися. Возбнув же онъ от сна и возбуди сущаго с нимъ в кѣлии человека именемъ Харитона, помышляя, яко онъ его возбуждаетъ на молитву. Изшед же вонъ из кѣлии ко церкви Святыя Богородицы и молися на монастырѣ яко два часа. И паки вниде в кѣлию свою, явления же своего не повѣда тогда. Паки же в третию нощъ, свитающи средѣ, видѣ видѣние во снѣ, аки старецъ келарь того же честнаго монастыря именемъ Кирилъ пришедъ к нему во свѣте велицѣ, глаголя: «Июдо, востани, се Богородица прииде посѣтити тебе, иже избави от мучащаго тя нечистаго бѣса». Бѣ же той предпомянутый инокъ Кирилъ уже многолѣтенъ сый, яко девятидесяти лѣтъ, иже и по се настоящее время еще живъ сый, во святѣй обители сей богоугодно живый. Возбнувъ же Иуда от сна своего, и свѣтъ единаче видя в келии чювственныма очима. Абие же утро шед во церковь, и падъ пред чюдотворным образомъ Пречистыя Богородицы, со слезами моляшеся. Братия же начаша вопрошати его. Онъ же не смѣяше повѣдати видѣния того и исцеления своего. Обачеже[1] повѣда пред всѣми со многими слезами, и вси прославиша Бога и Пречистую Богородицу о бывшемъ от нея чюдеси. Человекъ же той оттолѣ здравъ бысть от великаго недуга того, благодаря и славя Христа Бога и Пречистую Богородицу.

Чюдо 18 о старцѣ Ионѣ того же монастыря Черногорскаго. Понеже убо предивно чюдо содѣяся в послѣднемъ родѣ нашемъ милостивнымъ посѣщениемъ и благоволениемъ Творца всему Господа нашего Исуса Христа и рождьшия его Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии пред чюдною и чюдотворною ея иконою, честнаго и славнаго ея Одигитрия, еже есть крѣпкая помощнице, яже наричется Грузинская, в Двинстей области близ Студеного моря, на рѣцѣ Пѣнеге, во обители ея на Черной горѣ. Содѣя же ся сие преславное чюдо сице.

Бысть нѣкий чернец именемъ Иона, сожитие имея преже во обители Пресвятыя Богородицы, иже есть на Черной горѣ. Повѣда вещь предивну, яко: «Пришедшу ми во обитель Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии на Черную гору, иже на Пѣнеги рѣцѣ, и живщу ту нѣколико время во обители той. И по нѣколицѣхъ времени от насилия небоящихся Бога ту живущих человекъ отъиде от обители тоя, не могий стерьпѣти. И пришедшу ми во обитель Живоначалныя Троицы, иже есть наричется Сиский.* И препроводившу ми ту нѣкое время. И по благословению обители тоя игумена и братии посланъ бысть на ловитву рыбную на море великое окиян, в весь, нарицаемую Варзугу. И пребывающу ми на ловитвѣ той в веси предиреченной, и внезапу разболѣся недугом тяжкимъ, и разслабишася вси состави тѣла моего, яко не мощи ми

[1] однако, все же.

ни с мѣста двигнутися никаможе. Сущии же со мною работницы едва посаждаху мя, и деръжаху, и даваху ми ясти. Азъ же едва и пищу приимахъ усты моими, и не свѣдахъ себе жива или мертва. И пребывах тако, стража в болѣзни той лютѣ, томимъ яко три месяцы. И во умѣ своемъ воспомянухъ преславныя и несказанныя чюдеса, бывающия от иконы Пречистыя Богоматере, честнаго ея Одигитрия, иже на Черной горѣ, и первое свое обѣщание, еже жити во обители тоя, и исхождение от обители ея. И возопихъ умилно в лютой той болѣзни со слезами сице: „О всемилостивая Владычице Пресвятая Богородице! Помилуй мя окаяннаго и прости мя грѣшнаго от лютыя болѣзни, яко да шедъ паки во обитель твою, отнюдуже неразумиемъ своимъ изыдохъ, и да плачюся грѣха своего, еже согрѣших к тебѣ, Владычицѣ!" И внезапу от болѣзни тоя успе, и нѣколико время сномъ обиятъ быв. Бяше же ту в дому томъ живяше нѣкая жена, овдовѣвши от мужу своего. У нея же дщи в малѣ возрастѣ во младенчествѣ сущи. И слыш*ахъ* ея, глаголющи к матери своей сице, яко прииде Святая Богородица ис Черной горы, и исцѣлила старца Иону, и простила его. Аз же почивах, и недоумѣхся, и к Богородицѣ умилно моляхся. И внезапу востах пред всѣми, и сѣде, и нача в томъ часѣ ходити, яко николиже имѣя в себѣ болѣзни. И прославиша вси Бога и Пречистую его Богоматерь о исцѣлении болѣзни моея. И скончавъ порученное ми дело по благословению Живоначалныя Троицы игумена и братии обители тоя, и изыдохъ оттуду, и приидохъ во обитель Пречистѣй Богородицы в Черную гору, и молебное совершивъ, и благодарение о своемъ исцѣлении воздахъ Христу Богу нашему и Пречистѣй его Богоматере, повѣдая всей братии обители тоя все, случившееся мнѣ. И пребывах прочее во обители ея никакоже исходно, бояся оного страшнаго за грѣхи своя прещения[1]». Содѣя же ся сие преславное чюдо въ лѣто 7147-е (1639) в славу Христу Богу нашему и Пречистѣй Богородицы.

Чюдо 19 о нѣкоемъ юноши Василии, како даровася прозрѣние очию от иконы Богоматере. Но како возмогу недостоинъ сый, недостойнѣ имѣя устнѣ, повѣдати таковая, но обаче надѣяся на неизреченныя щедроты Сына Божия и того рождьшия молитвы, и милость, и заступление о бывающихъ предивныхъ чюдесѣх Богоматере, от честныя ея и чюдотворныя иконы.

Нѣкий чернецъ тоя же Черногорския обители именемъ Дионисий повѣда сице, яко еше житие имуще в мирѣ з женою своею и с чады, и домовная строявшу, якоже обычай человекомъ в селѣх тружатися земледѣлия, и прочая домашняя потребы, иже суть в суетѣ мира сего. И имѣя у себе сына именемъ Василия. Сему отроку случися болѣзнь люта на очи его, и не видѣ свѣта сего за два лѣта никакоже. Житие же свое имяше предреченный старецъ близъ обители тоя, яко пять поприщъ, в веси, нарицаемой Валдокурьи. И обѣщахся с вѣрою ко образу чюдотворному Пресвятѣй Богородицы, честнаго и славнаго ея Одигитрия, и поведохъ его во обитель сию. «И бывшимъ намъ близъ обители тоя, внеза-

[1] воздаяния, наказания.

пу узрѣ отрок яко мало свѣта. И егда достигъши обители тоя и ко Пресвятѣй Богородицы молебная совершивши, и абие совершенно прозрѣ, яко николиже имѣя в себѣ болѣзни. Видѣв же азъ, отецъ его, сие преславное чюдо, и слышах и иныя безчисленныя чюдеса, бывающия от иконы Пречистыя Богоматере, и оставивъ миръ, и пострижеся в том монастырѣ». Такоже и исцѣленныи сынъ его пребысть со отцемъ своимъ во обители той, тружаяся на братию, славяще Бога вкупѣ и Пречистую Бгоматерь о исцелении своемъ. Содѣя же ся сие преславное чюдо в лѣто 7144-е (1636).

Ч ю д о 20 о и с ц е л е н и и б о л ь н а г о. Понеже убо Божия Матере повсюду преславныя восияша чюдеса от Пречистыя и многоцелебныя иконы Богородичны, честнаго ея Одигитрия. И яко великий свѣть, и яко солнце пресвѣтлое сияющи и нигдѣже утаитися могущу. Понеже бо вездѣ Пренебесная Царица, не точию в ближних странах, но и в далних, милостивно назирающи, якоже бо сицѣ содѣяся преславное чюдо.

Человекъ нѣкий именемъ Василий Феодотов сынъ тое же Двинския области сожитие имѣя по рѣцѣ велицей Двинѣ, на острову, порекломъ Мариловъ. Сему Василию случися люта болѣзнь зѣло, иже наричется щепота. И от тоя болезни опухло лице его и все тѣло. И от очию его зракъ отъятся, и ниоткуду надѣяся помощи. И продолжися болѣзнь его яко на два месяцы. И повѣдаша ему нѣцыи тоя веси сосѣди его о бывающих преславных чюдесѣхъ Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, от чюдотворныя иконы ея Одигитрия, иже наричется Грузинская, на Пѣнеге в Черной горѣ. И егда приспѣ Свѣтлый день Благовѣщения ея марта в 25 день в лѣто 7154-е (1646), о дивное чюдо и преславное! Егда онъ больный изрече со слезами ко Пресвятѣй Богородицы: «О Пресвятая Мати Божия, помилуй мя и исцѣли мя от лютыя сея болѣзни на пресвѣтлый свой праздникъ честнаго Благовѣщения, яко да шедъ ко иконѣ Пречистаго образа твоего, честнаго Одигитрия, якоже повѣдаша мнѣ, в Черной горѣ, и обѣщание свое елико по силѣ исполню!» И в томъ часѣ абие единомъ окомъ прозрѣ. И нача паки велми из глубины сердца своего со слезами вопити, да подастъ ему Пренепорочная Владычица совершенное исцѣление. И внезапу бысть здравъ, яко николиже в себѣ болѣзни имый. И по исцѣлении своемъ никакоже умедли, но вскоре пришед во обитель Пречистыя Богородицы на Черную гору и повѣдая всей братии совершенное свое здравие от чюдотворныя иконы Богородичны. И молебная совершивъ, и отъиде в домъ свой, славя Бога и Пречистую его Богоматерь.

Ч ю д о 21 о и с ц ѣ л е н и и б о л н а г о. Нѣкий человекъ Илия житие имѣя по рѣцѣ Пѣнеге в веси, нарицаемѣй Заозерие, растояние имѣя от обители Пречистыя Богородицы яко седмь поприщъ вниз по рѣцѣ Пѣнеге. Сему же случися болѣзнь зубная велми люта, и зрак лица развратися, и око его затворися. И абие обѣщася во умѣ своемъ ко Пресвятой Богородицы, честнаго ея Одигитрия, Грузинския поставити свѣщу. И не возможе доити болѣзни ради тоя во обитель и посла свѣщу свою тое же обители Пресвятѣй Богородицы со инокомъ Макари-

емъ, бывшу же ему в то время у него посѣщения ради. И егда пред Пречистый образъ постави прежереченный инокъ Макарий свѣщу ту, и в томъ часѣ видитъ человека того, грядуща здрава во обитель ко Пресвятѣй Богородицы и повѣдая свое исцѣление. И совершив молебная, отъиде в домъ свой, славя Бога и Пречистую Богоматерь.

Чюдо 22 о священноиереи Андреи. По сихъ же убо временехъ прослыша повсюду Богоматере, от чюдотворнаго образа ея предивная исцѣления с вѣрою приходящимъ. Священникъ нѣкий именемъ Андрей Гавриловъ из веси, нарицаемыя Малыя Немнюжки, повѣда сице вещь преславну, како даровася ему исцѣление Богоматере от чюдотворныя ея иконы Одигитрия, иже наричится Грузинская, в Черной горе. «Случися ми, — рече, — болѣзнь люта зѣло, и не видѣ свѣта сего очима моима четыре месяцы. И внезапу в недоумѣнии бывъ мнозѣ, ниоткуду чая помощи. И слышах о бывающих чюдесѣхъ от чюдотворныя иконы, образа Пречистыя Богоматере. И обѣщахся ити во обитель, и молебенъ совершивъ, и абие прозрѣ, яко николиже болѣхъ, и бысть здравъ. И отъиде в домъ свой, славя Бога и Пречистую Богоматерь». Содѣя же ся сие преславное чюдо в лѣто 7148-е (1640).

Чюдо о женѣ, иже внѣ ума бысть, 23. Не мню убо праведно и сие молчанию предати, еже содѣяся в лѣто 7150-е (1642) во святый Великий постъ. Прииде нѣкая жена именемъ Феодора, родомъ Двинския области от веси, нарицаемыя Мудьюги, близъ Студенаго моря за три поприща и повѣда сице: «Случися убо мнѣ внѣ ума быти многое время. И слышахъ бывающая преславная чюдеса от иконы Пречистыя Богоматере, иже в Черной горѣ, и обѣщася ити во обитель ея и молебная совершити. Бяше бо разстояние веси тоя от обители тоя яко 100 и *пять* поприщъ, но и вящши[1]. И егда доидохъ обители тоя, и совершив же молебная ко Пресвятѣй Божии Матери, и в томъ часѣ от великия тоя немощи здрава бысть, яко ни весма видѣхъ привидѣния дияволя. И отъиде в домъ свой, славя Бога и Пречистую его Богоматерь».

Чюдо 24 о женѣ разслабленѣй. Паки убо не подобаетъ и сего молчанию предати, еже содѣяся в нынѣшнее время послѣднее в лѣто 7157-е (1649). Нѣкая жена тоя же Двинския области Сояльского стану, веси, нарицаемыя Заозерие, лежаше в разслаблении лѣта доволна. И слышавъ бывающая предивная чюдеса от чюдотворныя иконы Богоматере, честнаго и славнаго ея Одигитрия, иже наричется Грузинская, во обители на Черной горѣ. И повелѣ нести себе во обитель прежереченную на Черную гору. И сродницы ея едва донесоша до малыя ладиицы на одрѣ болну сущу, и живота своего отчаявся, и никакоже ногама могущи двигнутися. И егда привезоша ея близъ монастыря к селу, нарицаемое пореклому Плещево, и внезапу болная та ставши со одра своего, и поиде на гору сама о себѣ. И видѣвше сущии ту людие, и радости напол-

---

[1] больше.

нившеся, и воздаша хвалу Богу и Пречистѣй его Богоматери. Жена же иде, и молебная ко Пресвятѣй Богородицы совершивъ, отъиде в домъ свой, радуяся, проповѣдая великое и неизреченное милосердие Христа Бога нашего и Пречистѣй его Богоматери.

Чюдо преславно Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, содѣяся от чюдотворныя иконы ея, честнаго и славнаго Одигитрия, иже наричется Грузинская. Чюдо 25. «Тайну цареву добро есть таити, а дела Божия проповѣдати преславно есть». Не хранити бо тайны царя — зѣло бѣду души наноситъ. Сице убо и преславныя дѣла Божия молчанию предати — наипаче пагубнѣйши души бываетъ, якоже бе и нынѣ содѣяся напослѣдокъ в послѣднемъ нашемъ родѣ на утвержение истинныя православныя християнския вѣры и на посрамление невѣрнымъ, не хотящимъ поклонятися и почитати Пречистаго вочеловѣчения образа Христа Бога нашего и рождьшия его Богоматере, Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии. О них же написа блаженный Иоаннъ Дамаскинъ сице: «Прокляты да будутъ непоклоняющиися, ни чтущии Пречистаго образа Пресвятыя Владычицы Богоматере с Превѣчным Младенцемъ Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, имже кончина будетъ, вѣчная погибель». Мы же убо, правовѣрнии, вси цѣлуемъ любезно и почитаем образъ Пречистыя и Приснодевы Марии и с Превѣчнымъ ея Младенцемъ — Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, яко на самую истинную Матерь нашу Богородицу Владычицу во умѣ своемъ зряще, и яко Пренебеснѣй Царицѣ страхомъ и любовию припадающе. Страхомъ убо грѣха ради, любовию же спасения ради. Понеже убо достойно, аще и недостойнымъ, коснутися к повѣданию чюдному Богоматери безсмертия источнику, к великому и славному чюдотворению. Понеже бо случися вещь предивна, и милость превелика Богоматере от чюдотворнаго ея от образа. Якоже нѣкий едемский источникъ безчисленныя безсмертия сладкия воды источая, понеже бо праведнымъ Божиимъ великимъ милосердиемъ и изволениемъ ея, Пренебесныя Царицы, како возлюби и изволи, яко жива, и восхотѣ уселити жилище себѣ с Превѣчнымъ Младенцемъ во убозѣмъ таковѣмъ мѣсте, уселитися и пребыти, яко во Святѣй горѣ Синайстѣй. О великое твое заступление печалнымъ, и бѣднымъ намъ помощница, и спасение миру, и утвержение, милости пучина, Божия мудрость, источникъ мирови, Одигитрие! Воспоем, вѣрнии, славнымъ ея заступлениемъ хвалящеся неизреченно, еяже изволениемъ наипаче восхотѣ прославити послѣднее сие мѣсто в послѣднее время и честным своимъ осѣнениемъ осѣнити, и прославити, и просвѣтии. И излия богатно от чюдотворнаго своего образа великую свою неизсказанную чюдотворную исцѣления благодать. Бысть же сице в нынѣшнее настоящее время в лѣто 7158-е (1649) октября в 25 день при державѣ благочестиваго и христолюбиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русии, и при сынѣ его благовѣрномъ и благородномъ царевичѣ князѣ Димитреи Алексѣевичѣ* всеа Росии, и при богомолцѣ

отцѣ ихъ, великомъ господинѣ святѣйшемъ Иосифѣ патриархе Московскомъ и всеа Русии,* и при митрополитѣ Никонѣ великаго Новаграда и Великихъ Лукъ,* и при строители святаго мѣста сего, Черногорския пустыни, старце Сергии, яже о Христѣ з братиею, содѣяся чюдо преславно от иконы Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго ея Одигитрия, иже наричема Грузинская.

Приидоша убо нѣкия две жены во святую ту обитель Пречистыя Богородицы, честныя и славныя ея Похвалы, в Черную Гору от веси, нарицаемыя Марьины Горы, растояние имущи от обители яко 100 поприщъ и вяще. Имя единой Евфимия, друзѣй же Феодосия. Евфимия же убо повѣда сие преславное чюдо, случившееся ей: «Бывшу ми, — рече, — в болѣзни 9 месяцъ и болѣвшу ми тяжкою немощию, яже наричется щепота. И от немощи тоя разслабишася вси составы тѣла моего, и никакоже с мѣста своего востати не могущи отнюдъ. И сице лежащу ми в болѣзни той лютой долгое время сие. И слухомъ слышах бывающая чюдеса преславныя от иконы Пречистыя Богоматере, честнаго ея Одигитрия, иже во обители на Черной Горѣ. И во умѣ своемъ помолившися, лютою болѣзнью одержима, и обѣщася ити во обитель Пречистыя Богородицы пѣша. О великое и неизслѣдимое милосердие Богоматере! В томъ часѣ бысть здрава, якоже никогда болѣзни имѣющи». И слышавше сие преславное чюдо окрестъ веси тоя живущии людие, и хвалу воздаша Всещедрому Богу и Пречистѣй его Богоматере.

И возвѣстиша сие чудо в веси, отстоящей от тоя яко пять поприщъ, порекломъ наричется Пукшенга, прежереченной женѣ Феодосии. Сущи ей тогда в недузѣ своемъ лежати 14 лѣтъ и никакоже со одра своего в та лѣта воставающи. Слышавши же сие преславное чюдо, возопивши велми во стонании сердца своего умилнѣ: «О Всемилостивая Владычице, помози окаяннѣй страннице в сей тяжкой болѣзни, избави мя от долголѣтнаго сего недуга!» И многая моления со слезами изрече. И обѣщася, рече: «Аще исцѣлиши мя, Владычицѣ, да иду пѣша до честнаго образа твоего». О дивное и несказанное и недовѣдомое человеческу уму содѣяся преславное чюдо! Како от толикия долготныя болѣзни во единомъ часѣ пременися и бысть здрава, якоже николи болѣзни имевши. О великое милосердия Богоматере и неистекаемы пучины щедроть! Кто можетъ исповѣдати или изслѣдити, наипачеже в нынѣшнее конечнѣе время и в послѣднем родѣ содѣяся таковое великое и неизреченное милосердие Богоматери! И в томъ часѣ воставши со одра своего здрава и слезы теплы от радости испущая. И забывшу скорбь, яже преже 14 лѣт на одрѣ лежащи и никаможе поступающи. Любовию распаляющися, повѣдающи всѣмъ сущимъ в веси той преславное милосердие Богоматери. И во умѣ своемъ помышляше: «Аще бы толикъ путь единемъ часомъ минути». И сия слышавше веси тоя людие, и ужасошася, и радости исполнишася, похвалныя пѣсни Богородицы воздающе, не токмо старии, но и малии младенцы радости исполнившася о семъ великом милосердии Божия Матери. И шедъ къ прежереченнѣй жене Евфимии в другую весь, ейже преже бысть ис-

цѣление от Пренепорочныя Матери Божия, от чюдотворныя ея иконы, и повѣдавше ей свою немощь, еже бысть в четыренадесяти лѣтехъ, и како исцѣление получи помощию Пресвятыя Богородицы. И согласистася, поидоша пѣ*ши* к доброй исцѣлительницы во обитель Пресвятыя Богоматере, к чюдотворнѣй ея иконѣ. Егда достигоша радостию обители тоя и возвѣстиша преславное сие чюдо строителю святаго мѣста того и братии, каяждо свое исцѣление. И молебное совершивше, и любезно цѣловавши радостию, и со слезами обливающеся, благодарение воздающи Всещедрому в Троицѣ славимому Богу и Пречистѣй его Богоматери. И отъидоша в домы своя, повѣдающе преславное свое исцеление во всякой веси. Сия убо мы видѣвше, недостойнии, своима очима и слышахом от устъ тѣхъ женъ истинное ихъ исцеление и велию вѣру ко Пречистѣй Божии Матери. И со слезами умилнѣ зряще на Пречистыя ея лица зракъ, вопиюще: «О Пренебесная Царица, Богородице Марие, свѣтоприемнице божественнаго свѣта, вмѣстилище и престолъ Божияго слова, пророческое зерцало, апостольская проповѣдь, мученикомъ страдания, вѣнче святителем, похвала преподобнымъ, свѣтлое пѣснословие, и помощнице праведнымъ, и всѣмъ святымъ ликование, вселенских церквей чюдная похвало, царемъ православнымъ держава непобѣдимая, архиереемъ свѣтлый вѣнче, и всего православнаго християнства божественный покрове и помощнице, всяческихъ золъ избавление, и грѣхомъ разрѣшение, и вѣчному животу наставнице и божественный ходатай! Даруй убо, о Владычице Богомати, заступление и помощь свѣтло и радостнѣ почитающимъ твоя неизреченная и дивная проповѣдати чюдеса честныя твоея Богородичны иконы на спасение и заступление послѣднимъ родомъ, и алчющая сердца наша напитай небесною пищею, и веселия духовнаго исполни, и смирение даруй в мыслѣхъ наших, и страх Божий всади в сердца наша, и любовь нелицемѣрну утверди в душахъ наших, и на всякъ путь божественных заповѣдей настави, еже ходити по заповѣдем Сына твоего, Господа нашего Иисуса Христа, емуже слава всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь».

Чюдо преславно Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, содѣяся от подобия тоя чюдотворныя иконы, ея честнаго и славнаго Одигитрия, иже наричется Грузинская. Како исцѣли отроча болное в царствующемъ градѣ Москвѣ, Государевы сребряные полаты сребреника именемъ Гавриила. «Тайну цареву добро есть таити, а дѣла Божия проповѣдати преславно есть». Не хранити бо тайны царя — зѣло бѣду души наноситъ. Сицѣ убо и преславная дѣла Божия молчанию предати — наипаче пагубнѣйши души бываетъ, якоже бо и нынѣ содѣяся напослѣдокъ в послѣднемъ нашемъ родѣ на утвержение истинныя православныя христианския вѣры и на посрамление невѣрнымъ, не хотящимъ поклонятися и почитати вочеловечения образу Христа Бога нашего и рождьшия его Богоматере Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии. О них же написа блаженный Иоаннъ Дамаскин

сице: «Прокляти да будутъ непоклоняющиися, ни чтущии Пречистаго образа Пресвятыя Богоматере с Превѣчнымъ Младенцемъ, Господемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, имже кончина будетъ, вѣчная погибель». Мы же убо, правовѣрнии, вси цѣлуемъ любезно и почитаемъ образ Пречистыя и Приснодевы Марии с Превѣчнымъ ея Младенцемъ, Господемъ нашимъ Иисусомъ Христом, и яко на самую истинную Матерь нашу, Богородицу Владычицу во умѣ своемъ зряще, и яко и Пречистѣй Царицѣ страхомъ и любовию припадающе. Страхомъ убо грѣха ради, любовию же спасения ради. Понеже убо достойно, аще и недостойнымъ, коснутися к покаянию чюдному Богоматери безсмертия источнику, к великому и славному чюдотворению ея. Понеже бо случися вещъ предивна и милость превелика Богоматере от подобия чюдотворнаго образа ея. Якоже бо нѣкий источникъ едемский безчисленныя безсмертия сладкия воды источая, и якоже Сынъ тоя и Богъ всякой твари Господь нашъ Иисусъ Христосъ и прежде показа своея милости благодать на человечестѣмъ родѣ, како посла своего лица зракъ, воображение, на убрусѣ во Едесъкий градъ иже ко Авгарю во исцѣление,* тако и сия Пренебесная Царица и Бога нашего Мати показа лучи своея благодати, тоя чюдотворныя иконы подобие, и удиви народи царствующаго града. От нихже мало нѣчто хощу повѣдати вашей любви, и да не забвениемъ глубиною и сие покрыто будеть.

Бысть же сицѣ в нынѣшнее настоящее время, в лѣто 7162-го (1654), 1 недели святаго и Великаго поста, при державѣ благочестиваго и христолюбиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя и бѣлыя Росии самодержца, и при сынѣ его, благовѣрномъ и благородномъ царевиче князѣ Алексѣе Алексѣевиче,* и при богомолцѣ святѣйшемъ Никонѣ патриархѣ Московскомъ и всея Росии, и при митрополитѣ Макарии Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ.*

Сребряникъ нѣкто именемъ Гаврило Евдокимовъ слышавъ, в Двинскомъ уѣздѣ на Пѣнеги рѣцѣ, что на Красной горѣ, во обители от тое чюдотворныя иконы Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго и славнаго ея Одигитрия, иже нарицается Грузинская, что Богъ творитъ преславная чудеса. И в Троицы славимый Господь Богъ Вседержитель восхотѣ прославити тою чюдотворною иконою имя Матери своея в царствующемъ градѣ Москвѣ. И милостию своею вложи ему Богъ и Пречистая Богородица желание в сердце его, чтобы ему, Гаврилу, видѣти было своима очима того чюдотворнаго образа подобие и внести освящения ради в дом свой. И посылаетъ по тое икону ученика своего в домъ гостя Богдана Семенова ко священноиноку Макарию, посѣщения ради и благословения дому своего, понеже тому священноиноку Макарию тое же Черногорския обители прилучися тогда быти за тою чюдотворнаго образа подобиемъ на Москвѣ нѣкоего ради орудия монастырьского. И не презрѣ Богъ желания сердца его и сподоби его, Гаврила, видѣти тое икону и внести в домъ свой, радуяся, славя Бога. И пѣвше молебная пред тѣм образомъ о исцѣлении

отрочате своего от тяжкия и смертныя болѣзни. И обѣщася написати образъ подобия тоя чюдотворныя иконы Одигитрия Грузинския и поставити в дому своемъ. Оле чюдо! И по вѣре его дарова ему Богъ и Пречистая Богородица, от тоя иконы отрочате его от тоя тяжкия болѣзни и лютыя скорое исцѣление. Якоже рече Господь: «Вѣрующему вся возможна суть»* и «По вѣре, ваю, буди вама».*

И той человекъ, славя Бога и Пречистую Богородицу о исцелении отрочате, и той нача повѣдати, и немногимъ сие чюдо исповѣдавъ. И слыша от нею нѣкто человекъ, Прокопий имянемъ, таковое милосердие Божие на родѣ человѣчестѣмъ и мнѣвъ, яко лжа есть, а не истина. И Всемилостивый Христосъ Богъ нашъ не остави его в таковомъ невѣрии погружатися, ища нашего спасения, восхотѣ видѣниемъ истинну увѣрити, яко видѣние слуха вѣрнѣйша да бываетъ. И того же году месяца майя в 11 день инъ нѣкий человекъ именемъ Иванъ Василиевъ сынъ Филатова да Прокопей Борисовъ, прослутиемъ же Семой Шешенинъ, от великия рѣки Двины с Колмогорского посаду. И придоша паки в домъ того же гостя Богдана Щепоткина, понеже и тѣма случилося тогда тамо же сущимъ быти. И повѣдаша про товарища своего живуща на Колмогорах же Ивана Минина, что онъ в конечной немощи боленъ во иступлении ума, и в концы своего живота мучимъ от нечистаго духа, и божеству стужаетъ, и святымъ иконамъ не кланяется. И чтобы тое богородичну икону внести к тому болящему Ивану в домъ гостинные сотни Михаила Кошелева. И преждепомянутый онъ священноинокъ Макарий вручаетъ имъ по прошению ихъ тоя чюдныя иконы подобие, Одигитрия Грузинския, и посылаетъ к болѣвшему и бѣснующеимуся. Той же болящий увидѣвъ в дому своемъ тое богородичну икону и, *перекрестив лице свое*, *поцеловав икону*, и в той часъ облегчися болѣзнь его. И онѣ колмогорцы, видяще того таковое преславное чюдо, и паки приходятъ к тому же черному попу Макарию и молятъ его, да идетъ к болящему, и поетъ молебная, и святит воду. И той священноинокъ Макарий къ болящему приходитъ, молебная совершаетъ и воду святитъ с приходцким Троицкимъ священникомъ с Савою Никитиным и с прочими церковными причетники, и тою освященною водою болящаго окропляетъ, и пити ему повѣлѣваетъ. И не презрѣ Богъ прошения рабъ своих, видя мучима человеческаго естества от нечистаго духа. И помилова раба своего, и дарова ему Богъ милость свою молитвами Матери своея Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, увѣряя насъ святымъ образомъ честнаго и славнаго ея Одигитрия и всѣхъ святых молитвами в царствующемъ градѣ Москвѣ. От тоя иконы Богъ даровалъ тому болящему в той часъ совершенное исцѣление, и началъ смысленно и в целоумии глаголати, и Богу со слезами молитися, и Пречистую Богородицу на помощъ призывати, и Псалтырь говорити, и людей познавати, и ходити. А слежалъ в томъ недузѣ у того же Михаила Кошелева на подвории 10-ть недель. И в той же часъ видяще тоя преславныя чюдеса, от таковыя тяжкия и смертныя болѣзни скорое премѣнение во единъ часъ и в разумѣ исправление, и воспомянувъ прежереченный Прокопей прежнее свое

мнѣние и невѣрие о первомъ чудеси от тоя иконы подобия чюдотворнаго образа о исцѣлении отрочате, обличая себе в поношении на чернаго попа Макарию, и в томъ поставляетъ свидѣтеля Бога и Пречистую Богородицу предо многими послухи, что одержимъ быхь прежде невѣриемъ и до сего преславнаго чюдеси. И воспомянувъ Божественное Писание, якоже рече Господь: «Вѣрующимъ вся возможна суть от Бога». И милосердова о немъ, и не остави его Богъ и Пречистая Богородица погружатися в таковомъ невѣрии, желая нашего спасения, увѣряя его преславными чюдесы. И сподоби его тое икону внести к тому болящему и бѣснующемуся, и поцѣловати приложилъ своими рукама. И видяще тое преславное чюдо, и скорое в разумѣ премѣнение, и от болѣзни исцѣление своима очима, и отложивъ невѣрие, и моля Бога со слезами, и прося прощения о первомъ своемъ согрѣшении и поношении. И обѣщася вѣру имѣти в домъ Пречистыя Богородицы и до смерти своея. Да и мы, братие, вѣруемъ яко есть истина. Аще кто не вѣруетъ истинны, да посѣщаетъ Богъ милостию в наказание за невѣрие наше и кривины ради душъ нашихъ, да и мы чаемъ и вѣруемъ правосудия Божия.

Инъ нѣкто человекъ Сояльского стану с Маркова Березника именемъ Феодор, порекломъ Бѣтюковъ, от тоя же великия горы за два поприща, за рѣкою Пѣнегой, у негоже нѣкто сынъ именемъ Аверкий *от шести* лѣтъ имѣя возраста своего. И случися убо отроку тому скорбь нѣка огнена, и слежащу ему в томъ недузѣ лѣтнее время, и никакоже сходяща со одра своего, зѣлныя ради болѣзни той. И тако сему пребывающу. И абие отрокъ той сведен бысть в сонъ тонокъ и видящу ему в дому своемъ, якобы прииде нѣкто мужъ в бѣлѣ одежи и глагола ему: «Вели убо вести себя в Красную гору ко Пресвятѣй Богородицы Одигитрия, и принеси 2 свѣщи, и помолися, и исцѣлѣеши». И абие возбнувъ от сна того и нача сказовати домашнимъ. Они же слышаще таковая, и приидоша во обитель, и болящаго принесоша, и обѣ свѣщи тии, и молебная совершивше месяца сентяврия въ 8 день на праздникъ честнаго и славнаго ея Рождества, и совершенное исцѣление получиша. И отъидоша в домъ свой, воздающе славу Христу Богу нашему и Пречистѣй его Богоматере. Сие же чюдо намъ тии сами повѣдаша.

Ино чюдо Пресвятѣй Богородицы. Ниже убо сие молчанию предати достойно, понеже бо праведнымъ Божиимъ великимъ милосердиемъ и изволениемъ ея, Преподобныя Царицы, како возлюби и изволи, яко жива, и восхотѣ уселити жилище себе с Прѣвечьнымъ Младенцемъ, во убозѣмъ таковомъ мѣсте уселитися, и пребыти яко во Святѣй горе Синайстѣй. О великое твое заступление печалным, и бѣднымъ намъ помощница, и спасение миру, и утвержение, милости пучина, Божия мудрость, источникъ мирови Одигитрие!* Воспоемъ, вѣрнии, славнымъ ея заступлениемъ хвалящеся неизреченно, еяже изволениемъ наипаче восхотѣ прославити послѣднее сие мѣсто в послѣднее время, и честнымъ своимъ осѣнениемъ осѣнити, и прославити, и просвѣтити. И излия богатно от чюдотворнаго своего образа великую свою и несказанную чюдотворную исцѣления благодать.

Бысть же сице въ лѣто 7163 (1655) марта в 21 день при строители святаго мѣста Черногорския пустыни старце Сергии, яже о Христѣ з братиею, и при настоятеле священноиноке Герасимѣ. Приидоша убо нѣкая жена во святую ту обитель честныя и славныя ея Похвалы в Гору Черную от веси, нарицаемыя с Тимощельи, Мезенския области, именемъ Пелагия Панфилова дочь. И повѣда убо вещь сию случившуюся ей: «Случися убо мнѣ болѣзнь очная, з два годы не видя очима нимало свѣта». И от тоя тяжкия болѣзни не знаяше она, что есть, день или нощь. И бывшу ей тако в скорби, и в тузѣ немалѣ, и от зѣлныя тоя болѣзни в сонъ сведена бысть. И прииде к ней аки гласъ жены нѣкия, глаголющъ: «Иди убо ты, о жено, на Красную Гору во обитель ко Пресвятѣй Богородицы. И обѣщайся помолитися, тоя убо возможно есть такия болѣзни исцѣляти». И абие возбнухъ от сна, и в той часъ прозрѣхъ своима очима, и видѣхъ свѣтъ, и яко николиже болѣхъ, и бысть здрава и слезы теплы от радости испущая, и неизреченное милосердие Богоматере во умѣ своемъ имуще. И по малѣ времени прииде в монастырь, сие чюдо повѣдаша, и молебная соверши, и любезно цѣловавши радостию, и со слезами благодарение воздающе Всещедрому в Троицѣ славимому Богу и Пречистѣй его Богоматере. И отъидоша в домъ свой, повѣдающе преславное свое исцеление. И таковая убо мы видѣвше, недостойнии, своима очима, и слышавше от устъ тѣхъ людей истинное ихъ исцѣление и велию вѣру ко Пречистѣй Божии Матери, и со слезами умилнѣ зрящи.

О Пренебесная Царице Богородице Марие, свѣтоприемнице божественаго свѣта, вмѣстилище и престолъ Божияго Словеси, пророческое зерцало, апостольская проповѣди, мучеником страдания вѣнче, святителемъ похвало, преподобнымъ свѣтлое пѣснословие, и помощница праведнымъ, и всѣмъ святымъ ликование! О вселенскихъ церквей чюдная похвало, царемъ православным держава непобѣдимая, архиереомъ свѣтлый вѣнче, и всего православнаго християнства божественный покрове, и помощнице всяческихъ, и зол избавление, и вѣчному животу наставнице и божественный ходатай! Даруй убо, о Владычице Богомати, заступление и помощъ свѣтло и радостнѣ почитающимъ твоя неизреченная и дивная проповѣдати чюдеса честныя твоея Богородичны иконы на спасение и заступление послѣднимъ родомъ, и алчущая сердца наша напитай небеснаго пищею, и веселия духовнаго исполни, и смирение даруй в мыслѣхъ наших, и страх Божий всади в сердца наша, и любовь нелицемѣрну утверди в душах нашихъ, и на всякъ путь божественныхъ заповѣдей настави, еже ходити по заповѣдемъ Сына твоего, Господа нашего Иисуса Христа, емуже слава во вѣки! Аминь.

Ино чюдо Пресвятѣй Богордицы о женѣ, болящей очима. Понеже ни сему умолчатися могущу. Нѣкая убо жена Калинина, порекломъ Половинина, именем Мария, от веси Валдокурьи. И случися ей болѣзнь очная за два годы, уже и зракъ отъяся от нея, яко не видѣти ей свѣта сего. И ниоткуду себе помощи надѣяся. И слыша от многих преславных чюдесъ от иконы Пречистыя Богородицы, иже наричется Грузинская, и вѣру держа во умѣ своемъ, и

обѣщася молебное совершити. И не по многих днехъ прииде во обитель Пресвятыя Богородицы на Красную Гору, и пѣвше молебная, и бысть ей облегчение от тоя болѣзни. И не по мнозѣ явися женѣ той прежереченнѣй Марии явление нѣкое Божие во снѣ о иконѣ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго ея Умиления, еже есть Владимирския, о неюже прежде повѣдано бысть, иже прииде от Кеврольския области в Гору Черную. И глаголя ей: «Жено, почто презрѣла еси моея иконѣ помолитися и призвати на помощъ, иже прежняя нарицается!» И абие же возбнувъ от сна того, и воставше со одра, и ужаса исполнися. И размышляя в себѣ о чюдномъ видѣнии томъ. И паки второе прииде во обитель и молебное совершивше прежней чюдотворнѣй иконѣ Богородичны Умилению на празникъ честныя и славныя ея Похвалы в славу Христу Богу нашему и того рождьшей Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Марии. И милости прося, и прощения со страхомъ и радостию, умилне, со многими слезами. И совершенное исцѣление получи и прощение, и яко николиже таковой болѣзни имѣющи во очесѣх своих. И видяще свѣтъ и сие же преславное чюдо намъ повѣда. И отъиде в домъ свой, славяще Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣков. Аминь.

Ино чюдо Пресвятѣй Богородицы. Повѣда намъ нѣкий человекъ мирянинъ, града Москвы житель. Помышляющу ему, яко оставити домъ свой и изыти из града ради посѣщения Божия смертоносныя язвы. *Бѣ бо в то время во градѣ Москвѣ бысть великий моръ на всенародное множество православныхѣ христианъ. И на молитвѣ ставъ, Бога моляще, да управитъ путь его. И зря ко иконѣ, глаголаше: «Пресвятая Богородицѣ Владычице, помилуй и спаси, занеже на путь хощу итти!» И в ту нощь во снѣ явися ему образъ Пречистыя Владычицы ншея Богородицы и Приснодевы Марии, на руку имущь Превѣчнаго Младенца Христа Бога нашего, глаголя: «Молися Богородицы Грузинской». Онъ же явление то в суетѣ забы, и минувшу тому явлению с неделю. И паки помышляя, совѣщастася с товарищи бѣжати из града с женами и з дѣтьми, да убѣжимъ от смерти. И паки августа в двадесятый день явися ему во вторый во снѣ Пречистая Богородица, глаголя такоже: «Молися Богородицы Грузинской!» И образъ свой Пречистый показа. И той час став к заутрени, и молився во своей келии, и отпѣвъ полунощное правило, дожидаяся своего ходу, церковнаго благовѣсту к заутрени. И мало уснувъ в тонцѣ снѣ. И паки явися той же образъ Пречистыя Богородицы, глаголя: «Молися Богородицы Грузинской, что не на Глиннѣ у мѣлницъ, да сохраненъ будеши!» И сего ради явления Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии не исшедъ из дому своего. Намъ исповѣдаша согрѣшения своя и благодаря Бога, попустившаго на насъ такую казнь, да души наши не погибнутъ.*

*Сие явление видѣхъ и написалъ своею рукою торговой человѣкъ Мина Степановъ сынъ, сѣдитъ на Москвѣ вь Шелковомъ ряду.**

ГРИГОРИЙ КОТОШИХИН

О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ

ГЛАВА I О ЦАРѢХЪ, И ЦАРИЦАХ, И О ЦАРѢВИЧАХ, И О ЦАРѢВНАХ, И О ЖЕНИТБѢ ЦАРСКОЙ — КАКИМЪ ОБЫЧАЕМ БЫВАЕТ ВЕСЕЛИЕ

1. Великий князь Иванъ Васильевичъ Московскии Гордыи со многими своими князи и з боляры ходил войною со многими войски под Казанское, и Астараханское, и Сибирское царствы и Божиимъ изволениемъ плѣнилъ тѣхъ царствъ царей съ ихъ государствы и з землями и поселилъ в тѣх государствах и землях многихъ людей християн для укрѣпления. И с того времяни учинился онъ великий князь над Московскимъ государством и над тѣми взятыми царствы и над прежними княжствы царем и великим княземъ Иваном Василевичемъ всеа Русии. И таковым обычаем в Росийской землѣ началося царствование.

Княжествовавше же той великий князь и потом царствова, правивше государство свое въ ярости и во злобѣ силнѣ, тиранским обычаем, и имѣяй со окрестными государствы войну и розвратие. Когда ж ему не случися быти со окрестными государствы в розвратии, и тогда плѣнилъ подданных своихъ, единовѣрных християн, и многи мучителства над князи, и боляры своими, и простыми людми показа; понеже и сына своего смири на оный свѣт, пробиша его осномъ[1] своимъ, и единаго митрополита повелѣ задушити подушкою.* Царствова ж той царь, преставися.

2. По смерти же того царя на Московскомъ царствѣ учинился царем сынъ его царевичь Феодоръ Ивановичь; а другому сыну его, царевичю Димитрию, с материю его данъ был в удѣлъ город Углеч с уѣздомъ. Бысть же той царь и великий князь Феодоръ Иванович всея Русии на Московскомъ государствѣ зѣло тих и боголюбивъ, не таков, яко отецъ его, и нѣкоторого велможу, зовомаго

[1] острым концом трости.

Борис Годуновъ, перваго конюшего боярина, учинил над государством своимъ во всяких дѣлахъ правителем, а самъ предался смирению и на молитву.

Той же бояринъ, правивше государство неединолѣтно, обогатися зѣло. Проклятый же и лукавый сотана, искони ненавидяй рода человѣча, возмути его разум: всѣм бо имѣниемъ, богатством и честию исполнен, но еще несовершенно удоволенъ, понеж житие и власть имѣяй царскую, славою ж нѣсть. И дияволим научением мыслилъ той бояринъ учинитись царем, и чрез какой бы обычай. И сь единомышленными своими умыслилъ послати нѣкоторых людей во град Углечь, объщая имъ великую честь и богатство, чтоб они царского брата царевича Димитриа убили.

Тѣ же посланные люди по повелѣнию его то и сотворили — прерѣзали тому царевичю гортань. И того ж времяни и самихъ их забойцов гражане побили.

И какъ ему, боярину, вѣдомо учинилось, что по его мысли все совершилось, велми радостен бысть и скоро о смерти его царю объявилъ, что тотъ его братъ, играя с младенцами своими, убился сам.

Царь же, увѣдавъ о том, велми опечалился, и очей своихъ ни на единъ час от слез не осушилъ, и умыслилъ ѣхать тѣло брата своего погребсти и провѣдать, какимъ обычаем ему смерть учинилась. Той же Борисъ Годунов послал во град Углечь многих людей, и по дорогамъ поставил заставы под смертною казнию, чтоб никто о том убиении подлинные вѣдомости не сказал, но чтоб сказывали все по его приказу, какъ онъ об немъ сказал царю. Такъ же которые писма от матери его царской будут писаны к царю, приносили б к нему.

Царю ж на погребение брата своего с Москвы ѣхавшу, и бывшу у Троицы, в первом Московском монастырѣ, от Москвы 60 верстъ, и тот зломышленый болярин велѣл на Москвѣ дворы зажигати и грабити и людей побивати. И оттого учинилося великое смятение, и кроворазлитие, и пожар по всей Москвѣ. Онъ же бояринъ прииде к царю и повѣда, что на Москвѣ учинилося великое смятение и пожар, чтоб онъ возвратился к Москвѣ, а брата своего приказал погребсти без себя, понеже его приѣздомъ оживления ему не будет. Царь же, послушавъ его, то и сотворил.

И которые люди посланы были от него, боярина, по городом, и на заставы, и к Москвѣ дворов зажигати, дворы ихъ всѣхъ погорѣли. Той же бояринъ, страшась тѣхъ людей, чтоб на него чего не объявили и ему чего не учинили, давал имъ из своей и из царской казны множество имѣния и богатства.

Царствова же той царь по смерти брата своего в печали немнога лѣта, преставися.

3. По смерти же того царя на Московском царствѣ учинился царемъ той бояринъ Борис Годунов, и царства его было немнога лѣта. И после того в Росийскомъ царствѣ начало быть в людях смятение и неприятелское нахождение свыше прежнего.

И в тѣ смутные времена из нѣкоторого монастыря черной дьякон, покиня свое черное платье, былъ в Полше у Сердомирского за челядника и назвался царевичем Димитрием, царя Ивана Васильевича сыномъ, и в скором времяни чрез многой свой умыслъ и через допоможение полскихъ войскъ достал Московское государство под свое владѣнье и был царем, а того Сендомирского дочь взялъ за себя.

И в то время его многие люди узнали, что онъ не прямой царевичь Димитрии, — вор Гришка Отрепъев, которой былъ черньцем, однако не смѣли против него ничего говорить. А какъ начал царствовать, и в Росийскомъ государстве учалъ было заводить вновь вѣру папижскую[1], и греческия церкви передѣлывать в костелы лятцкие[2], и многие пакости чинилъ, — и ему того не потерпѣли бояре и всякого чину люди, умышляли, чѣм бы такого воровского царя искоренить. И по ихъ замыслу скоро то и совершилось: каковым обычаем достал онъ себѣ царство вскорѣ и царствовал неистинно, и такова ему скоро смерть учинилась.

Поляков же и Литву, которые были при том лживом царѣ и в городѣх, начали ихъ побивати и из Московского государства выбили в свое государство. И оттого с короною полскою и с Литвою ноипаче была война.

А по том царѣ и иные такие ж воры, пролыгався[3], называлися царевичем Димитриемъ. И таким людем по замыслам ихъ и конец имъ былъ таков же.

4. По смерти же того вора, лживого царя, на Московскомъ царствѣ был нѣкто из боляр роду великого Шуйскихъ царь и великии князь Василей Иванович. И при царствѣ его с поляки и с Литвою потому ж бысть война. И царствова той царь, преставися.

5. По смерти же того царя учинился царем племене царского по роду Романовых царь и великий князь Михайло Феодорович всеа Русии самодержецъ. Присвоение ж имѣя к царю Ивану Васильевичю такое: понеже роду их, Романовых, за царем Иваном Васильевичем была Настасѣя Романовна, а у ней былъ братъ родной бояринъ Никита Романович, и от того сѣ брата родилися два сына, Федор да Иванъ, и от Федора родился Михайло Феодоровичь, которой был царемъ.

С начала ж царствования его еще с поляцы войнѣ от кроворазлития престати не минуша. И бысть при царѣ Василии Ивановичѣ и при царѣ Михаиле Феодоровичѣ война с поляки велия, мало государству не опустѣти. Царю ж и великому князю Михайлу Феодоровичю от кроворазлития християнского успокоившуся, правивше государство свое тихо и благополучне.

Отецъ же его Феодор, во иноческом чину Филаретъ, при его царствѣ бысть в Московском государствѣ патриархомъ.

---

[1] папскую, римско-католическую; [2] польские; [3] упорствуя во лжи.

Бысть же у того царя два сына: царевич Алексѣй Михайловичь, и той бѣ зело тихъ был в возрасте своемъ, как и отецъ; вторый же, Димитрий, с младенческих лѣтъ велми былъ жесток, уродился нравом прадѣда своего, первого московского царя. Людие же роду великого и среднего, которые близки приходити к царю и к царевичам, мысляше о нем, что еще в младыхъ суще лѣтехъ зла творит много, понеже по смерти отца своего наипаче болше зла творити начнетъ, усмотривше времяни час, упоиша его отравами; и оттого скончася, никто же о томъ домыслися, якобы пришел ему час смерти.

И царствова той царь во успокоении, приставися.

6. По смерти же его осталися сынъ его царевичь Алексѣй Михайловичь да три тщери царевны.

И мало время минувше, патриархъ, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь духовный чин соборовали[1]. И бояре, и околничие, и думные люди, и дворяне, и дѣти боярские, и гости, и торговые, и всяких чиновъ люди, и чернь после смерти прежнего царя на царство обрали сына его, нынешняго царя, и учинили коронование в соборной болшой первой церкве и молили Бога. А когда царя коронуютъ, и в то время бывает ему помазание елеом, и потому имянуется «помазанник».

И после того власти, и бояре, и ближние, и всяких чинов люди на государствѣ его поздравляли. И по поздравлению патриархъ, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и иныя власти царя благословляли образами и подносили хлѣбы, и бархаты, и объяри[2], и отласы, и камки[3] золотные и простые, и соболи, и серебряныя сусуды. А бояре, и ближние люди, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жилцы[4], и полковники, и дворяне, и дѣти боярские городовые, и гости[5], и служилые люди дарили против того ж, что и власти. А сотенные и торговые и из городов посадцкие люди подносили хлѣбы с солью и дарили против такого ж обычая, у кого что прилучилося. А было тѣхъ дворянъ и дѣтей боярских и посадцких людей для того обрания человека по два из города. И потом у царя на властей, и на бояр, и на всяких чинов людей были пиры.

И после того времяни царь с патриархом совѣтовал и со властми, и з бояры и з думными людми говорилъ, чтоб ему сочетатися законным браком. И патриархъ и власти на такое доброе дѣло к сочетанию законныя любви благословили, а бояре и думные люди приговорили. И свѣдав царь у нѣкоторого своего ближнего человѣка дочь, дѣвицу добру ростом и красотою и разумом исполнену, велѣл взяти к себѣ на двор и отдати в бережение к сестрам своимъ царевнам и честь над нею велѣл держати, яко и над сестрами своими царевнами, доколе збудется веселие и радость.

---

[1] здесь: совещались на соборе; [2] расшитые шелковые ткани с узорами; [3] шелка; [4] поселенцы, обязанные службой; [5] купцы.

И искони в Росийской землѣ лукавыи дьявол всѣялъ плевелы свои: аще человѣкъ хотя мало приидет в славу и честь и в богатство, [1]возненавидети не могут[1]. У нѣкоторых бояр и ближних людей дочери были, а царю об нихъ к женидбѣ ни об единой мысль не пришла. И тѣхъ девицъ матери и сестры, которые жили у царевенъ, завидуя о том, умыслили учинить над тою обранною царевною, чтоб извести, для того: надѣялися, что по ней возметъ царь дочь за себя которого иного великого боярина или ближнего человѣка. И скоро то и сотворили, упоиша ея отравами. Царь же о том велми печален былъ и многа дни лишен был яди, и потом не мыслилъ ни о какихъ высокородных дѣвицах, понеже познал о томъ, что то учинилося по ненависти и зависти.

И после того времяни случися ему быти в церквѣ, гдѣ коронован, и узрѣ — нѣкоторого московского дворянина Ильи Милославского двѣ дочери в церквѣ стоят на молитвѣ; послал по нѣкоторыхъ дѣвицъ к себѣ на двор, велѣл имъ того дворянина едину мнѣйшую дочь взяти к себе в Верхъ. А как пѣние совершилось, и в то время царь, пришед в свои хоромы, тоѣ дѣвицы смотрил, и возлюбилъ, и нарекъ царевною, и в соблюдение предаде ея сестрам своимъ, и возложиша на неѣ царское одѣяние, и поставил к ней для оберегания жен вѣрных и богобоязливых, дондеже приспѣет час женидбы.

7. Царю ж, отложивше всякие государственные и земские дѣла — правити иросправу чинити, почалъ с своими князи, и бояры, и околничими, и думными людми мыслити о женидбѣ своей: кого из бояр, и из думныхъ, и из ближнихъ людей, и из ихъ женъ обрати в какой свадебной чинъ, во отцово и в материно мѣсто, и в сидячие бояре, и в боярыни, и в поѣзжаня, в тысецкие, и в бояре, и в дружки, и в свахи, и в свѣщники, и в коровайники, и в конюшенной чин, и в дворецкие. Такъ же и с царевнину сторону — сидячихъ бояръ, и боявонь, и дружекъ, и свах. И мысля о том многие дни, указал для такия своея царския радости думнымъ дьяком расписати на роспись, кому в какомъ в том свадебномъ чину бояромъ, и околничимъ, и думным, и ближним людем и ихъ женам в чинѣхъ же быти по своему обранию, кого в какой чинъ излюбил — не по родом и не по чином и не по местом: где кому в каком чину указано быти, и тому по тому и быти; а написав тоѣ роспись, закрѣпити имъ же, дъяком, и поднести себѣ. А свой царский указ бояромъ, и околничимъ, и думным, и ближнимъ людем велѣлъ сказати при многих людех, чтоб они к тому дни, в которой день у него будет радость, в том чину, кому гдѣ указано быть, были готовы без мѣстъ, не по роду и не по чином. А как у него будет радость, и в тѣ дни будет кто из нихъ, бояр, и околничих, и думных, и ближних людей, учинят в свадебномъ дѣле породою своею или мѣстами или чиномъ какую смуту, и в том свадебномъ дѣле учинится помѣшка, и того за его ослушание и смуту казнити смертию безо всякого милосердия, а помѣстья его и вотчины взяти на царя. Такъ же и после свадбы

[1]—[1] не могут не возненавидеть.

никому никого никакими словами о свадебных чинѣхъ не поносити и в случай не ставити, кто кого в чину выше ни был. А кто кого учнет поносити, а себя высити, и про то сыщется, и тому от царя быти в великой опалѣ в наказании.

8. А бывают свадебные чиновные люди таковы. С царскую сторону первой чинъ: отецъ, мать — сидячие, которые бываютъ за царского отца и мать.

2-й чинъ: поѣзжаня — протопоп с крестом, тысецкой. И тот тысецкой в поезду болшимъ человѣком. Потом царь, 8 человѣкъ бояръ. И тѣхъ поѣзжанъ чинъ таков: бывают с царем и с царицею у венчания в церквѣ, и за столами сидят выше всѣх людей.

Дружка, подружье, — чинъ их таков: на свадбу созывают гостей, и в свадбѣ от тысецкого и от царя говорятъ рѣчи и розсылаются з дарами.

Свахи, дружковы жены, — чинъ их таков: царицу укручиваютъ[1] и оберегаютъ и платье надеваютъ и снимают.

Свѣчникъ. Как царицу укручивают перед венчанием, и онъ в то время держитъ свечю.

Коровайники, — которые носят к церквѣ и от церкви хлѣб на носилках; а бываютъ тѣ носилки обиты бархатом золотным и покрыты пеленою шитою да соболми.

Конюшей с своим чином.

Третей чинъ: сидячие бояре и боярыни — по 12 человѣкъ мужского полу и женского, которые сидятъ гостми за столами с царским отцом и с матерью вмѣсте, а в церковь с царем не ходятъ.

Четвертой чинъ — дворецкой своимъ чином у поставца, у ѣствы и у питья.

С царицыну сторону первой чинъ — отецъ и мать родные. Другой чинъ — сидячие бояре и боярыни. 3-й чинъ — дружка. Свахи — дружкины жены. Свѣчник, коровайники — против такого ж обычая.

Да на свадбе ж кому носити ѣству и питье столником пред царя и царицу и во всѣ столы перед чиновных людей, кому гдѣ велено быти по росписи, и тѣ б были по тому ж без спору.

9. А как приспѣетъ день женидбѣ царской, и в навечерии того дня бывает у царя стол на бояр и на бояронь и на отца и мать невестиных. И сидятъ царь с невѣстою своею за столомъ, а бояре и боярыни за розными особыми столами. И пред ѣствою царской духовникъ-протопоп царя и царевну благословляетъ крестомъ и велитъ имъ меж себя учинить целование. И потом бояре и боярыни царя и царевну поздравляютъ обручався. И ѣвши и пив, царь царевну отпуститъ к сестрам своим по-прежнему, а бояре и их жены розъедутся по домом.

10. И наутрее того дни, в которой быть женитбѣ, бывает царь в первой соборной церквѣ и молебствуетъ. И по молебствовании патриархъ благословляетъ царя крестом и кропитъ водою святою. И царь прикладывается к образом и

[1] одевают.

святых к мощем, а потом благословляетца у патриарха о женидбѣ своей, и патриархъ его благословляет словом. И поидет царь из церкви в другую соборную ж церковь, гдѣ погребены прежние цари, и в то время отправитъ по мертвых пѣние, и, учиня у гробов прощение, поидет к себѣ.

О чину, какъ устраивают свадебной чинъ

11. Первое, полату нарядятъ: обьют бархаты и постелютъ ковры турские и персицкие болшие. Учинят — поставят царское мѣсто, где сидѣть царю и его царевнѣ, и перед ними стол, да столы ж, за которыми сидѣть бояром и боярoням, и на тѣхъ столѣхъ положат скатерти да хлѣб с солью. А царь в то время устраиваетца во все свое царское одѣяние такъ же, какъ и при короновании. А новую царевну прикажетъ нарядити во все царственное ж одѣяние опричь короны, а положатъ на неѣ венецъ девичей. И в то ж время и бояре, и всѣ свадебные чины, и столники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и полковники, и головы, и гости устроятся в золотое одѣяние. А какъ то все устроится, и о том извѣстят царю. И мало время минувше, укажет царь царевнину отцу и матере и всему чину ея половины итти с нею в тоѣ полату и ожидати своего пришествия.

И какъ царевна со отцем своимъ и с матерью и з свадебнымъ чиномъ в полату войдут, и в то время царевну посадят на еѣ устроенное мѣсто, а сами ожидаютъ царского пришествия у своихъ мѣстъ, гдѣ устроено имъ сидеть. И какъ о том царю вѣдомо объявится, что они со всѣм чином в полату пришли и устроилися, и царь скажет духовнику своему протопопу, что ему итти час, и духовникъ начнет говорить молитву, а царь и чинъ свадебной молятся образам. И по молитвѣ духовник свадебной чинъ и царя благословляетъ крестом, и дружки и свадебной чинъ благословляются у отца и у матери, которые устроены за царского отца и мать, ѣхать по новобрачную невесту. И потом и царь благословляется ж, и отецъ и мать даютъ благословение словом: «Благослови Богъ!» И потом пойдут протопоп, и чинъ, и царь; а перед ними идутъ коровайники, несут хлѣб.

А какъ приходят к той полате, гдѣ устроено, и протопопъ учнетъ свадебной чинъ и царя благословляти крестом, и входитъ наперед в полату протопопъ, и чинъ, и царь; а царевна в то время и еѣ чинъ стоят. А вшед, протопоп, и чинъ, и царь молятся образомъ, и потом дружки и поддружья у отца и у матери невѣстины благословляются новобрачному и дщери ихъ садитися на мѣсто; и они ихъ благословляютъ словом же.

А как царь и царевна сядутъ на мѣсто, на одной подушкѣ, и потом сядутъ и бояре и весь свадебной чинъ по своимъ мѣстом за столы, и учнут пред царя и пред царевну, и пред свадебной чинъ носити ѣсть столники и ставити ѣствы по одному блюду на стол, а не всѣ вдруг. И в том столѣ, гдѣ сидятъ бояре

и боярыни, ставитца одной ѣствы блюд по пяти, потому что иные сидят от первыхъ людей одинъ от другого вдали.

А как ѣству испоставят, и в то время, вставъ, духовникъ начнет пред ѣствою говорити молитву «Отче наш», а соверша молитву, садятся по мѣстом. И потом дружки и поддружья учнут благословлятися у отца ж и у матери новобрачной косу чесати, а протопоп и свадебной чинъ начнут ѣсти и пити — не для того чтоб досыта наѣстся, но для чину такого. А пред царя ѣсть ставят, и розрѣзывают, и отдаютъ с стола, а онъ не ѣсть.

И в то ж время, какъ у новобрачной косу росчешут, дружки благословляются у отца и у матери новобрачную крутити, и они потом уж благословляютъ словом.

А какъ начнутъ косу чесати и укручивати, и в то время царя и царевну закроютъ покровом, и держат покров свѣщники; а косу розчесывают свахи и укручивают. Да в то ж время пред царем стоитъ на столѣ, на болшом блюде, хлѣб да сыр; и тот хлѣб и сыр начнут рѣзать и класть на торелки, да сверхъ того хлѣба и сыра на тѣ ж торѣлки кладутъ дары — ширинки[1] от новобрачной, по росписи, и подносятъ наперед священнику да отцу и матере невѣстиным, да тысецкому, потом царю, и поѣзжаням, и сидячим бояром и бояроням, и дружки себѣ, и свахам, и конюшему, и дворецкому, и чином ихъ, по росписям же.

А укрутя, новобрачную покроют покровом тѣмъ же, которым были закрыты. А на том покрове вышитъ крестъ, а венецъ девичей бывает снят и отданъ в сохранение. Такъ же и к царскому отцу и матере, и к царевнам, и к сидячим бояром и бояроням хлѣб, и сыръ, и дары посылаютъ с невѣстиным дружкою, а к патриарху бѣлого полотна сколко доведется. А бывают тѣ дары, ширинки тафтяные бѣлые, шиты кругом золотом и серебром, около кисти золото с серебром, а иные золото и серебро с шолкомъ.

И после того окручения, из-за третьие ѣствы, протопопъ, встав из-за стола, учнетъ говорити по обѣде молитву, и потом дружки у отца и у матери учнут благословлятися царю с царевною и с поѣздом итти к венчанью, и они ихъ благословляют. И потом отецъ и мать царя и новобрачную благословляют образами окладными, обложены золотом с каменьем и з жемчюгомъ. И потом отецъ и мать дочь свою, взяв за руку, отдаютъ царю в руки и прощаются.

А как пойдутъ в церковь, и в то время в полате протопопъ благословляетъ коровайников, и свѣщников, и свадебных людей, и царя, и царевну крестом. А пойдутъ к венчанию к той церквѣ, гдѣ служитъ духовникъ и гдѣ мимо той церкви ходят в Верхъ к царю через сѣни всѣх государствъ послы. И приходя к церкве, тако ж протопоп благословляетъ крестомъ всѣхъ и потом входитъ в церковь. А ис полаты царь к церкве идет с царевною вмѣсте и ведет еѣ за правую руку.

[1] ширинка — полотнище, полотенце, платок.

И в то время учнутъ во всѣ колокола звонити и во всѣх церквах Бога молити о здоровье его царском и о царевнинѣ и о сочетании законного браку.

А вшед в церковь, царь и царевна станутъ среди церкви блиско олтаря. И постелютъ под них на чом стояти объяри золотной сколько доведется. И с одну сторону царя держат под руку дружка, а царевну сваха. И протопопъ, устрояся во одеяние церковное, начнет ихъ венчати по чину. И в то время царевну открываютъ. И возлагаютъ на нихъ протопоп венцы церковные, а по венчании подноситъ имъ из единаго сосуда пити вина французского красного и снимет с нихъ церковные венцы, и взложат на царя корону. И потом протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти в послушествѣ и друг на друга не гнѣватися, развѣ нѣкия ради вины мужу поучити ея слехка жезлом, занеже муж женѣ — яко глава на церквѣ, и жили бы в чистоте и в богобоязни неделю[1], и среду и пятокъ и всѣ посты постили, и Господьския праздники и в которые дни прилучится празновати апостолом и еуангалистом и иным нарочитым святым грѣха не сотворили, и к церкве б Божии приходили, и подаяние давали, и со отцем духовным спрашивались почасту, той бо на вся блага научитъ. А соверша протопопъ поучение, царицу возмет за руку и вдает ю мужеви и велитъ имъ меж себя учинити целование. И по целовании царицу покроют. И потом протопопъ и свадебной чинъ царя и царицу поздравляютъ венчався.

А по поздравлении протопопъ, розвлачась[2], идет ис церкви вонъ и весь свадебной чинъ и царь и царица. И в сѣнях у дверей протопопъ против прежняго ж начнетъ всѣхъ благословляти крестом. И идут в царския полаты. И тысяцкой дружку посылаетъ наперед ихъ приходу к царскому и к царицыну отцем и матерем и к сидячим бояром и бояроняням сказати, что царь с царицею венчались в добром здоровье и идутъ к нимъ. И они отвѣщают, что они пришествия ихъ ожидают. А сказав, дружка воротится и скажет ихъ рѣчи тысецкому.

А какъ царь идет ис церкви в хоромы, и в то время бывает звон во всѣ колокола.

Да в то ж время, какъ царь с царицею венчаются, царской отецъ и мать и бояре и боярыни сойдутца всѣ вмѣсте в тое полату, гдѣ окручение было. А какъ царь и свадебной чинъ входят в полату, и у полаты протопоп благословляет крестом всѣх по-прежнему ж. И в то ж время отецъ и мать царские царя и царицу благословляют образами окладными. И потом отцы и матери и бояре и боярыни царя и царицу поздравляют венчався. И садятца за столы царь с царицею, а бояре и чин свадебной за своими столами. И начнут носити ѣсть.

И ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ мѣстъ, какъ принесутъ ѣству третьюю — лебедя и поставят на стол. И в то время дружка у отца и у матери и у тысецкого благословляются новобрачному с новобрачною итти опочивать. И они ихъ благословляютъ словом же. И царь и царица, и отецъ и мать, и иные немногие люди и

---

[1] в воскресенье; [2] сняв облаченье.

жены провожаютъ ихъ до той полаты, гдѣ имъ опочивать. И проводя, поидут всѣ прочь по-прежнему за стол и ѣдятъ и пьютъ до техъ мѣстъ, какъ от царя вѣдомо будетъ.

12. А какъ начнет царь с царицею опочивать, и в то время конюшей ѣздитъ около той полаты на конѣ, выняв мечь наголо. И блиско к тому мѣсту никто не проходитъ. И ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта.

13. И испустя час боевой[1], отецъ и мать и тысецкой посылаютъ к царю и царицѣ спрашивати о здоровье. И какъ дружка, приходя, спрашивает о здоровье, и в то время царь отвѣщаетъ, что в добром здоровье, будет доброе меж ими совершилось, а ежели не совершилось, и царь приказываетъ приходить в другойрядъ или и втретие. И дружка по тому приходитъ и спрашиваетъ. И будет доброе меж ими учинилось, скажет царь, что в добром здоровье, и велитъ к себѣ быти всему свадебному чину и отцем и матерем, а протопоп не бываетъ. А когда доброго ничего не учинится, тогда всѣ бояре и свадебной чинъ розъѣдутца в печали, не быв у царя.

14. А какъ свадебной чинъ приходитъ к царю, и отцы и матери и весь чинъ царя и царицу поздравляютъ сочетався законным браком. И царь жалуетъ — подаетъ имъ кубками и ковшами питья, и потом и царица подаетъ же. И потом царь велитъ принесть себѣ и царицѣ ѣсть лехкое, потому что тот день весь постили, и ѣдят с царицею вмѣсте. А какъ откушают, и в то время сказывает царь свадебному чину, чтоб они ѣхали к себѣ и наутрее были к обѣду и съѣзжались бы всѣ преж обѣда. А самъ с царицею по-прежнему начнетъ опочивать.

15. И наутрее того дни царю и царицѣ готовятъ мылни разные. И ходитъ царь в мылню, а с нимъ дружка да постелничей. А какъ царь выходитъ из мылни, и в то время возлагаютъ на него срачицу[2] и порты и платье иное, а прежнюю срачицу велитъ сохранити постелничему. А после того слушает царь заутрени, доколе царица в мылни. И какъ еѣ во одѣяние нарядятъ, и в то ж время и бояре съѣзжаются к царю. А какъ царица пойдет в мылню, и с нею мать и иныя ближние жены и сваха, и осматриваютъ еѣ сорочки; а осмотря сорочки, покажутъ царской матере и иным сродственным женам немногим — для того, что еѣ дѣвство в цѣлости совершилось. И тѣ сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вмѣсто, сохранятъ в тайное мѣсто доколе веселие минется. И потом из мылни выходит в свои полаты.

А какъ царю о том вѣдомо учинитца, что уж из мылни вышла и по чину изготовилась, и в то время царь со всѣм своимъ поездом ходитъ к царицѣ. А царица в то время бывает во всѣм своемъ одѣянии и в венцѣ царском. И чиновные люди царя и царицу поздравляют. А потом царица подноситъ мылные дары царю, и бояром, и всему свадебному чину — сорочки и порты. А бываютъ тѣ со-

[1] время между боем часов; [2] сорочку.

рочки и порты тафтяные и полотняные шиты золотом и серебром. И потом царь с поѣзжаны ходитъ к патриарху, и патриархъ его благословляетъ и поздравляет. И от патриарха ходитъ царь по церквам своим и молебствуетъ, а по молебствовании прикладывается к образом.

16. А какъ приспѣетъ обед, и в то время царь и с царицею ѣдятъ в той же полате, гдѣ сперва чинъ начался. А словетъ тот стол «княжей». И садитца царь с царицею за своимъ столом на маестатех[1], а чиновные люди и боярыни — в прежнихъ своихъ мѣстех.

И по обѣде ставят на стол овощи всякие, сахары, и ягоды, и иные диковинки. И в то время царь и царица и всѣ чины стоят. И сперва царя и царицу отецъ и мать посаженые, и царевны, и сидячие бояре и боярыни, и тысецкой начнутъ благословляти образами окладными, и потом царя дарятъ бархатами, и отласами, и камками, и объярми золотными и серебряными, и соболми, и серебряными кубками. Такъ же и царицу дарятъ бархатами ж, и отласами, и камками, и объярми, и соболми, и перпстми золотыми с каменьем, и сосуды серебряными, у кого что прилучилось. И ѣтчи и пив за здоровья ихъ государские, того дни бояре и всѣ чины розъѣдутца по домом.

Таким же обычаем и на третей день у царя по тому ж бываетъ столъ от новобрачной царицы на бояр же и на свадебной чин. А называетца тот стол «княгинин». И обѣдаютъ противо прежнего ж. А после стола, за овощами[2], начнут царя и царицу образами благословлять царицынъ отецъ и мать и еѣ сродичи, и сидячие бояре, и боярыни, и дарят против того ж, какъ и царские чиновные люди. И ѣтчи и пивъ, по тому ж всѣ чины розъѣдутца по домом.

17. А какъ то веселие бываетъ, и на его царском дворѣ и по сѣням играютъ в трубки и в суренки[3] и бьют в литавры, а на дворѣхъ чрез всѣ ночи для свѣтлости зжгут дрова на устроеных мѣстех. А иныхъ игръ, и музикъ, и танцов на царском веселии не бываетъ никогда.

18. В четвертый же день у царя бываетъ патриархъ, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и келари на обѣде. И по обѣде патриархъ и власти царя и царицу благословляютъ образами и потом дарятъ против того ж, какъ и бояре. И тѣ образы и дары у патриарха и у болшихъ властей царь и царица приимаютъ сами, а у иных властей велятъ принимать. А потом царь и царица подносят имъ кубками и ковшами питья. И власти, пивъ за ихъ государское здоровье, розъѣдутца по домом. И потом к патриарху и ко властем бывают от царя и от царицы милостыня денгами, и подарки полотняные, и подачи — ѣства и питье.

19. Таким же обычаем в ыные дни бывают столы на столников, на стряпчих, на дворянъ московскихъ, и на гостей, и на сотенныхъ людей — старостъ, и на городовых, выборных посадцких людей. И тѣ люди царю и царицѣ дары под-

[1] маестат — трон; [2] когда подадут фрукты; [3] на свирелях.

носят против того ж у кого что прилучилося. И тѣ дары царь принимает сам, а царицы в то время не бывает.

20. Попов, и дьяконов, и служебников соборных церквей и иных кормятъ на царском дворѣ не по одинъ день, а иным ѣсть и пить дают в домы. Да имъ же дают денги, что они за их государское здоровье молили Бога, по 10, и по 5 рублев, и менши, а меншое самое по полтине, смотря по церквам — какъ кому годовое царское жалованье идет. А в городы посылаютъ царские грамоты: соборныхъ и иныхъ церквей попом и дьяконом велятъ давать молебные денги — против московскихъ вполы[1] — из городцкихъ доходов. Да с Москвы же в городы по монастырем посылаются столники, стряпчие, жилцы с милостивою и с молебными денгами и кормить чернцов; и даютъ денги по 5 рублевъ, и по 4, и по 3, и по 2, и по рублю, и по полтине, и менши человѣку чернцу, смотря по человѣку, да по полотенцу и по 2 платка. А они против того тѣхъ людей благословляют образами и дарят из монастырской казны чѣмъ прилучилось.

21. А по веселии его царском поидет царь с царицею по московскимъ монастырем и молебствуют, и кормятъ чернцов, и даютъ милостыню архимаритом, и игуменом, и келарем — по 20, и по 15, и по 10 рублев человѣку, соборным и рядовым — по 5, и по 4, и по 3, и по 2, и по рублю человѣку, да по полотенцу и по два платка.

А какъ царь и царица с манастыря пойдутъ, и в то время власти з братьею царя и царицу благословляютъ образами окладными и подносятъ хлѣбы.

И потом царь и царица ходятъ по богадѣлням и по тюрмам и дают милостыню ж, такъ же и нищим и убогим людем даютъ по рублю, и по полтине, и менши человѣку. И тех денег росходится множество тысечь.

22. Да в то ж время, какъ царя коронуют и веселие бывает, на Москвѣ и в городѣхъ всѣхъ воровъ свобождают на волю, кромѣ самыхъ великих убийственных дѣлъ.

23. А по всей его царской радости жалует царь по царицѣ своей отца eѣ, а своего тестя, и род ихъ: с ниские степени возведетъ на высокую, и кто чѣм недостатен сподобляетъ своею царскою казною, а иных розсылаетъ для покормления по воеводствам в городы и на Москвѣ в приказы, и дает помѣстья и вотчины. И они тѣми помѣстьями, и вотчинами, и воеводствами, и приказным сидѣньем побогатѣютъ.

О покоех царскихъ

24. У царя и у царицы покои свои особые. И видают царицу бояре и ближние люди времянем[2], а простые люди мало когда видают. И на праздники Господския, и в воскресные дни, и в посты царь и царица опочивают в своихъ по-

---

[1] вдвое меньше; [2] изредка.

коех порознь. А когда случитца быти опочивати имъ вмѣсте, и в то время царь по царицу посылает, велитъ быть к себѣ спать, или сам к ней похочетъ быть. А которую нощь опочивают вмѣсте, и наутрее ходять в мылню порознь, или водою измыются. А не быв в мылне или не измывся водою, в церковь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грѣхъ и не токмо царю и царицѣ, но и простым людем запрещено.

25. Сестры ж царские или и тщери, царевны, имѣяй свои особые ж покои разные и живуще, яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди; но всегда в молитвѣ и в постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удоволство имѣяй царственное, не имѣяй бо себѣ удоволства такова, какъ от Всемогущаго Бога вдано человѣком — совокуплятися и плод творити. А государства своего за князей и за бояр замуж выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и в челобитье своем пишутца холопми, и то поставлено в вѣчной позор, ежели за раба выдать госпожа. А иных государствъ за королевичей и за князей давати не повелось для того, что не одной вѣры, и вѣры своей отменити не учинят — ставят своей вѣре в поругание, да и для того, что иных государствъ языка и политики не знают, и оттого б имъ было в стыд.

О рождении царских детей

26. Какъ приспѣетъ время родитися царевичю, и тогда царица бываетъ в мылне, а с нею бабка и иные немногие жены. А какъ родится, и в то время царю учинится вѣдомо, и посылают по духовника, чтоб далъ родилнице, и младенцу, и бабке, и иным при том будучим женам молитву и нарек тому новорожденному младенцу имя. И какъ духовникъ дастъ молитву, и потом в мылню входитъ царь смотрити новорожденнаго, а не дав молитвы, в мылню не входят и не выходят никто. А даетца новорожденному младенцу имя от того времени, какъ родитца, счотчи вперед в восмой день, которого святаго день, и ему то ж имя и будет.

И пошлет царь к патриарху с вѣдомостью, что подаровал ему Богъ царевича, и патриархъ скоро идетъ в церковь, а потом и царь, и молебствуют. А по иным по всѣм церквам и в монастыри пошлют молебствовать же, и роздаютъ милостыню ж нищим и убогим людем.

А потом ходитъ царь по монастырем, и кормитъ чернцовъ и дает милостыню ж. Такъ же и в тюрмы и в богадѣлни посылают милостыню болшую, да ис тюрем же виноватых свобождаютъ, кромѣ самыхъ великихъ дѣлъ.

Да того ж дни, какъ родится царевич, бывает у царя на патриарха, и на властей, и на бояр родилной стол, а потом на попов и на дьяконов. А стрелцов и иных чинов людей жалует царь — велитъ поить на погребе питьем. А в городы к митрополитом, и к архиепископом, и къ епископом, и к воеводам, и по монастырем посылают столников, и стряпчихъ, и жильцов с царскими грамотами, чтоб они Бога молили за государские здоровья и за новорожденнаго царевича. А какъ

тѣ люди, приѣхав в городы, чинъ свой исполнят и грамоты отдадутъ, и после моления у властей, и у воевод, и в монастырѣхъ обѣдают, а по обѣде власти благословляют ихъ образами и дарят, и воеводы дарятъ же чѣм прилучитца, и тѣхъ даров от властей, и от монастырей, и от воевод бывает имъ немало. А какъ приѣдут они к Москвѣ, и ихъ спрашивают, кто чѣм дарил, и будет кто подарилъ скудно, а мѣсто или человѣк богатые, и о том царь бывает гнѣвенъ, понеже бутто тот человѣкъ не рад рождению того царевича.

И после того бывают у царя крестины, в которой день ни прилучится, смотря по младенцову здоровью. А креститъ того младенца патриархъ, а восприемникъ бывает первого Троицы Сергиева монастыря келарь-старец, а кума — царевна сестра или свойственная царю и царицѣ. И после крещения бываетъ на патриарха, и на властей, и на бояр, и на иные чины стол. А после обѣда благословляютъ власти царевича образами. И потом власти, и бояре, и иные чины подносятъ царевичю дары. И царь у патриарха, и у болших властей, и у бояр образы и дары принимаетъ самъ, а у иных менших властей и у менших чинов людей образы и дары велитъ принимать ближнимъ людем. А царевича в то время не бывает. И пивъ заздравные чаши, розъѣдутца по домом.

Такъ же и попом, и дьяконом столы, и стрелцомъ, и всяких чинов людем питье бывает против того ж, какъ в рождении. А дается стрелцом, и салдатом, и иным чиномъ питье не по мѣре; толко когда прилучатся такие дни или празники, и имъ середи царского двора испоставят вѣдеръ по 100 и по 200 в кадях да пива и меду против того вшестеро и всемеро, и кто хочетъ пить и окромѣ стрелцов, и ему пить волно. А з двора к себѣ никому домов носити не дадутъ.

27. А какъ родится царевна, и в рождении ея, и в крещении, и в молебстве бывает против царевича ж; а в ыных домовых статьях и в роздаче денег перед царевичем бываетъ с убавкою.

28. А на воспитание царевича или царевны выбирают всякихъ чинов из жонъ жену добрую и чистую и млеком сладостну и здорову. И живет та жена у царицы в Верху на воспитание год. А какъ год отойдетъ, и ежели та жена дворянска роду, мужа еѣ пожалуетъ царь на воеводство в город или вотчину дастъ, а подъяческая или иного служивого чину — прибавят чести и дадут жалованья немало, а посадцкого человѣка — и таким по тому ж дано будет жалованье немалое. А тягла и податей на царя с мужа еѣ не емлют [1]по ихъ животъ[1]. Да у того ж царевича или у царевны бываютъ приставлена для досмотру мамка, боярыни честная, вдова старая, да нянка и иные послужницы.

А какъ царевич будет лѣт пяти, и к нему приставятъ для бережения и научения боярина честью великого, тиха и разумна, а к нему придадут товарыща околничего или думного человѣка. Такъ же из боярскихъ дѣтей выбирают в слуги и в столники таких же младых, что и царевичь.

[1—1] до конца жизни.

А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ, и в учители выбираютъ учителных людей тихихъ и не бражников. А писать учить выбирают ис посолских подьячихъ. А иным языком, латинскому, греческого, неметцкого и никоторых, кромѣ руского, научения в Росийском государствѣ не бывает.

И бываютъ царевичам и царевнам всякому свои хоромы и люди, кому ихъ оберегати, особые. А до 15 лѣтъ и болши царевича, окромѣ тѣхъ людей, которые к нему уставлены, и окромѣ бояр и ближнихъ людей, видети никто не может, таковый бо есть обычай. А по 15 лѣтехъ укажут его всѣмъ людем, какъ ходить со отцем своимъ в церковь и на потѣхи[1]. А какъ увѣдаютъ люди, что уж его объявили, и изо многихъ городов люди на дивовище ѣздят смотрити его нарочно.

29. Царевичи же во младыхъ лѣтехъ и царевны болшие и меншие, внегда случися имъ итти к церкви, и тогда около ихъ по всѣ стороны несут суконные полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ; такъ же какъ и в церкве стоятъ, люди видети ихъ не могутъ же, кромѣ церковников, а бывают в церквѣ завѣшены тафтою. И в то время в церквѣ кромѣ бояръ и ближнихъ людей мало иные люди бывают.

А какъ ѣздят молитися по монастырем, и тогда каптаны[2] и колымаги ихъ бывают закрыты тафтами ж. А учинены бывают царицѣ и царевнамъ для зимние ѣзды каптаны на саняхъ избушками, обиты бархатом или сукномъ красным, по обе стороны двери з затворами слюдяными и з завѣсами тафтяными. А для лѣтние ѣзды колымаги здѣланы [3]на рыдванную стать[3], покрыты сукном же, входят в нихъ по лѣсницам, а здѣланы бываютъ на колесах просто, какъ и простая телѣга, а не такъ, какъ бывают корѣты висячие на ремнях. И тѣ колымаги и каптаны бываютъ о дву оглобляхъ, а дышел не бывает. И лошадей в них запрягают по одной, а потом прибавливаютъ и иные лошади в припряжь.

30. Какъ бывает празновати по-одиножды в году день рождения царского, или царицына, или царевичей и царевенъ, и того дни у царя на патриарха, и на властей, и на бояр, и на думных людей бываютъ столы. И после стола патриархъ, моля Бога, говоритъ рѣчь заздравную, и пьет чашу наперед сам, потом подает царю и митрополитом и бояром. И пив за царское здоровье, такъ же и царицыно, и царевичей, царевен, розъѣдутся по домом.

А до стола, какъ придет царь к себѣ, от себя, и от царицы, и от царевичей, и от царевен, которого бывает день, властем, и бояром, и думным, и ближнимъ людем, такъ же и столником, и дьяком, и полковником, и гостем роздаетъ имянинные калачи. А здѣланы тѣ калачи бывают долгие, аршина в два и в три, толщиною в четверть аршина. А попом, и дьяконом, и стрелцом кормъ и питье, и в тюрмы, и в богадѣлни милостыня бывает против того ж, какъ о том выше помянуто. Да в тѣ ж дни, какъ празнуют ихъ государские имянины, в войне и в го-

[1] на охоту; [2] зимние повозки; [3—3] как дорожные кареты.

родѣх большие воеводы, и митрополиты, и в монастырех власти дѣлаютъ столы на воинских и на иныхъ людей, и на попов и на чернцов. А по обѣде по тому ж пьют заздравные чаши. Такъ же в тѣ ж дни на Москвѣ и в городѣх всякого чину люди работы никакие не работают, и в рядѣх[1] не сидят, и свадеб не играютъ, и мертвым погребения не бывает.

О царевичах, какъ будут два или три

31. После царя Ивана Васильевича осталися два сына, и единъ был царем, а другой с материю отделенъ был, какъ о том писано выше сего. Ныне же у царя три сына: единъ приходитъ в возрастъ, а другие млады. И при своем животѣ похочет ли которого женить или отдѣлать, также ежели случится по смерти его быти всѣм живым, или еще вновь прибудут, а единаго из нихъ оберутъ царем, а иным таким же ли отделѣнием жити, как сперва началось, или какъ об нихъ вновь умыслятъ, и ежели бы имъ было в отдѣление, а от нихъ бы размножились дѣти, а тѣм отделением прокормитися имъ было б скудно и мало, и о том написати немочно, потому что такого образца не бывало. А даютца в удѣл городы не государственные. А царствъ Казанского, и Астраханского, и Сибирского, и государствъ Владимерского, Новгородцкого и Псковского давати опасаются, понеже чрез великую силу достал первый царь под свое владѣние и привел в совокупление; а какъ бы то дано было, и тогда б они брату своему царю ни в чем не послушны были, а дѣти б ихъ от нихъ разлучились и стали б жить своимъ государством и непослушенством или б похотѣли быть у которого иного потентата[2] в подданстве, и оттого б приходило до великой смуты.

О преставлении царей, и царицъ, и царевичей, и царевенъ и о погребении ихъ

32. Когда лучится царю от сего света преселитися во оный покой, и тогда пошлютъ вѣдомо учинити к патриарху и к бояром. И патриархъ тогда пошлет у первыя своея церкви звонити во единъ колоколъ изредка, чтоб все люди ведали. А потом патриархъ идетъ в церковь и отпевает по мертвом великий канонъ. А бояре и думные и ближние люди нарядятца в чорное платье, поѣдут на царской двор и у царского тѣла прощаются.

И того ж дни царя измывают теплою водою и, возложа на него срачицу и порты и все царское одѣяние и корону, положат во гроб. А бывает тот гроб деревяной, всереди обито бархатом вишневым, а сверху червчатым[3]. И стоитъ его царское тѣло в его царской церкве, которая устроена пред покоями его, до тѣхъ

[1] в торговых рядах; [2] державного государя, властелина; [3] багряной, ярко-малиновой тканью.

мѣстъ, какъ будет погребение. И до 6 недель у гроба его говорят церковные дьяки денно и ночно Псалтырь с молитвами. А на Москвѣ и в городы по всѣм монастырем и по церквам прикажут чинити по царѣ до шти недель поминание, и поставляти кутию по вся дни, кромѣ воскресения и болших праздников. И посылают на Москвѣ в монастыри и по церквам на поминание денги. А в городѣх в монастыри и по церквам на поминание денги дают из городцких доходов, против московскихъ вполы. Да в городы ж к митрополитом, и к архиепископом, и к епископом и в монастыри к архимаритом и к игуменом посылает патриархъ грамоты, велитъ имъ для погребения царского быти всѣм. А на Москвѣ в третий день бывает у царицы или у царевичей на патриарха, и на властей, и на бояр, и на попов по царѣ поминалной столъ и отпѣвают панафиду над кутиею. А бывает кутия здѣлана вареное пшено с сытою да с сахаром и съ ягоды. А в монастырех и по церквам бывает кутия пшеница вареная с сытою. Таким же обычаем бывает стол на патриарха, и на властей, и на бояр, как минет три недели.

А какъ из городовъ власти съѣдутца всѣ к Москве, и тогда, изобрав день, в которой быть погребению, патриархъ, и власти, и попы, и дьяконы соберутца на царский двор и оденутся в церковныя одѣяния, а царица и царевичи или и царевны, и бояре, и ближние люди, и боярыни, и многие жены устроятся в черное платье к, взяв царское тѣло, пойдут с царского двора по чину: напередь идутъ дьяконы, попы, пѣвчие, дьяки и поютъ каноны, а позади ихъ несут царское тѣло попы, а позади царского тѣла идут патриархъ, и власти, и царевичи, и бояре, потом царица, и царевны, и боярыни, и много множества народа мужеска полу и женска всѣ вмѣсте без чину, рыдающе и плачюще. А какъ придутъ к той церкве, гдѣ погребаются цари, блиско царского двора — именуетца та церковь Михаила Архангела, — дьяконы и попы останутся у церкви, а власти, и царица, и царевнчи, и царевны, и бояре, и иные чины идут в церковь. А вшед в церковь, царское тѣло поставятъ среди церкви блиско олтаря, а в олтарь не вносят. И учнут отпѣвати погребателное пѣние, а отпѣвъ, погребут царское тѣло в землю и покроютъ каменною цкою[1]. И потом патриархъ над кутиею учнет говорить молитву и кадитъ ладоном, а проговоря молитву, начнетъ патриархъ ѣсти кутию ложкою трижды, потом подносят царицѣ, и царевичам, и царевнам, и болшим властем, и бояром, и всякого чину людем. И сотворя погребение, пойдут кождый восвояси; а предики[2] не бывает.

Тогда ж, какъ погребают царя, всякого чину людем даютъ восковые свѣщи витые и простые для провождения. И тѣх свещъ изойдется в то время болши 10 берковескъ[3]. Да в то ж время даетца ис царские казны за погребение властем, и попом, и дьяконом денги: патриарху по 100 рублевъ, митрополитом по 80, архиепископом и епископом по 70 и по 60, архимаритом, и игуменом, и самым болшим попом по 50, и по 40, и по 30 рублев, а иным попом и дьяконом руб-

---

[1] плитой; [2] поучения, проповеди; [3] берковец — единица веса в десять пудов.

левъ по 20, и по 15, и по 10, и по 5 и менши, смотря по человѣку. Да в то ж время во всѣхъ приказѣхъ, изготовя множество денег, завертывают в бумаги по рублю, и по полтине, и по полуполтине и, вывезши на площади, подьячие роздают милостыню нищим, и убогим, и всякого чину людем, поручно. Такъ же и по монастыремъ старцом и черницам и в богадѣлнях роздают всякому человѣку рублевъ по 5, и по 3, и по 2, и по одному, смотря по человѣку. Да и во всѣх городѣх чернецом, и попом, и нищим дают погребалные денги и милостыню противъ московского вполы и в третьюю долю. Такъ же на Москвѣ и в городѣх всяких воров для царского преставления ис тюрем свобождают всѣх без наказания.

Горе тогда людем, будучимъ при том погребении, потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает многое множество, московских и приѣзжих из городов и из уѣздов. А московскихъ людей натура не богобоязливая: с мужеска полу и женска по улицам грабят платье и убивают до смерти. И сыщетца того дни, какъ бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зарѣзанных болши ста человѣкъ.

А какъ минет по смерти царской 40 дней, называются сорочины. И тогда власти, и царица, и царевичи, и бояре бываютъ в той же церкве у обѣдни и отпѣвают по царѣ панафиду. И потом на властей, и на бояр, и на попов в царском дому бывает столъ, а в монастырѣхъ чернцов кормят ближние люди и дают милостыню ж против погребения вполы. И изойдется на царское погребение денег на Москвѣ и в городѣхъ блиско того, что на год придет з государства казны.

А когда царица преставится, и еѣ погребение в чинъ бывает против того ж, что и царской. А власти съѣзжаются не всѣ, потому что живут многие вдали. И денгам росход против царского вполы. А когда преставится царевич, и его погребение бывает против царицына малым чѣм с убавкою. А какъ преставитца царевна, и имъ в погребении бывает против царского в четвертую долю. А чинъ тому погребению бывает ровен всѣмъ.

И погребаются цари и царевичи всѣ у той церкви Михаила Архангела; а царицы и царевны погребаются в Выше ж городе[1], в Вознесенском дѣвиче монастырѣ, гдѣ живут черницы. А какъ царевич или царевна преставится, и тогда царевны на погребении ихъ не бывают. А ходит царь по царицѣ своей, и по царевичах, и по царевнах, и царица, и царевичи, и царевны по царѣ, и един по другом, какъ царевичи по царевнах, такъ и царевны по царевичах, в печалном платье шесть недель, а болши того не бывает. Такъ же и бояре, и думные, и ближние люди, и ихъ жены, и всякого чину служилые люди ходят в печали по государех своихъ и по своих сродственных против такого ж всѣ, кромѣ мѣлких людей. Да и по царѣхъ же и по царицах, и по царевичах, и по царевнах на Москвѣ и в городѣх по монастырем по церквам по вся годы по суботним дням бывает поминание аже до вѣку.

---

[1] в Кремле.

ГЛАВА 8, А В НЕЙ 11 СТАТЕЙ О ВЛАДѢТЕЛЬСТВѢ ЦАРСТВЪ, И ГОСУДАРСТВЪ, И ЗЕМЕЛЬ, И ГОРОДОВ, КОТОРЫЕ ПОД РОСИЙСКИМ ЦАРСТВОМ ЛЕЖАТЪ, И ТѢХЪ ГОСУДАРСТВЪ О ВОЕВОДѢХЪ

1. Великий Новгород, царствы Казанское, Астараханское, Сибирское, государство Псковское, княжествы Смоленское, Полотцкое — и тѣх государствъ в первые городы посылаютца воеводы, бояре и околничие, а с ними товарыщи: з боярами околничие, и столники, и дьяки, а с околничими — столники и дьяки. И вѣдают тѣ государства с пригороды и с уѣзды во всяких государственныхъ и земляных дѣлахъ против того ж, какъ вѣдают на Москвѣ бояре и думные люди приказы. А вѣдают всякие государственные и земские дѣла и указ по них чинят, которые мочно имъ чинить и вершить, по наказом ихъ, каковы имъ даются из Розрядного приказу и по Уложенной книге, и не описываясь к царю. А которыхъ великихъ и спорных дѣлъ вершити будет за чѣм немочно, и о таких дѣлех о указе пишутъ к Москвѣ к царю, а без указу великих дѣлъ дѣлати и докончати не смѣют.

А воромъ, разбойником, и татем, и иным злочинцом указ бывает против того ж, какъ и на Москвѣ. А казнити ихъ за их воровства смертию, кто б каковъ ни былъ, без указу царского и не описався к нему не велено, и учинити нихто не смѣет, кромѣ Сибири, и Астарахани, и Терка, потому что из тѣх городов к Москвѣ к царю писма их и от царя против ихъ писем о всяких дѣлехъ указу вскоре приходити немочно. И ихъ в таких далнихъ городѣх велено казнити и без указу царского — рускихъ середнихъ людей, и татар, и чювашу, и черемису. А дворян, и мурзъ, и князей, и нарочитых знатных людей без указу царского казнити не велено. А кого они казнят, и им, воеводамъ, для объявления велено писать к Москве, кто за что казненъ и какою смертию.

2. А которые к тѣм государствамъ и болшим городам належатъ городы всякою вѣдомостью, и владѣтелством, и податми, и в те пригороды посылаются воеводы, дворяне и дѣти боярские с Москвы и тѣх городов от воевод. А велено им дѣла дѣлать по наказом, каковы даются имъ тѣх городов от бояръ и воевод, и о всяких дѣлех спрашиватися и писати к ним, болшим воеводам, а не к Москвѣ. А они, болшие воеводы, к тѣм пригородным воеводам против ихъ писма по тому ж от себя указ посылают, которые дѣла могут они дѣлать сами, и они б дѣлали, а чего дѣлать немочно, пишут о том к Москвѣ к царю.

3. Такъ же и в ыных болших и середнихъ городѣх бывают воеводы столники, и дворяня, и дьяки, и подьячие вмѣсто дьяков. А велено им в тѣх городѣхъ дѣла всякие дѣлать по наказом же и по Уложению. А которых великих дѣл вѣдати и дѣлати имъ не указано, и о таких дѣлах велено имъ писати к Москве ж.

А в судныхъ кабалных дѣлехъ велено имъ суды давати дворяном, и дѣтем боярским, и служилым всяких чинов, и посадцким людем, и крестьяном в

болшихъ городѣх, где воеводы з дьяками, в долговых дѣлех во 100, и въ 500, и въ 1000, и въ 10 000 рублевъ. А в ыных городѣхъ, гдѣ воеводы одни сидят или с подьячими, а дьяков не бывает, велено суды давати в долговых дѣлех въ 10 и въ 20 рублех, а болши двадцати рублевъ суда давати имъ не велено никому. А будет кто воевода или приказной человѣкъ болши 20 рублев суд дастъ, и тот суд не в суд, да на нем же судьѣ возмут на царя пеню.

А велено середнихъ и менших городов всякого чину людем в болшихъ своихъ искѣхъ судитися на Москвѣ, кто гдѣ судимъ и под которым приказом написан. А в самыхъ болших городѣх, хотя в великих искѣх дают суды въ 1000 и въ 10 000 рублехъ, а обвинити они без царского указу никого не смѣют.

4. А бывает в городы к бояром, и воеводам, и приказным людем о всякихъ дѣлехъ посылаются указы, пишутца грамоты таким обычаем: «От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца, боярину нашему и воеводам князю Якову Куденѣтовичю Черкаскому», — или: «князю Ивану Алексѣевичю Воротынскому с товарищи», — а потом дѣло. Такъ же и к середнимъ воеводам против того ж: кто князь или столникъ и стряпчей, и его имянуютъ чинъ, потом имя; а к простому дворянину — толко имя его, и отечество, и прозвание.

А пишетца та титла «всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ» не изстари, — вновѣ, при нынешнем царѣ, какъ учинились в вѣчномъ подданствѣ Малая Росия, войско запорожское, гетман Богданъ Хмелницкой с казаками и со всѣми черкаскими городами.

Великою Росиею прозвано Московское государство. Бѣлая Росия — бѣлорусцы, которые живут около Смоленска и Полотцка и в ыныхъ городѣхъ.

Вопрос: Для чего пишетца самодержцем?

Отвѣт: Какъ прежние цари после царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на нихъ были иманы писма, что имъ быть не жестоким и не палчивым, без суда и без вины никого не казнити ни за что и мыслити о всяких дѣлах з бояры и з думными людми сопча, а без вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати. А нынешняго царя обрали на царство, а писма онъ на себя не дал никакого, что прежние цари давывали. И не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивышшее пишетца самодержцем и государство свое правитъ по своей воли. И с кѣмъ похочетъ учинити войну и покой, и по покою что кому по дружбе отдати, или какую помочь чинити, или и иные всякие великие и малые своего государства дѣла похочет по своей мысли учинити, з бояры и з думными людми спрашиваетца о том мало: въ его воле — что хочет, то учинити может. Однако кого из бояр и из думныхъ и ис простых людей любит и жалует, спрашиваетца и совѣтует с ними о всякихъ дѣлах. А отецъ его блаженныя памяти царь Михайло Федоровичь хотя самодержцем писался, однако без боярского совѣту не мог дѣлати ничего.

Такимъ же обычаем посылаются грамоты и на посолства к посломъ: «От царя и великого князя имркъ[1]», — и титлы; а потом: «нашим великим и полномочным послом», — одного имя пишут «с товарыщи», или времянем[2] всѣх по имяномъ.

Да к ним же, к бояром и воеводам, посылаются грамоты по ихъ писму, какъ они которого году учинят в податѣх и во всяких дѣлах и промыслѣх прибыль. Такъ же которые бояры и воеводы бываютъ на войнѣ и учинят над неприятелем поискъ или послы на съѣздех постановят вѣчной договоръ или перемирье, и к ним посылаются грамоты с милостивым словом за их радѣнье и службу. Пишут таким обычаем: «Писали они бояре и воеводы, что которого году учинили прибыли и иного радѣнья»; или: «Ис полков воеводы ж, что Божиею помощию и заступлением Богородицыным и всѣхъ святых и его царскою молитвою и счастиемъ, учинился имъ над неприятелем поискъ»; или: «Послы учинили посолство по его царскому изволению, и мы, великий государь, за вашу вѣрную службу и радѣнье жалуем, милостиво похваляем. И во всем бы были они надежны на его царскую милость, а служба их у него, великого государя, забвенна не будет».

5. А которому боярину, и воеводе, и приказным людем, или послом, и посланником, и гонцом, или кто к какому дѣлу будетъ уставлен, лучитца писати к царю против всяких дѣл отписки, и они пишутъ таким обычаем: «Государю царю и великому князю», — имя его царское и титла против такого ж обычая, как и в грамотах царских пишется к нимъ, а по титле: «холопъ твой Янка Черкаской, Ивашко Воротынской» или кто-нибудь «с товарыщи (или и одинъ) челом бьютъ (челом бьетъ)»,— потом дѣло. А княжеством ся не пишутъ и чину своего не поминаютъ.

6. А кому лучитца о каких дѣлех бити челом царю самому, и в приказѣхъ судьямъ, и в городѣх, и в войнѣ воеводам или послом, и в челобитных своихъ пишут бояре, и околничие, и думные, и всякого чину служилые люди: «Царю государю и великому князю», — имянованье и титла его царская против того ж, что и в отписке; а потом: «бьет челом холопъ твой князь» или и боярин, и простой человѣкъ полуимянем же без княжества и без чину. А посадцкие люди и крестьяне пишутца в челобитных своих рабами и сиротами, а не холопми. Такъ же и жены и дочери всяких чинов людей пишутца в челобитных своих рабами и сиротами, полуимянем же. А отцовъ своихъ и мужей пишут в челобитных своихъ цѣлыми имянами и имянуют прозвище и чин.

А кому бояром и ближнимъ и всякого чину людем о чем лучитца бити челом царицѣ, и царевичам, и царевнам, и они пишутся против того ж, что и к царю, холопми и рабами и сиротами, а ихъ титлы пишут: «Государынѣ царицѣ и великой княгинѣ имркъ»; царевнам: «Государынѣ царевнѣ и великой княжнѣ имркъ»; а болши того титлъ не бывает; а царевичам пишут: «Государю царевичю

---

[1] имярек, такого-то; [2] иногда.

и великому князю», — имя его и титла такова ж, что и царская, а «самодержца» не пишетца.

А власти, патриархъ и митрополиты, и иные, и простые черницы, и черницы, и попы пишутца к царю, и к царицѣ, и к царевичамъ, и к царевнам во всяких писмах цѣлыми своими имянами и чинами.

7. Да в тѣхъ же во всех городѣх царские всякие доходы и поборы с посадцкихъ и с уѣздных крестьян, и таможенные, и кабацкие, и иные зборы, которые на вѣре и на откупу, во всѣхъ городѣх велено собирати по окладом, против того ж, что на Москвѣ, по чему с которого города, и с уѣзду, и с таможен, и с кабаков, и с ыных откупов положен погодно оклад, и то б все собирали, никому ни в чем не норовя, и присылати к Москве все сполна. А кто будет воевода и приказной человѣкъ зачѣм у кого чего не соберетъ, и то велятъ доправить на самом воеводе. А на какие дѣла понадобятца денги в тѣхъ городѣхъ, и имъ о том велено писати к Москвѣ и роздавати во всякие росходы з запискою.

8. А для остерегания или оберегания города в болшихъ городѣхъ устроены стрелцы и казаки вѣчным житьем, пушкари, и [1]затинщики, и воротники[1], а в ыных мѣстех салдаты; и бывают около казны, и по городу, и у ворот на сторожѣ, и посылаютъ их во всякие посылки. А в ыных не в порубежных городѣх для оберегания города устроены толко однѣ пушкари, и затинщики, и воротники.

А ключи городовые воротние во всѣх городѣх бываютъ у воевод и у приказных людей.

9. А когда лучитца быти у Московского государства с ыными государствы войнѣ, и для воинского времяни во всяких городѣх у монастырей и у дворян устроены осадные дворы. И в воинское время на тѣ дворы [2]со всѣми своими животами[2], и з запасами, и з женами, и з дѣтми живут в городѣх. А крестьян из селъ и из деревень велятъ со всѣми ихъ животы высылать для осады в городы ж. И тѣ крестьяне в осадное время с посадцкими и с ыными людми бывают по городу на стороже с ружьем своим или с царским.

10. А которой город попортитца или за старостью розвалится, и на строение городов, для починки и вновь, казну собираютъ того города с торговыхъ посадцких людей и с уѣздных крестьян повытно[3], смотря по городовому строению. А чего не достанет в строение тое зборные казны, и на такое строение велитъ царь имати из своих царскихъ доходов. А мастеров каменщиков, и плотников, и иных работников емлют в том же городе и уѣзде и из иных городов.

А пушки, и пушечные запасы, и всякое воинское и осадное оружие посылается в тѣ городы с Москвы, смотря по городу.

Такъ же в болших каменных монастырех для осадного времяни — пушки, и пушечные всякие запасы, и всякое осадное оружие царское. И в ыных мо-

[1—1] стрелки у затинной, скрытой за оградой пищали; и привратники, сторожа у ворот; [2—2] со всем своим имуществом; [3] по участкам (от выть — участок).

настырех для оберегания городовъ от воинских людей устроены стрелцы и пушкари. А гдѣ стрелцов нѣт, и в тѣхъ монастырех устроены слободами торговые люди и крестьяне.

11. А будет в Московскомъ государствѣ построеных каменных городов, кромѣ монастырей, съ 20 городов или мало болши, а досталные всѣ дѣланы деревяные на земляных валах и просто на землѣ. И для войны насыпают тѣ городы песком и каменьем. А для крѣпости тѣх городовъ копаны кругомъ глубокие рвы и битъ деревяной чеснокъ[1], а в ыныхъ рвах пущена кругомъ вода.

ГЛАВА 13, А В НЕЙ 16 СТАТЕЙ О ЖИТИИ БОЯР, И ДУМНЫХЪ, И БЛИЖНИХЪ, И ИНЫХ ЧИНОВ ЛЮДЕЙ

1. Бояре и ближние люди живутъ в домѣх своих, в каменных и в древяных, без великого устроения и призрѣния. И живут з женами своими и з детми своими покоями. Да у нихъ же болших — не у многихъ — бояръ учинены на дворехъ своихъ церкви, а у которыхъ церквей нѣтъ. И они болшие и середнихъ статей бояре, которым поволено держати в домѣхъ своихъ попов. Заутреню, и часы, и молебен, и вечерню отправливаютъ у себя в своихъ хоромѣхъ, а у обѣдни они бываютъ в церквах, кто гдѣ прихож или гдѣ похочетъ. А в домѣх у них своих окром церквей обѣдни не бывает ни у кого. И дают они бояре и ближние люди попом своимъ жалованье по зговору погодно. И дается женатымъ людем попом помѣсечной кормъ, и ѣствы, и питье. А вдовые попы ѣдят з боярами своими вмѣсте за столом, у кого что прилучилось.

2. А в которые дни бывают празники Господъския или иныя нарочитыя, и имянинные, и родилные, и крестилные дни, и в тѣ дни друг з другом пиршествуютъ почасту.

Ѣствы ж обычай готовить попросту, без приправъ, без ягод, и сахару, и бес перцу, и инбирю, и иныхъ способовъ — малосолны и безуксусны. А какъ начнутъ ѣсти, и в то время ѣствы ставятъ на стол по одному блюду, а иные ѣствы приносят с поварни и держат в руках люди ихъ. И в которой ѣствѣ мало уксусу, и соли, и перцу, и в тѣ ѣствы прибавливаютъ на столѣ. А бываетъ всякихъ ѣств по 50 и по 100.

Обычай же таковой есть: пред обѣдом велятъ выходити к гостем челом ударить женам своимъ. И как тѣ ихъ жены к гостем придутъ и станутъ в полате или в ызбѣ, гдѣ гостем обѣдать, в болшом мѣсте, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостем малымъ обычаем, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ в землю. И потом господинъ дому бьетъ челомъ гостем и кланяетца в землю ж, чтоб гости жену его изволили целовать. И наперед, по прошению гостей, целу-

[1] частокол.

етъ свою жену господинъ, потом гости единъ по единому кланяются женам ихъ в землю ж и, пришед, целуютъ и, поцеловав, отшед, по тому ж кланяются в землю; а та, кого целуют, кланяетца гостем малым обычаем.

И потом того господина жена учнетъ подносити гостем по чарке вина двойного или тройного з зельи. Величиною та чарка бывает в четвертую долю квартаря[1] или малым болши. И тотъ господинъ учнетъ бити челом гостем и кланяетца в землю ж, сколко тѣх гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтоб они изволили у жены его пити вино. И по прошению тѣх гостей господинъ прикажет пити наперед вино женѣ своей, потом пьет сам. И подносят гостем, и гости пред питием вина и выпив, отдав чарку назад, кланяютца в землю ж. А кто вина не пьет, и ему вмѣсто вина — [2]романѣи или ренского[2], или иного питья по купку.

И по том питии того господина жена, поклонясь гостем, поидет в свои покои, к гостьям же к бояроням, тѣхъ гостей к женам. А жена того господина и тѣхъ гостей жены с мужскимъ поломъ, кромѣ свадеб, не обѣдают никогда, развѣ которые гости бывают кому самые сродственные, а чюжих людей не бывает, и тогда обѣдаютъ вмѣсте.

Такимъ же обычаем и в обѣд за всякою ѣствою господинъ и гости пьют вина по чарке, и романѣю, и ренское, и пива поддѣлные[3] и простые, и меды розные. И в обѣдъ же, как приносят на стол ѣствы круглые пироги, и перед тѣми пирогами выходятъ того господина сыновни жены, или дочери замужние, или кого сродственныхъ людей жены. И тѣ гости, встав и вышед из-за стола к дверям, тѣм женамъ кланяютца, и мужья тѣх жон по тому ж кланяются и бьют челом, чтоб гости жон ихъ целовали и вино у нихъ пили. И гости, целовав тѣхъ жон и пивъ вино, садятца за стол, а тѣ жены поидутъ по-прежнему — гдѣ сперва были.

А дочерей они своихъ дѣвицъ к гостем не выводят и не указываютъ никому. А живутъ тѣ дочери в особыхъ далнихъ покоях.

А как столъ отойдетъ и по обѣде господинъ и гости по тому ж веселятца и пьютъ друг про друга за здоровья, розъѣдутца по домом.

Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдают и пьют меж себя, по достоинству, в своихъ особыхъ покоях. А мужского полу, кромѣ жен и девицъ, у них не бывает никого.

3. А лучитца которому боярину и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата, и племянника женити, или дочь, или сестру, и племянницу выдать замуж, и они меж себя, кто свѣдав у кого невѣсту, посылаютъ к отцу тоѣ невѣсты, или к матере, или к брату говорити друзей своихъ, мужескъ пол или женской, что тотъ человѣкъ прислал к нему, велѣл говорити и

---

[1] четверть; [2—2] сладкой настойки или рейнвейна, виноградного вина; [3] подслащенные.

спросити, ежели они похотятъ дочь свою или иного кого выдать замуж за него за самого или за иного кого, и что будетъ за тою девицею приданого платьем, и денгами, и вотчинами, и дворовыми людми.

И тот человѣкъ, будет хочетъ дочь свою или иного кого выдать замуж, на тѣ рѣчи скажет отвѣт, что он девицу свою выдать замуж рад, толко подумаетъ о том з женою своею и с сродичами, а подумавъ, учинитъ имъ отповѣдь[1] которого дни мочно. А будетъ дать за него не хочетъ, вѣдая его, что онъ пьяница, или шаленой[2], или иной какой дурной обычай за ним вѣдает, и тѣм людем откажет, что ему дати за такова человѣка немочно; или чем-нибудь отговоритца и откажет.

А будетъ умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ и он, изготовя роспись, сколко за тою девицею дастъ приданого денег, и серебряные и иные посуды, и платья, и вотчин, и дворовых людей, пошлет к тѣм людем, которые к нему от жениха приходили, а тѣ люди отдадут жениху. А дочере или кому ни буди о том не скажут, и не вѣдает до замужства своего.

И будетъ тому жениху по тому приданому та невѣста полюбитца, посылает к невѣстину отцу и к матере говорить прежнихъ же людей, чтоб они ему тоѣ невѣсту показали. А какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о том учнутъ, и отец или мать тоѣ невѣсты скажутъ, что они дочь свою показать ради, толко не ему самому жениху — отцу, или матере, или сестрѣ, или сродственной женѣ, кому онъ женихъ самъ верит. И по тѣм ихъ словам посылаетъ женихъ смотрити мать свою или сестру, на которой день приговорятъ. И тоѣ невѣсты отецъ и мать к тому дни готовятся, и невѣсту нарядят в доброе платье, и созовут гостей, сродственных людей, и посадят тоѣ невѣсту за стол. А какъ та смотрилщица приѣдетъ, и, ей честь воздав, посадятъ за стол подле тоѣ невѣсты. И сидячи за столом за обѣдом та смотрилщица с тою невѣстою переговаривает о всяких дѣлах, извѣдываючи еѣ разуму и рѣчи, и высматривает в лицо, и в очи, и в примѣты, чтоб сказать, приѣхав к жениху, какова она есть. И быв малое или многое время, поѣдет к жениху.

И будет той смотрилщицѣ та невѣста не полюбитца, и она скажет жениху, чтоб он к ней болши того не сватался. Присмотрит еѣ что она глупа, или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна, и тот жених от тоѣ невѣсты отстанетъ прочь и болши того сватати не учнет. А будет та невѣста полюбилась и скажет тому жениху, что добра, и разумна, и рѣчью и всѣм исполнена, и тотъ женихъ посылаетъ к невѣстину отцу и к матере тѣхъ же первых людей, что он тоѣ невѣсту излюбил и хочетъ с нимъ учинить зговоръ и записи написать, что ему на ней женитца на постановленной срокъ, а они б по тому ж тоѣ невѣсту за него выдали на тотъ же срокъ. И тоѣ невѣсты отецъ и мать приказываютъ с тѣми присланными людми к жениху, чтоб онъ приѣхал к

[1] ответ; [2] шальной.

нимъ для зговору с неболшими людми, кому онъ в таком дѣле вѣритъ, того дни до обѣда или по обѣде. И скажет имъ день, когда к нему быть, и к тому дни готовитца.

И жених, дождався того дни, нарядясь, с отцом своимъ, или с сродичами, или з друзьями, кого любитъ, поѣдетъ к невѣстину отцу или матере. А приѣхав, и невѣстин отецъ и сродственные встрѣчают ихъ и честь воздадутъ как годитца и идут в хоромы и садятца по чину. А посидѣвъ, учнетъ говоритъ от жениха отецъ или иной сродственникъ, что они приѣхали к нимъ для доброго дѣла по его приказу. И господинъ дому своего отвѣщает, что он рад ихъ приѣзду и хочет с ними дѣлать зговорное дѣло. И они меж себя, с обе стороны, учнут уговариватца о всяких свадебных статьях и положатъ свадбѣ срокъ, какъ кому мочно к тому времяни изготовится — за неделю, и за месяцъ, и за полгода, и за год, и болши. И учнутъ меж себя писати в записѣх свои имена, и третьих, и невѣстино. А напишут, что ему по зговору тоѣ невѣсту взять на прямой установленной срокъ без пременения, а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ без пременения. И положатъ в том писмѣ меж собою заряд: будет тотъ человѣкъ на тот установленный срок тоѣ дѣвицы не возметъ или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватом 1000, или 5000, или 10 000 рублев денег, — сколко кто напишет в записи. И сидѣвъ у него в гостях, ѣтчи и пив, поѣдутъ к себѣ.

А невѣсты ему не покажут, и невеста его, жениха, не видает.

А выходитъ в то время ширинкою дарити жениха от невѣсты мать, или замужня сестра, или чья сродственная жена.

4. И после того зговору жених провѣдает про тое невѣсту, или кто с стороны, хотя тоѣ невѣсту взять за себя или за сына, нарочно тому жениху разобьетъ, что она в дѣвствѣ своемъ не чиста, или глуха, или нѣма, или увѣчна, и что-нибудь худое за нею провѣдает, или скажут, и тот человѣкъ тоѣ невѣсты за себя не возмет. И тоѣ невѣсты отецъ или мать бьютъ челом о том патриарху, что он по зговору своему и по заряду тоѣ невѣсты на срокъ не взял и взяти не хочет и тѣм еѣ обесчестил. Или тоѣ невѣсты отецъ и мать провѣдав про того жениха, что онъ пьяница, или зерньщикъ[1], или уродливъ, или что-нибудь свѣдав худое, за него не выдастъ и выдать не хочетъ, и тот жених бьет челом о том патриарху ж. И патриархъ велитъ про то сыскать, и по сыску и по зарядным записям на виноватом возмут заряд, что будет в записи написано, и отдадут правому жениху или невѣсте. А после того волно ему женитца, на комъ хочетъ, или невѣсту волно выдать, за кого хочетъ же.

5. А будетъ с обе стороны против писем своихъ исполнятъ и к свадбѣ изготовятца на уставленой срокъ, и женихъ созывает к себѣ на свадбу сродственныхъ и чюжих людей, кто кому дружен, в чиновные люди и в сидячие бояре и бо-

[1] игрок в зернь, в кости.

ярыни, какъ о том писано выше сего в царской свадбе. Такъ же и с невестину сторону созывают гостей, противо того ж.

И того дни, в которой быть свадбѣ, изготовятъ у жениха и у невесты столы, и по вести, что уж жениху пора ѣхать по невѣсту, и они поѣдутъ по чину: наперед несутъ коровайники хлѣб на носилках, потом ѣдут — лѣтом на лошадях верхами, а зимою в санях — попъ с крестом, потом бояре, и тысецкой, и женихъ. А приѣхав к невѣсте на двор, и идут в хоромы по чину, и невѣстинъ отецъ и гости встрѣчаютъ ихъ с честию, и чинъ той свадбѣ бывает против того ж, какъ в царской свадбе написано.

А какъ будет время, что имъ ѣхать к венчанию, и дружки у отца и у матери невистиной спрашиваютца, чтоб они новобрачного и новобрачную благословили ѣхать к венчанию. И они благословляютъ ихъ словом. И на отпуске отецъ и мать жениха и нѣвесту благословляютъ образами, а потом, взяв дочь свою за руку, отдаютъ жениху в руки. И потом свадебной чинъ, и попъ, и жених с невѣстою вмѣсте, взяв еѣ за руку, поидут ис хором вон. А отецъ, и мать, и гости ихъ провожают на двор. И женихъ, посадя невѣсту в колымагу или в каптану, садитца на лошадь или в сани; такъ же и весь свадебной чинъ; и ѣдутъ з двора к той церкве, гдѣ венчатца. А отецъ невѣстин и гости пойдут назад в хоромы, и пьют и ѣдят до тѣх местъ, какъ будет от жениха вѣсть.

А провожаетъ невѣсту толко одна сваха еѣ, да другая женихова. И бывъ у вѣнчания, поѣдут со всѣм поѣздомъ к жениху на двор и посылаютъ к женихову отцу с вѣстью, что венчались в добром здоровье.

И как приѣдуть они к жениху на двор, и ихъ женихов отецъ и мать и гости встрѣчаютъ. И отецъ и мать, родные или посѣденые[1], жениха и невѣсту благословляютъ образами и подносят хлѣб да соль. И потом садятца за столы и начнут ѣсти по чину. И в то время невесту откроют.

И из-за третие ѣствы дружки благословляются у отца и у матери новобрачному и новобрачной итти опочивати, и они их благословляют. И отпустя и проводя, пойдут назад и учнут ѣсть и пить по-прежнему.

И женихъ и невѣста пришед в покои свои, гдѣ им спать, снимаютъ с них платье — з жениха дружки, а с невесты свахи — и, положа их спать, поидутъ за столъ.

И испустя час боевой, посылают отецъ и мать и тысяцкой жениха и невѣсты спрашивать о здоровье дружку. И жених скажет, что в добром здоровье. И к ним пойдут в покой женской полъ, боярыни, и поздравляютъ и пьютъ заздравные чаши. А тысецкой в то время дружку посылает к невѣстину отцу и матере сказать, что женихъ и невѣста в добром здоровье. А какъ дружка, приѣхав, скажет, и они за тѣ добрые вѣсти того дружку потчюют и дарят ширинкою. И потом от нихъ и гости разъѣзжаются. А будучи те жены у жениха в покою пойдутъ

[1] посаженные, играющие на свадьбе роль родителей.

прочь, а жених с невестою учнетъ по-прежнему опочивать. И потом все гости разъѣзжаются.

6. А наутрее женихъ и невѣста ходят в особые бани. А потом ѣздитъ женихъ з дружкою созывать к себѣ гостей к обѣду, своихъ и невѣстиных. А приѣхавъ к невѣстину отцу и матере, бьет челом имъ за то, что они дочь свою вскормили и вспоили и замуж выдали в цѣлости, в добром здоровье, и созывая гостей, поѣдет к себѣ домовь.

А будет невѣста пришла за него замуж, дѣвства своего не сохранила, и онъ имъ, отцу и матере, за то пеняет потиху.

А какъ к нему гости всѣ съѣдутца, и новобрачная свадебным чиновным людем подноситъ дары.

И перед обѣдом ѣздитъ онъ женихъ со всем поѣздом челом ударить к царю. А какъ приѣдут и войдут в полату к царю, и кланяются в землю всѣ. А царь в то время сидитъ и спрашиваетъ про женихово и невѣстино здоровье, сидя в шапке. И женихъ кланяется в землю. И потом царь поздравляетъ ихъ сочетався законным браком, и благословляетъ жениха и невѣсту образами окладными, и даетъ жалованье по сороку соболей, да на платье по портищю бархату, и отласу, и объяри золотной, и по портищу же отласу, и камки, и тафты простой, да по сосуду серебряному вѣсомъ фунта по полтора и по два сосуд. А невѣста сама у царя не бывает. И подаетъ царь тысецкому, и жениху, и свадебному чину питья по кубку романѣи, а потом по ковшу меду вишневого. А какъ они выпьют, и потом отпустит ихъ царь к себѣ домовъ.

А приѣхав жених домов, со всѣми гостми учнут ѣсть и пить. А по ѣствѣ отецъ и мать и гости жениха и невѣсту благословляют образами и дарят у кого что прилучилось. И, етчи и пивъ, розъѣзжаются по домом.

А на третей день бывает женихъ и невѣста и гости у невѣстина отца и матери со всѣми своими гостми на обѣде. И по обѣде невѣстин отецъ и мать и гости по тому ж жениха и невѣсту дарят. И, ѣтчи и пивъ, розъѣдутца по домом. И болши того у нихъ веселия не бывает.

А ежели за того человѣка невѣста придет дѣвства своего не сохранила, и тот женихъ, вѣдая свою жену, к царю челом ударить не ѣздитъ, потому что уж царю до его приѣзду объявят, и онъ его к себѣ на очи пустить не велитъ.

Да в то ж время, какъ женихъ бывает у царя, невѣста от себя посылает з бояронею к царицѣ и к царевнам дары — убрусы тафтяные шиты золотом и серебром з жемчюгом, и у них тѣ дары царица и царевны принимают и посылают от себя спрашивать тоѣ невесту о здоровье.

А какъ то веселие бываетъ, и на том веселии дѣвицъ и мусикъ[1] никаких не бывает кромѣ того, что в трубки трубят и бьют в литавры. Такимъ же обыча-

[1] музыки.

ем кто дочь свою, вдову или девицу, сестру и племянницу выдаетъ замуж: и свадебной чинъ и веселие бывает во всемъ против того ж.

7. Да в то ж время, какъ то веселие бывает, и попу, которому жениха с невѣстою венчати, даетца от патриарха и от властей писмо за печатью, чтоб ему венчати жениха с невѣстою, провѣдав подлинно, чтоб с невѣстою жених были не в кумовствѣ, ни в сватовствѣ, ни в кресном братствѣ, ни шестаго и не седмаго колѣна в свойствѣ, и не четвертые жены муж и не четвертаго мужа жена. А ежели он провѣдаетъ, что в кумовствѣ, и в братствѣ, и в ыных вышеписанных статьях, и ему таких людей вѣнчати не велено. А будет попъ вѣдаючи вѣнчает или и не вѣдаючи, и того попа от поповства отставят, да на нем же, ежели онъ вѣдалъ, возмут пеню болшую; и за такое дѣло сидитъ у властей в смирении год. А жениха с невѣстою розведутъ врознь и в женитбу имъ того, кромѣ грѣха, не ставят, и волно имъ, розведеным, кто не на трех был женат или не за тремя была замужем, вновь женитися или замуж итти за иного.

8. А которой человѣкъ вдовец похочетъ на ком женитись, на дѣвицѣ, вдругоряд, и у них свадебной чинъ бываетъ против такого ж обычая, а в венчании на жениха-вдовца, которой женится другою женою на дѣвицѣ, полагается вѣнецъ церковной на правое плечо, а на невѣсте-девицѣ церковной вѣнецъ бывает на главѣ. А ежели вдовец которой женится на девицѣ втретьие, и у него свадебной чинъ бываетъ противъ такого ж обычая, а в венчании полагается церковный венец на жениха на лѣвое плечо, а у невѣсты венец бывает положенъ на главѣ ж. Также ежели вдова пойдетъ замуж за другого и третьяго мужа, и свадебной чинъ и в венчании бывает против того ж, что и жениху-вдовцу. А ежели женится жених-вдовец на вдовѣ другою и третью женою, и имъ венчания не бывает, а бывает молитва вмѣсто венчания; и свадебной чинъ бываетъ у них не противъ такого обычая, какъ у холостыхъ людей.

9. Такимъ же обычаем свадебные зговоры, и свадба, и чинъ у столников, у стряпчих, и у дворянъ, и у иных чиновъ людей бываетъ против того ж, какъ выше сего писано, и какъ кто можетъ по силе своеи славну и честну свадбу учинити, кромѣ того, что ѣздят к царю челом ударить на другой день свадбы. А бывают у царя челомъ ударить толко однѣ думные люди и спалники и ихъ дѣти, самых болшихъ родов.

Такъ же и меж торговых людей и крестьян свадебные зговоры и чинъ бываетъ против такого ж обычая во всем; но толко в поступках ихъ и в платье з дворянскимъ чином рознитца сколко кого станетъ.

А в домѣх они своихъ живутъ против того, кто какой чести и чиномъ, без великого ж устроения. И самым меншим чинам домов своихъ построить добрых немочно, потому что разумѣют о нихъ: богатство многое имѣют. И ежели построится домом какой приказной человѣкъ, оболгут царю и многие кривды учинят, что бутто он был посулникъ и злоиматель и царские казны не берег, или казну воровски крал, и от того злого слова тому человѣку и не во время будет

болезнь и печаль. Или, ненавидя его, пошлют на иную царскую службу, которого ему дѣла исправить немочно, и наказ ему напишут, что онъ из него выразумѣть не умѣет, и тою службою прослужится, и ему бывает наказание, и дом, и животы, и вотчины возмут на царя и продадут — кто хочет купити. А ежели торговой человѣкъ и крестьянин построится добрым самым обычаем, и на него положат на всякой год податей болши. И оттого Московского государства люди домами своими живутъ негораздо устроенными, и городы и слободы без устроения ж.

10. А будетъ у которого отца или матери есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очми, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другие сестры ростом, и красотою, и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы, и будетъ кто учнетъ свататца у того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрити мать свою или сестру и кому вѣрит, и тѣ люди вмѣсто тое своея увѣчные дочери, назвав имянем тое дочери, за которую, не вѣдаючи, учнут сватадца, показывают другую или третьюю дочерь, и та присланная, смотря дѣвицы тоѣ, излюбитъ и скажетъ жениху, что она добра и женитися ему на ней мочно, и как жених по тѣм словам полюбитъ, и о свадбѣ у нихъ с отцом и с матерью учинится зговоръ, что ему на той имянем дѣвицѣ женитца на срокъ, а тому человѣку тоѣ свою девицу за него выдать на тот же установленной срокъ, и напишут в писмѣ своем заряды великие, что платить виноватому немочно, а какъ будет свадба, и в то время за того жениха по зговору выдаютъ они замуж увѣчную или худую свою дочерь, которые имя в записях своихъ напишут, а не тоѣ, которую сперва смотрилщицѣ показывали, и тот человѣкъ, женяся на ней, того дни в лицо еѣ не усмотрит, что она слѣпа, или крива, или что иное худое, или в словах не услышит, что она нѣма или глуха, потому что в тоѣ свадбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего; такъже ежели хрома и руками увѣчна и того по тому ж не узнает, потому что в то время еѣ водят свахи под руки; и какъ отвенчався и от обѣда пойдет с нею спать, и тогда при свѣче еѣ увидитъ, что добрѣ добра: вѣкъ с нею жить, а всегда плакать и мучитца; и потом умыслит над нею учинить, чтоб она постриглась; а будет по доброй его воле не учинитъ, не пострижется, и онъ еѣ бьет и мучитъ всячески, и вмѣсте с нею не спитъ до тѣх мѣст, что она похочет постричися сама.

И будет которая жена бывает противна, побои ево и мучения не терпитъ, жалуетца сродичам своим, что он с нею живет не в совѣте и бьет и мучит, и тѣ сродичи на того человѣка бьют челом патриарху или болшим властем, и по тому челобитью власти велят сыскать дворовыми людми и сосѣдми по душамъ их. И будет тому есть правда, и того человѣка сошлют в смирение в монастырѣ на полгода или на год, а жена его останется в дому. И какъ урочные месяцы в монастырѣ отсидитъ или до того времяни, жена об нем учнетъ бить челом, чтоб был свобожен, и его свободят и велят ему с нею жить по закону. И будет и того не послушает, и ихъ розведутъ, и животы ихъ им розделят пополам. И до семи

лѣт имъ одному женитися на иной, а другой за другого итти замуж не поволено. А которой человѣк, видя свою жену увѣчную или несовѣтливу, отступя от неѣ, сам пострижется. А иные мужья или жены много того чинят — велят отравами отравити.

11. А которого человѣка обманут, выдадут за него девицу не тоѣ, которую показывали смотрилщицѣ, бьет челом о том патриарху и властем. И по его челобитью возмутъ у нихъ зарядные записи и допрашивают сосѣдей и дворовых людей по душам, что впрямь ли выдана та, которая в записи стоит имянем. И будет та, и по тому такъ и быти против записей и что скажутъ люди, а тому не вѣрить, которую смотрил, для того: не провѣдав подлинно, не женися. А будет сосѣди и сторонние и дворовые люди скажут, что выдал дочь свою не тоѣ, которая в записи написана, и такихъ мужа и жену розведут, да сверхъ того, кто неправдою выдал, возмут пеню болшую и убытки жениховы, да его ж за такое воровство бьют кнутом, или еще времянем бывает болши того, каково полюбитца царю.

12. Такъже у которого отца одна или дочь-дѣвица, а увѣчна будет чѣм-нибуди худым, и вмѣсто еѣ на обманство показывают нарочно служащую дѣвку или вдову, назвав имянем иным и нарядя в платье в ыное. А будет которая дѣвица ростом невелика, и под нѣ подставливают стулы по тому, что видитца доброродна; а на чом стоит, того не видеть.

13. А которые дѣвицы бывают увѣчны и стары и замуж ихъ взяти за себя никто не хочетъ, и таких дѣвицъ отцы и матери постригают в монастырѣхъ без замужества.

14. А которой человѣкъ жених похочет смотрити невѣсты самъ, и по его прошению отецъ или мать, вѣдая дочь свою, что еѣ пред людми показати не встыд, укажут тому жениху. И тот женихъ, смотря тоѣ невѣсты, а после того ему не полюбитца, и тоѣ невѣсту учнет хулить и поносить худыми и позорными словами и другихъ женихов учнет от неѣ отбивать прочь, и тоѣ невѣсты отецъ или мать, или кто-нибудь, провѣдав о том, учнет о том бить челом патриарху или властем, что тот человѣкъ невѣсты ихъ смотрилъ самъ, а опосле еѣ хулитъ и бесчестит и другим людем розбивает, чтоб о том они указ учинили. И по сыску патриархъ и власти, кто, смотря, хулил и бесчестил тоѣ невѣсту, велят женити его на ней силно. А будет онъ женится до того челобитья на иной, и на нем той невѣсте возмут бесчестье, по указу.

15. А которой человѣкъ выдастъ дочь свою или сестру замуж, и в приданые за нею дастъ многие животы и вотчины, и в скором времяни дочь его или сестра замужем, не родя детей, или детей и родила, а померли, и сама умрет, и тѣ всѣ приданые животы емлютъ у мужа еѣ и отдаютъ назад тѣм людем, кто выдает. А будет по смерти еѣ останется дочь или сынъ, и у мужа еѣ для детей животов не емлют.

Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всем свѣте нигдѣ такова на дѣвки обманства нѣт, яко в Московскомъ

государствѣ. А такого у них обычая не повелось, какъ в ыных государствахъ, смотрити и уговариватися времянем с невѣстою самому.

16. Да бояре ж и думные и ближние люди в домѣх своихъ держатъ людей мужского полу и женского человек по 100, и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, — сколко кому мочно, смотря по своей части и по животам. И даютъ тѣм людем жалованье погодное: женатымъ рубли по 2, и по 3, и по 5, и по 10, смотря по человеку и по службе их; да имъ же — платье, какое прилучится, хлѣб и всякой харчь помѣсечно.

А живут они своими покоями на том же боярском дворѣ или на иных. Да ихъ же женатых добрых людей посылают они бояре погодно в вотчины свои, в села и в деревни, по приказом, по перемѣнам. И укажут имъ с крестьян своихъ имати жалованье и всякие поборы, чѣм бы имъ было поживится. А холостым людем болшихъ статей дают жалованье денежное не по болшому, а меншой статьи жалованье не даетца. Да имъ же, холостым, дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и сапоги. И живут тѣ холостые люди болших статей в нижних далнихъ покоях, а меншой статьи живут в верхних покоях. И пьютъ и ѣдят з боярской поварни, да имъ же в праздничные дни всѣм даетца по 2 чарки вина.

А женской пол, вдовы, живут в своих мужних домѣх, и даетца имъ годовое жалованье и мѣсячной кормъ. А иные вдовы и дѣвицы живут у женъ ихъ боярских и у дочерей в покояхъ, и даютъ имъ платье; и ѣдят и пьют з боярской же поварни.

А какъ тѣ дѣвицы будут в великом возрасте, и тѣх дѣвицъ и вдов выдаютъ они бояре замуж с надѣлком за своихъ дворовыхъ слуг, кого кто излюбит, или времянем бывает выдаютъ через неволю. А свадбы играют в ихъ боярских хоромехъ, как чинъ повелся всякого чину людем женитися. А ѣства, и питье, и платье нарядное бывает все боярское. А на сторону в ыные дворы дѣвицъ и вдов замуж не выдают для того, что тѣ люди у них, мужской и женской пол, [1]вѣчные и кабалные[1]. Да в домѣх же ихъ боярских учинены приказы для всякихъ домовых дѣлъ и приходов и росходов и для сыску и росправы меж дворовых людей и крестьян.

Такимъ же обычаем и иных чинов люди в домѣх своих людей держатъ кому сколко прокормити мочно, вѣчных и кабалных; а некабалных людей в домѣх своихъ держати не велено никому.

[1]—[1] пожизненные, наследственные и отрабатывающие долг холопы.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН	— Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
ИРЛИ	— Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ПДП	— Памятники древней письменности
ПЛДР, 1—12	— Памятники литературы Древней Руси. В 12 т. М., 1978—1994
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ФИРИ	— Филиал института российской истории (Санкт-Петербург)

ПОВЕСТЬ О ЖЕНИТЬБЕ ИВАНА ГРОЗНОГО НА МАРИИ ТЕМРЮКОВНЕ

Эта историко-фантастическая повесть принадлежит перу провинциального беллетриста второй половины XVII в., часть рукописной «архива-библиотеки» которого сохранилась в двух сборниках одной руки конца XVII—начала XVIII в. (*РНБ*, собр. ОЛДП, Q.155 и ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 983). Попытку очертить круг произведений, принадлежащих этому анониму или им переработанных, выявить особенности его индивидуального стиля, осторожнее — одного из стилевых течений русской беллетристики этого периода см.: Росовецкий С. К. Одно из стилевых течений русской беллетристики второй половины XVII—начала XVIII в. и провинциальный книжник Федор Злобин // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 315—379.

Герои «Повести» — лица исторические (исключение составляет отравитель царицы стольник Василий Хомутов), однако действуют они, повинуясь поистине самодержавной фантазии ее автора; заметно, впрочем, влияние песен о Кострюке, Сербской «Александрии» и, в особенности, «Казанской истории». Вымышлена и причинная связь, соединяющая здесь два реальных исторических события — присоединение к Московскому государству Астраханского ханства (1556 г.) и женитьбу Ивана IV Грозного на дочери кабардинского князя Темрюка (1561 г.); так образуются две сюжетные линии, каждая из которых воплощает один из идеологических центров произведения. Первая идея — на поверхности повествования, а в конце декларируется прямо: «И тако градъ Астракань покорена бысть симъ дѣломъ, якоже о ней здѣ писано есть». Прославление мирного, «без крови», покорения иноверного царства отражало объективный процесс сближения народов Поволжья. Однако идейно-эстетическая ценность «Повести» определяется новаторским для своего времени воплощением одной из вечных тем мировой литературы — темы судьбы. Она раскрывается в рассказе о долгом пути прекрасной царевны из Астрахани в Москву, что ведет не только «от царствия в царствие», как уверяет невесту царь, влюбившийся, будто в сказке, в ее портрет, но и из отчего дома — в чужой дворец, из религии отцов — в иную, от жизни — к смерти, ужас которой оттенен бесстрастным сообщением о «злой» казни убийц и всего их «рода». Гибель Марии не обусловлена традиционным для древнерусской литературы «Божьим судом», непостижимою волею Божества, которая может быть явлена в предсказании. Здесь же никаких мрачных предвестий нет, напротив, митрополит Филипп, будущий святой и, следовательно, потенциальный провидец, заявляет царю: «Величайся с сею красотою во многолѣтном здравии вовѣки». Начало сватовства, крещение Марии и ее венчание с царем приурочены в «Повести» к праздникам и дням памяти одноименных им новозаветных персонажей, что также должно было вызвать впечатление прочности и долголетия брака. Эффект неожиданности подготовлен и безупречной исполнительностью, которой подданные царя Ивана отвечают на его повеления: даже этот «страшный въ страшных» самодержец не может уберечь любимую жену от изменников, от судьбы. Автор побуждает читателя задуматься о несправедливости смерти юного, прекрасного и добродетельного существа. С другой стороны, разом разрушив тщательно создававшуюся полусказочную атмосферу всеобщего рабского (да еще и «въ радости»!) послушания самодержцу, финальная катастрофа отбрасывает трагический отблеск и на фигуру самого царя Ивана.

Глубина и своеобразие идейного замысла, искусно выстроенный сюжет и достаточно живой, объемный образ первого русского царя заметно выделяют «Повесть» среди других произведений историко-фантастического цикла XVII в. об Иване IV («Повесть о двух посольствах», беллетризированная биография Ивана Грозного в «Пинежском летописце» и др.). Скромный провинциальный книжник сумел дать свои решения некоторых из тех проблем создания отечественной исторической беллетристики, к которым русская литература вернулась только в конце XVIII в.

Заглавие в единственном известном сейчас списке «Повести» отсутствует. Не имеет особого заглавия и короткий летописчик, в который она включена здесь в качестве заключительной третьей главы (139-ой — в общей нумерации глав рукописи). На верхнем поле л. 204, над последней строкой предшествующей главки летописчика и первой списка «Повести» читается помета в виде колонтитула «О взятии Астрахани». В дальнейшем текст повести сопровождается пометами «О Астракани» (л. 213), «Грамота от царя» (л. 114 об.), «О брацѣ царя || Ивана Васильевича» (л. 217,

л. 218), «О царѣ Иване Васил[ьевиче]. Лѣтописецъ» (л. 218 об.). Пометы эти отражают восприятие «Повести» переписчиком.

Для настоящего издания последняя публикация «Повести» (*ПЛДР*, т. 11, с. 5—15) заново сверена с рукописью (*РНБ*, собр. ОЛДП, Q.155, л. 204—219).

Стр. 21. *...В лѣто 7072-го... под Астракань...* — Вымысел. К лету 1564 г. Астраханское царство было уже 8 лет как присоединено к Московскому государству. *...царь Шахалѣй Касимовъской...* — Служилый татарский «царь» Шихалей (Ших-Али, см. о нем наст. изд., т. 10, с. 600) к занятию Астрахани русскими войсками отношения не имел.

...На Кутумовской островъ... — Свидетельство знакомства автора с топографией Астрахани. Другие авторы XVII в., Федот Котов в своем «Хождении» в Персию и Петр Золотарев в «Сказании о взятии Астрахани Степаном Разиным», упоминают под городом Кутумову реку или Кутумовку.

Теврюгъ Юньгичь — тесть Ивана IV кабардинский князь Темир-Гуки (в русских летописях — Темрюк Айдарович) Астраханским царством никогда не владел.

И пишетъ мурзѣ черкаскому Шихалѣй... — Грамоты, которыми обмениваются герои «Повести», вымышлены.

...единородную мою... дщерь Марию Теврюговну... — Кученей, дочь Темрюка, получила имя Мария только после крещения 20 июля 1561 г. в Москве. У нее была старшая сестра, следовательно, «единородной» (единственной) дочерью Кученей названа ошибочно.

...въ Златой Ордѣ... под градом Астраканью... — Наименование владений Темрюка «Золотой Ордой» — одна из деталей, заимствованных автором «Повести» из песни о Кострюке. С другой стороны, ассоциированние Астрахани и Золотой Орды было в XVII в., по-видимому, делом обычным: Федор Котов в своем «Хождении» указывает на развалины «Золотой Орды» — «пониже астраханьскова устья верст с шездесят».

Стр. 22. *...Великъ день Христовъ...* — Т. е. Пасха.

...и дядюшка єво Никита Ивановичь Романовъ... — Имеется в виду боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, действующий и в песне о Кострюке.

...Филиппъ-митрополитъ... — В 1564 г., к которому отнесено действие «Повести», митрополитом в Москве был Афанасий.

«Великии во царѣх... самодержецъ Сѣверныя страны... » — Пышная «авторекомендация» царя Ивана использует отдельные формулы из его реальной титулатуры второй половины царствования. При этом присоединенное к ним «и Славенския земли» свидетельствует, что автору было известно «Сказание о граде Славенске», содержащее мифическую историю основания Новгорода.

Стр. 23. *...перстнемъ своимъ... на немже сам написан...* — Как в XVI, так и в XVII в. изображение на государственной печати «ездеца», поражающего копьем змея, воспринималось русскими людьми как изображение царя. Автор «Повести» переносит это представление на вымышленный им перстень-печатку Ивана IV.

...образ написан будетъ... моея дщери Марии... — Кабардинские князья — мусульмане, а Коран запрещает человеческие изображения. Если автору повести это известно, согласие Темрюка призвано подчеркнуть его стремление заключить союз с московским царем.

«Невозможно никому... прежде царева видѣния зрѣти... — Шихалей вместе с Темрюком и Иваном IV разделяет здесь общенародное русское представление об особой уязвимости невесты для нечистой силы и сглаза. Кроме того, цариц и царевен тогда на Москве держали взаперти совсем по-восточному.

Стр. 24. *И повелѣ изнести из сокровищь своих... присла из Астракани.* — Богатство кабардинских князей сказочно преувеличено.

...маия въ 7 день въ 3 час дни. — Все даты в «Повести» вымышлены. Точная, вплоть до часу, датировка событий, характерная для позднего придворного летописания, превращается здесь в литературный прием, призванный, в частности, вызвать у читателя доверие к вымышленному повествованию.

...и воинъства 24 тысящи московских стрелцовъ... — Здесь и ниже указывается сказочно фантастическое количество стрельцов, принимающих участие в походах и церемониях, а также орудий и пудов необходимого для них пороха.

...день аггела своего... Иоанна Феолога. — Иными словами, в день царских именин.

Стр. 26. *...во уготованный ей корабль... верхъ же златомъ устроенъ.* — Описание «потешного» корабля, принадлежавшего казанскому царю, равно как и ряд других деталей рассказа о плавании Марии по Волге, заимствовано из глав «Казанской истории», повествующих об отправке в Москву царицы Сумбеки (см. наст. изд. т. 10, с. 252—509). Ср. также описание корабля в былине о Соловье Будимировиче: «На том соколе-корабле | Сделал муравлен чердак, | В чердаке была беседа дорог рыбей зуб...» (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 10).

И брата ея присного Мастрюка с нею в корабли остави... — В действительности вместе с Кученей в Москву отправился другой ее брат — Доманук.

...да повелитъ преосвященному митрополиту Гурию Казанскому и Свияжскому... царевну Марию Теврюговну. — Речь идет о первом архиепископе Казанском и Свияжском Гурии (Руготине), к лету 1564 г. уже покойном. То, что он назван «митрополитом», — анахронизм, отражающий современный автору «чин» казанского владыки. В дальнейшем изложении эта обмолвка исправляется. Эпизод крещения Марии в Казани полностью вымышлен.

Стр. 27. *Во осмое лѣто царства... состроена часовня óна...* — Автор имитирует хронологические справки, типичные для позднего московского летописания. Расчет лет у него вполне фантастический.

Стр. 29. *...и город поставиша выбойчатой...* — Эта деталь навеяна свидетельствами писателей начала XVII в. о поразившем воображении современников невиданном по величине и роскоши палаточном городе, поставленном для Бориса Годунова на Оке под Серпуховом летом 1598 г.

...молитвы оглашенныя... — Подготовительные ко крещению иноверца.

Стр. 30. *И посла по митрополита Филиппа... законнымъ бракомъ с любезнѣйшею моею.* — Ивана IV с Марией Темрюковной обвенчал 21 августа 1561 г. митрополит Макарий.

И тако поживе... год и месяць 6. — Второй брак Ивана IV продолжался восемь лет.

И окормлена бысть от измѣнниковъ отравою... — Мария Темрюковна тяжело заболела во время совместной поездки с царем в Вологду летом 1569 г. и умерла осенью того же года в Александровской слободе. Царь причиной смерти жены объявил «злокозньство» тайных изменников, а недоброжелатели обвинили в отравлении царицы его самого. Современные историки отвергают версию о насильственной смерти Марии Темрюковны.

...от столника Василья Хомутова... — Имя и фамилия этого вымышленного персонажа весьма похожи на «говорящие»: имя указывает на отношение к царю, а «*хомутать* на кого — сваливать на кого чужую вину, клеветать и взводить напраслину» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 4. С. 560).

...в котлѣ свари. — Этот способ казни упоминается и в вариантах песни о гневе Ивана Грозного на сына (Исторические песни XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 383, 386, 409). Известен он и по русским летописям. См., например: ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 129.

ПОВЕСТЬ О ЦАРЕ ИВАНЕ И СТАРЦЕ

Под названием «Сказка о Грозном и старце» текст повести был напечатан А. Н. Веселовским в статье «Сказки об Иване Грозном» (Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Кн. 4. С. 322—323). Новую интерпретацию и издание памятника см.: Росовецкий С. К. Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической «смеховой культуры» XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 241—267.

За сказочно яркими и, конечно же, вымышленными деталями шутовского состязания между царем Иваном IV и безымянным троице-сергиевским клирошанином обнаруживается реальная жизненная основа, с одной стороны, и своеобразная мировоззренческая позиция, с другой.

Вырисовывающиеся в смеховых перипетиях повести черты характера и особенности поведения Ивана IV вполне подтверждаются историческими источниками (подробнее см. ниже, в комментариях), — а это позволяет предположить, что и за его «соперником»-чернецом скрывается реальный прототип. Он выясняется из записи на обороте верхней крышки переплета троицкого «Обиходника» 1594 г.: «Писан Обиходник у Троицы в Сергиеве монастыре, уставщика старца Филарета, что был у царя Ивана Васильевича в Слободе в Александрове диякон Фома» (*РНБ*, Кирилло-Белозерское собр., № 735/922). Умер Филарет в 1619 г., прожив в Троице-Сергиевом монастыре более полувека. В «Житии Дионисия Зобниновского» Симона Азарьина (см. наст. изд., т. 14) он выступает как один из троицких «крикунов», чьи обвинения привели к осуждению Дионисия; как своего рода старообрядец дониконовских времен и в то же время дерзкий вольнодумец. Он неразлучен со своим учеником и другом «преславным певцом» головщиком Логгином Коровой (Шушелевым), а в их совместных спорах с архимандритом Дионисием поддерживает все шутовские и скандальные выходки приятеля. Стоит ли удивляться, что реальные обстоятельства общения Ивана IV с церковным певцом, приглашенным им в опричную столицу, трансформировались во время устного бытования троицкого монастырского предания? И вполне возможно, что при этом на образ учителя наслоились воспоминания об ученике.

Религиозному же вольномыслию Филарета в повести отвечает весьма своеобразное богословское мудрствование ее героя-«старца». Философский тезис о «преложности» человека, занимавший многих русских книжников XVI—XVII вв., веселый головщик толкует как возможность для грешника в нужный момент обратиться к спасительному «добру» — и будь это неуклонное исполнение своих монашеских обязанностей даже и в мертвецки пьяном виде или покаянная молитва после нелепой драки из-за кувшина с пивом, «прощение полное» от Бога воспоследует.

Автора повести следует искать среди троицких монахов: и монастырский быт показан явно изнутри, и топография Сергиева монастыря знакома автору явно не понаслышке; он забывает указать, что «бдѣние» 25 сентября посвящено памяти Сергия Радонежского, для него это празднование самоочевидно. Это «крылошанин»: действие соответствующего эпизода членится по частям службы, звучит жаргон древнерусского профессионального чтеца и т. д. Наконец, он был, как полагаем, одним из учеников Логгина, которые, по свидетельству Симона Азарьина, во всем подражали учителю. В пользу именно такой атрибуции свидетельствует, прежде всего, мажорность повести, особенно бросающаяся в глаза при сравнении ее с такими творениями клирошан, как «Калязинская челобитная» (см. с. 389—392) и «Стих о жизни патриарших певчих» (см. с. 447—449), написанными в тональности «смеха сквозь слезы». Мы знаем, что в первой половине XVII в. и троицким клирошанам жилось несладко, однако ученикам Логгина ничего не мешало, казалось бы, мечтать о повторении блестящей карьеры своего учителя и легендарного Филарета, обласканных вельможными «христолюбцами». Казалось бы — потому что после реформ Никона щедроты меценатов проливались уже на певцов новой, польско-украинской, «партесной» школы.

С другой стороны, безымянность «старца» в повести едва ли не свидетельство того, что имена Филарета и Логгина стали в монастыре уже запретными, а память о них — апокрифической. Произошло это после 1633 г., когда патриарх Филарет в окружном послании назвал Логгина «вором и бражником» (двумя годами раньше он сжег правленный Логгином печатный «Устав» 1610 г.).

Учитывая и иные косвенные признаки, решаемся датировать повесть серединой 30-х—началом 50-х гг. XVII в. Перед нами, таким образом, достаточно поздний плод «бесцензурного периода» (А. М. Панченко) русской духовной жизни и одновременно — один из ранних текстов отечественной «смеховой» литературы.

По сведениям первого издателя, «сказка эта доставлена Л. Н. Майкову Е. И. Якушкиным, который нашел ее в одном принадлежащем ему рукописном сборнике XVIII века» (Веселовский А. Н. Сказки об Иване Грозном // Древняя и новая Россия. СПб., 1886. Кн. 4. С. 321). В сбор-

никах небольшого собрания древнерусских рукописей Е. И. Якушкина (*ЦГАОР*, ф. 279) список повести отсутствует. Текст издается по последней публикации: Росовецкий С. К. Повесть о царе Иване и старце... С. 264—267.

Стр. 31. *...о царе Иване и старце.* — Заглавие в первом издании («Сказка о Грозном и старце») явно принадлежит А. Н. Веселовскому: в тексте повести Иван IV ни разу не назван «Грозным», однако в статье находим иное, по-видимому восходящее к рукописи, обозначение памятника: «предлагаемая сказка „о царе Иване и старце"» (с. 313).

Царь Иванъ Всильевичь... къ бдѣнию... — Т. е. царь Иван IV приходит в Троице-Сергиев монастырь, чтобы отстоять традиционное всенощное «бдѣние со свѣщами» 25 сентября, в день преставления св. Сергия Радонежского. Это — начальная часть маршрута традиционного осеннего «объезда» московских самодержцев XV—XVII вв.

...а онъ самъ гораздъ былъ пѣнию. — Иван IV не только покровительствовал церковным певцам и распевщикам, но и сам пробовал свои силы в их искусстве.

И послалъ... вопросить: «Откуду, старецъ?» — Интерес Ивана IV к монастырским клирошанам, связанный, по-видимому, с его музыкальными увлечениями, отразился, в частности, в «Послании в Кирилло-Белозерский монастырь» (см. наст. изд., т. 11, с. 152—153).

Шапочка — плоская камилавка, скуфия, головной убор русского монашества до реформ патриарха Никона.

И бояринъ сказалъ царю... съ главы постриженъ. — Показанная здесь и ниже благосклонная реакция Ивана IV на дерзкие выходки «старца» вполне соответствует свидетельствам современников (П. Одерборна, А. Шлихтинга и др.) о том, что в личном общении он ценил остроумие и награждал за удачные шутки.

И какъ почали ексапсалмы... и прочь пошелъ. — Пародируется центральный эпизод оппозиционного «Жития митрополита Филиппа», в котором св. Филипп, протестуя против опричнины, в Успенском соборе во время службы трижды отказывается благословить царя (см. наст. изд., т. 13).

И царь молвилъ... одного подобает слушати. — Пересмеивается былинное «общее место», в котором появившийся в киевской соборной церкви богатырь (чаще Дюк Степанович) отвечает таким образом князю Владимиру (иногда Чуриле Пленковичу).

И какъ приходитъ «Прологъ» чести... — Т. е. читать на шестой песни канона проложное житие св. Сергия Радонежского.

Стр. 32. *...и царь пошелъ подслушивать.* — Как и в Александровской слободе, где Иван IV устроил мрачную травестию монастыря, он берет здесь на себя одну из обязанностей игумена.

«Бѣсъ-де не можетъ... и отъ добра ко злу». — «Старецъ» цитирует по памяти фрагмент из «Богословия» Иоанна Дамаскина, известный автору повести, скорее всего, по одной из отечественных компиляций или из другого вторичного источника.

...возревъ на церковь... — Из контекста следует, что речь идет о церкви Св. Троицы. Мизансцена эпизода полностью соответствует расположению построек на плане Троице-Сергиева монастыря, выполненном между 1637 и 1655 г.

«Пресвятая Троице, помилуй насъ»... — Начальные слова молитвы Пресвятой Троице.

...все до конца. — Формула, означающая, что персонаж полностью произносит псалом или молитву.

И по семъ прощение полное получися... — Автор разделяет распространенное среди русских людей XVII в. убеждение, что искреннее покаяние (хотя бы и единичное) обеспечивает спасение грешнику. Можно догадаться, что о полученном ими «прощении полном» старцы узнали по чувству внутреннего умиления.

И царь пошелъ... къ столу въ Александрову слободу... — Царь продолжает традиционный осенний «объезд». Приглашение им троицких монахов в Александровскую слободу не нарушает исторического правдоподобия: монахи другого, также традиционно приближенного к царской семье монастыря, Кирилло-Белозерского, посещали страшную опричную столицу по нескольку раз в году.

...а быть ему... ни въ платьѣ и ни нагу. — Использована сказочная формула «обусловленного прихода». Наиболее близкую параллель находим в сказках о детстве царя Соломона.

...близь Слободы и двора церковнаго... — В Александровской слободе второй половины XVI в. было три церкви, но после Смуты и до середины XVII в. функционировала только одна — соборная Покровская.

...велѣ ся оболочи... за кукорки, перемѣняясь. — Это исполнение «неисполнимого задания» находит аналогии в сказках о «мудрой деве» и о детстве Соломона.

И велѣлъ за столомъ... въ ротъ подавать. — «Неисполнимое задание» и его остроумное выполнение заимствованы из сказки о детстве Соломона; у украинцев встречаются также в преданиях о запорожцах в гостях у польского короля или у Екатерины II.

Стр. 33. *«Какъ-де бываетъ... и пирогъ царский».* — Пародируются назидательные параллели между отношениями человека к царю и к Богу, популярные в литературе XVI—XVII вв.

«Государь, немного... тепло, мокро и мягко». — Пожелание старца звучит двусмысленно. Ср. в романе Ф. Рабле иносказательный разговор Панурга с братом-распевом о прелестях тайных любовниц монахов.

И государь говорилъ... и мягкаго хлѣба. — Царь милостиво предлагает наиболее пристойную разгадку иносказания «старца».

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

Сюжет об обмене весьма «недипломатичными» посланиями и символически выразительных дарах одного державного правителя другому с ультимативными требованиями покорности и дани известен как легендам далекой древности, так и памфлетно-публицистической литературе Средневековья, обыкновенно подкреплявшей политические претензии еще и религиозной аргументацией. Но реальной почвой памятников такого рода была собственная история народов.

Рассказы о подобном обмене посланиями между турецким султаном и русским царем Иваном IV устойчиво бытовали в среде служащих Посольского приказа во второй половине XVI и в начале XVII в. Их не однажды передают в своих воспоминаниях жившие в те времена в Москве иностранцы — Генрих Штаден, Исаак Масса, Конрад Буссов. В Посольском приказе (по-видимому, в середине первого десятилетия XVII в., когда готовился было военный поход против турок — *Р. Т.*) и создана вымышленная «переписка» султана и московского монарха. К посольской среде ведет бросающееся в глаза использование формы дипломатического документа, знание дипломатического делопроизводства и этикета, равно как и пародийное отражение в «Переписке» цветистого слога и фразеологии подлинных турецких и татарских грамот XVI в.

Разумеется, упоминания в литературных памятниках вымышленных посольств и подражание дипломатической переписке встречаются на Руси и прежде, и позже, особенно в произведениях, касающихся сношений турецкого султана с европейскими адресатами, — например, в «Повести о Дракуле» (XV в.), в «Повести о Скандербеге» (XVI в.), в поэтической «Повести об Азовском осадном сидении» (вторая половина XVII в.). Но как самостоятельный литературный сюжет подобная дипломатическая процедура представляется на Руси впервые.

Однако и официально-дипломатическая, и многообразная литературная деятельность Посольского приказа всегда находилась под неусыпным контролем московского правительства и обслуживала его идеологические и политические интересы и намерения. Отсюда определенные параллели между «Перепиской» и официальными литературно-политическими произведениями XVI в. — например «Сказанием о князьях Владимирских», «Степенной книгой». Вместе с тем, не будучи реальным дипломатическим документом, «Переписка» не опирается на прямые исторические факты русско-турецких отношений первых лет правления Ивана IV, но не далека от политической сути и

духа этих отношений (обусловленных продвижением Руси в сторону Казанского ханства и Астрахани и столкновением с турецкими устремлениями в тех же регионах).

И внешне, и внутренне «Переписка» членится на две противопоставляемые части: провоцирующее конфликт письмо султана и жесткий и саркастичный ответ Грозного. Первая основана на гротескном пародировании кичливого, доводимого до абсурда напыщенного самотитулования султана и писанных «не по пригожу», но подлинных татарских и турецких грамот, породив не во всем ясный текст, полный велеречивого пустословия, адекватное осмысление которого не давалось уже переписчикам XVII в. и затрудняет современного исследователя и публикатора.

Идеологически и этически в контрастном ключе строится исполненный сознания державного величия ответ Грозного — отповедь суверенного государя и твердого заступника православия заносчивому иноверцу, бескомпромиссно отметающая и высмеивающая посягательства и геополитические притязания алчного до чужих земель и богатств «посаженного не от Бога салтана».

Ощутимы в ответе Грозного и фольклорные реминисценции.

Конечно, писанный от лица Грозного текст далек от посланий самого царя, хотя и обнаруживает подражание им и некоторые совпадения с ними, — прежде всего, убежденностью в богоизбранности царской власти. Но главное, идейная близость этого ответа позициям Грозного как царя-государственника, сознающего необходимость решительного противостояния турецкой агрессии и борьбы с ней, — едва ли не основной из общеевропейских проблем XVI в., не снятой и на протяжении следующего столетия. Так что именно в силу вымышленного характера «Легендарная переписка» и предстает агитационно-публицистическим произведением, отражавшим политические, дипломатические и военные проблемы, уже давно сложившиеся на южных рубежах России и еще длительное время стоявшие перед нею, и формулирует идеологическое обоснование их решения.

К сожалению, от первой трети XVII в. дошел (на бумаге 1621 г.) всего один, и притом уже не ближний и не тождественный оригиналу, список «Легендарной переписки», содержащий и лексико-семантические искажения, и неузнаваемо трансформированные этнические названия, и следы правленных и неправленных прежних лакун. Но со второй трети века, в условиях нового осложнения русско-турецких отношений, «Легендарная переписка» стала заметно популярнее у русских читателей: большинство ее списков ближе к середине столетия и представляют уже две редакции «Переписки» — полную и более позднюю краткую, каждая из которых имеет два вида.

Исследование «Переписки» и научное издание ее полной редакции принадлежит М. Д. Каган — «Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в.» (ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 247—272). В настоящем издании публикуется текст первого вида полной редакции по упомянутому, наиболее раннему из сохранившихся, списку: *РНБ* , собр. М. П. Погодина, № 1570, л. 173 об.—184, с восполнениями и исправлениями по спискам того же вида из собр. Погодина, № 1573, а также *ГИМ*, Музейное собр., № 2524 — оба середины XVII в. Не оставались вне внимания и другие списки той же группы.

Стр. 34. *Послание турьского царя... рускому князю, якоже...* — Заглавия и начала текста в основном списке нет. Восстановлено по рукописи: *ГИМ*, Музейное собр., № 2524.

В лѣта 7054-го году... — Дата послания (1546 г.) на несколько месяцев предшествует времени венчания Ивана IV на царство (16 января 1547 г.), но совершеннолетием на Руси считались 15 лет, Ивану же, родившемуся 25 августа 1530 г., шел семнадцатый.

...инрога рог... — Инрог (или инорог, т. е. единорог) — мифическое животное вроде лошади с длинным прямым рогом на лбу, обладающее чудесными свойствами и фантастической силой. В русских Азбуковниках XVI—XVII в. — страшный непобедимый зверь, вся сила которого заключена в роге.

...над цари царь... — И далее — *во царех царь, обнаженный меч, разсудный державам* и под., как и перечни зависимых стран, — компоненты реального титулования султанов.

...вышняго Бога Саваофа произволением... — В иудаистской и христианской ветхозаветной традиции (а ислам не отвергает ветхозаветного предания) Саваоф — одно из имен Бога, означающее «владыку всех воинств» небесных и земных, на волю и поддержку которого султан ссылается.

...гробу Господню... — Храм Гроба Господня в Иерусалиме, захваченный султаном Селимом I в 1517 г.

...писание о выходные моея казны... — Русские цари никогда не платили дани турецким султанам, а дань Золотой Орде прекратил платить еще в 70-х гг. XV в. Иван III, дед Грозного.

...за 12 лѣтъ... — Возможно, сакральное число сказок и вообще фольклора, однако оно вполне соответствует времени, прошедшему после смерти в 1533 г. Василия III до совершеннолетия Ивана IV.

Занеже отцу твоему... умершу, а тебѣ младу сущу после его оставлшуся, и яз до твоего возраста и недосовершенного твоего разума... — Указания на молодой возраст царя встречаются и в татарских дипломатических грамотах, ср.: «Дотоле был ты молод, а ныне уже в разум вшел еси...» (*ГПБ*, Эрмитажное собр., № 550/13, л. 21—22. Дела Крымские в списке XVIII в.).

Стр. 35. *...и спрашивал [бы] у прежних совѣтников отца своего, которым было мочно вѣдати...* — Ср. в тех же татарских грамотах: «Ты того не ведаешь, молод еси. Которые люди ведают, и ты их вспросишь, те тебе скажут...» (Там же).

Стр. 36. *...занеже в моей области град нерушимый.* — Возможно, имеется в виду обладание Константинополем, взятом турками в 1453 г., а возможно, Иерусалимом, где в мечети Омара находится метеорит, являющийся святыней мусульман, так как, по преданию, с него вознесся на небо Магомет. Оба города по своему географическому положению были в Средние века ключевыми военными крепостями и крупными торговыми центрами.

А которые моление от тебя посылают к Вышнему, и яз тѣх велю когождо по своим державам розводити... — Напоминание о приезжавших в XVI в. в Москву за помощью представителях монастырей и зарубежных патриархий — Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, находившихся уже под властью Турции.

А всѣх областей цари, и князи, и градодержатели повинование ко мнѣ творят... — Основанное на рубеже XIII—XIV вв. племенами турок-огузов небольшое государство на северо-западе Малой Азии завоеваниями султанов Османа I, Урхана и Баязида I уже к исходу XIV в. охватывает большую часть Малой Азии, Болгарию, Македонию, северную и среднюю Грецию, взимает дань с Валахии. Разгромленное в 1402 г. Тамерланом, оно быстро оправилось и за время правления Мехмета II Завоевателя (1451—1481 гг.), Селима I Грозного (1512—1520 гг.) и Сулеймана II Великолепного (1520—1566 гг.) превратилось в огромную империю от Персидского залива до Адриатического побережья Балкан, от Причерноморья и Приазовья по африканской стороне Средиземного моря до Испании.

...литовские короли... — Во второй половине XIV—XV вв. Великое княжество Литовское простирается на юге по среднее Приднепровье и сталкивается с татарами, набеги которых участились с появлением обособленного Крымского ханства. В конце XV—начале XVI в. вассал Турции крымский хан Менгли Гирей уже требует и получает от литовских князей богатый ежегодный откуп за право владения Украиной и считает их своими данниками, подкрепляя свои претензии опустошительными вторжениями в литовские пределы.

...и Святая святых горы... — Афон, расположенный в Македонии на восточном мысе Халкидикского полуострова в Эгейском море (совр. Агион-Орос); находился под властью Турции с 1430-го до начала 10-х гг. XX в. Многочисленные монастыри Афона были крупными культурными и религиозными центрами православного мира.

...и греки... — Т. е. Византия и ее владения. В 1453 г. Мехмет II захватил Константинополь, в 1460 — Афины и следом всю Грецию и почти все острова Греческого архипелага (кроме Родоса, Кипра и Крита, завоеванных позже).

...и волохи... — Валашское господарство, сложившееся в XIV в. на низменности у Южных Карпат в дуге Дуная, вскоре оказавшееся зависимым от Венгрии, а затем турок. В 1462 г. Валахия захвачена Мехметом II и обращена в платившее ежегодную дань вассальное княжество.

...и еросалимляне... — Иерусалим занят султаном Селимом I в 1517 г. и четыре столетия находился под властью Турции.

...и витязи... — Духовно-рыцарский орден иоаннитов (прежде — госпитальеров, религиозно-благотворительного братства госпиталя св. Иоана Милостивого), основанный в 1100 г., после

Первого крестового похода (1096 г.), на территории созданного крестоносцами Иерусалимского королевства. С падением последних христианских крепостей в Сирии (1291 г.) орден перекочевал на Кипр, а в 1310 г. — на завоеванный иоаннитами Родос, где продержался против натиска турок до 1522 г. В 1530 г. переселился на Мальту.

...и римцы... — Венецианцы, выплачивавшие в XVI в. ежегодную дань султану, дабы сохранить острова Крит и Кипр и ряд владений в восточном Средиземноморье.

...и кафимцы... — Кафа (Феодосия), в конце XIV в. — крепость в Крыму, опора генуэзских владений и торговых контор в Азове, Сухуми, Тамани и на Кубани, а также в Синопе и Трапезунде. В 1475 г. флот Мехмета II осадил Кафу, и греко-армянское большинство населения принудило генуэзцев сдать крепость.

...и тургане (а преже было Вавилон и Асирия)... — В других списках — «*увране*», как названы племена Месопотамии, северные районы которой в 1516 г. завоевал Селим Грозный, а земли по среднему и нижнему течению Евфрата и Тигра, вплоть до Ура, — в 1534 г. Сулейман Великолепный.

Стр. 37. *...тевризского царя салтана...* — Включение в титул султана именования «тевризский» никак не отнести ко временам Ивана IV, ибо Тевризом турки завладели только в 1590 г. Однако такое титулование существенно для датировки составления самой «Переписки», поскольку в 1607 г. персидский шах Абас уже отвоевал Тевриз у султана Ахмета I (1603—1617 гг.), известие о чем не могло вскоре же не достигнуть Посольского приказа. Но ни в правление Годунова, ни, тем более, в годы Смуты Москва не нагнетала напряженности в русско-турецких отношениях, а в 1614 г. даже рассчитывала на союз с Турцией против Польши. Иное дело — середина первого десятилетия века, когда московский «цесарь, император и непобедимый» царь (пусть лже-Дмитрий, но Иоаннович), тайно принявший католичество и обязавшийся перед папой участвовать в крестовом походе против турок, сосредоточил свои заботы на подготовке этого авантюрного похода и устраивал маневры русскому войску. Тогда-то подобный памфлет вполне мог служить идеологическому обеспечению антитурецкой военной акции, прикрывая ее (в православной стране) ореолом защиты православия.

...якоже есть вторый Манамах... — Согласно государственной теории, изложенной в «Сказании о князьях Владимирских», киевский князь Владимир Всеволодович после удачного похода на Византию получил от греческого царя Константина Мономаха царские регалии, которыми венчался, и право называться Мономахом. В 1547 г. Мономаховой шапкой венчался на царство и Иван IV.

...приидоша... в поклисарствѣ твои неволныи повелители... И по моему царьскому приказу... посолство с моим конюшим болярином было о выходной к тебѣ моей казнѣ и о оброцѣх. — Прием обратной, перевернутой инвективы, подхватывающей выпад оппонента и издевательски возвращающей его (ср. с. 34, последний абзац).

Стр. 38. *Да и потому, что ты неволный обдержатель и посаженный градарь и послушатель, уподобися наемнику: како ти цареградцы повелят, тако и творишь...* — Ср. с подлинным посланием Грозного Сигизмунду II: «А ты по делу не волен еси, что еси посаженный государь, а не вотчинный: како тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государство и дали».

Стр. 39. *Родос* — остров в Эгейском море и крупнейший город этого острова.

...и Златаустъ их побѣдил и потопил их корабль в морѣ со всѣм воинством. — Легенда о том, как турецкий султан на третий год после захвата Константинополя, т. е. в 1456 г., отдал родосским рыцарям-христианам мощи Иоанна Златоуста, а затем безуспешно попытался вернуть их, существует как самостоятельное произведение и опубликована М. Д. Каган (ТОДРЛ. Т. 13. С. 272). Подобное же предание в тех или иных вариантах бытует и в южнославянском фольклоре — об одном из них сообщает Вук Караджич.

...чтоб вы обратились ко истинному... и не обратитеся на истинный путь да ... — В основном списке — лакуна. Восстановлено по рукописи: *ГИМ*, Музейное собр., № 2524.

И хощу простерети руку свою царьскую и двигнути силою... — Отвергнув прежде требования султана, а затем не исключив вероятности военного ответа (*Да и возможно мнѣ тако учинити...*), «Послание» наконец напрямую заявляет о намерениях, неизвестных во времена Грозного, но замысленных авантюристом на московском престоле.

ПЕРЕПИСКА ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА С ЦЕСАРЕМ ЛЕОПОЛЬДОМ

«Переписка» султана Оттоманской Порты Мехмета IV (1648—1687 гг.) с цесарем Священной Римской империи Леопольдом I Габсбургом (1658—1707 гг.), состоящая из двух вымышленных грамот, появляется (как «перевод с немецкого») в русских сборниках 70-х гг. XVII в. А годы эти — время подготовки Турции (после неудачной войны с Австрией в 1661—1664 гг.) к новому наступлению на Центральную Европу и резкого обострения русско-турецких отношений из-за Правобережной Украины. В 1672—1673 гг. московское правительство, в попытках создать антитурецкую лигу, направляет посольства ко всем влиятельным европейским державам, однако заинтересовало переговорами о союзе только австрийских Габсбургов. Но в 1676 г. турецкая армия вступила на земли Украины и началась длившаяся четыре года война России с Турцией, а в 1682 г. турки, подстрекаемые Францией, ворвались в Центральную Европу и осадили Вену. Так что, судя по дате русского текста, появление такой «Переписки» *в 1669 г.* вполне отвечало внешнеполитическим проблемам на южных рубежах России и, что не менее важно, указывало вероятного союзника в назревавшем столкновении с Портой. В ближайшие годы это столкновение стало реальностью.

Сомнения наводит иное: подчеркнутая датировка при каждой из грамот — *1663 г.*, когда Австрия уже третий год отбивалась от турецких армий, — и полное отсутствие в тексте конкретных обстоятельств тех лет, как если бы памфлет составлялся лицом, только со стороны знавшим об этом конфликте, и в стереотипных угрозах и аргументах не найти ни локально-исторически привязанной информации, ни национально- или государственно-политических импульсов для подданных цесаря. Так с какими же целями создавалось, да и существовало ли такое «*немецкое письмо*»?

Американский филолог Д. К. Уо, представивший впечатляющий перечень нескольких десятков европейских (немецких, французских, английских, итальянских, польских, голландских) антитурецких сочинений сходного характера, в общем вполне убеждает в той или иной близости «Переписки» этому, более века пополнявшемуся, кругу материалов (см.: Waugh D. Cl. The great turkes defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Moscovite and Russian Variants. Columbus (Ohio), 1978. P. 23—78) и даже называет прямой источник «Переписки» — гипотетичный немецкий текст, очень близкий к появившейся в 1683 г. (через полтора десятилетия после русского «перевода с немецкого») подобной же грамоте того же Мехмета IV к тому же цесарю Леопольду (р. 30, 71).

К сожалению, в объемистой монографии Д. К. Уо нет целых (кроме двух польских) европейских текстов. Нет даже опорного для суждений Уо полного немецкого текста 1683 г. Все материалы демонстрируются в обрывках, что затрудняет либо исключает для читателя независимую оценку предмета. Но главное, доводы Уо о переводном характере «Переписки» и конкретном ее источнике — недоказательны. Сближение «Переписки» с немецким текстом 1683 г. основывается более всего на титуловании султана, причем расхождения либо замалчиваются (*сынъ прехвалныя славы, богъ древа цвѣта, предсѣдатель всякия надежды* и др.), либо далеки от удовлетворительной интерпретации и мотивируются свободной манерой или неосведомленностью переводчика. Так, отсутствие в «Переписке» компонентов из немецкого титулования султана Samarien und Heglio объясняется их «необычностью» (unfamiliar), и первое, мол, принято за «фонетически родственное» *арменской*, а второе пропущено как искажение (р. 70), — словом, на Руси не ведали даже топонимов Евангелия (Мф. 10, 5; Лк. 9, 52; 10, 33; 17, 11 и 16; Ин. 4, 4—5, 9 и 39) и Ветхого Завета (Ис. 7, 9; 9, 9; Нав. 10, 3 и 5; Суд. 3, 14—17; 4 Цар. 17, 24—26 и 28—29; Езд. 4, 10 и 7; Иез. 16, 46 и 51, и др.). А вот величание султана *антиохийским* обязано, оказывается, тому, «что Антиохия была известна в Московии как место одной из православных патриархий» (р. 70). Впрочем, нарастающих расхождений не выдерживает даже раздолье свободного перевода, и Уо приходится признать, что со второй половины турецкой грамоты «Переписка» и немецкий текст «имеют мало общего» (р. 71). Ответ же цесаря ни по-немецки, ни на каком ином языке, кроме русского, вообще неизвестен — с какого оригинала «переведен» был он?

По мнению М. Д. Каган-Тарковской, «Переписка создана по образцу западноевропейских антитурецких сочинений этого жанра», но «не носит следов перевода» (см.: ПЛДР. Кн. 2. XVII в.

С. 591). Это творчески активная (самим предметом своим не исключающая использования иностранных источников и образцов) обработка известных Посольской среде турецких, европейских и отечественных материалов. Созданные в профессионально одной и той же среде и основанные на общей традиционной тематике и схожем материале, объединяемые антитурецкой направленностью и сжатые в узких рамках памфлета, все эти послания построены по единой модели: сначала в турецкой грамоте — напыщенное титулование султана и снисходительное величание адресата (русского, польского, немецкого), с последующими претензиями и репрессивными угрозами, — и затем ответ (там, где он дан) европейского монарха с издевательски перевернутым титулом султана, его обвинений и посягательств и с еще более решительными контругрозами. Отсюда неизбежное текстуальное пересечение грамот, тем более компонентов титулования, различаемых лишь мерой детализации и гротескной изобретательности.

В комментарии отмечены места «Переписки», подобные мотивам европейских памфлетов, а также несомненно перенятые фигуральные обороты и образы, но это сходство или использование отдельных компонентов никак не назвать «переводом» какого-либо из текстов, в которых они присутствуют и откуда заимствованы. Так что пометы «*1663 г.*» и особенно «*перевод с немецкого писма*» вполне могут служить не указанием источника «Переписки», а лишь сообщать ей подобие достоверности.

На Руси XVII в. «Переписка» тоже не одинока. Она входит в круг вымышленных, оригинальных и переводных, грамот турецких султанов (и ответов на некоторые из них) к Ивану Грозному, к польским королям (Сигизмунду — 1621 г., Владиславу — 1637 г., Яну Собесскому — 1678 г.), к немецким владетелям и всем христианам — 1663 г., к чигиринским казакам — 1678 г. и опять к цесарю Леопольду — 1683 г. и перекликается с ними. (См.: Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям // ТОДРЛ. Т. XV. М.; Л., 1958. С. 225—250, а также упомянутую монографию Д. К. Уо).

Текст «Переписки» печатается по рукописи *РНБ*, Археологическое собр., № 43, второй половины XVII в., л. 11—14 об., с исправлениями по списку из собр. Ф. А. Толстова, F.XVII.21, конца XVII в., л. 879—881.

Стр. 40. *Махметъ... сынъ Божий...* — Формула, немыслимая ни для правоверного магометанина, ни православного христианина; заимствована из европейских памфлетов (syn Boży — 1621 г., Sohn des Gottes — 1653 г.).

...монархъ турский... царь Великого и Малого Египта... — Титулование султана кратко исчисляет реальные владения Оттоманской Порты (ср. развернутый перечень в «Легендарной переписке Ивана Грозного с турецким султаном»).

...государь земнаго Рая... — Ср.: Prior of the Earthly Paradice — 1613 г.; Raiu Ziemskiego Książę obrane — 1621 г. По библейским представлениям, земной Рай, Эдем, находился на Востоке (Быт. 2, 9), в ареале Северной Месопотамии, входившей во владения Турции.

...государь Древа жизни... — «И насадил Господь Бог Рай в Эдеме на востоке 〈...〉 И произрастил Господь Бог 〈...〉 Древо жизни посреди Рая, и древо познания добра и зла». (Быт. 2, 8—9); «...Древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов» (Апок., 22.2). — Ср.: Lord of the Tree of Life — 1613 г., 1621 г., Pan drzewa żywota — 1621 г.

...началникъ московский... — Так «Переписка» пробуждает чувства национального протеста и вместе с тем приобщения к происходящему в Европе.

...земли обетованныя... — Букв. «земли обещанной», как назвал Палестину апостол Павел (Евр. 11, 9). Ср.: «И сказал Господь: Я увидел страдания народа моего 〈...〉. И иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед...» (Исх. 3, 7—8). Переносно — земля изобилия и счастья.

...богъ древа цвѣта... — В приводимых Д. К. Уо отрывках из европейских памфлетов не обнаружено. Возможно, контаминация на основе общей модели из Bog zgody (бог согласия) и wesele drzewa kwitnącego (радость древа цветущего) — нач. XVII в.

Стр. 41. *Паче же священники твоя уставихом псомъ на снедение предати и сосца женска урѣзывати совершенно.* — Как свидетельствует история, — нередкое реальное поведение турок-завоевателей в христианских странах. Ср. образное, но условное: Wild beasts and wolves shall sucke the breasts of thy women — 1613 г.

...дѣдичю вѣчного осуждения... — Т. е. потомок и наследник Вечного Жида — по апокрифическому преданию, иерусалимского сапожника Агасфера, который оттолкнул от своего порога изнемогающего под тяжестью креста Иисуса и велел ему идти дальше, за что и был обречен на скитания до Христова пришествия. «Я отдохну, — сказал Христос, — но ты будешь ходить, пока я не возвращусь». — В европейских ответах султану такого мотива нет.

...псу поволно (в других списках *повелено) есть лаяти, ихъже господа обыкоша в желѣзах водити.* — В европейских изданиях нет.

...вѣмы бо добре — во псы тебѣ влагатися, да стрегутъ дворы царевы и двери государей, иже мечют имъ по частицы хлѣба к губам. Того ради и мы тебя имѣем, и пребываеши даже до нынешнего времени в стражбѣ, — но занеже гордостию напыщаешися..? — Этому картинному уподоблению султана цепному псу в европейских текстах соответствует только беглое сравнение: ...no other food, than such, as was cast him (like a dogge) from his table. — 1613 г.

Стр. 42. *...богохулныя твоя капища вконецъ разорити или въ яслища обратити, а церкви наша воздвигнемъ.* — Ср. в «Большой грамоте турецкого султана польскому королю» 1637 г.: «...в твоих (т. е. польских. — *Р. Т.*) кирках и в церквах станутъ турчаня свои кони и верблюды ставить и ясли в них делать». (Опубликована М. Д. Каган: ТОДРЛ. Т. XV. С. 243—245). И, напротив, лаконичное, но сухое: ...thy Mosquees laid level with the ground. — 1613 г.

И будет по всей вселѣнней радость... Вамъ же горе и плачь сѣмо и овамо придет. — Д. К. Уо отмечает близость контекста патетическим пассажам Иеремии (р. 72).

Лживи же твои жрецы сотворю дрова и камение сещи... — Ср.: ...the execrable Priests ⟨...⟩ made Galley-slaves. — 1613 г., — с отражением иного хозяйственного уклада и других национально-психологических стереотипов.

...а Магметъ твой и росулей... — Росулей (искаж. арабск.) — посланник, одно из прозваний Мухаммеда (ок. 570—632), основателя ислама, пророка Аллаха.

...осуждении будете, — вѣчно да не осудитеся. — В европейских текстах такого конфессионально-идеологического решения нет.

ПЕРЕПИСКА ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА С ЧИГИРИНСКИМИ КАЗАКАМИ

«Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками» известна на русском, украинском, польском и немецком языках. Русская версия дошла до нас в списках последней четверти XVII в. и датирована 1678 г. Немецкий текст представлен печатной брошюрой 1683 г. и близок к русскому титулами как в письме султана, так и в ответе казаков, но по содержанию отличается от русского текста. Польские и украинские варианты бытуют только в списках XVIII в.

Существуют различные мнения о происхождении памятника. Ряд ученых (К. Харлампович, И. Борщак, Д. К. Уо) считают, что русская версия, созданная в среде служащих Посольского приказа, это перевод с польского, а сама «Переписка» возникла в Польше. Согласно другой точке зрения, в основе русской версии лежит украинский текст, дошедший до нас в поздних записях и существовавший первоначально в устной форме. Не исключено, что письмо султана действительно западноевропейского происхождения, а ответ казаков — украинский.

Письмо запорожских казаков было в XIX в. хорошо известно, особенно на Украине, и послужило И. Е. Репину темой для картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Скорее всего, Репин знал текст, опубликованный в 1894 г. украинским ученым Д. И. Эварницким: «Запо-

рожские козаки турецкому султану. Ты шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товарыщ и самого люцыперя секретарь! Який ты в чорта лыцарь? Чорт выкидае, а твое вийско пожирае. Не будешь ты годен сынив християнських пид собою мати; твоего вийска мы не боимось, землею и водою будем бытьця з тобою. Вавилонський ты кухарь, македонский колесник, иерусалимський броварник (пивовар), александрийский козолуп, Великого и Малого Египта свынарь, армянська свыня, татарский сагайдак (козел), Каминецкий кат, Подолянський злодиюка, самого гаспида (дьявола) внук и всего свиту и подсвиту блазень (глупец), а нашого бога дурень, свиняча морда, кобиляча с...а, ризныцка собака, нехрещеный лоб, хай бы взяв тебе чорт! Оттак тоби козаки видказали, плюгавче (поганец)! Невгоден еси матери вирных хрестиян! Числа не знаем, бо календаря не маем, мисяць у неба, год у кнызи, а день такий у нас, як и у вас, поцелуй за те ось-куды нас!» (Эварницкий Д. И. 1) Иван Дмитриевич Серко, славный кошевой атаман войска запорожских и низовых казаков. СПб., 1894. С. 97—98; 2) История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. 2. С. 517—518).

В русской версии письмо написано не запорожскими, а чигиринскими казаками (Каган М. Д. Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 309—315). Украинский укрепленный город Чигирин, с 1649 г. главный город Украины и резиденция украинских гетманов, оказался в центре событий русско-турецкой войны 1677—1678 гг. Захватив в 1672 г. польскую крепость Каменец-Подольск, а затем после тяжелых боев взяв Чигирин, турки были не в состоянии продолжать войну. По мирному договору, заключенному в 1681 г. в Бахчисарае, они отказались от притязаний на правобережную Украину. Вероятно, «Письмо чигиринских казаков» явилось откликом на эти события.

Если традиция антитурецких пародийных посланий известна в Западной Европе с XV в., то с начала XVII в. она продолжена на Руси оригинальными сочинениями, созданными в Посольском приказе («Повесть о двух посольствах», «Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном») и в казачьей среде. Переписка султана с чигиринцами несомненно вымышленное произведение, однако не исключено, что такие титулы могли применяться казаками, о чем свидетельствует письмо пугачевцев, посланное в 1774 г. Рейнсдорфу в осажденный Оренбург: «Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увещание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим» (Пушкин А. С. История Пугачева // Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 8. С. 300, примеч. к гл. 4).

«Переписка» издается по списку *РНБ*, Археологическое собр., № 43, второй пол. XVII в., л. 35 об.—36 об. с исправлениями по спискам *БАН*, 33.15.144 и *РНБ*, F.XVII.19.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ СМОЛЕНСКА ИВАНОМ ГРОЗНЫМ

Эта небольшая повесть дошла до нас в составе трех летописцев середины XVII—XVIII в. неофициального характера, а также в составе Латухинской степенной книги конца XVII—начала XVIII в. Читается в сборниках: *ГИМ*, Музейное собр., № 3996, собр. Забелина, № 263; *ГПБ*, Q.XVII.252, и *ИРЛИ*, Пинежское собр., № 440.

Событие, положенное в основу повести, передвинуто во времени: присоединение Смоленска к Русскому государству произошло в 1514 г. при Василии III, а в летописцах она находится под 1555, 1576, 1587 и 1593 гг. Есть основания полагать, что повесть была создана в 30-х гг. XVII в. — в годы борьбы Русского государства с польским королем за Смоленск.

Сюжет повести — это излюбленный в XVII в. псевдоисторический сюжет (не случайно повесть находится в окружении сказочно-исторических повестей — «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», «Повести про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина» и др.). Автор стремился не столько воссоздать действительные исторические факты, сколько рассказать занимательную повесть.

Текст повести издается по старшему ее списку: *ГИМ*, Музейное собр., № 3996, сер. XVII в., опубликованному М. А. Салминой в: ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 192—195.

БАСНИ ЭЗОПА В ПЕРЕВОДЕ Ф. К. ГОЗВИНСКОГО

«Притчи, или Баснословие, Езопа Фриги» — первый из русских переводов Эзопа, выполнен в 1607 г. в Москве переводчиком Посольского приказа Федором Касьяновичем Гозвинским. Оригинал перевода — одно из поздних изданий так называемой Аккурсианы (или *византийской* рецензии Эзопа), кодекса древнегреческих басен, как они изложены византийским монахом Максимом Планудой (1260—1310) и в 1479 г. опубликованы в Милане итальянским гуманистом Боном Аккурсием. Помимо 144 басен перевод содержит предпосланное им «Житие естественно острейшаго Езопа Фригийскаго», составленное тем же Планудой, а в конце книги — рассуждения о басне римского ритора Афтония (III—IV вв.), — за полтора столетия до Ломоносова познакомив русского читателя с теоретической характеристикой жанра и его разновидностей. Так, с переводом Гозвинского, басня впервые является на Руси как особый, самостоятельный род сюжетного повествования, представляя (в отличие от библейских притчей) не служебно-иллюстративные примеры, а самодостаточные и внутренне законченные рассказы со своим специфическим предметом и типом структурной организации.

Существенна прежде всего светская природа жанра — совершенно необычная для древнерусской нравоучительной литературы секуляризация дидактического предмета. Связанные с повествованием о заурядно-обыденных конфликтах и примитивно корыстных побуждениях своих персонажей басни Эзопа — это краткие иносказательные рассказы о повседневно-бытовом поведении человека в его отношении к себе и к себе подобным. Этический объект басни — реальные факты жизни. Там же, где теологические мотивы имели место, характер их аллегорического представления (зооморфические маски, античный пантеон, «омирщение» культовых категорий) для московского православия был совершенно неприемлем. Поэтому неудивительно негативное отношение к «Притчам Езопа» в кругах московского духовенства XVII в. (см. Тарковский Р. Б. и Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005. С. 32—37). Но тем выразительнее популярность перевода Гозвинского у читателей, породившая уже к середине XVII в. ряд последовательных редакций, все более приноравливаемых к представлениям и художественным вкусам русской аудитории.

Высока профессиональная техника перевода, пословного в своей основе, что было непременным для средневекового книжника залогом смысловой полноты и достоверности перевода. Переводчик тщательно, слово за словом, следует греческому оригиналу, насколько это позволяли нормы книжно-славянской речи и выработанные многовековой практикой славянских переводов структурные формы передачи древнегреческих текстов. Басни перевода Гозвинского, как и самой Аккурсианы, — это сжатые до схемы конспекты сюжетов, совершенно устранившие частные элементы ситуаций, равно как и индивидуальные интонации и голоса персонажей. Прямая речь оттесняется сообщением, рассказ вытеснен изложением, стремительно ведущим к развязке. Отсюда необычный для древнерусских книжников, воспитанных на традициях «словесной сытости», повествовательно-стилистический облик перевода: динамичный лаконизм рассказа, нетерпимость к какой-либо детализации и описаниям, метафоризму и риторическим ухищрениям.

Но вместе с тем Гозвинский довольно регулярно и отступает от следования греческому тексту там, где сохранение этнических особенностей ситуации или неизвестных на Руси сюжетных реалий оказалось бы затруднительным для понимания русских читателей.

Особо стоит отметить язык перевода. Выполненный в строгих лексических и грамматических формах «ученой», книжно-славянской речи, текст перевода, несмотря на усложненность синтаксических конструкций, понятен даже спустя четыре столетия, что в немалом обусловлено отбором таких книжно-славянских лексических серий, которые затем прочно вошли в литературный язык последующего времени. Иной судьбы грамматическое устройство текста. Строгая поначалу корректность форм и конструкций текста Гозвинского неудержимо разрушается переписчиками уже в XVII в. Ошибки многочисленны даже в списках первой редакции. В последующих они появляются массами, нигде, однако, не замещаясь формами народно-разговорной речи: пиетет перед формами книжно-славянского языка в XVII в. еще чрезвычайно велик.

Публикуемый текст «Притчей, или Баснословия, Езопа Фриги» в переводе Ф. Гозвинского подготовлен по спискам «основной», I редакции перевода, конкретно — по «опорному» списку 1660—1680 гг. из *РНБ*, собр. М. П. Погодина, № 1964. Из вышедших из употребления букв сохранена только ять. Несообразности публикуемого списка, явно принадлежащие «несмысленным» переписчикам, замещаются более корректными (*набраны курсивом*) чтениями других списков того же I вида. Так же восполнены лакуны.

Искажения, присущие всем спискам I вида, исправлены по списку II вида «основной» редакции — рукописи 1610—1620 гг. из собр. *РНБ*, Q.XVII.272. Как исключение использован список из *РГБ*, собр. Н. С. Тихонравова, № 249, и списки «предварительного перевода» из *ГИМ*, собр. А. С. Уварова, № 170 (1610—1620 гг.), и из Ярославского обл. архива, № 468 (124), когда их чтения более соответствуют греческому оригиналу. В ином случае текст публикуемого списка оставлен без исправлений.

Поскольку в списках I вида нет басен № 141 и 143 (возможно, устраненных протографом группы как сюжетные повторения № 17 и 18), они приведены по II виду той же «основной» редакции — рукописи Q.XVII.272.

Без исправления оставлено лишенное семантического веса смешение безударных гласных, глухих и звонких согласных, а также употребление ера, еря и ятя.

Разрядкой выделены лексические расхождения перевода с греческим оригиналом.

О переводе Ф. К. Гозвинского, истории его переписывания на Руси и отражении сюжетов Эзопа в других формах русской культуры XVII—начала XVIII в. см. работы: Тарковский Р. Б. 1) Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975; 2) Эстетическая ассимиляция басенного жанра // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976; 3) О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Т. XXIX. Л., 1974; 4) Из наблюдений над техникой первого русского перевода басен Эзопа // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986; 5) Три древнерусских перевода Эзопа // ТОДРЛ. Т. XLIX. СПб., 1996; Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. СПб., 2005.

Стр. 45. *Стихи, или вирши, на Езопа... утѣшайся со мною.* — Далее в списке следуют еще два тривиальных стиха, эмоционально и психологически выпадающих из строя стихотворения и, полагаю, Гозвинскому не принадлежащих:

Вирши сии почасту прочитывай
И в книгѣ сей на стихи истолкования не забывай.

Более ранний вариант «Виршей» — в списке *ГИМ*, собр. Уварова, № 170:

Баснослагатель Езоп не украшен образом,
внимаяй же сего, обрящешися с разумом.
Плоть его сосудец аще и не зело честна,
но душа, в нем живущая, умом украшена, —
и в малой плоти многажды мудрость обретает,
велико же чрево мудрости не вмещает.
Прочитай, читателю, звѣрских образов нравы,
обрящеши в баснослови явлена своя справы:
нравоучителная к нам сей бесѣдует,
и утѣшителная нам словеса всѣм дарует,
якоже от еллинских преведена суть мною, —
утѣшайся, любимиче, чтый вмѣсте со мною.

1. **Орелъ и лисица.** — В VII в. до н. э. басня рассказана поэтом Стесихором.

Стр. 45—46. *...любве и дружбы* (φιλίας); *...пищи и брашна* (τορφῆς); *...сопротивника своего и врага* (τῷ ἐχθρῷ); *...на жертву принесше, богом жроша* (θυόντων)... — Синонимические

удвоения, выделяющие узловые мотивы басни, — экспрессивные пары, подобные которым переводчик создает в тексте почти каждой басни.

Стр. 46. *...пищи и брашна не имѣя...* — Греки полагали, что, высиживая и вскармливая птенцов, орлица не отлетает далеко от гнезда и терзается голодом.

...безчествуя...; ...радуяся...; ...праведного... — Эмоционально-этические акценты, которых нет в греческом оригинале.

...младыми; ...улетѣти не могуще; ...неможения ради обидимых... — Мотивирующие пояснения Гозвинского. В ориг. нет.

...видѣвши... — Повествовательная связка, внесенная переводчиком.

***2.* О соловьѣ и о ястребѣ.** — Древнейшая из известных греческой литературе басен, изложенная в «Трудах и днях» Гесиода (VIII в. до н. э.).

«...возвращься, устремил бы ся». — Гозвинский сопрягает два разных значения греческого глагола τρέπω — 'поворачивать' и 'обращаться'.

***3.* О лисицѣ и о козлѣ.** — Как сказка отмечена в XX в. в русском фольклоре.

Стр. 45—46. *...усумнѣся, откуду изыти; ...увѣрися словесем ея...* — Повествовательно связующие и психологически окрашивающие дополнения переводчика.

Стр. 46. *«...потеку, скочивъ...»* — Сопряжение разных значений греческого ἀναδραοῦσα.

...преступила есть обѣты и не сотвори по своему завѣту. — Подчеркивающий повтор нравственного обвинения. В ориг. нет.

...прежде конецъ зрѣти вещей... — Сентенция проходит мимо мотива вероломства и обмана ближнего. Но древний грек видел здесь только хитрость, а не нравственное преступление.

***4.* О лисицѣ и о львѣ.**

...изначала... — В ориг. этой градационно отправной отметки хода действия нет.

...нрав и присвоение... — Подчеркнутая двойным переводом психологическая мотивировка сентенции. В ориг. только συνήθεια — 'привычка' («присвоение»).

***5.* О котѣ и о алекторѣ.**

...нечестивъ еси и нечистъ... — Усиленный паронимией (сходством звучания) эмфатический повтор переводчика, выдвигаюший самое тяжкое обвинение — грех кровосмешения.

«И се на ползу своим господиям и владыкамъ творити...» (т. е. 'творю'). — Калька греческой конструкции с инфинитивом, не раз встречающаяся и далее.

Стр. 48. *6.* О лисицѣ. — В XIX в. отмечена как сказка в украинском фольклоре.

...срамное и безчестное...; ...не ради благоразумия и благоизволения... — Синонимические пары, оттеняющие этический стержень фабулы. В ориг. повторений нет.

...волочащаяся. — Картинный штрих переводчика В ориг. προσηρτημένον — 'висящая'.

«...аще бы тебѣ сие не случилося...». — В ориг. более корыстный мотив: «если бы тебе не было это выгодно (προσέφερεν)».

***7.* О лисицѣ и о кустѣ.**

И тамо падши...; ...острых...; «...в помощи мѣсто...». — Повествовательные дополнения и акценты переводчика, в ориг. их нет.

***8.* О лисицѣ и о коркодилѣ.**

...коркодил-змей... — Приложение *змей* не столь передает облик экзотического зверя, сколько скрытое в нем злое начало. В ориг. нет.

...и о ихъ богатырскихъ подвизехъ. — Перевод приноравливает резоны спорщиков к представлениям русского читателя. В ориг. крокодил кичится предками-гимнасиархами — должность одна из почетнейших в Древней Греции, на которую избирались достойнейшие из состоятельных граждан, с обязанностью наблюдать за обучением и воспитанием юношества в гимнасии и проводить общественные гимнастические игры в дни празднеств.

Стр. 49. *«...от кожи бо явственъ еси, поне... сего ради и обнаженъ».* — Не располагая возможностью передать экспрессивное столкновение греческих γεγυμνασιαρχηκότων ('были гимнасиархами') и γεγυμνασμένος ('раздет', 'гол'), Гозвинский отчасти компенсирует его семантический эффект перекличкой слов *явствен* и *обнажен*.

***10.* О лисицѣ и харѣ.**

...кощуника нѣкоего скомороха... — Уже само по себе неодобрительное *скоморох* оттеняется пейоративным *кощуник* и вполне в духе «Виршей на Езопа»: «глумление сея притчи — не в глумѣх...».

«*...мозгу и разуму не иматъ!*» — Но в ориг. только *мозга* (ἐγκέφαλον), без открытого металогического плана, тогда как в переводе дублетное *разума* актуализует переносный смысл фразы и теснее связывает рассказ и сентенцию басни.

Стр. 50. *12.* О рыболовѣх и о камени.

...плясаху... — По свидетельству Элиана («Рассказы о животных», 1. 39), ловля «на музыку», с пением и пляской, привлекающими рыб, существовала на самом деле. Ср. басню «О рыболовѣ и о свирѣлех» (№ 126).

...всегда... — Обобщающий акцент, которого нет в ориг.

***13.* О самомнители.**

...и скакати, и храбровати. — Попытка переводчика пояснить ситуацию русскому читателю. В ориг. нет.

...в Родийскомъ граде... — Родос — остров у юго-западного побережья Малой Азии, а также основанная в нач. IV в. до н. э. столица острова, ставшая вскоре одним из центров греческой культуры.

«*Се тебѣ град Родийский, се и прескакание...*» — Первое появление на Руси знаменитого афоризма.

«*...скочи, и увидимъ!*» — Такого сочетания иронии и недоверия в ориг. нет.

...надорожное... — В ориг. 'необыкновенное' (μὴ πρόχειρος).

***14.* О неподобных обѣтех.** — В ориг.: «Обещающий невозможное», не анонсируя открытой этической оценки.

«*Боги же сего на мнѣ не воспросятъ*». — В ориг. больной откровенно плутлив: «Думаешь, я встану отсюда затем, чтобы боги меня обобрали?», — без упований на снисходительность богов и без пиетета перед ними.

Стр. 51. *15.* О злокозненном.

Дельфы — древнегреческий город в северной Греции у подножия Парнаса, возникший вокруг знаменитого святилища Аполлона, сооруженного, по преданию, в честь победы юного бога над обитавшим в этих местах чудовищным драконом Пифоном. В храме и находился оракул Аполлона.

...вопроси бога...; ...аще бог речет; ...бог, разумѣвъ его злохудожное умышление... — Гозвинского не шокировало именование обитателей греческого Олимпа «богами» и наделение их соответственным могуществом (как, впрочем, и человеческими слабостями). Для переводчика древнегреческие боги и богини — лишь литературные фигуры. Поэтому — «*Зевес созда человѣки*» и определил человеческую натуру (№ 96), он вершит (как и персонифицированный Случай — № 78) судьбы своих тварей (№ 97, 108); Аполлон — всеведущ (№ 15), Ермис, сотворивший «зелие лжи», то справедлив (№ 40), то суетно тщеславен (№ 84), а подчас может и опростоволоситься (№ 85), Сатир — бесхитростен и прямодушен (№ 122). Богов можно пытаться обмануть (№ 14, 43), а то и с выгодой наказать если не их самих, то хотя бы их изображение (№ 124).

«*...живое ли или бездушное?*»... — В ориг. коварство злокозненного подчеркнуто единством производящей основы антонимов: ἔμπνους — ἄπνους ('дышащий' — 'бездыханный').

...божественному оку... — В ориг.: «божеству». Возможно, Гозвинский пытается не соотносить напрямую языческий сюжет и христианского Бога.

***16.* О рыболовѣх.**

...рыбица селдь... — В ориг. неведомый на Руси тунец — крупнейшая промысловая рыба Средиземноморья, достигающая 3—5 метров длины и до 500 кг веса. Вольно или невольно Гозвинский меняет смысл фабулы, ибо его рыбаки обрадованы и довольны очень малым. Колебания же грамматического рода слова «сельдь» (то женского, то мужского) могли быть и от польской речи, где śledź — мужского рода. См. то же «О селди и о делфине рыбѣ» (№ *27*).

17. **О жабах.** — Ср. № 141.

На веснѣ... — В ориг.: θέρους — 'летом'. Такой же перевод и в басне № 130, и столь же ситуативно несообразен. Может быть, Гозвинский не знал греческого слова.

...неразмысленно и неразсудително... — Двукратная передача греческого ἀπερισκέπτως акцентирует нравственный урок басни.

Стр. 52. *18.* **О старом мужи и о смерти.** — Ср. № 143.

...убоявся... — Психологический акцент переводчика. В ориг. нет.

19. **О бабѣ и о врачѣ.**

...егда она не смотряше... — Напоминание, которого нет в ориг.

...имѣние и сосуды... — Эквивалентно передав греч. περιουσίαν, Гозвинский тут же ситуативно конкретизирует его.

...прошаше... — В ориг.: «требовал», «настаивал», что позволяло почетное положение врача в Древней Греции. На Руси лекарь мог только просить.

20. **О господине и о собаках.**

Муж нѣкто от зимы пришед в предградие жити. — В ориг. события не зависят от персонажа: «Некоего человека непогода застигла в его поместье».

...работныя волы, заклав, ядяше. — Драматизм ситуации в том, что владелец скота идет на преступление: в Древней Греции законом запрещалось забивать рабочий скот (Элиан, «Пестрые рассказы», V. 14), а земляки Эзопа карали виновного смертью.

Стр. 53. *23.* **О недрузѣхъ.**

Зимѣ же и вѣтру люту...; *...первие погрузится.* — Драматизирующие дополнения переводчика.

Стр. 54. *24.* **О женѣ и о курицѣ.**

...отолстѣвши и тучна сущи... — Плеонастически подчеркнутая мотивировка финала, контрастного расчетам и ожиданиям персонажа. В ориг. повторения нет.

25. **О котѣ и о мышах.**

...живяше здѣ... — Но в ориг.: «пришел туда», — ситуация не изначальная, а складывающаяся.

И дирою нѣкоею к ним возшед и, отлучься от нихъ, претвори себе мертва быти. — В ориг. по-другому: «взобравшись наверх, уцепился за какой-то колок и повис, прикинувшись мертвым».

...якоже мертва, лежаща... — Напоминание переводчика. В ориг. нет.

«...аще и прахом будеши и перстию...». — В ориг. эмфаза подана иначе: «даже если мешком станет твоя шкура...».

Стр. 55. *26.* **О лисицѣ и о обезьяне.**

«...токмо единому...». — В лисьих устах мотив, должный вернее искусить выскочку. В ориг. нет.

...да пришед, увидитъ...; *...сокровище видети...* — Мотивирующие повествовательные связки, которых нет в ориг.

«...буйство и безумие...». — Концентрируемая двойным переводом соль лисьей издевки. В ориг.: μωρία — 'глупость', 'безумие'.

«...безсловеснии звѣрии...». — Плеонастический акцент переводчика. В ориг. τῶν ἀλόγων — 'животными' (букв. 'бессловесными').

27. **О селдн и о делфине-рыбѣ.**

...о делфине-рыбѣ. — Присутствие во всех списках приложения, вписанного и в «опорный», — достаточное свидетельство малоизвестности животного русскому читателю.

Селдь... — Но в ориг.: θύννος — 'тунец'. Ср. то же № 16.

...скорбна душею... — Но в ориг. не психологический, а, скорее, физический акцент: λειποψυχοῦντα —'теряя сознание'. Ср. то же № 102.

28. **О врачѣ и о болящем.**

...скорби и нужды... — Двойной, подчеркивающий перевод греч. ἀνάγκη ('страдание' и 'нужда') как мотивационного ключа сентенции.

29. О бобрѣ.

...врачем потребна быти. — Секрет мускусных желез бобра использовался в древней медицине и косметике.

Стр. 56. 31. О псѣ и о волкѣ.

«...худ и тонокъ есмь и сухъ». — Доводы хитреца, дважды подчеркнутые в ориг. (λεπτός εἰμι καὶ ἰσχνός), Гозвинский превращает в более весомую, градационно-трехчленную структуру.

32. О псѣ и о алекторѣ. — В нач. XX в. отмечена в украинском фольклоре.

...лежащаго пса...; ...ищущи пса... — Но в ориг. пес оба раза назван метонимически — «привратником», и натолкнуться на пса лисица никак не предполагала. Перевод прямой номинацией нарушает логику фабулы.

Стр. 57. 33. О лвѣ и о жабе. — В кон. XIX в. отмечена в украинском фольклоре.

34. О львѣ и о ослѣ, и о лисицѣ.

...на едину часть и страну (μερίδα); *«...случай и злострастие»* (συμφορά); *...уцеломудрения и наказания* (σωφρονισμοὶ)... — Синонимическими повторами Гозвинский выделяет вершинные моменты басни: умудренный лисий дележ (в противовес ослиному), затем финальный пуант рассказа и предикат сентенции.

...разделивъ...; ...о разделении... — Повествовательные связки перевода.

...радостно... — Подчеркнутое контрастом с предшествующим *разгнѣвася* удовлетворение свирепого хищника. В ориг. нет.

35. О лвѣ и о медвѣде.

...еленка малого...; ...еленка... мала... — Стереотипная координация существительного и определения, тогда как в ориг. «крупный олененок» (βου-νευρόν). Но по силам ли такая ноша лисице?

...приобрѣтаютъ и корыствуютъ. — Вычленением и сопряжением фазовых значений греч. κερδαίνουσιν перевод подкрепляет логическую весомость сентенции.

Стр. 58. 36. О ворожеѣ, сиирѣчь о волхвѣ.

...двери сокрушены всѣ и окна... — Тяготение ли к интенсифицирующим акцентам или невольное отражение времени, когда Гозвинский трудился над переводом, но это — картина разбоя. В ориг. спокойнее: «открыты все двери».

Услышав же ворожбит... — Повествовательная связка меж разными этапами фабулы. В ориг. нет.

37. О муравлѣ и о голубице. — В нач. XX в. отмечена в украинском фольклоре.

...течениемъ струя... — Сопряжение двух значений греч. ῥεῦμα.

...сѣть ис тростия сложи...; ...с тростию убо и с сѣтию... — В ориг.: «сложив тростинки» и затем «трость», но Гозвинский назвал более обычное на Руси орудие лова — сеть.

...благодать за благодать... — В ориг. акцента тавтологии нет, просто — χάριν.

38. О кожанѣ, и о репью, и о чайкѣ.

...торговати во страны далече. — Нарративная интерполяция переводчика. В ориг. нет.

...бѣдствующу потопитися, разбившуся... — Нагнетение драматических глаголов, тогда как в ориг. всего одно слово — περιτραπείσης — 'опрокинулся'.

...точию...; ...токмо... — Акценты перевода. В ориг. нет.

...и при езерахъ... — Дополнение переводчика.

Стр. 59. 39. О болящем и о врачѣ.

...и дряхлостию мучимъ. — В ориг. этого акцента нет.

...внутреннюю огневую... — В ориг.: ὑδέρῳ — 'водянка', но перевод ввергает пациента в более тяжелое состояние.

40. О сѣкущем дрова и о Ермисѣ. — В XIX в. отмечена на Руси как сказка о трех топорах водяного.

...с топорища в рѣку. — Структурно-речевое восполнение текста. В ориг. нет.

Иский же и не обрѣте... — В ориг. сцена статичнее: «будучи в безвыходном положении» (ἀμηχανῶν).

Ермис же богъ... — Приложения «бог» в ориг. нет.

Абие...; ...паки... — Динамичные акценты переводчика.

...секиру желѣзную... — Подчеркивающая, на фоне предшествующих *золотую* и *серебряную*, интерполяция переводчика. В ориг. нет.

...всѣ три сѣкиры... — Такой же акцент. В ориг. просто «все» (ἅπαντας).

...вскочи... — Динамичный штрих, не лишенный и окраски нетерпеливой алчности. В ориг. нет.

...неправду... — Нравственная оценка от переводчика. В ориг. нет.

...праведным богъ пособствуетъ... — За фигурой языческого бога Гермеса открывается христианский. Но для переводчика античный Олимп только литературная условность.

Стр. 60. ***41.*** **О oслѣ и огородникѣ.**

...молися Зевесу... — Примечательно, что переводчик называет Зевса в этом первом упоминании без каких-либо пояснений.

...бѣднее живяше... (в списках II вида — *жваше*)... — Сопоставление фигурой хиазма и контрастной градации участи персонажа, прежней и новой:

...мало ядяше — много же труждашеся...

...труждашеся болши — и бѣднее живяше. — В ориг. нет.

...со воздыханием... горким...; ...нежели у сего немилостиваго...; ...напоследи... — Различные типы акцентов переводчика. В ориг. нет.

...слуги и раби... — Реализация обоих значений греч. οἱ οἰκέται.

42. **О ловцѣ и о птице дудокъ.**

...о птице дудокъ. — В ориг. κορυδαλὸς (предположительно ‘жаворонок-хохлач’). Гозвинский же решил, что это наделенный громадным и ярким гребнем удод (польск. dudek). Но зерна удоды не поедают. То же № 51.

«...человѣче добрый!...». — Эмоционально-стереотипный вокатив, которого нет в ориг.

...грады и домы опустѣваютъ... — Нетрудно представить, как воспринималась эта сентенция на фоне национальной драмы начала XVII в., да и в последующие десятилетия.

...началницы ихъ, владыки и царие, свирѣпѣюще мучителствуютъ. — Но в ориг.: «когда начальствующие свирепствуют» (ὅταν οἱ προεστῶτες χαλεπαίνωσιν). Поясняющие дополнения переводчика говорят сами за себя.

43. **О путьшественницѣ.**

...моляшеся богу Ермису... — В ориг. адресат моления не назван, и восполнение переводчика оказывается неизбежно подчеркивающим.

И прешед мало... — Повествовательная связка. В ориг. нет.

...с радостию... — Психологически и эмоционально окрашенная интерполяция перевода.

Стр. 60—61. «*...о Ермисе-боже...*». — Приложения *бог* при имени Гермеса в ориг. нет. Но поскольку на Руси обрядовый этикет обыкновенно включает этот вокатив при молитвенном обращении к Богу, он оказался и здесь, хотя в таком контексте мог и шокировать читателей строго православного толка.

Стр. 61. *...молитвѣ и обѣщанию...* — Экспрессивное сочетание разных значений греч. εὐχή.

...бога... обмановающа. — В ориг.: «богов», форма в составе нравственного урока на Руси неприемлемая, и Гозвинский обращается к форме единственного числа. Тем не менее остается только предполагать, как преломлялось в сознании читателя соотнесение фабулы и сентенции.

44. **О дѣтищи и о матери.**

...книжицу... — Восковую табличку оригинала (δέλτον) переводчик заменил более знакомой *книжицей*.

...губители и судии... — В ориг.: «палачей».

...мало постояли...; ...вмѣсто бесѣдования...; ...последующии ему...; «...бесчестно». — Ретардационная связка, подробности и акценты перевода. В ориг. нет.

45. **О пастыри и о мори.**

...пожелав, похотѣ... — Экспрессивно интенсифицирующая передача греч. ἐπεθύμησε.

...море же утишися... — Только в списке из Ярославского обл. архива, № 468 (124), восходящем к предварительной редакции перевода, но достаточно соответствует чтению греческого ориг.: ἔτυχε γάρ αὖθις γαληνιῶσα.

Стр. 62. ***46.*** **О груши и о яблони.**

Груша... — Но в ориг. неведомое на Руси гранатовое дерево.

...кустъ кропивный... — В ориг. «терновник» (βάτος), перевод же увеличивает социальную дистанцию и контраст благородных спорщиков с выросшей под забором и встревающей в их спор крапивой.

...ничесому же достойни и ничто же суще... — Подчеркнутый синонимическим повтором решающий уничижительный аргумент сентенции.

47. **О кротѣ.**

«Мѣди и желѣзнаго оружия шум...». — В ориг.: — χαλκῆς... ψηφῖδος κτύπον — 'медных камней удары'. Но переводчик думал об оружии, — может быть, невольные отзвуки времени.

...видѣния и зрѣния... — Ритмико-плеонастический акцент перевода.

48. **О шершнях и пелепелицах.**

...благодать благодатию воздати...; «...еже хощу...»; ...вмѣсто же ползования... — Разные типы акцентов переводчика. В ориг. нет.

Стр. 63. ***49.*** **О павѣ и о галкѣ.**

...крѣпости ради и премудрости ради силныхъ и премудрыхъ... — Этого двойного нагнетания синонимических акцентов в сентенции ориг. нет.

50. **О куколке, сирѣчь о зокзуле, и о лисице.**

Единственная птица куколка, или зокзулка дивия, на нѣкоемъ древѣ стоя, зубы, или нос, поощряше. — В ориг.: μονιὸς ἄγριος ἐπί τινος ἑστὼς δένδρου τοὺς ὀδόντας ἔθηγεν — «свирепый вепрь-одинец, стоя у какого-то дерева, точил клыки». Гозвинский явно не знаком с ключевым словом μονιός ('одинец') и по догадке передал его как *единственная* ('одинокая'); *на древѣ* же логично быть *птице*, — отсюда *куколка*, а птичьи *зубы* тут же поясняет и нейтрализует интерполируемый *нос*. Впрочем, средневековым бестиариям ведомы и не такие чудища.

...ничто же видѣвши и ни единыя сущи нужды...; «...беда и нужда...»; ...ко всякой бедѣ и нужи... — Бинарные акценты перевода. В ориг. нет.

51. **О птицѣ дудокъ.** — См. комментарии к басне № 42 «О ловце и о птице дудокъ».

52. **О еленцѣ малом.**

Стр. 64. *...боязливаго и страшливаго...* — Эмфатический повтор переводчика.

53. **О зайцахъ и о жабахъ.** — В середине XIX в. как сказка отмечена в украинском фольклоре.

54. **О ослѣ и конѣ.**

...брани и рати...; ...нужду и беду...; ...нищету и убожество... — Стереотипные акценты эмоционального лирического слога.

Стр. 65. ***55.*** **О сребролюбцѣ.**

«Не сѣтуй, скорбя...». — Экспрессивно выдвинутое сопряжение разных значений греч. ἀθύμει.

«...яко же и прежде сего...» — Сопоставление переводчика.

...богатества стяжание... — Логически акцентное вычленение процессуального и результативно-предметного значений греч. ἡ κτῆσις.

56. **О гусѣхъ и о жаравлех.**

...нестяжателные и нищие...; ...богатии же богатества ради... — Антитеза из синонимического и тавтологического удвоений. В ориг. этих акцентов нет.

57. **О черепахе и о орлѣ.** — В 80-е гг. XIX в. отмечена в русском фольклоре.

...летати... — Речевое восполнение фразы, не лишенное, однако, и акцентной роли. В ориг. нет.

58. **О блохѣ.**

...богатыря... — Пояснение для русского читателя.

...угрызши... — Этого оживляющего динамичного кадра в ориг. нет.

Стр. 66. ***59.*** **О еленице.**

...смотряющимъ... — Повествовательная связка переводчика.

...умирающи...; «...на смерть!». — Драматические акценты переводчика.

60. **О еленѣ и о лвѣ.**

«...в руце...». — В ориг. нет. В списках предварительного перевода — *в кокти.*

61. **О елене и о винограде.**

...шумящим, — услышавше...; ...возвратишася к шуму... — Повествовательно-логические связки, отсутствующие в ориг.

«...спасающую и покрывающу мя от смерти...». — Эмфатически подчеркивающее удвоение синонимов. В ориг. нет.

Стр. 67. ***62.*** **О ослѣ и лвѣ.**

...алекторова гласа боятися... — Древние греки считали, что крик петуха отпугивает льва.

...убоявся, лев побѣже; ...убояся лев и побѣже... — Повествовательно связующие репризы переводчика. В ориг. нет.

...текий..., ...гоняше. — Перевод, сочетающий разные значения греч. ἐπέδραμεν (ἐπιτρέχω).

...несохранително и небрежно...; ...лстивно и неразсужденно...; ...от смирения... — Этих экспрессивных повторов и акцентов в сентенции ориг. нет.

63. **О огородникѣ и псѣ.**

«...что мнѣ треба есть и чесо ради...». — Эмоциональный акцент перевода. В ориг. удвоения нет.

«...своего губителя...». — Но в ориг.: «самоубийцу» — τὸν αὐτόχειρα. Самоубийство же, если на то не было непреодолимых трагических обстоятельств, отвергалось в греческом мире. Осуждается самоубийство и христианской моралью, что, по-видимому, и побудило Гозвинского изменить финальную реплику.

64. **О свинии и о сукѣ.**

...отвещавъ, рече... — В ориг.: «с насмешкой сказала». Отказ переводчика от открытой издевки — вполне в духе «Виршей на Езопа».

«...твоих нечистых плотей <вкушающая> ниже всячески во святилище приносити тя велитъ». — Ни в одном из дошедших списков основной редакции слова *вкушающая* нет. Восполняется по списку предварительной редакции перевода — из ГИМ, собр. Уварова, № 170, чтение которого ближе греческому ориг. Но в Аккурсиане формулировка для христианина оскорбительнее и резче: «вкушающих (γευόμενον) твое нечистое мясо не допускает в святилища».

«...богъ...». — В ориг.: ἡ Θεὸς — 'богиня'. Афродита возненавидела свиней, когда разъяренный кабан смертельно ранил Адониса, возлюбленного богини.

«...сопротивляяся...». — Но в ориг.: ἄλλως λυμαινόμενον — 'покрывая позором', что также не нашло бы понимания у русского читателя.

Стр. 68. ***66.*** **О змии и о ракѣ.**

...никако же приимаше сего словес и упоминания. — В ориг. без синонимического повтора: «никак не давал уговорить себя».

Сѣде же рак, стрегий. И узрѣ, змию спящу, и своею силою, елико имѣ, стиснувъ змию, удави и уби. — В ориг. несколько лаконичнее: «Подкараулив спящую змею, рак изо всех сил сдавил ее и убил».

Ю же... протягну... — В ориг.: «вытянулась».

67. **О пастыри и волкѣ.**

...волкъ прихождаше овцу восхитити... — В ориг. не намерение похитить, а похищение: «и если волк похищал ягненка (εἴποτε λύκος πρόβατον ἥρπασε)».

68. **О львѣ и о волкѣ.**

Стр. 69. *...царя и владыку ко гнѣву и ярости...* — Бинарные акценты переводчика.

...ровъ изрый впадаетъ самъ вь яму, юже сотвори. — Популярный библейский афоризм (Сир. 27, 29; Еккл. 10, 8; Пс. 7, 16; 9, 16; 56, 7; Пр. Сол. 26, 27). В ориг. нет.

69. О женѣ и о муже-пиянице.

...злую...; ...умудряяся...; ...с мертвецы...; ...проспатися и прохмелитися... — Акценты переводчика. В ориг. нет.

...от пребывания в злобѣ... — Мотивирующая реприза переводчика. В ориг. нет.

Стр. 70. 70. О лебедѣ и гусѣ.

...пѣния ради... — Представление о способности лебедя к чудесному пению широко распространено в античности.

...скончания смерти...; ...смерти и скончания... — Акцентное сочетание значений греч. τελευτή.

...пѣние и мусика... — В ориг.: ἡ μουσική, означающее не только музыкальный дар, но и духовные богатства и вообще «умение».

73. О птицѣ подкропивницѣ. Подкропивница — маленькая и юркая дневная певчая птичка. Приложение *птица* знак явно малой употребительности слова. В ориг.: «буталис» — не поддающаяся точному отождествлению певчая птица.

«...подобаше ти блюстися...». — Вразумляющая реприза перевода.

Стр. 71. *...по шкоде мудрость неподобная.* — Польская пословица, внесенная переводчиком.

74. О жолви, сиирѣчь о слимаку, и о отрочищи.

О жолви, сиирѣчь о слимаку... — О каком животном идет речь, кажется, не вполне представлял и Гозвинский. В ориг.: κοχλίαι — моллюски с витой раковиной.

...со уничижением ненавидѣно. — В ориг.: «постыдно» (ἐπονείδιστον), с менее острой нетерпимостью.

75. О женѣ и о рабыняхъ.

...дѣлы и труды непрестаннами... — Стереотипный повтор и интенсифицирующий акцент переводчика.

...мняще...; ...востаетъ... — Мотивирующая и ретардационная связки перевода. В ориг. нет.

...алектора убиша... — Автологическое раскрытие местоименного *сие содѣлаша.* В ориг. нет.

...и не слышащи... — Корректирующее дополнение переводчика.

...глубочайшею нощию и ранѣе... — Акценты перевода. В ориг. нет.

76. О женѣ-волхвѣ.

...гнѣвы и ярости... — Греческое μηνιμάτον (букв. «гневы») перевод дополняет градационно нагнетающим акцентом — *и ярости.*

...на смерть... — Речевое восполнение и акцент переводчика.

Стр. 72. 77. О кошкѣ и пилѣ.

Кошка... — В ориг.: γαλῆ — ‘ласка’ и вообще мелкий хищный зверок.

78. О земледѣлатели.

Случай же, или Счастие... — В ориг.: Τύχη — богиня случая и судьбы, римская Фортуна.

...преложшеся проминетъ... — Передача греч. μεταβάλλω сочетанием семантически пересекающихся глаголов.

79. О двою путьшественницѣх.

...не глаголати «обрѣтох», но «обрѣтохом». — Сюжетный конфликт построен на противопоставлении форм 1-го лица ед. и мн. числа аориста, с чем не совладал вполне никто из переписчиков дошедших списков.

«Погубихъ» глаголи, а не «погубихомъ»... — В ориг. противостоят формы глагола ἀπόλλυμι, действительный залог которого означает ‘терять’, ‘губить’, а средний — ‘погибать’, ‘гибнуть’, т. е. по-русски передаются разными словами. Гозвинский же медиальным значением ἀπόλωλα и ἀπολώλαμεν (‘я погиб’ и ‘мы погибли’) наделил русские *погубих* и *погубихом*, в чем могло сказаться и нерусское происхождение переводчика, да и пословность перевода.

80. О двою жабах.

...в далечайшемъ... — Поясняющее напоминание переводчика.

Стр. 73. *И тако живяше...* — Отметка композиционного членения фабулы. В ориг. нет.

***81.* О пасечнику, сиирѣчь о пчелнику.**

...о пчелнику; ...во пчелницу... — По-польски «пчелник» (pszczelnik) — это и тот, кто смотрит за пчелами, и то, где содержатся пчелы. На Руси такого совмещения значений не отмечено, и контекстуальное их соседство запутало переписчиков. Выбрано наиболее ясное чтение, но без уверенности, что оно соответствует исконному тексту.

...нѣгде отшедшу... — Локальная мотивировка переводчика. В ориг. нет.

...мед с воском... — Передача разных значений греч. κηρίον — 'медовые соты' и 'воск'.

...с печалию помышляя... — Изобразительно психологический штрих там, где в ориг. просто «рассматривая» (διερευνώμενος).

...от паствы с поля... — Сопряжение разных значений греч. ἀπὸ τῆς νομῆς.

«...промышляющаго и радѣющаго...». — Акцентный повтор переводчика.

***82.* О пифике, сирѣчь о обезьяне, и о делфине-рыбе.**

О пифике, сирѣчь о обезьяне.... — Книжный грецизм поясняется более ассимилированным обиходным словом.

...у Суния Аттическаго... — Суний — мыс на юго-восточной оконечности Аттического полуострова.

...всѣм плавающим погрузившимся и утопающим, — погрузися, утопая, и пификъ. — Перевод драматизирован. В ориг. спокойнее: «И когда все пустились вплавь, поплыла и обезьяна».

...Пирейскаго мѣста и Афинейскаго пристанища... — Пирей — порт Афин на берегу Саронического залива.

...о человѣце Пирѣе... — Имя собственное добавлено переводчиком для ориентации русского читателя. В ориг. нет.

...потопи и уби. — Подчеркнутый повтором финал рассказа. В ориг. повтора нет.

Стр. 74. *83.* О мухахъ. — Как упражнение по классу пиитики эту басню под названием «На туясок» переложил стихами в юности М. В. Ломоносов.

***84.* О Ермисѣ-боге и о идолотворцѣ.**

О Ермисѣ-боге...; ...идола Зевсава...; ...идол богини Иры...; ...свой, Ермисов, идолъ...; ...вопроси и о своемъ идоле. — Текст достаточно выразительно демонстрирует и дифференцирует употребление Гозвинским слов «идол», «бог» и «богиня», неприемлемое для московского православия.

...в велицей чести и дражайши есть... — Первая часть дуплета, соотнесенная с завязкой фабулы, принадлежит ориг., вторая соответствует обстановке торга и добавлена Гозвинским.

...мнящему ся у себе нѣчто быти... — Интерполированный переводчиком компонент антитезы. В ориг. нет.

***85.* О Ермисѣ и о Тересие-волхвѣ.**

О Ермисѣ... — Во всех известных списках основной редакции — «*О Ермисе-идоле...*». Однако приложения *идол* нет ни в предварительной редакции перевода (*ГИМ*, собр. Уварова, № 170), ни во II и всех последующих редакциях. Лишь в списках из *РГБ*, собр. Полякова, № 2, и из Ярославского обл. архива, № 468 (124), восходящих к уваровскому, вписано заглавие «*Ермис-идол и Тереся-волхвъ*», но тут же следует текст: «*Ермис-богъ хотяше...*». Поэтому на фоне светски нейтрального именования греческих богов на протяжении всего остального текста (кроме аналогичного случая в басне № 97), приложение *идол* приходится признать интерполяцией переписчика заглавий.

...о Тересие-волхвѣ... — Тиресий (*миф.*) — легендарный прорицатель из Фив, наделенный даром провидения от Зевса.

...украде самъ из нивы своя волы. — В ориг. быки принадлежат Тиресию: «украл его быков». Но тут не ошибка, а, скорее, попытка снять некоторые несообразности фабулы. Однако возникли другие — в их ряду и кража у самого себя.

...увѣщевати... — Мотивирующее пояснение переводчика.

...изыдоша оба на нѣкое мѣсто татя усмотрити. — В ориг.: «пошел по вещим птицам узнать что-либо о воре», но Гозвинский убрал из текста эксплицированный мотив птицегадания.

...повелѣваетъ Ермису сказати... — Сам Тиресий был слеп: его ослепила Гера (по другой версии — Афина), когда он увидел ее купающейся (по третьей версии — боги, в наказание за то, что прорицатель разглашал их тайны).

Второе рече: «Ворону видехъ...». — В ориг.: «Затем увидел ворону... и сказал волхву». Преобразование в прямую речь (*рече: «...видехъ»*), скорее всего, от переписчиков, что особенно ощутимо на фоне следующего: *«и волхву сказаше»*.

«...своя восприимеши волы». — В греч.: «моих (ἐμᾶς) получу волов».

Стр. 75. ***86.*** **О двою псахъ.**

...уничижая...; ...от юности... — Эмоциональный и назидающий акценты переводчика.

87. **О козлѣ и о волкѣ.** — В конце XIX в. сюжет отмечен среди сказок о животных в украинском фольклоре.

«...молю тя, яко да не кромѣ покаяния...». — В ориг. нет. Сцена козлиного покаяния явно выпадает из рамок благочиния. В списках, восходящих к предварительной редакции перевода (*РГБ*, собр. Полякова, № 2, и Ярославский обл. архив, № 468/124), эти кадры и вовсе смехотворны: *«...яко да не кроме покаяния и пения твоего умру. Воструби убо мне, яко да восплящу ти и брадою потрясу».*

...вострубившу и завывшу... — Причастие *завывшу* переключает метафору в автологический план и объясняет появление бросившихся на волчий вой псов. В ориг. же: αὐλοῦντος — 'играл на флейте'.

...глас волчий... — Дополнительная мотивация появления собак. В ориг. нет.

«...трубнича трубления не воспоминати». — Figura etymologica, с акцентом «качественной спецификации». В ориг.: «не представляться флейтистом».

...ни во что же имъ потребнымъ умѣти... — Вразумляющее дополнение переводчика.

Стр. 76. ***90.*** **О воронѣ и о вранѣ.** — В греческой мифологии ворон — особо почитавшаяся священная птица Аполлона, наделенная даром прорицания. Но «бытовое» суеверие и воро́ну не лишало способности накаркать неудачу, несчастье.

Ворона, позавидевши врану, начатъ человѣком волхвовати и о сем свидѣтелей поставляше, еже предглаголаше будущее. — В ориг. иначе: «Ворона, завидуя во́рону, что тот прорицает людям и потому призывается в свидетели при предсказаниях будущего...». Гозвинский же и здесь исключил из перевода прорицание по птицам как реальную возможность.

Им же ко гласу возвращшимся от пути, хотяще видети... — В ориг.: «когда же они в смущении от страха (καταπλαγέντων) обернулись на голос», но переводчик убрал суеверное смятение путников (или не знал греческого слова — ср. № 113).

«...волхвования же не имать». — Полагают, что эта басня — «едва ли не единственное свидетельство о разнице, которая проводилась в птицегадании между вороной и вороном» (Гаспаров М. Л. Басни Эзопа. М., 1968. С. 287). Ср., однако, № 85 и 91.

...смѣху и поношению... — Перевод дополняет осмеяние более резкой общественной оценкой — позором.

91. **О воро́нѣ и о псѣ.**

...Афинѣ-богинѣ... — В ориг. приложения *богиня* нет.

«...богиня сице тя ненавидитъ...». — Афина невзлюбила ворону после того, как та принесла ей весть, что питомца богини младенца Эрихтония (чудища с полузмеиным телом, впоследствии одного из первых аттических царей), которого Афина прятала от чужих глаз, углядели сестры Эрихтония, наказанные за это безумием и гибелью.

«...ярость свою...». — Разъясняющая интерполяция переводчика.

Стр. 77. ***93.*** **О галкѣ и о голубицехъ.**

...ей пища...; ...и своѣмъ естественнымъ гласом посредѣ ихъ...; ...от среды ихъ... — Пояснения переводчика. В ориг. нет.

...любостяжание и любоимѣние... — Эмфатический акцент Гозвинского. В ориг. повтора нет.

***95.* О Ермисе.**

...сотворив... — Мотивирующее восполнение экспозиции: должна же откуда-то ложь взяться. В ориг. нет.

...поелико... — Но в ориг.: ἴσον — 'одинаково', 'поровну'.

Стр. 78. *...множае...* — Интенсифицирующий акцент переводчика. В ориг. нет.

***96.* О Зевсе и о сраму.**

Зевес созда человѣки... — Остается лишь предполагать, как эта фраза воспринималась московскими читателями XVII в., но ни в одной из последующих редакций ее кардинального изменения не происходит.

...состави обычая... — Экспозиционно-фоновая интерполяция переводчика.

«...исповѣданияхъ и уговорех...». — Синонимическое удвоение переводчика, при этом книжный вариант проясняется обиходным.

«...похоть блуда...». — В ориг.: ἔρως — 'любовь', 'страсть'.

***97.* О Зевесе и о жолвѣ.** — В списке — *«О Зевесе-идоле и о жолвѣ»*, но в рассказе самой басни упоминания *идол* нет. И хотя заглавие — это довольно автономный компонент текста, вписанный позже (в специально оставленные пробелы), и устранению приложения *«идол»*, казалось бы, препятствует его присутствие во всех списках предварительной и «основной» редакции перевода, — однако решающим все же представляется регулярное титулование греческих богов переводчиком. К тому же приложения *«идол»* нет и ни в одном из списков последующих редакций со II по V.

«...любимъ и мил...». — Акцентирующий повтор переводчика; в ориг.: φίλος.

...прокля ю... — В ориг. столь эмоционального осуждения нет.

***98.* О волкѣ и о овцѣ.**

...издалеча... — Уточнение сценического размещения персонажей. В ориг. нет.

Стр. 79. *Уразумѣв...; «...убо вѣм, яко...».* — Переводчик эксплицирует то, что в ориг. сохраняется в подтексте.

...лицемѣрствиемъ и лукавством уловляющему и прелщающему. — Вторые компоненты синонимических пар введены переводчиком, в ориг. их нет.

***99.* О зайцахъ и орлахъ.** — В списке эта и следующая басни поменялись местами. Порядок восстановлен по спискам II вида и по греческому ориг.

«...воююще боретеся». — Двойная реализация значений греч. πολεμεῖτε.

***100.* О птице алкион, при мори живущей.** — Столь обстоятельное пояснение свидетельствует, что Гозвинский не знал русского эквивалента греческого слова. В ориг.: ἀλκυών — 'зимородок'.

Алкион (миф.) — Алкиона, дочь владыки ветров Эола, в отчаянии бросившаяся в волны, когда ее муж Кеикс погиб в море. Но волею богов и Алкиона, и Кеикс были превращены в зимородков (в другом варианте Кеикс стал чайкой).

***101.* О рыболовѣ.**

Распростер сѣти, течение реки содержа; на обоих концах сѣти камение привязавъ, в воду бияше... — Обычный способ ловли на стремительных, особенно горных, реках. Но в ориг. все же несколько иначе: «Раскинул сети, охватив с обеих сторон поток, и, обвязав веревкою камень, бил в воду».

...судии... — В ориг. шире: οἱ δημαγωγοὶ — 'правители' и 'демагоги'.

Стр. 80. *102.* О ловцѣ птичном и о ехидне.

...скорбя... — В ориг.: «теряя сознание». Ср. № 27.

***103.* О муравлѣ.**

...плоды и сѣмена... — В ориг.: τοὺς καρποὺς. Второй перевод конкретизирует значение первого.

Бог... — В ориг.: Ζεὺς — Зевс.

...разгнѣвався и негодовав... — Повтор, подчеркивающий эмоциональную реакцию верховного божества.

...нынѣ... — Своеобразный эффект живого присутствия. В ориг. нет.

***104.* О комарѣ.**

«...искусимся...; ...сила и крѣпость?»; ...грызый; ...лежаше. — Разные типы акцентов переводчика. В ориг. нет.

Паукъ же сѣть связа паучинную, в ню же, летя, комар впаде, и паукъ сего снѣде. — В ориг. таких кадров нет и все более лаконично: «В сетях же паутины запутавшись...».

Стр. 81. *105.* О гаче, сиирѣчь о нетопырѣ, и о кошкѣ.

...котом... — В ориг.: γαλῆ, мелкий хищный зверок — хорек, ласка и под.

...воюет и сопротивляется. — Подчеркнутый удвоением резон хищного зверушки.

...да не снѣстъ ея. — По-видимому, переоформление первоначального *да не снѣсться* (ср. μὴ βρωθῆναι); к тому же соседнее *мышь* — женск. рода.

...не во единомъ имени... — В ориг.: μὴ τοῖς αὐτοῖς — 'не тем же самым'. Перевод же, лексически связывая сентенцию с рассказом басни (ср. выше: *пременяющи имя*), не отождествляет, в отличие от оригинала, имени с сущностью.

***106.* О путешественницѣх.**

...на нѣкое мѣсто видѣти. — В ориг.: ἐπί τινα σκοπιάν — 'на взгорок'.

...волны...; ...волнам...; ...волны... — В ориг.: φρύγανα — 'хворост'. Но эта ключевая греческая лексема Гозвинскому, как видно, не знакома и передана по догадке. Сказать определеннее трудно: в других баснях этого слова нет и контрольная сверка невозможна.

...малое... — Интерполяция переводчика, оттеняющая трехчленную нисходящую градацию: *«корабль велик» — «судно малое» — «ничесому суще».*

...ради недоумѣния... — В ориг.: ἐξ ἀπόπτου — '(наблюдаемое) издали'.

***107.* О ослѣ дивиемъ.**

...в нѣкоемъ хлѣву... — В ориг.: ἔν τινι εὐηλίῳ τόπῳ — 'на солнечном месте' (ср. № 92), но российский климат, и поэтому иные условия заботливого содержания скота подсказывают Гозвинскому свое переводческое решение.

...лютѣ... — Интерполяция, ужесточающая незавидную участь тяглого быдла, не в пример вольнице.

...возаря созади его седяща... — В ориг.: «погонщика, следующего за ним». Но перевод усугубляет скотские тяготы.

Стр. 82. *...не ревнива суть и не желателная...* — Нагнетение акцентов. В ориг.: οὐκ ἔστι ζηλῶτα — 'не завидна'.

***108.* О ослѣхъ и о Зевесе.**

...сотворенное... — В ориг.: «определенное судьбою», τὸ πεπρωμένον.

***110.* О ослѣ и жабахъ.**

...нерадивому и ленивому... — Бинарное усиление негативной оценки.

...претерпевая. — В списках, восходящих к предварительному переводу, далее следует басня:

ОСЕЛЪ И ВРАНЪ

Оселъ, осадненый хрептом, на нѣкоем луцѣ пасяшеся. Вран же налетѣв и сяде на хрептѣ его и осадненое мѣсто клеваше. Оселъ же, бѣгая, брыкаше и хвостом махаше, пастырю же издалеча стоящу и смеющуся.

Волку же пришедшу и, сие видѣв, рече: «Бедные мы волчата. Какъ мы к пастырю откуду появимся, и онъ на насъ кричит болно и гонит далече, и всѣх сосѣд возбуждает и волощаном сказывает. Сему же налетѣвшу и клюющу его, а онъ смеется».

Надбасное. Притча глаголет, яко злодѣйственныя и лукавии человѣцы аще злохитрьством своимъ и не явятся, толко они знаеми суть (Ярославский обл. архив, № 468/124, л. 279 об.—280).

Стр. 83. *111.* О ослѣ и лисице.

...неминущую... — В ориг. не столь драматично: «угрожающую», «нависшую» (ἐπηρτημένον).

...возвратися и устремися. — Сопряжение разных значений греч. ἐτράπη (τρέπω) — ср. № 2.

...прелщающе и изменяюще... — В ориг.: «строящие козни».

***112.* О курице и о ластовицѣ.**

«О суетная!..». — Но в Аккурсиане: ὦ ματαία — 'безрассудная'.

...неподобающее и неползователное... — В ориг. оценка несколько в иной смысловой плоскости: «неукротимо» (ἀτιθάσσευτος).

***113.* О верблюдѣ.**

...удаляющеся... — Возможно, переведено по догадке, в ориг.: καταπλαγέντες — 'пораженные страхом', слово, которое Гозвинский не передал и в другой басне (№ 90).

...ярости и желчи... — Двойной перевод греч. χολή.

...обычай и нрав... — В греч.: συνήθεια — 'привычка'. Ср. № 4.

Стр. 84. *116.* О голубицѣ.

...великим желаниемъ содержима... — В ориг. этой повторной мотивировки нет.

...ринувся ко тщану близ доски сверху, — и... — Лакуна восполнена по списку *ГИМ*, собр. Уварова, № 170, соответственно ориг.: ἐνεχθεῖσα — 'устремившись'.

***118.* О богатом и о дщерех.**

Стр. 85. *...чюжая случая носити.* — Но в Аккурсиане: ἐργολαβεῖν — 'извлекать выгоду', 'наживаться' (а не 'переживать несчастья других'). В Греции были наемные профессиональные исполнительницы ритуального плача, отсюда и неприязненная оценка в ориг. Перевод же ориентирован на русский обряд оплакивания.

***119.* О пастыри.**

...снѣсти и сожвати. — Второй глагол корректирует значение первого. В ориг. такого пояснения нет.

«...кормящему васъ и радѣющему вами...». — Эмоциональные повторения переводчика.

***121.* О конѣ и о ослѣ.**

Стр. 86. *...в малых трудѣх друг другу способствуют...* — В ориг. существенно иначе: «большие приходят на помощь малым» (τοῖς μικορῖς οἱ μεγάλοι συγκοινωνοῦντες).

***122.* О человѣцѣ и о дивии мужѣ сатырѣ.**

...о дивии мужѣ сатырѣ. — Необходимое пояснение переводчика, поскольку представления о сатире на Руси XVII в. выразительно разноречивы. Ср.: «Есть люди... сатыри. Языком они не говорят» и «Сатур есть зверь, по всему якоже есть человек» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1996. Вып. 23. С. 66).

...дружбу и любовь...; ...любовь и дружбу...; ...любви и дружбы... — Стереотипные акценты переводчика.

...согрѣвая...; ...прохлаждаше... — Перевод, поясняя, эксплицирует то, что в ориг. до поры остается в подтексте.

***123.* О лисицѣ и о древосѣчце.**

...кляшеся... — В ориг.: «отрицал», но Гозвинский усиливает контраст между словом и предательским жестом, делом.

...идѣ же бысть лисица. — Этого пояснения к жесту дровосека в ориг. нет.

...не разумѣвше... — В ориг. тоньше: «не обратив внимания», προσσχόντες.

...проминувших и прошедшихъ... — Удвоение перевода.

...тайно от шелаша... — В ориг. нет.

***124.* О человѣцѣ, разбившем своего идола.**

...сиирѣчь болвана... — Чтение только списков I вида и переводу, скорее всего, не принадлежащее.

...или идола... — Пояснение переводчика.

Стр. 87. *...поверже и удари его о землю. И разбившися идоловой главѣ и разлъпившейся...* — Ориг. включает этическую оценку поступка: ἔρριψεν εἰς τὸ ἔδαφος. προσκρουσάσης οὖν τῆς κεφαλῆς καὶ αὐτίκα κλασθείσης — 'сбросил его на землю. И когда так н а д р у г а л и с ь

над головой, и она тут же разбилась'. Перевод же сокрушение кумира «надругательством» не называет.

125. **О человѣцѣ и псѣ.**

...пира и вечери...; ...помышляющу и глаголющу... — Обычные для перевода акценты удвоения.

...за выю... — Но в ориг. иной характерный жест: «за ноги» (τὰ σκέλη).

«От великаго пития на пиру упихся...». — Довольно редкий трехчленный тавтологический акцент качественной спецификации.

126. **О рыболовѣ и о свирѣлех.** — Впоследствии сюжет использован Симеоном Полоцким для символической картины судного дня.

...послушати и внидутъ в сѣти; ...играя...; Посем...; ...на земли...; «...в свирѣли...»; «...скачюще!». — Речевые пояснения и подробности, придающие некоторую повествовательную обстоятельность лаконичному изложению Аккурсианы.

Стр. 88. *...настоящее и подобающее...* — В ориг. только: τι — 'что-либо', 'нечто'.

127. **О волопасе.**

«О владыко боже!...». — На фоне предшествующего *«помолися Зевесу»* формула достаточно выразительная. В ориг.: «ὦ δέσποτα Ζεῦ».

...и молятся... — В ориг. нет.

128. **О вранѣ болящем.**

...от богов... — Форма множественного числа, мотивированная не только сюжетной ситуацией, но и светским словоупотреблением переводчика.

129. **О козлѣ и волкѣ.**

Козел... — В ориг.: «козленок», «козлик».

Возрѣв же на него... — Повествовательная связка. В ориг. нет.

«...лаеши и безчествуеши...». — Второе слово уточняет и переносит акцент в морально-оценочную плоскость. В ориг.: λοιδορεῖς — 'поносишь'.

«...на нем же стоиши». — Пояснение переводчика. В ориг. нет.

...на сопротивныхъ. — В ориг.: τῶν ἀμεινόνων — 'на лучших', 'знатных'.

130. **О конике, сирѣчь о кузнечикѣ, и о муравлѣх.**

Во время осени и зимы пшеницам поспѣвшимъ, муравли зимою от трудов своих питахуся. — В ориг. все иначе: «Когда зимою зерно намокло и муравьи его сушили...». Но в русскую зиму муравьиная жизнь замирает, отсюда и решение переводчика.

...умирающе... — В ориг. столь драматичного акцента нет.

Стр. 88—89. *«...весною...»; «...в весненое время...».* — В ориг.: «летом» (τὸ θέρος), но Гозвинский по-своему толкует это слово (см. то же в № 144).

«...играюще, пѣхом»; «...пели есте, играюще, нынѣ же... согревающеся...». — Иронически подчеркивающие повтор и акцент, которых нет в ориг.

Стр. 89. *131.* **О черви и о лисицѣ.**

...врачевския...; ...врачевством... — Перевод насыщает текст тематическими акцентами. В ориг. их нет.

«...хромъ и безногъ...»; «...не уврачюеши и не исцелиши?»; ...праздно есть и суетно. — Акцентно-синонимические интерполяции переводчика.

К сему подобно слово: врачю, исцелися самъ! — Формула Евангелия (Лк. 4, 23). В ориг. нет.

132. **О курицѣ златородной.**

...обрящетъ... — В ориг.: εἶναι ('быть'), но Гозвинский лексически подчеркнул сопоставление предполагаемого и совершившегося: *обрящетъ... — и обрѣте* (ср. далее: *надѣявыйся обрѣсти... — лишен бысть*).

133. **О лвѣ и о лисицѣ.** — В нач. XX в. как сказка отмечена в украинском фольклоре.

...исходити на ловитву... — Более обстоятельное, чем в ориг., раскрытие мотивирующей экспозиции.

...коварственную...; ...вредных... — Нравственные акценты переводчика. В ориг. нет.

Стр. 89—90. *...на посещение...; ...далече...; ...о здравии...; ...у лисицы...; ...к нему в пещеру...; «...к тебѣ в пещеру...»; ...от тебе из пещеры...».* — Речевые восполнения и сопоставления, придающие повествованию более обстоятельный характер.

Стр. 90. ***134.* О бабѣ и о волкѣ.** — В нач. XX в. отмечена в украинском фольклоре.

«Отроча...». — Оживляющий повествование вокатив. В ориг. нет.

...утѣшающу и играющу... — Но в ориг. психологически иная ситуация: κολακευούσης — 'заискивающую', 'подольщающуюся'.

***135.* О мулѣ, сиречь о осличинѣ сыне.** — Экспрессивный финал фабулы основан на совмещении в одном греч. слове ἡμίονος ('полуосел') значений как 'мул' (потомок жеребца и ослицы), так и 'лошак', 'меск' (плод осла и кобылы), в русском передаваемых разными словами, так что в переводе семантическая игра ориг. не реализуется.

...насыщся, отолстѣ... — Сопряжение значений греч. παχύνω — 'откармливаться' и 'жиреть'.

***136.* О змии и земледѣлатели.**

...udари в диру земледѣлатель и промину. — В ориг. обстоятельнее: «подкравшись поближе, но поспешив ударить, земледелец промахнулся и попал только по отверстию норы».

...идѣже змей живяше. — Пояснение переводчика.

«...аз камень зрю...». — Старшей редакцией Эзоповых басен Августаной этот *камень* отмечен в предшествующих кадрах: «...когда змея выглянула (из норы), земледелец стремительно ударил топором, но промахнулся и попал в прикрывающий нору камень». В Аккурсиане упоминание камня опущено — и его появление в финале рассказом не мотивировано.

Стр. 91. ***137.* О трубникѣ.**

«...безвиннаго крови...». — Эмоциональное дополнение переводчика.

...злых и тяжких началниковъ... — Почти во всех списках *насилников*. Но в греч. ориг.: τοὺς κακοὺς καὶ βαρεῖς δυνάςτας ('правителей'), отраженное как *началников* только в списке *Ц* (*РГАДА*, Архив МИД, № 250).

***138.* О трости и о масличинѣ.**

...бѣсѣдоваху. — Но в ориг.: ἤριζον — 'спорили', даже 'ссорились'.

***139.* О волкѣ и о жеравлѣ.**

...на мздѣ...; ...от злѣ страждущаго волка...; «всеядних...». — Дополнения и акценты переводчика. В ориг. нет.

***140.* О алекторѣх.**

...бив, отогна... — Передача греч. κατεπροπώσατο — 'обратить в бегство'.

...й на мѣсте осѣненом, отшед, скрыся. — В ориг.: καὶ ὁ μὲν ἡττηθεὶς ('побежденный же') εἰς τόπον κατάσκιον ἀπιὼν ἐκρύβη. Но ни в одном списке подлежащего «побежденный» во фразе нет.

Стр. 92. *...а иже на мѣсте темнѣ скрывыйся, невозбранно от сего часа курицы топташе.* — Со II, «благочинно-дидактической», редакции финальная фраза устранена и впоследствии (в IV редакции) компенсирована заключительным *и бысть здрав.*

***141.* О жабах.** — В ркп. нет. Текст дан по списку *Q*. Ср. № 17.

***142.* О волкѣ и о агнцѣ.** — Ср. № 129. *О козлѣ и волкѣ.*

***143.* О старомъ и о смерти.** — В ркп. нет. Текст дан по списку *Q*. Ср. № 18.

«И да возмеши и понесеши...». — Передача разных значений греч. αἴρω — 'поднять', 'унести'.

Стр. 93. ***144.* Притча муравлей и кузнечиков.** — Ср. № 130.

НАДПИСАНИЕ АВТОНИЯ-МУДРЕЦА.

Автоний — Афтоний (втор. пол. III—нач. IV в.), знаменитый ритор, чьи «Προγύμνασματα» («Предуготовления») долгое время были основами обучения риторике.

...«сиварикос»... — 'Сибаритская'. Сибарис — основанная в 709 г. до н. э. ахейская колония на берегу Тирентского залива.

...«киликс»... — 'Киликийская'. Киликия — область на юго-вост. побережье Малой Азии, очень рано заселенная греками.

...«киприос»... — 'Кипрские'. Различались и другие по происхождению басни, например, египетские, карийские, ливийские, лидийские и др.

...*«словесная», «нравоучителная» и «совокупленая».* — В других терминах та же классификация, спустя полтора века после перевода Гозвинского, повторена в «Риторике» М. В. Ломоносова (Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 222).

...*«надбаснымъ»*... (калька с греч. ἐπιμύθιον). — Так в списках *Ув, Пл, Яр* там, где в «основной» редакции стало «толкование» или «истолкование».

«ЗРЕЛИЩЕ ЖИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» — СБОРНИК БАСЕН В ПЕРЕВОДЕ А. А. ВИНИУСА

Андрей Андреевич Виниус (1641—1717), сын записанного в московские дворяне голландского купца и промышленника, в 1661 г. взят в переводчики Посольского приказа, но уже в 1672 г. возглавляет посольство во Францию, Англию и Испанию; позже получает чин думного дьяка, несет большие административные службы, становится близким сотрудником Петра I, а наряду с государственными делами занимается и переводами.

Источник переведенного Виниусом «Зрелища жития человеческого» — изданный в 1608 г. Э. Саделером в Праге на немецком языке сборник басен в стихах, сопровождаемых историческими, иногда мифологическими, примерами (или «прилогами», как их называет Виниус), — «Theatrum Morum. Artliche Gesprach der Thier mit wahren Historien der Menschen zur Lehr», из 139 басен которого Виниус отобрал и передал 134.

Однако, судя по переводному предисловию «Зрелища», в руках у Виниуса было не издание 1608 г., а состоявшееся вскоре переиздание «Театра» в иной редакции и с иным размещением текстов. Существование такого переиздания подтверждается вышедшей в 1617 г. в Амстердаме книгой из 125 стихотворных басен Йоста ван ден Вондела «Vorstelijke Warande der Dieren» («Королевский сад животных»), своими материалами целиком укладывающейся в книгу Саделера, но — в последовательности басен «Зрелища». Здесь те же, что в «Театре» 1608 г., хотя и пространнее изложенные сюжеты, те же (как правило, слово в слово) прозаические примеры и те же, но зеркально перевернутые, а потому и с обратным следованием эпизодов, гравюры. Так что общая последовательность первых 116 басен «Королевского сада животных» (скорее, «Королевского зверинца») и «Зрелища» соотносит их уже с иной редактурой и другим изданием «Театра нравов». Поскольку же разыскать переиздание «Театра» пока не удалось, именно привлечение текстов Вондела позволяет выявлять вероятные собственные решения Виниуса как переводчика в ряду тех мотивов «Зрелища», которые неизвестны ни «Театру» 1608 г., ни «Саду» Вондела, хотя регулярно отмечать их не допускают объемы комментария.

«Зрелище» было популярной книгой: только от последней четверти XVII в. до нас дошли десятки списков перевода, а в 1712 г. в Москве выходит и печатное «Зрелище» (500 экз.), зачитанное и вновь переписываемое в том же XVIII в. и ныне доступное только в списках.

Большинство списков «Зрелища» недостаточной сохранности, чаще всего нет начала и конца его объемистого (длиною более чем в 131 тыс. знаков) текста. Встречаются списки также с включениями новых фабул и современных примеров, как и списки явно выборочного состава и даже без «прилогов». Но списков с регулярными, последовательно направленными идеологическими или стилистическими поновлениями текста среди обследованных рукописей не встретилось. Их различия, порою выразительные, не порождают редакций. Это различия видовые.

Основной (ближайший по своим особенностям «Театру» 1608 г.) текст «Зрелища» опубликован в книге Р. Б. Тарковского и Л. Р. Тарковской «Эзоп на Руси. Век XVII» (СПб., 2005. С. 301—364). Теперь предлагается второй вид текста «Зрелища» — по рукописи конца XVII в. из *РГБ*, собр. Н. С. Тихонравова, № 293. Текст этого списка, помимо пропусков информативно малосущественных или структурно избыточных лексем и случайных замен, отмечен внесением иногда и социально-этических акцентов. Но, при профессионально поставленном и ясном почерке, этот, хорошо сохранившийся список — уже меньшей культуры книжной речи, со многими нарушениями

координации глагольных и причастных форм и иными проявлениями недостаточной выучки переписчика. Как отражение кризиса книжно-славянской речевой культуры эти искажения большей частью оставлены в публикации без исправлений, поскольку правка их тоже была бы неизбежно субъективной. Унифицированы (по более близким традиции вариантам) только написания имен собственных.

Стр. 94. *Зрѣлище жития человѣческаго...* — В публикуемом списке заглавия нет, оно дано по спискам I вида.

А. А. с. В. — т. е. «Андрея Андреева, сына Виниуса». В списках III вида литорея иная: *С̃. Ĩ. Ĩ. с.*, но подстановкой цифровых значений (200—10—10—с.), с последующим устранением нулей (2—1—1—с.) и возвращением к буквам кириллицы, — криптограмма принимает знакомый облик: *В. А. А. с.* — «Виниуса Андрея, Андреева сына».

Предисловие. — В основном следует тексту «Театра нравов» 1608 г., но никак не соприкасается с предисловием «Королевского сада животных» Й. Вондела.

Аще убо прежде сего времени притчи сия в тиснении типографии нашей изданы были... — Виниус переводит уже переиздание «Театра», тогда как издание 1608 г. открывалось утверждением, что «Хотя по большей части басни эти известны, они никогда с такого рода подлинными историями и примерами (как в этом новом издании, где каждую фабулу можно видеть сопоставленной с определенными действительными событиями древности) представлены в свет не были».

...согласующуюся предстоящей притчи повѣсть. — Такова постоянная последовательность текстов в «Театре» и в «Зрелище». Напротив, в «Саде» Вондела прежде приводится исторический (либо мифологический) рассказ, который наперед уподобляется следующей за ним, но пока не явленной читателю басне.

Ибо не многия ли видим... Не премѣняют ли таковии человѣцы свое подобообразие Божие в подобие сих безсловесныхъ? — Довольно традиционный для русского книжника пассаж, но в «Театре» его нет. Ср. также № 102.

...глаголетъ Иовъ — Иов 12, 7—9.

Стр. 95. *...отъ нея научится...* — Виниус опускает существеннейший мотив Соломоновой притчи, присутствующий в «Театре»: «Ob sie wol keinen Fürsten, noch Haubtman, noch Herren hat...» ('хотя нет у них никаких ни князей, ни сотников, ни господ'). Ср. Притч. Сол. 6, 7.

Сих же прочитая... растворити можеши. — В «Театре» этого пассажа нет.

***1.* О конѣ и возницѣ.** — У Эзопа такой басни нет. Сходный сюжет — в «Баснях римлянина Лаврентия Абстемия» (1499 г.) — «Осел у неблагодарного хозяина» (В 1675 г. переведена П. Кашинским — см.: *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005. С. 445. Далее ссылки на перевод Кашинского даны инициалом *К* с номером басни и буквенным индексом).

...в тяжкой работѣ понуждаетъ... — В сентенциях «Театра» и «Сада» выделена только жестокость господ; осуждение изнуряющего принудительного труда внесено Виниусом.

Тиверий — Тиберий Клавдий (43 до н. э.—37 н. э.), римский император с 14 г. н. э.

Светоний — Гай Транквилл Светоний (ок. 69—141), римский ученый, глава канцелярии императора Адриана, автор «Жизнеописания двенадцати цезарей», откуда этот эпизод и заимствован (гл. «Тиберий», 60). Из «Жизнеописания» также прилоги басен *№ 11, 27, 30, 65, 109, 122.*

Стр. 96. ***2.* О львѣ и о лисицѣ.** — На Руси известна уже в составе перевода Гозвинского «Притчи, или баснословие, Езопа Фриги» (№ 133).

...от глада велика... с великимъ запрещениемъ... совѣта ради дѣл великих... и пищу себѣ надолго уготова. — Дополнения переводчика.

Рудолфъ, цесарь Римский — граф Рудольф IV Габсбург (1218—1291). Избранный в 1273 г. императором «Священной Римской империи германской нации», отказался от политики своих предшественников на троне, три века ведших изнурявшие Германию войны за господство на Апенинском полуострове.

...не приидев о й н о ю во Итталию... — Экспликация списков II вида «*войною*» заслоняет и ослабляет выдвинутое репризой *слѣды* и *стопы* сходство басенной ситуации и прилога. В самом переводе — *не приидe во Италию,* — как в «Театре» и «Саде».

И сказа имъ притчею, выше изображенною. — Так в «Театре». У Вондела же, всегда предваряющего басню исторической аналогией, — пример оказался в неискусном тавтологическом обрамлении: «Эта басня пригодилась прежде (...) Тогда рассказал им такую басню», — а затем следует сама басня.

Куспиніанъ — Иоанн Куспиниан (1473—1529), ректор Венского университета, издатель классиков, дипломат. Написал книгу заметок «О цезарях и императорах Римских», доведенную до 1519 г. Рассказанный эпизод — в главе «Цезарь Рудольф». Из той же книги прилоги басен № 22, 57, 67, 69, 121.

3. О древесѣхъ дубѣ и вяза. — У Эзопа нет.

Сосистратъ — противник Агафокла. После свержения Тимолеонтом тирании Дионисия Младшего (см. коммент. к басне № 98) и недолгого торжества рабовладельческой «демократии» возглавил, по смерти в 337 г. Тимолеонта, сиракузскую олигархию.

Сиракус — Сиракузы, город на юго-восточном побережье Сицилии, ее главный торговый и политический центр в V—III вв. до н. э.

...друзей Агафокловых... — Агафокл Сиракузский (361—289 до н. э.), греческий полководец, сын горшечника. Воспользовавшись обострением социальной борьбы в Сиракузах, захватил в 317 г. власть и расправился с олигархией. До конца жизни вел активную и широкую завоевательную политику.

Стр. 97. *Поліанъ* — Полиен из Македонии (II в. н. э.), грек, занимавшийся в Риме адвокатурой и риторикой. Известен книгой «Стратегемы» («Военные хитрости»), содержащей около 900 примеров воинских уловок, а также низостей общественной и частной жизни, выписанных из сочинений античных авторов (см. «Стратегемы», V. 37, гл. «Сосистрат»).

4. О василиске-змии и о горностаи. — Не Эзоп.

Василиск — сказочное чудище, описываемое в «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. н. э.), ядом, дыханием, даже взглядом умерщвлявшее все живое: с головой и туловищем петуха и драконьим хвостом — на гравюрах «Театра» и «Сада»; подобное дракону — в «Зрелище» 1712 г.; с девичьим лицом и торсом, драконьими крыльями, лапами и хвостом — по описанию «Космографии» XVII в.

...видомъ... — В «Театре» 1608 г. «mit Gifft» — «ядом». Судя по Вонделу, замена произошла при переиздании «Театра».

...травою рутовою... — Рута — остро-ароматическая мята, употребляемая в медицине.

...вѣдая, яко сия трава пользует от яда василискова... — Объяснение Виниуса.

...господей своихъ изгнаху. — В списках III вида поведение восставших радикальнее: *господей своих избиваху.*

Устинъ — Марк Юниан Юстин (втор. пол. II в.), римский историк, составивший краткое изложение (эпитому) 44 книг всемирной истории Трога Помпея (кон. I в. до н. э.—нач. I в. н. э.), утраченных уже в V в. Источник прилога: Юстин «Всеобщая история», I. 2. 5; ср. также: Геродот «История», IV. 1. 3.

5. О обезьянѣ (о пификѣ) и чадѣхъ ея. — В основе — Эзоп, но ближе — версия Бабрия (35).

...преломи себѣ ногу. — В «Театре» 1608 г. о переломе ноги нет ни слова, хотя на гравюре одна из обезьянок, сидя, обнимает и разглядывает заднюю лапу. Судя по «Саду» Вондела, этот мотив появился лишь в переиздании «Театра».

Стр. 98. *Александр* — Александр Янная (129—76 до н. э.), третий сын Гиркана (см. ниже), царь Иудеи 103—76 гг.

Антигон — второй сын Гиркана, умерщвленный в недолгое царствование (104—103 гг. до н. э.) Аристовула Филеллина, старшего из сыновей Гиркана.

Гиркан — Иоанн Гиркан I, первосвященник и царь Иудеи в 135—104 гг. до н. э., сын Симона и племянник Иуды Маккавеев (см. коммент. к басне № 35), династии, правившей в Иудее с 142 по 37 г. до н. э.

...бысть наслѣдникъ отцу своему... — Возможно, в смысле «продолжателем дела», ибо Александр наследовал трон по смерти Аристовула, старшего из братьев. В «Театре» нет.

...изящных ради дѣлъ... — Суждение, что величие властителя не в пребывании у власти, а в достойных, славных деяниях, внесено Виниусом.

Иосиф Флавий (37—ок. 120) — иудейский политик и военачальник. Во время иудейского восстания 66—70 гг. перешел на сторону Рима. Автор написанных по-гречески «Иудейской войны» и «Иудейских древностей», излагающих события в Палестине до восстания 66 г. См. «Иудейская война», I. 3—4.

6. **О львѣ и о конѣ.** — Басня Федра (из сборника «Ромул», 1476 г.), но в основе — Эзоп.

...умерщвленъ. — В «Театре» лев лишь в беспамятстве пал наземь.

Клеопатра — Клеопатра Теа (ок. 160—121 до н. э.), дочь египетского фараона Птолемея VI и Клеопатры II. Супруга трех царей Сирии: с 150 г. — Александра I Валаса, затем Деметрия Никатора, который в 146 г. сверг Валаса. Когда же в 138 г. Деметрий попал в плен к парфянам, стала женой своего деверя Антиоха VII Сидета. После гибели Сидета в 129 г. Теа некоторое время правила одна, а в 126—121 гг. — вместе с Антиохом VIII Грипом, своим сыном от брака с Деметрием.

...царица Египетская... — Заблуждение Виниуса; в «Театре» нет.

Антиох — Антиох VIII Грип (141—96), сын Клеопатры Теи и Деметрия Никатора.

Александр — Александр II Сабин, царь Сирии в 128—123 гг. Поддержанный (как якобы сын первого супруга Теи) Египтом, победил в 125 г. выступившего на стороне парфян Деметрия Никатора и убил его. Но в 123 г. Александр Сабин был убит Антиохом, который затем, в 121 г., отравил и свою мать Тею и стал единоличным правителем Сирии.

Савеллий — Марк Антонио Коччио Сабеллико (1436—1506), хранитель библиотеки св. Марка в Венеции, автор «Исторической рапсодии» (1496 г.), откуда взят этот прилог (VI. 1). Из нее же прилоги басен № 76, 111, 116.

7. **О лисицѣ и о журавлѣ.** — В «Театре» 1608 г., вслед Федру (I. 26), — «О лисице и аисте». У Эзопа не сохранилась.

Стр. 99. *...моли лисицу, да ястъ и насытится... «Чесо ради скляницу токмо языком своимъ облизаеши, ядей же, положенных в ню, не вкушаеши?»* — Издевательски ироничные дополнения Виниуса.

Иустиниан Второй..; Леонтий — Юстиниан II (669—711), византийский император в 685—695 и 705—711 гг. Свергнутый в 695 г. патрикием Леонтием, был лишен носа и отправлен в ссылку. Но в 698 г. та же участь постигла Леонтия, когда императором был провозглашен предводитель флота Апсимар (Тиверий III). Юстиниан же в 704 г. бежал в Болгарию к хану Тервелю и, вступив с его войском в 705 г. в Константинополь, казнил и Леонтия, и Апсимара (см. № 69).

...единаго от рода его... — В «Театре» и у Вондела сказано не о родичах, а «людях» Леонтия, в «великом множестве схваченных» Юстинианом.

Фулгозий — Баптиста Фулгозио (1453—1504), дож Генуи Жан Баттиста Фрегозо, представитель рода, давшего в XIV—XV вв. нескольких дожей Генуэзской республики; автор ряда литературных работ, из которых наиболее известна «Дела и слова, достойные упоминания» в 9 книгах (Милан, 1508). — См. IX. 10 «О императоре Юстиниане Втором».

8. **О павѣ и о соловьѣ.** — Так у Вондела; в «Театре» — «О паве и богине Юноне», как у Федра (III. 18).

«О богиня Натура!» — У Саделера «богиня Юнона», но для предпетровской Руси и решение Виниуса необычно; в печатном «Зрелище» уже «Госпожа Натура».

...овому убо дадеся талантъ, иному же два, — и кийждому свое дарование дадеся. — В списках I вида несколько иначе: *...не вси человѣцы все дары имутъ, но овый имать се, овый же иное, — кийждый свое дарование имать.*— Это суждение об одаренности каждого человека внесено Виниусом.

Каллионъ — Т. е. 'более красивый', 'красивейший' (*греч.*), тогда как у Вондела *Callinous*; в «Театре» 1608 г. *Galemus*. У Эразма, придумавшего этого сына,— Ἰάλεμος ('несчастный', 'ничтожный'). Чем обусловлены перемены не ясно.

Калиопа — Каллиопа — 'прекрасноголосая', старшая из муз, богиня эпической поэзии; первоначально — богиня песнопений.

...богиню Калиопу... — В печатном «Зрелище» определения *богиня* уже нет.

Адагий — «Adagia», огромный сборник пословичного и афористического материала из греческих, римских, иудейских и арабских источников, составленный Эразмом Роттердамским и остроумно и живо им комментируемый (Амстердам, 1500 г., дополненное издание — 1506 г.). «Сын Калиопы» Jalemus упомянут в главах «Вялость и неискусность слога» и «Отсутствие дара красноречия».

***9.* О волкахъ и овнахъ.** — В иных версиях известна на Руси с нач. XVII в. — в трактате «Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят» и в составе «Жития Езопа», переведенного Гозвинским.

Стр. 100. *...потребиша я́.* — В «Театре» и у Вондела волки порукою мира отдают овцам в залог волчат, тоскующий вой которых и стал для волков предлогом нарушения мира и расправы над овцами.

Антипатръ (400—319 до н. э.) — полководец Филиппа II, наместник Александра Македонского в Греции. В 322 г. усмирил восставшие после смерти Александра Афины.

...изгоните от себе десять мужей... — Выдачи десяти противников македонского влияния требовал в 336 г. Александр; Антипатр же потребовал выдачи только двух лидеров антимакедонской партии — Демосфена и Гиперида (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Демосфен», 23).

Демостенъ — Демосфен (384—322), крупнейший афинский оратор, страстный противник Македонии. После поражения Афин укрылся в святилище Посейдона на Калаврии, где, настигнутый и окруженный преследователями, успел принять яд и умер.

***10.* О львѣ и мыши.** — Версия Федра («Ромул», 22), но в основе — Эзоп.

...с надеждею, яко получити имать воздаяние много... — В «Театре» корыстной мотивировки нет.

Балдвин — по-видимому, Балдуин II дю Бург (ок. 1075—1131); граф Эдесский, с 1118 г. — король Иерусалима. С переменным успехом вел непрерывные войны с мусульманами и весной 1124 г. оказался в плену у атабека Нур-ед-даула Балака, а затем в руках правителя Халеба Темирташа ибн Илгази. Подписав союзнический договор с Темирташем и поклявшись внести выкуп в 80 000 золотых и отдать в гарем одну из своих четырех дочерей, Балдуин был освобожден в конце лета 1124 г., но не выполнил ни одного из своих обетов, а тотчас же вновь выступил против турок (Rohricht R. Geschichte des Königreichs Ierusalem. 1100—1291. Cap. VII—VIII. Innsbruck, 1898).

Амурат, воевода срацинский — В списках I вида — *турский*. В «Театре» — Адмират-паша (Нур-ед-даул Балак?).

...молением... — В «Театре» — «ловкостью и хитростью». Но у Виниуса благородству одной стороны воздается великодушием другой.

Игнатий — Жам Баттиста Чипелли (ок. 1473—1553), известный как Эгнацио из Венеции. Литературный и общественный деятель, друг Эразма Роттердамского; сотрудничал с Альдом Мануцием, редактировал и комментировал классических авторов, писал в разных жанрах в стихах и прозе и, в частности, составил трактат «О происхождении турок», но там этой истории нет — она рассказана у Фулгозио («Дела и слова, достойные упоминания», V. 2. «О Адмирате Турецком, родом из арабов»).

***11.* О солнцѣ и вѣтрѣ сѣверномъ.** — Эзоп.

...человѣка два... — В текстах Саделера и Вондела (так же как у Эзопа, Бабрия, Авиана) путник один, но дважды изображенный на гравюре: в «Театре» — сначала кутающимся в плащ от ветра (слева графического поля) и затем — упарившимся под солнцем — справа, тогда как на гравюре «Сада» все предстает в зеркальном и поэтому логически обратном порядке.

Стр. 101. *...царем-братомъ... сыномъ кесаря Веспасиана.* — Пояснения Виниуса; у Садлера и Вондела ни Веспасиан, ни родственные отношения императоров не упомянуты. *Тит* (39—81) — старший сын Веспасиана. Завершил покорение Иудеи: взял в 70 г. Иерусалим и разрушил храм. Император с 79 г. *Доменьтиан* — Домициан (51—96), младший брат Тита, император с 81 г. Свирепо расправлялся с политической и духовной оппозицией, преследовал христиан и требовал именовать себя «господином и богом». Истощил казну на игрища и сооружения во имя импера-

торского величия, а также на подачки пресмыкающимся приближенным (см. № 130). *Веспасиан* (9—79) — римский полководец, подавивший иудейское восстание 66—70 гг. Император с 69 г.

...правяше люди своя во благѣ, со всякою тихостию, и кийждому суд творяше праведный... — Но в списках I вида — *правдивый*. В лице Тита и Домициана представлена идеологически актуальная антитеза идеального монарха и царя-тирана, а главное — идея правдивого суда, на основе справедливости, закона и права, а не судейских пристрастий и произвола. В списках II вида все вернулось к традиционной формуле *суд творяше праведный*, а впоследствии — и ни к чему не обязывающему *во богѣ*.

Посем же от своих убиенъ бысть. — Дополнение переводчика. О смерти Домициана, убитого заговорщиками (в круг которых входила и его супруга Домиция), у Саделера и Вондела нет ни слова.

В «Житии кесарей». — Т. е. в «Жизнеописании двенадцати цезарей» Светония («Божественный Тит», 8—9; «Домициан», 10—17).

***12.* О сверчкѣ и о мравии.** — Известна и в переводе Гозвинского (№ 130 и 144).

«...вас же веселих своими пѣсньми. Ныне же дадите мнѣ от жита вашего...» — Резоны сверчка, внесенные в списки II вида и лишившие фабулу прежней непреложности.

...всегда себѣ и ближнимъ своим нѣчто потребное творити. — Дополнения списков II вида, с идеей более широкой социальной пользы, нежели лично-корыстные интересы.

Ацилий — Атилий Бута, бывший претор; его всегдашнее времяпрепровождение в ночных пиршествах вошло в присловия.

Целий — Целий Родиджин, итальянский гуманист Лудовико Риккиери (ок. 1450—1525), автор «Древних чтений в 30 книгах», насыщенных разнообразными сведениями из античных источников. Рассказ об Атилии Буте (IX. 13) заимствован Целием из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки (CXXII. 10—13).

Стр. 102. *13.* О волкѣ и журавлѣ. — Эзоп. У Гозвинского — № 139.

...от многаго его объядения... — В списках I вида без акцента: *от многаго его ядения.*

«...яко главу твою не оттерзал!» — В списках I вида не столь картинно: *«...яко тя не умертвих!».*

...оному вельможи... ...той вельможа... — В «Театре» и «Саде» — «слуга» (Dienег), но Виниус перенес конфликт на более высокий социальный ярус, и в издание 1712 г. басня не вошла; к тому же она дублировала ту же фабулу только что вышедших (в марте) «Эсоповых притчей», № 29.

Василий, царь Греческий — Василий I Македонянин (ок. 810—886), византийский император в 867—886 гг.; погиб из-за несчастного случая на охоте. Согласно преданию, огромный олень зацепил Василия рогами за пояс и протащил царя полтора десятка миль, прежде чем одному из стражников удалось высвободить монарха, скончавшегося через несколько дней от ушибов.

...иже дерзают извлекати на царя мечь. — В «Театре» и у Вондела иначе: «ибо тот столь близко с мечом подступил к нему (царю)».

Зонора — Иоанн Зонара (кон. XI—сер. XII в.), византийский хронист, составитель основанной на множестве источников «Сокращенной истории» от древности и до 1118 г. См.: Зонара. Анналы. Кн. XVI, гл. XI.

***14.* О древѣ и трости.** — Эзоп (версия Аккурсианы); у Гозвинского — № 138. В «Театре» и «Саде» — «О ясене и тростинке».

...малии же выну стоятъ... — В печатном «Зрелище» несколько иначе: *малии же лучше стоятъ.*

Тиръ — крупнейший торговый и ремесленно-промышленный город, располагавшийся на труднодоступном скалистом острове в полумиле от Финикийского побережья.

Великий Александръ — Александр III Македонский (356—323 до н. э.), царь Македонии с 336 г. Тир был взят им приступом в августе 332 г. после нескольких месяцев осады.

Стр. 103. *...всѣхъ жителей в немъ изби...* — Акцентное решение переводчика; об участи населения Тира, в большинстве проданного в рабство либо бежавшего из города, у Саделера и Вондела не сказано ничего.

Иосиф Флавий — Ссылка на Флавия (вскользь упомянувшего о взятии Тира в «Иудейских древностях» — XI. 8. 3) принадлежит Виниусу; в «Театре» и «Саде» ее нет.

15. **О лживомъ пастыри.** — Эзоп.

...чающе, яко посмѣвается имъ... — Так в «Театре» 1608 г. У Вондела иначе: «полагали, что это ложь: он лжет, как и прежде», мотива же глупой потехи нет вообще.

Ампилия в Пелопонезии. — Определить на Пелопоннесе город Ampele, с которым связывает свой рассказ итальянский ученый и книгоиздатель Альд Мануций Старший (ок. 1450—1515), не удалось.

Сему же нѣколико крат бывшу... — Дополнение Виниуса.

16. **О свинии и о волкѣ.** — Федр («Appendix», 17).

«О мати моя! Зѣло оскорбихся... в такой старости и толиками дѣтми отягченную... ...умилихся о тебѣ... от всяких лютых звѣрей...» — Виниус эмоционально окрашивает текст своего перевода, но чужд реалий скотного двора, уснащающих рассказ Вондела («грязь», «навозная куча», «навоз», «пороситься» и под.).

«...наслѣдие их себѣ похитити!» — Обвинений волка в столь очеловеченной корысти нет ни в «Театре», ни у Вондела.

Стр. 104. *Солиман* — Сулейман Великолепный (1494—1566), султан, правление которого (1520—1566 гг.) было периодом наивысшего могущества Турции.

Иоаннъ — семиградский воевода, вассал Солимана (1487—1540).

Семиградье — Трансильвания, плато в дуге Карпат, где после разгрома в 1526 г. венгерских рыцарей сохранялось опиравшееся на Турцию враждебное католическим Габсбургам княжество.

...младаго сына... — Сигизмунд (1540—1571), младенец в год смерти отца, под именем Иоанна II был признан и поддержан Солиманом. При нем объявлена свобода вероисповедания и проведена секуляризация земель Церкви.

...довольно зла... обрѣли. — То же в «Театре» и «Саде». Но для венгров XVI в. владычество турок оборачивалось меньшим злом, чем духовный террор Католической церкви и экономический гнет немецких феодалов.

Сурий — Лаврентий Сурий из Любека (1522—1578), монах-картезианец, историк Католической церкви и патролог. Написал несколько гомилий и рассуждений о европейских событиях XVI в., в частности погодную «Краткую хронику нашего времени. 1500—1568», где регулярно интерпретируются и события в Венгрии.

17. **О гордомъ ослѣ.** — В основе — Эзоп, но с рассказом про мула (то же у Бабрия). В «Театре» и «Саде» — «О высокомерном муле».

...от всякихъ бысть посмѣян. — Заменив мула ослом, Виниус опускает и эпилог фабулы, в котором похвалявшийся родовитостью мул вынужден признать, что по отчему родословию он все-таки осел. Ср.: Гозвинский. «О мулѣ, сииречь о осличинѣ сынѣ». (№ 135).

Фион — в списках III вида корректнее — *Амфион,* — сын Зевса и фиванской царевны Антиопы, супруг Ниобеи.

...з братом своимъ с Хлориемъ... — Виниус, из московского благоприличия, обратил дочь Амфиона Хлорис в юношу; благочинно смещены и другие характеристики: вместо «мешковат» — *безумен,* вместо «проворная», «ловкая» — *мудръ бѣ и смысленъ*; вообще опущены «толстобрюхий» (schmierbauch), «сопеть» (schnauben).

Павзаний (или Павсаний, II в.) — древнегреческий путешественник и писатель, автор «Описания Эллады», в котором Хлорис (прежде — Ме́либоя, 'услада жизни') упомянута как победительница первых Герей — состязаний девушек в беге (2. XXI. 10 и 5. XVI. 2—3).

18. **О волкѣ во овчей одеждѣ.** — У Эзопа нет. Но ср. Мф. 7, 15.

Овца же вопроси его...— Насыщенность рассказа репликами у Виниуса бо́льшая, а диалог живее и сценичнее, чем у Саделера и Вондела.

Стр. 105. *Салладинъ, воевода Египетцкий* — Юсуф Салах-эд-дин, «Защитник веры» (1137—1193), знаменитый противник крестоносцев. Завладев в 1171 г. египетским троном, в короткий срок объединил под своей властью значительную часть Сирии и Месопотамии, Палестину и Фи-

никию и в 1187 г. захватил Иерусалим, что побудило немецкого, французского и английского монархов (Фридриха Барбароссу, Филиппа II Августа и Ричарда Львиное сердце) к третьему (1189—1192 гг.), практически безрезультатному, крестовому походу.

...хотя прельстити... дабы не посылали сущимъ христианомъ во Иерусалимъ помощи. — В «Театре» и «Саде» намерения Саладина не разъясняются.

«...а не закона Махометска». — В списках I вида: *а не бусорманъ.*

...познано бысть лукавство его, от них отступи со срамомъ. — Московские стереотипы, не отвечающие ни поведению Саладина, ни текстам «Театра» и «Сада».

Игнатий — «О происхождении турок» (см. коммент. к басне № 10).

***19.* О пастухѣ и идолѣ.** — Эзоп. У Гозвинского — № 124.

...дастъ ему богатство, якоже и протчимъ человѣкомъ... — Сопоставления с *протчими* нет ни у Саделера, ни у Вондела.

Ксерксъ (520—465 до н. э.) — сын Дария I Гистаспа, царь Персии в 486—465 гг.

...море Гелеспонское сокруши мостъ его великий, на немже хотяше от Азии во Европию преити. — В 480 г. для переправы громадной армии Ксеркса через Геллеспонт (совр. Дарданеллы) был составлен наплавной мост, но внезапная буря разметала его, и мост пришлось строить заново. В «Театре» и в «Саде» ни Геллеспонт, ни самый мост не упомянуты, все объяснения — от переводчика.

...мнимаго ихъ бога морскаго... — В «Театре» и в «Саде» нет.

Иродотъ — Геродот из Галикарнаса (ок. 484—425 до н. э.). Его «История» в девяти книгах (или «музах») наряду с событийно-хронологическим изложением содержит обильный легендарный и новеллистический материал. См. VII. 34—35.

Стр. 106. *20.* О лисице и котахъ. — Обычно включается в издания сборников Эзопа.

...всѣхъ звѣрей сущихъ на земли превосходитъ и самых враговъ своих псовъ овогда лукавствомъ, овогда же ласканиемъ избѣгаетъ... и лисицѣ рекоша: «Спасися нынѣ мудростию своею!» — Ни лисьей хвальбы, ни кошачьей издевки в «Театре» и «Саде» нет.

...блаженъ, иже во благополучии своемъ гордостию не возношается. — Сентенция «Театра» 1608 г. остерегала от похвальбы никчемным делом и от усвоения бесполезного.

Папирий — Луций Папирий Курсор-сын, консул 293 г. до н. э., выигравший, вопреки предсказаниям авгуров, решающую битву в третьей войне с самнитами (298—290 гг.). Фамильное имя *Курсорий*, названное и в «Театре», и в «Саде», сохранили только списки III вида.

...на пути шествующе... тако имъ шествующимъ... — В «Театре» (и в «Саде») никаких обстоятельств происходящего нет, и Виниус воспринял прилог как рассказ о дорожном приключении.

...разбойницы. — В ориг. — «враги», но дорога подсказывает Виниусу своих персонажей.

Савеллий — возможно, ошибка Саделера, ибо отыскать этот рассказ у Сабеллико не удалось. См.: Ливий. Римская история от основания города. X. 40. 2—9.

***21.* О змии.** — В «Театре» и в «Саде» — «О змее и наковальне». В основе — Эзоп. Иной вариант фабулы у Гозвинского: «О кошкѣ и пилѣ» (№ 21).

...кесари... — В «Театре» — «тираны», в перечне которых упомянут также император Максенций (см. коммент. к басне № 45).

Неронъ (37—68) — император с 54 г. Когда пожар в 64 г. уничтожил огромную часть Рима, Нерон, дабы отвести от себя обвинения молвы в поджоге города, обрушил кары на христиан.

Троянъ — Траян Деций (190/200—251), император в 249—251 гг., впервые объявивший общее для всей Римской империи гонение на христиан.

Иулианъ — Юлий Апостат, «Отступник» (331—363), полководец, писатель и мыслитель. Воспитанный в христианском духе, познакомился позже с греческой философией и в 351 г. официально отказался от христианства. Когда же в 361 г. войска провозгласили его императором, лишил христианское духовенство привилегий (которые оно набрало после Миланского эдикта 313 г.) и восстановил язычество как государственную религию.

Валерий — по-видимому, император Валериан (253—260 гг.), объявивший в 257 г. гонение на христиан, но через три года оказавшийся невольником царя персов Шапура, всячески уни-

жавшего своего пленника (см. коммент. к басне № 116), в чем христианские авторы видели возмездие за преследование их единоверцев.

Стр. 107. *Северий* — О каком Севере идет речь: Септимии, Александре или Флавии, — сказать трудно, приязни к христианству из них не питали никто.

В «Житии кесарей». — Книга коротких рассказов о цезарях «In symbolis Superatorum» («На пирах победителей»).

22. О старомъ и младом ракѣ. — Так у Вондела; в «Театре» 1608 г. — «О морском раке», но у обоих рассказ о крабах, изображенных на гравюре (в иллюстрациях «Зрелища» 1712 г. — речные раки). В основе — Эзоп.

Младый ракъ... старому рече: «Не подобаетъ намъ плыти вспять...». — Виниус оживил перевод диалогом. Но, заменив крабов раками, меняет и место действия (обратив море в реку), и сам способ и характер передвижения персонажей, и даже их роли, ибо в «Театре» к прямой выступке побуждает старший краб, тогда как младший, возражая, ссылается на уроки воспитавшей его матери (продвигаться боком). Судя по Вонделу, доводы младшего были изменены еще при переиздании «Театра».

Гелиовалъ — Гелиогабал, или Элагабал, — Марк Аврелий Антонин Варий Авит Бассиан (204—222), внучатый племянник Септимия Севера. В 218 г. ловкостью бабки и матери возведен, как якобы сын Каракаллы, на трон, но пренебрежением к римским традициям, распущенностью и преступлениями восстановил против себя армию и был убит преторианцами.

...наученъ бысть от матери своей... — Мать Элагабала Юлия Соэмия (ок. 180—222). Безнравственной жизнью вызывала общую ненависть и была убита вместе с Элагабалом.

Северий — Луций Септимий Север (146—211), полководец и администратор, император с 193 г. Опираясь на армию, ограничил права сената и вел жесткую фискальную и налоговую политику.

Куспиниан — «О цезарях и императорах Римских», гл. «Марк Антонин Бассиан».

23. О вóронѣ и овцѣ. — Басня Федра («Appendix», 24).

Лисимах (361—281 до н. э.) — полководец Александра Македонского. При разделе империи Александра его преемниками (диадохами) получил в управление Фракию, позже завладел частью Малой Азии и в 286 г. — Македонией. Погиб в сражении с другим диадохом — Селевком I, правителем Сирии и Вавилонии.

...нѣкоему Феодору... — Теодор Безбожник (330—270), древнегреческий философ, ученик Аристиппа из Кирены. Был послом фараона Птолемея I Лага у Лисимаха.

...вся имѣния его отъя. — Виниус превратил Теодора в мученика и страстотерпца, чего не было ни в «Театре», ни в действительности.

Стр. 108. *Цицеронъ* — Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.), римский политический деятель, адвокат и писатель, идеолог партии оптиматов, отстаивавший интересы нобилитета. Источник прилога — «Тускуланские беседы», V. 117 (см. также Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, II. 102).

24. О лисѣ и о пчелах. — Аристотель приписывает сюжет Эзопу. Ср. у Бабрия «Лиса и еж» (II. 37).

Лисица нѣкогда хождаше окрестъ дома поселянина нѣкоего, да обрящетъ себѣ пищу... — В «Театре» только лаконичное: «Лиса попала в западню». Виниусова экспозиция, вероятно, подсказана сопровождающей басню гравюрой с изображением сельской усадьбы.

...начаху кровь ея пити. — Но в «Театре» — «жалили».

...в руцѣ Клодиевы... — Публий Клодий, трибун 58 г. до н. э., был в личной и политической вражде с Цицероном и добился его изгнания из Рима. Провел ряд законов против сенаторской олигархии и в защиту малоимущих. В 52 г. убит оптиматами, что вызвало волнение рабов и плебеев, подавленное Помпеем.

Физон — Гай Кальпурний Пизон Фруги, первый муж дочери Цицерона Туллии. Настойчиво хлопотал о возвращении тестя из ссылки, но умер прежде его приезда.

...да насъ свободятся. — В «Театре» такого мотива нет.

Цицерон. — Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Год 58—51.

25. **О лисѣ и орлѣ.** — Версия Федра (I. 28), в основе — Эзоп (у Гозвинского № 1).

...не достоит малых и немощных уничижая презирати. — В «Театре» сентенция, отмечая роль простолюдинов в великих делах, напоминает также и о мстительности «черного люда». У Виниуса же — адресованный властителям социально-этический императив.

...и зло имъ творити. — Акцент списков II вида.

Стр. 109. *Арпагъ* — Гарпаг, вельможа и родственник Астиага (см. ниже), перешедший с войсками на сторону Кира.

...царю Перскому Астиагу. — Астиаг, или Иступвегу, последний царь Мидии (594/585—550 до н. э.). Кончил жизнь пленником Кира Старшего, который во главе персидских племен, восставших против владычества мидян, сверг Астиага и подчинил себе Мидию.

...жену и чада его уби, самого же из царства изгна. — В «Театре» Астиаг и его дети наказаны изгнанием из страны и разрушением царского дворца. — См. Геродот, «История», I. 108—113 и 117—120; также Юстин, «Всеобщая история», I. 4—6.

26. **О ослѣ, скачущемъ на лоно господина своего.** — В «Театре» 1608 г. — «О осле и маленькой собачонке». В основе — Эзоп.

...повелѣ... из храмины изгнати. — Перевод не отметил появления осла в покоях хозяина: laufft zu dem Herren auch hinein.

...достоитъ довольну быти чином, в немже есть званъ, и не подобаетъ выше мѣры своея, кромѣ звания, из чина в чин прескакати. — Этой формулы служебного продвижения, отражавшей обострившиеся в России проблемы местничества, нет ни у Саделера, ни у Вондела.

Амплий — в «Театре» и у Вондела *Aplas*, но подобного лица и эпизода в книге Светония нет.

Август-кесарь — Гай Октавиан Фурин (63 до н. э.—14 н. э.), внучатый племянник и преемник Юлия Цезаря; с 27 г. — император Цезарь Август.

Светоний — ошибочная отсылка «Театра».

27. **О волкѣ и о овечькѣ невинной.** — Эзоп. В «Театре» 1608 г. традиционное: «О волке и ягненке».

Стр. 110. *...мучитель Нерон...* — В «Театре» — «жаждущий крови Нерон».

Фрасий — Публий Клодий Фразея (или Тразея) Пет из Патавии, философ-стоик, сенатор, консул 56 г., духовный лидер аристократической антинероновской оппозиции. В 66 г. враги добились осуждения Фразеи, и он вскрыл себе вены.

...видѣ толиких человѣкъ невинно от него страждущихъ... — В «Театре» нет.

Светоний — см.: Жизнеописания двенадцати цезарей. Гл. «Нерон», 37. 1; а также: Тацит. Анналы. XVI. 21—29 и 33.

28. **О татѣ и псѣ, стрегущѣмъ дом.** — Федр, I.23 но в основе — Эзоп. На Руси этот сюжет использован Симеоном Полоцким в стихотворении «Раб верный», в «Вертограде многоцветном».

Мѣнений — патриций; внесенный в проскрипции в 43 г. до н. э., самоотверженно спасен рабами и бежал в Сицилию (Аппиан. Гражданские войны. IV. 44; Дион. Римская история. XLVII. 10. 3). В «Театре» и «Саде» источником указан Фулгозио (см. VI. 8. «О рабе Менения»).

29. **О волѣ и псѣ.** — У Эзопа нет, но вслед «Ромулу» (№ 11) включается в сборники Эзопа.

...во изобилии своемъ... лутче псам своимъ тѣх в снѣдь вергаютъ. — Добавления перевода.

Стр. 111. *Птоломей* — правильнее Птолемей — имя всех Лагидов, правивших в Египте с 323 по 31 г. до н. э. и различаемых цифровыми обозначениями и набором прозваний.

...царь Кипрьский. — Когда по смерти Птолемея VIII Филометра II Сотера Латура (143—81) египетский престол унаследовал его старший сын Птолемей XII Теос Филопатор Филадельф Неос Дионис Авлет (правивший до того на Кипре), то остров перешел к младшему брату Авлета, тоже Птолемею, прозванному Кипрским, о сокровищах которого складывались легенды. Но в 58 г. (в трибунат Клодия) римский сенат объявил остров своей провинцией, и Птолемей Кипрский кончил жизнь самоубийством (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Катон», 34—36).

...водам предаде. — Источник прилога: Валерий Максим. Слова и дела, достойные упоминания. IX. 4. 1.

***30.* О отягченномъ ослѣ и конѣ.** — Басня Бабрия (№ 7), но в основе — Эзоп. У Гозвинского — № 121. В издание 1712 г. басня не вошла: ее прилог неизбежно напоминал, что первая жена и российского императора Е. Ф. Лопухина по воле царственного супруга пребывала в монастырском заточении.

...Господь Богъ (бѣдствующихъ избавляя) многия бѣды на таковыхъ попускаетъ. — Ни в «Театре», ни у Вондела такого утверждения нет.

Октавия (42—62) — дочь императора Клавдия, первая жена Нерона. После ряда неудавшихся попыток отравить Октавию Нерон развелся с ней, удалил в ссылку и, оклеветав в прелюбодеянии, казнил.

Сабина — Поппея Сабина (31—65), у которой «было все, кроме честной души» (Тацит) и с которой Нерон вступил в брак тотчас же после развода с Октавией (61 г.), но четыре года спустя в пьяной ярости забил до смерти и ее.

...вяще оскорбѣ о ненавидѣнии Сабины... преста Октавию гонити... — У Виниуса даже изверга постигает покаянное сожаление и просветление справедливости, тогда как в «Театре» — «стал равно жестоко терзать и Сабину».

Светоний — см.: Жизнеописание двенадцати цезарей. Гл. «Нерон», 35. 1—3.

***31.* О попугаи и лисицѣ.** — В «Театре» 1608 г. — традиционное, как у Эзопа, «О вóроне и лисице», тогда как у Вондела — «попугай» (хотя гравюра осталась прежней — с вороном). Замену персонажа, как и расцвеченную детализацию рассказа, приходится относить к переизданию «Театра».

Стр. 112. *...посемъ о томъ хвалятся, сим же посмѣваются.* — Дополнение Виниуса.

Каракалла — Марк Аврелий Антонин Бассиан (186—217), римский император в 211—217 гг., прозванный по введенному им в моду галльскому плащу с капюшоном «Каракаллой». Его правление окончательно подорвало устойчивость политического положения в Римской империи. Убит преторианцами (см. коммент. к басням № 83 и 89).

Дионъ — Дион Кассий Кокцеян (155/161—235), автор «Римской истории» в 80 книгах, из которых первые 35 сохранились в отрывках, полностью же лишь с 36-й по 60-ю; остальные известны в конспектах Ксифилина и извлечениях Зонары.

***32.* О орлѣ, жабѣ и мышѣ.** — Сюжет Эзопа.

Бысть мышамъ з жабами... великая брань. — Намек на широко известную антифеодальную поэму немецкого писателя XVI в. Ролленхагена «Жабомышатник» («Froschmausler», 1595 г.), в свою очередь использовавшего греческую «Батрахомиомахию».

...совѣсть их... — Такой категории в сентенциях «Театра» и «Сада» нет.

Палеологи — династия правивших в 1261—1453 гг. Византией императоров, последний из которых Константин IX погиб в сражении с ворвавшимися в Константинополь турками.

...Лукану, царю Пелопонийскому... — В обмен за военную службу деспотам Мореи албанские племена с конца XIV в. во множестве селились на Пелопоннесе и составляли ядро греческого войска. Лукан (нач.—сер. XV в.) — племенной вождь и один из главных военачальников албанцев, выступивших против правителей Мистры.

...Мануилу Кантакузению. — Мануил Кантакузин, внук византийского императора Иоанна IV Кантакузина. Поддержанный албанцами, поднял в 1453 г. феодальный мятеж против правивших в Мистре Палеологов, которые в свою очередь обратились за помощью к Мехмету II, и турки сначала разбили албанцев, а затем наложили дань и на Палеологов. Еще через несколько лет, используя феодальные распри, османы заняли весь полуостров.

Махметъ — Мехмет II эль Фатих «Завоеватель» (1430—1481), турецкий султан в 1451—1481 гг., сочетавший проницательный ум, основательную образованность и непреклонную волю с беспримерной жестокостью и необузданным властолюбием. В 1453 г. захватил Константинополь, Фракию и Македонию, в 1460 г. — Морею, через год — Синоп и Трапезунд, затем Сербию и Боснию, позже Крым и Валахию и в 1479 г. — Албанию; вел успешные войны с Ираном.

Халкокондилий — Лаоник Халкокондил (ок. 1423—ок. 1490), византийский историограф. Принадлежал к знатной афинской семье, ставшей на сторону Палеологов; ученик Гемиста

Плифона, ученого и советника морейских деспотов в Мистре. После падения Византии укрылся в Италии. Написал «Историческое изложение» в 10 книгах о событиях 1298—1463 гг., упадке Византийской империи и завоевании ее турками. События прилога — в кн. VIII—IX.

33. **О волѣ и жабахъ.** — У Эзопа не сохранилась; см.: Федр, I. 24.

Нѣкоему волу ходящу близ блатины... — Экспозиция, внесенная Виниусом.

Стр. 113. *...сосуд скуделен... сокрушается...* — Ни в «Театре», ни у Вондела этого библейского тропа (Сирах 13, 3) нет.

Сила — Силас, близкий друг и военачальник Ирода Агриппы Старшего, ряд десятилетий разделявший превратности и опасности его жизни. В конце недолгого правления Агриппы навлек на себя опалу и был заточен в крепость.

Агриппа — Ирод Агриппа Старший (10 до н. э.—44 н. э.), царь Иудеи 41—44 гг. Брошенный в римскую тюрьму Тиберием, помилован и поставлен в иудейские тетрархи Калигулой, а в 41 г. благоволивший к Агриппе Клавдий объявил его царем обращенной в вассальное царство Иудеи (Иосиф Флавий. Иудейская война. II. 9. 5—6 и 11. 2—6).

И посемъ ничтоже ему могущу сотворити, печалию многою одержимъ, злѣ животъ свой скончa. — В действительности Силас был вскоре прощен царем, но отказался принять эту милость и после смерти Агриппы умерщвлен Иродом Халкидским, братом Агриппы (Иосиф Флавий. Иудейские древности. XIX. 6. 3; 7. 1 и 7. 3).

Флавий — В «Театре» и в «Саде» источник не указан.

34. **О елени, стоящей при источницѣ.** — Версия Федра (I. 12), но в основе — Эзоп.

...Орифия, дщерь Ерифреева... — Дочь афинского царя Эрехтея (*миф.*).

ವореасъ — Борей, фракийский бог северного ветра, похитивший Орифию и тем ставший «зятем Афин» (Аполлодор. Библиотека. III. 15. 2; Павсаний. Описание Эллады. I. 16).

35. **О ястребѣ, соколѣ и голубѣхъ.** — У Эзопа нет, хотя и включалась в средневековые издания его басен. Ср.: Федр, I. 31.

...избраша посемъ начальника... — Но в «Театре» и «Саде» речь шла о избрании вместо жестокого монарха другого, более терпимого, — идея на Руси «тишайшего» Алексея Михайловича более чем небезопасная.

Стр. 114. *...мнози раби избѣгоша от господей своих... многие господие, егда приемлютъ новыя рабы...* — Сентенции «Театра» и «Сада» — о тирании монархов, удушающих подданных; Виниус же обратился к положению на Руси холопов.

...сице сотвори лукавый Птоломей Симеону Маккавейску, сущу начальнику Июдейску. Его же, купно и дву сыновъ его... — Птолемей, сын Авува, наместник Иерихона. В 135 г. до н. э., пытаясь захватить власть, убил своего тестя Симона Маккавея и его сыновей: старшего — Иуду и младшего — Маттафию; спастись удалось только среднему, Иоанну Гиркану (см. коммент. к басне № 5).

1 Маккавеи, 16. — I кн. Маккавейская 16, 11—11 и 16, 19—22. Но в «Театре» 1608 г. этот рассказ следует за басней «О ястребе и малых птицах» (см. № 55), здесь же находился прилог о Нероне, Калигуле, Клавдии. Путаница, судя по Вонделу, произошла при переиздании «Театра».

36. **О кони и елени.** — Сюжет греческого поэта Стесихора (VI в. до н. э.).

...той рече коню: «Зане тя имамъ в силѣ своей, имаши паки пребыти под властию моею»... в помощь силнѣйшаго паче себе призываетъ... — Предостерегающие дополнения Виниуса. В «Театре» нет.

...в своя поставленныя сѣти самъ въпадаетъ. — Ср.: Пс. 9, 16.

Марий — Гай Марий (156—86 до н. э.), полководец и политик. Набирая в легионы наемников-профессионалов, превратил армию в орудие политической борьбы и, подкупая подачками люмпенов, пытался установить авторитарную диктатуру при видимой сохранности республиканских институтов. В 87 г. (пока Сулла вел войну на Востоке) захватил Рим и с усердием принялся уничтожать своих противников.

Сила — Люций Корнелий Сулла «Счастливый» (138—78 до н. э.), полководец и государственный деятель. В 88 г. совершил государственный переворот, после чего отправился на войну с Митридатом. Вернувшись весной 83 г. в Италию, жестоко подавил воспрянувших было марианцев и позаботился о юридическом оформлении своих пожизненных чрезвычайных полномочий для «обу-

стройства государства». Однако в 79 г. неожиданно отказался от власти, ушел в частную жизнь и через год умер.

Плутархъ — Плутарх из Херонеи (46—126), древнегреческий писатель-историк и философ-моралист, автор многих политических и религиозно-этических трактатов, а также нравоучительно-исторических сочинений, известнейшее из которых — «Сравнительные жизнеописания знаменитых греков и римлян». События прилога — гл. «Марий», XLI—XLV.

37. **О лвѣ и протчих собранных звѣрехъ.** — Басня Лоренцо Абстемия «О льве, воюющем с птицами» (см. К-73$_р$); в «Театре» 1608 г. — «Об осле и зайце».

Стр. 115. *Сципион Емилиан* — Публий Корнелий Сципион Эмилиан Младший (185—129 до н. э.), римский полководец, в 146 г. сровнявший с землей Карфаген и прозванный за свои победы Африканским, а позже и Нумантийским.

Нумантинезы — жители Нуманции, крепости в северо-восточной Испании, последнего оплота Карфагена, в 133 г. после 9-месячной осады взятой и разрушенной Сципионом.

Кай Метеллий — имя Гай (то же — Кай) носили старший и младший из пяти сыновей Квинта Цецилия Метелла Македонского (II в. до н. э.), бывшего в неприязненных отношениях со Сципионом. Под началом Сципиона служил под Нуманцией Гай-младший, прозванный Капрарийским («пасущим коз»); впоследствии — консул (113 г.) и цензор (102 г.).

Целий — Древние чтения. XI. 1 (и XVII. 22).

38. **О ловители птицъ.** — Эзоп. У Гозвинского — № 102.

Навуходоносор (II) — царь Вавилонии в 606—562 гг. до н. э. Но в «Театре» и в «Саде» говорится о временах Дария.

Даниил (библ.) — еврейский праведник и пророк. Отроком, в 605 г. до н. э., доставлен из Иерусалима в Вавилон к Навуходоносору и, как излагает Библия, пережил там времена и Валтасара (погибшего вскоре после взятия Вавилона в 538 г. до н. э. персами), и Дария (522—486 до н. э.) и умер в недолгие годы владычества Кира Старшего (538—529 до н. э.).

...абие от лвовъ потребишася. — Дополнение Виниуса.

Даниилъ, 6. — В датируемой 164 г. до н. э. Книге пророка Даниила провидец побывал во рву дважды: во времена Дария (6: 16), как в «Театре», и затем — Кира Старшего (14: 31), но не Навуходоносора, как у Виниуса.

39. **О павлинѣ и сорокѣ.** — Эзоп. У Гозвинского — № 49.

Стр. 116. *...во избрании начальников...* — Предмет «Театра» — избрание не «начальника», а монарха (ср. № 35), который бы «в покое и мире», «со страхом Божьим и умом мудро правил страной и народом» (Theatrum Morum. S. 122—123).

...во Аррагонитском царствѣ... — Арагон, в XI—XV вв. королевство на северо-востоке Пиренейского полуострова с обширными в XIV—XV вв. средиземноморскими владениями: Сицилией, Сардинией, Южной Италией, Балеарскими островами — и с полностью контролируемой кортесами (органом феодального представительства) монархией.

...король Мартиний. — Мартин (1356—1410), арагонский король 1395—1410 гг.; умер бездетным.

...вси вельможи... — В «Театре» электорат шире: «Landtsessen» — 'жители'.

...князь Урцеленсий... — граф Урцелехский, претендент на арагонскую корону; схвачен и заточен в замок, где в 1433 г. и умер.

...не восхотѣша... — Несколько изменив предмет басни, Виниус опускает и мотивы, по которым в немецком оригинале отвергнут претендент на корону: «понимали, что он не тот, кто бы с умом и мудро правил ими и неустрашимым сердцем мог защитить их».

Фердинанд — Фердинанд I Антекерский (1376—1416), член Кастильского королевского дома, король Арагона в 1412—1416 гг.

...многия лѣта управи. — Стереотип, интерполируемый Виниусом, но не отвечающий действительности: после коронации Фердинанд прожил только четыре года.

Валла — Лоренцо Валла (1407—1457), итальянский историк и филолог. В конфликте с Ватиканом нашел в 1437 г. прибежище при дворе арагонского короля Альфонса V в Неаполе, где в 1446 г. написал известные «Повести о короле Фердинанде», отце своего покровителя.

40. **О волѣ и коровѣ.** — В основе — Эзоп.

...николи же имать боятися убиения... — В Греции Эзопа, откуда пришла фабула, закон запрещал забивать рабочий скот. (См.: Элиан. Пестрые рассказы. V. 14).

...достоитъ не на начало, но на кончину своего дѣла зрѣти. — До странности отвлеченное преломление сентенции, что нет утешения в обретенных богатствах, когда приходится умирать в недугах, как и предостережений от праздности, приближающей злой недалекий конец — в «Театре» 1608, и от тяги к наслаждениям — у Вондела. Как было в самом оригинале — переиздании «Театра» — гадать не буду.

...яко и во Египтѣ... — Исход евреев из Египта датируется концом XIV в. до н. э.

Числа, 2. — Арабское 11 Виниус принял за римское II. См.: Чис. 11, 4—24; 11, 31—33 (также Исх. 16, 14—16 и 16, 31).

41. **О орлѣ и вóронѣ.** — Ср. у Федра (II. 6), но в основе — Эзоп.

Стр. 116—117. *И тако убо друзи вмѣняют ся, доньдеже трапезѣ присѣдятъ.* — Сирах, 6, 10; но в «Театре» 1608 г. сентенция ближе другим стихам Сираха — 37, 7—8.

Стр. 117. *...царю Онорию...* — Флавий Гонорий (384—423), младший сын Феодосия Великого, по смерти которого и раздела Римской империи в 395 г. стал первым западноримским императором. Его правление прошло во все менее успешной борьбе с местными узурпаторами и вторжениями варваров.

Стиллик — Флавий Стилихон (ок. 360—408), полководец, опекун малолетнего Гонория. Вел непрерывную борьбу с варварами в Британии, на Рейне, на Дунае. В 402 г. разбил Алариха и в 405 г. — германские полчища в северной Италии, не пропустив их в пределы Римской империи. Но в 408 г., рассчитывая использовать вестготов в борьбе с местными узурпаторами, требования Алариха удовлетворил, за что был казнен по приказу Гонория. Аларих же, не встречая больше серьезного сопротивления, дважды подступал к Риму, уходя с огромным выкупом, а в августе 410 г. захватил и разграбил Вечный город.

...а готфы от него отступиша... — Вставка кого-то из ранних переписчиков. Ни в «Театре», ни в тексте I вида ее нет.

Бонфиний — Антонио Бонфини (ок. 1427—1502/1505), итальянский историограф. В 1486 г. приглашен королем Матиашем Корвином писать историю Венгрии и по исполнении этого труда удостоен венгерского дворянства. Известен также переводами греческих авторов. См.: История венгров. I. 2 (ср.: Зонара. Анналы. XIII. 21).

42. **О вóронѣ и овцѣ.** — Эзоп.

Тереньтий Варо и Павлъ Амилий — Гай Теренций Варрон и Луций Эмилий Павел, консулы 216 г. до н. э. Потерпели страшное поражение в битве с Ганнибалом при Каннах (на юге Италии). Эмилий погиб, Теренций спасся бегством (Фронтин. Стратегемы. IV. 5. 5—6).

Анибал — Ганнибал (246—183 до н. э.), карфагенский полководец. Перейдя в 218 г. Пиренеи и пробившись сквозь Альпы в Италию, в нескольких битвах опрокинул римские легионы и полтора десятка лет вел опустошающую войну на итальянской территории.

...храбрый подвигъ Фабиевъ... воевъ анибаловыхъ поби... — Квинт Фабий Максим Веррукс, «Кунктатор» (289—ок. 207/203 до н. э.), римский полководец; назначенный в 217 г., после поражения римлян при Тразименском озере, военным диктатором; вызволил из окружения разбитые легионы второго диктатора Марка Минуция Руфа.

Плутархъ — Сравнительные жизнеописания. Гл. «Фабий Максим», 16 и 18.

43. **О ослѣ и вепрѣ дивиимъ.** — У Эзопа такой басни нет.

Стр. 118. *Тѣмъ являетъ... воздати можетъ.* — Текст сентенции печатного «Зрелища»; а также рукописи из *РНБ*, собр. А. А. Титова, 4851, возможно связанной с подготовкой московского издания 1712 г. В других известных мне списках сентенции нет вообще.

Феодосий Юнный — Феодосий II Малый (401—450), восточноримский император в 408—450 гг. Ребенком оказавшись на троне, полностью подчинился сестре Пульхерии, проводил время в отправлении религиозных обрядов, а позже — в богословских спорах, жестоко преследуя своих оппонентов, тогда как государственные дела вершила Пульхерия и ее фавориты.

Мнози его уничижиша... — Но в «Театре» речь шла об оскорблении монаршьего величества, а не частного лица.

Зонора — Зонара. Анналы. XIII, 23.

44. О брани птицъ со звѣрми. — Басня Федра («Ромул», 54).

...зане надѣятися на таковых невозможно. — Дополнение Виниуса.

Гиеронъ — Гиерон Старший (540/525—467 до н. э.), сиракузский тиран с 478 г. Отказался выступить против Ксеркса, когда греки не предоставили ему командования союзной армией.

Темистоклий — Фемистокл (ок. 525—461 до н. э.), государственный и военный деятель, создатель морского могущества Афин, победитель в сражении при Саламине (480 г. до н. э.), определившем ход третьей греко-персидской войны, вдохновитель Делосского морского союза с Афинами во главе (474 г. до н. э.); построил морскую гавань и восстановил стены Афин, разрушенные Ксерксом, содействовал освобождению греческих городов Малой Азии. Тем не менее в 472 г. до н. э. был изгнан из Афин и ряд лет скитался по государствам Греции в поисках безопасного пристанища, пока не бѐжал в 464 г. до н. э. в Персию к Артаксерксу I (сыну Ксеркса), который отвел в управление Фемистоклу ряд городов Малой Азии, где тот и прожил последние годы.

Стр. 119. *Алианъ* — Клод Элиан (ок. 170—235), римский автор, писавший по-гречески. Оставил нравоучительно-занимательные сочинения «О природе животных» (в 17 книгах), «Пестрые рассказы» и др. Приводимый эпизод — из «Пестрых рассказов», IX. 5.

45. О жабех и князѣ ихъ. — Эзоп; но в античной традиции на царство посылается не аист, а водяная змея, «гидра» (Федр, I. 2; Бабрий, 174).

...бога своего... — Ни у Саделера, ни у Вондела нет, а решение Виниуса не только занятно, оно и красноречиво.

...имъ от Бога данными, но на таковыя возставаютъ и побиваютъ [в списке: *возставляютъ и погибаютъ*] *или от властелинства отставляютъ.* — Ни в «Театре», ни в «Саде» этих социально-политических мотивов нет.

Диоклитиан — Диоклетиан (225/239—313/316), император в 284—305 гг. Отстранением сената от решения государственных вопросов и прижизненным обожествлением императорской особы открыто порвал с конституционными традициями. Ввел прямые налоги со всех сословий, твердую оплату всех форм труда и предельно допустимые цены на товары и продукты. Требовал подчинения личных интересов благу государства. В 303—304 гг. объявил четыре эдикта против христиан. В 305 г. отказался от власти.

Максимиан — Максимиан Геркулий (240—310), соправитель Диоклетиана, усердно поддерживавший гонения на христиан и вместе с Диоклетианом отказавшийся от власти. Уступив настояниям своего сына Максентия, в 307 г. пытался вернуться к власти, но после поражения в Галлии от Константина (сына Констанция Хлора) покончил самоубийством.

...сотвориша кесаря Константина Великаго. — Ошибка Виниуса, перешедшая к переписчикам и в печатное «Зрелище». У Саделера и Вондела — «избрали Констанция» (erwehleten Constantium), т. е. Констанция Хлора (254—306), цезаря с 293 г., императора в 305—306 гг., отличавшегося терпимостью к христианам, Константин же (впоследствии «Великий») — его сын.

Галерий (242/250—311) — цезарь с 293 г., император с 305 г. Правил на востоке Римской империи, сурово преследуя христиан.

Валерий Северий — Флавий Валерий Север, император в 305—307 гг.

Максеньтий (280—312) сын Максимиана, — император в 307—312 гг. Известен приверженностью к староримским традициям и неприязнью к христианству. После поражения под стенами Рима, отступая, утонул в Тибре.

...многия от них уби, иныя же в заточение посла, имѣния их похити... — В «Театре» исчислены не репрессивные меры, а пострадавшие: «малых и великих, юных и старых, мужчин и женщин» (S. 145).

«Житие кесарей Римских» — книга биографий римских императоров II—III вв. «История Августов», составленная на рубеже IV—V вв. и впоследствии дополнявшаяся (см. также коммент. к басне № 83). Русский перевод — «Шесть писателей Истории о Августах» (СПб., 1775).

46. **О волкѣ и козѣ младой.** — В основе — Федр («Ромул», 36).

Стр. 120. *Салапия* — город в Апулии, на Адриатическом берегу Италии.

Криспъ-начальникъ — Тит Квинкций Криспин (втор. пол. III в. до н. э.), консул 208 г. Умер от ран, полученных в стычке с засадой пунийцев, успев, однако, предупредить римские гарнизоны о гибели Марцелла и о судьбе его печатки.

Марцельлий — Марк Клавдий Марцелл (270—207 до н. э.), римский полководец, известный успешными операциями в Галлии (222 г.) и на Сицилии (214—212 гг.), противник военной тактики Фабия Кунктатора, обрекавшей страну на опустошение перемещавшейся по ней армией Ганнибала. Погиб в устроенной пунийцами засаде, а его перстень с печаткой доставили Ганнибалу.

...и тако от погибели своея сохранишася. — Виниус упростил события, но привнес традиционную формулу благополучного финала.

Плутархъ — Сравнительные жизнеописания. Гл. «Марцелл», XXIX; Фронтин. Стратегемы. IV. 7. 38; подробнее: Ливий. Римская история от основания города. XXVII. 27—28.

47. **О древосѣчьцѣ.** — В основе — Федр («Ромул», 65); у Эзопа не сохранилась.

...иже нынѣ другъ, заутра врагъ бываетъ... — Прибавление Виниуса; ни в «Театре», ни в «Саде» нет.

Фисистрат — Писистрат (ок. 600—527 до н. э.), афинский политический деятель. В 561 г. добился разрешения держать личных вооруженных охранников, дубинами которых затем и узурпировал власть в Афинах. Изгнанный в 550 г., он вновь захватывает власть в 540 г., обеспечив ее отрядами наемных охранников. Такую узурпацию власти афиняне называли тиранией.

...град Афинъ в покорение себѣ приведе. — Источники см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания, гл. «Солон», XXX—XXXI; Геродот. История. I. 59—64.

48. **О павлинахъ и сорокѣ.** — Федр (I. 3), но в основе — Эзоп.

Стр. 121. *...худославному велероднымъ себе имѣти не подобаетъ.* — В «Театре» и в «Саде» нет; в списках I вида: *худославным с велеродными приобщатися не подобаетъ.*

Калистратъ — (в эпиграмме Марциала) условное, этимологически ироничное (греч. 'прекрасный воин') имя.

...меж рыцери... — Здесь — сословие римских всадников. В списках III вида: *меж богатырми.*

...рыцерския науки... соборище рыцерское... — В списках III вида: *воинския учения, соборище богатырское.*

10 000 златникъ — в «Театре» 10 000 (золотых) крон. Имущественный ценз римского всадника — не менее 400 000 сестерций.

Мартиалий — Марк Валерий Марциал (ок. 43—ок. 104), римский поэт-эпиграмматист, избравший путь той раболепствующей клиентелы, которая цепко держится за блага жизни в условиях любого режима, пресмыкаясь перед властями предержащими, покусывая выскочек и себе же подобных, но менее удачливых льстецов и завистников и с упоением отыгрываясь на скабрезных темах и немочах. Прилог басни объединяет 13-ю и 25-ю эпиграммы V книги.

49. **О еленѣ и волахъ.** — В основе — Федр (II. 8); у Эзопа нет.

...уби еленя. — В «Театре» 1608: «был обнаружен и освежеван».

Иисусъ Навин — Иешуа ('спаситель'), преемник Моисея.

...пять царей Амморейскихъ... — Амореи (или амониты) — одно из племен древнего Ханаана (на западном берегу Иордана) до вторжения туда евреев. В «Театре» 1608 г. приведен и перечень этих царей: иерусалимский, хевронский, иармуфский, лахисский, еглонский.

Иисусъ Навинъ. — Навин X, 5—10 и 16—27.

50. **О лисѣ и виноградѣ.** — Эзоп.

Стр. 122. *...како получити ему дворъ Мартиаловъ.* — Среди эпиграмм Марциала есть обращенные к завистникам его имущественного состояния.

Мартиалий. — Марциал, VIII. 61 и IX. 97.

51. **О пификѣ и котѣ.** — У Эзопа нет.

...руками подданных своих... — В списках III вида: *рукама холопей своих.*

...Рампсиния, царя Египетъскаго... — Рамсес IV (по другому счету — III), или Рампсинит, как его называли греки, — фараон XX династии, царствовавший в Египте около XIV—XII вв. до н. э. О его несметных богатствах передавались легенды.

Геродотъ — История. II. 121 (новелла о проделках грабителей пирамид).

52. О младомъ конѣ и старомъ ослѣ. — В «Театре» 1608 г. — «О коне и осле», с прилогом из «Антологии» Иоанна Стобея (V в.). Причем у Саделера четыре басни с такими персонажами и в трех со столь близкими обстоятельствами, что при переиздании оказались перепутаны их прилоги, а Виниус ограничился переводом лишь двух — этой и № 98.

...и ничтоже труждатися. — Акцент переводчика.

Демоклий — Дамокл, какой-то фаворит Дионисия Старшего.

Дионисий-мучитель — здесь Дионисий Старший (432/430—367 до н. э.), сиракузский полководец и тиран. Захватив в 405 г. власть, суровыми мерами политического и экономического принуждения (конфискацией храмовых имуществ, переселением жителей целых городов, невиданными налогами и принудительным трудом) превратил Сиракузы в один из главных политических, торговых и культурных центров Средиземноморья. Вел успешные войны с этрусками и Карфагеном (см. коммент. к басням № 84 и 105).

Стр. 123. *Цицеронъ* — Тускуланские беседы. V. 21. 61—62. Но в «Театре» 1608 г. рассказ о Дамокловом мече находился при другой басне про коня и осла — № 98. Этот сюжет в виршах Симеона Полоцкого «Меч истинный» (ПЛДР. Т. 12. С. 106).

53. О ковачѣ и о псѣ его. — Эзоп, но в «Театре» 1608 г. иная версия фабулы: «Кузнец кует в своей кузнице, пес же его ленится и не помогает ему. Поэтому и ест кузнец мясо сам, а псу отдает голые кости».

Ксеркс, царь Перский. — См. коммент. к басне № 19.

...протчии ельлини... — Когда Ксеркс в 480 г. вторгся в Грецию, лишь Аттика, Платеи, Эвбея и ряд областей Пелопоннеса встали на защиту своей независимости, другие же либо подчинились персам (Фессалия, Беотия, Аргос), либо держались странного нейтралитета (Ахайя, Коркира). — Геродот. История. VII. 132.

...вящее богатьство от персовъ получиша. — Но в «Театре» 1608 г. (как утверждает и Юстин) — противоположное: «досталась весьма незначительная добыча либо вообще ничего». Судя по Вонделу, изменения фабулы, сентенции и финала прилога произошли при переиздании «Театра».

Иустиний. — Юстин. Всеобщая история. I. 2. 14.

54. О лисѣ безхвоснѣй. — Эзоп. У Гозвинского — № 6. В печатное «Зрелище» басня, для которой уже была изготовлена гравюра, не включена: едва ли ее прилог мог быть по вкусу державному реформатору.

Стр. 124. *...воевода Адальгерий...* — По М. Вельзеру — знатный кельт из племени бойев, несший военную службу у римлян. В 307 г. был обвинен в хищениях, и его с позором остригли и укоротили его одежды, что вызвало возмущение и протест соплеменников Адалгерия.

Северий-кесарь — здесь Флавий Валерий Север (см. коммент. к басне № 45).

Марко Велсерий — Марк Вельзер (1558—1614), член знаменитой семьи южнонемецких промышленников и финансистов из Аугсбурга, покровительствовавший ученым, автор многих трудов и сочинений. Рассказ об Адалгерии — в «Истории Бойев», кн. II.

55. О ястребѣ и прочих птицах. — Федр. Ворон и птицы («Ромул», 85). У Эзопа нет

Сице сотвориша различныя римския кесари... — В «Театре» 1608 г. здесь излагалась история гибели Симона Маккавея и его сыновей (см. коммент. к басне № 35). Перемещение прилогов случилось, вероятно, при переиздании «Театра».

Калигула — 'солдатский сапожок', прозвище Гая Цезаря Германика (12—41), императора с 37 г., садиста и деспота; заколот заговорщиками (см. коммент. к басне № 109)

Клавдий (10 до н. э.—54 н. э.) — император с 41 г. Его стремление укрепить императорскую власть привело к обострению борьбы с оппозицией, конфискациям имуществ и казням. Неприязнь к Клавдию христианских историографов порождена его покровительством традиционной римской религии и преследованием иных культов, особенно шедших из Иудеи (см. коммент. к басне № 111).

...созвавше гражданъ своих на пиршества велия... аки волцы или ястребы, нападоша... — Так Виниус пытается сгладить разлад меж басенным рассказом и оказавшимся не к месту прилогом. В «Театре» и у Вондела иное: «Тогда граждане искали других властителей и почитали их, но те оказывались потом столь же кровожадны, как и прежние, и обходились с гражданами не менее тиранически».

В «Римских дѣяниях». — В «Театре» источником прилога указана «Historia Romanae», тогда как «Римские деяния» — это древнерусский перевод с польского четырех десятков средневековых латинских новелл «Historye rzymskie». Однако упомянутого сюжета не удалось обнаружить и в самом полном (283 номера) своде подобных рассказов, изданном Германом Остерлеем (Gesta Romanorum. Fasc. I—II. Berlin, 1871—1872). Возможно, решение Виниуса порождено сходством указания в тексте «Театра»: «Historia Romanae», — с названием польского оригинала «Римских деяний»: «Historye rzymskie».

***56.* О козлѣ, овцѣ и волкѣ.** — У Эзопа нет, но включалась в средневековые издания его басен.

Стр. 125. *Антоний* — Марк Антоний (82—30 до н. э.), ближайший сподвижник Цезаря и соперник Октавиана, в битве с которым у берегов западной Греции (осенью 31 г.) оставил свои сражающиеся войска и последовал за кораблем бежавшей Клеопатры, а покинутые легионы перешли на сторону Октавиана. Спустя год кончил жизнь самоубийством.

...Октавию-ипату, иже велий другъ Цицерону бяше. — Весной 44 г. девятнадцатилетний Октавиан до поры прикрывается личиной преданности Цицерону и покорности сенату, а также благовидной скромностью своих намерений — наградить по завещанию Цезаря его ветеранов. Но уже осенью 43 г., когда положение Октавиана упрочилось, он объединяется с Антонием и Лепидом против сената. Цицерон же, внесенный триумвирами в проскрипционные списки, бежал из Рима, был настигнут и тут же обезглавлен.

Плутархъ — Плутарховы «Жизнеописания» («Цицерон», 44—46; «Антоний», 16 и 19) имеют мало общего с прилогом «Театра».

***57.* О мравии и мухѣ.** — Федр, IV. 25; у Эзопа нет.

Посемъ прииде зима... питашеся уготованною себѣ пищею. — В «Театре» 1608 г., как и у Федра, этого эпилога нет. Судя по Вонделу, он принадлежит переизданию «Театра».

Максимиан-кесарь — см. коммент. к басне № 45.

Диоклитиан — см. коммент. к басне № 45.

...иде во едино убогое мѣсто и во убожествѣ живяше. — Отказавшись в 305 г. от власти, Диоклетиан поселился в своем огромном и роскошном дворце в Спалатуме (совр. Сплит) и занялся хозяйством.

Стр. 126. *Куспинианъ.* — «О цезарях и императорах Римских». — «Цезарь Диоклетиан».

***58.* О орлѣ и скорьпии.** — В «Театре» 1608 г. — «О вóроне и скорпионе». Эзоп; у Гозвинского — № 92.

Сице сотвори Дионъ-царь Птоломею, царю Египецкому. — О ком идет речь, определить не удалось.

Плутархъ — У Плутарха этот сюжет мною не обнаружен.

***59.* О повѣшенномъ волке во овчей одежди.** — Басня Абстемия (К-$60_р$). Ср.: Мф. 7, 15.

Дарий, царь Перский — старший сын Артаксеркса II Мнемона. Предупреждая наследственные распри, Артаксеркс назвал царем пятидесятилетнего Дария, который вскоре попытался устранить самого Артаксеркса, за что и был предан отцом смерти.

Стр. 126—127. *...Саку, воеводѣ греческому... грековъ... греческое ополчение.* — Заблуждение Виниуса. В немецком тексте говорится о саках — племенах скифов, кочевавших в Средней Азии у северных границ Персии и не раз вторгавшихся в ее пределы вплоть до Месопотамии.

Стр. 127. *Артаксеркс* — Артаксеркс II Мнемон, царь Персии в 405—359 гг. до н. э. (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Артаксеркс», XXVI).

***60.* О волке и о ежѣ.** — Басня Абстемия (К-$53_р$).

Помпий Великий — Гней Помпей Магн (106—48 до н. э.), полководец, известный присвоением успехов Лициния Лукулла на Востоке, а также победами над остатками отрядов Спартака и над пиратами Средиземноморья. Как политик не раз менял союзников в стремлении к личной диктатуре. В 60 г. вступил в союз с Крассом и Цезарем, но когда Красс погиб в Парфии (см. коммент. к басне № 131), сблизился с сенатом и получил единоличный консулат на подавление низов, возмущенных убийством трибуна Клодия (52 г.).

Цесарь Иулий — Гай Юлий Цезарь (100—44 до н. э.).

«...да отпустиши я̑, зане не имаши брани ни с кѣмъ». — В 50 г. Помпей совместно с оптиматами потребовал от сената лишить Цезаря проконсульских полномочий в Галлии и распустить его легионы. В ответ Цезарь в январе 49 г. перешел Рубикон, стремительно овладел Римом, затем разбил войска Помпея в Испании и летом 48 г. в Греции при Фарсале. Помпей бежал в Египет, где и был убит по приказу пятнадцатилетнего фараона Птолемея XIII Диониса (63—47 до н. э.).

От него же посемъ самъ смерть получи. — Решение Виниуса. Убитый Цезарь упал у подножия статуи Помпея, но ни в «Театре», ни в «Саде» упоминания об этом нет.

Плутархъ. — Сравнительные жизнеописания. Гл. «Цезарь», XXIX—XXX; «Помпей», LVI—LVII.

***61.* О змии и о ежѣ.** — Басня Абстемия «О еже с ящерицей» (К-$56_р$).

Стр. 128. *«О проклятая человѣковъ ненавистница!»* — Дополнение перевода.

...царя Македонска. — Пояснение Виниуса.

...имѣния его себѣ от царя получи. — История про македонского солдата рассказана в «Древних чтениях» Целия (VII. 28), но там справедливость все-таки восторжествовала. Этот сюжет в виршах «Неблагодарствие» изложил Симеон Полоцкий (ПЛДР. Т. 12. С. 115).

Целий — См. коммент. к басне № 12.

***62.* О хамелеонѣ-звѣри.** — Не Эзоп.

...такой и обычай приемлютъ. — Виниус опустил вторую половину сентенции — о тех, кто слово свое изворачивает сообразно тому, какому он служит сейчас барину.

Алцибиад — Алкивиад (ок. 451—404 до н. э.), племянник Перикла и ученик Сократа, лидер радикальных афинских демократов, не раз менявший политических союзников. Обвиненный в святотатстве, бежит в 415 г. к олигархам аристократической Спарты и подталкивает их к войне против родных Афин, а в 412 г. уже от правителей Спарты бежит к вековому врагу греков — персам. Однако демократически настроенный афинский флот приглашает Алкивиада в свои предводители, и тот, после ряда успехов, торжественно въезжает в 408 г. в Афины. Но год спустя бежит во Фракию, а в 404 г. — вновь к персам, где и был убит по приказу сатрапа Фарнабаза.

Пробий — Марк Валерий Проб из Берита (I в. н. э.), грамматик, известный критикой текстов Теренция, Вергилия, Лукреция, Горация. Ни одного из приписываемых Пробу сочинений не сохранилось.

***63.* О боранѣ и волѣ.** — Басня Абстемия (К-$63_р$).

Хотящу же ему власть свою распространити и инныя области себѣ покорити. — В оригинале нет. Виниус же переводит ситуацию в политическую сферу.

Стр. 129. *...подобаетъ кийждоиму властелину... с нимже войну всчинати.* — В «Театре» и «Саде» сентенция не о политической мудрости властителя, а о житейски-бытовой осмотрительности: не переоценивать в заносчивости своих сил и возможностей, ибо всегда найдется сильнейший.

Июда Маккавей — третий сын Маттафии, вместе с братьями Иоанном, Симоном, Елезаром и Ионатаном поднял и возглавил в 165—161 гг. до н. э. восстание иудеев против царей Сирии, владевших Палестиной (см. 1 кн. Маккавейская 2, 2—5 и 3, 1—25).

I книгъ Маккавей. — Рассказ о последней битве Иуды Маккавея см. 9, 5—22

***64.* О курицѣ и о коршунахъ.** — У Эзопа нет. В списках I вида — «О кокошѣ и коршунахъ».

...кийждому властелину подобает подданныя своя защищати от всѣх нападающих на ня враговъ. — Ни в «Театре», ни в «Саде» сентенция особам подобного ранга не адресуется: Са-

делер наставляет читателя остерегаться хитростей недругов, а Вондел предается грезам о «счастливой стране, где власти заботятся обо всех».

Темистоклъ — см. коммент. к басне № 44.

Ксерксъ — см. коммент. к басням № 19 и № 53.

Диодоръ — Диодор Сицилийский (ок. 80—29 до н. э.), автор «Исторической библиотеки» в 40 книгах — первой «всеобщей истории» до середины I в. до н. э., с попыткой синхронизации греческих и римских событий. Сохранились книги I—V и XI—XX, от остальных — фрагменты. Третьей греко-персидской войне и роли в ней Фемистокла отведена XI книга.

***65.* О земледѣлатели и о мышах.** — Абстемий (см. К-$20_р$).

Стр. 130. *В «Житии Нероновѣ».* — Светоний. Жизнеописания двенадцати цезарей. Гл. «Нерон», 38: «Он поджег Рим настолько открыто, что многие консуляры ('бывшие консулы') ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать 〈...〉. На пожар этот он смотрел 〈...〉 наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем».

***66.* О ловцѣ птицъ.** — Абстемий (К-$29_р$).

...небрежаше, зане мали бяху... Врабие же насытившеся, отъидоша, большия же не приидоша. — Мотивировки и пояснения Виниуса.

...нѣкий прокураторъ... — В списках III вида — *нѣкий стряпчий.*

...ибо всякое даяние со благодарением приимати подобаетъ. — Лакуна; восполнена по другим спискам II вида.

Понтаний — Джиовиано Понтано, или Джиованни де Понте (1426—1503), итальянский гуманист, писатель, ученый и философ, занимавший крупные посты на службе у неаполитанских королей Альфонса Арагонского и потом Фердинанда. Писал на латыни лирические стихи, дидактические поэмы, морально-этические, эстетические и естественно-научные трактаты, исторические работы. Особенно известны неоднократно переиздаваемые в XVI в. его сатирические диалоги, представляющие многообразные житейские ситуации и социальные типы.

***67.* О земледѣлатели и мужи дивием.** — Эзоп. У Гозвинского — № 122.

Стр. 131. *Мануилъ, царь Греческий* — Мануил I Комнин (1120—1180), византийский император 1143—1180 гг. Во время второго крестового похода (1147—1149 гг.) остерегся впустить бесчинствующее «воинство Христово» в Константинополь и поспешил переправить крестоносцев через Босфор в Малую Азию, обязавшись снабжать их провиантом. Но обещания не выполнил, предпочтя заключить мир с сельджуками.

кесарь Кондратъ — Кондрат III Гогенштауфен (1094—1152), германский император в 1138—1152 гг. Переправившись с армией через Босфор, достиг Никеи и, спеша кратчайшим путем пройти в Палестину, углубился внутрь Малой Азии. Но изнуряющая жара, нехватка воды, провианта и фуража, а также беспомощность в гористой пустыне тяжелоэкипированных европейцев перед налетами конных лучников мусульман вынудили Кондрата вернуться в Никею, куда он привел едва ли десятую часть прежнего войска.

Савеллий — У Сабеллико нет; эпизод рассказан Куспинианом («О цезарях и императорах Римских», гл. «Цезарь Мануил»).

***68.* О мыши и о раковинѣ.** — Сюжет Эзопа, известен из эпиграммы Антифила Византийского (I в. н. э.).

Диогенъ — Диоген из Синопы (414—323 до н. э.), ученик Антисфена (см. № 101) и родоначальник кинической философии. Обитал, по преданию, в огромной глиняной бочке (пифосе), отвергая житейские блага и частную собственность.

...в ловитвѣ рыб утопе в мори. И тако злѣ живот свой в возжелѣнии скончa. — В «Театре» иначе: «нашел у моря осьминога, тронутого плесенью, — и оплатил лакомство жизнью» (ср. в «Дипнософистах»: «съел осьминога, заболел холерой и умер» — VIII. 341e).

Афинеусъ — Афиней (кон. II—нач. III в.), грамматик из Навкратиды Египетской. Жил в Александрии, затем в Риме. Автор трактата «Дипнософисты» в 30 книгах, из которых сохранились 15, содержащие около полутора тысяч отрывков из сочинений восьмисот древних писателей, в большинстве лишь по этим извлечениям ныне известных.

69. **О орлѣ и раковинѣ.** — Эзоп. У Гозвинского — № 57. Но в «Театре» и «Саде» фабула значительно сложнее. Виниус же предпочел традиционную версию.

...нѣкогда негодова... от красот земных. — Мотивирующая экспозиция Виниуса. В «Театре» и «Саде» ее нет.

...и снѣде. — Добавление Виниуса.

Сице человѣкомъ худороднымъ бывает, не довольствующим санами средними... — этой социальной адресации нет ни в «Театре», ни в «Саде», всего лишь остерегающих рисковать жизнью ради карьеры.

Стр. 132. *Иустиниан Второй* — См. коммент. к басне № 7.

царь Болгарский — хан Тервель (702—720 гг.).

...все, яже имяше, от него отъя. — Так в «Театре». В действительности же Юстиниан воздал высшие почести Тервелю, и болгары с большими дарами покинули город, после чего император обратился к политической мести — массовым репрессиям и террору, оттолкнув тем даже прежних своих сторонников, и летом 711 г. Юстиниан и его семья были убиты. Тогда-то Тервель, под предлогом возмездия за своего союзника, и совершил опустошительный поход на Константинополь (см.: Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1915. Т. 3. С. 289).

Куспинианъ — О цезарях и императорах Римских. Гл. «Юстиниан Младший».

70. **О кокушкѣ и коршунѣ.** — Басня Абстемия. Кашинским переведена не была.

Анаксархъ-философъ — Анаксарх Счастливый, из Абдер (IV в. до н. э.), последователь Демокрита. Сопровождал в походах Александра Македонского и написал его биографию. Однажды ядовито пошутил над Никокреном, тираном Саламиса, и тот в 323 г., после смерти Александра, схватил Анаксарха и истолок его в ступе.

Алианъ — Элиан. Пестрые рассказы. IX. 37.

71. **О ястребѣ и соловьѣ.** — Версия Абстемия (см. К-71р), но в основе — Эзоп. У Гозвинского — № 2.

Стр. 132—133. *...горькимъ рыданиемъ нача вопити и молити... «Ни, друже, не тако глаголеши...»... пощади не имутъ.* — Экспрессивные акценты Виниуса. В «Театре» нет.

Стр. 133. *...ритором своимъ к народу...* — Но в переводе, вслед немецкому оригиналу: *ритореви своему Кату.* — Марк Порций Катон Старший (234—149 до н. э.), консул 195 г., цензор 184 г., оратор и писатель. Выступая за единство римского общества, суровую простоту и обычаи предков, боролся с откровенными нарушениями законов аристократией и даже ввел закон против роскоши и порчи нравов. Но когда голодный люд потребовал неочередной выдачи хлеба, Катон, «обличая народ в роскоши и мотовстве, сказал: „Трудно говорить с брюхом, у которого нет ушей"» (Плутарх. Изречения царей и полководцев. 80. 1; также: Сравнительные жизнеописания. Гл. «Катон», 8).

72. **О змии и о человѣцѣ.** — Известна во многих вариантах; в основе — Эзоп.

...высоту чести достиг... — Решение Виниуса. Сентенции «Театра» и «Сада» без социальных акцентов и не поднимаются над темой житейской неблагодарности.

кесарь Арнулфий — Арнульф, герцог Каринтии (850—899), германский император с 887 г. В союзе с венграми начал в 893 г. безуспешную войну с Зундебальдом.

...Зундебалда, царя словенска... — Свентибольд, или Святоплук, великоморавский князь 870—894 гг. Занял престол при поддержке императора Людвига Немецкого (843—876), но затем был схвачен и вывезен в Германию.

...паки на престолъ его возведе. — Когда немецкие феодалы, в руках которых был Святоплук, попытались использовать его для подавления восстания моравских славян, он перешел к соплеменникам и победами 871—872 гг. добился признания независимости Моравии Объединив Чехию, Паннонию, Галицию и часть лужицкой земли, до конца жизни вел упорную борьбу с немцами. Опустошение же Моравии произошло уже после смерти Святоплука, когда поднялись распри меж его сыновьями.

Липрандий — Лиудпранд, епископ Кремонский (сер. X в.), посол Оттона I Великого в Византии, автор нескольких исторических работ. См. «Антаподосис» (Воздаяние), I. 13.

Стр. 134. *73.* **О человѣке и львѣ.** — В основе — Эзоп.

...возносяй ся смирится, смиряяй же ся — вознесется... — Цитата из Евангелия (Лк. 14, 11); в «Театре» ее нет, но смысл сентенции аналогичен: «кто слишком хвалится своими делами, часто в бесчестье и осмеяние попадает».

Клит, воевода Александров — друг и сподвижник Александра Македонского, брат его кормилицы Ланики. В 334 г. спас Александру жизнь в битве у Граника с армией Дария III Кодомана. В 228 г. на пиру в Мараканде (совр. Самарканд) убит впавшим в пьяную ярость Александром.

Курций — Квинт Курций Руф (I в. н. э.), римский историк, автор «Истории Александра Македонского» в 10 книгах (см. VIII. 1. 28—52 и 2. 1—6).

74. О львѣ и ослѣ и лисицѣ. — Эзоп; у Гозвинского — № 34. В печатное «Зрелище» басня не вошла, возможно, из-за ее прилога.

...моля лва, да раздѣлитъ... — Решение Виниуса. В ориг. вторичный раздел добычи поручается лисе.

Югурта — племянник Миципсы, царя Нумидии в 148—118 гг. до н. э.; усыновлен Миципсой незадолго до смерти.

Гиемпсалъ и Адерванъ — младший и старший (правильно — Адгербал) сыновья Миципсы, по смерти которого «опекавший» Нумидию римский сенат поделил страну сонаследникам. Посчитав себя обделенным, Югурта вскоре предательски убил Гиемпсала, а в 112 г. пленил, истязал и казнил Адгербала и завладел всей Нумидией, что привело к войне с Римом (110—105 гг.), кончившейся пленением и казнью Югурты голодом в подземной тюрьме.

Стр. 135. *Саллустий* — Гай Саллюстий Крисп (86—35 до н. э.), квестор 55 г. и трибун 52 г. Приверженец Юлия Цезаря, после гибели которого удалился в свое поместье и занялся историей. Источник прилога — «Югуртинская война», 11—16.

75. О львѣ и лисицѣ. — Эзоп; у Гозвинского — № 4.

...той за обычай и зло без страха творитъ, ничто же бояся. — Сентенция Виниуса — об атрофии нравственного начала, исходящей от близости к власти, тогда как в «Театре» — лишь об особых представлениях о добре и зле у властвующих. В печатное «Зрелище» басня не допущена.

Финий — В «Театре» — Фуний, и сюжет не привязан к Риму.

...близость царская — яко близость огня. — В «Театре» метафора не столь остра: «благоволение господина меняется так же скоро, как погода в апреле» (то же и в «Саде»).

Ливий — Тит Ливий (59 до н. э.—17 н. э.), римский историк и писатель, автор следовавшей нравственно-патриотическим идеалам «Римской истории от основания города», доведенной до 9 г. н. э., из 142 книг которой сохранились I—X и XXI—XLV, остальные известны по кратким изложениям более поздних писателей.

76. О лвѣ, о вепрѣ и о ястребѣ. — Басня Бабрия; в эзоповских сборниках — ее пересказ.

Аристовулъ (II) и Гирканъ (II) — младший и старший сыновья Александра Янная (см. коммент. к басне № 5), борьба которых в 60-е гг. до н. э. привела к вмешательству в нее Рима и утрате Иудеей своей независимости. Аристовул II — в 67—63 гг. царь и первосвященник Иудеи. Схваченный Помпеем, был освобожден Цезарем, но вскоре отравлен помпеянцами. Гиркан II, в 63 г. поставленный Помпеем в этнархи, впоследствии оказался пленником парфян, а по освобождении в 40 г. казнен Иродом.

Иродъ — Ирод I Великий (73—4 до н. э.), получил от римского сената в 40 г. титул царя Иудеи и принялся расправляться со своими противниками и опасными родичами. Именно ему Евангелие приписывает избиение вифлеемских младенцев при известии о рождении Христа.

Стр. 136. *Оному же Ироду ничтоже оставльше.* — Ситуация вымышленная: в недолгое примирение Аристовула с Гирканом (в 70 г. до н. э.) Ироду было всего три года (см.: Иосиф Флавий. Иудейская война. I. 5—12; Иудейские древности. XIV и XV. 6).

Савеллий. — Сабеллико. Историческая рапсодия. VI. 4.

77. О волкѣ, лисицѣ и пастырѣ. — Басня Федра («Ромул», 56), но дополненная идеей возмездия. У Эзопа нет.

...на ловли бывъ, ничто же возможе яти. — Дополнение Виниуса, оттеняющее контраст состояния персонажей и мотивирующее просьбу и поведение лисицы. В «Театре» нет.

Мусульманъ — Сулейман, причем не брат (ошибка «Театра» и «Сада»), а старший сын Баязида, в 1402—1410 гг. правивший в европейских владениях Турции.

Баязит I — Баязид Илдирим, «Молниеносный» (1347—1403), турецкий султан 1389—1402 гг., нанесший ряд страшных поражений европейским армиям. В 1402 г. разбит Тамерланом и умер в плену.

Моисей — Муса, младший из сыновей Баязида. После победы в 1410 г. над Сулейманом правил западными владениями Турции. Но в 1413 г. разгромлен средним из братьев — султаном Мехметом I Челеби (1402—1421 гг.), ставшим единовластным правителем Османской империи. Обстоятельнее история баязидов передана в «Русском Хронографе» 1512 г. (гл. 204) — см.: ПЛДР. Т. 6. С. 408—412.

Халкокондилий, книги 4. — См. коммент. к басне № 32.

***78.* О лисицѣ, о псѣ и о зайцѣ.** — Басня Абстемия «О лисице, хвалящей псу заячье мясо» (К-$67_р$).

Стр. 137. «...*Почто пса на мя навела еси?*»... «*Безумный!..*» — Дополнения Виниуса.

...*на иных налагаютъ.* — Виниус не стал переводить следовавший за басней прилог Мартина Дельрио о приключениях некоего Иоганна из Гембаха, отправившегося со своею матерью на шабаш.

***79.* О волѣ и мышѣ.** — Басня Авиана (№ 31), лишь осложненная мотивом раздувшегося величия. В основе — Бабрий (№ 112), у Эзопа нет.

Марк Антоний — По условиям второго триумвирата (см. коммент. к басне № 56) получил восточные провинции Рима и совершил в 36 г. военный поход в Мидию, достигнув ее столицы.

...*нѣкий князь Паръфъский.* — Фраат IV, сын Гирота, царь Парфии в 38—3 гг. до н. э., нападениями на тылы и коммуникации легионов Антония вынудил римлян снять осаду парфянской столицы и с большим уроном покинуть пределы Мидии.

Плутархъ — Сравнительные жизнеописания. Гл. «Антоний», 37—50.

***80.* О пификѣ и о лисицѣ.** — Федр («Appendix», 1), но включалась и в издания Эзопа.

«...*и части тебѣ дати не хощу*». — Акцент Виниуса.

Стр. 138. *Семирама* — Семирамида, или Шаммурамат, легендарная ассирийская царица, с 810 по 772 г. до н. э. правившая по смерти своего мужа Шамши-Адата IV. Античная историография объединила ее с жившей два века спустя женой Навуходоносора II, мидийской царевной, тосковавшей в Вавилоне о горах своей родины. Для нее и были устроены «висячие сады» — парк, разбитый на террасе, покоящейся на сводах дворцовых хранилищ припасов.

...*царица Вавилонская...* — Пояснение Виниуса.

Нин — имя мифического царя Ассирии, сына Бела, измысленное от названия ее столицы Ниневии (ср.: Ромул, Кий и под.).

Диодоръ — Такого эпизода у Диодора нет (см.: Историческая библиотека. II. 4 и 7), но приводится утверждение Атенея, что Семирамида вымолила у Нина на несколько дней царские регалии и самое власть, воспользовавшись которой, заточила Нина в темницу и до конца жизни царствовала сама (II. 20. 4—5). Это предание стало темой стихотворения Симеона Полоцкого «Жена» (ПЛДР. Т. 12. С. 77).

***81.* О лисицѣ и главѣ изваянной.** — Эзоп. У Гозвинского — «О лисицѣ и харѣ» (№ 10).

***82.* О елени, о овцѣ и волкѣ.** — В основе, возможно, Федр (I. 16). У Эзопа нет, но включалась в его издания.

Стр. 139. *Тациянъ Первой* — Определить не удалось.

Александр — Север Александр (208—235), римский император в 222—235 гг.

...*отдати повелѣ.* — Какие-либо источники «прилога» в «Театре» не даны.

***83.* О козѣ и молодомъ волкѣ.** — Сходный сюжет у Эзопа в баснях «Курица и ласточка», «Пастух и волчата», но конкретный источник фабулы обнаружить не удалось. Ср. преломление того же мотива у И. А. Крылова — «Лань и Дервиш» (3. XIX).

...*от глада погибающа: Обаче милосердова о немъ... и отгна его от себе.* — Добавления Виниуса.

...добро творятъ таковии, иже врагомъ своимъ благодѣяния творятъ. — См.: Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

...врагъ твой... не воспомянет к тому благодѣяния твоего. — Напомнив вслед оригиналу известное наставление Евангелия, Виниус существенно корректирует его.

Антоний Каракалла — см. коммент. к басне № 31.

Цилонъ — консуляр, префект Рима, затем воспитатель и «названный отец» Каракаллы, пытавшийся примирить его с братом Гетой (см. коммент. к басне № 89), за что мстительный Каракалла и приказал расправиться с Цилоном. Однако на защиту Цилона поднялось городское население и солдаты — и напуганный император тут же освободил и обласкал своего «отца» и наставника, а на казнь отправил тех, кто всего лишь исполнял приказ Каракаллы (Дион Кассий. Римская история. LXXVIII. 4. 2—5).

В «Житии кесарей» — Т. е. «Истории Августов», — решение Виниуса. В «Театре» и у Вондела источник не назван.

***84*. О котѣ и петелѣ.** — Эзоп; у Гозвинского — № 5.

«О окаянне многоженецъ и любодѣй!...» — В «Театре» же и в «Саде» петух обвиняется не в распутстве, а в кровосмесительстве.

...иже правды слышати не хотят. — Акцент Виниуса. В «Театре» нет.

Стр. 140. *...славный мучитель Дионисий Сикулус.* — Сицилийский тиран Дионисий Старший (см. коммент. к басне № 52). В списках III вида: *злославный.*

Регио — Регий (совр. Реджо-ди-Калабрия), город на восточной стороне Мессинского пролива. В 387 г. взят Дионисием Старшим.

Диодоръ, книги 14. — Историческая библиотека. XIV. 106—108 и 111—112; ср.: Фронтин. Стратегемы. III. 4. 3.

***85*. О котѣ и о мышахъ.** — Басня Федра (IV. 2), но в основе Эзоп. Несколько иная версия в переводе Гозвинского (№ 25).

Сице скудость — во умышлении зѣло есть претружше изобильства... — В печатном «Зрелище» этот мотив снят.

...надѣющеся на свое богатъство, — обнищаваютъ. — Вставка Виниуса.

Такий лукавый котъ... — Текст прилога Виниусом сокращен вдвое.

Митридатъ (перв. пол. IV в. до н. э.) — сын Ариобарзана, сатрап Ликаонии. Инсценировав в 362 г. поддержку Датама, завлек мятежного полководца на переговоры и предательски заколол его.

царь Понтийский — Ошибка Виниуса, отождествившего Митридата, сатрапа Артаксеркса II Мнемона, с его младшим родичем, тоже Митридатом, но сатрапом Артаксеркса III Оха, после гибели Оха ставшего первым царем Понта (337—302 гг. до н. э.).

Дамат — Датам (Датис — у Геродота), сын Камисара, персидский полководец первой трети IV в. до н. э., сатрап Каппадокии (центральной области Малой Азии). Оклеветанный перед Артаксерксом II Мнемоном, объявил о своей независимости и успешно боролся против армий, посланных для его уничтожения. (См.: Корнелий Непот. О выдающихся полководцах иноземных народов. XIV. «Датам», 10—11; Полиен. Стратегемы. VII. 29. «Митридат»).

Артаксеркс — Артаксеркс II Мнемон (см. № 59).

...под ризами сокровенное. — В «Театре» (как и в списках III вида) нет. Оружие было заранее припрятано Митридатом на месте переговоров. Но сокращения рассказа требовали компенсации хотя бы коротким пояснением, и оно было дано.

Стр. 141. *86*. О псѣ старомъ и о ловцѣ. — Басня Федра (V. 10). У Эзопа нет.

...службы служит великия... — Акцент Виниуса.

...вельможа Марко Катонъ (в списках III вида — *сенатор Марко Катон*) — крупный землевладелец, неразборчивый в истоках наживы, расчетливый и жестокий хозяин, Катон Старший составил трактат «О сельском хозяйстве», в котором делился опытом, как он выжимал силы рабов, экономил на их содержании и сеял меж ними рознь, не допуская их сплочения и объединенного протеста, а «выжав из рабов, словно из вьючного скота, все соки, к старости выгонял их вон и продавал» (Плутарх).

...пищу и одежду даяше имъ изобилно. — В «Театре»: «имели хорошее содержание», что также далеко от исторической реальности.

Плутархъ. — Сравнительные жизнеописания. Гл. «Марк Катон», IV—V. (См. также коммент. к басне № 71).

***87.* О земледѣлателѣ и псах его.** — Эзоп; у Гозвинского — № 20.

Петелиа — город на Ионическом побережье Южной Италии, измором взятый в 211 г. до н. э. Ганнибалом.

...из града избѣжаша... — «Осажденные карфагенянами петилийцы из-за голода выгнали из города родителей и детей, а сами ⟨...⟩ выдержали 11-месячную осаду» (Фронтин. Стратегемы. IV. 5. 18; ср.: Полибий. Всеобщая история. VII. 1. 3).

Фронтиний — Секст Юлий Фронтин (30/40—103/105), римский политический деятель, военачальник и администратор, топограф и гидротехник, ученый и писатель, автор книги «Стратегемы» (84—88 гг.).

Стр. 142. *88.* О вельбудѣ, о ослѣ, о волѣ и катырѣ. — У Эзопа нет.

Нѣкогда сии собрашася... — Такая же отсылка (Diese vier Thier haufft kamen) к заглавию и в «Театре», тогда как Вондел начинает с портретного представления персонажей.

...лютое от человѣкъ подъемлют биение; «...и аще господинъ мой мя начнет принуждати, то начну противитися и битися, дондеже оставитъ мя». — Виниус, концентрируя конфликт, заостряет протест, дабы затем указать на его тщетность, чего нет у Саделера и Вондела.

«...И аще не будемъ работати, учнут нас бити и к тому не кормити». — Ни в «Театре», ни в «Саде» такого мотива нет.

Сице граждане римския... — В прилоге — рассказ о первом массовом гражданском неповиновении римских простолюдинов, в 494 г. (по Диодору — 470) до н. э. покинувших город и удалившихся на Священную гору, вынудив тем патрициев к ряду уступок, в частности, согласию на избрание плебеями своих носителей высшей власти — «народных трибунов».

«Вы же пребываете в покое». — В списках III вида: *«Вы же праздни пребываете».*

«...яко и прочии». — В «Театре» — «как патриции».

...паки в работу, якоже и прежде, принудишася. — Виниус, искавший согласия верхов и низов, полярно изменил конец немецкого текста, по которому плебеи, несмотря на уговоры патриция Менения Агриппы, «были упорны и не отказывались от своих намерений».

Ливий. — Римская история от основания города. II. 32—34.

***89.* О пификахъ.** — В основе Бабрий — «Пляшущие обезьяны»; тот же сюжет дважды встречается у Лукиана («Рыбак», 36, и «Оправдательное письмо», 5). Позже вошла в сборники Эзопа.

Сии... — Этого включения заглавия в текст рассказа в «Театре» и в «Саде» нет.

...разсыпа имъ орѣхи... — В «Театре» иначе: обезьяны сами бросаются к зрительнице, которая лакомилась орехами (а в «Саде» еще и приводят в непристойный беспорядок её платье, изрядно потешив окружающих).

...яко же выше сего рекохомъ... (а именно — в прилоге басни № 83), — отсылка, свидетельствующая об отношении Виниуса к тексту «Зрелища» как целому.

Стр. 143. *...а не по наукамъ.* — Акцент списков II вида; ни в «Театре», ни в переводе Виниуса его нет.

...брата своего единороднаго... — В «Театре» (и в «Саде»): seinen Bruder Getam. Гета (189—212) — младший брат и соправитель Каракаллы, по приказу Каракаллы убитый на глазах матери.

Свидий — Свида, так традиция именует составителя византийского энциклопедического «Лексикона» конца X в., а равно и самый лексикон, отчасти восполняющий сведения об античности. См.: Свида. Лексикон. Статья «Антонин».

***90.* О ластовицѣ и о человѣкѣ, изгубившемъ имѣние свое.** — Эзоп.

Албиадъ — определить не удалось.

Плутархъ — возможно, ссылка фиктивна.

***91.* О ловцѣ и о рябцѣ.** — Версия из сб. «Басни философа Синтипы», но в основе — Бабрий, 138.

Стр. 144. *«...роду своему невѣренъ еси...» и емъ, уби его.* — Акцент Виниуса.

...аще кто брату своему яму ископаетъ, самъ в ню прежде впадаетъ. — Широко известная цитата из Библии (Пс. 7, 16; 56, 7; Притч. Сол. 26, 27; Еккл. 10, 8; Сир. 27, 29); у Саделера ее нет вообще, у Вондела иначе: «На плечи вероломного ляжет проклятие, покушающегося на убийство постигнет возмездие».

Антиох — Антиох VII Эвергет Сидет (154—129 до н. э.), царь Сирии в 138—129 гг., третий муж Клеопатры Теи (см. коммент. к басне № 6). Погиб в Мидии в бою с парфянами.

Трифон — Диодот Трифон (сер. II в. до н. э.), сирийский полководец. Поддерживал династические права малолетнего Антиоха VI Эпифана Диониса (147—139), но в 142 г. сам узурпировал сирийский престол. Потерпев в 139 г. поражение от Антиоха Сидета, кончил жизнь самоубийством.

Фронътиний. — Фронтин. Стратегемы. II. 13. 2; также: Юстин. Всеобщая история. 36. 1. 8.

***92.* О алекторѣхъ и рябцѣ.** — Эзоп; у Гозвинского — № 9.

...в великой обидѣ сущу и печали живущу... — В «Театре» и в «Саде» участь рябчика означена конкретнее: петухи его «всюду гоняли» (hin ubd wider treiben) — у Саделера и «непрестанно клевали» (verpickten) — у Вондела.

Ромул — мифический основатель и первый царь Рима. Легенды о рождении, возвышении и правлении Ромула — у Ливия и Плутарха.

Виргилий — Публий Вергилий Марон (70—19 до н. э.), крупнейший римский поэт, автор «Энеиды», в которой есть несколько стихов о капитолийской волчице и похищении сабинянок (VIII. 630—641). Но в «Театре» — «комментаторы Вергилия», — возможно, Сервий, римский грамматик кон. IV—нач. V в., составивший подробнейший, позднее расширенный, комментарий к произведениям Вергилия.

Стр. 145. *93.* О ловцѣ и журавляхъ. — В «Театре» и «Саде» — аист (Storch, Oijevaer), как у Эзопа и Бабрия. Решение Виниуса разрушает конфликтный стержень, ибо журавли действительно кормятся и побегами злаковых, тогда как аисты — только мелкой живностью.

В нощи же той... — В «Театре» и «Саде» нет: аист, как и журавль, дневные птицы.

Сораний — Сервелий Барея Соран (нач. н. э.—66), римский политический деятель, консул-префект 52 г., историк. Был обвинен в причастности к стоической оппозиции и осужден вскрыть вены (Тацит. Анналы. XVI. 21, 23 и 30—33).

Сенека — Луций Анней Сенека Младший (4 до н. э.—65), писатель, философ-стоик, жизнь которого, «первого интригана при дворе Нерона» и одного из богатейших ростовщиков своего времени, мало соответствовала его философии. Приглашенный Агриппиной Младшей в наставники 11-летнего Нерона, Сенека вершил государственными делами, пока не утратил влияния на своего воспитанника. Позже обвинен в заговоре Пизона и по приказу Нерона вскрыл себе вены.

Ксифилиний — Иоанн Ксифилин (XI в.), византийский монах, племянник и тезка патриарха Иоанна VIII (1064—1075 гг.). По поручению императора Михаила VII Дуки составил компилятивные выписки из «Римской истории» Диона Кассия.

***94.* О волкѣ и овцѣ.** — У Эзопа нет.

...преиде и скрыся до нощи. — Текст не слишком внятен, а в «Театре» и «Саде» вообще иначе: у Саделера хищника пришибла подпиравшая дверь балка; у Вондела — волк с ходу налетел на обратный мах захлопывающейся за овцой двери.

Во храмине той... спасеся. — Резюме Виниуса.

...Тита Веспасианова... — Но в немецком оригинале «Тит и Веспасиан».

Иосиф Флавий — Иудейская война. VI. 4. 4—7; 5. 1; также: Фронтин. Стратегемы. I. 1. 17.

Стр. 146. *95.* О Юпитерѣ и о змии. — Эзоп.

Молниодержецъ Юпитер... созва протчия клевреты своя. — В списках III вида — *созва всѣх богов* (как в «Театре»), тогда как в «Саде» — живописный перечень небожителей, их атрибутов и спутников. В печатном «Зрелище» определения *молниедержец* нет.

Того ради ю от себе отгнати повелѣ. — Развязка Виниуса, в оригинале нет.

...тако, аще кто хощетъ дары от кого прияти, да хранится яда лукаваго в тѣх сокровениихъ. — Странное переключение от сакрально-культового к мирскому. В «Театре» и «Саде» нет.

...Александру-царю. — Александру Македонскому, в оригинале Александр Великий.

...великия дары принесоша ему. — Свадьба Александра Македонского и Статиры, старшей дочери уже погибшего Дария III, со сказочным размахом праздновалась в 324 г. в Сузе. На тех же празднествах в брак с уроженками Азии вступали 92 ближайших сподвижника Александра и 10 000 македонских воинов.

...глаголя предстоящимъ ему: «В сих дарѣх яд смертный сокровенъ есть». — Вся концовка Виниуса. В «Театре» и «Саде» нет.

Афиней. — См. коммент. к басне № 68.

***96.* О Юпитерѣ и о пчелѣ.** — В основе — Эзоп, но версия Бабрия (183) — ближе.

град Самарийский — Самария, поселение в древней Палестине, в полусотне километров к северу от Иерусалима, и область того же названия.

Лука. — 9, 52—56.

Стр. 147. *97.* О конѣ украшенномъ и вепрѣ. — Басня Абстемия «О коне с вепрем» (К-36р).

...ругася ему. — В «Театре» и «Саде», как и у Абстемия, завязка иная: свинья, увидев снаряженного на битву коня, сожалеет о его участи, на что конь и разражается заносчивой бранью.

Фемистоклъ — см. коммент. к басне № 44.

...Адиманту-ипату. — Адимант, коринфский адмирал, герой Саламинской битвы 480 г. до н. э.

Дарий, Перский царь — Дарий I, сын Гистаспа (см. коммент. к басне № 38), направил в 490 г. против Афин отборное 5-тысячное войско, потерпевшее поражение от афинских ополченцев.

Плутархъ — изречения царей и полководцев. Гл. «Фемистокл», 4, — с репликами в эллинском духе: Адимант: «Срывающихся на старте — бьют». Фемистокл: «Замешкавшийся останется без награды».

***98.* О конѣ и ослѣ.** — Басня Бабрия; в эзоповских сборниках — ее пересказ. У Гозвинского — № 54.

...Дионисий-мучитель... — Дионисий Младший (395—343 до н. э.), сын и преемник Дионисия Старшего, сиракузский тиран в 367—357 гг. Будучи свергнут, он, при поддержке демократов, в 347 г. еще раз захватил власть, но в 344 г. был свергнут Тимолеонтом и сослан в Коринф, где, по преданию, скоморошничая, жил подаянием.

Стр. 148. *Алиан.* — Элиан. Пестрые рассказы. VI. 12 и IX. 8; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Тимолеонт», XIII—XV. Но в «Театре» 1608 г. история Дионисия Младшего сопровождала басню «Об осле и гордом коне», от перевода которой Виниус отказался (у Вондела — № 121).

***99.* О индийскомъ петухѣ и петелѣ.** — В списках III вида: «О индийском и немецком петухах», как в «Театре»: «Vom Indianischen und Teudschen Han». У Эзопа такой басни, с открытым осуждением ксенофобии, нет.

Нѣкий петелъ... — В списках III вида: *Нѣкий петух немецкий*; то же в «Театре»: Ein Teutschen Han.

...гордостию непрестанно надымающася зѣло на нь... — Так в большинстве списков и в печатном «Зрелище». И все же вероятнее, что это чья-то ранняя (мотивирующая конфликт, однако никак не вяжущаяся с басенной сентенцией) вставка. В списках III вида ее нет, а в «Театре» — и вообще прямо противоположное: «он пришел с миром и дружбой».

Гаваониты — жители древнего палестинского города Гаваона, километрах в 16 к северу от Иерусалима.

Левиты — потомки Левия, третьего сына Иакова, составлявшие у израильтян касту низших священнослужителей.

Левиту едва отбѣжати могущу. — Виниус убрал гнусные подробности эпизода.

Книги Судей — Книга Судей Израилевых 19, 12—28.

***100.* О полевой и о градской мыши.** — Ближе других басня Федра («Ромул», 15). В эзоповских сборниках — пересказ версии Бабрия.

...нача за ними гонити... еле живу остави утекшу. — Ни в «Театре», ни в «Саде» этой драматической сцены нет.

Стр. 149. *...лакомый Апиций...* — Марк Габиний Апиций, римский гурман времен Тиберия, растративший огромное состояние на пиры, где подавались изощреннейшие блюда; когда же от прежних богатств осталось лишь несколько миллионов сестерций (около полумиллиона серебряных рублей), отравился, «дабы не умирать с голода».

...в Минтирскую страну... — Минтурн, город на западном побережье Средней Италии, недалеко от устья реки Лири.

Сенека. — О счастливой жизни. XI.

101. **О старомъ человѣцѣ и о смерти.** — Эзоп. У Гозвинского № 18 и 143. В печатное «Зрелище» не вошла, возможно как дублирующая фабулу «Эсоповых притчей» № 4.

...по вся дни живота своего... возжелѣ лутче умрети, неже в такихъ трудах жити... — Сетования на пожизненный непосильный труд внесены Виниусом.

Антистен-философ — Антистен из Афин (ок. 450—365 до н. э.), основатель школы киников, учитель Диогена из Синопы. Полагал добродетель в труде и внутреннем самообладании, проповедуя презрение к богатству и роскоши как иллюзиям глупцов.

Диогенъ — см. коммент. к басне № 68.

Лаиртий — Диоген Лаэртский (кон. II—нач. III в.), составитель обширной компиляции «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» в 10 книгах, богатой материалами и сведениями (нередко курьезно-анекдотического и парадоксального характера) из утраченных позже источников. Рассказанный эпизод — VI. 1.

102. **О елени пияной.** — У Эзопа нет.

...Цереси. — Церера, римская богиня земледелия и хлебных плодов; но здесь — синоним объедения, чревоугодия.

Стр. 149—150. *...какие плоды посемъ от таковыхъ наслѣдуемъ?... и прочимъ подобнымъ симъ.* — Сентенция Виниуса с традиционным для русской книжности осуждением духовных, нравственных и социальных последствий пьянства (ср. «Предисловие»), тогда как у Саделера — предостережение об ущербе здоровью, а у Вондела — и кошельку пьяницы.

Стр. 150. *Сего ради подобаетъ... воздержаниемъ себе хранити.* — Ни у Саделера, ни у Вондела этого предписания нет.

...достиже до страны Кампанейской... — Кампания, область на западном побережье Южной Италии, славившаяся плодородием, маслиновыми рощами, виноградниками. Зимовка 216—215 гг. в Кампании оказалась роковой ошибкой Ганнибала: бездействие и роскошь подточили мужественный дух, дисциплину и закалку воинов. «В Капую на зимовку он привел одно войско, а вывел его другим» (Ливий. Римская история от основания города. XXIII. 45. 2—6).

Плутархъ — отсылка, по-видимому, ошибочна либо фиктивна.

103. **О дву путницѣх и о медвѣдю.** — Эзоп

И во утверждение купно меж себе братство сотвориша. — В «Театре» нет.

И не точию, аще на тя бѣда, но аще той благоденствие и славу обрящетъ, и тогда тя знати не хощетъ и тя воспроситъ: «Кто еси ты?» — Дополнения Виниуса.

...ипатъ Алцибиадъ — см. коммент. к басне № 62.

Стр. 151. *...нѣкоего Каллия.* — По-видимому, Каллий Богатый (ок. 450—370 до н. э.), представитель знатного афинского рода, сын Гиппоника, шурин Алкивиада, ученик софистов, друг Сократа (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Алкивиад», XIII).

...лестных обрете. — В издании 1712 г.: *лестных отверже от себе.*

Полиний. — Полиен. Стратегемы. I. 40. «Алкивиад».

104. **О волкѣ со своими свидѣтели на овцу.** — У Эзопа нет.

...великим кламством... — В большинстве списков: *великими клятвами.*

Но горе таковымъ... ибо сами тяжкий суд от Господа Бога восприимутъ. — Эмоциональное решение Виниуса. В списках I вида — *такий суд.*

Югурта со Адербаломъ. — См. коммент. к басне № 74.

...брата его... — Т. е. Гиемпсала (см. коммент. к басне № 74).

Салюстий. — Югуртинская война. 13—16.

***105.* О ослѣ и о трехъ господиех его.** — Эзоп. У Гозвинского — № 41.

Посемъ оселъ данъ бысть кожевнику... — В «Театре» 1608 г. последовательность владельцев иная: кожевник был вторым, тогда как третьим — «свинцовых дел мастер». Судя по «Саду» Вондела, традиционная последовательность восстановлена переизданием «Театра».

Стр. 152. *«Пребуду же у сего, да не злѣйше мнѣ будетъ!»* — Решение Виниуса: у Саделера и Вондела нет.

И потомъ, раскаявшеся, в недоумѣние и во отчаяние впадают, проклинающе свое непостоянство. — Дополнения Виниуса, в «Театре» нет.

Дионисий Юный — Дионисий Младший (см. коммент. к басне № 98).

«Да во благополучении пребудеши на долгия лѣта!». Он же вопроси ю о винѣ глагол сих. — Этого парадоксального пожелания нет ни в «Театре», ни в «Саде», однако оно присутствует в подобном же рассказе «О держателе злобнем» в «Фацециях», где сюжет не привязан к каким-либо историческим лицам и завершается христиански просветленным преображением тирана: «Слыша сие, оный держатель в страх Божий прииде и нача добродетелно жити» (См.: Державина О. А. Фацеции. М., 1962. С. 54 и 112).

Возможный источник прилога — Валерий Максим. Слова и дела, достойные упоминания. VI. 22.

***106.* О козлѣ и о лисицѣ.** — В основе — басня Эзопа, но с заменой колодца на винный погреб. У Гозвинского — № 3.

...козлову безумству посмѣяся... — В условиях 1674 г. Виниус убрал из басни осмеяние бороды как свидетельства степенной мудрости и почтенных достоинств и отказался от прилога Мартина Дельрио на тему «седина в бороду — бес в ребро».

В печатное «Зрелище» басня не вошла: лишенная прилога, она дублировалась в «Эзоповых притчах» 1712 г. (№ 38).

Стр. 153. *107.* О медвѣде и о пчелах. — Басня Лоренцо Абстемия (К-$28_р$).

...скончаваютъ. — Виниус опустил следовавшее далее продолжение рассказа Геродота о грабителях пирамид (см. № 51).

***108.* О женѣ и о курицѣ.** — Бабрий (123), но в основе — Эзоп. У Гозвинского — «О курицѣ златородной» (№ 132). В издание 1712 г. не включена — возможно, из-за ее прилога.

убогая жена — повествовательный стереотип. В «Театре» 1608 г. нет, у Вондела же нищенка только-только заполучила удивительную несушку.

Дионисий-мучитель — Дионисий Младший (см. коммент. к басне № 98).

...данми подданных своих... — В списках III вида: *данию холопей своих.*

Плутархъ — Сравнительные жизнеописания. Гл. «Тимолеонт», XIII—XV.

***109.* О львѣ, о коровѣ, о овцѣ и козлѣ.** — Басня Федра (I. 5), в основе сюжет Эзопа (см. № 74). В «Театре» и «Саде» в числе персонажей нет козла, прибавленного (вслед Федру) Виниусом, чтобы изначально мотивировать раздел добычи на четыре доли.

...на ровныя части... — В «Театре» нет.

Стр. 154. *...о марниях...* — Только в списках II вида; в остальных — *о лихоимцах.*

В «Житии кесарей». — Т. е. в «Жизнеописании двенадцати цезарей» Светония (гл. «Калигула», 38. 2).

***110.* О горѣ, хотящей родити.** — В основе — Федр (IV. 24). У Эзопа нет, хотя басня и включалась в издания его сборников.

Агесилай, царь Греческий — Агесилай II (442—358 до н. э.), царь Спарты в 399—358 гг., искусный дипломат и стратег, всегда и всюду стремившийся служить политическому и военному престижу родины. По приглашению Тахоса командовал наемниками, но, когда против Тахоса выступил его родич Нектанеб, Агесилай, по решению старейшин Спарты, принял сторону Нектанеба.

Тахусъ — Тахос, царь Египта в 363—361 гг. до н. э. Возглавил восстание против Артаксеркса II Мнемона, но, низложенный Нектанебом, бежал к тому же Артаксерксу, который простил его.

«...и роди мышь». — Прилог не отвечает историческому преданию: египтян шокировал неказистый вид низкорослого и хромого Агесилая, простота его обращения и непритязательный на-

ряд. На недоумение встречающих Агесилай ответил, как бы подхватывая расхожую пословицу: «Но эта мышь покажет вам, как сражаются львы».

Источник прилога — Афиней. Дипнософисты. 14, см. также: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Агесилай», 36.

Стр. 155. ***111.*** **О зайцахъ и о жабахъ.** — Эзоп. У Гозвинского — № 53.

...преидоша на зайцов пси... во ину страну отбѣгоша. — Судя по тексту «Сада», столь драматичная завязка принадлежит переизданию «Театра». В издании 1608 г. завязка проще: «Захотелось зайцам напиться».

И совѣтъ сотвориша... во блатину себе ввергнутъ... во блатину воврещися... — Этого традиционного намерения зайцев утопиться (Эзоп, Федр, Бабрий) нет ни в «Театре», ни в «Саде».

...кесарь Клавдий. — См. коммент. к басне № 55. Чудаковатый, третируемый родичами (что спасало от подозрительности Калигулы) Клавдий не готовился к государственной деятельности. Но возведенный на 51-м году жизни на трон преторианцами, энергично занялся хозяйственно-экономическими, политическими и правовыми делами и скоро столкнулся с аристократической оппозицией и попытками вооруженного бунта. Болезненно недоверчивый, он тем не менее подпадал под влияние своих фаворитов и жен, последняя из которых Агриппина Младшая (продвигая к трону Нерона, своего сына от предыдущего брака) и отравила Клавдия (см.: Светоний. Жизнеописания двенадцати цезарей. Гл. «Клавдий», 35).

Савеллий. — Сабеллико. Историческая рапсодия. VII. 2.

112. **О слонѣ и о змии.** — У Эзопа нет.

Нѣкогда шествующу слону в пустыни... — Экспозиция Виниуса, в «Театре» нет.

...соизволяютъ лучше умрети с неприятели своими, нежели въ гонении жити, и своею смертию купно врагов своих погубляти. — Ни у Саделера, ни у Вондела (присоединившего к сентенции рассказ об охотнике и серне — см. № 118) этого утверждения нет.

Стр. 156. *Сампсонъ* — Самсон, библейский герой борьбы иудеев с филистимлянами, наделенный неуемной силой.

...филистиномъ. — Филистимляне — народ юго-восточного побережья Средиземного моря (откуда — «Палестина»), многие века ведший борьбу с иудеями.

...пишетъ в «Книгах Судей Израилевыхъ». — Вместо изложения предания (как в «Театре» и «Саде») Виниус отсылает к источнику.

113. **О петелѣ, обрѣтшемь камень драгий.** — Федр (III. 12); у Эзопа нет.

Басня интересна включением в перевод и соседством двух совершенно разноплановых интерпретаций и полярных оценок поведения персонажа. Примечательна басня и для истории самого «Театра», ибо в издании 1608 г. примера Кратета из Фив нет. появился он, судя по «Саду» Вондела, лишь в переиздании «Театра» (пока не обнаруженном).

...иже себе украшаютъ, домашния же своя раби гладомъ и хладомъ морятъ. — Ни в «Театре», ни в «Саде» этого акцента нет.

...в Перу и в Японии народи творятъ. — Исправлено по спискам I вида. В публикуемом же списке текст испорчен: *...в пиру истиннѣмъ народѣ творятъ.*

Кратесъ-философ (в списках III вида — *Сократ*). — Кратет из Фив (ок. 360—270 до н. э.), ученик Диогена Синопского. Обратив свое имущество в деньги (что составило около 300 пудов серебра), распределил их между согражданами (по версии Диокла Магнесийского — II—I вв. до н. э., — бросил в море). Сам же, вместе со своей последовательницей и подругой Гиппархией, вел жизнь странствующего нищего (см.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VI. 85—88).

114. **О львѣ, и петелѣ, и ослѣ.** — Эзоп; у Гозвинского — № 62.

Цымбри — Кимвры, древнегерманское племя. В конце II в. до н. э. кимвры, в союзе с тевтонами, вторглись в Северную Италию и в 101 г. в битве при Верцеллах (совр. Верчелли) почти полностью уничтожены Марием.

Стр. 157. *Фронтиний.* — Фронтин. Стратегемы. II. 2. 8; также: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Марий», 26.

115. **О черепахѣ и зайцѣ.** — Эзоп.

...(подобает) не славою к совершению приводити. — Ни в «Театре», ни в «Саде» этого остережения от похвальбы нет.

Ганибал; Фабий Максимий — см. коммент. к басне № 42.

...вождь воинства римского. — Пояснение Виниуса, возводившего в полководческие заслуги Фабия то, что исходило из сознания Фабием скромности своего таланта: «Фабий предвидел неизбежное поражение в решительной битве» (Полибий. Всемирная история. III. 89. 6—9; также: Фронтин. Стратегемы. I. 33), — и старательно избегал такого сражения, рассчитывая на постепенное истощение армии Ганнибала, полтора десятилетия опустошавшей Италию, но отрезанной морями от Карфагена.

В «Житии Фабии». — Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Фабий Максим», II, V, XIX; также: Ливий. Римская история от основания города. 22. 12. 6—12.

116. **О ослѣ, носящем пищу.** — У Эзопа нет.

А тунеядцы выну во изобилии пребывают. — Особо резкое дополнение II вида.

Стр. 158. *Кесарь Валериянъ* (191—269) — римский император в 253—260 гг. Завлеченный на переговоры персами, предательски схвачен и обращен в рабство. Умер в плену в Сузе.

Сапор — Шапур, сын Ардашира Бабегхана, царь Персии в 239—270 гг., известный своими войнами с Римом.

...аще носяше имя цесарское... — Контрастно оттенив унизительную участь прежнего цезаря, Виниус не стал говорить о работах, наказаниях и пище обращенного в раба Валериана.

Савеллий. — Сабеллико. Историческая рапсодия. VII. 7.

Темир-Аксакъ — Тимур-е-Ленг, или Тамерлан (1336—1405), жестокий завоеватель, громоздивший пирамиды из человеческих черепов. В 1402 г. в битве при Ангоре (Анкаре) разбил османов и взял в плен *Баязида* (см. коммент. к басне № 77). Прилог добавлен Виниусом, но в известной на Руси «Повести о Темир-Аксаке» (см.: ПЛДР. Т. 4. С. 230—243) этих сведений нет.

117. **О бабрѣ и ловцѣ.** — Не Эзоп. В книге Вондела нет.

Сице прельщаются мнози от Диавола. Ибо той уловляетъ человѣческия души, метая имъ по пути мира сего богатства, чести, саны... — В «Театре» сентенция более частного порядка — о пронырах, ложным блеском влекущих к гибели души благочестивых.

Амазий, царь Египетский. — Амасис II, последний выдающийся фараон (570—526 до н. э.), добившийся укрепления военных и дипломатических позиций Египта накануне вторжения персов.

Камбис, царь Перский — Камбис II, сын Кира Старшего, царь Персии в 529—522 гг., через полгода после смерти Амасиса завоевавший (подкупом греческих наемников фараона) Египет.

И тако от Камбиса убѣже. — У Геродота («История», III. 1) интрига предания иная: Камбис, рассчитывая на отказ как повод для конфликта, просил в жены дочь Амасиса, который, ненавидя, но и опасаясь персов, отправил Камбису дочь прежнего царя Априя. Этот обман и стал предлогом для войны.

118. **О козѣ горской и ловцѣ.** — Не Эзоп. У Вондела басня включена в сентенцию притчи «Дракон и слон» (см. № 112), а прилог опущен.

«Лучше мнѣ аще и умрети, однако же мстити могу врагу своему, да некако убиетъ мя и возрадуется погибели моей». — Довольно красноречивое решение переводчика; в «Театре» нет.

Стр. 159. *Кай Луций... именем Плота...* — Подобного эпизода и лиц у *Валерия* Максима обнаружить не удалось.

119. **О единороге и о малой птицѣ.** — Не Эзоп. В книге Вондела нет.

...единорогъ. — Фантастический зверь вроде лошади или оленя с острым рогом на лбу.

Тѣмъ научая... — Виниус опустил исходную посылку сентенции «Театра» 1608 г.: «Красота, искусность, богатство и власть ставятся очень высоко в этом мире», передав только ее антитезис.

Кресъ богатый — Крез, легендарно богатый царь Лидии (560—546 до н. э.), был разгромлен Киром II Старшим и, по греческим источникам, стал данником персов, а по клинописным — казнен.

Солонъ (638—584 до н. э.) — афинский законодатель и поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции. Путешествовал по Ближнему Востоку в 594—584 гг., за два с половиной десятилетия до воцарения Креза, и не мог бывать при его дворе. Предание об их встрече см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Гл. «Солон», 37—38; Геродот. История. I. 29—33; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. I. 50—51.

120. **О риноцѣръ и слонахъ.** — Не Эзоп. В книге Вондела нет.

Он же вспять не возвратися и отбѣжати от него не восхотѣ... «живота своего не соблюл?»... с клевреты своими купно... срамно тѣх оставя... — Акцентные интерполяции Виниуса. В «Театре» нет.

Стр. 160. *Миций Скавола* — Гай Муций Сцевола («Левша»), римский юноша, пробравшийся в лагерь осаждавших Рим этрусков, чтобы убить царя Порсену (кон. VI в. до н. э.). Схваченный стражей, в знак презрения к ожидавшим его пыткам, положил на раскаленные уголья правую руку и не издал ни звука, когда тлела его рука. Потрясенный мужеством юноши, Порсена снял осаду и заключил мир с Римом.

Ливий. — Римская история от основания города. II. 12.

121. **О кораблѣ и китѣ.** — Не Эзоп. В книге Вондела нет.

...Римский цесарь Никифоръ... — В списке: *нѣкий Римский цесарь.* Никифор I, византийский император в 802—811 гг. Стремясь укрепить государственные финансы, вел жестокую налоговую политику, а также отказался платить дань Багдаду. Однако поражение 804 г. во Фригии при Красе вынудило Византию вновь стать данницей халифата. Погиб Никифор, попав в засаду болгарского хана Крума.

Перский царь — Так в «Театре»; в действительности же это багдадский калиф, известный Гарун аль Рашид (786—809).

...по 30 000 златицъ. — В списке — *1000.*

Источник: Куспиниан. О цезарях и императорах Римских. Гл. «Цезарь Никифор».

122. **О волѣ и лисицѣ.** — Не Эзоп. У Вондела этой басни нет.

...величества своего ради тѣла возгордѣся... мняше бо никоего себѣ подобна быти. — Мотивирующие интерполяции Виниуса.

Иулий Цесарь — см. коммент. к басне № 60.

...себе диктатора сотвори... все, еже восхотѣ, творяше... — В немецком тексте нет, а политические мотивы возмездия заслоняла опущенная Виниусом личная неприязнь посыльного.

...сенаторевъ римских... всѣх сенаторевъ... прочих сенаторов. — В списках III вида — *бояр.*

Стр. 161. *Цымбр* — Луций Тиллий Кимбр, заговорщик, подавший условный знак к нападению на Цезаря.

Брутон — Марк Юний Брут (84—42 до н. э.), римский политический деятель, в Фарсальской битве 48 г. сражался на стороне Помпея (см. коммент. к басне № 60) против Цезаря и тем не менее пользовался его благосклонностью. В 44 г. — один из руководителей заговора против Цезаря и его убийца; в 42 г. разгромлен Антонием при Филиппах и кончил жизнь самоубийством.

Светоний. — Жизнеописания двенадцати цезарей. Гл. «Божественный Юлий», 76—82.

123. **О котѣ индийскомъ.** — В «Театре»: «О мускусной кошке» (т. е. виверре енотовой); у Вондела нет. Не Эзоп, но ср. басню «Бобр» у Гозвинского (№ 29).

...одержима недугомъ... — В немецком недомогание названо определенней.

...совѣтъ приятъ от врачев... — Вставка Виниуса.

...коти оного улови. Его же уби, желаемое получи. — В «Театре» зверок, из опасения потерять свободу и жизнь, сам уступает просьбе женщины.

...всякия помощи лишается и в вящия бѣды впадаетъ. — В «Театре» только оценочное: «тот недостойный человек».

Демоцидий — Демокед из Кротона (VI в. до н. э.), знаменитый врач древности. Оказавшись в плену у персов, утаил свое искусство, а когда оно открылось, лишь под угрозой плетей при-

нялся за врачевание *Дария* I Гистаспа (см. № 97). Благодарность и дары царя были огромны. Впоследствии, положившись на слово Демокеда вернуться, Дарий отпустил его побывать на родине. Но Демокед не вернулся (Геродот. История. III. 129—130).

Свидий — Свида. Лексикон. Статья «Демокед».

***124.* О курицѣ и ястребѣ.** — Не Эзоп. У Вондела — № 120, «Больной гриф», с иными персонажами (второй — тоже гриф, но недруг) и сообразно измененной гравюрой: у Саделера — курица над гнездом с издыхающим коршуном, у Вондела (в контурах того же рисунка) туловищу курицы приданы распахнутые сильные крылья и голова с хищным клювом.

Миробедъ (едва ли не своеобразная этимологизация имени) — Маробод, вождь маркоманов, правитель Свевского царства (8 г. до н. э.—19/23 г. н. э.). В соперничестве с вождем херусков Арминием обратился в 17 г. за поддержкой к Тиберию, но тот содействовал падению и самого Маробода, интернированного затем в Равенне, где он в 41 г. и умер (Тацит. Летопись. II. 44—46 и 62—63).

Стр. 162. *Вельсерий* — Вельзер (см. коммент. к басне № 54). История бойев. Кн. II.

***125.* О волѣ дивиемъ.** — Не Эзоп. У Вондела нет.

«Аще ми даси одежды...» — Решение переводчика, в «Театре» нет.

...добро есть человѣку воля, но не кождому, зане многи в волѣ прокормити себе не могутъ. — Ни о каком холопстве в «Театре» нет и речи, но такова позиция Виниуса.

...таковии посемъ волю получаху. — В списках III вида: *таковии посем получаху пищу и одежду*, но только не *волю* — Freyheit (вопреки и переводу, и «Театру», и Библии).

2-закон — Второзаконие 15, 11—18.

***126.* О пифике и попугаи.** — Не Эзоп. У Вондела басни нет.

...иде в мѣсто, человѣкомъ в водѣ мыющимся, ятъ бысть. — В «Театре» рассказ яснее: однажды, увидев парившихся в бане в купальных балахонах людей, мартышка облачилась в такой же наряд, запуталась в нем и — оказалась в клетке.

...и в чести препроводити. — В «Театре» наставление без гражданского акцента: «не упражняйся в искусствах убыточных и бесполезных».

Фалес Милесский — Фалес из Милета (640/624—546 до н. э.), один из «семи мудрецов» Древней Греции, основатель ионийской философской школы.

Стр. 163. *127.* О кентаврѣ и женѣ. — Не Эзоп. У Вондела нет.

...видѣ жены, мыющихся в рекѣ... Женѣ же той не могущу от него свободитися... — В тексте «Театра» нет, но так изображено на гравюре Саделера.

Камана — Камма (нач. I в. до н. э.), жена Сината, тетрарха Галатии (область в Малой Азии с осевшими племенами кельтов).

Синоракс — Синориг, один из тетрархов Галатии.

Велсерий — Вельзер. История бойев. Кн. II, где предание рассказано по Плутарху: Синориг, домогаясь Каммы, убил Сината. Жаждущая отмщения Камма благосклонным вниманием усыпила осторожность убийцы и, незаметно отравив чашу с вином, отпила из нее на глазах Синорига сама и дала ему допить остальное (Плутарх. О доблести женской. 20. Камма; ср.: Полиен. Стратегемы. VIII. 29. «Камма»; Фулгозио. Дела и слова, достойные упоминания. IX. 10).

***128.* О коркодилѣ и мыше.** — Не Эзоп. У Вондела нет.

...увязе ему много мяса в зубах... да тѣмъ себе напитает, а его от болѣзни избавит. — Пояснения и мотивировки Виниуса. В «Театре» нет. *...мышь* — В «Театре» — ихневмон, фараонова крыса.

...аще от него и благодѣяние приять. — Акцент Виниуса.

...кому добро творити и с кѣм дружество составляти. — В «Театре» выделено иное: не доверяться благожелательности врага.

ипат Алахий — Алахиз (втор. пол. VII в.), герцог Тридентский и Брексианский (совр. Тренто и Брешиа), могущественный вассал лангобардского короля Куниперта (680—696 гг.).

град Тицыний — Тицин (совр. Павия), резиденция Куниперта.

...нѣкоторый хитрый муж от начальникъ града того... — Житель Брексии Алдон с братом Круазоном, тайные приверженцы Куниперта.

Стр. 164. *Велсерий.* — Вельзер. История бойев. Кн. IV (см. также: Диакон Павл. История Лангобардов. V. 38—39; Гартман Л. М. История Италии в Средние века. Лейпциг, 1900. Гл. VIII).

129. **О бабрѣ и зайцѣ.** — Не Эзоп. У Вондела нет.

...бабр... — Тигр, в «Театре» же — Leopard, барс. Принадлежит ли паронимическая ошибка переводчику или кому-то из первых переписчиков — решить трудно. В списках же II и III вида — уже ситуативно нелепый *бобр.*

...с большим себе ругатися и тому посмѣяватися не подобает... — Этого смирения перед силой в «Театре» нет.

царь Конколитанъ (втор. пол. III в. до н. э.) — вождь трансальпийских галатов-гесатов, селившихся по Родану (совр. Рона), один из предводителей вторгшихся в 225 г. в Италию кельтов.

Емилий — Луций Эмилий Павл, консул 225 г., нанесший жестокое поражение галатам при Теламоне в Тирении (на побережье совр. Тосканы) и взявший в плен Конколитана (см.: Полибий. Всемирная история. II. 22, 26—28 и 31).

Велсерий — Вельзер. История бойев. Кн. I.

130. **О строфокомилѣ и соловье.** — Не Эзоп. У Вондела № 119.

...вся человѣком в потребу. — В «Театре» и «Саде» противопоставлены угодное социальным верхам и трудовым низам, Виниус же пытается примирить их «общечеловеческими ценностями».

...о кесарѣ Дометианѣ... — См. коммент. к басне № 11.

Матфей Радеус — или Радер (1561—1634), немецкий ученый монах-иезуит, известен изданиями античных авторов, работами по истории и обширными комментариями к Марциалу и Квинту Курцию.

Стр. 165. *131.* **О нѣкоей собакѣ.** — В основе — Эзоп. У Вондела — № 117.

...ищут большая... — В списках III вида: *вящшее ищут, нежели им Господь Бог даде.*

...имѣюща довольная, гонятся за преизлишним... — В «Театре» предлагается не рисковать данным ради сомнительного большего, без обличения алчности.

Красс-римлянин — Марк Лициний Красс (115—53 до н. э.), политик, неслыханно разбогатевший на скупке имений во время проскрипций 82 г., участник первого триумвирата (60 г.). Получив в 55 г. в управление Сирию, предпринял суливший огромную добычу поход против Парфии, но потерпел неудачу. Убит парфянами во время переговоров.

Плутархъ. — Сравнительные жизнеописания. Гл. «Красс», 17—33.

132. **О состарѣвшемся лвѣ.** — Федр (I. 21), у Эзопа нет. В книге Вондела — № 118.

...не возможе на ловли исходити... их же нача молити... — Дополнения перевода.

...глаголюще: «Во младости своей злѣ жил еси, нынѣ злѣ погибнути подобает ти!» — В «Театре» мотив справедливого возмездия выделен и вынесен в сентенцию, у Виниуса — поглощен басенным рассказом.

Тѣмъ научая, яко... помощь и утѣшение обрящет. — Сентенция Виниуса обращена к нравственному самосознанию индивида, у Садлера и Вондела — к неизбежности возмездия. В «Театре»: «кто в юности держится зла, тому воздадут, когда он состарится», в пространной же сентенции «Сада» означены также и социальные носители зла и их жертвы: «заносчивые от богатства и силы гнетут и с презрением дерут шкуру с малых ближних своих», тогда как «бедняку остается лишь издыхать».

...князи в Сицилии. — В «Театре» и «Саде» — рассказ об участи властителя Сицилии Дионисия Младшего (см. коммент. к басням № 98, 105, 108); у Виниуса изгнание и гибель постигает всех князей.

...погибоша. — В оригинале мотива погибели нет.

Плутархъ.— См. коммент. к басням № 98, 108.

133. **О птицѣ Финиксѣ.** — У Вондела — № 123. Миф возник в Египте, где с ним познакомился Геродот и пересказал в своей «Истории» (II. 73). На Руси известен уже в составе «Физиолога» (см.: БЛДР. Т. 3. С. 476—477).

Повѣдают нѣции... сказуют... — Неопределенно-личные ссылки Виниуса. В «Театре» и в «Саде» нет.

...по многих лѣтѣх... — В «Театре» — 340 лет.

Из печатного «Зрелища» 1712 г. рассказ, для которого была уже изготовлена гравюра, устранен, возможно, из-за ассоциаций с самосожжениями старообрядцев.

Стр. 166. ***134.*** **О жаравлѣ и лебедѣ.** — Абстемий. О лебеде умирающем (К-11$_р$). У Вондела — № 122.

«*...многомятежнаго...*» — Акцент списков II вида.

Сице мнози от святыхъ... — В оригинале — рассказ монаха-бенедиктинца, историка английской церкви и патролога Вильяма Мелмесбернса (XII в.) об англосаксонском монахе и крупном ученом раннего средневековья Беде Достопочтенном (672—735). Но Виниус, по понятным причинам, устранил имена служителей католической церкви.

...многонавѣтнаго и мрачнаго... — Акценты списков II вида.

ИЗ «ВЕЛИКОГО ЗЕРЦАЛА»

Сборники «прикладов», т. е. «примеров» для проповедников, известны западноевропейской литературе начиная с XII—XIII вв. По составу эти сборники очень разнообразны: наряду с религиозной легендой, видениями и чудесами они включали псевдоисторические, а также чисто новеллистические и даже анекдотические небольшие повествования. Но основная цель сборников — доставить проповеднику готовый дидактический материал для оживления назидания и иллюстрации какой-либо отвлеченной идеи — сводит все тематическое разнообразие к жесткой сюжетной схеме: несчастье (прегрешение) — молитва — спасение (отпущение греха). В рассказах о закоренелых грешниках изменение сюжетной схемы минимально: прегрешение — непокаяние — кара. Главное в «прикладе» — обнажение скрытой сути явления, при этом само повествование может растворяться в назидании, поскольку предопределенная мощь провидения не оставляет сюжетной свободы для персонажей. По этой причине «приклады» нельзя назвать новеллой в чистом виде, новелла появится только при разделении повествования и назидания, при непредсказуемости развития сюжета.

«Великое Зерцало прикладов» — древнерусская версия популярного латинского сборника «Magnum Speculum Exemplorum», составленного Иоанном Майором в 1480 г. в Нидерландах. В начале XVII в. сборник был переведен на польский язык и выдержал пять изданий в течение столетия. В 1674—1677 гг. по повелению царя Алексея Михайловича и под наблюдением царского духовника Андрея Постникова пять переводчиков Посольского приказа перевели «Великое Зерцало» на церковнославянский язык. Работа была прервана (вероятно, в связи со смертью царя в 1676 г.) примерно на середине — в сборник вошло около 800 «прикладов». Сохранилось до 10 списков этого перевода, выполненного тяжелым языком со сложным синтаксисом. В 1690-х гг. появился новый перевод, включивший около 260 избранных «прикладов», и именно он получил поразительную популярность: в настоящее время известно более 200 списков «новопереведенных» рассказов.

Своим несомненным успехом на русской почве «Великое Зерцало» обязано в первую очередь типологическим связям со статьями Прологов и Патериков — излюбленным чтением древнерусского читателя, этим и объясняется популярность католического по происхождению сборника даже в старообрядческой среде. Но социальный охват читателей сборника был еще шире: от царских и патриарших библиотек до небольших крестьянских книжных собраний. Щедро черпали из него и писатели: уже в XVII в. сюжеты «Великого Зерцала» перелагал в стихи Симеон Полоцкий, а неизвестный составитель «Синодика» включил в него целый ряд «прилогов» из русского перевода «Великого Зерцала». Обращались к сборнику и писатели Нового времени, от Н. М. Карамзина до Н. С. Лескова. В XVII в. сюжеты «Великого Зерцала» отразились в монументальной живописи, например во фресках церкви Иоанна Предтечи в Ярославле.

В настоящем издании подборка «прикладов» из второго перевода «Великого Зерцала» публикуется по списку конца XVII—начала XVIII в. — *РНБ*, F.I.732, с исправлением ряда чтений по

списку конца XVII в. — *РНБ*, собр. Соловецкое, № 239. Исправления и конъектуры выделены курсивом. Полностью текст второго перевода опубликован в кн.: Державина О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

Стр. 167. *...святый Августинъ...* — Августин Блаженный, Аврелий (354—430), христианский мыслитель и писатель, виднейший представитель латинской патристики.

Стр. 168. *И абие... друже...* — В рукописи, по которой издается «Великое Зерцало», эти два предложения стоят в другой последовательности. В настоящем издании они переставлены местами для восстановления логики повествования.

Стр. 179. *...при Оттонѣ третиемъ, цесарѣ римскомъ во градѣ Магдебурскѣ в Саской земли...* — Вероятно, имеется в виду Оттон I (912—973) из саксонской династии, основавший Магдебургское архиепископство в 968 г.

...провѣща Соломонъ: чести воздвижут бровь и отмѣняют кровь. — Такого выражения нет в притчах Соломоновых, не упоминается Соломон и в польском тексте.

Стр. 181. *...потиръ......* — Чаша для причастия.

Стр. 186. *...Генрикъ четвертый, кесарь римский...* — Император Священной Римской империи (1084—1106 гг.).

Стр. 194. *...по пятидесятъ литръ...* — Литра — мера веса, равная византийскому фунту (72 золотника).

ФАЦЕЦИИ

Европейская новеллистика эпохи Возрождения пришла в русскую литературу обычным для XVII в. путем — через Польшу. В конце 1679 г. с польского языка был переведен сборник «Факецыи, или Жарты польские», включивший в себя около 80 коротких рассказов. Латинской («факецыи») и польской («жарты») терминологии русский переводчик подыскал и дал в пространном заглавии удачный эквивалент — «издевки смехотворны московские», который адекватно передает значение европейских терминов, обозначавших остроту, анекдот, новеллу.

Европейская теория фацеции объединяла под этим названием две разновидности комической прозы: анекдот об остроумном изречении (например, фацеция «О Августе кесарѣ и о поете Виргилии» — с. 196 наст. изд.) и новеллу о забавном происшествии (например, фацеция «О друзѣх о Маркѣ и Шпинелѣте», восходящую к 8-й новелле VII дня «Декамерона» Д. Боккаччо, — с. 218—220 наст. изд.). В XVI в. теоретики литературы, в том числе и польские (Л. Гурницкий в «Польском придворном», 1566), выделили и третью разновидность фацеции, объединявшую остроумный ответ с рассказом о комическом случае.

Польский сборник фацеций, послуживший оригиналом для русского перевода, был создан около 1570 г. и неоднократно переиздавался в XVII в. Западноевропейские источники польского сборника, включавшего около 180 фацеций, полностью не выявлены, хотя несомненно, что в основном неизвестный составитель пользовался сборниками новелл и фацеций итальянских (П. Браччолини, Д. Боккаччо, Л. Доменики и др.) и немецких (И. Гаст, И. Паули, И. Хульсбух и др.) авторов.

Непосредственный источник русского перевода пока не обнаружен, несколько фацеций не имеет соответствия ни в сборнике «Польские фацеции», ни в других польских сборниках XVI—XVII вв. Вероятно, русский переводчик имел под руками какие-то западноевропейские (возможно, латинские или немецкие) сборники анекдотов и новелл, а также опирался на богатую устную традицию. Свое имя переводчик зашифровал в не поддающейся расшифровке криптограмме: «Преведшаго же имя от Б начинаемо, в числе 1503 слагаемо». Известно лишь, что в 1683 г. тот же самый «Б 1503» перевел с польского языка книгу украинского писателя Иоанникия Галятовского «Лебедь с перием своим» (*РНБ*, Q.I.244).

Русский перевод фацеций в конце XVII—первой половине XVIII в. подвергался неоднократным переделкам, всего сохранилось более 30 списков, представляющих три редакции перевода, которые так сильно отличаются по составу и языку, что высказывались предположения о трех переводах сборника. Сравнительно недавно польская исследовательница Б. Вальчак убедительно доказала, что в основе всех редакций и переделок лежит перевод «Б 1503» (см.: Walczak B. O przekładach facecyj polskich na język rosyjski // Slavia Orientalis. 1972. N 1. S. 47—64).

В настоящем издании подборка фацеций публикуется по единственному списку XVII в., представляющему первую редакцию перевода, — *РНБ*, Q.XVII.12, л. 1—67 об. Исправления сделаны по другим спискам, опубликованным в кн.: Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. Исправления и конъектуры выделены курсивом. При подготовке текста и комментировании использованы также издания оригинала: Facecje polskie z roku 1624 / Wydał A. Brückner. Kraków, 1903; Dawna facecja polska (XVI—XVIII w.) / Opracowali J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 78—127.

Стр. 196. *...Авъгустъ кесарь...* — Вероятно, первый римский император Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до н. э.—14 н. э.).

...Виргилиуша поеты... — Римский поэт Публий Вергилий Марон (70—19 до н. э.).

...и пракътыка... — Т. е. занимающегося черной магией. В средние века сформировалось представление о Вергилии — маге и чернокнижнике, поскольку он сверхъестественным образом предсказал в IV эклоге христианство.

Стр. 199. *Ягесилаусъ.* — Агесилад, спартанский царь (ок. 444—360 до н. э.).

Алцебиадесъ. — Алкивиад (ок. 450—404 до н. э.), афинский политический деятель и полководец, ученик Сократа.

Стр. 200. *Каролусъ, перьвый от фрягъ римъский кесарь...* — Вероятно, речь идет об императоре Священной Римской империи Карле V (1500—1558), который одновременно (как Карл I) был королем Испании.

...во градѣ Ганъдавѣ... — Город Гент во Фландрии, в котором родился Карл V.

Стр. 201. *«Слушайте Закхѣя, слушайте!»* — В Евангелии рассказывается, что начальник мытарей в Иерихоне Закхей был мал ростом, поэтому он влез на смоковницу, чтобы увидеть проходившего Иисуса Христа (см.: Лк. 19, 1—10).

Димостенъ. — Демосфен (ок. 384—322 до н. э.), древнегреческий оратор и политический деятель.

Стр. 202. *...до Мегарии...* — Греческий город Мегара.

Стр. 205. *...Тревизъ...* — Тревизо, город в Северной Италии.

Стр. 206. *Сцыпионъ Африканъ...* — Сципион Африканский Старший (235—183 до н. э.), крупный римский полководец.

...ко Енниушу поэтѣ... — Квинт Энний (239—169 до н. э.), римский поэт и драматург, был близок со Сципионом Африканским Старшим, которому посвятил поэму «Сципион».

Аристиппъ философъ... — Аристип из Кирены (ок. 435—360 до н. э.), древнегреческий философ, основатель гедонической философской школы.

Стр. 207. *Диогенъ...* — Диоген Синопский (404—323 до н. э.), древнегреческий философ, ученик основателя школы киников Антисфена.

Стр. 208. *Ты, по святому Павлу апостолу, глава еси всему дому...* — Неточная цитата из Послания к Ефесянам (5, 23).

...«и будета оба плоть едина»... — Цитата из Послания к Ефесянам (5, 31).

Стр. 209. *Михаилъ по реклу Анъгелъ.* — Микеланджело Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, поэт позднего Возрождения.

Стр. 211. *...десять поприщъ...* — Т. е. примерно 10.5 км.

Стр. 214. *Коллимахъ именемъ рецепторъ кролевъский...* — Итальянский гуманист, поэт и прозаик Филипп Буонакорси Каллимах (1437—1496), в 1468 г., спасаясь от папских преследований, бежал из Италии, в 1470 г. укрылся в Польше, где стал воспитателем сыновей польского короля Казимира Ягеллончика.

Стр. 217. *...Антиохъ...* — Антиох III Великий (242—187 до н. э.), царь эллинистического государства Селевкидов. Потерпел поражение в войне с римлянами (192—188 до н. э.).

Вопроси же Антиохъ Аннибала... — Ганнибал (247/246—183 до н. э.), полководец и карфагенский государственный деятель. В 195 г. до н. э. бежал к Антиоху III и стал его военным советником.

Стр. 218. *В Неополиумѣ...* — В Неаполе.

...пред краля Алфонса... — Альфонс V Великодушный, король Арагонии и Сицилии (1416—1458), он же Альфонс I — король обеих Сицилий (1442—1458). Окружил себя учеными, поэтами и художниками.

...Алфонсъ Соломону судомъ симъ подража... — В Библии (3-я Книга Царств) рассказывается, как к царю Соломону пришли две женщины, поспорившие из-за младенца. Соломон предложил рассечь дитя надвое, истинная мать стала умолять его не убивать ребенка. Эта притча русскому книжнику была известна также по Палее.

Цицеронъ — Марк Туллий Цицерон (106—43 до н. э.), римский оратор, писатель, государственный деятель.

...во градѣ Сѣньнѣ... — Город Сиена недалеко от Флоренции.

Стр. 222. *Аврѣлианъ* — римский император Аврелиан (214—275).

Стр. 223. *Сократъ* — греческий флософ (469—399 до н. э.).

Стр. 232. *...чистой и безвинной Сосанѣ...* — В Житии пророка Даниила рассказывается, что два старца, отвергнутые красавицей Сусанной, оклеветали ее и приговорили к смерти. Пророк Даниил уличил старцев во лжи и спас Сусанну (см.: Дан. 13, 1—63).

...якоже услышал еси отроки от пещи распаленныя лютѣ. — В Библии рассказывается, что во время пленения Иерусалима отроки Седрах, Мисах и Адвенаго отказались поклоняться золотому языческому идолу и царь Навуходоносор приказал бросить их в раскаленную печь, но огонь не опалил невинных (см.: Дан. 3, 12—29).

...якоже услышал Даниила пророка, посредѣ ярых львовъ суща... — В Библии рассказывается, что царь Дарий по оговору князей приказал бросить Даниила в ров со львами, но те не тронули его (см.: Дан. 6, 16—28).

Стр. 233. *...и горнушках огнь погасила...* — Горнушка — углубление в русской печи, куда сгребают горячие угли.

Стр. 234. *...Менанъдра, греческа философа...* — Менандр, древнегреческий комедиограф (ок. 343—291 до н. э.). Позднеантичные собрания сентенций из Менандра включали и не принадлежащие ему фразы.

Аппеллесъ — знаменитый древнегреческий живописец Апеллес (вторая половина IV в. до н. э.).

Стр. 239. *Не бездѣльно Увеналий глаголетъ...* — Далее в польском тексте дается цитата на латыни из сатиры римского поэта Ювенала (ок. 60—ок. 127); русский переводчик эту цитату опустил и сразу перевел заключающее фацецию двустишие, к которому добавил перевод польской пословицы о сходстве между орехом, ослом и женщиной.

В поправление женамъ и во отведение укоризны на сихъ. О женѣ благочестивой. — Этого рассказа в известных польских изданиях фацеций нет, он заимствован из «Великого Зерцала» (см.: Wielkie zwierciadło przykładów. Kraków, 1624. S. 283—284); несколько отличающийся текст его перевода в составе «Великого Зерцала» (см. с. 186 наст. изд.).

РИМСКИЕ ДЕЯНИЯ

«Римские деяния» — это переводной сборник XVII в., восходящий через польское посредство к сборнику «Gesta Romanorum», который был составлен на латинском языке в XIII или первой половине XIV в. Автор сборника и место его возникновения не установлены. Первоначальное ядро

«Gesta Romanorum» составляли сюжеты, заимствованные из позднеримских писателей, чем и объясняется название сборника.

Состав рукописных сборников «Gesta Romanorum» не был постоянным. Различались по составу и печатные сборники. Первое издание (XV в.) включало 150 глав, а третье, появившееся несколько лет спустя, — 181 главу. В таком объеме «Gesta Romanorum» многократно печатались в XV—XVIII вв. в разных странах Европы. Сводный же текст, опубликованный в 1872 г. немецким медиевистом Германом Эстерлеем по трем первым изданиям XV в. и рукописным сборникам, включает 283 истории (см.: Oesterley H. Gesta Romanorum. Berlin, 1872). Издание сопровождено исчерпывающим исследованием латинских «Gesta Romanorum»: пространным введением и примечаниями к отдельным статьям сборника с подробными сведениями о многочисленных рукописях, с указанием источников, вариантов и переделок почти каждого из 283 рассказов этого сборника.

В XV в. латинский сборник был переведен на многие европейские языки: английский, немецкий, французский, голландский, чешский и др. На польский язык латинский сборник «Gesta Romanorum» был переведен в XVI в. и сразу же напечатан. Сохранившиеся издания XVI в. (1543 и 1566 гг.) представляют первую редакцию польского сборника (она включает 40 глав), а издания XVII и XVIII вв. — вторую редакцию, «модернезированную и сокращенную», она включает 39 глав (опущена глава о скупом кузнеце). Издание 1543 г. переиздано (см.: Gesta Romanorum linguae Polonicae (1543): cum fontibus Lat. et Bohemicis / Adiuwante R. Olesch nunc iterum ed. J. Siatkowski. Köln; Wien, 1986). Сводный текст второй польской редакции по трем изданиям XVII—XVIII вв. был издан Яном Быстронем (см.: Historye Rzymskie: (Gesta Romanorum) / Wydał J. Bystroń. Kraków, 1894).

В XVII в. польский сборник «Historye Rzymskie» первой редакции, содержавший 40 рассказов латинского оригинала, был почти полностью переведен на русский язык. Русский переводчик опустил только одну главу польского сборника — первую: «O poniżeniu próżney chwały» («О унижении суетной хвалы»). Русский перевод изобилует транслитерациями польских слов, оставшихся, по сути дела, непереведенными. Это дает основание предположить, что перевод был сделан на юго-западе Руси, где польские слова широко проникали в разговорный язык.

Русские списки «Римских деяний» еще С. Л. Пташицкий, исследовавший 13 рукописей, разделил на три группы, назвав их: первая, вторая и третья. Первая группа, по его мнению, самая старшая, третья — самая поздняя. По нашим наблюдениям, две первые группы независимо друг от друга восходят к одному из ранних списков перевода. Вторая группа и по порядку следования глав, и по тексту ближе к первоначальному тексту. Но в ней есть ошибки, не встречающиеся в рукописях первой группы. Русификация текста в первых двух группах списков носит лексический характер. Во второй группе списков полонизмы поясняются глоссами: в одних списках они стоят на полях, в других внесены в текст и стоят рядом с поясняемым полонизмом, до или после него. В первой группе полонизм чаще заменяется в тексте его переводом.

Третья группа списков «Римских деяний» очень существенно отличается от двух первых как по составу сборника, так и по тексту, в том числе по заглавию сборника и отдельных его глав. Некоторые главы читаются в этой группе списков в новой редакции («Повесть об Аполлонии Тирском», «Житие святого Григория»). В сборники третьей группы входит первая глава польского сборника, опущенная при переводе корпуса «Римских деяний» и отсутствующая в двух первых группах: «О унижении суетной хвалы». В рукописях третьей группы читается также новая глава, не входящая в польский сборник: «О дивном устроении нѣкоторого благотворца и праведнаго судии». Значительные изменения в составе и порядке следования глав, в названиях сборника и отдельных глав, существенная русификация языка, замена некоторых «прикладов» другими, русифицированными, редакциями, сложная история формирования сборника этой группы и т. п. дают основание характеризовать данную группу списков как особую, вторую, редакцию «Римских деяний», формировавшуюся постепенно и потому существующую в нескольких видах.

Кроме этих трех групп рукописей «Римских деяний» известны сборники, в которых отдельные «приклады» из «Римских деяний» (16 или 17) объединены с фацециями. Вместо христианско-дидактического «выклада» все рассказы из «Римский деяний», как и фацеции, здесь сопровожда-

ет короткий нравоучительный стишок — «виршик». Эту разновидность сборников впервые выявила Э. Малек (см.: Małek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988).

Помимо полных или относительно полных списков «Римских деяний» в русских сборниках встречаются во множестве выборки из «Римских деяний», состоящие из нескольких глав: от 2 до 8. В некоторых рукописях главы из «Римских деяний» приписаны к сборнику «Великое Зерцало». Переписывались самостоятельно и отдельные главы из «Римских деяний».

Представленные в «Римских деяниях» «приклады» (примеры, притчи) носят различный характер. Среди них — дидактические рассказы, служащие примером того, как следует или, напротив, не следует поступать; новеллы, иллюстрирующие тот или иной христианский тезис (как правило, он вынесен в заглавие); развлекательные, забавные истории. Наряду с новеллами в «Римских деяниях» помещены и более распространенные повествования: жития святых, позднегреческий роман об Аполлонии Тирском.

Почти все «приклады» «Римских деяний» снабжены «выкладами», т. е. толкованиями, в которых сами по себе нравоучительные сюжеты получают еще один, сокровенный, аллегорически-христианский смысл. Эти толкования очень показательны для средневекового мировоззрения, склонного к символическому и аллегорическому восприятию, во всем искавшего второй, тайный, смысл.

Характерной особенностью средневековых произведений является проявившаяся и в «Римских деяниях» установка на историчность. Однако историзм «Римских деяний» сводится, как правило, к увязыванию того или иного сюжета с именем реально существовавшего правителя.

Сборник «Gesta Romanorum» несет на себе печать средневекового мышления, этических и эстетических представлений своего времени, что на многих примерах показала С. В. Полякова в послесловии к выборочному переводу латинского текста на русский язык, выполненному с издания Эстерлея (95 глав из 283, без «moralizatio») (см.: Средневековые латинские новеллы XIII в. / Пер., статья и коммент. С. В. Поляковой. Л.: Наука, 1980).

На протяжении нескольких веков «Римские деяния» были одной из самых любимых и популярных книг в странах Европы. Проповедники брали из него материал для своих проповедей, писатели (Боккаччо, Чосер, Шекспир и др.) — сюжеты для своих произведений. На Руси «Римские деяния», соединявшие в себе занимательность и душеполезность, привлекали читателей самых разных социальных групп.

Русский перевод XVII в. «Римских деяний» был опубликован в 1877—1878 гг. в издании «Общества любителей древней письменности» по одной из самых неисправных и поздних рукописей — *РНБ*, собр. Вяземского, № 142 (см.: Римские Деяния (Gesta Romanorum). СПб., 1878. Вып. 1—2 (Изд. ОЛДП, № 5 и 33)).

В настоящем издании публикуется одна из лучших рукописей «Римских деяний», датированная 1691 г., — *ГИМ*, собр. Уварова, № 1326 (494) (313), содержащая 37 глав. Переписана она известным книжником XVII в. Алексеем Коробовским (см. о нем: Белоброва О. А., Буланин Д. М. Коробовский Алексей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 184—185). Алексей Коробовский — составитель сборника афоризмов «Сот пчельный» и предисловия к нему, переводчик с латинского и греческого языков, переписчик. Как переписчик Алексей Коробовский обслуживал именитых заказчиков, например боярина Льва Кирилловича Нарышкина и патриарха Адриана. Публикуемый нами сборник «Римские деяния», переписанный Алексеем Коробовским, принадлежал иеродиакону и библиотекарю Чудова монастыря Феофану.

К сожалению, в публикуемой рукописи утрачено начало (первые пять листов): глава первая («Приклад о хитрости дьявольстѣй, яко судбы Божия неиспытаны и скрыты суть») и самое начало второй главы — о гордом цесаре Евиниане (Евиняне). Кроме того, утрачено начало последней главы — о цесаре Конраде Утраченный текст восстановлен по рукописи XVII в. *ИРЛИ*, отд. пост. 23, № 80.

Две главы, отсутствующие в большинстве сборников второй группы, в том числе в публикуемой рукописи из собрания Уварова, № 494, — житие св. Алексея и житие св. Григория — публикуются в качестве приложения по рукописи *РНБ*, Q.XV.162.

В тексте публикуемого сборника имеются ошибки, их исправления (выделенные курсивом) даны либо по другим русским спискам, либо по польскому тексту. (В редких случаях, когда ошибка появилась при переводе на польский, в примечании цитируется оригинал польского перевода.) В подстрочных примечаниях поясняются многочисленные полонизмы по польскому изданию 1543 г. (точнее, по указанному ранее переизданию И. Святковского 1986 г.; в необходимых случаях оно обозначается буквой *С*). В тех случаях, когда русский перевод оказывается ближе к изданию Я. Быстроня, дополнительно приводится текст по этому изданию, обозначенному буквой *Б*.

Порядок следования глав в разных редакциях и даже сборниках одной редакции различен. Для удобства пользования текстом приводим здесь порядок следования глав в публикуемом сборнике с указанием страниц настоящего издания. В квадратных скобках приводятся указания на сюжеты «прикладов», поскольку самоназвания глав их не отражают.

Глава 1. Приклад о хитрости диявольстѣй, яко судбы Божия неиспытаны и скрыты суть [о пустыннике и ангеле] 243
Глава 2. Приклад о гордом цесарѣ Евиняне... 246
Глава 3. Прикладъ о досконалости [о кузнеце Фокусе и его 8 пенязях] 253
Глава 4. Прикладъ о памяти смертнѣй, чтобы человѣкъ не согрѣшалъ [о купце, позавидовавшем богатому, но несчастному князю] 256
Глава 5. Прикладъ о преступлении души и о ранахъ, уязвляющыхъ душу [о неверной жене и чернокнижнике] 258
Глава 6. Прикладъ о мудрости, чтобы мы все добрымъ размышлениемъ творили [о трех мудростях, купленных цесарем Доментианом] 261
Глава 7. Прикладъ о хитрости женстѣй и заслѣплении прелстившыхся [о Юнотасе и его «фриерке»] 265
Глава 8. Прикладъ о невдячности человѣчестѣй з добродѣйствъ приятныхъ [о благодарных зверях] 270
Глава 9. Прикладъ, яко не имамы вѣрити женамъ, ниже тайны имъ объявляти [о жене, рассказавшей в гневе о мнимом преступлении мужа] 274
Глава 10. Другий прикладъ, яко не подобаетъ женамъ въ тайныхъ дѣлахъ вѣрити [о мудром юноше Папириуше, не доверившем тайны матери] 276
Глава 11. Прикладъ о неправдѣ и о лакомствѣ и о обличении таковыхъ [об алчном рыцаре, обманом завладевшем землею умершего соседа] 277
Глава 12. Прикладъ о сталости въ добрыхъ учинкахъ вѣрнымъ къ ползѣ [о Гвидоне и Тирусе] 280
Глава 13. Прикладъ о вѣрности и о любви, и о том, что правда избавляетъ от смерти [о двух рыцарях — из Египта и Балдаху] 288
Глава 14. Прикладъ о великой справедливости Божией и яко судбы его скрыты суть [о пустыннике, возроптавшем на Бога, и об ангеле, вразумившем его] 291
Глава 15. Прикладъ о пожитку и опатрности во всѣхъ вещехъ [о золотом яблоке для самого безумного] 294
Глава 16. Прикладъ, что всякой пастырь имат имѣти попечение о своихъ овцахъ [о воре, сломавшем ногу] 296
Глава 17. Прикладъ о Страшномъ послѣднѣм Судѣ всѣмъ грѣшнымъ [о князе, пребывавшем в постоянной печали] 297
Глава 18. Прикладъ о двою лекарехъ 299
Глава 19. Прикладъ, чтобы мы блюлися от лести диаволския, чтобы насъ не прелстил [о трех товарищах, деливших один хлебец] 300
Глава 20. Прикладъ, что правды для изгонения нашего не имамы таити [о законе короля Асмодуса о трех правдах] 302
Глава 21. Прикладъ, чтобы мы чистоту и вѣру брака соблюдали [о короле Галлусе, его плотнике и волшебной рубашке] 303

Глава 22. Прикладъ хвалебной, яко милосердиемъ имамы жертву приносити Господу Богу [о короле и волхвах, поклонявшихся младенцу Христу] . 305
Глава 23. Прикладъ, яко единии праведнии внидутъ в Царство Небесное [о четырех сыновьях умершего короля] . 307
Глава 24. Прикладъ, яко суетно есть веселие человѣческое во всѣхъ вещехъ мирскихъ [о короле Веспасианусе и его дочери Аглаиде] . 308
Глава 25. Прикладъ, чтобы мы сталость имѣли въ добрыхъ дѣлахъ [о королевской дочери, изгнанной с королевства] . 311
Глава 26. Прикладъ, что правду подобаетъ исповѣдати даже до смерти [о неверной жене и трех петухах] . . 313
Глава 27. Прикладъ приводящий, чтобы мы были смиреннаго и сокрушеннаго сердца [о рыцаре, выполнившем три задания и женившемся на королевне] 314
Глава 28. Прикладъ приводячий, чтобы мы неблагодарства не чинили [о неблагодарном сыне короля] . 315
Глава 29. Прикладъ, что лакомство многихъ ослѣпляетъ, что правды не узнали [о слепце по доброй воле] . . 317
Глава 30. Прикладъ, что всякъ грѣхъ без розпачи бываетъ отпущенъ [о рыцаре Иулиане, убившем родителей] 319
Глава 31. Прикладъ, чтобы мы памятовали добродѣйства, намъ учиненыя [о рыцаре и благодарном льве] 321
Глава 32. Прикладъ наполняющий, чтобы мы обѣты инымъ выполняли [о двух разбойниках] 322
Глава 33. Прикладъ, чтобы мы лакомства остерегалися немилостиваго [о скупом кузнеце] . 324
Глава 34. Прикладный животъ святаго Евстафиа и о навращении блудящаго . 326
Глава 35. Прикладъ о важности и вѣрности, или о брацѣ [о юноше и вызволившей его из плена девушке] . . 332
Глава 36. Историа о Аполлонѣ, короли тирскомъ, и о Тарсѣ королевнѣ. Прикладъ, что печаль премѣняется въ радость . . . 334
Глава 37. Приклад, яко прозрению Божию никтоже противится можетъ [о цесаре Конраде] 355

Приложение

Прикладный животъ святаго Алексѣя, чтобы смыслости сего свѣта возненавидели 357
Прикладъ о дивномъ промыслѣ Божии и о почитании святаго Григория 360

Стр. 243. *История из Римских деяний... на словенский язык.* — В рукописи *ГИМ*, собр. Уварова, № 1326 (555) (440), представляющей второй перевод с польского, сборник носит иное заглавие, соответствующее польскому: «Истории розмаитыя, сирѣчь повѣсти избранныя, с толкованием надлежащим, выписано из римских и из иных книг, яже нынѣ обрѣтаются в сей вышереченной книгѣ, кратко собранныя и людем в научение и к познанию изданныя».

Стр. 245. *...от того мосту до 3 версты, с полмили...* — Выражение «до 3 версты» — пояснение русского переписчика к польскому «с полмили». Миля — путевая мера длины, различная в разных странах, русская миля — 7 верст (7.47 км). Верста — русская путевая мера длины, равная 1.06 км. Таким образом, полмили — это 3.5 версты.

Стр. 246. *...о... Евиняне...* — В польск. и лат. текстах царь носит имя Иовиан. С именем этого римского императора (363—364) связывается здесь распространенный сюжет о возгордившемся и наказанном за это царе.

...реклъ...... — Отсюда текст РД публикуется по рукописи *ГИМ*, собр. Уварова, № 1326 (494) (313).

Стр. 247. *...пан мой думный...* — Советник царя.

Стр. 251. *Навуходоносоръ.* — Навуходоносор II, знаменитый вавилонский царь (605—562 гг. до н. э.). У пророков (Исаия, Даниил) он олицетворяет доходящее до самообожания

самомнение. Этот взгляд на Навуходоносора перешел в литературы последующих поколений, став символом гордыни и нечестия.

Пралатъ — прелат, высшее духовное лицо в католической церкви (архиепископ, епископ, настоятель монастыря).

Стр. 253. *Титусъ...* — Император Тит (79—81 гг.). История, связанная здесь с его именем, не имеет под собой реальной почвы. Сюжет ее в различных вариантах встречается в греко-латинской средневековой литературе.

...мистра Виргилиуша... — Имеется в виду римский поэт Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.), который в Средние века слыл магом и чудодеем.

Стр. 254. *Пенязи* — древняя мелкая монета в Польше.

День есть той неделя, от святой церкви уставлена. А и в Старом Законѣ, и въ Новомъ приказано есть о немъ тако: «помни день святый святости его». — В Ветхом Завете особо почитаемым, святым днем называется суббота (день покоя Божия по сотворении мира), в календаре иудеев бывшая седьмым днем. В этот день запрещалось работать и предписывалось особо чтить его как благословленный и освященный Господом, как праздник Господень (см.: Быт. 2, 3; Исх. 16, 23—30; 20, 8—11; 31, 12—17; 34, 21; 35, 2—3; Иер. 17, 21—22; Вт. 5, 12—15; Неем. 13, 15—21). Воскресенье — праздничный день христианской церкви, установленный святыми апостолами вместо ветхозаветной субботы. День этот, следуя за субботой иудеев, был в их неделе первым днем. В этот день последовало Воскрешение Спасителя, что и дало повод перенести празднование субботы на воскресенье. В церковнославянских книгах воскресенье носит название «неделя», так как в этот день христианам (как иудеям в субботу) запрещается заниматься житейскими делами.

Стр. 255. *...яко же святый Павлъ о томъ въ первомъ къ Тимофею, въ четвертой главѣ проповѣдаетъ, глаголя: «Будетъ время, егда правой науки не приимутъ въ дому Исраилтескомъ».* — Ср.: 1 Тим. 4, 1.

Стр. 256. *...а о томъ сынѣ Исаиа повѣдаетъ, глаголя: «Отроча родилося намъ, то есть Сынъ Божий».* — Ср.: Ис. 9, 6.

...яко же рече святый Матфей в 16-ой главѣ: «Сторицею паче возмете и животъ вѣчный одержите». — Ср.: Мф. 19, 29.

Стр. 258. *...яко же сотворилъ Иисус двѣма путникома, идущимъ до Еммауса, иже съ ними въ домъ на господу вшелъ,* — См.: Лк. 24.

...по святому Давиду, рекшему: «Языкъ ихъ — мечь остръ». — Ср.: Пс. 56, 5.

Король Титус — см. примеч. к стр. 253.

Стр. 261. *Сатана мовилъ: «Поставлю себѣ столецъ на полнощи и буду равенъ Вышнему».* — Ср.: Ис. 14, 13.

Адамъ же восхотѣлъ, чего не подобало жадать, и для того умеръ. — См.: Быт. 3.

Цесарь Доментиан — Домициан, римский император (81—96 гг.). Сюжет рассказа связан с его именем произвольно.

Стр. 264. *...по писанию святаго Иоанна во Апокалипсиисѣ: «Таемнѣ азъ стою у дверей и колочю; отверзетъ ли мнѣ кто — вниду къ нему и буду вечеряти с нимъ».* — Ср.: Откр. 3, 20.

Всякъ бо не можетъ раб быти миру и Богу. — Ср.: Мф. 6, 24.

Стр. 265. *Дарий король...* — Имя Дарий носило несколько персидских царей; кто упомянут в этой фантастической истории, установить нельзя.

Стр. 268. *Але Юнотасъ.. уздровил.* — Известие об излечении «фриерки» — добавление польского переводчика, в латинской версии «фриерка» умирает.

Стр. 269. *Яко же пишетъ святый Матфей: «Аще имѣти будете вѣру, яко зерно горчично, и речете горѣ сей: „Преиди оттуду" — и прейдет».* — Ср.: Мф. 17, 20.

Яко же пишетъ святый Лука: «Просите — и возмете, ищите — и найдете». — Ср.: Лк. 11, 9; см. также: Мф. 7, 7.

И святый Павлъ к коринфяном пишетъ, глаголя: «Надеждою есте спасени». — Отсылка неверна, ср.: Рим. 8, 24.

Яко апостолъ к коринфяномъ глаголетъ: «Не ищет своихъ си», но яже суть Христова. — Ср.: 1 Кор. 13, 5.

И святый Иоаннъ глаголетъ: «Богъ любовь есть». — Ср.: 1 Ин. 4, 8.

Стр. 272—273. *Яко же рече святый Иовъ: «Нагъ изыдохъ от чрева матере моея и нагъ паки ся возвращу».* — Ср.: Иов. 1, 21.

Стр. 273. *...яко о томъ повѣдаетъ Давидъ: «Вся покорилъ если под ноги его».* — Ср.: Пс. 8, 7; см. также: 1 Кор. 15, 27.

...о немъже глаголетъ святый Иоаннъ во Апокалипсисѣ: «Побѣдилъ левъ от колѣна Иудова». — Ср.: Откр. 5, 5.

Стр. 276. *Макробиушъ славнѣйший, дѣяниемъ списатель* — Макробий, римский грамматик первой половины V в., автор нескольких сочинений. Здесь подразумевается его компиляция «Сатурналии», диалог, содержащий богатый культурно-исторический материал (история, мифология).

Стр. 277. *Максимианус* — император Максимиан (286—305 гг.).

Стр. 279. *...и первый нашъ отецъ...* — То есть Адам.

...по Давиду пророку, иже рече: «Вся покорилъ еси под ноги его». — Ср.: Пс. 8, 7 (см. примеч. к стр. 273).

Стр. 279—280. *...Диаволъ реклъ: «Аще снѣсте от того древа, не смертию умрете, але будете яко бози, вѣдуще добро и зло».* — Ср.: Быт. 3, 5.

Стр. 280. *...яко же патриарси и пророцы учинили, которые вопияли къ Богу о исцѣлении и о помощи, глаголюще: «Господи Боже, Царю Крѣпкий, иже далъ еси намъ приказанье, которое есть упование и спасение наше, прииди спасти насъ».* — Точного соответствия этому тексту в Библии не найдено. Обращения к Богу с просьбой о спасении см.: Пс. 3, 8; 6, 5; 30, 17; 53, 3; 68, 14; 70, 2; 79, 3; 84, 8; 85; 2; 85, 16; 108, 21; 108, 26; 118, 94; 118, 146; 118, 166; 118, 174; 105, 4; Ис. 33, 2; 38, 14; Иер. 17, 14 и др.

...на висѣлицѣ, о нейже писано въ книгѣ Иовли: «Вѣселицу изволила душа моя»... — Страдающий Иов сожалеет, что не умер во чреве матери или после рождения, жаждет смерти (см.: Иов. 3, 11—13; 7, 15—16), но упоминаний о виселице в его жалобах нет.

Стр. 281. *...королевство Дунское...* — В латинском тексте — Дация. Очевидно, имеется в виду вторжение половцев (XI в.) в Дакию.

Стр. 282. *О, Фортуно непостоянная...* — Фортуна — в римской мифологии богиня изменчивой судьбы, счастливого случая, удачи.

Стр. 287. *...яко писано есть: «Бысть брань велика на небеси»...* — Ср.: Откр. 12, 7.

...егда фараона... потопилъ въ мори... — См.: Исх. 14, 22—30.

...Моисеа уставилъ, чтобы вывелъ люди его къ пути правды. — См.: Исх. 3 и 4 (т. е. главы 3 и 4).

...яко же писано есть о святом Иоаннѣ: «Се азъ посылаю аггела моего, иже уготовитъ путь твой пред тобою». — Ср.: Мф. 11, 10.

...егда рече: «Се Агнецъ Божий». — Ин. 1, 29.

Стр. 288. *Балдахъ* — Багдад.

Стр. 291. *...по оному писанию: «От Египта возвахъ сына моего».* — Ср.: Мф. 2, 15.

...на роли дамасценстѣй сотворенъ есть. — На земле (почве) Дамасской (т. е. в Сирии). По одной из версий относительно локализации земного Рая (Эдема), он находился на территории Сирии. Согласно апокрифическому «Сказанию, как сотворил Бог Адама», отразившему дуалистический взгляд богомилов на происхождение человека, Бог создал Адама «*в Мадиамской земле*», затем «насади Господь Богъ Рай на востоцѣ и велѣ Адаму пребыти...». Согласно апокрифу «Об Адаме и Еве», после изгнания из Рая и 40-дневного покаяния (Адама — в реке Иордане, а Евы — в реке Тигр) прародители поселились в *Мадиаме* и здесь родили Каина и Авеля (Апокрифы об Адаме см.: наст. изд., т. 3, с. 94—98, 100—107). Земля Мадиамская — пустынная местность, лежащая на восточном побережье Чермного (т. е. Красного) моря, к востоку от Синайского полуострова, на котором, как предполагают, мадианитяне жили, когда сыны Израилевы расположились станом на равнинах Моавитских (см.: Мадиамъ, Мадианитяне, земля Мадиамская // Библейская энциклопедия.

Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891. Репринтное издание. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1990).

Стр. 291. *...егда Богъ Отецъ къ Сыну и Духу Святому реклъ: «Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобию».* — Ср.: Быт. 1, 26.

...по оному писанию святаго Матфеа: «Лиси ямы имутъ, птицы воздушныя — гнѣзда, а Сынъ Человѣческий не имать, гдѣ главы подклонити». — Ср.: Мф. 8, 20; Лк. 9, 58.

А веле ихъ ищутъ его... — То есть Христа.

«Оставите ихъ, азъ есмь, пустите сихъ». — Ср.: Ин. 18, 4—9.

Стр. 292. *...оно писмо: «Богъ есть праведенъ судиа, крѣпокъ и долготерпѣливъ».* — Ср.: Пс. 7, 12.

...сие писмо: «Судбы Божия — бездна многа». — Ср.: Пс. 35, 7.

Стр. 293. *...яко же глаголетъ пророкъ: «Возопий и не престай и яко трубу вознеси гласъ свой».* — Ср.: Ис. 58, 1.

Стр. 294. *...егда рече: «Аще возможно есть, да мимо идетъ от мене чаша сия».* — Ср.: Мк. 14, 36; Лк. 22, 42.

Стр. 297. *...по словеси Христову: бдите, ибо не вѣсте, въ кторый часъ тать приидетъ.* — Ср.: Мф. 24, 42—44; Лк. 12, 36—40 (в цитате — Господь и Сын Человеческий, а не тать, рассуждение о тате — в 24, 43).

...по оному писму Исаии пророка: «Взыду на небо и тамо тако же поставлю престолъ свой на полунощи и буду равенъ Вышнему». — Ср.: Ис. 14, 13—14.

Потом ступилъ чрез стѣнь, то есть чрезъ свою пенкность, и упалъ до пекла и поломалъ голени... — См.: Ис. 14, 15.

Стр. 298. *...сложенъ от четырехъ составъ....* — Подразумевается, что человек сложен из четырех элементов: огня, воздуха, земли и воды. Это представление отражено в апокрифе «О сотворении Адама», появившемся в русской литературе в XII в. в составе апокрифической «Книги Еноха» и позже в апокрифической «Беседе трех святителей». Библейская легенда, вкратце сообщающая, что «создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2, 7), в апокрифе превращается в указание четырех элементов, из которых создан Адам («...имат от огня теплоту, а от воздуха студеньство, а от земли сухоту, а от воды мокроту»), а затем — как вариант («индѣ пишет») — указывается 8 частей, от которых был создан Адам (см.: наст. изд., т. 3, с. 92).

Стр. 300. *...яко же Спас рече: «Не приидохъ разорити Законъ, но исполнити».* — Ср.: Мф. 5, 17.

Стр. 301. *И такову радость имѣла душа моя, которой ниже око видѣ когда, ниже ухо слышало...* — Ср. слова апостола Павла: «не видел чего глаз, не слышало ухо» (1 Кор. 2, 9).

Стр. 302. *...срацыни обѣщаниемъ Махметовымъ...* — Сарацины (т. е. мусульмане) обещанием (т. е. учением) Магомета.

Жидове также вѣруютъ чрез Законъ Моисеовъ спасение наслѣдить... — То есть через исполнение десяти заповедей и законов, данных Богом иудеям через Моисея. См.: Исх. 20—23.

...о богатых такъ написано: «Гдѣ суть сильные свѣта сего, которые со псы и со птицы игрывали? Помроша и во адъ снидоша». — Источник не найден.

Король именемъ Асмодусъ... — Вымышленная личность.

Стр. 303. *Галлусъ, король велми мудрый и можный...* — В латинском тексте Галл; возможно, что подразумевается император Требониан Галл (251—253 гг.).

Стр. 305. *...по оному писанию: «Веселие мое съ сыны человѣческими».* — Ср.: Притч. 8, 31.

...ибо апостолъ рече: «Без вѣры невозможно есть угодити Богу». — Ср.: Евр. 11, 6.

Король нѣкоторой Данайской... — В латинской версии «Римских Деяний» король датский, в польск. Danajski, в Б. Daniański (вар. Danański).

...ко тремъ королемъ, которые... приѣхали до Иерусалима и Христу... дары своя принесоша. — Имеется в виду библейская легенда о трех восточных царях (или волхвах, мудрецах), ко-

торые, путеводимые звездой, пришли поклониться новорожденному младенцу Христу, принеся ему в дар золото, ладан и смирну (см.: Мф. 2, 1—2).

Стр. 306. *...до Колна...* — До Кёльна, в латинском тексте — до Колонии (средневековое название города Кёльна).

Стр. 307. *...яко же писано въ Матфеи, глава 9-я: «Милости хощу, а не жертвы».* — Ср.: Мф. 9, 13.

Прикладъ, яко... внидутъ в Царство Небесное. — Сюжет рассказа напоминает библейский сюжет о суде царя Соломона, к которому пришли две женщины (у одной из которых младенец умер), оспаривавших свое материнское право на живого ребенка. Соломон предложил рассечь ребенка надвое и отдать половину одной и половину другой, от чего отказалась настоящая мать, в пользу которой и был решен Соломоном спор (см.: 3 Цар. 3, 16—27).

Стр. 308. *...егда жидове рекли: «Идемъ и убиемъ его въ язык», то есть какъ его напаяли желчию со оцтом...* — См.: Мф. 27, 34; 27, 48; Лк. 23, 36; Ин. 19, 29—30; ср.: Пс. 68, 22.

...яко же Давидъ рече: «Изостриша языки своя, яко змиин». — Ср.: Пс. 139, 4.

Веспасианусъ... — Упоминание об императоре Веспасиане (69—79 гг.) служит только для создания видимости историзма. Сюжет рассказа напоминает сюжет древнегреческого мифа об Ариадне и Тезее.

Стр. 310. *...яко же святый Давидъ рече: «Измѣрены положилъ еси дни моя»...* — Ср.: Пс. 138, 16.

...и премудрый Соломонъ в Екилисиастѣ в третей главѣ: «Едина есть человѣческая смерть и скотска». — Ср.: Еккл. 3, 19.

А пророкъ глаголетъ: «Яко вода погашаетъ огнь, тако и милостыня грѣхи». — Ср.: Притч. 16, 6.

Стр. 312. *...яко писано есть: «В потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ свой».* — Ср.: Быт. 3, 19.

Стр. 313. *Король Гордианусъ...* — Существовало три римских императора с этим именем: Гордиан I (238 г.), Гордиан II (238 г.), Гордиан III (238—244 гг.). Кто из них имеется в виду, неизвестно.

Стр. 314—315. *...всякъ человѣкъ и всяк звѣрь составленъ есть от четырех живел...* — То есть четырех элементов: огня, воздуха, земли и воды. См. примеч. к с. 298.

Стр. 316—317. *...яко же свидѣтелствует Писание: «Лисы ямы имут, птицы — гнѣзда, а Сынъ Человѣческий не имать, гдѣ бы свою главу приклонилъ».* — Ср.: Мф. 8, 20; Лк. 9, 58 (см. примеч. к с. 291).

Стр. 317. *...яко же писано есть: «Елико сотвористе единому от меншихъ сихъ, мнѣ сотвористе».* — Ср.: Мф. 25, 40.

Стр. 318. *...по оному писанию: «В которой час грѣшный воздохнетъ, буду ему милостивъ».* — В Библии точного соответствия данному выражению не обнаружено.

Стр. 319. *Каштелянку...* — Каштелян (кастелян) — лицо, которому феодальный господин поручал охранять свой замок, каштелянка — жена каштеляна.

Стр. 320. *...яко же рече Давидъ: «Яко жадаетъ елень на источники водныя, сице жадаетъ душа моя къ тебѣ, Боже».* — Ср.: Пс. 41, 2.

...яко же писано есть: «Аще кто оставитъ отца или матерь мене ради, стократъ прииметъ и животъ вѣчный одержитъ». — Ср.: Мф. 19, 29.

Стр. 321. *...яко же то сказася о Авесаломѣ, которой воевался со отцемъ своимъ и бѣгалъ пред нимъ, повѣсился на дубѣ за власы, а Иоавъ проболъ треми копии сердце его.* — См.: 2 Цар. 18, 1—15.

Стр. 325. *Сему толкования нет.* — В польском тексте 1543 г. «выклад» есть.

Стр. 326. *Прикладный животъ святаго Евстафиа и о навращении блудящаго.* — Византийское «Житие Евстафия Плакиды», одно из житий-мартириев, построенное по схеме позднегреческого романа, было известно на Руси уже в Киевскую эпоху и широко переписывалось в течение нескольких веков. Оно было включено в XVI в. в Великие Минеи Четьи митрополита Макария под 20 сентября. Ранний перевод жития Евстафия см.: наст. изд., т. 3, с. 10—26.

Троянус — римский император Траян Марк Ульпий (годы правления 98—117).

...гетман королевской. — В XVI—XVIII вв. в Польше главнокомандующий вооруженными силами.

...елень Валаама... — Согласно библейскому рассказу (см.: Числ. 22, 21—33), ослица (а не олень), на которой ехал прорицатель Валаам, остановилась, потому что путь преградил невидимый Валааму ангел с мечом. Валаам побоями побуждал ослицу двигаться, пока она не заговорила человеческим голосом. Тогда очи Валаама отверзлись, он увидел ангела и преклонился.

...азъ есмь Христосъ, иже сотворилъ небо и землю... из мертвыхъ восталъ. — Данный фрагмент построен на ветхозаветных реминисценциях (ср.: Быт. 1, 14—16; Иер. 31, 36; Пс. 135, 7—9) и новозаветном Символе веры.

Стр. 327. *...яко приялъ еси воду и даръ ласки моей.* — Т. е. воду крещения и благодать, даруемую при крещении.

...будеши, яко же вторый Иовъ. — Библейский персонаж, благочестивый и долготерпеливый праведник, о котором повествуется в Книге Иова. История Иова такова: Сатана сказал Богу, что Иов праведен, пока счастлив, но стоит ему лишиться счастья, как исчезнет все его благочестие. Испытывая Иова, Бог насылает на него одну за другой всевозможные напасти (он потерял богатство, умерли дети, он был поражен страшной болезнью и лежал «на гноище» за воротами и др.), но Иов остался непоколебимым в вере и не возроптал. После этого искушения Бог вернул Иову все, что тот потерял, — былое богатство, семью, почетную жизнь, он также получил награду на небесах.

Стр. 331. *Адриан* — Адриан Публий Элий (76—138 гг.), римский император, правивший с 117 г.

Стр. 334. *...по оному писму Иосиа пророка, въ 30-ой главѣ: «Пошлюбитъ ю себѣ въ вѣрѣ».* — Ср.: Ос. 2, 20.

...глаголя: «Не можемъ Богу служити и Мамонѣ», по святому Матфею евангелисту въ 6-ой главе. — Ср.: Мф. 6, 24; Лк. 16, 13.

Иже кто оставитъ отца или матерь, братию, жену, дѣти и домы или села имени ради Христова, сторицею приимет и животъ вечный наслѣдитъ. — Мк. 10, 29.

Историа о Аполлонѣ, короли тирскомъ, и о Тарсѣ королевнѣ. Прикладъ, что печаль премѣняется въ радость. — «История о Аполлоне» — позднегреческий роман, дошедший в латинской версии, переведенной на многие европейские языки. В польские «Historie rzymski» была включена в переводе с чешского языка. «История об Аполлоне», входящая в «Римские деяния», в XVII в. была переработана русским книжником-традиционалистом, создана ее дидактическая редакция, опубликованная в 15-м томе наст. изд. (с. 358—376).

Антиох — Антиох III Великий, сирийский царь царства Селевкидов (222—187 гг. до н. э.). Потерпел поражение в войне с римлянами (192—188 гг. до н. э.). Сообщаемые в романе факты его жизни: преступная связь с дочерью, убийство его молнией — литературный вымысел. Антиох III был убит в Элиманде местными жителями при разграблении его войском храма бога Бела.

Антиохия — В древности крупнейший город восточного Средиземноморья, великолепная столица Сирийского государства. Антиохия была основана в 300 г. до н. э. не Антиохом III, как сообщает роман, а его дедом, первым сирийским царем Селевком Никатором, основателем царства Селевкидов (305/304—281 гг.), который и дал городу название по имени своего сына, позднее сирийского царя (281—261 гг.) Антиоха Сотера. В 1270 г. город был разрушен мусульманами до основания. На месте Антиохии сейчас находится город Антакья.

Стр. 336. *Маршалок* — Гофмаршал (двора), ведавший дворцовым хозяйством.

...Апполонъ, король тирский... — Тир — в древности знаменитый финикийский город-государство на восточном побережье Средиземного моря. Разрушен мусульманами в 1291 г. На месте Тира сейчас находится г. Сур в Ливане. Король Аполлон — вымышленное лицо. В латинской версии в конце романа указывается: «Аполлоний прожил со своей женой 84 года и счастливо, и мирно правил Антиохией и Тиром. Свои злоключения он сам описал в двух томах: один том положил в Эфесском храме, другой хранил в своей библиотеке». Цит. по: Средневековые латинские новеллы XIII в. / Пер. ст. и коммент. С. В. Поляковой. Л.: Наука, 1980 (Сер. «Лит. памятники»). С. 210.

Стр. 338. *Тарсъ* — В древности главный город Киликии. Теперь — остатки поселения на окраине современного города Тарсуса в Турции.

...по осми золотыхъ... — В польск. тексте — po osmi złotych, злотый — польская денежная единица.

...по осми мѣдяных пѣнязей. — См. примеч. к с. 254.

...образъ его посредѣ града поставили. — Эпизод раздачи Аполлоном хлеба гражданам Тарса, пострадавшим от неурожаев, и помощь в отстраивании города воспроизводит характерные черты греческой жизни первых веков н. э. Соответствует реальной действительности и сооружение на форуме («посредѣ града») статуи Аполлона за оказанную им щедрую помощь городу. Обычай отливать и ставить на площадях медные статуи основателям, восстановителям и благодетелям городов был широко распространен в то время.

Стр. 339. *Пентаполь* — То есть «Пятиградие», со времен Птолемеев (в 321 г. египетский царь Птолемей подчинил Киренаику своей власти) название Киренаики с ее пятью городами (Кирена, Аполлония, Птолемаида (Барка), Арсиноя (Тавхира) и Вереника (Евгеспериды)). Последний представитель династии Птолемеев завещал Киренаику римлянам, присоединившим ее в административном отношении к провинции Криту (67 г. до н. э.). При римском владычестве вновь вошло в употребление прежнее название страны.

...земли Цылибской... — Далее упоминается ее столица — город Цырин (Кирена), один из городов Пентаполя.

Стр. 341. *...выявши свою табличку...* — На покрытых слоем воска деревянных табличках в древности и раннем средневековье писали металлической палочкой, стилем.

Стр. 344. *Эфес* — город на западном побережье Малой Азии, основанный в XII в. до н. э. греками. От древнего Эфеса сохранились руины некоторых построек.

Стр. 345. *...княжною учинилъ той богинѣ, нарицаемой Веста...* — В латинской версии Архистратида (Люцына) служит в храме богини-девы Дианы (святилище которой в Эфесе было очень знаменито) и в силу этого обязана соблюдать целомудрие. В польской версии Люцына служит в храме богини священного очага Весты. Жрицы Весты — весталки, поддерживавшие постоянный огонь в очаге храма Весты, избирались из числа девочек 6—10 лет, они должны были сохранять девственность в течение 30 лет, за нарушение этого запрета замуровывались живыми.

...и в тыхъ лѣтѣхъ ни брады не голить, ниже мытися обѣщался. — Выражение скорби, традиционное для язычников.

Стр. 347. *Мелхина* — возможно, искаженное Мерсина, т. е. Мерсин — древний город в Малой Азии недалеко от Тарса, откуда отплыл Аполлон (сейчас — развалины близ современного г. Мерсин на юге Турции). Менее вероятно испорченное Митилена (город на Лесбосе).

Стр. 348. *Анатагор* — в др.-лат. Antinagoras, в переводе С. В. Поляковой — Афанагор, вымышленный персонаж.

Стр. 355. *...до Цырена града...* — Цырин (Кирена), один из городов Пентаполя, т. е. Киренаики с пятью ее городами.

Прикладъ, яко прозрению Божию никтоже противится может. — Начало повести о Конраде в рукописи утрачено, оно публикуется по рукописи ИРЛИ, отд. поступл. 23. № 80.

Цесарь Кондратъ — это имя носили несколько римско-германских императоров и один король, так что неясно, кто здесь подразумевается.

...реклъ... — Отсюда текст вновь публикуется по рукописи *ГИМ*, собр. Уварова, № 1326 (494) (313).

Стр. 356. *...во Аквисгранѣ.* — Аквисграния — средневековое название города Ахена в Германии.

Стр. 357. *Прикладный живот святаго Алексѣя, чтобы смыслости сего света возненавидели.* — Текст жития святого Алексея и следующая глава о святом Григории, отсутствующие в рукописи *ГИМ*, собр. Уварова, № 494, печатаются по рукописи, относящейся к первой группе списков «Римских деяний» — *РНБ*, Q.XV.162.

...до Ладиокиския земли. — Лаодикия — название нескольких городов в древности, один из которых (во Фригии) был главным центром христианства.

...до града Едеса, идѣже былъ образ Господа нашего Иисуса Христа, нечеловѣческими руками сотворенный... — Город Эдесса, столица Осроены, являлась крупным христианским центром и была овеяна сказаниями, связанными с именем Иисуса Христа и его Нерукотворного образа. С 1637 г. принадлежит Турции (г. Урфа).

Стр. 358. *Тарс* — главный город Киликии, области, расположенной на юго-востоке Малой Азии; с 66 г. до н. э. часть ее была римской провинцией.

...вели питати мене крупицами от стола твоего... — Ср.: Мф. 15, 27.

Приидите ко мнѣ, вси труждающиися и обремененнии, а я вас упокою. — Мф. 11, 28.

Стр. 359. *...княжата Аркадиусъ и Онарнинус...* — Аркадий и Гонорий — римские императоры, братья-соправители, известные строгими указами против язычества. После раздела Римской империи в 395 г. Гонорий (395—423) правил западной частью империи, Аркадий (395—408) — восточной.

Стр. 360. *...до костела Святаго Внифантия.* — Церковь в память римского св. мученика Вонифатия (день памяти 19 декабря), который был послан своей госпожой из Рима в Тарс Киликийский за мощами христианских мучеников и, увидев, как мужественно переносят христиане истязания, сам стал христианином и тоже принял мученический венец: был посечен мечом 14 мая 290 г.

Прикладъ о дивномъ промыслѣ Божии и о почитании святаго Григория. — История папы Григория — распространенный легендарный сюжет. Слово «о почитании» передает ошибочно польское слово «o poczęciu», т. е. «о зачатии».

Король единъ именемъ Паркус Мудрый... — В латинском тексте Марк — римский император Марк Аврелий (161—180 гг.).

Стр. 361. *...и тако лист написать...* — В лат. тексте здесь речь идет о табличках, далее в польском и русском текстах тоже говорится об обретенных табличках.

Стр. 363. *...князь бургундинский...* — В лат. тексте герцог бургундский. Бургунды — германское племя, раннефеодальное государство которых в 534 г. завоевано франками.

Стр. 369. *...по оному писму Давида пророка: «Вся поддал еси под ноги его: волы и овцы, еще же и скоты полстия».* — Пс. 8, 7—8.

...но тот то сынъ... диаволомъ прельщен, згвалтил, как яблоко заказанное урвалъ. — Под сыном понимается Адам. См.: Быт. 3.

...то есть десять Божиих заповедей, которые Моисей от Бога взял. — См.: Исх. 20.

Стр. 370. *...яко написалъ Лука святый въ 15-ой главѣ: «Веселие есть аггеломъ Божимъ о единомъ грѣшнице кающемся, нежели о девятидесяти праведных, не требующих покаяния».* — Ср.: Лк. 15, 7.

ПОВЕСТЬ О ФОМЕ И ЕРЕМЕ

Небылица о двух братьях-неудачниках Фоме и Ереме — типичный образец демократической смеховой литературы. Построенная как бы на противопоставлении двух «героев», она в действительности ничего не противопоставляет, а лишь усугубляет бесшабашный и, может быть, горестный смех над одним из них столь же бесшабашным и горестным смехом над другим. Перед читателем предстает карикатура на контраст, оживают сценки, разыгрываемые «неумелыми», «упрямыми» дураками, шутами, клоунами.

«Повесть» сохранилась в списках не раньше начала XVIII в., но известна была уже в XVII в. Она имеет множество вариантов как в письменной, так и в устной традициях; известен и лубочный (нач. XVII в.) ее вариант.

«Повесть о Фоме и Ереме» печатается по списку (*ГИМ*, собр. Вахрамеева, № 704, л. 5 об.—7, XVIII в.), издававшемуся ранее В. П. Адриановой-Перетц (Русская демократическая сатира XVII века. Изд. 2-е, дополн. М., 1977. С. 34—36).

Стр. 373. *...Третины* — поминание умерших в третий день по их кончине.

СЛУЖБА КАБАКУ

«Служба кабаку» (или «Праздник кабацких ярыжек») — оригинальный текст XVII в., который не получил еще в науке однозначной интерпретации. Ряд ученых определяет его как политическую пародию, которая свидетельствует о зарождающемся атеистическом сознании и имеет антицерковную и антиклерикальную направленность. Эта традиция берет начало в 20-х гг. XX в. и повторяется в работах последних десятилетий.[1] Другие исследователи отказывают этому сочинению в определении «памятника культуры», определяя его как кощунственный.[2] Согласно третьей точке зрения, текст «Службы кабаку» не следует понимать как кощунство: демократическая литература использовала для пародирования лишь схему отдельных жанров церковной письменности. Комический эффект достигался игрой со значениями слов и понятий, употребление которых переносится из высокого символического содержания текстов церковной службы в бытовые натуралистические ситуации, и наоборот, повседневная и даже грубая лексика употребляется в изысканном книжном контексте.[3] При этом следует отметить, что ни догматы, ни сакральные для христиан имена и факты не подвергались в «Службе кабаку» какому-либо высмеиванию или искажению, что служит доказательством отсутствия здесь признаков кощунства или атеизма.

Текст «Службы кабаку» известен только в трех списках. Самый старший список (*ГИМ*, Музейское собр., № 3860) датируется 1666 г. на основе записи, выполненной скрепой по нижним полям листов: «Сий кабакъ Никиты Петрова сына Новоселцова, а подписал по его повелѣнию Прилуцкого монастыря дияконъ Юрье Поповъ назвищем Удачиных, лета 7174 (1666) году марта в 4 день». В записи упоминается Прилуцкий монастырь, который А. Викторов, а затем В. П. Адрианова-Перетц, главный исследователь этого текста в XX в., связали с обителью в 40 верстах от Великого Устюга.[4] По их мнению, топонимы и гидронимы, встречающиеся в тексте «Службы кабаку», свидетельствуют о создании и бытовании этого текста именно в этой местности. Так, в нем упоминаются реки Вычегда, Виледа и Лала — притоки Сев. Двины, а также «Вычеготское Усолие», т. е. район города Сольвычегодска. Список 1666 г. имеет утраты, листы при переплете были перепутаны. Рукопись с текстом «Службы кабаку» переплетена в сборнике вместе с другими текстами самого разного содержания. Второй по времени список находится в сборнике начала XVIII в. (*ГИМ*, Музейское собр., № 3859). В рукопись входят статьи, обличающие пьянство и представляющие тематически

---

[1] См., например: Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVI в. Очерки истории. М., 1982. С. 125.

[2] См., например: Мурьянов М. Ф. Из истории чувства юмора // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1989. С. 198

[3] Русская демократическая сатира XVII в. (Сер. «Лит. памятники») / Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, дополн. Л., 1977. С. 189—196. «В целом пародировались лишь ⟨...⟩ запоминавшиеся выражения, слова, обороты, ритмический рисунок, мелодия. Пародируемый текст неизбежно коверкается. Это как бы „фальшивое" воспроизведение пародируемого памятника — воспроизведение с ошибками, подобное фальшивому пению» (Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. М., 1976. С. 14).

[4] Викторов А. Описание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 35; Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII в. Л., 1934. С. 3. Прилуцкий монастырь мало известен, вот что о нем писал в XIX в. арх. Амвросий: «Прилуцкий Николаевский заштатный монастырь бывшей Устюжской, а ныне Вологодской епархии, находится в Устюжском уезде, от города Устюга к северу в 40 верстах на заливе из Двины реки ⟨...⟩ Когда и кем сей монастырь построен, за сгорением всех монастырских бумаг осталось неизвестно: известно только, что в писцовых книгах ⟨...⟩ он упоминается 7133 или 1625 года уже существовавшим и писан с угодьями поземельными» (Амвросий, арх. История российской иерархии Ч. V. М., 1813. С. 646—648).

выдержанную подборку. Текст «Службы кабаку» в этом списке имеет существенные разночтения со списком 1666 г.: к словам, имеющим специальное диалектное значение, приписаны объяснения; текст дополнен рассуждениями о вреде пьянства, написанными в отличном от основного содержания стиле; приписан канон из 8 песней, лексика которого говорит о более позднем происхождении.[1] Третий по времени список датируется серединой XVIII в. и входит в состав сборника *РГБ*, собр. Беляева, № 1565. В этом сборнике «Служба кабаку» предварена многозначительным предисловием, составитель которого ставит своей задачей оправдать данный способ обличения пьянства. Текст этого списка характеризуется теми же особенностями, что и список из Музейск. собр., № 3859: в нем находится канон, отредактирована лексика, встречаются те же ошибки — очевидно, что эти списки восходят к одному оригиналу. Структура, содержание сборников XVIII в. и внесенные в текст изменения говорят о целенаправленном стремлении книжников поместить «Службу кабаку» в контекст произведений, обличающих пьянство, и придать ей социальное звучание. Предпринятое ими объяснение диалектных слов и специальных выражений способствовало адаптированию текста для более широкого круга читателей.

Автор «Службы кабаку» предпринял впервые за всю предыдущую историю древнерусской письменности смелый эксперимент, возможный только в преддверии Нового времени. Игра с языком, цель которой — смешение разных его пластов, виртуозное воспроизведение ритма и структуры наиболее известных гимнографических текстов, наполненных инородной лексикой с целью провоцирования смеха, — явление, ранее неизвестное в Древней Руси: «Вторжение смеха в письменность свидетельствовало о коренной перестройке русской культуры, о появлении литературного „мира навыворот", смехового антимира».[2] Включение «Службы кабаку» в контекст «смеховой культуры» и литературной пародии открывает новые перспективы для изучения такого феномена, который не имеет определенного места в современной системе ценностей.

Как определила В. П. Адрианова-Перетц, автор «Службы кабаку» положил в основу своего сочинения структуру и тексты великой и малой вечерни, — но поскольку в конце сочинения содержатся тексты и из служб утреннего богослужения и 1-го часа, то можно говорить о всенощном бдении как о «каркасе» для этого сочинения. Люди XVII в. без труда узнавали в сочинении, посвященном «пьянственному недугу», начальные слова стихир, славословий, поучений, читающихся на всенощной: автор придерживался последовательности текстов и специальной терминологии. Стих, стихира, стиховна, глас, запев, паремия, лития, тропарь, полиелей, величание, псалом, подобен, запев, прокимен, ирмос, икос, седален, кондак, лития, кафизма, светилен — эта терминология используется в «Службе кабаку» не хаотично, а в соответствии с порядком службы и жанром каждого из составляющих службу песнопений и чтений. Церковная служба — это сложное сочетание изменяемых и неизменяемых текстов, поэтому автор «Службы кабаку», задумав «праздник» в честь «новых мучеников, на кабаке пострадавших», чаще всего вспоминает, конечно, молитвословия в честь преподобных и мучеников, но пародирует все же общую схему, повторяющуюся в каждой подобной церковной службе. Эту схему автор произвольно распространяет достаточно известными текстами из других чинопоследований, следуя принципу включать в словесную игру то, что «на слуху», то, что всем доступно, — поэтому в составе «Службы кабаку» встречаются песнопения и из других служб до Страстной недели включительно.[3]

Структуру текстов высокой книжности автор насыщал подробными, порой натуралистическими описаниями жизни завсегдатаев кабака. Основные приемы автора сатиры — полное изменение темы и содержания богослужебного текста при сохранении его начальных слов, ритма и в ряде случаев, например при переделке молитв, — ключевых слов.[4] Приведем примеры. В состав

---

[1] В. П. Адрианова-Перетц в первых публикациях «Службы кабаку» канон издавала в тексте сатиры, в поздних работах — в качестве приложения. В настоящем издании канон не публикуется.

[2] Панченко А. М. Демократическая сатира. Древнерусский смех // История русской литературы. Т. 1. Л., 1980. С. 361.

[3] Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. С. 28.

[4] Подробно о технике изменения материала богослужебных текстов см.: Там же. С. 25—30.

всенощного бдения входит трехчастная молитва-возглас с зачином «Приидите», неоднократно произносимая священником, дьяконом и чтецами, см.: «Приидите, поклонимся Цареви нашему Богу. Приидите, поклонимся Христу Цареви и Богу нашему. Приидите, поклонимся и припадем к самому Господу Иисусу Христу, Цареви и Богу нашему». Автор сатиры в соответствующем месте службы три следующих друг за другом фрагмента начинает со слова «приидите», иронично призывая прийти и тоже «порадоваться» за тех, кто «из добрыя воли» выбрал страдания, голод, «мраз» и «наготу»: «Приидете, всяк град и страна! Торжествуем мерских чмутотворец память мрачно ⟨...⟩. Приидете, безумнии, и воспойте песни нелепые пропойцам, яко из добрыя воли избраша себе убыток! Приидете, пропойцы, срадуйтеся, с печи бросайтеся!». В шуточном прошении, обращенном к Хмелю: «Свяже, Хмель, свяже крепче, свяже пьяных и всех пьющих, помилуй нас, голянских», — автор воспроизводит количество слогов и ритм многократно произносимого на церковной службе «Трисвятого»: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас». Молитва «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам» превращается в молитву «Сподоби, Господи, вечер сей без побоев до пьяна напитися нам...». И таких примеров множество (см. комментарии).

Тексты поэтические и символические автор как бы «материализует»: слова теряют свой высокий и метафорический смысл и приобретают буквальный и бытовой, но не теряют при этом связь с хорошо известным книжным контекстом благодаря тому, что подчинены устойчивой структуре. Так, любой из читателей сатиры знал, что в определенные моменты церковных служб совершаются «выходы» духовенства за пределы алтаря, о чем сообщается в специальных уставных ремарках в богослужебных книгах, — и автор «Службы кабаку» также не забывает указать о «выходах» своих героев: «Таже выход из погреба с пивом...».

Автор «Службы кабаку», высмеивая «безмерное питие», продолжает традицию обличения этого порока, известную по многочисленным словам и поучениям против пьянства. Ряд выражений, речевых формул, описаний внешности, бытовых натуралистических сцен в тексте «Службы кабаку» являются на самом деле заимствованиями из жанра учительных слов, которые автор XVII в. свободно цитировал и вообще, судя по всему, знал едва не наизусть. В «Службе кабаку» читаем: «Безместно житие возлюбихом, по глаголющему: „Злато ваше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша", — а пьяницы же и пропоицы злату ржавчину протираху и своему житию веятели являхуся». Здесь автор цитирует «Поучение Иоанна Златоуста о милостыне»: «Богатство ваше истлеет, а ризы ваша мольми изядени будут, злато и сребро изоржавет, а вас смерти примет...».[1] Автор «Службы кабаку» с невероятной легкостью переходит в обличительных пассажах своего сочинения на язык учительной литературы. Устойчивые словосочетания, ставшие общим местом в этом жанре, мастерски вписаны в картину кабацкого разгула. Ср. текст «Службы кабаку» «...яко мнози тобою (кабаком. — *О. С.*) хвастают, *помале же и нищетою болят*» и текст «Поучения против пьянства»:[2] «...пьянство паче объядения горше есть ⟨...⟩ якоже безумнии хвалятся, *но помале же нищетою болят*», и т. д.[3]

То восприятие, на которое рассчитывал автор «Службы кабаку», современному человеку почти недоступно: необходимо знание не только богослужебных текстов и другой церковной литературы, но и народных верований, символов народной культуры, диалектных слов, реалий быта. Списки «Службы кабаку», как говорилось выше, содержат «следы» северно-русского происхожде-

[1] Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 70.

[2] Там же. Вып. 2. Ч. 2. С. 90.

[3] Примеры сцен из жизни, избираемых автором «Службы кабаку» из поучительных слов, наводят на мысль о возможности установки на шутку в словах и поучениях, посвященных достаточно распространенным, бытовым порокам типа пьянства, см.: Финченко О. С. «Служба кабаку» и традиции учительной литературы (к постановке проблемы) // Источники по истории народной культуры Севера. Межвуз. сб. Сыктывкар, 1991. С. 42—47. Особого исследования требует связь «Службы кабаку» и известных в разных редакциях XVII в. поучений о Хмеле: в них имеются и текстуальные совпадения, и общее отношение к Хмелю как к гиперболизированному олицетворению «пьянственного недуга».

ния, поэтому ряд слов употребляется в значениях, известных именно в этом регионе. Например, «воло́га» — в значении «похлебка», «суровый» — буйный, «су́ды» — посуда, «полохало» — чучело, «светлоки» — сверчки и т. д. Некоторые диалектные слова используются для олицетворения социальных явлений — и без знания их специальных значений современному читателю невозможно понять уже первую строчку «Службы кабаку»: «Месяца Китовраса, в нелепый день, иже в неподобных кабака шалнаго, нареченнаго во иноческом чину „Курехи" и иже с ним страдавших три, еже высокоумных самобратных по плоти хупавых Гомзина, Омельяса и Алафии, буявых губителей остьянских». Начало повествования построено, с одной стороны, по книжному образцу — заголовку Службы какого-либо святого и его Жития, приуроченных к определенному дню церковного календаря (например, «Месяца маия в 8 день иже во святых отца нашего...»), с другой стороны — начальные слова напоминают небылицу: указываются несуществующий месяц Китоврас, «нелепый», т. е. глупый, дурацкий день и «шальной» кабак. «Шальной» — а это слово часто упоминается в «Службе кабаку» — в древнерусском языке, как и в современном, имело значение «безумный», «бестолковый», «дурной».[1] Так, с первых строк текста задается модель шуточного действия, подчеркивается несерьезность происходящего. Недаром в решении судебного дела XVIII в., возбужденного по случаю хранения и чтения «Службы кабаку», это сочинение было названо шалберным (жульническим, сомнительным): «тетради *шалберныя* празднеству о пьяных, которыя к народу *не потребныя, но к соблазну явились*».[2] Установка на шутку в самом тексте и восприятие его в XVIII в. именно как «шального», «дурашливого» исключает предполагаемое рядом исследователей кощунство. Здесь же употребляются слова малознакомые современному читателю: «неподобный» в значении «непристойный»; «самобратные» — в значении «родные братья», «хупавые» — в значении «ловкие» или «шустрые»,[3] «куреха» (от «курить вино») в данном случае означает вино, изготовленное в корчме.[4] Гомзина, Омельяса, Алафию можно перевести, привлекая материалы диалектных словарей, как: Шалость, Дурость, Дармовщинка. Это те явления, которые «живут» в кабаке и которым поклоняются его завсегдатаи в противоположность добропорядочным людям, поклоняющимся настоящим святым подвижникам. Итак, в первом предложении «Службы кабаку» речь идет о том, что в дурацкий день несуществующего месяца празднуется память Кабацкого вина и еще трех родных шустрых братьев — Дурости, Шалости и Дармовщинки, которые и являются губителями устьяков. В списках XVIII в. к этой фразе было приписано что-то вроде толкования, поскольку текст требовал пояснений (см. комментарии). Подобным образом современному читателю приходится буквально «расшифровывать» очень многое в тексте «Службы кабаку».

---

[1] Шаль — дурь, взбалмошность, блажь, одурение, ошалелость. Шальной — бессмысленный, безумный, глупый, бестолковый, взбалмошный, сумасбродный, сумасшедший, блажной, с придурью, непомерно резвый, бешеный; отсюда: шалить, шалопай и др. (См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. IV. СПб.; М., 1882. С. 619—620).

[2] Подробно о судебных процессах XVIII в., материалы которых содержат рассуждения следователей и читателей о «Службе кабаку», см.: Смилянскаа Е. Б. 1) К вопросу о народной смеховой культуре. (Следственное дело о «Службе кабаку» в комплексе документов о богохульстве и кощунстве) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 435—438; 2) Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 229—231; Ромодановская Е. К. Служба кабаку перед церковным судом XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 191; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 187—189.

[3] В. К. Былинин предлагает перевод «шустрый», см.: Сатира XI—XVII вв. Сер. «Сокровища древнерусской литературы» / Сост., вступит. статья, коммент. В. К. Былина и В. А. Грихина. М., 1987. С. 194.

[4] По словам автора, «иноческий чин», т. е. монахи, называют кабак «курехой» — это пример местного, жаргонного слова, используемого для обозначения данного заведения.

В. П. Адрианова-Перетц определила источники богослужебных текстов, «перелицованных» неизвестным писателем XVII в., что позволило специалистам сопоставить ее с таким культурным феноменом средневековья, как parodia sacra. К нему ученые относят пародийные литургии, пародии на церковные гимны, псалмы, травести различных евангельских изречений, известные в западноевропейской литературе.[1] Напрашивается некоторая аналогия «Службы кабаку» и с пародиями вагантов. «Для поэтов, монтировавших свои стихи из набора крепко запомнившихся со школьной скамьи штампов и полуштампов, самым естественным соблазном было вдвинуть благочестивейший текст в нечестивейший контекст (или наоборот) и полюбоваться тем эффектом, который из этого получится».[2] При очевидном подобии приемов игры с материалом высокой литературы стоит отметить, что в отличие от вагантских пародий в «Службе кабаку» не упоминается ни имя Бога, ни вообще персонажи Священного Писания. Богохульство — непременное составляющее пародийных сочинений вагантов — в «Службе кабаку» отсутствует. Игра с хорошо известными молитвословиями и их ритмом не была самодовлеющей для русского автора XVII в.: серьезное порицание «винопития» выражено здесь достаточно четко.

Все действие сатиры происходит в кабаке (иначе — корчме), который в памятниках XVI—XVII вв. назывался «кабацкой избой». Внутреннее пространство питейных заведений имело вид традиционного крестьянского жилища и, согласно тексту «Службы кабаку», основное место пребывания в нем главных героев — «на печи», «за печью», «на полатях». Данное указание является маркированным для носителей средневекового сознания, кем и являлся автор «Службы кабаку», который не только говорил языком народа (диалектизмы, пословицы и поговорки[3]), но и мыслил образами, символами той обрядовой реальности, в которой жил. Например, при описании поведения, внешности, особых качеств своих героев он пользуется традиционными для народной культуры символикой, мифологическими представлениями, повериями, которые пополнили набор художественных средств в его сочинении. Так, указание на пребывание кого бы то ни было на печи (в данном случае — «винопийц») означало иронию и презрение со стороны окружающих, отвергнутость социумом. Как известно, сидение на печи и испачканность в саже и пепле — это атрибуты героев волшебных сказок об Иванушке-дурачке, Матюшке Пепельном, Золушке и др. Некоторые выражения в «Службе кабаку», которые сейчас воспринимаются как натуралистические, например в обращении к пьяницам («Заглядывай из запечья с нами! Что *живой родитель: жив провонял, глаза пиликают, зубы светлеют...*», «*горлы рыкают*»), на самом деле являются реликтами культа умерших предков, которые, согласно восточнославянским верованиям, могли жить за печью. Выражение «что живой родитель» для средневекового человека было равнозначно выражению «что живой труп» (родителями назывались умершие предки, см. комментарии). Связь «Службы кабаку» с народной культурой прослеживается на разных уровнях: на уровне сюжета (место действия — в избе, на печи), на уровне характеристик персонажей (аналогии с героями волшебных сказок, нечистой силой), на уровне лексики, на уровне художественных приемов — использование языковых формул, восходящих к разного вида культам и обрядам (например, культу предков, похоронным обрядам).[4]

По мнению В. П. Адриановой-Перетц, текст «Службы кабаку» сохранил фрагменты скоморошьего репертуара, содержащего рифмованные обращения к зрителям: «Глухие, потешно слушайте! Нагие, веселитеся, ремением секитеся! Дурость к вам приближается! Безрукие, взыграйте в гусли! ⟨...⟩ Безногие, возскочите!», «Дом потешен, голодом изнавешан, робята пищат, ести хо-

---

[1] См. об этом в рецензии на книгу Лихачева Д. С. и Панченко А. М. «Смеховой мир...»: Лотман М. Ю., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 155.

[2] Поэзия вагантов / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М., 1975. С. 484—485

[3] О разговорной стихии, пословицах и поговорках в тексте «Службы кабаку», см.: Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. С. 30.

[4] Подробнее см.: Стафеева (Сапожникова) О. С. Народная обрядовая символика и мифологические представления в поэтике «Службы кабаку» // ТОДРЛ. Т. 49. Л., 1996 С. 133—140.

тят...». Можно говорить и о совпадении ряда фрагментов «Службы кабаку» и текстов, запечатлевших обрывочные сведения о скоморошьем «ясаке»[1] (см. комментарии).

На утрени, входящей в состав всенощного бдения, полагалось читать Житие того святого, чью память в этот день празднует Церковь. Автор «Службы кабаку» также составляет житие пропойцы, соблюдая основные топосы агиографического жанра, но переворачивая их, — получается антижитие: традиционное для святых рождение от благочестивых родителей превращается здесь в рождение от «неподобных» родителей, послушание им превращается в самовольство, смиренность — в «буявость», раздача будущим святым своего имения бедным превращается в «расточение не Бога ради», вместо милостыни — воровство, вместо молитвы — «сатанинския песни», вместо ночного бдения — пьянство и азартные игры, вместо благовония — смрад, вместо благолепной старости и смерти — позор и «злая смерть». Автор подводит итог тому горько-ироническому сравнению жизни завсегдатаев кабака с подвигами святых угодников, которое является рефреном «Службы кабаку»: он настойчиво развивает мысль, что и те и другие претерпевают лишения, нужду, холод, изгнание, но одни — во славу Божию, а другие — во славу кабаку, а потому и достойны они именно этой службы, специально сочиненной для них по подобию их жизни. «Аще бы такия беды Бога ради терпели, воистину бы были новые мученики, ихже бы достойно память хвалили».

Материалы следственных дел XVIII в. свидетельствуют о том, что текст «празднества о пьяных», как называли это сочинение владельцы шалберных тетрадей, был известен от Устюга до Урала и имел успех в первую очередь у представителей низшего духовенства. Вряд ли представители Церкви искали в «Службе кабаку» «противность закону христианскому», скорее всего, они говорили правду на суде, когда объясняли судьям, что «никакова ⟨...⟩ кощунства не чинили», а копировали текст «для одного пьянства посмеяния».[2] По мнению Е. Б. Смилянской, «именно представители церковного причта должны были особенно остро чувствовать и воспринимать ту сложную словесную игру, которая и составляет смысл „смехового" пародирования церковного текста».[3] Д. С. Лихачев, А. М. Панченко выявили круг явлений в древнерусской культуре, цель которых — создание смеховой ситуации. Среди этих явлений они назвали примеры литературного пародирования. Развивая основанные на материале западноевропейской культуры идеи М. М. Бахтина о природе средневекового смеха,[4] ученые признают приемлемой и для русской традиции идею о направленности смеха против самого смеющегося. «Служба кабаку» относится к тем сочинениям, в которых содержится «осмеивание себя или ⟨...⟩ своей среды».[5] Справедливость всех этих рассуждений подтверждается тем, что «парад героев» в конце сатиры автор начинает именно с церковнослужителей. Он перечисляет всех посетителей кабака и те «жертвы», которые они ему приносят, при этом подробно и, можно сказать, профессионально описывает только то имущество, которое может заложить в кабаке служитель Церкви, очень бегло останавливаясь на «жертвоприношениях» кабаку других представителей социальных групп: «Что ти принесем, веселая Корчмо? Кажды человек различныя дары тебе приносит со усердием сердца своего: поп и дьякон — скуфьи и шапки, однорятки и служебники; чернцы — манатьи, рясы, клобуки и свитки и вся вещи келейныя...».

Текст «Службы кабаку» неоднократно издавался. До сих пор самыми авторитетными остаются издания, подготовленные В. П. Адриановой-Перетц, взгляд которой на состав памятника эволюционировал. В данной публикации мы ориентировались на следующие издания: Адрианова-Перетц В. П. 1) Праздник кабацких ярыжек. Пародия-сатира второй половины XVII в. Л., 1934; 2) Русская демократическая сатира XVII в. М., 1954; 3) Русская демократическая сатира XVII в. (Сер. «Лит. памятники») / Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц / Изд. 2-е, доп. Л., 1977. Также привлекался материал изданий: «Служба» кабаку / Подгот. текста и

---

[1] Ясак — призыв, клич, сигнал для профессионального употребления.

[2] Смилянская Е. Б. Волшебники. С. 231.

[3] Там же.

[4] Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. М., 1965.

[5] Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир... С. 8.

коммент. Н. В. Понырко // ПЛДР. XVII в. Книга вторая. М., 1989. С. 196—210; «Служба кабаку». — Перевод В. К. Былинина // Сатира XI—XVII вв. (Сер. «Сокровища древнерусской литературы») / Сост., вступит. статья, коммент. В. К. Былина и В. А. Грихина. М., 1987. С. 194.

Текст публикуется по старшему списку 1666 г. *ГИМ*, Музейное собр., № 3860. Новое обращение к рукописи позволило предложить ряд таких чтений, которые способствуют, на наш взгляд, раскрытию некоторых темных мест. Механические утраты восполняются по двум спискам XVIII в. — они передаются курсивом. В комментариях указываются послужившие источниками для стилистической пародии богослужебные тексты, определенные В. П. Адриановой-Перетц. Также указываются другие выявленные параллели из учительной литературы и устной народной культуры.

Стр. 374. *Месяца Китовраса в нелѣпный день... буявых губителей остьянских.* — Ср. с заголовками к богослужебным текстам и Житиям святых: «Месяца маия в 9 день иже во святых отца нашего...», а также шуточную датировку с аналогичным названием месяца в тексте одной из так называемых «скоморошьих челобитных»: «В месяце Саврасе в серую субботу в соловый четверток», «в желтой пяток день» (Скоморошьи челобитные были обнаружены И. А. Шляпкиным в собрании Ф. И. Буслаева и изданы, см.: Шляпкин И. Сказка о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове // ЖМНП. СПб., 1904. Кн. 8. С. 496—497. Термин «скоморошьи челобитные» был предложен В. П. Адриановой-Перетц). Здесь идет речь о том, что в дурацкий день несуществующего месяца празднуется память Кабацкого вина и еще трех с ним страдальцев высокоумных, родных, шустрых братьев — Дурости, Шалости и Дармовщинки, которые являются губителями устьяков. Упоминающиеся здесь «остьянские» (по-видимому, то же, что и «устьянские») — это еще одно лексическое свидетельство о месте происхождения и бытования текста, которое было непонятно читателям других регионов: «остьянские» заменялось в списках XVIII в. на «христианские». Устьянские можно объяснить как происходящее от этнонимов «усьяки», «устьяки», «устьяне» (до сих пор сохранившееся самоназвание населения, проживающего по р. Устье (приток р. Ваги), которая берет начало недалеко от г. Великий Устюг). Свидетельства о происхождения «Службы кабаку» в районе г. Сольвычегодска, названные В. П. Адриановой-Перетц и А. Викторовым, не противоречат предположению о связи текста с «устьянским краем», т. к. все эти реалии располагаются в одном географическом пространстве — верхнем течении реки Сев. Двина на северо-западе Руси. В XVIII в. к этой фразе, насыщенной диалектизмами и приемами олицетворения, было приписано что-то вроде толкования, достаточно произвольного, из чего можно сделать вывод, что понимание текста было затруднено и требовало расшифровки, которую и предпринимали по своему разумению переписчики «Службы кабаку» (см. об изменениях, внесенных в текст «Службы кабаку» в XVIII в.: Стафеева (Сапожникова) О. С. Проблема редакций «Службы кабаку» // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 276—284). «Празднество в неподобных местех на кабаках, где, когда, кто с верою изволит праздновати трех слепителей вина и пива и меда, христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцов». *Китоврас* — в апокрифической литературе — мифическое существо типа кентавра.

На Малей вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним... в портки. — Ср. ремарку уставного характера в Часослове: «...и изшед благовестит в колокол, звонит во вся колоколы три звона» (здесь и далее мы отмечаем двойными звездочками тексты уставного и богослужебного характера, которые пародируются в «Службе»).

Да уповает пропойца... и своему достанетца. — Ср. в чине малой вечерни стихи псалмов (Пс. 129, 7; 130, 3): «От стражи утренния до нощи, от стражи утренния *да уповает Израиль на Господа*» (Часослов).

В три дни очистился еси до нага, якоже есть написано: пьяницы Царствия Божия не наследят. — См. тексты многочисленных воскресных стихир: «В третий день воскресл еси, Христе, из гроба, якоже есть писано» (Октоих, гл. 3 и гл. 6, Часослов и др.). См.: «Ни лихоимцы, ни татие, *ни пьяницы*, ни досадители, ни хищницы *царствия Божия не наследят*» (1 Кор. 1, 10).

И той избавит тя... с увѣчьем. — Ср. продолжение последования чина малой вечерни: «И тот избавит Израиля от всѣхъ беззаконий его» (Пс. 129, 8; Часослов).

Стр. 375. *Яко утвердися, на кабакѣ... мести во вѣки.* — Ср. продолжение последования чина малой вечерни: «Яко утвердися милость Его на нас, и истина Господня пребывает во вѣкъ» (Пс. 116, 2; Часослов).

Кто ли, пропився до нага, не помянет тебя, кабачѣ непотребне? — Ср. богородичен 6-го гласа, читается на великой вечерне: «Кто Тебе не блажит, Пресвятая Девицѣ, или кто не воспевает...» (Часослов).

Приидѣте, вси искуснии человѣци и благонарочитии в разумѣ... — Ср. с характерным для служб святым разных чинов молитвенным возгласом: «Приидите, мучениколюбцы вси ⟨...⟩ благочестно прослави славнаго» (Минея служебная). Зачин «приидите» характерен и для сочинений гомилетического жанра, посвященных толкованию какого-либо события церковного календаря, где традиционным является обращение к пастве с призывом быть соучастниками в духовном ликовании и торжестве. Начальные фразы в таких словах и поучениях могут быть такими: «Приидите, возлюбленные празднолюбци ⟨...⟩ насладитеся днесь неизреченныя радости...», «Приидите ныне вси верные, празднуем светло...». Для читателей «Службы кабаку» обращение «приидите» был наполнено многочисленными книжными и церковными ассоциациями, и прежде всего — евангельскими: «Приидите ко мне, все труждающиеся...» (Мф. 11, 28).

На стиховне стихиры, подобен: Дом пустѣет. — Ср.: «Стихиры. Глас второй, подобен: «Доме Еуфрафов» (Минея служебная).

Стих: Многи скорби с похмелья живучи бывают — Ср.: «Многи скорби праведным» (Минея служебная).

Пьяница, яко теля наго, процвѣте убожеством. — Ср.: «Праведник, яко финик процветет, яко кедр, иже в Ливане, умножится» (Пс. 91, 13).

...и отпуст по обычаю ж, и многое падение бывает и ронянию шапкам. — Ср. с уставными ремарками в богослужебных книгах: «...и отпуст по обычаю ⟨...⟩. По отпусте же ⟨...⟩ творим кийждо метание на кийждо стих» (Часослов, Минея служебная).

Стр. 376. *Изведи из непотребнаго пьянства душу мою.* — Ср. в чине малой вечерни стих 141-го псалма (Пс. 141, 7): «Изведи из темницы душу мою» (Часослов).

Приидѣте всяк град и страна, торжествуем... — Ср. с текстом молитвы, с которой начинается вечерня, читается перед предначинательным 103-м псалмом: «Приидите, поклонимся Цареви нашему Богу. Приидите, поклонимся Христу Цареви и Богу нашему. Приидите, поклонимся и припадем к самому Господу Иисусу Христу, Цареви и Богу нашему». Автор сатиры три следующих друг за другом фрагмента начинает со слова «приидите», иронично призывая прийти и тоже «порадоваться» за тех, кто «из добрыя воли» выбрал страдания, голод, «мраз» и «наготу». См. также устойчивое клише в текстах молитв: «*Всякий град... и страна...* чтет мощи ваша...» (молитвослов).

Радуйтеся, яко мзда ваша многа на полатех в саже. — Ср. с текстом «блаженн» из чинопоследования литургии: «Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣх» (Часослов), см. «заповеди блаженств»: «Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесах...» (Мф. 5, 12).

Приидѣте, безумнии... яко... — См. выше примеч.: «*Приидѣте всяк град и страна, торжествуем...*».

...голодом, воскликнете убожеством... Глухие, потешно слушайте... босотою припевают, глядят из запечья... — В старшем списке 1666 г. здесь механическая утрата — потерян лист. Текст восстанавливается по списку *РГБ*, собр. Беляева, № 1565.

...глядят из запечья, что живые родители... зубы светлѣют, глазы пиликают, горлы рыкают, аки псы грызут. — Подобные сравнения и описания внешности связаны с похоронной обрядностью и являются реликтами культа умерших предков. Описания мертвецов известны из русских сказок, где распространен мотив побывавшего в царстве мертвых и вернувшегося оттуда в измененном обличье человека (обычно это колдун, упырь). Плоть встающего из могилы колдуна не подвержена разложению, в сказках она уподобляется металлу: «Ну вот те мертвяки и пришли. Бытто живы они, а все наклепали. Пришли да старшой невестке и говорят: „Топи байну!" Она байну топить, а у ей маленка девушка была. Она к матке прибежала, да и говорит: „У тяти да у дяди глаза медны, зубы железны!" Хозяйка и догадалась» (сказка «Покойники-бесы», см.: Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края. Л., 1934. С. 57). Или см. такой пример: «Вот одна девка в крас-

ный угол отошла, под икону стала и видит, что зубы у их (пришедших под видом парней мертвецов. — *О. С.*) железны, а в сопогах кости» («Девки и кости», см.: Карнаухова И. В. Сказки... С. 229). Иронические, высказанные «языком» народных верований намеки на «потусторонний» облик пьяниц находятся в разных фрагментах «Службы кабаку». Выражение «что живой родитель» для древнерусского человека было равнозначно выражению «что живой труп», поскольку родителями назывались умершие предки. Автор «Службы кабаку» запечатлел представления о загробном мире и ее обитателях, сфера бытования этих представлений — устная народная культура, в «Службе кабаку» ее символика и тропы устной речи послужили материалом для литературного приема — сравнения: пьяница выглядывает из запечья и своим видом и смрадом напоминает ожившего мертвеца.

Приидѣте, вси искуснии и благонарочитии в разумѣ... — См. выше примеч.: «*Приидѣте всяк град и страна...*».

Невинно бо есть нам вино, но проклято есть пьянство с неудержанием. — Автор «Службы кабаку» здесь использует идею, встречающуюся в учительной литературе и не признанную бесспорной, — о негреховности умеренного пития, см., например, в «Поучении блаженного Феодосия, игумена Печерского о казнях Божиих»: «...Ино бо пианство есть злое, а ино — питье в меру, и в закон, и в подобно время, *и в славу Божию*» (Ученые зап. II отд. АН. СПб., 1856. Кн. 2. Вып. I. С. 197). См. также «Слово св. отец о пьянстве»: «Питие умным на веселие есть, а несмысленным, иже упиваются, чясто во пьянство, на неизбытная грехы» (Пономарев А. И. Памятники... Вып. 3. С. 101).

Стр. 377. *Егда славнии человецы, в животѣх искуснии... до нага пропивахуся.* — Ср. текст утреннего тропаря Страстного Четверга: «Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся, тогда Иуда злочестивый сребролюбия недугом омрачашеся...» (Триодь постная).

...в среду... — В двух других списках «впредь».

Егда же чрез клятву дерзаше, на питие простирашеся и испиваше и на пугвицы изливаше, и семо и овамо, яко болван, бездушен валяхуся... — Ср. с традиционными книжными конструкциями в словах, обличающих пьянство: «Кроткы убо пьяница, *акы болван* и акы мертвец валяется и, многажды осквернився и омочився, смердится» (см.: Пономарев А. И. Памятники... С. 101). См. также в «Поучении о том, како подобает воздержаться от пьянства», приписываемом Василию Великому: «Пьяница ⟨...⟩ акы мертв, ни се мертв, ни се жив, *отпухл аки болван...*» (Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876. С. 322).

...«злато ваше изоржаве, си ризы ваша молие поядоша»... — Здесь автор обыгрывает устойчивое в учительной литературе перечисленных земных, подверженных тлению богатств, источником которого, по-видимому, является «Поучение о милостыни» Иоанна Златоуста: «Богатство ваше истлеет, а ризы ваша мольми изядени будут, злато и сребро изоржавет, а вас смерти примет...» (см.: Пономарев А. И. Памятники... С. 70).

Стр. 378. *Одиннадцать семь — и платье с плеч... радость сказала...* — Этот фрагмент похож на жанр детских считалок, который, возможно, восходит к творчеству скоморохов.

Родила вас мама, да не приняла вас яма... а в зимѣ не зябете... — Здесь и далее встречаются поговорки самого разного характера, в том числе, на взгляд современного человека, достаточно натуралистические. Часть из них не зафиксирована в сборниках поговорок.

Пьяница, пропився, в раздранныя ризы облечется. — Ср. «Всяк бо пьяница отлучится от Бога и людей и *облечется в раздранныя рубища*» («Поучение к царем и князем ⟨...⟩ еже не упиватися». См.: Пролог, 7 апреля; Пономарев А. И. Памятники... Вып. 4. С. 141). См. также Пс. 92, 1: «Господь воцарися, в лепоту облечеся...» (подражание ритму).

Таже паремьи... Пьяниц безвоздержанных и непослушливых... Запечная улица — на гольянских, и попечение — в костарне их. — Ср. с паремийными чтениями из служб святым (здесь и далее в тексте паремийных чтений, т. е. чтений из Ветхого Завета, курсивом выделены слова и словосочетания, которые сохраняет автор сатиры, придерживаясь канвы канонического текста): «От Премудрости Соломони чтение, глава 3: Праведных *душа в руце* Божии и не *прикоснется им мука, непщевани быша во очию безумных* умрети, и вменися озлобние исход их, и еже от нас шествие *сокрушение*, они же суть в мире. *Ибо пред лицем человеческим*, аще и муку *приимут*, упование их безсмертия исполнь, и малом показании быша, великая восприимут, яко Бог *искуси их и обрете*

достойны себе, яко злато в горле искуси их и *яко всеплодну жертву* прият их, и *во время* посещения их воссияют и, яко искры, по стеблию *отекут*. *Судят* языком и обладают людьми, и воцарится Господь в них на веки, надеющиися нань разумеют истину, и верни любовию пребудут в нем, *яко благодать* и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его» (см., например, Минею служебную).

Стр. 378—379. *От мирскаго жития чтение... Пьяницы на кабаке живут... и сила ваша в немощь претворяется.* — Ср. с паремийными чтениями из служб святым: «От Премудрости Соломони чтение, глава 5: Праведници во веки живут, и от Господа мзда им и помышление их пред Вышним. *Сего ради приимут царьствие* благолепия и *венец доброты* от руки Господни. Яко десницею покрыет их и мышцею защити их. Приимет все *оружие ревности* его и вооружено сотворит создание в месть врагом и облечет я во броня правды, и возложит *шлем суд нелицемерен*, и примет *щит непобедимь* преподобие, поострит же напрасен гнев во оружии и поборет с ним мир на безумныя, и пойдут праволучне *стрелы* молниины, яко от *благокругла лука* облаков на намерение летят, и от пращ каменных ярости исполнь падут грады, вознегодует на них вода морьская, реки же потекут жесточае, сопротив станет им дух силы, и *яко вихорь развеет* я и *отпустит* всю землю беззаконие, и злодеяние превратит престолы сильных. *Слышите*, убо, царие, и разумейте, и накажитеся судии концем земли, *внушите* содержащим множества и гордящиися о народех язык, яко дань быть от Господа вам и *сила* от Вышняго» (см., например, Минею служебную).

Стр. 379. *От мирскаго жития чтение. Правдивый человѣк, аще пьет... яко бити его некого и сняти с него нечего.* — Ср. с паремийными чтениями из служб святым: «От Премудрости Соломони чтение, глава 4: Праведник, аще постигнет скончатися, в покои будет. *Старость* бо *честна, не многолетна*, ни *в числе* лет изочтена, *седина* же есть мудрость человеком и возраст *старости* житие нескверно. *Благоугоден* Богови *быв*, и возлюблен бысть, и *живый посреде грешник* преставися, восхищен бысть, да не злоба изменит разума его или лесть прельстит душю его, *рачение бо злое* губит добрая и *желание похоти* пременяет ум незлоблив, *скончався* вмале *исполнит лета* долга, *угодна бо бе Господеви* душа его. *Сего ради потщася от среды лукавьствия. Людие же видевше* и не разумевше, ни положиша в помышлении таковаго, яко благодать и милость на преподобных его и посещение во избранных его» (см., например, Минею служебную, 9 мая. Служба Николаю Чудотворцу).

Сподоби, Господи, вечер сей без побоев до пьяна... якоже уповахом, пьюще, на тя. — Ср. текст молитвы в заключительной части чинопоследования вечерни: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам, благословен еси, Господи, Боже отец наших. И хвално и прославлено имя твое во веки аминь. Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на тя» (Часослов).

Вооружился на пьющих крѣпко... — Кондак мученику, глас 2: «Вооружився щитом веры, нечестивых полки победил еси...» (см. Часослов).

Стр. 379—380. *...в тюрму вселился еси... ожерелье в три молоты... перстень... нозѣ свои во кладе утверди...* — Между текстом «Службы кабаку» и «скоморошьими челобитными челобитными» существует некоторая текстологическая связь. Так, в данном случае имеет метафорическое уподобление (по принципу места расположения) орудий наказаний украшениям или одежде (см. также далее в тексте), которое встречается и в творчестве скоморохов: «ожерельем» называются кандалы на шею, перстнем — наручники (цепи с грузом), кладом — колоды на ноги. Ср. в текстах «скоморошьих челобитных»: «на нем ⟨...⟩ пугвицы тверския в три молота збиты». Эти уподобления превратились со временем в устойчивые выражения и были известны в поговорках XIX в., см.: «Хорошо ожерелье, на тульское дело: в три молота стегано! Или: Шито ожерельеце в два молота на стуле, т. е. кандалы на шею» (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 2. СПб.; М., 1881. С. 657).

Стр. 380. *Слава...* — Подражание стихирам на «Слава и ныне» (см. далее: «И нынѣ. Глас той же...»), называемым «славники».

В терпѣнии своем стяжал еси мзду... постнически жизнь свою скончав. — Ср. текст тропаря преподобному: «В терпении твоем стяжал еси мзду свою, отче преподобне, в молитвах непрестанно терпя, нищих возлюбив, и сих удоволил еси...» (см. Часослов).

Заглядывай из запечья... что живой родитель... зубы светлеют... — См. примеч. к стр. 376: «*Глядят из запечья, что живые родители...*».

Радуйся, Кабаче непотребне... — Здесь и далее подражание особому виду стихир — хайретизмам. Хайретизм — приветствие или славословие, обращенное к воспеваемому лицу, начинается, как правило, с императива «радуйся!».

Стр. 381. *...яко мнози тобою хвалятся и хвастают, по мале же и нищетою болят.* — Ср. текст «Поучения против пьянства»: «Пьянство паче объядения горше есть ⟨...⟩ якоже безумнии хвалятся, но *помале нищетою болят*» (см.: Пономарев А. И. Памятники... Вып. 2. Ч. 2. С. 90).

Иным даешь ожерелья... или их даришь осетриною вязовою по всему хрепту. — См. коммент к стр. 379—380. Здесь также используется метонимический прием: сравнение орудий наказания с предметами быта (ожерелье и зарукавья — кандалы и цепи) и даже животного мира (осетрина в значении плети). По-видимому, это реликты творчества скоморохов.

Стр. 381—382. *Кто бо слыша безмѣрное твое воровство... Оле дурости кабацкие и воровства... узрим всего пред собою много, пива и меду, а почести — нечего.* — Ср. с текстом служб преподобным: «Кто не дивится и кто не прославит, кто не воспоет верно мудрых и славных чудес безсребреник ⟨...⟩. О, двоице святая, о, честныя главы, о премудрости и славо...» (см. Минею служебную).

Стр. 382. *Ныне отпущаеши с печи мене, раба своего... открыти окна и двери приходящим людям.* — Ср. текст молитвы св. Симеона Богоприимца в чинопоследовании вечерни: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои спасение мое, еже еси уготовал пред лицем всех людей: свет во откровение языком и славу людий Твоих Израиля» (см. Часослов).

Свяже, Хмель, свяже крѣпче, свяже пьяных и всѣх пьющих, помилуй нас, голянских. Трижды. Слава отцу и матере их и сыну... и во вѣки аминь... Отче наш, иже еси седишь... но избавите нас от тюрьмы.— Ср. текст молитвенного чинопоследования, именуемого в уставном обиходе как «Трисвятое по Отче наш»: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый безсмертный, помилуй нас. Трижды. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веком. Аминь... Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли, хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» (см. Часослов).

Стр. 382—383. *По сем полиелеос... Хвалите имя пропойцыно... аллилуия. Исповѣдайтеся ему привѣткою и ласткою выше меры.* — Здесь автор стилистически обыгрывает текст «полиелея» (пение избранных стихов из 134-го и 135-го псалмов, исполняемых с припевом «Аллилуйия» в чинопоследовании утрени), см.: «Хвалите имя Господне, алилуиа. Хвалите, раби Господа, алилуиа, хвалите Господа, яко благ Господь, пойте имени его, яко добро... Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость его...» (см. Псалтирь)

Стр. 383. *Хто по мѣре изопьет в славу Божию, яко в вѣк доброму добрая и слава.* — Ср.: «...ино бо пианство есть злое, а ино — питье в меру, и в закон, и в подобно время, *и в славу Божию*» («Поучение блаженного Феодосия, игумена Печерского о казнях Божиих»). См. примеч. к стр. 377: «*Невинно бо есть нам вино...*».

Величаем тя, кабаче веселый, и чтем собину свою, ты бо лупиши с нас и велишь нам по миру скитатися — Ср., например, текст величаний святым, исполняемых при чтении избранного псалма во время полиелейного чинопоследования: «Величаем тя, пророче Божий, и чтем святую память твою, ты бо молиши за нас Христа Бога нашего» (Минея служебная).

По сем псалом избранной. Терпя потерпѣх, на кабакѣ живучи, и протчее. — Ср. текст избранного псалма, читаемого во время полиелейного чинопоследования вслед за 134-м и 135-м псалмами: «Псалом избранной. Терпя потерпех Господа» (см. Псалтирь с восследованием).

Спаси, Боже, с пропою люди своя и благослови дом достойныя воры своя. — Ср. текст тропаря Честному Кресту: «Спаси, Господи, люди Своя и благослови достояние Свое...» (см. Часослов).

Стр. 383—384. *Избранному кабаку безумныя пѣсни принесем... Да веси, Кабаче неблагодарне, зовем тебѣ: «Бесованию наставниче».* — Ср.: «Взбранному и дивному чудотворцу нашея земли днесь притецем любовию, тебе плетуще песнь ⟨...⟩ но яко имея дерзновение ко Господу, многообразных нас избави обстояний, да зовем ти: „Радуйся, утверждение граду нашему!"» (см. Часослов).

Стр. 384. *Мечюще одеяние свое, ходяще беспрестани на корчму... Видяще наготу кабацкую, текущее, яко слепи...* — Текст восстановлен по двум спискам XVIII в.

Стр. 385. *На хвалу на кабак потекл еси, малоумне человече... темже дерзновение и пропасть стяжал еси.* — Ср. текст стихиры на литии св. Николаю Чудотворцу: «На хвалу потекл еси Господню, Николаю, во временней жизни и той тя прослави на небесней и истинней жизни, темже дерзновение стяжав к нему...» (см.: 9 мая, Минея служебная).

...*Вычеготскому Усолию.* — Так назывался в XVII в. Сольвычегодский край.

...*Вычеге...* — Вычегда — река, приток Северной Двины.

...*Виледе...* — Виледа — река, приток Северной Двины.

...*Лале...* — Лала — река, приток Северной Двины.

Стр. 386. *На стиховне стихиры, глас пулной, подобен: Что тя наречем?... Кабаче мой, моли о пиющих на тебе з голянскими своими.* — Ср. тропарь Богородице из службы первого часа: «Что тя наречем, о, обрадованная, небо, яко воссияла еси солнце правды, рай, яко возрастила еси цвет нетления ⟨...⟩ моли спастися душам нашим» (Часослов).

Пьяница, яко теля, наготою и убожеством процвете. — См. Пс. 91, 13.

Кто тя наречем, кабачѣ?... моли з голянскими своими о недостатках наших. — См. выше примеч.: «*На стиховне стихиры, глас пулной, подобен: Что тя наречем?...*».

Стр. 388. *В нощи убо не усыпаху и не почиваху... ни красныя зрения, ни седин процветения.* — Этот текст утрачен в старшем списке и восстановлен по двум спискам XVIII в.

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

«Калязинская челобитная» представляет собой смеховую жалобу на архимандрита, написанную будто бы от имени иноков Троицкого Калязинского монастыря к архиепископу Тверскому и Кашинскому Симеону (1676—1681). Эффект иронии достигается здесь за счет того, что точка зрения, с которой ведется повествование (пьяницы-жалобщики сетуют на архимандрита Гавриила, «досаждающего» им своими приказами соблюдать монастырское благочестие), не совпадает с авторской.

Текст «Калязинской челобитной» печатается по списку *РГБ*, ф. 236 (собр. Попова), № 71 (старый № 2432 (191)), л. 1—7, XVIII в., издававшемуся ранее В. П. Адриановой-Перетц (Русская демократическая сатира XVII века. Изд. 2-е, доп. М., 1977. С. 51—54).

Стр. 389. ...*Калязина манастыря...* — Троицкий, близ г. Калязина, монастырь, основанный в XV в. Макарием Калязинским.

...*на архимандрита Гавриила...* — Архимандрит Гавриил настоятельствовал в Калязинском монастыре в 1681 г.

...*правило говорим...* — Т. е. молимся по установленному молитвенному правилу.

Стр. 390. ...*да с Покровки без грамоты попа Колотилу...* — Большой Покровкой в Москве XVII в. называлась улица у церкви Покрова Богородицы, где была устроена в те времена «поповская изба», находившаяся в ведении патриарха, там решали дела безместных попов, не имевших грамоты о поставлении. Собираясь, эти попы затевали драки и всякого рода бесчинства.

Стр. 391. ...*«часы»*... — Имеется в виду церковная служба Часов.

...*«блаженна»*... — Название стихир, исполняемых при богослужении после провозглашения евангельских заповедей блаженств.

...*после мору...* — Очевидно, речь идет о моровом поветрии 1654 г.

ПОСЛАНИЕ ДВОРЯНИНА К ДВОРЯНИНУ

Частное по характеру «Послание дворянина к дворянину» ярко отразило события Смутного времени начала XVII в. Автор — реально существовавшее лицо, среднепоместный тульский дворянин Иван Васильевич Фуников, — отвечая на письмо («рукописание») знатного «благодетеля», повествует о своих бедах и злоключениях: восставшие крестьяне бросили его в тюрьму и разорили поместье, не получив припрятанного зерна. Балагурство и раешный стих первой части послания, в которой автор горько смеется над своей судьбой, сменяются серьезностью и приподнятым книжным стилем второй части, посвященной общерусской трагедии и изложенной в духе публицистических памятников начала XVII в.

«Послание» написано в Туле весной 1608 или 1609 г. При включении в письмовник имя адресата было заменено на обычную для этого жанра форму «имярек». Возможно, что Фуников обращался с посланием к крупному тульскому землевладельцу князю Г. К. Волконскому, родственнику упоминаемого в «Послании» «князя Ивана» (см.: Солодкин Я. Г. Об адресате «Послания дворянина к дворянину» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 341—347).

«Послание» сохранилось в единственном списке XVII в. (*РНБ*, собр. Софийское, № 1480, л. 152—155 об.). Публикуется по изданию: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951. С. 541—543. Текст выверен по рукописи.

Стр. 394. *...из глубины возвах...* — Ср.: Пс. 129, 1.

Стр. 395. *...вмѣсто пшеница возрастоша нам терния.* — Ср.: Мк. 4, 7; Лк. 8, 7; Посл. Иер. 12, 13.

...плач нашъ паче Вифлеомскаго плача, тамо бо токмо едини младенцы убиваеми бываху... — В Евангелии (см.: Мф. 2, 16—18) рассказывается, что царь Ирод, узнав от волхвов о рождении в Вифлееме Иисуса Христа, приказал убить там всех младенцев.

...Херсонскаго Устиниянова убиения... — Византийский император Юстиниан II Ринотмет (685—695 и 705—711 гг.) в 695 г. был свергнут и сослан в Херсонес. Вернув себе престол, Юстиниан в 710 г. послал в Херсонес карательную экспедицию. В «Послании» данный фрагмент заимствован из Хронографа (см.: ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. I. С. 313).

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

Эта повесть — один из самых ранних образцов «демократической сатиры» (честь ее открытия как особого литературного слоя принадлежит В. П. Адриановой-Перетц, см.: Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937; Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954; изд. 2-е, доп. М., 1977). В повести отражена социальная неурядица периода становления поместной системы, когда стали нормой насилия землевладельцев над крестьянами: здесь «сын боярский», т. е. дворянин, захватывает исконную их землю.

Эстетически демократическая сатира составляет как бы противовес официальной, серьезной, «душеполезной» литературе, пародирует ее. Чтобы воспринять пародию, читатель должен представлять, чтó пародируется. Поэтому в качестве образца берутся самые обиходные схемы, с которыми древнерусский человек сталкивался на каждом шагу, — челобитная, послание, церковная служба, в данном же случае — судное дело. То, что его персонажи принадлежат к животному царству, читателя озадачить не могло — он был воспитан на животном эпосе, как устном, так и письменном (апологах, сказках и притчах). Впрочем, для читателя русского «очеловечивание» повести дополнительно облегчалось спецификой национального именослова. В Древней Руси у человека было три имени: крестное, молитвенное (его мы, как правило, не знаем — оно утаивалось не только от «нечистой силы», но и от людей, чтобы не сглазили и не напустили порчу), наконец, мирское. Быва-

ло, что в некоторых семьях из поколения в поколение давались мирские имена-прозвища одного семантического поля, в частности «рыбьи»: «У новгородского помещика Ивана Линя, жившего в середине XV в., были сыновья Андрей Сом (1478 г.) и Окунь Ивановичи» (Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 6).

«Повесть о Ерше Ершовиче» — один из самых популярных сатирических памятников XVII в. Известно более 30 списков повести; к ней примыкает также рифмованная скоморошина-небылица о Ерше. Впоследствии Ерш стал героем лубочных изданий, откуда повесть перешла в сказку. Текст печатается по тому же списку, что и в изд. В. П. Адриановой-Перетц 1954 г. (с. 7—13) — *ИРЛИ*, Древлехранилище им. В. И. Малышева, собр. ИМЛИ, № 7 (прежний № 1.27.105), конца XVII в., л. 58 об.—73 об., с дополнениями по списку *БАН*, собр. Н. В. Тимофеева, № 5, первой половины XVIII в., л. 1.6—6 об. Ошибки издания исправлены по рукописям.

Стр. 396. *...за Вандышева сына...* — Фамилия героя указывает на его худородство и одновременно характеризует его отрицательно. «Вандыши» — это всякая мелкая рыбешка, вообще мальки; в некоторых северных говорах слово употребляется в бранном смысле (вытаращенные, наглые глаза, «буркалы»).

Стр. 397. *Уличаем Божиею правдою да крестным целованиемъ...* — «Божия правда» (то же, что «общая правда») — свидетельство, заведомо признаваемое и истцом, и ответчиком. «Крестное целование» — судебная присяга.

Стр. 398. *Сшлемся, господа, из виноватыхъ...* — «Из виноватых» — ссылка одной из сторон на свидетеля, с условием принять его показания независимо от того, в чью пользу он покажет.

...рыба Лóдуга... — Имеется в виду лóдог (лóдьба), северная рыба, водившаяся в изобилии в реке Сосьве.

...почему тебѣ те люди недруги... — Тяжущийся мог отвести свидетеля, если был в состоянии доказать его заведомую пристрастность.

...езду платить нечем... — За доставку свидетелей платили пополам истец и ответчик.

...приставу... — Пристав с понятыми доставлял свидетелей на суд.

Стр. 399. *...с-Ыльина дни да до Семеня дни Летоначатьца...* — По старому стилю с 20 июля («Илья лето кончает, жито зажинает», «Ильинская перина» — первая солома) до 1 сентября, когда наступал новый год (поэтому Семен — Симеон зовется и Летопроводцем: имеется в виду и год вообще, и время года). «Семен лето проживает, осень встречает». Начало бабьего лета, последний день сева озимой ржи: «Семен-день, и семена долой».

Стр. 401. *...рыба Кострошь.* — Разновидность осетра или севрюги (костéрь, костерá), с бóльшим против обыкновенного числом костистых щитков на хребте.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

Сюжет повести — поистине «бродячий» сюжет (его библиографию см.: Ольденбург С. Ф. Шемякин суд // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 183—185; Каллаш В. В. Библиографические этюды по литературе сказочных схем и мотивов // Там же. 1892. Вып. 2. С. 145). В XVI в. он обработан «отцом польской литературы» Миколаем Реем из Нагловиц. Параллели отыскиваются в тибетском сказании о Дзанглуне, в индийской сказке о каирском купце, в еврейских сказаниях о судах и т. д. Непосредственный источник повести не обнаружен (хотя в некоторых списках говорится, что она заимствована «из польских книг»).

Дело в том, что анекдотические и новеллистические мотивы и сюжеты не могут считаться собственностью какого-либо одного народа. Они кочуют из страны в страну. Они в одно или разное время стихийно возникают в разных местах, поскольку бытовые коллизии (а новелла — «овладевающий бытом» жанр) сходны, «наднациональны» — по крайней мере для народов одного культурного ареала.

Повесть состоит из трех эпизодов (с лошадью, с попом и поповым младенцем, с нечаянной смертью старика), которые представляют собой незавершенные анекдоты, завязку. Развязка ожидает читателя во второй части повести, где появляется неправедный судья, крючкотвор и корыстолюбец Шемяка (это мирское имя, в Древней Руси очень распространенное, благодаря повести стало нарицательным). Приговоры Шемяки — сюжетное завершение трех начальных эпизодов. Анекдоты «развязываются», притом их комизм усилен тем, что приговоры являются как бы зеркальным отражением злоключений бедняка. Любопытно, что реальная судебная практика XVII в. исповедует тот же принцип: по «Уложению» (своду законов) 1649 г. возмездие было зеркальным отражением преступления. За убийство отрубали голову, за поджог сжигали, за чеканку фальшивой монеты заливали горло расплавленным свинцом. Получалось, что «Шемякин суд» — прямая пародия на тогдашнее русское судопроизводство.

В рукописной традиции существуют и прозаические, и стихотворные версии повести. В XVIII—XIX вв. она воспроизводилась в лубочных картинах, породила драматические переложения, отразилась в устных сказках о богатом и бедном братьях.

Текст печатается по спискам, изданным В. П. Адриановой-Перетц (Русская демократическая сатира XVII века. *М.*; *Л.*, 1954; изд. 2-е, доп., *М.*, 1977), — *РНБ*, собр. *ОЛДП*, № 18, конца XVII в., л. 417 об.—421 об. и (заключительный фрагмент) *РНБ*, Q.XVII.41, первой половины XVIII в., л. 45 об.

АЗБУКА О ГОЛОМ И НЕБОГАТОМ ЧЕЛОВЕКЕ

«Азбука о голом и небогатом человеке» посвящена теме социальной обездоленности, теме тяжелой судьбы бедняков в русском обществе XVII в. Повесть использует хорошо известную в славянском средневековье форму «толковой азбуки», в которой истолковывались — в различных, как правило в дидактических, целях значимые названия букв славянского алфавита: названия букв («азъ», «вѣдаю», «глаголъ» и т. п.) становились первыми словами запоминающихся афоризмов, подобранных тематически (известны, например, «Азбука об Адаме», «Азбука о хмеле» и др.); древнейшие образцы текстов этого жанра восходят к временам Кирилла и Мефодия. Автор «Азбуки о голом и небогатом человеке», используя названия букв, создает повесть о типичной для XVII в. судьбе разорившегося «молодца», жителя посада, создает его биографию, которая как бы произносится самим героем как жалоба, автобиографический монолог, поскольку название первой буквы славянского алфавита «азъ» предполагает речь от первого лица. Четкая социальная позиция автора «Азбуки», его сочувствие к «убогим» и неприятие «богатых», тема судьбы, злой доли, ставят этот памятник в один тематический ряд с «Повестью о Горе-Злочастии».

Текст публикуется по лингвистическому изданию старейшего списка 1663 г., хранящегося в Норвегии (г. Трондхейм, Библиотека Королевского Норвежского общества наук. Ms. 579, л. 20—23 об.; см.: Siri Sverdrup Lunden. Список XVII века Азбуки о голом и небогатом человеке // Scando-Slavica. Copenhagen, 1963. T. IX. S. 173—179), с исправлением по публикации фрагмента «Скорописной азбуки XVII в.», изданного И. Е. Забелиным (см.: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII в. М., 1977. С. 27).

Стр. 405. *Полушка* — самая мелкая монета в XVII в (полденьги).

Стр. 406. *Ферязь* — мужской кафтан с длинными рукавами, без воротника и пояса.

Пристав — лицо, приводившее ответчика в суд.

Правеж — административное взыскивание денег с должника с применением физических наказаний (били батогами по ногам и т. п.).

Однорядка — однобортный длиннополый кафтан без ворота.

ПОСЛАНИЕ ДВОРИТЕЛЬНОЕ НЕДРУГУ

«Послание дворительное к недругу» — стихотворный текст с элементами социальной сатиры, написанный бойким пером городского грамотея, хорошо знакомого с формой и стилем челобитных, по-видимому, в начале XVII в.: самый ранний список его в составе «Письмовника» — сборника, содержащего образцы посланий к разным лицам, датируется 1620-ми гг. «Послание» частично имитирует формулы челобитного обращения приказчика или управляющего хозяйством (двором) к господину, однако это обращение иронично: «послание» насыщено язвительными выпадами автора в адрес должника — «господина» и насмешками над его жадностью и скупостью. Разговорные формы речи, народный словарь, пословичные рифмы и ритмы, использованные автором (автора подчас привлекает не смысл стихотворной речи, но словесная игра — совпадение рифмующихся окончаний), лишают «послание» каких бы то ни было черт документальности и позволяют рассматривать его как сатирическую «пробу пера» площадного подьячего, написавшего текст для себя и близкого круга ценителей, как один из ранних образцов литературной стихотворной шутки, созданной в среде мелкого приказного люда накануне возникновения «приказной школы» русского книжного стихотворства.

Текст публикуется по рукописи 1620-х гг. — *РГБ*, ф. 304, № 808, л. 281 об.—283, с учетом чтений списка конца XVII в. *РГБ*, ф. 344. № 431-3, л. 10 об.—11 об.

СКАЗАНИЕ О РОСКОШНОМ ЖИТИИ И ВЕСЕЛИИ

«Сказание» принадлежит к тому слою сатирических и смеховых памятников, которые составляли противовес официальной культуре с ее «душеполезностью» и уверенностью в незыблемости установленных порядков, составляли смеховой «антимир». Его утопический идеал не имеет ничего общего с царством Христовым на земле или на небесах. Это — мечта о небывалой стране, где всего вдоволь и все каждому доступно, сказочный рай обжор и пьяниц.

В европейской перспективе этот слой памятников представляет собой русскую версию смеховой культуры средневековья, Ренессанса и барокко, блистательно отразившейся у Рабле, Эразма Роттердамского («Похвала Глупости») и Гриммельсгаузена («Симплициссимус»). В эпоху барокко смеховая литература расцвела и у западных славян. Польша, ориентировавшаяся на немецкие образцы, пережила этот расцвет в первой половине XVII в.; но и позднее сочинения этого рода не исчезли из литературного оборота. Смеховая культура оставила отчетливый след и на Украине.

Именно «Сказание о роскошном житии и веселии» доказывает, что между Западной Европой и Русью существовали соединительные звенья. Смеховой маршрут «до тово веселья», путь-небылица петляет по Малой Польше и Мазовии, по Швеции (Стекольна — Стокгольм) и Лифляндии, Литве и украинским городам, оканчивается в Крыму (Кафимской — Феодосия), но ни разу не заходит в Великую Россию. Начинается он в Кракове, а Малая Польша и ее столица Краков — средоточие польской смеховой культуры. Возможно, среди продукции краковских типографий и надлежит искать прототип «Сказания», тем более что в нем есть несколько полонизмов. Однако, если такой прототип и существовал, он был коренным образом переделан — настолько «Сказание» насыщено русскими бытовыми реалиями.

«Сказание» — это антиутопия; следовательно, здесь пародируется жанр утопии. В XVI—XVII вв. этот жанр культивировали Томас Мор и Кампанелла (от первого, по названию выдуманного им острова, и пошло название жанра). Но Древняя Русь не создала и не усвоила утопий ренессансного и барочного типа, хотя их отзвуки и слышны в публицистике Ивана Пересветова и Федора Карпова. Вплоть до Петровской эпохи читатель продолжал пользоваться сохранявшимися в книжном обороте средневековыми сказаниями о земном рае, о царстве пресвитера Иоанна, о «рах-

манах» — гимнософистах. Однако нельзя считать, что иноземное по происхождению «Сказание» на русской почве «потеряло» пародируемый объект.

Если русская литература не знала жанра утопии, то его знала русская устная культура, и дело здесь не в фольклорном царстве с кисельными реками и молочными берегами. В XVII в. ходило много слухов о далеких привольных странах — о Мангазее, «серебряных и золотых островах», Даурии, о богатом острове на «Восточном океане». Там «хлеб, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут и прядут со всего с обычая с русского», там много земли непаханой и никто не берет податей (см.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 290—294). Вера в эти легенды была столь сильна, что во второй половине XVII в. тысячи бедняков, целые сибирские села и остроги снимались с мест и бежали неведомо куда. За Уралом особые заставы тщетно старались перенять беглецов.

В этом контексте «Сказание» обретает свойство пародии. Оно разрушает веру в царство изобилия и свободы. Оно пользуется смеховыми средствами, но это горький смех бедняка, который знает, что ему никогда не проникнуть в мир сытых.

«Сказание» печатается по единственному известному его списку — *РНБ*, O.XVII.57, рубежи XVII—XVIII вв., л. 259—266. Этот список был впервые опубликован гр. Г. Кушелевым-Безбородко (Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 2. С. 457—458) и затем неоднократно воспроизводился по этой публикации, например: Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954; изд. 2-е, доп. М., 1977; Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. Между тем публикация 1860 г. изобилует пропусками и грубейшими ошибками (вместо «крюками» — «и руками», вместо «там зимы» — «той земли», вместо «и росы» — «грозы», вместо «блюды» — «ключи», вместо «груздей» — «грушей» и т. п.). Эти ошибки, к сожалению, повторялись во всех изданиях памятника.

Стр. 409. *...по полямъ пажити видѣти...* — Пажить — луг или поле (в данном случае засеянное злаками), где пасется скот. «Сказание» внушает читателю, что в вожделенном «поместье» нет противоречия между культурой и природой (пажити засеваются как бы сами собою).

...краснопѣснивых сириновъ... — Сирин (название и облик восходят к античной сирене) — птица с головой и грудью девы, которая слетает на землю из рая и пением очаровывает людей.

...Насадовъ... и катаргъ, бус... паюсковъ и коюковъ и карбусовъ... — *Насад* — речное судно с нашитыми (насаженными) бортами. *Каторга* — гребное судно, галера (с гребцами-преступниками). *Буса* — большая долбленая лодка-однодеревка, с острым носом и срезанной кормой. *Паузок* (павозок, паужина, паюсок) — плоскодонный дощаник, используемый для разгрузки больших судов на мелководье. *Каю́к* (ка́йк) — грузовое судно с двускатной крышей и небольшой каютой на корме. *Карбас* — беломорская промысловая лодка с двумя-пятью парами весел и двумя четвероугольными парусами.

...со златоглавы и оксамиты, с олтабасы и с каберцами, и с камками. — *Златоглавы* — вытканные из золота или шитые золотом ткани; *аксамит* — бархат; *алтабас* — персидская парча; *каберцы* — ковры; *камка* — шелковая китайская ткань с разводами.

Стр. 410. *...акинфовъ... яхонтовъ...* — *Иакинф* — гиацинт, драгоценный камень оранжевого цвета. *Яхонт* — или рубин (яхонт червчатый, красный), или сапфир (яхонт голубой).

...аргамаковъ, бахматовъ... — *Аргамак* — рослая азиатская (кабардинская или туркменская) лошадь. *Бахмат* — малорослая крепкая татарская лошадь.

...с убрусами и с ручниками... — *Убрус* — нарядное полотенце; *ручник* — утиральник.

...ставцы... — Здесь ставец — деревянная глубокая миска, которую точили из расколотого пополам чурбана вдоль слоев.

...бузы... — Слово «буза» имеет несколько значений: «сусло, молодое пиво или брага, неуходившаяся, солодковатая. Особый напиток, густой и мутный, род пшенного кваса; делают также *пьяную бузу*, из наливаемой кипятков каши смешанных круп: гречневых, ячных, овсяных и пшенных, подвеселяя ее хмелем. Яблочный или грушевый квас, сидр» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. С. 137).

СКАЗАНИЕ О ПОПЕ САВЕ

Этот литературный памятник представляет собой действительную сатиру, объект которой — главный герой «Сказания». В пословицах и поговорках, прочно связавших «Саву» с «худой славой», это имя было своего рода маркирующим признаком балагурства, в «Сказании» оно, скорее всего, — сатирический смеховой псевдоним.

По характеру темы и ряду реалий «Сказание о попе Саве» датируют серединой XVII в.

Текст «Сказания о попе Саве» печатается по списку *ГИМ*, собр. Забелина, № 536 (855), XVIII в. (с добавлениями отдельных чтений — они даны курсивом — по списку *РГБ*, собр. Тихонравова, № 486, л. 47 об.—49 об., XVIII в.), издававшемуся ранее В. П. Адриановой-Перетц (Русская демократическая сатира XVII века. Изд. 2-е, доп. М., 1977. С. 55—57).

Стр. 412. *...от Козмы и Домияна из-за реки...* — Возможно, здесь дается указание на определенную местность: церковь Козьмы и Дамиана была в Кадашевской замоскворецкой слободе.

...по приказам... — Приказами на Руси назывались ведомства, или учреждения, управлявшие какой-либо областью государственных дел (приказ Большой казны, Кабацкий приказ, Монастырский приказ, Посольский приказ, Патриаршие приказы и др.).

...ставлеников ищет... — Ставленниками называли кандидатов в чины церковной иерархии; до поставления в священнический чин их определяли к опытным священникам для обучения.

Стр. 413. *...в патриаршей хлебне на рогозине...* — Одним из видов наказания духовенства в XVII в. было сажание их на цепь в патриаршую (либо епископскую или монастырскую) хлебню, т. е. пекарню, где их заставляли сеять муку.

Стр. 414. *...смешной икос.* — Икос — вид церковного песнопения. Далее следует пародия, в которой осмеивается Сава.

Кондак — один из жанров церковного песнопения.

СКАЗАНИЕ О КУРЕ И ЛИСИЦЕ

Этот литературный памятник (упомянутый в источниках в 1640 г., следовательно, созданный не позже пер. пол. XVII в.) дошел до нас во множестве вариантов, среди которых есть как прозаические, так и стихотворные; известно также несколько сказочных выражений его основного мотива. Смеховой эффект «Сказания» достигается путем «выворачивания наизнанку» благочестивой ситуации исповеди. Этот мотив знако́м многим европейским литературам средневековья. В декоративном убранстве готических храмов присутствует изображение лиса в монашеском или даже епископском облачении, проповедующего с кафедры курам или гусям, — сцена, восходящая к сюжету средневекового французского «Романа о Лисе», где об одном из главных его персонажей, Ренардине (Лисенке) рассказывалось, как, убежав из монастыря, он приманивал гусей чтением «проповедей». Наше «Сказание о куре и лисице» — одна из версий этого европейского сюжета. Ни в коем случае не следует видеть здесь сатиру на Церковь; надо знать, что в средневековье лис считался одним из олицетворений дьявола. Русские «Физиологи» и европейские «Бестиарии» так объясняли этот символ: голодный лис притворяется мертвым, но стоит курам приблизиться к нему, как он разрывает их в клочья.

В настоящем издании печатается старший вариант прозаической редакции «Сказания о куре и лисице» по списку *ГИМ*, собр. Забелина, № 536 (855), л. 51—55, XVIII в. (с исправлением отдельных чтений по другим спискам), издававшемуся ранее В. П. Адриановой-Перетц (Русская демократическая сатира XVII в. Изд. 2-е, доп. М., 1977 С. 58—62).

Стр. 415. *...притчу о мытаре и фарисеи...* — См.: Лк. 18, 10—14.

Стр. 417. *«Не может раб двема господиномъ работать»* — Лк. 16, 13.

«Блажени милостиви, яко ти помиловани будут...» — Мф. 5, 7.

...рече Господь Петру: «Петр, трижди ты от меня отвержися»... «...не отвергуся от тебя николиже». — См.: Мф. 26, 33—35; Мк. 14, 29—31; Лк. 22, 33—34; Ин. 13, 36—38.

Стр. 418. *Звал меня... крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил...* — В Москве в XVII в. находился Крутицкий митрополичий дом, при котором была специальная певческая школа.

ПОВЕСТЬ О БРАЖНИКЕ

Древнерусская «Повесть о бражнике» представляет собой один из вариантов широко распространенного в литературе сюжета о том, как герой путем спора добивается себе места в раю. В западноевропейских литературах этот сюжет представлен французским фаблью XIII или XIV в. о виллане (крестьянине), добившемся рая («Du vilain qui conquist paradis par plait»); несколько более поздней немецкой новеллой о мельнике («Wy der molner in das hymmelrich quam ane unsers herren godes holffe et cetera») и многочисленными шванками о том, почему ландскнехты попадают не в ад, а в рай; а также написанным на латинском языке «Отшельником» Антонио де Феррариса (Галатео) 1496 г. Определить непосредственный источник древнерусской Повести и механизм переноса этого сюжета на русскую почву пока не представляется возможным — «Повесть о бражнике» обнаруживает черты сходства с разными западноевропейскими вариантами, касающиеся в первую очередь композиции произведения и отдельных содержательных элементов, и в то же время абсолютно самостоятельна в трактовке образа главного героя и в формулировке своей основной идеи (см. об этом: Семячко С. А. Древнерусская «Повесть о бражнике» и западноевропейские варианты обработки этого сюжета // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 7—13). В древнерусской повести с ее главным персонажем — пьяницей — на первый план выходит отнюдь не социальный аспект, как во французском фаблью, и не смеховое начало, как в немецких новеллах, а идея гуманистическая, мысль о том, что всякий человек, вне зависимости от его добродетелей и социального статуса, имеет право на Божие милосердие.

«Повесть о бражнике» возникла, скорее всего, в самом конце XVI в. Во всяком случае наиболее ранний ее список (при этом далеко не первоначальный) датируется рубежом XVI—XVII вв. О популярности Повести говорит ее распространенность — сейчас известно более пятидесяти списков этого произведения XVII—XIX вв. Как и все тексты сатирической традиции, «Повесть о бражнике» отличается высокой вариативностью: согласно последней текстологической классификации (О. Н. Фокиной), выделяется восемь основных редакций, каждая из которых подразделяется на несколько видов или вариантов. Такая изменчивость текста Повести во многом обусловлена ее композицией: произведение представляет собой цепочку диалогов, количество которых может быть легко уменьшено или увеличено в зависимости от тех задач, которые ставит перед собой каждый конкретный переписчик. Так же меняется от списка к списку и состав обвинений, которые предъявляет бражник своим оппонентам, что позволяет нам охарактеризовать степень начитанности отдельных редакторов или переписчиков, так как за каждой фразой бражника стоит определенный канонический или апокрифический источник. Эта насыщенность текста повести цитатами, значимость каждой цитаты, их роль в тексте не позволяют безоговорочно относить «Повесть о бражнике» к памятникам демократической сатиры. Демократичен в повести лишь ее герой. Что касается создателей и читателей повести, то в данном случае картина совершенно иная. Очевидно, что автор повести и ее многочисленные редакторы — люди высокой книжной культуры и рассчитан текст на такого же подготовленного читателя. Как показала О. Н. Фокина, сознательное прикрепление повести к сатирической смеховой традиции происходит лишь в начале XVIII в. и сборники с «Повестью о бражнике» XVII в. значительно отличаются по своему составу от более поздних (подробно см. об этом: Фокина О. Н. Литературная история «Повести о бражнике» и проблемы народной книги. Новосибирск, 1995).

В настоящем издании Повесть публикуется по списку *РНБ*, O.XVII.57, л. 158—162 об., первой четверти XVIII в.

Стр. 419. ...*«А ты помниши... отрекся еси от Христа?...»* — См.: Мф. 26, 69—75; Мк. 14, 66—72; Лк. 22, 54—62; Ин. 18, 15—18, 25—27. Хотя рассказ о троекратном отречении Петра встречается и в апокрифических памятниках (Беседа трех святителей, Житие Петра и Павла), трактовка этого эпизода в «Повести о бражнике» не выходит за пределы рассказанного в Евангелии.

...*«Ты еси Павелъ!... камениемъ побилъ?...»* — Об убиении Стефана Первомученика рассказывают как канонические, так и апокрифические источники. Согласно Деяниям апостолов, Савл Тарсянин, будущий апостол Павел, был свидетелем убиения св. Стефана (Деян. 7, 58; 8, 1), в апокрифическом Житии Стефана Первомученика Савл — инициатор этого убийства (текст Жития см., напр.: Великие Минеи Четьи: Декабрь, дни 25—31. М., 1912. Стб. 1390—1400). Совершенно очевидно в данном случае предпочтение апокрифического источника каноническому, однако вряд ли этот выбор принадлежит автору древнерусской повести, так как этот эпизод в том же самом виде присутствует, например, и во французском фаблыо.

Стр. 419—420. ...*«Помниши ли ты... к себѣ на постелю?...»* — См.: 2 Цар. 11, 2—27.

Стр. 420. ...*«Ты еси Соломонъ!... убогихъ своихъ до конца».* — Этот эпизод присутствует в апокрифическом сказании о том, как Соломон вышел из ада: «А Соломон, севше, почал спевати воскресный канон: „Боже мой, да вознесется рука твоя! Не забуди нищих своих до конца"... И вытрутили Соломона во дияволы из пекла» (Пыпин А. Н. Легенды и апокрифы в древнерусской письменности // Вестник Европы. 1984. Март. С. 291).

...*А се еще... работал еси имъ!...* — См.: 3 Цар. 11,1—8.

...*«Ты еси Николай!... на Ария безумнаго?...»* — Разговор бражника со св. Николаем — единственный эпизод повести, в русском происхождении которого не приходится сомневаться, не только «памятуя о его (Николая Мирликийского. — *С. С.*) популярности в пределах Московского государства» (Панченко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 379), но и потому, что восходит этот фрагмент к легендарному житию Николая Мирликийского, которое возникло на русской почве (текст жития опубликован: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 453—359). Только в этом житии есть рассказ о том, как во время Никейского собора св. Николай ударил еретика Ария, за что был лишен собором святительского чина и был оправдан лишь благодаря вмешательству Богоматери.

...*В Законѣ пишетъ: не убий, а ты убил рукою Ария треклятаго!...* — Ссылка на Закон Моисеев (Исх. 20.13; Втор. 5.17), с одной стороны, позволяет единственного из оппонентов главного героя небиблейского персонажа ввести в общий контекст, с другой стороны, обнажает замысел создателей повести: бражник обвиняет святых в нарушении основных заповедей, закрепленных Ветхим Заветом, — в убийстве, в клятвопреступлении, в сотворении кумиров; по сравнению с этим его грех кажется ничтожно малым. Поэтому далеко не случайно в данном случае употребление глагола «убил» в значении «ударил».

«А вы с Лукою написали во Еваньели: другъ друга любяй...» — Ср.: Ин. 13, 34; 15, 12.

СКАЗАНИЕ О КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ

«Сказание о крестьянском сыне» — яркая сатирическая новелла XVII в. Динамическое развитие сюжета, фигура главного героя-плута, парадоксальное столкновение его речей, основанных на текстах Св. Писания, и действий, пародирующих эти тексты, сделали повесть популярным чтением демократических низов и в XVII, и в XVIII вв.: почти каждый из семи известных списков повести (сохранились только списки XVIII в.) является самостоятельной творческой переработкой,

иногда пересказом, раннего текста. Время возникновения «Сказания» в настоящее время определено достаточно точно: до 1620 г.; установлено, что в известных «Прописях» попа Тихона в составе его скорописной азбуки 1620 г. (в настоящее время они хранятся в Лондоне, в Бодлеанской библиотеке; текст «Прописей», изданных в 1864 г., привлек внимание Н. С. Лескова, опубликовавшего в 1890 г. статью — «Прописи попа Тихона (Литературный памятник XVII века)») имеется выписка из «Сказания» (Демкова Н. С. Фрагмент «Сказания о крестьянском сыне» в записи 1620 г. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 172—175).

Текст публикуется по полному списку второй четверти XVIII в. — *РГБ*, собр. Н. С. Тихонравова, № 361, л. 187 об.—190, с необходимыми исправлениями.

Стр. 421. *Козел* — козлы, приспособление для пилки дров.

«Взыде Иисусъ на гору Фаворскую со ученики своими...» — См.: Мф. 17, 2; Мк. 9, 2; Лк. 9, 28. В Священном Писании гора, на которой совершилось Преображение Христа, не названа, но в Церковном предании местом Преображения называется гора Фавор.

Клеть — холодная половина избы.

«Прикоснулся Фома за ребро Христово...» — См.: Ин. 20, 24—29.

«Взыде Исусъ на гору Елеонскую помолитися...» — См.: Мф. 24, 3; Мк. 13, 3; Лк. 22, 39; Ин. 8, 1.

«Простираяи небо, яко кожу...» — Пс. 103, 2.

«Сниде царь Соломонъ во адъ...» — О нахождении царя Соломона в аду наряду с древними ветхозаветными пророками и праведниками (Моисеем, царем Давидом, Исайей, Иеремией) упоминается во многих апокрифических текстах, широко распространенных в русской книжности XII—XVII вв. («Слово на воскресение Лазаря»; «Слово о сошествии Иоанна Предтечи в ад» Евсевия Александрийского, см. наст. изд., т. 3. с. 255—275; «Слово в Великую субботу на погребение Господне» Епифания Кипрского, и др.), однако описание схождения Соломона в ад в них отсутствует. Сюжет этот не зафиксирован в славяно-русской книжности.

«...сниде Иона во чрево китово...» — См.: Ион. 2, 1—11.

Стр. 422. *«Твоя от Твоих... о всехъ и за вся».* — Возглас священника во время произнесения евхаристического канона.

Убрус — нарядное, расшитое полотенце.

«..Препоясыватся Исусъ лентием...» — См.: Ин. 13, 4.

«Рабъ Божий Иван в седалия ...» — Ср.: чин монашеского пострижения (см. Требник).

«Тело Христово приимите... вкусите». — Слова причастной стихиры, поющейся за литургией во время причащения мирян.

Оловеник — оловянная кружка, сосуд.

«Чашу спасения прииму... Алилуия!» — Слова причастной стихиры, поющейся за литургией во время причащения священнослужителей в алтаре (Пс. 115, 4).

«Одеяся светомъ яко ризою...» — Пс. 103, 2.

Ослоп — дубинка, батог.

«Окропиши мя исопомъ... убелюся ». — Пс. 50, 9. *Исоп* — ароматическое растение, настой которого использовался и в лечебных, и в ритуальных целях.

«Обремененни, покою васъ». — Ср.: Мф. 11, 28.

ЛЕЧЕБНИК НА ИНОЗЕМЦЕВ

Смеховая литература избирала в качестве пародируемого образца самые обиходные жанры. Одним из них были лечебники, книги медицинского содержания. Это, разумеется, не пародия на медицину, а замкнутая в себе небылица, чепуха, построенная по схеме лечебника. Излюбленный стилистический прием смеховой литературы, оксюморон (соединение противоположных по значе-

нию слов или фраз), то и дело встречается в «Лечебнике на иноземцев» («потеть 3 дни на морозе нагому»; «поутру рано, после вечерень» и т. д.).

Хотя пародийные «Лечебники» дошли до нас в списках не раньше XVIII в., есть основания считать, что время их сложения следует отнести к XVII столетию.

Текст публикуется по списку: *РНБ*, Q.XVII.96, л. 27—29 об., издававшемуся ранее В. П. Адриановой-Перетц (см.: Русская демократическая сатира XVII века. Изд. 2-е, доп. М., 1977. С. 95—96).

Стр. 423. *Золотник* — единица веса, равная 1/72 литра.

...по писцовой книге. — Книга, содержащая перечень объектов налогообложения.

РОСПИСЬ О ПРИДАНОМ

«Роспись о приданом» пародирует форму действительно существовавших в русском быту таких памятников письменности, как свадебные «сговорные» записи, в которых обстоятельно описывались все предметы, даваемые за невестой в приданое. Как и в прочих памятниках смеховой культуры, смех здесь не является инструментом сатиры, а представляет тот вид веселья, который строится на абсурдных, небыличных ситуациях.

Дошедшие до нас списки «Росписи о приданом» датируются XVIII в. Мы публикуем текст старейшей редакции этого памятника, которая, хоть и дошла в записи XVIII в. (1733 г.), но единодушно относится исследователями к XVII в.

Текст был впервые издан И. Е. Забелиным (Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. М., 1872. С. 430—433); затем опубликован по этому изданию В. П. Адриановой-Перетц в «Русской демократической сатире XVII века» (см.: Изд. 2-е, доп. М., 1977. С. 97—99); мы издаем его по этой последней публикации.

Стр. 426. *...на Брынском лесу...* — Дремучие леса в Калужской губ., называемые так по протекающей там реке Брынке.

СКАЗАНИЕ О МОЛОДЦЕ И ДЕВИЦЕ

«Сказание» — эротический диалог юноши и девушки. Время возникновения его следует относить к середине—второй половине XVII в. Некоторые исследователи считают «Сказание» записью устного текста. Но среди сравнений встречается сугубо книжный образ: Роксана — жена царя Александра Македонского — героиня литературного памятника. Больше оснований поэтому считать данное произведение литературным текстом, возникшим в демократической среде, диалогический характер которого и сниженная, подчас даже вульгарная, лексика создают впечатление о его устном происхождении. «Сказание» дошло до нас в 5 списках, сильно отличающихся друг от друга, что объясняется диалогическим характером произведения. По списку XVIII в. *РНБ*, собр. ОЛДП, № O.CXXXII «Сказание» было издано Хр. Лопаревым («Сказание о молодце и девице». Вновь найденная эротическая повесть народной литературы). Изд. ОЛДП, 1894. По списку XVII в. *БАН*, 33.4.32 текст был издан В. И. Срезневским (Сказание о молодце и девице по сп. XVII в. Библиотеки Академии наук // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 79—90). Во втором тексте после слов девицы, разрешающей молодцу остаться, и слов молодца о том, что девица уподобилась «первым женам», говорится, что девица обратилась за советом к «нянюшкам и мамушкам» — принять ей молодца или нет. В этом же списке среди «первых жен» дополнительно названа Василиса, жена богатыря Ставра Годиновича (в тексте описка — «Ва-

силисты Ставровы жены Годунова»), героиня былины об этом богатыре, славящаяся красотой, умом и смелостью.

Текст «Сказания» публикуется по списку *РНБ* с исправлением ошибок и описок по списку *БАН*. Графика и система написаний конечных ъ и ь в рукописи расшифровке не поддается. Поэтому, за исключением четких обозначений конечных ъ и ь, они опущены.

Стр. 429. ...*Настасьи Даниловы, жены Ловчева*... — Имеется в виду героиня былины о Даниле Ловчанине. У богатыря Данилы красавица жена. Приближенные князя Владимира подстрекают князя погубить Данилу и взять Данилову жену себе в жены. Данилу коварно убивают. Жена Данилы, обманув Владимира, закалывается над телом мужа.

...*Евдокеи Семеновы, жены Карамышева*... — Семен Константинович Карамышев — эпический персонаж казачьих песен. В известных нам текстах, посвященных Семену Карамышеву, его жена не фигурирует. По-видимому, в «Сказании» отголосок какой-то песни о Карамышеве и его жене, до нас не дошедшей.

...*Раксаны царицы*... — Роксана кончила жизнь самоубийством над телом умершего мужа.

ПРИТЧА О СТАРОМ МУЖЕ

Как и «Сказание о молодце и девице», «Притча о старом муже» носит диалогический характер. В древнерусской литературе широкое распространение имели произведения о женской злобе и женском коварстве. Отражение средневековых представлений о женском коварстве проскальзывает и в «Притче», но в этом произведении XVII в. бесспорно можно видеть определенную симпатию автора к молодой девице, отвергающей притязания на ее молодость богатого старика, налицо здесь и явное осуждение неравного брака. И по характеру построения сюжета, и по лексике «Притча» перекликается со «Сказанием о молодце и девице». Не случайно Хр. Лопарев опубликовал ее как приложение к изданию текста «Сказания».

Текст «Притчи» публикуется по списку: *РНБ*, Q.XVII.41 (Сборник-конволют конца XVII в., л. 38 об.—41 об.).

СКАЗКА О НЕКОЕМ МОЛОДЦЕ, КОНЕ И САБЛЕ

Название тексту дано первыми издателями («Памятники старинной русской литературы», издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. СПб., 1860. Вып. 2. С. 409). Определить жанр «Сказки» невозможно. Неясно — полный это текст или же отрывок более обширного сочинения. Переписчиком он во всяком случае воспринимался как текст законченный и полный: в рукописи он завершается рисованной концовкой. «Сказка» дошла до нас в составе сборника из произведений занимательного чтения. Сборник составлен и в значительной части переписан подьячим Троицко-Сергиева монастыря Анфимом Шешковым в 1698 г. (*РНБ*, собр. Погодина, № 1772). В. П. Адрианова-Перетц высказывала предположение, что «Сказка» представляет собой литературную пародию на входившие в моду в XVII в. приключенческие романы-сказки (Бова Королевич, Еруслан Лазаревич). А. М. Панченко определяет «Сказку» как ритмизованную пародию на богатырскую тему вообще и думает, что этот текст — запись фольклорного произведения. Обращает на себя внимание отличная осведомленность автора «Сказки» в воинской терминологии: ряд терминов военного обихода встречается только здесь. Таким образом, есть основание полагать, что «Сказка» возникла в воинской среде. Помимо «Памятников старинной русской литературы» текст изд.: Дмитриев Л. А. «Сказка о некоем молодце, коне и сабле» // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 305—310.

Текст издается по рукописи: *РНБ*, собр. Погодина, № 1772, л. 188 об.—190 об. Явные описки исправлены и отмечены курсивом.

Стр. 433. *...садакъ...* — Саадак — чехол для лука и стрел.

...пол 100 кибирей, 70 аргичевъ, 80 ташлыковъ, 30 сверѣгъ... — Кибир — стрела с железным копьевидным наконечником; термины *аргич* и *ташлык* встречаются в других текстах, но значение их неясно. Слово *сверѣгъ* в других текстах не зафиксировано.

ПОСЛАНИЕ СЫНА, «ОТ НАГОТЫ ГНЕВНАГО», К ОТЦУ

Стихотворное послание (название принадлежит его первому публикатору) выявлено в составе Азбучного письмовника (рукопись первой трети XVII в.) А. С. Деминым (ТОДРЛ. Т. XXI. М.; Л., 1965. С. 76—77). «Послание» полностью сохраняет все этикетные формулы эпистолярного обращения, напоминая по форме иронические и сатирические стихотворные послания начала XVII в. («Послание дворительное недругу», «Послание дворянина дворянину»). По содержанию «Послание» представляет собой любопытную литературную и социологическую параллель к «Азбуке о голом и небогатом человеке», являясь в то же время одним из самых старших (и оригинальных) вариантов разработки темы «блудного сына» в литературе XVII в.

Текст публикуется по единственной рукописи — *РНБ*, Софийское собр., № 1546, л. 120—120 об.

ПОСЛАНИЕ К ЗВАВШИМ

«Послание» — яркий текст из репертуара «приказной школы» русского стихотворства XVII в., открытой А. М. Панченко. Единственный список «Послания» был найден А. С. Деминым в сборнике анонимных силлабических вирш первой половины XVII в. (ТОДРЛ. Т. XXI. М.; Л., 1965. С. 78—79). «Послание к звавшим» напоминает о типе «осудительных» посланий к друзьям, встречающихся в письмовниках, однако заметно отличается от них отсутствием формул, обычных для эпистолярного жанра, и конкретностью изображения бытовой ситуации (гости, приглашенные на обед и рассчитывающие на «чарку вина», только «ноги загрязнили», «да на избные окна посмотрѣли» и, постояв у запертых ворот, ушли прочь, так как хозяина не оказалось дома). Гибкий раешный стих передает почти разговорную речь, сохраняя интонацию насмешки над хвастовством адресата и выражая явно юмористическое отношение автора к случившемуся. Разноречие между текстом стихотворного послания, обращенного к одному адресату («государю»), и его заглавием в рукописи, где послание адресовано многим («звавшим»), объясняется, по-видимому, фактом включения текста частного послания в стихотворный письмовник, где реальное послание стало функционировать в качестве эпистолярного образца «на случай».

Текст публикуется по рукописи: *ГИМ*, собр. Е. В. Барсова, № 470, л. 26—27 об.

О ДИАКОНОВЕ ПОМИНКЕ И О КУТИИ

Тема шуточного стиха — проделки младшего клира во время богослужения («крылошанин» и пономарь украли кутью, предназначенную для поминовения). Это острая бытовая зарисовка, характерная для литературы XVII в. (первая публикация Демковой Н. С. в ТОДРЛ. М.; Л., 1965.

Т. XXI. С. 94—95). Автором стиха, рассчитанного на смеховой эффект, был, по-видимому, кто-то из этой же среды низших церковнослужителей, возможно певчих (в заглавии помечено: «Выписка из крыласкихъ книгъ», то есть книг, использовавшихся на клиросе). Стих датируется приблизительно второй половиной XVII в., известен в нескольких списках XVII—XVIII вв. Публикуется по рукописи конца XVII в. — *РНБ*, Соловецкое собр., № 1113/1222, л. 3 об.—4.

Стр. 439. *Кутья* — поминальная еда из пшеницы или риса с медом, освящаемая в церкви.

Крылос — разговорная форма от «клирос» — место в церкви, предназначенное для певцов: *клирошанин* — это дьячок или певчий, поющий на клиросе.

ПОСЛАНИЕ О ХМЕЛЕ

В древнерусской литературе немало назидательных сочинений, обличающих пьянство. «Послание к некоему иноку о Хмеле», одно из самых поздних сочинений такого рода, широко использует тексты, написанные ранее. Был ли его автором Матфей, чье имя фигурирует во вступлении к «Посланию», с уверенностью сказать нельзя, так как в тексте вступления это имя чередуется с «имярек», но несомненно пишущий был человеком начитанным: в качестве источников он использует и «Слово о Хмеле» (БЛДР. Т. 7. С. 488—491, 579), и повесть о происхождении винокурения, и некоторые слова и поучения против пьянства. При этом он умело перерабатывает знакомый ему материал, добиваясь целостности произведения.

В решении нравственных проблем автор придерживается традиционной христианской доктрины, согласно которой человек свободен в своем выборе пути — выборе добра или зла, порока или добродетели — и несет сам ответственность за свой выбор. Традиционным является и обращение безымянного героя притчи, включенной в «Послание», от греха к спасению: оно происходит благодаря вмешательству свыше. В связи с этим и Хмель, грозный искуситель человека, неотвратимый и необоримый в «Слове о Хмеле», где он был персонификацией судьбы, злой доли, под пером автора «Послания» приобретает сходство с бесом, которого можно победить молитвой и постом.

Стремление следовать традициям обнаруживается и в языке памятника, причем образцом для подражания автор избирает высокую литературу: отдав дань приличествующему самоуничижению, посетовав на отсутствие «слагательного разума», он демонстрирует затем владение целым арсеналом средств художественно украшенной речи: здесь и ряды синонимов, и сочетания однокоренных и близких по звучанию слов, и параллелизм, и стилистическая симметрия. В игре словами автор доходит почти до балагурства («не боголюбца, но хмелелюбца, не постолюбца, но покоелюбца»), казалось бы, неожиданного в соседстве с книжными стилистическими приемами. Однако это соответствует общей тенденции текста: «Послание» сочетает обобщенность описания судьбы героя с натуралистическими подробностями в изображении поведения и состояния захмелевшего человека, дидактику с занимательностью и усилением повествовательности (по сравнению со «Словом о Хмеле»); оно обнаруживает также наибольшую снисходительность к человеческим слабостям среди других произведений на общую с ним тему.

«Послание к некоему иноку о Хмеле» публикуется по списку XVII в., найденному Н. С. Демковой, — *БАН*, Тек. пост. 613, л. 255—269.

Стр. 440. *Пречестныя и великиа обители... Живоначалныя Троица...* — Под Вологдой существовало несколько Троицких монастырей.

Стр. 441. *...и та ему будет во здравие...* — В сочинениях, обличающих пьянство, нередко встречается перечисление чаш с описанием действия каждой.

...чашку же разумѣй душник мѣренъ. — Чаша, содержимое которой можно выпить разом, за один дух.

Стр. 442. *Призову же и моего споспѣшника, иже над пьянством бѣса...* — В повести о происхождении винокурения («Отчего уставися вино душепагубное») действует бес, обучивший человека винокурению, за что получил власть над пьяными.

Стр. 443. *...немощи ради стомаха...* — Текст послания апостола Павла к Тимофею (1 Тим. 5, 23) цитируется здесь в применении к адресату «Послания к некоему иноку о Хмеле».

Гарѣлное вино — хлебное вино, полученное путем перегонки, водка.

...Василию же Великому... — Цитируется «Слово о видении Богородицы Василию Великому».

«Не упивайтеся... нѣсть спасения» — Ср.: Еф. 5, 18.

СТИХ О ЖИЗНИ ПАТРИАРШИХ ПЕВЧИХ

Текст найден и впервые издан Д. С. Лихачевым (ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. XIV. С. 423—426), датировавшим «Стих» концом XVII в. (не ранее 1684 г.). Четкая социальная позиция автора, защитника «убогих» (Д. С. Лихачев считает, что им мог быть один из безымянных «малых» патриарших певчих, положение которых было особенно тяжелым), а также острая постановка проблемы бедности и бесправия делают «Стих» одним из выдающихся образцов демократической обличительной литературы конца XVII в.

«Стих» — подобно «Посланию дворительному недругу» и «Сказанию о попе Саве» — написан «раешником», с двухчастной структурой стиха и синтаксической контрастной противопоставленностью обеих частей («Чернцы бы и умны, но да нравы дурны»); такая конструкция фразы делает ее почти афоризмом, усиливает обличительный пафос «Стиха» и способствует сатирическим целям изображения действительности.

Текст издается по единственному списку конца XVII в. — *РНБ*, собр. ОЛДП, Q.490, л. 124 об.—126.

Стр. 446. *Иная псальма.* — Текст «Стиха» находится в рукописи среди духовных и покаянных стихов, называвшихся в обиходе «псальмами».

Монастыря подворье — о чемъ непокорье? — Речь идет о поселении части патриарших певчих в Москве на земле подворья Троице-Сергиева монастыря (после 1684 г.) и о наказаниях здесь ослушников-певчих («бедных воспевак»).

На чепъ сажаютъ... — Наказание на Руси для провинившихся лиц духовного звания: при заключении в темницу и в кандалы, которые накладывались на шею и ноги, цепь прикрепляли к тяжелой деревянной колоде («стулу»), которую иногда нельзя было сдвинуть с места — так она была тяжела («довесом тяжела»).

...поет на глас... — Т. е. солирует в хоре.

...кормят их гадко. — Подобная жалоба содержалась и в челобитной первых русских актеров царю Алексею Михайловичу (1673 г.): «...пить-есть нечего, и помираем мы ⟨...⟩ голодною смертию» (Тихонравов Н. С. Начало русского театра // Летописи русской литературы и древности. М., 1861. Т. III. С. 30).

Стр. 447. *...овии трудишася, овии в труд их внидоша.* — Ин. 4, 38.

ЖИТИЕ ВАРЛААМА КЕРЕТСКОГО

Повесть о житии Варлаама Керетского — яркий образец севернорусского народного жития. «Повесть» делится на две части. Первая, рассказ о грехопадении и подвиге Варлаама, была составлена в конце XVI—начале XVII в. В 60-е гг. XVII в. к этой части была присоединена вторая

часть — рассказы о посмертных чудесах Варлаама. В основе рассказа о самом Варлааме лежит местная легенда о священнике, убившем из ревности жену и наложившем на себя тяжкое испытание, чтобы искупить свой грех. Писатель Б. Шергин передает содержание слышанной им в юности в Архангельске «Старины о Варлааме Керетском»: красавица жена Варлаама изменяла мужу с любовником, скандинавом Олафом (или Фарлафом). Варлаам убил жену, пришел с ее трупом на корабль Олафа, перебил всех, кто там был в это время, и стал на этой ладье с трупом жены плавать по морю (Шергин Б. Запечатленная слава. Поморские были и сказания. М., 1967. С. 230—232). Устные предания романического характера о Варлааме сохранились на побережье Белого моря до наших дней. Среди моряков-поморов бытовало представление о Варлааме как о святом, который приходит на помощь всем, терпящим бедствие на море. Об этом писал С. Максимов в книге «Год на Севере» (1859), отмечает это и первый издатель «Повести о житии Варлаама Керетского» П. В. Знаменский (Повесть о преподобном Варлааме Керетском // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1893. Т. 55. С. XV—XXI). Вторая половина «Повести» и представляет собой бесхитростные, наполненные реалиями рассказы о тяжелых, полных опасностях буднях моряков-поморов. Их местный характер и колорит проявляются не только в обилии диалектных слов и мореходной терминологии, но и в географических реалиях. Помимо широко известных географических пунктов (Кола, Святой Нос, Соловецкие острова, Каргополь, Двина) встречаются названия таких поселений и географических местностей, которые известны только жителям Беломорья: Чупская губа, село Кереть, Соностров (небольшой остров в 30—40 км на юго-восток от Керети по побережью Кандалакшского залива, куда керетчане до сих пор ходят на тони ловить рыбу), Шарапов наволок (Шарапов мыс, мимо которого проходит водный путь из Керети в Соностров).

Повесть о житии Варлаама Керетского публикуется по списку *РНБ*, Соловецкое собр., № 182 (Сборник второй половины XVIII в., л. 155—160 об.) с исправлениями явных ошибок по другим спискам «Повести». Научное издание текстов «Повести» по всем спискам см.: Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 178—196.

Стр. 448. *...в лѣта бѣ... Иоанна Васильевича...* — Имеется в виду Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584).

Стр. 450. *...при благовѣрномъ царѣ Михаилѣ Феодоровиче... после Литовския войны.* — Т. е. в годы с 1834-го, когда был заключен Поляновский мирный договор, и до 1645-го, когда умер царь Михаил Федорович.

Гурий Иванов — лицо историческое, во времена царствования Михаила Федоровича он воеводствовал в различных городах русского Севера и в Сибири.

ЖИТИЕ АРТЕМИЯ ВЕРКОЛЬСКОГО

«Житие Артемия Веркольского» — одно из замечательных севернорусских житий, героем которого выступает не подвижник, посвятивший жизнь защите и прославлению христианства, а простой человек, «народный святой». Крестьянский отрок Артемий из Пинежского села Веркола, убиенный молнией во время земледельческих работ, не успел ничем прославиться, но горестная судьба мальчика привела к его почитанию сначала как местного святого, а затем он был причислен к лику общерусских святых.

Исследованию литературной истории жития посвящен один из разделов монографии Л. А. Дмитриева (см.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 249—261). Первые записи о святом, не дошедшие до нас, могли появиться не ранее 1577 г., когда произошло обретение нетленных мощей отрока, захороненного в лесу «одаль церкви». Очевидно, сразу после обретения мощей св. Артемия начинается его местное почитание. Об этом свидетельствует упоминание о нем в нач. XVII в., еще до составления известной нам 1-й редакции жития, в «Видениях Евфимия Чакольского 1611—1614 гг.» (см. наст. изд.: т. 14,

с. 220—237, 706—710) — памятнике местной литературы, в котором отрок является в видении одному из персонажей, ищущему исцеления.

Первая дошедшая до нас редакция жития с 53 чудесами и служба святому были составлены около 1618 г., после официального освидетельствования мощей Артемия Веркольского. Самый ранний из известных на сегодняшний день список этой редакции относится к 30-м гг. XVII в. (*РГБ*, ф. 304, № 696), и создан он иноком Троице-Сергиева монастыря, книгописцем Германом (Тулуповым). Таким образом, св. Артемий Веркольский очень быстро приобретает общерусское почитание, о чем говорит и значительное число списков жития святого (около 100), созданных в самых различных уголках России. Последующие редакции памятника, как показал Л. А. Дмитриев, характеризовались прежде всего добавлением новых чудес святого, сам текст жития не претерпел изменений. Продолжение литературной истории памятника непосредственно связано с Артемиево-Веркольским монастырем, который был основан ок. 1645 г. неподалеку от Кевролы — административного центра Кеврольского и Мезенского уездов, вверх по течению реки Пинеги, напротив Верколы — родины святого отрока (см.: Савельева Н. В. «Житие Артемия Веркольского» в рукописной традиции Веркольского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 365—376). 2-я редакция жития с 72 чудесами была написана ок. 1648—1649 гг., в период утверждения монастыря, укрепления его позиций и авторитета у местного населения. Поводом для ее создания послужило перенесение мощей святого из мирской церкви в монастырский храм. Возможно, новые чудеса были записаны иноком монастыря Антонием (Ловцовым), с именем которого связана рукописная традиция Веркольского монастыря этого периода. 3-я редакция с 85 чудесами «Жития Артемия Веркольского» составлена ок. 1700 г. иеромонахом Веркольского монастыря Антонием (Поповым), управлявшим Веркольским монастырем во время его наибольшего расцвета.

«Житие Артемия Веркольского» продолжает традиции новгородской агиографии. Героями чудес и различных исцелений выступают прежде всего крестьяне, жители окрестных деревень, в самих чудесах отражается быт севернорусской деревни, жизнь простых землепашцев, рыбаков и охотников. В то же время в истории текста жития ясно выделяются два периода, отразившиеся и в литературных особенностях различных временны́х пластов памятника. Первый период — это написание событийной части жития и первых 53 чудес святого — т. е. 1-й редакции «Жития Артемия Веркольского». Перед неизвестным нам автором, создававшим около 1618 г. житие по заказу новгородского митрополита Макария, и судя по всему при новгородской митрополии, стояла трудная задача — на основании имевшихся у него сведений о чудотворениях объяснить святость мальчика, не проявившего себя в традиционном христианском подвиге. Святой Артемий Веркольский был причислен к лику новоявленных праведников, и именно эта основа его святости — праведность — должна была быть отражена в жизнеописании отрока. Отсюда столь формализованный, нарочито этикетный стиль событийной части, единственными реальными фактами которой являются соответствующие канону отказ от детских игр и земледелие — работа в поле 12-летнего отрока. Несмотря на экспрессивное описание стихии — грозы, во время которой погиб св. Артемий, автору жития не удалось отразить причины изначального местного прославления пинежского мальчика — народного почитания убитых молнией как страстотерпцев во имя Бога. С одной стороны — это смерть без покаяния, смерть, не соответствующая христианским канонам, с другой — это смерть, свершившаяся по воле Божией, — «Артемий является как чистая жертва, угодная Богу, приближаясь к чину святых страстотерпцев» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 212). Но в изложении автора жития причиной гибели святого служит не удар молнии как физическое явление, а страх, ужас отрока перед грозой — воплощением Божьего величия.

Вступление и событийная часть Жития Артемия Веркольского являются «ярким образцом искусственности, нарочитости употребления риторических приемов в угоду требованиям жанровых канонов» (Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера... С. 255). Вступление компилятивно по своей структуре, оно буквально соткано из пересказа, в начале дословного, вступительной части «Исторической Палеи» (см.: Попов А. Книга бытиа небеси и земли: (Палея историческая с приложением Сокращенной палеи русской редакции) // ЧОИДР. 1881. Кн. 1. С. 1) и «Символа веры». Столь же невыразительны и первые 53 чуда, очень краткие, схематичные, похожие по языку и композиции друг на друга. Эти чудеса несомненно были стилистически обработаны, унифицирова-

ны при создании 1-й редакции жития и не в полной мере отражают те рассказы (или записи), которые легли в их основу.

Второй период литературной истории памятника связан с его бытованием в тех местах, где прославился святой Артемий Веркольский. Именно в ряде чудес, дополненных в Веркольском монастыре или при местных приходских храмах, в рассказах об истории монастыря можно найти те бытовые подробности и яркие детали, в которых и заключается по существу самоценность Жития Артемия Веркольского как памятника севернорусской агиографии.

Мы публикуем текст 3-й редакции памятника по списку нач. XVIII в. (*БАН*. Арх. Д. 351), созданному в Веркольском монастыре иеромонахом Антонием (Поповым). Ошибки списка исправлены по еще одному списку руки иеромонаха Антония (*РНБ*. Q.I.907). Все исправления выделяются курсивом.

Стр. 453. *Иже сотворивый небо и землю, и море, и свѣт... от небытия в бытие приведе.* — Ср.: Быт. 2, 4—5; 3, 18.

«Словесемъ Господнимъ небеса утвердишася, и духомъ устъ его вся сила их». — Пс. 32, 6.

«Творяй аггелы своя духи, и слуги своя огнь палящь». — Пс. 103, 4.

Стр. 453—454. *И постави же десятому чину воеводу Сатанаила... тмѣ началникъ и со отступными его бѣсы.* — Согласно небесной иерархии Дионисия Ареопагита Господь создал 9 чинов ангелов, расположенных в иерархии по степени близости к Богу и предназначению в служении Богу. Апокрифические источники, на которые опираются сочинения о миротворении (в данном случае — Историческая палея), называют десятый чин ангелов, во главе которого был поставлен Сатанаил. Увидев красоту созданного Богом мира, Сатанаил возгордился и замыслил стать подобным Богу. За это в четвертый день был свержен с небес со всем подвластным ему чином ангелов.

Стр. 454. *«Како спаде деньница заутра восиявающия, и видѣ Господь Сатану, спавша с небесъ яко молнию».* — Ср.: Ис. 14, 12—14; Лк. 10, 18.

«Тружаяся, дѣлая землю в потѣ лица твоего и яси от нея». — Ср.: Быт. 3, 19.

«Подобает убо дѣлателю преже от плода вкусити». — 2 Тим. 2, 6.

«Иже не дѣлает, да не ястъ». — 2 Фес. 3, 10.

Стр. 454—455. *...Соломонъ рече в Притчах: «Сыне, послушай отца своего и не отрини наказания матере своея», «Сынъ премудръ веселит отца»...* — Ср.: Притч. 23, 22—25.

Стр. 455. *«Память праведнаго с похвалами бывает».* — Ср.: Притч. 10, 7.

«Почитай отца своего и матерь свою и люби ближняго своего, яко самъ себе». — Мф. 19, 19.

«Возлюбивши Господа Бога своего от всего сердца своего, и от всего помышления своего, и от всея душа своея, и от всея крѣпости своея». — Лк. 10, 27. Ср.: Мр. 12, 30; Мф. 22, 37.

«Яко той рече, и быша; той повелѣ, и создашася»... — Пс. 32, 9; 148, 5.

«Хвалите Господа от земля, змиеве и вся бездны: огнь, град, снѣгъ, голоть, духъ бурен, творящая слово его». — Пс. 148, 7—8.

«Собираяй яко мѣх воды морския, полагаяй во сокровищих бездны. Да убоит же ся Господа вся земля, от негоже подвижатся вси живущеи по вселеннѣй». — Пс. 32, 7—8.

«Темна вода во облацѣх воздушных... от дохновения духа гнѣва твоего». — Пс. 17, 12—16.

Бѣжите от гнѣва Господня. — Ср.: Иер. 51, 45.

Положено же бысть тѣло сего богоблаженнаго Артемия на пусте мѣсте в лѣсе, еже нарицается Сосония, верхъ земли не погребено, одаль церкви. — Тело Артемия было положено в сосновом лесу на правом берегу Пинеги, напротив Верколы; в более ранних редакциях сохранилось верное чтение «под сосной». По христианскому обычаю убиенных молнией не хоронили в церковной ограде.

«Прославляющаго мя прославлю именем моимъ». — Ср.: 1 Цар. 2, 30.

«Не может град укрытися верху горы стоя». — Мф. 5, 14.

...церкви Святаго Николы... — Церковь Св. Николая находилась на левом берегу Пинеги в Верколе. По-видимому, это был первый храм Веркольского прихода, точное время образования которого неизвестно. Церковь сгорела в 1639 г. и была отстроена вновь в 1697 г.

Стр. 456. *...трясавицею болѣти.* — Трясавица — один из типов лихорадки. По народным преданиям, лихорадки — одушевленные существа, имеющие различные наименования. Эти существа нападают на человека за его грехи. В народе бытовали различные предания о лихорадках и заговоры на исцеление от них.

...на персѣх его на гойтянъ... — Гайтан, гойтан (севернорус. диалектн. «гойтян») — лента, тесемка или шнурок, на котором носят на груди (на персех) нательный (наперсный) крест.

«В память вѣчную будет праведникъ» — Пс. 111, 6.

Честна пред Господемъ смерть преподобнаго сего. — Ср.: Пс. 115, 6.

«Возвеселится праведникъ о Господѣ и уповает нань». — Пс. 63, 11.

«Память праведнаго с похвалами бывает, и благословение Господне на главѣ его». — Ср.: Притч. 10, 6—7.

Праведникъ, аще постигнет скончатися, в покои будет. — Прем. Сол. 4, 7.

Похваляему праведнику радость людем... — Притч. 29, 2.

Стр. 457. *«Дивен Богъ во святыхъ своих, Богъ Израилевъ, творяй чюдеса, Богъ, прославляем во свѣтлостѣх святыхъ своих».* — Ср.: Пс. 71, 18; 76, 15, а также 2 Фес. 1, 10.

Стр. 458. *Потребно есть ни сего забвению предати глубинѣ, но на свѣщникъ сердецъ наших воставляти.* — Ср.: Лк. 8, 16.

«Тайны царевы добро есть хранити, а дѣла Божия проповѣдати преславно есть». — Товит. 12, 7.

Стр. 459. *...зеленою болѣзнию...* — Зеленая болезнь — желтуха.

...черноризецъ с Вятки из града Хлынова именем Трифонъ, строитель монастыря святаго чюдотворца Николы Можайскаго... — Св. Трифон Хлыновский (день памяти — 8 окт.) родился на Пинеге, в с. Малопинежском. Постригся в Пыскарском Спасском монастыре и в 1580 г. отправился в г. Хлынов, где вскоре основал монастырь. Почитается как просветитель пермских остяков. Скончался св. Трифон Хлыновский в 1612 г.

Стр. 460. *Фарисеово убо слово Бога прогнѣва, а мытарево стонание Бога умилостиви.* — Согласно евангельской притче о мытаре и фарисее Иисус Христос, увидев в церкви мытаря, со слезами просящего милости у Бога, предсказал ему скорейшее спасение, нежели фарисею, восхваляющему здесь же в молитве перед Богом свои добродетели (Лк. 18, 10—14).

Разбойникъ убо словом погибе, а другий словом в рай вселися. — Согласно Евангелию вместе с Иисусом Христом были распяты два разбойника. Один из них злословил на Христа, другой же смиренно принял казнь и, уверовав в Господа, попросил его о поминании в Царствии Божием. За это Иисус Христос предсказал ему будущее в раю (Лк. 23, 32—43).

«Возносяйся смирится, а смиряяй же себе вознесется»... — Лк. 18, 14.

«Иже хранит уста своя и языкъ, соблюдет от печали душу свою». — Притч. 21, 23.

«Духовная убо духовным подобает прилагати»... — 1 Кор. 2, 13.

Стр. 461. *...от Покрова Святѣй Богородицы до недели Цвѣтоносныя, еже речется Вербная.* — Праздник Покрова Пресвятой Богородицы — 1 (14) октября; Цветоносная, или Вербная, неделя — последняя неделя Великого поста перед Пасхой. В 1604 г. Пасха праздновалась 8 апреля.

...ризы на немъ бѣлы, в лѣвой руцѣ имея посошекъ невеликъ, а в правой держа крестъ. — Описание Артемия Веркольского в этом видении совпадает с традиционным иконографическим изображением святого. Именно так изображен св. Артемий и в двух известных нам миниатюрах 50-х гг. XVII в., принадлежащих перу инока Веркольского монастыря Антония Ловцова (*ГИМ*, Щук. 424 и *БАН*, Арх. Д. 255).

Стр. 462. *...на мори на Новой земли, рекомое на Вайгаче.* — Вайгач — остров в Северном Ледовитом океане, отделенный от материка узким проливом Югорский Шар, а от Новой Земли проливом Карские Ворота. Остров привлекал поморов обилием пушного зверя и различной птицы, поэтому на него постоянно направлялись промысловые экспедиции как русских поселенцев, так и самоедов и зырян.

...в щипотѣ... — Щипота — болезнь суставов, в народе также называлась ломотой, костогрызом.

И врачевъ призывание и ничтоже успѣша. — Ср.: Мр. 5, 26.

Стр. 463. *...шеймою...* — Шейма — якорный канат, за который тянут лодку по льду.

...болѣзнию холодною еже дрожание. — Лихорадка, озноб.

Стр. 465. *...о Рождествѣ Иоанна Предтечи...* — Праздник Рождества Иоанна Предтечи (Иванов день, день Ивана Купалы) отмечается 24 июня (7 июля).

Стр. 467. *...воевода именем Афонасий зовомый Пашков...* — Афанасий Пашков (ум. в 1664 г.) — правнук Григория Пашкевича, приехавшего на Русь из Польши при Иване Грозном. В 1638 г. Афанасий служил при государевом дворе, затем в 1644—1646 гг. был воеводой в Кевроле и Мезени, а потом, после службы в Москве, в качестве «объезжего головы», с 1650 г. вновь служил воеводой, уже в Енисейске и затем в Даурии. Именно этот период наиболее известен благодаря рассказам о его жестокостях в произведениях протопопа Аввакума (см. наст. изд.: т. 17).

Стр. 468. *...храмъ святаго великомученика и страстотерпца Христова Георгия...* — Церковь Св. Георгия стояла в Верколе на левом берегу р. Пинеги. После пожара 1639 г. была вновь отстроена в 1643 г. В сохранившейся порядной записи указано, что строительство велось местной артелью, возглавлял которую кевролец Алексей Семенов сын Лутков (см.: Мильчик М. И. Строительная порядная запись 1642 года из архива пинежских крестьян // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 509—517).

Стр. 469. *...нанесло их на езъ...* — Ез (или яз) — частокол или плетень поперек всей реки, устанавливаемый, чтобы не дать рыбе хода вверх и выловить ее на месте. Езами называют также поставленные вполовину или в треть реки наискось рыболовные плетни.

...послѣ Ильина дни... — День памяти св. пророка Ильи празднуется 20 июля (2 августа).

...из Монгазѣи... — Мангазея — местность в Туруханском крае, между Обской губой и низовьями Енисея по р. Таз. С XVI в. освоена промышленными людьми Севера. В 1601 г. по указу Бориса Годунова здесь, на правом берегу р. Таз, было основано одно из первых в Сибири городских поселений с таким же названием.

Стр. 470. *...воеводы именем Стефана зовомаго Чирикова...* — Стефан Михайлович Чириков был воеводой в Кевроле и на Мезени в 1637—1640 гг.

...черною болѣзнию... — Черная болезнь — народное название эпилепсии.

Стр. 471. *...дьяка Давыда Дерябина...* — Дерябин Давыд Корнилович — дьяк приказа Большого дворца в 1647—1657 гг.

...к воеводѣ Григорью Михайловичю Аничкову — Григорий Михайлович Аничков — думной дворянин, первый судья приказа Новая четь, ум. в 1671 г.

Стр. 472. *...з Двины из Сетренского монастыря...* — Сестренский (Сефтренский) Спасский мужской монастырь находился в Сестренском погосте Вологодской губернии, Сольвычегодского уезда, на правом берегу Северной Двины; в 1764 г. упразднен и преобразован в приход.

...приказано строителем быть именем Иродиону, иже по пострижении бысть Рафаил. — Иеромонах Рафаил (в миру Родион Макарьин) был строителем Веркольского монастыря в 1646—1654 гг.

Стр. 473—474. *...писание от Афонасья Пашкова о возвѣщении государского жалованья, что будет прислано в монастырь.* — Государево жалование было прислано в Веркольский монастырь 26 января 1650 г. Роспись книг, икон, церковной утвари, присланных царем Алексеем Михайловичем, помещена в Летописце Веркольского монастыря (Гос. архив Архангельской области, ф. 308, оп. 1, д. 3. л. 2 об.—4).

Стр. 474. *Бывшу в Пустоозерском остроге, и лучися быти ему в зимное время за Губой...* — Пустозерск, или Пустозерский острог, — слободка в Архангельской губернии, Мезенского уезда на полуострове Пустого или Городецкого озера в 100 верстах от устья р. Печоры. Пустоозерск был построен в 1499 г. князьями Курбским, Ушатовым и Заболоцким для сбора дани с самоедов. Пустозерск, бывший местом ссылок многих знаменитых людей, более всего известен как место ссылки и казни протопопа Аввакума (см. наст. изд., т. 17). Губа — промысловое место, оче-

видно, название Пустой губы или губы Порчниха, обе находятся на Лапландском берегу Северного океана.

...Волока Пѣнежского... — Прежнее название г. Пинеги, ставшего в 1780 г. уездным городом.

Стр. 475. *...иеромонах Германъ...* — Иеромонах Герман был строителем Веркольского монастыря с 1686 по 1693 г.

...преосвященному Афонасию архиепископу Холмогорскому и Важескому ... — Афанасий (в миру Алексей Артемьевич Любимов) (1641—6.IX.1702) — первый архиепископ Холмогорский и Важский (1682—1702 гг.), один из самых просвещенных людей своего времени, автор нескольких литературных сочинений и посланий, владелец большой библиотеки, включавшей рукописные и старопечатные книги, в том числе и на иностранных языках (см.: Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908).

Стр. 477. *...близ полупоприща...* — Поприще — мера длины, восходящая к римской миле. Русское поприще примерно равно 1066 м.

ПОВЕСТЬ О НАЧАЛЕ КРАСНОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ НА ПИНЕГЕ

«Повесть о начале Красногорского монастыря на Пинеге» — под таким названием вошло в исследования по древнерусской литературе сказание о двух иконах Богородицы, прославившихся в Черногорском (позднее Красногорском) монастыре, который был основан в 1603 г. в низовьях реки Пинеги. Явление чудотворной иконы Богородицы Владимирской послужило поводом для основания монастыря, чудотворная икона Богородицы Грузинская прославила Красногорский монастырь далеко за пределами Русского Севера.

Все исследователи, обращавшиеся к повести (П. М. Строев, В. О. Ключевский, О. А. Белоброва, А. Эббингхауз), были единодушны во мнении, что уже первоначальная редакция произведения включала в себя рассказ об этих иконах. Об этом свидетельствуют риторические вступления и заключения в обеих частях повести, стилистически однородные географические описания Двинской земли в одной и Иверской — в другой части, стилистически сходные описания икон. Вероятно, существовали какие-то первоначальные записи об иконе Богородицы Владимирской и истории основания монастыря, которые были стилистически обработаны и включены в основную канву повести, но эти записи нам неизвестны. Историю же прославления второго чудотворного образа — Богородицы Грузинской — можно достаточно полно представить на основании сохранившихся источников.

История общерусского почитания иконы Богородицы Грузинской, в том числе и литературная, развивалась вне монастырской традиции, по купеческой линии. В ней можно выделить два самостоятельных периода. Первый период связан с ярославским купцом Георгием (Третьяком) Лыткиным, который в 1629 г. вложил в монастырь чудотворную икону, вывезенную из Персии, а впоследствии выделял деньги на монастырское строительство и почти полностью создал монастырское книжное собрание. Замечательно, что покровительство обители и прежде всего принесение сюда иконы Богородицы Грузинской для Георгия Лыткина было продолжением семейной традиции. Его старший брат, гость Василий Лыткин, также вложил в 1610 г. спасенную от иноверцев (в данном случае — интервентов, во время борьбы земского ополчения с тушинцами в Верхнем Поволжье) чудотворную икону Богородицы Казанскую во вновь построенную церковь, ставшую первым храмом основанного впоследствии женского монастыря под Ярославлем (см.: Солодкин Я. Г. «Сказание вкратце о новом девичье монастыре, что в Ярославле в остроге большой осыпи, и о чюдотворном образе Пречистыя Богородицы» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 383—385). Первоначальная запись истории принесения иконы Богородицы Грузинской в монастырь и первых 15 чудес от этой иконы, очевидно, была сделана в монастыре кем-то из прислан-

ных Георгием Лыткиным людей. Этот текст сохранился в двух списках (*РГАДА*, ф. 181, оп. 1, № 748 и *РГБ*, ф. 173.I., № 202), он имеет самозаглавие «Сказание о пришествии чюдотворныя и многоцелебныя иконы Пресвятыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мария, херувимскаго Царя Матере, честнаго и славнаго ея Одигитрия из Кизылбашъ в Рускую землю» (исследование и публикацию текста см.: Савельева Н. В. К истории текста Повести о Черногорском монастыре // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 545—548, 566—568). Именно он лег в основу Повести о начале Красногорского монастыря.

Второй период в прославлении иконы Богородицы Грузинской связан с пинежанами по происхождению, купцами Щепоткиными (документальные источники о промышленной деятельности пинежан Щепоткиных собраны в работе: Воскобойникова Н. П. Род крестьян Щепоткиных // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 15. С. 129—144). Род Щепоткиных ведет свое начало с кон. XVI в. Среди его представителей были купцы гостиной сотни, торговые люди средней и мелкой руки и простые крестьяне. В первой половине XVII в. Щепоткины владели землями в Кевролъском и Двинском уездах по рекам Пинеге и Мезени. В царствование Михаила Федоровича был зачислен в гостиную сотню первый представитель этого рода — Богдан Семенович Щепоткин, однако он не сразу переселился в Москву, а некоторое время продолжал жить в Кевролъском уезде. Вторым из Щепоткиных, зачисленным в гостиную сотню, а впоследствии получившим звание гостя, был его сын Иван Богданович Щепоткин. По-видимому, сближение Ивана Богдановича Щепоткина с монастырем изначально строилось на основе деловых контактов. Именно в период управления игумена Сергия Поряднина (1644—1659 гг.) монастырь быстро развивается в хозяйственном отношении. Настоятель Сергий добился права снаряжать промысловые суда для добычи сига, семги около Пустозерского острога, моржей, тюленей, белуги по берегам Белого моря, на Новой Земле монастырские иноки и послушники промышляли белых медведей и песцов. Промысловые суда снаряжались на деньги, пожертвованные во время вывоза иконы Богородицы по городам России. Сбыт товаров доверялся одному из вкладчиков, монастырские амбары строились также в торговых пунктах Мезени, Холмогор, Архангельска. В это же время здесь торговали и купцы Щепоткины. Через промысловую торговлю и произошло сближение Щепоткиных с Красногорским монастырем. Чудеса, свершавшиеся в монастыре, не могли оставить равнодушным благочестивого купца Ивана Щепоткина, а имеющиеся у него знания и несомненный писательский дар позволили ему создать историю монастырских святынь и способствовать в дальнейшем прославлению чудотворной иконы далеко за пределами его родных мест.

В 1645 г., как свидетельствует сохранившаяся в одном списке авторская запись (*ГИМ*, собр. Уварова, № 544, л. 229—229 об.), Иван Богданович Щепоткин написал 1-ю редакцию Повести о начале Красногорского монастыря. Это была редакция с 15-ю чудесами, в основу которой положено упоминавшееся уже «Сказание о пришествии...». В дальнейшем Иван Щепоткин дополнял текст новыми чудесами. Всего им было записано 31 чудо, в том числе два, свершившиеся от копии монастырской иконы, которая была создана в Москве и поставлена в церкви Св. Троицы в Никитниках. Прихожанами этой церкви были купцы Щепоткины, имевшие в Москве в Китай-городе свой дом и торговые лавки.

Литературные достоинства повести, особенности словоупотребления автора и характер использования им своих источников позволяют причислить Ивана Богдановича Щепоткина к тому кругу писателей и книжников, которые умело демонстрировали в своих трудах ученость и эрудицию, основанную на совершенном знании свода накопленных к середине XVII в. памятников славянской книжной культуры. Повесть насыщена цитатами и реминисценциями из Писания, параллелями из библейских сюжетов, отсылками к памятникам древнерусской литературы (Киево-Печерскому патерику, Повести о царице Динаре, Сказанию о даре шаха Аббаса).

В последние годы жизни (1654—1661/62) Иван Богданович Щепоткин служил в Москве дьяком Приказа печатного дела и имел определенные контакты со справщиками Печатного двора, что позволило ему способствовать дальнейшему прославлению чудотворной иконы, просиявшей в его родных местах, — он составил проложную редакцию повести и, вероятнее всего, был инициатором включения ее в печатный Пролог. Впервые повесть была опубликована в Прологе, вышедшем на Печатном дворе в 1659—1660 гг.

Чудотворная икона Богородицы Грузинская быстро приобрела общерусское признание. В 1650 г. по повелению митрополита Новгородского и Великолуцкого Никона было установлено 22 августа общерусское празднование в честь принесения иконы в Красногорский монастырь, для которого написана служба. С монастырской иконы уже в XVII в. было сделано несколько копий, которые также оказались чудотворными и имели в дальнейшем свою историю, прославляя храмы и монастыри Москвы, Ярославля; одна из копий прославилась в Раифской Богородицкой пустыни под Казанью. Более других почиталась чудотворная копия с иконы, находящаяся в церкви Св. Троицы в Никитниках. Чудо, свершившееся от этой копии, которое спасло одного из жителей Москвы от свирепствовавшей в городе чумы, поставило ее в один ряд с Богородичными иконами, прославившимися именно во время этого бедствия, охватившего в 1654 г. центральную часть России. Сама «Повесть о начале Красногорского монастыря» известна более чем в 50 списках, записи на листах которых свидетельствуют о бытовании их в разных уголках России.

Особому почитанию иконы Богородицы Грузинской содействовал первый холмогорский архиепископ Афанасий, который установил ежегодное празднование в честь принесения иконы из монастыря в Холмогоры. Просвещенный архиепископ заботился о достойном прославлении иконы и стремился устранить погрешности и ошибки, имевшиеся в древней редакции службы иконе Богородицы Грузинской. По его инициативе служба дважды редактировалась людьми, хорошо известными в истории русской культуры кон. XVII—нач. XVIII в. Одна из редакций была составлена в 1692 г. Андреем Артамоновичем Матвеевым, служившим в 1691—1693 гг. двинским воеводой. А. А. Матвеев — ближайший сподвижник Петра I, выходец из влиятельной и просвещенной семьи, сын государственного деятеля, дипломата, мецената и библиофила Артамона Сергеевича Матвеева, человек незаурядной судьбы, обладавший обширной эрудицией. Служба была написана им, вероятно, по просьбе Афанасия Холмогорского, с которым А. А. Матвеева сблизило и общее участие в делах государственных и уездных. Но служба в редакции А. А. Матвеева сохранилась только в единственном списке (*РНБ*, Сол. 988/1097). Редактирование текста службы Андреем Матвеевым по существу свелось либо к модернизации, либо к усложнению языка, отягощению его новыми метафорами, по-видимому, такой текст не удовлетворил требований холмогорского архиепископа. Во всяком случае в 1697—1698 гг. Афанасий Холмогорский официально заказал новую редакцию службы «Печатного двора смотрителю» Феодору Поликарпову. Именно эта редакция после ряда поправок, внесенных самим архипастырем, была рекомендована пастве и вытеснила в рукописях текст первоначальной службы.

Общерусское почитание не только самой иконы Богородицы Грузинской, но и копии с нее, находящейся в Москве в церкви Св. Троицы в Никитниках, отразилось в создании уже в Москве при этой церкви еще одной редакции повести. В ее основе лежал текст Ивана Щепоткина, но сама история принесения образа Богородицы Грузинской в Красногорский монастырь была переписана, а главный акцент сделан на чудотворениях московской копии (исследование и публикацию текста см.: Савельева Н. В. К истории текста Повести о Черногорском монастыре... С. 557—562, 569—583).

Мы публикуем текст Повести о начале Красногорского монастыря на Пинеге по списку нач. XVIII в. (*РГБ*. ф. 214 (Оптина пустынь), № 163), исправления и утраченное в данном списке окончание текста дается по рукописи сер. XVIII в. (*РГАДА*, ф. 181, № 554). Все исправления выделены курсивом.

Стр. 481. *...неправедно бо есть Божихъ тайн в забвении глубоцѣ покрывати.* — Ср.: Товит. 12, 7.

...апостолъ, евангелистъ Лука, емуже похвала во Благовѣстии Христовѣ... Возрадовав же ся и глаголетъ к тому благоговѣйнѣ и со властию: «Благодать моя с тобою». — Сюжет о написании евангелистом Лукой образа Богородицы известен по многим памятникам древнерусской литературы: летописным источникам, Сказанию об иконе Богородицы Римляныни, Сказанию о чудесах Богородицы Владимирской, Сказанию о чудесах Тихвинской иконы Богородицы и др. Эта история, служащая важнейшим аргументом в пользу почитания икон, описана практически во всех сочинениях, направленных против иконоборцев (см.: Сборник о почитании икон. М.: Печатный Двор, 1642). *«Се отнынѣ блажат мя вси роди!»* — Лк. 1, 48.

Стр. 482. *...на пятьсотъ поприщъ...* — Поприще — мера длины, восходящая к римской миле. Русское поприще примерно равно 1066 м.

Стр. 483. *...якоже древле Синайскую явлением угоднику своему Моисею...* — Синай — гора на Синайском полуострове, куда пришли израильтяне на третий месяц по выходе своем из Египта и с вершины которой был дан евреям Закон от Бога. Святость этого места была возглашена Богом Моисею — вождю и законодателю еврейского народа, пророку и первому священному бытописателю. Однажды, когда Моисей пас овец своего тестя Иофора, он подошел к горе Хорив, являющейся отрогом Синайской горы, и увидел на ней купину — терновый куст, охваченный огнем, но не сгоравший. И тогда Бог возгласил ему о святости этого места (см.: Исх. 3, 1—4). Затем, когда, по исходе из Египта, евреи подошли к подножию Синайской горы, Бог ознаменовал свое присутствие на ней страшным громом и молнией, сильным трубным звуком, гора была объята огнем и дымилась. Тогда и были провозглашены 10 заповедей Закона Божия (Исх. 19, 16—20; 20, 1—21).

...во царство царя и великаго князя Бориса Феодоровича всея Росии... — Борис Федорович Годунов царствовал с 1598 по 1605 г.

...игуменъ именемъ Варламъ, служитель церкви Воскресения Христова, иже в Кевролѣ... — Известно, что на Пинеге в Кевроле существовал один из самых ранних севернорусских монастырей — Кевроло-Воскресенский, обращенный впоследствии в Кевроло-Воскресенский приход. Однако ни о времени возникновения монастыря, ни о времени обращения его в приход точных сведений не имеется: начало монастыря датируется в разных исследованиях с XIV по XVI в., о превращении же его в приход сообщается только в описании Кевроло-Воскресенского прихода с датировкой «в XVII столетии» (см.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2. С. 259). В этом же исследовании указывается, что имя Варлаама схимника упоминается в актах монастыря с 1585 г., а последнее упоминание о нем относится к событиям 1603 г., описываемым в данном тексте.

...церкви великаго чюдотворца Николы веси Юролы... — Образование Юрольского прихода на Пинеге датируется кон. XVI в., церковь Св. Николая чудотворца существовала, по-видимому, уже в 1580 г. Иерей Мирон упоминается в церковных документах с 1600 г.

Стр. 484. *...безцѣнный той бисеръ...* — Выражение «бесценный (многоценный) бисер», которым здесь и далее в повести обозначаются обе иконы Богородицы, заимствовано автором из Евангелия (ср.: Мф. 13, 46).

Стр. 485. *...излия бо ся тогда фиялъ гнѣва ярости Господня на Рускую землю.* — Ср.: Апок. 16, 1.

...подобенъ Улияну злочестивому... — Улиян — Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан), римский император (361—363 гг.). Сначала покровительствовал христианам, а затем обратился к гонениям на них. В сочинениях Смутного времени с императором Юлианом традиционно сравнивается Лжедмитрий I — Григорий Отрепьев (см., например, наст. изд., т. 14, с. 683).

Стр. 486. *Азъ есмь Параскѡвия нарицаюся.* — Св. Параскевья Пятница, одна из самых почитаемых в народе византийских святых (пам. 28 октября ст. ст.).

...во святую и великую 40-цу в четвертокъ Великаго канона... — Четыредесятница — Великий пост перед Пасхой, продолжающийся 40 дней (кроме Страстной недели). *Великий канон* — канон Андрея Критского читается в начале повечерия в первую и пятую недели Великого поста.

Стр. 487. *...царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Росии...* — Царь Федор Иоаннович, последний монарх из рода Калиты, царствовал в 1584—1598 гг.

...царю и великому князю Василию Ивановичю всеа Росии... — Василий Иванович Шуйский правил в 1606—1610 гг.

Куща — шатер, палатка, шалаш.

Стр. 488. *...в началную весь мѣста того, иже прозываниемъ зовется Волокъ Пѣнежской...* — Прежнее название г. Пинеги, ставшего в 1780 г. административным центром Пинежского уезда.

Бысть же чюдо преславно, подобно древлебывшему во градѣ Киевѣ, якоже и Патерикъ Печерский повѣдаетъ... на создание церкви своея Печерския. — Чудо о построении церкви

Богородицы в Киевском Печерском монастыре, описанное в Киево-Печерском патерике, см.: наст. изд., т. 4, с. 302—304.

...прииде с Москвы старецъ Макарий с повелѣниемъ от царя и великаго князя Василия Ивановича всеа Росии, яко да созиждется храмъ, и устроится манастырь на мѣсте томъ благодатию Христовою. — Грамота царя Василия Ивановича Шуйского об основании Красногорского монастыря была получена в августе 1606 г.

...в Великий Новъградъ, ко иже тогда правящему престолъ Премудрости Божияго слова преосвященному Исидору, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому... — Кафедра новгородского и великолуцкого митрополита находилась в Софийском соборе в Новгороде. Митрополит Исидор занимал новгородскую митрополичью кафедру в 1604—1619 гг., до этого с 1597 г. он был игуменом Соловецкого монастыря.

Антиминс — шелковый плат с частицей святых мощей, возлагаемый на престоле. Освященный антиминс присылался епископом на освящение вновь построенных храмов.

Стр. 490. *...воевода именемъ Иван Милюковъ...* — Иван Васильевич Милюков-Гусь был воеводой в Двинской области с 1608 г. по 6 апреля 1609 г.

...на епарха и на архиграфоса. — Епарх (ὁ ἔπαρχος) — начальник, наместник, здесь — воевода; архиграфос (ὁ ἀρχιγραφευς) — старший писец, секретарь, здесь — дьяк.

...архиграфоса того именемъ Илию Уварова осудивше на смерть и в воду утопиша. — Дьяк Илья Иванович Уваров, ельчанин, был «казнен утоплением в Двине» 10 января 1609 г.

Стр. 491. *Обычай убо человеческому естеству... в гору святую сию.* — Вступление заимствовано из Слова похвального на Положение Честного Пояса Богородицы (31 августа), в тексте заменено лишь наименование Пояса Богородицы на икону Богородицы. *Тако бо и божественный Давыдъ святыни киотъ, возвращаемъ от плѣнения, видѣв, радостию скакаше, играя.* — Киот — ковчег Завета — ящик из драгоценного дерева ситтим (акации), украшенный золотом, важнейшая святыня Израиля. В нем хранились скрижали Завета и чаша с манной. При возвращении киота из пленения в город Давида был устроен великий праздник. Сам царь Давид скакал и плясал от радости, за что был осуждаем некоторыми из присутствующих при этом (см.: 2 Цар. 6).

«Прииде гора Божия, гора усыренная Духомъ Святымъ», о нейже Давыдъ изрече. — Ср.: Пс. 67, 16.

«Богъ от юга приидетъ, и святый из горы присѣнныя часты». — Ср.: Авв. 3, 3.

«Будутъ в послѣдняя дни явѣ гора Господня и домъ Божий верху ея». — Ис. 2, 2.

«Велий Господь и хваленъ зѣло во градѣ Бога нашего, в горѣ святѣй его, благокоренньмъ радованиемъ всея земли». — Пс. 47, 1—3.

...якоже Синайская. Там бо, егда глаголаше Богъ с Моисеом, курящеся огнемъ и мракомъ. — См. коммент. к с. 483.

...видѣвъ Моисей, купину во пламени горящу огнемъ и неопаляему... — См. коммент. к с. 483.

Стр. 492. *«Изуй бо, — рече, — сапогъ ногу твоею, мѣсто бо, на немже ты стоиши, свято есть».* — Исх. 3, 5; Нав. 5, 15.

Во дни тыя жѣна нѣкая, благоговѣйна грекини, плѣнена бывши во Иверскую землю ту... Слышав же сия Великий Констянтинъ, яко желаютъ, и послав к нимъ иерея благоговѣйна. Он же абие пришедъ и крести всю землю ту. — Этот фрагмент повести рассказывает о св. Нине, просветительнице Грузии, память которой почитается 14 января и 27 октября ст. ст., источником этого фрагмента является «Повесть об иверех, како приидоша в благоразумие» (см.: Пролог, 27 октября).

...якоже и о Динарѣ, царицѣ бывшей страны тоя, повѣсть повѣдаетъ, како побѣди Перскаго царя помощию и заступлениемъ Богоматери. — Текст «Повести о царице Динаре» см.: наст. изд., т. 9, с. 86—95.

Стр. 492—493. *...злочестивый царь Аббасъ шахъ... иже о ней повѣсть во своемъ ея словѣ пространно скажетъ.* — Шах Аббас I, по прозванию Великий, — седьмой повелитель Персии из династии Сефиров, род. в 1557 г. С 1613 г. он постепенно завоевывал грузинские земли, подчинив себе к началу 20-х гг. XVII в. большую часть Грузии. Мусульманин Аббас I отличался особой

веротерпимостью к христианам. В 1625 г. шах Аббас прислал в Москву царю Михаилу Федоровичу бесценный дар — найденную при завоевании Грузии Ризу Господню — нешвенный хитон, полученный по жребию одним из воинов, по преданию — грузином, бывшим при распятии Христа. Патриарх Филарет, по получении этого дара, собрал самые достоверные сведения о Ризе Господней. После этого она была торжественно положена в ковчег в Московском Успенском соборе. В честь этого события на Руси установлен ежегодный праздник Положения Ризы Господней, отмечаемый 10 (23) июля. О даре шаха Аббаса в древнерусской письменности существовало несколько сказаний, одно из них, как указывает автор повести, и стало источником этого фрагмента (см.: Белокуров С. А. Дело о присылке шахом Аббасом Ризы Господней царю Михаилу Федоровичу в 1625 году. М., 1891; см. также: Пролог, 10 июля).

Стр. 493. *«Аще что Господь восхощетъ, то и сотворитъ».* — Еккл. 8, 3.

Стр. 494. *Илектр* — сплав, состоящий из 4/5 золота и 1/5 серебра, считался особенно ценным в древности (см.: Иез. 1, 5).

«Тогда отверзутся очи слѣпыхъ, и уши глухих услышатъ». — Ис. 35, 5.

...при благовѣрном государѣ царѣ и великом князѣ Михаилѣ Феодоровиче всея Росии самодержцѣ... — Михаил Федорович Романов царствовал в 1613—1645 гг.

...царевиче князѣ Алексѣе Михайловиче... — Алексей Михайлович (1629—1676), стал государем после смерти отца Михаила Федоровича 12 июня 1645 г.

...Филаретѣ патриархѣ Московскомъ и всеа Росии... — Патриарх Филарет (в миру Федор Никитич Романов) был патриархом всея Руси в 1619—1633 гг.

...при Киприянѣ митрополитѣ Новгородскомъ и Великолуцкомъ... — Митрополит Кипран возглавлял новгородскую митрополию в 1626—1634 гг.

...при Макарии игуменѣ святого мѣста сего Черногорского монастыря... — Макарий, основатель Красногорского монастыря, был в нем игуменом с 1606 по 1635 г.

Стр. 495. *«И много издавши имѣния врачемъ и никоея же ползы обрѣтши, но паче в горшая пришедши».* — Мр. 5, 26.

«Тайну убо цареву хранити добро есть, дѣла же Божия таити не полезно есть». — Товит. 12, 7.

...яко уже и четыредесятницу сотвориша о немъ. — Четыредесятина, сорочины — сороковой день по кончине усопшего.

Стр. 496. *...токмо вечерню начах до псалма «Гласомъ моимъ ко Господу возвах».* — Пс. 141, читается в начале вечерни после Пс. 140.

Стр. 498. *...наузы волшебныя...* — Науз — талисман, чудодейственная повязка, предохраняющая от болезней и различных бед.

«Како можетъ сатана сатану изгонити». — Мр. 3, 23.

Стр. 499. *...обитель Живоначалныя Троицы, иже есть наричется Сиский.* — Антониев Сийский Троицкий монастырь основан св. Антонием в 1520 г. на Михайловском полуострове, на месте впадения реки Сии в Северную Двину.

Стр. 503. *...царевичѣ князѣ Димитреи Алексѣевичѣ...* — Сын царя Алексея Михайловича (1649—1651).

Стр. 504. *...Иосифѣ патриархе Московскомъ и всеа Русии...* — Патриарх Иосиф был на патриаршестве с 1642 по 1652 г.

...при митрополитѣ Никонѣ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ... — Никон возглавлял новгородскую кафедру с 1649 по 1652 г., затем был патриархом всея Руси (1652—1666).

Стр. 506. *...како посла своего лица зракъ, воображение, на убрусѣ во Едесъкий градъ иже ко Авгарю во исцѣление...* — Речь идет о легенде о Нерукотворном образе Иисуса Христа, согласно которой Христос послал для исцеления Едесскому царю Авгарю убрус (полотенце), на котором чудесным образом запечатлился его лик, и этим убрусом князь Авгарь был исцелен от недуга. Легенда о Нерукотворном образе Иисуса Христа является традиционным аргументом в защиту иконопочитания, к которому обращаются все авторы сочинений, направленных против иконоборцев. Различные варианты текста легенды известны по многочисленным памятникам: Хроника Георгия Амартола, Русский Хронограф, сочинения Иоанна Дамаскина, ВМЧ, 16 августа (праздник

принесения Нерукотворного образа) и др. Наиболее полный текст легенды см. в изд.: Памятники отреченной русской литературы, собр. и изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 11—13.

...царевиче князѣ Алексѣе Алексѣевиче... — Сын царя Алексея Михайловича (1654—1670).

...при митрополитѣ Макарии Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ.... — Макарий занимал новгородскую кафедру с 1652 по 1662 г.

Стр. 507. *«Вѣрующему вся возможна суть».* — Мр. 9, 23.

«По вѣре, ваю, буди вама». — Ср.: Мр. 11, 23—24.

Стр. 508. *О великое твое заступление... источник мирови Одигитрие!* — Ср.: Служба Покрову Богородицы, стихира на Великой вечерне.

Стр. 510. *...торговой человѣкъ Мина Степановъ сынъ, сѣдитъ на Москвѣ въ Шелковомъ ряду.* — В XVI—XVII вв. по Москворецкой улице, перед Китай-городом, находились торговые лавки — ряды. Часть Китай-города, примыкавшая к торговым рядам, так и называлась — Зарядье. Мина Степанов был торговцем в Шелковом ряду.

ГРИГОРИЙ КОТОШИХИН. О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ

Григорий Карпович Котошихин, автор сочинения, условно называемого «О Московском государстве в середине XVII столетия», родился, по-видимому, в Москве ок. 1630 г., служил в Посольском приказе — сначала писцом, а примерно с 1658 г. подьячим; участвовал в посольствах и переговорах с поляками и шведами, с которыми в 50—60-х гг. XVII в. попеременно воевала Московская Русь. За пропуск слова «государя» в царском титуле в одном из посольских отчетов, датированном 19 апреля 1660 г., был бит розгами. Неприятности случились и у него дома: его отец, монастырский казначей, был обвинен в растрате, и хотя, как оказалось, она не превышала пяти алтын, дом и имущество Григория были конфискованы. На карьеру его, однако же, это не повлияло, и в 1661 г. ему было доверено ехать послом в Стокгольм для передачи Карлу XI послания о ратификации заключенного в Кардисе мира.

Не позже лета 1663 г. Котошихин начал через шведского дипломата Адольфа Эберса передавать шведам за деньги (по его словам, за 40 рублей, Эберс же писал, что за 100) секретную информацию. Но в конце 1663 г. он был послан в Брянск, в армию, которой командовали тогда князья Я. К. Черкасский и И. С. Прозоровский. В августе 1664 г. на их место в качестве командующего в польской кампании был прислан из Москвы князь Ю. А. Долгорукий, и он потребовал от Котошихина — тот позже этим объяснял свое бегство к полякам — обвинить князя Черкасского в неправильном ведении войны, за что обещал ему помочь в продвижении по службе и возвращении конфискованного имущества. Не желая якобы клеветать на Черкасского и боясь мести Долгорукого, но, вероятно, также опасаясь разоблачения своей изменнической деятельности в Москве, 1 сентября 1664 г. Котошихин бежал в Польшу.

Через четыре месяца он направил письмо королю Польши Яну Казимиру, из которого ясно, что король дал ему жалованье 100 рублей в год и постоянное место при литовском канцлере, но Котошихин не был этим удовлетворен и просил у короля информацию о том, «что делается на Москве и межъ Московою и Шведами, такъже и на Украйне и межъ Татарами», желая давать королю «пристойные и годные» советы в военных делах. Вскоре затем он переменил свое имя на польский лад, назвавшись Яганом Александром Селицким.

Из Польши, однако же, Котошихин-Селицкий бежал — сначала в Силезию, летом 1665 г., а затем в Пруссию и Любек, а оттуда, больной и обнищавший, — к шведам в Нарву. 24 ноября 1665 г. по его просьбе он был принят на шведскую службу, и 9 января 1666 г. за ним прибыл Эберс с 200 талеров для него. Русские требовали у шведов выдачи Котошихина, но те ответили, что он бежал, сами же препроводили его в Стокгольм, куда он и прибыл 5 февраля 1666 г.

28 марта 1666 г. после его письменных жалоб на безделие и прошений о какой-нибудь службе ему было выплачено 150 талеров, и государственный канцлер граф Магнус де ля Гарди, как можно думать, предложил ему создать подробное описание Московии. Этим эмигрант и занимался в течение более полутора лет, прожитых им в Стокгольме. В момент встречи русского и шведского послов в июне 1666 г. он скрывался из Стокгольма, боясь, что его выдадут русским, но его имени в списке перебежчиков у посла не оказалось, и он вернулся в Стокгольм. В середине декабря 1666 г. Котошихин поселился в доме служащего государственного архива переводчика с русского языка Даниила Анастасиуса. Сначала его отношения с хозяином были хорошими, но восемь месяцев спустя, 25 августа 1667 г., находясь оба в нетрезвом состоянии, они заспорили, может быть, потому, что гость не платил за стол и кров, а может, потому, что хозяин заподозрил его в связи со своей женой, и пьяный гость нанес пьяному хозяину несколько ударов кинжалом, от которых тот в ночь на 9 сентября скончался.

Убийца не делал попыток скрыться, а когда его приговорили к смертной казни, не просил о помиловании. Перед смертью он пожелал перейти в лютеранство, исповедался и причастился. По оценке посещавшего его в тюрьме человека, он дошел до чрезвычайной набожности. В начале ноября 1667 г. за южной заставой стокгольмского предместья палач секирой отсек ему голову. Тело его отвезли в Упсалу, где в соответствии со шведским законом об останках преступников оно было анатомировано. Там затем хранился его скелет, соединенный медными и стальными проволоками.

В Упсале же, в университетской библиотеке под № Слав. 29, хранится написанная на русском языке рукопись-автограф Котошихина на 249 листах. В 1669 и 1682 гг. его друг Улаф Баркхюсен переводил его произведение на шведский язык, по просьбе короля и сената. В Швеции сохранились пять шведских списков двух его переводов. В 1908 г. перевод 1669 г. был напечатан: Adde G. Beskrifning om Muschofsche Rijkets Staat. Författat och skrifwin af een rysk cantzelist Grigori Carpofsson Cotossichin. Stocholm, 1908. На языке оригинала, т. е. на русском языке XVII в., сочинение Котошихина впервые было издано в 1840 г.: Бердников Я. О России в царствование Алексея Михайловича, сочинение Григория Котошихина. СПб., 1840, — и затем неоднократно переиздавалось (Н. Коркуновым и Н. Калачовым в СПб. в 1859 г. и А. А. Купиком и А. И. Тимофеевым в СПб. в 1884 г.). Последняя публикация, учитывающая особенности орфографии и пунктуации автора-переписчика, осуществлена английской исследовательницей Анн Пеннингтон: Pennington A. E. Grigorij Kotošihin: O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Oxford, 1980.

Сочинение Григория Котошихина состоит из тринадцати глав и охватывает разные стороны главным образом повседневной жизни Московского государства и его народа. Оно дает возможность составить представление о том, о чем до тех пор на Руси почти не писали, — о функционировании учреждений, порядках, быте разных слоев населения. Вероятно, именно удаленность от России позволила Котошихину выйти за пределы русских литературных норм и описать то, что ранее литературным описаниям не подлежало. Знавшие Котошихина люди отзывались о нем как об очень умном человеке. Этот изменник и убийца действительно был человеком ума живого, наблюдательного и критического. Время уравняло нас, русских читателей XIX—XXI вв., с его шведскими читателями XVII в., для которых он писал, и мы теперь можем только благодарить тот случай, те перипетии судьбы авантюриста с ослабленными «переходным» XVII в. корнями, которые заставили его писать о своей родине, глядя со стороны.

Стр. 512. ...*митрополита повелѣ задушити подушкою.* — Имеется в виду убийство митрополита Филиппа, совершенное по приказу Ивана Грозного Малютой Скуратовым в Тверском Отрочем монастыре 23 декабря 1569 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. текста	Стр. коммент.
Лихачев Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси	5	
Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне (*Подготовка текста и комментарии С. К. Росовецкого*)	21	544
Повесть о царе Иване и старце (*Подготовка текста и комментарии С. К. Росовецкого*)	31	546
Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном (*Подготовка текста и комментарии М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского*)	34	549
Переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом (*Подготовка текста и комментарии М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского*)	40	553
Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками (*Подготовка текста и комментарии М. Д. Каган-Тарковской*)	43	555
Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным (*Подготовка текста и комментарии М. А. Салминой*)	44	556
Басни Эзопа в переводе Ф. К. Гозвинского (*Подготовка текста и комментарии Р. Б. Тарковского*)	45	557
«Зрелище жития человеческого» — сборник басен в переводе А. А. Виниуса (*Подготовка текста и комментарии Р. Б. Тарковского*)	94	574
Из «Великого Зерцала» (*Подготовка текста и комментарии С. И. Николаева*)	167	608
Фацеции (*Подготовка текста и комментарии С. И. Николаева*)	196	609
Римские деяния (*Подготовка текста и комментарии Л. В. Соколовой*)	243	611
Повесть о Фоме и Ереме (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Понырко*)	371	622
Служба кабаку (*Подготовка текста и комментарии О. С. Сапожниковой*)	374	623
Калязинская челобитная (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Понырко*)	389	634
Послание дворянина к дворянину (*Подготовка текста и комментарии С. И. Николаева*)	393	635
Повесть о Ерше Ершовиче (*Подготовка текста и комментарии А. М. Панченко*)	396	635
Повесть о Шемякином суде (*Подготовка текста и комментарии А. М. Панченко*)	402	636

	Стр. текста	Стр. коммент
Азбука о голом и небогатом человеке (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой*)	405	637
Послание дворительное недругу (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой*)	407	638
Сказание о роскошном житии и веселии (*Подготовка текста и комментарии А. М. Панченко*)	409	638
Сказание о попе Саве (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Понырко*)	412	640
Сказание о куре и лисице (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Понырко*)	415	640
Повесть о бражнике (*Подготовка текста и комментарии С. А. Семячко*)	419	641
Сказание о крестьянском сыне (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой*)	421	642
Лечебник на иноземцев (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Понырко*)	423	643
Роспись о приданом (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Понырко*)	425	644
Сказание о молодце и девице (*Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева*)	427	644
Притча о старом муже (*Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева*)	430	645
Сказка о некоем молодце, коне и сабле (*Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева*)	433	645
Послание сына, «от наготы гневнаго», к отцу (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой*)	435	646
Послание к звавшим (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой*)	437	646
О диаконове поминке и о кутии (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой*)	439	646
Послание о Хмеле (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой и Т. А. Махновец*)	440	647
Стих о жизни патриарших певчих (*Подготовка текста и комментарии Н. С. Демковой*)	446	648
Житие Варлаама Керетского (*Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева*)	448	648
Житие Артемия Веркольского (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Савельевой*)	453	649
Повесть о начале Красногорского монастыря на Пинеге (*Подготовка текста и комментарии Н. В. Савельевой*)	481	654
Григорий Котошихин. О Московском государстве в середине XVII столетия (*Подготовка текста и комментарии Г. М. Прохорова*)	511	660
Комментарии	543	

**БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ
ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Том 16

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художественный редактор *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *О. В. Гусихина, Н. И. Журавлева, А. К. Рудзик*
и *М. Н. Сенина*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 28.02.08.
Подписано к печати 07.04.09. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Антиква Печать офсетная. Усл. печ. л. 54.0. Уч.-изд. л. 48.2.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3768. С 16

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-026398-7
9 785020 263987